

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705

RUS

1892

no. 12

The person charging this material is responsible for its return on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

SEP 15 1971

L161—O-1096

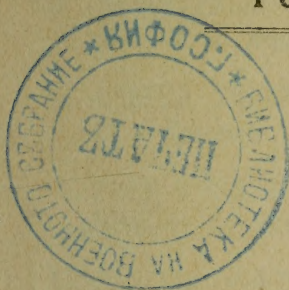
свиг. II
№ 9
А 1421
~~2. 1. 26.~~

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1892.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

МОСКОВСКОЕ

ИЗДАНИЕ

МОСКОВСКОЕ

МОСКОВСКОЕ

891.705
RUS
1.892
no. 12

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ. — Д. В. Григоровича. . .	1
II. НЕ ТОТЪ КОЛЕНКОРЪ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> . — И. А. Салова. .	49
III. НА ЗАКАТЪ. («Sur le retour», романъ Поля Маргеритъ). Кн. II, гл. XIV—XXI; кн. II, гл. I—XII. Переводъ М. <i>Окончаніе</i> . .	83
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ. — В. Л. Величко.	111
V. ХРУПКОЕ СЧАСТЬЕ. Романъ Эдуарда Вертца. Кн. III, гл. XII; кн. IV, гл. I—IX; кн. V, гл. I—XV. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р. <i>Окончаніе</i>	113
VI. <u>НА ЗАРЪ</u> (Романъ). <i>Продолженіе</i> . — Г. А. Мачтета. . . .	169
VII. КОСМОПОЛИСЪ. Романъ Поля Бурже. Переводъ съ француз- скаго М.	222
VIII. КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ. <i>Оконча- ніе</i> . — М. С. Корелина.	1
IX. ОЧЕРКИ ТЕАТРАЛЬНОГО ДѢЛА ВЪ ЕВРОПѢ. <i>Окончаніе</i> . — В. А. Крылова.	24
X. ГЁТЕ И ШАРЛОТТА ФОНЪ-ШТЕЙНЪ. Георга Брандеса. Пе- реводъ съ датскаго В. М. С.	56
XI. РАБОЧІЕ СОЮЗЫ ВЪ АНГЛІИ И ВОСЬМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. — П. Ф. Н.	69
XII. ЛЕОНЪ ГАМБЕТТА. — И. Н. К.	77
XIII. ГЕОГРАФІЯ, КАКЪ НАУКА И КАКЪ УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТЪ. — С. П. Меча.	102
XIV. ВЗГЛЯДЫ ШЕФФЛЕ НА ОБЩЕСТВО. («Bau und Leben des so- cialen Körpers», von Dr. A. E. F. Schäffle). — Л. Д. С. . .	117
XV. БЕЛЛЕТРИСТЪ-ПУБЛИЦИСТЪ. (Романы и повѣсти г. Боборы- кина). <i>Окончаніе</i> . — М. А. Протопопова.	139
XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Объ органахъ современныхъ междуна- родныхъ уній. — Гр. Л. А. Намаровскаго.	161

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: О благотворномъ вліяніи интеллигенціи на народъ.—Какими мѣрами можетъ воспитываться въ народѣ уваженіе къ общественному порядку.—Необходимость министерства земледѣлія.—При какихъ условіяхъ оно можетъ сдѣлать много полезнаго для русскаго сельскаго хозяйства.—О трудностяхъ, съ которыми связано развитіе у насъ мелкихъ промышленныхъ предпріятій.—Полезность прямой передачи казенныхъ заказовъ ремесленникамъ и кустарямъ и организація дѣла. — Движеніе въ финансовомъ законодательствѣ. — Фетъ (А. Шеншинъ) и А. Д. Галаховъ †.	183
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Гусь лапчатый</i> , драма въ 5-ти дѣйствіяхъ И. А. Салова; <i>Безъ предразсудковъ</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ В. А. Крылова, передѣланная изъ комедіи А. Дюма-сына <i>Les idées de madame Airbay</i> .—Ан.	204
XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева.	212
XX. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА ПО ВОПРОСУ О КАТАКОМБАХЪ ВЪ КЕРЧИ.—Проф. Ю. Кулановскаго.	220
XXI. ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ ПРОФ. КУЛАКОВСКАГО. — М. Н. Ремезова	225
XXII. ОТВѢТЪ Г. ЧУДИНОВУ.—В. В. Каллаша.	228
XXIII. ТЕКУЩАЯ ЖИЗНЬ. (Размышленія, наблюденія и замѣтки).—Провинціального наблюдателя.	231
XXIV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика. — Исторія.—Путешествія.—Юридическія книги.—Статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Календари и справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», ноябрь. — «Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь.—«Міръ Божій», ноябрь.—«Русскій Архивъ», июль—октябрь. III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1892 г. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 15 ноября по 15 декабря 1892 года	531

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Д. В. Григоровича.

I.

Дѣтство.—Строгая бабушка.—Французскіе глаголы.—Старый камердинеръ Николай.—
Поездка въ Москву.—Гимназія.—Пансіонъ Монигетти.—Случайный кандидатъ въ
инженеры.—Пріѣздъ въ Петербургъ.

Въ кругу русскихъ писателей врядъ ли много найдется такихъ, которымъ въ дѣтствѣ привелось встрѣтить столько неблагопріятныхъ условій для литературнаго поприща, сколько было ихъ у меня. Во всякомъ случаѣ, сомнѣваюсь, чтобы кому-нибудь изъ нихъ съ такимъ трудомъ, какъ мнѣ, досталась русская грамота. Мать моя хотя и говорила по-русски, но была природная южная француженка; отецъ былъ малороссіянинъ; я лишился его, когда мнѣ было пять лѣтъ. Воспитаніемъ моимъ почти исключительно занималась бабушка (со стороны матери), шестидесятилѣтняя старуха, но замѣчательно сохранившаяся, умная, начитанная, вольтерьянка въ душѣ, насквозь пропитанная понятіями, господствовавшими во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. Событія, которыхъ она была свидѣтельницей въ Парижѣ во время террора, какъ бы закалили ея характеръ, отличавшійся, вообще, твердостью и энергіей. Матушка благоговѣла передъ нею, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялась ея; она обращалась съ бабушкой не какъ тридцатилѣтняя вдова и хозяйка дома, а подобострастно, съ покорностью дѣвочки-подростка. Когда бабушка была не въ духѣ, матушка ходила на цыпочкахъ, бережно, безъ шума затворяла дверь; случалось, на бабушку нападетъ стихъ веселости, — она затягивала дребезжающимъ голосомъ арію изъ *Dame blanche* или куплетъ изъ давно слышаннаго водевиля, — матушка тотчасъ же къ ней подсаживалась и начинала подтягивать.

Концерты эти не были, однакожь, продолжительны, — какъ та, такъ и другая не любили сидѣть сложа руки. Въ хорошую погоду бабушка, въ зеленомъ абажурѣ надъ глазами, съ заступомъ въ рукѣ, проводила часть дня въ палисадникѣ, копала грядки, сажала и пересаживала цвѣты, обрѣзывала лишнія вѣтки; въ дурную погоду ее неизмѣнно можно было застать сидящую на одномъ и томъ же креслѣ, подлѣ окна, съ вязаньемъ и длинными спицами между пальцами. Матушка неустанно суетилась по хозяйству, но, главнымъ образомъ, занималась леченіемъ больныхъ. Извѣстность ея, какъ искусной лекарки, не ограничивалась нашею деревней, — больные приходили и пріѣзжали чуть ли не совсѣхъ концовъ уѣзда. Наплывъ больныхъ сопровождался обыкновенно негодующими возгласами матушки: «Гдѣ мнѣ взять столько лѣкарствъ?... У меня нѣтъ времени!...» и т. д.; но мало-по-малу голосъ смягчался, уступая воркотнѣ, слышалось: «Ну, покажи, что у тебя?...» — и кончалось миролюбиво — совѣтами, накладываніемъ пластырей и примочекъ. Кончалось часто тѣмъ, что больному, вмѣстѣ съ лѣкарствами, отпускался картофель, мѣшочекъ ржи, разное старое тряпье. Уступчивость и мягкость характера матери были необходимымъ противовѣсомъ строптивости и крутости бабушки.

Сфера, въ которой протекали первые годы моего дѣтства, не имѣла ничего общаго съ бытомъ сосѣдей-помѣщиковъ того времени. Тѣ, которые составляли въ уѣздѣ аристократію и были богаты, отличались кичливостью и видѣлись только между собою; у другихъ домъ былъ открытъ для званныхъ и незванныхъ, пировали круглый годъ, благо крестьяне, помимо другихъ повинностей, обязаны были поставлять къ барскому столу яйца, куръ, барановъ, грибы, ягоды и проч.; содержали охоту, многочисленную дворню, шутовъ, приживальщиковъ обоого пола, сочиняли праздники, пикники, играли въ карты, — словомъ, жили въ свое удовольствіе, не заботясь большею частью о томъ, что имѣніе заложено и перезаложено въ опекунскомъ совѣтѣ. Одинъ изъ такихъ домовъ врѣзался мнѣ въ память. Матушка не любила выѣзжать, но разъ сочла необходимымъ отправиться съ визитомъ и взяла меня съ собою. Домъ помѣщика поразилъ меня своею громадностью; онъ былъ деревянный, въ два этажа, съ просторными выбѣленными комнатами безъ всякихъ украшеній. Обѣдало въ этотъ день множество всякаго люда; игралъ оркестръ изъ крѣпостныхъ. Вниманіе мое исключительно было посвящено маленькому низенькому столику въ одномъ изъ угловъ залы; за этимъ столомъ сидѣли шутъ и шутовка въ желтыхъ халатахъ и колпакахъ съ нашитыми на нихъ изъ красна-

го сукна изображеніями звѣрей. Шутовку звали Агашкой. Матушка предупреждала меня, что Агашку считаютъ очень опасной, и приказала мнѣ не подходить къ ней; нѣсколько разъ поджигала она господскій домъ, была звѣрскимъ образомъ наказана, но помѣщика она забавляла и онъ не хотѣлъ съ ней разстаться. Весь остатокъ дня меня занимала только Агашка; она свободно расхаживала по всѣмъ комнатамъ, размахивая руками и что-то бормоча; стоило ей показаться въ дверяхъ, какъ я замиралъ отъ страха и сломя голову бросался къ матери. Помѣщикъ этотъ, Д. С. К., извѣстенъ былъ во всемъ околоткѣ своею неукротимою строгостью. Когда онъ выѣзжалъ на улицу деревни въ сопровожденіи крѣпостного Грызлова, своего экзекутора или, вѣрнѣе, домашняго палача, ребятишки стремглавъ ныряли въ подворотни, бабы падали ничкомъ, у мужиковъ ознобъ пробѣгалъ по тѣлу. Его боялись всѣ домашніе, начиная съ жены. Побѣждая въ себѣ робость, намолившись и накрестившись въ образной, жена рѣшалась иногда просить мужа отпустить ее въ Москву для свиданія съ родственниками.

— Хорошо, — соглашался иногда Д. С. — Эй, позвать ко мнѣ Грызлова!

— Грызловъ, — говорилъ Д. С., — Марья Ѳедоровна въ Москву собирается; нужны деньги... Проѣзжая по деревнямъ, я видѣлъ много тамъ этой мелкоты, шушеры накопилось, — распорядись!...

Это значило, что Грызлову поручалось объѣхать деревни Д. С., забрать по усмотрѣнію лишнихъ дѣтей и дѣвокъ, продать ихъ, а деньги доставить помѣщику. Это происходило въ самый разгаръ крѣпостного права, когда еще не вышло указа, позволявшаго продавать крѣпостныхъ людей не иначе, какъ цѣлыми семействами.

Разказы эти и все, что приходилось тогда слышать о жизни помѣщиковъ, производили на меня сильное впечатлѣніе. Въ нашемъ домѣ тѣни не было ничего подобнаго. Крестьяне наши были отпущены на оброкъ еще при жизни отца, полагавшаго, вѣроятно, что женщинѣ, да еще иностранкѣ, не управиться съ барщиннымъ положеніемъ. Гости бывали у насъ очень рѣдко, да и очень близкихъ сосѣдей было не много; чаще другихъ наѣзжали двѣ старушки и одна пожилая дѣвица, да и то когда уже больше не куда было дѣваться. Имъ скучно было бесѣдовать — да и о чемъ? — съ бабушкой, плохо понимавшей русскій языкъ; не болѣе интересно было сидѣть и съ матушкой, слушавшей всегда разсѣянно, занятой какимъ-нибудь хозяйственнымъ предметомъ, отъ котораго ее отрывали, или выслушивать ея разказы о томъ, какъ хорошо дѣйствуетъ ремень на новорожденныхъ младенцевъ, или о томъ, какъ на-дняхъ Гри-

зетка, — любимая кошка матушки, — принесла шестерыхъ котятъ, — и представьте: у одного изъ нихъ на лбу бѣлая звѣздочка, точно нарисованная! Накушавшись чаю и варенья, сосѣдки торопливо уѣзжали, думая, вѣроятно, на обратномъ пути: «Чудачки же, право, эти французенки!»

Не весело было и мнѣ, одинокому мальчугану, въ такой обстановкѣ.

Пяти лѣтъ бабушка посадила меня за книжку. Книжка эта была французская азбука, присланная изъ Парижа подружкой дѣтства матери; азбука украшалась раскрашенными картинками, на которыя я набросился съ такою жадностью, что по цѣлымъ днямъ не расставался съ книжкой и украдкой уносилъ ее къ себѣ въ постель.

Читать выучился я скоро; съ чистописаніемъ шло гораздо хуже: меня по цѣлымъ недѣлямъ заставляли выводить палочки между строками; пока каждая палочка не шла параллельно одна другой, меня ни за что не допускали къ кривымъ линіямъ изъ убѣжденія, что преждевременная рисовка послѣднихъ портитъ руку. Французы, несмотря на живость своего темперамента, ужасные педанты и рутинеры во всемъ, что касается воспитанія и образованія дѣтей; разъ приняты такія-то правила въ учебникахъ и руководствахъ, Боже упаси ихъ нарушать, хотя бы они явно противорѣчили природнымъ наклонностямъ ребенка. Рутинна преслѣдовала меня во всемъ, даже въ пищѣ. Я терпѣть не могъ молоко, — меня заставляли его пить подъ предлогомъ, что чай сушить грудь, кофе не принято давать дѣтямъ и, кромѣ того, надо всегда стараться подавлять первые порывы воли, которые сначала ничего больше, какъ капризы, причуды, но при потачкѣ могутъ развиваться въ неукротимое своеволие. Меня насильно заставляли ѣсть сырую морковь въ увѣренности, что она очищаетъ кровь, и т. д. Когда я отъ чего-нибудь упорно отказывался и начиналъ плакать, меня немедленно ставили въ уголъ и для большого назиданія надѣвали на голову бу-мажный колпакъ съ большими ушами.

Все это, конечно, дѣлалось съ благими намѣреніями. Матушка моя была добрейшая женщина, но, какъ я уже замѣтилъ, она находилась вполнѣ подъ вліяніемъ бабушки, не смѣла ей противорѣчить даже въ тѣхъ случаяхъ, когда внутренне была другого мнѣнія. Благія эти намѣренія приводили, однакожъ, къ тому, что они съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ развивали во мнѣ раздражительность и непріязненное чувство къ бабушкѣ.

Послѣ того, какъ я сталъ довольно бѣгло читать, бабушка за-

ставила меня учить глаголы: *Etre* и *Avoir*. Не мало слезъ было пролито, прежде чѣмъ я достигъ въ этомъ упражненіи того, чего требовала моя строгая наставница; когда требовалось спрягать порядъ отъ словъ: *Je suis* до конца глагола, дѣло шло еще изрядно, но когда бабушка, закрывъ книжку, неожиданно заставляла спрягать въ разбивку ту или другую часть глагола, я заминался, путался, становился часто совсѣмъ въ тупикъ и начиналъ учащенно моргать глазами. Бабушка молча направляла указательный палецъ на уголь; я начиналъ плакать. «*Si c'est comme cela*,—говорила бабушка,—если ты не перестанешь, ты прстоишь въ углу до обѣда и тебя не пустятъ гулять». Больше всего доставалось мнѣ за таблицу умноженія,—на французскомъ языкѣ, конечно. Помню очень хорошо, какъ бабушка, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, сказала при мнѣ матушкѣ, что она весьма сожалѣетъ, но кажется ей, что она произвела на свѣтъ совершеннаго идіота.

Въ извѣстные часы, обыкновенно по вечерамъ, когда матушка и бабушка усаживались другъ противъ друга за работой, меня сажали между ними на табуретъ и происходило чтеніе. Иногда читала матушка, но больше, для практики, заставляли меня. Изъ тогдашнихъ помню только два сочиненія: собраніе повѣстей Беркена *Berquin l'ami des enfants* и швейцарскаго Робинсона. Припоминаю также, какъ по поводу Беркена бабушка любила повторять исторію о томъ, что послѣ того, когда Беркенъ опасно захворалъ и ждали его кончины, толпа молодыхъ дѣвушекъ, его воспитанницъ, собралась подъ его окномъ; одна изъ нихъ заиграла на арфѣ, другія запѣли хоромъ одну изъ пѣсень, сочиненныхъ наставникомъ; Беркенъ при этомъ залился слезами—и слезы эти спасли ему жизнь. Исторія эта не казалась мнѣ тогда вовсе сантиментальной. Швейцарскій Робинзонъ не только пришелся мнѣ больше по сердцу, но увлекъ меня совершенно. Онъ первый разъ пробудилъ мое дѣтское воображеніе, одушевилъ мое любопытство, вынесъ за предѣлы родительскаго дома и деревни.

До восьми лѣтъ въ моихъ рукахъ не было ни одной русской книги; русскому языку выучился я отъ дворовыхъ, крестьянъ и больше отъ стараго отцовскаго камердинера Николая; онъ любилъ меня, какъ будто я десять разъ былъ его роднымъ сыномъ, какъ будто отецъ мой, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, завѣщалъ ему утѣшать меня, любить и ласкать. О немъ можно сказать то же, что Филаретъ говорилъ о русскомъ народѣ: *въ немъ свѣту мало, но теплоты много*. По цѣлымъ часамъ караулилъ онъ, когда меня пустятъ гулять, бралъ на руки, водилъ по полямъ

и рощамъ, рассказывалъ разныя приключенія и сказки. Не помню, конечно, его рассказовъ, помню только его ласковое, сердечное обращеніе; за весь холодъ и одиночество моей дѣтской жизни я отогрѣвался только когда былъ съ Николаемъ. Когда рѣшено было везти меня въ Москву и наступила минута разставанья съ Николаемъ, я, какъ изступленный, съ крикомъ бросился ему на шею, истерически рыдалъ, кричалъ и такъ крѣпко обхватилъ его руками, что пришлось силой меня оторвать.

Кому пришла мысль везти меня въ Москву и отдать въ гимназію, не знаю; мысль, по всей вѣроятности, внушена была бабушкой,—ея совѣты были закономъ для матери.

Никогда не забуду этого перваго моего переѣзда изъ деревни въ Москву. Была осень. Мы спускались съ кручи къ Окѣ, чтобы пересѣсть затѣмъ на паромъ. За Окой, въ глубинѣ горизонта, надвигались неправильными рядами сизыя тучи, между которыми мѣстами просвѣчивали багровыя полосы неба; было ли то дѣйствіе внезапнаго пробужденія отъ сна, или крайнее нервное разстройство послѣ разлуки съ Николаемъ, или, наконецъ, галлюцинація, но мнѣ показалось, что просвѣты на небѣ только продолженіе видимаго пространства Оки, тучи на немъ, острова и мы все—съ людьми, лошадьми, тарантасомъ—спускаемся въ безбрежный океанъ и въ немъ должны будемъ погибнуть. Я началъ биться и кричать и перепугалъ матушку, которой не мало стоило усилій удержать меня на мѣстѣ и уговорить. Бабушка, ѣхавшая съ нами, отворачивалась, какъ бы желая показать свое неодобреніе потачкѣ капризамъ и причудамъ внука. Мы ѣхали на своихъ; къ ночи остановились на полпути въ деревнѣ. Когда все улеглось, меня посетила буквально та же галлюцинація и я также поднялъ ужасный крикъ. «*Ce Dimitre vraiment devient fou, Dieu me pardonne!*» — послышался досадливый голосъ бабушки. Къ утру только я совершенно успокоился, когда мы выѣхали въ поле и показались деревни.

Прежде чѣмъ помѣстить меня въ гимназію, слѣдовало отыскать семейство, въ которомъ, въ свободное отъ классовъ время, я могъ бы найти убѣжище и питаніе. Нашелся нѣмецъ, содержавшій за извѣстную плату нѣсколькихъ вольно-приходящихъ гимназистовъ. Прежде всего, онъ потребовалъ отъ матушки серебряный *кусертъ*, ложку, вилку и ножикъ. Тогда это было въ обычаѣ; не знаю, удержался ли онъ до теперяшняго времени. О пребываніи моемъ въ гимназіи распространяться нечего: я пробылъ въ ней всего два мѣсяца. Переходъ изъ женскихъ рукъ въ мужскія былъ для меня очень чувствителенъ. Непривычный къ обществу мальчиковъ, я

тѣмъ больше чуждался ихъ, что они не переставали надо мною трунить, кричали подъ ухо: «команъ ву франже...», нахлобучивая при этомъ шапку на глаза. Въ классахъ и съ репетиторомъ было и того хуже; плохо читая по-русски и еще съ иностраннымъ акцентомъ, еще плоше умѣя писать по-русски, я постоянно терялъ голову; чувство какого-то страха не покидало меня; я положительно не понималъ того, чего отъ меня требуютъ, и раздражался обыкновенно слезами, дававшими поводъ глумленію и насмѣшкамъ товарищей. Кончилось тѣмъ, что со мной сдѣлалась чуть ли не нервная горячка; матушка пріѣхала и взяла меня скорѣе изъ гимназіи. Серебряный *кувертъ* пропалъ, такимъ образомъ, совершенно даромъ.

Надобно было, однакожъ, подумать о продолженіи или, вѣрнѣе, о началѣ моего образованія. Матушка стала разыскивать, справляться. Въ Москвѣ въ то время существовалъ на Петровкѣ извѣстный французскій модный магазинъ г-жи Монигетти; у содержательницы магазина было три сына; желая дать имъ образованіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая, чтобъ оно обошлось дешевле, она придумала брать къ себѣ на домъ воспитанниковъ; за извѣстную годовую плату они пользовались помѣщеніемъ, столомъ и урокомъ. Матушка случайно нашла на слѣдъ этого пансіона, сообщила бабушкѣ о своемъ открытіи и, получивъ отъ нея полное одобреніе, немедленно вступила въ переговоры. Дѣйствительно, нельзя было придумать ничего лучшаго: во-первыхъ, не забудется французскій языкъ и, во-вторыхъ, сохранится во всей чистотѣ нравственность, такъ какъ я поступаю не столько въ пансіонъ, сколько въ семейство порядочныхъ, вполне надежныхъ людей.

Матушка не ошиблась въ обоихъ предположеніяхъ. Г-жа Монигетти была женщина умная, бойкая, привыкшая командовать, особенно надъ мужемъ, но, въ сущности, имѣла доброе сердце и обращалась съ нами по-родительски. Не слѣдовало ей только противорѣчить; она сама говорила, что тогда горчица подступаетъ ей къ носу; голосъ ея, въ такихъ случаяхъ, раздавался по всему дому и все мгновенно затихало какъ передъ бурей; но «горчица отходила отъ носа» — и снова все шло обычнымъ порядкомъ. Мужъ ея, родомъ итальянецъ, содержалъ въ томъ же домѣ погребъ иностранныхъ винъ и отличался голубиною кротостью нрава; онъ занималъ въ квартирѣ жены крошечную комнату и рѣдко показывался, проводя свободное время въ обществѣ соотечественниковъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, артистовъ всякаго рода, пріѣзжавшихъ въ Москву. Къ уходу за нами приставлена была пожилая женщина, Катерина, образецъ доброты, типъ слугъ стараго времени. Она вынимала насъ

изъ ванны, кутая въ теплую простыню, уносила на рукахъ и укладывала въ постель, заботливо прикрывая одѣяломъ.

Послѣ гимназій, куда я попалъ какъ рыба, вынутая изъ воды, я почувствовалъ себя здѣсь какъ рыба, снова опущенная въ воду. Кромѣ трехъ сыновей Монигетти, постороннихъ воспитанниковъ было шестеро. Четверо изъ нихъ принадлежали семействамъ французскихъ коммерсантовъ, основавшихся въ Москвѣ съ двѣнадцатаго года; русскихъ было только двое: я и Поповъ, поступившій потомъ въ отдѣленіе восточнаго факультета при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, назначенный послѣ окончанія курса консуломъ въ Яссы, потомъ генеральнымъ консуломъ въ Марсель и окончившій дипломатическую карьеру посломъ въ Пекинѣ. Всѣ мы были почти одного возраста, кромѣ старшаго сына Монигетти, которому было уже пятнадцать лѣтъ; онъ готовился для поступленія въ академію художествъ и впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ рисовальщикомъ и архитекторомъ. Несмотря на разность нашихъ специальностей и состояній, мы жили весьма дружно; говорю «состояній» потому, что даже въ нашемъ дѣтскомъ кругу исключительно, кромѣ меня и Попова, оно имѣло большое значеніе; всѣмъ давали деньги на театръ, удовольствія, покупку сластей во время прогулокъ; у дѣтей Монигетти, которымъ родные и знакомые имѣли обыкновеніе дарить деньги въ дни именинъ и рожденія, были даже накоплены маленькіе капиталы. Я былъ всѣхъ бѣднѣе. Матушка, при всей своей добротѣ, считала лишнимъ давать мнѣ деньги; по ея понятіямъ, деньги въ рукахъ дѣтей пріучаютъ къ мотовству. Но, помню, я этимъ не очень огорчился; при крайней моей наивности, зависть не успѣла еще коснуться моей души. У меня тогда была одна страсть, доходившая до маниі: строить крошечные театры, вырѣзывать для нихъ кулисы, разрисовывать декорации. Страсть эта, совершенно меня поглотившая, внезапно открылась послѣ перваго посѣщенія театра, гдѣ давали *Фрейшюца (Волшебнаго стрѣлка)*. Стоило мнѣ завладѣть коробочкой, — будь она въ три вершка, — я освобождалъ у нея бокъ, вырѣзывалъ въ двухъ другихъ бокахъ узенькія полоски для вставки кулисъ и принимался тотчасъ же за декорации. Къ вечеру театръ былъ уже готовъ и происходило представленіе неизмѣнно одного и того же содержанія: *Пожаръ въ деревнѣ*, — продолжавшееся много три минуты и кончавшееся тѣмъ, что кулисы, декорации и часто самое зданіе предавались пламени. Въ классной комнатѣ, гдѣ были также наши кровати, пахло горѣлымъ; входилъ г. Франсуа де-Метраль и я получалъ обыкновенно

нахлобучку, но столь легкую, что на слѣдующій же день воздвигалъ новый театръ и снова представлялъ *Пожаръ въ деревнѣ*.

Г. де-Метраль, главный руководитель въ нашемъ образованіи и жившій въ томъ же домѣ, родомъ изъ французской Швейцаріи, былъ видный, рослый, бѣлокурый красавецъ лѣтъ тридцати пяти; румянецъ во всю щеку на открытомъ веселомъ лицѣ, живая походка, звонкій голосъ; такая наружность не могла, конечно, принадлежать строгому, сухому педанту; онъ имъ и не былъ, но, прежде всего, былъ бонвиванъ, жуиръ, весельчакъ, тщательно скрывавшій свои похождения отъ г-жи Моннкетти. Мы всѣ очень его любили, несмотря на привычку прогуливать линейку по нашимъ плечамъ. Онъ преподавалъ едва ли не всѣ предметы, въ числѣ которыхъ, главнымъ, была мнѳологія. Преподаваніе происходило, конечно, на французскомъ языкѣ. Разъ въ недѣлю являлся учитель нѣмецкаго языка, но больше для виду, для счета. Разъ также, на одинъ часъ, приходилъ русскій учитель, чахлый старенькій чиновникъ; только мнѣ и Попову вмѣнялось въ обязанность присутствовать при урокѣ, состоявшемъ въ диктовкѣ, которую къ слѣдующему уроку слѣдовало переписать на-бѣло. Два раза въ недѣлю насъ всѣхъ гурьбою водили въ Строгановское училище рисованія. Изъ всѣхъ насъ я особенно отличался. Въ первый же годъ я сдѣлалъ такіе успѣхи, что директоръ школы, венгерецъ (не помню его имени), обратилъ на меня вниманіе. Упоминаю объ этомъ съ тѣмъ, чтобы указать на прирожденную мою склонность къ художеству; она выказалась сама собою, безъ всякой подготовки, выказалась инстинктивно въ такое время, когда остальные способности не думали еще пробуждаться. Кто знаетъ, еслибъ тогда уловили во мнѣ эту склонность и дали ей надлежащее направленіе, изъ меня, можетъ быть, вышелъ бы порядочный художникъ. Но судьбѣ угодно было распорядиться мною другимъ образомъ.

Артистическое наше образованіе дополнялось урокомъ танцевъ, сопровождавшимся всегда нѣкоторою торжественностью; приглашались знакомые, зажигались жирандоли съ восковыми свѣчами; намъ надѣвали новыя курточки, башмаки и мы выводились въ залу. Къ семи часамъ являлся старый, лысый скрипачъ и вскорѣ входилъ танцмейстеръ г. Бодри во фракъ съ необыкновенно высокими буфами на плечахъ, завитымъ хохломъ и вывороченными, какъ у гуся, ногами. Раскланившись съ изысканною граціей на всѣ стороны, онъ устанавливалъ насъ въ рядъ; сначала учили насъ какъ входить въ комнату, какъ шаркать ногой, соблюдая при этомъ, чтобы голова оставалась неподвижною, какъ подходить къ дамской руч-

гѣ и отходить, не поворачиваясь правымъ, но непремѣнно лѣвымъ плечомъ; затѣмъ начинались танцы; французская кадрили едва входила въ моду; танцовали больше экосезъ, гротфатеръ и обращали вниманіе на характерные танцы: гавотъ, матлотъ и еще какой-то особенно сложный, называвшійся «Швейцарка на берегу озера». Характернымъ танцамъ учили, впрочемъ, только дѣтей хозяевъ дома и приготавливали ихъ въ видѣ сюрпризовъ въ дни именинъ отца и матери.

Лѣтомъ насъ переселяли въ Петровскій паркъ; тамъ у Монигетти была собственная дача. Здѣсь намъ положительно давалась полная свобода бить баклуши, — развѣ когда г. де-Метраль, нагулявшись до-сыта въ Москвѣ, неожиданно пріѣзжалъ на дачу и сажалъ насъ за диктовку. Но г. де-Метралю это скоро надоѣдало и онъ уѣзжалъ, передавая насъ на руки дядькѣ. Мы отправлялись въ Петровское-Разумовское, ходили купаться во Всесвятскомъ пруду, наполненномъ на половину водой, на половину разными водорослями, лягушками и пиявками.

Дядьки эти (*menins*, какъ ихъ называли) смѣнялись у насъ очень часто. У г-жи Монигетти не было на нихъ счастливой руки. Изъ нихъ я помню только троихъ: одинъ, тучный, тяжеловѣсный баварецъ, молчаливый и постоянно тоскующій, будившій насъ по ночамъ тяжелыми вздохами; онъ оставилъ насъ и вскорѣ открылъ булочную. Гуляя, мы часто къ нему заходили угощаться миндальными крендельками. Другой, нѣкто Гибнеръ, провелъ съ нами годъ; гуляя на масляницѣ въ Подновинскомъ, мы зашли въ балаганъ и застали его тамъ кассиромъ. Третій, Крамеръ, имѣлъ обыкновеніе, какъ только мы укладывались спать и онъ, кряхтя, ложился на свою постель, рассказывать такіе анекдоты и похождения, что его стоило бы за нихъ если не повѣсить, то вытолкать въ зѣшей. Такъ, кажется, и случилось.

У Монигетти я пробылъ три года. Въ этотъ періодъ времени мои умственные способности не двинулись не на одинъ градусъ; взаимно этого чистота нравственнаго чувства или, скорѣе, воображенія, на которую такъ рассчитывала матушка, нѣсколько поколебалась; пробудилось любопытство къ предметамъ, которые прежде не приходили мнѣ въ голову. Въ сущности, я оставался почти такимъ же ребенкомъ, какимъ былъ въ деревнѣ. Во мнѣ не было даже признака сознанія того, что значить въ самомъ дѣлѣ учиться, быть внимательнымъ къ тому, что читаешь, отдавать себѣ отчетъ въ прочитанномъ. Какимъ образомъ выучился я въ это время читать по-русски и особенно писать, т.-е. выводить перомъ русскія сло-

ва, до сихъ поръ не могу объяснить себѣ. Я не былъ въ состояніи сочинить и написать по-русски самаго простаго дѣтскаго письма; письма къ матери писалъ я не иначе, какъ по-французски.

Къ концу моего пребыванія у г-жи Монигетти пансіонъ ея сталъ самъ собою распадаться. Старшій ея сынъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ академію художествъ, второй поступилъ въ иностранную книжную лавку для изученія этой отрасли торговли; двое изъ иностранныхъ воспитанниковъ уѣхали за границу для окончанія образованія. Поповъ также отправленъ былъ въ Петербургъ для опредѣленія въ институтъ восточныхъ языковъ.

Около этого времени матушка моя ѣздила въ Петербургъ. По возвращеніи ея я узналъ, что меня записали кандидатомъ въ главное инженерное училище. Не помню, какое дѣйствіе произвело на меня это извѣстіе. Помню только, что, прощаясь съ г-жей Монигетти, я почтительно цѣловалъ ея руку, но не пролилъ ни одной слезинки. Меня самого тогда это удивило.

Въ кандидаты инженернаго училища попалъ я совершенно случайно. Матушка моя, отправляясь въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы отдать меня въ пансіонъ или кадетскій корпусъ, сидѣла въ дилижансѣ съ московскою дамою г-жей Толстой, ѣхавшей съ опредѣленною цѣлью: сдѣлать сына инженеромъ. Дамы разговаривались. Узнавъ отъ собесѣдницы, что инженерная служба не такъ тягостна, какъ военная, и инженерное училище считается первымъ военно-учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, матушка тутъ же рѣшила послѣдовать ея примѣру. Г-жа Толстая присовокупила, что для поступленія въ училище требуется экзамень и она ѣдетъ хлопотать о томъ, чтобы отдать сына для приготовленія къ капитану Костомарову, котораго ей специально рекомендовали. Въ Петербургъ матушка отправилась вмѣстѣ съ г-жей Толстой къ Костомарову просить о принятіи вмѣстѣ съ Толстымъ и меня, на что Костомаровъ охотно согласился.

Мѣсяца два спустя, на масленицѣ, меня привезли въ Петербургъ. Мы остановились въ меблированныхъ комнатахъ на Исаіевской площади, загороженной тогда вокругъ, вплоть до Большой Морской, заборами. Въ самый день нашего пріѣзда поднялся около насъ и на улицѣ страшный переполохъ; пронесся слухъ, что на площади, недалеко отъ насъ, горитъ балаганъ Легата, въ которомъ, рассказывали, погибло нѣсколько сотъ человѣкъ.

Первый мой визитъ, вмѣстѣ съ матушкой, къ Костомарову произвелъ на меня, сколько помню, удручающее впечатлѣніе. Я увидѣлъ передъ собою пожилаго, высокаго офицера съ большими

черными усами, съ серьезнымъ, даже, сколько мнѣ тогда показалось, суровымъ лицомъ. Мы вошли, вѣроятно, въ то время, когда онъ давалъ урокъ своимъ воспитанникамъ; за столомъ, покрытымъ тетрадами и книгами, сидѣло человѣкъ пять, — не дѣтей, а зрѣлыхъ юношей. Они испугали меня болѣе даже, чѣмъ самъ капитанъ. Сердце мое замирало при мысли, что эти взрослые незнакомцы будутъ моими товарищами, придется оставаться съ ними, жить вмѣстѣ съ ними. Утѣшался я тѣмъ только, что со мной будетъ Толстой, съ которымъ я успѣлъ познакомиться и подружиться, несмотря на разницу нашего умственного развитія. Толстой провелъ свое дѣтство въ Москвѣ, въ домѣ умнаго, образованнаго отца, былъ пятнадцати лѣтъ вполне развитой мальчикъ, успѣлъ прочесть множество русскихъ книгъ, хорошо былъ знакомъ съ русскимъ языкомъ и грамотой.

Разлука съ матушкой была трогательная; я не кричалъ истерически, какъ при прощаніи съ Николаемъ, но слезъ, все-таки, не мало было пролито.

Первое впечатлѣніе, сдѣланное на меня Костомаровымъ, было ошибочно: онъ оказался добрѣйшимъ, мягкимъ человѣкомъ. Жена его отличалась тѣми же качествами. Тѣ изъ насъ, которые еще живы, узнавъ ее, вѣроятно, и теперь добромъ ее поминаютъ. Насчетъ новыхъ моихъ товарищей я также ошибся: они были добрые, смиренные ребята, исключительно почти занятые мыслью учиться и съ успѣхомъ выдержать экзаменъ. Ихъ усердіе не мало также возбуждалось тѣмъ, что Костомаровъ приготовлялъ своихъ питомцевъ такимъ образомъ, что они выдерживали поступной экзаменъ всегда первыми; ихъ въ училищѣ такъ и звали: *Костомаровцами*; каждый лѣзъ изъ кожи, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь и поддержать репутацію уважаемаго наставника.

Послѣ того, что я до сихъ поръ сказалъ о себѣ, легко понять, какъ трудно было мнѣ привыкать къ новой жизни, имѣвшей такъ мало общаго съ прежнею, — жизни, гдѣ говорили и думали только по-русски, гдѣ на ученіе смотрѣли какъ на самое серьезное дѣло въ жизни, гдѣ самое ученіе преподавалось только на русскомъ языкѣ. Учитель русскаго языка не могъ считаться изъ выдающихся, но былъ человѣкъ добросовѣстный, старательный. Сжалившись, вѣроятно, надо мной, онъ принялся за меня съ особымъ усердіемъ, заставлялъ писать подъ диктовку, исправлялъ мою рукопись, разъясняя ошибки. Къ концу перваго года я замѣтно сдѣлался внимательнѣе, сталъ лучше понимать уроки. Не давалась мнѣ окончательно одна математика. К. Ф. Костомаровъ усугублялъ свои старанія, давалъ мнѣ

отдѣльно уроки, но ничего не помогало. Не разъ, вѣроятно, думалъ онъ: «Ну, этотъ навѣрняка провалится на экзаменѣ, да и меня посадить!»

Два года спустя я, тѣмъ не менѣе, поступилъ въ училище.

Не помню рѣшительно, какъ происходилъ экзаменъ, не помню, о чемъ меня спрашивали, какъ я отвѣчалъ; помню только, передо мною сидѣло нѣсколько офицеровъ и начальникъ училища генераль Шаренгорстъ, которому я былъ прежде представленъ матушкой. По всей вѣроятности, вывели меня два предмета: французскій языкъ и рисованіе. «Какъ онъ хорошо говоритъ по-французски! Какъ хорошо!» — раздавался въ ушахъ моихъ голосъ Шаренгорста. На экзаменѣ изъ рисованія я провелъ на бумагѣ нѣсколько перекрестныхъ штриховъ, долженствовавшихъ, какъ показывали въ Строгановскомъ училищѣ, опредѣлять мѣсто каждому орнаментному завитку, и бойко началъ набрасывать самый орнаментъ; въ эту минуту подошелъ ко мнѣ инспекторъ Ломновскій, взявъ отъ меня начатый рисунокъ и, показывая его остальнымъ экзаменаторамъ, воскликнулъ: «Посмотрите, господа, какъ рисуетъ! Молодецъ, видно, что хорошо учился!»

Такъ или иначе, но я былъ принятъ въ числѣ другихъ пятнадцати; изъ нихъ трое были Костомаровскіе.

Насъ повели сначала въ лазаретъ для осмотра, затѣмъ въ какую-то комнату, гдѣ всѣхъ раздѣли до нага (я корчился, какъ дѣвочка, едва удерживая отъ стыда слезы). Часъ спустя мы были въ казенномъ бѣльѣ, курткахъ съ погонами и тугимъ застегнутымъ воротникомъ, крайне неловко подпиравшимъ подбородокъ. Насъ поставили въ ранжиръ по росту и долго заставляли чего-то ждать. Вошелъ, наконецъ, ротный командиръ, полковникъ Ферѣ, человѣкъ заспаннаго, сумрачнаго вида, съ краснымъ, опухшимъ лицомъ. Онъ обвелъ насъ мутными глазами и вдругъ скомандовалъ: «Направо, маршъ!» Напирая другъ другу на пятки, сбиваясь отъ непривычки на шагъ, мы направились къ рекреационной залѣ, по которой расхаживали наши будущіе товарищи.

II.

Инженерное училище въ 1835—1840 годахъ.—Рябны.—О. О. Радецкій.—Баронъ Розень.—Тотлебенъ.

Первый годъ въ училищѣ былъ для меня силовымъ терзаніемъ. Даже теперь, когда меня раздѣляетъ отъ этого времени больше полустолѣтія, не могу вспомнить о немъ безъ тягостнаго чувства;

и этому не столько способствовали строгость дисциплинарныхъ отношеній начальства къ воспитанникамъ, маршировка и ружейка, не столько даже трудность ученія въ классахъ, сколько новые товарищи, съ которыми предстояло жить въ одиѣхъ стѣнахъ, спать въ одиѣхъ комнатахъ. Представить трудно, чтобы въ казенномъ и, притомъ, военно-учебномъ заведеніи могли укорениться и существовать обычаи, возможные развѣ въ самомъ дикомъ обществѣ. Начальство не могло этого не знать; надо полагать, оно считало зло неизбежнымъ и смотрѣло на него сквозь пальцы, заботясь, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы внѣшній видъ былъ исправенъ и высшая власть осталась имъ довольна.

Комплектъ учащихся состоялъ изъ ста двадцати воспитанниковъ или *кондукторовъ*, какъ ихъ называли, чтобы отличать отъ кадетъ. Въ мое время треть изъ нихъ составляли поляки, треть нѣмцы изъ прибалтійскихъ губерній, треть русскіе. Въ старшихъ двухъ классахъ были кондукторы, давно брившіе усы и бороду; они держали себя большею частью особнякомъ, присоединяясь къ остальнымъ въ крайнихъ только случаяхъ. Отъ тѣхъ, которые были молоче, новичкамъ положительно житья не было. Съ перваго дня поступленія новички получали прозвище *рябцовъ*, — слово, производимое, вѣроятно, отъ рябчика, которымъ тогда военные называли штатскихъ. Смотрѣть на рябцовъ какъ на парій было въ обычаѣ. Считалось особенною доблестью подвергать ихъ всевозможнымъ испытаніямъ и униженіямъ.

Новичокъ стоитъ гдѣ-нибудь, не смѣя шевельнуться; къ нему подходитъ старшій и говоритъ задирающимъ голосомъ: «Вы, рябець, такой-сякой, начинаете, кажется, кутить?» — «Помилуйте... я ничего...» — «То-то ничего... Смотрите вы у меня!» и — затѣмъ щелчокъ въ носъ или повернуть за плечи и ни за что, ни про что угостятъ пинкомъ. Или: «Эй, вы, рябець, какъ васъ?... Ступайте въ третью камеру; подлѣ моей койки лежитъ моя тетрадь, несите сюда, да смотрите живо, не то расправа!» Крайне забавнымъ считалось налить воды въ постель новичка, влить ему за воротникъ ковшъ холодной воды, налить на бумагу чернилъ и заставить его слизать, заставить говорить непристойныя слова, когда замѣчали, что онъ конфузливъ и маменькинъ сыночекъ.

Въ классахъ, во время приготовленія уроковъ, какъ только дежурный офицеръ удалялся, поперекъ двери изъ одного класса въ другой ставился столъ; новички должны были на четверенькахъ проходить подъ нимъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны ихъ встрѣчали кручеными жгутами и хлестали куда ни попало. И Боже

упаси было заплакать или отбиваться отъ такого возмутительнаго насилія. Сынъ доктора К., поступившій въ одно время со мною, началъ было отмахиваться кулаками; вокругъ него собралась ватага и такъ исколотили, что его пришлось снести въ лазаретъ; къ его счастью, его научили сказать, что онъ споткнулся на классной лѣстницѣ и ушибся. Пожалуйся онъ, Расскажи какъ было дѣло, онъ, конечно, дорого бы поплатился.

И все это происходило въ казенномъ заведеніи, гдѣ надъ головой каждаго висѣлъ Дамокловъ мечъ строгости, взыскательности самой придирчивой; гдѣ за самый невинный проступокъ — разстегнутый воротникъ или пуговицу — отправляли въ карцеръ или ставили у дверей на часы съ ранцемъ на спинѣ и не позволяли опускать ружье на полъ.

Въ одномъ изъ помѣщеній училища находилась канцелярія, общавшаяся съ квартирой ротнаго командира Фере; въ канцеляріи засѣдалъ письмоводитель изъ унтеръ-офицеровъ, по фамиліи Игумновъ. Зайдешь, бывало, въ канцелярію узнать, нѣтъ ли письма, не приходилъ ли навѣстить родственникъ. Случайно въ дверяхъ показывался Фере; онъ мгновенно указывалъ пальцемъ на вошедшаго и соннымъ голосомъ произносилъ: «Игумновъ, записать его!» Игумновъ исполнялъ приказаніе и вошедшій ни за что, ни про что долженъ былъ отсиживать въ училищѣ праздничный день.

Безусловно винить начальство за допущеніе своеволія между воспитанниками было бы несправедливо. Не надо забывать, что въ то время оно находилось болѣе чѣмъ мы сами подъ гнетомъ страха и отвѣтственности; на шалости, происходившія у себя дома, въ закрытіи, смотрѣли снисходительно, лишь бы, какъ я уже замѣтилъ, въ данный моментъ воспитанники были во всемъ исправны: не пропустили на улицѣ офицера, не отдавъ ему чести, выходной билетъ былъ бы на мѣстѣ между второй и третьей поговицей, отличились бы на ординарцахъ или на разводѣ или мододцами прошли бы на майскомъ парадѣ. Надо сказать также, начальство ничего не знало о томъ, что происходило въ рекреационной залѣ, — оно туда почему-то рѣдко заглядывало. Тамъ, между тѣмъ, помимо истязанія рябцовъ, совершались другія предосудительныя сцены; распѣвались пѣсни непристойнаго характера и въ томъ числѣ знаменитая *Өеня*, кончавшаяся припѣвомъ:

«Ахъ ты, Өеня, Өеня,
Өеня ягода моя!...»

Разъ въ годъ, наканунѣ Рождества, въ рекреационную залу входилъ письмоводитель Игумновъ въ туго застегнутомъ мундирѣ, съ

задумчивымъ, наклоненнымъ лицомъ. Онъ становился на самой серединѣ залы, выжидалъ, пока обступать его воспитанники, кашлялъ въ ладонь и, не смотря въ глаза присутствующимъ, начиналъ глухимъ, монотоннымъ голосомъ декламировать извѣстное стихотвореніе Жуковскаго:

«Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали...» и т. д.

Покончивъ съ декламаціей, Игумновъ отвѣшивалъ поклонъ и съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ медленно выходилъ изъ залы.

Всякій разъ послѣ этого собиралась подписка въ пользу Игумнова; одному изъ старшихъ поручалось отдать ему деньги.

Разноплеменность въ составѣ персонала училища не давала себя чувствовать, или, по крайней мѣрѣ, настолько слабо выражалась, что была почти незамѣтна; ее сглаживали чувство строгой зависимости, распространявшейся на всѣхъ одинаково, трудъ и сложность занятій въ классахъ, отчасти также общій гоноръ, царившій въ мое время въ училищѣ; гоноръ основывался на преимуществѣ передъ другими военно-учебными заведеніями, не допускавшимъ въ училищѣ тѣлеснаго наказанія. Такое преимущество въ значительной степени приподымало духъ каждаго, составляло его гордость.

Обращеніе съ жалобой къ дежурному офицеру за дурное обращеніе старшихъ считалось равносильнымъ фискальству, шпионству. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, какъ я находился въ училищѣ, разъ былъ такой случай, и тотъ, сколько казалось, основывался больше на догадкахъ, чѣмъ на фактѣ. Одинъ изъ кондукторовъ, прежде меня поступившій въ училище, сдѣлался любимцемъ ротнаго командира Фере, котораго всѣ боялись и огуломъ не любили. Вопреки привычкѣ Фере никогда почти не говорить съ воспитанниками, онъ сталъ часто звать къ себѣ на квартиру любимца; спустя нѣсколько времени любимцу нанесли унтеръ-офицерскія нашивки, что дѣлалось за особенные успѣхи по фронтовой части и отличное поведеніе. Этого достаточно было, чтобы возбудить подозрѣніе; стали распространять слухи, что любимецъ ничего больше, какъ фискаль и доносчикъ. Не помню, какъ составилъ и созрѣлъ противъ него заговоръ; я въ немъ не участвовалъ. Помню только слѣдующую сцену. Это было ночью. Любимецъ, въ качествѣ унтеръ-офицера, былъ дежурнымъ; онъ проходилъ черезъ большую камеру, гдѣ снало насъ шестьдесятъ человѣкъ; зала тускло освѣщалась высокими жестяными подсвѣчниками съ наливою въ нихъ водою и плавающимъ въ ней салнымъ отаркомъ. Едва показался

любимецъ, огни мгновенно были погашены; нѣсколько человѣкъ, ждавшихъ этой минуты, вскочили съ постелей, забросали любимица одѣялами и избили его до полусмерти. На шумъ и крикъ вбѣжалъ дежурный офицеръ; со всѣхъ концовъ посыпался на него картофель, безъ сомнѣнія, заранѣе сбереженный послѣ ужина. «Господа, — кричалъ офицеръ, — я не подъ такими картофелями былъ, подъ пулями — и не боялся!...» Снаряды продолжали сыпаться. Офицеръ побѣжалъ къ ротному командиру, который, отъ страха, вѣроятно, не явился, но отправился будить начальника училища Шаренгорста. На слѣдующее утро всю роту выстроили по камерамъ; пришелъ генералъ Шаренгорстъ и, по обычаю, началъ здороваться; ему не отвѣчали. Вскорѣ за нимъ пріѣхалъ начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ Геруа. Проходя по камерамъ, онъ началъ также здороваться; никто не откликнулся. Не ожидая, вѣроятно, такого упорнаго неповиновенія и приписывая его опасной стачкѣ, онъ, не дойдя до послѣдней камеры, круто повернулся на каблукъ и вышелъ сопровождаемый начальствомъ училища, которое шло повѣся носъ и какъ бы пришибленное. Результатъ былъ тотъ, что всю роту заперли въ училищѣ на неопредѣленное время. Арестъ разрѣшился только необходимостью выступить въ лагерь.

Коснувшись дикаго обычая истязать рябцовъ, не могу пропустить случая, до сихъ поръ живо оставшагося въ моей памяти. Одинъ изъ кондукторовъ старшихъ двухъ классовъ вступился неожиданно за избитаго, бросился на обидчика и отбросилъ его съ такою силой, что тотъ покатился на паркетъ. На заступника наскокило нѣсколько человѣкъ, но онъ объявилъ, что первый, кто къ нему подойдетъ, поплатится ребрами. Угроза могла быть дѣйствительна, такъ какъ онъ владѣлъ замѣчательною физическою силой. Собралась толпа. Онъ объявилъ, что съ этой минуты никто больше не тронетъ новичка, что онъ считаетъ подлымъ, низкимъ обычаемъ нападать на беззащитнаго, что тотъ, кому придется такая охота, будетъ съ нимъ имѣть дѣло. Не мало нужно было для этого храбрости. Храбрецъ этотъ былъ Радецкій, тотъ самый Феодоръ Феодоровичъ Радецкій, который впослѣдствіи былъ героемъ Шипки. На торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ его честь, въ рѣчи, которую я сказалъ ему, было упомянуто объ этомъ смѣломъ и великодушномъ поступкѣ его юности.

Въ числѣ воспитанниковъ моего времени, также отличившихся впослѣдствіи, были: Тотлебенъ, К. П. Кауфманъ, Достоевскій и Паукеръ.

Умягченію нравовъ въ училищѣ много также способствовалъ новый ротный командиръ баронъ Розенъ, смѣлившій Фере.

Баронъ Розенъ служилъ на Кавказѣ, былъ храбрый боевой офицеръ съ Георгіемъ въ петлицѣ. Одного этого было довольно, чтобы воспитанники отнеслись къ нему сочувственно. Онъ заслуживалъ также сочувствіе своимъ смѣлымъ, но откровенно-добродушнымъ отношеніемъ съ нами. Онъ то и дѣло заходилъ въ роту, былъ веселъ, говорилъ со всѣми, шутилъ. «Господа, — повторялъ онъ часто, — мы служимъ вмѣстѣ, должны отвѣчать другъ за друга; будьте исправны, будьте молодцы; вы меня не выдавайте, я васъ не выдамъ!» Онъ сдѣлался вскорѣ до такой степени любимымъ и популярнымъ, что стоило ему приказать что-нибудь, все безпрекословно исполнялось. Между дежурными офицерами у насъ тоже были два любимца: Д. А. Скалонъ, ворчливый, но добрыйшій человекъ, и еще А. И. Савельевъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи извѣстнымъ ученымъ нумизматомъ.

Баронъ Розенъ сильно подтягивалъ училище только во фронтовомъ отношеніи. Мы, впрочемъ, мало этимъ тяготились. Сначала очень были скучны первые приготовительные приемы къ маршировкѣ, такъ называемая *выправка*. Насъ ставили въ рядъ; унтеръ-офицеръ становился впереди и командовалъ: «Ра - а - азъ!» — мы должны были вытягивать правую ногу и носокъ; затѣмъ шла команда: «Два - а - а!» — слѣдовало медленно подымать ногу и стоять въ такомъ журавлиномъ положеніи, пока не скамандуютъ: «Три!» При малѣйшемъ колебаніи туловища унтеръ-офицеръ кричалъ: «Отставъ!» — и снова начиналось вытягиваніе ноги и носка. Но когда намъ дали ружье, мы всѣ — и я въ томъ числѣ — были очень довольны и съ увлеченіемъ принялись выдѣлывать ружейные приемы. Ученье часто происходило на плацу передъ Михайловскимъ замкомъ. Баронъ Розенъ всегда присутствовалъ, но предоставлялъ командовать офицерамъ, ограничиваясь короткими замѣчаніями. Болѣе всѣхъ горячился добрыйшій Д. А. Скалонъ. Когда фронтъ становился лицомъ къ солнцу, глаза начинали щуриться и штыки колебаться, онъ положительно выходилъ изъ себя, топалъ ногами и кричалъ съ пѣной у рта: «Смирно! Во фронтѣ нѣтъ солнца!... Нѣтъ солнца во фронтѣ! Смирно, говорю вамъ!...»

Прошелъ годъ, я держалъ ружье, выдѣлывалъ артикулы и маршировалъ не хуже другихъ. Послѣ майскаго парада и окончанія экзаменовъ всѣ нетерпѣливо ждали выступленія въ лагерь.

Переходъ изъ Петербурга въ Петергофъ, несмотря на ранецъ, лядунку, кирку и лопату (необходимые доспѣхи сапера), которые,

при каждомъ шагѣ немилосердно били по ляжкѣ, можно было бы назвать прогулкой, еслибъ не носили тогда на головѣ огромныхъ киверовъ, украшенныхъ на макушкѣ краснымъ помпономъ; но и съ киверомъ можно было бы примириться, еслибъ, во время этого перехода, онъ не служилъ кладовой, до верху набитой апельсинами, пирожками, булками, сыромъ, леденцами и другимъ съѣстнымъ снабдьемъ; отъ этого запаса дна три потомъ трудно было поворачивать шею.

Въ лагерное время прекращались всякія классныя занятія. Занимались только шагистикой, военными эволюціями, приготовленіемъ къ линейнымъ ученіямъ и маневрамъ, которыми командовалъ обыкновенно самъ Государь Николай Павловичъ. Свободнаго времени оставалось много; намъ давали волю гулять по всему лагерю. Нѣкоторые были посмѣльѣе, переходили границы лагеря, украдкой бѣгали купаться на шлюзы подъ Бабьими-гонами, тогда еще имѣвшими видъ болота; знаменитыя «Озерки» только что начинали строиться; архитекторъ Штакеншнейберъ не приступалъ еще къ постройкѣ бельведера.

Въ этихъ прогулкахъ и вообще другихъ походахъ, — помню очень хорошо, — никогда не принималъ участія Тотлебенъ. Онъ готовился тогда переходить въ старшій классъ. Его во всякое время можно было застать сидящимъ на валу канавки, огибавшей нашу палатку, съ книгой въ рукѣ или съ кусочками дерева, изъ которыхъ онъ искусно вырѣзывалъ перочиннымъ ножомъ маленькія модели брустверовъ. Онъ, говорили, учился вообще туго; ему не мало также стоило труда овладѣть вполнѣ русскимъ языкомъ; ему помогали въ этомъ твердость характера, упорство и усердіе. Я былъ товарищемъ его брата, Адольфа, поступившаго въ училище въ одинъ годъ со мной; два года спустя, я ѣздилъ съ нимъ къ старшему брату, уже произведенному въ офицеры, въ саперы, и жившему въ Царскомъ Селѣ на скромной бѣдной квартирѣ. Любимымъ его занятіемъ было тогда играть на гитарѣ и, сколько помню, постоянно разыгрывать одну и ту же пьесу: финалъ изъ оперы *Жизнь за Царя* — «Слався! Слався!» Шумъ толпы и звукъ колоколовъ онъ довольно искусно изображалъ, стучая суставами пальцевъ въ коробку гитары. Съ тѣхъ поръ мы встрѣтились всего разъ, уже тридцать лѣтъ спустя, и оба значительно уже посѣдѣвшіе.

Въ бытность нашу въ кадетскомъ лагерѣ насъ иногда выравнивали по взводамъ и вели въ нижнюю часть петергофскаго парка къ Самсону; тамъ устанавливали насъ въ томъ же порядкѣ противъ одного изъ бассейновъ, куда стекаетъ вода, ниспадающая по сту-

пенямъ мраморной лѣстницы; на верхней площадкѣ, передъ дворцомъ, помѣщались придворные, окружавшіе Государыню Александру Оеодоровну. Нѣсколько минутъ спустя выходилъ Государь и здоровался съ нами. Выровнивъ наши ряды, онъ отходилъ въ сторону и командовалъ: «Разъ! Два! Три!» По третьей командѣ мы бѣгали въ бассейнъ и, цѣпляясь другъ за друга, сбиваемые водой, старались взобраться по ступенькамъ каскада до верхней площадки; первымъ тремъ, опередившимъ другихъ, императрица собственноручно дарила призы, состоявшіе большею частью изъ издѣлій петергофской гранильной фабрики. Возвращались мы въ лагерь уже не въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ шли оттуда, а въ разбродъ, кому какъ вздумается, лишь бы скорѣе придти въ палатку и переодѣться.

Помню очень хорошо, я всегда съ сожалѣніемъ разставался съ лагерною жизнью. Маневры, линейныя ученья, вообще фронтовая часть были для меня пріятною забавой, сравнительно съ предстоящимъ принужденіемъ сидѣть въ классахъ, приготовляться къ лекціямъ и экзаменамъ. Я все еще не выходилъ изъ полусознательнаго туманнаго состоянія ума, мѣшавшаго быстро и ясно схватывать то, что читалъ преподаватель съ кафедръ; любопытство мое гораздо больше возбуждали наружность преподавателя, его голосъ, движенія, манера, чѣмъ то, о чемъ онъ говорилъ. Многіе изъ нихъ требовали, чтобы ученики записывали за ними лекціи; я положительно не могъ этого дѣлать по непривычкѣ скоро писать и отчасти по нетвердости въ русской грамотѣ. Предметы сколько-нибудь положительные, наглядные, осязательные, какъ, на прим., фортификація, артиллерія, географія, давались мнѣ очень легко; я отвѣчалъ на нихъ иногда весьма изрядно и получалъ хорошіе баллы; но едва касалось какой-нибудь математической выкладки, вычисленія, мозгъ мой словно вдругъ застилался туманомъ, чѣмъ-то придавливался. При одномъ появленіи преподавателя математики, Л. М. Кирпичева, сердце мое замирало; я наклонялся къ столу и едва смѣлъ перевести духъ отъ страха; нѣтъ-нѣтъ и—вдругъ онъ меня зоветъ къ доскѣ! Каждый разъ, какъ это случалось, я ни живъ, ни мертвъ подходилъ къ доскѣ, старательно вытиралъ ее губкой, не забывая самыхъ дальнихъ угловъ; Кирпичевъ диктовалъ задачу; я каллиграфически ее вырисовывалъ, но когда дѣло доходило до рѣшенія, я смиренно признавался, что не могу этого исполнить, и получалъ нуль, за что въ слѣдующее воскресенье не выпускали меня въ наказаніе изъ училища.

Самое страшное время, не только для меня, но и для всѣхъ насъ,

были годичные экзамены; сколько помнится, они происходили въ маѣ. Въ училищѣ преподавалось около пятнадцати самыхъ разнообразныхъ предметовъ; каждый изъ нихъ надо было пройти отъ начала до конца за весь годъ и приготовиться къ нему въ теченіе двухъ, иногда одного дня. Чрезмѣрное умственное напряженіе, просиживаніе ночи безъ сна, безъ сомнѣнія, дѣйствовали крайне вредно на здоровье. Въ теченіе этого времени никто почти не говорилъ другъ съ другомъ, ходили всѣ какъ шальные или сидѣли не двигаясь, придерживая въ ладоняхъ голову, наклоненную надъ книгой. Отъ экзамена зависѣлъ переходъ въ слѣдующій классъ,—переходъ, приближавшій къ освобожденію изъ училища, къ свободѣ, и это, вѣроятно, придавало силы побѣждать трудность.

Какъ результатъ перваго года, проведеннаго въ училищѣ, долженъ сказать, рѣшительно не понимаю, какъ я, мальчикъ по природѣ въ высшей степени нервный, впечатлительный, робкій, мягкій, какъ воскъ, съ развитіемъ крайне запоздалымъ,—какъ могъ я пережить въ этой атмосферѣ, гдѣ товарищи были суровѣе, безпощаднѣе, чѣмъ само начальство.

III.

Знакомство съ Достоевскимъ.—„Мечты и звуки“.—Знакомство съ Некрасовымъ.—Случай, послужившій поводомъ къ моему выходу изъ училища.

Разъ въ воскресенье отправился я изъ училища, желая навѣстить бывшаго моего наставника К. Ф. Костомарова. Я пришелъ утромъ, въ то время, когда его питомцы (ихъ былъ новый комплектъ и, попрежнему, человѣкъ пять) не занимались. Меня тотчасъ же всѣ радостно обступили; я былъ для нихъ предметомъ живѣйшаго любопытства, могъ сообщить о житьѣ-бытьѣ училища, въ которое они должны были вступить будущею весной.

Въ числѣ этихъ молодыхъ людей находился юноша лѣтъ семнадцати, средняго роста, плотнаго сложенія, бѣлокурый, съ лицомъ, отличавшимся болѣзненною блѣдностью. Юноша этотъ былъ Федоръ Михайловичъ Достоевскій. Онъ пріѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Мих. Мих. Послѣдній не держалъ экзамена въ инженерное училище, опредѣлился въ кондукторскую саперную роту, былъ произведенъ въ офицеры и отправленъ на службу въ Ревель. По возвращеніи оттуда, спустя уже нѣсколько лѣтъ, М. М. вышелъ въ отставку, открылъ папиросную фабрику, занимался одновременно переводами сочиненій Гете, написалъ комедію *Старшая и меньшая* и послѣ возвращенія изъ ссылки О. М. сдѣлался редакторомъ журнала *Эпоха*.

Сближеніе мое съ *Θ. М. Достоевскимъ* началось едва ли не съ перваго дня его поступленія въ училище. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полустолѣтія, но хорошо помню, что изъ всѣхъ товарищей юности я никого такъ скоро не полюбилъ и ни къ кому такъ не привязывался, какъ къ *Достоевскому*. Казалось, онъ сначала отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же, несмотря на врожденную сдержанность характера и отсутствіе юношеской экспансивности—откровенности. Ему радостно было встрѣтить во мнѣ знакомаго въ кругу чужихъ лицъ, не упускавшихъ случая грубо, дерзко придирается къ новичку. *Θ. М.* уже тогда показывалъ черты необщительности, сторонился, не принималъ участія въ играхъ, сидѣлъ, углубившись въ книгу, и искалъ уединеннаго мѣста; скорѣй нашлось такое мѣсто и надолго стало его любимымъ: глубокій уголъ четвертой камеры съ окномъ, смотрѣвшимъ на Фонтанку; въ рекреаціонное время его всегда можно было тамъ найти и всегда съ книгой.

Съ неумѣренною пылкостью моего темперамента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнею мягкостью и податливостью характера, я не ограничился привязанностью къ *Достоевскому*, но совершенно подчинился его вліянію. Оно, надо сказать, было для меня въ то время въ высшей степени благотворно. *Достоевскій* во всѣхъ отношеніяхъ былъ выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня. То, что сообщалъ онъ о сочиненіяхъ писателей, имя которыхъ я никогда не слыхалъ, было для меня откровеніемъ. До него я и большинство остальныхъ нашихъ товарищей читали спеціальныя учебники и лекціи, и не только потому, что постороннія книги запрещалось носить въ училище, но и вслѣдствіе общаго равнодушія къ литературѣ.

Кончина Пушкина въ 1837 г. была чувствительна между нами, я убѣжденъ, одному *Достоевскому*, успѣвшему еще въ пансіонѣ Чермака (въ Москвѣ) прочесть его творенія; предосторожности, принятыя во время перенесенія тѣла великаго поэта изъ его квартиры, легко могло стать, приняты были также по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ; приказано было, по возможности, скрыть событіе и наблюдать, чтобы меньше о немъ говорили.

Мнѣ потомъ не разъ случалось встрѣчаться съ лицами, вышедшими изъ пансіона Чермака, гдѣ получилъ образованіе *Достоевскій*; всѣ отличались замѣчательною литературною подготовкой и начитанностью.

Первыя литературныя сочиненія, читанныя мной на русскомъ языкѣ, были мнѣ сообщены *Достоевскимъ*; это были: переводъ *Котъ Мурзъ* Гофмана и *Исповѣдь англичанина*, принимавшаго

опіумъ, Матюрена—книга мрачнаго содержанія и весьма цѣнная тогда Достоевскимъ. *Астрологъ* Вальтеръ-Скота и особенно *Озеро Онтаріо* Купера окончательно пристрастили меня къ чтенію. Читая въ *Озеръ Онтаріо* сцену прощанія Патъ-Файндера съ Маделью, я заливался горькими слезами, стараясь отворачиваться и украдкой утирать слезы изъ опасенія, чтобы этого не замѣтили и не подняли меня на смѣхъ. Литературное вліяніе Достоевскаго не ограничилось мной; имъ увлеклись еще три товарища: Бекетовъ, Витковскій и Бережецкій; образовался, такимъ образомъ, кружокъ, который держался особо и сходился какъ только выпадала свободная минута. Любовь къ чтенію смѣнила у меня на время страсть къ рисованію, которымъ я усердно занимался до того времени. Читалось безъ разбору все, что ни попадало подъ руку и что тайкомъ приносилось въ училище. Разъ, помню, я имѣлъ даже терпѣніе прочесть до конца всего *Josselin*, скучнѣйшую и длиннѣйшую поэму Ламартина, и не менѣе скучный переводный англійскій романъ *La Mapelle d'Dayton*. Описаніе жизни знаменитыхъ живописцевъ, помѣщенное въ одномъ изъ сочиненій Карамзина, привело меня въ восторгъ. Я вступалъ въ горячій споръ съ Достоевскимъ, доказывая, что Рафаель Санціо значитъ Рафаель *свѣтой*, такъ прозванный за его великія творенія; Достоевскій доказывалъ, что *Санціо* обозначаетъ только фамилію художника, съ чѣмъ я никакъ не хотѣлъ согласиться. Воображеніе, болѣе и болѣе увлекаемое чтеніемъ, не могло имъ ограничиться.

Послѣ чтенія пьесы Шиллера *Разбойники* я тотчасъ же принялся сочинять пьесу изъ итальянскихъ нравовъ; прежде всего, я позаботился принесть названіе: *Замокъ Морвено*. Написавъ первую сцену, я тутъ же остановился; съ одной стороны, помѣшало безсиліе воображенія, съ другой—неумѣнье выражать на русскомъ языкѣ то, что хотѣлось.

Чтеніе и мысли, которыя оно пробуждало, не только мѣшали мнѣ слѣдить за уроками, но замѣтно охлаждали къ класснымъ занятіямъ. Достоевскій, сколько помнится, учился также не важно; онъ приневоливалъ себя съ тѣмъ, чтобы окончить курсъ и переходить изъ класса въ классъ безъ задержки. Последнее не удалось ему, однакожь; при переходѣ въ одинъ изъ классовъ, онъ не выдержалъ экзамена и долженъ былъ въ немъ остаться еще годъ; неудача эта потрясла его совершенно; онъ сдѣлался болѣнъ и пролежалъ нѣсколько времени въ лазаретѣ.

Въ 1839 или въ началѣ сороковаго года находились мы въ рекреационной залѣ; вошелъ въ нее дежурный офицеръ Ферморъ, при-

держивая въ рукахъ пачку тоненькихъ брошюръ въ блѣдно-розовой оберткѣ. Предлагая намъ покупать ихъ, онъ рассказывалъ, что авторъ стиховъ, заключавшихся въ брошюрахъ, молодой поэтъ, находится въ стѣсненномъ денежномъ положеніи. Брошюра имѣла такое заглавіе: *Мечты и звуки*; имя автора замѣнялось нѣсколькими буквами.

Это происходило въ самый разгаръ моего литературнаго увлеченія. Стихи неизвѣстнаго писателя, сколько помнится, не произвели на меня и Достоевскаго особеннаго впечатлѣнія. Но для меня довольно было тогда слова: «поэтъ» и знать, что такой поэтъ существуетъ здѣсь, въ Петербургѣ, чтобы пробудить любопытство, желаніе хотя бы глазкомъ взглянуть на него. Последнее, къ великой моей радости, не встрѣтило затрудненія. Одинъ изъ моихъ товарищей, Тамамшевъ, племянникъ Фермора, знакомъ былъ съ поэтомъ; онъ сообщилъ, что настоящее имя поэта: «Некрасовъ» и обѣщалъ свести меня къ нему въ первый свободный праздникъ. Можно себя представить, какъ радостно было принято предложеніе. Мы отправились въ первое воскресенье. Что-то похожее на робость овладѣло мной, когда мы стали подходить къ дому, гдѣ жилъ Некрасовъ. Домъ этотъ находился на углу Колокольной улицы и Дмитровскаго переулка; надо было проходить черезъ дворъ и подняться по черной лѣстницѣ. На звонъ дверь отворилъ намъ слуга, довольно чисто одѣтый; мы вошли въ небольшую свѣтлую прихожую, перегороженную стеклянною перегородкой, за которой помѣщалась кухня. Въ слѣдующей комнатѣ, довольно просторной и свѣтлой, бросался, прежде всего, въ глаза безпорядокъ; подоконники, полъ, кровать, небольшой столъ были завалены ворохомъ бумагъ, газетъ и книгъ; на одномъ изъ подоконниковъ изъ-подъ газетъ выглядывало нѣсколько тарелокъ. Насъ встрѣтилъ молодой человѣкъ, средняго роста, худощавый, говорившій глухимъ, сильнымъ голосомъ; онъ былъ въ халатѣ; на головѣ его красовалась шитая цвѣтными шнурами ермолка, изъ-подъ которой свѣшивались длинные жиденькіе волосы каштановаго цвѣта.

Чѣмъ объяснилъ я ему нашъ неожиданный приходъ, какъ принялъ насъ Некрасовъ, что говорилось при этомъ, — рѣшительно не помню; надо думать, впечатлѣніе не настолько было сильно, чтобы врѣзаться въ памяти.

Кромѣ стиховъ въ извѣстной брошюрѣ, Некрасовъ успѣлъ уже тогда написать нѣсколько рассказовъ, въ числѣ которыхъ повѣсть *О пропавшемъ безъ вѣсти нѣмцѣ*. Но гонораръ въ то время платили только извѣстнымъ литераторамъ; остальные должны были

считать за счастье, когда удостоивали печатать ихъ произведенія; если имъ платили, то настолько скудно, что жить однимъ литературнымъ трудомъ едва ли было возможно. Практическій умъ Некрасова помогъ ему обойти затрудненія: онъ свелъ знакомство съ Куликовымъ, главнымъ режиссеромъ русской труппы, и сталъ работать для театра. Изъ пьесъ его помню только водевилъ: *Шила въ мышь не утаишь*, — *двушку подъ замкомъ не упрячешь*. Онъ тогда же перевелъ пятиактную драму: *La nouvelle Fanchon* подъ названіемъ: *Материнское благословеніе*. Какимъ образомъ ухитрился онъ это сдѣлать, не зная буквально слова по-французски, остается непонятнымъ. Сколько нужно было воли, терпѣнія, чтобы, частью пользуясь объясненіями случайно заходившихъ знакомыхъ, частью по лексикону довести до конца такую работу.

По странному сдѣвленію случайностей и аналогій, въ томъ самомъ домѣ, на углу Колокольной и Дмитровскаго переулка, гдѣ жилъ Некрасовъ, помѣщалась, патнадцать лѣтъ спустя, въ бель-этажѣ, редакція журнала *Современникъ*, котораго Некрасовъ былъ тогда полнымъ хозяиномъ.

Знакомство мое съ Некрасовымъ и рассказы о моемъ свиданіи съ нимъ встрѣчены были Достоевскимъ съ полнымъ равнодушіемъ; ему, вѣроятно, не нравились его стихи въ извѣстной брошюрѣ; онъ находилъ, что не изъ чего было мнѣ такъ горячиться.

Годъ отъ году, между тѣмъ, я неохотнѣе, хуже учился. Съ одной стороны, какъ уже я упоминалъ, увлекало меня чтеніе, съ другой — любовь къ художеству, которая снова овладѣла мною. Матушка моя, не подозрѣвая, насколько послѣднее увлеченіе вредило моимъ занятіямъ, давала мнѣ средства посѣщать въ праздничные дни академію художествъ и брать уроки рисованія и живописи у художника Томаринскаго. Знакомство съ товарищами моего учителя, ихъ независимость, свобода жизни, помимо занятій любимымъ предметомъ, еще сильнѣе давали всякій разъ чувствовать суровый гнетъ въ стѣнахъ Михайловскаго замка и разжигали желаніе скорѣе отъ него освободиться, вырваться на волю. Пройдя какимъ-то образомъ во второй классъ, предшествующій послѣднему, я пришелъ къ сознанію, что дальше идти нѣтъ мнѣ возможности. Логарифмы окончательно меня сокрушили; зная, что впереди меня ожидаютъ еще какія-то страшные дифференціальныя исчисленія, я рѣшился во что бы ни стало упросить матушку взять меня изъ училища. Врядъ ли согласилась бы она на это, но случай помогъ мнѣ достигъ моего желанія.

Матушка пріѣхала въ Петербургъ навѣстить меня. Въ субботу,

въ шесть часовъ вечера, меня отпустили къ ней изъ училища. Вечеръ былъ осенній, пасмурный, сѣялъ мелкій дождь. Я повернулъ съ Невскаго въ Б. Морскую и подходилъ къ Кирпичному переулку, гдѣ теперь домъ Кононова. Въ то время тамъ стояло довольно жалкое деревянное двухъ-этажное зданіе; наверху помѣщался дѣтскій театръ, въ нижнемъ этажѣ находился магазинъ картинъ и древностей. Въ ту самую минуту, какъ я поровнялся съ дверью этого магазина, подлѣ меня остановился на вытяжкѣ какой-то военный и скороговоркой произнесъ: «Вы пропустили Великаго Князя!» Поднявъ глаза, я увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ коляску съ опущеннымъ фартукомъ, изъ-подъ котораго выставлялась трехъугольная шляпа; въ ту же секунду послышался голосъ: «Поди сюда, поди сюда!» Узнавъ голосъ Великаго Князя, я потерялъ голову, паническій страхъ владѣлъ мною; не отдавая себѣ отчета въ своемъ дѣйствіи, я сломя голову бросился въ стеклянную дверь картиннаго магазина; въ немъ никого не было, я бросился дальше, попалъ въ кухню, гдѣ что-то чистила кухарка, но не успѣла она крикнуть, какъ я уже стремительно летѣлъ черезъ дворъ и самъ не помню, какъ очутился въ мебельномъ магазинѣ, выходившемъ на Мойку. Нѣмецъ, хозяинъ магазина, выслушавъ мой рассказъ и, вѣроятно, тронутый моимъ положеніемъ, провелъ меня по внутренней лѣстницѣ къ себѣ на квартиру и передалъ семейству. Мало-помалу я успокоился, думая, авось Великій Князь не замѣтилъ моей формы, но онъ былъ на этотъ счетъ зоркъ. Когда совершенно смерклося, я рѣшился выйти на улицу и спѣшилъ къ матери. Не желая ее испугать, я скрылъ причину моего поздняго прихода.

Мы улеглись спать. Ночью, часа въ два, звонокъ. Сторожъ, посланный изъ училища, объявилъ, что надо сейчасъ же отправляться въ Михайловскій замокъ, что случилось что-то и всѣхъ сторожей разослали по городу собирать кондукторовъ. Матушка встревожилась; продолжая скрывать отъ нея причину неожиданнаго сбора, я чувствовалъ себя только не совсѣмъ бодрымъ. Придя въ замокъ, я нашелъ тамъ уже человѣкъ до шестидесяти товарищей; всѣ ходили въ волненіи и бранились. Съ каждою минутой являлись новыя лица и спрашивали съ недоумѣніемъ: «Что случилось?» Рассказывали, что кто-то изъ кондукторовъ пропустилъ Великаго Князя, не сдѣлавъ ему фронта; Великій Князь приказалъ къ десяти часамъ собрать всю роту и самъ общалъ пріѣхать; въ случаѣ же, если найдется виноватый, приказано было привести его къ этому часу въ Михайловскій дворецъ. Счастливая мысль пришла мнѣ въ голову: я подумалъ, что если Великій Князь узналъ только форму

мундира, но не успѣлъ разглядѣть моего лица и я буду продолжать скрываться, все училище, пока не отыщется виновный, непременно запрутъ въ стѣнахъ замка на долгое время, но рано или поздно виноватый непременно отыщется, ему, безъ сомнѣнія, не простится товарищами его поступокъ, онъ пятномъ ляжетъ на всю мою жизнь. Никому не говоря о своемъ рѣшеніи, я отправился къ ротному командиру барону Розену и рассказалъ все, какъ было. Онъ этому обрадовался, похвалилъ меня и тотчасъ же отдалъ приказаніе распустить всѣхъ по домамъ.

Часамъ къ девяти утра на меня надѣли новый мундиръ и баронъ Розенъ повелъ меня во дворецъ. Ждали мы около часа, въ теченіе котораго баронъ Розенъ не переставалъ ободрять меня и раза два даже перекрестилъ. Мимо насъ то и дѣло суетливо проходили генералы и адъютанты. Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Наконецъ, дверь пріотворилась, кто-то подозвалъ Розена и что-то шепнулъ ему. «Пойдемте!» — сказалъ Розенъ. Онъ ввелъ меня въ большую комнату, въ глубинѣ которой стоялъ Великій Князь; по бокамъ его стояли генералы и офицеры.

Я остановился передъ Великимъ Княземъ шагахъ въ трехъ.

— Этотъ шелопай былъ вчера пьянъ! — сказалъ Великій Князь, указывая на меня.

— Ваше Высочество, — проговорилъ баронъ Розенъ, — этотъ кондукторъ отличается у насъ хорошимъ поведеніемъ; онъ никогда ни въ чемъ худомъ не былъ замѣченъ.

Осмѣлиться противорѣчить такимъ образомъ Великому Князю было въ то время равносильно геройству. Не даромъ Розенъ былъ у насъ такъ любимъ и популяренъ.

Не знаю, приняты ли были во вниманіе слова ротнаго командира, или Великій Князь находился въ особенно хорошемъ расположеніи духа и его смягчилъ видъ испуга на лицѣ моемъ, но онъ заговорилъ замѣтно уже смягченнымъ голосомъ:

— Представьте, вчера этотъ шелопай не сдѣлалъ мнѣ фронта; я подозвалъ его, — что-жь вы думаете? — онъ бросился отъ меня въ магазинъ и удралъ. Я послалъ за нимъ тотчасъ же Ростовцева, который ѣхалъ со мною, но нигдѣ не могли его отыскать, онъ точно... точно испарился!...

Послѣднее слово положительно спасло меня; оно, должно быть, понравилось Великому Князю. Онъ началъ повторять его: «Испарился... да, испарился... Повторяю вамъ: онъ точно испарился...» Наконецъ, онъ засмѣялся и, обратясь къ Розену, приказалъ посадить меня подъ арестъ и не выпускать впредь до разрѣшенія.

Въ то же утро приказаніе было исполнено. Великій Князь, конечно, забылъ обо мнѣ; начальство не смѣло ему напомнить. Не знаю, сколько бы пришлось просидѣть, еслибъ, къ счастью, не заболѣло у меня горло и меня не перевели въ лазаретъ. Въ тотъ же день матушка, въ испугѣ, пришла навѣстить меня. Я сталъ умолять ее взять меня изъ училища, увѣряя, что здѣсь меня, навѣрное, вгонять въ чахотку, что я не желаю вовсе быть инженеромъ, что настоящее мое призваніе—быть художникомъ. Матушка, наконецъ, согласилась, подала прошеніе и я былъ уволенъ.

IV.

Академія художествъ.—А. А. Шуданъ.—К. П. Брюловъ.—Т. Г. Шевченко.—Кулисы Большого театра.—Неудачный дебютъ.—Отѣздъ изъ Петербурга.—Случайная встрѣча съ директоромъ театровъ А. М. Геденовымъ.

Матушка моя выказывала мнѣ всегда много доброты, даже баловала меня, когда не находилась подъ вліяніемъ бабушки. Она словомъ не попрекнула меня за то, что я обманулъ ея надежды и не сдѣлался инженеромъ. Она повела меня къ портному, заказала нѣсколько перемѣнъ платья, купила бѣлья,—словомъ, экипировала отъ головы до ногъ, и сама потомъ отправилась въ академію отыскивать мнѣ помѣщеніе. Благодаря ей, нашлась комната, которую удѣлялъ изъ своей квартиры и отдавалъ въ наемъ одинъ изъ дядекъ при академистахъ, жившихъ тогда въ академіи на положеніи казенныхъ воспитанниковъ и ходившихъ въ мундирахъ; я былъ совершенно счастливъ. Матушка напрасно только оставила меня такъ скоро одного на полной свободѣ; но ее давно беспокоила мысль о томъ, что бабушку также нельзя оставить одну въ деревнѣ. Скрѣпя сердце, она простилась со мной и уѣхала.

Въ первое время я съ горячностью продолжалъ учиться живописи у Томаринскаго и посѣщалъ классы. Но кончался урокъ, закрывались классы, и я положительно не зналъ, куда дѣваться, что съ собой дѣлать. Товарищъ мой по московскому пансіону, старшій Монигетти, успѣлъ уже окончить курсъ и былъ отправленъ въ Италію; къ другому товарищу, Попову, можно было попасть только въ праздничные дни. На мое счастье, рядомъ со мною, у того же дядьки, нанималъ вторую комнату нѣкто А. А. Шуданъ, человѣкъ уже не первой молодости, замѣчательно добрый, принявшій во мнѣ почему-то сердечное участіе. Шуданъ имѣлъ званіе академика по архитектурѣ, но былъ бѣденъ, потому что отличался полнымъ отсутствіемъ практичности и неумѣньемъ подслуживаться, не допускав-

шимъ его, какъ это дѣлали многіе его товарищи, забѣгать къ профессорамъ и строителямъ-архитекторамъ и получать отъ нихъ работу. Онъ буквально жилъ, сочиняя, тайно, разумѣется, архитектурныя программы для лицъ, добивающихся званія академика. Онъ вдругъ привязался ко мнѣ, крайне былъ полезенъ совѣтами и постоянно сдерживалъ меня отъ глупыхъ поступковъ, которые я могъ дѣлать по неопытности, благодаря также моему увлекающемуся характеру. Несмотря на ограниченность его денежныхъ средствъ, онъ любилъ покупать книги, охотно снабжалъ меня ими, часто даже настоятельно требовалъ, чтобы я прочелъ то или другое сочиненіе; онъ, между прочимъ, познакомилъ меня съ *Донъ-Кихотомъ*. Чтеніе комедій Мольера неожиданно пробудило во мнѣ дремавшую литературную жилку: я принялся переводить комедію *Сганарель*, но долженъ былъ остановиться при самомъ началѣ, обезкураженный неумѣньемъ свободно управлять бѣглою русскою фразой.

Въ то время вся академія фанатически была увлечена Брюловымъ; онъ сосредоточивалъ на себѣ все вниманіе, ни о чемъ больше не говорили, какъ о немъ. Всѣ академисты отъ мала до велика горѣли однимъ желаніемъ: попасть въ ученики къ Брюлову. Съ умиленнымъ чувствомъ выслушивался рассказъ о томъ, какъ послѣ cadaго новаго портрета или картины Брюлова мой однофамилецъ В. И. Григоровичъ, секретарь академіи, вымаливалъ у Брюлова позволеніе взять новое его произведеніе къ себѣ на квартиру, запирался на ключъ и двое сутокъ просиживалъ передъ нимъ, не отрывая отъ него глазъ. Всему этому добродушно вѣрили и самъ рассказчикъ, и его слушатели. Я былъ отъ Брюлова въ экстазѣ и также мечталъ попасть къ нему въ ученики, забывая, что къ нему поступали только зрѣлые ученики, а я былъ только начинающій. Узнавъ, что Брюловъ часто посѣщаетъ вмѣстѣ съ учениками скромный ресторанъ въ четвертой линіи Васильевского острова, я сдѣлался постояннымъ его посѣтителемъ, но, къ огорченію моему, ни разу его тамъ не нашелъ. Встрѣчая въ коридорахъ академіи Брюлова, всегда сопровождаемаго учениками, я замиралъ, руки мои холодѣли, языкъ прилипалъ къ гортани. Наружность его не имѣла, однакожъ, ничего внушительнаго: онъ былъ маленькаго роста, толстый, съ выдающимся животомъ, на коротенькихъ ножкахъ; сѣрые глазки его, окруженные припухшими красными вѣками, смотрѣли насмѣшливо; лобъ его, совершенно прямой, отвѣсный, украшался бѣлокурыми кудрями; онъ постоянно носилъ сѣрую коротенькую жакетку, придававшую его круглой маленькой фигурѣ довольно комическій видъ; но таково

уже было тогда настроеніе, что все казалось въ немъ прекраснымъ, даже величественнымъ; многіе увѣряли, что наружность Брюлова, особенно голова съ ея кудрями, близко напоминаетъ по своему характеру Зевеса Олимпійскаго.

Въ числѣ учениковъ Брюлова находился въ то время Т. Г. Шевченко, съ которымъ, самъ не знаю какъ, я близко сошелся, несмотря на значительную разницу лѣтъ. Т. Г. было тогда лѣтъ тридцать, можетъ быть, больше; онъ жилъ въ одной изъ линий В. о. и занималъ вмѣстѣ съ какимъ-то офицеромъ крошечную квартиру. Я посѣщалъ его довольно часто и постоянно заставлялъ за работой надъ какою-нибудь акварелью — единственнымъ его средствомъ къ существованію. Сколько помню, Шевченко былъ тогда постоянно въ веселомъ настроеніи духа; я ходилъ слушать его забавные рассказы и смѣялся дѣтскимъ простодушнымъ смѣхомъ.

Но о моей жизни въ академіи не стоить долго распространяться: то, что я изъ нея вынесъ, описано большею частью въ давнишней моей повѣсти: *Неудавшаяся жизнь*. Академическій бытъ того времени еще лучше моего описанъ въ книгѣ М. О. Каменской, урожденной графини Толстой, дочери бывшаго президента академіи. Тамъ, между прочемъ, прелестно рассказано, какъ авторъ, тогда еще ребенокъ, поймалъ, въ сообществѣ съ другими дѣтьми, дѣвочку пяти лѣтъ, дочь сторожа, и они затащили ее въ комнату, откуда вышли работники, золотившіе рамы; дѣвочку раздѣли до нага, вымазали сахарною водой, вызолотили съ головы до ногъ сусальнымъ золотомъ и пустили въ такомъ видѣ прогуливаться по корридорамъ. Тогда это было вполнѣ возможно; въ академическихъ корридорахъ не было ни внутреннихъ, ни наружныхъ дверей, они были раскрыты на всѣ вѣтры и всякій, кому было угодно, могъ безпрепятственно входить въ зданіе. Въ этихъ корридорахъ, говорили, не совсѣмъ даже было безопасно проходить по ночамъ; не разъ открывалось, что сторожа держали на своихъ квартирахъ безпаспортныхъ.

Учитель мой, Томаринскій, имѣлъ случай доставать иногда даровые билеты въ Большой театръ и всякій разъ приглашалъ меня идти вмѣстѣ. Я съ одинаковымъ радостнымъ волненіемъ входилъ всегда въ театральную залу. Давалась ли опера, шелъ ли балетъ, — для меня было безразлично; спектакль самъ по себѣ производилъ на меня чарующее дѣйствіе; сколько помню, меня не столько всегда занимало то, что происходило на сценѣ, сколько всякій разъ манило на самую сцену, въ таинственный закрытый міръ кулисъ, актеровъ и актрисъ, нравы которыхъ, преувеличенные во-

ображеніемъ, подстрекали въ высшей степени мое любопытство. На яву и во снѣ я сталъ бредить однимъ театромъ. Но какъ осуществить мечту—попасть за кулисы? Какимъ образомъ достигнуть заманчивой цѣли? Вопросы эти не давали мнѣ покоя. Кто-то научилъ меня обратиться къ Роллеру, старшему декоратору и машинисту Большого театра, попросить его давать мнѣ уроки декоративной живописи и этимъ способомъ имѣть, можетъ быть, случай попасть за кулисы. Не долго думая, я собралъ въ папку лучшіе мои рисунки и спѣшно отправился въ Большой театръ. Мнѣ сказали, что зала, гдѣ пишутся декораціи, находится подъ стропилами театральной крыши. Подымаясь по безконечной темной лѣстницѣ, я долженъ былъ нѣсколько разъ останавливаться; у меня захватывало духъ отъ смѣлости моего похода. Я очутился, наконецъ, подъ стропилами, въ обширномъ свѣтломъ пространствѣ, полъ котораго былъ покрытъ полотнами разной величины; по нимъ расхаживало въ мягкихъ башмакахъ нѣсколько человѣкъ съ длинными палками, кончавшимися кистями; макая кисти въ тутъ же поставленные горшки съ красками, они бойко водили ими по полотнамъ. Мнѣ указали на Роллера, высокаго, строгаго вида человѣка, говорившаго съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я робко къ нему подошелъ и, высказавъ мое желаніе, поспѣшно развернулъ передъ нимъ папку; внимательно осмотрѣвъ рисунки, онъ похвалилъ ихъ и тотчасъ же, принявшись за прерванную работу, сказалъ, что если у меня есть желаніе учиться декоративной живописи, я могу приходить въ залу хоть съ завтрашняго дня. Я былъ въ восхищеніи.

Откуда-то доносились звуки оркестра и время отъ времени раздавалось пѣніе. Сдѣлавъ невольно нѣсколько шаговъ въ ту сторону, я приблизился къ низенькой рѣшеткѣ, отдѣлявшей декорационную залу отъ темной бездны, увѣшанной декораціями съ перекрещивавшимися во всѣ стороны веревками и навѣсными переходами; въ неизмѣримой глубинѣ, за рѣшеткой, посреди темноты, выдвигался ярко освѣщенный край рампы и то и дѣло передъ нею выставлялись чьи-то носки и края одежды. Неожиданно грянулъ оркестръ и явственно послышались голоса пѣвцовъ. Сердце мое сильно забилося. Желаніе мое проникнуть на сцену исполнилось скорѣе и легче, чѣмъ я ожидалъ. Когда Роллеръ ушелъ, другой декораторъ, Шеньянъ, направился къ рѣшеткѣ и, отворивъ подлѣ нея маленькую дверь, готовился войти въ нее. «Развѣ здѣсь есть другой ходъ?»—спросилъ я.—«Да, ходъ на сцену, мнѣ надо тамъ переговорить кое съ кѣмъ...»—«Возьмите меня съ собою!»—вырвалось у меня. Онъ

охотно согласился; мы вступили въ темный лабиринтъ таинственныхъ переходовъ и узенькихъ лѣстницъ. Я былъ точно въ лихорадкѣ отъ возбужденнаго любопытства. Когда мы очутились за кулисами, репетиція только что кончилась и артисты сѣли со сцены; въ темнотѣ мнѣ никого не привелось разсмотрѣть. Впечатлѣніе было, тѣмъ не менѣе, настолько сильно, что я нѣсколько дней ни о чемъ больше не говорилъ съ Томаринскимъ и Шуданомъ. Декораціонную залу я посѣщалъ каждый день, одушевляемый надеждой спуститься на сцену послѣ ухода Роллера. Осуществленію моихъ надеждъ много способствовалъ Шеньянъ, добрый и добродушный изъ нѣмцевъ; ему какъ будто понятно было мое любопытство. Не довольствуясь спускаться со мною за кулисы во время репетицій, онъ вскорѣ повелъ меня вечеромъ во время представленія балета. Тутъ я окончательно потерялъ голову. Послѣ этого я не пропускалъ уже ни одного спектакля. Первое время меня разъ или два спросили, кто я и что я здѣсь дѣлаю, но мнѣ стоило объявить, что я занимаюсь у Роллера, и меня оставили въ покоѣ.

Слушая мои рассказы, добрый Шуданъ качалъ головою и отечески старался охладить мое увлеченіе; я притворялся, что слушаю его совѣты, но наступалъ вечеръ, и я, вмѣсто того, чтобы отправляться въ классы, сломя голову бѣжалъ въ театръ. У меня начинались тамъ кое-какія знакомства, казавшіяся мнѣ во сто разъ интереснѣе моихъ академическихъ пріятелей. Вскорѣ случилось то, чего неизбѣжно надо было ожидать; помимо общаго обаянія, производимаго на меня кулисами и ихъ персоналомъ, явилась другая причина, притягивавшая меня къ театру. Разъ стоялъ я вмѣстѣ съ другими на актерскомъ подьбздѣ въ то время, какъ артисты выходили послѣ представленія. Одной изъ воспитанницъ школы не достало мѣста въ каретѣ и ее заставили ждать вмѣстѣ съ классною дамой обратнаго возвращенія экипажа. Я случайно былъ подлѣ и заговорилъ съ нею. Въ слѣдующее представленіе мы встрѣтились уже какъ знакомые; мѣсяцъ спустя я былъ влюбленъ, какъ можетъ влюбляться въ первый разъ девятнадцатилѣтній живой юноша, предоставленный самому себѣ, пользующійся полною свободой, безъ контроля семьи и зрѣлыхъ близкихъ людей. Въ самый разгаръ моей страсти наступилъ великій постъ; спектакли прекратились; возможность встрѣчаться за кулисами исчезла. Я пришелъ въ такое отчаяніе, что добрый Шуданъ, отъ котораго я ничего не скрывалъ, не шутя за меня испугался; онъ уже не давалъ мнѣ совѣтовъ продолжать ходить въ классы, видя ихъ бесполезность, но употреблялъ всѣ средства, чтобы меня успокоить.

Я ободрился тогда только, когда узналъ, что въ театральномъ училищѣ находится театръ и что въ немъ дозволяется пробовать силы всеѣмъ желающимъ поступить въ актеры. Въ увлеченіи моемъ и также съ привычкою своеволия, я готовъ былъ на все рѣшиться, чтобы только достигнуть цѣли—попасть въ театральное училище и видѣться съ предметомъ любви; я отправился къ управляющему училищемъ съ твердымъ намѣреніемъ добиться дебюта. Онъ, прежде всего, освѣдомился, могу ли я прочесть что-нибудь изъ Озерова. Не зная ни одного стиха изъ трагедій Озерова, я просилъ позволенія прочесть что-нибудь изъ Пушкина, и когда онъ согласился, продекламировалъ довольно бойко первый монологъ изъ *Моцарта и Сальери*; управляющій, повидимому, остался доволенъ. Онъ посоветовалъ мнѣ взять роль Шале въ пьесѣ *Дуэль при кардиналь Ришелье*, назначилъ приблизительно день спектакля и сказалъ, что дастъ знать, когда будетъ время явиться на первую репетицію. Начались репетиціи; цѣль была, такимъ образомъ, достигнута; я могъ возобновить свиданія съ любимой воспитанницей. Насталъ, наконецъ, день спектакля. Я игралъ ниже всякаго описанія. Мнѣ было отказано въ слѣдующемъ дебютѣ за отсутствіемъ всякой способности къ сценѣ. Потомъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, не разъ случалось мнѣ участвовать въ домашнихъ спектакляхъ и исполнять различныя роли. Живость моего характера, способность живо рассказывать, ясно и выразительно читать на публичныхъ чтеніяхъ вселяли многимъ увѣренность, что я непременно долженъ быть хорошимъ актеромъ; на практикѣ выходило совсѣмъ другое. Я старательно разучивалъ роль, но игралъ всякій разъ отвратительно. При выходѣ на сцену мною овладѣвала какая-то нервная суетливость; изъ памяти улетучивался характеръ изображаемаго лица; меня, главнымъ образомъ, озабочивала одна лишь мысль: не забыть роли, не стать въ тупикъ въ самую патетическую минуту.

Послѣ моего неудавшагося дебюта, двери училища были для меня закрыты. Новая эта разлука была настолько чувствительна, что, во избѣжаніе ея повторенія, я чуть не рѣшился жениться на любимой дѣвушкѣ, какъ только ее весною выпустятъ на волю.

Рѣшимость мою изложилъ я матушкѣ въ трогательномъ письмѣ, слезно умоляя ее согласиться на мой бракъ и не мѣшать моему счастью.

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Внушенный, безъ сомнѣнія, бабушкой, вѣроятно, ею даже продиктованный, онъ отличался энергіей и строгостью. Матушка объявляла, что не только не позволяетъ мнѣ жениться, но считаетъ самую мысль безуміемъ и съ на-

стоящаго времени перестаетъ посылать мнѣ ежемѣсячное содержаніе. Матушка гораздо бы лучше сдѣлала, пріѣхавъ въ Петербургъ; она, —я узналъ потомъ, —совсѣмъ было на это рѣшилась, но удержана была бабушкой, увѣрившей ее, что все это пустяки, которыми не стоитъ тревожиться, что достаточно прекратить мнѣ высылку денегъ, чтобъ я одумался и пересталъ бѣсноваться.

Я положительно не зналъ, что предпринять. За совѣтомъ къ Шудану я уже не могъ обратиться; онъ оставилъ академію послѣ того, какъ знакомый помѣщикъ пригласилъ его къ себѣ въ деревню строить часовню. Вскорѣ послѣ него я также выѣхалъ изъ академіи и нанялъ комнату, отдававшуюся въ наемъ при квартирѣ стараго золотильщика. За комнату было уплачено за мѣсяцъ впередъ; у меня оставалось еще нѣсколько денегъ, но ихъ едва ли было достаточно, чтобы прожить слѣдующій мѣсяцъ. Разсчитывать на то, что хозяинъ квартиры будетъ ждать уплаты, было несбыточно.

Кстати объ этомъ хозяинѣ; это былъ типъ своего рода, у него на все были оригинальные взгляды. Въ то время, какъ я жилъ у него, любимымъ предметомъ его разговора была Тальони, сводившая тогда съ ума петербургскую публику; хозяинъ мой никакъ не могъ переварить общаго восторга; онъ постоянно утверждалъ: «Вѣрьте мнѣ, все это у нея одинъ обманъ, отводъ глазъ... Теперь даже все это открылось; платили столько денегъ, чтобы смотрѣть, какъ подпрыгнетъ да въ воздухъ такъ долго мается; что-жь бы вы думали?—все это былъ одинъ обманъ... Стали это провожать ее, какъ она уѣзжала, —смотреть, а это у ней все крылья были подвязаны...» Напрасно старался я дознаться, гдѣ нашли у нея крылья, въ какомъ именно мѣстѣ, отвѣтъ былъ одинаковъ: «крылья подвязаны, да и все тутъ». На вопросъ мой, почему, доживъ до преклонныхъ лѣтъ, онъ не женился, объясненіе было слѣдующее: «Собирался я сколько разъ, да все какъ-то не выходило; въ первый разъ попалась была хорошая дѣвушка и приданое за ней было изрядное, да узналъ я, что она побочная дочь, я и не согласился». — «Не все ли равно?—говорилъ я. —Сами же вы увѣряли, что она хорошая дѣвушка». — «Нѣтъ, невозможно, —возражалъ онъ съ горячностью, —невозможно, помиуйте скажите: побочная дочь... —Потомъ такой былъ случай, —продолжалъ онъ: —встрѣтилась другая дѣвица, также хорошая, приданого семьсотъ рублей, опять пришлось отказать: у нея на лѣвомъ глазу бѣльмо открылось...» — «Такъ что-жь такое?» — «Нѣтъ, помиуйте, никакъ невозможно! При нашемъ мастерствѣ какъ-нибудь повздоришь, зацѣпишь невзначай за правый глазъ, она совсѣмъ ослѣпнетъ; что я

Буду тогда со слѣной - то дѣлать? Никакъ невозможно!...» Но о немъ довольно.

Время отъ времени посѣщаль я моего товарища по пансіону Монигетти, С. И. Попова, кончавшаго тогда курсъ въ институтѣ восточныхъ языковъ.

Навѣстивъ его въ этотъ горькій періодъ моей юности, я встрѣтился у него съ его родственникомъ и моимъ знакомымъ Бахметьевымъ, молодымъ помѣщикомъ. Я откровенно высказалъ имъ трудность моего положенія. Бахметьевъ заходилъ къ Попову съ тѣмъ, чтобы проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ въ деревню, въ Саратовскую губернію; онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ и я радостно, не долго думая, согласился. Дня два спустя мы уѣхали.

Въ деревнѣ Бахметьева я скучалъ невообразимо. Вокругъ насъ, не считая стараго сада, разстилались неоглядныя степь и болота. Бахметьевъ по цѣлымъ днямъ пропадалъ, гоняясь за дрофами и стрепетами; я ему не сочувствовалъ, имѣя врожденное отвращеніе къ охотѣ, не постигая возможности находить удовольствіе въ истребленіи бѣдныхъ птицъ и зайцевъ. Сантиментальность, привитая мнѣ отчасти въ дѣтствѣ, воспитаніемъ между женщинами, нѣжно любившими собакъ, кошекъ и птицъ, была тутъ не причемъ; освободившись отъ нея впослѣдствіи, я точно также всю мою жизнь оставался ненавистникомъ охоты не по необходимости, а изъ одного удовольствія.

Время свое у Бахметьева я проводилъ, бродя по полямъ, бесѣдуя съ попадавшимися крестьянами и выслушивая рассказы дворовыхъ, сообщавшихъ любопытныя, большею частью дикія, черты изъ стараго мѣстнаго помѣщичьяго быта. Житіе у Бахметьева было для меня, однакожъ, не совсѣмъ бесполезно; оно успокоило мои нервы и дало возможность прочесть нѣсколько интересныхъ книгъ, случайно открытыхъ въ коммодѣ. Вычитавъ на корешкѣ стараго переплета имя Вольтера, о которомъ часто упоминала бабушка, я съ жадностью прочелъ *Кандида*, который мнѣ, однакожъ, не понравился; остальныхъ книгъ не помню.

По прошествіи двухъ мѣсяцевъ Бахметьевъ соскучился не меньше меня; онъ рѣшился оставить деревню и предложилъ доставить меня обратно до Петербурга. На подорогѣ, въ Москвѣ, Бахметьевъ остановился и занялъ номеръ въ гостинницѣ Шевріе. Въ день нашего пріѣзда мы обѣдали въ ресторанѣ той же гостиницы. Я въ этотъ день былъ въ особенномъ разговорномъ настроеніи и неумолкаемо смѣнялъ одинъ рассказъ другимъ. Къ концу обѣда Бахметьевъ уѣхалъ навѣстить какую-то родственницу и я остался одинъ.

Недалеко отъ меня за отдѣльнымъ столомъ сидѣлъ пожилой господинъ. Онъ неожиданно обратился ко мнѣ и съ безцеремонностью старыхъ людей, бесѣдующихъ съ юношами, принялся разспрашивать, гдѣ я такъ хорошо научился говорить по-французски; когда я сказалъ ему, онъ приступилъ къ дальнѣйшимъ разспросамъ и кончилъ, убѣждая меня, что молодому человѣку нельзя жить безъ дѣла, что необходимо начать служить гдѣ-нибудь. «Я охотно запишу васъ въ мою канцелярію, — проговорилъ онъ въ заключеніе. — Приѣдете въ Петербургъ, спросите канцелярію директора Императорскихъ театровъ и явитесь ко мнѣ».

Этотъ обязательный старикъ былъ никто другой, какъ А. М. Геденовъ, приѣзжавшій въ Москву, чтобы принять подъ свое управленіе казенные московскіе театры.

Недѣли двѣ спустя я возвратился въ Петербургъ и поступилъ въ канцелярію Геденова.

Я тотчасъ же написалъ объ этомъ матушкѣ, утаивъ только слово *театръ* и въ общихъ чертахъ сообщая о поступленіи на службу. Отвѣтъ былъ самый ласковый и благопріятный; въ немъ извѣщалось, между прочимъ, о возобновленіи ежемѣсячной присылки денегъ.

У.

Канцелярія директора театровъ А. М. Геденова. — А. Л. Неваховичъ. — Лонгиновъ. — Переводные драма и водевиль. — В. Р. Зотовъ. — О. А. Кони. — Каратыгинъ. — Мартыновъ. — Пѣвецъ Леоновъ. — Издатель Плюшаръ. — Первые литературныя попытки. — Разлука съ канцеляріей.

Канцелярія А. М. Геденова, помѣщавшаяся въ комнатѣ, предшествующей кабинету директора, состояла всего изъ пяти лицъ: четырехъ канцелярскихъ чиновниковъ и правителя дѣлъ Е. М. Семенова, сидѣвшаго въ сторонѣ за особымъ столомъ. Послѣдній былъ крошечный человѣкъ, тощаго вида, какъ голодный чижикъ, женатый на родной сестрѣ трагика Каратыгина, почти такой же рослой и мужественной, какъ ея братъ; смиреніе, кротость, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣловитость были отличительными чертами Семенова. Главную роль между нами игралъ, однакожь, А. Л. Неваховичъ, начальникъ по репертуарной части и близкое лицо Геденову. Обязанности его не ограничивались въ то время составленіемъ репертуара, но обнимали всѣ части по управленію театральной администтраціи, кромѣ конторы.

А. Л. Неваховичъ былъ сынъ извѣстнаго варшавскаго банкира и, въ то же время, драматическаго писателя. Унаслѣдовавъ послѣ

отца миллионное состояніе, А. Л., въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, благодаря безчисленнымъ поручительствамъ за пріятелей, благодаря отчасти врожденной широтѣ натуры и также игрѣ въ карты, остался не причемъ. Ему было тогда уже лѣтъ подъ сорокъ. Наружность его представляла соединеніе однѣхъ выпуклыхъ формъ; въ ней все круглилось, начиная съ туловища и кончая шаровидною головой, едва прикрытою пухомъ волосъ, но оживленной умными черными мигающими глазками. Онъ не ходилъ иначе, какъ во фракѣ. Я въ жизнь не встрѣчалъ болѣе разсѣяннаго, суетливаго, подвижнаго человѣка. Онъ бросался къ столу, спѣша написать дѣловое письмо, но едва успѣвалъ набросать первую строчку, внезапно какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, летѣлъ со всѣхъ ногъ къ выходной двери, неожиданно останавливался, какъ бы снова о чемъ-то вспомнивъ, и возвращался къ столу съ озабоченнымъ видомъ; стоило въ эту минуту войти кому-нибудь въ канцелярію, онъ вскакивалъ, бѣжалъ на встрѣчу къ вошедшему съ радостнымъ восклицаніемъ, и тутъ же, заслышавъ голосъ директора, стремительно катилъ къ нему въ кабинетъ. Когда у него заводились деньги, онъ, по старой привычкѣ къ транжирству и по своей безпечности, разсовывалъ ихъ куда ни попало, давалъ въ лучшихъ ресторанахъ роскошныя обѣды, приглашая на нихъ безъ разбору каждаго, кто первый подвертывался подъ руку. Самъ онъ ѣлъ также безъ разбору, но весьма много, и къ концу ѣды только всегда вздыхалъ, приговаривая:

— Господи, когда подумаешь, много ли человѣку нужно?!...

Черезъ него познакомился я съ его братомъ, М. Л., настолько же сухимъ и желчнымъ, насколько старшій братъ отличался полнѣйшимъ добродушіемъ; М. Л. не думалъ еще тогда издавать *Эра-лаши*, но усердно практиковался въ рисовкѣ каррикатуръ.

Занятія въ канцеляріи были не сложны; чуть-чуть являлось серьезное дѣло, его поручали Семенову. На меня возложена была переписка въ двухъ экземплярахъ недѣльнаго репертуара и еще ежедневнаго доклада министру двора, состоявшаго неизмѣнно изъ слѣдующихъ строкъ: «Резервуаръ Большаго театра наполненъ водою», а въ зимнее время прибавлялось: «и она не замерзла».

Къ десяти часамъ аккуратно являлся съ докладомъ къ директору управляющій конторой А. Д. Кирѣевъ, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, строгаго, холоднаго вида, весьма образованный, большой любитель литературы и, сколько помнится, близко знакомый съ Лермонтовымъ. Докладъ никогда не продолжался болѣе часа. Со свойственнымъ ему тактомъ, Кирѣевъ никогда не переходилъ границы своихъ прямыхъ обязанностей; онъ зналъ только свою контору. Онъ

не прикасался къ дѣламъ училища и держалъ себя совершенно въ сторонѣ отъ управленія труппой; онъ рѣдко даже посѣщалъ театръ; его никогда не видѣли на сценѣ. Административная часть вообще отличалась тогда замѣчательною простотою. У Геденова, въ числѣ его слугъ, находился арапъ, родившійся въ Россіи; желая наградить его за вѣрную службу, Геденовъ назначилъ его старшимъ бутафомъ и говорилъ, что онъ отлично велъ свое дѣло; какъ теперь вижу передъ собою огромнаго роста рыжаго начальника по монтировочной части Николаева; онъ былъ прежде не болѣе, какъ фельдфебель преображенскаго полка.

Нерѣдко дверь директорскаго кабинета отворялась, выходилъ изъ нея Геденовъ, шаркая мягкими подошвами, и говорилъ намъ: «Вамъ сегодня, кажется, нечего дѣлать... Можете, господа, убираться на всѣ четыре стороны!»

Мы отправлялись въ театръ, преимущественно въ Большой, когда тамъ шла репетиція балета.

Ничего, конечно, не было хорошаго для юноши моихъ лѣтъ толкаться утромъ и вечеромъ за кулисами. Но я уже выше замѣтилъ, что подлѣ меня не было человѣческой души, которая настолько приняла бы во мнѣ участія, чтобы вмѣшаться въ мою жизнь, стараться вразумить меня, сдерживать мои порывы, руководить мною. Достоевскій находился еще въ училищѣ, Поповъ отправлялся въ Яссы. Врядъ ли, впрочемъ, я послушался бы тогда кого-нибудь; я успѣлъ уже вкусить сладость полной независимости. Одно только предохраняло меня сколько-нибудь погрязнуть въ безмысленной пустотѣ, окружавшей меня: охота къ чтенію. Соблазнъ закулисной жизни, тѣмъ не менѣе, у меня бралъ верхъ. Когда давали балетъ, я не могъ утерпѣть и проводилъ вечеръ, толкаясь за кулисами, а къ концу спектакля на актерскомъ подѣздѣ. Тутъ всегда можно было встрѣтить всѣхъ записныхъ театраловъ, гр. П. А. Шувалова, С. А. Грейга, кн. Д. А. Щербатова и другихъ военныхъ и штатскихъ. Въ числѣ послѣднихъ особенно отличался М. Н. Лонгиновъ, носившій еще тогда студенческій мундиръ; послѣднее не мѣшало ему кричать громче другихъ, протискиваться впередъ, бойко говорить съ незнакомымъ сосѣдомъ, какъ со старымъ пріятелемъ. Его смѣлость и подвижность были изумительны; онъ поспѣвалъ всюду, послѣ двухъ-трехъ встрѣчъ онъ становился на короткую ногу и независимо отъ лѣтъ и положенія вступалъ на «ты». Несмотря на молодость, онъ считался главою театраловъ. Они собирались въ принсканной Лонгиновымъ квартирѣ на Никольской площади; тамъ велись оживленныя бесѣды, но подъ условіемъ страха, если кто - нибудь

коснется предмета, не имѣющаго отношенія къ балету, говорились рѣчи на темы, предлагаемыя обыкновенно Лонгиновымъ, пѣлись пѣсни и куплеты, сочиняемые опять тѣмъ же воспріимчивымъ, несокрушимымъ весельчакомъ и душою общества Лонгиновымъ.

Тридцать пять лѣтъ спустя на Большой Морской я встрѣтилъ этого самаго М. Н. Лонгинова послѣ того, какъ онъ оставилъ тульское губернаторство и былъ назначенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Я едва узналъ его: обрюзглый, съ бурою желтизной въ лицѣ, мрачный, раздраженный, озлобленный противъ всѣхъ, ненавидящій все, что сколько-нибудь близко прикасалось къ печати... И это былъ тотъ самый неумолкаемый весельчакъ и «добрый малый» Лонгиновъ, считавшій когда-то за счастье встрѣтиться съ литераторомъ, добивавшійся чести попасть въ литературный кружокъ, съ упоеніемъ помѣщавшій въ журналы свои библиографическія замѣтки, сочинявшій различные нецензурные стихи и даже цѣлыя поэмы и читавшій ихъ, захлебываясь отъ счастья при малѣйшемъ одобреніи слушателей.

Что было поводомъ къ такому превращенію, не знаю; но, глядя на него, приходило желаніе не встрѣчаться съ нимъ больше.

Сближеніе съ кулисами и, особенно, частыя посѣщенія Александринскаго театра невольно внушили мнѣ желаніе принять болѣе близкое участіе въ сценической дѣятельности. Прочитавъ драму Сулье: *Eulalie Pontois*, я принялъ намѣреніе перевести ее на русскій языкъ. Незнакомый съ условіями драматической литературы, требующей быстрого разговорнаго языка, я лѣзъ изъ кожи, закручивая длинные періоды и риторическія трескучія фразы. Ошибки эти были исправлены на репетиціяхъ и пьеса подъ названіемъ *Наслѣдство* дана была, кажется, въ бенефисъ г-жи Валбуховой. Войдя во вкусъ, какъ говорится, я принялся, для другаго бенефиса, за переводъ водевиля: *Шампанское и опиумъ*. Но водевиль былъ пересыпанъ куплетами, а такъ какъ я со дня рожденія не могъ написать стиха, пришлось обратиться къ сотруднику. Въ канцеляріи я имѣлъ нѣсколько разъ случай встрѣчаться съ В. Р. Зотовымъ, уже тогда много писавшимъ для театра. Онъ неоднократно приходилъ справляться у Неваховича, принята ли его новая историческая драма: *Новгородцы*. В. Р. Зотовъ былъ первый настоящій литераторъ, съ которымъ мнѣ привелось встрѣтиться; онъ охотно согласился на мое предложеніе, несмотря на то, что работа эта отнимала у него время и не приносила ему ровно никакой выгоды (за новыя пьесы, игранныя въ бенефисъ, дирекція не платила авторамъ; послѣ бенефиса онъ дѣлались собственностью дирекціи, которая платила только

по условію извѣстнымъ писателямъ). Въ моемъ сотрудникѣ нашелъ я самаго привѣтливаго человѣка и вскорѣ познакомился съ его семействомъ. Онъ занималъ небольшую квартиру на каналѣ подлѣ Большого театра, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ этажемъ выше жилъ И. И. Сосницкій. Бывая у Зотовыхъ, я никогда не видѣлъ, чтобы въ этомъ многочисленномъ семействѣ сидѣлъ кто сложа руки; начиная отъ отца, тогда уже преклоннаго старца, и кончая младшею дочерью, все работали и, кажется, исключительно занимались литературой; полное согласіе и самыя искреннія дружескія отношенія связывали всехъ членовъ этого почтеннаго семейства; посторонніе встрѣчали въ немъ радушіе и гостепріимство; все какъ-то были всегда въ ровномъ, хорошемъ настроеніи духа. Р. В. Зотовъ былъ когда-то начальникомъ русской труппы; дѣти его, имѣвшія случай бывать въ театрахъ съ первыхъ лѣтъ возраста, сохранили любовь къ театру до зрѣлаго возраста; не проходило зимы, чтобы у Зотовыхъ по нѣскольку разъ не устраивались домашніе спектакли. Малые размѣры комнаты не позволяли ставить сцену; дѣйствіе происходило на паркетѣ и рампа отдѣлялась отъ зрителей много если на полтора аршина. Это не мѣшало, однакожъ, давать сложныя для постановки пьесы, какъ, напримѣръ, *Горе отъ ума* (безъ пропусковъ), *Свою семью* Хмѣльницкаго, *Ревизора* и *Женитьбу* Гоголя. Главнымъ режиссеромъ, распорядителемъ и актеромъ былъ всегда В. Р. Послѣ спектакля, на сценѣ и въ сосѣднихъ комнатахъ накрывались столы и угощеніе продолжалось до поздней ночи.

В. Р. Зотовъ, принимавшій участіе въ изданіи *Пантеона русскихъ театровъ*, посоветовалъ мнѣ отдать въ печать мой переводъ драмы *Наслѣдство*. Обрадованный тѣмъ, что трудъ мой явится въ печати и еще съ именемъ переводчика, я поспѣшилъ отправиться къ Ѳ. А. Кони, редактору *Пантеона*. Ѳ. А., вѣроятно, предупрежденный Зотовымъ, встрѣтилъ меня очень любезно. Это былъ небольшого роста, худощавый человѣкъ, въ черномъ, какъ смоль, парикѣ, съ черными, быстрыми, умными глазами, смотрѣвшими сквозь стекла золотыхъ очковъ. Онъ охотно взялся печатать мой переводъ. Ѳ. А. Кони имѣлъ тогда большое значеніе на сценѣ и между артистами, какъ редакторъ театральнаго журнала и какъ авторъ. Его водевили, пересыпанные веселыми куплетами, имѣли успѣхъ и давались безпрерывно. Помимо таланта водевилиста, онъ извѣстенъ былъ также какъ острогъ. За экспромтъ, сказанный имъ гдѣ-то:

«Не жди, чтобы цвѣла страна,
Гдѣ плохо слушаютъ разсудка,

И гдѣ зависеть все отъ сна
И отъ сваренія желудка...

и еще другой, сказанный по случаю неудачной попытки гр. Воронцова захватить Шамиля:

«Могучь, воинствененъ и грозенъ
Въ клубъ англійскій гр. Воронцовъ вступилъ;
Хоть онъ Шамиля не сразилъ,
За то теперь сраженъ имъ Позенъ!»

Ө. А. Кони, говорили, поплатился тѣмъ, что призванъ былъ къ извѣстному Л. В. Дубельту. Ө. А. Кони теперь забыли. Но не забыты ли послѣ него болѣе крупные дѣятели литературы, какими были, напримѣръ, Полевой, основатель, можно сказать, русской журналистики, — «этотъ богатырь журналистики», какъ называлъ его Бѣлинскій, Полевой историкъ, критикъ, романистъ, драматургъ; не забыты ли почти также Вельтманъ, авторъ *Похождений изъ міра житейскаго, Кошеля, Сердца и думки* и т. д., и еще многіе другіе, способствовавшіе росту и развитію русской литературы?

Ренетиціи моихъ двухъ переводныхъ пьесъ сблизили меня съ артистами. Я познакомился съ В. А. Каратыгинымъ и его братомъ П. А., Максимовымъ первымъ, Мартыновымъ и Самойловымъ, игравшимъ тогда почти исключительно въ роляхъ съ переодѣваніями. Я благоговѣлъ передъ В. А. Каратыгинымъ; недостатковъ его я не замѣчалъ. Благодаря молодости и горячности, критическое чувство замѣнялось непосредственнымъ энтузіазмомъ. Вообще, надо сказать, критика была къ В. А. Каратыгину крайне несправедлива; камертонъ недоброжелательства былъ данъ Бѣлинскимъ, до конца сохранившимъ пристрастіе къ Мочалову. Бѣлинскій иначе не называлъ Каратыгина, какъ сухимъ декламаторомъ, актеромъ безъ вдохновенія. Мочаловъ, котораго я много разъ потомъ видѣлъ, былъ дѣйствительно способенъ воодушевляться, но воодушевленіе проявлялось у него порывами, какъ бы по капризу. Васъ предупреждали, что надо его видѣть въ такой-то пьесѣ и въ такой-то сценѣ онъ будетъ великолѣпенъ; игра его въ самомъ дѣлѣ производила сильное впечатлѣніе; рядомъ съ этимъ, въ другихъ сценахъ не вѣрилось, чтобы это былъ тотъ самый актеръ, — до того былъ онъ безцвѣтенъ и скученъ; случалось пропускать два-три спектакля, пока Мочалову придется роль по душѣ и дать ему возможность вдохновиться. Каратыгинъ, при меньшей способности воодушевляться, давалъ, по крайней мѣрѣ, отъ начала до конца полное впечатлѣніе того лица, котораго изображалъ. Всякую роль изучалъ онъ одина-

ково добросовѣстно; зритель всегда уходилъ удовлетвореннымъ. Въ *Королѣ Лирѣ*, *Гамлетѣ*, *Людвигѣ XI*, *Кларѣ д'Обервилѣ* онъ былъ превосходенъ. Не его вина, если ему приходилось большею частью играть въ господствовавшемъ тогда репертуарѣ Букольника, Полевого, Ободовскаго. Замѣчательный талантъ Каратыгина высказывается уже тѣмъ, что, начавъ свое поприще съ классической подготовки, играя Озерова, гдѣ, прежде всего, требовалась приподнятая декламація и условная пластика, онъ вскорѣ могъ совладать съ приѣмами романтической драмы, игралъ совершенно свободно, не менѣе естественно, чѣмъ теперь играютъ. Онъ крайне строго относился къ себѣ и къ искусству. Разъ, помню, встрѣтилъ я его на улицѣ съ кипой книгъ подъ локтемъ. На вопросъ мой: что это за книги, онъ съ восхищеннымъ видомъ отвѣтилъ, что только что купилъ давно ожидаемую имъ исторію герцоговъ Бургундскихъ, сочиненіе Баранта. Оно было нужно ему, чтобы ближе познакомиться съ эпохой Людовика XI. Его бранили, — и на этотъ разъ справедливо, — за исполненіе роли Чацкаго. Онъ брался за нее, говорили, изъ жадности, желая получить лишнія разовыя, но это относится къ личнымъ слабостямъ человѣка.

Его братъ, П. А., былъ средній актеръ, но, подобно московскому Ленскому, писалъ веселые водевили и комедіи и отличался остроуміемъ. Остроты и каламбуры сыпались изъ него, какъ орѣхи изъ мѣшка. На похоронахъ Полевого Булгаринъ хотѣлъ непременно, вмѣстѣ съ другими, нести его гробъ. «Полноте, Ѳаддѣй Венедиктовичъ, зачѣмъ вамъ? Вы уже при жизни довольно его поносили!» — громко замѣтилъ ему Каратыгинъ. Товарищъ его, Григорьевъ первый, написалъ пьесу *Житейская школа*. П. А. такъ о ней отзывался:

«*Житейскую школу* я всю прочиталъ,
И только лишь въ томъ убѣдился,
Что авторъ комедіи жизни не зналъ
И въ школѣ нигдѣ не учился».

Въ трагедіи *Смерть Ивана Грознаго* играли поочередно Самойловъ и Васильевъ. Каратыгинъ по этому поводу выразился: «Василія Васильевича (Самойлова) я видѣлъ; Павла Васильевича (Васильева) также видѣлъ; но Ивана Васильевича, признаться, не видалъ». Въ то время провинціальныя актеры, желавшіе поступить на казенную сцену, дебютировали въ Александринскомъ театрѣ лѣтомъ и обыкновенно въ роли Гамлета. П. А. увѣрялъ, что нынче каждый хамъ лѣтомъ (Гамлетомъ) хочетъ непременно дебютиро-

вать, и т. д. П. А. былъ ненавистникъ новаго реального направле-
нія, начинавшаго проявляться въ сороковыхъ годахъ въ русской
литературѣ; онъ винилъ въ этомъ Гоголя и изощрялъ свое остро-
уміе, чтобы трунить надъ его послѣдователями. Имъ сочиненъ былъ
даже водевилъ подъ названіемъ: *Натуральная школа*, въ кото-
ромъ одинъ изъ актеровъ отлично загримировался Панаевымъ; за-
ключительныя слова водевиля были слѣдующія: «Литераторы новой
школы, я васъ презираю!»

Вся тогдашняя труппа, впрочемъ, не сочувствовала Гоголю,
исключая Сосницкаго и его жены, превосходно передававшихъ роли
городничаго и городничихи. Максимовъ первый и Мартыновъ гораз-
до охотнѣе играли въ водевиляхъ Каратыгина, Кони, Коровкина и
друг., чѣмъ въ *Ревизорѣ* и *Женитбѣ*, хотя первый весьма не-
дурень былъ въ Хлестаковѣ, а второй въ роли, кажется, Бобчин-
скаго. Нерасположеніе къ Гоголю всего страннѣе было встрѣтить
въ Мартыновѣ, артистѣ, дѣйствительно, одаренномъ выдающимся
сценическимъ дарованіемъ; уже самая тонкость чутья — принад-
лежность крупнаго таланта — должна была, казалось бы, подска-
зать ему, что ни одинъ авторъ до Гоголя не давалъ ему столько
матеріала для развитія его комическаго таланта. Но Мартыновъ
воспитывался въ театральномъ училищѣ въ то время, когда на ли-
тературное образованіе не обращали почти никакого вниманія; вся
забота сосредоточивалась на приготовленіи хорошихъ танцовщицъ
и танцоровъ; выйдя на волю, онъ не имѣлъ времени доучиться.
Пользуясь его возроставшимъ успѣхомъ на сценѣ, его заставляли
играть чуть ли не каждый день, не обращая никакого вниманія, что
такая усиленная дѣятельность могла имѣть пагубное вліяніе на его
здоровье. Я преднамѣренно коснулся чутья Мартынова, потому что
въ началѣ своей карьеры онъ часто имъ только руководился, ли-
шенный возможности обдумывать и изучать то или другое лицо
пьесы. Ему случалось выходить на сцену, успѣвъ только бѣгло
просмотрѣть роль; но уже и этого было для него достаточно, чтобы
создавать иногда своеобразный типъ. Разъ онъ совсѣмъ не зналъ
роли; вооружившись передъ выходомъ длиннымъ чубукомъ, онъ
явился на сцену и черезъ каждую фразу, подсказанную суфле-
ромъ, сталъ производить долгія затыжки, придавая, въ то же время,
своему лицу и всей фигурѣ натянутый, недовольный видъ; вышелъ
отъ головы до ногъ типъ строптиваго, неуживчиваго департаментскаго
чиновника. Чутье подсказало ему также замѣчательную сцену въ
пьесѣ Чернышева *Не въ деньгахъ счастье*. Изображая скрягу, от-
казавшагося отъ дочери и передъ смертію неожиданно смягчивша-

гося и признавшаго дочь, Мартыновъ внесъ оттѣнокъ, о которомъ не помышлялъ авторъ: обнимая дочь въ порывѣ раскаянія, скряга-отецъ начинаетъ опасаться, что ее снова хотятъ отнять у него; онъ бѣшено обхватываетъ ее, комкаетъ подъ собою и пугливо, какъ звѣрь, озираясь вокругъ, начинаетъ произносить какіе-то дикіе, невнятные звуки... Вся эта сцена, импровизированная Мартыновымъ, производила всякій разъ потрясающее впечатлѣніе. Обаяніе его, какъ актера, было такъ сильно, что стоило ему показаться на сценѣ, и, прежде чѣмъ онъ начиналъ играть, публика была уже наэлектризована. Никогда не забуду я его бенефиса; давали, между прочимъ, одноактную пьеску: *Дочь русскаго актера*; Мартыновъ игралъ роль отца; когда онъ, въ концѣ, обнявъ дочь, приблизился къ рампѣ и пропѣлъ куплетъ:

«Дитя мое, мой часъ пробилъ;
Я думалъ, мнѣ дадутъ прибавку,
И вдругъ неожиданно получилъ
Съ печатью чистую отставку.
Но не забудутся во мнѣ
Талантъ и геній исполинскій,
И послѣ смерти обо мнѣ
Вздохнеть театръ Александринскій!» —

страшно, право, было оставаться въ креслахъ. Зрители партера поднялись со своихъ мѣстъ, какъ одинъ человѣкъ; всѣ бросились къ оркестру; поднялся невообразимый шумъ, крики; стучали стульями и палками; изъ ложъ со всѣхъ концовъ летѣли букеты. Стѣны Александринскаго театра, навѣрное, въ этотъ вечеръ должны были гдѣ-нибудь дать трещину.

Театральныя мои знакомства не ограничивались артистами Александринскаго театра.

Изъ оперныхъ артистовъ я ближе всего познакомился, благодаря, опять-таки, французскому языку, съ Л. И. Леоновымъ (*Charpentier*), французомъ по рожденію. Онъ занималъ тогда амплуа перваго тенора въ русской оперѣ. Знакомство наше превратилось вскорѣ въ тѣсную дружбу; онъ сталъ упрасивать меня переѣхать къ нему на квартиру, такъ какъ семейство его на долгое время поселилось за границей. Я охотно согласился. До меня Леоновъ точно также пригласилъ къ себѣ на жительство А. И. Плюшара, того самаго Плюшара, который, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, предпринималъ изданіе энциклопедическаго лексикона. Послѣ внезапной кончины отца, лексиконъ, начавшійся подъ самыми счастливыми условіями,

остановился на какой-то буквѣ и дальше не пошелъ, благодаря тому, говорили, что Плюшаръ-сынъ зажилъ вдругъ на широкую ногу и посадилъ на мель и себя, и самое изданіе.

Плюшаръ, котораго Погодинъ звалъ почему-то *Плюхърдіемъ*, олицетворялъ типъ обѣднѣвшаго вивера, жуира; полное разстройство его дѣлъ не вылечило его отъ старыхъ привычекъ; не владѣя далеко прежними средствами, онъ продолжалъ посѣщать театры, занимая всегда мѣсто въ первомъ ряду кресель, обѣдалъ въ лучшихъ ресторанахъ и одѣвался франтомъ съ иголочки. Въ бесѣдахъ съ нами онъ выказывалъ плохо сдержанную желчь; бѣдствія и неудачи свои приписывалъ онъ невѣжеству русской публики, не дозрѣвшей до оцѣнки важности энциклопедическаго лексикона и не поддержавшей его въ свое время. Благодаря старымъ связямъ его отца, знакомству съ Кукольниковъ, Гречемъ, Булгаринымъ и книгопродавцами, онъ еще кое-какъ держался, печатая различныя мелкія изданія.

Въ то время, какъ я поселился у Леонова, Плюшаръ только что затѣялъ изданіе книжекъ: *Сто одна повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ*. Мое знаніе французскаго языка было находкой для практическаго издателя; находка была тѣмъ выгоднѣе, что мнѣ въ голову не приходила мысль о гонорарѣ. Я уже былъ счастливъ тѣмъ, что могу принять участіе въ литературной работѣ, видѣть мой трудъ въ печати, познакомиться съ литераторами. Первая переведенная мною повѣсть называлась: *Плавучій маякъ*. Плюшаръ увѣрялъ меня, что переводъ мой очень хвалилъ Кукольникъ; безъ всякаго сомнѣнія, Кукольникъ въ глаза не видалъ перевода, но Плюшару надо было меня задобрить, возбудить мое дальнѣйшее рвеніе, въ чемъ онъ не ошибся. Я съ жаромъ сталъ переводить не только повѣсти, но и приложенные къ нимъ анекдоты.

Разъ Плюшаръ вошелъ ко мнѣ въ комнату вмѣстѣ съ неимоверно длиннымъ-длиннымъ и тощимъ господиномъ, у котораго отъ сухоты кожа лупилась на всемъ лицѣ, на ушахъ и на шеѣ. Это былъ Алексѣй Николаевичъ Гречъ, сынъ Н. И. Греча. Гречъ взялъ со стола мою рукопись, взглянулъ на нее, перевелъ потомъ глаза на меня и сказалъ, обратясь къ Плюшару: «А! такъ вотъ кто у васъ переводчикъ!» Хотѣлъ ли онъ этимъ похвалить переводчика, или, наоборотъ, выразить, что переводъ плохъ, не знаю, но только я остался очень доволенъ новымъ знакомствомъ. Я потомъ нѣсколько разъ заходилъ къ А. Н. Гречу и всегда поражала меня у этого рослаго человѣка страсть ко всему крошечному, микроскопическому: его чернильница, письменныя принадлежности, головная щетка, бритвенный несессеръ имѣли видъ совершенныхъ игрушекъ.

Плюшарь рассказывалъ, что когда А. Н. Гречу минуло тридцать лѣтъ и онъ первый разъ выбрился, операція эта сопровождалась семейнымъ торжествомъ: отецъ, мать, тетки, — все ходили въ радостномъ волненіи, обнимались и восклицали со слезами на глазахъ: «Алеша выбрился! Алеша выбрился!» Онъ жилъ въ домѣ отца, занималъ отдѣльное помѣщеніе, которое дѣлилъ съ другомъ своимъ, художникомъ Тимомъ, только задумавшимъ изданіе *Художественнаго Листка*. А. Н. Гречъ занимался сочиненіемъ и изданіемъ крошечныхъ дѣтскихъ книжекъ; въ такомъ же точно форматѣ издалъ онъ книжку: *Весь Петербургъ въ карманѣ*. Я ни разу не встрѣчалъ у него его отца, но, взявъ этого, встрѣчалъ я нѣсколько разъ Булгарина, аккуратно каждый день пріѣзжавшаго въ извѣстный часъ въ редакцію *Свертой Пчелы*, помѣщавшейся въ томъ же домѣ. У Греча познакомился я также съ довольно курьезнымъ французомъ г. Ипполитомъ Оже, авторомъ четырехтомнаго романа въ русскомъ вкусѣ: *Waninka*, написаннаго подъ впечатлѣніемъ двухнедѣльнаго пребыванія автора въ Москвѣ. Г. Оже принадлежалъ къ группѣ сотрудниковъ Дюма: гг. маркизу де-Шервиль, Бенедикту Ревуаль, Маке и другимъ, доказывавшимъ только размѣръ таланта ихъ патрона, умѣвшаго придать ихъ рукописямъ огонь, живость, интересъ; работая уже отъ себя собственно, сотрудники эти оказывались крайне безцвѣтными и не имѣли никакого успѣха.

А. Н. Гречъ принесъ мнѣ однажды французскую повѣсть, поручая перевести ее, но только не цѣлкомъ, а сдѣлать въ ней по моему усмотрѣнію сокращенія, которыя позволили бы издать ее въ маленькомъ томикѣ. Трудъ былъ для меня новый, но я взялся за него съ тою горячностью, съ какою брался тогда за все. Повѣсть эта — верхъ нелѣпости; она издана была Гречемъ подъ названіемъ: *Эрленсбургскій священникъ*.

Русская грамота давалась мнѣ все еще съ большимъ трудомъ; но его мало-по-малу побуждала практика и, главнымъ образомъ, мое юношеское неутомимое усердіе. Работа была мнѣ по душѣ и увлекала меня.

Знакомство съ литераторами постепенно охлаждало меня къ театальной канцеляріи. Спустя нѣкоторое время я пересталъ посѣщать ее тѣмъ охотнѣе, что прежній ея составъ значительно измѣнился. Два старые товарища изъ нея вышли: А. Л. Неваховичъ, вмѣстѣ съ пѣвицей Корбари, уѣхалъ въ провинцію давать представленія итальянской оперы; старыхъ товарищей замѣнили новые. Въ числѣ послѣднихъ опредѣлился, между прочимъ, нѣкто К., че-

человѣкъ восточнаго происхожденія, бывшій когда-то красавецъ, пожиратель сердецъ, но носившій теперь черную бороду съ просѣдью и такія же бакены, закрывавшія ему половину лица. Онъ представлялъ въ своемъ родѣ личность, не лишенную интереса для наблюдателя. Умный, извѣданный жизненнымъ опытомъ, онъ изошрялъ свои способности на то, чтобы изобрѣтать подходы для занятія денегъ. Онъ входилъ иногда въ канцелярію въ восторженномъ настроеніи, горячо жалъ руки, обнималъ даже и съ воодушевленіемъ начиналъ говорить о Шекспирѣ. «Я, — говорилъ онъ, — сегодня ночью въ сотый разъ прочелъ *Гамлета*. Боже, какая глубина! Шекспиръ не человѣкъ, — нѣтъ, это какой-то Монбланъ въ человѣчествѣ, это — океанъ, да, необъятный океанъ, обхватывающій весь кругомъ». Послѣ такой тирады онъ вдругъ отводилъ намѣченнаго заранѣе слушателя въ сторону, наклонялся къ его уху и скороговоркой произносилъ, и непременно всякій разъ по-французски: «*Pretez moi, je vous prie, cinq roubles*», обѣщая также всякій разъ во вторникъ и непременно къ двѣнадцати часамъ возратить долгъ. Въ другой разъ онъ являлся въ мрачномъ, подавленномъ состояніи духа, тяжело опускался въ кресло и начиналъ такимъ образомъ: «Нѣтъ, гг., воля ваша, въ Петербургѣ жить невозможно! Взгляните въ окно: снѣгъ вокругъ, какъ саванъ; съ неба валить не то дождь, не то какой-то чичерь... Все это на меня дѣйствуетъ вотъ до какой степени: жена скоро должна родить (эту новость сообщалъ онъ нѣсколько разъ въ году)... дѣти больны... Докторъ не выходитъ изъ дома... И при всемъ этомъ, вѣрите ли, нѣтъ силы, недостаетъ духу отправиться въ такую гнусную погоду въ почтамтъ, предъявить повѣстку и получить деньги (онъ медленно, съ безразличнымъ видомъ вынималъ изъ бокового кармана затрепанную повѣстку)... вотъ она... Но нѣтъ, силъ недостаетъ; въ душѣ какая-то тоска, нервы разслабли... Видъ этого снѣга меня совершенно сокрушаетъ». Онъ такимъ же порядкомъ и такъ же неожиданно отводилъ въ сторону слушателя и снова по-французски просилъ одолжить ему до вторника сколько-нибудь денегъ. Когда удавалось ему собрать такимъ образомъ у разныхъ лицъ нѣкоторую сумму, его въ обѣденное время можно было безошибочно застать въ лучшемъ ресторанѣ. Онъ садился за особый столъ, требовалъ непременно самаго хозяина и принимался за составленіе меню. «Нѣтъ, нѣтъ, — возражалъ онъ на предложеніе ресторатора, — нѣтъ, теперь не сезонъ для тюрбо... Устрицы у васъ теперь только фленсбургскія, я люблю только остендскія» и т. д. Обѣдъ заказывался самый утонченный, изысканный. Наливая въ рюмку вино, онъ приподымалъ

ее противъ свѣта и долго держалъ ее на воздухѣ, прищуривая глазъ; разжевывая трюфли, смакуя кушанье и попивая глотками тонкое вино, онъ весь преображался: лицо его лоснилось, ноздри расширялись и вздрагивали, въ восточныхъ глазахъ съ поволокой изображалось выраженіе полного блаженства.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ службы онъ задолжалъ всей дирекціи, не выключая капельдинеровъ. Въ то время не только цирки, но балаганы должны были выплачивать дирекціи театровъ извѣстный процентъ. Разсказывали, К., пользуясь случаемъ посѣщать даромъ балаганы, ухитрился занять денегъ даже у великана, котораго показывали въ одномъ изъ балагановъ.

Д. Григоровичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕ ТОТЪ КОЛЕНКОРЪ *).

(Повѣсть).

(Посвящается Н. Н. Саловой).

ХІІ.

Нечего говорить, что вѣсть о женитьбѣ Фортунатова на вдовѣ Чеботаревой въ тотъ же день сдѣлалась достояніемъ всего села Ба-траковъ. «Хорошенькая попадейка» крѣпилась только до тѣхъ поръ, пока спала, а проснувшись часу во второмъ пополудни, она отпра-вилась взглянуть, что дѣлается въ кухнѣ. Тамъ она увидала стря-пуху, заправлявшую зеленыя щи, и, пробуя эти щи, какъ-то совер-шенно нечаянно сообщила ей о всемъ случившемся вчера на хуто-рѣ. Затѣмъ, покусавши, «матушка» захотѣла орѣховъ и послала въ лавочку ту же стряпуху, а та, придя въ лавочку, поспѣшила сообщить новость женѣ лавочника. Такимъ образомъ, къ вечеру того же дня о женитьбѣ Фортунатова знала уже вся «площадная» интеллигенція.

Къ вечеру же дошла эта вѣсть и до Христи, но она не повѣ-рила ей и тотчасъ же побѣжала въ домъ дьякона навести справки. Дьяконицы не было, а дьяконъ сидѣлъ на какомъ-то обрубкѣ и усер-дно перетиралъ въ ступѣ нюхательный табакъ. Христя быстро рас-пахнула дверь и остановилась на порогѣ.

— Правда?—чуть не вскрикнула она, даже не входя въ комнату.

— А, Христюша!—вскрикнулъ дьяконъ.—Здравствуй!

И хотѣлъ было спросить про бабушку, но Христя предупреди-ла его.

— Правда, что ли?—повторила она.

— Что такое?

— Что Модестъ Яковлевичъ женится?

*) *Русская Мысль*, кн. ХІ.

— Болтають!—вскрикнулъ онъ весело.

— А самъ-то онъ вамъ ничего не говорилъ?

— Ничего.

У Христи отъ радости даже личико вспыхнуло.

— Я такъ и знала, что все это вздоръ!—вскрикнула она и, войдя въ комнату, усѣлась на скамью.

— Извѣстно, вздоръ!—согласился дьяконъ, подбросивъ въ табакъ щепотку золы «для крѣпости».—Ужъ что-то больно чудно!

— Конечно.

— Пойдетъ она за такого!—продолжалъ дьяконъ.—Захочетъ замужь, такъ и почище найдетъ. Этакая дама и вдругъ за какого-то кутейника... Нешто это возможно?

— А я такъ совсѣмъ по иному рассуждаю.

— Какъ же?

— А по-моему она его не стоитъ.

Дьяконъ даже расхохотался.

— Тоже, — вскрикнулъ онъ, — выдумала! Подика-сь фигура какая!

— Какая же она ему пара?... Развѣ онъ можетъ любить ее?

— Тебя, небось, любить?

— Не мня,—я такая же мужичка, какъ и она...

— А онъ-то баринъ, что ли?

— Онъ человѣкъ ученый, а она безграмотная... Только что денегъ много имѣеть.

— И деньги имѣеть,—подхватилъ дьяконъ,—и землицу, и хуторъ, и лѣсочекъ... А сколько этой скотины... коровъ, овецъ, свиней!

— И, все-таки, онъ на ней не женится,—перебила его Христия.

— Извѣстно, не женится, коли не по носу табакъ.

— Хотя бы и по носу,—продолжала Христия, все болѣе и болѣе воодушевляясь.—Не такой онъ человѣкъ, Модестъ Яковлевичъ, что бы женился ради только куска хлѣба... Онъ и свой кусокъ найдетъ... не пойдетъ въ нахлѣбники... Онъ человѣкъ гордый...

— Будетъ тебѣ чепуху-то городить!—вскрикнулъ, наконецъ, раздосадованный дьяконъ.—Да что ты, бѣлены, что ли, объѣлась? Земля, хуторъ, деньги... и онъ не женится? Съ руками бы оторвала... Въдь, это ты только, дура, отъ своего счастья отказалась... за фельдшера не пошла.

Но Христия перебила его.

— А не сами ли вы похвалили меня за это?... А коли похвалили, значить, хорошо сдѣлала.

— Хорошо, да глупо.

— Точно такъ же похвалилъ меня и Модестъ Яковлевичъ. «Если не любишь, говорить, не выходи,—съ немилымъ человѣкомъ жить, говорить, тяжело и деньгамъ не обрадуешься!» — и послѣ этого,—продолжала она,—вы говорите, что онъ на Чеботаревой женится... Никогда я этому не повѣрю, никогда, никогда!

Въ эту самую минуту дверь съ шумомъ распахнулась и въ комнату, какъ бомба, влетѣла дьяконица.

— Каковъ негодий-то, — кричала она, — вѣдь, правда!

— Женится? — подхватила Христя.

— Женится.

— На Чеботаревой? — вскрикнули въ одинъ голосъ дьяконъ и Христя.

— На ней! — подтвердила дьяконица. — Сама понады говорила... Она и сосватала ихъ. Каковъ негодий!...

— Молодецъ, — кричалъ дьяконъ, — молодецъ... ай-да Модестъ!

— Нѣтъ, каковъ негодий-то, хошь бы слово!... Намъ-то, роднѣ-то своей!

— Такъ вотъ зачѣмъ онъ у меня и денегъ-то занялъ!

— Изъ-за этого изъ-за самаго.

— Ну, теперь и я скажу, что «банка»! — восхищался дьяконъ.

Между тѣмъ, дьяконица, оскорбленная молчаніемъ племянника, принялась передавать дьякону всѣ подробности, слышанныя ею отъ понады. Говорила она задыхаясь, торопливо и иначе не называла Фортунатова, какъ негодяемъ.

Христя сидѣла за столомъ словно мертвая. Ей было очень плохо. Сердце ея словно замерло и дыханіе спиралось въ груди. Она чувствовала, что слезы душатъ ее, и она не хотѣла, чтобы кто-либо видѣлъ эти слезы. Но она напрасно боялась этого. Ни дьяконъ, ни дьяконица не обращали на нее ни малѣйшаго вниманія и разговорились до того, что даже забыли зажечь керосиновую лампочку, несмотря на темноту, воцарившуюся въ комнатѣ. Темнотой этой воспользовалась Христя и незамѣтно ушла отъ дьякона. Она сошла съ крылечка и направилась было къ бабушкиной избенкѣ, но, какъ будто что-то вспомнивъ, остановилась, ощутила свою голову, ощутила сердце и побѣжала мимо. Бѣжала она очень быстро, задыхаясь, гремя своимъ ситцевымъ платьемъ, и словно боялась опоздать куда-то. Встрѣчавшіеся смотрѣли на нее съ удивленіемъ, спрашивали ее: куда она такъ торопится, не хуже ли опять бабушкѣ, но, не получивъ отвѣта, долго провожали ее глазами.

XIII.

Такъ пробѣжала она до половины улицы и, добѣжавъ до переулка, повернула направо. Вдали ярко блеснули три освѣщенныхъ окна. Увидавъ ихъ, Христя словно успокоилась и, прошептавъ: «Слава Богу, дома!» — направилась на эти три окна. Немного погодя передъ нею словно выплылъ изъ мрака флигель, крытый желѣзомъ и обсаженный палисадничкомъ. Во флигель горѣла лампа и ярко освѣщала внутренность комнаты. На окнахъ красовались кисейныя занавѣсочки, а на стѣнахъ комнаты блестѣли своими дешевенькими рамочками олеографическія картины. Наконецъ, Христя такъ близко подбѣжала къ флигелю, что вырывавшіеся изъ оконъ снопы свѣта ярко освѣтили ея лицо. Она была блѣдна, какъ полотно, и тяжело дышала. Головной платочекъ ея висѣлъ на шеѣ, а распустившаяся коса прядями разсыпалась по плечамъ. Но она ничего этого не замѣчала и, торопливо перекрестившись, быстро взбѣжала на крылечко... Щелкнула щеколда, распахнулась дверь и Христя скрылась въ темныхъ сѣняхъ.

Это былъ домикъ фельдшера.

Немного погодя она была уже въ ярко-освѣщенной комнатѣ и стояла передъ изумленнымъ хозяиномъ.

— Что съ вами? — вскрикнулъ онъ, испуганный ея болѣзненнымъ видомъ.

— Ничего... — прошептала она, придерживаясь за косякъ.

— На васъ лица нѣтъ... Ужъ не бабушка ли померла?

— Нѣтъ. Я къ вамъ пришла...

Но здѣсь силы ее покинули, она зашаталась и фельдшеръ успѣшилъ усадить ее въ кресло.

— Посидите, я за водой сбѣгаю, — проговорилъ онъ, но Христя остановила его.

— Погодите... не надо...

Но продолжать дальше она не могла. Она потеряла сознание и голова ея немощно запрокинулась назадъ.

Фельдшеръ растерялся окончательно. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, кричалъ стряпуху, но, вспомнивъ, что онъ услалъ ее за табакомъ и что поэтому въ домѣ онъ совершенно одинъ, онъ снова подбѣжалъ къ Христѣ и, бережно поднявъ ее на руки, уложилъ на диванъ. Затѣмъ онъ бросился за перегородку, принесъ оттуда подушку и, осторожно подсунувъ ее подъ голову Христи, принялся щупать пульсъ. Онъ до того растерялся, что даже забылъ про все свои стеклянки, про спиртъ, про уксусъ и всю свою медицинскую помощь ограничилъ тѣмъ, что принялся разстегивать ей платье и со-

рочку и припалъ ухомъ къ обнаженному сердцу дѣвушки. Но тутъ кровь хлынула ему въ голову, въ глазахъ завертѣлись какіе-то огненные круги, въ вискахъ что-то застучало.

Водворилась тишина. Такъ прошло нѣсколько секундъ. Наконецъ, слышался продолжительный, глубокій вздохъ, и фельдшеръ вскочилъ на ноги. Дрожавшими отъ волненія руками онъ запахнулъ платье, кое-какъ застегнулъ его и въ одинъ прыжокъ очутился возлѣ своей аптечки. Тамъ онъ принялся разыскивать какое-то лѣкарство, но пузырьки выпадали у него изъ рукъ и, упавъ на полъ, разбивались. Такъ переколотилъ онъ нѣсколько стклянокъ... Наконецъ, разыскавъ лавро-вишневые капли, онъ накапалъ нѣсколько капель въ рюмку, развелъ водой и поспѣшно проглотилъ эту смѣсь.

Тѣмъ временемъ очнулась Христя. Она опять вздохнула и, широко раскрывъ глаза, остановила ихъ на фельдшерѣ. А тотъ, ухвативъ какой-то другой пузырекъ, быстро подбѣжалъ къ ней.

— Нюхайте,—шепталъ онъ, задыхаясь,—нюхайте хорошенько... А я побѣгу за водой.

И онъ бросился за перегородку и принесъ оттуда воду и стаканъ.

— Сейчасъ я вамъ дамъ Aqua lauro-cerassi,—говорилъ онъ, накапавъ въ рюмку капель,—и все какъ крыломъ смахнетъ. Примите-ка,—прибавилъ онъ, подавая рюмку.

Христя проглотила капли.

— А теперь выпейте воды,—говорилъ онъ, подавая ей стаканъ.

Христя припала къ нему сухими губами и съ жадностью принялась глотать холодную воду.

Выпилъ и фельдшеръ нѣсколько стакановъ.

— Ну, вотъ и прошло,—проговорилъ онъ,—и нѣтъ ничего... Говорю, какъ крыломъ смахнетъ.

И онъ принялся щупать пульсъ.

Но онъ напрасно утѣшалъ и Христю, и себя. Лаврововишневые капли не успокоили ни ее, ни его. Она, попрежнему, была блѣдна, какъ смерть, а онъ, попрежнему, дрожалъ и задыхался.

— Пульсъ ничего,—говорилъ онъ, отирая съ лица градомъ катившейся потъ.—Почти нормальный, 105,—и затѣмъ, помахавъ себѣ на лицо платкомъ, спросилъ:—Скажите, вамъ не знакома *Herculeus morbus*, сиречь падучая?

Христя покачала головой.

— А *Lunaticum morbus*?

Но Христя махнула рукой и, осторожно приподнявшись съ подушки, сѣла на диванъ.

— Послушайте, — проговорила она едва слышимымъ голосомъ, — я къ вамъ по дѣлу.

— Что прикажете?

— Помните, вы мнѣ предложеніе дѣлали.

— Еще бы не помнить!... Такія вещи не забываются, Христина Васильевна.

— Я вамъ отказала?

— Не забылъ и этого.

— Ну... а теперь... — проговорила Христя.

Багровый, воспаленный цвѣтъ лица фельдшера мгновенно исчезъ и замѣнился блѣдностью.

— Что хотите вы сказать? — спросилъ онъ нѣмѣющимъ языкомъ.

— А то хочу сказать, что прежде я глупа была.

— А теперь?

— Теперь поумнѣла.

— Возможно ли?

— И вотъ... ежели вы не раздумали... я теперь согласна...

И, проговоривъ это, она немощно опустила голову на грудь.

Фельдшеръ упалъ къ ея ногамъ и горячо цѣловалъ ея руки и колѣни.

— Боже мой! — восклицалъ онъ. — И вы не смѣетесь надо мной, вы правду говорите?

— Правду... — прошептала Христя.

— Да за что же мнѣ такое счастье?

И онъ опять припалъ къ ея рукамъ, но Христя остановила его.

— Только вотъ что, — проговорила она, приподнимаясь съ дивана. — Вы теперь ничего про это со мной не говорите. И рукъ не цѣлуйте, — прибавила она, вырывая руки.

— Но, помилуйте, развѣ это возможно?

— Послѣ... Завтра, что ли, приходите... Или нѣтъ, нѣтъ, не завтра, когда-нибудь... А теперь, — прибавила она, — отведите меня домой.

— Да вы отдохните прежде, Христина Васильевна.

Но Христя молча покачала головой и направилась къ двери. Фельдшеръ накинулъ на себя пальто, надѣлъ шляпу и подалъ Христѣ руку.

Немного погодя они были уже на улицѣ. Ночь была прохладная, звѣздная, и Христя вздохнула свободнѣе. Огни были потушены и все село погрузилось въ сонъ. Не спалъ только на базарной площади ночной караульщикъ и мѣрно постукивалъ своею колотушкой,

да не спалъ еще сторожъ церковный, вызванивая двѣнадцать часовъ ночи. Гулко гудѣлъ колоколъ и звукъ его, разливаясь волной по спавшей окрестности, медленно замиралъ и сливался съ молчаніемъ ночи. Христя во всю дорогу не сказала ни слова. За то счастливый фельдшеръ говорилъ безъ умолку. Онъ яркими красками рисовалъ ей картину будущей ихъ супружеской жизни, клялся въ вѣчной любви, сулилъ ей счастье, полное спокойствіе и далъ клятву быть вѣчнымъ ея рабомъ.

— Только любите меня, — шепталъ онъ страстнымъ голосомъ, — любите хоть сколько-нибудь.

Когда они подошли къ бабушкиной избенкѣ, гдѣ-то далеко послышался стукъ экипажа. Христя первая услышала этотъ стукъ и мгновенно остановилась.

— Кто-то ѣдетъ, — проговорила она, вздрогнувъ.

— Да, какъ будто, — замѣтилъ фельдшеръ.

— Подождемъ, посмотримъ, — прошептала Христя и, выдернувъ свою руку у фельдшера, забѣжала за уголъ избытки. — Идите сюда! — прибавила она, задыхаясь.

— Не хотите, чтобъ насъ видѣли?

— Такъ лучше.

И оба они прижались за уголъ.

А стукъ все приближался, послышался вскорѣ и конскій топотъ.

— Это съ хутора ѣдутъ, — шепталъ фельдшеръ, незамѣтно обнимая Христю за талію, — съ хутора Чеботаревой. Тамъ, вѣдь, тоже свадьба, — продолжалъ онъ, — только тамъ не ради симпатій и любви, а просто-на-просто *lucris causa*!...

Но Христя не слушала его болтовни и, вся обратившись въ слухъ, даже не чувствовала, какъ фельдшеръ, обнявъ ея талію, все крѣпче и крѣпче прижималъ къ себѣ. Экипажъ, между тѣмъ, приближался, заскрипѣла околица, послышались веселые женскіе голоса, а немного погодя изъ-за угла «батюшкиной» усадьбы показался тарантасъ Чеботаревой и остановился у крылечка дома.

— Ну, прощайте! — раздался голосъ «матушки», — покойной ночи!

— Прощайте, милочка, — отозвалась Чеботарева, — и вамъ того же желаю!

«Матушка» выскочила изъ тарантаса и принялась стучать кулакомъ въ запертую дверь.

— Аль заперто? — спрашивала Чеботарева.

— Заперто, — отвѣтила «матушка», продолжая стучать. — Сколь-

ко разъ говорила этому пону звонокъ устроить,—прибавила она съ досадою.

— Ну, смотрите же, душечка,—говорила тѣмъ временемъ Чеботарева,—какъ только воротится, сію же секунду присылайте его ко мнѣ. Страсть какъ соскучилась!

— Неужели?

— Ей-Богу!

— Хорошо, пришлю.

— Безпремѣнно присылайте. Очень, молъ, нужно.

— Хорошо, хорошо.

Наконецъ, дверь отворили. «Матушка» еще разъ крикнула: «покойной ночи!» и скрылась въ домъ, а Чеботарева приказала кучеру поворотить лошадей и ѣхать на хуторъ.

Только въ это время почувствовала Христа объятія фельдшера и какъ рыбка выскользнула изъ его рукъ.

— Оставьте!—крикнула она.

— Неужели нельзя?

— Нельзя!

— Но, вѣдь, мы женихъ и невѣста,—шепталъ фельдшеръ, задыхаясь и лоя ея руку.

— А вотъ повѣнчаемся,—перебила его Христа,—тогда ужъ ваша воля будетъ... тогда обнимайте.

— Хоть разоко въ щечку,—умолялъ фельдшеръ.

Но Христа вбѣжала въ сѣни, заперла за собою дверь и оставила фельдшера одного среди улицы.

Придя домой, онъ, не раздѣваясь, бросился на диванъ, уткнулъ лицо въ подушку, на которой такъ недавно еще лежала Христа, и принялся осыпать эту подушку поцѣлуями.

Не то было съ Христей. Войдя въ избушку и убѣдившись, что бабушка спитъ на печкѣ, она улеглась въ свою постель и только тогда дала волю своимъ слезамъ.

XIV.

Въ домѣ Милентова все еще пировали. Выспавшись на сѣновалѣ, вся компанія пошла купаться, а потомъ, освѣжившись, принялась за чай. Чай пили въ саду, подъ развѣсистую черемухой, и чай разливала сама хозяйка. Ей, наконецъ, надоѣло соблюдать *приличія* и она, расфранченная и разодѣтая, явилась раздѣлить веселую компанію. Лохматый врачъ, или, какъ прозвали его Милентовъ, «дикій человѣкъ», началъ было протестовать про-

тивъ такого *молодечества*, но всё его протесты оказались напрасными. Время шло незамѣтно. Чай пили, конечно, съ коньякомъ и разговорамъ не было конца. Послѣ чая всё отправились гулять по саду. Садъ содержался въ наилучшемъ порядкѣ. Фруктовые деревья были тщательно окопаны, подчищены, штамбы вымазаны глиной, а кроны имѣли правильный и красивый видъ. Были въ саду и темныя аллеи изъ густо-разросшихся кустовъ акаціи и сирени. Въ аллеяхъ этихъ царствовала тѣнь и прохлада. Фортунатовъ былъ въ восторгѣ отъ сада и все болѣе и болѣе убѣждался, что подобный уголокъ дѣйствительно «настоящій коленкоръ». Онъ мысленно сравнивалъ его съ *своимъ* и не безъ удовольствія находилъ, что *его* уголокъ, пожалуй, будетъ «покаленкористѣе» этого. Гуляя по саду, разговорился даже и «дикій человѣкъ». Оказалось, что онъ былъ хорошій ботаникъ, тщательно изучившій садоводство и страстно любившій это дѣло. Фортунатовъ словно обрадовался, что, наконецъ-то, докторъ разговорился и пересталъ наблюдать за нимъ сквозь синія свои очки, и всячески старался поддержать съ нимъ разговоръ. Онъ даже не отходилъ отъ него, и оживившійся «дикій человѣкъ» прочиталъ ему чуть не цѣлую лекцію о садоводствѣ. За то молодой офицеръ Хохловъ, облачившійся послѣ купанья въ бѣлый, какъ снѣгъ, китель съ блестящими погонами и сіявшими пуговицами, на этотъ разъ исключительно занялся кумушкой Прасковьей Семеновной Крыловой. Онъ кончилъ тѣмъ, что какъ-то оттеръ ее отъ компаніи и незамѣтно очутился съ нею въ темной аллеѣ.

— Здѣсь, — говорилъ онъ, снявъ фуражку и помахивая платкомъ на лицо, — гораздо прохладнѣе.

— Какое же сравненіе! — согласилась кумушка.

И затѣмъ, стыдливо опустивъ глаза, она прибавила:

— А, вѣдь, я васъ немножко знаю.

— Какъ такъ? — вскрикнулъ офицеръ.

— Видѣла васъ въ городѣ... Ученье у васъ какое-то было и **вотъ** вы съ саблей на-голо впередъ солдатовъ маршировали.

— И вы запомнили меня?

— Еще бы не запомнить!

Это очень польстило офицера и онъ сдѣлался еще развязнѣе.

— Вы меня просто очаровали своимъ вниманіемъ, — говорилъ онъ.

— Я люблю военныхъ...

— За что же именно?

— Народъ развязный... Съ ними завсегда весело...

Такъ бесѣдуя, они прошли всю аллею, въ концѣ которой разсти-
нулся мельничный прудъ. У берега пруда видѣлась лодочка.

— Ахъ какая прелесть!—восхищался офицеръ.—Вы любите
на лодкѣ кататься?

— До смерти люблю!

— Такъ могу я предложить вамъ?

— Можете.

Это «можете» нѣсколько покорило офицера, но не надолго, и
немного погодя они плыли уже по пруду. Офицеръ управлялъ вес-
лами, а «кума» рулемъ. Прудъ былъ довольно большой и представ-
лялъ собою нѣчто похожее на озеро.

— Здѣсь даже дикія утки бываютъ,—говорила кума.

— Скажите!

— А вотъ у меня на хуторѣ,—продолжала она,—хоша и есть
прудъ, а утокъ нѣтъ. За то карасей до пропасти.

Услыхавъ, что у «кумы» есть хуторъ, офицеръ насторожилъ
уши.

— А у васъ тоже хуторъ?—спросилъ онъ.

— Имѣется.

— Далеко отсюда?

— Три версты считаютъ.

— И земля?

— Нельзя же безъ земли. Только у меня немного.

— А сколько?

— Десятинъ двѣсти съ небольшимъ.

Офицера передернуло.

— Что же,—заговорилъ онъ,—ежели земля не заложена...

— Нѣтъ, нѣтъ, сохрани Господи!—поспѣшила перебить его ку-
ма.—Нѣтъ, я насчетъ этого аккуратная. Лучше я недопью, не до-
ѣмъ, или, къ примѣру, въ нарядахъ себя лишу, а ужъ землю не
заложу!

— И отлично дѣлаете!—вскрикнулъ офицеръ, подсаживаясь къ
кумушкѣ.—Отлично, превосходно!

— У меня и садикъ есть. Конечно, не такой большой, какъ
здѣсь, а, все-таки, есть гдѣ и прогуляться, и яблочковъ покушать.

— Ну, конечно, овцеводство, коровы, лошади,—говорилъ
офицеръ.

— Это у меня все въ порядкѣ.

— А дѣточки?—спросилъ офицеръ, наостривъ уши.

Кумушка даже вздохнула.

— Вотъ этимъ Господь не благословилъ.

— Конечно, это прискорбно, — заговорилъ офицеръ, — но ежели принять въ соображеніе распространившійся въ наше время упадокъ нравственности и непочтительность дѣтей къ своимъ родителямъ, то, пожалуй, и нѣтъ худа безъ добра... Вы посмотрите-ка, до какого безобразія дошли нынѣшнія дѣти...

— Нѣтъ, все-таки, безъ дѣтей скучно какъ-то, сиротливо...

— Вѣрно, вѣрно! — горячился офицеръ. — Это съ одной стороны, а съ другой... ежели принять въ соображеніе тѣ горести, которыя такъ часто приходится родителямъ претерпѣвать отъ дѣтей...

— Вы любите карасей? — перебила его кума.

— Очень.

— Въ ухѣ или подъ сметаной?

— И такъ, и эдакъ.

— Вотъ, заѣзжайте когда-нибудь ко мнѣ, — проговорила она стыдливо. — Я угощу васъ.

— О, непременно, непременно!

А, между тѣмъ, лодка, никѣмъ не управляемая, ползла да ползла по стоячей поверхности пруда и заползла, наконецъ, въ камыши. Но ни офицеръ, ни кумушка, увлеченные бесѣдой, даже и не замѣчали этого. Они сидѣли рядомъ и офицеръ заговорилъ уже о домашнемъ очагѣ. Говорилъ онъ объ этомъ очагѣ очень долго и очень много и весь идеаль этого очага свелъ на то блаженное состояніе, въ которомъ находился въ настоящее время Миленовъ. Затѣмъ онъ не безъ зависти заговорилъ и о судьбѣ Фортунатова. Судьба Фортунатова тоже рисовалась ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ, и онъ не могъ не выразить своего удивленія, что такая «дама», какъ Галерія Ивановна Чеботарева, обладающая такими прекрасными средствами, рѣшается соединить свою судьбу съ человекомъ, у котораго нѣтъ ни имени, ни положенія въ свѣтѣ, ни даже чина... Словомъ, за какого-то кутейника, Богъ вѣдаетъ откуда появившагося.

— Нѣтъ, воля ваша, я этого не понимаю! — горячился онъ.

— Будутъ любить другъ друга и проживутъ счастливо, — зашѣтила кумушка мечтательно. — Счастье не въ чинахъ, а въ любви.

— Конечно, это такъ, но... одно другому не мѣшаетъ.

Начинало смеркаться и вечерняя заря багровымъ заревомъ разлилась по горизонту. Надъ лодкой закружились утки, прилетѣвшія ночевать на прудъ, но, наткнувшись на лодку, испуганно шарахались въ сторону и со свистомъ кружились надъ прудомъ. Свистъ этотъ словно пробудилъ бесѣдовавшихъ.

— Однако, пора и домой, — заговорила кумушка.

— Развѣ вы не здѣсь ночуете?—вскрикнулъ офицеръ.

— Нѣтъ, здѣсь.

— А говорите домой!

— То-есть въ садъ, къ гостямъ.

— А я ужъ напугался.

— Чего это?—позвольте спросить.

— Испугался, что лишусь вашего пріятнаго общества.

— Насмѣшники вы всѣ.

— Только ужъ не я... Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ... Вы меня плохо знаете.

Они молча поплыли по направленію къ берегу.

XV.

Тѣмъ временемъ въ саду, подъ тою же черемухой, подъ которой пили чай, происходило оживленное приготовленіе закуски и ужина. И Милентовъ, и жена его, совершенно забывшая о своихъ родахъ, то и дѣло бѣгали въ домъ и цѣлыми подносами приносили оттуда всевозможныя закуски и бутылки, наполненныя разными настойками, наливками и запеканками. «Дикій человѣкъ» усиленно отказывался отъ ужина и чуть не умолялъ Милентова отпустить его домой, но Милентовъ и слышать не хотѣлъ. Онъ махалъ руками, моталъ головой, зажималъ уши и чуть не кричалъ, что безъ ужина не отпустить, а ежели «онъ» будетъ слишкомъ настаивать и не выброситъ изъ головы своихъ дикихъ замашекъ, то онъ, Милентовъ, не мудрствуя лукаво, прикажетъ отрѣзать гужи отъ его хомута. Все это сперва сердило «дикаго человѣка», но потомъ онъ расхохотался и рѣшился покориться судьбѣ. Фортунатовъ былъ очень доволенъ этимъ. Онъ весь вечеръ, не умолкая, бесѣдовалъ съ докторомъ и положительно пришелъ отъ него въ восторгъ. Оказалось, что это былъ не совсѣмъ дикій человѣкъ, какимъ на первыхъ порахъ представлялся онъ Фортунатову, а, напротивъ, весьма пріятный, образованный, скромный и очень симпатичный собесѣдникъ. Пока Милентовъ съ супругой суетились насчетъ закуски и выпивки, а садовникъ развѣшивалъ по деревьямъ разноцвѣтные фонарики, Фортунатовъ, не умолкая, бесѣдовалъ съ нимъ.

— Меня одно только удивляетъ,—говорилъ Фортунатовъ,—что вы, будучи медикомъ, бросили медицину.

— Я ее не бросалъ.

— Да... но вы сдѣлались, такъ сказать, медикомъ-филантропомъ, а не присяжнымъ, то-есть оставили службу.

— Не чувствую влеченія, — проговорилъ онъ, симпатично улыбаясь.

— Къ чему? — спросилъ Фортунатовъ, — къ наукѣ или къ службѣ?

— Какъ вамъ сказать? Науку я люблю, любилъ бы и службу... но слишкомъ много алчности внесено въ эту дѣятельность... Точно биржа какая-то вышла, — прибавилъ онъ, разсмѣявшись, — биржа, на которой болѣзни сортируются какъ товаръ... продаются лихорадки, горячки, а болѣе сложные болѣзни гарантируютъ точную цифру дохода, бронхиты и катарры котируются словно векселя и росписки, и не обходится дѣло безъ контрафакцій. Конечно, — говорилъ онъ, — молодежь тутъ не причемъ... Она не виновата... она только подражаетъ. Вся бѣда въ томъ, что нѣтъ учителей... Прежде учителя были... Были идеалы, любовь къ ближнему, чувство состраданія, понятіе о долгѣ и чести... Все это исходило отъ учителей... И вотъ молодежь слѣдовала по ихъ стопамъ, преклонялась передъ ними и считала за своихъ боговъ... Ну, а теперь, — прибавилъ онъ, улыбаясь, — боги низвергнуты и воздвигнуты кумиры...

— А вы не допускаете борьбы съ кумирами?

— Нѣтъ, почему же, но не всякому она подъ силу.

И, взглянувъ на Фортунатова, онъ опять улыбнулся.

— По вашимъ рассказамъ, — проговорилъ онъ, — вѣдь, вы бѣжали же отъ борьбы.

Фортунатовъ какъ-то сконфузился и не зналъ, что отвѣтить доктору, но на счастье пришелъ офицеръ, успѣвшій куда-то сбыть свою даму, и, развязно подѣвъ къ собесѣдникамъ, спросилъ:

— Это о чемъ вы тутъ бесѣдуете?

«Дикій человѣкъ» рассказалъ, въ чемъ дѣло, и потомъ прибавилъ:

— Я человѣкъ нервный, больной, и потому предпочелъ удалиться отъ этой борьбы и ежели не сотворить блага, то хоть побережь свое здоровье. Эгоистично это, правда, но за то здоровье мое теперь въ блестящемъ положеніи. Нервы мои окрѣпли и самъ я окрѣпъ.

— Чѣмъ же вы занимаетесь? — спросилъ офицеръ.

— Хозяйствомъ.

— Арендуете землю?

— Нѣтъ, у меня свой участокъ.

— Да! — вскрикнулъ офицеръ. — Такъ бы и говорили. Это и я бросилъ бы службу... Вы обезпечены?

— Вполнѣ.

— А великъ у васъ участокъ?

— Пятьдесятъ десятинъ.

— Только-то?—вскрикнулъ опять офицеръ.

— Только.

— И вамъ достаточно этого клочка?

— Совершенно.

— Вы купили его?

— Нѣтъ. Я изъ духовнаго званія... я сынъ причетника... и вотъ этотъ клочокъ земли достался мнѣ по наслѣдству отъ отца.

— Виновать,—говорилъ офицеръ, закуривая папиросу.—Что же вы дѣлаете на этомъ участкѣ?

— Пашу, сѣю.

— Сами?

— Самъ.

— Собственноручно?

— Собственноручно.

— Ну, это благодарю покорно!... Нѣтъ ужъ, это не тотъ коленикорь!

— У меня двѣнадцать быковъ,—продолжалъ, между тѣмъ, «дикій человѣкъ»,—два плуга, и вотъ однимъ плугомъ пашу я, а другимъ—работникъ.

— Понимаю!—вскрикнулъ офицеръ.—Толстовскаго ученія, значить, придерживаетесь.

— Какъ вамъ сказать?... Мнѣ кажется, любовь къ земледѣлію я унаслѣдовалъ скорѣе отъ отца... Онъ былъ человѣкъ стараго закала и всю жизнь провелъ въ трудахъ.

— А вы женаты?

— Да.

— И жена помогаетъ вамъ?

— Теперь помогаетъ.

— А прежде?

— Вотъ изволите ли видѣть,—говорилъ докторъ, улыбаясь,—жена моя изъ крестьянскаго сословія и, сдѣлавшись моею женой, захотѣла жить барыней.

— Но вы ее принудили сдѣлаться работницей,—спросилъ офицеръ,—заставили, такъ сказать?

— Нѣтъ, я не насилывалъ ея воли... ее просто передѣлало время... Она у меня очень смышленная и добрая бабенка...

— Ну, батенька!—вскрикнулъ офицеръ.—Вы совсѣмъ особенный человѣкъ!

— Сумасшедшій, хотите сказать?—подхватилъ докторъ и весело расхохотался.

Все это время молчавшій Фортунатовъ и чутко прислушивавшійся къ словамъ доктора, поднялъ, наконецъ, голову и проговорилъ:

— Все это прекрасно... Я васъ отлично понимаю, ибо самъ когда-то былъ тѣхъ же воззрѣній на жизнь, какъ и вы... Но я—недоучившійся студентъ, между тѣмъ какъ вы кончили университетъ съ дипломомъ врача. Спрашивается, къ чему же вы зарываете въ землю тѣ познанія, которыя далъ вамъ университетъ? Мнѣ кажется, дѣятельность ваша, какъ врача, была бы для общества плодотворнѣе, чѣмъ дѣятельность пахаря.

— И, наконецъ, выгодиѣе!—подхватилъ офицеръ.

— Я бросилъ только службу,—перебилъ «дикій человѣкъ», даже не обратившій и вниманія на слова офицера,—а науку я не бросаю. Я слѣжу за ней, готовлю диссертацию на степень доктора медицины и даже занимаюсь практикой. Я имѣю маленькую аптечку, маленькую больничку и никому не отказываю въ медицинскій помощи... По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ вы увидите у меня достаточно больныхъ.

— И за это берете, конечно, деньги?—спросилъ офицеръ.

— Стоимость лѣкарства.

— Помилуйте,—возмутился офицеръ,—стоило послѣ этого учиться! Наконецъ, на все это у васъ средствъ не хватитъ... И книги выписывать, и газеты, и медикаменты... Развѣ это мыслимо при участіи въ пятьдесятъ десятинъ?... Наконецъ, нить, ѣсть надо...

— Я уже сказалъ вамъ, что медикаменты скупаются,—перебилъ его «дикій человѣкъ»,—а книги и журналы не Богъ знаетъ чего стоить. Вся суть въ томъ,—продолжалъ онъ,—чтобы умѣть регулировать свои потребности съ размѣромъ заработка. Какъ скоро вы этого достигнете, то вы будете неизъяснимо счастливы. Я, наприимѣръ,—говорилъ онъ все болѣе и болѣе увлекаясь,—очень люблю цвѣты и вообще садоводство... Еслибъ я нанялъ на этотъ предметъ садовника, то я долженъ былъ бы лишиться себя этого удовольствія, но я распорядился иначе. Я собственноручно устроилъ себѣ парнички и собственноручно же насадилъ садъ. Я даже не покупалъ плодовыхъ деревьевъ, потому что не имѣлъ на это денежныхъ средствъ, а вырастилъ деревья изъ сѣмянъ. И вотъ посмотрите, какіе у меня прелестные цвѣтники и какой у меня превосходный садъ. Садъ у меня, правда, небольшой, всего двѣсти деревьевъ, но зато всѣ эти деревья выращены мною. Это мои дѣти, а не пріемыши, и я люблю ихъ, какъ родныхъ дѣтей. А какой аппетитъ, какой богатырскій сонъ послѣ этого физическаго труда! Теперь,—продолжалъ онъ, опять-таки улыбаясь обычною симпатичною улыбкой,—

у меня имѣется еще одна завѣтная мечта... Это—выкупить свой участокъ земли...

— А онъ у васъ заложенъ?—спросилъ офицеръ.

— Нѣтъ, нигдѣ.

— У кого же вы будете выкупать его?

— Виновать, я не совсѣмъ ясно выразился,—перебилъ его докторъ.—Мнѣ хотѣлось бы уплатить за этотъ участокъ его стоимость.

— Кому же уплатить-то?—вскрикнулъ офицеръ, вскочивъ съ мѣста.

— Ахъ, мало ли кому! Можно передать эти деньги въ какое-нибудь благотворительное учрежденіе... на стипендіи... Мало ли есть нужды!... Вотъ тогда я былъ бы совершенно счастливѣйшимъ человѣкомъ... Я смѣло могъ бы сказать тогда, что жилъ я не сложа руки, что ѣлъ не чужой, а свой собственный трудовой кусокъ хлѣба и что не воспользовался ни единою чужою копѣйкой.

— Да это вы что же, шутите, что ли?

— Нѣтъ, не шучу. Повторяю, это моя завѣтная мечта... Только бы поскорѣе покончить съ диссертацией, а тогда я живо устрою это дѣло... И какая была бы выгодная операція!

— Что же въ ней выгоднаго-то?—недоумѣвалъ офицеръ.

— Помилуйте! Моя купчая не стоила бы мнѣ ни гроша, безпошлинная!...

И онъ добродушно расхохотался. Расхохотался и офицеръ, и только одинъ Фортунатовъ, все время молчавшій и не проронившій ни слова, сидѣлъ съ опущенною на грудь головой и словно думалъ тяжелую думу. Ежели бы тусклые фонарики, развѣшанные садовникомъ по деревьямъ, горѣли болѣе яркимъ свѣтомъ, то можно было бы замѣтить, что лицо Фортунатова крайне измѣнилось. Брови были нахмурены, глаза словно помутились и весь онъ, словно ужаленный, поминутно вздрагивалъ. Но фонарики горѣли такъ тускло, что никто этой переменѣ не замѣтилъ. Прибѣжалъ Миленатовъ въ сопровожденіи супруги и кумушки и, поставивъ на столъ какія-то тарелочки, принялся зажигать разставленные на столѣ лампы.

— Тутъ у васъ такая тьма кромѣшная,—кричалъ онъ, хотъ глазъ выголи.

А когда лампы были зажжены и ярко освѣтили площадку, онъ торжественно проговорилъ:

— Ну-съ, а теперь пойдѣмъ и закусимъ!

— Пожалуйста, пожалуйста!...—суетилась хозяйка.

— Попробуйте, какъ я селедочку приправила, — шептала кумушка на ухо офицеру.

Фортунаговъ словно обрадовался такому исходу и, покинувъ скамью, на которой сидѣлъ, приблизился къ столу, заставленному всевозможными закусками и бутылками.

Началась выпивка, разговоры оживились, приняли совершенно иной характеръ, и счастливый Милентовъ не зналъ, какъ угостить своихъ гостей.

Послѣ ужина, во время котораго офицеръ и кумушка не бездѣйствовали подъ столомъ ногами, «дикий человѣкъ» уѣхалъ домой, а Милентовъ пошелъ укладывать своихъ гостей на ночлегъ. Фортунагову и офицеру пришлось спать въ одной комнатѣ. Имъ были приготовлены мягкія постели; возлѣ каждой постели стояли столики съ заправленными свѣчами, съ кружками воды и квасу, спички, и Милентовъ чуть не самъ лично уложилъ обоихъ въ постель.

— Спите хорошенько! — проговорилъ онъ, когда тѣ лежали подъ одѣялами. — Покойной ночи!

— Покойной ночи! — проговорилъ офицеръ.

— Полагаю, что усну какъ мертвый, — замѣтилъ Милентовъ, — ибо совсѣмъ съ ногъ смотался.

И онъ вышелъ изъ комнаты, притворивъ за собою дверь.

XVI.

Несмотря, однако, на то, что офицеръ и Фортунаговъ, достаточно выпившіе, тоже чувствовали значительное утомленіе, несмотря на то, что оба они лежали теперь на мягкихъ постеляхъ и на безукоризненно чистомъ бѣлѣ, они, все-таки, долго не могли заснуть. У нихъ обоихъ почему-то не выходилъ изъ головы «дикий человѣкъ».

— Нѣтъ, воля ваша, — возмущался офицеръ, лежа въ постели и закуривая папиросу, — что вы тамъ ни толкуйте, а я полагаю, что онъ человѣкъ ненормальный и что у него въ головѣ непременно попортился какой-нибудь клапанъ.

— Вы думаете? — спросилъ Фортунаговъ.

— Убѣжденъ даже. Помилуйте, чуть не полжизни долбить разные книги, кончить гимназію, университетъ, получить дипломъ, обезпечивающую должность, и вдругъ все это бросить и приняться за плугъ, за соху, за тяжелый черный трудъ! Развѣ это нормально?... «Надо, говорить, умѣть соразмѣрять свои потребности со

средствами!» Какъ же! Такъ вотъ и соразмѣришь! Ему хорошо на хуторѣ-то съ коровами... надѣлъ себѣ рубаху, лапти и соразмѣришь сколько угодно... А попробуй-ка въ мою шкуру влѣзть... вотъ тогда бы я и посмотрѣлъ на его соразмѣренія!... Я вотъ пятьдесятъ рублей жалованья получаю, изъ котораго чуть не половина на разные вычеты уходитъ: на библіотеку, на столовую, на эмеритуру, на празднества разные, — какъ же тутъ соразмѣришь-то?... Вѣдь, сѣицеру въ лаптяхъ ходить не дозволяется... Требуется, чтобы у него и мундиръ новенькій имѣлся, и эполеты, и погоны, и перчатки, и темляки разные... Одни сапоги одолѣють, а ужъ про прачекъ и не говорю... Недавно какъ-то сорочку поношенную надѣлъ, такъ, вѣдь, командиръ сейчасъ же замѣчаніе сдѣлалъ... «Это вы что же, батенька, сорочкой-то, говорить, тротуары, что ли, чистили? Такъ, говорить, нельзя, вѣдь, вы не телеграфистъ какой-нибудь!» Вотъ ты тутъ и соразмѣришь!... А ужъ про ѣду лучше и не толкуй... Чуть позволилъ себѣ въ ресторанъ какой-нибудь хорошенькій биштексикъ скушать, — ну, и пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой... Потомъ и наверстывай селедкой да колбасой цѣлую недѣлю... Поневолѣ, вѣдь, именинниковъ да именинницъ поздравлять ѣдишь... Въ одномъ домѣ пирожокъ, въ другомъ — закусочка, въ третьемъ — обѣдъ, а въ четвертомъ — глядишь, и на вечеринку пригласять... И вѣжливость соблюдешь, и, въ то же время, съэкономить что-нибудь... либо темлячекъ новенькій купишь, либо портунею... А, вѣдь, мы, такъ сказать, лбы свои подъ пули подставляемъ!...

Но Фортунатовъ хоть бы слово возразилъ офицеру и только все какъ-то кряхтѣлъ, да ворочался съ одного бока на другой. За то офицеръ не умолкалъ. Онъ даже привсталъ съ подушки и, усѣвшись на кровати калачикомъ, продолжалъ критиковать «дикаго человѣка».

— Помилуйте, — продолжалъ онъ, — что же это за нормальный человѣкъ, коли на простой крестьянкѣ женился?... Что же, онъ другой невѣсты не нашелъ, что ли? Это съ университетскимъ-то образованіемъ, да съ дипломомъ... Да за него любая невѣста охотно пошла бы!... Изъ дворянскаго сословія могъ бы заполучить, изъ купеческаго, съ хорошенькимъ приданымъ... наконецъ, теперь даже и въ мѣщанскомъ сословіи встрѣчаются состоятельныя невѣсты... Могъ бы себѣ состояніе составить... вѣдь, нынче женихи-то на вѣсь золота...

И вдругъ, что-то вспомнивъ, онъ вскрикнулъ:

— Да вотъ какъ-съ... Мѣщанинъ у меня въ городѣ знаменитый... такъ, разною дрянью въ разносъ по домамъ торгуетъ: бак-

сой, мыломъ, спичками... Представьте: рябой и, вдобавокъ, культяпый, сирѣчь безъ пальцевъ. И что же? Приходить на-дняхъ и улыбается... «Чего ты, дуракъ, смѣешься?»—спрашиваю. Женился, оказывается! И представьте: на хорошенькой, пропасть разнаго приданого взялъ, да деньгами двѣсти рублей... Культяпый, поймите!... А, вѣдь, онъ врачъ, дипломъ имѣеть и вдругъ на простой крестьянкѣ... Ну, чего онъ могъ взять за ней, позвольте спросить васъ? Вѣдь, ровно ничего!... Гдѣ же тутъ нормальный человѣкъ? Вѣдь, вотъ вы,—продолжалъ онъ, вскочивъ съ постели и въ одномъ бѣльѣ подбѣгая къ Фортунатову,—небось, на крестьянкѣ-то не женились, а нашли себѣ невѣсту, которая вполне обезпечитъ васъ... Вы приобретаете состояніе, значеніе въ обществѣ, можете себѣ жить бариномъ, наслаждаться, такъ сказать, жизнью...

— Ахъ, оставьте меня, пожалуйста! — чуть не простоналъ Фортунатовъ.

Это нѣсколько удивило офицера.

— Что, или спать захотѣли?—спросилъ онъ, перемѣнивъ тонъ.

— Спать.

— Значить, потушить свѣчку-то?

— Пожалуйста.

Онъ потушилъ свѣчу.

— Ну, спите, спите,—проговорилъ онъ и направился къ своей постели.

Онъ потушилъ и свою свѣчу. Но хотя онъ и улегся, хотя и прикрылся одѣяломъ, хотя и замолчалъ, но заснуть, все-таки, не могъ и долго еще въ темной комнатѣ съ притворенными ставнями свѣтилась его папироска, то замирая, то вспыхивая яркимъ огонькомъ. На этотъ разъ офицеръ мечталъ уже о вдовушкѣ Прасковѣ Семеновнѣ Крыловой. Вдовушка эта во многомъ уступала, конечно, Калеріи Ивановнѣ Чеботаревой, но, тѣмъ не менѣе, она, все-таки, нѣсколько соотвѣтствовала взглядамъ офицера. Двѣсти десятинъ земли, хуторъ, прудъ съ карасями,—все это, конечно, имѣло цѣнность и значеніе. Положимъ, что сравнительно съ приданнымъ, полученнымъ культяпымъ мѣщаниномъ, приданое Крыловой, по офицерскому чину, являлось какъ будто и бѣдноватымъ, но гдѣ же взять лучше-то? «Все-таки,—думалъ онъ,—коленкоръ ничего себѣ, не особенно добротный, но жить можно безбѣдно».

Не спалось и Фортунатову. Но, видя блестящую въ губахъ офицера папиросу, онъ боялся неосторожнымъ движеніемъ снова вызвать его на разговоры. Разговоры эти почему-то казались ему невыносимо противными. Онъ лежалъ и все думалъ о «дикомъ че-

ловѣкъ» и чуть не до послѣдняго слова припоминалъ все сказанное имъ. Однако, онъ какъ-то забылся и неосторожно кашлянулъ. Офицеръ только этого и ждалъ.

— Не спите?—крикнулъ онъ.

Дѣлать было нечего. Фортунатовъ сознался, что онъ еще не спалъ, но что спать очень хочетъ.

— А можно вамъ одинъ вопросъ сдѣлать? — заговорилъ офицеръ.—Только одинъ.

— Говорите.

— Какъ понравилась вамъ Крылова?

— Баба, какъ баба, съ придурью.

— Это все такъ!—подхватилъ офицеръ.—Я и самъ это замѣтилъ, но у нея двѣсти десятинъ нигдѣ не заложеной земли.

— Не думаете ли жениться?

— А вы посовѣтуете?

— Валяйте.

— А не мало?

— Дѣло ваше.

— А знаете ли,—вскрикнулъ офицеръ, спустившись съ постели и босикомъ подойдя къ Фортунатову,— дѣло прошлое: не отправь меня полковникъ въ Москву, въ командировку, Калерія Ивановна Чеботарева была бы моею. Я ужъ собирался нанести ей визитъ, новыя даже эполеты выписалъ отъ Живаго, темлякъ, портупею... А мнѣ говорятъ: «Пожалуйте въ командировку!» Проѣздивъ недѣли двѣ, возвращаюсь и вдругъ слышу: «кончено!» Тутъ я проклялъ и васъ, и полковника, и командировку...

— Ахъ, отстаньте вы отъ меня!—крикнулъ, наконецъ, Фортунатовъ, привставъ съ подушки.—Ну, какое мнѣ дѣло до вашихъ проклятій, до вашихъ командировокъ и до всей этой чепухи, которую вы здѣсь нагородили? Дайте мнѣ заснуть,—я спать хочу.

— Ну, ладно, спите, спите, — проговорилъ офицеръ, возвращаясь къ своей постели.—Спите, не сердитесь только... Экій вы сердитый какой, ей-Богу!

На слѣдующее утро Фортунатовъ чуть не поссорился съ Милентовымъ, когда тотъ не хотѣлъ безъ завтрака отпустить его домой. Онъ уѣхалъ тотчасъ же послѣ чая, имѣлъ какой-то сердитый, недовольный видъ и даже какъ-то наскоро и торопливо распростился со всѣми.

— Къ невѣстѣ торопится,—говорилъ Милентовъ.

И всѣ порѣшили, что дѣйствительно онъ торопится къ невѣстѣ.

За то офицеръ остался и завтракать, и обѣдать; послѣ обѣда

отлично выспался и только вечеромъ, послѣ ужина, вмѣстѣ со вдовошкой, отправился къ ней на хуторъ ѣсть карасей.

XVII.

Фортуновъ возвратился домой передъ вечеромъ и очень былъ доволенъ, что никого не встрѣтилъ ни на базарной площади, ни на улицѣ, ни возлѣ дяконскаго дома. Выскочивъ поспѣшно изъ тарантаса, онъ еще поспѣшнѣе вошелъ въ свою комнатку и тотчасъ же бросился въ постель. Онъ былъ счастливъ, добравшись до дома, ибо чувствовалъ, что весь онъ разбитъ и нравственно, и физически и что ему необходимъ отдыхъ. Онъ такъ много пережилъ за эти дни, такъ много перечувствовалъ, что ему непременно слѣдовало разобраться въ этомъ хаосѣ. Но и дома ему не дали покоя. Вошелъ дяконъ.

— Эко ты, — кричалъ онъ, набивая носъ табакомъ, — эко ты сколько времени пропадалъ-то! Должно, ловко крестины-то справили?

— Отвратительно! — проворчалъ Фортуновъ.

— Голова трещить?

— Не голова, а мозгъ, а пуще всего совѣсть...

— Переложилъ, значить, — проговорилъ дяконъ. — Оно за-всегда такъ-то. Чуть промахнешься, такъ она, хворь-то, тутъ и была... — и затѣмъ прибавилъ: — Ну, братецъ, дяконица на тебя страсть какъ осерчала... Обидѣлъ ты ее...

— Чѣмъ? — удивился Фортуновъ.

— А тѣмъ, что про свадьбу про свою ничего не сказалъ намъ.

— Только-то?

— Оно и впрямь обидно, — продолжалъ дяконъ, подсаживаясь на постель Фортунова. — Что мы тебѣ чужіе, что ли?... И попъ зналъ, и попадья, а мы, родные, ничего.

— Ахъ, не говорите вы мнѣ про эту свадьбу! — вскрикнулъ Фортуновъ.

— Нехорошо, нехорошо, — продолжалъ дяконъ. — Я человѣкъ смиренный, не обидчивый, ну, а дяконица, самъ знаешь, женщина съ характеромъ...

Влетѣла и дяконица.

— Нечего сказать! — подхватила она, поймавъ послѣднія слова дякона. — На все село осрамилъ, батюшка, есть за что поблагодарить. Отродясь такого срама не видала. Родной племянничекъ свадебку затѣялъ, а роднымъ хоть бы слово!.. Спасибо, спасибо!... Это за нашу-то за хлѣбъ-за соль, да за теплый-то уголь...

— Ну, какъ вамъ не стыдно?... — заговорилъ было Фортунатовъ, но удержать дьяконицу было уже невозможно.

— Спасибо! — кричала она, побагровѣвъ. — За деньжонками, за лошадкой — это ты къ намъ, не забываешь насъ... А вотъ вниманіе оказать роднымъ, на это тебя нѣтъ! Да и то сказать, — вскрикнула она, разводя руками, — стѣить ли на насъ и вниманіе-то обращать. Мужики такіе же... Только что не въ лаптяхъ ходимъ... Чего же съ нами и церемониться... Добро бы капиталы имѣлись, а то и этого нѣтъ... Куда же мы годны?... Теперь не прежнія времена... Наши гроши не нужны...

— Перестанете ли вы?

— Что, аль совѣсть зазрила? — продолжала дьяконица. — Аль стыдно стало на дядю, да на тетку глазами хлопать?

— Болѣнь я, понимаете ли, болѣнь... Неужели вы не видите этого?... Не до васъ мнѣ.

— Извѣстно, не до насъ! — подхватила дьяконица. — Теперь ты самъ баринъ, досугъ ли съ нами возиться.

— Ну, да, да, не до васъ! — перебилъ ее Фортунатовъ. — Не до васъ, отстаньте!

Но дьяконица не унималась и продолжала изливать на Фортунатова всю накопившую на него злобу. Она чуть не съ пеленокъ припомнила ему его житье-бытье, припомнила ему, какъ она его вспоила-вскормила, какъ изъ бѣды выручала, сколько перевязала чулковъ, носковъ, сколько перешила рубахъ и, кстати, припомнила и его послѣднее появленіе къ нимъ.

— Гдѣ ты пронадалъ, — говорила она, — что дѣлалъ, чѣмъ занимался, мы этого ничего не знаемъ и дѣла намъ до этого нѣтъ, а знаемъ, что ты чуть не босикомъ пришелъ къ намъ. Ни бѣлья путнаго, ни сапогъ, ни одеженки порядочной, — ничего этого не было. Срамно было посмотрѣть на тебя... Словно голышъ какой!... Однако, мы, все-таки, приняли тебя, уголъ дали. И за все за это, на мѣсто благодарности, вотъ чего дождались!

Дьяконъ принялся было унимать дьяконицу, взялъ ее за руку и хотѣлъ увести, но та выхватила руку и еще съ большею запальчивостью принялась «допекать» племянника. Она перебрала его по косточкамъ и, наконецъ, коснувшись его женитьбы на Чеботаревой, вопреки всѣхъ своихъ убѣжденій и взглядовъ, обругала его чуть не мерзавцемъ. Подъ сердитую руку она была способна на все, лишь бы только донечь своего противника. Точно такъ же поступала она и теперь. Въ сущности, она вполне одобряла выборъ Фортунатова,

гордилась имъ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, не задумалась поставить ему на видъ низость его поступка.

— Вѣдь, только ради денегъ женишься-то! — кричала она. — Баринѣмъ сдѣлаться захотѣлось, чужой хлѣбъ ѣсть, чужими деньгами мотать... Вотъ ради чего женишься-то... вотъ, вотъ!...

Но тутъ уже Фортунатовъ не выдержалъ. Онъ вскочилъ съ постели и, весь дрожа отъ гнѣва и задыхаясь, крикнулъ:

— Вонъ, вонъ отсюда, иначе я силой выгоню вонъ!

— Пойдемъ, пойдемъ! — приставалъ дьяконъ.

— Отлично! — кричала дьяконица, отталкивая дьякона. — Отлично! Изъ нашего же дома да насъ же выгонять!... Не беспокойтесь, батюшка, уйдемъ и сами, только ужъ и вы потрудитесь, коли такъ, въ собственное свое имѣніе переѣхать, да, кстати, — прибавила она, потряхивая головой, — не забудьте намъ и наши деньги вернуть!... Теперь у васъ ихъ много... большіе капиталы заработали!

И затѣмъ, яростно окинувъ взглядомъ Фортунатова и прошипѣвъ: «Эхъ, совѣсть, совѣсть!» — она сперва вытолкала изъ комнаты дьякона, а затѣмъ ушла и сама.

Между тѣмъ, совсѣмъ уже смерклося. Но Фортунатову этого было мало. Ему хотѣлось, чтобы поскорѣе наступила ночь, темная, непроглядная, чтобы все погрузилось въ сонъ и чтобы ничто и никто не мѣшалъ ему думать его думу. Образъ «дикаго человѣка» все ярче и ярче выступалъ передъ нимъ. Фортунатовъ словно видѣлъ его передъ собою и словно слышалъ его добродушный смѣхъ и весь его разговоръ, такъ глубоко запавшій въ его душу и заставившій его очнуться и пробудиться. Видѣлъ онъ рядомъ съ нимъ и ожирѣвшаго Милентова, и юркаго офицера Хохлова, изъ силъ вонъ старавшагося устроить свою судьбу по образцу «культинаго» мѣщанина, и невольно сравнивалъ себя и съ этимъ офицеромъ, и съ этимъ мѣщаниномъ.

Такъ пролежалъ онъ въ своей постели около часа, какъ вдругъ ему послышался стукъ экипажа, сперва отдаленный, а потомъ постепенно приближавшійся и, наконецъ, остановившійся какъ будто возлѣ дьяконскаго дома. Онъ заглянулъ въ окно и сквозь полумракъ лѣтней ночи увидалъ тарантасъ, остановившійся у крылечка священника. Оказалось, что пріѣхали Чеботарева, «батюшка» и «хорошенькая попадейка».

— Что, пріѣхалъ? — крикнулъ «батюшка», обращаясь къ сидѣвшему на крыльцѣ дьякону, выгнанному супругой вонъ изъ избы.

— Пріѣхалъ, — проворчалъ тотъ.

— Приѣхалъ, приѣхалъ!—раздались голоса Чеботаревой и пады.

— Посылай его къ намъ поскорѣе! — кричалъ «батюшка». — Ждутъ, молю, съ нетерпѣніемъ!

— Чтобы поскорѣе приходилъ! — добавила Чеботарева.

— И чтобы гитару захватилъ! — подхватила «матушка».

— Спитъ онъ никакъ, — замѣтилъ дьяконъ.

— Разбуди! — кричалъ «попикъ».

— Ладно.

— Только поскорѣе! — кричала Чеботарева.

И вся компанія вошла въ домъ священника.

Но идти къ «батюшкѣ» Фортунатовъ отказался на-отрѣзъ и, закутавшись въ одѣяло, старался заснуть. Онъ слышалъ, какъ прошагалъ дьяконъ въ домъ священника съ его, Фортунатовскимъ, отказомъ, слышалъ, какъ тотъ же дьяконъ простучалъ сапогами, взбираясь на крыльцо священника, какъ стукнулъ двернымъ замкомъ, и затѣмъ все стихло. Наступила ночь, замерцали на небѣ звѣзды и все успокоилось.

Но заснуть Фортунатовъ, все-таки, не могъ и продолжалъ, по-прежнему, ворочаться съ боку на бокъ. Вдругъ подь окномъ послышался какой-то шорохъ, чье-то хихиканье, а вслѣдъ затѣмъ чьи-то пальцы постучали по стеклу.

— Кто тамъ? — крикнулъ Фортунатовъ.

— Это мы! — послышался голосъ Чеботаревой.

«Этого только недоставало!» — подумалъ Фортунатовъ.

— Вы что же въ нашу-то компанію не идете? — продолжала Чеботарева.

— Не могу, нездоровится...

— Вздоръ, вздоръ! — раздался голосъ «матушки». — Не смѣйте отказываться... Идите... у насъ ботвинья.

— Идите, — подхватила Чеботарева, — я соскучилась по васъ...

Но Фортунатовъ такъ-таки и не пошелъ.

Немного погодя Чеботарева уѣхала и Фортунатовъ слышалъ, какъ она, уѣзжая, наказывала «матушкѣ» «безпремѣнно» притащить его завтра же.

«Наконецъ-то! — подумалъ Фортунатовъ, когда стукъ экипажа затихъ, и порѣшилъ встать и выйти на воздухъ. — Лишь бы только ни съ кѣмъ не встрѣтиться!»

Онъ осторожно спустился съ постели, осторожно одѣлся и еще осторожнѣе вышелъ въ сѣни. Тамъ, въ сѣняхъ, онъ тихо ошупалъ дверь, неслышно отперъ щеколду и вышелъ на крыль-

цо. На крыльцѣ богатырскимъ сномъ спалъ дьяконъ (его такъ-таки и не впустили въ избу), но Фортунатовъ благополучно миновалъ его. Все село спало, даже въ домѣ священника все успокоилось и огни были потушены. Гдѣ-то далеко тявкала собака, да и то какъ-то лѣнливо и сонно. Только въ избушкѣ просвири мерцалъ тусклый огонекъ и тамъ какъ будто не спали. Фортунатовъ взглянулъ на этотъ огонекъ и что-то отрадное пробудилось въ его душѣ. Точно путеводная звѣзда, свѣтился онъ во мракѣ ночи, и онъ пошелъ по направленію этого огонька. Пробирался онъ неслышно, чуть ступая, и, подойдя къ окну, взглянулъ въ избу. Тамъ почти подъ самымъ окномъ лежала на постели старушка просвири. Лицо ея было блѣдно, глаза закрыты, впалая грудь судорожно поднималась, а посинѣвшія губы шевелились и словно силились что-то сказать. Возлѣ нея стояла Христя, а рядомъ съ нею фельдшеръ, державшій руку старушки.

«Ужь не умираетъ ли?» — подумалъ Фортунатовъ и поспѣшилъ въ избу.

— Что съ бабушкой? — спросилъ онъ Христю шепотомъ.

Но та, вмѣсто отвѣта, глухо зарыдала и, закрывъ лицо руками, отошла въ темный уголъ. За нее отвѣтилъ фельдшеръ:

— Извѣстно что, — проговорилъ онъ съ достоинствомъ. — *Magasmus sinilis...*

— Не понимаю я вашихъ терминовъ, — замѣтилъ Фортунатовъ. — Говорите русскимъ языкомъ.

— Истощеніе жизненныхъ силъ, — пояснилъ фельдшеръ, — старческое ослабленіе организма.

— Плохо, значить?

— Видите, агонія.

Дѣйствительно, старушка была безъ сознанія. Она лежала словно мертвая и только беззвучно шевелившіяся губы доказывали, что она еще жива.

— Ей какъ будто хочется сказать что-то, — проговорилъ Фортунатовъ, не спуская глазъ съ шевелившихся губъ.

— Можетъ быть, — замѣтилъ равнодушно фельдшеръ. — Кто-жъ ее знаетъ, что у нея на умѣ-то? Только врядъ ли мозгъ ея въ состояніи еще функционировать, — и, услышавъ сдержанные вопли, раздавашіеся въ углу, онъ прибавилъ: — Вы-то хоть не убивайтесь, Христинья Васильевна. Двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать. Будетъ, пожила... пора костямъ и на покой...

Слова эти не ускользнули отъ умиравшей и она, наконецъ, прошептала косящимъ языкомъ:

— Пора... пора...

— Ишь, вѣдь, — замѣтилъ фельдшеръ, улынувшись, — слухъ-то все еще не пропасть!

Христя бросилась къ бабушкѣ и припала къ ея рукѣ.

— Въ чуланѣ, въ мѣшечкѣ, — шептала умиравшая, едва ворочая языкомъ, — мука осталась... церковная она... печать просвирная... дрожитъ... все церковное... отдай... Слышишь?...

— Слышу.

— Не забудь.

— Отдамъ.

— Батюшку попроси: помолился бы... денегъ нѣтъ, скажи... ни копѣйки нѣтъ...

Христя не выдержала и опять зарыдала.

— Не плачь... грѣхъ... — шептала умиравшая. — Теперь ты не сирота... женихъ есть... съ голоду не помрешь...

— Не безпокойтесь, — подхватилъ фельдшеръ, — не хуже людей проживемъ.

Фортуновъ даже вздрогнулъ. Онъ ничего не слыхалъ еще о судьбѣ Христи и лицо его поблѣднѣло. Онъ оглянулся на Христю, на фельдшера и немощно опустился на скамью.

А умиравшая продолжала черезъ силу:

— И ты помолись...

Но шепотъ ея прервался и замѣнился какимъ-то клокотаніемъ въ груди.

— Подними голову... — вскрикнула она.

Но когда Христя подняла голову, умиравшая захрипѣла и силы ее оставили. Она только взглянула на внучку, широко раскрывъ глаза, и голова ея упала на высохшую грудь.

Всѣ словно замерли, а когда голова старушки была опущена на изголовье, умиравшая вздрогнула, вытянулась и затѣмъ все смолкло...

Жизнь погасла, а утренняя заря занималась. Востокъ алѣлъ уже яркимъ блескомъ и призывалъ къ жизни все живое. Заря эта проникла и въ избушку умершей, наполнившуюся прибѣжавшими на зрѣлище сосѣдями, коснулась и лица покойницы, но жизни пробудить въ ней не могла. Она только освѣтила его, какъ освѣщаетъ мраморъ, и покрыла бликами высохшую кожу.

Сосѣдки согрѣли воду и принялись «убирать» покойницу, но выдержать этой сцены Христя не могла. Она выбѣжала изъ избы, какъ только подняли съ постели не успѣвшій еще окоченѣть трупъ бабушки, и побѣжала куда глядѣли глаза.

XVIII.

Христя воротилась домой, когда бабушка лежала уже на столѣ и когда «черничка» читала надъ ней псалтырь. Покойница лежала со сложенными на груди руками и съ головой, повязанной чернымъ платкомъ. Христя поправила этотъ платокъ, спускавшійся козырькомъ до самыхъ бровей, посмотрѣла на лицо покойницы и опять бросилась вонъ изъ избы. На этотъ разъ она угодила за церковную ограду и усѣлась на тотъ самый надгробный камень дядька Меркулыча, на которомъ такъ недавно еще бесѣдовала съ Фортунатовымъ. Опять на церковной крышѣ ворковали голуби, опять кричали галки, но не то уже было на душѣ Христи, что было тогда. Въ эти послѣдніе дни она столько пережила, сколько не переживетъ иной во весь свой вѣкъ. Только теперь она познала всю горечь жизни и думала, что не выплакать ей никогда этого горя. Все рушилось надъ ней неожиданно: и смерть бабушки, и беспомощное сиротство, и предстоявшее замужество съ нелюбимымъ человѣкомъ... И все это разрывало на части ея дѣтское еще сердце. А что ждало ее въ будущемъ?... И, обдумывая это будущее, она содрогалась отъ ужаса. Такъ сидѣла она, опустивъ голову на руки, и даже не замѣтила, какъ подошелъ къ ней Фортунатовъ. Онъ былъ словно мертвый.

— Христя!—окликнулъ онъ ее.

Та взглянула на него глазами, полными слезъ.

— Такъ это правда?—спросилъ Фортунатовъ, присаживаясь рядомъ съ ней.

— Что такое, Модестъ Яковлевичъ?—спросила она, отирая глаза.

— Что ты замужъ выходишь?

— Правда, Модестъ Яковлевичъ.

— За фельдшера?

— За него.

— Но, вѣдь, ты сама же говорила мнѣ, на этомъ самомъ мѣстѣ, что ты не любишь его... не сама ли ты увѣряла меня, что не можетъ быть счастья съ немымъ человѣкомъ?

— Сладко ѣсть захотѣла, Модестъ Яковлевичъ,—проговорила Христя съ горькою усмѣшкой.

— Только изъ-за этого?—спросилъ Фортунатовъ, немного подумавъ и словно не довѣряя ея словамъ.

— Изъ-за чего же больше-то? Трудовой хлѣбъ, говорятъ, не легко достается, горекъ, а даровой, вишь, слаще меду. Какъ люди дѣлаютъ, такъ сдѣлала и я... Своимъ умомъ я еще ни до чего не

дошла. Надо же учиться у людей. Тѣ же люди сказали мнѣ, что къ работѣ я не приучена, а та работа, какой меня обучали, до-сыта не накормить. И въ самомъ дѣлѣ, что я знаю? Чулки вязать, кружевца, разные прошивки... кое-какъ, пожалуй, платье смастерю. А, вѣдь, больше ничего. Прежде я думала этимъ трудомъ заработать кусокъ хлѣба... Ну, а люди говорятъ: «съ голоду помрешь!» Прежде я и не помышляла о замужествѣ. Хотѣла выйти тогда только, когда найду человѣка по душѣ, котораго бы любить могла, уважать, а люди увѣряютъ, что такъ дѣлать нельзя и что все это не тотъ коленкоръ. А вотъ дьяконица, та даже приказывала скорѣе замужъ выходить: «Твое дѣло сиротское, говорить, долго ли до грѣха? Нонѣ, говорить, народъ озарной, того и гляди съ толку собьютъ». Ну, вотъ я и надумала людей послушать. Долго ли до грѣха, въ самомъ дѣлѣ?... Одна моя товарка, сирота, вѣдь, такъ и погибла въ больницѣ. Тоже все любимаго человѣка ждала, а замѣсто того въ больницу попала.

— Ахъ, не говори мнѣ этого, Христа!—вскрикнулъ Фортунатовъ голосомъ, полнымъ вопля.

— Съ гѣмъ же мнѣ и поговорить-то, какъ не съ вами, Модестъ Яковлевичъ?—перебила его Христа.—Вы мой учитель... вы мнѣ замѣсто брата родного...

— Христа!—вскрикнулъ опять Фортунатовъ.—Ужъ коли говорить, такъ говори правду.

— Я правду и говорю.

— Нѣтъ, Христа, нѣтъ... Но я понимаю все, что тебѣ хочется высказать, что у тебя на душѣ и что именно ты боишься сказать. Ты боишься оскорбить меня, но чего же бояться, коли я самъ прежде всѣхъ не задумался оскорбить себя?... Слушай, Христа,—продолжалъ онъ взволнованнымъ голосомъ и прямо смотря ей въ глаза,—во всемъ виноватъ я одинъ. Не люди наговорили тебѣ, что трудовой хлѣбъ достается потомъ и кровью, что онъ горекъ, а даровой слаще меда, не люди, а я, и даже не словомъ, а дѣломъ. Но не презирай меня, Христа. Я не такъ низко и гадокъ, какъ ты думаешь... Я всю жизнь свою былъ честнымъ человѣкомъ, всю жизнь свою боролся съ неправдой и стоялъ горой за правду... Мнѣ хотѣлось сдѣлать многое, но силы мои надломились, я не выдержалъ борьбы, а среда и вино доканали меня... Да, Христа, я упалъ, но не настолько еще затянула меня эта грязь, чтобы я не могъ обратиться изъ нея... Время не ушло и я опять стану на свою прежнюю дорогу.

И, взявъ ея руку, Фортунатовъ продолжалъ:

— Но это еще не все, Христа; я докончу то, чего ты не сказала, и открою то, что я тебѣ никогда не открывалъ.

— Говорите,—прошптала Христа,—я совсѣмъ не умѣю говорить.

— А отвѣчать?

— Отвѣчать легче.

— И будешь отвѣчать правду?

— Конечно, правду.

— Ну, смотри же... Вотъ ты сколько разъ говорила мнѣ, что любишь меня какъ родного... Правда это?

— Правда, Модестъ Яковлевичъ.

— А ежели я скажу тебѣ, что это не правда?

Христа, вмѣсто божбы, перекрестилась.

— Нѣтъ, ты любишь меня не какъ родного или близкаго тебѣ человѣка,—продолжалъ Фортунатовъ,—а какъ того «хорошаго человѣка», котораго ты ждала для своего замужства. Правда это?

— Ахъ, зачѣмъ вы мнѣ говорите такія слова?—со слезами на глазахъ прошптала Христа.

Но Фортунатовъ безжалостно добивался отвѣта.

— Отвѣтъ,—шпталь онъ.

— Перестаньте,—умоляла Христа,—не мучьте меня...

— Ты общала мнѣ говорить правду.

Христа окончательно уже растерялась.

— Говори, Христа!

— Но ежели вы знаете...—едва слышно отвѣтила Христа.

— Нѣтъ, отвѣтъ: да или нѣтъ.

— Да,—отвѣтила Христа и, зарыдавъ, закрыла лицо руками.

— А теперь вотъ что выслушай,—продолжалъ Фортунатовъ взволнованнымъ голосомъ.—Я никогда ни единымъ намекомъ, ни единымъ словомъ не говорилъ тебѣ, что люблю тебя... Отвѣтъ мнѣ: догадывалась ты или нѣтъ?

— Но зачѣмъ же вамъ знать все это теперь, когда все кончено,—вскрикнула Христа какимъ-то груднымъ, рыдающимъ голосомъ,—когда я выхожу замужъ, а вы женитесь? Зачѣмъ вамъ знать про это?

— Нужно, Христа, нужно.

Христа помолчала немного, словно собирая остатки силъ своихъ, и, наконецъ, немощно проговорила:

— Знать не знала, а сердце говорило...

— Что я люблю тебя?

— Да.

— Зачѣмъ же мы разошлись съ тобой?

— Такъ, видно, Богу угодно.

— Нѣтъ!—вскрикнулъ Фортунатовъ,—Богъ такихъ поступковъ не благословляетъ. Коли мы любимъ другъ друга, такъ и будемъ же любить до гроба... Христа, Христа, будь моею!...

И, нѣжно обнявъ ее, онъ потянулъ къ себѣ и принялся осыпая поцѣлуями. Та упала головой на его плечо и зарыдала...

А въ это время въ воротахъ ограды показался фельдшеръ. Происходившаго между Фортунатовымъ и Христей разговора онъ не слыхалъ, но за то все остальное видѣлъ отлично. Словно громъ разразился надъ его головой... Онъ поблѣднѣлъ и замеръ на мѣстѣ.

XIX.

Слѣдующій день былъ праздничный, народъ былъ свободенъ и потому на похороны просвирни явился чуть ли не весь приходъ. Старушку всѣ уважали. Чуть не столѣтіе пропекла она свои просвиры въ селѣ Батракахъ; всѣ привыкли видѣть ее въ своей средѣ, всѣ сжились съ ней такъ же, какъ и съ ея просвирами, а потому похороны ея произвели въ приходѣ нѣкоторую сенсацію. Церковь была биткомъ набита народомъ; пріѣхала даже Калерія Ивановна Чеботарева, вся въ черномъ, но разукрашенная кольцами и серьгами. При отпѣваніи покойницы она не отходила отъ убитой горемъ Христи: давала ей нюхать какой-то спиртъ и вообще въ продолженіи всей процессіи оказывала ей самыя нѣжныя, чисто-материнскія попеченія. Она даже звала ее къ себѣ на хуторъ погостить это время, но Христа почему-то отказалась. Точно также отказалась она и отъ приглашенія «хорошенькой попадейки», увѣрявшей, что на первыхъ порахъ Христѣ будетъ жутко жить одной въ пустой избушкѣ. Но пустая избушка такъ и осталась пустою, ибо послѣ похоронъ бабушки Христа заперла дверь на замокъ, а сама переехала въ домъ дьякона Перепелкина, гдѣ и была радушно принята стариками.

Прошло дня два, возбужденные похоронами просвирни умы начали было успокаиваться, какъ вдругъ по селу разнесся слухъ, что свадьба Фортунатова съ Чеботаревой разстроилась и что взамѣнъ Чеботаревой онъ женится на Христѣ. Никто этому не хотѣлъ вѣрить. Тѣмъ не менѣе, однако, только что засыпанная землей просвирня сошла со сцены и взамѣнъ ея выступили: Христа, Фортунатовъ, Чеботарева и фельдшеръ. Новые герои возбудили новую

сенсацию и о нихъ всё заговорили. Однако, нельзя сказать, чтобы въ распространившихся о нихъ толкахъ не было нѣкоторыхъ оснований. Странно, напримѣръ, что Фортунатовъ, всегда дружелюбно относившійся къ просвириѣ, не былъ на ея похоронахъ и какъ будто убоялся встрѣчи съ Чеботаревой. Онъ объяснялъ все это болѣзнию, а обратиться къ помощи фельдшера не хотѣлъ. Ссылаясь на ту же болѣзнь, онъ даже не допустилъ къ себѣ, нѣсколько разъ прѣзжавшую навѣстить его, невѣсту. Последнее обстоятельство такъ огорчило Калерію Ивановну, что, придя въ домъ священника, она даже расплакалась. «Хорошенькая попадейка», увидѣ слезъ своей пріятельницы, отправилась распекать виновника и высказать ему, что подобные поступки не только не приличны, но даже обидны. Но Фортунатовъ не принялъ и «матушку». Тогда вступился за обиженную самъ отецъ Николай. Для приличія онъ надѣлъ рясу, вооружился своимъ посохомъ и отправился къ Фортунатову, но послѣдній, заложивъ дверь на крючокъ и притворившись спящимъ, не отперъ ему двери. «Батюшка» принялся допрашивать дьяконицу, но добиться отъ нея требуемыхъ свѣдѣній не могъ. Онъ даже не радъ былъ, что вступилъ съ ней въ разговоры, ибо дьяконица, вмѣсто отвѣта, завела такую рацею о неуважительности нынѣшняго поколѣнія не только къ старшимъ, но даже къ близкимъ роднымъ, что «батюшка» насилу отъ нея отдѣлался. Онъ обратился къ дьякону Перепелкину, но тамъ вышло еще хуже, такъ какъ дьяконъ на вопросъ отца Николая о причинахъ, побуждающихъ Фортунатова уклоняться отъ свиданій съ своею невѣстой Чеботаревой, высказалъ даже сомнѣніе въ существованіи такой сдѣлки.

— То-есть какъ же это?—удивился отецъ Николай.

— Очень просто,—глубокомысленно говорилъ дьяконъ.— Не вѣрю я, чтобы Чеботарева могла быть невѣстой племянника... Не вѣрю и—шабашъ! Все это одна только комедія,—прибавилъ онъ, набивая носъ табакомъ.

— Но она сама же объявила объ этомъ, принимала поздравленія... Наконецъ, понадея моя была свидѣтельницей, — говорилъ «батюшка».

— Не бабьи ли это шашни?—продолжалъ дьяконъ, лукаво подмигивая.

Отецъ Николай опять ничего не понялъ.

— Ну, какой резонъ Калеріи Ивановнѣ, майоршѣ, дамѣ съ большими средствами, и вдругъ связать свою судьбу съ какимъ-то, прости Господи, прохвостомъ? Разсудите-ка здраво!

«Батюшка» задумался.

— А по-моему, — продолжалъ дьяконъ, самовольно улыбаясь, — бабамъ стало скучно, и вотъ отъ скуки онѣ все и стоворились разыграть эту комедію, и разыграли! — прибавилъ онъ, захохотавъ во все горло.

Но «батюшка» было не до смѣха. Вспомнилъ онъ свою ночную встрѣчу въ лѣсу, серенаду, страстный поцѣлуй, слышанный имъ собственными ушами, и вдругъ мертвая блѣдность покрыла его лицо. «Неужели, неужели?...» — думалъ онъ и подозрѣніе, что вся эта исторія была сочинена единственно для того только, чтобы спасти отъ скандала пойманную имъ врасплохъ «хорошенькую попадейку», обдало кровью его сердце. Онъ наскоро распростился съ дьякономъ и побѣжалъ домой. Чѣмъ кончилась вся эта исторія — неизвѣстно, но надо думать, что скандалъ былъ большой, ибо Чеботарева поспѣшила уѣхать домой, а «матушка» почему-то слегла въ постель.

И такъ, положеніе дѣла нисколько не разъяснилось, а, напротивъ, еще болѣе запуталось, благодаря новому осложненію и скандалу, происшедшему въ домѣ священника.

Осложненіе это не замедлило, конечно, разлетѣться по селу, а, главное, по базарной площади, гдѣ именно и принималось наибольшее участіе во всемъ совершавшемся. Тамъ толкамъ и пересудамъ не было конца. Прикащики, торговцы, а, главное, жены тѣхъ и другихъ въ сообществѣ трактирщицъ и кабатчицъ сбились съ ногъ, перебѣгая отъ одного дома къ другому. Тамъ уже было порѣшено, что никогда Фортунатовъ предложенія Чеботаревой не дѣлалъ, но оставалось рѣшить: женится ли онъ на Христі? Нѣкоторые увѣряли, что этого никогда не будетъ, на томъ основаніи, что Христія выходитъ замужъ за фельдшера, а Фортунатовъ переѣзжаетъ въ городъ, гдѣ ему обѣщано самимъ генераломъ хорошее мѣсто. Другіе же, наоборотъ, доказывали, что за фельдшера Христія не пойдетъ, что она ему отказала на-отрѣзъ, почему будто бы фельдшеръ съ горя и запилъ. Пробовали было поразспросить обо всемъ самого фельдшера, но оказалось, что ему было не до того, ибо, окруживъ себя бабами и солдатками сомнительнаго поведенія, онъ не выходилъ изъ трактира. За кого же Христія выйдетъ замужъ?

Вдругъ новое событіе переполюшило все умы.

На лихой почтовой тройкѣ съ колокольчиками, бубенцами и глухарями примчался въ Батраки какой-то офицеръ, подскакалъ къ первой попавшейся на глаза лавкѣ, крикнулъ торговцу: «Эй, ты, поди сюда!» — и, подробно разспросивъ торговца, гдѣ живетъ Фортунатовъ, помчался къ дьяконскому дому, обдавъ пылью чуть не

всю базарную площадь. Подлетѣвъ къ дьяконскому домику, офицеръ быстро соскочилъ съ телѣжки, взбѣжалъ на крыльцо и, встрѣтивъ въ сѣняхъ дьякона Перепелкина, крикнулъ:

— Фортунатовъ дома?

— Болѣнъ онъ, — отвѣтилъ было дьяконъ.

Но каково же было его изумленіе, когда, услышавъ голосъ офицера, Фортунатовъ самъ отворилъ ему дверь и вскрикнулъ:

— А, это вы! — и впустилъ его къ себѣ въ комнату.

У Фортунатова офицеръ пробылъ не долго, съ полчаса, не больше, а потомъ, посадивъ его въ телѣжку рядомъ съ собой, куда-то умчался.

«Жандармъ, жандармъ!» — разнесся слухъ по селу и всѣ въ одинъ голосъ заговорили, что Фортунатова за какія-то провинности *схватили* жандармъ и куда-то увезъ.

Такого событія въ селѣ Батракахъ не было никогда.

Правда, лѣтъ десять тому назадъ, ежели не больше, завелся было въ Батракахъ какой-то «смутьянъ», но пріѣхавшій становой, пригласивъ его къ себѣ на взбѣзжую, живо привелъ въ надлежащій порядокъ. И вотъ съ тѣхъ поръ все было тихо и смирно. Но теперь запахло уже совсѣмъ не тѣмъ. Всѣ пришли въ ужасъ. Нѣкоторые соболѣзновали объ участи Фортунатова, но были и такіе (въ особенности изъ лавочниковъ и кабатчиковъ, причислявшихъ себя къ истиннымъ патріотамъ), которые, наоборотъ, возликовали, и, самодовольно потирая руками, увѣряли, что «такъ *ихъ* и надо!» Начали разсуждать о томъ, куда же жандармъ повезъ Фортунатова? Нѣкоторые увѣряли, что въ губернской городъ къ самому губернатору, другіе — въ Питеръ, а третьи доказывали, что *такихъ* возить по городамъ нечего, что *такихъ*, не говоря ни слова, прямо отправляютъ въ Сибирь, а не въ Сибирь, такъ — «лучше того» — на островъ «Махалинъ». Лица болѣе сердобольныя и обладающія болѣе мягкими сердцами, способными понимать чужое горе, поспѣшили въ домъ дьякона, чтобы хоть сколько-нибудь утѣшить стариковъ. Пришли туда же и «молодой поникъ» съ своею «хорошенькою понадейкой» (они успѣли уже помириться, причемъ «поникъ» чистосердечно созналъ всю неосновательность своихъ подозрѣній). Собравшись въ домъ дьякона, каждый по-своему принялся утѣшать стариковъ. Всѣ эти утѣшенія сводились къ тому, что «Богъ не безъ милости». Старики были очень тронуты оказаннымъ имъ сочувствіемъ и только одна Христя, не имѣвшая никакого понятія о жандармахъ, никакъ не могла сообразить, въ чемъ дѣло.

— Да за что же его въ Сибирь-то? — допрашивала она, вполнѣ

убѣжденная, что ссылатъ Фортунатова не за что.—Ну, за что, за какія провинности? Что онъ зарѣзалъ, что ли, кого, ограбилъ, убилъ?

Всѣ стали втупикъ, ибо, дѣйствительно, не знали, за что именно ссылатъ его. Всѣ замолчали. Наконецъ, «батюшка» прервалъ это молчаніе.

— Да кто это сказалъ-то, что его въ Сибирь?—спросилъ онъ.— Ты, что ли?—обратился онъ къ дьякону.

— И не думалъ,—отвѣтилъ тотъ, замахавъ руками.

— Кто же?

Но оказалось, что никто про Сибирь ничего не говорилъ.

— Откуда же эти слухи?

И на этотъ вопросъ опять-таки никто отвѣтить не съумѣлъ.

— Съ чего же взяли, что его въ Сибирь?—снова принялся допрашивать «батюшка», обводя всю компанію вопрошающимъ взглядомъ.

Но вопросъ этотъ разрѣшился самъ собою, ибо въ это самое время раздались колокольчики, бубенчики, грохотъ подкатившей телѣжки, чьи-то веселые и шумные голоса, а немного погодя въ комнату вошли Фортунатовъ и пріѣхавшій къ нему офицерикъ.

— А, здравствуйте!—вскрикнулъ весело Фортунатовъ.

— Откуда?—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Отъ Калеріи Ивановны Чеботаревой,—отвѣтилъ хохотавшій Фортунатовъ и прибавилъ, указывая на офицера:—рекомендую, пріятель мой поручикъ Хохловъ.

Это былъ тотъ самый офицерикъ, съ которымъ Фортунатовъ познакомился на крестинахъ у Милентова и который такъ недавно еще кушалъ карасей у вдовы Крыловой.

Прошло еще два-три дня и всему селу сдѣлалось извѣстнымъ, что Калерія Ивановна Чеботарева выходитъ замужъ за поручика Хохлова, а Христа—за Фортунатова, который вскорѣ и получилъ мѣсто учителя батраковской земской школы.

Когда вѣсть эта дошла до Милентова, то онъ не сказалъ ни слова, а только отвернулся и плюнулъ.

И. Саловъ.

НА ЗАКАТѢ *).

(„Sur le retour“, романъ Поля Маргеритъ).

КНИГА ВТОРАЯ.

XIV.

Дни проходили, очаровательный сонъ де-Франкёра продолжался. Съ утра полковникъ говорилъ себѣ: «Надо же, однако, заговорить когда-нибудь!» — и всякій разъ смѣлости у него не хватало. Наступилъ день, въ который ждали приѣзда маленькаго Бержюзана. Полковникъ опять отложилъ рѣшительное объясненіе. Спѣшить некуда, предстояло открытіе охоты, онъ долженъ уѣхать съ Маркомъ къ Деваренамъ и, по возвращеніи, успѣть сдѣлать предположенный важный и безповоротный шагъ. Такая отсрочка даетъ ему возможность еще разъ все обдумать, а тѣмъ временемъ Ивелина нигуда не улетитъ.

Графъ де-Франкёръ такъ разсуждалъ до той минуты, когда изъ вернушагося со станціи экипажа выпрыгнулъ у крыльца молодой человѣкъ, бѣгомъ кинулся къ встрѣчавшимъ его старикамъ Фабье и обнялъ ихъ, какъ родной сынъ. Потомъ съ очень радостнымъ видомъ онъ поцѣловалъ руку Лилии и поклонился полковнику.

— Хорошо съѣздили, Ивонъ?—спросила Лилия.

— Превосходно, крѣстная, благодарю васъ.

При своемъ маленькомъ ростѣ юноша былъ очень строенъ, съ чѣмъ хорошо гармонировала и характерная голова, широкій лобъ мечтателя, маленькія, короткія бачки будущаго моряка, голубые холодные глаза кельта и вся фигура, говорившая о выдержанности и смѣлости.

Выбѣжала Ивелина. Онъ измѣнился въ лицѣ, едва только за-

*) Русская Мысль, кн. XI.

видѣлъ ее. Быстрый юношескій порывъ сблизилъ ихъ, и въ родственномъ поцѣлуѣ, точно вспышка пламени, промелькнула инстинктивная нѣжность.

— Ты здорова, Ивелина?—сказалъ онъ.

— А ты, Ивонъ?—проговорила она, вмѣсто отвѣта.

Ихъ улыбки и короткость на «ты» показались досадными де-Франкёру. Онъ былъ уже въ томъ состояніи духа, когда влюбленный ревнуетъ ко всѣмъ и ко всему. И полковникъ угадывалъ давнюю, глубокую связь между этими молодыми существами, выросшими почти вмѣстѣ. «Павелъ и Виргинія!»—сказала какъ-то тетка Кержюзанъ. Но, какъ-никакъ, Виргинія-то уже женщина, а Павелъ пока еще ребенокъ, несмотря на его напускную холодность и манеры взрослого человѣка. Де-Франкёръ рѣшилъ дать ему это почувствовать при первомъ подходящемъ случаѣ. Полковникъ, какъ то бываетъ нерѣдко съ пожилыми людьми, опасался неуважительности молодежи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его стѣснялъ тотъ ложный взглядъ, который мѣшаетъ относиться къ подросткамъ какъ къ полноправнымъ людямъ въ то время, когда уже нельзя съ ними обращаться какъ съ дѣтьми. А потому онъ принялъ важный, серьезный видъ, хотя и доброжелательно-снисходительный.

Юноша съ своей стороны почувствовалъ, быть можетъ, нѣсколько смутно, отсутствіе симпатіи къ себѣ графа де-Франкёра и потому былъ съ нимъ очень сдержанъ, безукоризненно вѣжливъ и только, а въ обращеніи съ остальными и съ Маркомъ даже выказывалъ самую юношескую непринужденность, какъ мальчикъ, сознающій, что съ ними хорошо ему, что тутъ любятъ его. Съ кузины онъ почти глазъ не спускалъ послѣ трехмѣсячной разлуки.

— Какъ чудесно, какъ весело будетъ! — говорилъ онъ. — Здѣсь, вѣдь, есть купанье? Я выучу тебя плавать.

— Я уже умѣю, — отвѣтила она. — Мосье де-Франкёръ былъ такъ добръ, выучилъ меня.

— А! — и взглядъ его голубыхъ, ясныхъ глазъ остановился на полковникѣ секунды двѣ лишнія.

И за то полковникъ не смогъ сдержать невинной шутки:

— А сами-то вы умѣете плавать?

Всѣ улыбнулись. Ясный взглядъ еще разъ блеснулъ въ упоръ на де-Франкёра.

— Умѣю, мосье, — сказалъ Ивонъ.

И оба поняли сразу, что другъ другу они не по вкусу.

XV.

Однажды, часовъ около трехъ дня, графъ де-Франкёръ написалъ нѣсколько писемъ въ своей комнатѣ. Онъ бросилъ перо, оперся локтями на ручки креселъ и задумался, скрестивши пальцы у подбородка. Взоръ полковника былъ неподвижно устремленъ въ пространство. На сердцѣ легла неопредѣленная грусть, своего рода усталость, являющаяся слѣдствіемъ непрерывности извѣстнаго состоянія души, утомленной сладкимъ опьяненіемъ любовью. Безъ всякаго опредѣленнаго повода онъ испытывалъ тоскливое чувство.

Что могло его разстроить? Неужели пребываніе здѣсь маленькаго Кержюзана въ теченіе нѣсколькихъ дней, надоедливое, какъ жужжаніе москита вокругъ счастливаго человѣка? Но чѣмъ же могъ его тревожить этотъ мальчикъ? Де-Франкёръ ни въ чемъ не могъ упрекнуть его, кромѣ того, развѣ, что тотъ постоянно вертѣлся около Ивелины и своею юностью еще больше оттѣнялъ его зрѣлый возрастъ. Полковникъ раздумывалъ объ этомъ: да, весьма возможно, что именно юность Ивона и беспокоитъ его, — это даже навѣрное такъ... Во взаимныхъ отношеніяхъ обитателей замка эта юность играла роль химическаго реактива, разлагающаго извѣстное сочетаніе элементовъ и вызывающаго иную ихъ группировку на основаніи другихъ законовъ сродства. До пріѣзда этого подростка ничто не отдѣляло де-Франкёра отъ Ивелины и большая разница въ ихъ лѣтахъ могла оставаться незамѣченною; во всякомъ случаѣ, она неизмѣримо менѣе бросалась въ глаза, чѣмъ теперь, такъ какъ рѣзвый мальчикъ былъ настолько живъ, веселъ и подвиженъ, что рядомъ съ нимъ полковникъ долженъ былъ казаться отяжелѣвшимъ и неповоротливымъ.

И де-Франкёръ представлялъ себѣ Ивелину и Ивона играющими въ воланъ: оба бѣгаютъ и скачутъ, какъ настоящія дѣти, въ запуски другъ передъ другомъ, — и онъ вздохнулъ о томъ, что такія вещи ему уже не подь-лѣта. Смѣшнымъ не хотѣлось показаться и, тѣмъ не менѣе, самъ себѣ въ томъ не сознаваясь, онъ ревновалъ мальчика не потому только, что тотъ молодъ, а и потому уже, что Ивонъ такъ любитъ свою кузину.

Да это прямо-таки въ глаза бросалось, такъ и сверкало въ блескѣ его глазъ, въ восторгѣ улыбки, въ быстротѣ движеній, чтобы оказать услугу дѣвушкамъ, предупредить ея малѣйшее желаніе, всячески ей угодить. А она?... Какъ мягки ея взгляды, какъ непринужденно и просто весела она съ нимъ! Ясно видно, что она любитъ его только какъ брата... И не иначе, разумѣется...

Такою надеждой утѣшалъ себя полковникъ, вздыхая. Любовь—крайне сложное чувство и принимаетъ такія различныя формы въ эти ранніе, полудѣтскіе годы. И въ первый разъ со дня пріѣзда къ брату де-Франкёръ почувствовалъ себя утомленнымъ, немного устарѣвшимъ.

XVI.

Легкій шумъ въ комнатѣ Марка вывелъ полковника изъ забытья. За послѣднее время Маркъ уходилъ каждый день изъ дома подъ тѣмъ предлогомъ, что принялся писать картину на открытомъ воздухѣ. Натурщицу онъ отпустилъ, свою голую нимфу совѣмъ оставилъ и появлялся въ замкѣ только въ часы обѣда и завтрака. Всегда очень тщательно одѣтый, щеголеватый, съ чистыми, выхоленными руками, онъ нисколько не походилъ на тѣхъ художниковъ-пейзажистовъ, которыхъ полковникъ видалъ, когда они, загорѣвшіе, въ холщевомъ костюмѣ, направлялись къ выбранному ими мѣсту, таща за плечами весь свой снарядъ. На самомъ ли дѣлѣ Маркъ уходилъ рисовать пейзажи? Въ этомъ де-Франкёръ усомнился бы, можетъ быть, если бы не былъ настолько поглощенъ своимъ собственнымъ увлеченіемъ. До Жозе было очень недалеко, а мадамъ де-Сіу нѣсколько поправилась и рѣчи уже не заходило о скоромъ возвращеніи барона де-Бретъ. Жюго былъ все еще нездоровъ и никуда не показывался. Къ тому же, и видъ у Марка былъ какой-то странный, беспокойный.

Предположивши, что на этотъ разъ братъ вернулся раньше обыкновеннаго, и соскучившись сидѣть одинъ, полковникъ направился въ помѣщеніе брата и вошелъ въ его комнату, не постучавшись. Тамъ шарила чего-то Лилія; она вздрогнула, быстро обернулась и сильно покраснѣла.

— Ахъ, вы испугали меня! Я тутъ искала...

Видъ у нея былъ такой, будто ее захватили врасплохъ на мѣстѣ преступленія.

— Я мѣшать не буду, уйду,—сказалъ полковникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — остановила она его въ смущеніи. — Я кончила.

— Мнѣ показалось, что Маркъ вернулся, потому я и вошелъ.

— О, Марка никогда не бываетъ дома! Вы знаете, что онъ...— она кусала губы и смотрѣла на де-Франкёра боязливымъ взглядомъ, въ которомъ все еще свѣтилась надежда. — Не припомните, гдѣ онъ работаетъ? За завтракомъ онъ сказалъ, что въ лѣсочкѣ близъ пруда у Ипрео.

— Кажется, такъ.

— Хотите пройти съ мной туда къ нему? Мы бы и дѣтей взяли съ собой.

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ онъ, ничего не подозрѣвая.

Когда они сошли въ садъ, Ивелина сидѣла на террасѣ съ теткой и что-то шила. Тигіаль, успѣвшій привязаться къ ней, лежалъ у ея ногъ и караулилъ ее. Ивонъ въ нѣкоторомъ разстояніи не спускалъ глазъ съ нея и молчалъ.

— Идемъ съ нами, дѣти?—спросила Лилія.

Они тотчасъ согласились, и тетка Аврора позволила имъ идти.

Скоро явилась бонна-англичанка съ Жозе, которую она вела за руку. Ихъ опередила Жанна и бросилась къ де-Франкѣру.

— И собака пойдетъ съ нами? Вѣдь, да, милый, добрый дядя?

— Если тебѣ этого хочется,—сказалъ онъ.

Пустились въ путь. Лилія шла рядомъ съ полковникомъ, молчаливая и задумчивая. А онъ, видя, какъ впереди ихъ идутъ Ивонъ и Ивелина, чувствовалъ новый приливъ недовольства, находилъ, что имъ даютъ слишкомъ много свободы, слишкомъ много позволяютъ быть вмѣстѣ. Въ зарождающейся ревности своей онъ страдалъ отъ того, что нѣжность Ивона оттѣсняетъ прочь его любовь, и онъ вынужденъ сносить это молча, подчиняясь извѣстнымъ условностямъ. Утѣшало полковника только одно, а именно: онъ слышалъ, что Ивонъ останется здѣсь не надолго, такъ какъ старые друзья его отца зовутъ его къ себѣ въ Бретань. Поддаваясь наивному нетерпѣнію, де-Франкѣръ, самъ съ пылкостью юноши, началъ желать, чтобы случилось это какъ можно скорѣе. Но, разсудивши здраво, онъ готовъ былъ пожать плечами: дитя, вѣдь, этотъ Ивонъ,—чѣмъ онъ мѣшаетъ ему? И, тѣмъ не менѣе, мѣшалъ онъ несомнѣнно, такъ какъ съ его пріѣзда де-Франкѣръ сталъ сдержаннѣе съ молодою дѣвушкой, остерегался даже быть съ нею любезнымъ. Быть можетъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, онъ немного дулся на нее въ глубинѣ души своей; въ особенности же онъ боялся, какъ бы молодой человѣкъ не разгадалъ его чувства къ Ивелинѣ. Это страшно стѣснило бы полковника, но въ чемъ именно, того онъ объяснить себѣ не могъ. Развѣ его любовь къ Ивелинѣ не такая естественная и простая вещь, какою она представлялась ему, де-Франкѣру?

Марка не оказалось ни въ маленькомъ лѣсочкѣ, ни у пруда близъ Ипрео.

На обратномъ пути Лилія была замѣтно возбуждена, громко говорила и перво смѣялась короткимъ, отрывистымъ смѣхомъ. На

это обратилъ, наконецъ, вниманіе и де-Франкёръ, какъ ни былъ занятъ своими мыслями. Онъ встревожился.

— Вѣроятно, Маркъ пошелъ рисовать куда-нибудь въ другое мѣсто,—высказалъ онъ свое предположеніе.

Самъ онъ ничего не подозрѣвалъ, но угадывалъ подозрѣнія Лилии, и это его беспокоило.

А она, въ лихорадочномъ нетерпѣніи, выжидала возвращенія мужа и, при старшемъ братѣ, въ гостиной, гдѣ еще не успѣли зажечь лампы, спросила Марка съ притворно-веселымъ видомъ:

— Хорошо ты поработалъ?

— Очень хорошо,—отвѣтилъ Маркъ.

— А гдѣ?

— Тамъ, у пруда, съ мѣста не сходилъ все время.

— А!... На какомъ же это мѣстѣ?

— У засохшаго дуба, какъ всегда.

По лицу Лилии пробѣжала странная усмѣшка: какъ разъ у этого дуба они всѣ садились отдыхать.

— Вотъ удивленіе, мы проходили тамъ, и я тебя не видала!

Онъ тотчасъ же сталъ вывертываться, лгать съ большимъ апломбомъ, припомнилъ, что на самомъ дѣлѣ, въ данный моментъ, онъ отходилъ на короткое время... Она притворилась, будто вѣрить ему, но смотрѣла на него такимъ взглядомъ и съ такою улыбкой, что онъ, навѣрное, встревожился бы, если бы могъ ихъ видѣть въ темнотѣ. Внесли лампы, и Лилия заговорила о другомъ.

XVII.

Черезъ день послѣ того графъ де-Франкёръ и Маркъ должны были отправиться по желѣзной дорогѣ на открытіе охоты въ имѣніи г. Деваренъ. Эта поѣздка не особенно манила полковника. Пренія его страсть къ охотѣ улеглась, и ему тяжела была въ эту минуту разлука съ Ивелиной. Какое-то странное недомоганіе, котораго онъ самъ опредѣлить не умѣлъ, похожее на чисто - физическое утомленіе, сказывалось во всемъ его могучемъ организмѣ. Къ тому же, онъ совсѣмъ терялся при видѣ странныхъ отношеній Марка и его жены. Въ прямодушіи своемъ онъ не терпѣлъ никакихъ неопредѣленныхъ положеній и страдалъ отъ того, что не зналъ, въ чемъ Лилия подозрѣваетъ мужа и насколько могутъ быть основательны ея подозрѣнія. И, въ то же время, его сдержанность, своего рода стыдливость, не позволяла ему залѣзть въ чужія души, выпрашивать невѣстку и въ особенности брата. Слегка задѣтый въ своей

гордости, онъ былъ того мнѣнія, что меньшей братъ самъ долженъ обратиться къ нему, какъ къ ближайшему другу, и по собственно-му побужденію довѣрить ему свои тайны, если онъ имѣются у него.

И онъ вдвойнѣ волновался какъ отъ подозрительнаго поведенія Марка, такъ и отъ собственной тревоги, вызванной чувствомъ къ Ивелинѣ. Онъ просто былъ изъ коленъ выбитъ, утомленъ нравственно и точно обезсиленъ тяжелымъ сномъ; галлюцинаціи любви дѣйствовали на него какъ гашишъ. И, притомъ, нарушеніе равновѣсія въ его образѣ жизни, въ гигиенѣ и въ привычкахъ, замѣтно сказывалось на всемъ его организмѣ. Онъ самъ себя уже не узнавалъ и, послѣ внезапнаго опьяненія первыми днями любви, испытывалъ нѣчто похожее на состояніе человѣка, не успѣвшаго придти въ себя на другой день шумнаго праздника. Старый холостякъ не былъ даже вполнѣ увѣренъ въ томъ, что самую любовь онъ не во снѣ видѣлъ, настолько обрывалась въ его сознаніи связь между его душевнымъ настроеніемъ и дѣйствительностью. Въ немъ все такъ спуталось, что онъ не въ силахъ уже былъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, пріятно или тягостно такое состояніе, весьма близкое къ тому, какое переживаетъ человѣкъ, въ которомъ начинаютъ проявляться признаки зарождающейся болѣзни.

И вотъ онъ въ это утро бродилъ одинокимъ, не зная, за что взяться, раздумывая о Маркѣ, котораго опять не было дома, о Лилии, сосредоточенной и молчаливой, о старикахъ Фабье, почти не показывавшихся, точно чутьемъ угадывавшихъ приближеніе грозы и старавшихся держаться въ сторонѣ изъ благоразумія и желанія личнаго покоя.

Полковнику хотѣлось очень повидать Ивелину наединѣ, чего ему не удавалось въ теченіе уже нѣсколькихъ дней. Быть можетъ, несмотря на всю свою деликатность, онъ попытался бы заговорить съ нею, вывѣдать, по крайней мѣрѣ, со всевозможною осторожностью, какъ бы отнеслась она къ его любви и дала ли бы согласіе на то, чтобы онъ просилъ ея руки. Теперь ему казалось, что съ этого-то именно и слѣдовало ему начать, хотя это и не согласовалось съ принятыми обычаями. Но развѣ исключительность положенія, разнища въ ихъ лѣтахъ не оправдывали того шага, который онъ сдѣлалъ бы настолько осторожно и благоразумно, насколько то необходимо было, чтобы не особенно сильно смутить молодую дѣвушку?

Де-Франкѣръ видѣлъ, какъ Ивелина послѣ завтрака вышла одна въ садъ и направилась въ сторону большихъ кустовъ розъ, гдѣ онъ въ первый разъ встрѣтилъ ее съ блестящимъ яркими крас-

ками снопомъ цвѣтовъ. Полковникъ обрадовался, что на этотъ разъ иѣтъ съ нею всегдашняго спутника, маленькаго Кержюзана, и осторожными шагами быстро направился по круговой аллеѣ въ томъ разчетѣ, чтобы повстрѣчать Ивелину какъ бы невзначай. Его сердце билось, какъ у двадцатилѣтняго влюбленнаго, и замирало въ ожиданіи чего-то рѣшительнаго, съ чѣмъ покончить надо во что бы то ни стало. Онъ напрягалъ зрѣніе, стараясь разсмотрѣть сквозь листву свѣтлое платье, котораго не могъ видѣть безъ волненія, и шелъ по травѣ, изъ боязни, что дѣвушка услышитъ скрипъ его шаговъ на гравіи дорожки.

Полковникъ подходилъ къ маленькой сторожкѣ садовника, когда разслышалъ звуки двухъ голосовъ. Тотчасъ же торопливымъ и необъяснимымъ порывомъ, точно боясь, что его изловятъ на нехорошемъ дѣяніи, онъ укрылся за досчатый домикъ съ крошечными окошками, прикрытыми сплошною завѣсой изъ настурцій. Оттуда, самъ оставаясь незамѣченнымъ, онъ увидалъ подходящихъ Ивелину и Ивона. Страшно досадно стало ему отъ того, что опять они вмѣстѣ, и необычайно тревожное любопытство охватило его, такъ какъ лицо Ивона было очень оживлено и щеки Ивелины пылали яркимъ румянцемъ. Молодые люди подходили медленно и остановились передъ хижинкой у каменной скамейки.

— Говорю я тебѣ, что нравишься ты ему,—настойчиво повторялъ Ивонъ,—я знаю это, чувствую и выносить этого не могу.

— Но съ чего ты взялъ, что я ему нравлюсь?—возражала Ивелина.

— Какъ съ чего? Да съ того, что ты молода, что ты хороша, что нельзя не любить тебя!

— И все это пустяки. Полковникъ очень добръ и любезень со всѣми.

— Въ особенности съ тобой, а я страдаю отъ этого.

Она повернулась къ Ивону:

— Напрасно страдаешь,—для меня онъ нисколько не интересенъ.

Это наивно-жестокое слово, точно пожомъ, больно ударило де-Франкёра. Онъ до крови закусилъ себѣ губу. Ивелина обернулась спиной въ его сторону, и еще болѣе горько стало у него на сердцѣ. Ивонъ продолжалъ:

— Предположи, однако, что онъ вздумалъ бы на тебѣ жениться.

— Онъ?... Ахъ, какая глупость!...—прошептала дѣвушка.

— Да, конечно, большая глупость... А, все-таки, если бы вздумалъ, ты согласилась бы?

— Какъ можешь ты спрашивать объ этомъ?—сказала она тихо и невнятно.

— Согласилась бы?—рѣзко повторилъ онъ.

Она отрицательно покачала головой нѣсколько разъ.

Де-Франкёръ задыхался и не столько отъ того, что страдало его самолюбіе, сколько отъ презрительнаго отношенія дѣвушки къ его любви. Ни малѣйшаго признака негодованія на Ивелину не поднялось, впрочемъ, въ его душѣ. Что же касается Ивона, то его онъ просто ненавидѣлъ въ эту минуту. А тотъ продолжалъ говорить, стоя почти на колѣняхъ на скамьѣ передъ Ивелиной и сжимая ея руки:

— Пойми, я выносить не могу мысли, что кто-нибудь другой любить тебя, смѣетъ смотрѣть на тебя. Никто не полюбитъ тебя такъ, какъ я люблю. Вѣдь, мы съ тобою съ дѣтства женихъ и невеста... Ты обѣщала быть моею женой!

— Не говори, не говори этого, не хорошо...—и она сдѣлала попытку высвободить свои руки.

— Почему не хорошо? Повторяю тебѣ, я люблю тебя. До сихъ поръ я не имѣлъ возможности сказать тебѣ это, мы никогда не остаемся одни, этотъ толстый господинъ вѣчно тутъ, подсматриваетъ за нами!

Толстый господинъ! Де-Франкёръ побагровѣлъ отъ оскорбленія, весьма заслуженнаго, увъ. Развѣ не подсматривалъ онъ?

— Ивелина, — говорилъ юноша, — скажи мнѣ, любишь ты меня?

— Глупости все это, Ивонъ. Пойдемъ домой.

— Скажи, скажи, Ивелина, умоляю тебя!

— Ну, хорошо, люблю, очень...

И тотчасъ, точно въ испугѣ, она вскрикнула:

— Перестань, Ивонъ, пусти!...

Вся пунцовая, она увертывалась отъ его поцѣлуевъ и, вырвавшись изъ объятій юноши, пустилась бѣжать къ дому. Ивонъ бросился слѣдомъ, повторяя задыхающимся и умоляющимъ голосомъ:

— Ивелина! Ивелина!

XVIII.

Де-Франкёръ не тотчасъ вышелъ изъ своей засады; ему казалось, что лицо выдастъ его. Его смущала ревнивая прозорливость маленькаго Кержюзана. Полковникъ такъ убѣжденъ былъ, что

хранить свою любовь въ недоступной тайнѣ, и вдругъ ребенокъ разгадалъ эту тайну. А Ивелина... не любить она его! Не интересенъ онъ,—сама она это сказала. Замужъ за него не пойдетъ,—и это она сказала... Какъ ни тяжело это было для его самолюбія, но страдалъ онъ больше отъ обманутой надежды. Полковникъ впалъ въ настоящее отчаяніе.

Онъ шелъ очень скоро, спѣшилъ удалиться изъ сада, отъ цвѣтушихъ розъ, насмѣшливый ароматъ которыхъ лился, казалось, для другихъ, а не для него. Де-Франкёръ вышелъ въ поле, залитое лучами солнца, и снялъ шляпу. Вся кровь прилиwała къ головѣ и, точно желѣзнымъ обручемъ, давила его виски.

Безумецъ, безумецъ!—горько повторялъ онъ про себя.—Какъ могъ онъ ошибиться настолько, подумать, что можетъ еще правиться въ его лѣта, что молоденькая дѣвушка согласится выйти за него замужъ! Какъ не понялъ онъ, что молодое къ молодому тянется! Такіе ли глаза у него, какъ у Ивона, такія ли губы, такой ли свѣжій цвѣтъ лица? Жестокую правду сказалъ этотъ мальчикъ,—толстый господинъ онъ, и только, хорошо сохранившійся толстый господинъ, не больше. Какое значеніе могла имѣть молодость его сердца? Не старъ онъ развѣ умомъ, умѣетъ развѣ смѣяться и шутить, какъ молодежь? Прошла для него молодость, и какъ пожалѣлъ онъ о томъ, что она прошла, такъ какъ хорошо сознавалъ, что не въ Ивонѣ тутъ дѣло, а въ его молодости. Весьма возможно, что въ дѣйствительности не его совсѣмъ любить Ивелина и не станетъ никогда женою этого маленькаго жениха дѣтства. Но замужъ выйдетъ она, навѣрное, за молодого и сильнаго человѣка, а не за пожилого, котораго уже давятъ лежащія на плечахъ пятьдесятъ лѣтъ!

«Но я люблю ее, люблю!»—повторялъ онъ, и безъ боя отказаться отъ Ивелины казалось ему дѣломъ недостойнымъ.

«А почему бы и не побороться?—разсуждалъ де-Франкёръ.—Не могла же она, въ самомъ дѣлѣ, полюбить меня такъ, по собственному влеченію. Я долженъ похлопотать о томъ, чтобы ей поправиться. У меня есть языкъ и я обязанъ говорить. Какъ ни велика разница въ лѣтахъ, мы видали, однако, браки при еще большемъ различіи. Да, наконецъ, и не старъ я совсѣмъ!»

И въ немъ опять сказался приливъ всей его физической силы, онъ съ гордостью сознавалъ себя бодрымъ и крѣпкимъ.

«Нѣтъ, не могу я отъ нея отказаться! Что мнѣ за дѣло до этого мальчика? И что такое, самъ по себѣ, этотъ мальчикъ, безъ положенія въ обществѣ, слишкомъ юный для того, чтобы жениться прежде, чѣмъ пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ? Быть не мо-

жетъ, чтобъ она серьезно любила полуребенка. Она сама еще не понимаетъ своего чувства къ нему. О, еслибъ я зналъ, чѣмъ затронуть ее сердце! Если бы могла она заглянуть въ мою душу, если бы могла угадать, какую преданную и глубокую любовь я припесу къ ея ногамъ!... Я исполнялъ бы все ея желанія, съ восторгомъ сталъ бы наряжать ее, развлекать, какъ бы ей хотѣлось по ея годамъ. Ея домъ былъ бы самымъ блестящимъ въ городѣ, и царила бы она въ немъ, какъ королева!...»

Полковникъ остановился и осмотрѣлся: у его ногъ текла Оленька, около того мѣста, гдѣ находился купальный навильонъ Фабье. Передъ де-Франкёромъ пронеслись все подробности купанья съ молодую дѣвушкой, и сердце его сжалось при этомъ чарующемъ воспоминаніи. Его голова была какъ въ огнѣ. Онъ спустился къ рѣчкѣ, наклонился къ водѣ и сталъ мочить себѣ виски и лобъ. И эти чистыя, холодныя струи тоже напомнили ему Ивелину. Жаръ въ головѣ не унимался, и чѣмъ свѣжѣе была вода, тѣмъ болѣе она жгла его, точно пламя лилось на него.

XIX.

Когда полковникъ вернулся въ замокъ, Ивелина и Ивонъ, поджидавшіе его возвращенія, посмотрѣли на него удивленными взглядами, — такъ красно было его лицо и налиты кровью глаза. Онъ машинально добрался до дома, безъ мысли, безъ страданія даже, сознавая только страшный жаръ въ вискахъ и одуряющую невралгію. Онъ не сразу понялъ, что говорилъ ему Ивонъ и что подтверждала Ивелина: ихъ крѣстная нездорова, не выходила изъ своей комнаты и просить его зайти къ ней поговорить.

— А, да, хорошо, я иду къ ней, — проговорилъ онъ невнятно отяжелѣвшимъ языкомъ.

Де-Франкёръ постучался къ Лилии; она сама отворила ему дверь. Занавѣсы у оконъ были спущены, постель измята такъ, будто молодая женщина бросалась на нее въ потемкахъ, устроенныхъ по случаю болѣзни или какого-нибудь горя. Лилия казалась блѣдною, разстроенною и настолько озабоченною, что не замѣтила, какой нехорошій видъ имѣетъ самъ-то полковникъ.

— Знаете, гдѣ Маркъ? — спросила она нѣсколько безумнымъ, рѣзкимъ тономъ.

— Я? Не знаю.

— Онъ у нея, онъ не выходитъ отъ нея... Теперь я все узнала.

Она подала де-Франкёру развернутую и измятую записку, которую тотъ не сразу взялъ въ руки.

— У кого у нея?—спросилъ онъ.

— У своей любовницы, у этой мерзкой женщины!

— О-о!—чуть не простоналъ полковникъ.

— Прочтите, вотъ!

Онъ взялъ щегольской листокъ бумаги, исписанный мелкимъ женскимъ почеркомъ, но прочесть ничего не могъ,—строчки прыгали передъ его глазами.

— Она назначаетъ ему свиданіе, кажется, достаточно ясно! Хорошо онъ меня обманываетъ? И поцѣлуй!...—и на ея лицѣ выразилось отвращеніе.—Какова подлость!

Де-Франкёръ сдѣлалъ надъ собою усиліе и кое-какъ сообразилъ, наконецъ, что дѣло идетъ о Маркѣ и о баронессѣ.

— Но какъ попала къ вамъ...

— Записка? Я нашла ее въ его портфель, вотъ сейчасъ, роясь въ его мастерской. Я уже подозрѣвала. А теперь все кончено! Видѣть его не хочу, пусть уѣзжаетъ съ нею. Сюда чтобы не показывался...

— Я отправлюсь за нимъ,—сказалъ полковникъ рѣшительно.

Какъ ни былъ самъ онъ разстроенъ, онъ понималъ, однако же, что съ отчаянія Лилія говорила какъ разъ противоположное тому, что думала; онъ сообразилъ также, что необходимо, во что бы ни стало, вернуть Марка тотчасъ же, такъ какъ чѣмъ больше продолжится его пребываніе у баронессы, тѣмъ станетъ тяжелѣе оскорбленіе, нанесенное имъ женѣ.

— Да, да, такъ! — говорила она растерянно, и ея пальцы дрожали, судорожно сжимая платокъ, который она прижимала къ губамъ.

— Позвольте позвать вашу матушку. Вамъ не слѣдуетъ оставаться одной.

— Матап? О, Боже мой, бѣдная матап!... Къ чему ее тревожить? Впрочемъ, пожалуй... Благодарю васъ.

Онъ пріободрился, по-военному, и быстро вышелъ изъ комнаты. Мадамъ Фабье онъ нашелъ въ гостиной и попросилъ пройти къ дочери. Старикъ Фабье, котораго полковникъ не замѣтилъ въ торопяхъ, поднялся изъ-за высокаго кресла. Супруги, молча, переглянулись, встревоженные страннымъ видомъ гостя и предчувствіемъ чего-то недобраго. Черезъ минуту Фабье проговорилъ со вздохомъ:

— Что-жь, другъ мой, пойдите къ ней.

XX.

— Здѣсь мой братъ?—отрывисто спросилъ графъ де-Франкёръ стараго лакея.

Полковникъ прошелъ до Жозё, не отдыхая, быстрымъ и упрямымъ шагомъ лунатика.

— Госпожа баронесса и господинъ виконтъ въ саду. Если угодно господину графу, я проведу...

— Не нужно, я не желаю беспокоить мадамъ де-Бретъ. Сообщите моему брату, что я жду его здѣсь.

Черезъ минуту явился Маркъ безъ шляпы, съ палитрой въ рукѣ; онъ заканчивалъ портретъ баронессы въ бесѣдѣ изъ вьющихся растений.

— Что случилось?

— Твоя жена все знаетъ, идемъ!

— Что такое? Что моя жена знаетъ?

Маркъ принялъ враждебный видъ провинившагося и пойманнаго человѣка.

— Пойдемъ!—рѣзко повторилъ полковникъ.

— Кажется, я человѣкъ свободный,—возразилъ Маркъ.

Въ томъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ находился графъ де-Франкёръ, его почти нельзя было считать вполне отвѣтственнымъ за то, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Обычной сдержанности и слѣда не было.

— Ну, живо, пойдемъ! — и руки полковника уже порывались схватить Марка за шиворотъ и тащить его силой.

Маркъ поблѣднѣлъ, увидавши, какъ бросилась кровь въ лицо старшаго брата; онъ понялъ, что надо подчиниться, и коротко проговорилъ:

— Хорошо, иду!

Онъ быстро удалился, перекинувшись нѣсколькими словами съ баронессой, шедшей въ тревогѣ ему на встрѣчу. Въ бесѣдѣ онъ на-скоро сложилъ свои рисовальныя принадлежности, взялъ со стула шляпу и вернулся къ брату въ ту минуту, когда хозяйка дома заговорила съ своимъ неожиданнымъ гостемъ:

— Что случилось? — спросила она, стараясь казаться спокойною.

— Мадамъ де-Франкёръ нездорова,—отвѣтилъ полковникъ.— Она мужа своего требуетъ.

— А!—и баронесса измѣнилась въ лицѣ подъ пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ мелькало презрѣніе.—Такъ ступайте, ступайте скорѣе!—сконфуженно обратилась она къ Марку.

Они удалялись, не говоря ни слова. Маркъ изъ себя выходилъ.

— Что же тамъ такое произошло, наконецъ? — сухо проговорилъ онъ, пройдя сотню метровъ.

— Записка баронессы попала въ руки твоей жены.

— А... шпионить за мной!

— Чортъ возьми!... А ты ее обманываешь!

— Она прислала тебя?

— Нѣтъ, Маркъ, я самъ за тобой пришелъ, со мною за это и считайся. А твоя жена достойна глубокаго сожалѣнія.

Маркъ опустилъ голову и глухо проговорилъ:

— Такъ... и счастливымъ быть нельзя.

Де-Франкёръ ничего не отвѣтилъ, — эгоистическая фраза брата болѣзненно отозвалась въ его разбитомъ сердцѣ: да, нельзя быть счастливымъ.

Затѣмъ они не сказали во всю дорогу ни слова. Когда они вошли въ ворота сада, лицо у Марка было злое и, въ то же время, онъ имѣлъ видъ растерянный и приниженный. Вдали послышался громкій плачь ребенка.

— Это Жанна, — сказалъ полковникъ.

— Нѣтъ, это голосъ Жозе, — возразилъ отецъ.

— Должно быть, упала, — замѣтилъ дядя.

Въ ту минуту, какъ, остановившись, они прислушивались къ дѣтскому крику, гроза вдругъ стихла въ обоихъ, раздраженіе улеглось, смѣнилось мягкимъ чувствомъ, и полковникъ, думая, прежде всего, о Лилии, тихо проговорилъ брату:

— Иди къ женѣ и будь хорошъ съ нею...

XXI.

Де-Франкёръ освѣдомился о причинѣ плача Жозе и, удоставившись, что не случилось ничего особеннаго, прошелъ къ себѣ. Онъ лихорадочно разстегнулъ воротъ сорочки и сорвалъ съ себя душившій его галстукъ. Нервно напряженные до этой минуты силы совсѣмъ оставили его. Огненные круги проносились передъ глазами, и голова разрывалась отъ страшной боли. Ему казалось, будто въ черепъ ему гвозди заколачиваютъ. И заколачиваетъ ихъ Ивонъ тяжелыми ударами молотка, а Ивелина смѣется и подаетъ ему тѣ гвозди. Хороша какъ она, кругомъ нея — аромать цвѣтовъ, одуряющій аромать. Де-Франкёру дышать нечѣмъ, и думается ему, что Маркъ, въ отместку за то, что онъ насильно привелъ его, закрылъ

всѣ окна, чтобы старшій братъ задохся тутъ. Сознаніе спутывалось, на широко раскрытые глаза набѣгаль туманъ.

Полковникъ подошелъ къ окну, протянулъ руки, попытался открыть его, но подступающій недугъ одолѣлъ, и де-Франкёръ трузно рухнулъ на полъ, какъ сраженный богатырь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Графъ де-Франкёръ лежалъ въ постели. Свѣтъ лампы падалъ на его очень красное, припухшее лицо; эту лампу держалъ въ рукѣ Маркъ, рядомъ съ нимъ стоялъ врачъ, г. Корбъ, и показивалъ головой. Глаза полковника были широко открыты и безсознательно блуждали. Онъ безпокойно говорилъ невнятнымъ голосомъ:

— Ивелина, нѣтъ, не надо...—и послѣ короткаго молчанія:— Я все слышалъ... Дурно это...

— Бредъ,—тихо сказалъ докторъ и сталъ считать пульсъ больного.—У такихъ здоровяковъ лихорадка проявляется всегда съ особенною силой.

Маленькій, сѣденькій и добродушный, онъ съ боязливымъ удивленіемъ посматривалъ на полковника, тѣло котораго казалось громаднымъ подъ бѣлою простыней. Врачъ взялъ шляпу и направился къ двери, сдѣлавши Марку знакъ слѣдовать за нимъ. Когда Маркъ вернулся, лицо его выражало сильное безпокойство. Ничего не зная о прогулкѣ брата съ непокрытою головой по солнцу и о томъ, какъ онъ неосторожно обливался холодною водою на берегу Ольнеты, Маркъ объяснить себѣ не могъ этого внезапнаго приступа горячешаго жара и бреда.

Часа три назадъ, въ началѣ обѣда, и безъ того уже довольно печальнаго вслѣдствіе отсутствія Лиліи, онъ послалъ Мишеля въ комнату полковника и, по тревожному докладу слуги, самъ побѣжалъ наверхъ, гдѣ и нашелъ старшаго брата хрипящимъ въ креслѣ.

Если бы Лилія была тутъ, все-таки, легче было бы. Но она сама лежала въ постели послѣ нервнаго припадка, вызваннаго тяжелою сценой объясненія съ мужемъ. И перепуганный этими двумя пароксизмами, сокрушающійся Маркъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Нездоровье жены огорчало его въ особенности потому, что онъ сознавалъ себя его виновникомъ и горько каялся. Но того больше безпокоила его болѣзнь брата, наступившая такъ необъяснимо быстро и съ такою силой.

— Ивелина, розы!—повторялъ де-Франкёръ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ.

Маркъ сѣлъ въ тѣни, у его изголовья, и раздумывалъ, что бы могло значить, что онъ только Ивелиной и бредить. А больной, между тѣмъ, задвигался и проговорилъ:

— Идемъ, идемъ скорѣе!

Маркъ понялъ, что больной переживаетъ въ бреду короткую и рѣзкую сцену у баронессы. Полковникъ продолжалъ:

— Бѣдная Лилія плачетъ... иди, иди къ ней!

Горькимъ чувствомъ отразилось въ сердцѣ Марка сознание, что въ разстроенномъ мозгу брата повторяется представленіе о томъ злѣ, которое сдѣлалъ другимъ онъ, Маркъ, и изъ его груди вырвался тяжелый вздохъ.

II.

Положеніе графа де-Франкёра ухудшалось. Толпы измѣнчивыхъ образовъ окружали его, подхватывали и мчали куда-то съ быстротой поѣзда-молніи. Больной метался, какъ въ агоніи, и задыхался отъ этой бѣшеной скачки; ему не хватало воздуха, и онъ чувствовалъ только каждую секунду, что вотъ-вотъ конецъ его приходитъ.

Такъ прошла недѣля, жаръ и бредъ не унимались. Единственно, что сознавалъ еще полковникъ, это—смѣны дня и ночи. Но и то представлялось ему не въ обычной реальности, а какъ бы доходящимъ до него черезъ чью-то чужую, не его голову, причемъ счетъ дней и часовъ совершенно спутался. Больному казалось, что онъ видѣлъ наклонявшееся надъ нимъ лицо Марка, потомъ лицо Лиліи и еще доктора, но онъ не былъ въ томъ увѣренъ. Его денщикъ и слуга Франсуа поочередно находились при немъ, и бредъ переносилъ его въ Вердёнъ, въ его холостую квартиру. Одна Ивелина являлась передъ нимъ неизмѣнно и была постояннымъ центромъ самыхъ странныхъ галлюцинацій, въ которыхъ бывшія въ дѣйствительности событія перенутывались съ невѣроятнѣйшими фикціями, никогда не удивлявшими его, такъ какъ складывалось все это на основаніи той безумной логики, какая создается бредомъ и кошмаромъ. Мало-по-малу сталъ какъ бы раздвигаться обручъ, стягивавшій его голову, сквозь галлюцинаціи начинали проскальзывать нѣкоторые признаки сознанія. Разъ даже, оставшись случайно одинъ въ комнатѣ, полковникъ поднялся съ постели и добрался до окна, привлекаемый своимъ обычнымъ, инстинктивнымъ стремленіемъ къ свѣту и простору. Все кругомъ было обито яркими, золотистыми

лучами заходящаго солнца; но знакомый пейзажъ показался де-Франкёру очень страннымъ, какимъ-то тусклымъ и далекимъ, точно видѣлъ онъ его изъ другаго міра, по прошествіи тысячъ лѣтъ.

Въ эту минуту вошелъ денщикъ и почтительно заговорилъ:

— Господину полковнику лечь необходимо, можетъ дурно сдѣлаться съ господиномъ полковникомъ.

До больного эти слова доходили точно издалека откуда-то, звучали глухо и безжизненно. Онъ повиновался покорно, какъ ребенокъ, и едва легъ въ постель и снова прикрыли его простыней, какъ все передъ нимъ завертѣлось и закружилось, и самъ онъ летѣлъ куда-то стремглавъ въ подхватившемъ его вихрѣ. Опять мелькалъ образъ Ивелины, и больной, попрежнему, повторялъ въ бреду ея имя.

III.

Въ комнатѣ свѣтло, графъ де-Франкёръ всматривается въ узоры обой и пытается припомнить, сообразить, чѣмъ такое произошло съ нимъ. Тихій шелестъ платья заставилъ его обернуться, и онъ слабо улыбнулся, узнавши Лилію.

Она отвѣтила ему улыбкой. Лилія была блѣдна, глаза немного ввалились и казались совсѣмъ черными; въ темномъ, совершенно гладкомъ платьѣ она имѣла видъ холодный, нисколько не напоминающій прежней непринужденной веселости. И это удивило полковника, точно передъ нимъ была другая Лилія, состарѣвшаяся. Но мысль его работала еще плохо, и, какъ бы стараясь припомнить забытый языкъ, онъ съ трудомъ выговорилъ:

— Что это значитъ? Что случилось со мною? Болѣнъ я былъ?

Ласкающимъ движеніемъ, имѣющимъ въ себѣ что-то материнское и свойственное всѣмъ женщинамъ, Лилія положила ему на лобъ свою нѣжную руку.

— Не тревожьтесь, мой добрый Робертъ, вамъ много лучше теперь.

— Но что же было со мной?

— Тссъ... Говорить нельзя еще, лежите смирно.

Онъ смотрѣлъ на нее долгимъ взглядомъ, стараясь сообразить и припомнить, но это не удавалось ему. Въ памяти оставалось какое-то черное пятно, перерывъ какой-то. Прошедшее представлялось въ неясномъ и ложномъ освѣщеніи, какъ будто отрѣзаннымъ и невызывающимъ никакого отклика въ едва возвращающемся сознаниіи.

— Пить хотите?—спросила Лилія.

— Да.

Ощущеніе мучительной, неутолимой жажды не покидало его. Лилія поднесла къ его губамъ чашку легкаго бульона. Полковникъ выпилъ, голова его немощно опустилась на подушку.

— Благодарю,—прошенталъ онъ.

— Постарайтесь еще уснуть,—тихо проговорила Лилія.

Онъ улыбнулся. Въ охватившей его слабости чувствовалось довольство, успокоеніе послѣ пережитыхъ и миновавшихъ страданій. Мало-по-малу онъ уснулъ тихимъ сномъ въ наступавшемъ сумракѣ вечера.

IV.

Съ этой минуты выздоровленіе пошло обычнымъ чередомъ. Сонъ сдѣлался нормальнымъ, сталъ понемногу проявляться аппетитъ. Только силы возвращались очень медленно, и все тѣло было какъ бы разбито сразившимъ его страшнымъ ударомъ. Память тоже еще не пробуждалась. Тѣмъ не менѣе, на полковника уже находила тревога, боязнь того, что въ бреду онъ могъ сказать лишнее. Потомъ де-Франкёръ замѣтилъ, что Маркъ и Лилія никогда не бываютъ у него одновременно, и, при видѣ ихъ печальныхъ лицъ, зародилось смутное опасеніе чего-нибудь дурного.

И вотъ, разъ утромъ, самъ не давая себѣ отчета, какъ это сдѣлалось, онъ вдругъ припомнилъ все: свою неудачную любовь къ Ивелинѣ, супружескую невѣрность Марка, и эти воспоминанія ставили его въ совершенный тушикъ, какъ нѣчто ни съ чѣмъ несообразное и настолько несодѣянное, что онъ сомнѣвался въ дѣйствительности всего этого, лежа въ покойной постели, вкушая чисто-физическія сладости возвращающейся жизни, окруженный нѣжными заботами чередующихся близъ него Марка и Лиліи. Ему пріятны были даже появленія доктора, и онъ со дня на день откладывалъ серьезныя думы обо всемъ непріятномъ, о тяжеломъ горѣ, постигшемъ другихъ и его самого.

V.

— Много я глупостей болталъ?—спросилъ онъ у Лиліи.

Это было на восьмой день его болѣзни. Полковникъ чувствовалъ себя сильнѣе и смѣлѣе, приободренный тѣмъ, что уже могъ одѣться.

— Вы бредили немного, — отвѣтила она, и де-Франкёру показалось, будто Лилія взглянула на него особенно пристально.

— Но что же, однако, я говорилъ, когда бредилъ?

— Вы говорили о насъ, объ Ивелинѣ...—сказала она, какъ будто смутившись немного.

Лилія сидѣла рядомъ съ нимъ. Онъ взялъ ея руку и взглянулъ прямо въ глаза молодой женщинѣ.

— А! И что же я говорилъ объ Ивелинѣ?

— Не знаю, право... Такъ, слова... безсвязныя, —и она отвернулась, прятала отъ него глаза.

Онъ крѣпче сжалъ ея руку и, краснѣя, продолжалъ:

— Скажите, что вы подумали обо мнѣ, Лилія?

— Да я... ничего, конечно... вѣдь, это же былъ бредъ.

— Бредъ, Лилія, но только бредъ на половину.

Онъ склонилъ голову на руку своей невѣстки и, уже не въ силахъ будучи владѣть собою подъ наплывомъ неодолимаго волненія, охватившаго ихъ обоихъ, тихо проговорилъ:

— Лилія, безуміе это въ мои годы!

Она смотрѣла на него въ нерѣшимости.

— Такъ вы любили ее, Робертъ?

— До сумасшествія!

Прошло нѣсколько секундъ молчанія. Онъ все еще прижимался лбомъ къ рукѣ молодой женщины, и та не отнимала своей руки.

— Я очень смѣшонъ, не правда ли?

— Съ чего это вамъ въ голову приходитъ?... Но что же такое случилось съ вами? Съ чего такъ вдругъ вы заболѣли?

— Горько мнѣ было и тяжело, —прошепталъ онъ.

— Отъ чего, другъ мой?

— Отъ того... мечты въ мои годы... очнуться отъ нихъ тяжело.

— Но, Робертъ... такія мечты, въ сущности, не представляютъ собою ничего неосуществимаго, въ концѣ-концовъ.

— Не говорите этого, Лилія, вы добры и хотите утѣшить меня. Я самъ еще ничего сообразить не могу. А такъ какъ вы все угадали, то съ моей стороны лишнее будетъ умолять васъ не выдать моего секрета.

И послѣ короткаго колебанія онъ договорилъ:

— А она ничего не подозрѣваетъ?

Лилія отвѣтила не тотчасъ, какъ бы боясь огорчить его:

— Я думаю, что нѣтъ.

— А Маркъ знаетъ?

Она отняла свою руку, которую все еще держалъ полковникъ, и по ея лицу скользнула болѣзненная улыбка.

— Не знаю, мы мало разговариваемъ другъ съ другомъ.

— Простите, не сообразилъ... у васъ свое горе, милая сестра моя!

Она опустила голову въ большомъ смущеніи, и въ этотъ вечеръ они уже не разговаривали ни о чемъ.

VI.

Они заговорили на слѣдующій день. Лилія выслушала исповѣдь де-Франкёра съ большимъ сочувствіемъ и казалась менѣе удивленною, чѣмъ онъ того ожидалъ и боялся; возможно, что изъ деликатности она не высказала своего удивленія. Не рассказалъ онъ только про разговоръ Ивона съ Ивелиной, ограничиваясь выраженіемъ тѣхъ опасеній, которыя внушали ему обоюдная привязанность и родственная близость этихъ дѣтей. Ихъ юношеская любовь въ-время заставила его задуматься, напомнила ему о его годахъ и о безуміи его поздней любви.

Лилія отвѣчала весьма основательно:

— Да они и на самомъ дѣлѣ еще дѣти. Ивелина сама не понимаетъ своихъ чувствъ, въ ея года любить безъ любви. Я поручиться могу, что нѣтъ у нея никакого серьезнаго чувства къ Ивону. И онъ—не болѣе, какъ мальчикъ. Насколько же можетъ это васъ останавливать?

— Я и не остановился бы, если бы не былъ старъ,—сказалъ полковникъ.

— Вы стары?—воскликнула Лилія.

Онъ покачалъ головой.

— Лилія, еслибъ я, объяснивши все: мою любовь къ Ивелинѣ, разницу въ нашихъ положеніяхъ и въ лѣтахъ, обратился къ вамъ съ вопросомъ, посовѣтовали бы вы мнѣ жениться на этой дѣвушкѣ? Отвѣчайте прямо.

Молодая женщина колебалась.

— Вотъ видите,—проговорилъ онъ печально и добавилъ:— Такъ это и будетъ для меня вспышкою на осеннемъ небѣ знойнаго солнца, отъ котораго сдѣлался со мною солнечный ударъ, лишившій меня разсудка. Но безуміе проходить,—договорилъ онъ бодро.

И, тѣмъ не менѣе, онъ, все-таки, не мирился съ этимъ.

VІІ.

Въ душѣ полковника шла страшная борьба. Стоило захотѣть, и все могло устроиться. Если даже Ивелина и была слишкомъ молода, то кто же мѣшаетъ ему подождать? Однако, выжидая, самъ-то онъ не состарѣется ли за это время? Къ тому же, хотя онъ самому себѣ не хотѣлъ въ томъ прямо сознаться, но его короткая болѣзнь нанесла ему чувствительный ударъ: это внезапное нездоровье казалось ему въ нѣкоторомъ смыслѣ унижительнымъ и, съ другой стороны, являлось предостереженіемъ для человѣка, слишкомъ полагавашагося на свои силы. Его самолюбіе страдало отъ того, что всѣмъ извѣстно, какъ онъ больной лежалъ въ постели, и, по его мнѣнію, онъ черезъ это долженъ былъ много потерять въ глазахъ Ивелины. И вслѣдъ за тѣмъ приходили въ голову мрачныя мысли, что здоровье можетъ и совсѣмъ разстроиться, что подступаетъ уже старость со всѣми ея немощами. Въ сердцѣ закрадывались сомнѣнія и опасенія, боязнь за самого себя и за будущее, значительно охлаждавшія его увлеченіе и мечты о счастьи, сложившіяся въ какомъ-то радужномъ туманѣ.

Разъ вечеромъ, видя его спокойнымъ, Лилія сообщила полковнику, что дѣвицы де-Кержюзанъ собираются уѣзжать. Изъ опасенія быть въ тягость и чувствуя себя не совсѣмъ ловко въ домѣ, омраченномъ семейнымъ разладомъ, онѣ рѣшили ускорить свой отъѣздъ и черезъ три дня предполагаютъ вернуться въ Парижъ.

— А Ивонъ?

— Юноша уже отправился въ Бретань, куда его приглашали старинные друзья его отца.

И такъ, Ивелины скоро не будетъ здѣсь... И, странное дѣло, де-Франкѣръ вздохнулъ свободнѣе при этомъ извѣстіи; онъ боялся опять встрѣтиться съ молодою дѣвушкой, и, тѣмъ не менѣе, печаль его не проходила.

VІІІ.

Тогда, по симпатіи, въ полковникѣ проснулось желаніе подумать не о себѣ только, но и о другихъ, взаимнымъ сочувствіемъ облегчить свое горе и тяжелыя душевныя муки близкихъ людей. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что Маркъ и Лилія несчастливы, и ему хотѣлось бы сблизить ихъ, помирить. Но какъ сдѣлать это, когда оскорбленіе нанесено такъ недавно?

Его глубоко трогало крайне грустное настроеніе Лиліи и, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ не могъ смотрѣть безъ сожалѣнія на Марка, ко-

торого, видимо, мучило раскаяніе. Это сказывалось въ той своего рода застѣнчивости, въ затаенномъ стыдѣ, съ которымъ всегда веселый и беззаботный Маркъ, точно крадучись, входилъ въ комнату старшаго брата и оставался въ ней лишь нѣсколько минутъ, какъ бы боясь не то обезпокоить больного, не то встрѣтиться у него съ Лиліей. За все время его болѣзни супруги ни разу не сходились у его постели. Кромѣ того, Маркъ постоянно отворачивался и избѣгалъ взгляда старшаго брата, думая, вѣроятно, что прочтетъ въ немъ выраженіе укора.

Да и самому полковнику было далеко не по себѣ, такъ какъ невольно приходилъ на умъ вопросъ: что могъ подумать его братъ о такомъ бредѣ, въ которомъ непрерывно повторялось имя Ивелины? Де-Франкѣрь желалъ бы очень раскрыть душу свою передъ Маркомъ и не смѣлъ этого сдѣлать, — ему просто было стыдно.

Оба сознавали, что объясненіе между ними необходимо, и оба не рѣшались заговорить.

IX.

Графъ де-Франкѣрь очнулся отъ легкой дремоты, почувствовавши чье-то нѣжное прикосновеніе къ своему лицу. То были ручки маленькой Жозе, забравшейся на стулъ у его кровати. Жанна тихо стояла рядомъ и смотрѣла на дядю. Дѣвочки пришли одиѣ и постучали въ дверь; камердинеръ Франсуа впустилъ ихъ, весело улыбаясь.

Полковникъ поцѣловалъ на лету маленькую ручку.

— Ты узнаешь меня, Жанна?

— Да, милый дядя. Ты былъ нездоровъ?

— Немного. Почему ты не приходила меня навѣстить?

— Мама не позволяла, говорила, что обезпокою тебя.

— А сегодня?

— Сегодня позволила, потому что Гриффитта занята, помогаетъ укладываться тетѣ Аврорѣ и Ивелинѣ. Онѣ уѣзжаютъ.

«Да, уѣзжаютъ сегодня», — подумалъ де-Франкѣрь.

Онъ попытался разобраться въ своихъ чувствахъ, ясно опредѣлить, что дѣлается въ его сердцѣ, и сердце ничего ему не отвѣтило. Неужели онъ настолько измѣнился, что уже не любилъ Ивелину? Нѣтъ, онъ любилъ ее, но любилъ иначе, менѣе пылко, не такъ страстно. Онъ сознавалъ, наконецъ, всѣ неудобства подобнаго брака и почти не желалъ его. Разсудокъ бралъ верхъ, и старый холостякъ мирился съ своимъ одиночествомъ, грустнымъ, тоск-

ливымъ, но за то спокойнымъ. Ивелина представлялась ему уже чѣмъ-то далекимъ, очаровательною мечтой, видѣніемъ, промелькнувшимъ въ сладкомъ снѣ, отъ котораго онъ очнулся съ смутнымъ и пріятнымъ сожалѣніемъ.

Какое счастье, что онъ не выдалъ ей тайны своего сердца! Онъ только смутилъ бы ее напрасно. И деликатность его, и самолюбіе, и гордость были радостно удовлетворены тѣмъ, что онъ не рискнулъ сдѣлать опаснаго шага передъ теткой Авророй и передъ стариками Фабье. Все сложилось для него довольно удачно, — пріѣздъ Ивона и сцена у садовой сторожки. Что же касается Марка и Лили, то де-Франкѣръ зналъ, насколько они любятъ его, насколько снисходительны къ нему и съ какимъ сочувствіемъ отнесутся къ его несчастной любви, къ его напраснымъ страданіямъ. И эта мысль утѣшала его.

Между тѣмъ, молчаливое раздумье дяди нагнало нѣкоторую робость на Жанну. Дѣвочкѣ стало скучно и она сказала:

— Прощай, милый дядя.

И Жозе слѣзла со стула, быстро послѣдовала за отходившею прочь сестрой.

— Ты уже уходишь? — проговорилъ де-Франкѣръ.

— О, я вернусь, пойду только проститься съ Ивелиной, — отвѣтила Жанна, напуская на себя нѣкоторую важность.

Дѣвочки ушли и полковникъ почувствовалъ свое полное одиночество. Стулъ колесъ заставилъ его подняться и взглянуть въ окно. Къ дому подъѣзжалъ экипажъ, въ которомъ дѣвицы де-Кержюзанъ должны были ѣхать на станцію желѣзной дороги.

Полковникъ одѣлся, чтобы посмотреть, какъ онѣ выйдутъ, и, чувствуя себя еще слабымъ, подкатилъ къ окну кресло.

Де-Франкѣру вспомнилось прошлое и навѣяло на него тихую грусть. Онъ припомнилъ, какъ, по милости нежданнаго, счастливаго случая, онъ увидалъ въ первый разъ молодую дѣвушку, всю засыпанную розами, какъ потомъ въ слѣдующіе дни она завладѣла его сердцемъ и всѣми его мыслями. Пробѣгали въ памяти мелкія подробности: звукъ ея голоса, мимолетный ея жестъ, вспышка ея взгляда. Полковникъ старался сообразить, какъ то сдѣлалось, что онъ полюбилъ ее и какъ могъ онъ отдаться мечтамъ о возможности счастья съ нею. Но вотъ чего онъ никакъ не могъ объяснить себѣ, это — внезапнаго утомленія отъ этого увлеченія и причины того, почему послѣ двухнедѣльной болѣзни произошла въ немъ такая перемѣна. А что, если съ возстановленіемъ здоровья вернется и любовь съ прежнею силой? Да, но уже никогда не вернется прежняя

увѣренность въ собственной богатырской силѣ. Слишкомъ внушительно сказалось предостереженіе, и хотя бы еще десять лѣтъ онъ съумѣлъ поддержать себя подобно тому, какъ отстаиваетъ женщина свою талію и лицо отъ разрушительнаго вліянія времени, все же старость возьметъ свое. И тогда, если бы Ивелина стала его женой, если бы онъ еще думалъ объ этомъ, какъ ужасно было бы сознавать, что съ нимъ связано молодое существо, — вѣдь, къ тому времени она едва превратилась бы изъ ребенка въ женщину, — какъ тяжело было бы чувствовать, что ихъ раздѣляетъ цѣлая пропасть, громадное различіе въ мысляхъ, въ запросахъ отъ жизни! И невольно являлось въ его умѣ сопоставленіе съ тѣмъ, что произошло съ Маркомъ и Лиліей. Только, представляя себѣ положеніе въ обратномъ смыслѣ, полковникъ видѣлъ стараго мужа, обманутаго женой. О, онъ отнюдь не предполагалъ никакой нравственной испорченности съ ея стороны: все могло произойти самымъ естественнымъ образомъ, въ силу обычнаго порядка вещей. Рано или поздно явился бы передъ нею человѣкъ, молодой, красивый, «суженый», предопредѣленный, такъ сказать. Полюбили бы они другъ друга, и долго, — разумѣется, долго, — она не поддавалась бы страсти. Но роковая случайность, — какъ въ романахъ пишутъ, — могла толкнуть ихъ въ объятія другъ другу. Измѣна совершилась бы. И что же тогда, что бы сдѣлалъ мужъ? Конечно, убилъ бы любовника!

Де-Франкѣръ горько усмѣхнулся при такомъ предположеніи, столь отличномъ отъ дѣйствительности. На самомъ-то дѣлѣ жизнь была далеко не такъ романтична. Ивелина никогда не подозрѣвала даже того, насколько она, совершенно невольно и безсознательно, очаровала его и волновала жгучею страстью. И вотъ теперь она уѣдетъ такую же спокойною и чистою, какъ въ первый день ихъ знакомства, — уѣдетъ и забудетъ о немъ, точно никогда его не существовало на свѣтѣ.

Внизу послышалось движеніе, вышли старики Фабье и тетка Аврора съ ними. Потомъ появилась Ивелина. На ней длинный дорожный плащъ, на головѣ маленькая черная шляпка; лица нельзя разсмотрѣть, — оно закрыто большимъ тюлевымъ вуалемъ. Какъ ни смирился передъ судьбою полковникъ, сердце его больно защемило отъ этой разлуки съ обворожительною дѣвушкой, съ дивнымъ цвѣткомъ, распустившимся подъ солнцемъ юга, съ восхитительною женщиной, отъ которой приходилось отказаться навсегда.

А тамъ прощались. Маркъ и Ивелина обмѣнялись дружескими поцѣлуями въ обѣ щеки, потомъ Ивелина разцѣловала дѣтей и сѣла въ экипажъ вмѣстѣ со стариками Фабье и съ Лиліей. Полков-

нику показалось, будто она смотритъ на его окно. И вдругъ, охваченный какимъ-то стыдливымъ смущеніемъ, онъ быстро спустилъ драпировку и въ послѣдній разъ украдкой взглянулъ изъ-за нея на милое лицо дѣвушки.

Экипажъ тронулся, и де-Франкёръ провожалъ взоромъ развѣвающійся вуаль Ивелины до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся за поворотомъ аллеи. Сердце полковника болѣзненно сжалось, на глаза набѣжали слезы. Но вслѣдъ за этою вспышкой горя въ немъ шевельнулось сладостное чувство, похожее на радость самоотреченія и на то облегченіе, какое ощущаетъ человѣкъ послѣ сильной боли, вырванной разомъ съ корнемъ.

Онъ сидѣлъ неподвижно на креслѣ и всматривался въ безмолвный садъ, отнынѣ опустѣвшій для него навсегда.

Отворилась дверь, вошелъ Маркъ и за нимъ Жанна, какъ обѣщала дядѣ.

Глаза братьевъ встрѣтились, и тотчасъ же де-Франкёръ, почувствовавши, что его понимаютъ и жалѣютъ, протянулъ руку Марку, которую тотъ долго и крѣпко сжималъ молча. Это рукопожатіе помирило ихъ, исчезла холодность, удалявшая ихъ другъ отъ друга со времени супружеской невѣрности Марка. Теперь, въ минуту нѣжнаго обоюднаго сочувствія, вернулась ихъ прежняя братская любовь.

Жанна смотрѣла на нихъ своими чудесными, невинными глазами и ничего не понимала.

— Иди играть, Жанна, — ласково проговорилъ отецъ.

Х.

Какъ только они остались одни, де-Франкёръ улыбнулся брату свѣтлою улыбкой, болѣе выразительною, чѣмъ слова.

— Милый Робертъ, — сказалъ Маркъ, — черезъ нѣсколько дней ты совсѣмъ справишься.

Полковникъ, какъ бы угадывая по голосу брата двоякое значеніе этой фразы, отвѣтилъ:

— Я уже оправился... почти. Мнѣ бы хотѣлось тебя-то, другъ мой, видѣть опять счастливымъ.

Маркъ покачалъ головой, выражая сомнѣніе, и, въ то же время, видъ у него былъ такой молодой и беззаботный, что многое прощалось ему за его легкомысліе, чуждое малѣйшей злобы.

— А почему бы и не быть тебѣ счастливымъ? — сказалъ старшій братъ. — Развѣ не отъ тебя это зависитъ?

— О!—воскликнулъ Маркъ,—я сдѣлалъ все, что зависѣло отъ меня. Я не видался больше съ баронессой, не знаю даже, что у нихъ тамъ дѣлается и не уѣхала ли она въ Парижъ.

Это-то онъ отлично зналъ: баронесса извѣстила мужа, что возвращается въ Парижъ, что здѣсь ее ничто не удерживаетъ, такъ какъ мадамъ де-Сіу совершенно поправилась. И вотъ при старой теткѣ она оставила свою компаньонку Лемартръ и уѣхала въ сопровожденіи кузена Жюго. Де-Франкёръ внимательно заглянулъ въ лицо брата.

— Тяжело тебѣ было разстаться съ нею?—тихо спросилъ полковникъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Маркъ и съ безсознательною рѣзкостью добавилъ:—Все прошло.

Самолюбіе его было, все-таки, чувствительно задѣто, его раздражало то обстоятельство, что при баронессѣ находится теперь Жюго, который замѣнитъ его, быть можетъ. Но презрѣніе брало верхъ надъ этимъ чувствомъ Марка,—то наивно-несправедливое и близкое къ неблагодарности презрѣніе, которымъ всякій мужчина отплачиваетъ отдавшей ему женщинѣ и, въ особенности, когда женщина сама навязывалась.

— Ты же любилъ ее, однако,—замѣтилъ де-Франкёръ.—Безъ этого не сталъ бы ты рисковать своимъ счастьемъ, спокойствіемъ всей семьи.

Маркъ пожалъ плечами и грустно отвѣтилъ:

— Да знаю я, что поступилъ скверно, какъ эгоистъ, думающій только о наслажденіяхъ.

И затѣмъ онъ въ полголоса прибавилъ:

— Не всѣ умѣютъ быть настолько деликатными, какъ ты, братъ.

Де-Франкёръ покраснѣлъ и, дѣлая видъ, будто не слыхалъ словъ Марка, проговорилъ:

— Лилія кажется мнѣ очень печальною.

Маркъ вздохнулъ.

— А родители ея... какъ отнеслись они къ этой исторіи?

— О, милые старички,—и Маркъ улыбнулся не то съ сожалѣніемъ, не то съ сочувствіемъ,—они выказали такую снисходительность, какой я, конечно, не заслужилъ. Въ первыя минуты Лилія, въ сильномъ возбужденіи, говорила о скандалѣ, о разводѣ. Они кое-какъ успокоили ее. Я не знаю, чему больше удивляться, ихъ ли всепримиряющему житейскому опыту, или простой сердечной добротѣ, превосходящей все, что я могъ ждать отъ нихъ.

Де-Франкёръ, растроганный, слегка постукивалъ исхудалою рукой по локотнику кресла.

— Теперь тебѣ остается только умиротворить жену. Это необходимо. Было между вами какое-нибудь объясненіе?

— Да, раздраженіе первыхъ дней улеглось, не проходитъ лишь огорченіе.

— Бѣдная Лилія!—сказалъ полковникъ и, поднявши голову, увидалъ, что глаза Марка полны слезъ.

XI.

Де-Франкёръ началъ выходить и ежедневно прогуливаться по саду. Наступала осень, листья желтѣли, сумрачнѣе становились вечера. Дни стояли еще теплые, перепадали дождички и дулъ мягкій вѣтерокъ. Отъ земли запахло гнилью. Настроеніе полковника сдѣлалось меланхоличнѣе, чѣмъ прежде. Къ его грусти примѣшивалось такое чувство, будто онъ жалѣетъ самого себя. На него находило раздумье о приближающейся старости. И присутствіе Жанны и Жозе наводило его мысль на будущее, когда онъ выйдетъ въ отставку, пріѣдетъ жить съ братомъ и съ Лиліей, станетъ любоваться подрастающими дѣвочками.

А пока онъ мысленно разставался уже съ замкомъ, вступалъ въ командованіе своимъ полкомъ, переносился въ Вердёнъ, въ свою унылую холостую квартиру. Тамъ опять захватитъ его служба въ свою обычную колею, и онъ со вздохомъ сознавался себѣ въ томъ, что ждетъ конца отпуска безъ малѣйшаго сожалѣнія. Всѣ подробности почти забытой военной жизни приходили на память. Денщикъ шелъ на проводку съ Пуату и Корой, и передъ полковникомъ проносились картины маневровъ, смотровъ, ежедневныхъ учений, на которыя онъ отправлялся верхомъ въ урочный часъ.

Въ такихъ мечтахъ не было уже мѣста Ивелинѣ, ея образъ стирался, исчезалъ, какъ мимолетная тѣнь. Но отъ времени до времени онъ вдругъ опять появлялся, точно подъ вліяніемъ непонятнаго внушенія. Вызывали его и ароматы цвѣтовъ, и случайная улыбка на лицѣ Лиліи, и даже красота сада, гдѣ де-Франкёръ встрѣчалъ Ивелину. И тогда она внезапно появлялась передъ полковникомъ, какъ живая, и де-Франкёръ пытался отогнать прочь отъ себя это видѣніе, что удавалось ему на-яву. Но оно возвращалось во снѣ, манило его счастьемъ, сулило наслажденія и исчезало лишь съ разсвѣтомъ, оставляя его опять одинокимъ и унылымъ.

Полковникъ ни о чемъ не жалѣлъ, кромѣ давно отлетѣвшей прекрасной юности своей, и съ каждымъ днемъ мало-по-малу примирялся съ настоящимъ.

ХП.

Пробило пять часовъ. Графъ де-Франкѣръ, супруги Фабье, Жанна и Жозе сидѣли на террасѣ въ томъ углу, гдѣ косые лучи склоняющагося солнца поддерживали еще немного тепла.

Жозе усердно занималась выдѣлываніемъ изъ песка крошечныхъ пироговъ. Жанна снизала гирляндочку изъ маленькихъ розовыхъ цвѣтковъ и, очень довольная своею работою, положила ее на голову Тигіаля, спавшаго у ногъ своего господина.

— Посмотри, дядя, какъ это идетъ къ нему.

Дѣвочка разсмѣялась, супруги Фабье слегка улынулись безучастною стариковскою улыбкой. И опять наступило долгое молчаніе, каждый былъ занятъ своими думами. Лилія ушла въ дальній конецъ сада нарвать цвѣтовъ. Маркъ, какъ бы рѣшившись вдругъ на что-то, порывисто всталъ и послѣдовалъ за нею. Они не возвращались, и это показалось добрымъ предзнаменованіемъ старикамъ Фабье и полковнику, но они не обмѣнялись ни словомъ, ни взглядомъ, они и безъ того хорошо понимали другъ друга. Доброта Лиліи внушала имъ большія надежды. Но, вспоминая ея огорченіе и незаслуженность перенесеннаго ею оскорбленія, они готовы были усомниться въ томъ, что Лилія проститъ мужу его измѣну. Нѣсколько утѣшало и успокаивало ихъ присутствіе дѣтей: бѣдняжки ни въ чемъ не виноваты и не должны платиться за вину отца.

Солнце склонялось къ закату, и тихо, мирно было на землѣ въ послѣднемъ блескѣ его догоравшихъ лучей. Прелесть осенняго вечера навѣвала думы о прощаніи съ тепломъ, о наступленіи дождей и гололедицы, зимнихъ холодовъ. Угасающій день вызывалъ въ сердцахъ стариковъ Фабье, а также, по тайному сочувствію, и въ душѣ де-Франкѣра чувство сладкаго покоя, къ которому примѣшивалась нѣжная грусть о томъ, что жизнь прожита, горести забываются, и шагъ за шагомъ подкрадывается смерть.

— Я вижу платье мамы! — крикнула вдругъ Жанна.

Изъ-за кустовъ мелькнуло сѣрое пятно довольно далеко, скрылось и мелькнуло опять немного ближе. Маркъ и Лилія медленно шли вмѣстѣ, то скрываясь, то появляясь въ поблекшей листвѣ густо разросшагося сада.

Глаза мадамъ Фабье встрѣтились со взглядомъ де-Франкѣра: въ нихъ свѣтилась надежда. Старикъ Фабье сидѣлъ неподвижно, заду-

мавшись и устремивши взоръ на поля, горѣвшія золотистыми отблесками, на дальній лѣсъ, вырѣзывавшійся темною полосой на багрянцѣ заката. Тепло сбѣгало по мѣрѣ того, какъ все ниже и ниже спускалось солнце, и съ его исчезновеніемъ угасала жизнь, тускнѣла прелесть окружающей природы. Зайдетъ оно и мракъ наступитъ, все скроется изъ глазъ, и тревога нетерпѣнія охватила де-Франкёра, необъяснимое желаніе, чтобы Маркъ и Лилія подошли прежде, чѣмъ станетъ темно.

— Вотъ они,—тихо проговорила мадамъ Фабье.

Ея мужъ отвернулся, Жозе перестала дѣлать свои пирожки изъ песка, Жанна отложила въ сторону неконченную гирляндочку, де-Франкёръ безотчетно поднялся съ мѣста. Маркъ и Лилія приближались, тихо разговаривая. Она съ кроткимъ, нѣжнымъ лицомъ опиралась на его руку; онъ казался растроганнымъ, искреннимъ. Видно было, что Лилія плакала, но она улыбнулась, увидавши своихъ, и припала въ объятія матери.

Дѣти бросились цѣловать отца. Неизъяснимо-сладко стало на душѣ полковника. Онъ нагнулся къ Тигіалю, чтобы скрыть свое волненіе, и принялся ласкать собаку, дружески трепля ее рукой по шеѣ.

— Какъ хорошъ закатъ!—сказалъ, наконецъ, Маркъ вздрагивающимъ голосомъ.

Всѣ оглянулись,—огненный дискъ уже на три четверти скрылся за горизонтомъ. Лилія провожала его долгимъ взглядомъ женщины, испытавшей горе, сознающей, что наступилъ закатъ любви для нея и близится осень жизни съ годами. Графъ де-Франкёръ чувствовалъ себя тоже печальнымъ,—печальнымъ и умиротвореннымъ передъ этимъ чуднымъ солнцемъ на закатѣ. Краснорѣчивѣе словъ было сосредоточенное молчаніе стариковъ Фабье.

Только дѣти беззаботно ловили наивными глазенками огненный отблескъ зари и тихо смѣялись, ничего не понимая.

Солнце скрылось.

— Вотъ и нѣтъ его,—пролепетала Жозе.— Ушло солнышко. Куда оно ушло, скажи, мама?

ПѢСНЬ.

Звуки рѣютъ надо мною,
Звуки смутною волною
Вдохновенья вихрь нанесъ,
Пробуждая жажду свѣта,
Скорбь вопросовъ безъ отвѣта,
Боль невыплаканныхъ слезъ...

*

* *

И глядятъ воспоминанья
Въ тьму сомнѣнья, въ тьму страданья
Зыбкой цѣпью огоньковъ...
Сердце ждетъ, горитъ, трепещетъ...
Мигъ—и пѣснь моя заплещетъ
Изъ незримыхъ тайниковъ...

*

* *

Лейся-жь, пѣснь, волной свободной,
Но печалью безысходной
Предъ толпою не звучи:
Ей смѣшна тоска безсилья!
У орла возьми ты крылья,
У небесъ возьми лучи!

*

* *

И, въ сознаньи силы гордомъ,
Торжествующимъ аккордомъ
Пробудивъ сердца людей,
Всѣхъ мани своимъ полетомъ
Къ пламенѣющимъ высотамъ,
Къ дали новыхъ, свѣтлыхъ дней!

*

* *

Если-жь ты не въ силахъ вѣрить
Въ эту даль,—чѣмъ лицемѣрить
Или плакать предъ людьми,—
Ихъ невольничьимъ потѣхамъ
Ты въ укоръ свободнымъ смѣхомъ,
Злой насмѣшкою греми!...

Василій Величко.

ХРУПКОЕ СЧАСТЬЕ *).

Романъ Эдуарда Бертца.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ХІІ.

Мартынъ задумалъ помочь другу пройти тотъ курсъ, который онъ пропустилъ въ первую половину зимы, такъ какъ они слушали приблизительно однѣ и тѣ же лекціи. Вернувшись послѣ Рождества въ Эберштейнъ, Мартынъ каждый вечеръ приходилъ къ Феликсу и читалъ ему свои записки лекцій. Дѣло шло превосходно, такъ какъ у Гугельхонфа была врожденная способность къ преподаванію. Въ заключеніе они обыкновенно прочитывали отрывокъ изъ Шекспира и, такимъ образомъ, Феликсъ съ своей стороны помогалъ товарищу изучать англійскую литературу. При этомъ оказывалось, что уже теперь Мартынъ съ филологическою основательностью докапывался до самой глубины, тогда какъ Феликсъ скользилъ съ поверхностью беллетриста. И въ тотъ день, когда въ Эберштейнъ пришло роковое извѣстіе, Мартынъ въ пять часовъ входилъ въ теплую, уютную квартиру товарища.

— Здравствуй, Феликсъ, — весело воскликнулъ онъ. — У тебя хорошо, а на дворѣ метель. Посмотри, какъ меня занесло снѣгомъ.

Феликсъ ожидалъ его съ нетерпѣніемъ.

— Здравствуй, Мартынъ, — отвѣтилъ онъ. — Неужели идетъ сильный снѣгъ? Не хорошо будетъ маршировать.

— Ну, сегодня никому не придется маршировать; у насъ, вѣдь, мирныя времена.

Феликсъ вздохнулъ,

— Миѣ надо въ Бургвангенъ, Мартынъ.

*) *Русская Мысль*, кн. ХІ.

Изумленіе и страданіе выразились на лицѣ молодого баварца.

— Сегодня? — нерѣшительно спросилъ онъ. — Не можешь ты развѣ отложить до завтра? Я думалъ, мы будемъ читать лекціи.

— Мартынъ, чтеніе лекцій кончилось навсегда. Я надѣялся, что ты проводишь меня въ Бургвангенъ, и хотѣлъ дорогой рассказать тебѣ все. Моя жизнь за эту ночь перемѣнилась.

Только тутъ Мартынъ замѣтилъ разстроенный видъ товарища. Онъ съ беспокойствомъ посмотрѣлъ на него.

— Случилось что-нибудь дурное, Феликсъ?

— Я самъ еще не знаю, хорошее или дурное.

Мартынъ опять застегнулъ пальто.

— Конечно, я провожу тебя. Зайдемъ только въ семинарію, гдѣ я спрошу позволенія не присутствовать за ужиномъ; иначе я получу выговоръ за неаккуратность.

Мартыну тяжело было увидѣть Лотту, но, какъ преданный другъ Феликса, онъ минуты не колебался. Они зашли въ семинарію, спустились по извилистымъ улицамъ стариннаго города къ мосту, миновали станцію желѣзной дороги и очутились въ полѣ. Когда послѣдніе дома предмѣстья остались сзади, Феликсъ рассказывалъ товарищу, какой ударъ поразилъ его. Въ то время, какъ онъ говорилъ, снѣгъ хлопьями сыпался ему въ лицо, но Феликсъ какъ будто находилъ удовольствіе въ этой снѣжной метели; она гармонировала съ бурей, наступившей въ его жизни.

— И водъ я иду въ Бургвангенъ проститься, — закончилъ Феликсъ свой рассказъ.

Мартынъ былъ глубоко потрясенъ.

— И ты думаешь, что тебѣ необходимо бросить ученье?

— Да, Мартынъ, необходимо, хотя Фѣръ и предлагаютъ помогать мнѣ до окончанія курса въ университетѣ. Они прекрасные, благородные люди, истинные друзья въ нуждѣ, и я глубоко признателенъ имъ. Но послѣдовать ихъ совѣтамъ я не могу. Я весь день боролся съ собой, принять ли ихъ предложеніе, и все, все во мнѣ возстаетъ противъ этого. Я привыкъ къ свободѣ и не могу жить безъ нея. И умъ, и сердце зачерствѣютъ въ зависимости.

— Но что можешь ты дѣлать, Феликсъ?

— Я хочу стать на собственные ноги: буду жить литературнымъ трудомъ.

Мартынъ остановился.

— Говорилъ ты объ этомъ съ профессоромъ Фѣръ или хочешь посоветоваться съ пасторомъ Крауссъ? — спросилъ онъ.

— Я ни у кого не спрошу совѣта,—возразилъ Феликсъ,—потому что въ такихъ вопросахъ никто не можетъ его дать. Я знаю, что изъ расположенія ко мнѣ, они начнутъ отговаривать меня, но это-то именно расположеніе и вредить. Мнѣ остается выборъ между рабствомъ нищаго, принимающаго милостыню, и свободой цыгана. Тутъ долженъ рѣшить инстинктъ собственной души.

Студенты пошли дальше.

— Я только по слухамъ знаю о трудности литературной дѣятельности,—серьезно замѣтилъ Мартынъ послѣ паузы.—А для такой чистой натуры, какъ твоя, мнѣ кажется, она особенно тяжела. Въ литературѣ теперь преобладаетъ торговая спекуляція, все болѣе развращающая вкусы массы, и кто не желаетъ потворствовать страстямъ жаждущей сильныхъ ощущеній публики, тотъ долженъ проявить идеальную энергію, чтобы выдержать борьбу. Менѣ всего ты долженъ ожидать свободы въ этой дѣятельности.

— Зачѣмъ ты смотришь на дѣло съ такой мрачной точки зрѣнія?—воскликнулъ Лубрехтъ.—Если оно такъ безотраднo, какъ ты говоришь, то чистыя натуры обязаны употребить всѣ свои силы на борьбу со зломъ. Но положеніе литературы не такъ печально, какъ ты думаешь. Посмотри на журналъ *Палитра*. Великъ такой строгій идеалистъ, что изъ добросовѣстности отказывается въ критикѣ на страницахъ своего журнала своему другу Бундшу, въ художественныхъ заслугахъ котораго онъ убѣжденъ. Вотъ этого человека я уважаю и съ его помощью надѣюсь пробить себѣ дорогу.

— А ты не боишься, что его идеализмъ исключить и тебя?

— То-есть, что онъ откажетъ мнѣ въ сотрудничествѣ? Конечно, если мои статьи никуда не будутъ годиться. А ты сомнѣваешься въ моихъ способностяхъ?

Мартына удивила эта гордая самоувѣренность, пробужденная отчаяніемъ.

— Не думай, что я хочу разочаровывать тебя. Я убѣжденъ въ томъ, что у тебя есть литературный талантъ, который можетъ дать блестящіе результаты при спокойномъ и независимомъ трудѣ. Но развѣ ты не согласишься съ тѣмъ, что и талантъ долженъ учиться, чтобы достигнуть того, что нужно? И, кромѣ всего этого, еще счастье должно улыбнуться тебѣ.

— Учиться придется не долго,—возразилъ Феликсъ.—У меня еще цѣлы деньги, которые дядя подарилъ мнѣ на поѣздку въ Италію. Ихъ хватитъ на цѣлый годъ разсчитливой жизни. А когда они выйдутъ, тогда, я надѣюсь, что получу уже достаточную подготовку.

Мартынъ все еще не могъ одобрить его рѣшенія.

— Твой планъ мнѣ, все-таки, не по сердцу. Очень возможно, что ты будешь имѣть успѣхъ, и, какъ литераторъ, скоро займешь положеніе, котораго съ трудомъ достигъ бы долгими годами серьезнаго ученія. Но, вѣдь, это будетъ игра случая, тогда какъ продолженіе занятій въ университетѣ дастъ тебѣ прочное основаніе, на которомъ ты можешь потомъ создать твои литературные идеалы. Ты увеличишь свое несчастье и даже погибнешь, если потерпишь неудачу въ литературѣ. Я не совѣтую тебѣ, Феликсъ. Прошу тебя, хорошенько обдумай все, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться.

Феликсъ вдругъ остановился и съ подавленным стономъ протянулъ руки къ нему. Мартынъ испугался.

— Феликсъ, — мягко сказалъ онъ, — ты знаешь, что я говорю отъ чистаго сердца. Неужели тебя такъ оскорбляетъ мое противорѣчіе?

— Я хотѣлъ бы упасть здѣсь въ снѣгъ и никогда не встать. Весь міръ противъ меня.

— Нѣтъ, Феликсъ, ты не имѣешь права думать это. Одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ жаль тебя.

Феликсъ взялъ руку товарища.

— Я не могу поступить иначе, Мартынъ, не могу; такъ не мучай меня! Я не въ силахъ вынести нѣсколькимъ лѣтъ зависимости, какъ проектируютъ Фёръ. Не отговаривай меня попытать счастья въ литературѣ. Если я погибну, то, по крайней мѣрѣ, съ свободными руками; если я останусь здѣсь, цѣпи, все равно, придавятъ меня своею тяжестью.

Мартынъ съ огорченіемъ призналъ, что теперь напрасны будутъ все убѣжденія. Тѣмъ временемъ они достигли деревни, и когда поднялись по крутой дорогѣ къ церкви, издали заблестѣлъ огонь въ столовой пасторскаго дома. Лотта сидѣла у стола одна, занятая чтеніемъ англійской книжки. Она приняла друзей съ легкимъ смущеніемъ. Такое позднее посѣщеніе въ метель должно было встревожить молодую дѣвушку, но радость неожиданнаго свиданія была такъ велика, что не оставила мѣста тревогъ. Лотта сообщила, что родители уѣхали въ сосѣднюю деревню, къ пастору на крестины, а Павелъ воспользовался случаемъ прокатиться въ саняхъ. Спокойный, ясный взглядъ дѣвушки ласково остановился на женихѣ, который держалъ ея руку; но ея глаза сейчасъ же затуманились, такъ какъ Феликсъ имѣлъ страшно разстроенный видъ. Рука дѣвушки дрожала въ его рукѣ.

— Феликсъ, ты нездоровъ? — съ испугомъ спросила она.

Мартынъ стоялъ въ сторонѣ. Онъ зажегъ стоявшую на столикѣ около печки свѣчу.

— Я хочу взять у твоего отца слѣдующій томъ сочиненій Карлейля,—сказалъ онъ, выходя.

Влюбленные остались одни и Феликсъ разсказалъ свое несчастіе и какое онъ принялъ рѣшеніе. Лотта залилась слезами; молодой человѣкъ утѣшалъ ее. Увлекающаяся натура Феликса ободрилась, опять зародились надежды и онъ уже рисовалъ будущее въ радужныхъ краскахъ.

— Мы должны были бы пять лѣтъ провести въ тяжелой разлукѣ, если бы все осталось по-старому, а теперь моя жизнь можетъ быть обезпечена черезъ пять мѣсяцевъ. Тогда я приѣду за тобой, возьму тебя и ты будешь мнѣ помогать работать. Твой отецъ не откажетъ въ благословеніи, когда увидитъ, что я умственнымъ трудомъ достигъ независимаго положенія.

Лотта не подозрѣвала опасностей литературнаго поприща. Она никогда не слыхала о бѣдствіяхъ писателей, а вѣра въ любимаго человѣка была такъ безгранична, что дѣвушка не могла отнестись скептически къ преувеличеннымъ надеждамъ неопытнаго мечтателя. Отецъ своимъ снисходительнымъ отношеніемъ къ Феликсу немного поколебалъ ея вѣру и въ ея душу закрались тревожныя сомнѣнія, но стоило молодому человѣку взглянуть на нее своими ясными глазами, стоило ему съ увлеченіемъ заговорить о томъ, что его юное сердце принимало за истину, и въ дѣвушкѣ мгновенно проснулась прежняя благоговѣйная вѣра въ него.

По мѣрѣ того, какъ Феликсъ говорилъ, онъ дѣлался для Лотты тѣмъ героемъ, котораго она безмолвно, издали боготворила весной, божествомъ, единственнымъ въ мірѣ человѣкомъ, за которымъ она готова слѣдовать, куда бы онъ ни повелъ ее. Все, что онъ дѣлалъ, было хорошо; онъ не могъ поступить неправильно. Поэтому Лотта не возражала Феликсу, даже ободряла его и ея вѣра увеличила его слѣпую увѣренность.

Долго бесѣдовали они вдвоемъ, пока Феликсъ не сказалъ, что пора разставаться. Они вышли въ кабинетъ, гдѣ Мартынъ горестно размышлялъ о судьбѣ друга. Когда они вошли, студентъ сдѣлалъ видъ, что погруженъ въ чтеніе, такъ какъ не хотѣлъ показать, насколько онъ взволнованъ. Молодые люди простились.

— Кланяйся твоимъ родителямъ и скажи отцу, что я завоюю тебя трудомъ!—воскликнулъ Феликсъ, уходя.

Они спускались съ горы по снѣжнымъ сугробамъ. Наполнившіеся слезами глаза Лотты проводили ихъ, пока они не исчезли

во мракъ. На обратномъ пути Феликсъ былъ веселѣе. Вѣра любящей дѣвушки подняла въ немъ духъ; кромѣ того, молодой человѣкъ радовался, что не засталъ дома пастора; онъ зналъ, что опытный старикъ началъ бы отговаривать его и этимъ увеличилъ бы тяжесть разставанья. Феликсъ, въ ослѣпленіи, считалъ счастьемъ то, что могло оказаться его несчастьемъ. Навѣрное, пасторъ отпустилъ бы его только послѣ отчаянной борьбы, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ Мартынъ, убѣдилъ бы увлекающагося безумца въ рискованности его плановъ. Но боги судили иначе.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

На другое утро послѣ посѣщенія студентами пасторскаго дома передъ закрытымъ шлагбаумомъ желѣзно-дорожнаго переѣзда остановились сани винодѣла въ то время, какъ отходилъ ростальскій поѣздъ. Феликсъ Лубрехтъ стоялъ у открытаго окна купѣ, чтобы бросить послѣдній взглядъ на хорошо знакомую дорогу, и узналъ въ саняхъ отца Лотты. Молодой человѣкъ догадался, что пасторъ собрался такъ рано въ городъ ради него, и невольно обрадовался, что избѣжалъ новыхъ мученій. Пасторъ тоже увидалъ его и энергичными жестами выразилъ сожалѣніе въ то время, какъ Феликсъ, кланяясь, промчался мимо и исчезъ. Крауссъ приказалъ кучеру повернуть и возвратился въ Бургвангенъ. Наканунѣ, вечеромъ, Лотта съ волненіемъ разсказала отцу, какая судьба постигла ея жениха и какимъ образомъ Феликсъ рѣшилъ устроить свою жизнь. Молодая дѣвушка говорила съ радостною увѣренностью, такъ какъ смотрѣла на будущее влюбленными глазами. Отецъ, молча, выслушалъ ее.

— О чемъ же онъ хочетъ писать? — спросилъ онъ, наконецъ.

— Этого Феликсъ не сказалъ мнѣ.

Старикъ кивнулъ головой.

— Вѣроятно, онъ и самъ еще не знаетъ о чемъ. Если ему повезетъ счастье, то какой-нибудь сострадательный редакторъ дастъ ему занятіе, т. е. будетъ заказывать ему статьи, и Лубрехтъ привыкнетъ сегодня писать объ одномъ, завтра о другомъ, смотря по спросу. Онъ будетъ вынужденъ приноравливаться къ тенденціи своей газеты и потакать капризамъ публики. Низкія требованія ремесла уничтожатъ послѣднюю самостоятельность его слабой индивидуальности, а нужда превратитъ его въ безхарактернаго Протея. И это онъ называетъ свободой!

— Нѣтъ, отецъ, Феликсъ не унижится до этого.

— Хорошо, дитя мое, будемъ надѣяться, что этого не случится. Но если онъ хочетъ имѣть успѣхъ въ нынѣшней журналистикѣ, то это единственный путь; отвергнувъ его, онъ погибнетъ.

— Отецъ, ты не можешь быть такого низкаго мнѣнія обо всѣхъ журналистахъ; ты бы не читалъ тогда такъ усердно твоей газеты.

Въ голосѣ Лотты звучала почти мольба, когда она говорила это.

— Обо всѣхъ? Нѣтъ! — отвѣтилъ пасторъ. — Когда человѣкъ пріобрѣлъ солидныя знанія, когда онъ обладаетъ достаточною энергіей, чтобы быть безусловно правдивымъ, тогда, какъ журналистъ, онъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и, слава Богу, въ Германіи есть нѣсколько такихъ людей. Но человѣкъ, который еще ничему не научился, еще не установился, не созрѣлъ умственно, не имѣетъ права, мое милое дитя, выступать въ печати. Если тотъ, кто самъ долженъ учиться, будетъ учить другихъ, то, при самомъ искреннемъ желаніи быть правдивымъ, онъ впадетъ въ заблужденіе самъ и невольно введетъ другихъ. Онъ будетъ проводить незрѣлыя мысли за зрѣлыя, выдавать чужія за собственныя. Только сильный характеръ можетъ устоять передъ такимъ соблазномъ. Феликсъ слабъ, ему не слѣдуетъ браться за это.

— Я не думаю, чтобы Феликсъ сталъ работать для ежедневной прессы, — замѣтила Лотта. — Онъ будетъ писать только то, что выльется у него прямо изъ души.

— Такъ слѣдуетъ поступать каждому писателю: ни одинъ не долженъ говорить, когда ему нечего сказать, ни одинъ не долженъ браться за перо, если не чувствуетъ призванія. Ну, а что можетъ сказать Феликсъ? И увѣренъ ли онъ, что его всегда будетъ тянуть къ писанью, что не настанетъ время, когда онъ будетъ радъ полжизни отдать, чтобы только помолчать? Ни одинъ литераторъ не можетъ всегда чувствовать призваніе. Обязательная литературная работа губитъ творчество: это относится и къ великимъ умамъ. Литература въ печальномъ положеніи: она превратилась въ ремесло. Помнишь, какъ Сократъ презиралъ софистовъ за то, что они продавали истину за деньги? Наши литераторы—современные софисты, и то, что они менѣе интересуются философіей, чѣмъ политикой, только ухудшаетъ ихъ положеніе, такъ какъ наемная политическая партійность такой камень преткновенія, о который тысячи нравственно разбивались. Подобно Спинозѣ, давшему намъ блестящій примѣръ духовной независимости, каждому писателю слѣдовало бы поставить въ условіе, чтобы онъ занималъ каную-

нибудь скромную должность или выбралъ себѣ ремесло; тогда наша пресса была бы гораздо добродѣтельнѣе.

Пасторъ такъ увлекся, что не замѣтилъ, что хватилъ черезъ край. Отъ Лотты это не ускользнуло.

— Отецъ, развѣ не сказалъ апостолъ, что каждый работникъ достоинъ своей мзды, и не служить ли это изреченіе основаніемъ и твоей должности? — спросила она.

Крауссъ замаялся.

— Такъ ты думаешь, что Сократъ и меня, какъ наемнаго проповѣдника, причелъ бы къ софистамъ? Да, дитя мое, ты права; я сознаюсь, что зашелъ слишкомъ далеко и не хочу быть несправедливымъ. При раздѣленности труда, отличающей нашу развитую общественную жизнь, обязательная литературная работа необходима и нельзя взыскивать на нее вину за то, что нечистыя руги берутся за нее. Потребность истины ничтожна въ народѣ, такъ какъ для массы выгода выше всего. Поэтому было бы желательно, чтобы самые благородные люди и съ сильными характерами посвящали себя литературной дѣятельности, такъ какъ тамъ, гдѣ царить зло, идетъ ожесточенная борьба. Феликсъ не годится для этой борьбы, — надолго, но крайней мѣрѣ, — такъ какъ его воля еще не окрѣпла, умъ не созрѣлъ.

Слова отца опечалили Лотту.

— Отецъ, поѣзжай къ нему и убѣди его! — попросила она.

— Хорошо, дитя мое, я поѣду. Только боюсь, что онъ не приметъ моихъ совѣтовъ.

На слѣдующее утро пасторъ Крауссъ поѣхалъ въ Эберштейнъ, но, какъ мы уже знаемъ, опоздалъ. Въ первую минуту онъ былъ въ нерѣшительности, не поѣхать ли слѣдомъ за Феликсомъ въ Росталь, но послѣ зрѣлаго размышленія передумалъ. Прошло время, когда онъ могъ удержать неопытнаго юношу отъ перваго шага, и теперь оставалась только надежда на скорое разочарованіе. Поэтому Крауссъ вернулся въ Бургвангенъ и написалъ Феликсу длинное письмо, ожидая, что оно достигнетъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ словесныя объясненія, такъ какъ молодой человѣкъ могъ перечитать письмо въ различныхъ настроеніяхъ. Къ несчастью, оно не достигло желанной цѣли потому, что въ концѣ пасторъ прибавилъ, что не вѣритъ, чтобы Лубрехтъ, при своемъ слабомъ характерѣ, могъ завоевать въ литературной борьбѣ хотя бы самыя небольшія средства для существованія семьи. Слѣдовательно, если Феликсъ настаиваетъ на желаніи посвятить себя литературной дѣятельности, то уничтожаетъ этимъ возможность брака съ Лоттой.

Феликсъ принявъ это за угрозу, при помощи которой его хотѣли принудить отказаться, и, вмѣсто того, чтобы испугаться, только упорнѣе уцѣпился за свою мысль.

II.

Благоразумные друзья Феликса, думавшіе, что его воздушные замки скоро разлетятся, ошиблись. Молодой человѣкъ началъ новую жизнь при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, такъ какъ судьба дала ему пріютъ въ настоящемъ старинномъ замкѣ съ почернѣвшими отъ времени стѣнами и круглыми башнями, возвышавшимися надъ городскими домами, какъ романтическій средневѣковый памятникъ. Отецъ Ганса Бундшу былъ придворный сановникъ и жилъ въ этомъ замкѣ; отъ художника Феликсъ узналъ, что вдова кастеляна желаетъ сдать двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ тихому жильцу. На новыхъ улицахъ Феликсъ могъ найти болѣе удобную и менѣе высокую квартиру, но онъ не могъ устоять передъ романтикой и черезъ недѣлю послѣ того, какъ рѣшилъ измѣнить свою жизнь, прекрасно устроился въ средневѣковомъ замкѣ. Феликсъ перевезъ изъ Эберштейна всю свою роскошную обстановку, за исключеніемъ майоликовой печи, оставшейся во владѣніи квартирной хозяйки. Изъ оконъ башни открывался чудный видъ на расположенный въ котловинѣ городъ и кольцо горъ, поросшихъ лѣсами и виноградниками. Хорошо тутъ было; все располагало къ поэзіи и мечтамъ.

Устроившись такимъ образомъ, Феликсъ отправился къ доктору Велину. Тотъ началъ предупреждать его о трудности и непрочности литературной карьеры, но такъ какъ молодой человѣкъ умолчалъ о томъ, что ему представлялась возможность продолжать курсъ въ университетѣ, то Велинъ счелъ его рѣшеніе вынужденнымъ необходимостью и обѣщавъ помочь словомъ и дѣломъ его публицистической дѣятельности.

— Я совѣтую вамъ, — сказалъ редакторъ, — пріискать себѣ постоянное мѣсто, чтобы не быть вынужденнымъ отдавать въ печать не вполнѣ зрѣлыя и не отдѣланныя статьи. Желаете, чтобы я устроилъ васъ въ контору редакціи?

Феликсъ не предполагалъ такого исхода; онъ мечталъ о самостоятельномъ творествѣ. Но онъ не рѣшился противорѣчить и далъ только замѣтить, что подобное начало ему не особенно нравится.

— Конечно, собственное творчество выше всего въ нашемъ призваніи, — замѣтилъ Велинъ. — Мы, редакторы, только посред-

ники между литераторами и публикой. Но, чтобы имѣть успѣхъ, надо обладать большою плодovitостью, серьезнымъ запасомъ знаній, богатою фантазіей и способностью легко размѣнивать ихъ на мелкую монету. Вы убѣдитесь на опытъ, обладаете ли всѣми этими качествами, и, только просмотрѣвъ нѣсколько вашихъ работъ, я посоветую вамъ посвятить себя исключительно самостоятельному творчеству. Насколько я могу судить теперь, вы еще слишкомъ молоды, чтобы собрать большой запасъ идей, и вамъ грозитъ опасность скоро исписаться. Во избѣжаніе этого я советую вамъ поступить въ редакцію.

Феликсъ понималъ, что не слѣдуетъ ссориться съ вліятельнымъ человѣкомъ, и согласился. Онъ ожидалъ, что Велинъ предложитъ ему мѣсто въ редакціи *Палитра*, но ошибся. Велинъ сдержалъ, все-таки, обѣщаніе. Онъ въ тотъ же вечеръ зашелъ къ Лубрехту и сообщилъ, что редакторъ *Беллетристической Армарки*, еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, согласенъ принять его въ контору съ окладомъ въ пятьдесятъ талеровъ въ мѣсяцъ. Къ несчастью, первое знакомство съ новою службой было не ободряющаго свойства. Когда Феликсъ пришелъ представляться доктору Наудашеру, главному редактору *Армарки*, то долженъ былъ около часа прождать въ нетопленной пріемной, прежде чѣмъ его впустили. Аудіенція длилась менѣе пяти минутъ, такъ какъ редакторъ объявилъ, что заваленъ работой. При этомъ короткомъ объясненіи Наудашеръ не выказалъ ни малѣйшаго личнаго интереса; повидимому, онъ смотрѣлъ на молодого человѣка только какъ на механическое приспособленіе, новый винтъ въ редакціонной машинѣ. Феликса онъ, все-таки, назначилъ помощникомъ редактора и условился, что онъ начнетъ службу съ перваго февраля. Это посѣщеніе оставило болѣе непріятное впечатлѣніе, чѣмъ Лубрехтъ ожидалъ, и не съ радостными надеждами, а въ угнетенномъ состояніи и почти съ отвращеніемъ въ условленный день онъ началъ свою литературную карьеру въ «ярмарочной лавкѣ», какъ всѣ служащіе называли помѣщеніе редакціи. Начатая съ такимъ неудовольствіемъ служба, естественно, принесла новыя разочарованія. Молодой фантазеръ прилагалъ ко всему свой непосредственный масштабъ, а недостатокъ жизненной опытности мѣшалъ свыкнуться съ обстоятельствами. Онъ заранѣе презиралъ тотъ строй, которому долженъ былъ подчиниться; редакція представлялась ему торговою конторой, а не литературнымъ учрежденіемъ, и онъ съ предубѣжденіемъ смотрѣлъ на сослуживцевъ. Нерасположеніе къ нимъ росло по мѣрѣ того, какъ Феликсъ убѣждался, какъ грубы, циничны и пошлы

ихъ разговоры, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки сойтись ближе съ коллегами. Тѣ въ свою очередь считали его гордецомъ, тоже сторонились, и Феликсъ остался совершенно одинокъ. Главнаго редактора, занимавшагося въ отдѣльной комнатѣ, онъ рѣдко видалъ и не имѣлъ съ нимъ никакихъ личныхъ отношеній. Обязанности Феликса, указываемыя ему вторымъ редакторомъ, были исключительно конторскія. Изрѣдка ему давали прочесть корректуру; въ общемъ же все дѣло ограничивалось перепиской писемъ, вписываніемъ и отсылкой полученныхъ рукописей и тому подобною механическою работою. Конечно, это было начало и современемъ Феликсъ могъ надѣяться достигнуть болѣе самостоятельнаго дѣла. Но теперь даже обязанности главнаго редактора казались ему жалкими и послѣ первой же недѣли эта жизнь такъ надоѣла молодому человѣку и онъ чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, что не могъ болѣе выносить ее. Возвращаясь вечеромъ домой, онъ находился въ слишкомъ угнетенномъ нравственномъ состояніи, чтобы приниматься за самостоятельную работу.

Разъ господинъ Даубеншпекъ, второй редакторъ, прочелъ корректуру и отдалъ Феликсу для передачи ожидавшему въ прихожей разсылному. Это была статья объ англійской литературѣ и большинство заглавій сочиненій было написано на англійскомъ языкѣ. Феликсъ заглянулъ въ гранки и скромно замѣтилъ:

— Вѣроятно, эта корректура еще не готова.

— Что?—грозно спросилъ Даубеншпекъ.

Грубый тонъ долженъ былъ бы удержать отъ дальнѣйшихъ объясненій, но Феликсъ еще недостаточно зналъ этого человѣка.

— Извините, — сказалъ онъ, — но здѣсь не исправлена фамилія Жоржа Эліота, три раза напечатанная съ двумя л, и нѣсколько другихъ ошибокъ остались въ англійскихъ словахъ.

Служащіе съ любопытствомъ подняли головы. Даубеншпекъ покраснѣлъ и со злостью вырвалъ листы изъ рукъ Феликса.

— Кто васъ проситъ совать вашъ носъ?—крикнулъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Вы думаете, я меньше вашего знаю? Занимайтесь своимъ дѣломъ и не забывайте, что васъ здѣсь только терпятъ. Такого лѣниваго и неспособнаго человѣка у насъ еще никогда не было въ редакціи. Самъ ни къ чему не годенъ, этотъ самонадѣянный франтъ, а туда же смѣетъ говорить дерзости. Это просто неслыхано!

Феликсъ поблѣднѣлъ и не нашелся, что отвѣтить. Благоразумнѣе было бы замолчать раньше, такъ какъ Даубеншпекъ, человѣкъ крайне невѣжественный, но ловкій въ дѣлахъ, пользовался боль-

шимъ вліяніемъ въ редакціи, сѣумѣлъ стать необходимымъ редактору Наудашеру, который поручилъ ему всю техническую и конторскую часть журнала, а также надзоръ за служащими. Въ тотъ же день Даубеншпекъ въ разговорѣ съ редакторомъ замѣтилъ, что Лубрехтъ бесполезенъ въ редакціи, лѣнивъ, затрудняетъ своею медленностью службу остальнымъ и ко всему этому выказываетъ недостатокъ послушанія.

— Подождите еще немного, — отвѣтилъ Наудашеръ. — Ради доктора Велина мнѣ не хочется отказывать молодому человѣку. Но если и дальше онъ окажется негоднымъ къ службѣ, то придется удалить его.

Съ этого дня Даубеншпекъ сдѣлался открытымъ врагомъ Лубрехта, придирался къ нему и всячески старался вызвать его на дерзость. Книга, въ которую Феликсъ вносилъ доставленныя рукописи, имѣла важное значеніе для главнаго редактора, такъ какъ на основаніи этой записи онъ требовалъ предложенныя статьи. Сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ онъ рѣдко и даже никогда не спрашивалъ; иныя лежали мѣсяцы, прежде чѣмъ наступала ихъ очередь; за то произведенія знаменитыхъ писателей или личныхъ друзей никогда не залеживались долго. Въ одинъ прекрасный день Даубеншпека позвали въ комнату редактора.

— Мой пріятель Латтеншнейдеръ изъ Берлина, — сказалъ Наудашеръ, — спрашиваетъ въ этомъ письмѣ, отчего я не увѣдомляю его о принятіи присланной имъ новеллы. Я ничего не знаю объ этомъ. Получена она? Онъ пишетъ, что выслалъ ее двѣ недѣли назадъ.

— Развѣ она не вписана въ книгу? — спросилъ Даубеншпекъ съ невиннымъ видомъ.

— Нѣтъ.

— Неужели она затерялась на почтѣ?... Или, можетъ быть... Я сейчасъ пересмотрю полученныя рукописи.

Съ этими словами Даубеншпекъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и положилъ на столъ редактора рукопись.

— Вотъ она. Господинъ Лубрехтъ, очевидно, забылъ ее вписать. Это очень естественно, такъ какъ онъ почти каждый день откладываетъ цѣлую кипу до слѣдующаго утра.

— Позовите его ко мнѣ.

Когда явился Феликсъ, Даубеншпекъ отошелъ въ сторону.

— Я слышалъ, что вы, вопреки нашимъ правиламъ, часто откладываете записываніе рукописей до слѣдующаго дня, а вотъ

эту даже совѣмъ забыли вписать,—сказалъ Наудашеръ.—Если вы будете продолжать такъ небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ, то намъ придется разстаться.

Феликса поразилъ выговоръ.

— Я нѣсколько разъ,—возразилъ онъ,—находилъ на своемъ столѣ рукописи, неизвѣстно гѣмъ положенныя вечеромъ, послѣ моего ухода. Я ни разу не уходилъ изъ редакціи, не записавъ всѣхъ переданныхъ мнѣ рукописей. Если какая-нибудь пропущена, то это не моя вина; тѣ рукописи, которыя я кладу въ шкафъ, я всегда свѣряю съ своими записями.

— Факты противорѣчатъ вашимъ словамъ. Господинъ Даубеншпекъ нашелъ эту незаписанную рукопись въ вашемъ шкафу.

— А, господинъ Даубеншпекъ... Если онъ ее нашелъ, то ему должно быть извѣстно, какъ она туда попала...

— Какъ?—воскликнулъ Наудашеръ.—Вы хотите сказать, что господинъ Даубеншпекъ самъ положилъ ее туда?

— Это несомнѣнно. Господинъ Даубеншпекъ подстроилъ мнѣ ловушку.

Редакторъ понялъ, что Феликсъ угадалъ истину, и, какъ умный человѣкъ, сообразилъ, какіе мотивы руководили его помощникомъ. Но для него былъ важенъ не вопросъ о томъ, кто правъ, а тотъ фактъ, что Даубеншпекъ и Лубрехтъ несоединимые элементы; приходилось выбирать того, кто болѣе необходимъ. Наудашеръ былъ дѣловымъ человѣкомъ, для котораго выгода стояла выше справедливости.

— Лубрехтъ,—сказалъ онъ послѣ небольшого раздумья,—вы, очевидно, мало пригодны къ практической жизни и обращеніе съ людьми для васъ незнакомое искусство. Я же долженъ стараться, чтобы среди моихъ служащихъ царствовало полное согласіе, и потому по истеченіи этого мѣсяца вы должны оставить нашу редакцію.

Феликсъ поклонился и молча вышелъ изъ комнаты. Онъ предвидѣлъ такой конецъ и даже рѣшилъ самъ отказаться. Низкая интрига только ускорила развязку. Феликсъ получилъ жалованье за мѣсяцъ впередъ и потому, несмотря на все свое нежеланіе, былъ вынужденъ продолжать службу до конца февраля и, все-таки, эта недѣля была счастливѣе первыхъ трехъ, такъ какъ онъ опять съ надеждой смотрѣлъ на будущее. Отрясая въ послѣдній день прахъ редакціи отъ ногъ своихъ, Феликсъ рѣшилъ, что теперь и Великъ не лишитъ его свободы.

III.

Издатель *Палитры* не переставалъ заботиться о племянникѣ Гроха. Велинъ былъ вдовецъ и большую часть вечеровъ проводилъ въ ресторанѣ съ товарищами, далеко оставившими за собой года бурной молодости. Отчасти, чтобы слѣдить за развитіемъ молодого человѣка, отчасти, чтобы обратить на него вниманіе почтенныхъ людей, Велинъ пригласилъ Феликса примкнуть къ кружку литераторовъ. Въ теченіе февраля молодой человѣкъ часто пользовался этимъ приглашеніемъ и приходилъ то одинъ, то въ обществѣ Бундшу. Въ началѣ вниманіе пожилыхъ литераторовъ льстило Феликсу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ пользовались громкою извѣстностью. Но скоро сознаніе того, какъ далеко отстаетъ онъ въ зрѣлости и знаніяхъ отъ самаго ничтожнаго изъ нихъ, стало угнетать Лубрехта и онъ почувствовалъ себя чужимъ въ этомъ кругу. За мѣсяцъ службы въ редакціи онъ постепенно отсталъ отъ привычки проводить вечера за работой, такъ какъ послѣ скучнаго механическаго дѣла въ теченіе дня чувствовалъ потребность развлечься въ обществѣ. Феликсъ часто просиживалъ вечера вдвоемъ съ Гансомъ Бундшу въ уединенномъ уголкѣ пивной, по праздникамъ отправлялся съ товарищемъ въ клубъ художниковъ, посѣщалъ концерты, оперу, театры. Такимъ образомъ, Феликсъ привыкъ къ новому образу жизни, который долженъ былъ оказать губительное вліяніе на его подготовленіе къ серьезному литературному труду.

Въ одно изъ первыхъ свиданій съ Феликсомъ Велинъ узналъ, что онъ недоволенъ своимъ положеніемъ въ редакціи. Онъ уговаривалъ молодого человѣка быть терпѣливымъ, утѣшалъ надеждой на лучшія времена, но, все-таки, не удивился, когда услышалъ объ окончательномъ разрывѣ съ Наудашеромъ. Велинъ хотѣлъ хлопотать о другомъ мѣстѣ; но Феликсъ рѣшительно объявилъ, что онъ неспособенъ къ редакціонной дѣятельности и намѣренъ искать спасенія въ собственномъ творчествѣ. Велинъ счелъ бесполезнымъ отговаривать его и предложилъ просмотрѣть его рукописи. Но тутъ оказалось, что у Феликса нѣтъ ни одной готовой для печати работы.

— Ну, хорошо,—сказалъ Велинъ,—вѣдь, вы только начинаете. Принесите мнѣ ваши статьи, какъ только онѣ будутъ готовы, и я рекомендую ихъ въ соотвѣтствующія редакціи. И *Палитра* не откажетъ вамъ въ сотрудничествѣ, если вы дадите мнѣ хорошую статью о художественномъ вопросѣ. Вы говорите, что ваша спеціальность англійская литература? Знакомы вы съ Джономъ Рускиномъ и дорафаэлевскою школой?

Феликсъ отвѣтилъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ, я дѣлаю вамъ заказъ: напишите мнѣ статью объ этомъ. Я самъ хотѣлъ ее написать, но мнѣ будетъ пріятнѣе, если вы съ этимъ произведеніемъ выступите въ моемъ журналѣ. Необходимыми книгами я съ удовольствіемъ снабжу васъ. Согласны?

Феликсъ съ радостью принялъ предложеніе; эта задача была ему по сердцу и онъ ревностно принялся собирать матеріалъ.

IV.

Трава передъ замкомъ въ это мартовское утро еще не зазеленѣла, старые каштаны стояли обнаженные и слой земли еще предохранялъ отъ холода прикрытые виноградники. Но снѣгъ на солнечныхъ склонахъ уже стаялъ; только тамъ, гдѣ лѣсъ бросалъ тѣнь, тянулись узкія бѣлыя полосы. Небо было такъ чисто, солнце свѣтило такъ ярко и весело, что радостное предчувствіе весны пробуждалось въ душѣ. Феликсъ, лѣниво писавшій статью о дорафаэлевскомъ періодѣ, бросилъ перо, выглянулъ въ окно и залюбовался горнымъ ландшафтомъ. Шесть недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ этомъ средневѣковомъ замкѣ. Между тѣмъ, въ открытыя ворота замка вошелъ молодой парень со сверткомъ въ рукахъ, взглянулъ наверхъ, на крытую галлерею, окружавшую старинную постройку, и, не обращая вниманія на стоящаго на часахъ караульнаго въ зеленой формѣ съ галунами, направился къ широкой каменной лѣстницѣ. Онъ быстро взбѣжалъ наверхъ и остановился передъ старою дубовою дверью съ надписью на бронзовой доскѣ: «Феликсъ Лубрехтъ, литераторъ».

Феликсъ не слышалъ стука въ дверь. Онъ обернулся, когда дверь отворилась и въ комнату вошелъ Аурихъ. Послѣ первыхъ выраженій радости и привѣтствій вѣрный слуга сѣлъ и рассказалъ всю печальную исторію, тяжело поразившую Феликса, который только тутъ узналъ, что свадебное путешествіе дяди кончилось еще по эту сторону Рейна, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ больной въ Карлеруэ.

— Аурихъ, Аурихъ! — укоризненно произнесъ Феликсъ. — Отчего вы не извѣстили меня?

Бывшій дядька смущенно вынулъ изъ кармана письмо.

— Видите, господинъ Лубрехтъ, я на другой же день написалъ вамъ изъ больницы. Но я былъ такъ взволнованъ, что по ошибкѣ написалъ на адресъ, вмѣсто Эберштейнъ, Росталь. Когда черезъ

недѣлю письмо вернулось съ надписью: «адресатъ не найденъ», я рѣшилъ, что все дѣлается къ лучшему. Къ чему было тревожить васъ, когда господинъ Грохъ поправлялся?

Что можно возразить на такую логику? Феликсъ молчалъ, а Аурихъ рассказывалъ дальше. Такъ, значитъ, умеръ дядя! И его послѣднія мысли относились къ племяннику, котораго онъ хотѣлъ сдѣлать счастливымъ и независимымъ человѣкомъ. Бѣднягѣ стало жаль трагически погибшаго дядю, и жаль самого себя, сдѣлавшагося второю жертвой. Феликсъ уже сознавалъ, что онъ жертва, такъ какъ эти шесть недѣль принесли немало горькихъ разочарованій. Онъ не былъ такъ бодръ и самоувѣренъ, какъ вначалѣ, и теперь, когда онъ узналъ, какъ близка была возможность иной судьбы, онъ вдругъ понялъ всю величину своей потери.

— Послѣ похоронъ доктора Гроха, — рассказывалъ Аурихъ, — я не возвращался въ Ванзее, такъ какъ отъ бѣшенства готовъ былъ задушить вдову. Адвокатъ Шпехтъ досталъ мнѣ въ Берлинѣ мѣсто разсылнаго при конторѣ и мнѣ жилось очень хорошо, пока тоска по родинѣ не потянула въ Баварію. Тогда я подумалъ, что передъ отъѣздомъ долженъ высказать этой низкой женщинѣ все, что у меня накопилось на сердцѣ. Я поѣхалъ къ ней и сказалъ, что отправляюсь къ господину Лубрехту, котораго мой покойный господинъ назначилъ своимъ единственнымъ наслѣдникомъ, и спросилъ, не желаетъ ли она что-нибудь передать ему. Она насмѣшливо взглянула на меня, сказала, чтобъ я подождалъ, и, взявъ подъ руку молоденькаго франтика, сидѣвшаго въ то время у нея, вышла съ нимъ въ другую комнату; я слышалъ, какъ они громко смѣялись. Затѣмъ вдова позвала меня и отдала вотъ этотъ свертокъ, сказавъ, чтобъ я передалъ его господину Лубрехту отъ его тетки Розалии на память о ея незабвенномъ супругѣ. Глупый нахалъ захохоталъ при этомъ, она же осталась совершенно серьезно и прибавила, что кланяется своему милому племяннику и желаетъ ему счастья. Вотъ свертокъ въ томъ видѣ, какъ я его получилъ. Что въ немъ, я не знаю.

Феликсъ съ недовольнымъ видомъ выслушалъ рассказъ.

— Вамъ не слѣдовало брать на себя это порученіе, Аурихъ. Вдова Грохъ законная наслѣдница; я ни въ чемъ не могу упрекнуть ее, но принимать отъ нея подарки не желаю.

Феликсъ хотѣлъ, не развертывая, отослать свертокъ обратно Розалии, когда въ комнату вошелъ Гансъ Бундшу. Услыхавъ, въ чемъ дѣло, художникъ заинтересовался.

— На вашемъ мѣстѣ я развернулъ бы, Лубрехтъ, — сказалъ

онъ. — Нельзя осуждать человѣка, не выслушавъ его оправданій. Не слѣдуетъ упускать случая увеличить свое знаніе людей.

Гансъ взялъ ножикъ и разрѣзалъ шнурки; Феликсъ въ волненіи отошелъ къ окну.

Въ бумагѣ оказалась большая шкатулка палисандроваго дерева съ перламутровою инкрустаціей. Художникъ поставилъ ее на столъ и поднялъ крышку.

— А!—воскликнулъ онъ.—Коллекція трубокъ!

На темно-синемъ бархатѣ красовалось множество рѣзныхъ, точеныхъ и искусно обкуренныхъ трубокъ изъ морской пѣнки съ янтарными мундштуками, приобрѣтенныхъ Грохомъ во время неоднократныхъ путешествій за границей. Коллекція была характерна для покойнаго собирателя, и Феликсъ, конечно, бережно хранилъ бы ее, если бы, какъ наслѣдникъ, нашелъ ее въ вещахъ дяди. Но, какъ подарокъ, она отлично характеризовала Розалію; благодаря почти граничащей съ преступленіемъ грубости, она сдѣлалась наслѣдницей полумилліоннаго состоянія безъ всякаго,—она это знала,—нравственнаго на то права. Тому же, кого она лишила законнаго наслѣдства, она дарила коллекцію трубокъ. Какое низкое издѣвательство!

Феликсъ, не оборачиваясь, смотрѣлъ въ окно въ то время, какъ художникъ съ искреннимъ восхищеніемъ разсматривалъ странное наслѣдство.

— Я вижу, что мнѣ не слѣдовало ходить къ ней, — сказалъ Аурихъ,—такъ какъ ничего другого отъ нея нельзя было ожидать. Природа надѣлила кошку когтями, чтобы царапать.

— Какая подлость!—воскликнулъ Гансъ.—Но отсылать обратно коллекцію вы ни въ какомъ случаѣ не должны, Феликсъ. Сознаніе, что она васъ оскорбила, доставить ей только удовольствіе. Полное презрѣніе—единственный отвѣтъ, достойный ея.

— Пусть будетъ такъ! — согласился, наконецъ, Феликсъ. — А, все-таки, она отлично знаетъ, что достигла цѣли. Смѣхъ надъ несчастьемъ вдвойнѣ обиденъ.

V.

Какъ-то разъ Феликсъ Лубрехтъ встрѣтилъ въ Росталѣ капельмейстера Окслера и обрадовался, такъ какъ это свиданіе напомнило ему счастливейшіе дни его жизни. Послѣ этого они часто видались и скоро музыкантъ познакомился съ образомъ жизни и душевнымъ настроеніемъ Феликса.

Передъ Пасхой въ Эберштейнѣ давался концертъ, на который Окслеръ пріѣхалъ изъ Ростала. Лотта присутствовала на музыкальномъ вечерѣ вмѣстѣ съ Фёрами. Въ антрактѣ капельмейстеръ поздравился съ молодою дѣвушкой и разсказалъ о встрѣчѣ съ Феликсомъ. Окслеръ не зналъ объ отношеніяхъ Лотты къ Феликсу и потому откровенно высказалъ свое мнѣніе:

— Знаете, фрейлейнъ Лотта, мнѣ жаль несчастнаго Лубрехта; онъ такой хорошій человѣкъ. Онъ самъ, мнѣ кажется, не знаетъ, чего хочетъ, и вообще ничего не хочетъ по-настоящему. Ему недостаетъ твердости характера, а если бѣдный человѣкъ хочетъ пробить себѣ дорогу литературнымъ трудомъ, то безъ настойчивости погибнетъ. Въ редакціи Лубрехтъ не ужился, потому что слишкомъ высоко занесся и не сумѣлъ поладить съ людьми; теперь онъ работаетъ самостоятельно, что гораздо труднѣе, т.-е. я не знаю, работаетъ ли онъ. Я боюсь, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые все пробуютъ и ничего не кончаютъ. До сихъ поръ онъ не написалъ ни одной статьи. Онъ вступилъ на скользкій путь.

Профессорша слышала печальный отзывъ капельмейстера и постаралась утѣшить Лотту; но молодая дѣвушка сидѣла точно окаменѣлая и ни слова не произнесла; вернувшись домой послѣ концерта, она проплакала всю ночь. Капельмейстеръ, быть можетъ, слишкомъ строго отозвался о юномъ мечтателѣ, вступившемъ въ жизнь съ такою подготовкой; метанія изъ стороны въ сторону неопытнаго юноши могли показаться странными самымъ расположеннымъ къ нему друзьямъ. Очень возможно, что и избраннымъ путемъ Феликсъ достигъ бы прочнаго положенія, если бы не упускалъ изъ вида своей цѣли и не сбивался съ прямого пути. Но величайшая ошибка Феликса заключалась именно въ томъ, что онъ не хотѣлъ понять необходимости, а, можетъ быть, и не имѣлъ силы соразмѣрять свои требованія съ измѣнившимися обстоятельствами. Не пріученный съ малолѣтства къ бережливости и разумной расчетливости, Феликсъ въ денежныхъ дѣлахъ былъ настоящимъ ребенкомъ. Оставшаяся у него послѣ смерти дяди сумма при расчетливой жизни могла хватить на годъ и, можетъ быть, Феликсъ съ самаго начала сократилъ бы свои расходы, если бы не получилъ въ первый же мѣсяцъ 50 талеровъ изъ редакціи. Преувеличивая значеніе этого дохода, онъ думалъ, что можетъ продолжать жить по-прежнему, тѣмъ болѣе, что его не покидала увѣренность въ томъ, что самостоятельное творчество сразу измѣнитъ его положеніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ Феликсъ поступилъ въ университетъ, онъ понемногу привыкъ считать пропащимъ тотъ день, въ который онъ,

хотя бы на одну книгу, не увеличилъ своей библіотеки. И въ Росталѣ онъ не могъ отстать отъ этой привычки, такъ что очень скоро книгопродавцы считали его однимъ изъ лучшихъ своихъ покупателей. И не только книги, а и другія изящныя вещи соблазняли Феликса. Дорога въ редакцію вела мимо антикварнаго магазина, въ окнѣ котораго онъ увидѣлъ вырѣзанное изъ дерева распятіе; въ припадкѣ мистицизма онъ зашелъ въ магазинъ и купилъ его за восемь талеровъ. При этомъ его вниманіе привлекла старинная кружка. Въ первый день онъ пересилилъ желаніе купить, на второй тоже, но на третій не могъ выдержать; только покупка могла удовлетворить его и, такимъ образомъ, онъ приобрѣлъ глиняный сосудъ, стоившій десять талеровъ. Отъ такихъ тратъ быстро таяли его средства.

Вскорѣ послѣ того, какъ Феликсъ началъ работу о дорафаэлевскомъ періодѣ изученіемъ книги Рускина, ему захотѣлось приобрести всѣ сочиненія этого автора и онъ справился объ ихъ стоимости. Но цѣны нѣкоторыхъ произведеній Рускина доступны только англійскимъ меценатамъ, а не скромнымъ нѣмецкимъ литераторамъ. Когда Феликсъ провѣрилъ свою кассу, то оказалось, что не только не хватитъ на покупку книгъ, но что въ одинъ мѣсяцъ онъ истратилъ болѣе половины денегъ, которыя должны были хватить на цѣлый годъ. Это открытіе удручающимъ образомъ подѣйствовало на Феликса. Ему показалось, что безъ произведеній Рускина онъ не можетъ написать статьи, и онъ вдругъ потерялъ всякую охоту продолжать работу. Ему представлялась близость истощенія послѣднихъ средствъ и, вмѣсто того, чтобы съ удвоенною энергіей приняться за дѣло, боязнь нищеты парализовала его душевныя силы. Когда Феликсъ началъ жаловаться Велину, тотъ съ укоризной отвѣтилъ, чтобы онъ бодро работалъ и вѣрилъ въ свои силы, что если онъ не отстанетъ отъ своихъ широкихъ замашекъ, то изъ него никогда не выйдетъ хорошаго писателя. Феликсъ обидѣлся и пересталъ посѣщать кружокъ Велина. Между тѣмъ, онъ менѣе чѣмъ когда-либо могъ отстать отъ привычки проводить вечера въ ресторанахъ, такъ какъ одиночество наводило на него гнетущую тоску.

Возвращаясь какъ-то вечеромъ съ поздней прогулки, Феликсъ зашелъ въ отдаленную пивную, гдѣ никогда прежде не бывалъ. Кельнера въ это время не было; въ низкой, накуренной комнатѣ съ нѣсколькими ежедневными посѣтителеми сидѣлъ хозяинъ; выслушавъ желаніе Феликса, онъ громко отдалъ приказъ въ сосѣднюю комнату. Феликсъ выбралъ себѣ мѣсто и сѣлъ, въ ожиданіи, когда принесутъ кружку; онъ поднялъ глаза и онѣмѣлъ отъ изумленія;

служившій ему кельнеръ былъ Фридеръ, сынъ бургвангскаго винодѣла.

Молодой баварецъ тоже узналъ Феликса и испуганно отскочилъ назадъ; но, всегда чувствовавшій къ нему расположеніе, Лубрехтъ привѣтливо улыбнулся юношѣ. Фридеръ въ смущеніи протянулъ руку.

— Вы, навѣрное, перестали сердиться на меня, господинъ Лубрехтъ?—спросилъ онъ.

Феликсъ добродушно кивнулъ головой:

— Я радъ, что мы помирились, Фридеръ,—сказалъ онъ.

Баварецъ былъ тронутъ; онъ остался около стола Феликса и рассказалъ, что обучается здѣсь торговлѣ виномъ. Ему нравится въ Росталѣ; въ городѣ совсѣмъ другая жизнь, чѣмъ въ тихомъ Бургвангенѣ. Фридеръ очень удивился, что Лубрехтъ не живетъ больше въ Эберштейнѣ. Во время ихъ бесѣды въ комнату вошелъ человекъ, продававшій лотерейные билеты; сборъ предназначался на пополненіе фонда для построенія храма. Продавецъ переходилъ отъ одного столика къ другому и остановился, наконецъ, около Феликса. Фридеръ вынулъ изъ бокового кармана два билета.

— Мнѣ больше не надо,—замѣтилъ онъ. — Я уже купилъ, одинъ себѣ, другой невѣстѣ.

Фридеръ покраснѣлъ и заикнулся при послѣднихъ словахъ, невольно сорвавшихся съ языка.

— Какъ! — смѣясь, воскликнулъ Феликсъ. — Вы такъ скоро забыли Лотту, Фридеръ?

— Ахъ, господинъ Лубрехтъ, я не хотѣлъ этого говорить! — съ улыбкой отвѣтилъ юноша. — Я понялъ, что Лотта слишкомъ хороша для меня, и отъ души уступаю ее вамъ. Я познакомился здѣсь съ хорошенькою городскою дѣвушкой, совсѣмъ не похожей на нашихъ деревенскихъ. Я три раза танцовалъ съ ней и, повидимому, нравлюсь ей. Она будетъ моею женой.

Продавецъ лотерейныхъ билетовъ хотѣлъ пройти дальше, но его остановилъ вопросъ баварца:

— Вы, развѣ, не хотите попытать счастья, господинъ Лубрехтъ? Впрочемъ, у такого богатаго господина его безъ того много.

Феликсъ въ послѣднее время пришелъ къ такому заключенію, что вся сила въ деньгахъ и что безъ денегъ онъ пропадаетъ. Онъ съ радостью ухватился за предложеніе Фридера.

— Да, вы правы, Фридеръ, — оживленно отвѣтилъ онъ. — Я хочу попытать счастья. Выньте мнѣ билетъ, можетъ быть, на этотъ разъ ваша рука будетъ счастливѣе, чѣмъ тогда въ лѣсу.

Фридеръ исполнилъ просьбу. Теперь несчастный Феликсъ имѣлъ новыя основанія надѣяться на милость судьбы.

VI.

Мартынъ Гугельхоффъ проводилъ Пасху у матери въ Зауэр-брунѣ. На другой день послѣ пріѣзда онъ отправился черезъ паркъ въ Росталь навѣстить Феликса. Эти два мѣсяца друзья вели горячую переписку, такъ что каждый зналъ объ обстоятельствахъ жизни другаго. Въ особенности Феликсъ, по своей субъективной натурѣ, склонный больше къ разсужденію, чѣмъ къ дѣлу, описывалъ въ длинныхъ, краснорѣчивыхъ письмахъ свои разочарованія, неудачи и отчаяніе. Мартынъ шелъ къ нему съ тяжелымъ сердцемъ и твердымъ намѣреніемъ, насколько возможно, помочь. Въ этотъ день Феликсъ ходилъ гулять и вмѣстѣ съ первыми фіалками принесъ домой любовную пѣсню, навѣянную теплыми лучами весенняго солнца. Онъ, повидимому, забылъ свою тоску и искренно радовался свиданію съ другомъ. Но скоро Мартынъ заговорилъ о его работѣ о дорафаэлевской школѣ. Веселое настроеніе сразу покинуло Феликса и его лицо омрачилось.

— Я цѣлую недѣлю не прикасался къ ней, — отвѣтилъ онъ. — Глупо браться за тему, для которой не имѣешь достаточно матеріала.

— Только опытъ приводитъ къ знанію, — успокоивающимъ тономъ замѣтилъ Мартынъ. — Сознаніе ошибки полезно для будущаго.

— Будущее темно, какъ ночь!

— Что ты говоришь, Феликсъ? Неужели ты приходишь въ отчаяніе отъ такой пустяшной неудачи? Или ты, быть можетъ, признаешь неблагоразуміе твоего выхода изъ университета? Вѣдь, еще не поздно, ты можешь вернуться. Фѣръ поручилъ мнѣ напомнить тебѣ объ этомъ.

— Благодарю тебя, Мартынъ. Вашъ университетъ, который дастъ мнѣ, въ концѣ-концовъ, рабство службы, не привлекаетъ меня. Да и къ чему мѣнять одно рабство на другое? Теперь я вижу, что только деньги даютъ свободу. Всякій бѣднякъ — рабъ!

Мартынъ покачалъ головой.

— Рабъ тотъ, кто хочетъ невозможнаго. Человѣкъ многого достигаетъ работой и въ работѣ — счастье.

— Такъ разсуждаешь ты, Мартынъ, — съ горечью произнесъ Феликсъ, — ты, который всегда былъ вынужденъ ограничивать себя. Для меня твоя философія недоступна.

— Хорошо, но ты хочешь продолжать литературную карьеру, а развѣ ты началъ ее?

Феликсъ недовольно отвернулся.

— Если ты не можешь справиться съ статьей о дорафаэлевскомъ періодѣ, то брось ее и начини другую о чемъ-нибудь, что ты хорошо знаешь. Главное, перестань колебаться и рѣшай скорѣе.

— Тогда пропадетъ еще мѣсяцъ.

Странная дилемма: хочетъ Феликсъ или не хочетъ? Знаетъ онъ, чего хочетъ, или уже не можетъ хотѣть? Такимъ людямъ трудно совѣтовать.

— Я хочу предложить тебѣ, Феликсъ, то, что задумалъ раньше еще, — сказалъ Мартынъ послѣ короткаго раздумья. — Поѣдемъ въ Зауэрбрунъ и погости у меня, пока тебѣ не надоѣстъ. Моя мать ждетъ тебя и мѣста въ домѣ много, такъ какъ еще нѣтъ курсовыхъ гостей. Тебѣ одному трудно бороться съ жизнью, прими же руку друга, вдвоемъ мы скорѣе найдемъ дорогу.

— Но, вѣдь, это новая трата времени!

— Нѣтъ, я не то предлагаю тебѣ. Захвати съ собой работу и пиши у меня. Знаешь, пока ты не придумалъ ничего другаго, кончай, какъ съумѣешь, статью о дорафаэлевской школѣ. Я увѣренъ, что ты заинтересуешь публику, и, если твое произведеніе не будетъ годиться для *Палитры*, то, я увѣренъ, другіе журналы напечатаютъ съ удовольствіемъ, если рекомендуетъ Велинъ.

Мартыну, наконецъ, удалось убѣдить Феликса. Они вмѣстѣ уложили книги въ сундукъ и, прежде чѣмъ Феликсъ успѣлъ опомниться, онъ очутился въ уютномъ домикѣ противъ Зауэрбрунскаго парка, гдѣ въ первый разъ встрѣтилъ Лотту.

Совмѣстная жизнь друзей могла бы быть гораздо счастливѣе, если бы у Феликса хватило мужества покориться судьбѣ. Но онъ сомнѣвался въ себѣ, во всемъ мірѣ, и это сомнѣніе разбивало всякое энергичное рѣшеніе. Въ теченіе этихъ недѣль Мартынъ сдѣлалъ непріятное открытіе: онъ убѣдился, что нельзя помочь тому, кто самъ себѣ не можетъ помочь. Друзья могутъ ухаживать за больнымъ человѣкомъ, но когда страдаетъ душа, тогда напрасны всѣ заботы. Феликсъ утратилъ радость жизни и вѣру въ нее; онъ сталъ надломленнымъ человѣкомъ: то жаловался на судьбу, доведшую его до гибели, то возставалъ противъ общественнаго строя. Понемногу онъ привыкъ нападать на социальное устройство. Эстетическія занятія, доставлявшія ему столько радостей, любимые поэты, которымъ онъ обязанъ духовнымъ наслажденіемъ, сдѣлались ненавистны Феликсу. Только оптимистъ и мечтатель Шелли, попрежнему,

увлекалъ его. Это пессимистическое осужденіе существующаго міра съ безграничною вѣрой въ счастье и прежде охватывало увлекающагося юношу, теперь же оно принесло большой вредъ разбитой душѣ несчастнаго. Феликсъ, по натурѣ, не былъ склоненъ къ пессимизму; онъ былъ идеалистъ и считалъ удѣломъ каждаго человѣка счастье. И, вслѣдствіе именно этой крѣпкой вѣры, его личное несчастье перешло въ осужденіе общества.

VII.

Какъ-то утромъ, въ то время, какъ Мартынъ, по обыкновенію, углубился въ занятія, Феликсъ бродилъ по парку. На вершинѣ горы, откуда разстился прекрасный видъ на городъ и долину, онъ хотѣлъ отдохнуть на скамейкѣ, но она оказалась уже занятой какимъ-то пожилымъ господиномъ. Феликсъ хотѣлъ пройти мимо, но старикъ, замѣтивъ желаніе молодого человѣка, дружелюбно пригласилъ его сѣсть рядомъ и Лубрехтъ опустился на скамейку. Онъ захватилъ съ собою *Queen Mab* Шелли, чтобы почитать въ уединеніи. Незнакомецъ внимательно посмотрѣлъ на Феликса, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и, наконецъ, спросилъ, что онъ читаетъ. Когда Феликсъ отвѣтилъ, умное лицо старика выразило живой интересъ; онъ началъ разбирать стихотвореніе. Его рѣчь закончилась фразой:

— Шелли былъ предвѣстникомъ социаль-демократіи.

Феликсъ былъ пораженъ. Онъ никогда не думалъ объ этомъ и вообще зналъ эту партію только по названію. Старикъ замѣтилъ его изумленіе.

— Вы, можетъ быть, читаете Шелли только для изученія литературы?—спросилъ онъ.

Феликсъ колебался, откровенно ли отвѣтить. Какое право имѣлъ незнакомецъ допрашивать его? Но умный взглядъ старика приковывалъ его и вынуждалъ открыть душу.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Феликсъ.— Шелли мой другъ и руководитель; онъ мнѣ ближе всѣхъ живыхъ людей.

— Въ такомъ случаѣ,—энергично воскликнулъ старикъ,—вы должны пройти тотъ курсъ, который онъ преподаетъ вамъ. Васъ пугаетъ имя партіи, потому что вы, вѣроятно, не знаете ея. Но если вы одобряете сущность, то вамъ понравится и форма. Нашъ вѣкъ перешагнулъ отъ поэзіи къ дѣйствительности и человѣкъ съ характеромъ не долженъ покониться во снѣ, когда раздастся кличъ, зовущій къ дѣлу. Бросьте колебанія! Если вы хотите познакомить-

ся съ основными положеніями нынѣшнихъ соціалистовъ, то я охотно помогу вамъ.

Обыкновенному агитатору эстетическая душа идеалиста не открылась бы; но во внѣшности старика было столько благородства, величія, въ лицѣ столько геніальнаго оживленія, страсти, энергіи, что онъ невольно притягивалъ къ себѣ.

Феликсъ отвѣтилъ, что будетъ благодаренъ за предложенную помощь.

— Я живу наверху, въ Цоллингенѣ, въ получасовомъ разстояніи отсюда, — сказалъ старикъ. — Если вы проводите меня, то я надѣлю васъ брошюрами и дамъ нѣсколько крупныхъ сочиненій.

Они вмѣстѣ направились къ деревнѣ и, очарованный спутникомъ, Феликсъ любовался красивою, львиною головой идущаго съ нимъ рядомъ старика съ горящими юношескимъ блескомъ глазами. Дорогой и въ кабинетѣ они долго бесѣдовали. Феликсъ рассказал о себѣ и оставилъ свой адресъ; прощаясь, хозяинъ просилъ скорѣе опять навѣстить его. Феликсъ уносилъ съ собой цѣлый ворохъ брошюръ и полученныя въ подарокъ два сочиненія своего новаго друга. Авторъ былъ знаменитый, уважаемый своими единомышленниками, ненавидимый консервативною партіей, докторъ Бессель.

Мартынъ съ удивленіемъ и тревогой выслушалъ рассказъ о новомъ знакомствѣ. Онъ настоятельно просилъ Феликса не говорить объ этомъ его матери, такъ какъ благочестивая канторша считала Бесселя чуть не антихристомъ. Онъ самъ воздержался высказать свое мнѣніе, такъ какъ былъ мало знакомъ съ этою партіей, и вмѣстѣ съ другомъ принялся за изученіе данныхъ докторомъ Бесселемъ сочиненій.

VIII.

Между тѣмъ, произошелъ розыгрышъ лотереи, на которую Феликсъ возлагалъ свои надежды. Рука Фридера и на этотъ разъ не принесла счастья: вынутый имъ билетъ ничего не выигралъ. Это обстоятельство страшно огорчило молодого человѣка. Мартынъ удивлялся, видя, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ Феликсъ выигрыша и какъ эти надежды и ожиданія мѣшали ему работать. То, что вначалѣ было робкимъ желаніемъ, необузданная фантазія жаждущаго счастья Феликса превратила въ самоувѣренное требованіе. Ему представлялась уже вся возможность выигрыша; онъ былъ убѣжденъ, что счастье избереетъ его, и мечталъ о новомъ образѣ жизни. Феликсъ требовалъ награды отъ судьбы, увѣ-

ренный, что имѣть на нее право. Онъ такъ убѣжденъ былъ въ томъ, что выиграетъ, что извѣстіе о несчастномъ для него исходѣ лотереи подѣйствовало на него ошеломляющимъ образомъ. За это время Феликсъ накупилъ множество билетовъ другихъ лотерей, и надежда выиграть возродилась снова. Мартынъ тщетно пытался доказать ему всю маловѣроятность выигрыша.

Черезъ недѣлю, при помощи Мартына, статья о дорафаэлевской школѣ была кончена и отослана къ редактору Велину. Нѣсколько дней спустя тотъ отвѣтилъ Лубрехту, что его работа—замѣчательное произведеніе, что она написана блестящимъ слогомъ, который несомнѣнно подкупить въ свою пользу неспеціальную публику, но знатокъ этого вопроса находить большую незрѣлость, доказывающую, что Феликсъ еще не достаточно подготовленъ къ собственно научному творчеству; въ его статьѣ обращено слишкомъ мало вниманія на суть, за то много излишней болтовни, заключающей въ себѣ цѣнныя мысли, но не подходящія для *Палитры*. Однако, съ нѣкоторыми измѣненіями, онъ напечатаетъ статью въ своемъ журналѣ, но на будущее время совѣтуетъ автору выбирать такіе предметы, въ развитіи которыхъ онъ можетъ дать своей фантазіи больше свободы. Къ письму прилагался гонораръ въ тысячу марокъ.

Въ слѣдующей же, вышедшей черезъ недѣлю, книгѣ *Палитры* была помѣщена статья, подписанная именемъ Феликса. Главная цѣль была достигнута: молодой литераторъ выступалъ передъ публикой и прессой сотрудникомъ самаго почтеннаго журнала. Но Феликсъ не узналъ своей статьи въ напечатанномъ видѣ. Велинъ нашелъ нужнымъ передѣлать ее такъ основательно, что изъ нея вышла очень порядочная работа; только Феликсъ не могъ приписать ее себѣ. Это униженіе оскорбило Феликса; онъ послалъ обратно редактору *Палитры* тысячный билетъ съ приложеніемъ короткаго, но рѣзкаго письма:

«Такъ какъ вы не могли напечатать моей статьи,—писалъ Феликсъ,—то я вынужденъ считать милостыней то, что вы называете моимъ гонораромъ, и потому отсылаю ее вамъ обратно. Изъ вашихъ замѣчаній о моей литературной незрѣлости я заключаю, что всѣ ваши старанія поддержать меня на этомъ поприщѣ ничто иное, какъ подаеніе, бросаемое вами изъ состраданія. Я не такъ низко палъ, чтобы принимать подобную милость; на будущее время я самъ буду выбирать себѣ темы и уже не позволю себѣ больше утруждать васъ хлопотами о напечатаніи моихъ сочиненій».

Эти, слова, продиктованныя болѣзненно-раздраженнымъ само-

любимъ, произвели крайне непріятное впечатлѣніе на Велина и письмо осталось безъ отвѣта, что было равносильно окончательному разрыву. И не только съ Велинымъ, а и со всеѣмъ его кружкомъ, такъ какъ, находясь въ ссорѣ съ редакторомъ *Палитры*, Феликсъ не могъ посѣщать вечеровъ, гдѣ собирались литераторы для дружеской бесѣды. Мартынъ услыхалъ о безумномъ поступкѣ Феликса тогда уже, когда онъ былъ непоправимъ. Мартынъ все яснѣе понималъ, что его ослѣпленный другъ приближается къ пропасти, но, все-таки, не рѣшался высказать ему всего, что лежало у него на сердцѣ, такъ какъ Феликсъ дошелъ до такого состоянія, что приходилъ въ раздраженіе отъ каждаго слова, похожаго на порицаніе, и отвергалъ дружескій совѣтъ, какъ педантское нравоученіе. Лубрехтъ былъ больной человекъ и его патологическое состояніе внушало тѣмъ большее состраданіе, что ему ничѣмъ нельзя было помочь.

IX.

Къ концу лѣтняго семестра Гугельхонфъ возвратился въ Эберштейнъ, проводивъ раньше Феликса въ Росталь. На другой же день послѣ приѣзда Мартынъ отправился въ Бургвангенъ, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку спасти друга. Послѣ кофе онъ позвалъ Лотту гулять и они вдвоемъ направились по знакомой дорогѣ къ лѣсу. Мартынъ былъ очень серьезенъ; молодая дѣвушка, предчувствуя, что онъ заговоритъ о Феликсѣ, со страхомъ приготовилась услышать непріятное извѣстіе. Но Мартынъ съ деликатностью любящаго друга не сказалъ ни одного рѣзкаго слова о несчастномъ Феликсѣ, а сообщилъ только, что ея женихъ упалъ духомъ, близокъ къ отчаянію и можетъ окончательно погибнуть. Лотта поблѣднѣла, закрыла обѣими руками лицо и со стономъ отвѣтила:

— Я уже знаю объ этомъ, Мартынъ. Окслеръ сказалъ мнѣ.

— Онъ не слушаетъ никакихъ совѣтовъ, — продолжалъ Мартынъ. — Неужели же никто не можетъ спасти его, Лотта?

Дѣвушка взяла его руку и умоляющими глазами взглянула на студента.

— Мартынъ, ты думаешь, что я могу спасти?

— Если кто-нибудь можетъ, то только ты, Лотта.

Послѣ ухода гостя Лотта поспѣшила въ кабинетъ отца.

— Отецъ, — сказала она, — я должна завтра ѣхать въ Росталь.

Занимавшійся за письменнымъ столомъ пасторъ поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на дочь.

— Ты хочешь ѣхать къ Феликсу?

— Да, отецъ.

Крауссъ подумалъ немного.

— Ты надѣешься убѣдить его и спасти?—спросилъ онъ.—Я знаю, что онъ заблуждается.

— Да, отецъ.

— Такъ побѣждай, дитя мое. Если возможно спасти его, то я своимъ упрямствомъ не помѣшаю тебѣ.

На слѣдующій день Лотта, блѣдная и дрожащая, входила въ комнату жениха въ старинномъ замкѣ.

— Здравствуй, Феликсъ!—сказала дѣвушка прерывающимся голосомъ.

Феликсъ вскочилъ и бросился ей на встрѣчу.

— Лотта, какое счастье! Ты не забыла меня?

— Нѣтъ, Феликсъ. Но не забылъ ли ты меня? Думаешь ли ты обо мнѣ при тѣхъ шагахъ, которые дѣлаешь?

Вопросъ смутилъ Феликса и онъ отступилъ назадъ.

— Садись, дорогая моя,—сказалъ онъ, придвигая кресло, а когда дѣвушка сѣла, утомленная душевными волненіями, онъ продолжалъ неувѣреннымъ тономъ: О какихъ шагахъ говоришь ты, Лотта?

Напоминаніемъ о своей любви Лотта хотѣла ободрить Феликса; подробностей его жизни она совсѣмъ не знала.

— Феликсъ!—заговорила она и ея глаза наполнились слезами.—Я знаю, что твой мягкій характеръ не въ состояніи выдержать тѣхъ препятствій, которыя ты встрѣтишь на своемъ пути. Ради твоей любви ко мнѣ, послушайся совѣта и прими помощь отъ тѣхъ, кто расположенъ къ тебѣ. Мой отецъ, Мартынъ, Фёры—все ѣ любятъ тебя и сочувствуютъ тебѣ. исполни то, что они совѣтуютъ, Феликсъ!

Молодой человѣкъ недовольно отвернулся.

— И тебя настроили противъ меня? Я это такъ и зналъ; женскія сердца слабы. Вы можете вѣрить только тогда, когда видите успѣхъ.

— Феликсъ, пойми меня хорошенько! Я вѣрю въ чистоту твоихъ желаній. Но не можешь ты развѣ заблуждаться?

— Заблуждаться?—воскликнулъ Феликсъ.—Да, я долго бродилъ во тьмѣ; теперь мои глаза открылись. Ты говоришь, что вѣришь мнѣ? Повторишь ли ты это, когда узнаешь результаты моего просвѣтлѣнія? Я сдѣлался социаль-демократомъ.

Лотта, испуганная словами Феликса, безмолвно смотрѣла на него. Слезы высохли на ея глазахъ.

— Да, я социаль-демократъ, — продолжалъ Феликсъ. — На будущей недѣлѣ я ѣду въ Берлинъ приложить свои силы къ дѣлу агитациі. Изъ столицы должно идти спасеніе и смѣлые бойцы должны туда нести оружіе.

Лотта поднялась.

— Феликсъ, — сказала она, — не можетъ быть, чтобы ты сочувствовалъ партіи, которая проповѣдуетъ государственный переворотъ. Всякое насиліе противно твоей мягкой натурѣ.

— Ты ошибаешься, Лотта. Я ненавижу несправедливость и готовъ на насиліе, если оно единственный путь къ справедливости.

— И ты думаешь, — спросила Лотта съ изумленіемъ, — что всѣ умные и хорошіе люди, живущіе по закону, неправы и что сила должна ихъ судить? Ты проповѣдуешь войну противъ моего отца, меня, Мартына, — всего, что мнѣ такъ дорого и свято? О, Феликсъ, какъ ты ослѣпленъ!

— Женщины разсуждаютъ сердцемъ, а сердце привязано къ старымъ предразсудкамъ. Но любовь выше предразсудка. Если ты не понимаешь меня, то можешь ли вѣрить?

— Вѣрить только потому, что твоя, истерзанная страданіями и раздраженная ударами судьбы, душа считаетъ это за истину? Нѣтъ, Феликсъ, я не такъ слаба.

Хорошенькое лицо дѣвушки было такъ серьезно и рѣшительно, освѣщалось такимъ ровнымъ, возвышеннымъ свѣтомъ, что Феликсъ невольно опустилъ глаза.

— Лотта, — тихо спросилъ онъ, — неужели различіе убѣжденій можетъ разлучить наши сердца?

Феликсъ хотѣлъ взять руку дѣвушки, но она отступила назадъ.

— Если бы идеи, которымъ ты, разочарованный въ счастье, сочувствуешь теперь, были твоимъ искреннимъ убѣжденіемъ, плодомъ многолѣтней духовной работы и внутренней борьбы, тогда, Феликсъ, это различіе не могло бы насъ разлучить. Но ты сбился съ истиннаго пути, Феликсъ. Опомнись, если хочешь, чтобы я принадлежала тебѣ. Такому, какъ ты теперь, я не вѣрю!

— Лотта, ты не любишь меня больше! — воскликнулъ Феликсъ съ отчаяніемъ.

Молодая дѣвушка держалась за кресло, около котораго стояла, и дрожала всѣмъ тѣломъ. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она была въ силахъ заговорить.

— Феликсъ, — произнесла она, наконецъ, — еслибъ я не лю-

била тебя, развѣ я пришла бы къ тебѣ? Я люблю тебя такъ же горячо, какъ и прежде, и данное мною обѣщаніе для меня свято. Но я могу исполнить его только тогда, когда ты сдѣлаешься мужчиной.

Лотта направилась къ двери. Феликсъ не послѣдовалъ за ней, — его слишкомъ оскорбили слова дѣвушки. Она любила его еще, да; но Феликсъ чувствовалъ, что она не уважаетъ его. А такая натура, какъ ея, развѣ можетъ совмѣстить любовь съ презрѣніемъ? Лотта бросила на него послѣдній, долгій взглядъ, полный страданія и мольбы. Феликсъ вздрогнулъ; еще минута и онъ бросился бы къ ногамъ дѣвушки и обѣщалъ все, что она хотѣла. Но дверь открылась.

— Прощай, Феликсъ, — тихо прошептала Лотта.

Сознаніе, что она презираетъ его, удержало Феликса. Онъ остался одинъ съ своею гордостью.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Проповѣдникъ социализма Бессель, идеалистъ, въ натурѣ котораго равномѣрно соединилась сила и вѣра, очаровалъ своею личностью Феликса Лубрехта. Безъ его вліянія молодой человѣкъ остался бы при своихъ эстетическихъ стремленіяхъ. Но внутреннее недовольство, озлобленіе противъ міра и судьбы, при содѣйствіи Шелли, повліяли на истерзанную душу Феликса и сдѣлали возможнымъ полное отвращеніе отъ художественнаго міросозерцанія, какъ только сильная воля оказала на него давленіе. Старый идеалистъ, охотнѣе отыскивавшій въ людяхъ свѣтлыя стороны, чѣмъ недостатки, не отличался особенно тонкимъ знаніемъ характеровъ. Увлеченный прекрасными свойствами молодого человѣка, его поэтической мечтательностью, идеальностью, скромностью, почти дѣтскою чистотой сердца, Бессель выше заслугъ цѣнилъ Феликса. Главнымъ же образомъ ему нужна была всякая сила, годная служить его идеаламъ. Поэтому старикъ далъ рекомендательныя письма къ живущимъ въ Берлинѣ единомышленникамъ, и Феликсъ, отвергнувшій столько добрыхъ совѣтовъ, безпрекословно подчинился распоряженіямъ идеалиста, покорившаго его своимъ энтузіазмомъ и выдающимся умомъ.

Разрывъ съ Лоттой уничтожилъ послѣднюю связь, соединявшую Феликса съ Росталемъ и прежнею жизнью. Онъ чувствовалъ, что лишился любви Лотты, и съ горечью покорился этому. Новый иде-

алъ долженъ былъ вознаградить его за утрату любимой дѣвушки. Увлеченіе Феликса новымъ направленіемъ было такъ сильно, что онъ рѣшился сдѣлать то, что раньше показалось бы ему величайшимъ несчастьемъ: онъ продалъ не только всю обстановку и художественныя произведенія, но и большую часть библіотеки. По странному противорѣчію съ своимъ новымъ радикализмомъ, Феликсъ сохранилъ небольшое латинское изданіе Thomas a Kempis и распятіе, купленное во время службы въ редакціи *Армарки*. Эти предметы, быть можетъ, представлялись ему символомъ потеряннаго счастья, къ которому сердце невольно тянуло въ то время, какъ рука уничтожала его.

Переселившись въ Берлинъ, Феликсъ рѣшилъ покончить съ прошлымъ и прекратилъ переписку со всѣми друзьями. Баварцы раза два узнавали о немъ изъ газетъ, а черезъ годъ окончательно потеряли изъ вида. Въ столицѣ представители социалистической партіи дружески приняли Феликса. Его сейчасъ же назначили помощникомъ редактора большой социалистической газеты *Ракета*. Первые дни онъ работалъ ножницами и клеемъ, но скоро обратилъ на себя вниманіе, доставивъ въ редакцію замѣтку, написанную подъ вліяніемъ грустныхъ воспоминаній изъ военной жизни. На слѣдующее же утро она появилась въ видѣ передовой статьи и съ тѣхъ поръ этотъ отдѣлъ сдѣлался спеціальностью Феликса. Онъ писалъ блестящимъ слогомъ; его большая начитанность принесла пользу, снабдивъ запасомъ трескучихъ фразъ, а увѣренный тонъ, смѣло перескакивавшій черезъ пробѣлы въ знаніи, imponировалъ. Скоро Феликсу предложили занять мѣсто главнаго редактора и онъ согласился. За двѣ статьи, показавшіяся ему неопасными, онъ былъ обвиненъ въ дважды повторенномъ оскорбленіи государственнаго учрежденія и приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Отчаяніе овладѣло Феликсомъ. Его, искренно стремящагося къ идеалу, ненавидящаго все прошлое, жертвующаго собой ради справедливости и мира, его запирають, точно дикаго звѣря, котораго хотять укротить. Эта мысль наполняла его страшною горечью. И не это одно разстраивало Феликса; онъ понемногу понялъ, что расходится во взглядахъ съ товарищами по редакціи.

Въ тюрьмѣ Феликсу разрѣшили заниматься, а строго заведенный порядокъ вынуждалъ его къ правильной работѣ. Тюремный смотритель досталъ отъ книжнаго издателя заказъ перевести англійскій романъ и за этою работою Феликсъ незамѣтно проводилъ однообразные дни. Такъ прошло шесть мѣсяцевъ заключенія. За это время надъ берлинскою социаль-демократіей разразилась буря, раз-

сѣявшая въ разныя стороны ея предводителей, и на другой день послѣ выхода изъ тюрьмы Феликса выслали изъ столицы.

Тутъ еще разъ у Феликса воскресла надежда трудомъ выбиться на дорогу; хотя и съ менѣе радужными мечтами, чѣмъ прежде, онъ вступалъ въ новую жизнь, радовался своему освобожденію. Издатель, которому Феликсъ перевелъ англійскій романъ, остался доволенъ его слогомъ и съ удовольствіемъ далъ ему второй переводъ. Захвативъ съ собой работу, Феликсъ перебрался въ среднегерманскій городъ, гдѣ нанялъ крошечную комнату въ верхнемъ этажѣ стараго дома и цѣлые дни одиноко проводилъ за работой. Вознагражденіе было ничтожно, но Феликсъ не жаловался на нужду и тяжелыя лишенія. Онъ опять началъ мечтать объ улучшеніи своего положенія. Переводы опротивѣли ему и все съ меньшею охотой онъ занимался ими; наконецъ, онъ задумалъ написать самостоятельный романъ. Эта работа дастъ больше удовольвенія, чѣмъ вѣчная передача чужихъ мыслей. Но тутъ скоро обнаружилась затруднительность его положенія. Деньги всѣ вышли, а издатель платилъ гонораръ за переводъ послѣ того, какъ Феликсъ отсылалъ ему извѣстное количество переведенныхъ листовъ. Какъ могъ онъ писать романъ, который занялъ бы нѣсколько мѣсяцевъ, не имѣя средствъ хотя бы самымъ скромнымъ образомъ существовать во время работы? Передъ Феликсомъ предсталъ грозный призракъ нищеты и парализовалъ его духовныя силы. Нѣтъ, нечего и думать о собственномъ творчествѣ, пока нужда, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ надъ нимъ. Всю жизнь онъ долженъ водить усталую рукой за жалкое вознагражденіе переводчика, если счастливый случай не дастъ независимости и свободы, необходимыхъ условій самостоятельнаго творчества.

Но онъ все еще не унывалъ, опять надѣялся на возможность счастливаго случая. Послѣ встрѣчи съ Фридеромъ въ ростальскомъ трактирѣ, Феликсъ, по примѣру баварца, возлагалъ всѣ свои надежды на выигрышъ. Понемногу онъ накупилъ множество билетовъ всевозможныхъ лотерей; волненія и ожиданія выигрыша и затѣмъ разочарованіе и отчаяніе, когда оказывалось, что опять онъ ничего не выигралъ, окончательно разстроили его потрясенные и болѣзненно возбужденные нервы. Хуже всего было то, что эти волненія и ожиданія мѣшали ему работать и, въ погонѣ за обманчивымъ призракомъ, отвлекали мысли отъ дѣйствительныхъ обязанностей. Когда Феликса посадили въ тюрьму, у него еще оставался одинъ билетъ, который онъ со всѣми своими вещами оставилъ въ сундукъ у берлинской квартирной хозяйки. Розыгрышъ этой лоте-

реи состоялся во время его заключенія и по выходѣ изъ тюрьмы Феликсъ хотѣлъ справиться о результатѣ. Но, несмотря на всѣ поиски, билетъ въ вещахъ не нашелся, а номера Феликсъ не помнилъ. Пришлось, наконецъ, утѣшиться мыслью, что потерянный билетъ, по обыкновенію, ничего не выигралъ.

Разочарованіе слѣдовало за разочарованіемъ, а деньги въ его карманѣ таяли. Наконецъ, за недѣлю до розыгрыша лотереи, на которую у несчастнаго оставался послѣдній билетъ, у него оказалось только двадцать пфенинговъ. Онъ купилъ хлѣба и питался имъ три дня; затѣмъ его средства истощились. Въ это время поспѣла ежевика и слѣдующіе четыре дня Феликсъ скитался по лѣсу, собирая черныя ягоды. Послѣ такого первобытнаго обѣда Феликсъ возвращался въ свою мансарду и, какъ только смеркалось, ложился спать, такъ какъ и керосинъ весь вышелъ. На восьмой день молодой человѣкъ былъ такъ слабъ и болѣнъ, что не могъ выйти изъ дому; онъ лежалъ на кровати, примирившись съ мыслью, что умереть голодною смертью. Въ полдень раздался стукъ въ дверь и въ комнату вошелъ берлинскій книгопродавецъ, для котораго работалъ до сихъ поръ Феликсъ. Онъ сказалъ, что пріѣхалъ по дѣламъ въ городъ и, между прочимъ, зашелъ узнать, почему его переводчикъ прекратилъ работу. Когда Феликсъ хотѣлъ отвѣтить, съ нимъ вдругъ сдѣлался страшный приступъ кашля и струя крови хлынула изъ рта. Ударъ рапиры, нанесенный Фридеромъ въ бургвангской рощѣ, затронулъ верхнюю часть лѣваго легкаго; въ эберштейнской университетской клиникѣ рана совсѣмъ зажила. Но душевныя потрясенія, страданія и лишенія послѣдняго года расшатали и безъ того хрупкій организмъ молодого человѣка; истощеніе пало на легкія и давно зажившая рана вновь открылась.

Издатель былъ добрый человѣкъ. Онъ помѣстилъ Феликса въ больницу и оставилъ денегъ авансомъ за будущій переводъ. Два мѣсяца пролежалъ Феликсъ въ больницѣ, а затѣмъ возвратился въ свою мансарду, къ своему ремеслу. Кровоизліянія не повторялись, но кашель не прекращался и красныя пятна на носовомъ платкѣ слишкомъ ясно доказывали, что легкія не выздоровѣли. Билетъ, на который Феликсъ возлагалъ послѣднюю надежду, конечно, опять оказался пустышкой. И Феликсъ потерялъ уже всякую надежду на счастье и отказался отъ лотерей. Онъ опять принялся за переводы, но съ тупымъ равнодушіемъ. Увлекавшій прежде оптимизмъ Шелли не находилъ теперь сочувствія въ душѣ Феликса; его замѣнилъ мрачный пессимизмъ. Въ часы отдыха отъ работы Феликсъ углублялся теперь въ полную отчаянія поэзію Леопарди. Онъ боль-

ше всего желалъ умереть, а пока жизнь приковывала его къ землѣ, онъ ничего не хотѣлъ, кромѣ невозмутимаго покоя.

Четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Феликсъ покинулъ Росталь. Какъ-то на Пасхѣ онъ, сгорбленный, медленно возвращался домой послѣ одинокой прогулки. Квартира въ нижнемъ этажѣ того дома, на чердакѣ котораго жилъ Феликсъ, цѣлую недѣлю стояла пустая. Когда онъ выходилъ, то встрѣтилъ нагруженные фуры, а возвратившись, увидѣлъ у подъѣзда экипажъ, изъ котораго господинъ помогалъ выйти дамѣ и тремъ дѣтямъ. Это были, безъ сомнѣнія, новые квартиранты перваго этажа. Феликсъ мало обращалъ вниманія на окружающее и прошелъ бы мимо, если бы его слухъ не поразили знакомые голоса. Онъ бросилъ взглядъ на группу и узналъ семейство Фёръ. Горе и болѣзнь состарили бѣднаго Феликса, глаза ввалились, щеки впали, такъ что послѣ четырехлѣтней разлуки его немыслимо было узнать. И, все-таки, Феликсъ повернулъ назадъ. Сознаніе, что въ безумномъ самомнѣніи онъ отвергъ протянутую руку друзей, часто мучило его и теперь удержало подойти къ нимъ. Фёры вошли въ домъ, не замѣтивъ молодого человѣка. Феликсъ навелъ справки и узналъ, что Фёръ переведенъ профессоромъ изъ Эберштейнскаго университета въ здѣшній и нанялъ нижнюю квартиру. Въ тотъ же вечеръ Феликсъ уложилъ свой сундукъ и на другое утро навсегда покинулъ городъ, гдѣ одиноко прожилъ два года. Отечески расположенный къ Феликсу профессоръ, его жена, искренно преданная товарищу дѣтства, и дѣти, съ перваго взгляда такъ полюбившіе молодого человѣка, не подозрѣвали, что провели ночь подъ одною крышей съ несчастнымъ юношей.

II.

За это время совершилось много перемѣнъ въ средѣ когда-то близкихъ Феликсу баварцевъ и одинъ изъ нихъ, пасторъ Крауссъ, уже два года какъ умеръ. Мартынъ Гугельхопфъ кончилъ курсъ въ университетѣ въ годъ смерти пастора и получилъ за филологическое сочиненіе стипендію на поѣздку въ Англію. Данный ему Феликсомъ толчокъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на его жизнь: Мартынъ остановился на педагогической дѣятельности, избравъ спеціальностью англійскую литературу.

Канторша никакъ не могла понять и примириться съ мыслью, что ея единственный сынъ не будетъ пасторомъ; видѣть Мартына на каедрѣ было мечтой ея жизни. Но понемногу она покорилась

неизбѣжному. Пасторша Крауссъ тоже часто болѣла, и еще до смерти мужа было рѣшено, что она проведетъ лѣто въ Зауэрбруннѣ, пользуясь водами. Семья пастора послѣ его смерти должна была покинуть церковный домъ и вдова выбрала мѣстожительствомъ Зауэрбрунъ. Канторша, оставшаяся совершенно одна во время пребыванія Мартына за границей, была рада переѣзду бургвангскихъ друзей и убѣдила вдову съ Лоттой и маленькимъ Павломъ поселиться въ ея домѣ. Здѣсь они мирно жили, точно одна семья.

Немного времени оставалось до возвращенія Мартына въ Германію и Лотта хотѣла избавить его отъ непріятности ежедневныхъ встрѣчъ. Перевозить на новое мѣсто старуху-мать, прекрасно чувствовавшую себя у канторши, молодая дѣвушка не рѣшилась, тѣмъ болѣе, что Мартынъ обѣщалъ послѣ возвращенія заняться воспитаніемъ ея брата. Поэтому она задумала сама уѣхать и, прочитавъ въ газетахъ, что ищутъ компаньонку, предложила свои услуги. Черезъ три дня она получила отвѣтъ, написанный крупнымъ, мужскимъ почеркомъ госпожи Аутенритъ, которая приглашала ее на лѣто. Какъ ни возставала госпожа Гугельхопфъ, недовольная тѣмъ, что Лотта спасается бѣгствомъ отъ ея сына, дѣвушка настояла на своемъ и въ концѣ марта уѣхала въ Росталь, гдѣ отыскала золотую виллу. Отворившій дверь лакей офиціально доложилъ о ней и ввелъ въ гостиную, гдѣ сидѣла величественная госпожа Аутенритъ съ необыкновенно торжественнымъ видомъ; она безмолвнымъ жестомъ пригласила дѣвушку сѣсть. Въ этотъ моментъ подаренный Грохомъ попугай замахалъ въ клѣткѣ крыльями и завопилъ:

— Дуракъ!

Театральное величіе старухи не смутило Лотты и, когда птица произнесла свой комплиментъ, она весело замѣтила:

— Какая невѣжливая птица!

— Нахалъ!—крикнулъ на это попка.

Старикъ Аутенритъ, которому строго-на-строго супруга запретила открывать ротъ, отдувался, желая, повидимому, вступить въ разговоръ, но попугай повернулъ къ нему голову и грозно заоралъ:

— Аутенритъ, молчи!

Такимъ образомъ, птица выдала три наиболѣе употребительныя слова хозяйки, прежде чѣмъ она произнесла одно. Но она не обратила вниманія на болтливость попугая и небрежно замѣтила:

— Вамъ придется привыкнуть къ его невѣжливости, если я васъ найму, такъ какъ одною изъ вашихъ обязанностей будетъ уходъ за попугаемъ.

— Тогда мы, безъ сомнѣнія, будемъ друзьями, — отвѣтила Лотта.

— Это видно будетъ. Но перейдемъ къ дѣлу. Я написала, что приглашаю васъ только на лѣто для того, чтобы избавить другъ друга отъ разочарованія, такъ какъ въ полгода, а часто и раньше, люди могутъ опротивѣть другъ другу. Въ четыре года я перемѣнила одиннадцать компаньонковъ; съ вами будетъ ровно дюжина. Но я знаю, что вы хорошая дѣвушка, иначе не написала бы вамъ. Тѣ дни, когда я познакомилась съ вами, останутся мнѣ памятны на всю жизнь, такъ какъ тогда моя дочь встрѣтила своего перваго мужа. Несчастный докторъ Грохъ! Ему не суждено было насладиться выпавшимъ на его долю счастьемъ!

Лотта съ болью слушала рѣчь старухи, пробудившей въ ней столько печальныхъ воспоминаній.

— Какъ поживаетъ ваша дочь?—спросила Лотта.

— Отлично теперь. Для нея было страшнымъ несчастьемъ потеря доктора Гроха. Онъ былъ такой благородный, образованный человѣкъ, хотя немного старъ для моей бѣдной дѣвочки. Со вторымъ мужемъ она была несчастна, — это былъ человѣкъ безъ всякихъ принциповъ и она вынуждена была разойтись съ нимъ черезъ годъ. Но все это забыто, такъ какъ ея настоящій мужъ, банкиръ Розентиль въ Берлинѣ — миллионеръ. Розалія Розентиль, развѣ это не красиво звучитъ?

Лотта молча слушала; старухѣ, повидимому, доставляло удовольствіе рассказывать бѣдной дѣвушкѣ о блестящей судьбѣ дочери. Наконецъ, онѣ переговорили о дѣлѣ и рѣшили, что Лотта черезъ три дня займетъ мѣсто компаньонки въ золотой виллѣ.

III.

Черезъ недѣлю послѣ Пасхи Мартынъ Гутельхопфъ возвратился домой, такъ какъ получилъ назначеніе на должность профессора англійскаго языка и литературы въ Ростальскомъ политехническомъ институтѣ. Два года тому назадъ онъ получилъ въ Эберштейнѣ степень магистра за сочиненіе объ англійскихъ эссеистахъ и вскорѣ эта работа появилась въ печати въ расширенномъ объемѣ въ видѣ *Исторіи англійскихъ эссеистовъ*. Этотъ трудъ обратилъ вниманіе ученаго міра и ему молодой профессоръ былъ обязанъ своимъ почетнымъ назначеніемъ. Газеты напечатали извѣстіе объ этомъ назначеніи, сообщая біографическія свѣдѣнія о новомъ профессорѣ и разборъ его научныхъ работъ. Когда Лотта, читая, по обыкнове-

нію, вслухъ Аутенрита *Баварскій Меркурій*, дошла до этой замѣтки, госпожа Аутенритъ съ недоумѣніемъ спросила:

— Неужели это тотъ самый неуклюжій молодой человѣкъ, котораго мы видѣли на маневрахъ въ Зауэрбрунъ? Я думала, что онъ годится только въ деревенскіе пасторы. Не понимаю, какъ можетъ быть такъ недальновидно министерство.

Лотта знала, что противорѣчіемъ только раздражить старуху, и потому ограничилась замѣчаніемъ:

— Какъ счастлива, вѣроятно, госпожа Гугельхопфъ!

— Эта необразованная женщина, конечно, нивѣсть что вообразить теперь!—отвѣтила хозяйка.

При всемъ своемъ терпѣніи и выдержкѣ, Лотта не могла допустить, чтобъ унижали ея друзей.

— Я очень уважаю госпожу Гугельхопфъ,—сказала она слегка дрожащимъ голосомъ.

— Вы ничего не понимаете, милая моя,—рѣзко отвѣтила госпожа Аутенритъ. — Вы тоже воспитаны въ деревнѣ и не можете цѣнить деликатности, которая пріобрѣтается только въ благородномъ обществѣ.

Дѣвушка опустила глаза, намѣреваясь продолжать чтеніе, когда заговорилъ старикъ Аутенритъ, робко поглядывая на жену:

— Лотта, да, вѣдь, это Мартынъ! Ты думаешь, что я забылъ? Вѣдь, онъ твой женихъ? И я пилъ за ваше здоровье?

— О, господинъ Аутенритъ!—съ горькою улыбкой возразила Лотта.—Это была ошибка!

— Какъ ошибка, милая моя? — насмѣшливо спросила хозяйка.—Ну, такъ та особа, которую вы такъ уважаете, сама подтвердила намъ это. Если это неправда, то вы видите, что мое невысокое мнѣніе о ней справедливо.

— Она тоже ошибалась.

— Это возможно, разъ вы говорите мнѣ это, я очень рада за васъ. Я не могу допустить, чтобы молодой человѣкъ, вернувшись въ Росталь, заводилъ любовныя исторіи съ моею компаньонкой.

Едва уловимая складка недовольства появилась на лбу обиженной дѣвушки, но она умѣла владѣть собой.

— Могу я дальше читать, госпожа Аутенритъ?—спросила она, вмѣсто отвѣта.

— Читайте, но о Гугельхопфъ я ничего не хочу слышать. Вы знаете, что должны выбирать только то, что насъ интересуетъ.

Лотта прочла подробный отчетъ о задержаніи мошенника, кото-

рый выбилъ ломомъ три зуба ночному сторожу. Это сообщеніе немного успокоило раздраженную старуху.

IV.

Послѣдніе годы пребыванія въ университетѣ Мартынъ провелъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Лоттой. Пока Феликсъ переписывался съ нимъ, Лотта была благодарна за каждое извѣстіе. Когда она изъ газетъ узнала, что несчастный осужденъ на шестимѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ и затѣмъ высланъ изъ Берлина, они вмѣстѣ горевали о немъ. Мартынъ написалъ Феликсу нѣсколько писемъ въ тюрьму, но не получилъ отвѣта. Съ тѣхъ поръ онъ вспоминалъ о немъ, какъ объ умершемъ, и Лотта находила мучительное утѣшеніе въ разговорахъ о женихѣ съ его бывшимъ другомъ. Видя, сколько удовольствія онъ доставляетъ Лоттѣ, когда приходитъ и ласково говорить о Феликсѣ, Мартынъ началъ посѣщать Бургвангенъ чаще, чѣмъ слѣдовало для собственнаго спокойствія. Онъ приходилъ и не подозрѣвалъ, какъ все необходимѣе дѣлалась его дружба Лоттѣ, какъ росло его значеніе въ сердцѣ дѣвушки тогда, когда образъ Феликса все блѣднѣлъ.

Такъ протекали студенческіе годы. Прощаясь передъ заграничною поѣздкой съ Лоттой, Мартынъ, попрежнему, видѣлъ въ ней невѣсту погибшаго друга, изъ преданности къ которому онъ не смѣлъ и думать о перемѣнахъ, незамѣтно совершавшихся въ тайникахъ души, и медленно подготовлявшихся событіяхъ.

Мартынъ страшно огорчился, когда, по возвращеніи изъ Англіи, узналъ, что Лотта поступила на мѣсто къ Аутенригъ, и, догадываясь о побудившихъ ее къ этому причинахъ, рѣшилъ, что лучше онъ самъ поселится въ Росталѣ, чѣмъ выгонитъ дѣвушку. По-этому на другой же день послѣ пріѣзда онъ отправился въ золотую виллу, чтобъ убѣдить Лотту вернуться въ Зауэрбрунъ. Когда онъ позвонилъ у подъѣзда золотой виллы, дверь отворилъ лакей и сказалъ, что фрейлейнъ Крауссъ съ утра ушла. Мартынъ далъ свою карточку и ушелъ. Лакей понесъ карточку въ комнаты, гдѣ ее взяла госпожа Аутенригъ.

— Какъ! Гутельхонфъ смѣетъ входить въ мой домъ!—въ негодованіи воскликнула она.—Сейчасъ же догоните его и скажите, что я запрещаю ему возобновлять свои посѣщенія. Я не позволяю мужчинамъ ходить къ служащимъ у меня.

Лакей догналъ Мартына, котораго очень удивило порученіе госпожи Аутенригъ. Онъ молча хотѣлъ идти дальше, когда слуга привавиль отъ себя:

— Извините меня, пожалуйста! Я обязанъ исполнять приказанія!

Мартынъ кивнулъ головой.

— Не говорите только фрейлейнъ Крауссъ, что вы передавали мнѣ эту дерзость. Это можетъ оскорбить ее.

Мартынъ быстро удалился, чтобы прекратить дальнѣйшіе разговоры. Счастье благопріятствовало молодому человѣку: онъ встрѣтилъ Лотту, возвращавшуюся домой. Мартынъ сказалъ ей свою просьбу, но она не согласилась исполнить ее, объявивъ, что ей живется недурно и что господинъ Аутенритъ даже очень любитъ ее. При этомъ Лотта необыкновенно смущалась, чего прежде никогда не было, и это огорчило Мартына. Правда, и Мартынъ измѣнился за время пребыванія за границей; онъ возмужалъ и по свѣтски-непринужденнымъ манерамъ въ немъ нельзя было узнать неуклюжаго семинариста, носившаго сюртукъ покойнаго кантора. Но его глаза смотрѣли такъ же прямо и открыто, какъ прежде.

Мартынъ проводилъ дѣвушку до воротъ золотой виллы и понималъ, что настаивать долѣе бесполезно. Пожимая на прощанье руку Лотты, онъ серьезно спросилъ:

— Все еще никакихъ извѣстій, Лотта?

Она знала, что Мартынъ говоритъ о Феликсѣ, и грустно покачала головой.

У.

Въ одинъ прекрасный день, въ апрѣлѣ, Феликсъ пріѣхалъ въ Росталь съ единственнымъ сундукомъ, заключавшимъ все его достояніе. Назадъ въ Баварію, въ Баварію! — раздавался крикъ въ его груди, когда онъ бѣжалъ отъ прежнихъ друзей изъ города, гдѣ прожилъ два года. Феликсъ, тоскуя, давно стремился туда, гдѣ встрѣтилъ столько любви. Новаго счастья онъ не ожидалъ. Онъ считалъ свою жизнь поконченной и желалъ только смерти. Но и умирающій настолько привязанъ къ жизни, что выбираетъ могилу тамъ, гдѣ былъ счастливъ. Не на баварской землѣ, а въ ней Феликсъ надѣялся получить желанный покой. Поэтому онъ не захотѣлъ встрѣчаться съ прежними друзьями. Онъ не зналъ, что пасторъ Крауссъ давно скончался, и думалъ, что Лотта, попрежнему, живетъ въ Бургвангенѣ. Что Мартынъ состоитъ профессоромъ въ этомъ городѣ, Феликсъ не подозрѣвалъ. Онъ надѣялся тихо и незамѣтно провести здѣсь остатокъ печальныхъ дней.

Феликсъ прошелъ мимо отеля Макарта, гдѣ когда-то жилъ съ

дядей; эти двери были недоступны бѣднякамъ. Не далеко отъ стариннаго замка, гдѣ Феликсъ началъ свою литературную карьеру, онъ замѣтилъ скромную почтовую гостиницу, гдѣ и переночевалъ. На другое утро онъ отправился искать квартиру; требованія Феликса сдѣлались очень скромны и ему понравилась первая попавшаяся комната въ нижнемъ этажѣ, имѣвшая только то достоинство, что избавляла больного отъ труда подниматься на лѣстницу. Феликсъ такъ усталъ отъ дороги, что сейчасъ же нанялъ комнату и остался въ ней.

По ночамъ кашель не давалъ Феликсу спать и только къ утру онъ, обыкновенно, забывался на нѣсколько часовъ. И на новой квартирѣ въ эту первую ночь онъ долго лежалъ съ открытыми глазами и уже разсвѣло, когда онъ, наконецъ, задремалъ. Но едва онъ заснулъ, какъ солнечные лучи сквозь плохенькія сторы упали на его кровать и разбудили его. Феликсъ не рѣшился жаловаться хозяинкѣ, а такъ какъ помочь какъ-нибудь надо было, то онъ отправился на рынокъ и купилъ старыя ширмы, оклеенныя сѣрыми обоями. Ихъ принесли въ его квартиру и на слѣдующее утро въ тѣни ширмъ Феликсъ спалъ немного болѣе. Госпожа Викъ осталась недовольна его нововведеніемъ. У порядочной хозяйки, — объявила она, — все должно быть убрано къ девяти часамъ и убирать его постель передъ обѣдомъ ей неудобно. Съ этого дня каждое утро съ восьми часовъ хозяйка такъ стучала щетками и швабрами у самой двери новаго квартиранта, что Феликсъ въ бѣшенствѣ просыпался и разбитый поднимался съ постели. На здоровье больного эта тиранія дѣйствовала гибельнымъ образомъ и причиняла нравственные страданія.

— Я такъ низко палъ, — со вздохомъ говорилъ онъ, — что всякая прачка смѣетъ притѣснять меня. Бѣднякъ не имѣетъ никакихъ правъ на свѣтъ; онъ не можетъ даже спокойно умереть.

VI.

Феликсъ не читалъ больше газетъ; но черезъ недѣлю послѣ пріѣзда, за обѣдомъ, ему случайно попался листокъ, въ которомъ говорилось о передвижной выставкѣ. Онъ прочелъ, что въ числѣ выставленныхъ картинъ находится произведеніе Ганса Бундшу, и Феликсу захотѣлось посмотрѣть твореніе бывшаго друга. Когда Феликсъ входилъ въ залъ, онъ не подозрѣвалъ, какая потрясающая картина ожидала его тамъ. Только наканунѣ Гансъ Бундшу выставилъ свою большую картину «Христосъ и Іоаннъ» и вокругъ нея толпилась публика.

— Удивительно знакомое лицо апостола, — разслышалъ Феликсъ слова. — Хотѣлъ бы я знать, гдѣ я видѣлъ оригиналъ этой головы.

Это говорилъ редакторъ *Беллетристической Ярмарки* докторъ Наудашеръ. Феликсъ узналъ его и держался въ сторонѣ, пока тотъ не удалился. Мучительно-радостное умиленіе охватило Феликса, когда, наконецъ, онъ увидѣлъ картину. Любимый ученикъ Христа, красивый юноша съ правильнымъ идеальнымъ лицомъ и бѣлокурыми вьющимися волосами — увы! четыре долгихъ, мучительныхъ года назадъ, такимъ былъ онъ, Феликсъ, который теперь стоитъ передъ картиной больной и искалѣченный. Несчастный видѣлъ въ апостолѣ свою загубленную молодость. Художникъ, увѣковѣчившій его въ благородномъ образѣ любимаго ученика, сохранилъ, значить, къ нему любовь и дружбу. Феликсъ почувствовалъ благодарность къ бывшему другу и вдругъ ему захотѣлось увидѣть его, чтобы въ послѣдній разъ услышать слова теплаго людскаго участія. Но картина притягивала его и понемногу въ душѣ его зашевелилось другое чувство. Любимый ученикъ Христа! Давно забытыя воспоминанія счастливаго дѣтства воскресли въ памяти Феликса.

Публика смѣнилась въ залѣ и никто и не подозрѣвалъ, что блѣдный юноша, такъ долго, точно въ забытѣ, стоящій передъ картиной, оригиналъ Іоанна. Публика находила, что это лучшее произведеніе молодого художника. У бѣднаго Феликса потемнѣло въ глазахъ и онъ съ подавленнымъ рыданіемъ выбѣжалъ изъ залы.

Но Феликсъ всегда обладалъ замѣчательнымъ талантомъ обманывать самого себя. Такъ и теперь онъ заблуждался относительно истиннаго значенія умиленія, охватившаго его душу подъ впечатлѣніемъ картины.

Какъ ни слабо было основаніе утѣшенія, какъ ни мало способно дать постоянный миръ, однако, на время оно опьянило молодого человѣка и для Феликса насталъ рядъ спокойныхъ дней. Жажда эстетическаго наслажденія нашла новую форму удовлетворенія. Феликсъ досталъ Библію изъ футляра, откуда она много лѣтъ не вынималась. При этомъ на землю полетѣла кипа лотерейныхъ билетовъ, печальныхъ свидѣтелей прошлаго безумія. Ихъ оказалось пятьдесятъ штукъ. Феликсъ давно забылъ, что спряталъ ихъ въ книгу, и когда искалъ послѣдній билетъ, то не вспомнилъ, куда положилъ его. Долго стоялъ Феликсъ надъ разлетѣвшимися бумажками и въ его душѣ еще разъ съ мучительною болью пронесли разочарованія, причиненныя напраснымъ ожиданіемъ. Но все

это теперь пережито. На этомъ свѣтѣ для него нѣтъ счастливаго будущаго. Покой, абсолютный покой—вотъ все, чего онъ желалъ.

Феликсъ собралъ съ пола лишенныя всякаго значенія бумажки и въ хронологическомъ порядкѣ наклеилъ ихъ на ширмы и началъ читать Библию. Переводъ за то подвигался впередъ медленно и опять грозила опасность испытать нужду и лишенія. Но теперь никто не могъ упрекнуть Феликса: его здоровье было слишкомъ разстроено и силъ для работы не хватало.

VII.

Квартира госпожи Викъ находилась около академіи художествъ и потому эта мѣстность была заселена молодыми академиками. И въ той комнатѣ, гдѣ поселился Феликсъ Лубрехтъ, до него жилъ талантливый художникъ; нѣсколько мѣсяцевъ назадъ нужда заставила его взять мѣсто помощника фотोगрафа. Какъ-то въ сумерки раздался стукъ въ его запертую дверь.

— Господина Лубрехта нѣтъ дома, — крикнула изъ кухни хозяйка.

— Я пришелъ къ художнику Крэнлейну; развѣ онъ не живетъ больше здѣсь?

— Давно съѣхалъ.

— А кто, вы сказали, живетъ теперь у васъ?

— Да что, вы не знаете!—грубо отвѣтила прачка.—Какой-то пруссакъ.

Незнакомый господинъ вошелъ въ кухню, полную пару и мыльного запаха.

— Не Феликсомъ-ли зовутъ его?—нетерпѣливо спросилъ онъ.

Стиравшая у корыта хозяйка отъ удивленія пріостановила стирку.

— Вѣрно, господина зовутъ Феликсомъ. А я-то думала, что ни одна душа не знаетъ его въ Баваріи.

— Вы ошиблись,—отвѣтилъ взволнованный гость.—У господина Лубрехта здѣсь много друзей и я одинъ изъ нихъ.

Господинъ досталъ изъ кармана карточку, написалъ на ней притускломъ свѣтѣ кухонной лампочки нѣсколько словъ и, кладя ее на окно, сказалъ хозяйкѣ.

— Отдайте ему, когда онъ вернется; завтра я опять приду.

Прачка не потрудилась даже вытереть рукъ и, когда черезъ полчаса Феликсъ вернулся, мыльными руками подала ему карточку.

— Сейчасъ васъ спрашивалъ господинъ, который назвался ва-

шимъ другомъ. Скажите, почему вы его знаете?—съ любопытствомъ спросила она.

Феликсъ испугался и, къ досадѣ хозяйки, далъ какой-то уклончивый отвѣтъ. Онъ поспѣшилъ въ свою комнату и зажегъ огонь. Наконецъ-то онъ прочелъ имя: посѣтителъ былъ Гансъ Бундшу. Неожиданность поразила Феликса. Когда онъ увидѣлъ изображеніе Іоанна, онъ самъ почувствовалъ желаніе разыскать художника, но это длилось одну минуту. Феликсъ такъ привыкъ къ одиночеству, что не могъ себѣ представить возобновленія прежнихъ отношеній, и боялся встрѣчи съ старыми друзьями. Феликсъ пересталъ вваливать на судьбу причину своихъ страданій; онъ негодовалъ на себя за то, что не справился съ жизнью.

При такомъ душевномъ настроеніи, Феликсъ не могъ радоваться свиданію со старымъ другомъ, за которымъ, онъ зналъ, послѣдуютъ остальные знакомые изъ прежнихъ счастливыхъ временъ. Поэтому онъ провелъ бессонную ночь въ борьбѣ, не бѣжать ли опять, прежде чѣмъ его нашли, какъ уже разъ бѣжалъ отъ Фѣра.

Феликсъ не ошибся, предполагивъ, что слѣдомъ за художникомъ явятся и остальные друзья. Только за нѣсколько дней передъ тѣмъ Бундшу встрѣтилъ Мартына и съ огорченіемъ выслушалъ, что Феликсъ окончательно исчезъ. Поэтому, возвратившись домой отъ госпожи Викъ, Гансъ первымъ дѣломъ написалъ Мартыну, что нашелъ пропавшаго. Мартынъ получилъ письмо, придя на слѣдующее утро на лекцію. Никогда чтеніе не было такъ трудно молодому профессору, какъ въ этотъ день, когда его сердце трепетно билось отъ радостнаго ожиданія свиданія съ давно невидѣннымъ другомъ. Сейчас же послѣ звонка Мартынъ поспѣшилъ по указанному художникомъ адресу. Утомленный и измученный бессонною ночью, Феликсъ покорился неизбѣжности встрѣчи. Онъ сидѣлъ и ждалъ художника, когда вошелъ Мартынъ.

— Мартынъ, ты?—съ мучительною радостью воскликнулъ Феликсъ, едва узнавъ простоватаго семинариста въ возмужаломъ, красивомъ мужчинѣ.

Мартынъ былъ пораженъ. Слезы потекли изъ его глазъ и вздрагивающія губы не могли произнести ни слова, когда онъ увидѣлъ блѣдное, исхудалое лицо друга съ ввалившимися, лихорадочно блестящими глазами. Онъ хотѣлъ заключить несчастнаго въ объятія, хотѣлъ поцѣловать его и огорчился, когда Феликсъ отстранился отъ него и съ испугомъ сказалъ:

— Нѣтъ, Мартынъ! Моя болѣзнь заразителна!

Скоро Феликсъ, неожиданно для себя, почувствовалъ радость и

спокойствіе. Когда Мартынъ сѣлъ около него, взялъ его руку и съ участіемъ, точно желая проникнуть въ самую глубь души, взглянулъ на больного своими добрыми, дѣтски-ясными глазами, тогда исчезли сомнѣнія, тревоги, стыдъ, такъ какъ не строгимъ судьей явился другъ, а исполненнымъ любви, радости и состраданія. Изстрадавшееся большое сердце Феликса такъ согрѣлось, что онъ сжалъ обѣ руки Мартына и воскликнулъ:

— Я опять нашелъ родину! Она въ тебѣ!

УІІІ.

Въ полдень, послѣ ухода Мартына, пришелъ Гансъ Бундшу и былъ не менѣе пораженъ переменой Феликса. Большой печально улыбнулся и опустилъ голову.

— Я тѣнь Іоанна,—прошенталъ онъ.

— Такъ вы видѣли картину?—спросилъ взволнованный художникъ.

Феликсъ отвѣтилъ утвердительно.

— Но съ меня, несчастнаго, не стоило писать святого.

— Нѣтъ, въ васъ что-то есть,—отвѣтилъ Гансъ.—Вы знаете, что съ перваго взгляда плѣнили во мнѣ художника, и, вѣрьте мнѣ, я никогда не встрѣчалъ мужского лица, которое выражало бы въ такой степени, какъ ваше, мельчайшіе изгибы души. Выраженіе Іоанна я часто находилъ въ вашихъ чертахъ. Теперь ваше лицо повѣствуетъ мнѣ длинную исторію страданій. Сколько должны вы были испытать, бѣдняга!

Феликсъ утромъ передалъ Мартыну длинную исповѣдь и теперь ему не хотѣлось открывать душу художнику, съ которымъ онъ былъ менѣе близокъ. Онъ отклонилъ разговоръ о себѣ и началъ спрашивать Бундшу о его художественныхъ работахъ и планахъ. Гансъ предложилъ заглянуть въ его мастерскую, находившуюся по близости. Феликсъ охотно согласился. Его радовала мысль еще разъ увидѣть тотъ міръ красоты, гдѣ прежде онъ такъ хорошо себя чувствовалъ. Но едва Феликсъ вошелъ, какъ его охватила тоска.

«Это потерянный рай!»—раздавался голосъ внутри его.

Большинство картинъ Бундшу было разсѣяно по всему свѣту, но наброски и эскизы хранились въ папкахъ и на стѣнахъ, и не мало часовъ потребовалось бы, чтобы пересмотрѣть всѣ сокровища. Впечатлѣній было такъ много, что они скоро утомили отвыкшаго отъ искусствъ Феликса. Наконецъ, Гансъ принесъ папку съ рисунками, изображавшими сцены изъ античной жизни.

— Да это иллюстраціи къ Катуллу?!—воскликнулъ Феликсъ, непріятно пораженный.

— Да, — отвѣтилъ Гансъ. — Источникомъ вдохновенія была свадьба, на которой мы познакомились съ вами.

Печальныя воспоминанія пробуждались въ душѣ Феликса по мѣрѣ того, какъ онъ разсматривалъ картины. Наконецъ, онъ дошелъ до листа, при видѣ котораго на его лицѣ выразился ужасъ. Гансъ замѣтилъ это.

— Нельзя пропускать самого горькаго и самого отвратительнаго, когда изображаешь жизнь Катулла. Это судьба Лесбіи. И не правъ я развѣ, что придалъ этой падшей женщинѣ черты негодной Розаліи?

Феликсъ поднялся съ выраженіемъ муки на лицѣ.

— Не спрашивайте меня!—въ волненіи произнесъ онъ. — Вы не знаете, какія страшныя муки пробуждаетъ во мнѣ этотъ образъ!

— То, что создаетъ художникъ, отдѣляется отъ его личности и становится объективнымъ. Для меня это была Катуллова Лесбія. Но послѣ того, какъ я видѣлъ ваше страданіе, мой бѣдный другъ, я не могу относиться къ ней съ объективностью художника. И вотъ куда ей дорога!

Гансъ разорвалъ листъ на мелкіе клочки и бросилъ въ уголъ.

— Мнѣ жаль это художественное произведеніе, — грустно проговорилъ Феликсъ. — Его не слѣдовало уничтожать изъ-за моей личной злобы. Но было бы лучше, если бы я не видѣлъ его.

Гансъ старался успокоить его, отвлечь вниманіе другими картинами, но Феликсъ уже не могъ наслаждаться прекраснымъ. Пробужденныя воспоминанія вернули сознаніе неудачной жизни, несбывшихся стремленій и разбитыхъ надеждъ. Нравственное утомленіе овладѣло Феликсомъ и на лицѣ выразилась такая безысходная тоска, что Гансъ взялъ, наконецъ, его руку и съ тревогой заглянулъ въ глаза. Феликсъ попытался улыбнуться, но неудачно.

— Скажите мнѣ, что съ вами?—спросилъ художникъ.

Феликсъ громко застоналъ.

— Я хотѣлъ бы умереть!—съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ.

— Феликсъ!

— Да, Гансъ, это такъ! Искусство не возвышаетъ меня больше, дружба доставляетъ не радость, а сокрушеніе о собственномъ несчастіи. Назовите это завистью, если хотите, горькою завистью, но меня охватываетъ тоска. За что я несчастливъ и слабъ? Отчего природа не надѣлила меня творческимъ талантомъ, тогда какъ дру-

гихъ съ избыткомъ одарила гениемъ? И я, ребенкомъ, вѣрилъ, что Богъ не оставитъ меня, сдѣластъ изъ меня человѣка. Я мечталъ о великомъ и самоувѣренность безсознательно жила во мнѣ, когда я давно утратилъ дѣтскую вѣру; она не покинула меня и тогда, когда разбилось мое счастье. Но теперь, теперь! Мои глаза открылись; природа жестоко обманываетъ насъ, пока мы, обольщенные ея блуждающими огнями, не попадаемъ въ трясиину, которая затягиваетъ насъ. Идеализмъ и оптимизмъ — двѣ величайшія глупости въ этомъ мірѣ дураковъ!

IX.

«Милая сестра Лотта!

Нашъ бѣдный Феликсъ возвратился въ Баварію и живетъ въ этомъ городѣ. Чахотка сдѣлала его неузнаваемымъ. Если возможно спасеніе, то при условіи самаго заботливаго ухода. Я прошу тебя навѣстить его. Послѣ того, какъ ты повидаешь его, мы вмѣстѣ обсудимъ, какъ помочь несчастному.

«Твой братъ Мартынъ».

Лотта получила это письмо, вернувшись съ прогулки съ стариками Аутенритъ. Наверху, въ своей комнатѣ, она прочла горестное извѣстіе. Противуположныя чувства боролись въ ея груди. Неожиданность причинила и горе, и радость. Но не радость любви, не счастье, не трепетное замираніе сердца, а жалость, только жалость чувствовала Лотта. Воспоминаніе любви осталось, сама любовь умерла.

Грустно провела Лотта вечеръ съ стариками, а на слѣдующее утро, подъ какимъ-то предлогомъ, вырвалась изъ золотой виллы и поспѣшила къ больному. Входя къ Феликсу, она не думала о своемъ посѣщеніи въ старинномъ замкѣ, откуда ушла оскорбленная. Страдальческій видъ Феликса возбудилъ въ ней чувства жалости и состраданія, вытѣснивъ всѣ остальные мысли. За то Феликсъ, прежде всего, вспомнилъ о разрывѣ. Тогда, когда Лотта ушла, онъ любилъ ее еще, и, все-таки, она ушла: не она развѣ порвала ихъ духовный союзъ? Правда, послѣ того, какъ Феликсъ разстался, какъ онъ думалъ, навсегда съ Лоттой, ея образъ постепенно блѣднѣлъ, красивыя женскія лица, встрѣченныя въ столицѣ, заслонили его и скоро тихая, скромная баварская дѣвушка представлялась Феликсу мечтой прошлыхъ дней. Но искренней привязанности къ другой женщинѣ Феликсъ не нашелъ и, по мѣрѣ того, какъ онъ падалъ все ниже и все безрадостнѣе становилось его одинокое существованіе,

въ его душѣ громче звучалъ упрекъ. И этотъ упрекъ вырвался изъ устъ Феликса, когда онъ увидѣлъ передъ собой бывшую невѣсту.

— Лотта, Лотта! Если бы ты осталась со мной, я не по-тибъ бы.

Упрекъ Феликса огорчилъ Лотту, но вины за собой она не чувствовала. Онъ самъ хотѣлъ того, что случилось. Увлеченіе Лотты давно миновало и она поняла, что ошиблась. И Феликсъ часто говорилъ, что былъ влюбленнымъ безумцемъ и что женщина съ умомъ и сердцемъ самоотверженнѣ полюбила бы его. Путь Лотты былъ теперь ясенъ. Она признала свою ошибку, искупила ее и впасть въ нее вторично не могла. Феликсъ же, не нашедшій въ жизни точки опоры, колебался между проклятіемъ и благословеніемъ; сегодня онъ поклонялся тому, что проклиналъ вчера, если оно очаровывало его умъ и слабое сердце.

— Феликсъ, Феликсъ!— вотъ все, что печально отвѣтила Лотта на его упрекъ.

Чувства Феликса мгновенно измѣнились. Нѣтъ, онъ не имѣлъ права упрекать ее; онъ низко, низко палъ, тогда какъ она стоитъ на недосыгаемой высотѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, прости меня, Лотта!— съ сокрушеніемъ воскликнулъ онъ.— Я никогда не былъ достоинъ тебя.

Лотта не долго оставалась у Феликса, такъ какъ оба чувствовали неловкость. Они поговорили о покойномъ отцѣ дѣвушки, затѣмъ перешли къ болѣзни Феликса. Лотта пыталась утѣшить и вдохнуть въ больного надежду, но Феликсъ покачалъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ, Лотта, для меня лучше покинуть этотъ міръ. Жизнь оказалась слишкомъ тяжелою для моихъ силъ.

Простившись съ Феликсомъ, Лотта направилась въ паркъ. Тамъ она сѣла на скамейку въ чащѣ кустовъ и горько заплакала. Но Феликсъ остался въ еще болѣшемъ горѣ. Воскресшая любовь, какъ искра, вспыхнула въ его мрачномъ сердцѣ, но только для того, чтобы ослѣпить своимъ яркимъ свѣтомъ, такъ какъ эта любовь была безъ надежды и безъ взаимности.

Х.

Людвигъ Розенштиль уѣхалъ изъ Берлина путешествовать. Черезъ три дня послѣ его отъѣзда оставшаяся дома супруга Розалія получила документъ, изъ котораго явствовало, что ея мужъ продалъ домъ со всею обстановкой, и черезъ недѣлю ей было пред-

ложено уступить мѣсто новому владѣльцу. Въ то же время, пришло письмо изъ Гамбурга, въ которомъ мужъ сообщалъ, что уѣзжаетъ въ Америку и жить съ Розаліей не желаетъ, такъ какъ она также мало счастья дала третьему мужу, какъ и его двумъ предшественникамъ. Брошенная жена начала дѣло о разводѣ и рѣшила навѣстить золотую клѣтку, но не потому, что соскучилась о домѣ и родителяхъ, а потому, что въ берлинскомъ обществѣ ей дали понять, что она пользуется довольно сомнительною репутаціей. Пусть же злой свѣтъ увидитъ, что она, угнетенная невинность, ищетъ защиты въ родительскомъ домѣ.

Вскорѣ послѣ ухода Лотты къ Феликсу госпожа Аутенритъ получила телеграмму отъ дочери и поспѣла на вокзалъ во-время, чтобы заключить въ объятія выходившую изъ вагона дочь.

Путь Лотты, возвращавшейся изъ парка домой, шелъ мимо вокзала; у подъѣзда она встрѣтилась съ Мартыномъ, отправлявшимся послѣ лекціи въ Зауэрбрунъ. Они остановились, чтобы переговорить о дѣлѣ.

Въ то время, какъ они бесѣдовали, изъ залы выбѣжали лакей и распахнулъ дверцу поданной къ подъѣзду коляски; за нимъ слѣдовали госпожа Аутенритъ и Розалія. Взгляды обѣихъ дамъ упали на молодыхъ людей. Лотта смущенно поклонилась, Мартынъ вѣжливо снялъ шляпу. Госпожа Аутенритъ холодно отвѣтила на поклонъ и выразила на лицѣ неодобреніе; Розалія же, которая сразу узнала дѣвушку, хотя со времени маневровъ въ Зауэрбрунъ прошло пять лѣтъ, смѣрила ее презрительнымъ и полнымъ ненависти взглядомъ. Когда экипажъ отѣхалъ, растерянная Лотта испуганно взглянула на друга.

— О, Мартынъ!—воскликнула она.—Эта женщина толкнула въ пропасть нашего Феликса.

Мартынъ взялъ руку дѣвушки.

— Ты не можешь жить съ нею въ одномъ домѣ, Лотта! Поѣдемъ со мной въ Зауэрбрунъ!—попросилъ онъ.

Но Лотта отрицательно покачала головой.

— Прощай, Мартынъ! Я должна до конца выстоять на своемъ мѣстѣ.

Мартынъ попробовалъ наставить, но Лотта вырвала свою руку. Онъ печально смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся дѣвушкѣ. А, между тѣмъ, какъ охотно поѣхала бы съ нимъ Лотта! Жизнь въ одномъ домѣ съ Розаліей представлялась ей невыносимою пыткой. Въ гостиную былъ одинъ старикъ Аутенритъ, когда Лотта вернулась

домой. Онъ сидѣлъ съ испуганнымъ лицомъ, и когда дѣвушка поклонилась ему, сдѣлалъ предостерегающій жестъ.

— Ты, Лотта? — прошепталъ онъ. — Розалія вернулась и какая она сердитая! Я боюсь ее.

Лотта сѣла на свое мѣсто и взяла въ руки работу. Скоро явилась хозяйка.

— Послушайте, — сказала она, не отвѣчая на поклонъ дѣвушки, — то, что я узнаю, просто неслыханно! Вы стоите на улицѣ и болтаете съ мужчинами въ то время, какъ здѣсь, гдѣ вы получаете жалованье, все идетъ вверхъ дномъ. За что я плачу деньги, если васъ никогда не бываетъ дома, когда вы нужны?

— Извините, госпожа Аутенритъ.

— Я ничего не хочу слышать! Вести себя такъ, какъ вы ведете, неприлично! А противорѣчій я не терплю, вы знаете!

— Мама, не трать понапрасну слова! Развѣ можно научиться приличіямъ въ баварской деревнѣ? Меня удивляетъ, что ты взяла въ домъ эту... эту...

Такъ говорила прекрасная Розалія, незамѣтно вышедшая изъ будуара рококо во время выговора матери компаньонкѣ. Лотта смотрѣла на нее съ нѣмымъ упрекомъ.

— Молчи! — рѣзко перебила дочь госпожа Аутенритъ. — Тебѣ до сихъ поръ не было дѣла до насъ, — и, обратившись къ Лоттѣ, она прибавила мягче: — Сядьте. До нынѣшняго дня я всегда была довольна вами.

Розалія съ презрительною улыбкой опустила на кресло. Лакей поставилъ около нея на столикъ красное вино и пирожное.

— Папа, — сказала молодая женщина, разваливаясь въ креслѣ, — ты весь домъ пропиталъ табачнымъ запахомъ. Я надѣюсь, что, изъ вниманія ко мнѣ, ты изгонишь эти трубки на то время, пока я здѣсь.

Старикъ испуганно взглянулъ на дочь и что-то хотѣлъ отвѣтить, но его предупредилъ попугай.

— Дура! — крикнулъ онъ.

— А птицѣ я сверну голову, — сказала Розалія, обмакивая тортъ въ вино.

— Нѣтъ, дитя мое! — отвѣтила мать. — Это подарокъ твоего покойнаго мужа.

— Гроха? Ха-ха-ха! Да, да, припоминаю... И самъ-то онъ былъ престарѣлый попугай!

— Бѣдный, милый Грохъ! — со вздохомъ произнесла мать. — А что, Розалія, ты ничего не слыхала о его племянникѣ?

— О его племянникѣ, мама? Я не знаю, о комъ ты говоришь. У Гроха не было никого родныхъ.

— Не могла же ты забыть того красиваго молодого человѣка, который спасъ тебѣ жизнь! Какъ его зовутъ? Фрейлейнъ Крауссъ, вы, вѣдь, тоже знали его.

— Феликсъ Лубрехтъ, — отвѣтила Лотта, сдерживая волненіе.

— Да, да, вѣрно. Миѣ жаль, что мы совершенно потеряли его изъ вида. Я желала бы доказать ему нашу благодарность.

— Я никого не знаю, кому мы обязаны благодарностью, — не терпѣливо замѣтила Розалія. — И то, что никто не претендуетъ на нее, лучше всего доказываетъ, что ты ошибаешься, мама. Неужели же эта мамзель лучше насъ знаетъ наши дѣла?

Лотта подняла голову и обратилась къ хозяйкѣ:

— Феликсъ Лубрехтъ, котораго докторъ Грохъ воспиталъ и назначилъ единственнымъ наслѣдникомъ, живетъ теперь въ Росталѣ. Внезапная смерть дяди выбила его изъ колеи, разбила счастье и здоровье и теперь онъ, умирающій, возвратился сюда.

Лотта блѣднѣла по мѣрѣ того, какъ говорила, и дрожала всѣмъ тѣломъ. Розалія расхохоталась.

— Что это значить? — съ недоумѣніемъ спросила мать.

— О, мама, теперь я догадываюсь! — воскликнула Розалія, бросивъ на Лотту полный ненависти взглядъ. — Ты говорила о молодомъ франтѣ, который совалъ въ Зауэрбрунѣ свой носъ туда, куда его не спрашиваютъ? Такъ успокойся. Добрякъ Грохъ взялъ его подъ свое покровительство изъ состраданія; родства между ними никакого не было. И я, конечно, не считала себя обязанной заботиться о совершенно чужомъ человѣкѣ.

— Онъ былъ очень близокъ вашему покойному мужу, — твердымъ голосомъ произнесла Лотта. — Вы, госпожа Розалія, знали, что послѣднимъ желаніемъ доктора Гроха было сдѣлать Феликса Лубрехта своимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Если бы вы грубою выходкой не ускорили его смерти, то это желаніе было бы исполнено. Вы это прекрасно знали и, тѣмъ не менѣе, на основаніи жалкаго бумажнаго права, попрали ногами нравственное право, разбили надежды и счастье благороднаго, талантливаго юноши и довели его до смерти.

Нѣсколько разъ нервный смѣхъ Розаліи прерывалъ эту рѣчь, но Лотта съ серьезнымъ, взволнованнымъ лицомъ спокойно договорила до конца. Теперь она неподвижно сидѣла, точно ожидая приговора.

— Что это? Что это значить? — съ негодующимъ изумленіемъ

воскликнула госпожа Аутенритъ.—Розалія, правда это? Ты могла быть такою неблагодарной, что толкнула въ нищету и гибель челоѣка, рисковавшаго за тебя своею жизнью?

— Ложь, ложь и ложь!—крикнула Розалія.—Не видишь ты развѣ, что она готова лопнуть отъ зависти, мама? Она была влюблена въ этого франта и отъ злости и разочарованія, что онъ оказался нищимъ, выдумываетъ подлую клевету. Выгони вонъ эту гадину, мама! Вонъ! Вонъ!...

Лотта, блѣдная, поднялась и спокойно обратилась къ хозяйкѣ:

— Каждое мое слово истина, госпожа Аутенритъ. Теперь поздно искупать преступленіе, такъ какъ Феликсу осталось недолго жить и о немъ заботятся друзья, которые, наконецъ, нашли его. Но я рада, что вы не участвовали въ этомъ преступленіи. Я всегда знала, что вы иначе поступили бы, такъ какъ вы строги, но справедливы. Оставаться долѣе въ этомъ домѣ я не могу. Я покидаю васъ, госпожа Аутенритъ. Да сохранить васъ Господь.

Старикъ Аутенритъ поднялся и, схвативъ руку молодой дѣвушки, зарыдалъ, какъ дитя.

— Лотта, Лотта!—воскликнулъ онъ.—Не уходи отъ насъ, не уходи! Пусть Розалія уходитъ; она дурная дочь. Не покидай несчастнаго старика, мое дорогое дитя!

Слезы потекли изъ глазъ Лотты. Она поцѣловала старика въ щеку и съ волненіемъ отвѣтила:

— Я должна уйти. Да хранить васъ Богъ, милый господинъ Аутенритъ.

Розалія, которая продолжала мочать пирожное въ красное вино, нетерпѣливо топнула ногой.

— Мама, прекрати, пожалуйста, эти возмутительныя сентиментальности! Выгони эту особу и умири безумнаго старика!

Госпожа Аутенритъ встала и подошла къ Лоттѣ.

— Фрейлейнъ Крауссъ, я васъ не удерживаю, потому что послѣ того, что произошло, вы не можете чувствовать себя здѣсь хорошо. Но я вѣрю каждому вашему слову и не вѣрю ничему, что говоритъ Розалія. Она всегда лгала и никогда не имѣла сердца. Мой бѣдный мужъ правъ: пусть она уходитъ; вѣдь, мы ее не звали.

— Ха-ха-ха! Этого не доставало!—воскликнула Розалія съ истерическимъ смѣхомъ.—Какъ, я должна терпѣть, когда за моею спиной клеветаютъ на меня? Нѣтъ, мама, если и ты лишилась разсудка, то мой долгъ остаться здѣсь и слѣдить за порядкомъ.

— Оставайся, если хочешь извести и насъ съ отцомъ,—отвѣтила старуха. Она вышла вмѣстѣ съ Лоттой, а старикъ съ плачемъ

упалъ въ кресло. Въ зеркальной комнатѣ стояла Лотта съ опущенною головою и въ первый разъ въ жизни держала руку гордой хозяйки. Молодую дѣвушку глубоко тронуло то, что всегда своенравная старуха теперь отнеслась къ ней съ сочувствіемъ.

— Простите,—сказала Лотта умоляющимъ тономъ,—что я внесла раздоръ въ вашъ домъ.

— Оставьте это! Тамъ, гдѣ Розалія, никогда не бываетъ мира. Скажите, гдѣ найти бѣднаго Феликса? Я хотѣла бы хоть отчасти исправить то, въ чемъ виновата передъ нимъ безсердечная Розалія.

— Нѣтъ, нѣтъ, я прошу васъ, не дѣлайте этого,—возразила Лотта.—Прошрое для него кончено и всякое напоминаніе страшно волнуетъ его. Скоро ему ничего не надо будетъ!

— Ну, какъ хотите. Миѣ его, все-таки, жаль. Будьте счастливы, дитя мое!

Молодая дѣвушка ушла въ свою комнату, уложила немногія вещи, и въ то время, какъ двѣ служанки сносили внизъ ея корзину, хозяйка послала лакея за экипажемъ. Старикъ увидѣлъ въ окно подъѣхавшую карету и тревожно оглядѣлся кругомъ.

— Мамочка,—произнесъ онъ, наконецъ,—я подарю ей на прощанье Библію.

Роскошное изданіе съ иллюстраціями Доре лежало украшеніемъ на столѣ.

— Отецъ, ты окончательно одурѣлъ!—съ досадою воскликнула Розалія.

Но госпожа Аутенритъ спокойно отвѣтила:

— Ну что-жь, старикъ, подари. Я тоже куплю что-нибудь и пошлю ей.

Старикъ радостно вскрикнулъ, схватилъ книгу и поспѣшилъ въ прихожую. Лотта, уже сидѣвшая въ каретѣ, съ умиленіемъ приняла подарокъ. Старикъ стоялъ у калитки и махалъ платкомъ, пока экипажъ не скрылся изъ вида. Черезъ полчаса Лотта подъѣзжала къ уютному домику въ Зауэрбрунѣ.

XI.

По настоянію доброй канторши Гугельхопфъ и Мартына, Феликсъ согласился на то, чтобы его перевели въ домъ канторши. Ночью разыгралась сильная буря и слѣдующій день былъ такой холодный и сырой, что Феликсъ не могъ выйти въ садъ.

Бъ утру кашель больного замѣтно усилился и Павлу Крауссъ было дано порученіе захватить изъ Росталя морфій. Феликсъ сидѣлъ у открытаго окна въ креслѣ, защищенномъ отъ вѣтра шир-

мами; передъ нимъ на столикѣ красовался принесенный Лоттой букетъ изъ бѣлыхъ и красныхъ розъ. Феликсъ принялъ его съ благодарностью, но радости онъ не доставилъ ему. На его губахъ вертѣлся отвѣтъ: «если бы ты принесла мнѣ всѣ розы міра, онѣ не замѣняютъ твоей любви». Но онъ промолчалъ, и Лотта скоро оставила его одного. Въ пять часовъ съ поѣздомъ пріѣхалъ въ Зауэрбрунъ Гансъ Бундшу навѣстить больного. Онъ привезъ неожиданный подарокъ: уменьшенную копію своей большой картины «Христосъ и Іоаннъ». Художникъ развернулъ картину въ великолѣпной рамѣ и повѣсилъ на стѣну противъ больного. Растроганный Феликсъ пожалъ руку Ганса.

Вершины деревьевъ озарились заходящимъ солнцемъ. Канторша попросила Лотту спѣть. Зная, что Феликсъ услышитъ, дѣвушка выбрала вечернюю пѣснь Кинкеля. Внизу окна тоже были открыты, и чистые, нѣжные звуки торжественной пѣсни неслись наверхъ къ Феликсу, точно желая убаюкать его душу. И въ самомъ дѣлѣ, его мученія выразились слезами, которые медленно катились по щекамъ изъ закрытыхъ глазъ. Но когда смолкла пѣснь, Феликсъ громко застоналъ; уже ничто не могло облегчить страданій его больного сердца. Художникъ пытался утѣшить его. Феликсъ сдѣлалъ надъ собою энергичное усиліе.

— Простите, Гансъ, что я веду себя недостойно мужчины. Я не гожусь больше для людскихъ глазъ. О, еслибъ я могъ скрыться въ пещеру и изойти тамъ кровью, какъ раненый звѣрь!

Вскорѣ пришелъ Мартынъ и обрадовался, увидѣвъ изображеніе Іоанна. Полюбовавшись картиной, онъ приблизился къ столу и наклонился надъ букетомъ розъ.

— Нравятся онѣ тебѣ?—съ грустною улыбкой спросилъ Феликсъ.

— Цвѣты? Да, они красивѣе, чѣмъ въ нашемъ саду. И ихъ принеси тебѣ другъ Бундшу?

— О, нѣтъ!—возразилъ художникъ.

— Возьми ихъ, Мартынъ. Они твои,—тихо проговорилъ Феликсъ.

— Мои?—изумленно спросилъ Мартынъ.

— Да, твои. Они отъ Лотты.

Мартынъ вопросительно взглянулъ на больного. Онъ догадывался, что подразумѣвалъ Феликсъ, и огорчился.

— Всѣ розы Лотты принадлежать тебѣ, Мартынъ,—продолжалъ больной.

Въ его словахъ звучала безысходная тоска.

— О, Феликсъ, Феликсъ!—воскликнулъ взволнованный Мартынъ. Больной улыбнулся.

— Это мое завѣщаніе и это все, что я могу завѣщать.

Гансъ Бундшу, не понимавшій значенія этой сцены, виѣшался, наконецъ:

— Дѣти, дѣти! Не слушайте другъ друга! Радуйтесь, Феликсъ, розамъ, пока онѣ цвѣтутъ, а вы, другъ Мартынъ, не позволяйте ему предаваться тоскѣ. Зачѣмъ вы допустили это печальное украшеніе, эти лотерейные билеты, которые онъ наклеилъ на ширмы? Точно въ кельѣ кающагося грѣшника. Надо вѣрить въ жизнь, Феликсъ. Истина и красота безсмертны.

— Но мои глаза смертны,—возразилъ больной.

ХІІ.

Пасторша Крауссъ направилась въ кабинетъ Мартына, гдѣ ея сынъ готовилъ уроки. Она любила разсматривать его тетради и слѣдить за успѣхами. Выбравъ всѣ книги изъ портфеля, мать увидѣла на днѣ небольшой свертокъ.

— Это что такое, Павелъ?

— Ахъ, я совсѣмъ забылъ!—воскликнулъ мальчикъ.— Это пузырекъ съ морфіемъ для Феликса.

— Слѣдовало раньше подумать, дитя мое,—съ ласковымъ укоромъ проговорила мать.—Отнеси скорѣе наверхъ.

Мальчикъ выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ минуту стучалъ въ дверь больного.

— Вотъ, Феликсъ, твой морфій,—сказалъ онъ, входя.— Не сердись, что я не принесъ раньше.

— Благодарю, мой мальчикъ. Ты еще не опоздалъ.

Феликсъ взялъ свертокъ и погладилъ кудрявую головку мальчика.

Павелъ замѣтилъ картину и съ восклицаніемъ восторга подбѣжалъ къ ней:

— Ахъ, Феликсъ, Феликсъ! Какъ хорошъ ты былъ, когда пришелъ къ намъ въ первый разъ!

Больной развернулъ пузырекъ и поставилъ на столъ. Его взглядъ упалъ на печатный листъ, въ который было завернуто лѣкарство. Грустная тѣнь набѣжала на его лицо.

— Что попалось вамъ въ руки?—спросилъ Бундшу, замѣтивъ перемѣну въ лицѣ больного.

— Какъ грозные призраки насъ по пятамъ преслѣдуютъ наши глупости,—возразилъ Феликсъ,—и когда мы менѣе всего ожидаемъ, тогда они появляются, пугая насъ. Это—списокъ выигрышей

той лотереи, на которую я возлагалъ свои надежды, пока не обезумѣлъ, наконецъ!—и онъ съ презрѣніемъ бросилъ листъ на столъ. Но, точно магическою силой, онъ притягивалъ Феликса.—Безумецъ тотъ, кто милостью случая, а не собственными силами, надѣется достигнуть счастья,—произнесъ онъ и по странному противорѣчію со словами протянулъ руку за листомъ.

Вдругъ лицо Феликса оживилось и глаза заблестѣли.

— Удивительное совпаденіе!—воскликнулъ онъ.—Это отчетъ того розыгрыша, который происходилъ во время моего сидѣнья въ тюрьмѣ. Онъ никогда не попадался мнѣ въ руки, такъ какъ я потерялъ билетъ, а когда послѣ нашелъ его, то считалъ ненужнымъ убѣждаться въ томъ, что опять не выигралъ. Теперь списокъ самъ является въ домъ. Это похоже на чудо.

— Билетъ находится въ числѣ коллекціи на ширмахъ?—спросилъ художникъ.

— Конечно. А я держу въ рукахъ ключъ къ тайнѣ счастья. Ставить ли вопросъ судьбѣ?

— При этихъ условіяхъ непремѣнно!—въ одинъ голосъ отвѣтили друзья.

Феликсъ колебался съ минуту, потомъ скомкалъ листъ и швырнулъ въ уголъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Довольно разочарованій! Я хочу спокойно умереть!

Послѣ нѣкотораго раздумья Мартынъ одобрилъ поступокъ Феликса.

— Меня радуетъ, что ты одержалъ побѣду надъ собой. Случай—самый ненадежный другъ, какому только человѣкъ можетъ довѣриться.

Феликсъ вздохнулъ.

— Это не побѣда. Теперь счастье явилось бы слишкомъ поздно.

Полюбовавшись картиной, Павелъ по дѣтской привычкѣ началъ расхаживать по комнатѣ. Наконецъ, онъ незамѣтно завладѣлъ брошеннымъ листомъ, подкрался на ципочкахъ къ ширмамъ за кресломъ больного и сталъ сличать билеты съ номерами выигрышнаго списка. Вдругъ онъ громко закричалъ:

— Ура, ура! Феликсъ, ты выигралъ главный выигрышъ. Сто тысячъ марокъ!

Всѣ были поражены. Феликсъ откинулся назадъ съ закрытыми глазами и болѣзненнымъ стономъ. Гансъ и Мартынъ поднялись и, въ то время, какъ баварецъ суетился около больного, художникъ подошелъ къ мальчику, который держалъ руку около выигравшаго билета.

— Вѣрно,—подтвердилъ онъ слова мальчика.—Билетъ выигралъ 100 тысячъ марокъ.

Мартынъ озабоченно покачалъ головой.

— Когда произошелъ розыгрышъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Три года тому назадъ,—отвѣтилъ художникъ, взглянувъ на листъ.

— Три года!—повторилъ Мартынъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ ширмамъ и прочиталъ примѣчаніе внизу билета: «Выигрыши, не полученные въ теченіе двухъ лѣтъ со дня розыгрыша, поступаютъ въ пользу фонда». Выигрышъ пропалъ годъ тому назадъ.

Феликсъ закрылъ лицо руками и воскликнулъ съ отчаяніемъ:

— О, мое загубленное счастье! Загубленная жизнь!

Больной упалъ на подушку и съ нимъ начался глухой кашель; вслѣдъ затѣмъ изъ его рта хлынулъ потокъ крови. Феликсъ задыхался и страшно облѣднѣлъ. Друзья растерялись. Мартынъ держалъ ослабѣвшаго друга, а Гансъ старался удержать платкомъ кровавый потокъ. Оба съ тревогой ждали признаковъ облегченія на его искаженномъ лицѣ. Вдругъ оно проявилось, руки безсильно повисли и истрадавшаяся голова съ хриплымъ вздохомъ упала на плечо Мартына.

Молодые люди еще не понимали, не хотѣли понимать того, что случилось. Они положили Феликса на кровать и Мартынъ послалъ рыдающаго мальчика за своею матерью, отъ опытности которой ожидалъ помощи. Но когда пришли навѣрхъ женщины, на бѣломъ одѣялѣ уже мирно покоился преждевременно угасшій страдалецъ, и Мартынъ дрожащею рукой закрылъ глаза другу.

XV.

Черезъ два дня послѣ похоронъ Феликса Лотта уѣхала къ профессоршѣ Фѣрь, которая давно приглашала ее. Мартынъ со смерти Феликса не разговаривалъ съ ней и только безмолвнымъ пожатіемъ руки выразилъ свое сочувствіе; онъ съ грустью проводилъ Лотту и только позднѣе узналъ, что она живетъ въ домѣ друзей не гостьей, а воспитательницей дѣтей. Прошелъ годъ, а Лотта не возвращалась домой. Обѣ вдовы часто высказывали, какъ онѣ стосковались о дѣвушкѣ, только Мартынъ не говорилъ о своихъ чувствахъ. Онъ много и прилежно работалъ до лѣтнихъ каникулъ и затѣмъ уѣхалъ путешествовать.

Стоялъ чудный лѣтній день, когда Мартынъ прибылъ въ тюрингскій городокъ въ горахъ, гдѣ Фѣры проводили каникулы. Онъ скоро разыскалъ ихъ домъ. Супруги сидѣли вдвоемъ въ садовой бесѣдкѣ, а Лотта съ дѣтьми отправилась на вершину горы, въ рощу.

Мартынь разспросилъ дорогу и черезъ нѣсколько минутъ быстрыми шагами поднимался въ гору. Взгляды супруговъ встрѣтились послѣ его ухода и профессоръ многозначительно улыбнулся.

— Да, — сказала ему въ отвѣтъ жена, — тотъ, кто счастливъ, получаетъ невѣсту. Мой бѣдный Феликсъ во всемъ терпѣль неудачу.

— Но, дорогая моя, кто же счастливъ?

— Да Мартынь, милый мой.

— Конечно, Мартынь, но почему? Потому, что онъ мужчина, не такъ ли? Счастьемъ обладаетъ тотъ, кто умѣетъ удержать его, а удержать его можетъ тотъ, кто достоинъ его.

— Неужели же ты думаешь, — спросила жена, — что Лотта такъ холодно и разсудительно обдумывала, кому отдать сердце?

— Нѣтъ, я, напротивъ, думаю, что сердце руководить ея разсудкомъ. Вѣдь, и она дочь Евы. Но ея сердце не могло иначе рѣшить. Хорошая женщина выбираетъ хорошаго мужа.

Профессорша задумалась.

— Вы были слишкомъ строги къ Феликсу, всё, и ты, и она, и вся жизнь. Въ его крови было не желѣзо, а чистое золото. Онъ далъ бы міру нѣчто великое, если бы надъ нимъ не тяготѣлъ злой рокъ. Я никогда не перестану горевать объ этомъ благородномъ, убитомъ жестокою судьбой, юношѣ.

Мартынь достигъ вершины горы и увидѣлъ прелестную картину: на дерновой скамейкѣ сидѣла Лотта, такая же прекрасная, какъ и прежде, и къ ней прижались дѣти, внимательно слушая сказку. Дѣвушка какъ будто почувствовала близость друга, повернулась въ его сторону и радостно воскликнула. Мартынь бросился къ ней и схватилъ ея руки.

— Лотта, милая Лотта, ты рада, что я пріѣхалъ?

И, заглянувъ въ глаза дѣвушки, Мартынь прижалъ ее къ груди. Пробывъ еще немного въ безмолвномъ лѣсѣ, молодые люди, полные тихаго счастья, спустились въ долину; впереди бѣжали дѣти.

— Мартынь, — сказала Лотта, спускаясь съ нимъ подъ руку по тѣнистой лѣсной тропинкѣ, — ты отвезешь меня завтра къ нашимъ? Я весь годъ тосковала.

— Тосковала и, все-таки, уѣхала отъ насъ?

Дѣвушка спрятала лицо на его плечъ и прошептала:

— О, Мартынь, иначе я выдала бы тебѣ, какъ люблю тебя.

— А Феликсъ? — тихо спросилъ онъ.

Лотта прямо взглянула на него; ея глаза сдѣлались влажны и она едва слышно проговорила:

— Мечта!

НА ЗАРЪ*).

(Романъ).

IV.

Подъ гнетомъ.

Таня Рощина сидѣла на кровати въ больничной комнатѣ пансіона и довольно разсѣяннo слушала веселую болтовню заглянувшей къ ней подружки. Теперь, когда она оправилась, такіе визиты разрѣшались легко обѣими сестрами, старавшимися разными льготами кое-какъ смягчить происшедшее. Онѣ сорвали зло, и съ нихъ было довольно. По правдѣ говоря, обѣ не рассчитывали, чтобы разъясненіе тайны взволновало и потрясло дѣвушку до нервной горячки. Исключать ее изъ пансіона онѣ, конечно, тоже не думали, — слишкомъ большой скандалъ исключать выпускную, — скандалъ, во всякомъ случаѣ, неудобный для заведенія, да, къ тому же, это было бы и опасно по отношенію къ генералу Щорину. Шутка ли, вооружить противъ себя такое важное и вліятельное лицо! Сестры и такъ уже волновались, гадая, какъ онѣ приметь извѣстіе о причинѣ болѣзни дочери, когда узнаетъ все. Впрочемъ, вдова сержанта гвардіи приготовилась уже какъ нельзя лучше, казалось. Она сдѣлаетъ грустно-укоризненное лицо, углы губъ слегка раздвинетъ нѣжно-покорною улыбкой, закатитъ глаза и, поднявъ руки, скажетъ разгнѣванному отцу тономъ, полнымъ достоинства: «O, mon général! — c'était mon devoir! Да, она исполнила священнѣйшій долгъ нѣжно-материнскаго сердца! Мистифицировать... обманывать дольше это très chère et bonne enfant, — о, у нея не хватило силъ на это, когда она просила объясненій! Ее такъ мучила тайна, такъ мучила!...»

*) Русская Мысль, кн. XI.

И страстно любящій, нѣжный и мягкій отецъ, и безъ того постоянно угнетаемый мыслью о неловкомъ положеніи своей любимицы и сознаниемъ какъ бы вины своей предъ нею, конечно, сконфузится и тепло поцѣлуетъ унизанную кольцами руку благородной вдовы. А пока и она, и Эвелина дѣлали этому *bon enfant* съ поблѣднѣвшимъ, осунувшимся личикомъ самыя ангельскія улыбки.

Но эти улыбки и ласки были каплями расплавленного свинца, которыя падали на растравленную и безъ того рану. Дѣвушку онѣ терзали сильнѣе самой грубой, самой жестокой суровости. Подавленная своимъ позоромъ, который казался ей безграничнымъ, она встрѣчала ихъ какъ невыразимо больную жалостливость къ себѣ, къ... «такой»... со стороны тѣхъ, къ кому до сихъ поръ относилась враждебно, предъ кѣмъ, можетъ быть, не разъ была виноватой, вообще «скверной, ахъ, такой скверной!» Эта жалостливость невольно вызывала чувство благодарности, усугублявшей и сознание самого позора, и своей вины въ прошломъ. Вообще, придя въ себя, оправившись отъ болѣзни, дѣвушка не узнала въ себѣ прежней Тани, бойкой и рѣзвой, — она какъ будто совсѣмъ даже забыла ту, прежнюю. Переломъ былъ рѣзкій и сильный, онъ провелъ бездонную грань между прошлымъ и настоящимъ и лежавшее за этою гранью прошлое отодвинулось куда-то далеко-далеко, точно потонуло въ туманѣ и увлекло съ собой прежній образъ... Даже вспомнить было невесело это прошлое, — воспоминаніе подчеркивало тяжесть настоящаго. И не только было невесело вспоминать прошлое, но порой даже ужасно и стыдно... Вспоминая прежнюю Таню, теперешняя краснѣла до корня волосъ, закрывала отъ стыда лицо и, качая укоризненно головой, съ ужасомъ и скорбью шептала самой себѣ гдѣ-то глубоко-глубоко спрятаннымъ голосомъ: «Ахъ, ахъ, такая... такая... дитя несчастья и позволяла себѣ такія вещи, ахъ!» Ее дѣйствительно охватывалъ ужасъ отъ сознанія позора, котораго, казалось, стыдились и окружавшія ее стѣны. Поэтому и посѣщенія бывлыхъ подругъ, на дружбу которыхъ, какъ ей казалось, она уже не имѣла права, которыя ничего не знали, а узнай — навѣрное отвернулись бы съ презрѣніемъ, отъ которыхъ нужно было таить обманъ, — эти посѣщенія не приносили съ собой ничего, кромѣ боли, мукъ для стыда и самолюбія и обиды для врожденной гордости. Дѣвушка была слишкомъ чиста и правдива, чтобы выносить долго такое положеніе и, — будь что будетъ! — такъ или иначе, она рѣшила съ нимъ покончить. Сидя теперь на кровати, блѣдная, съ большими темными кругами подъ глазами, еще слабая, она какъ-то робко, полусконфуженно

слушала веселую беззаботную болтовню подруги, продолжая, въ то же время, точно двоясь, обдумывать свое. «Ахъ, какъ она счастлива!» — грустно шевелилось въ ней, въ то же время, безъ зависти, а такъ, какъ оно шевелится у человѣка, потерявшаго что-нибудь крайне дорогое и близкое, къ другу, который старается его развлечь.

— Но ты уже совсѣмъ оправилась, Таня, совсѣмъ, — говорила весело Ларская, — и можешь уже выйти. Вотъ только волосы... Ахъ, какъ мнѣ жаль твои длинныя косы! Ахъ, какъ жаль!

Таня машинально провела рукой по остриженнымъ волосамъ. Она совсѣмъ забыла, что косы пришлось обрѣзать во время болѣзни... Вотъ, есть о чемъ жалѣть! Это безучастіе подчеркнуло ей разницу между прежнимъ и настоящимъ и глубокая складка легла между темныхъ бровей.

— Ахъ, да, волосы, говоришь!... Ну, Богъ съ ними, Саша!

— Что съ тобой, Таня? Какъ это ты не жалѣешь? — изумилась подруга. — Ты совсѣмъ какая-то другая стала послѣ болѣзни.

— Да, другая, — и Таня залилась румянцемъ.

— Что же съ тобой?

— Это тайна, Саша.

— Тайна? — насторожилась Ларская. Слово «тайна» имѣло магическое значеніе въ пансіонѣ. — Какая тайна?

Таня покачала головкой.

— Я не могу сказать, но ты узнаешь, все узнаешь... Только сдѣлай, что я тебя попрошу... Сдѣлаешь? — говорила она вся красная.

— Ну, конечно.

— Принеси мнѣ сюда мое платье, только не форменное, Саша, а темное съ полосками, зонтикъ, шляпу и пальто... Къ вечеру... Хорошо?

— Принесу...

— И устрой такъ, чтобы я могла выйти.

— Какъ, совсѣмъ? Изъ пансіона?!

— Ну, да.

Тайна становилась слишкомъ жгучею; Ларская задыхалась.

— Но это невозможно!... Если узнаютъ... Ты знаешь, этотъ Антонъ всегда сторожить...

— Ну, другимъ ходомъ, черезъ кухню, или, еще лучше, чрезъ гостиную, какъ ходятъ знакомые къ «пеструшкѣ»... Мнѣ непременно нужно, Саша, непременно...

Обѣ заломали ручки одна отъ волненія, другая отъ жгучаго любопытства и остраго желанія услужить.

— Ты... къ жениху? — нерѣшительно спросила Ларская, не выдержавъ.

Таня вздрогнула, точно бы вспомнила что-то, и краска ея исчезла.

— Къ жениху? Ахъ, да... ты думаешь, къ Сергѣю?... Нѣтъ, нѣтъ, — заговорила она все быстрее, точно отгоняя отъ себя кошмаръ, — нѣтъ, вовсе не къ нему... Я скажу тебѣ... Миѣ нужно къ дядѣ, понимаешь... къ... къ... — и жгучія слезы потекли сами собою изъ ея глазъ.

— Къ дядѣ... домой?

Обѣ плакали. Ларская была хорошею подругой и обладала крайне мягкимъ сердцемъ. Таня шептала ей, обнимая: «Ты все узнаешь, все узнаешь», а та, плача и успокоивая, въ то же время, увѣряла, что сдѣлаетъ все. Въ сущности, ее подзадоривала и эта тайна, и самый побѣгъ, и сопряженные съ нимъ хлопоты... А насолить Эвелинѣ и важной вдовѣ — развѣ этого мало? Но она, все-таки, сдѣлала попытку хоть чуточку приподнять завѣсу тайны.

— Зачѣмъ тебѣ къ дядѣ? Тебя и не думаютъ исключать... *Они*, напротивъ, ухаживаютъ теперь за тобой, Таня... Какъ лизалась утромъ Эвелина, — забыла ты? Или ты насчетъ жениха?

Но Таня, плача, шептала все одно и то же: «Ты узнаешь, ахъ, ты узнаешь!» — и подругѣ осталось, сдержавъ острое любопытство, заняться планомъ, который созрѣлъ какъ-то вдругъ, точно совсѣмъ невзначай. Къ «нѣмкѣ» сегодня вечеромъ должна придти ея племянница Матильда, и, закрывшись густою вуалью, можно будетъ легко проскользнуть ходомъ классныхъ дамъ, въ особенности, если отвлечь куда-нибудь горничную Фросю.

— Я ушлю ее за пирожками... да, да... это самое лучшее! За гривенникъ... она хоть въ воду! — шептала Ларская, задыхаясь отъ волненія. Она вошла въ задуманное дѣло вся, цѣликомъ, и уже относилась къ нему такъ же страстно, точно это было ея личное дѣло. Не удивительно, что она внесла въ него и много своего, личного, объясняя неизвѣстное, какъ подсказывало воображеніе... По крайней мѣрѣ, черезъ какой-нибудь часъ всѣ «старшія» стали какъ-то необычайно важны, многозначительно переглядывались и таинственно шептали другъ другу:

— Ты знаешь... сегодня вечеромъ должно случиться одно... ужасно важное... ахъ, ужасно, ужасно важное...

— Я знаю... Рощина бѣжить отъ притѣсненій...

— Тсс!... Ну, да!... Хи, хи, хи! Завтра, навѣрное, будетъ не до грамматики. Не нужно повторять неправильныхъ глаголовъ...

— И lecture то же... Я не буду учить *poésies* для мадамъ...

— Хи, хи, хи... конечно!... Тсс!... Silence!... Эта Эвелина всюду шныряет... Учи, учи... «Подшвы альпійскихъ горъ покрыты виноградниками... Женевское озеро съ его берегами... и красота мѣстоположенія»... Гм... гм... Ушла, наконецъ, змѣя!... Это завертится завтра!

И сквозь общій шмелиный гулъ зубренія то и дѣло прорывалось сдержанное, но неудержимо-веселое: хи, хи, хи!

Позднимъ вечеромъ Таня Рощина въ первый разъ очутилась одна на широкой и довольно пустынной въ этотъ часъ улицѣ. Выскочивъ за дверь, она повернула, не разбирая куда, и пошла быстрыми шагами, какъ бы спасаясь отъ погони. Два-три прохожихъ посмотрѣли ей вслѣдъ, одинъ что-то промурлыкалъ надъ самымъ ея ухомъ, но она ничего не замѣчала и не слышала. Въ ушахъ у нея стоялъ звонъ, глаза и щеки горѣли, возбужденіе было такъ велико, что она совсѣмъ не ощущала слабости и безъ усталости спѣшила. Только забредя въ какой-то переулокъ, глухой и темный, выходящій на одинъ изъ бульваровъ, она опомнилась и, оглянувшись кругомъ, убѣдившись, что никакой опасности нѣтъ, успокоилась, вздохнула полною грудью и вдругъ улыбнулась... Противный пансіонъ исчезъ, — она была одна... совсѣмъ одна на просторѣ и широкой волѣ.

Тутъ она почувствовала усталость и пошла къ бульвару, чтобы присѣсть на скамейку; до поѣзда, она знала, оставалось еще довольно времени. Бульваръ былъ почти пустъ, рѣдкіе фонари мерцали тускло, подъ деревьями на скамейкахъ стояла густая тьма. Таня юркнула и присѣла рядомъ съ какою-то женщиной, одѣтой въ щеголеватые лохмотья, съ видимою претензіей на эффектъ. Та какъ будто дремала, но, разбужженная дѣвушкой, повернулась и долго всматривалась въ нее.

— Прогуляться вышли?

— Да, гуляю, — робко отвѣтила Таня и сердечко ея вновь заколотилось сильно.

— Миленькаго, чай, поджидаете? Ха, ха, ха!

Полупьяная незнакомка говорила хриплымъ голосомъ и смѣхъ ея походилъ на судорожный взвизгивающій кашель.

— Никого я не поджидаяю! — рѣзко и обидчиво отрѣзала вспыхнувшая дѣвушка. — Оставьте меня!

— Ишь, царевна-недотрога какая, — съ раздраженіемъ заговорила незнакомка, — еще, подумаешь, нивѣсть кто... А хвостъ - то, поди, давно оттрепала... Зна-а-емъ мы нашу сестру, сама тоже,

поди, была негдася честная, а теперь, вонъ, гулящей стала... Тоже вотъ такъ-то, съ гуляньевъ-то этихъ...

Таня сдѣлала движеніе, чтобы встать: ее охватилъ испугъ. Она знала, что есть какія-то ужасныя созданія, которыхъ зовутъ почему-то «эти», о которыхъ не говорятъ громко, и угадывала инстинктомъ, что передъ нею теперь именно одна изъ «этихъ». Но несчастная, замѣтивъ ея движеніе, съ перемѣнчивостью пьяныхъ, сейчасъ же заговорила жалобно:

— Чего ты, чего боишься?... Я, вѣдь, такъ, милая барышня, не по злобѣ... Жалко мнѣ, очень ужъ жа-а-лко... Вижу, молодая, — ну, и пожалѣла... Трудно ли нашей сестрѣ на грѣхъ наскочить!... Тоже, вѣдь, я изъ отцовской семьи, у хорошаго отца дочь была, а вотъ чѣмъ стала... Пожалѣй ты меня, барышня, гривенничекъ на папиросы дай. Право, дай... Папенька съ маменькой, чай, денежекъ не жалѣютъ.

Таня сунула ей въ руку деньги и, не слушая благодарности и скорбныхъ изліяній о грѣхѣ, на который такъ легко наскочить каждой, почти полетѣла вдоль бульвара. Въ ушахъ у нея отдавались только слова: «дочь хорошаго отца», «изъ отцовской семьи», которыхъ она раньше никогда не слышала, а теперь не смѣла даже повторить. Кто же она такая, если у нея нѣтъ такой семьи, какъ у той, если она не можетъ даже сказать про себя, что она «изъ семьи»? «Дочь несчастья, ахъ, дочь несчастья!» — шевелилось въ ней глухо, наполняя испугомъ и стыдомъ. Она остановила проѣзжавшаго извозчика, вскочила въ пролетку и, все еще содрогаясь, приказала везти себя къ вокзалу.

Тамъ, въ толпѣ, въ суетѣ и шумѣ залитой огнями залы, ей стало легче. Вернулась только боязнь быть узнанной, настигнутой, и каждый разъ, когда скрипѣла дверь, дѣвушка тревожно вздрагивала, озираясь, не является ли кто-нибудь изъ пансіона. Она пригурнула въ креслѣ въ болѣе темномъ углу и, закрытая густою вуалью, напряженно ждала звонка. Наконецъ, послѣ неимоверно томительнаго ожиданія, онъ пробилъ. Она вскочила, суетливо выбѣжала на платформу, вскочила въ ближайшій вагонъ и, усѣвшись у окна, все еще, казалось, чего-то тревожно ждала. Только когда раздался сигнальный свистокъ и поѣздъ, скрипя, двинулся, сначала медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе, она легко вздохнула и съ плечъ ея, казалось, скатилась давившая ее тяжесть.

Шумя и грохоча, точно прорѣзая неподвижную ночную мглу, которая опять сейчасъ же сливалась за нимъ, мчался поѣздъ отъ станціи къ станціи, съ остановками, звонками, смѣной пассажи-

ровъ, отдѣльными выкриками кондукторовъ. Дѣвушка не спала, хотя и сидѣла съ закрытыми глазами, но она и не думала ни о чемъ. Мысль не шевелилась, голова, усталая отъ долгой напряженной работы, точно застыла, ощущенія замерли, нервы ужъ слишкомъ изстрадались, сонъ не приходилъ. Это былъ кошмаръ крайней усталости и угнетенія... Куда она ѣхала и зачѣмъ? На первое она могла бы отвѣтить опредѣленно, на второе—врядъ ли. Нужно было уйти изъ пансіона, гдѣ оставаться дольше стало невыносимо; нужно было куда-нибудь броситься, что-нибудь сдѣлать; нужна была ласка, нужно было подѣлиться съ кѣмъ-нибудь, выплакаться, объяснить, наконецъ, разузнать все,—все, и кто она такая, и какъ ей быть дальше... Нужно было... ахъ, многое, многое еще нужно было!... А, можетъ быть, еще и не правда все это... И гдѣ же найти ей и узнать, какъ не у старика... дяди... или... или... отца, который такъ любилъ ее, такъ баловалъ, пріѣзжая въ городъ; съ самаго дѣтства былъ для нея всѣмъ,—цѣлою семьей и единственнымъ, казалось, звеномъ, связывавшимъ ее съ этимъ громаднымъ, шумнымъ свѣтомъ. Что выйдетъ изъ этой поѣздки, что она принесетъ съ собою, объ этомъ дѣвушка не подумала ни разу. Удивится, вѣроятно, дядя... очень удивится...

Правда, изрѣдка предъ ней выплывалъ другой образъ,—выплывалъ точно также внезапно и на мгновеніе, какъ и отдѣльные огни сторожевыхъ будокъ въ густой мглѣ ночи. О немъ еще утромъ говорила подруга... Она могла бы пойти и къ Сергѣю, могла бы... онъ писалъ ей такія страстныя, полныя отчаянія письма, тихонько переносимыя горничной пансіона... Но... Сергѣй не зналъ ничего... у него она врядъ ли такъ выплакалась бы... у него... у него... Нѣтъ, ея любовь къ нему, казалось, затушевалась открытою тайной и растаяла въ этомъ морѣ позора... Развѣ *такою* она можетъ пойти къ нему?

Она отъ всего откажется, но не возьметъ жалости, сожалѣнія, ничего такого, что будетъ похоже на добрую милость... Ни за что! Ей самой всегда хотѣлось жалѣть другихъ... Да и какъ же выговарять ея уста: «я не та, за кого ты принимаешь меня... я... я... *такая*...»? Написать—дѣло другое, и она напишетъ, непременно напишетъ, но сказать... Дѣвушка даже застонала отъ одной этой мысли, какъ-то случайно вынырнувшей изъ общаго хаоса оцѣпенѣнія.

— Что это съ вами, барышня, нездоровится, а?

Таня съ удивленіемъ открыла глаза. Къ ней наклонилось молодое, улыбающееся лицо сосѣда съ рыжеватою жиденькою бородкой

и добродушно-тревожно ждало отвѣта. Она еще всматривалась удивленно и собиралась съ мыслями.

— Нездоровится?—продолжалъ сосѣдъ, пристально оглядывая ея блѣдное лицо. — Не извольте тревожиться, не извольте тревожиться, я самый мирный сосѣдъ—земскій врачъ Колдуновъ... Вы такъ застонали, барышня...

— Нѣтъ, я *такъ*... Мерси, — отвѣтила, наконецъ, дѣвушка и сразу какъ-то, и по улыбкѣ, и по тону, почувствовала, что это, дѣйствительно, и мирный, и хорошій сосѣдъ.—Я *такъ*...

— Ну, коли такъ, тѣмъ лучше!—весело уже говорилъ Колдуновъ и его сѣрые глаза тоже свѣтились весельемъ.—Самое лучшее!... Хворать въ пути—последнее дѣло, барышня!... Однако, позвольте пульсикъ... вотъ... вотъ!... Не хорошій пульсъ, слабый!—качалъ онъ головой.—Далеко изволите ѣхать, барышня?

Таня назвала большую узловую станцію.

— Знаю... знаю, самъ туда стремлюсь... Будемъ раннимъ утромъ, цѣлая ночь впереди... Спать, небось, хочется, а, барышня?

— Негдѣ.

Добродушный сосѣдъ располагалъ ее къ себѣ все больше и больше своею непринужденною простотой.

— Какъ негдѣ?... Помилуйте, это мы сейчасъ же устроимъ... Есть у васъ съ собой, конечно, подушка, пледъ...

— Нѣтъ,—отвѣтила Таня и сконфузилась.

— Нѣтъ? Ну, и это не бѣда, найдется. Авсентьевъ, слушай, Авсентьевъ, оставь своего «Рикардо»; еще воспаленіе наживешь при такомъ освѣщеніи. Развяжи-ка, братъ, мой узелъ... Этоть, этоть...

Дѣвушка даже растерялась отъ такой услужливости и сконфуженно стала увѣрять, что ей не нужно, что и спать она не хочетъ, но врачъ не обратилъ на эти слова ни малѣйшаго вниманія.

— Какъ не спать, помилуйте! Вотъ еще!

Молодой человѣкъ, котораго онъ называлъ Авсентьевъ, досталъ изъ узла пледъ и подушку и оба стали устраиать ложе.

— Ложитесь-ка, ложитесь, барышня! — говорилъ Колдуновъ, уступая свое мѣсто и сядя съ насупотивъ.—Вотъ такъ... Бай, бай, доброй ночи.

— Право, мнѣ совѣстно,—говорила Таня, укладываясь на скамейкѣ, улыбаясь и краснѣя.—Право, совѣстно... А вы же сами какъ... или вашъ другъ?

— О, не безпокойтесь, барышня! Укладывайтесь, укладывайтесь получше, вотъ такъ! Какъ земскій врачъ, я сплю во всякихъ

положеніяхъ, ну, а сему счастливцу не до сна, его и не оттянешь отъ книги...

— Счастливецъ?—спросила съ любопытствомъ дѣвушка, вглядываясь въ Авсентьева.

— А то какъ же, барышня?... Давно ли кончилъ курсъ, а ужъ получаетъ командировку за границу... Чего лучше? Вотъ какъ мы идемъ—быстро! Съ отличіемъ кончили и такъ же продолжать думать!—говорилъ Колдуновъ, любовно оглядывая невысокую, коренастую фигуру друга и точно хвалясь имъ.—Каковъ малый, а?

— У него глаза какіе-то... и лобъ тоже хорошъ, но глаза...

— Пронзительные?

— Нѣтъ, не то,—затруднялась Таня,—а такъ... ясные,—нашла она, казалось, подходящее слово.—Какъ будто говорятъ...

Что-то она еще сказала, Колдуновъ отвѣтилъ, Авсентьевъ тоже какъ-то вмѣшался въ разговоръ, но у ней все спуталось и она ничего не помнила. Кажется, на нее смотрѣли два ясные глаза, потомъ выросли вдругъ, потомъ потухли, еще какъ будто вспыхнули разъ и затѣмъ... затѣмъ она уже спала.

— Кто такая будетъ, какъ думаешь? — шепотомъ спросилъ Колдуновъ, ударивъ друга ладонью по колѣну.—Изъ какихъ, а?... Такъ и не разспросилъ... Ишь, бѣдняжка, какъ быстро заснула!

Авсентьевъ оставилъ книгу и взглянулъ на спавшую.

— Божье созданіе,—сказалъ онъ тихо.—«Града взыскуеть», за «правдой» куда-нибудь ѣдетъ.

— Похоже, братъ... И сколько ихъ, такихъ ищущихъ, теперь разъѣхалось по Руси—пропасть! Найдутъ ли, Александрычъ?

— Каждый свою, дружище.

— Вотъ то-то и есть, дружище, что, кажется, именно такъ: каждый свою, а не одну,—вздохнулъ Колдуновъ.—Вотъ то-то и есть...

— Многого хочешь сразу!—отвѣтилъ Авсентьевъ.—И на томъ спасибо, что хоть ищутъ... Одна общая появляется не сразу и въ рѣдкіе историческіе моменты.

Друзья долго говорили еще на эту тему, то соглашаясь, то споря. Когда Колдуновъ не соглашался, онъ горячился и называлъ друга «книжникомъ»; подъ конецъ онъ замолчалъ, насупился и засмотрѣлся на спавшую.

— Экая красота!—прошепталъ онъ, не сводя глазъ.—А знаешь что, Авсентьевъ, у дѣвицы такой видъ... такой видъ, точно вотъ она маленьку потеряла, а?... Взглядишь-ка въ эту складочку у губъ... Видишь?

А въ пансіонѣ, въ дортуарѣ старшихъ, эта ночь прошла совсѣмъ необычно: дѣвушки не ложились до разсвѣта. Сидя группами на кроватяхъ, перешептываясь и тихонько хихикая, онѣ, ликуя, предвкушали сладость завтрашней суматохи. И дѣйствительно, утромъ поднялась невообразимая сутолока, даже сама «мадамъ» появилась наверху, встревоженная, блѣдная, потерявъ всю недоступность и важность. Хлопали двери, люди бѣжали взадъ и впередъ, встревоженно переговаривались, но никто не зналъ, не видѣлъ, не понималъ, куда дѣвалась бѣглянка. Эвелина плакала навзрыдъ и все поднимала кверху руки. Когда пришлось убѣдиться, что всякій слѣдъ потерянъ, она вдругъ спохватилась, надумалась и полетѣла къ Сергѣю, добывъ его адресъ въ университетской швейцарской.

Тотъ былъ дома. На немъ и такъ лица не стало за время болѣзни Тани. Неожиданное и зловѣщее появленіе Эвелины привело его въ положительный столбнякъ; онъ стоялъ, широко раскрывъ глаза, чувствуя только, какъ у него дрожатъ ноги и барабаныть зубы.

— Monsieur, гдѣ она?—торжественно-негодующимъ тономъ начала немедленно вошедшая.

Сергѣй не понималъ и только вглядывался, не переставая дрожать.

— Гдѣ она?—все больше волнуясь, повторила старая дѣва.— Говорите или я сейчасъ поѣду къ... къ... monsieur le...

Тутъ она взглянула ему въ лицо и отступила, испуганная, на шагъ, сразу понявъ, что тотъ не причемъ. Но и Сергѣй покончилъ съ столбнякомъ и понялъ, что его Таню ищутъ, что, значитъ, съ нею что-то случилось. Его сильные пальцы, какъ стальные пружины, сжали руку старой дѣвы. На блѣдныя щеки выступили багровыя пятна, глаза засверкали холоднымъ, зловѣщимъ огнемъ безумнаго гнѣва.

— Гдѣ она?—шепталъ онъ въ свою очередь, шипя и задыхаясь отъ бѣшенства, совсѣмъ затуманившаго сознаніе.— Говорите, что вы съ нею сдѣлали?... Говорите же, чортъ возьми, говорите, или я оторву вамъ эту злую руку... Слышите?... Гдѣ она, повторяю?... Все равно, вы не выйдете отсюда живою... Я вырву эти злые глаза, этотъ злой языкъ... я... я... Постой, не мѣшайся, Андрей! Не мѣшайся, говорю тебѣ, Павловъ, или... или я за себя не отвѣчаю... Это мое дѣло, не мѣшайся! Слышишь?... Я ни за что не отвѣчаю!

— Ты и такъ не отвѣчаешь, опомнись, безумный!

Павловъ вырвалъ, все-таки, несчастную жертву, полумертвую отъ страха, и съ силой оттолкнулъ Сергѣя.

— Ты, что же, убить ее хочешь?

— Да, убить! — отвѣчалъ Сергѣй, все еще не владѣя собой. — Гадину нужно убивать, чтобъ она не ѣла людей!... Говорите же, чортъ возьми, куда вы ее дѣвали?

Но дѣва не могла уже говорить; она лежала въ истерикѣ, борюча что-то несвязное, какіе-то обрывки, вперемежку со слезами и взвизгами невольнаго хохота. Сергѣй, все-таки, понялъ, что Таня куда-то бѣжала, но куда, — неужели къ дядѣ?... И ни слова... ни слова!... Онъ чувствовалъ, что задыхается, что къ горлу у него что-то подкатывается, словно шаръ... Еще немного, и у него тоже, кажется, началась бы истерика.

Павловъ брызнулъ ему въ лицо водой и вытолкнулъ за дверь на воздухъ.

— Ты совсѣмъ безумный... Развѣ можно доходить до такого... такого... Чортъ знаетъ что!... Приди въ себя, подыши воздухомъ. Экіе нервы, чортъ знаетъ, что за глупые нервы!... Еще немного, и ты убилъ бы ее... На каторгу! — говорилъ онъ съ явственнымъ страхомъ въ тонѣ.

Сергѣй повернулъ къ нему блѣдное, совсѣмъ неподвижное отъ гнѣва лицо съ широко открытыми, потускнѣвшими, безжизненными глазами, съ дрожавшими слезинками на рѣсницахъ, и засмѣялся сухимъ, деревяннымъ смѣхомъ.

— На каторгу... Ха, ха, ха... нашелъ чѣмъ пугать! Боюсь я твоей каторги, когда у меня въ душѣ... Эхъ, ты, абсолютное равновѣсіе!

Онъ ушелъ и цѣлый день скитался изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, безъ цѣли, какъ человѣкъ, у котораго порвано все, всѣмъ и всему чужой, бѣгущій собственной тѣни, не знающій ни одного угла, который послужилъ бы ему пріютомъ. Наконецъ, ему надоѣлъ городъ, да и усталость давала себя знать порядочно. Онъ вскочилъ въ проходившій мимо вагонъ конно-желѣзной дороги и очутился въ паркѣ. Густая, темная куща влекла къ себѣ, еще издали обѣщая покой и уединеніе. Сергѣй быстро прошелъ площадку, сплошь занятую гулявшими дачниками и группами рѣзвившихся дѣтей, спустился внизъ по аллеѣ къ пруду, свернулъ влѣво въ самую гущу и растянулся на травѣ, жадно вдыхая въ себя вмѣстѣ съ бальзамическимъ воздухомъ молодого лѣса и его тишину, казалось, и его тихій покой.

— Кажется, Аркановъ, да? — раздалось вдругъ справа.

Онъ повернулся, всматриваясь, и только теперь замѣтилъ въ сумракѣ, что онъ не одинъ. Очень близко отъ него лежалъ на травѣ другой и Сергѣй сейчасъ же призналъ въ немъ Бугрова. Эта мощная, атлетическая фигура и этотъ ласкающій, нѣжный и пѣвучій голосъ могли принадлежать только ему.

— Да, Павелъ Петровичъ, я,—отвѣтилъ онъ, сразу успокоиваясь.—Здравствуйте, или: добрый вечеръ!

Бугровъ былъ единственный человѣкъ, можетъ быть, отъ котораго его не тянуло убѣгать теперь. Всегда ласковый, ровный, сосредоточенный, далекій отъ всего личнаго, всецѣло погруженный, казалось, въ свои думы, схемы и построения, молодой магистрантъ привлекалъ къ себѣ общія симпатіи. Его уважали и какъ-то особенно робѣли, угадывая инстинктомъ громадную нравственную силу. Сергѣю онъ всегда казался не то загадкой, не то человѣкомъ однихъ холодныхъ разсудочныхъ силлогизмовъ.

— Добрый вечеръ!... Скрываться хотѣли?

— Хотѣлъ.

— Что-нибудь скверное, личное?

— Да, Павелъ Петровичъ, и личное, и скверное.

Тотъ помолчалъ немного.

— Гм... у меня тоже... Будемъ, значить, добрыми сосѣдями. Есть у васъ огонь?

— Есть, вотъ... Я тоже курю,—говорилъ Сергѣй, зажигая спичку.—А я, признаться, всегда думалъ, что у васъ нѣтъ ничего такого... личнаго.

— Вотъ какъ!—Бугровъ пустилъ большую струю дыма и чуткое ухо Сергѣя разслышало, что голосъ его дрогнулъ.

— Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ, не такъ буквально понимайте... Я знаю и ваше личное: маленькая сестренка Аня, которая всегда докладываетъ вамъ: «братъ, къ тебѣ пришли студенты».

Бугровъ усиленно затаился.

— Ея уже нѣтъ!—сказалъ онъ какъ-то особенно глухо, точно про себя.

Сергѣй приподнялся.

— Какъ нѣтъ?

— Умерла отъ дифтерита... Я хоронилъ сегодня...

Наступило тягостное, напряженное молчаніе. Сергѣй сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на Бугрова съ какимъ-то полуиспугомъ, какъ всегда смотреть люди при неожиданной вѣсти о смерти близкаго. Тотъ молча курилъ; въ сумракѣ то и дѣло вспыхивалъ огонь папирсы.

— Что-жь вы это усѣлись въ такомъ оцѣпенѣніи? Предъ общимъ міровымъ закономъ, предъ нимъ?—спросилъ, наконецъ, Бугровъ, точно стряхивая съ себя кошмаръ и подбадриваясь.

— Нѣтъ, Павелъ Петровичъ, предъ вашимъ личнымъ горемъ. Тотъ помолчалъ.

— Одна капля въ морѣ.

— Конечно, но тяжелая, жгучая капля.

— Положимъ, тяжелая... Но если взять *всѣ* капли... если *всѣ* взвѣсить? Одни мы, что ли, съ вами горюемъ?—точно разсуждалъ тотъ самъ съ собою.

— Вѣрно, что не мы одни, но отъ того намъ не легче... Все-таки, больно.

— Больно? Экъ нашли какое слово! Боль на боль не похожа: есть боль отъ укола булавки, есть зубная боль... Мало ли какія есть; предъ иною и стыдно съ своимъ уколомъ высываться...

Сергѣй слушалъ, полный изумленія. Поразительное мужество страданія, которое онъ ощущалъ въ словахъ Бугрова, тушило, казалось, все, что въ немъ горѣло съ утра.

— Ну, а у васъ что, тоже смерть?

Аркановъ покраснѣлъ вдругъ и растерялся.

— Нѣтъ, не смерть.

— Измѣна?

— И не измѣна.

— Предательство друга, обманъ, насиліе?

— Не это, нѣтъ.

— Что же у васъ?—приподнялся въ свою очередь на локоть и Бугровъ и посмотрѣлъ на Арканова широко открытыми, вдумчивыми глазами.

— Развѣ только перечисленное и составляетъ тяжелое горе? Есть другія...

— Можетъ быть... Я не знаю...

— Какъ же, а любовь, напримѣръ,—довольно неувѣренно, все больше краснѣя, продолжалъ Сергѣй,—когда она встрѣчаетъ препятствія, когда...

— Вы говорите о влеченіи къ женщинѣ?

— Да, о сильной, безраздѣльной страсти.

— Это счастье, а не горе, хотя и мелкое, по правдѣ сказать.

Бугровъ говорилъ, точно разсуждалъ самъ съ собою, а не спорилъ, такъ что Сергѣй не могъ испытать даже тѣни неудовольствія. Онъ только волновался все больше и, волнуясь, терялся.

— Пусть будетъ мелкое, но если эта любовь не удовлетворена, если обладаніе невозможно, тогда что?

— Тогда и горюшко будетъ съ ноготокъ, да и то вопросъ еще, горюшко ли, или простая физическая мука?... Переживать такое влеченіе, — Бугровъ съ подчеркиваніемъ ставилъ вмѣсто «любовь» — «влеченіе», — само по себѣ — счастье. Ну, а обладаніе, удовлетвореніе, это — предѣлы, въ просторѣчии — конецъ. Загляните къ любому романисту: вся сила, вся жизнь, вся острота этого чувства только до эпилога... Тамъ уже занавѣсъ, точка!

— Выходить такъ, Павелъ Петровичъ, что счастье, это — любовь безъ взаимности? — улыбнулся Сергѣй.

— Едва ли... Безъ взаимности, говорятъ, она глохнетъ.

— Тогда что же? Одно стремленіе къ взаимности, стремленіе безъ конца, безъ достиженія?

— Кажется... Всѣ перлы поэзіи даны только этою стадіей.

— А муки ревности, страданія неудовлетворенія?... Все... все, изъ-за чего люди кончаютъ съ собой, бросаются подъ поѣздъ, стрѣляются?... Это горе? Какъ, по-вашему?

— Миражъ въ дѣйствительности, чудовище въ воображеніи. Вѣрнѣе, сильная физическая мука для тѣхъ, у кого въ душѣ нѣтъ ни одного сильнаго чувства, кромѣ инстинкта сохраненія своего типа въ мірѣ, — инстинкта, которымъ, какъ вы знаете, движется и воробей, и пѣтухъ... Пѣтухи разрываютъ другъ друга, соловьи падаютъ замертво отъ любовныхъ трелей... Рыцари и Ромео!... Дайте-ка закурить.

Бугровъ закурилъ и сѣлъ. Внизу, между стволами, уже спустился сумракъ и только по зеркальному лону воды, мелькавшей изъ-за стволовъ, окрашенной въ ярко-розовые тоны, можно было догадаться, что въ небѣ еще догораетъ вечерняя заря. Гдѣ-то каркнула ворона и замолчала, молодой соловей робко и отрывисто пробовалъ свои тоны, какъ флейта оркестра передъ началомъ увертюры. По водѣ мягко доносились легкіе всплески весель чьей-то лодки со звуками тихаго шепота гребцовъ и мѣрно замирали, точно расплываясь въ неподвижной, дремлющей тишинѣ вечера. Вверху, въ клочкѣ голубоватой мглы, глядѣвшей внизъ сквозь прихотливые вырѣзы древесной кущи, блеснула нѣжная, блѣдная звѣздочка, далекая, очень далекая... Сергѣй сейчасъ же вспомнилъ свою Таню, — та тоже гдѣ-то далеко и, кто ее знаетъ, можетъ быть, тоже глядитъ на звѣздочку и тамъ... въ слабомъ, дрожащемъ мерцаньи полувидимыхъ лучей, въ блѣдной, дрожащей точкѣ неба, какъ въ фокусѣ, встрѣтились ихъ взоры?... Бугровъ сидѣлъ неподвижно,

точно застылъ въ созерцательной позѣ, смотря предъ собою въ кущу, гдѣ, казалось, предъ нимъ раскрывалась цѣлая панорама.

— Такіе люди,—продолжалъ онъ какъ бы про себя, въ раздумьи,—сами уходятъ съ земли по міровому закону, потому что они лишніе... Врядъ ли міру съ его стремленіемъ къ безконечному совершенству формы нужны эти особи съ однимъ только, а если и не съ однимъ, то съ поглощающимъ всѣ другіе инстинктомъ *утвержденія типа*... Природа вообще исключаетъ крайности, она любитъ полутоны... Вы музыкантъ, Аркановъ, вы знаете, какая могучая и нѣжная красота скрыта въ полутонѣ звука... А въ краскахъ?... Эти неопредѣленные, неясныя, какъ силуэты, какъ дымка, переходящіе другъ въ друга переливы! Вонъ, вонъ... смотрите!... Видите вы эти дрожащіе полутоны заката въ стальной синевѣ воды?... Глядите! Что передъ ними яркій багрянецъ или самая нѣжная бирюза!... Для нихъ нѣтъ даже кисти...

Онъ обнялъ колѣни руками и долго сидѣлъ молча, любуясь восхищенными глазами, а, можетъ быть, и развивая про себя свою тему. Потомъ онъ рѣзко повернулъ лицо и въ сумракѣ вспыхнулъ огнисто-багровый отблескъ папирасы.

— Нѣтъ... нѣтъ, нормальны не эти типы... Зачѣмъ они и что въ нихъ?—затянулся Бугровъ нервно.—Вѣнецъ созданія долженъ имѣть душу, *всѣ* міровые инстинкты которой слиты въ одинъ гармоничный аккордъ, безъ преобладанія одного какого-нибудь надъ другими... Такъ и въ хорошемъ оркестрѣ, въ общей гаммѣ ревъ гобоя не слышенъ... Это идеаль, абсолютъ... Ну, а вообще, каждая душа должна, такъ или иначе, умѣть трепетать и отзываться на голосъ *всѣхъ* міровыхъ явленій... Да, да, она не должна быть чужда и глуха къ нимъ... Нельзя жить только физическимъ счастьемъ или мукой удовлетвореннаго или неудовлетвореннаго инстинкта, это — прозябаніе, скотство...

— И всѣ жизненные романы, гдѣ герои и героини умираютъ отъ любви... всякая смерть такая?

— Преступленіе противъ міра! — голосъ Бугрова звучалъ непоколебимымъ убѣжденіемъ.

— Да, да,—заговорилъ онъ быстрѣе на движеніе Сергѣя,—не возмущайтесь!... Вспомните о массѣ долга и обязательствъ, лежащихъ на каждомъ изъ насъ по отношенію къ міру, ближнимъ... Хотя бы о милліонахъ дикарей вспомните, населяющихъ землю въ кромѣшной тьмѣ, въ невообразимыхъ лишеніяхъ... И при этомъ умирать отъ того, что чьи-то розовыя губки миѣ не доступны! Махнуть на все рукой и уходить со сцены потому, что я не могу об-

нять одной изъ миллиона талій! Называть физическую боль неудовлетвореннаго инстинкта — горемъ, а самый инстинктъ, влеченіе—*любовью*! Да это святотатство!...

Казалось, онъ содрогнулся. Въ этой рѣчи слышался властный протестъ, хотя лицо свѣтилось мягкой полуулыбкой, а въ тонѣ дрожала печальная нота. Сергѣй сразу почувалъ, что это говоритъ человѣкъ, у котораго нѣтъ и не можетъ быть ни колебаній, ни компромиссовъ. Онъ не жаловалъ до сихъ поръ такихъ типовъ, они казались ему холодными и сухими. Но тутъ подкупала его и почти околдовывала масса глубокаго чувства, такъ и бившаго ключомъ, и ему хотѣлось слушать и слушать. Бугровъ помолчалъ, нѣсколько разъ затаившись молча и затѣмъ продолжалъ тѣмъ же тономъ, поднявъ голову и смотря прямо на Сергѣя:

— Недавно я видѣлъ знаменитую картину Семирадскаго *Свѣточи* и теперь она даже все носится предо мною... Вы знаете ее, да? Тѣмъ лучше... Помните тамъ лицо этого стараго христіанина, привязаннаго на первомъ фонѣ?... Эти глаза, взывающіе къ вамъ, это выраженіе?... О, Господи! А дальше... дальше... Эта молодая христіанка, полуженщина, полуребенокъ, эта уходящая въ даль перспектива живыхъ факеловъ, привязанныхъ, осмоленныхъ людей... А это спокойное, сытое безстрастіе кругомъ, эта ужасная пресыщенность, способная наслаждаться страданіемъ, эта рука, дающая сигналъ! Послушайте, ну, есть ли мѣсто какой-нибудь личной каплѣ передъ такимъ моремъ? Не должна ли всякая личная боль потонуть безслѣдно, какъ дождевая капля въ океанѣ, въ другой, болѣе глубокой боли, которая неминуемо охватитъ душу раскаленными клещами?... А если не охватитъ, если въ душѣ нѣтъ отвѣта и она все будетъ носиться только съ личнымъ влеченіемъ инстинкта,—ну, тогда она мертва... А мертвыхъ пусть хоронятъ мертвые...

Его нѣжный, мягкій теноръ понизился до шепота и ласкалъ какою-то страстною задушевною скорбью. Эта скорбь разливалась, казалось, кругомъ вмѣстѣ съ звуками рѣчи и Сергѣю чудилось, что его напряженный слухъ ловитъ въ тихомъ, но дрожащемъ воздухѣ такое же скорбное эхо... Кровь бросилась ему въ голову и сердце забилося какъ въ угарѣ... А тотъ, полный страстнаго волненія, весь возбужденный, съ горѣвшими глазами, снова чаровалъ голосомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ звучало и глубокое душевное страданіе.

— О, нѣтъ, не это называется любовью, какъ и не физическая боль—горемъ!... Слушайте... На востокѣ живетъ одно древнее

Буддистское сказаніе... Оно говоритъ, что истинная любовь ушла изъ міра вслѣдъ за Буддой и поселилась на недоступнѣйшихъ высотахъ Гималая, потому что на землѣ не осталось для нея достойнаго сердца... Она скрылась тамъ въ чертогѣ изъ чистѣйшихъ ледяныхъ кристалловъ и терпѣливо ждетъ посланника или вѣстника земли за собою... Но только тотъ, чье лицо никогда не блѣднѣло страхомъ, кто никогда не тяготился никакими лишеніями, чья душа чиста, какъ бѣлоснѣжный голубь, а сердце нѣжно, какъ цвѣтокъ лотоса,—только тотъ, счастливецъ, можетъ добраться до ледянаго чертога и, окровавленный, истерзанный отъ страшнаго пути, посмотреть затворницѣ въ ея громадные, какъ міръ, глаза... И тогда у него не станетъ ни касть, ни презрѣнныхъ, ни бѣлыхъ, ни желтыхъ, ни черныхъ людей. И тогда его сердце станетъ прозрачно, какъ чистѣйшій кристаллъ, и въ немъ отразится весь необъятный міръ... Онъ вырастетъ такъ, что головою будетъ выше Гималая и могучими руками, на широкихъ дланяхъ, будетъ поднимать съ земли всѣхъ и cadaго, чтобы затворница освѣтила людей своимъ взоромъ изъ ледянаго чертога... И тогда снова появится Будда съ нею въ своемъ сердцѣ... Мечи и стрѣлы разсыпятся прахомъ, врагъ обниметъ врага... и на землѣ наступитъ великое царство счастья... Вотъ, что такое любовь!—говорилъ онъ, задыхаясь отъ страстнаго волненія.

— Да, это великая любовь!—какъ это повторилъ очарованный Сергѣй и голосъ его дрогнулъ восторгомъ страстной, сильно возбужденной натуры.

Сразу и внезапно грянула хоровая пѣсня молодыхъ, хорошо спѣвшихся голосовъ. Она неслась изъ темной зеленой гущи противоположнаго берега, мягко плыла по водѣ и тонула въ непроницаемой глубинѣ парка, посылавшей ей отвѣтное, глухое, какъ далекій аккомпаниментъ, эхо... Оба вздрогнули и заслушались, да и нельзя было не заслушаться... Такъ и заливался высокій сильный теноръ плачемъ, такъ и дрожало все въ жалобныхъ аккордахъ хора.

— Хорошо поютъ!—поднялъ, наконецъ, Сергѣй голову, когда послѣдній звукъ пѣсни безслѣдно потонулъ въ темной гущѣ и снова все смолкло. Тишина стала какъ будто еще глубже.—Очень хорошо! Да только мотивъ до нельзя грустный, весь на минорныхъ тонахъ... Слезы подступаютъ къ горлу и душатъ...

— То-то!... А мы тутъ съ своими каплями, э-э-эхъ! Пойдемте-ка лучше, если хотите... До города далеко...

Сергѣй молча всталъ и оба пошли черезъ лѣсъ.

— Пойдемъ ко мнѣ,—глухо заговорилъ послѣ довольно про-

должительной паузы Бугровъ,—у меня теперь пусто и безпріютно, васъ ничто не будетъ беспокоить, все равно, что и здѣсь... Ну, а я... я... Я буду очень радъ живой душѣ въ своихъ могильныхъ стѣнахъ...

Его голосъ дрожалъ.

— Конечно, къ вамъ!—отозвался Сергѣй. Дорогого мѣста, казалось, у него и не могло быть теперь на свѣтѣ.

— Да, а вы такъ и не сказали мнѣ, что у васъ такое... Или тайна?

— У меня?—вдругъ покраснѣлъ Аркановъ въ полупрозрачной иглѣ свѣтлой ночи.—У меня «горюшко съ ноготокъ»,—сурово повторилъ онъ слова Бугрова и крѣпко сжалъ обѣими ладонями его холодную, слегка дрожавшую руку.—Капля, которая должна потонуть въ океанѣ...

А ночь все сгущалась, а звѣзды загорались все ярче...

У.

У семейнаго очага.

Генералъ, какъ всегда, проснулся очень рано, почти на разсвѣтѣ, быстрыми шагами прошелъ черезъ садъ и паркъ внизъ къ рѣкѣ, выкупался, долго плавая и ныряя, и затѣмъ направился къ оранжереѣ. По дорогѣ онъ внимательно разглядывалъ грядки и клумбы любимыхъ цвѣтовъ, указывалъ своимъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ садовнику Антипу, изъ старыхъ денщиковъ, гдѣ посадить, гдѣ подсыпать чернозему, что полить сильнѣе, на что Антипъ отвѣчалъ своимъ обычнымъ: «Слушаю-съ, ваше пр-ство» или: «Такъ точно-съ!»—и, казалось, совсѣмъ позабылъ о прїѣздѣ генеральши съ ея дочерьми, хотя вчера еще весь день былъ не въ своей тарелкѣ. Тѣ, конечно, еще спали, раньше полудня онѣ не выходили, внося эту столичную привычку и въ деревенскій обиходъ. Въ оранжереѣ генералъ осмотрѣлъ выгонку, потомъ докурилъ утреннюю сигару и направился въ заводскую конюшню. Все было какъ нельзя лучше... Любимая кобыла Чаруся принесла въ ночь жеребенка и довольный генералъ, ласково отвѣчая на поклоны и поздравленія конюховъ, придумывалъ имя будущему рысаку. «Воръ» или «Плутъ», думалъ онъ, и его добрые, немного насмѣшливые глаза свѣтились веселою ироніей, которая дрожала и въ полускрытой густыми сѣдыми усами улыбкѣ... Да, кажется, будетъ самое современное имя... Долженъ быть съ большимъ ходомъ и непременно призовой... Онъ запыхтѣлъ сигарой, погладилъ высовывавшуюся сквозь рѣшетку

морду красавца Аякса, — перль его завода, — ущипнул ласково за ухо поддужнаго Ванюшку и вышелъ довольный и улыбающийся. Но тутъ ему сразу кинулся въ глаза лѣвый уголъ дома съ плотно закрытыми ставнями и генераль невольно насупилъ брови. «Спать еще!» — недовольно промурлыкалъ онъ въ усы, снова запыхтѣлъ сигарой и, все больше теряя хорошее настроеніе, все больше раздражаясь, пошелъ, заложивъ руки за спину, къ дому пить свой чай. Онъ шелъ медленно, нещадно дымилъ и ворчалъ вслухъ на этотъ неожиданный пріѣздъ. «Принесла нелегкая! Навѣрное, снова денегъ, или еще чего-нибудь, чортъ возьми!... Ну, ужъ нѣтъ, слуга покорный!... Сколько ни давай, все равно, что въ воду... Да и съ какой стати, чортъ возьми, съ какой стати будетъ онъ давать имъ?... Онѣ получаютъ свое и пусть устраиваются какъ хотятъ!... Дойная корова!... У него есть о комъ думать!»

Онъ вспомнилъ свою Таню и мимолетная, свѣтлая улыбка скрасила на мгновеніе угрюмое, недовольное выраженіе, но сейчасъ же исчезла. Онъ сталъ еще угрюмѣе и невольно вздохнулъ. Таня кончаетъ курсъ и нужно ломать голову, какъ быть съ нею дальше, а тутъ, какъ бы на зло, вдругъ и *эти* нагрянули!... Конечно, самое лучшее, поскорѣе выдать ее замужъ за хорошаго человѣка, но «хорошаго» вообще трудновато найти теперь, да и пока найдешь, какъ быть, что дѣлать?... Самое большое счастье для него было бы взять ее къ себѣ, сюда, въ свое «Рожино», но такое счастье было прямо невозможно... Это скомпрометировало бы дѣвушку и дало бы поводъ генеральшѣ устраивать всевозможные скандалы, ради вымогательства денегъ и денегъ... Чортъ знаетъ, какихъ комедій натворила бы она въ Петербургѣ! Къ сестрѣ? — ничего, если бы не ханжество! Генераль поморщился, — онъ не долюбивалъ ханжей. Но изъ всѣхъ, это, конечно, лучший выходъ... Она добра, бездѣтна, будетъ ей рада, не болтлива, сдумѣетъ скрыть отъ Тани тайну ея рожденія, и, какъ всякая баба, со страстью займется сватовствомъ... Нужно только переговорить предварительно, приготовившись къ хорошей головомойкѣ... А ужъ отчитаетъ, такъ отчитаетъ!...

— Чай готовъ? — сурово спросилъ онъ на крыльцѣ камердинера Якова.

— Готовъ-съ, — отвѣтилъ Яковъ, отлично знавшій, что въ дни пріѣзда изъ столицы генеральши съ дочерьми добродушный и словоохотливый баринъ становился суровъ и требовалъ лаконичности.

— Тамъ еще спать?

— Почиваютъ-съ.

Генераль крикнулъ.

— Почта есть?

— Нѣтъ-съ... Послали на вокзалъ, скоро будетъ-съ.

Онъ вошелъ въ столовую и, по обыкновенію, самъ занялся чаемъ. Съ того дня, какъ онъ, выйдя въ отставку, разошелся съ женой и она съ своими дочерьми и сыномъ отъ перваго брака поселилась въ столицѣ, получая отъ него самымъ аккуратнымъ образомъ по шести тысячъ рублей въ годъ,—это былъ третій неожиданный наѣздъ. И несомнѣнно, какъ и первые два, и этотъ таилъ въ себѣ новое вымогательство изряднаго куша въ видѣ отступного. Въ первый разъ онъ отдѣлался тремя тысячами на заграничную поѣздку, для чего за безцѣнокъ долженъ былъ продать хлѣбъ еще на корню. Во второй разъ уже пятью тысячами для выкупа фальшивыхъ векселей, выданныхъ отъ имени генеральши ея шалопаемъ сыномъ. Тогда онъ заложилъ домъ въ Москвѣ. Теперь... теперь... нѣтъ, баста!—рѣшилъ онъ,—ни гроша!... Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, хотя бы и опять какой-нибудь скандалъ въ видѣ фальшивыхъ векселей. Ну, что-жь, преступника должно судить, на то есть и судъ въ государствѣ. А скандалъ? Наплевать ему на скандалъ! Онъ теперь не въ столицѣ, а у себя, въ Роцинѣ, и тутъ ему нечего тревожиться и бояться городскихъ сплетенъ и пересудовъ. На его честное имя никакая тѣнь лечь не можетъ, онъ заслужилъ это имя долгою, честною и всѣмъ извѣстною службой. Здѣсь,—земство его тоже цѣнитъ и уважаетъ,—онъ состоитъ постояннымъ гласнымъ и почетнымъ судьей и два раза уже отказывался отъ должности предсѣдателя управы, чтобы дать послужить болѣе молодымъ и потому, можетъ быть, болѣе полезнымъ земству. Чего же ему еще? Генераль закурилъ новую сигару, хлебнулъ горячаго чая и рѣшилъ окончательно, что не сдастся ни на что. Онъ перейдетъ во флигель, *имѣ* уступить домъ и пусть себѣ Мими ахаетъ отъ мигреней, Зизи киснетъ, генеральша падаетъ въ обмороки и ставитъ все вверхъ дномъ. Онъ будетъ терпѣть, пока терпится, а затѣмъ... затѣмъ...

— Ну, посмотримъ!—проговорилъ онъ тихо, выпуская цѣлое облако дыма, и тонкія ноздри его красиваго, породистаго носа слегка задрожали.—Посмотримъ! Пора кончить, кажется... Тубо, Терроръ!—громко крикнулъ онъ, сорвавшемуся съ лаемъ сэттеру.—Тубо!

И невольно сталъ вслушиваться, кто-то подъѣзжалъ къ крыльцу.

— Кто это, Яковъ?

Но Яковъ самъ появился въ дверяхъ съ вытянутымъ, удивленнымъ лицомъ.

— Кто тамъ?—и генераль всматривался въ лицо стараго слуги, спѣшно застегивая пуговицы кителя.—Кто пріѣхаль? Чего ты?

— Барышня-съ.

— Какая барышня?

— Не знаю-съ... На Антонѣ съ вокзала пріѣхали... Дама какая-то...

Удивленный генераль вышелъ быстрыми шагами и остановился, какъ пораженный громомъ. На мгновенье въ его добрыхъ, умныхъ глазахъ молніей промелькнуло что-то похожее на радость, но еще быстрѣе оно смѣнилось не то испугомъ, не то крайнею тревогой.

— Таня?!

Она пріостановилась тоже на мгновенье, тщетно стараясь выговорить что-то своими бѣлыми губами, но вдругъ вздрогнула, упала къ нему на грудь и разрыдалась цѣлымъ потокомъ долго сдерживаемыхъ слезъ.

— Дядя, дядя, дядя!—всхлипывала она, судорожно рыдая.

Онъ бережно прижималъ ее къ себѣ, его высокая, мужественная грудь порывисто дышала, сильныя руки дрожали, широкія плечи вздрагивали, онъ дрожалъ весь съ ногъ до головы.

— Что съ тобой, дитя мое?—спрашивалъ онъ, глядя ея свѣтлую головку, и въ этомъ голосѣ, звучавшемъ твердо и спокойно въ моменты самыхъ горячихъ сраженій, теперь явно отдавались ужасъ и слезы. Глаза, не разъ глядѣвшіе смѣло на встрѣчу смерти, эти глаза были теперь влажны. Онъ забылъ все на свѣтѣ, ничего не зналъ, ничего не видалъ, кромѣ этого дорогого ему существа, ничего не слышалъ, кромѣ этого полудѣтскаго плача.— Что же съ тобою случилось, что?—спрашивалъ онъ, усаживая дочь на диванъ и какъ бы захлебываясь ея слезами.— Скажи мнѣ, моя радость... Яковъ, другъ, скорѣе воды!... Пей, Таня, выпей, мое дитя!—дрожащею рукой онъ подносилъ стаканъ, въ который капали теплыя слезы, и съ острою болью слушалъ, какъ трепетно стучали о стекло Танины зубы.— Не можешь, нѣтъ? Ну, успокойся, хоть немного успокойся... Я смочу тебѣ виски... Постой, постой... Тебѣ лучше, да?... Яковъ!—закричалъ онъ вдругъ не своимъ голосомъ, съ ужасомъ замѣтивъ, что Танѣ дѣлается дурно, что руки ея коченѣютъ.— Яковъ, скорѣе за докторомъ! Загони всю конюшню, всѣхъ, всѣхъ! Аякса, сейчасъ Аякса!... Какъ вѣтеръ, Яковъ! Слышишь?... Яковъ, другъ, вѣдь, это моя дочь! Моя родная дочь!...

Ничего другого онъ не сознавалъ въ это мгновенье. Онъ осыпалъ поцѣлуями лежавшую неподвижно, точно мертвая, дѣвушку,

онъ дышалъ ей въ лицо, точно стараясь вдохнуть въ нее жизнь изъ собственнаго сердца, совсѣмъ потерявъ голову отъ ужаса и муки. Только тутъ, казалось, онъ узналъ всю силу своей любви. И вдругъ, какъ безсильный ребенокъ, этотъ храбрый, сильный человекъ склонился къ ней и заплакалъ.

— Таня... Таня... очнись!... Очнись, мое дитя, или я убью себя!

Когда бѣшенный Аяксъ весь въ мылѣ примчался съ докторомъ, Таня уже открыла глаза и сразу узнала Колдунова. Безсильная, блѣдная, съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ, она слегка улыбнулась ему слабою улыбкой, когда генералъ, все еще взволнованный, такой же блѣдный, какъ и она, задыхающійся, горячо схватилъ обѣ его руки. Колдуновъ тоже узналъ ее и тоже улыбнулся.

— Здравствуйте, барышня, здравствуйте, — говорилъ онъ обычнымъ тономъ, беря ея слабую ручку. — Что это съ вами, а? Хворать задумали? Самое послѣднее, доложу вамъ, дѣло, самое послѣднее!... Говорилъ я, что пульсъ плоховать... Ну, ну, жару нѣтъ... Кажется, ничего особеннаго... Такъ, слабость только... Были больны недавно, — горячкой, говорите? Да, да, вонъ и волосы обрѣзаны. Ну, вотъ, ну, вотъ!... Не нужно было въ дорогу пускаться, и кто это васъ пустил? Окрѣпнуть нужно, барышня, силъ побольше... Покой, сонъ... вино... Ну, а пока вотъ этихъ капельъ... Разъ, два, три... — отсчитывалъ онъ въ рюмку, — десять, пятнадцать... будетъ-съ! Ну-ка, молодцомъ!

Отецъ поднесъ ей дрожавшею еще рукой и Таня хлебнула.

— Такъ, такъ, барышня... Вмѣстѣ ѣхали, генералъ, — продолжалъ Колдуновъ, обращаясь къ нему, — въ одномъ вагонѣ вчера... Я и то давеча примѣтилъ, что барышнѣ какъ будто нездоровится... Ничего, ничего, не тревожьтесь, — успокаивалъ онъ на вопросительно боязливый взглядъ генерала, — все, кажется, обстоитъ ладно... Ручаюсь... Родственница, да? Будетъ здорова, день-два и все пойдетъ какъ слѣдуетъ, покой и сонъ — первое дѣло... Ну, какъ, барышня, лучше? То-то... А теперь — спать... Въ постель бы, генералъ, слѣдовало...

— Яковъ, мою постель!

Генералъ поднималъ дѣвушку мощными руками и самъ отнесъ ее, какъ ребенка. Жена Якова, экономка въ домѣ, возилась у постели, взбивая подушки, и сейчасъ же стала ее укладывать. Генералъ вернулся въ столовую и положилъ руку на плечо врача.

— Ну, что, Матвѣй Михайлычъ? — спросилъ онъ, тревожно заглядывая ему въ глаза и усиленно затягиваясь сигарой, которая дрожала въ его рукѣ.

— Пустяки-съ, слабость одна, — отвѣтил Колдуновъ. — Увѣрю, все пройдетъ съ отдыхомъ. Вѣроятно, было какое-нибудь потрясеніе, да? Ну, и болѣзнь...

— Да, что-нибудь несомнѣнно было, — глухо отвѣтил генералъ, скрывая лицо за цѣлымъ облакомъ сигарнаго дыма. — Что-нибудь очень скверное... Внезапный пріѣздъ... Такъ вы думаете, ничего?

— Увѣренъ, Илларионъ Павловичъ!

Колдунову хотѣлось разспросить обстоятельнѣе, но онъ не рѣшался, сразу понявъ чутьемъ много выдавашаго человѣка, что тутъ есть нѣчто щекотливое, чѣмъ генералъ дѣлиться не хочетъ. Посланный сказалъ ему, что захворала какая-то барыня, пріѣхавшая внезапно раннимъ утромъ съ поѣзда на извозикѣ. Состояніе и обращеніе генерала явно доказывали, что эта неизвѣстная пріѣзжая была ему крайне близка и дорога.

— Я слышалъ, генералъ, ваши пріѣхали... Здоровы?

Генералъ пустилъ цѣлый клубъ дыма и поморщился.

— Кажется... Ну, что у васъ въ земствѣ? — вставилъ онъ поспѣшно.

— Да ничего, дѣло идетъ ладно... Школы строимъ, новую больницу... Авось, покончимъ совсѣмъ съ безграмотностью...

— Доброе дѣло, доброе дѣло!

Генералъ съ чѣмъ-то, очевидно, собиравшійся, какъ будто не рѣшаясь. Онъ нервно дымилъ сигарой, которая все еще ходила ходенемъ въ его рукѣ. Наконецъ, онъ круто повернулся и уставился въ окно, точно разсматривая что-то.

— Вотъ что, Матвѣй Михайловичъ, вы честный человѣкъ, прямой... Я не трусь... Вы говорили давеча, ѣхали вмѣстѣ и замѣтили, что ей нездоровится... Скажите мнѣ прямо, — генералъ повернулся въ упоръ, — прямо скажите, что съ нею?... Жаловалась она на что-нибудь... говорите... Потрясеніе какое-нибудь?... Для меня это, Матвѣй Михайлычъ, больше чѣмъ... чѣмъ серьезный вопросъ!

Колдуновъ это видѣлъ по блѣдному лицу и дрожавшей рукѣ.

— Ничего не знаю, Илларионъ Павлычъ, ѣхали вмѣстѣ, только и всего. А насчетъ здоровья, такъ опять же повторяю вамъ: пустяки... Ну, какъ честный человѣкъ, ничего нѣтъ! Не вѣрите, зовите консилиумъ. Не слѣдовало послѣ такой болѣзни выѣзжать такъ рано, — вотъ и все, кажется...

— Я ничего не зналъ объ этой болѣзни.

Онъ, все-таки, вздохнулъ легко и свободно, — ужасъ и острая

тревога исчезли... Онъ испытывалъ ту тихую радость, которую ощущаетъ страдающій какою-нибудь острою болью человѣкъ, когда эта боль внезапно прекратится... Ему хотѣлось и улыбнуться, и непремѣнно подѣлиться своимъ новымъ ощущеніемъ.

— Благодарю васъ, дорогой Матвѣй Михайлычъ, цѣлитель нашъ,—говорилъ онъ.—Все-таки, заѣдете еще?...

— Не зачѣмъ генераль, ей же ей не зачѣмъ... Впрочемъ, если хотите... Постойте, постойте, Илларионъ Павлычъ, это ужъ вы совсѣмъ лишнее... Я земскій врачъ, получаю содержаніе и по принципу не беру съ пациентовъ своего околотка... Вы это знаете,—возьмите, возьмите обратно...

— Да какъ же такъ?—говорилъ генераль, немного сконфуженно комкая въ рукѣ крупную ассигнацію.—Не берите съ тѣхъ, кто не можетъ... но съ меня... Помилуйте, вѣдь, это даже несправедливо заставлятъ людей чувствовать себя обязанными вамъ...

— Не мнѣ-съ, Илларионъ Павлычъ, а всему земству.

— Ну, ну, вишь вы куда, шустрый!—шутилъ генераль.—Хорошо... Но, вѣдь, тутъ такой случай... только что сами съ дороги... экстренная посылка...

— Тѣмъ больше-съ, генераль... Я за деньги головой не рискую...

— Какою головой?

— Своею собственной, ваше пре—ство... Развѣ не рискъ промчатся такъ на этомъ бѣшенomъ чортѣ Аяксѣ?... Да тысячу не возьму,—ну его!... А вотъ, когда Діанка у васъ ощенится, съ удовольствіемъ кобелька возьму... Видите, даже не «борзыми» беру, совсѣмъ, значить, не грѣхъ... Прощайте-съ! Не забудьте, въ случаѣ чего, этихъ капелекъ; раза два еще можно... По пятнадцати, а то и двадцать... Прощайте-съ!

Проводивъ доктора, генераль на носкахъ подошелъ тотчасъ къ спальнѣ, осторожно отворилъ дверь, просунулъ голову, убѣдился, что Таня спитъ, постоялъ у окна, долго барабанилъ пальцами по стеклу и подозвалъ Якова.

— Тамъ еще не вставали?—спросилъ онъ, глядя ему руку на плечо.

— Спать-съ.

— Въ дворнѣ говорятъ?

— Говорятъ-съ... Горничная непремѣнно доложитъ барынѣ.

— Хорошо, Яковъ. Когда войдутъ въ столовую, скажи мнѣ. И вотъ еще: распорядись, чтобы къ курьерскому поѣзду были готовы и подводы, и экипажъ... Понялъ?

Яковъ кивнулъ головой. Любящимъ взглядомъ стараго слуги-друга онъ окинулъ лицо, которое изучилъ еще когда генеральша была молодымъ офицеромъ, котораго онъ выходилъ, когда тотъ, изрубленный, безъ памяти и надежды метался въ палаткѣ. Старый шрамъ надъ бровью побагровѣлъ, а поперекъ всего лба легла тонкая, почти незамѣтная складка. Яковъ научился понимать эти признаки. Онъ помнилъ ихъ еще съ того дня, когда добродушный и женственно-мягкій поручикъ повелъ роту на штурмъ прямо подъ огонь и, весь преобразившись, твердо пригрозилъ, что убьетъ каждаго, кто дрогнетъ въ рядахъ. И теперь еще, порою, вставало въ его памяти это страшное въ своей твердой лаконичности: «Смирно!... Впередь!...»

Послѣ полудня, сидя съ дочерьми въ столовой, худая, желчная генеральша нервно пила свой утренній кофе, то и дѣло съ нетерпѣніемъ поглядывая на дверь. Мими и Зизи, обѣ приглашенныя, затянута въ легкія утреннія платья, сшитыя у хорошей модистки, молча переглядывались, какъ бы репетируя про себя свои роли, предназначенныя и преподанныя каждой еще съ утра, пока онѣ дѣлали туалетъ. Генеральша любила все разсчитывать тонко, детально и обстоятельно, требовала всегда точности въ исполненіи своихъ плановъ и, конечно, имѣла полное основаніе гордиться выдержкой и ловкостью своихъ двадцатилѣтнихъ «дѣвочекъ». Обѣ были выдрессированы для жизненной сцены какъ нельзя лучше, у каждой все было разсчитано до послѣдняго слова и жеста и, если, по заданной роли, у Мими, напримѣръ, мигрень разыгрывалась слишкомъ сильно, а Зизи, болѣе чѣмъ полагалось, налегала на слезы,—*chère maman* стоило только бросить мимолетный взглядъ, чтобы обѣихъ вернуть къ нормѣ. Модныя картинки снаружи,—немного томныя, немного наивныя,—внутри обѣ содержали обильнѣйшій запасъ всего необходимаго для «гостиной дамы», этой чисто-отечественной смѣси чего-то вродѣ Миньоны, бальзаковской женщины и госпожи Коробочки,—начиная съ умѣнья надувать чисто по-дѣтски губки вплоть до исключительной способности заботиться о хорошихъ кушахъ для супруга и всякими способами, не брезгая ничѣмъ, поднимать его по скользкой лѣстницѣ повышеній. Генеральша взглядывала на нихъ сегодня не разъ и всегда оставалась довольной. Чистенькія, умытыя, совсѣмъ цвѣтущія,—все какъ слѣдуетъ. Мими, подними немного кружева изъ-подъ лифа,—такъ! Зизи, у тебя не жметъ ли подъ мышками? Нѣтъ? Отлично, пригладь немного чолгу,—слишкомъ взбито! Она слегка вздохнула довольно грустнымъ вздохомъ матери слишкомъ взрослыхъ невѣстъ

и еще нетерпѣливѣе стала поглядывать на дверь. На ея губахъ заиграла тонкая и довольно злая улыбка. Эта медленность несомнѣнно обусловлена прїѣздомъ «какой-то» и всею утреннею сценою, о чемъ ей уже доложила горничная Паша. Тѣмъ лучше, — она скорѣе добьется своего! Несомнѣнно, тутъ есть что-нибудь такое, чѣмъ можно воспользоваться! Тонкій, подозрительный и довольно изворотливый умъ какъ будто угадывалъ гораздо больше, чѣмъ зналъ, напряженная память ловила, въ то же время, какіе-то смутные намеки въ воспоминаніяхъ. *Petits pèchèrs*, можетъ быть, — ну, и на руку... Впрочемъ, генеральша не особенно и беспокоилась, заранѣе увѣренная, что все буесть такъ, какъ она захочетъ. Она уже привыкла и полупрезрительная улыбочка говорила это ясно. Генераль, какъ всегда, накричитъ, заупрямится, встанетъ на дыбы но... но... въ концѣ-концовъ... Ахъ, онъ такой... *brut*...

— Ah, le voilà... *chère papa*... дорогой папа!

И Мими, и Зизи завертѣлись, загородивъ генералу дорогу и подставляя ему свои лбы и щеки.

— Мама такъ ждала и мы тоже!... У насъ есть что-то очень хорошее... ахъ, такое хорошее... такое хорошее!...

Онѣ начали предначертанную роль и по-дѣтски весело трепали ручками въ воздухъ. Генераль подошелъ къ женѣ, не глядя прикоснулся къ ея рукѣ, причемъ та окинула его зорко-пытливымъ взглядомъ, и, не сядя, повернулся.

— Что именно? — спросилъ онъ дѣланно-беззаботнымъ тономъ. — Не беспокойтесь, не беспокойтесь, я не хочу кофе!... Что же такое?

— Мими выходить замужъ! — сказала торжественно Зизи.

— Да, я выхожу замужъ... *On ma fait le declaration*..

— Совѣтъ да любовь... За кого же?

— Ахъ, онъ такой хорошій... такъ влюбленъ въ Мими!... И у него отличная *position*!... Онъ причисленъ къ министерству и теперь на виду... Вы знаете... Владиславъ Станиславовичъ Пуцковскій...

Генераль ядовито улыбнулся глазами.

— Изъ иновѣрцевъ?

— Ахъ, но онъ хотъ сейчасъ готовъ воссоединиться... Для Мими онъ все!

— И ему такъ нравится наша *saint église orthodoxe*! — встала Мими.

— Вотъ какъ! Что-жь, въ добрую пору... — Генераль поморщился. — Пуцковскій... Пуцковской... кажется, что-то такое помню...

Ахъ, да, не былъ ли онъ замѣшанъ въ эту скандальную, воровскую исторію въ N.? Такъ, такъ, подъ судомъ, должно быть...

Генеральша вскипѣла; она не могла выносить дольше, — генераль былъ сегодня какой-то необычный. Въ особенности ее раздражалъ этотъ тонъ.

— Но, вѣдь, его оклеветали, *mon cher*... Мало ли чего не говорятъ про каждаго. У него есть оправдательные документы... Онъ совсѣмъ *comme il faut* и очень способный... Суда никакого не будетъ, — я это навѣрное знаю...

— Да, да, мама навѣрное знаетъ! — въ униссонъ подхватили сестры. — Но вы, папа, непременно должны исполнить одну нашу просьбу, непременно... Отъ этого зависитъ счастье.

— Мое счастье! — и Зизи обхватила его шею своими бѣлыми ручками.

Генераль насторожился.

— Что же такое?

— Видите ли, видите ли, — говорили въ униссонъ сестры, перемигнувшись съ генеральшей и получивъ одобрителный знакъ. — Онъ «причисленный» и ему нужно мѣсто. Теперь есть хорошая вакансія... ахъ, очень хорошая, лучше желать нельзя... Но... но... безъ протекціи... и при этой клеветѣ... Ахъ, милый папа, напишите князю...

Генераль выпрямился, складка между бровей стала явственнѣе.

— Я не напишу, пока господинъ Пуповскій... Пугинскій... — пока этотъ женихъ твой, Мими, не будетъ оправданъ судомъ.

— Но суда не будетъ, *mon cher*, — вставила мягко генеральша, хотя ея щеки багровѣли, а въ глазахъ зажглись огоньки. — Я слышала отъ графа, — дѣло кончится такъ... безъ шума...

— Тѣмъ хуже для него... Ему бы слѣдовало просить суда, требовать, чтобы снять съ себя это позорное обвиненіе.

— Ахъ, *mon cher*, и кого теперь не обвиняютъ?... Вамъ стоитъ написать только одно слово...

— Поэтому-то я не могу написать... Вы позволите? — генераль закурилъ и запыхтѣлъ сигарой. — Я никогда не хлопоталъ за воровъ, никогда не выдвигалъ воровъ, — онъ отчеканивалъ каждое слово, — и никогда не буду... Государство не ресторанъ для обжорливыхъ проходимцевъ...

Генераль утопалъ въ облакахъ дыма. У Мими началась мигрень, Зизи сложила ручки и горько плакала, генеральша была виѣ себя. Правда, она и рассчитывала на нѣкоторое упорство въ началѣ, но ее выводилъ изъ себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смущалъ

этотъ странный, совсѣмъ необычный тонъ. Генераль совсѣмъ не волновался, не горячился, не кричалъ, а держалъ себя какъ-то возмутительно спокойно. Нужно было сдерживаться и держаться на-сторожѣ.

— Но, вѣдь, повторяю вамъ, это клевета, *mon cher*.

— Пусть оправдается!... Хочетъ, я могу помочь ему добиться суда...

Мими застонала, Зизи разрыдалась навзрыдь. Генеральша обратилась къ нимъ точно къ маленькимъ:

— Бѣдныя дѣвочки, перестаньте!... Успокойтесь, *mes chères*!... Папа только такъ,— онъ передумаетъ!... Правда, вѣдь, вы не захотите разбивать счастье своихъ... своихъ...

— Падчерицъ! — подхватилъ генераль, пуская новыя облака дыма. — Конечно, нѣтъ... Ничье счастье разбивать не хочу... Но какое же это счастье, опозоренный женихъ? Признаться, я противъ этого брака и очень радъ, что Мими не моя дочь... Имѣть въ родствѣ...

Это было слишкомъ... «Падчерица», «не дочь», — генераль, кажется, всегда избѣгалъ такъ выражаться. Онъ былъ слишкомъ мягокъ и деликатенъ для этого. Въ генеральшѣ поднялось озлобленіе властной натуры, когда подчинявшійся всегда вдругъ проявить свою самостоятельность... Нужень былъ ударъ...

— Ахъ, вы разстроили дѣтей,— перебила она его и голосъ ея дрожалъ, а глаза сверкали, — бѣдныхъ дѣтей, которые такъ нетерпѣливо слѣшили подѣлиться съ вами своимъ счастьемъ! Удивительная жестокость!... Впрочемъ, вы сами сегодня разстроены, *mon cher*... Да, это видно, — ну, теперь понятно... Дѣти, дѣти... милыя дѣвочки, не плачьте, папа самъ разстроенъ!... Что съ вами, *mon cher*, скажите мнѣ?... Я слышала о пріѣздѣ какой-то прехорошенькой блондинки, да?... Слезы... болѣзнь... докторъ... Кто это?

Генераль совершенно спокойно потянулъ сигару.

— Очень близкая мнѣ дѣвушка, сирота... дочь стараго полковаго товарища.

Генеральша улыбнулась и пытливо взглянула на мужа. Тотъ сѣлъ, наконецъ.

— Вотъ какъ! Я никогда не слышала... Впрочемъ, дочь стараго товарища... Что-жь, если она больна, ей нужень уходъ... Гдѣ она, у васъ... на вашей постели, да? О, ей, вѣрно, неудобно тамъ, — лучше сюда, къ намъ. Мими и Зизи могутъ ухаживать.

— Я съ радостью! — застонала Мими, прижимая съ страдальческимъ видомъ къ виску свою ручку. — Ахъ!... Я съ радостью! Ахъ!

— Съ восторгомъ! — всхлипнула Зизи.

— Видите, какія онѣ у меня добрыя! — подхватила генеральша. — Отчего же вы не хотите?... Докторъ не велѣлъ, — сказалъ, не беспокоить?... Да?... Жаль... Ну, пока, пока... А *propos*, слышали вы исторію съ родственницей графа X.?

Ея глаза блеснули и устались въ мужа. Тотъ покачалъ головой, не вынимая сигары.

— Нѣтъ? Вся столица объ этомъ говорила... Прекуръезная исторія... Все родственница и родственница, дальняя какая-то... И, вдругъ, представьте себѣ, оказалось — дочь! *Imaginez vous!* Родная дочь!... Un *rêché* молодости... Вы понимаете?

Генераль откинулся въ креслѣ, вынулъ сигару и молча посмотрѣлъ на жену. Та поймала этотъ взглядъ и сразу съежилась... до того съежилась, что Мими забыла о мигрени, Зизи о слезахъ и обѣ устались удивленные на мать. Такой взглядъ она встрѣтила только разъ въ жизни, всего одинъ разъ, давно, очень давно, когда генераль нечаянно засталъ ее въ липовой аллеѣ подъ руку съ французомъ гувернеромъ сосѣдей... Тогда, ахъ, тогда... Она и до сего дня не могла забыть.

— Мими, тебѣ бы прилечь, — сказалъ генераль спокойно, не мѣняя позы, — а ты, Зизи, погуляй... Право!

Онъ остался одинъ-на-одинъ съ женой. Та сидѣла пришибленная, въ настроеніи охотника, пропуделявшаго по дичи. Приходилось, какъ будто, убѣдиться, что она, все-таки, несмотря на весь свой умъ и наблюдательность, плохо изучила и знала мужа... Онъ деликатенъ, мягокъ, очень мягокъ, но... но... Тотъ всталъ, прошелся, раздвинулъ полы кителя, заложилъ руки въ карманы и остановился въ упоръ передъ нею.

— Скажите прямо, чего вамъ нужно?

Она растерялась немного, не подготовленная къ вопросу, поставленному такъ рѣзко.

— Я не понимаю...

Генераль посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Вы отлично понимаете. Довольно играть комедію... Я спрашиваю: зачѣмъ вы пріѣхали? Расходясь, у насъ было условіе, что я буду вамъ выплачивать по шести тысячъ, съ тѣмъ, чтобы вы сюда не заглядывали... Платить такую сумму мнѣ очень трудно, но я, кажется, плачу всегда аккуратно, — каждое первое число вы получаете 500 рублей... Такъ? Хорошо!... Два раза вы уже

нарушали это условіе, — оба раза, чтобы принудить меня выдать вамъ еще денегъ, и очень большихъ денегъ... Объявляю вамъ, что инѣ это уже надоѣло, довольно, — слышите? — довольно! Зачѣмъ же вы теперь нагрянули?... Ваши дѣвочки хотѣли подѣлиться со мной своимъ счастьемъ, а? — улыбнулся онъ. — Или вы хотите отказаться отъ условія и остаться здѣсь?... Чтожъ, извольте, извольте!...

Онъ стоялъ предъ нею, заложивъ руки въ карманы, и ждалъ отвѣта, не сводя глазъ. Генеральша струхнула, — ей нужно было выцарапать хоть что-нибудь... Она, дѣйствительно, кажется, слишкомъ ужъ рассчитывала на его всегдашнюю мягкость... Помѣряться, впрочемъ, можно будетъ еще впослѣдствіи... Несомнѣнно...

— Я думаю, вы поймете... Вы слышали, Мими сдѣлали предложеніе. Не могу же я отдать ее въ одной рубашкѣ...

Генераль помолчалъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Хорошо... Я дамъ вамъ еще тысячу рублей, но... честное слово, въ послѣдній разъ... Не вѣрите? Вотъ этимъ крестомъ клянусь, — генераль притронулся къ георгіевскому кресту, — этимъ крестомъ, который добывается только честно пролитой кровью!

Генеральша совсѣмъ пожелтѣла.

— Но ему нужно мѣсто... Поймите сами, Мими уже 26 лѣтъ... Если онъ не получитъ, этотъ бракъ не можетъ состояться.

— Тѣмъ лучше для нея... Я могу помочь этому господину только добиться суда и, если захочетъ, пожалуй, военнаго, даже полевого... Идетъ?... нѣтъ?... Какъ хотите!... И такъ, я дамъ вамъ въ послѣдній разъ тысячу рублей, но съ тѣмъ, чтобы вы, — генераль посмотрѣлъ на часы и сдвинулъ брови, — чтобы вы уѣхали отсюда сегодня же въ 7 часовъ — слышите? — только съ тѣмъ!...

— Вотъ что!...

Генеральша вспыхнула. Казалось, это было слишкомъ для такого... такого... brut... .

— А если я не уѣду?

— Если не уѣдете, уѣду я, — спокойно продолжалъ генераль. — Сегодня, въ 7 часовъ... Вы останетесь въ этомъ домѣ; управляющій, — вы знаете его, — будетъ отпускать вамъ все необходимое на троихъ, не считая горничной. Въ вашемъ распоряженіи будетъ экипажъ и пара сѣрыхъ. Кромѣ того... кромѣ того... я прикажу выдавать вамъ ежемѣсячно рублей пятьдесятъ... И затѣмъ... наше прежнее условіе уничтожено.

Онъ ждалъ, спокойно играя жетономъ часовой цѣпочки, и встрѣ-

тилъ самый убійственный, самый озлобленный взглядъ. Этотъ взглядъ подсказалъ ему побѣду.

— И такъ?

— Что-жь «и такъ»?... Я, конечно, *вынуждена* принять ваши *милыя* условія. Не могу же я запереть дѣтей въ этой трущобѣ!— говорила она, захлебываясь отъ гнѣва и сверкая глазами.— Вы это сами отлично понимаете. Но... но...— ея черты все больше и больше искажались гнѣвомъ, — но... это, признаюсь, что-то новое... Странно, тутъ есть какая-то подкладка... Ужь нѣтъ ли тутъ связи съ прїѣздомъ этой интересной блондинки и всей этой утренней комедіей? Ха, ха, ха!... Романтическая деревенская идиллія... очень мило... Что-жь, *mon cher*, вы еще, кажется, годитесь въ герои!... Но... но... помните, *mon cher*, — захлебывалась она, совсѣмъ потерявъ голову отъ хлынувшего черезъ край бѣшенства, — помните, я не п - о - з - волю... я не допущу вторженія... въ... семью... Я найду...— сынала генеральша словами, сама не зная что.

— Въ *семью*? — подчеркнулъ генераль и густые усы его замѣтно дрогнули. — Въ *семью*?

Но та была уже виѣ себя и во что бы то ни стало ей нужно было выговориться, — будь что будетъ.

— Да... да... не щурьте глаза, я не пуглива... Въ *семью*! По закону, вы мой мужъ, а я жена! Есть адвокаты... есть судъ!... По-настоящему, вы должны были бы дать Мими домъ въ Москвѣ, — онъ вамъ, все равно, не нуженъ, — а не какую-нибудь тысячу... Для кого вы его бережете? — вздохнула генеральша легко, что, наконецъ, выговорила затаенное желаніе. — У васъ только боковые наслѣдники!... Или на благотворенія? Очень нужно!... Ха, ха, ха!... А, можетъ быть, какая-нибудь блондинка? Хорошіе будутъ толки, когда въ Петербургѣ узнаютъ про эту *одну тысячу*...

Генераль вдругъ повернулся къ звонку и позвонилъ; его усы дрожали. Жена остановилась и съ удивленіемъ смотрѣла, тревожно ища объясненія.

— Что это еще?

Въ дверяхъ показался Яковъ.

— Я приказалъ, чтобы къ поѣзду были готовы карета и подводы... Передано приказаніе?

— Такъ точно.

— Хорошо. Иди, — и генераль самъ повернулся.

— Пойдите... пойдите... Я уѣду! — зашипѣла генеральша. —

Но я требую... вы должны сказать мнѣ, слышите?

Онъ повернулся на ходу.

— Кто эта... эта блондинка? — шипѣла генеральша, пылая гнѣвомъ.

— Я сказалъ, сударыня, все, что вамъ нужно знать... Дальше, какъ хотите. Прощайте!

Онъ вышелъ ровно, спокойно, медленнымъ, твердымъ шагомъ, но, войдя къ себѣ, какъ безсильный повалился на диванъ.

— О, Господи!...

Вѣрный Яковъ былъ уже тутъ. Онъ налилъ въ руку ээпра и бережно, любовно, какъ няня, смачивалъ сѣдую голову генерала, прижимая ладонь, не говоря ни слова...

— Виски, Яковъ, виски, другъ мой!... О, Господи!

Позднимъ вечеромъ генералъ ходилъ нервно изъ угла въ уголъ. Огрѣвшая, пріободрившаяся Таня напряженно слушала его взволнованную рѣчь и, лежа, молча слѣдила за нимъ любящимъ, полнымъ участія и жалости взглядомъ. Тихій миръ слеталъ на нее отъ этой рѣчи и все больше и больше охватывалъ ее душу мягкимъ, нѣжащимъ тепломъ. Она сладко, по-дѣтски, вытянулась подъ одѣяломъ и заложила ручки за голову. Одинокая свѣча, прикрытая плотнымъ абажуромъ, тускло освѣщала большую комнату. Темносѣрыя тѣни безшумно и плавно двигались по потолку и полу отъ бродившей фигуры генерала. Въ открытое окно притекалъ волною смѣшанный запахъ жасмина и сирени.

— Я отдалъ бы все, что имѣю, чтобы назвать тебя громко, передъ всѣми, своею родною дочерью, какъ и твою покойную мать своею женой!... Все... все отдалъ бы, Таня!—взволнованно говорилъ онъ и голосъ его звучалъ самую искреннюю, самую горячую скорбь.—И не умри покойница, мнѣ, можетъ быть, и удалось бы устроить этотъ бракъ... Ну, отдалъ бы женѣ Роцино, отдалъ бы домъ въ Москвѣ... какъ-нибудь это устроилось бы... На пансіонъ за мои раны вы были бы, все-таки, сыты и одѣты... Наконецъ, я и служилъ бы еще ради васъ... Но... Богъ судилъ иначе, Таня: она жила только годъ и тебѣ отдала свою жизнь.

Генералъ вздохнулъ, какъ вздыхаютъ отъ сдерживаемой черезъ силу боли.

— Ну,—продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы, все также шагая,—мнѣ оставалось сдѣлать то, что я и сдѣлалъ: я отдалъ тебя на воспитаніе Аркановой,—прекрасной женщинѣ и большой подругѣ твоей матери,—а самому назваться дядей. Когда она тоже умерла, я помѣстилъ тебя къ этимъ... этимъ... Я обезпечилъ тебя всѣмъ, чѣмъ могъ... Въ банкѣ у тебя лежатъ деньги твоей

матери и мой, всего пятьдесятъ тысячъ. Я устрою такъ, что и Роцино будетъ твое, —я выдамъ тебѣ обязательство на сумму гораздо большую, чѣмъ его стоимость. Совѣсть моя будетъ покойна, потому что ты—единственное близкое и дорогое мнѣ существо, самая естественная наслѣдница... Моя жена? Мы болѣе чѣмъ чужіе другъ другу люди, впрочемъ, и ей оставляю я кое-что послѣ себя. Богъ съ ней, пусть не проклинаетъ!... Мы сошлись, какъ сходятся очень многіе, глупо и скверно. Съ моей стороны это было безразсудное, слѣпое увлеченіе послѣ долгой бивачной жизни, съ ея... съ ея... гадкій, гнусный расчетъ, отчасти извиняемый затруднительнымъ положеніемъ женщины, обремененной, къ тому же, дѣтьми! Я былъ молодой офицеръ, совсѣмъ не знавшій жизни, довольно богатый и видный женихъ, она—красивая вдова и опытная кокетка... Ну, и вышло, что должно было выйти. Мы разошлись безъ драмъ, безъ потрясеній, такими-же чуждыми другъ другу, какъ и сходились, устроивъ полюбовную сдѣлку, благо у насъ не было дѣтей... Впрочемъ, и тѣ, еслибъ они были, врядъ ли меня обвинили бы. Ну, да это другой вопросъ... Единственная женщина, которую я дѣйствительно люблю,—любилъ, какъ долженъ любить мужъ: безраздѣльно, цѣльно, всею душой, всѣми помыслами,—была твоя покойная мать, Таня!

Онъ остановился, задыхаясь, и быстрымъ нервнымъ движеніемъ поднесъ руку къ виску. Шрамъ отъ сабельнаго удара побагровѣлъ и явственно выступилъ краснымъ рубцомъ на лбу, сѣдые усы дрожали. Точно пришибленный нахлынувшимъ чувствомъ, онъ подсѣлъ къ Танѣ на край кровати. У Тани дрожали слезинки.

— Это была святая женщина, одна изъ тѣхъ, что проходятъ по землѣ какимъ-то свѣтлымъ призракомъ. Тебѣ сказали правду, она учила моихъ падчерицъ, жила у насъ гувернанткой... пока... пока... не узнала, что я люблю ее. Тогда она ушла, гордая, честная, не выносившая никакой фальши. Она долго боролась, но... но... пожалѣла меня... Постой!

Онъ вскочилъ, быстрыми шагами подошелъ къ стоявшей въ углу конторкѣ, отворилъ и нажалъ пружину потайного ящика.

— Вотъ ея портретъ, Таня. Посмотри на нее, —сказалъ онъ, садясь къ ней снова. — Вотъ твои глаза, твой носъ, твои губы, видишь, ты и фигурой вся въ нее... Свѣчу? Хорошо!—и онъ снялъ абажуръ и поднесъ свѣчу.—Видишь?... Это твоя мать и моя... моя дѣйствительная жена! Вотъ это ея браслетъ, — говорилъ онъ тихимъ, задыхающимся шепотомъ—Носи его, дай ручку, теперь я

отдаю его тебѣ. А это ея крестикъ... подними головку!... такъ!... я тебѣ его надѣну!

У Тани катились по щекамъ тихія, теплыя слезы. Она подняла головку и генералъ дрожавшими руками надѣвалъ ей простой золотой крестикъ на черной бархатной тесьмѣ.

— Носи его, милая... Если она и согрѣшила тѣмъ, что пожалѣла меня, она знала, что я былъ близокъ къ... былъ близокъ къ дурному поступку,—я упрошу Бога сложить этотъ грѣхъ всецѣло на мою душу... Я не могъ жить безъ нея... Я умолялъ, настаивалъ, я грозилъ своей жизнью, и ея грѣхъ—это моя вина. Пусть простить мнѣ святая душа покойницы!—перекрестился генералъ. — И ты меня прости, Таня, не вини за то, что испытала уже, что придется еще испытать, можетъ быть... Прости, дитя, не вини... отца...

Онъ наклонился къ ней и смотрѣлъ на нее влажными глазами, съ рѣсницами, на которыхъ дрожали двѣ крупныя слезы. Таня порывисто поднялась и обняла его шею руками.

— Отецъ... отецъ... отецъ!—впервые шептали ея уста это слово.—Никогда, никогда!...

И, прильнувъ къ нему мокрымъ отъ слезъ личикомъ, вся согрѣтая тепломъ, она сладко вздохнула, полная какого-то бессознательнаго счастья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Гора съ горою.

— Пусть меня растерзаютъ всѣ турецкіе черти съ самимъ Магометомъ во главѣ, если я двинусь хоть на шагъ отсюда!... Нѣтъ, слуга покорный, довольно этого подражанія козамъ!... Цѣлыя сутки изо-дня въ день карабкаться по такимъ крутизнамъ! Да, не думаютъ ли они, что у меня ноги горной козы или легкость горнаго духа? Какъ бы не такъ! Къ тому же, ни козы, ни духи не носятъ этихъ проклятыхъ сапогъ, которыми я имѣлъ одинаковую глупость съ вами, мой другъ, запасть въ Рагузѣ... Если горные духи нуждаются въ обуви, они носятъ, вѣроятно, такую же мягкую кожаную дрянъ, совсѣмъ для насъ непривычную, какъ и этотъ черноглазый дьяволъ Петко, который вмѣстѣ съ другими юнаками такъ сладострастно заглядывается на наше оружіе... Понимаю и эти взгляды, и вашъ не совсѣмъ юнацкій трепеть, мой другъ!...

Увѣренъ, что въ своей вертеровской душѣ, упитанной самыми сентиментальными бутербродами, вы сожалеете теперь о покинутомъ очагѣ, о какой-нибудь непремѣнно зеленой Wiese, о какихъ-нибудь непремѣнно голубыхъ, до тошноты глупо-сладкихъ, глазахъ и проклинаете руку, промѣнявшую микроскопъ на винчестеръ... Понимаю, ибо самъ испытываю почти то же, хотя очень мало ѣлъ бутербродовъ,—понимаете вы это русское: «въ су-хмят-ку»? Нѣтъ, ну, и не понимайте, не стоить! Не имѣю очага и не имѣю въ запасѣ никакихъ голубыхъ глазъ. Признаюсь, положеніе, въ которомъ очутились мы оба, вы—культурнѣйшій бутонъ культуры, и я—отпрыскъ полярнаго медвѣдя, дѣйствительно, и смѣшно, и глупо. Сентиментально явиться на помощь и очутиться въ положеніи совсѣмъ ненужнаго балласта для этихъ юнаковъ, которые, навѣрное, посылаютъ насъ ко всѣмъ чертямъ, зарятся на великолѣпные винчестеры и съ восторгомъ встрѣтили бы мѣткій турецкій выстрѣлъ, который отдалъ бы имъ завидное оружіе этихъ непрощенныхъ добровольныхъ помощниковъ! Вы думаете, что они и сами не прочь какъ-нибудь этакъ... невзначай... при случаѣ... ради патроновъ и винчестеровъ?... Ну, что-жь, очень можетъ быть, хотя вы вообще настроены мрачно, Гербертъ, и все окрашиваете такимъ настроеніемъ, какъ Гретхенъ, когда та кое-что теряетъ... Впрочемъ, очень можетъ быть, и по-своему,—чортъ по бери!—они, ей-Богу, будутъ правы! Вѣдь, мы для нихъ чистѣйшій балластъ съ нашимъ неумѣньемъ цѣпляться и карабкаться по горамъ, съ нашею невыносливостью и вашимъ постояннымъ чиханьемъ, когда вся эта война заключается, главнымъ образомъ, въ этомъ и въ соблюденіи тишины... Вотъ, вы опять чихнули,—экій у васъ въ самомъ дѣлѣ насморкъ отъ утреннихъ тумановъ! Ну, и кой чортъ несло васъ въ это горное возстаніе съ такимъ меланхолическимъ носомъ? Еще?... Тише, Гербертъ,—ей-Богу, вы привлечете вниманіе турокъ,—не забудьте, что съ арнаутскими отрядами шутки плохи,—эти дьяволы не уступаютъ нашимъ юнакамъ... Преподлое, чортъ возьми, положеніе!... Однако, юнаки разставляютъ, кажется, часовыхъ,—смотрите Гербертъ, смотрите! Значить, мы не двигаемся и, наконецъ, отдохнемъ въ волю... О, наслажденіе!... Гербертъ, самое розовое сердце на свѣтѣ, воплощенный звукъ томной мандолины, Гербертъ, забудьте свой насморкъ и радуйтесь! Слушайте, да встряхнитесь же, чортъ возьми! У меня есть еще двѣ галеты, слышите?...

Но даже заманчивая перспектива сѣсть кусокъ галеты, предложенной ему воспрянувшимъ Сергѣемъ, на лицо котораго и годы,

и густая, черная борода, и лишёнія послѣднихъ дней наложили теперь печать суровой мужественности, не могла разогнать хмураго настроенія уставшаго, слегка лихорадившаго Герберта. Уроженецъ южной Баваріи, нѣжный, хотя и крѣпышъ на видъ, онъ совсѣмъ не выносилъ условій этой горной драки, въ которую затянули его и доброе, отзывчивое сердце, и хорошіе стихи, и газетныя извѣстія о жестокостяхъ турокъ. Въ небольшомъ отрядѣ возставшихъ, — людей ему совершенно чуждыхъ и по языку, и по нравамъ, — онъ, дѣйствительно, проклиналъ себя съ перваго дня и случайная встрѣча тутъ же съ Сергѣемъ явилась для него самымъ цѣннымъ кладомъ. Тотъ говорилъ какъ нѣмецъ, понималъ его, помогалъ чѣмъ и какъ могъ, ободрялъ, и Гербертъ привязался къ нему, какъ къ родному брату. Онъ отдалъ ему даже письмо къ матери и кое-какія вещи, на случай, если бы турецкая пуля сразила его раньше, чѣмъ ему удастся выбраться. Впрочемъ, до сихъ поръ дѣло шло для него благополучно: отрядъ отступалъ горами, приближаясь къ границѣ, а въ перестрѣлкахъ, которыми ограничивались пока обѣ стороны, ему приходилось ловить только тупые звуки, съ какими свинцовыя пули расплющиваются о камень.

— Удивляюсь я этой дикой способности шутить при самыхъ серьезныхъ обстоятельствахъ и приходиться въ восторгъ по глупѣйшему поводу! — раздражительно говорилъ Гербертъ, дергая плечами. — Миѣ не до смѣха... Хоть бы турки, провались они, нагрянули, что ли! Удивительная, право, парадоксальность натуры!...

— Заговорили уже? Ну, слава Аллаху! Значить, сейчасъ и конецъ сплину! — шутилъ, смѣясь, Сергѣй. — Парадоксальность натуры? Ха, ха, ха! Какъ же быть иначе, когда я самъ чистѣйшій парадоксъ, мой милѣйшій Вертеръ? Судите сами: человѣкъ, выброшенный обстоятельствами за бортъ и потому, волей-неволей, принужденный хвататься за борты чужихъ лодокъ, хотя въ каждой онъ чувствуетъ себя чужимъ... Разъ!... Врачъ, который ни аза не вѣрить въ свою медицину и потому никогда не будетъ лѣчить даже насморка... Два! Музыкантъ, который такъ страстно любитъ свою музыку, что никакъ не рѣшается выступить въ концертъ, несмотря на всѣ комплименты вашихъ свѣтилъ... Три! Хотите еще — четыре?

— Будетъ! Нѣтъ, нѣтъ! Легкое отношеніе ко всему, какъ и парадоксальность, это ваша національная черта!...

— Ага, значить пришли въ себя!... Какъ только нѣмецъ приходитъ въ самочувствіе, онъ непремѣнно затрогиваетъ чужія національныя черты.

— Это ваша національная черта!

— Другъ мой, Гербертъ, да, вѣдь, мы вовсе и не нація!

— А что-жь вы такое?

— Мы? Мы земледѣльцы... Bauern!...

— Опять парадоксъ!

Гербертъ даже сплюнулъ съ досады.

— Другъ мой, не плюйте. Это вовсе не культурная привычка, которую вы приобрѣли отъ сѣвернаго варвара... Каюсь, очень дурная привычка и за нее вамъ намылить голову ваша *liebschen*!... А, все-таки, повторяю вамъ: мы не нація... Спросите любаго изъ своихъ компатріотовъ: кто онъ? Вы непременно услышите: баварець! Поѣзжайте въ Пруссію—прусакъ... Во Францію—французъ...

— А у васъ?—съ недовѣріемъ перебилъ Гербертъ.

— А у насъ вы услышите въ громадномъ большинствѣ и во всѣхъ углахъ: мы крестьяне.

Гербертъ передернулъ плечами.

— Не удивляйтесь и не приходите въ гнѣвъ. Я вамъ уже говорилъ, чтобы вы не касались сѣверныхъ варваровъ, потому что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ... Для культурной головы это твердый орѣшекъ... Пока вы не поймете, что такое «планида» и «авось», и еще другіе символы, вы ничего не поймете... Давайте лучше жевать газеты, на этомъ мы легко сойдемся... Желудокъ и зубы, дружище, самое космополитическое явленіе.

Стояло утро и восточные склоны горъ уже багровѣли всѣми тонами отъ легко-оранжеваго до краснаго, какъ кровь. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ скала только склонялась къ востоку, могло казаться, что чья-то невидимая рука наводитъ красный фонарь на темный, сѣрый камень. Изгибы, уступы, щели не казались уже черными пятнами, а довольно ясно сѣрѣли, опредѣленно выступая своими очертаніями. Тѣневые стороны утопали въ голубоватыхъ тонахъ и казались затянутыми какимъ-то очень прозрачнымъ флеромъ, рѣдѣвшимъ все больше и больше. Даль, насколько она открывалась, походившая на цѣлый рядъ громадныхъ, неподвижныхъ волнъ, окрашенныхъ во всевозможные тоны, выступала свѣтло и ясно. Вверху было совсѣмъ свѣтло, слегка сѣроватая еще лазурь уже дышала свѣтомъ. Внизу все было заткано туманомъ и тѣнью. Долъ клубился и легкіе совсѣмъ дымовые клубы ползли и тянулись вверхъ, какъ будто тамъ, внизу, стало уже тѣсно...

Вдругъ, съ одного изъ далекихъ противоположныхъ тѣневыхъ

склоновъ быстро вынырнула клубистая бѣловатая струйка гуще и ярче тумана. Сейчасъ же что-то хлопнуло въ тихомъ воздухѣ, точно вблизи изъ большой бутылки вырвало пробку, и грузно шлепнулось о глухой камень... Затѣмъ еще такая струйка, еще и еще, а съ ними и тѣ же звуки... Сергѣй схватилъ свой винчестеръ, выстрѣлилъ по направленію вырывавшихся дымовыхъ струекъ и услышалъ, какъ съ боковъ шуршалъ щебенъ и верескъ подъ ложившимися людьми... Молчаливая до сихъ поръ скала, залитая красноватымъ свѣтомъ утра, вдругъ разразилась цѣлымъ залпомъ по длинной, извилистой линіи...

— Хорошо, хорошо, Гербертъ, такъ! — говорилъ Сергѣй. — Только вы ужъ очень горячитесь и не жалѣете патроновъ, хотя всѣ наши выстрѣлы, кажется, не опаснѣ простыхъ салютовъ для этихъ дьяволовъ, такъ хорошо прикрытыхъ... Однако, нѣтъ, чортъ возьми!... Смотрите!... Тотъ флангъ начинаетъ рѣдѣть и уставать!... Ага!... Ловко!... Цѣльтесь правѣе, туда, Гербертъ, туда! И слушайте: нельзя такъ высовываться!

Горячая перестрѣлка между двумя громадными скалами, разделенными широкою долиной, продолжалась и росла. Что дѣлалось тамъ, внизу, въ этой долинѣ, нельзя было видѣть, конечно, за туманомъ и дымомъ выстрѣловъ. Вѣроятно, горные зайцы и лисичицы притаились, дрожа, въ своихъ норахъ и насторожили въ трепетъ уши. Какая-то птица имѣла смѣлость, а, можетъ быть, и страхъ, сняться и грузно пролетѣть долину. Сергѣй совсѣмъ беззаботно стрѣлялъ и не переставалъ шутить, удерживая пылъ своего друга, ничего не ожидая, не тревожась, такъ что рѣзкій крикъ снизу, не то гортанный, не то хриплый, заставилъ его вздрогнуть. Такъ выкрикиваютъ только сигналъ тревоги.

— Эге, Гербертъ, шутки плохи!... Надѣньте - ка штыкъ! Да кинжалъ, Гербертъ, кинжалъ!...

Онъ не договорилъ, какъ мимо пробѣжали уже люди съ ятаганами въ рукахъ и зубахъ. Нужно было спѣшить, чтобы не дать взобраться арнаутамъ на площадку и встрѣтить ихъ на отлогости. Горная тактика знаетъ, что сбрасывать легче, чѣмъ поднимать... Близко уже шла возня, слышалась свалка и бѣшеный, хриплый крикъ, сквозь который прорывался холодный лязгъ желѣза. Все это неудержимо влекло къ себѣ и оба друга кинулись, очертя голову, внизъ... Крикъ и лязгъ растягивались, какъ бы удлиняясь и, значить, «сбрасываніе» шло пока удачно. Но вдругъ они усилились и стали гуще и чаще. Люди сдвигались все плотнѣе и плотнѣе, точно впереди встрѣтилось препятствіе, а задніе стали напирать все

сильнѣе. Минутная небольшая остановка... Сергѣй хотѣлъ протолкаться внизъ, но въ это время передніе тоже двинулись, только не впередъ, а назадъ... «Поднимають значить»,—мелькнуло у него и тутъ же онъ увидѣлъ вдругъ вынырнувшія откуда-то красныя фески, бронзовыя лица, сверкавшіе бѣлки глазъ и черныя, открытые, кричавшіе «алла!» рты. Въ немъ что-то заклокотало, кипучее, острое, бѣшенное, туманящее, и ему самому захотѣлось открыть ротъ и кричать. Онъ рванулся и почти неожиданно для самого себя воткнулъ штыкъ въ одного изъ напиравшихъ. Онъ помнилъ при этомъ одно, что этотъ штыкъ вошелъ «какъ въ масло». Но тутъ же, прежде чѣмъ онъ успѣлъ его вынуть, другая феска выстрѣлила въ упоръ въ Герберта и тотъ, какъ скошенный, повалился съ раздробленнымъ черепомъ.

— А вотъ же тебѣ!—заревѣлъ Сергѣй, хрипя, и кинулся съ своимъ оружіемъ.

Онъ кричалъ, ревѣлъ, топталъ, кололъ и билъ теперь, какъ и всѣ кругомъ, ничего не видя вокругъ и ничего не понимая. Его сдавили, съ него было сорвано въ свалкѣ все, даже рубашка висѣла лохмотьями и очень больно ушибли ногу. Но, ковыляя, спотыкаясь, онъ, все-таки, казалось, радостно сбѣгалъ съ другими, коя и рубя убѣгавшихъ «сброшенныхъ».

— Юнакъ! Юнакъ! О, молодець русскій!—говорили ему послѣ отраженія турокъ, но Сергѣй съ удивленіемъ встрѣчалъ всѣ похвалы отряда.

Онъ не представлялъ и не понималъ, чтò онъ такое сдѣлалъ особеннаго отъ другихъ, что его хвалятъ. Всѣ кричали, всѣ рубились... ну, и онъ... А что ему пришлось быть впереди, такъ что-жъ тутъ такое? Какъ-нибудь случайно... Онъ могъ поклясться, что все это вышло помимо сознательной воли. Вообще сраженіе не оправдало его ожиданій и представленій, оно просто-на-просто сводилось на обыкновенную свалку взбѣшенныхъ вооруженныхъ людей. Ничего красиваго, позирующаго, эффектнаго; напротивъ, чортъ знаетъ что такое!... И, главное, ничего страшнаго... Нѣчто даже совсѣмъ свободное отъ всякихъ ощущеній, кромѣ какого-то тумана и неудержимаго бѣшенства озлобленія.

— Фу, совсѣмъ глупо и по-звѣрски!

То же повторялъ онъ и въ Триэстѣ, куда вскорѣ добрался на австрійскомъ пароходѣ съ ушибленною, все еще нывшею ногой. Впрочемъ, такъ какъ душа человѣка рѣдко подчиняется сознательной волѣ своей тлѣнной оболочки и весьма охотно реагируетъ на условія и обстоятельства, лежащія внѣ власти послѣдней, то не уди-

вительно, что въ Триэстѣ Сергѣй готовъ былъ находить все и глупымъ, и звѣрскимъ, и мрачнымъ: въ карманѣ у него не было ни гроша. Самое плохое дѣло въ большомъ, совершенно чуждомъ городѣ, среди совсѣмъ незнакомыхъ людей, да еще и съ ушибленною ногой въ придачу, и онъ довольно правдоподобно сравнивалъ себя съ арабомъ, потерявшимъ въ пустынѣ послѣдняго верблюда. Суета и кипучее движеніе, громадныя дома и масса снующихъ людей, рынки и блестящіе магазины,—все это, вопреки инстинкту общественности, скрытому въ каждомъ сердцѣ, вселяло холодный страхъ, если не ужасъ, такъ какъ нога не допускала мысли о работѣ, рука не протягивалась за подаянiемъ, а обладатель обѣихъ скорѣй свалился бы внизъ головой съ высокаго моста, чѣмъ попросилъ бы кусокъ плохо выпеченнаго хлѣба или галеты въ стоявшей наискосокъ булочной. Что для араба самумъ, песокъ, безлюдье, пустыня, то для него эти дома, люди, суета и благоустройство. Чортъ возьми, однако, съ такою жизнью! И нужно же было, чтобъ этотъ поясъ, въ которомъ были зашиты деньги, разсѣченный ударомъ ятагана и слетѣвшій затѣмъ въ пропасть, спасъ ему жизнь! Нѣтъ, рубиться съ бѣшенными арнаутами неизмѣримо менѣе страшно, чѣмъ очутиться на улицѣ большого города съ жизнью при себѣ, но безъ спасителя-пояса. Куда пострашнѣе! Однако, все-таки, нужно какъ-нибудь добраться до Вѣны, чортъ возьми! Сергѣй отлично понималъ, что послѣднее почти невыполнимо, когда билетъ для проѣзда стоитъ гульденъ, а въ карманѣ нѣтъ даже крейцера, и человѣку, очутившемуся въ такомъ незавидномъ положеніи, предоставляется только свободный проходъ, но не проѣздъ по дорогамъ, хотя бы и съ ноющею ногой. Это ухудшало въ значительной мѣрѣ его мрачное настроеніе, вызванное голодомъ, и усиливало холодное чувство безпомощности и страха, рисовавшихъ перспективы самыми черными красками. Все, что было выручено отъ продажи винчестера и револьвера,—ножъ затерялся въ свалкѣ,—все это ушло безвозвратно въ громадную пасть міроваго «обмѣна»: за платье, дорогу, ѣду. Оставалось только рычать, мрачно смотрѣть на вещи, проклинать порывы, которые толкаютъ человѣка туда, гдѣ въ немъ не нуждаются,—ну, и чего полѣзъ онъ въ эти горы, гдѣ явился только балластомъ и гдѣ его, навѣрное, придушили бы, въ концѣ-концовъ, изъ-за оружія? — и смутно мечтать о какомъ-нибудь тихомъ пристанищѣ самой покойной, культурной миссіи...

Вечеромъ Сергѣй стоялъ на лужайкѣ и окидывалъ самымъ естественнымъ въ его положеніи взглядомъ гуляющую, празднично-разодѣтую толпу. Къ общему мрачному настроенію присоединялась

прямая свирѣпость, вызванная близкими визгливыми тонами скрипки, подъ неумѣлою, робкою рукой жалобно, но тщетно вымаливавшей у гулявшихъ крейцеры. Эти визгливые тоны были тяжелѣе го-лода и у Сергѣя то и дѣло бѣшено косило лицо. Онъ не прочь былъ бы раздѣлаться съ игравшимъ, какъ съ арнаутомъ, но когда тотъ, кончивъ свою музыку и обойдя ближайшихъ, подошелъ, наконецъ, и къ нему съ пустою совѣмъ фуражкой, и онъ заглянулъ ему въ лицо, Сергѣю стало вдругъ жалко дряхлаго старика съ молящимъ взглядомъ.

— Ну, что, старина, пусто?—спросилъ онъ.

— Ничего, добрый господинъ, ни одного крейцера... А у меня жена старуха и дѣти и всѣ они хотятъ ѣсть.

Сергѣй вспомнилъ, что у него нѣтъ ни жены, ни дѣтей, а только одинъ единственный просящій желудокъ, и ему стало еще жалче. Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ отвѣтить ничего другаго, какъ-то, что прямо и непосредственно устанавливалось обстоятельствами.

— Ну, и отъ меня вы не получите ни крейцера, старина, хотя, по правдѣ сказать, мнѣ васъ и очень жалко... Но, видите ли, видите ли, бываютъ обстоятельства, что и *одинъ* желудокъ не всегда находитъ.

Старикъ раскланивался, держа фуражку и улыбаясь, не зная, шутить ли добрый господинъ или говорить вправду. Вдругъ Сергѣя, казалось, осянула блестящая мысль, глаза его блеснули.

— Повторяю вамъ, у меня самого нѣтъ ни полкрейцера даже. Но вотъ что, старина, я могу, кажется, кое-что для васъ сдѣлать.

— О, господинъ!... О, добрый господинъ!

— Перестаньте кланяться, а дайте мнѣ вашу скрипку и сами станьте возлѣ.

— Мою скрипку?

— Да, да... я посмотрю, можетъ быть, буду счастливѣе васъ, хотя рука и давно не держала смычка... Ну, хорошо!... О, да у васъ строй совѣмъ не вѣренъ!... Слышите? Квинта—на цѣлый полутонъ!... А эта... эта... батюшки!... Да вы эту совѣмъ перекрутили... Что это, у васъ разныя уши, что ли, что вы настраиваете по разнымъ камертонамъ? Чортъ знаетъ что!

Старикъ сіялъ улыбкой; онъ все болѣе убѣждался, что передъ нимъ настоящій артистъ, можетъ быть, даже какая-нибудь знаменитость. Мало ли какіе случаи бываютъ на свѣтѣ!... У артистовъ всегда самые странные порывы, на то они и артисты.

— Ну, теперь придвиньтесь, такъ. Я сейчасъ начну.

Глаза его, устремленные вдаль, загорѣлись и сверкали глубоко-

кимъ огнемъ вдохновенія, на лбу прошла складка. Моментъ, онъ опустилъ вѣлки, прижалъ длинными пальцами струны, и тѣ какъ-то сами собою запѣли. Сначала тихо, жалобно, какъ грустная мечта, какъ робкій, молящій взглядъ, они вдругъ стали бурными и горячими, какъ страстный натискъ безумно-отважной толпы арнаутовъ. Сергѣй еще разъ ударилъ смычкомъ, но только не этимъ, — нѣтъ, не этимъ! Старикъ отдалъ бы свою сѣдую голову, что это не его смычокъ такъ властно зоветъ и манитъ, не его старая, дешевая скрипка рыдаетъ такими глубокими, полными, точно изъ живой человѣческой груди вылетающими тонами... Глухой — и тотъ бы слышалъ; камень, сѣрый пыльный камень, на которомъ стояли его дряхлые ноги, трепеталъ и отзывался... Старикъ видѣлъ, какъ пробѣжало въ гулявшихъ рядахъ движеніе изумленія. Онъ видѣлъ, какъ, неотразимо повинувшись властному призыву этихъ мощныхъ звуковъ его скрипки, все тѣснѣе и тѣснѣе сдвигались эти ряды. Онъ видѣлъ, наконецъ, цѣлое море головъ, затаившихъ дыханіе, очарованныхъ, блѣдныхъ, возбужденныхъ, — видѣлъ сотни глазъ, то горѣвшихъ огнемъ, то затуманенныхъ влагой... И это для него, все для него!... Онъ прижался ближе своею старою, сѣдою головой, какъ будто затѣмъ, чтобы и ея сѣдинъ коснулся свѣтлый лучъ ореола этого могучаго чародѣя, и старые глаза тихо катили слезы... А могучій чародѣй околдовывалъ все сильнѣе, толпа цѣпенѣла; его старая, дешевая скрипка посылала властные тоны прямо въ людское сердце...

— Ну, теперь идите съ фуражкой!... Идите же! Что это вы приросли къ мѣсту? — лихорадочно говорилъ Сергѣй. — Ловите моментъ, старина!

Воздухъ буквально дрожалъ отъ гула рукоплесканій и криковъ восторга многочисленной толпы, настойчиво требовавшей повторенія. Старикъ вернулся съ фуражкой, полной денегъ, деньги онъ несъ и въ лапахъ своего сюртука.

— Вотъ, вотъ сколько! — съ гордостью и счастьемъ говорилъ онъ, когда послѣ повтореній игры Сергѣя они оба улизнули, воспользовавшись смятеніемъ восхищенной толпы, громко кричавшей: кто это? кто это?... и требовавшей снова: «bis!»

— Много? — спросилъ Сергѣй.

— Я не считалъ, добрый господинъ... По столько мнѣ не приходилось, должно быть, выручать и въ годъ, и въ два года... О, о, мой добрый господинъ, я слышалъ объ одномъ артистѣ, который своею скрипкой отыгралъ грѣшную душу изъ пекла... Вы можете,

ю, все можете!... Да, вы артистъ!... Но какъ же быть съ этими деньгами?

— Онѣ ваши, старина... Вы мнѣ дайте только что-нибудь за работу, потому что, знаете, я чертовски хочу ѣсть и не знаю, гдѣ мнѣ выпастся.

— Пойдемте ко мнѣ, мой дорогой господинъ,—говорилъ старикъ, горячо сжимая его руку, когда тотъ въ бѣглыхъ словахъ передалъ ему, что и какъ привело его въ Триэсть.—О, пойдемте, сдѣлайте мнѣ эту честь!... Моя старая жена будетъ такъ польщена и сдѣлаетъ намъ отличный ужинъ... О, пожалуйста, не отказывайтесь! А деньги... нѣтъ, нѣтъ, я возьму только половину, я не могу больше!... Нѣтъ, добрый господинъ, мнѣ совѣсть не позволяетъ больше!

Весь мрачный пессимизмъ Сергѣя разсѣялся, какъ ночная мгла съ наступленіемъ утра. Онъ шелъ за довольнымъ и счастливымъ старикомъ, прищелкивая пальцами, что означало у него всегда самый высокій діапазонъ настроенія. Но не успѣли оба пройти и сорока шаговъ, какъ ихъ нагналъ какой-то юркій, запыхавшійся маленькій человѣчекъ восточнаго типа, брѣнетъ, въ высокомъ цилиндрѣ и съ такимъ длиннымъ, выдававшимся впередъ носомъ, что Сергѣю, въ его настроеніи, стоило довольно-таки труда удержаться и не схватить пальцами за кончикъ.

— Пойдите, пойдите, многоуважаемый господинъ! Одну минуточку, господинъ артистъ!... Честь имѣю рекомендоваться... им-прессарію... и устроителю... Да... да... я бѣжалъ за вами, искалъ, какъ сумасшедшій, и только вашъ ростъ... вашъ ростъ... Ахъ, вѣдь, это вы такъ чудно играли, господинъ артистъ? Публика восхищена, она кричитъ, спрашиваетъ, требуетъ... Ради Бога! Честь имѣю... осмѣливаюсь спросить... ваше инкогнито... ваше имя... если будетъ угодно!...

— Мое инкогнито?—говорилъ Сергѣй, смотря сверху внизъ на заманчиво-вертѣвшійся кончикъ носа юркаго человѣчка.—Вамъ нужно мое инкогнито? Хорошо, сударь!... Праздношатающійся русскій, который недѣлю тому назадъ рѣзался въ горахъ съ арнатурами, а теперь дьявольски хочетъ ѣсть.

Юркій человѣчекъ даже замеръ отъ изумленія или восторга. Онъ разставилъ руки, закинулъ голову такъ, что носъ его принималъ видъ островерхой крыши готическаго собора. Но черезъ моментъ онъ уже цокалъ языкомъ и вертѣлся ужомъ, изливаясь въ самыхъ восторженныхъ восклицаніяхъ:

— Какая реклама! Ха, ха, что за реклама!... О, госпо-

динъ артистъ, цѣлый городъ сбѣжится васъ слушать!... Да, да, да, клянусь моею честью, сбѣжится какъ угорѣлый!... Съ такою рекламой? Saperment!... Да къ вамъ потечетъ золотой дождь! Ха, ха, ха, столько гульденовъ, сколько въ городъ ушей!... Ой, сколько гульденовъ!—хлопалъ онъ крошечными ладонями короткихъ рукъ.— Не откажите, господинъ артистъ, одинъ концертъ, одинъ только концертъ!... Половину чистаго сбора!... Аккомпаниментъ что угодно: фортепьяно, віолончель, цѣлый оркестръ... Ради Бога, не откажите!... Идетъ, да? Не угодно ли вамъ получить авансомъ сколько-нибудь?... Это можно!

Юркій человѣчекъ сдѣлалъ выразительное движеніе по направленію къ лѣвому боковому карману. Сергѣй слѣдилъ за нимъ задумчивымъ, колеблющимся взглядомъ. Въ сущности, ему было крайне неловко, но... въ такомъ положеніи...

— Послушайте, я ничего теперь не хочу, кромѣ куска чего-нибудь горячаго. Въ желудкѣ у меня вопить цѣлый оркестръ съ турецкимъ барабаномъ, фэготами и гобоями... Не лучше ли поговорить послѣ?

— О, о... къ вашимъ услугамъ... къ вашимъ услугамъ... Самое лучшее, сударь, самое настоящее!... Saperlot!... Приглашаю... вотъ тутъ, тутъ... Нѣсколько шаговъ всего... «Золотой Левъ»... Первокласный ресторанъ, лучшая кухня... Вино... вино... Бутылочка холодненькаго... Да, идетъ? Съ артистами иначе нельзя... Вотъ сюда... Это не въ счетъ, не въ счетъ...

— Я не одинъ, какъ видите... Со мной товарищъ.

— О, о... и васъ... и васъ приглашаю!—семенилъ юркій человѣкъ, хватая руку старика, который совсѣмъ растерялся и потому только кланялся «господину» и улыбался, держа подъ мышкой скрипку.—Хорошая компанія—первое дѣло!... Га, мы знаемъ, какъ вести дѣло съ артистами!... Пстес... пстес...—окликалъ онъ уже кельнера.—Меню... Три прибора... Все первый сортъ!... Рыба... Мясо... Будете довольны, господа, будете очень довольны!

И, самъ довольный, юркій человѣкъ съ большимъ носомъ весело потиралъ свои руки.

Газетная реклама, на которую не поскупился юркій человѣчекъ, сдѣлала свое дѣло. Сергѣй возмущался, читая импровизацію юркаго полета пера, смѣшавшаго въ одну кучу снѣга и льды Сибири, горячую свалку съ арнаутами, бѣлыхъ медвѣдей, геройскіе подвиги,— всю эту смѣсь правды съ небылицей, такую смѣсь, что все выходило какъ будто чистою неправдой. Но съ импрессаріо ничего нельзя была подѣлать, онъ клялся исправить вранье, сдѣлать ого-

ворки, но, вмѣсто того, на другой день газетные столбцы пестрѣли еще болѣе яркою импровизаціей, а тотъ снова клялся, уже въ томъ, что это вина репортеровъ. Сергѣю даже пришлось довольно внушительно посмотрѣть на острый, подвижной носъ, чтобы отдѣлаться отъ просьбы: одѣть для концерта какой-то маскарадный костюмъ самой фантастической пестроты, выдаваемый юркимъ чело-вѣчкомъ за мундиръ черногорскихъ юнаковъ. Но такъ или иначе, а наплывъ публики былъ дѣйствительно необычайный. Старикъ скрипачъ, въ новой парѣ и бѣломъ галстукѣ, наблюдавшій за продажей билетовъ въ кассѣ, то и дѣло потиралъ руки, гордясь удачей своего «друга артиста», какъ онъ называлъ уже Сергѣя.

А тотъ чувствовалъ себя хуже робкаго школьника, вызваннаго къ столу строгаго экзаменатора, и проклиналъ все на свѣтѣ, начиная съ себя и кончая носомъ своего импрессаріо. И нужно же было, чортъ возьми, чтобы онъ согласился на это предложеніе! И, главное, никакъ нельзя отказаться,—онъ взялъ впередъ часть денегъ... и этотъ фракъ... эти приготовленія... афиши... Чортъ возьми! Совѣмъ хоть въ петлю! Сергѣй стоялъ въ небольшомъ садикѣ передъ концертною залой, уже сверкавшей огнями, нервно курилъ и убѣждался все больше, что изъ концерта выйдетъ только скандалъ. Смычокъ не вытянетъ ни одной ноты, въ душѣ пусто, холодно и нѣтъ ни малѣйшаго желанія играть. Вѣдь, онъ, не присяжный музыкантъ, чортъ возьми! Игра у него выходила только въ особенныя минуты. Онъ назначилъ извѣстныя, много разъ игранныя имъ пьесы, но все равно, онъ забудетъ ноты отъ первой до послѣдней строки, какъ только выйдетъ. Первый дебютъ—и провалъ! Онъ это чувствовалъ и дѣло, казалось, дѣйствительно, стояло такъ. Ужъ не хватить ли, чортъ возьми, для храбрости? По крайней мѣрѣ, смѣлости будетъ больше и не такъ совѣстно. Испуганными глазами смотрѣлъ онъ на прибывавшую публику и страхъ его росъ все больше и больше. Только чудо могло бы спасти, но чудесъ не бываетъ или случаются какъ разъ не въ-время. Женщины кидали на него искоса взгляды, онъ дѣйствительно былъ мужественно хорошъ, съ блѣднымъ лицомъ, въ черной парѣ, съ большимъ ярко-бѣлымъ вырѣзомъ жилета подъ накинутымъ пальто, что всегда краситъ высокихъ брюнетовъ, но выбѣгавшій часто импрессаріо тревожно водилъ своимъ выразительнымъ носомъ и то и дѣло совѣтовалъ «побольше бодрости».

— Вѣдь, вы же рѣзались съ турками,—серьезно доказывалъ онъ Сергѣю,—чего же вамъ робѣть самой мирной публики?—и проклиналъ новичковъ, всегда робѣющихъ больше всякой невѣсты.

Но у Сергѣя уже рябило въ глазахъ отъ страха. Все прибывавшая вереницей публика сливалась для него въ одну безконечную, пеструю ленту. Чей-то кучеръ съ длиннымъ бичомъ осаживалъ у подъѣзда лошадей, чье-то знакомое лицо мелькнуло, чьи-то глаза, блеснувъ, разсѣяли на мгновеніе туманъ, но тотъ опять сейчасъ же затянулъ глаза... Кто-то звалъ его, наконецъ, прямо по имени:

— Сергѣй!... Сергѣй!...

Онъ обернулся, всмотрѣлся и увидалъ себя лицомъ къ лицу съ Таней. Сомнѣнія не могло быть. Время, конечно, сдѣлало свое, — подростокъ превратился въ женщину, но чудные глаза, лобъ, яркія губы, овалъ лица, пепельно-золотистыя пряди остались тѣ же и, точно нарочно, въ волосахъ ея была темная гвоздика, какъ и тогда, въ окнѣ, а бѣлое платье напоминало пелеринку.

Въ груди у Сергѣя заклокоталъ сразу такой хаосъ, что бѣдный мозгъ никакъ не могъ справиться съ нимъ быстро. Поэтому его поблѣвшія губы могли выговорить только одно:

— Вотъ что!... Таня?

— Да, я... и окликаю уже въ третій разъ!

Она вся сіяла радостью.

Тутъ онъ пришелъ въ себя, но его кинуло въ жаръ, во рту пересохло, въ горлѣ что-то захрипѣло. На мгновеніе онъ снова не видѣлъ, кромѣ чего-то двигавшагося вереницей или длиннымъ хвостомъ. Но вдругъ опять все прояснилось и въ ушахъ зазвенѣли только что сказанныя звуки родной, давно не слышанной рѣчи, точно пѣсня. Онъ прижалъ руку къ сердцу, которое колотилось до одышки, и спросилъ еще разъ, какъ будто сомнѣваясь, дрожащими, плохо слушающимися губами:

— Это ты, Таня... изъ Россіи?

— Нѣтъ, изъ Венеціи. Я съ больнымъ отцомъ; мы ѣдемъ въ Вѣну совѣтоваться съ знаменитостями, — ему очень плохо...

Она говорила быстро, спѣша, точно ловила все, что хотѣлось высказать какъ можно скорѣе, и освѣщала его своимъ счастливымъ взглядомъ. Но голова Сергѣя никакъ не могла еще справиться съ хаосомъ. Онъ потерялъ въ этомъ хаосѣ нить ея рѣчи и потому уста его выговорили, казалось, совсѣмъ не то, что хотѣлось.

— Ну, что у васъ? — спросилъ онъ хрипло, точно у него спеклось все горло.

— У насъ, то-есть въ Россіи? Я думаю, все по-старому... Но ты... ты... Сергѣй!... Ахъ, какъ ты блѣденъ, какъ горятъ твои глаза... Ты столько вынесъ?! Я все знаю... отъ Павлова и другихъ... Я все читала здѣсь, что писали о тебѣ, и рвалась тебя уви-

дѣть... Ахъ, какъ я рада, какъ я рада!... Ты чароваль уже своею музыкой на гуляньѣ для дряхлаго старика, читала, читала!... Какъ я счастлива за тебя!... Я горжусь и... и... завидую...

— Миѣ завидуешь?

Онъ спросилъ глухимъ, хотя и груднымъ голосомъ, который выбросила какая-то качавшаяся волна, поднимающая его грудь. Тонъ звучалъ удивленіемъ и даже жалобой.

— Ну, конечно, тебѣ... Ты долженъ чувствовать себя какъ самый могучій человекъ на свѣтѣ... Какъ ты долженъ быть счастливымъ!... Видишь, какая я эгоистка, я всегда хотѣла все только себѣ и себѣ... Помнишь? Да, я тебѣ завидую: такъ жить, съ такою полнотою! Знать, что ты нуженъ и дорогъ всѣмъ... всѣмъ... что всѣ на тебя смотрять, да развѣ это не счастье? Ну, скажи самъ...

Онъ не отвѣчалъ, а пристально, съ восторгомъ разглядывалъ эти чудные глаза, эти розовыя губки, сыпавшія слова, этотъ прелестный овалъ, оживая все больше и больше. Каждый фибръ, каждый нервъ его дрожалъ, какъ и самъ онъ. Мгновеньями, онъ переживалъ, казалось, годы... Что это было такое: счастье, радость, любовь,—онъ не зналъ,—онъ чувствовалъ только, что это похоже на... на... туманъ того гашиша, который онъ испробовалъ разъ изъ любопытства.

— Ну, скажи же! Но, ахъ... тебя зовутъ, Сергѣй,—видишь! Ну, пора, значить, иди, я пойду слушать... Послѣ концерта я подожду тебя здѣсь, ты меня проводишь. Мы ѣдемъ завтра. Желаю успѣха. Сыграй особенно хорошо для меня, для нашей встрѣчи.

— Для тебя... для этой встрѣчи?

Онъ шелъ, никого не видя, ни маленькаго человека, ни публики, шелъ улыбаясь и повинуюсь лишь милому призыву.

Импрессарио потиралъ руки. Ого, эти женщины *sapelote* умѣютъ подливать горячаго масла въ шкуру! Выйдетъ дѣло!

И оно дѣйствительно вышло. Сергѣй пришелъ на эстраду, но это былъ уже другой Сергѣй, не робкій, не полный страха. Онъ сталъ и выше, и мужественнѣе, его движенія свободны и сильны. Такимъ онъ былъ въ тотъ моментъ, когда совѣтовалъ бѣдному Герберту привинтить къ ружью штыкъ. Онъ поклонился, встрѣченный залпомъ самыхъ бурныхъ рукоплесканій, и смѣло прижалъ къ плечу скрипку... Но кланялся онъ не публикѣ, которую не видѣлъ, овацій которой не слышалъ,—она тонула для него въ какомъ-то бѣлесоватомъ туманѣ,—онъ кланялся чернымъ глазамъ, сверкавшимъ ему сквозь этотъ туманъ, какъ звѣзды млечнаго пути

неба, и только для нихъ прижималъ такъ смѣло къ плечу свою скрипку.

— Что-нибудь для тебя?... для этой встрѣчи?... Хорошо, я сыграю тебѣ и для тебя!—и Сергѣй тронулъ волшебный смычокъ.

Это не игра,—онъ поетъ своимъ сердцемъ только ему и ей слышную пѣсню, безъ словъ, мотивомъ, который причудливо мѣняется съ каждою картиною, встающею въ возбужденной памяти. Онъ видитъ, какъ и эти черные глаза видятъ, слезы и ласки дѣтства. Онъ дышетъ воздухомъ тихой лунной ночи, когда робкій голосъ, невидимый и неслышный, только вдыхаемый какъ ароматъ жасмина, шепчетъ ему первое признаніе: люблю!... А потомъ... потомъ... ревность... страданія и муки безумно влюбленнаго. О, эти славные годы, эти золотые дни! Вотъ и вязъ, и плющъ у окна, и выступъ карниза, и она съ темною гвоздикой въ свѣтлыхъ волосахъ... Все было и исчезло! Нѣтъ, никогда не исчезало оно, какъ и милый образъ, изъ сердца, никогда! Съ нимъ, съ этимъ образомъ онъ пытался подняться къ бѣлоснѣжнымъ чертогамъ Гималая, къ свѣтлой царицѣ въ ея ледяномъ чертогѣ,—съ нимъ и, можетъ быть, только изъ-за нея и ради нея!... И затѣмъ эти годы, эти тяжелые годы скитанья, съ этимъ финаломъ—рѣзней въ горахъ, съ этими муками въ Триэстѣ... съ этою блаженною... блаженною встрѣчей...

Очарованный залъ молчалъ, затаивъ дыханіе. Эти неожиданные, новые звуки, этотъ мотивъ, эта пьеса, не указанная въ программѣ,—все это вызвало сначала ошеломленіе. Что такое? Но звуки росли и покоряли неотразимо. Горѣвшіе глаза артиста, устремленные въ одну точку, всецѣло, казалось, подсказывали то, о чемъ пѣла скрипка. Можно было думать, что онъ слышитъ гдѣ-то витающіе, неслышные другимъ тоны, ловить ихъ чуткимъ слухомъ и передаетъ своей мелодичной скрипкѣ... Не импровизація ли? По рядамъ пробѣжалъ трепеть... Кровь била въ голову, въ вискахъ стучало, дышалось трудно... Каждое сердце благоговѣнно признавало, что это была не *игра* уже, а самое чистое, самое высокое изъ доступнаго человѣку—*творчество*.

Полная луна стояла въ свѣтломъ, полупрозрачномъ небѣ, когда они оба медленнымъ шагомъ сворачивали по дорогѣ къ морю. Теплый ночной воздухъ дремалъ; его не будилъ, казалось, и шепотъ, впрочемъ, довольно громкій.

— Я тебѣ уже сказала, Сергѣй, что ты самъ виноватъ. Ты же искалъ меня, бросилъ, когда все это вышло. А я... я... Ахъ, у

меня тогда такъ сложилось... такъ сложилось!... Знаешь, я была дѣвчонка, и найти отца... Впрочемъ, я всегда знала, что мы съ тобой встрѣтимся, непременно встрѣтимся. Я не могла и представить себѣ иначе...

— Ну, мы и встрѣтились, — глухо отвѣтилъ Сергѣй, какъ бы не договаривая и предоставляя досказать спутницѣ. Но та не схватила скрытаго желанія.

— Да, и я вся очарована... Такой игры я не могла себѣ представить... Какъ хорошо, что за медициной ты не забросилъ свою скрипку и посѣщалъ музыкальную школу!... Это... это... Ты видѣлъ, что дѣлалось въ публикѣ... Боже мой!... Она готова была ломать все, чтобы добраться къ тебѣ и забросать цвѣтами... Это колоссальнѣйшій успѣхъ!... Воображаю, какъ ты долженъ быть счастливъ!

Дѣвушка, конечно, не сказала бы этого, еслибъ заглянула ему въ лицо. Но, занятая своимъ, она сильно опиралась на его руку, смотря внизъ, и потому продолжала:

— Я завидую тебѣ... Ахъ, ты не знаешь, какъ тяжело быть женщиной и таскать на себѣ юбку, которая мѣшаетъ жить полною жизнью... О, я не побоялась бы и того, куда забрасывало тебя!... Я пошла бы и въ горы, къ этимъ смѣлымъ герцеговинцамъ!...

Сергѣю хотѣлось услышать изъ этихъ чудныхъ устъ кое-что другое и потому въ его тонѣ послышался легкій упрекъ.

— Однако, ты измѣнилась... Ты всегда говорила, что хочешь жить для себя...

— Измѣнилась? Ничуть!... Я и теперь для себя... Развѣ заманчиво прикалывать банты, наливать чай и кофе, раздѣваться и одѣваться, иногда вальсировать и этимъ ограничивать *всю* свою жизнь?... Понимаешь? — *всю!*... Конечно, для *себя* хочу я полной жизни, широкой, такой, какъ твоя, напримѣръ, гдѣ я не чувствовала бы себя ненужной, лишней, бесполезной, какимъ-то полусуществомъ... О, какъ вы всѣ счастливы, мужчины, своею свободой!

— Что-жь бы ты дѣлала съ свободой?

— Что дѣлала?... Сейчасъ — не знаю... Я бы хотѣла, прежде всего, видѣть все и знать, какъ и вы... А затѣмъ, затѣмъ... я, вѣрно, нашла бы... Авсентьевъ... Ты знаешь его?

— Это молодой профессоръ, о которомъ говорятъ теперь у васъ?... Встрѣчался, когда онъ ѣздилъ за границу... А что?—Онъ спросилъ, повидимому, равнодушно, но въ его глазахъ запрыгали огоньки.

— Онъ уже не профессоръ... бросилъ... Авсентьевъ много помогъ

миѣ и другимъ открыть глаза... Мы большіе друзья... Онъ далъ миѣ много рекомендацій къ здѣшнимъ свѣтиламъ, но болѣзнь палы...

Вспыхнувшая ревность разбудила больное подозрѣніе и оба эти чувства такъ боролись другъ съ другомъ, ища выражений, что вырвали одно безразличное выраженіе:

— Однако, ты живешь довольно свободно!

— О, я дѣлаю, что хочу, то-есть что позволяетъ миѣ моя юбка... Папа ни въ чемъ не стѣсняетъ... Я слушала курсы, у меня былъ большой кругъ знакомыхъ. Я знаю и твоихъ Павловыхъ, у нихъ журфиксы, и... и Бугрова... Онъ разбитъ параличомъ... Да, ты знаешь? Бѣдный! Впрочемъ, это слово къ нему не идетъ, онъ и теперь такая же страшная сила... Ахъ, какое сердце, какая голова!... Вынести все это и... остаться такимъ чистымъ, такимъ бодрымъ... Ахъ, Сергѣй, какіе есть чудные люди на свѣтѣ!... Какіе чудные! Онъ называетъ меня свѣтлянкой.

Но Сергѣй уже сдерживался съ трудомъ. Этотъ свѣтлый, веселый оптимизмъ, въ которомъ, казалось, тонуло все личное, не только мучилъ, но и обижалъ.

— Чего-жь ты молчишь и молчишь? Неужели бесконечно счастливые люди молчаливы?

— Я не бесконечно счастливъ, Таня.

— Какъ? Чего же тебѣ еще нужно?

— А что у меня есть, скажи?... Скитаніе, эта перестрѣлка съ турками?... Богъ съ нимъ, Таня, съ такимъ бесконечнымъ счастьемъ!... Никакой пользы... Жизнь течетъ своимъ чередомъ...

— Погоди, дай срокъ... Польза скажется въ свое время... Я не понимаю этого, Сергѣй, — неужели можно желать всего сразу?... Это всегда кончается нитьемъ. Вѣдь, и скрипку настроить тебѣ нужно время. Нѣтъ, это не ты сказалъ... а такъ, вѣроятно, взгрустнулось, когда заговорили о родинѣ... Ну, что-жь, ты скоро хочешь вернуться?

— Хочу, но...

— О, при хотѣніи нѣтъ никакихъ *но*, и все улаживается... Возвращайся, Сергѣй, ты нуженъ, очень нуженъ!

— Кому?

— Да, всѣмъ... всѣмъ! Какой странный вопросъ... Постой, вотъ я познакомлю тебя съ папой, онъ чудный у меня, Сергѣй, и очень любитъ такихъ, какъ ты, хотя, конечно, вы будете много спорить... Это все устроится... Ты сказалъ, что поѣдешь провожать меня въ Вѣну завтра?

— Не знаю...

— Что съ тобой?!

Таня подняла глаза и тутъ только замѣтила, какое глубокое страданіе сквозить въ его лицѣ. Ее охватила нѣжная тревога, она спрашивала удивленными глазами, что съ нимъ, но вдругъ поняла, казалось, и вспыхнула. Его взглядъ скользнулъ на ея руку.

— Ты ищешь свое кольцо? Вотъ оно!

Они стояли и Таня скинула перчатку. Голосъ ея звучалъ правдиво и нѣжно.

— Я хочу спросить тебя, Таня, остается ли за нимъ то значеніе, что и шесть лѣтъ назадъ?

— Да, неизмѣнно да!...

— И ты?

— Люблю тебя, какъ и прежде.

У Сергѣя заходила грудь, онъ схватилъ ея маленькія ручки и прижалъ ее къ себѣ.

Таня не сопротивлялась.

— Отчего-жъ твоя любовь такъ холодна?

— Холодна? Я не знаю. Можетъ быть, я иначе не умѣю любить... Но я люблю тебя больше... больше всѣхъ... Я горжусь тобой... Мнѣ кажется, что я тебя не стою... Ты... ты...

Она склонила къ нему на грудь голову и Сергѣй поцѣловалъ ее горячими губами. Ея губки тоже дрогнули въ отвѣтъ, но не такъ, какъ бы ему хотѣлось.

— Послушай, Таня, — зашепталъ онъ голосомъ, задышавшимся отъ глубокой страсти. — Зачѣмъ же длить?... Мы можемъ и здѣсь обвиняться... Слушай, вѣдь, у меня никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ тебя... Я одинъ, какъ, вонъ, тотъ черный бронзовый воронъ на шпицѣ этой башни... Таня, я усталъ, мнѣ хочется отдохнуть, мнѣ тоже хочется чего-нибудь теплаго, личнаго... Хоть обрывокъ, хоть осколокъ счастья... Зачѣмъ же длить?

Она тихо освободилась, пока онъ говорилъ, и посмотрѣла ему въ глаза.

— Развѣ тебѣ мало, что я тебя люблю?

— Ахъ, Таня, ты такое же дитя, какъ и была...

— Можетъ быть... Но нѣтъ, это была бы неправда... Я понимаю, ты хочешь, чтобы я сейчасъ стала женой, но развѣ это такъ нужно?... О, Сергѣй, это вздоръ!... Я тебѣ подруга, товарищъ... А жена?... Ну, послѣ... Я хочу прежде жить, хочу стать тоже *чѣмъ-нибудь*... Дай же мнѣ тоже взять *свое*, — женою уже будетъ поздно... У женъ весь день отнять дѣтской и... домомъ... Развѣ не такъ?... Неужели *ты* станешь слагающемуся человѣку

поперекъ дороги? О, конечно, нѣтъ!... Такъ ѣдемъ въ Вѣну, да?... Ну, вотъ то-то!

И она подставила ему дружески губки, вся облитая зеленоватыми тонами ласковаго свѣта луны.

На дворѣ стояло теплое веселое утро. Ясное солнце заглядывало и въ низкую комнату подвального этажа старика музыканта.

— Вильгельмъ, закройте дверь!

Сергѣй, не спавшій ночь, былъ теперь дѣйствительно страшенъ. Его грудь ходила ходуномъ, губы были бѣшено сжаты, совсѣмъ какъ тогда, когда онъ собирался оторвать руку Эвелины. Онъ швырнулъ крошечный чемоданчикъ, въ который складывалъ свои пожитки, выпрямился во весь свой дюжій ростъ и дрожалъ съ ногъ до головы самую страстную злобой собственника, у котораго тащить его добро.

— Закройте дверь, Вильгельмъ, на ключъ! Такъ!

Старикъ скрипачъ, негодовавшій вмѣстѣ съ нимъ, моментально исполнилъ приказаніе друга и юркій маленькій человѣчекъ видимо оробѣлъ.

— Что это значить?—спросилъ онъ, храбрясь, но его выдалъ длинный носъ, который дрожалъ и побѣлѣлъ.

— Что это значить? А вотъ увидите... Гдѣ мой смычокъ?... Ахъ, вотъ онъ!... Ну, чортъ поberi, такъ вы дадите мнѣ только 200 гульденовъ изъ этого колоссальнаго сбора? Двѣсти гульденовъ?...

— Да... Это... это... ровно половина чистаго сбора... Вы уже получили сто... У меня были расходы... Залъ... освѣщеніе... фортепіано...

— Были расходы?... и потому только двѣсти гульденовъ?! — задыхался Сергѣй.

Маленькій человѣчекъ съежился.

— Ну, 250, если ужъ вы такъ пристали къ горлу... Богъ съ вами!... Я предлагаю вамъ дать второй концертъ и тогда... и тогда... я, пожалуй, дамъ тысячу, даже больше... Зачѣмъ вамъ уѣзжать сегодня?

Сергѣй смотрѣлъ на него внизъ взглядомъ хищной кошки и въ глазахъ его прыгали зеленоватые огоньки. Кончикъ смычка въ сильной рукѣ тихо вздрагивалъ.

— Второй концертъ?... и тогда вы дадите тысячу? Идетъ, я сейчасъ же дамъ этотъ концертъ... сейчасъ!... Я сыграю на вашемъ длинномъ носу, синьоръ.

Юркій человѣчекъ позеленѣлъ.

— Мой носъ не инструментъ, милостивый государь!

— Это ничего... Я извлеку концертные звуки и изъ этой дряни... У меня ужъ такая привычка—давать вторые концерты на носахъ своихъ импрессарио.

— Очень дурная привычка!... Эй, вы, откройте дверь или я буду кричать... Милостивый государь, прикажите...

— Вильгельмъ, держите плотнѣе!

— Я буду кричать... Я позову полицію... Что это вы?... ахъ!... Разбой!...

Сергѣй уже не сдерживался, — его бѣшенный гнѣвъ хлынулъ черезъ край. Въ головѣ только стучало: *мои деньги... мои заработанныя деньги!*... Поднялась возня, разыгралась самая отвратительная сцена... Ноги маленькаго человѣчка описали въ воздухѣ полукругъ, а руки усиленно, хотя и тщетно, прикрывали драгоцѣннѣйшую, казалось, часть всего его существа... Смычокъ дрогнулъ...

— Постойте... ахъ!... Триста!... Ну... ну... Ахъ, оставьте же! Ну, триста пятьдесятъ!

— Давайте пятьсотъ!... Чортъ съ вами, хоть столько!... Слышите: пятьсотъ... пятьсотъ... пятьсотъ!

— Даю, даю! — кричалъ маленькій человѣчекъ.— Даю! Оставьте носъ!... Пятьсотъ гульденовъ!... Ну, пустите же! Ахъ, вы, арнаутъ, турокъ, дьяволъ, saperlote! — кричалъ онъ въ страстномъ бѣшенствѣ, топая ножками, бросая деньги и плюясь, какъ верблюдъ. — Гдѣ моя шляпа? Она стоитъ десять гульденовъ... Отворите же двери, sapermente!

Задыхаясь отъ возни и неостывшаго бѣшенства, Сергѣй считалъ дрожащими руками деньги.

— Вѣрно, пятьсотъ... Ну, голубчикъ, Вильгельмъ, ей-Богу, я отпилилъ бы ему носъ, еслибъ онъ тянулъ дольше!

— А, все - таки, мало! — качая головой, говорилъ добрый старикъ. — Мало... Нужно было еще поиграть... Этакій разбойникъ!...

— Ничего, и это пригодится... Ну, а теперь въ дорогу, — поѣздъ уходитъ скоро...

Григорій Мачтетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОСМОПОЛИСТЪ.

Романъ Поля Бурже *).

I.

Дилетантъ и вѣрующій.

Въ тѣсной лавочкѣ, заваленной книгами и бумагами, посѣтителъ едва могъ повернуться, — а посѣтителемъ въ данную минуту былъ одинъ изъ постоянныхъ покупателей торговца, — тѣмъ не менѣе, старый букинистъ не удостоилъ подняться съ табурета, продолжая что-то писать на передвижномъ пюпитрѣ. Лишь на мгновенье, при шумѣ отворенной двери, приподнялъ хозяинъ голову, обрамленную сѣдыми волосами, висѣвшими длинными прядями изъ подъ широкополой фѣтровой шляпы, давно утратившей свой когда-то черный

*) Приступая къ печатанію только что вышедшаго романа Поля Бурже, мы находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ предупрежденіе могущихъ возникнуть, по этому поводу, недоразумѣній и ошибочныхъ заключеній. Въ первой же главѣ романа съ достаточною опредѣленностью чувствуется, въ какую сторону склоняются симпатіи автора и къ какимъ поэтому выводамъ онъ долженъ придти къ концу романа. Ясно, что талантливый писатель становится въ ряды самыхъ крайнихъ клерикаловъ, къ которымъ примыкаютъ легитимисты. Тѣ и другіе мечтали о возвращеніи старыхъ порядковъ: въ Италіи — свѣтской власти „непогрѣшимого“ папы, во Франціи — прежней монархіи подъ властью короля Генриха V, нынѣ умершаго графа Шамбора. Въ настоящее время очень немного найдется людей, которые вѣрили бы въ возможность осуществленія такихъ клерикально-аристократическихъ фантазій. Но въ Италіи и во Франціи съ ними приходится еще считаться, въ особенности съ приверженцами папы, такъ какъ въ его распоряженіи находится цѣлая армія паторовъ, монаховъ и болѣе или менѣе благочестивыхъ дамъ, состоящихъ подъ командой своихъ духовниковъ. Тамъ и могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе, — весьма слабое, по нашему мнѣнію, — такія произведенія, какъ переводимый нами романъ. У насъ же они ровно никакого значенія имѣть не могутъ, кромѣ чисто-художественнаго. А въ этомъ отношеніи мы считаемъ романъ *Космополисъ* лучшимъ произведеніемъ Поля Бурже и выдающимся въ современной западной литературѣ. Въ немъ съ большою яркостью и правдивостью, съ отличнымъ знаніемъ изображено космополитическое общество теперешняго Рима, та междупародная „золоченая богема“, которая толчется въ „Вѣчномъ городѣ“ и превра-

цвѣтъ. Передъ посѣтителемъ мелькнуло худое, морщинистое лицо маниака, изъ-за старинныхъ круглыхъ очковъ блеснули темные, плутовски бѣгающіе глаза. Затѣмъ широкополая шляпа опять склонилась надъ бумагой, на которой узловатые, кривые пальцы съ черными ногтями быстро выводили и мѣстами перечеркивали неровной длины строчки прямымъ почеркомъ, напоминавшимъ давно минувшіе вѣка. Изъ страшно исхудалой груди раздался хриплый голосъ человѣка, страдающаго неизлечимымъ ларингитомъ, и, вмѣсто извиненія, выговорилъ съ сильнымъ итальянскимъ акцентомъ слѣдующую фразу на французскомъ языкѣ:

— Одну минуту, господинъ маркизь, — муза не ждетъ...

— Ладно, я не муза и могу подождать... Да снисходить на васъ вдохновеніе, Рибальта, не стѣсняйтесь, — отвѣтилъ, смѣясь, гость, повидимому, привыкшій къ чудачествамъ страннаго торговца старыми книгами. Но въ Римѣ, — эта маленькая характерная сценка разыгралась въ нижнемъ этажѣ одной изъ самыхъ старыхъ улицъ Вѣчнаго города, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Испанской площади, хорошо знакомой всѣмъ путешественникамъ, — въ этомъ исконномъ центрѣ, гдѣ сталкиваются самые разнородные люди, стекающіеся со всѣхъ концовъ свѣта, всякія странности сглаживаются и проходятъ незамѣченными, благодаря неисчислимому разнообразію незаурядныхъ и диковинныхъ типовъ, нашедшихъ здѣсь пріютъ или закинутыхъ сюда капризомъ судьбы. Вы найдете тутъ революціонеровъ, — такихъ, какъ этотъ чудакъ Рибальта, — доживающихъ въ мирной обстановкѣ мелкаго старьевщика болѣе бурную жизнь, чѣмъ какая выпадала на долю самыхъ отчаянныхъ авантюристовъ XVI вѣка. Потомокъ хорошаго корсиканскаго рода, этотъ господинъ совсѣмъ юношей явился въ Римъ въ 1835 году и поступилъ въ семинарію. Чуть не наканунѣ принятія священства онъ убѣждалъ куда-то и разыскался лишь въ 1849 году такимъ яростнымъ республиканцемъ, что былъ заочно приговоренъ къ смерти при восстановленіи папской власти. Потомъ онъ служилъ секретаремъ у Мадзини, съ которымъ поссорился изъ-за причинъ, служащихъ далеко не къ его чести. Какъ бы то ни было, становясь все радикальнѣе

часть его въ настоящій *Космополисъ*. Вотъ эти-то художественность и яркость картинъ, по большей части мастерски написанныхъ авторомъ, и интересъ, возбуждаемый фабулой и характерами дѣйствующихъ лицъ, и побудили насъ познакомить читателей съ этимъ блестящимъ романомъ, тенденціи котораго мы не сочувствуемъ и, притомъ, убѣждены, что и никто изъ русскихъ людей сочувствовать не можетъ. Во всякомъ случаѣ, по окончаніи печатанія романа, мы побесѣдуемъ о немъ съ читателемъ подробно и обстоятельнѣе, какъ то сдѣлали по поводу напечатаннаго нами романа Альфонса Додэ *Роза и Никета*.

и непримиримѣ, онъ очутился въ числѣ славной «Тысячи», въ числѣ геройски бившихся при Ментанѣ, приче́мъ, однако же, Гарибальди никогда не могъ подавить своего къ нему отвращенія, которое потому въ особенности было замѣтно, что отнюдь не согласовалось съ характеромъ національнаго вождя. Съ 1870 года Рибальта окончательно поселился въ Римѣ, открылъ книжную лавку, если только можно дать такой норѣ́ это громкое названіе. И теперь передъ нами книгопродавецъ-любитель, способный выгнать васъ вонъ, если вы ему не по душѣ́ придетесь. Получивши по наслѣдству небольшую ренту, онъ продаетъ или не продаетъ, руководствуясь лишь собственнымъ капризомъ, требуя сегодня двадцать франковъ за дрянную гравюру, купленную имъ за десять су, и отдавая завтра за безцѣнокъ дорожное изданіе, стоимость котораго ему отлично извѣстна. Яростный ненавистникъ французовъ, онъ не можетъ простить Гарибальди его дижонской кампаніи такъ же точно, какъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что Викторъ-Эмануилъ оставилъ Ватиканъ Пію IX. «Савойская династія и папство, — говоритъ онъ въ минуты откровенности своимъ хрипучимъ голосомъ, — это два яйца, которыя надо съѣсть въ одной чашкѣ...» — и пускается въ подробности объ извѣстной колоннѣ въ храмѣ св. Петра, высверленной Бернини и превращенной имъ въ лѣстницу, гдѣ было бы самое подходящее мѣсто для хорошаго динамитнаго патрона. Если вы его подзадорите и спросите, что за охота ему торговать старымъ хламомъ, онъ предложитъ вамъ перебраться черезъ вороха бумагъ, картоновъ и книгъ, потомъ покажетъ огромную комнату, вѣрнѣе — сарай, гдѣ тысячи брошюръ нагромождены вдоль стѣнъ и продольными рядами. «Тутъ, — пояснить онъ, — собраны уставы всѣхъ монастырей, упраздненныхъ въ Италіи. Я хочу написать ихъ исторію...» — и пристально взглянетъ на васъ. Дѣлаетъ онъ это изъ подозрѣнія, не шпионъ ли вы, посланный королемъ, чтобы вывѣдать планы его опаснѣйшаго врага. Такихъ шпионовъ онъ настолько боится, что въ теченіе двадцати лѣтъ никто не знаетъ, гдѣ онъ ночуетъ, гдѣ ѣсть, гдѣ скрывается, когда по цѣлымъ недѣлямъ бываетъ заперта его лавочка на Бургонской улицѣ́. По милости давнишней репутаціи яраго демократа и его таинственныхъ исчезновеній, онъ былъ арестованъ послѣ покушенія Пассананте, какъ членъ извѣстныхъ *Кружковъ Барсанти*, которымъ далъ свое имя разстрѣлянный капралъ-заговорщикъ. Но, перерывая пыльные вороха грознаго книгопродавца, полиція не нашла ничего, кромѣ множества потѣшныхъ стихотвореній, направленныхъ противъ пьемонтцевъ и французовъ, противъ нѣмцевъ и

тройственного союза, противъ итальянскихъ республиканцевъ и противъ министровъ, противъ Кавура, Криспи, университета и инквизиціи, монаховъ и капиталистовъ.

По всей вѣроятности, Рибальта строчилъ одно изъ такихъ произведеній, когда не совсѣмъ вѣжливо заставилъ ждать посѣтителя, раздумывавшаго тѣмъ временемъ, какія диковинныя встрѣчи бываютъ часто возможны въ Римѣ. Дѣло въ томъ, что въ 1867 году этотъ самый гарибальдіецъ дрался при Ментанѣ съ папскими зуавами, въ рядахъ которыхъ былъ маркизь де-Монфанонъ,—такъ звали вошедшаго въ лавчонку покупателя. Двадцати трехъ лѣтъ было достаточно для того, чтобы превратить обоихъ когда-то страстныхъ воиновъ въ безобидныхъ маніаковъ, изъ которыхъ одинъ продавалъ старыя книги, а другой—ихъ покупалъ. И тоже нигдѣ въ иномъ мѣстѣ вы не встрѣтите такой фигуры, какъ этотъ французскій дворянинъ, перебравшійся сюда, чтобы умереть поближе къ храму св. Петра. Глядя на его грубые сапоги, очень простенькую, потертую жакетку и шляпу котелкомъ, прикрывающую его старую сѣдѣющую голову, вамъ и на умъ не придетъ, что вы видите передъ собой одного изъ знаменитыхъ щеголей Парижа 1864 года. Выслушайте и его исторію. Увлеченіе благочестіемъ, охватившее его вслѣдствіе тяжелой и, казалось, смертельной болѣзни, привело этого завсегдатая Café Anglais и веселыхъ ужиновъ въ ряды папскихъ зуавовъ. Первое пребываніе въ Римѣ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ правленія Пія IX, жизнь въ несравненномъ городѣ, которому совершенно особый характеръ придавали предчувствіе близкаго крушенія отжившихъ вѣковыхъ порядковъ, приготовленія къ Ватиканскому собору и пребываніе французскихъ войскъ,—были истиннымъ очарованіемъ. Всѣ зачатки благочестія, заложенные въ родовитаго дворянина воспитаніемъ у іезуитовъ Брюгелетты, разцвѣли окончательно и дали ему силу бодро перенести дни испытаній. Такіе дни скоро наступили. Монфанонъ, вмѣстѣ съ другими зуавами, сдѣлалъ кампанію во Франціи, и пустой рукавъ, болтающійся на мѣстѣ его лѣвой руки, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ храбро дрался съ врагомъ своего отечества. Бывшій дуэлистъ, спортсмѣнъ, игрокъ, любитель женщинъ исчезъ навсегда, и прежніе товарищи веселья, попадающіе въ Римъ, встрѣчаютъ богомольнаго человѣка, живущаго очень скромно, несмотря на изрядные остатки отъ крупнаго состоянія, и занятаго благотворительностью, чтеніемъ и собираніемъ рѣдкостей. Въ Римѣ всякій болѣе или менѣе поддается этой страсти, такъ какъ самъ-то

этотъ городъ представляетъ собою удивительнѣйшій музей историческихъ и художественныхъ драгоценностей. Монфанонъ собираетъ документы для составленія исторіи отношеній французскаго дворянства къ церкви. И, конечно, ни одна изъ бывшихъ дамъ его сердца не узнать его такъ же точно, какъ и онъ ихъ не узналъ бы, если бы встрѣтилъ. Но такими ли онѣ остались веселыми, какимъ представляется онъ въ своемъ полномъ отреченіи отъ мірскихъ соблазновъ? Смѣхъ искрится въ его голубыхъ глазахъ, ясно указывающихъ на чисто-германское происхожденіе и освѣщающихъ рѣзко очерченное лицо маркиза, похожее на лицо феодаловъ, портреты которыхъ сохранились на стѣнахъ пріорствъ Мальтійскаго ордена и свидѣлствуютъ о томъ, что и въ безобразіи видна бываетъ родовитость. Большіе сѣдые усы, съ уцѣлѣвшимъ кое-гдѣ золотистымъ проблескомъ, закрываютъ на половину шрамъ, который сдѣлалъ бы это красное лицо ужаснымъ, если бы выраженіе его не смягчалось кроткимъ взглядомъ веселыхъ голубыхъ глазъ. Отмѣтитъ слѣдуетъ, что въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ Монфанонъ настолько же фанатиченъ, насколько онъ добродушенъ и беззаботенъ вообще. Если бы дать ему въ руки власть, онъ, несомнѣнно, распорядился бы немедленно арестовать, судить и осудить въ двадцать четыре часа Рибальту, напримѣръ, за преступное, по его убѣжденіямъ, вольнодумство. А такъ какъ власти у него въ рукахъ нѣтъ, то онъ довольствуется тѣмъ, что потѣшается надъ чудачкомъ старьевщикомъ, причемъ у побѣжденнаго католика и недовольнаго революціонера есть кое-что, равно ненавистное обоимъ. И вотъ почему, въ это утро, старый аристократъ такъ незлобиво перенесъ рѣзкую выходку стараго букиниста, не думая даже разсердиться. А тѣмъ временемъ злобствующій республиканецъ нашелъ, повидимому, достаточно яркій стихъ для своей эпитаграммы, усмѣхнулся про себя, сложилъ листокъ бумаги, заперъ въ ящикъ и ключъ положилъ въ карманъ.

— Чѣмъ могу вамъ служить, господинъ маркизъ?—обратился онъ къ посѣтителю, поднимаясь съ мѣста и не считая нужнымъ извиниться.

— Во-первыхъ, тѣмъ, что могли бы прочесть миѣ, что вы тамъ нацарапали, старый краснорубашникъ,—сказалъ Монфанонъ,—хотя бы въ видѣ вознагражденія за то, что я терпѣливо ждалъ, когда снизойдетъ на васъ вдохновеніе. Ну, кого вы раздѣлывали въ своихъ стихахъ? Министра какого-нибудь или его величество?... Не хотите сказать? Бойтесь, какъ бы я не пошелъ съ доносомъ въ Квириналъ?

— *In bocca chiusa, non s'entra mosca* *), — отвѣтилъ старый заговорщикъ.

— Отличная пословица, — усмѣхнулся маркизь, — и очень было бы хорошо изобразить ее на фасадахъ всѣхъ нынѣшнихъ парламентовъ. Ну, а въ свободное отъ занятій поэзіей время не нашли ли вы минутки, чтобы выписать для меня отъ вѣнскаго книгопродавца послѣдній имѣющійся у него экземпляръ совершенно исчезнувшей брошюрки о процессѣ денного разбойника Гафнера?

— Подождите, — сказалъ торговецъ, — напишу...

— А документы, относящіеся къ осадѣ Рима герцогомъ Бурбонскимъ, тѣ три нотаріальные акты, что вы мнѣ обѣщали, раскопали вы ихъ гдѣ-нибудь?

— Подождите, подождите, — повторилъ старьевщикъ и, указывая комическимъ жестомъ на страшный безпорядокъ въ лавкѣ, прибавилъ: — Скоро ли раскопаешь всѣ эти вороха!...

— Подождите, подождите, — передразнилъ Монфанонъ, — вы цѣлый мѣсяцъ распѣваете мнѣ эту пѣсню... Если бы, вмѣсто сочиненія какихъ-то стишенокъ, вы занялись вашею перепиской, да вмѣсто покупокъ всякой дряни позаботились бы о приведеніи въ порядокъ этого хлама... Впрочемъ, я напрасно упрекаю васъ покупками, такъ какъ самъ пришелъ поговорить объ одномъ изъ послѣднихъ вашихъ приобрѣтеній. Кардиналь Гверильо сказалъ мнѣ, что вы показывали ему интересный молитвенникъ, разысканный вами въ Тосканѣ. У васъ онъ?

— Здѣсь.

Рибальта перебрался черезъ кучу книгъ, откинулъ ворохъ картоновъ, выдвинулъ пыльный ящикъ качающагося на неровномъ полу шкафа и досталъ толстый кожаный футляръ, изъѣденный червями, съ полуистертымъ гербомъ. Изъ футляра торговецъ вынулъ и подалъ Монфанону старую книгу въ ветхомъ, разваливающемся переплетѣ. Одна изъ застѣжекъ была совсѣмъ оторвана. Перелистывая книгу, маркизь убѣдился, что и внутри она не лучше сохранилась, чѣмъ снаружи. Миниатюры, украшавшія когда-то драгоценное изданіе, почти всѣ стерлись; пожелтѣвшій пергаментъ мѣстами изорванъ. Словомъ, это была простая рвань, которую старый коллекціонеръ разматривалъ, однако, съ большимъ вниманіемъ. Рибальта рѣшился, наконецъ, заговорить.

— Мнѣ продала книгу одна вдова въ Монтальчино, въ Тосканѣ... Запросила она огромную цѣну, да книга и на самомъ дѣлѣ

*) Въ закрытый ротъ муха не залѣзетъ.

дорогая, хотя и попорчена нѣсколько. Миниатюры-то работы Маттео де-Сіена и сдѣланы имъ для папы Пія II Пикколомини. Взгляните на ту, гдѣ изображенъ святой Біаччіо *), благословляющій львовъ и пантеръ. Она лучше всѣхъ сохранилась... Какова прелесть?

— Съ чего же это вы вздумали морочить меня, Рибальта?— нетерпѣливо прервалъ его Монфанонъ.— Вы не хуже меня знаете, что миниатюры эти весьма посредственныя и ни издали, ни вблизи нисколько не напоминаютъ работы Маттео, а къ тому же имѣется и доказательство налицо: молитвенникъ датированъ 1554 годомъ. Смотрите...—и своею единственною рукой онъ очень ловко показаль годъ книгопродавцу.—А такъ какъ на года я довольно памятливъ и Сіеной занимался, то и не забылъ, что Маттео умеръ въ 1500 году... Плутловству у Маккіавели я не обучался,—продолжалъ маркизь такъ же рѣзко,—а потому и скажу вамъ то же, что сказалъ бы кардиналъ, если бы вы не пытались обморочить его вашими хитростями, какъ меня сейчасъ... Смотрите эту подпись: она почти стерта и разобрать ее вы не съумѣли. Такъ я вамъ ее разъясню. *Blaise de Mo...* Потомъ нѣсколькихъ буквъ недостаетъ, ровно трехъ, а на концѣ уцѣлѣло *c*. И выходитъ *Monluc*, съ сохраненіемъ особенностей правописанія того времени **)... Теперь гербъ посмотримъ...—Маркизь захлопнулъ книгу и показаль удивленному торговцу едва замѣтные остатки герба.—Узнаете волка, который, несомнѣнно, былъ въ свое время золотымъ, и эти круглыя бляхи, что были красными? Это гербъ Монлюка, которымъ онъ пользовался какъ разъ съ 1554 года, когда получилъ право гражданина Сіены за доблестную защиту города отъ страшнаго маркиза Мариньина. Что же касается футляра,—Монфанонъ взялъ въ руку футляръ,—на немъ дѣйствительно полумѣсяцы Пикколомини. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Не болѣе, какъ то, что послѣ осады и когда пришлось удалиться въ Монтальчино, Монлюкъ подарилъ свой молитвенникъ на память кому-нибудь изъ членовъ этой семьи. А затѣмъ книга была утеряна, быть можетъ, украдена вскорѣ, и вотъ какъ ее обработали, въ концѣ-концовъ. Но въ какомъ бы плачевномъ видѣ ни была эта книга, она, все-таки, остается доказательствомъ, что французская кровь была пролита на службѣ Италіи. Тотъ же, кто продавалъ книгу, забылъ объ этомъ, какъ забыты Маджента и Сольферино... Вы здѣсь памятливы только на то, чтобы ненави-

*) Святой Власій.

**) Имя Блэза де-Монлюка нынѣ пишется: *Monluc*, въ старинномъ начертаніи *l* пропускалось.

дѣтъ... Теперь вамъ ясно, почему я хочу заполучить вашъ молитвенникъ. Хотите уступить мнѣ его за пятьсотъ франковъ?

Книгопродавецъ слушалъ эту рѣчь, и двадцать разъ мѣнялось выраженіе его лица. Какъ всегда, къ чувству своего рода уваженія къ Монфанону примѣшивалось нерасположеніе, благодаря чему въ особенности тяжело было торговцу сознание, что его уличили во лжи. Но безпристрастіе обязываетъ насъ объяснить, что, говоря о великомъ художникѣ Маттео и о знаменитомъ папѣ Піѣ II, по поводу истрепанной книги, Рибальта никакъ не думалъ, чтобы маркизъ, всегда очень экономный и ограничивавшійся лишь покупкою книгъ, относящихся къ исторіи церкви, пожелалъ когда-нибудь приобрести этотъ молитвенникъ. Превозносилъ же его Рибальта ради рекламы, въ виду возможности дорого сбыть его какому-нибудь малосвѣдущему покупателю. Съ другой стороны, хотя имя Монлюка ровно ничего не уясняло книгопродавцу, совсѣмъ иное значеніе имѣлъ для него прямой и рѣзкій намекъ собесѣдника на войну 1859 года,—эту занозу, всегда болѣзненно раздражающую тѣхъ, кто не любитъ французовъ по ту сторону Альпъ. Самолюбіе гарибальдійца не позволяло ему отстать въ великодушій отъ бывшаго зуава. Порывистымъ движеніемъ, не уступающимъ въ рѣзкости жестамъ Монфанона, Рибальта взялъ книгу и, вертя ее въ испачканныхъ чернилами пальцахъ, сердито бормоталъ:

— Не отдамъ и за шестьсотъ франковъ... нѣтъ, и за шестьсотъ не отдамъ.

— Это очень большія деньги,—замѣтилъ Монфанонъ.

— Нѣтъ,—продолжалъ старый чудакъ,— не отдамъ... — Потомъ, подавая книгу маркизу, договорилъ съ видимою злостью: — А вамъ, вамъ уступаю за четыреста.

— Но разъ уже я предложилъ пятьсотъ,—возразилъ нѣсколько озадаченный покупатель,—и вы знаете, что это далеко не дорого за такую рѣдкость...

— Берите за четыреста,—настаивалъ Рибальта, все болѣе и болѣе раздражаясь,—ни сантима меньше, ни сантима больше. Во столько самому обошлась. Документы вы получите черезъ два дня, а дѣло Гафнера на этой недѣлѣ. А что этотъ герцогъ Бурбонскій, грабившій Римъ, что онъ не французъ, должно быть?—продолжалъ букинистъ. — А вашъ Карлъ Анжуйскій, наскочившій на насъ, чтобы сдѣлаться королемъ Обѣихъ Сицилій... а Карлъ VIII, пожаловавшій къ намъ черезъ ворота del Popolo, французы они или нѣтъ? А Удино кто такой, какъ не французъ? Чего ради путались они въ наши дѣла? То-то, посчитать бы хорошенько, кто у кого въ

долгу!... Не мы ли вамъ дали Мазарини, Массену и Бонапарта и многихъ другихъ, шедшихъ умирать подъ вашими знаменами въ Россіи, въ Испаніи и Богъ вѣсть гдѣ еще? А Дижонъ забыли? Забыли, какъ Гарибальди явился драться за васъ, совсѣмъ по-дурацки, несмотря на то, что вы отняли у него родину? По части взаимныхъ одолженій мы давно расквитались, вотъ что... А теперь берите вашу книгу и прощайте, прощайте... Расплатитесь за нее потомъ...

И онъ почти буквально вытолкалъ маркиза изъ лавки, отчаянно жестикулируя и швыряя книги во всѣ стороны. Монфанонъ очутился на улицѣ, прежде чѣмъ успѣлъ вынуть изъ кармана заранѣе приготовленные деньги.

— Вотъ собака! Ахъ, Боже мой, что же это за песъ старый! — проговорилъ онъ, смѣясь, и легкою поступью пошелъ прочь отъ лавки, унося подъ мышкой драгоцѣнное приобрѣтеніе.

Благодаря частымъ сношеніямъ, ему хорошо знакомы были эти южные люди, въ которыхъ плутовство и рыцарство перемѣшиваются, не исключая другъ друга, — Донъ-Кихоты, расторговывающіеся своими мельницами, — и маркизу пришелъ въ голову вопросъ: «Сколько нажилъ на книгѣ старьевщикъ, швырнувши сотню франковъ, чтобы повеличаться передъ нимъ?» Но ему такъ и не суждено было узнать когда-либо, насколько въ данномъ случаѣ былъ основателенъ подобный вопросъ, такъ какъ Рибальта заполучилъ рѣдкое изданіе въ ворохѣ бумагъ, гравюръ и старыхъ книгъ, купленныхъ гуртомъ за двадцать пять франковъ. Двѣ встрѣчи одна за другою, по выходѣ изъ лавки, не дали маркизу времени задуматься надъ этою задачей коммерческой психологіи. Онъ остановился на минуту на углу, чтобы взглянуть на залитую солнцемъ и пестрою толпой площадь, которую особенно любилъ въ качествѣ стараго римлянина за то, что была она однимъ изъ уголковъ, нисколько не измѣнившихъ своей внѣшности за послѣднія тридцать лѣтъ... Но для того, чтобы затуманилась благодушная ясность взора маркиза, достаточно было промчавшей мимо него блестящей коляски, запряженной парой великолѣпныхъ вороныхъ коней. Въ экипажѣ сидѣли двѣ дамы, изъ которыхъ одна была, по-видимому, компаньонка, обязанная сопровождать другую, молодую дѣвушку почти невѣроятной красоты, съ большими темными глазами, сверкавшими на матово-блѣдномъ лицѣ, горячаго, полного жизни оттѣнка. Восточной чистоты профиль былъ настолько типическимъ воплощеніемъ еврейской красоты, что сомнѣнію не могло подлежать семитическое происхожденіе очаровательницы, которая, по словамъ поэта, должна была «во слѣдъ себѣ влечь всѣ сердца».

Но нѣтъ, далеко, не такъ было въ данномъ случаѣ, и веселое, добродушное лицо маркиза омрачилось выраженіемъ настоящей злости въ то время, какъ глазами онъ слѣдилъ за дѣвушкой, обмѣнявшейся поклонами съ очень изящнымъ молодымъ человѣкомъ и скрывшеюся за угломъ улицы. А тотъ молодой человѣкъ былъ, по видимому, близкимъ знакомымъ бывшаго панскаго зуава, такъ какъ фамиллярно подошелъ къ нему и шутливо заговорилъ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ:

— Эге! Вотъ когда попались вы мнѣ, господинъ маркизь Клодъ-Франсуа де-Монфанонъ!... Она появилась, вы ее увидѣли и вы ею побѣждены... Вы глазъ не могли отвести отъ нашей дивной Фанни Гафнеръ! Трепещите, я отправлюсь съ доносомъ на васъ къ его эминенціи кардиналу Гверильо, и какъ только вы начнете дурно говорить ему объ очаровательницѣ, которую онъ пытается привести въ лоно церкви католической, я тотчасъ же заявлю, что видѣлъ, какъ она загипнотизировала васъ мимоѣздомъ, точно прекрасная Елена троянцевъ. Я же крѣпко убѣжденъ, что не было у Елены ни этой современной граціи, ни такой одухотворенной красоты, ни столь идеальнаго профиля, ни такихъ глубокихъ глазъ, ни мечтательнаго рта и обворожительной улыбки... А какъ хороша она!... Когда попросите, чтобы васъ ей представили?

— Если вы, милѣйшій мой Жюльень Дорсень,—заговорилъ Монфанонъ тѣмъ же шутливымъ тономъ,—выкажете въ будущемъ вашемъ романѣ столько же наблюдательности, то я не позавидую его издателю. Идите сюда,—онъ быстро взялъ руку молодого человѣка и довелъ его до угла улицы.—Видите, экипажъ остановился у дома номеръ 13, такъ? И дивная Фанни, какъ вы ее называете, выходитъ изъ коляски, да? Вотъ она входитъ въ лавку стараго плута Рибальты... Не долго она тамъ пробудетъ, ручаюсь... А вотъ и вышла, и покатила дальше. Жаль только, что не мимо насъ, а то мы имѣли бы удовольствіе видѣть ея разозленное лицо. Ыздила же она вотъ за чѣмъ,—и маркизь, весело смѣясь, показалъ купленную имъ книгу,—только не получить она этого даже въ томъ случаѣ, если бы вздумала предложить всѣ милліоны, которые ея достойнѣйшій родитель своровалъ у вѣнскихъ ротозѣевъ. Хе-хе! — продолжалъ онъ, смѣясь еще громче.—Г. де-Монфанонъ раньше всталъ и утра своего не потерялъ. А вы, господинъ тонкій наблюдатель, попытайтесь угадать, чего лишился, по моей милости, музей этой комедіантки, на забаву которой, по крайней мѣрѣ, хоть эта вещь не достанется,—закончилъ маркизь, показывая собесѣднику старую книгу.

— Миѣ нѣтъ надобности смотрѣть вашу рѣдкость, — отвѣтилъ Дорсенъ. — Да, да, въ качествѣ романиста и наблюдателя, чѣмъ вамъ желательно было меня уязвить, я знаю уже, что это такое... Не подержимъ ли пари? Это молитвенникъ съ собственноручною подписью маршала Монлюка, разысканный кардиналомъ Гверильо. Такъ, вѣдь? Кардиналъ сказалъ про книгу Фанни Гафнеръ и думалъ ослабить ваше нерасположеніе къ ней разсказомъ о томъ, въ какомъ она восторгѣ отъ этой книги, какъ желаетъ пріобрѣсти ее. Вѣрно это? А вы, злой вы человѣкъ, только о томъ и думали, какъ бы перехватить эту игрушку у бѣдняжки Фанни. Я не увѣренъ даже въ томъ, что вы особенно дорожите этимъ молитвенникомъ, тогда какъ она... Третьяго дня мы провели съ нею вечеръ у графини Стено, и она въ восхищеніе приходила отъ мысли, что въ ея рукахъ будетъ книга, по которой молился этотъ славный воинъ и великій гражданинъ. И она разыграла передо мною всю гамму героическихъ восторговъ. Миѣ уже начинало казаться, что я васъ слушаю, честное слово. Она вчера еще, должно быть, ѣздила къ букинисту. Но лавка была заперта, я замѣтилъ это, проходя мимо. И вы, конечно, побывали тамъ вчера же. Вѣрно это тоже?... А теперь, когда всю вашу исторію я разсказалъ до мельчайшихъ подробностей, объясните вы мнѣ, какъ вы, такой справедливый, можете преслѣдовать вашею антипатіей, такою ожесточенною и, простите за выраженіе, такою мелочною, ни въ чемъ неповинную молодую дѣвушку, которая никакими биржевыми спекуляціями не занималась, въ дѣлахъ благотворительности не уступить цѣлому монастырю и не нынче — завтра станетъ почти настолько же благочестивою, какъ вы? Если бы не отецъ, не желающій слышать о переходѣ въ католичество ранѣе ея замужства, она давно была бы уже католичкой, да и теперь, оставаясь пока протестанткой, она ходитъ только въ католическую церковь. Когда же она сдѣлается католичкой по-настоящему, подъ покровительствомъ святой Клодины и святой Франсуазы, какъ вы находитесь подъ покровительствомъ святаго Клода и святаго Франциска, тогда вамъ придется сложить оружіе и признать искренность религіознаго чувства молодой дѣвушки, которая, впрочемъ, ничего вамъ не сдѣлала...

— Какъ! Она мнѣ ничего не сдѣлала? — прервалъ его Монфанонъ. — Весьма естественно, что скептикъ не въ состояніи понять того, что она мнѣ сдѣлала, что она мнѣ каждый день дѣлаетъ, не лично, разумѣется, а моимъ убѣжденіямъ. Кто, подобно вамъ, обучался умственному акробатству въ циркѣ Сентъ-Бѣвовъ и Рена-

новъ, тому восхитительнымъ должно казаться, что католичество, эта величайшая въ мірѣ вещь, послужить для изящнаго спорта дочери биржевого разбойника, мѣтящаго выдать ее замужъ за аристократа. Вы можете и тѣмъ, пожалуй, тѣшиться, что мой святой другъ кардиналъ Гверильо попалъ на удочку этой интригантки... А я, государь мой, рядомъ съ Соней принималъ причастіе поутру въ дни сраженій и не допускаю, чтобы религіей этого героя и моею религіей пользовались какъ средствомъ для свѣтскаго пролазничества. Я не допускаю, чтобы заставляли играть недостойную роль обманутаго простака и сообщника—почтеннаго старца, котораго я уважаю и которому я открою глаза, даю вамъ въ томъ мое честное слово... Что же касается этой реликвиі, —Монфанонъ еще разъ показалъ книгу, —то вы можете находить мелочнымъ мое желаніе, чтобы не примѣшивали ее къ этой позорной комедіи. А для меня это не мелочь, и имъ это не удастся. Не придется имъ, съ разными фразами, съ закатывающимися глазами и съ гримасами умиленія, показывать книгу, послужившую на молитвѣ великому воину, —да, милостивый государь, великому воину и великому вѣрующему, который живо и просто перевѣшалъ бы васъ и ее, и Рибальту, и поступилъ бы весьма недурно... Ничего она мнѣ не сдѣлала! —повторилъ онъ, горячась все больше и съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ. —Да, такіе люди, какъ она и ея отецъ, это —квинтэссенція всего, что наиболѣе мнѣ ненавистно! Все, что есть самаго отвратительнаго въ современномъ обществѣ, воплощается въ такихъ авантюристахъ-космополитахъ, разыгрывающихъ изъ себя важныхъ господъ съ милліонами, награвленными биржевыми плутнями. Начать съ того, что нѣтъ у нихъ никакого отечества. Что онъ такое, этотъ баронъ Юстусъ Гафнеръ: нѣмецъ, австріецъ, итальянецъ? Знаете вы, кто онъ?... Нѣтъ у нихъ никакой религіи. Имя, обликъ отца и дочери, все доказываетъ, что они жидаы, а, между тѣмъ, они протестанты, или «пока» протестанты, какъ вы совершенно правильно сказали, то есть пока не перешли они въ схизму, въ мусульманство или во что угодно еще. Хорошо слово «пока», когда дѣло идетъ о Богѣ!... Нѣтъ у нихъ ни рода, ни племени. Гдѣ онъ воспитался, этотъ баронъ? Что дѣлали его отецъ, его мать, братья, сестры? Гдѣ выросъ онъ? Гдѣ у него традиціи? Что такое его прошлое и все, чѣмъ создается и опредѣляется нравственное существо человѣка?... Попробуйте доискаться. Все покрыто непроницаемымъ мракомъ, кромѣ одного, что вполне ясно, а именно: если бы въ Вѣнѣ были настоящіе судьи, когда разбирался процессъ *Австро-Далматинскаго кредита* въ 1880 году, то былъ бы этотъ господинъ на каторгѣ, а не въ Римѣ..

Факты налицо. Разорено народа безчисленное множество. Знаю я кое-что объ этомъ. Мой несчастный двоюродный братъ де-Сень-Реми, находившійся при монсиньорѣ графѣ Шамборѣ, потерялъ тамъ послѣдній кусокъ хлѣба и приданое своей дочери. Были тамъ самоубійства, и, притомъ, ужасныя самоубійства: хотя бы взять нѣкоего Шрёдера, который сошелъ съ ума по милости этого краха, убилъ жену, двоихъ дѣтей, а потомъ и съ собою покончилъ. А господинъ баронъ выскочилъ цѣлъ и невредимъ. Десяти лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, и все уже забыто. Перебрался онъ на житье въ Римъ, и всѣ двери передъ нимъ открыты, всѣ жмутъ ему руки, какъ это было бы, впрочемъ, въ Мадридѣ, въ Лондонѣ и въ Парижѣ... Всей Европѣ одна цѣна съ 89 года! И всюду его принимаютъ, и всѣ бьвають у него. И вы хотите, чтобы я повѣрилъ искренности дочери такого господина? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, и сами вы, Дорсень, при всей вашей страсти къ парадоксамъ и софизмамъ, въ душѣ, все-таки, человѣкъ правдивый и отъ этихъ людей приходите въ такой же ужасъ, какъ я...

— Да ничуть не бывало, — возразилъ романистъ, слушавшій рѣчь маркиза съ видимымъ интересомъ и, притомъ, съ такою улыбкой, которая говорила ясно, что все это для него нисколько не убѣдительно. — Ничуть не бывало, — повторилъ онъ. — Вы обозвали меня акробатомъ, и я не сержусь, потому что это сказали вы и что я знаю, насколько вы любите меня. Такъ позвольте же мнѣ имѣть и гибкость акробата. Прежде чѣмъ составить себѣ сужденіе о финансовомъ предпріятіи, я считаю необходимымъ ознакомиться съ этимъ дѣломъ. Гафнеръ оправданъ судомъ, ничего иного мнѣ и не нужно, это — разъ. Если бы отецъ былъ самымъ отчаяннымъ изъ всѣхъ грабителей, это не можетъ помѣшать дочери быть воплощеннымъ ангеломъ, это — два. Наконецъ, что касается космополитизма, который вы ставите ему въ упрекъ, то мы съ вами разномыслимъ на вещи, это — то, именно, меня и интересуется въ немъ... Вотъ вамъ три. Знаете, еслибъ я въ Римѣ никого не зналъ, кромѣ Гафнера, то не считалъ бы потеряннымъ временемъ тѣ шесть мѣсяцевъ, что прожилъ здѣсь. Не смотрите на меня такими глазами, будто передъ вами одинъ изъ патроновъ цирка, дядюшка Бёвъ или самъ бѣдняга Ренанъ, — продолжалъ Дорсень, дотрогиваясь рукою до плеча маркиза. — Даю вамъ слово, что говорю совершенно серьезно. Въ мірѣ нѣтъ ничего, что интересовало бы меня такъ, какъ эти превращенія, какъ эти люди, прошедшіе черезъ двѣ, три, четыре формы существованія. Это мой музей, всѣ такія личности, и вы хотите, чтобъ я пожертвовалъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ

моихъ экземпляровъ. А за симъ...—легенькій подвохъ, который романистъ подготовлялъ своему собесѣднику, зажегъ искорки въ глазахъ молодого человѣка,—за симъ, вы можете обвинять барона Гафнера во всемъ, въ чемъ угодно, въ томъ, что онъ воръ и снобъ, интриганъ и мошенникъ. Но если вы упрекаете его въ безпочвенности и въ томъ, что живетъ онъ не тамъ, гдѣ жили его предки, то я отвѣчу вамъ словами Бономе моего уважаемаго коллеги Вилье де-и'Иль-Аданъ: «А сами-то вы, государь мой?...» Родились вы въ Бургундіи, господинъ маркизь де-Монфанонъ, вы, потомокъ очень стараго бургундскаго рода, состоите въ родствѣ со всѣмъ дворянствомъ Бургундіи, въ Бургундіи у васъ есть замокъ, въ Бургундіи ваши виноградники, все это очень восхитительно... А сами вы живете въ Римѣ почти двадцать четыре года, то-есть живете въ томъ *Космополисѣ*, который проклинаете...

— Прежде всего,—возразилъ старый боецъ за папство, показывая на свою изувѣченную руку,—я могъ бы сказать вамъ, что въ счетъ уже не иду. Я не живу, а помаленьку умираю. И къ тому же,—его лицо опять вспыхнуло,—къ тому же, мой Римъ не имѣетъ ничего общаго съ Римомъ господина Гафнера, ни съ вашимъ, такъ какъ вы явились сюда, повидимому, для изученія сравнительной нравственной тератологіи *). Для меня Римъ не *Космополисѣ*, какъ вы говорите, а *Метрополисѣ*, столица міра. Вы забыли, что я—католикъ, что я живу, дышу этимъ, и здѣсь я у себя, въ отчизнѣ моей души. Здѣсь я и потому еще, что я монархистъ и вѣрю въ мою старую Францію, какъ вы вѣрите въ современный міръ, и здѣсь я служу моей старой Франціи, какъ умѣю и могу. Отъ моей службы не много пользы для Франціи, но, тѣмъ не менѣе, несу и эту службу такъ же точно, какъ несъ ее когда-то на войнѣ... О, наша старая Франція! Какъ чувствуется здѣсь ея величіе и то мѣсто, которое она умѣла занять въ христіанствѣ! Вотъ эту-то струну я хотѣлъ бы заставить звучать въ писателѣ, настолько краснорѣчивомъ, какъ вы, и не могущемъ, къ сожалѣнію, отдѣлаться отъ парадокса и софизма. Ну, а вамъ, людямъ безъ прошлаго и похвальному этимъ, что вамъ за дѣло до того, что каждый уголокъ этого города хранить въ себѣ цѣлые вѣка вашей исторіи? Развѣ забьется у васъ сердце при видѣ саламандры Франциска I и лилій на фасадѣ вотъ этой церкви святого Людовика? Развѣ знаете вы, почему эта улица *Borgognona* такъ называется и что тутъ же въ двухъ шагахъ церковь святого Клода бургундцевъ, наша церковь?

*) *Тератологія*—наука о неправильностяхъ животныхъ организмовъ.

Вы, уроженецъ Вогезовъ, были ли вы въ церкви вашей провинціи въ церкви святого Николая Лотарингскаго? Знаете ли вы, гдѣ церковь святого Ива бретонцевъ?... Но вы, — и тонъ маркиза сдѣлалъ опять веселымъ, — *vous, vous êtes payé ma tête* *), какъ говорите на вашемъ мерзкомъ бульварномъ аргю, и заставили меня наброситься на этого негодяя Гафнера. Ну, голову мою я вамъ противъ нуля, не торгуясь, такъ какъ высказалъ все, что чувствую, отъ всего моего сердца, тогда какъ вамъ все это только шутки и забава. За это вы и поплатитесь, я васъ уже не отпущу, сведу васъ туда, гдѣ уцѣлѣла наша прежняя Франція. Въ двѣнадцать часовъ мы завтракаемъ вмѣстѣ, а до того времени обойдемъ тѣ церкви, которыхъ я только что говорилъ. Въ теченіе этого остающагося намъ часа мы будемъ жить въ прошломъ, за полтораста лѣтъ назадъ, въ томъ мірѣ, гдѣ не было ни космополитовъ, ни дилетантовъ, ни биржевыхъ бароновъ. То старый міръ, но міръ крѣпкій, и доказано это тѣмъ, что онъ состарѣлся, стало быть, долго просуществовалъ. Тогда какъ ваше новое общество, порожденное революціей, къ чему оно пришло въ одно столѣтіе, во Франціи, въ Италіи, въ Англіи даже, по милости отвратительнаго Гладстона, въ гордыни своей сдѣлавшагося новымъ Навуходоносоромъ?... Оно, это ваше общество, по единственному хорошему выраженію безстыднаго Дидеро, сгнило прежде, чѣмъ созрѣло!... Такъ идемъ?

— Отнюдь не отказался бы, — отвѣтилъ романистъ, — и вы ошибаетесь, думая, будто я не люблю вашу старую Францію, что не мѣшаетъ мнѣ находить очень хорошою и новѣйшую. Можно любить бордо и шампанское въ одно и то же время. Но я не свободенъ, долженъ идти сейчасъ на выставку въ палаццо Кастанья.

— Этого вы не сдѣлаете! — вскричалъ пылкій Монфанонъ. — Не пошли бы вы, чортъ возьми, смотрѣть на царевубійство въ 93 году. А, вѣдь, это почти такъ же трагично, эта распродажа съ аукціона стараго жилища папы Урбана VII, преемника Сикста V... Это начало агоніи другой великой силы, которая называлась римскою аристократіей... Я знаю, знаю. Сами они виноваты, виноваты тѣмъ, что не захотѣли всѣ до послѣдняго умереть на ступеняхъ Ватикана въ то время, какъ итальянцы взяли городъ. А мы бы сдѣлали это, хотя и нѣтъ папъ въ числѣ нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сдѣлали бы, если бы не дрались тогда въ другомъ мѣстѣ. И, все-таки, больно видѣть, какъ идетъ съ молотка дворецъ съ его вѣковыми историческими воспоминаніями. Еслибъ я былъ княземъ Ар-

*) Вы меня подвели ради потѣхи.

деа, наслѣдникомъ рода и титуловъ Кастанья и вынужденъ былъ бы сознать, что не оставлю послѣ себя ничего изъ собраннаго моими предками, клянусь вамъ, Дорсенъ, я умеръ бы съ отчаянія. И когда вы вспомните, что этотъ несчастный молодой человѣкъ, двадцати восьми-лѣтній баловень, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ поддержки, окруженный льстецами, пустился въ биржевую игру съ такими бандитами, какъ Гафнеръ,—что всѣ сокровища, накопленныя цѣлымъ рядомъ папъ, кардиналовъ, славныхъ воиновъ, дипломатовъ, должны перейти въ лапы скверныхъ биржевиковъ и безсовѣстныхъ дѣльцовъ,—когда вы вспомните это, то вся эта исторія представится вамъ настолько грустною, что не захотите вы вмѣшиваться въ нее, даже въ качествѣ зрителя... Нѣтъ, пойдемте по церквамъ.

— Я же вамъ повторяю, меня ждуть тамъ,—отвѣтилъ Дорсенъ, высвобождая руку, которою уже завладѣлъ его деспотическій другъ,—и чудно довольно, что, именно, васъ я встрѣтилъ на дорогѣ, отправляясь туда. Я обожаю контрасты и утра своего тоже не потерялъ даромъ. Хватитъ у васъ терпѣнія выслушать перечисленіе тѣхъ лицъ, которыхъ я долженъ тамъ увидать? Не особенно оно длинно, только вы меня не прерывайте, въ негодованіе можете приходить потомъ, если останетесь живы послѣ того удара, который я вамъ готовлю... Вамъ не угодно, чтобы я называлъ вашъ Римъ *Космополисомъ*, а что вы скажете о той компаніи, съ которою черезъ двадцать минутъ я буду осматривать старый палаццо Урбана VIII? На первомъ мѣстѣ вашъ прекрасный недругъ Фанни Гафнеръ и досточтимый баронъ, ея родитель, въ качествѣ представителя отчасти Германіи, отчасти Австріи, немножко Италіи и немножко Голландіи. Вѣрно говорю, такъ какъ мамаша этого барона родомъ изъ Роттердама. Позвольте, не прерывайте. Будетъ съ нами графиня Стено представительницей Венеціи и ея милая дочка, Альба, за представительницу маленькаго уголка Россіи, такъ какъ хроника сообщаетъ, будто она дочь покойника Стено, а Андрея Верекъева,—знаете, того, что покончилъ самоубійствомъ лѣтъ пять-шесть назадъ въ Парижѣ, не совсемъ по-аристократически, бросившись въ Сену съ моста Согласія. Будетъ еще художникъ, знаменитый Линкольнъ Майтлэндъ, представитель Америки,—состоитъ онъ въ данную минуту любовникомъ графини Стено, которую отбилъ у Горки, пока тотъ находится въ отлучкѣ, въ своей Польшѣ. Затѣмъ жена художника, Лидія Майтлэндъ, и братъ этой особы, Флоранъ Шапронъ; они представляютъ собою немного Францію, немного Америку и не-

много Африку, такъ какъ ихъ дѣдомъ былъ знаменитый полковникъ Шапронъ, про котораго упоминается въ *Меморіалъ* *) и который съ 1815 года сдѣлался плантаторомъ въ Алабамѣ. Тамъ отъ какой-то мулатки родился у него сынъ, котораго онъ призналъ и которому оставилъ не знаю сколько долларовъ; дѣти этого сына—Лидія и Флоранъ. Не перебивайте, сейчасъ конецъ. Представительницей Англіи будетъ католичка, вышедшая замужъ за поляка, мадамъ Горка, жена Болеслава, и отъ города Парижа вашъ покорнѣйшій слуга. А теперь я попытаю васъ затащить. Для полноты въ этой компаніи только и недостаетъ васъ, феодала... Идемте!

— И тутъ-то вы бы ужъ потѣшились въ полное свое удовольствіе надъ моею сѣдою головой, не такъ ли? — возразилъ Монфанонъ. — А, вѣдь, есть талантъ у этого несчастнаго! — воскликнулъ онъ, говоря о Дорсенѣ такъ, какъ объ отсутствующемъ. — И онъ написалъ десятокъ страницъ о Родосѣ ничуть не хуже Шатобриана, и Господь надѣлилъ его лучшими дарами: поэтическимъ чувствомъ, остроуміемъ, пониманіемъ исторіи, и вотъ въ какомъ обществѣ онъ наслаждается! Но послушайте, объясните вы мнѣ разъ навсегда, какое удовольствіе можетъ находить такой выдающійся человѣкъ, какъ вы, въ вознѣ съ этою международною богемой, болѣе или менѣе позолоченною, среди которой нѣтъ ни одного существа, которое было бы на своемъ мѣстѣ, въ своей средѣ, сообразно съ своими традиціями? Я не стану больше говорить о бандитѣ Гафнерѣ и о комедіанткѣ его дочкѣ, такъ какъ на нее вы, хотя и тонко анализирующій романистъ, смотрите глазами монсиньора Гверильо. Ну, а эта графиня Стево, ей, вѣдь, должно быть, уже сорокъ лѣтъ, при ней дочь, взрослая дѣвушка, давно ей слѣдовало утомониться и жить въ своемъ венеціанскомъ палаццо тихо и чинно, а не имѣть здѣсь какой-то салонъ-пассажъ, черезъ который дефилируютъ всѣ проходимцы Европы, и не заводить себѣ любовниковъ одного за другимъ, поляка послѣ русскаго, американца послѣ поляка... А Майтлэндъ, зачѣмъ измѣнилъ онъ единственному хорошему чувству, имѣющемуся въ его родной странѣ, чувству отвращенія къ черной расѣ, благодаря которому не найти вамъ двухъ соотечественниковъ его, способныхъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, жениться на какой-то октавонкѣ **), хотя

*) *Mémorial de Sainte-Hélène*, записки Ласъ-Каза за время пребыванія Наполеона I на островѣ св. Елены.

**) Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣти бѣлыхъ и негрятенокъ называются мулатами, дѣти бѣлыхъ и мулатокъ — квартеронами, дѣти бѣлыхъ и квартеренокъ — октавонами.

бы у нея было вдесятеро больше миллионъ и полдюжина бонапартовскихъ маршаловъ въ родословной? Да и эта молодая женщина, которой онъ измѣняетъ... Вѣдь, это ужасно, и еще ужаснѣе, если она не знаетъ этого. А мадамъ Горка... милая, честная женщина, я убѣжденъ въ томъ, что она такова, и по-настоящему благочестивая, какъ она въ теченіе двухъ лѣтъ не видала, что ея мужъ былъ любовникомъ графини и теперь не видитъ, разумѣется, ея отношеній къ Майтлэнду! А бѣдняжка Альба Стено, двадцати-лѣтняя дѣвушка, которую таскаютъ среди всей этой мерзости интригъ!... И этотъ еще Флоранъ Шапронъ, почему онъ не прекратить любовныхъ похожденій мужа своей сестры? Этого я знаю, онъ приходилъ ко мнѣ по дѣлу о постановкѣ памятника какому-то родственнику въ церкви св. Людовика. Онъ чтитъ умершихъ, и это мнѣ въ немъ понравилось. Стало быть, и онъ въ числѣ обманутыхъ въ этой мрачной комедіи, на которой вы присутствуете, зная все и не чувствуя отвращенія...

— Но позвольте, позвольте, — перебилъ его Дорсенъ, — дѣло совсѣмъ не въ этомъ, невозможный вы человѣкъ. Несетесь вы и не удержишь васъ, и свой вопросъ забыли... Какое удовольствіе доставляетъ мнѣ свѣтская мозаика, про которую я говорилъ, я вамъ сейчасъ объясню, только ужъ морали мы касаться не будемъ, если позволите, когда дѣло идетъ единственно о разумности того, что я дѣлаю. Жизнь судить я не берусь, старый вы боецъ лиги *), люблю я смотрѣть на нее и вникать въ ея смыслъ. И изъ всѣхъ зрѣлищъ, какія она можетъ мнѣ дать, я не знаю болѣе любопытнаго, болѣе страннаго и болѣе современнаго, чѣмъ нижеслѣдующее. Находитесь вы въ гостиной или за обѣденнымъ столомъ, или въ такой компаніи, въ какую я сейчасъ иду, передъ вами дюжина лицъ, всѣ говорятъ на одномъ языкѣ, всѣ одѣты по-модному, читали утромъ ту же газету, воображаютъ, будто всѣ они думаютъ и чувствуютъ одинаково... Но всѣ эти личности такъ же вотъ, какъ мною вамъ перечисленные, сошлись съ весьма различныхъ концовъ свѣта, позади каждой своя исторія. Вы изучаете ихъ, зная ихъ происхожденіе и наслѣдственные особенности, и вотъ, мало-по-малу, изъ-за космополитическаго лоска передъ вами выползаетъ наружу раса, неизгладимая, неразрушимая ничѣмъ порода... Въ хозяйкѣ дома, чрезвычайно изящной, очень образованной и необыкновенно привѣтливой, какова мадамъ Стено, вы угадываете наслѣдницу дождей,

*) Намекъ на новѣйшую католическую *Лигу*, союзъ клерикаловъ, основанный въ 1870 году съ цѣлью возстановленія свѣтской власти папы.

патриціанку пятнадцатаго вѣка, съ темпераментомъ царицы морей, съ неудержимою энергіей желаній и несравнимою ни съ чѣмъ наивностью разврата. А въ какомъ-нибудь Флоранѣ Шапронѣ или въ Лидіи вы скоро разсмотрите исконнаго раба, чернокожаго, гипнотизированнаго евронецемъ, существо неосвободимое, какимъ его сдѣлало многовѣковое рабство. Возьмемъ мадамъ Горку, и подь ея любезною улыбкой вы увидите фанатическую правдивость, создавшую пуританъ Англіи, тогда какъ въ Болеславѣ Горкѣ такъ и лѣзетъ наружу нервная раздражительность славянина, погубившая Польшу, а за артистическою утонченностью Линкольна Майтлэнда не можетъ укрыться здоровенная и грубая натура *скветтера* *)... Такія расовыя черты едва уловимы въ образованныхъ людяхъ, свободно говорящихъ на трехъ или четырехъ языкахъ, жившихъ въ Парижѣ, въ Ниццѣ, во Флоренціи, здѣсь, обычною жизнью свѣтскихъ людей, блестящею, банальною, повидимому, и крайне монотонною. Но лишь только замѣшается въ дѣло страсть, затронетъ что-нибудь человѣка за живое, и готовы конфликты характеровъ, чуть не борьба видовъ, тѣмъ болѣе изумительные, когда стоящіе лицомъ къ лицу люди сошлись издалека. Въ салонахъ разыгрываются драмы, доходящія до настоящихъ битвъ между различными племенами... И вотъ почему, проживши въ Римѣ шесть мѣсяцевъ, я римлянъ почти не видалъ, такъ какъ занятъ былъ наблюденіями надъ тѣмъ маленькимъ кружкомъ, который васъ такъ возмущаетъ. Это двадцатый, можетъ быть, что я изучаю, и, вѣроятно, буду изучать еще столько же въ виду того, что, являясь результатомъ случайныхъ встрѣчъ, ни одинъ изъ нихъ не похожъ на другой... Будете ли теперь милостивѣе ко мнѣ, когда и вы тоже *vous vous êtes payé ma tête* и такъ подвели меня, что я вотъ стою съ вами на площади и разглагольствую, какъ герой русскаго романа? И прощайте.

Монфанонъ, слушая эту маленькую рѣчь, былъ великолѣпенъ. Въ тихомъ уединеніи, гдѣ онъ помаленьку умиралъ, по его выраженію, для стараго маркиза не было лучшаго удовольствія, какъ споры изъ-за идей. Въ нихъ онъ вносилъ весь пылъ человѣка самыхъ крайнихъ убѣжденій, и когда сталкивался съ полу-ироническимъ диллентантизмомъ Дорсена, то иногда разстраивался до болѣзненности, въ особенности отъ того, что у него съ романистомъ были нѣкоторыя общія теоріи, а именно—по части наслѣдственности и расовыхъ особенностей. Но относились они къ этому настолько

*) *Squatter* (отъ слова *square*, четырехугольникъ), такъ называются въ Америкѣ пионеры, захватывающіе новыя неразработанныя земли.

различно, что самая общность доктрины раздражала старого дворянина настолько же, насколько привлекала его къ писателю. На его выразительномъ лицѣ промелькнула гримаса недовольства; ничуть не скрывая этого, онъ прищелкнулъ языкомъ и сказалъ:

— Пойдите, еще одинъ вопросъ... Какой же результатъ изъ этого? Цѣль какая? Словомъ, къ чему приведутъ эти ваши наблюденія?

— Къ чему же вы хотѣли бы, чтобъ они привели? Къ пониманію, какъ уже я сказалъ вамъ, — отвѣтилъ Дорсенъ.

— А дальше что?

— Никакого «дальше» не существуетъ для мысли. Это своего рода развратъ, а мнѣ онъ нравится...

— Но между этими людьми, на жизнь которыхъ вы такъ со стороны смотрите, — заговорилъ Монфанонъ послѣ короткаго молчанія, — есть же такіе, которыхъ вы любите и которыхъ ненавидите, которыхъ презираете, а другихъ уважаете? Неужели вамъ не приходитъ на мысль, что на васъ, при вашемъ большомъ умѣ, лежатъ по отношенію къ нимъ нѣкоторыя обязанности, что вы могли бы помочь имъ сдѣлаться лучшими людьми?

— Это уже совсѣмъ другой предметъ спора, — сказалъ Дорсенъ, — когда-нибудь мы къ нему и вернемся, а теперь я боюсь опоздать. Прощайте.

— Прощайте, — проговорилъ маркизъ съ видимымъ сожалѣніемъ о томъ, что приходится расстаться съ собесѣдникомъ, и вдругъ, опять обратившись къ романисту, продолжалъ: — Не знаю, за что люблю васъ, такъ какъ, въ сущности, въ васъ тоже олицетворяется одинъ изъ умственныхъ пороковъ, который приводитъ меня въ наибольшій ужасъ, это — дилетантизмъ, введенный въ моду послѣдователями господина Ренана и оказывающійся основною причиною нынѣшней декадентности. Но вы отъ него излечитесь, твердо надѣюсь, — вы еще молоды. — Потомъ, переходя въ мягкій и насмѣшливый тонъ, маркизъ добавилъ: — Желаю вамъ веселиться въ вашей экскурсіи въ Куртиль *), да, кстати, я забылъ, что у меня есть дѣло до одного изъ участвующихъ въ этой компаніи. Потрудитесь передать Горкѣ, что я разыскалъ книгу, о которой онъ меня просилъ передъ отъѣздомъ, — книгу о польскомъ дворянствѣ.

— Да Горка въ Варшавѣ, — отвѣтилъ Дорсенъ, — три мѣсяца какъ уѣхалъ по семейнымъ дѣламъ, и, какъ я говорилъ, за такое путешествіе онъ лишился любовницы.

*) Старинное выраженіе, смыслъ котораго такой: „идти въ Куртиль“, значитъ — идти пить плохое вино, идти въ дрянной кабакъ.

— Какъ въ Варшавѣ?—удивился Монфанонъ.—Я сегодня утромъ его видѣлъ, какъ вотъ васъ вижу. Онъ ѣхалъ въ фіакръ, и еслибъ я не такъ торопился къ якобинцу Рибальтъ спасать моего Монлюка, я бы остановилъ его.

— И вы увѣрены въ томъ, что Горка въ Римѣ, Болеславъ Горка?—настаивалъ романистъ.

— Что же это васъ такъ удивляетъ? — шутливо продолжалъ Монфанонъ.—Весьма естественно, что онъ не пожелалъ надолго разставаться съ городомъ, гдѣ у него жена и любовница, вчерашняя, сегодняшняя или завтрашняя. Я полагаю, что у этихъ тоже нѣтъ предрасудковъ, у вашего славянина и у вашего англо-саксонца, и что они подѣляютъ венеціанскіе восторги съ самоновѣйшимъ дилетантизмомъ... Было бы совсѣмъ космополитично. Прощайте, однако, и передайте мое порученіе, если увидите Горку, а еще,—и его лицо освѣтилось дѣтскою радостью человѣка, подстроившаго кому-нибудь ловкую каверзу,—еще не забудьте сказать красавицѣ Гафнеръ, что дочка ея папаша книги этой никогда не получить. Не для комедіантокъ и не для интригантокъ память Блеза де-Монлюка, героя Сіены и Рабастана!—и, смѣясь, какъ распалившійся школьникъ, онъ крѣпче заложилъ книгу подъ мышку и повторилъ:—Никогда не получить, слышите? Такъ ей и скажите: не по-лу-чить!...

М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Культурный кризисъ въ Римской имперіи *).

IX.

Результатъ языческихъ реформъ. — Причины столкновенія язычества съ христіанствомъ. — Отношеніе къ христіанству толпы. — Клеветы на первыхъ христіанъ. — Причины нетерпимости государства къ христіанской религіи. — Политическія причины преслѣдованій. — Отличіе раннихъ и позднихъ гоненій. — Причины ихъ жестокости.

Теологія неоплатониковъ и религіозно - нравственный идеаль неопифагореяцевъ представляютъ собою завершеніе всѣхъ реформаціонныхъ теченій на языческой почвѣ, потому что обѣ школы объединили въ себѣ и религіозное, и философское движеніе, имѣвшія цѣлью реставрировать язычество. Далѣе идти было некуда, и неудача языческихъ реформаторовъ III вѣка обозначала окончательное крушеніе самаго реформаціоннаго движенія. Неоплатонизмъ былъ послѣднею реставраціонною попыткой; на немъ и замерла религіозно - философская мысль античнаго язычества. Но паденіе реформаціонныхъ стремленій на языческой почвѣ обозначало не прекращеніе вызвавшихъ ихъ потребностей, а только безсиліе старой религіи и новой философіи дать имъ полное удовлетвореніе. Потребности эти продолжали жить, и реформаціонныя попытки только ихъ обострили. Общество жаждало единого Бога, который при абсолютныхъ качествахъ былъ бы близокъ къ человѣку, любилъ бы его и пекся бы о его спасеніи. Религія и философія шли на встрѣчу этому стремленію: первая пыталась выдать за такое божество то Изиду, то Зевса, то кого-нибудь другого; это все были старые знакомцы, близкіе къ людямъ, но плохіе боги. Ихъ усердно переодѣвали, чтобы придать имъ побольше величія; но никакими средствами нельзя было уничтожить тысячелѣтнихъ представленій, связанныхъ съ этими образами. Богъ философовъ оказался не удовлетворительнымъ съ другой стороны: онъ совсѣмъ не походилъ на прежнихъ, и въ этомъ его несомнѣнное достоинство; но онъ былъ не живое существо, а отвлеченное и неясное понятіе, поклоненіе которому представлялось абсурдомъ. Совершенно естественно, что религія и философія, бесплодно возбуждая мысль и чувство, только обостряли

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

могучую религіозную потребность. То же самое происходило и въ моральной сферѣ. Развитое нравственное чувство давно переросло религіозную формалистику и національный эгоизмъ. Въ служеніи божеству хотѣли видѣть нравственное совершенствованіе, а языческій культъ, попрежнему, сводился преимущественно къ внѣшнимъ церемоніямъ, и вообще старая религія мало способствовала разрѣшенію нравственныхъ проблемъ. Она не могла дать прочной религіозной морали, потому что ей недоставало обѣихъ необходимыхъ для этого основъ: высокаго нравственного идеала, воплощеннаго въ божествѣ, и ученія о загробномъ возмездіи. Требованіе нравственного поведенія было непоследовательностью со стороны безнравственныхъ боговъ; отсутствіе загробной награды лишало человѣка сильной опоры въ борьбѣ съ порокомъ. Философія въ этомъ отношеніи стояла безконечно выше религіи. Она разрушила соціальныя перегородки и уничтожила національную исключительность; она выработала моральный критеріумъ для оцѣнки личности независимо отъ сословія и національности; она предъявила человѣку высокія нравственные правила, доходила даже до ученія о всеобщемъ братствѣ; она, наконецъ, попыталась дать въ обоготворенномъ философѣ нравственный идеаль, котораго недоставало религіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что философія не только была вызвана отчасти, по крайней мѣрѣ, моральными потребностями современнаго общества, но поддерживала и воспитывала ихъ, развивала въ личности нравственную чуткость и критическое отношеніе къ себѣ. Но и она только обостряла нравственные стремленія, не будучи въ состояніи дать имъ полное удовлетвореніе хорошо обоснованною и последовательною этической системой. Всѣ моральныя ученія въ занимающую насъ эпоху страдаютъ въ большей или меньшей степени однимъ общимъ недостаткомъ: всѣ они игнорируютъ естественную любовь человѣка къ человѣку и, вслѣдствіе этого, страдаютъ крайнею односторонностью, проповѣдуя, въ концѣ-концовъ, сухой эгоизмъ. Такой недостатокъ подрывалъ и теоретическую, и практическую прочность философской морали: она была лишена психическаго основанія и не удовлетворяла нравственнымъ стремленіямъ. Вслѣдствіе этого религіозныя и моральныя потребности античнаго общества, обостренныя неудачными попытками религіозной и философской реформы, чувствовались съ особенно жгучею силой. Культурный кризисъ, начавшійся еще до установленія имперіи, къ концу III вѣка не только не разрѣшился, но, наоборотъ, достигъ наибольшаго напряженія, и единственный выходъ изъ него представляло христіанство. Евангельскій Богъ соединяетъ абсолютныя свойства съ отеческою любовью къ людямъ, а такого Бога давно жаждало античное человѣчество. Евангельскій Богочеловѣкъ — воплощеніе наивысшаго нравственного идеала, который недостижимо высоко стоялъ надъ всѣми рафинированными богами и обоготворенными философами. Античный міръ стремился къ чистотѣ культа и христіанство требовало служенія Богу «въ духѣ и въ истинѣ». Евангельская нравственность — образецъ религіозной морали. Она предписываетъ подражаніе высочайшему идеалу, т.-е. требуетъ личнаго совершенства и любви къ ближнему. Любовь

къ Богу и ближнему исчерпываетъ весь законъ и всѣхъ пророковъ: таково необычайно простое разрѣшеніе той страшно трудной задачи, съ которою не могли справиться реформаторы язычества. Евангельская мораль имѣетъ прочныя психологическія основы, потому что опирается на лучшія стороны нашей природы, и усиливаетъ нравственные стимулы ученіемъ о загробномъ возмездіи. Словомъ, въ Евангеліи античное общество должно было найти полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ религіознымъ и нравственнымъ погребностямъ, и торжество христіанства являлось историческою необходимостью, неизбѣжнымъ завершеніемъ всего предшествующаго религіозно-моральнаго развитія. Тѣмъ не менѣе, ученіе, которое устанавливало на землѣ миръ и среди людей благоволеніе, было встрѣчено всеобщей враждой. Съ христіанствомъ столкнулись всѣ реформаціонныя теченія на языческой почвѣ и всякое попыталось сокрушить его своимъ оружіемъ: толпа и правители — огнемъ и желѣзомъ, философы и ораторы — словомъ и перомъ. Свѣтъ возсіялъ міру и міръ его не позналъ. Въ чемъ же заключалась причина столь печальнаго недоразумѣнія?

Коренную особенность христіанской реформы сравнительно съ языческою составляло отношеніе ея къ старой вѣрѣ и къ старому культу. Признавая всѣхъ людей братьями, христіанство съ непримиримою враждой относилось къ тѣмъ вѣрованіямъ, которыя влекли братьевъ на вѣчныя муки. Идолопоклонство — предметъ глубочайшаго отвращенія и безпредѣльной ненависти для христіанина, какъ величайшее оскорбленіе истинной религіи и какъ несомнѣннѣйшій источникъ вѣчнаго страданія. Эта религіозная исключительность христіанъ, результатъ ихъ глубокой вѣры, была одной изъ причинъ ихъ побѣды; но она же ранѣе всего вызвала и ненависть къ нимъ со стороны язычниковъ. Первымъ и самымъ жестокимъ гонителемъ христіанства была та самая обездоленная масса, о которой особенно заботилось новое ученіе, тѣ труждающіеся и обремененные, которымъ Христосъ обѣщалъ успокоеніе. Источникомъ ненависти толпы было то суевѣрное невѣжество, которое всегда составляетъ главнѣйшую причину и ея преступленій, и ея страданій. Когда христіанство выступило на историческую сцену, въ массѣ жила еще вѣра, что всѣ бѣдствія, особенно физическія, — кара боговъ, разгнѣванныхъ за пренебреженіе къ ихъ культу. Послѣдователи новаго ученія не скрывали своего презрѣнія къ идоламъ; правда, они не позволяли себѣ оскорбительныхъ дѣйствій по отношенію къ господствующей религіи, но не входили въ храмы и никакая сила не могла ихъ заставить принять участіе въ жертвоприношеніи. Совершенно естественно, что толпа считала ихъ безбожниками и въ ихъ поведеніи видѣла причину гнѣва боговъ. «Если Тибръ поднимается до городскихъ стѣнъ, — говоритъ христіанскій апологетъ конца II вѣка Тертуліанъ, — или если Нилъ не разливается и не орошаетъ полей, если небо отказывается въ дождѣ, если происходитъ землетрясеніе, если голодъ и чума опустошаютъ страну, тотчасъ раздается крикъ: отдать лъвамъ христіанъ». Показанія христіанскаго писателя подтверждаются фактами: нѣкоторыя гоненія въ Малой Азіи были начаты по

поводу землетрясеній, а въ Римѣ существовала поговорка, что христіане— причина бездож्या. Такъ же дѣйствовало на толпу всякое религіозное возбужденіе. Процессіи и празднества заканчивались иногда жестокими оскорбленіями христіанъ: толпа бросалась на ихъ кладбище, вырывала изуродованныя тѣла мучениковъ, топтала ихъ ногами и разрывала на куски.

Религіозная ненависть суевѣрной массы поддерживалась еще враждебнымъ отношеніемъ христіанъ къ тому, что составляло величайшее ея наслажденіе, — къ публичнымъ зрѣлищамъ. Эти зрѣлища были ненавистны послѣдователямъ новаго ученія по двумъ причинамъ: имъ предшествовали религіозныя церемоніи и самыя представленія, состоявшія въ борьбѣ за смерть гладиаторовъ другъ съ другомъ и съ хищными звѣрями, отличались кроваватою жестокостію. Христіане осмѣливались выражать свое презрѣніе къ такимъ зрѣлищамъ, чего позже не рѣшались дѣлать даже христіанскіе императоры, чтобы не навлечь на себя народнаго недовольства. Понятно, что языческая толпа жестоко мстила за ненависть къ тому, что она больше всего любила, и именно въ циркѣ, опьяненная кровью, она часто вспоминала о христіанахъ и требовала ихъ крови, доставляя, такимъ образомъ, удовлетвореніе своей дикой мстительности и звѣрскимъ инстинктамъ. Отъ этого вездѣсущаго врага скрывали христіане то, что имъ было дороже личной жизни — свое богослуженіе и жизнь единовѣрцевъ, собиравшихся на общую молитву. До толпы доходили неясныя слухи о трапезѣ любви, о причащеніи, о томъ, что церковь — едино тѣло, и она перетолковывала это на свой ладъ. Говорили, что христіане собираются по ночамъ въ уединенныя мѣста, убиваютъ ребенка, причемъ всякій изъ присутствующихъ долженъ поѣсть его мяса, и предаются самому необузданному разврату. Не трудно представить себѣ, какое широкое распространеніе имѣли эти возмутительныя нечѣстности почти 2000 лѣтъ тому назадъ, если принять во вниманіе, что и теперь еще находить довѣріе гнусная сказка объ употребленіи евреями христіанской крови. И тогда, какъ теперь, бессмысленная клевета распространялась и въ образованныхъ классахъ.

Долгое время и правительство смотрѣло на христіанъ глазами толпы и относилось къ нимъ или враждебно, или съ презрѣніемъ. Но уже во второмъ столѣтіи добросовѣстные намѣстники провинцій, вродѣ Плинія Младшаго, лучше ознакомились съ новымъ движеніемъ, а съ появленіемъ христіанской апологетики при Адріанѣ правительство могло составить себѣ опредѣленное представленіе о христіанскомъ ученіи. Тѣмъ не менѣе, вражда къ нему императоровъ не прекратилась, и въ гоненіяхъ противъ христіанъ повинны не только такіе изверги, какъ Неронъ и Домиціанъ, но и лучшіе люди на римскомъ престолѣ, какъ Траянъ, Адріанъ и Маркъ Аврелій. Правительство не только пошло за толпой, но гораздо дольше и систематичнѣе преслѣдовало новое ученіе; по мѣрѣ того, какъ съ глазъ народной массы спадала завѣса, скрывавшая евангельскую истину, враждебное настроеніе низшихъ классовъ исчезало и эта среда обильно пополняла христіанскіе кадры. Но чѣмъ сильнѣе становилось христіанство, тѣмъ интензивнѣе и

упорѣ вражда къ нему правительства, тѣмъ послѣдовательнѣе и неумолимѣе гоненія. Ясное дѣло, что правительство руководилось не народными предрасудками, а политическимъ расчетомъ, хотя, въ концѣ-концовъ, и здѣсь въ основаніи лежало крупное недоразумѣніе: христіанство было враждебно не государству, какъ думали гонители, а только его религіи; но для римскихъ политиковъ государство и религія казались связанными неразрывно, даже сливались въ одно нераздѣльное цѣлое. Если позже и въ христіанскихъ государствахъ смѣшеніе политики съ религіей вело къ религіознымъ преслѣдованіямъ, то столкновеніе языческаго государства съ новою религіей было неизбѣжно, и они столкнулись во многихъ пунктахъ. Религіозная политика раннихъ императоровъ, завѣщанная Августомъ, должна была неизбѣжно привести къ столкновенію съ христіанствомъ, какъ только оно появилось въ Римѣ, такъ какъ императоры были враждебны чужеземнымъ культамъ. Но національная политика въ религіи была очень недолговѣчна; послѣ Тиверія императоры поддерживали государственную религію, но допускали на ряду съ ней иноземныхъ боговъ. Уже при Клавдіи пользуется полною терпимостью та теокразія, которая составляетъ характерную черту позднѣйшаго язычества; но на христіанство эта терпимость не простиралась. Если преслѣдованіе христіанъ на ряду съ другими восточными культами было съ извѣстной точки зрѣнія вполне логично, то лишеніе этой религіи всѣхъ правъ, которыми пользовались другіе культы, казалось вопіющею несправедливостью. Христіанскіе апологеты съ негодующимъ изумленіемъ ставятъ на видъ эту неравноправность своей религіи и требуютъ, чтобы къ нимъ относились такъ же, какъ и къ послѣдователямъ другихъ иноземныхъ культовъ. Но въ глазахъ римскихъ политиковъ такая непослѣдовательность находила достаточное оправданіе. Двѣ черты отличали христіанство отъ всѣхъ современныхъ религій: религіозная исключительность и отсутствіе всякой связи съ національностью; а именно эти недостающія ему свойства другихъ культовъ и служили основаніемъ религіозной терпимости римскаго правительства къ чужеземнымъ религіямъ. Въ эпоху теокразіи всякій политеистическій культъ допускалъ на ряду съ собою любую религію, и римлянинъ, поклонявшійся Озирису или Митрѣ, признавалъ и почиталъ, въ то же время, и національныхъ боговъ. Допущеніе новыхъ боговъ только расширяло національную религію, а не уничтожало ее; поэтому римскіе политики, считавшіе язычество нерушимой основой государства, могли примириться съ теокразіей. Если бы христіанство было способно къ такимъ уступкамъ, если бы оно могло признать на ряду съ собою другіе культы, то, по всей вѣроятности, правительство и общество отнеслись бы къ нему съ обычною терпимостью. По крайней мѣрѣ, императоръ Александръ Северъ поставилъ изображеніе Христа въ своей домашней божницѣ на ряду съ Орфеемъ и съ Аполлоніемъ Тіанскимъ, и убѣжденный язычникъ Порфирій допускалъ божественность Христа, хотя писалъ противъ Его послѣдователей полемическія сочиненія. Но христіанство отличалось строгою исключительностью, всѣ языческіе культы были для него дьявольскою выдумкой

на вѣчную гибель рода человѣческаго; поэтому оно могло относиться къ теокразіи только съ безусловною враждой и примиреніе съ язычествомъ было для него абсолютною невозможностью. Для римскихъ политиковъ было ясно, что торжество христіанства должно повлечь за собой полное паденіе той религіи, которую они считали основой государства, и они преслѣдовали христіанъ, какъ своихъ непримиримыхъ враговъ.

Но эти враги внушали имъ не только дальновидный страхъ, но и глубокую ненависть или презрѣніе своимъ непонятнымъ для язычниковъ упорствомъ. Если бы дѣло ограничивалось одними вѣрованіями, то гоненія едва ли достигли бы значительной интензивности. Такихъ отъявленныхъ безбожниковъ, какъ Лукрецій, Лукіанъ и вообще эпикурейцы, въ Римѣ не преслѣдовали. Главная причина гоненій—культъ. Отъ христіанина требовали только исполненія религіозной формальности: войди въ храмъ, поклонись статуѣ, принеси жертву на алтарѣ, и вѣруй во что хочешь и какъ угодно, и не могли понять, почему христіане предпочитали страшныя мученія и смерть такимъ невиннымъ, какъ имъ казалось, церемоніямъ. Эта обычная точка зрѣнія всякаго оффиціального благочестія въ Римѣ коренилась на исконныхъ религіозныхъ традиціяхъ, которыя требовали обряда, а не чувства, и шла въ разрѣзъ съ христіанскимъ пониманіемъ культа. Для христіанъ всякое религіозное дѣйствіе стоитъ въ неразрывной связи съ внутреннимъ настроеніемъ и является его выраженіемъ; вѣра владѣла всѣмъ существомъ христіанина, его совѣстью, его умомъ и сердцемъ, и какое бы то ни было служеніе языческому божеству было для него психическою невозможностью, потому что глубоко возмущало весь его духовный міръ. Такой вѣры, которая только и могла служить прочною основой истинной религіи, никогда не понимали римскіе чиновники и позднѣйшіе язычники, которые называли себя христіанами, вродѣ отцовъ Констанцскаго собора, осудившихъ на сожженіе Гуса.

Но въ составъ населенія Римской имперіи входила цѣлая національность, которая, подобно христіанамъ, отличалась рѣзкою религіозною исключительностью. Это были евреи, первая заповѣдь которыхъ требовала строгаго монотеизма и безусловно запрещала поклоненіе какому-либо чужеземному божеству. Тѣмъ не менѣе, евреи, за немногими исключеніями, избѣгали участи христіанъ, хотя они также отрицательно относились къ римской міеологіи и культу. Причина различнаго отношенія правительства къ двумъ одинаково исключительнымъ религіямъ заключалась въ національномъ характерѣ іудейства. Іудейство не обнаруживало замѣтнаго стремленія стать всемірною религіей, не вело ревностной и систематической проповѣди своей вѣры. Оно держалось приблизительно своихъ этнографическихъ предѣловъ, мало заботилось о прозелитахъ, и римское правительство терпѣло мѣстную религіозную особенность, не видя въ ней государственной опасности. Иное дѣло христіанство. Оно не было связано ни съ какою національностью и ставило своею задачей проповѣдь Евангелія всѣмъ народамъ. Правительству представлялось возможнымъ терпѣть религію небольшой и рѣзко опре-

дѣленной національности; но терпимость къ религіи, которая стремилась завоевать міръ и вытѣснить всѣ культы, казалась ему немислимою. Интернаціональная религія—явленіе небывалое въ античномъ мірѣ; что удивительнаго, если она казалась разрушительною для всякаго общественнаго строя, потому что всѣ извѣстныя тогда государства стояли въ тѣсной связи съ національною религіей, и эта связь считалась естественной и необходимой?

Но гоненія правительства на христіанъ по существу носили политическій, а не религіозный характеръ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно охраняло старую вѣру. Христіанамъ мстили не за боговъ, потому что еще Тиверій говорилъ, что боги сами о себѣ позаботятся; преслѣдованія имѣли въ виду интересы государства вообще и тогдашней политической формы въ частности. Христіанъ обвиняли въ томъ, что они, отказываясь отъ культа, не только навлекали на страну мщеніе разгнѣванныхъ боговъ, но и подрывали патріотизмъ, отрицали долгъ служенія гражданина государству и колебали прочность установленной власти. Дѣйствительно, христіане воздерживались отъ участія во всякихъ публичныхъ празднествахъ по случаю дня рожденія императора или побѣды, или другого радостнаго событія, потому что всякое торжество сопровождалось ненавистными имъ представленіями въ циркѣ и религіозными церемоніями. Они отказывались зажигать иллюминацію передъ воротами своихъ домовъ и украшать ихъ гирляндами, потому что видѣли въ этомъ остатки языческаго культа. «Прекрасное дѣло,—воскликаетъ Тертуліанъ,—зажигать огни передъ воротами, ставить столы на перекресткахъ, превращать Римъ въ кабакъ, разливать вино по улицамъ, бѣгать толпами, браниться, драться и допускать всяческія безобразія». Отказъ отъ языческаго культа казался со стороны глубокимъ равнодушіемъ христіанъ къ общественному благу, чего въ дѣйствительности не было и не могло быть въ религіи, которая учила, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Христіане возставали только противъ формы, въ которой выражалась народная радость, а вовсе не были «врагами рода человѣческаго», какъ утверждали ихъ противники. Еще печальнѣе было столкновеніе христіанскаго чувства съ языческою дѣйствительностью въ вопросѣ о государственной службѣ. Всякая должность требовала участія въ языческомъ культѣ, потому что религіозный обрядъ предшествовалъ всякому правительственному акту, и христіане оказались вынужденными уклоняться отъ общественной дѣятельности; «ничто намъ такъ не чуждо,—пишетъ Тертуліанъ,—какъ общественныя дѣла». Чтобы привлечь христіанъ къ службѣ, необходимо было отдѣлить политику отъ религіи и порвать такимъ образомъ съ многовѣковыми традиціями. Но римское правительство было слишкомъ консервативно для такой радикальной реформы.

Уклоненіе христіанъ отъ участія въ публичныхъ празднествахъ и въ государственной службѣ достаточная причина для площадной ненависти и подозрительнаго отношенія со стороны правительства; но прямого преслѣдованія оно не вызывало. Гораздо тяжелѣе ложился на нихъ император-

скій культъ. Поглощеніе обоготвореннымъ цезарямъ было требованіемъ не только религіи, но еще болѣе политики, и за отказъ отъ него преслѣдовали какъ за государственное преступленіе. Уже Тиверій привлечь къ суду нѣсколькихъ римскихъ всадниковъ за ихъ нежеланіе воздать божескія почести его умершему предшественнику, и, по словамъ Тертуліана, язычники гораздо болѣе боялись обоготворенныхъ императоровъ, чѣмъ самого Юпитера. Причина понятна: за отрицаніе императорскаго культа легко можно было подпасть подъ дѣйствіе ужасной *lex majestatis* или закона объ оскорбленіи величества, какъ его обыкновенно называютъ. Но едва ли какой-нибудь безбожникъ или равнодушный къ религіи философъ подвергался когда-нибудь этой опасности: бросить кусокъ ладону на императорскій алтарь было привычною формальностью, почти только политическою вѣжливостью. Одни христіане рѣшительно отказывались отъ этой церемоніи, потому что она противорѣчила ихъ вѣрѣ и ихъ совѣсти. «Я не называю императора богомъ»,—говоритъ Тертуліанъ,—потому что не умѣю лгать». Честное отношеніе христіанина къ своей вѣрѣ дѣлало его политическимъ преступникомъ, и въ любой моментъ его можно было привлечь къ суду за оскорбленіе величества.

Наконецъ, была еще одна уже чисто-политическая причина гоненій на христіанъ. Еще Меценатъ далъ слѣдующій совѣтъ Августу: «Преслѣдуй ненавистью и наказаніями тѣхъ, кто вводитъ чужія религіи не ради боговъ,—кто презираетъ боговъ, навѣрное, не совершитъ ничего великаго,—а потому, что такіе люди увлекаютъ не только къ чужимъ богамъ, но и къ чужимъ законамъ. Отсюда происходятъ заговоры, тайныя общества и собранія». Этотъ совѣтъ сталъ программой религіозной политики раннихъ императоровъ. Позже къ чужеземнымъ богамъ смягчались, но тѣмъ суровѣе относились ко всякимъ корпораціямъ, которыя могли сдѣлаться средоточіемъ политическаго заговора. До какой степени доходила подозрительность правительства въ этомъ отношеніи, лучше всего показываетъ тотъ фактъ, что Траянъ запрещалъ противопожарныя общества, такъ какъ они замкнутыя корпораціи и собираются на засѣданія. Правительство очень хорошо знало, что христіанскія общины превосходно организованы, что ихъ члены находятся въ такой тѣсной связи, которая по твердости превосходитъ всякій общественный союзъ, что собранія общины происходятъ въ глубокой тайнѣ. Правда, христіане утверждали, что ихъ союзъ не имѣетъ ничего общаго съ политикой, что они вполне повинуются установленнымъ властямъ, если не затрогивается ихъ вѣра, и дѣйствительность подтверждала ихъ показанія. Изъ христіанской общины не вышло ни одного заговора, ни одной революціонной попытки. Тѣмъ не менѣе, самое ея существованіе было формальнымъ нарушеніемъ закона о тайныхъ обществахъ, который давалъ юридическую санкцію преслѣдованіямъ.

Всѣ эти столкновенія новой религіи съ языческимъ государствомъ повлекли за собою кровавыя гоненія на христіанъ, продолжавшіяся почти три столѣтія. Намъ нѣтъ надобности подробно разсматривать эти гоненія:

ихъ общій характеръ хорошо извѣстенъ, а ихъ детали—одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ исторической наукѣ. Намъ важно отмѣтить только тѣ ихъ черты, которыя иллюстрируютъ характеръ борьбы и степень необходимости преслѣдованій. Прежде всего, до 249 года гоненія не имѣли систематическаго характера; существовали законы, которыми можно было воспользоваться для преслѣдованія христіанъ, но ихъ приложеніе зависѣло отъ произвола намѣстниковъ. Лучшіе императоры Траянъ, Адрианъ и Маркъ Аврелій только допускали гоненія и въ отдѣльных случаяхъ казнили христіанъ, какъ Траянъ—св. Игнатія Богоносца, Адрианъ—св. Симфорозу и ея сыновей. Лучше всего характеризуетъ положеніе дѣлъ знаменитое письмо Плінія Младшаго Траяну и отвѣтъ на него императора. Будучи намѣстникомъ Виенны, Пліній долженъ былъ разсматривать процессы противъ христіанъ и столкнулся съ нѣкоторыми затрудненіями, за разрѣшеніемъ которыхъ онъ обращается къ императору. «Слѣдуетъ ли наказывать христіанъ за одно имя, если оно свободно отъ преступленій, или только за преступленія, связанныя съ именемъ?—спрашиваетъ онъ и описываетъ свое обращеніе съ приведенными на судъ христіанами.—Я предлагаю имъ вопросъ,—говоритъ онъ,—христіане ли они? Если они это признаютъ, то я имъ предлагаю тотъ же вопросъ во второй и въ третій разъ подъ угрозою смертной казни. Если они, тѣмъ не менѣе, настаиваютъ на этомъ, то я приказываю ихъ увести. Тогда у меня не остается сомнѣнія, что, въ чемъ бы они ни признались, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ наказать ихъ своею правотою и непреклонное упорство. Римскихъ гражданъ, если они отличаются подобною же глупостію, я приказываю отсылать въ столицу». Траянъ вполне одобряетъ способъ дѣйствій своего намѣстника, но даетъ ему мало точныхъ инструкцій. «Нельзя здѣсь установить чего-нибудь общаго, что имѣло бы точную и опредѣленную форму,—пишетъ онъ.—Не нужно христіанъ разыскивать, но если на нихъ донесутъ и они будутъ уличены, то слѣдуетъ подвергать ихъ наказанію». Трудно понять эту странную политику раннихъ гоненій. Повидимому, правительство не успѣло еще составить себѣ опредѣленнаго представленія о политическомъ значеніи христіанства и дѣлало уступки толпѣ. Такъ смотрятъ на дѣло и ранніе апологеты. «Ты допускаешь,—говоритъ Аѳинагоръ Марку Аврелію,—что насъ изгоняютъ, грабятъ и подвергаютъ смертной казни». Это преступное попустительство, развращавшее народную массу, предоставляло широкій просторъ чиновникамъ, которые придавали гоненіямъ особенно ненавистный характеръ. Имъ не было расчета сдерживать толпу; наоборотъ, жертвуя христіанами, они или дешево пріобрѣтали популярность, или давали выходъ народному озлобленію, которое иначе могло направиться противъ правительства. Правители часто устраивали для народа бесплатныя зрѣлища, и травля христіанъ дикими звѣрями представляла наиболѣе дешевый способъ позабавить толпу. Иногда такимъ путемъ намѣстникъ доставлялъ черни двойное удовольствіе: давалъ ей пріятное зрѣлище и исполнялъ ея требованіе, какъ бы подчиняясь ея волѣ. Возбужденная какимъ-

нибудь жрецомъ или шарлатаномъ, толпа требовала казни извѣстнаго христіанина, и чиновникъ охотно исполнять ея желаніе. Такъ было, напри- мѣръ, въ Смирѣ. Собравшаяся въ циркѣ публика потребовала казни св. Поликарпа. Проконсулъ приказалъ немедленно привести этого христіанина, здѣсь же подвергъ его допросу, здѣсь же осудилъ на смерть и немедленно на аренѣ приказалъ привести въ исполненіе свой приговоръ, чтобы доставить толпѣ любимый дивертисментъ. Полную свободу совершать неистовства надъ христіанами предоставляли ожесточенной толпѣ и въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстную мѣстность постигали какія-нибудь физическія бѣдствія. Такъ, при Маркѣ Авреліи нѣкоторыя провинціи сильно пострадали отъ наводненій, землетрясенія, чумы, и въ Галліи, а также въ Малой Азіи, совершались страшныя жестокости надъ христіанами, хотя самъ императоръ только презиралъ ихъ, но не питалъ къ нимъ ненависти. Такая политика не вызывалась государственными потребностями, а, наоборотъ, извращала культурныя задачи государства, которое, вмѣсто воспитанія народа, развращало его преступною поблжкой самымъ дурнымъ инстинктамъ толпы. Нѣкоторые императоры понимали безнравственность такого поведенія представителей власти, и эдикты Адріана и Антонина Пія запрещали отдавать христіанъ на произволъ черни; но это были только полумѣры, мало измѣнявшія сущность дѣла.

Съ половины III вѣка приемы гоненій рѣзко мѣняются: они пріобрѣтаютъ систематическій характеръ. Децій первый поставилъ своею задачей истребить христіанство и возвратить къ язычеству его послѣдователей, и этой политики держались нѣкоторые изъ его преемниковъ, въ особенности Діоклетіанъ. Эдиктомъ 303 года Діоклетіанъ запрещалъ христіанское богослуженіе, предписывалъ разрушать церкви, сожигать книги, лишалъ христіанъ военныхъ и гражданскихъ должностей, чашныхъ лицъ—права гражданства, рабовъ—права быть отпущенными на свободу. Въ слѣдующемъ году были изданы три новыхъ эдикта, по которымъ духовныя лица подвергались аресту, свѣтскіе подъ страхомъ смертной казни должны были принести жертву богамъ. Снова полилась христіанская кровь, и на этотъ разъ уже по всей имперіи; но это были запоздалыя и потому не только безполезныя, но и безсмысленныя жестокости. Къ половинѣ III вѣка христіанство было уже могучею силой, которую языческое государство признало и съ которою отчасти примирилось. Христіанскія общины владѣли уже недвижимою собственностью и ихъ члены служили въ войскъ и занимали общественныя должности, такъ какъ отъ нихъ не требовали языческаго культа. Всѣ эти льготы могли убѣдить правителей, что отъ уступокъ христіанамъ нисколько не страдаютъ государственныя интересы. Само государство постепенно отрывалось отъ языческой почвы: старыя религіозныя церемоніи окончательно утратили политическій смыслъ и въ основѣ права вмѣсто узкаго религіознаго націонализма лежали широкія философскія идеи. Если объясненіемъ раннихъ гоненій являлся понятный предрасудокъ о несовмѣстности христіанства съ государственными учрежденіями и о неотдѣлимости языче-

ства отъ имперіи, то во второй половинѣ III вѣка противъ несовмѣстимости говорили факты, а идея о политической необходимости язычества становилась уже достояніемъ прошлаго. Ранніе гонители христіанства—только узкіе консерваторы, поздніе—закорепѣлые реакціонеры.

Заслуживаютъ вниманія еще двѣ черты въ преслѣдованіяхъ христіанъ: несправедливость судебной процедуры и невѣроятныя жестокости. Христіанъ не только казнили за одно имя,—это находить еще объясненіе въ томъ, что имя обозначало отрицаніе всѣхъ боговъ и обоготвореннаго цезаря, слѣдовательно, влекло за собою кару по закону,—но христіанъ подвергали еще пыткамъ, чтобы заставить ихъ принести жертву, что было уже совершенно противозаконно. Римское право допускало пытку, какъ средство заставить обвиняемаго сказать правду; здѣсь ее пускали въ ходъ, чтобы вынудить завѣдомую ложь. Ключъ къ объясненію этой несправедливости заключается въ безправномъ положеніи христіанъ и въ желаніи мучителей побѣдить во что бы то ни стало ихъ твердость. Съ христіаниномъ не церемонились, потому что нарушеніе по отношенію къ нему судебныхъ формальностей не грозило наказаніемъ; а желаніе сломить могучую волю беззащитнаго чловѣка—обычное слѣдствіе раздраженія грубой силы, когда она встрѣчаетъ нравственное сопротивленіе. Въ этомъ же раздраженіи гонителей противъ геройскаго терпѣнія слѣдуетъ искать одну изъ причинъ и невѣроятныхъ жестокостей, которымъ подвергались христіане, хотя здѣсь дѣйствовали и другіе стимулы. Гуманныя ученія философовъ не проникали въ толпу, которая въ циркахъ и театрахъ наслаждалась кровавыми зрѣлищами, а къ ея вкусамъ приспособляли наказанія христіанъ жаждавшіе популярности инновники. Можетъ быть, и сами представители власти, принадлежавшіе къ высшимъ классамъ общества, находили удовольствіе въ жестокостяхъ, хотя и болѣе утонченныхъ. Мы знаемъ, что въ драмѣ *Геркулесъ на горѣ Этнѣ* героя въ концѣ представленія сжигали на настоящемъ кострѣ, поэтому въ послѣдній моментъ актера замѣняли осужденнымъ на смерть преступникомъ. Римская публика любила сильныя ощущенія, и гоненія на христіанъ создавали цѣлую массу реальныхъ трагедій, которыя оканчивались дѣйствительною смертью. Такими трагедіями наполнены сказанія о страданіяхъ мучениковъ. Для примѣра достаточно привести одно изъ нихъ. Св. Перпетуя была единственная дочь горячо любившихъ ее родителей и счастливая мать двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Двадцати двухъ лѣтъ ее привели на судъ за сповѣданіе христіанскаго ученія и потребовали отреченія подъ угрозой смертной казни. Св. Перпетуя предпочла мученическую смерть. Тогда на сцену выступаетъ ея старый отецъ. Онъ умоляетъ дочь измѣнить свое рѣшеніе, напоминаетъ ей о ея дѣтяхъ, описываетъ свои ужасныя страданія, вспоминаетъ о недавнемъ счастьѣ, когда ее окружала всеобщая любовь, называетъ на легкую возможность вернуться къ счастливой жизни, заклинаетъ пощадить и его жизнь, дать ему спокойно сойти въ могилу, наконецъ, забывая свои сѣдины, бросается со слезами передъ ней на колѣни униженно цѣлуетъ ея руки съ мольбою о пощадѣ. Св. Перпетуя любила

своего отца и борьба религіознаго чувства со всѣмъ, что можетъ быть дорогому человѣку, причиняла ей страшныя страданія. Это была очень сильная сцена; но павысшаго драматизма достигла внутренняя борьба въ тотъ моментъ, когда непоколебимая въ своей вѣрѣ дочь проходила на смерть мимо отца, который отъ нестерпимыхъ страданій лежалъ на землѣ около тюремныхъ дверей и съ отчаяніемъ рвалъ на себѣ сѣдые волосы. Лучшей такой драмы трудно придумать для зрителей, которые требовали настоящей смерти и въ театральныхъ трагедіяхъ.

И такъ, если характеръ гоненій противъ христіанъ обуславливался звѣрскими сторонами человѣческой природы, то ихъ столкновеніе съ государствомъ зависѣло отъ смѣшенія политики съ религіей. Но побѣда христіанства и здѣсь, какъ въ чисто-религіозной сферѣ, обозначала торжество свѣта надъ мракомъ, потому что звѣрю-человѣку оно проповѣдывало великое ученіе о святости человѣческой жизни, а всемогущему государству—великій принципъ, что цезарю принадлежитъ только цезарево, а религія дѣло Божіе.

X.

Причины вражды къ христіанству образованнаго общества. — Семейные разлады. — Предразсудки образованныхъ классовъ. — „Цецилій“ Минуція Феликса. — Отношеніе къ христіанству философскихъ школъ. — Лукіанъ. — Целзь и причины его полемики. — Отношеніе христіанства къ античной культурѣ.

Если суевѣрная толпа ненавидѣла христіанство, потому что не знала его и не имѣла силы оторваться отъ старыхъ вѣрованій, если государственные люди преслѣдовали новую религію, потому что не умѣли себѣ представить государство внѣ связи съ политеизмомъ, то можно было ожидать, что образованные классы отнесутся къ Евангелію съ единодушнымъ сочувствіемъ. Они давно уже искали религіозной истины за предѣлами національной вѣры и шли въ разрѣзъ съ правительственною политикой, когда она боролась съ восточными культами, въ которыхъ общество думало найти религіозное удовлетвореніе. Изъ образованныхъ же классовъ выходили и тѣ люди, которые, разочаровавшись въ вѣрѣ, думали найти суррогатъ религіи въ философіи и не останавливались даже передъ смѣлымъ отрицаніемъ всего политеизма. Евангеліе несомнѣнно давало удовлетвореніе этимъ исканіямъ вѣры и правды, и, тѣмъ не менѣе, христіане и здѣсь встрѣтили на ряду съ сочувствіемъ вражду, которая не отличалась кровожадною жестокостью, но была за то необыкновенно упорна и продолжительна. Последними язычниками античнаго міра были философы и ученые. Эта оппозиція христіанскому свѣту со стороны просвѣщенныхъ классовъ языческаго общества зависѣла отъ многихъ и весьма разнообразныхъ причинъ.

Прежде всего, новая религія затрогивала практическіе интересы: съ ея торжествомъ пустѣли языческіе храмы и бѣднѣли всѣ тѣ, которые кормились отъ народнаго благочестія. Уже Пліній Младшій писалъ Траяну, что

жертвенныя животныя не находятъ покупателей; точно также жрецы теряли свои доходы; у художниковъ уменьшались заказы, и изъ среды служителей старой вѣры выходили преимущественно тѣ подстрекатели толпы, которые возбуждали ее къ насиліямъ и жестокостямъ. Гораздо болѣе широкіе слои общества захватывала другая и болѣе глубокая причина недовольства новою религіей: она вносила разладъ въ семью. Культурныя и религіозныя движенія по большей части распространяются постепенно, захватываютъ сначала натуры наиболѣе чуткія, наиболѣе впечатлительныя; поэтому они всегда вносятъ разладъ въ семью, и чѣмъ глубже переворотъ, чѣмъ сильнѣе овладѣваетъ онъ человѣкомъ, тѣмъ живѣе чувствуется разладъ, тѣмъ болѣе причиняетъ онъ страданій. Религіозныя движенія въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ всякія другія. Разногласіе въ мысляхъ допускаетъ компромиссы на почвѣ чувства и практическихъ интересовъ; разногласіе въ вѣрованіяхъ захватываетъ и мысль, и чувство и дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ къ матеріальнымъ выгодамъ. Такъ было и при распространеніи христіанства. Евангеліе запрещаетъ любить отца, мать или кого бы то ни было болѣе Бога, и такихъ послѣдовательныхъ христіанъ, какъ св. Перпетуя, было очень много. Оригенъ мальчикомъ писалъ письма къ отцу, который сидѣлъ въ тюрьмѣ за вѣру, чтобъ онъ не падалъ духомъ и шелъ на смерть за Христа; совершенно естественно, что языческихъ родственниковъ еще менѣе щадили, когда дѣло касалось религіи. Особенную вражду питали къ христіанству за обращеніе женщинъ, которыя, отличаясь большею чуткостью и сердечностью, нежели мужчины, принимали новую вѣру ранѣе своихъ мужей, отцовъ и братьевъ. Поэтому съ появленіемъ христіанской проповѣди внутренній разладъ сдѣлался обычнымъ явленіемъ въ языческой семьѣ, и этотъ разладъ чувствовался особенно болѣзненно по многимъ причинамъ.

Прежде всего, моральнымъ основаніемъ античной семьи была религія. Домашній очагъ былъ алтаремъ фамиліальныхъ боговъ и брачный обрядъ сводился къ посвященію женщины въ семейную религію ея мужа. Поэтому отказъ жены отъ семейнаго культа, въ сущности, обозначалъ уже распаденіе семьи; но этимъ дѣло не ограничивалось. Вновь обращенныя христіанки съ необыкновеннымъ усердіемъ стремились выполнить самыя крайнія требованія новой морали и не желали пользоваться даже тѣмъ, что считалось позволительнымъ и по христіанскому ученію. Мужья стояли на иной точкѣ зрѣнія, и супруги расходились во всемъ, начиная съ пищи и кончая самыми интимными сторонами семейной жизни и воспитаніемъ дѣтей. Если прибавить къ этому дурныя слухи о ночныхъ собраніяхъ христіанъ для общей молитвы, то будетъ понятно, что обращеніе въ новую вѣру жены казалось язычнику-мужу величайшимъ несчастіемъ. Одинъ знакомый Тертулліана, на себѣ испытавшій эту бѣду, заявлялъ, что для него было бы лучше, еслибъ его жена дошла до самыхъ крайнихъ предѣловъ нравственнаго паденія. Несчастіе чувствовалось тѣмъ глубже, что оно было совершенно непоправимо. Бл. Августинъ рассказываетъ, что одинъ мужъ обра-

тился даже къ оракулу за совѣтомъ, какъ вернуть жену къ старой вѣрѣ, но получилъ крайне неутѣшительный отвѣтъ: «Легче на волнѣ написать сочиненіе или полетѣть по воздуху на крыльяхъ, чѣмъ очистить сердце женщины, разъ оно запятнано религіознымъ суевѣріемъ»,—сказалъ хорошо понимавшій дѣло оракулъ. Неудивительно, что такіе мужья неавидѣли христіанъ, и есть извѣстіе, что намѣстникъ Каппадокіи Герминіанъ началъ противъ нихъ формальное гоненіе, потому что его жена приняла ихъ ученіе.

Кромѣ практическихъ интересовъ, христіанство затрогивало весьма многіе традиціонные взгляды и національные предрасудки, которые въ большей или меньшей степени раздѣлялись всѣмъ образованнымъ обществомъ, включая сюда и философовъ. Вслѣдствіе этого противъ христіанства возникла цѣлая полемическая литература, которая хорошо знакомитъ насъ съ обвиненіями противъ христіанъ со стороны образованныхъ язычниковъ. Писатели эпохи Траяна, какъ Тацитъ, Плиній Младшій и Светоній, ограничиваются презрительными замѣчаніями о христіанахъ. Для нихъ христіанство—«гибельное, безнравственное суевѣріе», а его послѣдователи—«враги рода человѣческаго». Впервые написалъ специальную рѣчь противъ христіанства Корнелій Фронтонъ, знаменитый ораторъ, первый адвокатъ въ Римѣ и учитель Марка Аврелія. Его произведеніе до насъ не дошло; но есть основаніе думать, что его воззрѣнія воспроизведены въ христіанской апологіи конца II вѣка, написанной тоже римскимъ адвокатомъ Минуціемъ Феликсомъ. Апологія составлена въ формѣ діалога между язычникомъ Цециліемъ и христіаниномъ Октавіемъ и заканчивается обращеніемъ перваго. Въ какой мѣрѣ Цецилій излагаетъ воззрѣнія Фронтонна, сказать трудно, но, во всякомъ случаѣ, онъ представляетъ собою типичнаго язычника изъ образованнаго класса и его взгляды—обычное отношеніе къ христіанству въ концѣ II вѣка. Цецилій—человѣкъ вѣрующій, но у него шаткая и неглубокая вѣра. Всякія ученія о богахъ, всякое философское отношеніе къ религіи кажутся ему совершенно бесполезными: объ этомъ не дано знать человѣку, и въ разсужденіяхъ философовъ о религіи нѣтъ ничего, кромѣ противорѣчій. Но, будучи скептикомъ въ богословіи, Цецилій благочестиво держится традиціоннаго культа и вѣритъ въ боговъ. По его мнѣнію, старая религія доказала свои достоинства многовѣковымъ опытомъ: подъ ея покровительствомъ Римъ достигъ недосягаемаго величія. «Такъ какъ римляне привлекли къ себѣ всѣхъ боговъ вселенной,—говоритъ онъ,—то и сдѣлались господами надъ міромъ». Цецилій вѣритъ въ гаданія, потому что, по разсказамъ историковъ, они давали полезныя указанія; но онъ не стѣсняется ствергнуть ту или другую легенду, если она кажется ему невѣроятною. Его мудрость заключается въ скептицизмъ по отношенію къ религіозной философій, въ патріотической и консервативной привязанности къ національной религіи. Съ точки зрѣнія просвѣщеннаго скептика, патріота и консерватора, гордаго своею національною силою и культурой, и относится Цецилій къ новому ученію. Онъ плохо знаетъ христіанство и совершенно его не понимаетъ, потому что относится къ нему съ глубокимъ пре-

зрѣніемъ и не даетъ себѣ труда познакомиться съ нимъ поближе. Ученіе о божественномъ откровеніи ему совершенно чуждо и идея о томъ, что религіозныя истины путемъ вѣры могутъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ и cadaго, совершенно не приходитъ ему въ голову. Поэтому просвѣщенному скептику кажется возмутительною наглостью, что у христіанъ всякій разсуждаетъ о религіи. «Развѣ можно безъ огорченія и негодованія смотрѣть,—говоритъ онъ,—какъ безграмотные невѣжды авторитетно разсуждаютъ о божественныхъ предметахъ и рѣшаютъ вопросы, относительно которыхъ не согласны философы?» Цецилій заранѣе убѣжденъ, что изъ такой среды можетъ выйти только нелѣпое ученіе, и, подходя къ христіанскимъ истинамъ съ вульгарною критикой здраваго смысла, онъ объявляетъ ученіе о свойствахъ Божіихъ сплошнымъ противорѣчіемъ, ученіе о концѣ міра—антинаучнымъ абсурдомъ, а вѣрованіе во всеобщее воскресеніе и въ загробную жизнь—бабьей сказкой.

Но если философски образованный скептикъ чувствовалъ негодованіе при мысли, что высочайшія истины проповѣдуютъ малограмотные люди, то гордаго римлянина возмущало варварское происхожденіе христіанства. Цецилій не могъ отрѣшиться отъ стараго представленія, что всякая религія должна имѣть національный характеръ и что степень благосостоянія народа служить показателемъ годности его религіи. Единаго Бога не почитаетъ ни одинъ свободный народъ, кромѣ жалкихъ евреевъ, которые давно поработены римлянами, и эту религію осмѣливаются противопоставлять могучимъ богамъ властителей міра! Какое же основаніе дать ей предпочтеніе? Цецилій вмѣстѣ съ своими современниками признаетъ за религіей еще одно право на авторитетъ—древность; но всѣмъ извѣстно, что христіанство—новая вѣра. Не внушаетъ ему довѣрія къ ученію Христа и теперешнее положеніе его послѣдователей. «Большая часть изъ васъ,—говоритъ онъ,—составляетъ добычу бѣдности, холода, наготы и голода. Вашъ Богъ это допускаетъ и какъ будто не знаетъ объ этомъ. Онъ не хочетъ или не можетъ придти на помощь своимъ служителямъ. Онъ или безсиленъ, или несправедливъ. Видите вы эти казни, эти пытки, эти кресты, поставленные не для поклоненія, а для наказанія?... Гдѣ же тотъ Богъ, который можетъ все дать умершимъ и воскресимъ и ничего не можетъ сдѣлать для живыхъ?» Цецилій, подобно многимъ современникамъ, въ глубинѣ души аристократъ, и его возмущаетъ мысль принять религію униженныхъ и гонимыхъ. Эта же аристократическая гордость препятствовала просвѣщеннымъ язычникамъ оцѣнить высокій нравственный образъ Христа и увѣровать въ Его божественность. Поклоняться Богу, который имѣлъ на землѣ «зракъ раба», всегда вращался среди невѣжественныхъ рыбаковъ и мытарей и умеръ на крестѣ, казалось имъ унижительнымъ для своего достоинства. Цецилій знаетъ о Христѣ только по слухамъ. Онъ даже не читалъ Евангелія и хорошенько не знаетъ, кому поклоняются христіане, не то головѣ осла, не то распятому преступнику. Это были весьма распространенныя въ образованномъ обществѣ воззрѣнія. Нѣкоторые писатели, въ томъ числѣ

Тацитъ и Плутархъ, сообщаютъ странную басню, что евреи поклонялись ослу или его головѣ, потому что это животное показало имъ въ пустынь путь къ водѣ. Въ Римѣ, гдѣ христіанство первое время смѣшивали съ іудействомъ, слили это мнимое еврейское божество съ христіанскимъ въ одинъ образъ. Тертуллианъ рассказываетъ, что въ его время продавалась картина, изображавшая человѣческую фигуру въ тогѣ съ книгой въ рукѣ, но съ ослиными ушами и съ копытомъ на одной ногѣ. На это же представленіе указываетъ изображеніе, найденное въ половинѣ нынѣшняго столѣтія на стѣнѣ палатинскаго дворца цезарей. Ясно, что только изъ аналогичныхъ источниковъ знаетъ о Христѣ и Цецилій.

Тѣ нелѣпыя сказки, которыя рассказывались о христіанскихъ собраніяхъ въ народной массѣ, находили довѣріе и въ образованныхъ кругахъ. Цецилій знаетъ ихъ очень обстоятельно и излагаетъ убѣжденнымъ тономъ. «Вновь посвящаемому,—говоритъ онъ,—даютъ ребенка, покрытаго мучнымъ тѣстомъ, чтобы, скрывши жертву, придать болѣе смѣлости убійцѣ. Новичокъ поражаетъ его, не зная, изъ чего состоитъ эта безформенная масса. Кровь течетъ, и христіане жадно пьютъ ее, раздѣляя между собою трепещущіе члены жертвы. Такимъ образомъ они скрѣпляютъ заговоръ, вынуждая другъ друга къ молчанію сообщничествомъ въ одномъ и томъ же злодѣйствѣ». Затѣмъ идетъ описаніе празднества. «Послѣ долгаго пира,—говоритъ Цецилій,—когда выпитыя вина начинаютъ опьянять и возбуждать пламя дурныхъ страстей, они привязываютъ собаку къ канделябру, мажутъ ее кускомъ мяса, брошеннымъ на извѣстное разстояніе; собака опрокидывается и гаситъ свѣчи, и тогда, освободившись отъ неудобнаго свѣта, они во мракѣ безъ разбора бросаются въ преступныя объятія». Христіанинъ Октавій однимъ презрительнымъ замѣчаніемъ опровергаетъ эти обвиненія: подобнымъ гнусностямъ можетъ вѣрить только тотъ, кто самъ способенъ ихъ совершить.

Но большинство этихъ препятствій, задерживавшихъ распространеніе христіанства въ просвѣщенныхъ классахъ римскаго общества, носятъ характеръ временныхъ затрудненій. Съ распространеніемъ истинныхъ свѣдѣній о новой вѣрѣ, съ лучшимъ ознакомленіемъ образованныхъ язычниковъ съ Евангеліемъ и вообще съ религіознымъ ученіемъ христіанъ, а также съ ихъ богослуженіемъ, сами собою падали все клеветы противъ послѣдователей Христа. Съ другой стороны, поверхностный скептицизмъ въ вопросахъ вѣры, который питался крайнимъ несовершенствомъ языческой міеологій и культа, постепенно ослабѣвалъ, когда ближе знакомились съ ученіемъ, не рѣзавшимъ глаза противорѣчіями. Съ измѣненіемъ объекта вѣры мѣнялся и ея характеръ. Если язычникъ Цецилій находилъ въ себѣ способность вѣровать въ своихъ боговъ при отсутствіи всякой религіозной системы, то эта способность къ вѣрѣ должна была значительно возрасти, когда религіозное чувство не наталкивалось на каждомъ шагу на абсурды и противорѣчія. Все это были вопросы времени точно такъ же, какъ и соціальны составъ церкви, который своимъ слишкомъ демократическимъ ха-

ракторомъ шокировалъ обезпеченныхъ гражданъ. Самою серьезною преградой для болѣе быстрого распространенія христіанства въ образованномъ обществѣ являлся консерватизмъ. Безчисленныя связи соединяли древняго римлянина съ его національною религіей: съ язычествомъ соединены были для него самыя дорогія патріотическія воспоминанія о славныхъ событіяхъ прошлаго; религія проникала во все его общественныя привычки; на ней основывалась его семья; подъ ея вліяніемъ онъ росъ, воспитывался, учился. Словомъ, все его воспоминанія, вся обстановка, вся жизнь индивидуальная, семейная, общественная, политическая привязывала его къ старой вѣрѣ. Эти связи сохраняли свою силу даже тогда, когда религія стала предразсудкомъ, потому что на ея сторонѣ была долговременная личная привычка и многовѣковая историческая традиція. Христіане понимали эту опасность и иногда черезъ-чуръ сурово требовали разрыва со всемъ, въ чемъ проявлялся языческій духъ, т.-е. съ семьей, съ обществомъ, съ государствомъ. Но такія требованія далеко не составляли общаго правила. Христіанскіе апологеты въ огромномъ большинствѣ случаевъ возставали только противъ слѣпота консерватизма. «Дѣти бѣдныхъ»,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—стремятся къ достатку, дѣти слѣпыхъ видятъ, дѣти хромыхъ ходятъ». Апологеты не отрицаютъ старины безусловно, но только подвергаютъ ее критикѣ: припоминаютъ Регуловъ и Варроповъ, чтобы показать, что успѣшныя гаданія влекли за собой пораженія, и стараются доказать несостоятельность язычества, какъ основы жизни, и возможность семьи, общества и государства на христіанскихъ началахъ. Задача была трудная, но разрѣшимая; разумная критика могла отдѣлить цѣнные элементы въ историческихъ традиціяхъ отъ связанныхъ съ ними предразсудковъ; здоровая мораль христіанства помогла перевоспитать языческое общество, освѣтивъ все жизненное въ немъ новою вѣрой и устранивъ то, что было несовмѣстимо съ ученіемъ Христа. Въ политическомъ и общественномъ отношеніи христіане были не разрушителями, а реформаторами.

Враждебно отнеслись къ христіанству и современные ему философскія направленія, какъ тѣ, которыя стремились замѣнить старую религію, такъ и тѣ, которыя пытались ее реформировать. Стоики и эпикурейцы чувствовали презрѣніе къ новому ученію, потому что оно, прежде всего, требовало вѣры и на ней основывало свое міросозерцаніе и мораль, тогда какъ обѣ философскія школы пытались построить свои доктрины исключительно на раціоналистическихъ основаніяхъ. Между ними и христіанствомъ не могло быть примиренія, потому что различны были ихъ исходные пункты. Кромѣ того, у каждой философской школы были свои спеціальныя причины вражды къ Евангелію. Мы видѣли, что этика стоиковъ стоитъ внѣ связи съ религіей; нравственное ученіе христіанъ носить религіозный характеръ; стоическая мораль основана на разумѣ и сводится по мотивамъ къ эгоизму; въ основѣ христіанской нравственности лежитъ чувство и мотивами нравственной дѣятельности является любовь къ Богу и ближнему. Отношеніе къ жизни стоиковъ и христіанъ діаметрально противоположно. Для первыхъ жизнь—

сцена, человѣкъ — актеръ, который долженъ играть всякую роль, потому что всегда можетъ показать свои достоинства; христіанинъ не можетъ играть всякой роли, потому что для него важно самое содержаніе дѣятельности. Для стоика всё явленія жизни только объектъ для упражненія личныхъ свойствъ; для христіанина нравственная дѣятельность сводится къ дѣламъ въ духѣ предписаній вѣры, т.-е. въ духѣ любви къ ближнему. Стоикъ — формалистъ; для него на первомъ планѣ не дѣло, а то, чтобы чувство, хотя бы наилучшее, не восторжествовало надъ разумомъ. Для христіанина важнее поступокъ, и нравственный подвигъ нисколько не утрачиваетъ въ его глазахъ цѣны, если онъ вытекъ исключительно изъ чувства и безъ всякаго вмѣшательства разума. Стоицизмъ и христіанство — два совершенно противоположныхъ міросозерцанія, несмотря на сходство въ отдѣльныхъ воззрѣніяхъ. Нагляднѣе всего эта противоположность сказалась въ отношеніи къ культу. Народное богослуженіе — абсурдъ, съ точки зрѣнія Сенеки; тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ: «Мудрецъ будетъ соблюдать всё религіозныя церемоніи не потому, что онѣ пріятны богамъ, но потому, что ихъ предписываютъ законы... Культъ — дѣло обычая, а не вѣры». Такой формализмъ немислимъ для христіанина.

Литературной полемики противъ христіанства стоики не вели, можетъ быть, потому, что знали его слишкомъ мало и относились къ нему слишкомъ презрительно. По крайней мѣрѣ, самый совершенный изъ нихъ, Маркъ Аврелій, говоря мимоходомъ о христіанахъ, упрекаетъ ихъ за мученичество, потому что оно вызвано, по его мнѣнію, непреодолимымъ упрямствомъ, протестомъ, а не свободнымъ рѣшеніемъ. Стоикъ на престолѣ просто не понималъ ихъ настроенія и мѣрилъ ихъ на свой аршинъ: онъ воевалъ, хотя называлъ войну разбоемъ, сидѣлъ въ циркѣ, хотя представленія ему были противны; отчего же христіанамъ не вкусить идоложертвеннаго мяса? Маркъ Аврелій не преслѣдовалъ христіанъ; но въ его правленіе происходили страшныя гоненія въ провинціяхъ, и мы не слышимъ, чтобы этотъ гуманный человѣкъ принялъ какія-нибудь мѣры противъ жестокостей толпы, кромѣ одного закона, направленного противъ христіанъ. Императоръ запрещалъ подъ страхомъ ссылки и даже смерти вводить такіе новые культы, «которые способны возбуждать умы людей». Такая мѣра совершенно въ духѣ стоической морали, такъ какъ христіанство, съ его глубокимъ чувствомъ въ основѣ религіи и нравственности, казалось опаснымъ для безраздѣльнаго господства холоднаго разума.

Діаметральная противоположность между эпикурействомъ и христіанствомъ едва ли нуждается въ доказательствахъ. Эпикуръ и его послѣдователи ставили своею задачей истребить страхъ передъ богами, вѣру въ providѣніе и въ загробную жизнь; поэтому эпикурейство враждебно всякой религіи, и христіанство, выдвинувшее на первый планъ ученіе о безсмертіи и о загробномъ возмездіи, должно было внушать самую глубокую антипатію сторонникамъ этого ученія. Если эпикурейцы и не вступали въ литературную полемику съ христіанами, то только вслѣдствіе полного отсутствія въ

этой школѣ духа пропаганды; но развившійся на эпикурейской почвѣ религиозный и философскій скептицизмъ столкнулся съ новою религіей: сатира Лукіана, осмѣивавшаго всѣ культы и всѣ философскія школы, коснулася и христіанства, хотя значительно мягче, чѣмъ другихъ религій. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Лукіана можно найти сатирическіе намеки на христіанское ученіе о воплощеніи Христа, о потопѣ и пр.; но открытая насмѣшка надъ христіанами встрѣчается только въ одномъ его сочиненіи, въ письмѣ о смерти Перегринна, хотя и здѣсь не они составляютъ главный объектъ сатиры. Перегринъ Протей жилъ при Антонинѣ Пии и при Маркѣ Авреліи, принадлежалъ къ числу народныхъ проповѣдниковъ стоической морали и покончилъ жизнь публичнымъ самоожженіемъ на кострѣ около Олимпіи. Современники относились къ нему съ уваженіемъ; но въ глазахъ Лукіана это былъ обыкновенный шарлатанъ. По его словамъ, Протей весьма распутно провелъ свою молодость; было подозрѣніе даже, что онъ убилъ своего отца. Затѣмъ, оставивши родину, онъ страстествовалъ изъ города въ городъ, какъ это обыкновенно дѣлали циники, всюду проповѣдуя стоическую философію; но подъ его философскою мантией скрывались дурныя страсти и, главнымъ образомъ, непомерное самолюбіе, которое и привело его къ театральной смерти: чтобы прослыть богомъ, Протей при самой эффектной обстановкѣ, въ лунную ночь, при огромномъ стеченіи народа, сжегъ себя на кострѣ. Съ этимъ шарлатаномъ авторъ и сводитъ христіанъ, сравнительно мягко подсмѣиваясь надъ ними по этому поводу. По его словамъ, Протей, примкнувши въ срединѣ своей карьеры къ христіанской общинѣ въ Месопотаміи, какъ человѣкъ образованный, быстро пріобрѣлъ славу среди малограмотныхъ христіанъ. Онъ разъяснялъ имъ ихъ книги, написалъ даже въ ихъ духѣ нѣсколько произведеній, такъ что они поставили его во главѣ общины, видѣли въ немъ законодателя и покровителя. Власти подвергли его аресту, и для христіанъ это было настоящимъ общественнымъ бѣдствіемъ. Безуспѣшно испытавши всѣ средства для его освобожденія, они всячески старались, по крайней мѣрѣ, облегчить его положеніе. «Съ самаго утра,—говоритъ Лукіанъ,—у воротъ тюрьмы стояла толпа старыхъ женщинъ, вдовъ и сиротъ. Главы секты, подкупивши тюремщиковъ, проводили у него цѣлую ночь; принося съ собой хорошее угощеніе, они читали свои священныя книги, и превосходный Перегринъ получилъ у нихъ названіе новаго Сократа. Многіе города Азіи присылали на общественный счетъ депутатовъ, которые должны были помогать ему, какъ адвокаты и утѣшители. Поистинѣ удивительно, какую невѣроятную дѣятельность развиваютъ христіане, когда дѣло касается интересовъ ихъ общины. Въ такомъ случаѣ они не останавливаются ни передъ чѣмъ. Перегринъ увидаль, между прочимъ, что подъ предлогомъ его заключенія къ нему притекають большія суммы денегъ, которыя доставили ему весьма хорошій доходъ». Шарлатанъ вкусилъ жертвеннаго мяса и его освободили изъ тюрьмы; но христіане исключили его изъ своей общины, какъ только разглядѣли обманщика, что нисколько не смягчаетъ отношенія къ имъ сатирика. «Эти несчастные христіане вообразили, что они будутъ

бессмертны и будутъ вѣчно жить,—говорить онъ,—поэтому они презираютъ смерть и весьма часто добровольно идутъ на казнь. Ихъ первый законодатель убѣдилъ ихъ, что, оставивши прежній культъ, отказавшись отъ греческихъ боговъ и почитая распятаго софиста и живя по его законамъ, они все братья другъ другу. Вслѣдствіе этого они презираютъ одинаково всякія блага и считаютъ ихъ общими для всехъ, хотя дѣлаютъ это безъ всякой разумной причины, только въ силу слѣпого повиновенія. Поэтому если въ ихъ среду пролѣзаетъ какой-нибудь обманщикъ, ловкій проходимецъ, умѣющій пользоваться обстоятельствами, то онъ быстро и безъ труда обогатится, подсмѣиваясь надъ этими бѣдными простяками».

Лукіанъ сравнительно хорошо знаетъ христіанъ и не повторяетъ распространенныхъ тогда клеветъ противъ нихъ. Его сатира можетъ служить даже ихъ защитой, доказательствомъ высокой морали первыхъ послѣдователей Христа, потому что о глубинѣ и искренности ихъ вѣры, о чистой и самоотверженной ихъ любви къ ближнему свидѣлствуетъ врагъ ихъ религіи. Тѣмъ не менѣе, Лукіанъ и его единомышленники гораздо дальше отъ христіанства, чѣмъ та толпа, которая доверчиво повторяла всякія нелѣпости о христіанахъ и даже жестоко преслѣдовала ихъ, не вѣдая, что творить. Толпа потому главнымъ образомъ ненавидѣла христіанъ, что не знала ихъ вѣры и ихъ жизни; Лукіанъ зналъ то и другое, но за это только презиралъ христіанъ, потому что ихъ добродѣтели были въ его глазахъ смѣшнымъ недомыслиемъ и нелѣпымъ предрасудкомъ. Такъ же относились къ нимъ стоики и чистые эпикурейцы. Обѣ школы были несовмѣстимы съ христіанствомъ; но мы видѣли, что онѣ не годились и для жизни, а потому не могли быть серьезнымъ препятствіемъ для распространенія новаго ученія.

Изъ всехъ философскихъ направленій наиболѣе близокъ къ христіанству былъ неоплатонизмъ. Подобно христіанамъ, неоплатоники исходили изъ взгляда на божественное откровеніе, какъ на источникъ истины, и стремились къ примиренію всесовершеннаго божества съ несовершеннымъ человѣкомъ. Но, несмотря на эти сходства, изъ числа послѣдователей Платина вышло наибольшее количество ожесточенныхъ противниковъ христіанства: тотъ самый Порфірій, который окончательно свелъ неоплатонизмъ на религіозную почву, открылъ и философскую полемику противъ новаго ученія. Причина этой вражды заключалась отчасти въ противоположности средствъ, которыми неоплатонизмъ и христіанство стремились достигнуть сходныхъ цѣлей: неоплатоники видѣли эти средства преимущественно въ философскомъ мышленіи, христіане—въ вѣрѣ. Но на ряду съ этою причиной дѣйствовала другая и, можетъ быть, болѣе сильная: страстная привязанность неоплатониковъ къ язычеству. Страстная любовь философовъ къ разложившейся религіи объясняется не только удобствомъ приладить мифологическіе рассказы къ любой философской схемѣ, но и сознаніемъ связи старой религіи со всею культурой. Этотъ наиболѣе жизненный консерватизмъ обнаруживается съ особенною наглядностью не у неоплатониковъ, а у такихъ противниковъ христіанства, для которыхъ язычество утратило

всякій религіозный смыслъ и имѣть чисто-культурное значеніе. Ихъ лучшимъ представителемъ является *Цельзъ*. Если Порфирія и его послѣдователей заставляло бороться за язычество отчасти философское сектантство, отчасти сохранившаяся вѣра въ старыхъ боговъ, то у Цельза эти мотивы совершенно отсутствуютъ. Онъ хорошо знакомъ со всѣми философскими ученіями, высоко цѣнитъ философію, какъ проявленіе высокихъ свойствъ человеческого духа, какъ лучшее достояніе античной культуры, признаетъ глубину и справедливость отдѣльныхъ ученій различныхъ философовъ и преимущественно Платона; но онъ не принадлежитъ ни къ одной школѣ и совершенно свободенъ отъ узкой и односторонней исключительности стоика или неоплатоника. Цельзъ способенъ отнестись критически ко всякой доктринѣ и оцѣнить хорошія стороны во всякомъ ученіи. Такъ же свободно относится онъ и къ язычеству. Ему одинаково чужды и религіозный энтузіазмъ, и холодное презрѣніе къ національной вѣрѣ. Онъ не лишенъ религіознаго чувства; но оно не имѣетъ у него опредѣленной формы и выражается въ слабой наклонности къ мистическому и въ значительномъ интересѣ ко всѣмъ религіямъ. Народныя представленія о богахъ и обычное пониманіе языческаго культа ему совершенно чужды; онъ давно переросъ традиціонную вѣру и, тѣмъ не менѣе, защищаетъ язычество и рѣзко нападаетъ на христіанство. Причина этой вражды не могла заключаться ни въ предразсудкахъ противъ христіанъ, ни въ маломъ знакомствѣ съ ихъ ученіемъ. Подобно Лукіану, Цельзъ хорошо знаетъ жизнь своихъ противниковъ и не вѣритъ обычной клеветѣ на нихъ; съ другой стороны, онъ основательно знакомъ съ Вѣтхимъ и Новымъ Завѣтомъ, а также и съ современною христіанскою литературою. Цельзъ борется съ христіанствомъ, потому что боится за дорогую ему культуру. Не религіозною стороною дорого ему язычество,—онъ защищаетъ старую религію потому, что съ нею неразрывно связаны, по его мнѣнію, и философія, и наука, и литература, и искусство. Высокообразованный апологетъ язычества боится за ихъ существованіе, и этотъ страхъ чувствуется въ его полемикѣ.

Сочиненіе Цельза подъ заглавіемъ: *Истинная рѣчь*, написанное, вѣроятно, въ концѣ II вѣка, дошло до насъ только въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ Оригеномъ, который въ половинѣ III вѣка написалъ опроверженіе этой книги. Но эти выдержки настолько многочисленны, что даютъ довольно ясное представленіе объ *Истинной рѣчи*. Какъ ученый и знатокъ философіи, Цельзъ подвергаетъ критикѣ національную религію евреевъ и старается опровергнуть основные догматы христіанства. Но онъ не ограничивается опроверженіемъ христіанскаго ученія, а старается примирить его послѣдователей съ античною культурою, и это самая интересная часть его полемики. Критика христіанскихъ догматовъ—только подготовленіе путей для этого примиренія. Цельзъ готовъ предоставить христіанамъ полную свободу ихъ религіи, пусть только они не порываютъ съ обществомъ и культурою. Онъ не только не порицаетъ безусловно христіанства, но доказываетъ возможность примирить его съ философіей и съ общественною жизнью

и убѣждаетъ христіанъ не устраниваться отъ культурнаго общенія съ язычниками. Весьма часто сопоставляетъ онъ христіанское ученіе о загробной жизни, о братствѣ людей и т. п. съ аналогичными воззрѣніями философовъ, чтобы показать возможность примиренія. Ему кажется опаснымъ ученіе, что человѣческая мудрость—безуміе передъ Господомъ, потому что оно можетъ повредить наукѣ и философін, и онъ вноситъ въ него поправку. Ученіе о различіи мудрости божественной и человѣческой встрѣчается у греческихъ философовъ, у Гераклита, у Платона и у Сократа; пусть христіане въ этомъ смыслѣ понимаютъ свое ученіе, пусть стремятся къ человѣческой мудрости и не замѣняютъ ея слѣпою вѣрой. Но съ особенною ревностью убѣждаетъ Цельзъ христіанъ принимать участіе въ общественномъ культѣ. Языческое многобожіе не можетъ, по его мнѣнію, помѣшать ихъ монотеизму: вѣдь, они почитаютъ же ангеловъ, такъ пусть имъ поклоняются подъ видомъ языческихъ боговъ. Цельзъ дѣлаетъ и дальнѣйшую уступку, соглашается съ христіанами, что на боговъ можно смотрѣть какъ на чистое заблужденіе; но, по его мнѣнію, изъ этого не слѣдуетъ отказываться отъ культурнаго общенія. «Богъ,—говоритъ онъ,—общій у всѣхъ людей; онъ благъ, ни въ чемъ не нуждается и неспособенъ къ зависти. Что же мѣшаетъ его наиболѣе ревностнымъ служителямъ принимать участіе въ народныхъ празднествахъ? Если идолы ничто, то какое же зло присутствовать вмѣстѣ со всѣми на священномъ праздникѣ? Если же они существа божественныя, то несомнѣнно, что они Божіе достояніе и имъ слѣдуетъ, сообразно съ законами, приносить жертвы и молитвы, чтобы заслужить ихъ благоволеніе», и Цельзъ усердно убѣждаетъ христіанъ пѣть, вмѣстѣ съ другими, «изящныя» гимны къ чести различныхъ боговъ. Полемика заключается обращеніемъ къ патріотическому чувству христіанъ и призывомъ ихъ къ общественному служенію, къ охранѣ имперіи и культуры отъ внутреннихъ и внѣшнихъ варваровъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что античная культура составляла самую глубокую причину столкновенія христіанства съ язычествомъ. Глубокихъ практическихъ интересовъ новое ученіе не затрогивало; его столкновеніе съ государствомъ носило временный характеръ, и въ занимающую насъ эпоху христіанство добросовѣстно отдавало цезарево цезарю. Вражда толпы и поверхностно образованныхъ людей держалась, главнымъ образомъ, на невѣжественной и злобной клеветѣ, которая разсѣялась при лучшемъ знакомствѣ съ христіанами и ихъ ученіемъ. Расптанная религія и пытавшаяся замѣнить ее философія не были опасными противниками, потому что ученіе Христа доставляло несравненно болѣе полное удовлетвореніе религіознымъ и нравственнымъ потребностямъ общества. Но на извѣстной степени развитія огромную цѣну для общества приобрѣтають интересы культуры, а античный міръ въ эту эпоху обладалъ высокою цивилизаціей. У него была своя наука, онъ справедливо гордился своею философіей и достигъ неподремаемаго совершенства въ литературѣ и искусствѣ.

Но вся эта высокая культура была насквозь пропитана язычествомъ.

Герои науки и философіи были или безбожники, или язычники; вся литература заимствовала свои сюжеты изъ міѳологіи; совершеннѣйшіе эстетическіе типы въ искусствѣ изображали боговъ. Язычество умерло, какъ религія; но оно продолжало жить въ культурѣ. Являлся вопросъ, какъ относиться христіанство къ этой языческой цивилизаціи? Найдеть ли оно возможнымъ признать въ ней высокое проявленіе лучшихъ сторонъ человѣческаго духа и освятить ее своимъ авторитетомъ или отвергнетъ ее, какъ продуктъ язычества, проникнутый духомъ идолопоклонства? Этотъ вопросъ имѣлъ роковое значеніе. Въ первомъ случаѣ новая религія являлась могучею просвѣтительною силой, великимъ факторомъ культурнаго развитія человѣчества, во второмъ—она осуждала своихъ послѣдователей на варварство, стнимала у нихъ самое дорогое наслѣдство, результатъ совмѣстной культурной работы многихъ народовъ. Въ ранней христіанской литературѣ проявляются оба направленія. Сирійскій апологетъ конца II вѣка Татіанъ написалъ *Речь противъ эллиновъ*, гдѣ доказывалъ, что чтеніе языческихъ писателей—бесполезная работа данаидъ, и собиралъ всяческую клевету противъ самыхъ авторитетныхъ философовъ. Другой христіанскій писатель Эрмій озаглавилъ свое сочиненіе *Осмѣяніе языческихъ философовъ* и положилъ въ основаніе своей книги то ученіе о тщетѣ человѣческой мудрости, которое казалось столь опаснымъ Цельзу. Апологетъ Тертулліанъ доказывалъ въ трактатѣ *Объ идолопоклонствѣ*, что христіанамъ не позволительно заниматься ни скульптурой, потому что она воспроизводитъ статуи боговъ, ни архитектурой, потому что придется чинить и строить храмы, ни педагогіей, потому что учителя читаютъ и объясняютъ языческихъ писателей. Къ счастью, гораздо сильнѣе было противоположное направленіе, сторонники котораго старались примирить съ христіанствомъ языческую философію и литературу. Они находятъ истину, хотя и не совершенную, не только въ ученіяхъ философовъ, но и въ языческой міѳологіи; христіанство только дополняетъ эти истины и устраняетъ ихъ несовершенства. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ самыя уважаемыя въ церкви имена, какъ св. Климентъ Александрійскій, св. мученикъ Іустинъ и другіе. При такомъ отношеніи къ языческой культурѣ примиреніе съ ней было вполне возможно, и св. Іустинъ написалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Всѣ жившіе сообразно съ разумомъ—христіане, хотя бы они и слыли за безбожниковъ, какъ у эллиновъ Сократъ, Гераклитъ и имъ подобные, у варваровъ Авраамъ, Ананія и Азарія». Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу культуры, потому что новое ученіе освящало своимъ авторитетомъ все, чтó было жизненнаго въ язычествѣ. Такимъ путемъ устранялось послѣднее и самое важное препятствіе для окончательной побѣды христіанства, которое не только вывело язычниковъ изъ культурнаго кризиса, но и сохранило отъ варварскаго истребленія наилучшіе результаты ихъ культурной работы.

М. Корелинъ.

Очерки театральнаго дѣла въ Европѣ *).

IX.

Я подхожу къ самому, такъ сказать, жгучему отдѣлу театра — къ репертуару.

Есть два требованія, составляющія основу драматическаго произведенія, да если хотите, и всякаго другого беллетристическаго. Первое — это вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, жизненная правда, второе — это правда художественная и художественная цѣль, то-есть когда все, что наблюдалъ художникъ, не просто и подходя имъ записано, но переработалось его личнымъ мышленіемъ, его взглядами, развитіемъ, опытомъ. Первое составляетъ внѣшнюю сторону произведенія, его обликъ, его тѣло; второе — его внутреннее содержаніе, его душу. Совокупность этихъ двухъ сторонъ въ должной мѣрѣ составляетъ необходимость художественнаго произведенія.

Уже самый выборъ того, что писатель беретъ изъ жизни, обуславливается его дарованіемъ, широтой наблюдательности, нравственною высотой его взглядовъ. Отъ тѣхъ же данныхъ зависитъ и подробная разработка выбора: писатель беретъ изъ дѣйствительности не все, что подѣ руку попадаетъ, а то, что, по его чутью и пониманію, должно возбудить въ зрителѣ или читателѣ добрыя размышленія, отклики честныхъ чувствъ, любви или негодованія, общій подъемъ духа. Такъ наблюденіе рождаетъ мысль и мысль руководитъ наблюденіемъ. Когда нѣтъ этого взаимодѣйствія наблюденія и мысли, творчество теряетъ свою силу. Именно: если гоняться за однимъ изображеніемъ дѣйствительности, безъ всякой критики выбора, можно дойти до такого реализма, который не вызоветъ на размышленіе, будетъ тѣшить только праздное любопытство и даже, при дурныхъ наклонностяхъ читателя или зрителя, приносить прямой вредъ. Если же, наоборотъ, не заботиться о правдивой картинѣ дѣйствительности, а всецѣло

*) *Русская Мысль*, кн. XI. Въ предыдущей моей статьѣ вкрались двѣ опечатки: на стр. 79 жалованіе администратора французской комедіи показано 25,000 ф. ■ пропущено, что оно „въ послѣдствіи увеличено до 36,000 ф.“ (13,800 р.). На стр. 96 актриса Госсманъ названа „Босманъ“.

подчинить свою наблюдательность предвзятымъ идеямъ, придешь къ тому, что произведеніе потеряетъ жизненность и сдѣлается искусственнымъ, тенденціознымъ. И такъ, преобладаніе внѣшней стороны творчества (то-есть изображенія дѣйствительности) или внутренней (т.-е. идеи) приводитъ къ двумъ крайностямъ: или къ безцѣльному и вредному реализму, или къ тенденціи, къ правоученію, къ дидактикѣ. Между этими двумя крайностями живетъ почти все творчество художника-писателя, уклоняясь болѣе или менѣе то въ одну сторону, то въ другую, иногда даже помимо воли автора, инстинктивно. У одного немножко больше идейности, у другого—внѣшней отдѣлки картинъ; писатель часто и самъ не знаетъ, почему это такъ выходитъ, и эти двѣ стороны творчества можно выслѣдить и въ большой драмѣ съ широкими задачами, и въ маленькой правоописательной сценкѣ, и даже въ каррикатурномъ фарсѣ. Правильное сочетаніе помянутыхъ двухъ сторонъ творчества, внутренней и внѣшней, рождаетъ типъ (жизни вообще или отдѣльнаго лица). Но погоня за тѣмъ, чтобы создать непремѣнно выдающийся типъ, приводитъ иногда къ третьему отступленію отъ художественной правды, именно—къ изображенію явленій исключительныхъ, то-есть не того, что случается повседневно, а того, что могло случиться при извѣстныхъ данныхъ времени, мѣста, рѣдкихъ аномалій характеровъ и т. п., чтó блеститъ эффектомъ своей необычайности и потому чуждо общей жизни зрителей.

Эти три отступленія довольно послѣдовательно сказались во французской драматургіи. Въ общихъ чертахъ оно было такъ. Античный театръ грековъ былъ созданъ ихъ жизнью, ихъ воззрѣніями, вѣрованіями. Но все это въ значительной степени умерло, когда французы XVIII вѣка, плѣненные болѣе внѣшнимъ эффектомъ греческихъ драмъ, стали писать драмы по ихъ образцу. Корнель, Расинъ, Вольтеръ и др. потратили на это много сильнаго таланта; но изображенія исключительныхъ страстей, исключительныхъ положеній, чуждыхъ жизни зрителя, могло производить на него только впечатлѣніе эффекта. Это былъ такъ называемый ложный классицизмъ. Послѣдующіе драматурги старались уже болѣе приблизить драму къ современной имъ жизни, кладя въ основу ихъ предвзятую идею. Но такъ какъ наиболѣе высокія идеи нравственности того времени составляли рыцарскія доблести, отвага, вѣрность данному слову, твердость характера, великодушіе, такъ какъ испанская драма Лопе-де-Вега и Кальдерона основывалась на той же идейности, то и французы кинулись подражать испанцамъ, создавая драму идейную,—это образовало романтизмъ. Между тѣмъ, комедія послѣ сильнаго почина Мольера дѣлала свое дѣло. Она шла болѣе близко къ современной ей жизни, захватывала самое повседневное, то бичуя тенденціозною сатирой (какъ *Тартюфъ* Мольера, *Свадьба Фигаро* Бомарше), то рисуя нравы и страсти (какъ *Скупой*, *Мизантропъ* Мольера, *Ирокъ* Реньяра и проч.). Изъ этого послѣдовательнаго движенія рука объ руку драмы и комедіи выработалось направленіе натурализма, сказавшееся еще въ попыткахъ Дидро и потомъ развившееся въ совре-

менную комедию, въ которой, какъ въ самой жизни, слились оба ряда явлений—и драма, и комедія. Таковы лучшія пьесы Скриба, Ожье, Ж. Зандъ, Дюма (сына), Мельяка и Галеви, Сарду. Но успѣхъ этихъ произведеній и матеріальныя выгоды, полученныя этимъ успѣхомъ, много вредятъ развитію художественной правды на сценѣ и увлекли писателей на другую дорогу: на изображеніе дѣйствительности ради одной забавы публики, на потѣху ея любопытства, на удовлетвореніе ея дурныхъ вкусовъ. Всѣ эти дальнѣйшія пошлыя комедійки пикантнаго разврата—прямые потомки не сдержаннаго художественнымъ чутьемъ натурализма.

Нѣмцы были счастливѣе французовъ. Ложный французскій классицизмъ къ нимъ не привился, несмотря на попытки Готшета и на то, что такому направленію отдали дань даже Гёте и Шиллеръ (переводы *Магомета* Вольтера и *Федры* Расина). Лессингъ прямо указалъ имъ на геніальнаго писателя, болѣе близкаго имъ по духу, чѣмъ испанцы, болѣе близкаго по времени, чѣмъ греки,—на англичанина Шекспира. Выросшій внѣ всякаго вліянія, Шекспиръ не гонялся за эффектною формою, даже пренебрегалъ ею; чуткій талантъ его не подчинялъ своего творчества ни предвзятымъ идеямъ, ни рабскому повторенію дѣйствительности; такимъ образомъ, Шекспиръ не отдалялся отъ художественной правды и силою своего великаго дарованія создавалъ образцовыя произведенія, оставшіяся близкими жизни зрителя и до нашихъ временъ. Все это имѣло хорошее вліяніе на его даровитыхъ нѣмецкихъ послѣдователей—Лессинга, Гёте, Шиллера. Лессингъ прямо сталъ писать трагедіи изъ современной ему жизни (*Эмилія Галотти*, *Сара Самсонъ*), Шиллеръ съ этого началъ (*Разбойники*, *Коварство и любовь*), и впослѣдствіи, выбирая историческіе сюжеты для своихъ драмъ, нѣмецкіе писатели всегда держались положенія Лессинга, что исторія должна быть для драматическаго писателя только средствомъ, а не цѣлью, то-есть что драматическое произведеніе должно быть, прежде всего, откликомъ заpressовъ современной жизни, хотя бы даже и было облечено, для яркости картины, въ историческую форму. Это и было причиной, почему и въ дальнѣйшемъ ходѣ нѣмецкой драматургіи историческая и историко-бытовая драма развилась въ ущербъ комедіи, почему наиболѣе талантливые писатели выбирали именно этотъ первый родъ драматическихъ произведеній (Грильпарцеръ, Гальмъ, Геббель, Лаубе и др.). Комедія ударилась въ сентиментализмъ или фарсъ (Ифландъ, Коцебу). Потомъ явились заимствованія у французовъ и подражанія имъ.

Въ текущемъ столѣтіи, помимо сказаннаго, драматическая литература стала во многихъ театрахъ видоизмѣняться. Нажива отъ спектаклей создала новые роды произведеній. Тенденціозная драма и драма искусственныхъ эффектовъ перешли въ мелодраму, комедія украсилась куплетами и перешла въ водевилъ и оперетту, и то, и другое соединилось въ фееріи, въ постановочныхъ пьесахъ и проч. Хотя всѣ эти видоизмѣненія прямо вели къ отступленіямъ отъ художественной правды, не въ этомъ еще была главная бѣда. Строго-художественныхъ произведеній слишкомъ мало и задача

не въ томъ, чтобы вовсе не было отступленій, а въ томъ, чтобы ихъ было наивозможно меньше, чтобы они были наименѣ замѣтны. Подъ всякую, даже искусственную форму произведенія можно до извѣстной степени приближаться къ художественной правдѣ и откликаться на выдающіяся явленія жизни. Но частная антреприза, вступивши на путь заманиванія публики болѣе курьезною и эффектною формою произведеній, на этомъ не остановилась; она стала придумывать всякаго рода мѣры, чтобы пустить публикѣ пылъ въ глаза, не только сенсационною, фальшивою, кровавою трагичностью или плоскостью и сальностью смѣхотворнаго, но еще и чѣмъ-нибудь особеннымъ: декорацией, костюмомъ, дождемъ изъ настоящей воды, пожаромъ и фейерверкомъ изъ настоящаго пламени. Дошли до того, что стали урѣзывать самое сильное сценическое средство—языкъ и голосъ. Не далѣе какъ года два-три назадъ въ Парижѣ давали глупѣйшую драму *Блудный сынъ*—пантомимой: проявленія веселья и горя, безпутства и тѣн-дой любви выражались гримасами и жестами подѣ музыку, и люди хотѣли въ этомъ видѣть серьезное искусство. Наконецъ, пьесу сдѣлали предлогомъ къ фокусамъ акробатовъ и клоуновъ, какъ, наприм., оперетта *Voyage en Suisse*, вся основанная на кувырканьи, дракахъ, прыганьи, или та пьеса парижскаго театра Варьетѣ, въ которой весь интересъ основанъ на вращательномъ движеніи пола сцены, со скачущими на немъ лошадьми. Завелись спеціальныя театры уродовъ-карликовъ, для которыхъ пишутся спеціальныя пьесы. Когда Гёте былъ директоромъ Веймарскаго театра, въ Германіи была сдѣлана едва ли не первая попытка въ этомъ родѣ: была написана драма ради дрессированной (посредствомъ колбасы) собаки, которая по чутью якобы открывала злодѣя-убійцу. Собаку съ ея драмой возили по всей Германіи, и когда члены веймарской дирекціи вздумали показать ее своей публикѣ, Гёте съ негодованіемъ бросилъ дирекцію. А ужь, кажется, правы были покладистые: въ Мюнхенѣ передъ чувствительною пьесой показывали женщину, ходившую голыми ногами по раскаленной плитѣ; въ Гамбургѣ рядомъ съ комедіей Лессинга являлся канатный плясунъ. Но фокусы были фокусами, пьеса пьесой; употреблять фокусъ и курьезъ для интереса содержанія пьесы было великою рѣдкостью, теперь это на каждомъ шагѣ.

Протестомъ противъ избитой рутины театральнаго дѣла явились такъ называемыя свободныя сцены въ Парижѣ и Берлинѣ, задавшіяся цѣлью показывать публикѣ, хотя двумя-тремя представленіями, пьесы, которымъ не добиться появленія на другихъ театрахъ—то ли по неизвѣстности автора, то ли по особенно реалистическому содержанію пьесы. Сцены эти принесли свою пользу, давши возможность молодымъ писателямъ заявить о себѣ, но въ направленіи драматической литературы ничего новаго и серьезнаго показать не могли. Эти господа открывали Америку, которая давно открыта; особенность ихъ реализма сказывалась развѣ въ томъ, что появлялась на сценѣ женщина въ одной сорочкѣ, или что для комедіи *La Casserole* устроитель спектакля, Антуанъ, сбѣгалъ въ самый грязный па-

рижскій кабакъ и привелъ оттуда самыхъ отчаянныхъ оборванцевъ, воровъ и пьяницъ, такъ что они могли явиться на сцену въ роляхъ статистовъ безъ всякой гримировки и переодѣванья. Большинство пьесъ свободныхъ театровъ—только слабыя пьесы театральной рутины; лучшія пьесы, въ числѣ коихъ замѣшались двѣ-три пьесы скандинавовъ Ибсена и Бюрнсона, не нуждались въ особомъ театрѣ. Въ Германіи уже и до свободного театра небольшая часть публики предпочитала пьесы Ибсена блестящимъ постановкамъ и бессмысленнымъ фарсамъ. Да и одна изъ самыхъ реалистическихъ комедій нѣмецкаго театра, пьеса Судермана *Честъ*, безъ всякаго усилія сразу попала въ общій германскій репертуаръ, завоевала свое положеніе только сторонами художественной правды. Тѣмъ не менѣе, театральная рутина испугалась и въ свою очередь проявила нѣкоторые примѣры борьбы. Критикъ и драматическій писатель, Павелъ Линдау, поставилъ на сцену пьесу *Солнце*, въ которой устами своего героя проповѣдуетъ, что поэзія должна быть чиста и возвышенна и что реализмъ ее грязнить и унижаетъ, что Золя, Достоевскій, Толстой вредятъ чистому направленію поэзіи. Вся пьеса Линдау пропитана духомъ этой проповѣди, и героиня ея, дѣвушка, выставляется какъ солнце, озаряющее веселымъ отраднымъ свѣтомъ все ее окружающее. Пьеса не имѣла успѣха. Тенденціозныя потуги пропали даромъ. Авторъ-критикъ въ своемъ рвеніи забылъ, что область поэзіи широка и не въ направленіи ея сила, а въ творчествѣ писателя. Поэтъ Вильденбрухъ выступилъ противъ реализма съ другой стороны: онъ поставилъ на сцену придворнаго берлинскаго театра феерію *Святой смѣхъ*, и въ ней, подъ видомъ яко бы веселой шутки, обличаетъ человѣчество въ его порокахъ, дающихъ горе, печаль, и призываетъ всѣхъ къ святому смѣху. Феерія переполнена довольно жалкимъ остроуміемъ; добродѣтели, какъ лѣкарства, готовятся въ какой-то небесной аптекѣ, пороки олицетворены въ видѣ какихъ-то злыхъ существъ: тутъ ходитъ и ненависть, и зависть, и ложь; тамъ же въ числѣ дѣйствующихъ лицъ—ночь, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, правда. Несмотря на талантъ автора, пьеса вышла тяжеловѣсна и даже въ блестящей обстановкѣ провалилась. Въ Парижѣ, во французской комедіи, поставили пьесу такого же духовнаго направленія: полумистерію *Гризелидисъ* Сильвестра и Морана. Эта пьеса имѣетъ претензію воскресить мистическія средневѣковыя грёзы, она написана стихами, сюжетъ ея самый банальный: вѣрность жены мужу, отправляющемуся въ крестовые походы. Тутъ главными дѣйствующими лицами являются чортъ и жена его чертовка (лицо совершенно подобное главной фигурѣ въ плоской французской опереттѣ, подъ заглавіемъ: *Жена чорта—La femme du diable*, такъ же ревнуетъ мужа и проч.). Скучная пьеса *Гризелидисъ* была поставлена особенно эффектно: для декораций и костюмовъ были подобраны слегка полинявшія краски, что всей картинѣ сцены давало колоритъ какого-то стараго гобелена или античной фрески. Должно быть, благодаря этому колориту, пьеса въ 1891 году съ 15 мая была сыграна болѣе всѣхъ другихъ пьесъ театра, именно 48 разъ.

Изъ сказаннаго видно, какъ частная антреприза и вообще желаніе угождать публикѣ, приманивать ее, все болѣе и болѣе приводить репертуаръ къ метанію изъ стороны въ сторону, къ путаницѣ, къ безтолковымъ поискамъ того, что театру наиболѣе полезно и интересно. Если же захотѣть разобраться во всемъ этомъ на основаніи требованій и мнѣній театралныхъ рецензентовъ, то уже рѣшительно ни къ какому толку не придешь. Нѣсколько устарѣлый, но, все-таки, чуткій и остроумный, театралный критикъ парижской газеты *Temps*, Францискъ Сарее, всякія воззрѣнія на репертуаръ разбиваетъ, какъ Александръ Македонскій гордіевъ узелъ. На мой вопросъ: «Развѣ вы считаете, что единственная цѣль театра есть развлеченіе (amusement) публики?» — веселый толстякъ сильно зажестиковался, говоря: «Другой цѣли нѣтъ!...»

— А можно ли вести публику?—спросилъ я на это.

— Конечно, можно,—отвѣчалъ Сарее, уже не такъ быстро, какъ на первый вопросъ,—но это очень трудно.

Х.

Да, трудно, очень трудно. Но въ чемъ трудность, въ чемъ задача?

Репертуару всякаго хорошаго театра приходится постоянно колебаться между тѣмъ, что заманчиво для публики, и тѣмъ, что художественно,—между интереснымъ и хорошимъ. Не всегда интересное для публики въ то же время и хорошо, и наоборотъ. Разнообразіе репертуара въ этомъ отношеніи является первымъ помощникомъ. Въ большихъ городахъ это разнообразіе распадается на разные театры. Оперетта всегда имѣла свои спеціальныя сцены и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ Парижѣ мелодрама ютится въ театрѣ *Ambigu*, фарсы и веселыя комедіи особенно гривуознаго свойства по преимуществу въ Палѣ-Роялѣ, постановочныя пьесы, драмы и фееріи, исполняются въ театрахъ *Chatelet*, *Porte S. Martin* и др. Въ Лондонѣ это разграниченіе очень рѣзко. Въ Германіи есть тоже театры постановочныхъ пьесъ (Викторія въ Берлинѣ) и пьесъ преимущественно переводныхъ и т. п. Театры субсидированные должны, по возможности, вмѣщать въ себѣ всѣ роды драматическихъ произведеній, но только они должны въ каждомъ родѣ брать все наилучшее и ставить въ должной мѣрѣ и наилучшимъ образомъ. Вкусы публики различны, и, уже отвѣчая разнымъ вкусамъ, театръ пріобрѣтаетъ публику, не потакая ей дурнымъ наклонностямъ. Прежде всего, по авторамъ пьесы можно раздѣлить на сохранившія интересъ пьесы прежнихъ вѣковъ, классическія, и на пьесы близкой намъ эпохи, современные.

Судьи-фарисеи, любящіе порисоваться серьезностью при запросахъ отъ репертуара, обыкновенно, прежде всего, широко указываютъ на классическій репертуаръ. Это такъ легко сказать: любой гимназистъ пересчитаетъ вамъ заглавія пьесъ Шекспира, Гёте, Шиллера, Мольера, Расина, Кальде-

рона, Софокла, но именно это-то и показывает несерьезность взгляда, потому что пользоваться всеми таковыми произведениями зря, без внимания къ пьесамъ, безъ знанія дѣла, все равно, что пахать землю бритвой или бриться обломкомъ откопаннаго заржавленнаго меча. Классическій репертуаръ можетъ быть разбитъ на три отдѣла: 1) Дѣйствительно образцовыя пьесы, сохранившія и до сихъ поръ художественную правду, художественный интересъ. 2) Пьесы, по внутреннему содержанію и по формѣ утратившія для насъ свое значеніе, но писанныя людьми даровитыми и потому интересныя болѣе какъ характеристика своего времени. Это тѣ пьесы, о которыхъ Лаубе остроумно замѣчаетъ, что «матеріалъ для изученія исторіи театра еще не есть матеріалъ для самого театра». 3) Посредственныя и слабыя пьесы знаменитыхъ драматическихъ писателей, потерявшія для насъ почти всякое значеніе, но которыя при помощи богатой обстановки, костюмной и декоративной, могутъ привлекать зрителя пестрымъ зрѣлищемъ и выѣской имени талантливаго автора. Первые пьесы несомнѣнно должны быть постояннымъ украшеніемъ всякой хорошей сцены; вторыя могутъ появиться на ней только въ исключительныхъ случаяхъ, для небольшого кружка любителей, для учащейся молодежи, въ спектакляхъ, посвященныхъ театральнымъ воспоминаніямъ и изъ національной гордости. Такъ, напримѣръ, въ театрѣ французской комедіи и Одеонъ играютъ изрѣдка трагедіи Расина, Корнея, Вольтера, то ту, то другую, разъ 40 въ годъ.

— Мы должны играть эти пьесы,—говорилъ мнѣ режиссеръ французской комедіи,—потому что правительство платитъ намъ за это субсидію, но публика эти спектакли посѣщаетъ очень плохо; они не даютъ и половиннаго сбора.

Постановка третьяго рода пьесъ, такъ называемыхъ классическихъ произведеній, есть положительный вредъ для театра и прямой обманъ. Публика глазѣетъ на пеструю обстановку, получаетъ удовольствіе опереточнаго представленія, а кичится тѣмъ, что смотритъ будто бы классическую пьесу знаменитаго писателя. Привыкая гоняться за зрѣлищемъ, за внѣшностью картинъ, публика разучивается слушать въ театрѣ, наслаждаться смысломъ пьесы, ея художественною правдой. Актеры привыкаютъ къ игрѣ на подъемѣ, къ нѣсколькимъ шаржированнымъ движеніямъ и декламации, причемъ, воображая, что дѣлаютъ серьезное дѣло, утрачиваютъ простоту художественнаго творчества. Авторы, видя какъ легко и при посредственномъ содержаніи пьесы выѣзжать на декораціяхъ и костюмахъ, теряютъ охоту къ строгой добросовѣстной работѣ и стараются театальною шумихой и калейдоскопомъ постановочныхъ эффектовъ заполнить недостатокъ наблюдательности, способности создавать. Оттого надо быть очень осторожнымъ и умѣлымъ въ пользованіи классическимъ репертуаромъ. Въ Берлинѣ въ концѣ 30-хъ годовъ нашего столѣтія неумѣлая дирекція искала спасенія въ постановкѣ почти исключительно классическихъ пьесъ, и это было время упадка театра; злоупотребленіе этими пьесами оттолкнуло отъ нихъ публику, испор-

тило въ ней вкусъ къ такого рода произведеніямъ. Особенно труденъ выборъ для современнаго репертуара въ испанской классической драматургіи. «Испанская драма,—говоритъ Лаубе,—интересна намъ, главнымъ образомъ, по формѣ и граціозной разработкѣ сценъ; но по внутреннему содержанію она намъ чужда, тогда какъ Шекспировскія произведенія, наоборотъ, именно основой содержанія и характерами намъ понятны. Драму Лопе-де-Вега *Звѣзда Севилли* осмѣяли въ Германіи. Испанскій феодализмъ и отношенія къ королевской власти, понизывающія пьесы плаща и шпаги, суть политико-историческая специальность, непонятная для современной публики. Оттого, когда въ этихъ пьесахъ подданные слѣпо подчиняются королю, современная публика находитъ это глупымъ, отворачивается отъ этого и смѣется». Стало быть, смотрѣть на эти пьесы можно только со стороны внѣшняго эффекта. Отъ *Звѣзды Севилли* не великъ переходъ къ драмамъ вродѣ *Tosca* или *Patrie* Сарду, а отъ нихъ ужъ прямой путь къ пьесамъ вродѣ *La tour de Nels*, *Серафима Лафайль* и къ прочимъ мелодрамамъ. Эти вещи, пожалуй, будутъ нравиться больше произведеній Гёте и Шиллера, больше Эгмонта, Вильгельма Телля, Карлоса и Валленштейна.

Но и лучшія классическія произведенія почти никогда не могутъ быть исполняемы на сценѣ такъ, какъ они написаны. Оно и понятно: писались они при другихъ требованіяхъ, литературныхъ и сценическихъ, и современный театръ, чтобы сдѣлать ихъ доступнѣе публикѣ, пріурочиваетъ ихъ къ современнымъ условіямъ. Я не говорю уже о значительныхъ сокращеніяхъ, о перемѣщеніяхъ сценъ; но даже нѣкоторая переработка, мелкія измѣненія діалога, конечно, сдѣланныя опытною литературною рукой, могутъ быть весьма полезны. Пуристы называютъ это святотатствомъ, но театръ отъ этого только выигрываетъ. Самые серьезныя и строгіе театры, посвящавшіе не мало трудовъ строгой постановкѣ классическихъ произведеній, нисколько не стѣснялись такими переработками. Шиллеръ (хотя и неудачно) передѣлалъ *Эгмонта* Гёте и *Натана Мудраго* Лессинга. Самъ Гёте совершенно передѣлалъ для сцены свою драму *Генъ фонъ-Берлихингенъ*. Шрейфогель перерабатывалъ для сцены нѣкоторыя пьесы испанскихъ классиковъ и въ этой переработкѣ пьесы сохранились въ нѣмецкомъ репертуарѣ. Тотъ же Шрейфогель однажды поставилъ драму Шиллера *Валленштейнъ*, соединивши двѣ пьесы въ одну. Артистическій директоръ Дингельштедтъ получилъ извѣстность своими переработками для сцены Шекспировскихъ драмъ. Въ Швеціи исполняются опять-таки свои переработки классическихъ пьесъ. Но всего интереснѣе, что на самой родинѣ Шекспира, въ Англіи, его пьесы искони подвергались сценическимъ переработкамъ. Одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ гениальнаго писателя, значительно потрудившійся надъ ознакомленіемъ публики съ его пьесами, актеръ Гаррикъ, пріурочивалъ произведенія Шекспира къ сценѣ; то же дѣлаетъ и теперь наиболѣе знаменитый изъ современныхъ англійскихъ актеровъ Ирвингъ. Пуристы, возстающіе противъ такого рода обработокъ, прямые враги клас-

сического репертуара; ихъ требованія ведутъ къ тому, чтобъ оттолкнуть публику отъ классическихъ пьесъ.

Такъ называемый современный репертуаръ, то-есть пьесы позднѣйшихъ и современныхъ писателей, составляетъ главную основу серьезныхъ театральныхъ представленій. Если эти пьесы и уступаютъ классическимъ, то онѣ уже потому интересны, что онѣ ближе къ жизни зрителей. «Общественная комедія,—говоритъ директоръ Лаубе,—сокровище для сцены; она вводитъ въ самую суть жизни и гораздо интимнѣе затрагиваетъ характеры, чѣмъ пьесы интриги», и далѣе: «Въ театрѣ современность всегда имѣетъ главные права. Но, какъ я ни убѣжденъ, что театръ не можетъ существовать, если онъ не отвѣчаетъ смыслу времени, я, все-таки, держусь той мысли, что онъ не долженъ быть принесенъ въ жертву властвующимъ взглядамъ партій». Иначе говоря, современная пьеса драгоцѣнна, какъ воспроизведеніе жизни зрителей, но воспроизведеніе должно быть художественнымъ, не тенденціознымъ. Къ этимъ пьесамъ приходится относиться снисходительнѣе, чѣмъ къ классическому репертуару, уже за одну ихъ современность, а тѣмъ болѣе къ новымъ, интереснымъ, сверхъ того, и новизною, и особенно къ веселымъ пьесамъ. Смѣхъ и веселье—громадные двигатели на сценѣ; вызывать ихъ въ публикѣ, не оскорбляя тонкого вкуса грубымъ фарсомъ, гораздо труднѣе, чѣмъ дѣйствовать сценами патетическими и даже сильною драмой. Но, конечно, одна современность еще не есть исключительная рекомендація пьесы. Помимо трехъ помянутыхъ отклоненій отъ художественной правды, пьеса можетъ быть слаба блѣдностью мысли, неумѣлымъ ея выраженіемъ, блѣдною обрисовкой характеровъ, несценичностью. Есть не мало пьесъ, которыхъ вы не упрекнете въ томъ, что онѣ не правдивы или лишены замысла, но онѣ вялы, скучны, потому что не характерны. Дѣйствіе или рѣчь того или другого лица, пожалуй, и отвѣчаютъ ихъ характерамъ, но не рисуютъ эти характеры, и тутъ большая разница,—нѣтъ лжи, но нѣтъ и художественной правды. Любители сенсационныхъ сценическихъ эффектовъ обыкновенно указываютъ на такого рода пьесы въ доказательство малаго интереса пьесъ изъ повседневной жизни, не чуя, что они приписываютъ роду произведеній то, въ чемъ виновата недаровитость автора. Правда, воспроизведенная безъ таланта, будетъ, конечно, блѣдна и не интересна; лучше мириться съ пѣкотораго рода отступленіями отъ правды, только бы произведеніе было талантливо; все-таки, главною цѣлью творчества должны быть современность и правда. Недостатокъ интересныхъ оригинальныхъ новинокъ, къ которымъ такъ падка публика, можетъ быть замѣненъ переводами и заимствованіями. Люди, не имѣющіе достаточно дарованія, чтобы чужую мысль, чужую сцену освѣтить колоритомъ своей національности, очень возстаютъ противъ передѣлокъ съ иностраннаго, предпочитая имъ простые переводы; это доказываетъ большое незнаніе театрального дѣла. Можно возставать противъ дурныхъ передѣлокъ (какъ противъ всего дурного во всякой области творчества), противъ искаженія дѣйствительности, противъ непримѣнимости къ правамъ, но

хорошая передѣлка всегда полезна и всюду имѣть право гражданства. Французы передѣлывали итальянцевъ и испанцевъ, англичане и нѣмцы передѣлываютъ французовъ, шведы—нѣмцевъ и французовъ. Сцена—не книга, которую можно читать, останавливаясь, когда вздумаешь, сцена—живое дѣло; тутъ все должно быть приноровлено такъ, чтобы зритель получалъ впечатлѣніе непосредственно, чтобы по возможности ему не пужно было отвлекаться постороннимъ мышленіемъ. Вы говорите русскому зрителю слово «префектъ»—и зритель долженъ на нѣсколько секундъ отвлечься, чтобы сообразить дѣятельность префекта, а, между тѣмъ, дѣйствіе идетъ дальше и что-нибудь утрачивается, но вы скажете: «губернаторъ»—и дѣятельность лица ясна сразу. Я нарочно ставлю на видъ даже такую мелкую подробность, потому что послѣ нея о существенныхъ различіяхъ своего и иностраннаго нечего и говорить. Впрочемъ, особенно рѣзкія нападки на заимствованія и передѣлки слышатся обыкновенно больше отъ людей, которые сами для своихъ произведеній берутъ направо, налѣво, что случится, сцену, лицо, мысль, но безъ указанія источника, и это считаютъ болѣе честнымъ, чѣмъ прямо сказать, что и откуда заимствовано. Запросъ на новинки и трудность талантливо и интересно выводить на сцену выдающіяся явленія общественной жизни побуждаютъ часто и современныхъ авторовъ писать пьесы историческія, бытовыя, постановочныя, безъ существенной нужды поднять художественное содержаніе яркостью картины, а скорѣе только, чтобы поддержать ея бѣдность фантазіи или интересомъ историческаго факта прикрыть слабость творчества. Отличать эту поддѣлку подъ исторію и быть отъ дѣйствительнаго ихъ изображенія очень важно. Забота о декорации и картинности сцены въ ущербъ содержанію пьесы врывается даже въ постановку современныхъ пьесъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ парижскихъ газетахъ даже возникло подробное обсужденіе всѣми выдающимися драматическими писателями значенія декоративной постановки на сценѣ, и многіе высказались, что злоупотребленіе этимъ сценическимъ средствомъ прямо вредно.

Выборъ пьесъ, однако, еще не составляетъ всей задачи репертуара; онъ зависитъ и отъ постановки пьесъ, и отъ выдержки ихъ на сценѣ. Спѣшная постановка можетъ погубить даже наилучшую пьесу. Уже самое распредѣленіе ролей можетъ быть тому причиной. При самомъ тонкомъ знаніи сцены и артистическихъ силъ труппы, все-таки, не трудно ошибиться,—обмануться въ надеждѣ или, наоборотъ, найти то, чего не ждешь. Поправлять такія ошибки можно только при высокой любви артистовъ къ своему дѣлу, когда подавляется самолюбіе на общую пользу и артистъ охотно отступаетъ отъ роли, сознавъ, что другой болѣе къ ней подходитъ. Тщательныя и многочисленныя репетиціи необходимы. Артисты часто тяготеютъ ими, и если ужъ тверды въ роляхъ, считаютъ, что подготовительная работа кончена, а, между тѣмъ, репетиція часто рождаетъ поправку и совершенствованіе и въ творчествѣ автора, и въ творчествѣ актера. При постановкѣ въ Вѣнѣ драмы Гёббеля *Нибелунги* директоръ Лаубе заспорилъ съ

авторомъ относительно нѣкоторыхъ сценъ. Въ доказательство своего мнѣнія Лаубе передѣлалъ эти сцены и въ новомъ видѣ далъ ихъ разучить актерамъ, для пробы. Актеры добровольно исполнили это, и Геббель призналъ справедливость мнѣнія директора, что и помогло успѣху пьесы. Въ другой разъ при постановкѣ драмы Отто Лудвига *Маккавей* Лаубе на первомъ представленіи замѣтилъ кое-какіе недостатки и, воспользовавшись перерывомъ представленій пьесы, вслѣдствіе болѣзни актера, игравшаго Іуду, передѣлалъ, съ согласія автора, кое-какія сцены и тѣмъ упрочилъ положеніе пьесы на сценѣ. Покойный актеръ Адольфъ Дююи, игравшій первымъ роль Оливье въ комедіи Дюма *Полусвѣтъ*, показывалъ мнѣ свою роль, всю перемаранную авторомъ, который дѣлалъ приписки и поправки во время репетицій. Про Сарду разсказываютъ, что онъ часто, на частныхъ театрахъ, сдаетъ пьесу безъ послѣдняго акта и дописываетъ этотъ актъ уже послѣ полного хода репетицій. Приводя эти примѣры, я не хочу сказать, что такъ и слѣдуетъ дѣлать, а хочу только пояснить, насколько въ серьезномъ дѣлѣ творчеству помогаютъ репетиціи. Съ другой стороны, нѣкоторая неудача первыхъ представленій пьесы не должна оттолкнуть отъ нея актера и администрацію. Для серьезнаго театра большое зло безъ борьбы сейчасъ же отказываться отъ своей работы, въ виду не совѣмъ хорошихъ первыхъ сборовъ. Прежде всего, не сборъ характеризуетъ интересъ и значеніе пьесы, а то, какъ она слушается и принимается зрителями. Иная пьеса не дѣлаетъ сборовъ по случайностямъ: по неудачному времени постановки, потому что критика на нее набросилась несправедливо и т. п. Публика поддается этимъ вліяніямъ и, не зная, что найдетъ въ спектаклѣ, остается дома. А, между тѣмъ, иногда публики собралось мало, но та, которая собралась, своею отзывчивостью показываетъ, что она довольна. Стало быть, сборъ плохъ не потому, что пьеса не нравится, а потому, что публика сбита съ толку. Даже при нѣкоторой вялости впечатлѣнія на первыхъ представленіяхъ нельзя еще опускать руки, а слѣдуетъ дѣлать поправки и улучшенія. Выборъ пьесы долженъ быть разуменъ и строгъ, постановка должна быть тщательна, но разъ пьеса выбрана и поставлена, уже одно уваженіе къ дѣлу и потраченному труду обязываетъ поддерживать ее. Близкіе театру люди знаютъ, что это всегда до нѣкоторой степени возможно, и по тѣмъ даннымъ, какую именно пьесу театръ поддерживаетъ, можно судить о цѣляхъ и пониманіи распорядителей его. Кто по крайнему разумію, хорошо и добросовѣстно ведетъ дѣло, тотъ безъ борьбы не отступаетъ отъ встрѣчаемыхъ препятствій. Падать духомъ и при первой невзгодѣ отрещиваться отъ своихъ стремленій и трудовъ—значитъ признавать себя несостоятельнымъ.

XI.

Просматривая репертуары французскихъ и нѣмецкихъ театровъ, нельзя не видѣть, что они далеко не отвѣчаютъ высказаннымъ выше требованіямъ, что даже субсидированнымъ сценамъ съ каждымъ годомъ становится

труднѣе держаться строгихъ художественныхъ рамокъ. Начиная съ того, что драматическая производительность мельчаетъ, старые писатели вымираютъ или слабѣютъ, новые предпочитаютъ работать наскоро и скорѣй эксплуатировать свой рыночный товаръ. Во Франціи еще недавно, въ шестидесятыхъ годахъ, Ожье, Фелье, Дюма (сынъ), Барьеръ, Гондине, Мельякъ и Галевн, Сарду давали почти ежегодно серьезно обработанныя пьесы, но теперь это рѣдкость. *Депутатъ Лео* Леметра, *Князь Орелъ* Ловедана—вотъ послѣднія произведенія въ этомъ родѣ; одинъ, два и обчелся. Авторы почти вовсе перестали писать комедіи, серьезно затрогивающія какіе-нибудь мало-мальски новые вопросы жизни. Между тѣмъ, потребность въ этомъ существуетъ и она удовлетворяется громаднымъ количествомъ передѣлокъ всевозможныхъ романовъ. Романы Золя чуть ли не всѣ перешли на сцену; романы Додэ тоже; Онѣ самъ, такъ сказать, сдираетъ съ одного вола двѣ шкуры, даже *Преступленіе и наказаніе* Достоевскаго драматизировали французы. Это, конечно, все-таки, прибѣжище, но это доказываетъ, что работа драматическаго писателя въ загонѣ. Серьезное литературное имя не пріобрѣтается драматическимъ произведеніемъ, тѣмъ болѣе, что директора большихъ парижскихъ театровъ хотятъ непременно извѣстныхъ именъ авторовъ; безъ этого иной и читать пьесы не станетъ, хотя бы даже зная, что она съ достоинствами. Составляйте себѣ извѣстность чѣмъ хотите: романомъ, критикой, газетною работою, хоть скандаломъ, но имѣйте извѣстное имя. Сценическія подмостки—это по преимуществу статья доходная, денежный результатъ какого-нибудь другого успѣха. Понятно, что и публика отвыкла ждать серьезную пьесу, какъ ждала прежде, какъ ждетъ теперь романъ. Въ Германіи дѣло, все-таки, поставлено немножко лучше, потому что тамъ много субсидированныхъ театровъ и театральные агенты могутъ подтолкнуть начинающаго автора; но и тутъ коммерческое направленіе одолеваетъ. Театральные рецензенты, въ большинствѣ случаевъ, пускаются въ выгодную драматическую производительность и пользуются своимъ вліяніемъ на публику, въ борьбѣ съ другими драматическими писателями. Талантливый Вильденбрухъ въ значительной степени утвердился тѣмъ, что сдѣлался придворнымъ сочинителемъ германскаго императора и принизилъ свое литературное творчество театрално-политическимъ памфлетомъ. Судерманъ былъ уже извѣстнымъ романистомъ, когда поставилъ на сцену свою комедію *Честъ*. Появленіе и успѣхъ этой пьесы—дѣло случайное и уже вторая пьеса того же автора оказалась значительно слабѣе первой.

Вотъ, напримѣръ, общая картина репертуара парижскаго театра французской комедіи за 1891 годъ. Театръ исполнилъ 274 акта различныхъ пьесъ, въ числѣ коихъ поставилъ 11 новыхъ. Какъ сказано выше, французская классическая трагедія, игранная по долгу чести (*noblesse oblige*), прошла 41 разъ. Главное прибѣжище классицизма составляетъ Мольеръ, коего пьесы исполнялись 90 разъ, не считая одноактныхъ. Появленіе Шекспира, хотя и въ передѣлкѣ, начинаетъ прививаться на французской сценѣ: до 1891 г. былъ поставленъ *Гамлетъ*, въ 1891 г. *Укрощеніе строптивой*,— коме-

дѣя имѣла успѣхъ и была сыграна 23 раза; кромѣ того, была исполнена (22 раза) драма Софокла *Эдипъ царь*—тоже въ передѣлкѣ. Изъ новыхъ пьесъ театръ сильно рассчитывалъ на сенсационную постановочную драму Сарду *Термидоръ* (игранную въ первый разъ 24 января). Театръ много потратилъ на костюмы и декорации; но, какъ извѣстно, постановка пьесы была запрещена правительствомъ. Тогда кинулись на другую постановочную пьесу, слабую по содержанію и выполнению, но представлявшую сценически-постановочный курьезъ; 15 мая поставили мистерію *Гризелидисъ*, и пьеса выдержала 48 представлений. Изъ новыхъ пьесъ современнаго быта болѣе всего (27 разъ) была играна комедія Ферье *L'article 231*, принадлежащая къ числу веселыхъ пьесъ, въ сущности, довольно ординарный водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, въ которомъ не мало сценъ понахвачено изъ другихъ пьесъ. Все содержаніе пьесы вертится около супружеской ссоры, доходящей до развода и кончающейся примиреніемъ; конечно, пьеса не безъ гривуозности. Рядомъ съ этою комедіей идутъ представленія 3-актной комедіи Леметра *La mariage blanc* (исполненная 26 разъ), со страннымъ сюжетомъ женитбы изъ сожалѣнія на чахоточной дѣвушкѣ. Объ остальныхъ повинкахъ нечего и говорить: одна изъ нихъ даже просто провалившийся ничтожный фарсъ въ 3 д.—*L'ami de la maison* (игранъ только 3 раза). И такъ, весь расчетъ новинокъ образцоваго французскаго театра былъ построенъ на декоративной постановкѣ; на сенсационной драмѣ и на фарсѣ. Что это именно былъ расчетъ, доказываетъ картина всего репертуара года въ повтореніяхъ старыхъ пьесъ. Изъ нихъ сверхъ классическихъ было исполнено нѣсколько костюмно-постановочныхъ пьесъ Гюго, Дюма (отца), Борнѣ, Скриба; изъ современнаго же репертуара: Ожье—2 пьесы 14 представлений; Ожье и Сандо—1. п. 9 пред.; Дюма (сына)—3 п. 12 пред.; Ж. Санда—1 п. 5 пред. Между тѣмъ, одна пьеса Пальерона *Le monde ou l'on s'ennuie* сыграна 21 разъ. Стало быть, и старый репертуаръ больше основывался на декоративномъ зрѣлищѣ и легкомысленномъ весельи, такъ какъ главный сценическій успѣхъ пьесы Пальерона и въ оригиналѣ, и въ переводахъ всегда заключается не въ остроумныхъ сатирическихъ діалогахъ, а въ водевильныхъ сценахъ 2 и 3 актовъ. Присмотрите репертуаръ другихъ годовъ театра французской комедіи, выйдетъ тоже самое. Главный успѣхъ нынѣшняго года—постановочно-декоративная драма Ришпена *Par le Glaive*, а нынѣшнюю осень я видѣлъ тамъ новую постановку *Польскаго еврея* Эркмана и Шатріана, пьесы уже совсѣмъ плохой и сильно мелодраматичной *).

*) Я ограничиваюсь здѣсь указаніемъ на репертуары французскихъ и нѣмецкихъ театровъ, потому что они мнѣ ближе извѣстны и вообще даютъ тонъ и театрамъ другихъ націй. Хотя въ репертуарахъ Англіи, Скандинавіи, Испаніи, Италіи не мало оригинальныхъ пьесъ, носящихъ характерный національный отпечатокъ, но эти репертуары, все-таки, переполнены переводными пьесами съ французскаго и нѣмецкаго. Въ Швеціи, наприм., Ибсена играютъ меньше, чѣмъ въ Германіи; одна комедія *Сюзъ молодежи* еще пользуется тамъ успѣхомъ. За то переводныхъ пьесъ въ шведскомъ

Нѣмецкому субсидированному театру большимъ подспорьемъ всегда служилъ серьезно-классическій репертуаръ: пьесы Шекспира, Лессинга, Шиллера, Гёте и ихъ хорошихъ послѣдователей Грильпарцера, Геббеля, Гальма, Гуксва. Пользоваться ими не трудно, потому что почти для каждаго нѣмецкаго актера эти пьесы служатъ краеугольнымъ камнемъ его карьеры; рѣдкій изъ нихъ не знаетъ наизусть нѣсколько классическихъ ролей. Оттого эти пьесы въ большомъ количествѣ заполняютъ репертуары всѣхъ субсидированныхъ нѣмецкихъ театровъ (до 20 и болѣе пьесъ въ годъ), но при этомъ каждая изъ нихъ исполняется очень малое количество разъ, иногда не болѣе одного раза въ годъ. Промежутокъ между двумя представленіями одной и той же классической пьесы составляетъ часто слишкомъ годъ времени или нѣсколько мѣсяцевъ; пьесы эти чередуются одна за другой, безпрестанно врѣзываясь въ текущій репертуаръ новинокъ и повтореній *).

репертуаръ множество, даже съ русскаго: *Ревизоръ* Гоголя и *Завтракъ у предводителя* Тургенева—репертуарныя пьесы шведскаго театра. Въ Лондонѣ около тридцати драматическихъ театровъ и почти всѣ они исполняютъ фарсы, бурлески, оперетты, постановочныя пьесы и мелодрамы, и все это носитъ прямо отпечатокъ зазыванія лавочника въ свой магазинъ. У меня подъ рукой до двадцати афишъ единовременныхъ по разнымъ театрамъ представленій текущей осени. Всѣ эти афиши отпечатаны или на цвѣтной бумагѣ, или цвѣтнымъ шрифтомъ, или съ виньетками, съ картинками, со всевозможными поясненіями и рекламой. Наприм., въ „Terry's Theatre“ дается комедія-фарсъ *Счастливая собака*; на афишѣ нарисована собака и припечатаны стихи: „Въ нынѣшнее тяжелое время, когда всѣ плетутся по томительной дорогѣ жизни, пріятно посмѣяться. Придите посмотреть приключенія счастливой собаки“. Въ одномъ изъ серьезныхъ театровъ (въ дрюриленскомъ), которому случилось исполнять и шекспировскія пьесы, дается теперь спортсменская драма подъ названіемъ: *Блудная дочь* (*The prodigal daughter*). На афишѣ этого спектакля напечатано нѣсколько картинокъ, иллюстрирующихъ сцены пьесы, и слова: блистательное представленіе, большой эффектъ спорта, интересное происшествіе, взволновывающіе случаи (exciting incidents). Шекспировскія драмы и комедіи исполняются почти исключительно въ театрѣ „Лицеумъ“, принадлежащемъ трагикъ Ирвингу, и репертуаръ пересыпанъ другими костюмными пьесами. Но и при исполненіи Шекспира главная цѣль есть или единичное исполненіе одного выдающагося актера, или блестящая внѣшняя обстановка, которая, дѣйствительно, неподобна и заткнетъ за поясъ мейнингенцевъ. На афишѣ помѣчены декорации всѣхъ картинъ и нарочно сочиненная для шекспировскихъ пьесъ музыка. Но я видѣлъ тоже въ этомъ театрѣ „Лицеумъ“ совершенно бессмысленную драму *Пималионъ и Галатея*. На этомъ же театрѣ недавно исполнили тоже и помянутую мелодраму *Польскій еврей*.

*) Приведу на выдержку нѣсколько примѣровъ, взятыхъ наобумъ. „Вѣнскій театръ; дирекція Лаубе, 1859 г.“: *Марія Стюартъ*—1 янв., 30 окт.; *Коварство и любовь*—2 янв., 16 авг.; *Карлосъ*—17 янв., 20 мар., 23 мая, 9 ноября; *Разбойники*—10 мар., 13 июня, 11 окт.; *Орлеанская дѣва*—1 ноября; *Смерть Валленштейна*—26 окт.; *Натанъ мудрый*—11 дек.; *Лиръ*—3 дек.; *Отелло*—28 мар., 13 апр., 7 сент.; *Ромео и Юлія*—13 мар.; *Юлій Цезарь*—25 сент.; *Гамлетъ*—25 авг.; *Генъ Ф. Б.*—8 янв., 15 мая, 18 сент.; *Эмонъ*—4 сент. „Дирекція Дингельштедта, 1875/76 гг.“: *Марія Стюартъ*—15 ноябр.; *Вильгельмъ Телль*—19 ноябр.; *Коварство и любовь*—6 сент.; *Пиколомини*—23 марта; *Смерть Валленштейна*—2 апр.; *Орлеанская дѣва*—25 дек., 30 мая; *Разбойники*—26 дек., 11 февр., 9 мая, 2 сент., 9 ноября; *Натанъ мудрый*—1 янв., 7 февр.; *Отелло*—9 дек., 7 мая; *Ричардъ II*—23 авг., *Генрихъ IV*, I часть—28 дек.,

Время от времени освѣжаютъ новою постановкой ту или другую изъ этихъ пьесъ, но потомъ онѣ снова входятъ въ общую колею. Нѣмецкіе актеры такою системою нисколько не тиготятся, у нихъ всегда готовъ въ головѣ этотъ репертуаръ и съ двухъ-трехъ репетицій пьеса уже играется. При всѣхъ хорошихъ сторонахъ этого обилія серьезнаго классицизма, оно имѣетъ и очень существенные недостатки. Какъ ни тверды въ классическихъ роляхъ нѣмецкіе актеры, все-таки, едва ли возможно исполнить особенно хорошо раза по два, по четыре до трехъ десятковъ героическихъ пьесъ, играя еще при этомъ и другой репертуаръ. И, въ самомъ дѣлѣ, исполненіе классическихъ и постановочныхъ пьесъ нѣмцами, за малыми исключеніями, всегда очень неестественно, рутинно, декламационно. Даже самые талантливые и тонкіе актеры (какъ, наприм., Поссартъ и Барнай), играющіе только нѣсколько избранныхъ классическихъ ролей, и тѣ не совсѣмъ избѣгли этой рутины. Къ счастью, для нѣмецкихъ театровъ публика удовлетворяется крикливою декламацией актеровъ въ такихъ пьесахъ и дирекціи этимъ очень довольны, потому что классическія пьесы всегда подъ рукой, онѣ авторитетны и при шаблонномъ ординарномъ исполненіи не требуютъ отъ распорядителя ни творчества выбора, ни вкуса, ни даже пониманія; бери зря и ставь. Лаубе въ Вѣнѣ боролся съ этимъ сколько могъ и очень заботился о современной комедіи; при немъ явились сантимен-

24 апр., 5 сент.; II ч.—30 дек., 25 апр., 7 сент.; *Генрихъ V*—1 февр., 26 августа; *Генрихъ VI*, I ч.—2 мая; II ч.—3 мая; *Ричардъ III*—4 мая; *Ромео и Юлія*—21 дек.; 6 мая; *Эмонтъ*—21 марта; *Ифигенія*—12 февр. „Дирекція Буркгардта, 1890/91 гг.“: *Марія Стюартъ*—11 марта, 26 окт.; *Коварство и любовь*—22 февр., 27 сент.; *Телль*—26 февр., 15 окт.; *Разбойники*—7 мая, 1 іюня, 20 окт.; *Карлосъ*—23 янв., 6 апр.; *Отелло*—16 янв., 24 мая; *Ричардъ II*—28 февр.; *Генрихъ IV*, I ч.—4 мар.; II ч.—6 марта; *Генрихъ V*—9 марта; *Ромео и Юлія*—4 дек., 7 янв.; *Гамлетъ*—1 янв., 6 окт.; *Лиръ*—23 февр., 15 окт.; *Макбетъ*—31 окт., 3, 13 и 30 ноября; *Юлій Цезарь*—2, 27 іюня, 10 іюля, 15, 29 ноября. „Дрезденъ, 1891 г.“: *Марія Стюартъ*—5 февр., 31 марта; *Коварство и любовь*—25 марта; *Телль*—28 марта, 23 авг.; *Разбойники*—9 янв., 9 мая, 16, 22 ноября; *Николомини*—19 мая; *Смерть Валленштейна*—20 мая; *Мессинская невеста*—3 мая; *Фіско*—17 авг.; *Карлосъ*—28 сент.; *Орлеанская дѣва*—30 окт., 13, 15, 17, 20 и 26 дек.; *Натанъ мудрый*—21 окт.; *Отелло*—2 апр.; *Гамлетъ*—1 янв., 10 мая, 6 дек.; *Лиръ*—20 марта; *Ромео и Юлія*—21 авг.; *Коріолянъ*—28 сент.; *Ричардъ II*—6 окт.; *Фаустъ*—30 марта; *Эмонтъ*—30 авг.; *Ифигенія*—5 окт. „Мюнхенъ 1891 г.“: *Марія Стюартъ*—3 мая, 3 сент.; *Коварство и любовь*—13 мая; *Телль*—23 марта; *Орлеанская дѣва*—5 янв.; *Мессинская невеста*—20 марта, 16 ноября; *Разбойники*—25 мая, 12 окт.; *Николомини*—10 ноября; *Смерть Валленштейна*—10 іюня, 11 ноября; *Макбетъ*—30 ноября, 18, 30 дек.; *Гамлетъ*—26 сент.; *Ричардъ III*—5, 14 окт.; *Фаустъ*—6, 10, 20 апр., 30 мая, 28 авг.; *Эмонтъ*—8 мая, 17 дек.; *Тассо*—9 мая. „Берлинъ, 1891 г.“: *Марія Стюартъ* исполнена 5 разъ, *Вильгельмъ Телль*—10 разъ, *Разбойники*—2 раза, *Карлосъ*—4 раза, *Орлеанская дѣва*—11 разъ, *Отелло*—1 разъ, *Ромео и Юлія*—6 разъ, *Буря*—9 разъ, *Натанъ мудрый*—3 раза. Я для краткости не бралъ ни комедій Шекспира, ни пьесъ Грильпарцера, Галіма и друг. Въ подробныхъ спискахъ многихъ лѣтъ и годовъ видишь все ту же картину; рѣдка драма повторяется нѣсколько разъ сряду близкими другъ къ другу представленіями.

тальныя пьесы г-жи Бирхъ-Пфейферъ, начали работать Фрейтагъ, Гейзе, Мозенталь и особенно Бауернфельдъ, послѣдователь (довольно оригинальный) французской комедіи. Лаубе ставилъ, хоть и безъ большого сочувствія, пьесы Бенедикса и, наконецъ, далъ широкое поле переводной и заимствованной у французовъ комедіи. Скрибъ, Дюма (сынъ), Ожье, Сарду пріютились на нѣмецкомъ театрѣ, и до сихъ поръ пьесы ихъ и другихъ французскихъ авторовъ составляютъ крупную долю нѣмецкаго серьезнаго репертуара *). Оригинальная нѣмецкая комедія такъ и осталась второстепеннымъ матеріаломъ нѣмецкаго репертуара; рѣдко-рѣдко появится что-нибудь серьезно интересное, какъ нѣкоторыя пьесы Линдау, Судермана, какъ въ нынѣшнемъ году нѣсколько тенденціозная социалистическая пьеса Фульда: *Потерянный рай*. Современность кинулась въ узкоморализирующую тенденціозную буржуазную комедію по стопамъ Бенедикса и въ плоскій фарсъ. Аронжъ, Шентанъ, Блументаль, Мозеръ теперь цари сцены, и самымъ серьезнымъ субсидированнымъ сценамъ приходится, за неимѣніемъ лучшаго, исполнять очень грубый и балаганный комизмъ (укажу, наприм., на пьесы: *Rosenkranz und Guldennstern*, *Der Bibliothekar*, *Raub der Sabinerinnen*, *Pension Scholler*, *Toller Einfall* и т. п.). Самый крупный успѣхъ послѣдняго сезона во всей Германіи была пьеса Блументала *Grosstadtluft*—очень развязная и плоская насмѣшка кичливаго гуляки берлинца надъ глуповатыми, но скромными радостями провинціаловъ.

Дѣлаемъ заключеніе всего сказаннаго: хорошему театру въ дѣлѣ репертуара приходится бороться съ постоянною склонностью зрителя къ безсодержательной декоративности спектакля, къ ограниченному постановочному зрѣлищу, къ исключительнымъ фальшивымъ эффектамъ, къ грубому смѣху. Но, съ другой стороны, этою же склонностью театръ долженъ пользоваться для заманки публики только не какъ цѣлью, а какъ средствомъ, и только въ той мѣрѣ, чтобъ это не мѣшало основной задачѣ театра, творчеству автора и актера. Поэтому разнообразіе репертуара необходимо. Избираемыя пьесы должны, по возможности, менѣе удалиться отъ художественной правды, по возможности, не быть прямо тенденціозными или рассчитывающими на исключительный безцѣльный натурализмъ, или на исключительный ложный эффектъ; но при этомъ онѣ, все-таки, должны быть для публики интересны, заманчивы. Именно въ этомъ умѣньи найти равновѣсіе: угодить публикѣ, увлекать ее, не потакая ея дурнымъ наклонностямъ, а, напротивъ, пробуждая въ ней всѣ лучшія стороны

*) Въ Вѣнѣ въ прошедшій сезонъ 1890/91 г. изъ 114 пьесъ, сыгранныхъ 319 разъ, 64 суть произведенія нѣмецкихъ писателей (180 пред.) и 50 переводныя (139 пред.). Въ числѣ ихъ встрѣтишь: *Романъ молодого человека* (Фелье), *Сынъ Жибойе* (Ожье), *Горнозаводчикъ* (Опэ), *Палачи волшебницы* (Скриба) и проч. Въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ на одну треть исполнялось переводныхъ пьесъ. Въ Берлинѣ (не считая Шекспира и Ибсена) играны только одноактныя переводныя пьесы; общее же направленіе репертуара прямо постановочное. Изъ 38 различныхъ пьесъ, сыгранныхъ всѣ вмѣстѣ 274 раза, всего какой-нибудь десятокъ взятъ изъ современной жизни, остальные же всѣ костюмныя. Самое большое количество спектаклей выдержалъ памфлетъ на Бисмарка, драма Вильденбруха *Новый господинъ*—64 раза.

ума и чувства, и заключается вся задача серьезнаго театра. Классическій репертуаръ—сокровище для сцены, но театръ не долженъ его дискредитировать въ глазахъ публики безпрестанными заурядными, посредственными исполненіями и исключительными постановками, подавляющими основной смыслъ пьесы *). Тѣмъ болѣе театръ не долженъ обманывать публику и, прикрываясь постановкой, выдавать за классицизмъ слабыя произведенія великихъ авторовъ и пьесы совершенно чуждыя нашей жизни. Пьесы современнаго репертуара должны быть, по возможности, сценичны, полны движенія и эффектны, но не въ ущербъ художественной правдѣ. Нанизываніе однихъ ординарныхъ діалоговъ, ради одной характеристики лицъ, хотя бы они и были взяты изъ жизни, еще не есть пьеса, но и движеніе, и эффектъ должны вытекать изъ основъ характера лицъ и среды. Эффектъ ради эффекта, не мотивированный, есть фальшь, вредная на сценѣ, отучающая зрителя мыслить. Смѣхъ есть великая сила на сценѣ; но, допуская комизмъ добродушный, наивность сюжета, даже карикатурность,—все это должно быть, все-таки, характерно, быть хоть маленькимъ правдивымъ откликомъ жизни, а не простымъ подборомъ грубо-смѣшныхъ неожиданностей, конфликтовъ, коихъ комизмъ не далеко отошелъ отъ пощечины и кувырканья клоуновъ, къ чему и пришли теперь нѣкоторые французскіе театры.

ХII.

Авторъ пьесы, наравнѣ съ актеромъ,—главное лицо сцены. Это хорошо понимаютъ всюду въ Европѣ, и авторъ пользуется тамъ и большими выгодами, и почетнымъ положеніемъ, что въ свою очередь вызываетъ весьма сильную борьбу за авторское дѣло, вредно отзывающуюся на успѣхъ серьезныхъ театровъ. Оплата авторскаго труда при успѣхѣ очень велика. Самое крупное положеніе въ этомъ отношеніи существуетъ въ Испаніи. Тамъ авторъ получаетъ по 20% съ валового сбора театра за первыя три представленія пьесы, потомъ за всѣ остальные по 10%; но если пьеса перейдетъ двадцать представлений, то двадцатое ея исполненіе есть бенсфисъ автора. Не только ему отдается сборъ, но весь спектакль составляетъ какъ бы праздникъ автора: его поздравляютъ, дѣлаются подношенія, подарки. Писатель Кано-и-Мазасъ показывалъ мнѣ въ Мадридѣ цѣлый подборъ красивыхъ вещицъ, подаренныхъ ему на 20-е представленіе его драмы *Пассіонарія* **), въ числѣ прочихъ красивый альбомъ съ изображеніемъ цвѣтка страстей Господнихъ (passionaria), съ карточками всѣхъ артистовъ. Вообще всюду дѣйствуетъ система вознагражденія автора процентами отъ

*) На одномъ изъ берлинскихъ театровъ, при исполненіи *Венеціанскаго купца* Шекспира, продѣлывали на сценѣ цѣлый карнавалъ съ арлекинадой, совсѣмъ какъ въ опереттахъ *Бокаччіо* Зуппе и *Мосье вздохомъ* Оффенбаха.

**) Пьеса эта была исполнена на сценѣ московскаго Императорскаго Малаго театра въ переводѣ подъ заглавіемъ: *За наследство*.

валового сбора, причемъ, въ большинствѣ случаевъ, держатся 10%, хотя бываетъ и больше, и меньше. Такъ, наприм., театръ французской комедіи платитъ 15% независимо отъ количества актовъ за спектакль. Если дають въ вечеръ двѣ пьесы, а не одну, то эти 15% дѣлятся между авторами, соразмѣрно величинѣ пьесъ. То же дѣлають и въ нѣмецкихъ придворныхъ театрахъ, но тамъ дѣлятъ 10%. Французскіе частные театры большею частью платятъ 10%, но авторы съ громкимъ именемъ, разсчитывающіе на особенный успѣхъ пьесы, этимъ не довольствуются: наприм., Сарду, умѣвшій поставить свою театральную доходную статью блистательно, беретъ часто и съ частныхъ театровъ 12% и болѣе. Получаются эти деньги безъ затрудненій, на основаніи закона еще отъ 13 января 1791 г., гласящаго слѣдующее: «сочиненія живыхъ авторовъ не могутъ быть исполнены ни на какомъ публичномъ театрѣ, на всемъ пространствѣ Франціи, безъ формальнаго письменнаго согласія авторовъ, подъ опасеніемъ конфискаціи полнаго сбора представленій въ пользу авторовъ». Впослѣдствіи этотъ законъ распространился и на наслѣдниковъ. Эти нѣсколько строкъ держать всѣ театры въ полномъ повиновеніи и проценты учитываются легко, потому что правительство взимаетъ съ каждаго сбора еще проценты въ пользу бѣдныхъ,—стало быть, директору скрыть сборъ невозможно. Авторскія деньги уплачиваются агенту прежде, чѣмъ подымутъ занавѣсъ спектакля. Для веденія всѣхъ этихъ финансовыхъ дѣлъ французскіе авторы составили общество французскихъ драматическихъ писателей и композиторовъ. Я не буду входить въ подробности устава этого общества, упомяну только о самомъ существенномъ. Общество состоитъ изъ двоякаго рода членовъ: изъ членовъ товарищества (*sociétaires*), имѣющихъ право голоса на общихъ собраніяхъ и выбирающихъ изъ своей среды комиссію (15 членовъ), которая и управляетъ всѣмъ дѣломъ, и членовъ, поручившихъ попеченію общества свои авторскія права; члены эти не имѣютъ голоса на собраніяхъ, сюда относятся и наслѣдники. Комиссія *) выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя, вице-предсѣдателя, секретарей, казначея и архиваріуса. Для дѣлопроизводства нанимають двухъ агентовъ и цѣлую канцелярію. Общество это очень богато; по послѣднему его отчету за сезонъ 1891 — 92 года, отъ марта до марта, оно обладало капиталомъ въ 1.015,589 ф. 85 сантимовъ (въ процентныхъ бумагахъ), доходъ съ которыхъ простирался въ упомянутомъ году до 36,979 ф. 80 с. Доходъ общества со всѣхъ театровъ Франціи и иностранныхъ былъ въ томъ году въ 3.411,119 ф. 40 с., расходы простирались до 118,134 ф. 65 с. (въ числѣ ихъ выдано на 47,250 ф. пенсій и 26,590 ф. 25 с. вспомоствованій **). Вообще коммерчески авторское дѣло

*) Въ настоящее время предсѣдатель общества К. Дусэ; вице-предсѣдатели: В. Сарду, Л. Галеви, Ю. Массенэ; секретари: А. Дельпи, А. д'Артуа; казначей В. Жонсіеръ; архиваріусъ Ж. Онэ. Кромѣ того, члены комиссіи: Ю. Варбіе, Г. Волажъ, Г. Борнье, К. де-Курси, Е. Жираръ, Э. Пальеронъ, И. Ришпень.

**) Чтобы показать картину сборовъ французскихъ театровъ и получить съ нихъ въ пользу авторовъ, выпишемъ нѣсколько характерныхъ цифръ изъ отчета за 1891—

обставлено со всестороннею выгодой. Эта жажда выгоды, желаніе нажить гдѣ только можно лишній франкъ, приводитъ французскихъ драматическихъ писателей къ нѣкоторымъ весьма дурнымъ обычаямъ. Напримѣръ, одну изъ печальныхъ сторонъ французскаго театральнаго дѣла составляютъ разъѣзжающія по разнымъ городамъ для гастролей труппы (Tournée). Провинціальная публика, выжидая спектаклей пріѣзжихъ артистовъ, съ двумя-тремя болѣе извѣстными актерами во главѣ, плохо посѣщаетъ свой постоянный театръ. Хотя иной разъ среди пріѣзжихъ бываютъ актеры и хуже своихъ постоянныхъ, но на чужого еще есть надежда, а своего уже знаютъ и потому берегутъ деньги для чужого. Оттого провинціальныя театры никакъ не могутъ подняться. Авторы, однако, не только съ этимъ не борются, но даже помогаютъ этой аномаліи. Есть труппы, покупающія прямо у автора, имѣвшую въ Парижѣ успѣхъ, пьесу въ монополію провинціальныхъ исполненій и разъѣзжаютъ съ новою пьесой, которую никто другой не имѣетъ права играть.

Въ Германіи тоже существуетъ общество драматическихъ писателей, къ нему примкнули многіе выдающіеся писатели, но оно съ каждымъ годомъ все болѣе гаснетъ и таетъ, рядомъ съ такими всепокоряющими дѣятелями, какъ театральные агенты. Весь оборотъ общества по всей Германіи, согласно отчету, читанному въ общемъ собраніи 31 марта 1892 г., не достигаетъ

1892 г. Парижскіе театры дали за годъ: француз. комедія со сбора 2.116,810 ф. авторамъ 259,310 ф.; Одеонъ съ 626,576 ав. 64,553 ф. (театры комедій): Жимназъ съ 763,262 ав. 96,300 ф.; Водевиль съ 917,639 ав. 110,515 ф. (театры мелодрамъ); Амбигю съ 490,382 ав. 49,042 ф. (театры постановочныя пьесъ); С. Мартэнъ съ 664,850 ав. 66,482 ф.; Шателе съ 1.137,850 ав. 130,774 ф.; въ этомъ театрѣ играны пьесы: *Иоанна д'Аркъ* (роль Иоанны г-жа Веберъ) 35 разъ, *Камилъ Дюмуленъ* драма 20, *Сандрильона* феерія 62 раза, *Михаилъ Строговъ* драма-балетъ 44 раза, *Вокругъ сѣта съ 84 дня* феерія 76 разъ, *Ослиная кожа* феерія 7 разъ. Театръ веселья (gaieté) съ 860,719 ав. 86,810 ф. (фарсы, оперетты). Пале-рояль съ 740,418 ав. 100,000 ф. Варьете съ 1.147,055 ав. 145,235 ф. Театръ новостей съ 488,562 ав. 58,627 ф. Буффъ съ 103,791 ав. 123,825 ф. Исполняли оперетту *Миссъ-Гемель* (мелкіе театры) Клюни съ 300,931 ав. 30,092 ф., Бомарше съ 69,350 ав. 6,938 и т. д., всѣхъ театровъ не выписываю. Изъ этихъ цифръ уже видно, что не всегда взимается 10%, а берутъ и больше. Какъ многоразличны доходы провинціальныхъ сценъ, покажутъ слѣдующія цифры (тутъ, однако, изъ отчета нельзя видѣть, сколько взято за драму, сколько за оперу, такъ какъ въ многихъ театрахъ играютъ и то, и другое). Болѣе всего дали авторамъ Лионъ—89,754 ф., Бордо—79,358 ф., Марсель 75,581 ф., Гавръ 27,862 ф., Монпелье 21,844 ф., Виши 17,471 ф. и т. д., тутъ всюду по нѣсколько театровъ. Небольшіе города даютъ уже значительно меньше, наприм., Гренобль 5,115 ф., Пуатье 2,320 ф., но есть и совсѣмъ ничтожныя получки: Мелюнь 326 ф., Немуръ 170 ф., Э—48 ф., Тренпоръ 36 ф., Вокулеръ 44 ф., наконецъ, даже только по 8 ф. дали Арпажонъ, Клармаръ, Шантильи и т. д. въ этомъ родѣ. Въ общихъ цифрахъ Парижъ уплатилъ авторамъ 2.090,806 ф. 73 с., предмѣстья Парижа 93,763 ф. кафе-концерты 86,627 ф. 35с., а вся провинція вмѣстѣ взятая 941,609 ф. 51 с. Иностранныя театры (по преимуществу Бельгія) дали 198,312 ф. 81 с. (въ этомъ числѣ Петербургъ 13,325 ф., Монако 7,000 ф.). По времени получекъ, конечно, зимой цифры увеличиваются, лѣтомъ уменьшаются; наибольшій доходъ былъ въ февралѣ 380,899 ф. 40 с., наименьшій въ іюлѣ 98,541 ф. 89 с.

Болѣе какъ 68,419 марокъ (около 34,000 р.). Въ Германіи все дѣло перешло въ руки агентовъ и общество едва ли долго проживетъ. Я уже говорилъ по поводу актеровъ о нѣмецкихъ театральныхъ агентахъ; такими же посредниками являются они и для авторовъ. Авторы сдаютъ агентамъ рукописи пьесъ, которыя агентами печатаются или литографируются и разсылаются во всѣ театры. Агенты заботятся о томъ, чтобы пьеса была принята театромъ, исполнялась и чтобы за нее были выданы установленные по соглашенію проценты. За всѣ свои хлопоты агенты берутъ 5 или 10 процентовъ со всей авторской получки. Правленіе общества драматическихъ писателей дѣйствуетъ такъ же, какъ и агенты; но въ обществѣ какой-нибудь наемный дѣлопроизводитель никогда не будетъ такимъ смѣтливымъ, расторопнымъ, настойчивымъ, какъ прирожденный коммерсантъ, умудренный многолѣтнею дѣятельностью фирмы. Нѣкоторыя изъ этихъ агентуръ въ Германіи очень знамениты, какъ, наприм., агентура Леви въ Вѣнѣ, Блоха и Энтша въ Берлинѣ. Умѣнье въ-время послать пьесу, знать куда послать, настоять, чтобы пьесу играли,—все это качества очень цѣнныя и авторы охотно готовы дать большій процентъ агенту, только бы пьеса болѣе исполнялась. Какъ изворотливъ долженъ быть агентъ, можно судить, наприм., хоть по тому, что авторы иногда желаютъ скрыть свое имя. Театральныя дирекціи, получая отовсюду массу пьесъ, конечно, на пьесу безъ имени автора обратить меньше вниманія, если агентъ не съумѣетъ ее хорошо рекомендовать. Между тѣмъ, иному автору очень важно, чтобы не знали, что пьеса написана имъ. Пристрастная критика всегда отнесется легче къ пьесѣ неизвѣстнаго автора, чѣмъ къ творчеству человѣка, почему-нибудь антипатичнаго то ли по его успѣху, то ли по личнымъ счетамъ. Отъ одного изъ моихъ знакомыхъ зависить выборъ пьесъ, играемыхъ на одномъ изъ придворныхъ нѣмецкихъ театровъ; отвергая много неудобныхъ для его сцены пьесъ, онъ въ средѣ критиковъ—драматическихъ писателей нажилъ себѣ не мало враговъ; поэтому, самъ написавши пьесу, онъ сдалъ ее агенту подъ условіемъ сохраненія анонимности автора; пьесу сыграли и враги не были къ ней слишкомъ жестоки. Тайна сохраняется во всей строгости, и въ случаѣ ея нарушенія, агентъ уплачиваетъ по условію большой штрафъ. Такъ какъ агентовъ много и торговля ихъ книги не легко раскрываются передъ любознательными людьми, то и услѣдить за тѣмъ, что Германія при посредствѣ театровъ платитъ своимъ авторамъ, въ точности нельзя. Тѣмъ не менѣе, кое-какія цифры могутъ дать объ этомъ нѣкоторое понятіе. Система получекъ нѣмецкихъ авторовъ нѣсколько отличается отъ французской и англійской. Во Франціи и Англіи главный доходъ съ пьесы доставляется однимъ театромъ. При успѣхѣ пьесы исполняется сотни разъ подрядъ и то, что получается за нея съ другихъ театровъ, провинціальныхъ, составляетъ весьма малую долю одного парижскаго или лондонскаго театра. Въ Германіи это иначе. Оставляя въ сторонѣ исключительные успѣхи, обыкновенный успѣхъ на субсидированномъ театрѣ едва превышаетъ 20 представленій въ годъ; даже 15 и 10 представленій ужъ есть хорошій успѣхъ. Репертуаръ пьесъ

классическихъ и вообще старыхъ, коихъ художественная собственность за давностью смерти авторовъ потеряна, отнимають добрую треть спектакля года. Но за то всякая мало-мальски успѣшная пьеса повторяется десятки разъ, на десяткахъ большихъ субсидированныхъ театровъ. По сообщеніи мнѣ артистическаго директора вѣнскаго придворнаго Бургъ-театра, тамъ годовая плата на гонораръ авторамъ колеблется между 30 и 40 тысячами гульденовъ. Это, конечно, не составляетъ и половины того, что платитъ театръ французской комедіи; но если припомнить, что такихъ театровъ по Германіи не мало, то общая ихъ сумма, пожалуй, и превыситъ гонораръ французскій. Что драматическіе авторы Германіи получаютъ доходъ съ своихъ пьесъ не меньшій, чѣмъ французскіе, можно заключить изъ того, что агенты иногда покупають пьесы у авторовъ за единовременное вознагражденіе, имѣя въ виду хорошій барышъ эксплуатаціи. Цифры при этихъ покупкахъ весьма внушительны: наприм., фирма Блохъ купила пьесу *Krieg im Frieden* за 60,000 марокъ (30,000 руб.), за такую же цѣну Морисъ купилъ комедію *Raub der Sabinerinnen*, комедія *Gräfin Lea* П. Линда была куплена за 15,000 м. и т. п.

Авторъ, заявившій себя дарованіемъ и рядомъ успѣховъ, пользуется вообще почетнымъ значеніемъ на сценѣ. Мы уже видѣли, что авторы приглашаются экспертами на конкурсы правительственной французской консерваторіи; театры охотно даютъ имъ даровыя мѣста, если не всѣ билеты разобраны. Даже забота о томъ, что авторъ на представленія своей пьесы можетъ пригласить даромъ своихъ знакомыхъ, была причиной своеобразнаго обычая французскихъ театровъ. Тамъ на каждое представленіе откладывають нѣкоторое количество билетовъ въ полное распоряженіе автора исполняемой пьесы. Авторы, однако, и эту любезность театровъ сдѣлали статьей доходной. Всѣ эти авторскіе билеты отдаются оптомъ мелкимъ торгашамъ за опредѣленную уменьшенную цѣну и торгаши уже отъ себя продають эти билеты, повышая цѣну при большомъ спросѣ, понижая при маломъ. Такъ всюду въ Парижѣ рядомъ съ кассой, въ какой-нибудь кофейной можно иногда получить билетъ даже ниже нормальной цѣны. При распредѣленіи ролей и на репетиціяхъ слово автора, конечно, всюду считается очень вѣскимъ, но не всякій авторъ знатокъ дѣла постановки,—это совершенно особенная способность и поэтому иные авторы (Сарду) сами заботятся объ этомъ, другіе вполне предоставляютъ постановку режиссерамъ (Дюма).

XIII.

Всѣ эти преимущества драматическаго писателя порождаютъ всюду громадную драматическую производительность, не только со стороны настоящихъ литераторовъ, но даже со стороны людей случайно близкихъ театру или начитавшихся чужихъ пьесъ, — людей, которые и не рѣшились бы ни на какое беллетристическое творчество, еслибъ не приманивали ихъ матеріальныя выгоды и значеніе на сценѣ. Чтобы

изъ всѣхъ этихъ произведеній сдѣлать выборъ, театры всюду имѣютъ специальныхъ чтецовъ. Во Франціи въ частныхъ театрахъ выборъ дѣлаетъ самъ директоръ, оттого-то онъ почти никогда ничего не выбираетъ, а прямо сходитъ съ извѣстнымъ драматическимъ писателемъ, и новичку попасть на сцену можно только чрезъ какой-нибудь маленькій театръ или при посредствѣ сотрудничества со знаменитостью. Исторія французскихъ театровъ полна анекдотами разныхъ директоровъ театровъ, тяготившихся чтеніемъ пьесъ. Про одного директора разсказываютъ, что онъ заперся отъ авторовъ въ своемъ кабинетѣ, въ третьемъ этажѣ дома, и авторъ съумѣлъ влѣзть къ нему въ окно; другой директоръ уѣхалъ въ деревню и тамъ наслаждался природой, валяясь на лужайкѣ, какъ вдругъ къ нему подкрались два автора, крѣпко связали его веревками и до тѣхъ поръ не отпустили, пока онъ не прослушалъ ихъ пьесы. Теперь всѣ большіе театры завели себѣ специальныхъ чтецовъ для выбора пьесъ. Но во Франціи эти чтецы болѣею частью служатъ, такъ сказать, громоотводомъ, чтобъ отвязаться отъ слишкомъ назойливыхъ авторовъ. Только въ одномъ театрѣ французской комедіи дѣло чтеца ведется съ болѣе толковымъ результатомъ. Тутъ есть еще и вторая инстанція: по статутамъ театра, пьеса окончательно бываетъ принята не иначе, какъ послѣ чтенія ея комитетомъ актеровъ; но это только старый обычай, а не дѣйствительный судъ. Выборъ дѣлаютъ, все-таки, чтецъ и директоръ и уже послѣ ихъ выбора пьеса читается комитетомъ. Правда, авторы, коихъ пьесы шли на сцену театра французской комедіи, имѣютъ право требовать, чтобы новыя пьесы ихъ были прочитаны комитетомъ во всякомъ случаѣ и безъ предварительнаго обсужденія чтецомъ, что, однако, не мѣняетъ дѣла, — судьба пьесы почти всегда заранѣе рѣшена чтецомъ и администраторомъ комедіи. Въ нынѣшнемъ году былъ такой случай. Авторъ Лаведанъ представилъ въ театръ французской комедіи свою пьесу *Князь Орегъ*; чтецъ и администраторъ Кларети нашли, что хотя это и хорошая пьеса, но по характеру своему она не подходитъ къ репертуару театра. Это и было заявлено автору; но онъ, по вышесказанному праву, потребовалъ чтенія въ комитетѣ, комитетъ пьесы не принялъ (она была потомъ играна въ театрѣ «Вольвилъ»). Да и авторъ самъ былъ убѣжденъ, что комитетъ согласится съ администраторомъ; автору хотѣлось только этимъ чтеніемъ возбудить слегка газетную болтовню и приготовить пьесѣ маленькую рекламу. Въ Германіи даже такого полуфиктивного комитета для выбора поступающихъ въ театръ пьесъ нигдѣ нѣтъ. Весь выборъ пьесъ рѣшается исключительно интендантами, директорами, режиссерами и ихъ чтецами. Такъ какъ тутъ репертуаръ болѣе разнообразный, то и дѣло чтецовъ ведется болѣе правильно. Чтецы эти въ Германіи даже имѣютъ своеобразное названіе «драматургъ» и работа ихъ не ограничивается одною сортировкой пьесъ: они спонсуютъ иногда еще и разныя секретарскія и режиссерскія обязанности. Знакомый мнѣ драматургъ одного изъ большихъ столичныхъ театровъ въ Германіи былъ обязанъ, сверхъ просмотра пьесъ, вести нѣкоторую кор-

респонденцію отъ имени интенданта, сочинять юбилейныя рѣчи, историческіе обзоры, сокращать для сцены пьесы и т. п. Гдѣ театръ не имѣетъ такого чтеца-драматурга, тамъ его дѣло исполняетъ режиссеръ или директоръ, по это рѣдко. Чтецы эти служатъ, какъ всѣ другіе театральныя чиновники, получаютъ жалованье (полторы, двѣ и болѣе тысячъ рублей на наши деньги) и поступаютъ на это дѣло большею частью изъ числа театралныхъ критиковъ газетъ и журналовъ. Но (по выраженію одного знакомаго мнѣ директора театра), какъ иные кронпринцы, которые строго осуждаютъ распоряженія правительства и тотчасъ мѣняютъ свои мнѣнія, когда вступятъ на тропь,—эти критики, дѣлаясь членами театральной администраціи, сами отступаютъ отъ прежнихъ своихъ газетныхъ придирчивыхъ и бапальныхъ сужденій. И такъ, обыкновенная процедура поступленія пьесы на сцену въ Германіи такова: авторъ сдаетъ рукопись агенту, тотъ ее печатаетъ (спеціально и исключительно для сцены) и разсылаетъ по театрамъ; тутъ пьесы прочитываетъ драматургъ и сортируетъ,—однѣ вовсе отвергаетъ, другія, сомнительныя и лучшія, передаетъ режиссерамъ; эти перечитываютъ избранныя, дѣлаютъ новую сортировку и передаютъ вновь избранныя директору или интенданту, который прочитываетъ предъявленные ему пьесы и окончательно рѣшаетъ, что ставить. Конечно, и тутъ бываютъ исключенія относительно пьесъ извѣстныхъ авторовъ или пьесъ, прогремѣвшихъ успѣхомъ на другомъ театрѣ,—таковыя пьесы иногда прямо попадаютъ въ высшую инстанцію. Дѣло драматурга очень большое, трудное и сложное. Знакомый мнѣ драматургъ большого столичнаго театра говорилъ, что къ нему поступаетъ до 900 пьесъ въ годъ, изъ нихъ только 50 переходятъ къ режиссерамъ и не болѣе 20 къ интенданту.¹ Обо всѣхъ пьесахъ надо составить письменное заключеніе и отвѣтить авторамъ. Для этого нужна извѣстная сметка и навыкъ, даже въ чтеніи, чтобы сразу видѣть, что театру негодно. Даже относительно лучшихъ пьесъ, избранныхъ, драматургу приходится указывать своего рода цензурныя взгляды. Каждый придворный театръ имѣетъ свои нравы и что пригодно одному, не всегда пригодно другому. Напримѣръ, въ католическихъ городахъ въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ нападки на папство даже историческое считаются неудобными, тогда какъ въ Берлинѣ на это не обращаютъ вниманія. Большое требованіе повсюду въ Германіи хорошихъ опытныхъ чтецовъ-драматурговъ заставило въ послѣднее время нѣкоторыхъ литераторовъ прямо готовиться на это дѣло.

Я прохожу безъ обсужденія цензурованіе пьесъ въ иностранныхъ театрахъ. Хотя театральная цензура существуетъ почти всюду, но вообще она слишкомъ мало стѣснительна, чтобы о ней говорить. Въ Германіи директора даже могутъ ставить пьесы на свой страхъ, но часто предпочитаютъ сами обращаться къ театральной цензурѣ (при полиціи), чтобы не имѣть непріятности неожиданной остановки спектаклей послѣ первыхъ представленій пьесы. Область жизни, изъ которой могутъ черпать иностранные авторы свое творчество, такъ широка, что только дивнись, какъ это

сцена затрогиваетъ такъ мало глубокихъ общественныхъ вопросовъ и все треплетъ сюжеты узкихъ, буржуазныхъ мелкихъ конфликтовъ, вытекающихъ изъ столкновений единичныхъ характеровъ. Тутъ опять доказательство коммерческой постановки дѣла: авторы потакаютъ вкусамъ публики и торопятся писать наскоро, чтобы скорѣе получить барышъ со своихъ произведеній. Стѣсненія цензурныя существуютъ больше относительно мѣста исполненія пьесъ. Такъ, инымъ театрамъ, правительственнымъ и придворнымъ, вмѣняется въ обязанность держаться извѣстной общей программы, въ которую могутъ и не войти даже хорошія пьесы. Оттого представленія *Термидора* Сарду въ театрѣ французской комедіи были остановлены, тогда какъ, если бы пьеса была играна на другомъ парижскомъ театрѣ, не субсидированномъ, она бы давалась безпрепятственно. Очень талантливая драма Фитгера *Вудъма* не была принята придворнымъ берлинскимъ театромъ, а играна труппой мейнингенцевъ. *Честъ* Судермана не попала на придворные театры Берлина, Вѣны и Мюнхена. Но такого рода цензурная щепетильность существуетъ только въ тѣхъ столицахъ, гдѣ рядомъ съ правительственнымъ театромъ есть хорошіе частные; туда и попадаютъ отвергнутыя пьесы; въ маленькихъ столицахъ придворные театры такихъ стѣсненій не дѣлаютъ и, стало быть, выдающаяся пьеса всегда и вездѣ найдетъ себѣ мѣсто. Нѣмецкіе авторы особенно счастливы большимъ количествомъ столичныхъ субсидированныхъ театровъ, благодаря которымъ даже какое-нибудь пристрастное начальство невозможно. Въ началѣ 50-хъ годовъ нашего столѣтія германскій интендантъ Гюльзенъ, человѣкъ грубовато-военнаго режима, не принявъ на сцену комедію Фрейтага *Журналисты*, даже и читать пьесу не хотѣлъ, а прямо сказалъ: «Журналисты и такъ мнѣ слишкомъ много непріятностей надѣлали, чтобы мнѣ же ихъ еще выводить на сцену». Но пьеса обошла всю Германію и придворному берлинскому театру, все-таки, пришлось ее поставить.

XIV.

Изъ вышеприведенныхъ цифръ видно, въ какой мѣрѣ вообще за границей (въ Европѣ) публика посѣщаетъ театръ. Большой приливъ ея значительно облегчаетъ веденіе дѣла. Приглядитесь къ публикѣ театровъ Парижа, Лондона, Берлина, Вѣны, Стокгольма, Мадрида,—вы увидите въ нихъ людей всѣхъ званій, профессій и сословій. Министръ и рабочій, докторъ и блоншевка, солдатъ и аристократка, не говоря уже о литераторахъ,—они находятъ и охоту, и время побывать въ театрѣ. Чтобы тамъ, какъ-нибудь, могъ найтись какой-нибудь литераторъ, который за цѣлый годъ не побывалъ бы ни разу въ театрѣ, это было бы безсмыслицей, небытией, считалось бы такимъ же невѣжествомъ, какъ сухая работа педанта, чуждаго, не желающаго ничего знать далѣе своей узкой спеціальности. И это никакъ не отъ того, что тамъ театръ особенно процвѣтаетъ, что особенно хороши пьесы и всегда хорошо разыграны,—нѣтъ, это просто по

общему уровню культуры, по той же причинѣ, по которой тамъ и газета, и журналъ, и книга находятъ больше читателей, чѣмъ у насъ, почему не только молодежь, но и старики умѣютъ развлечь себя и безъ карточной игры, этого величайшаго врага театра *). Въ Германіи постоянный спросъ на театральныя представленія выясняется, между прочимъ, абонемен- тами, существующими во всѣхъ субсидированныхъ театрахъ. Абонементы открываются и въ Парижѣ въ театрѣ французской комедіи, и въ Одеонѣ, по тамъ это просто подписка на известную серію представлений, большую частью классическихъ произведеній. Въ Германіи можно абонироваться на всѣ представленія всего года, — это называется полный абонементъ, или на всѣ представленія черезъ день (половинный абонементъ), или на каждое четвертое представленіе (четвертной). Понятно, что при такихъ абоне- ментахъ нѣтъ возможности чередовать спектакли такъ, чтобы одна и та же пьеса не была повторена нѣсколько разъ, но это и не представляетъ никакихъ неудобствъ, такъ какъ для этого существуютъ разнаго сорта абоненты. Въ Вѣнѣ, наприм., богатые аристократическія семейства абонируются, чтобы всегда имѣть ложу къ своимъ услугамъ, не стѣняясь заботой о покупкѣ мѣста; эта ложа—ихъ собственность: когда они сами не идутъ, они приглашаютъ туда знакомыхъ или отдаютъ ложу въ распоряженіе своимъ подчиненнымъ: управляющимъ, секретарямъ, иногда просто прислугѣ, которая продаетъ ложу на тотъ или другой спектакль, и т. п. Въ Испаніи такого рода владѣнія ложами доходятъ до обычаевъ, не имѣющихъ ничего общаго съ искусствомъ. Тамъ въ иныхъ театрахъ ложа есть какъ бы маленькая квартира, нанятая иногда цѣлымъ обществомъ. Ее и аванъ-ложу наемщики отдѣлываютъ роскошно, сообразно своему вкусу, заходятъ туда на весь вечеръ или на короткое время, иногда не выходя изъ аванъ-ложи, гдѣ ужинаятъ, разговариваютъ. Въ Берлинѣ инныя гостиницы абонируются въ театрѣ, чтобы всегда имѣть возможность достать мѣсто останавливающе- муся у нихъ проѣзжему. Половинные и четвертные абонементы разбираются нѣсколькими семействами вмѣстѣ, чтобы заручиться на весь годъ цѣлымъ рядомъ театральныхъ вечеровъ. На кресла рѣдко абонируются, но относи- тельно ихъ бываютъ особаго рода условія. Наприм., въ Вѣнѣ за известную плату (50 гульденовъ для двухъ театровъ, драматическаго и опернаго) покупается право, по которому всегда можно получить (купить) заранѣе опредѣленное мѣсто, если возьмешь его до 10 часовъ утра наканунѣ пред- ставленія. Одна продажа этого права даетъ вѣнскому придворному драма- тическому театру до 30,000 гульденовъ въ годъ. Съ точки зрѣнія серьезнаго искусства, эта матеріальная выгода приноситъ свой вредъ. Публика на всѣхъ первыхъ представленіяхъ подбирается всегда одна и та же, изъ людей бо- гатыхъ, избалованныхъ жизнью, мало чуткихъ къ художественному твор- честву, и это нѣсколько отражается на успѣхѣ пьесъ. Но, вообще говоря,

*) За границей въ карты играютъ почти исключительно по клубамъ, азартной игрой, и далеко не большою процентъ населенія, но такой повальной эпидеміи кар- точной игры, которая какимъ-то проклятіемъ лежитъ на нашей странѣ, нигдѣ нѣтъ.

абонементы очень облегчаютъ дѣло. Въ Берлинѣ, наприм., сборъ въ 900 марокъ (450 руб.) всегда заранѣе обезпеченъ и это уже даетъ возможность не слишкомъ думать о сборахъ; да и съ другой стороны, если билетъ купленъ заранѣе, на весь годъ, зритель идетъ въ театръ даже когда онъ не особенно къ тому расположенъ, и, встрѣчая тамъ отдохновеніе отъ усталости, развлеченіе въ минуту печали, привыкаетъ любить и цѣнить театральное искусство. При такой счастливой постановкѣ театра къ нему можно быть требовательнымъ.

Критика должна бы быть руководительницей этихъ требованій, но, къ несчастью, это мало гдѣ видно. Газетные рецензенты, даже въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, рѣдко могутъ отрѣшиться отъ личныхъ симпатій и антипатій, дѣйствительно быть объективными, входить во всѣ детали сложнаго дѣла спектакля, выбрать лучшія его стороны, указать на то, что обыкновенному глазу не сразу замѣтно. Театральный критикъ особенно бываетъ нервень и раздражителень. Разбирая книгу дома, спокойно, критикъ болѣе можетъ дать себѣ отчета въ испытанномъ впечатлѣніи; онъ чуждъ посторонняго вліянія; онъ не видитъ передъ собой автора, не знаетъ, какимъ гонораромъ оплачена книга и много ли она расходится, и гдѣ, въ какой гостинной, кабинетѣ, на чердакѣ или въ подвалѣ, и въ какой мѣрѣ увлекается ею тотъ или другой читатель. Въ театрѣ все на виду: автора вызвали, актера вызвали, они стояли подъ рукоплесканіемъ толпы и это (чисто-мишурное) торжество рѣжетъ глаза. Не въ мѣру выказанный восторгъ превращаетъ равнодушіе критика въ неудовольствіе, неудовольствіе въ негодованіе. Шумный успѣхъ рождаетъ мысль о матеріальныхъ выгодахъ автора, которыя сплошь и рядомъ кажутся большими, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Антипатія къ автору инстинктивно побуждаетъ приписать актеру то, что дано ему авторомъ, антипатія къ актеру наоборотъ. Критикъ смотритъ спектакль не одинъ, онъ окруженъ публикой, настроеніе публики онъ можетъ принять за свое собственное; въ антрактѣ подойдетъ къ нему тотъ и другой, одинъ подчеркнетъ недостатокъ, другой взмылитъ слабое достоинство. Самому безпристрастному критику трудно тутъ сдержатъ равновѣсіе строгаго обсужденія, принять во вниманіе причины свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ и указать на нихъ. Чего же послѣ этого ждать отъ тѣхъ критиковъ, которые, случайно попавши въ положеніе безнаказаннаго лектора, ставши на кафедрѣ распространенной газеты, въ зависти къ чужому успѣху, усаждаются хоть тѣмъ, что могутъ отравить или уменьшить этотъ успѣхъ, и еще болѣе чего ждать отъ критиковъ, являющихся въ театръ съ предвзятыми мыслями и руководящихся низменными цѣлями? Повторяю: самому честному, самому безпристрастному критику легко впасть въ ошибку, если онъ не сумѣетъ сдержаться отъ личныхъ настроеній. Между тѣмъ, дѣло критики, идущей объ руку съ театромъ въ честномъ стремленіи къ добру и правдѣ,—великое дѣло. Критика можетъ досказать то, что случайно или по недостатку недосказано авторомъ и актеромъ; критика можетъ пояснить то, что не каждому еще понятно, развить художественное чутье, помочь

зрителямъ въ ихъ способности эстетически наслаждаться. Театръ и критика—это два родные брата, которые должны бы выступать на встрѣчу обществу въ объятіяхъ теплой любви другъ къ другу, съ единою проповѣдью на устахъ; но, увы, именно близкое-то племенное родство и носить въ себѣ часто зародышъ вражды и ссоры.

Намъ часто кричать о продажности иностранной прессы. Въ дѣлѣ театральнѣй критики, сколько я могъ замѣтить, самая низкая продажность существуетъ въ Германіи. Я не буду повторять того, что мнѣ приходилось читать и слышать о нѣмецкой театральнѣй критикѣ. Гадкія наклонности, которыя тутъ сказываются, поистинѣ очень печальны и добрымъ честнымъ стремленіямъ съ ними бороться не легко. Въ Англіи какъ театръ, такъ и критика сведены на дѣловую коммерческую почву. На помянутой выше афишкѣ Дрюриленскаго театра припечатаны выдержки изъ 23 газетъ, не исключая *Теймса* и *Дэли-телеграфа*, объ исполняемой въ театрѣ сенсаціонной драмѣ *Блудная дочь*, и всѣ эти отзывы, по преимуществу, восхваляютъ изумительно-вѣрную постановку на сценѣ скачекъ среди хода драмы. Предоставляю всякому самому судить, каковы цѣли и смыслъ подобной критики. Продажность французской критики не могла, все-таки, заглушить культурности страны и прирожденныхъ ей эстетическихъ стремленій. Театральные рецензенты большихъ солидныхъ газетъ, большею частью, люди, имѣющіе серьезное литературное имя и дорожащіе своею репутаціей (Леметръ, Сарсе); у нихъ свои взгляды, свои странности, но эти критики постоянно поддерживаютъ въ публикѣ интересъ къ театру, да и вообще вся пресса объ этомъ старается. Газеты пользуются въ театрахъ широкими правами на даровыя мѣста, за то въ свою очередь, оплачиваютъ за эту любезность самымъ ревностнымъ вниманіемъ. Все, что затѣвается театрами: подробности постановокъ и обстановокъ, надежды и ожиданія, — все заносится въ газеты съ интересомъ и сочувствіемъ. Французская пресса всегда склонна скорѣе поднять успѣхъ представленія, чѣмъ его умалить и низвергнуть грубою бранью. Этого мало: бывають случаи, гдѣ пресса принимаетъ во вниманіе закулисныя причины неуспѣха. Театръ Пале-Рояля искони славился стариками-комиками; когда они перемерли и имъ на смѣну не нашлось другихъ, критика начала было нападать на театръ, но дирекція театра объяснила газетамъ, что не откуда взять актеровъ, если ихъ не народилось: «дайте, молъ, театру присмотрѣться, оправиться отъ потерь»,—и газеты перестали нападать. Тутъ даже есть своего рода національная гордость: французу критику, даже пристрастному, было бы слишкомъ больно грязнить въ глазахъ публики дѣло своего французскаго театра. Оттого театральнѣй критикъ во Франціи большею частью пріятель театровъ и ихъ добрый гость, тогда какъ въ Германіи, это—«гость хуже татарина», котораго встрѣчаютъ, какъ неизбежное зло, и провожаютъ недобрымъ словомъ. Не такъ давно собравшіеся въ Парижѣ директора театровъ подняли было вопросъ о злоупотребленіи прессы даровыми мѣстами, но тотчасъ же его заглушили, въ виду большой пользы, приносимой прессою театрамъ. Во Франціи даже упа-

докъ театра не дастъ критикѣ забывать мудраго правила: нельзя гнать людей изъ храма, воздвигнутаго во имя святыхъ, только за то, что туда случайно набрались глупые жрецы, читающіе не особенно полезныя проповѣди.

XV.

Я укажу еще на нѣсколько условій, отъ которыхъ часто зависитъ и успѣхъ, и неуспѣхъ дѣла.

Зданіе театра, акустика и величина зрительной залы играютъ не малую роль въ художественномъ единеніи всего спектакля. На слишкомъ маленькой сценѣ рѣжутъ глаза и грубость декорации, и яркость грима, на слишкомъ большой пропадаетъ мимика актера и необходимый подъемъ голоса сильно затрудняетъ тонкіе оттѣнки дикціи. Это вѣчная ошибка публики при оцѣнкѣ дарованій той или другой труппы, что не принимаютъ во вниманіе театрѣ, въ которомъ играютъ тѣ и другіе, и какъ часто бывало, что артистъ, гремѣвшій знаменитостью на одной сценѣ, стушевывался, попадая на другую. Какъ ни плохъ былъ старый вѣнскій Бургъ-театрѣ, актеры его сильно жалѣютъ о немъ съ тѣхъ порѣ, какъ имъ пришлось переселиться въ новое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ отстроенное зданіе. Новый театрѣ стоилъ огромныхъ денегъ, онъ великолѣпенъ по отдѣлкѣ, но актерамъ играть въ немъ не такъ удобно: онъ великъ и глухъ. Мнѣ указывали даже на нѣсколько ложъ съ двухъ сторонъ залы, изъ которыхъ такъ плохо видно, что онѣ часто остаются пустыми. Зданіе театра вліяетъ иногда и на подборъ публики, такъ какъ при очень большихъ театрахъ въ верхнихъ ярусахъ устраиваются весьма дешевыя мѣста, наполняющіяся зрителями крайне низкаго уровня развитія, и они своими одобреніями и порицаніями всегда поддерживаютъ болѣе грубыя проявленія толпы, наполняющей залу. Вообще настроеніе публики въ зрительной залѣ заразительно. Это очень хорошо знаютъ торгаши театральнаго дѣла, допустившіе въ театрѣ, въ публику, наемныхъ хлопатьщиковъ, клаку, какъ ихъ зовутъ французы, чѣмъ не брезгаетъ ни одинъ французскій театрѣ, не исключая театра французской комедіи. Нерѣдко бываетъ, что иной любитель театра, видя одну и ту же пьесу въ Парижѣ и въ Петербургѣ, просто не узнаетъ ее. То же исполненіе, тѣ же актеры, но впечатлѣніе не то,—тутъ ужъ прямо вліяніе причинъ, постороннихъ сценѣ. Вся эта веселая толчея уличной жизни Парижа, его мягкій воздухъ, яркое солнце и толпа, шумно пѣшкомъ прихлынувшая, чтобъ беззаботно повеселиться, — все это вмѣстѣ захватываетъ зрителя и онъ смѣется всякимъ глупостямъ, ему кажется милымъ всякій вздоръ; но когда тотъ же вздоръ ему приходится видѣть въ петербургскомъ Михайловскомъ театрѣ, куда публика наѣхала въ каретахъ и на извозчикахъ, съ мороза или изъ-подъ вьюги, снимала шубы, платки и калоши, чтобы только уѣсться,—всѣ эти приготовленія такимъ гнетомъ ложатся на общее настроеніе, что тотъ же вздоръ зрителю отзывается пошлостью и скукой. Климатъ и погода вообще очень важная вещь

въ театральномъ дѣлѣ. Одинъ мой знакомый остроумно замѣтилъ, что климатъ, можетъ быть, даже прямо способствуетъ любви къ театру и посѣщеніямъ его публикой во Франціи, Италіи, Испаніи, Австріи. Гдѣ-нибудь на югѣ, при тамошней системѣ построекъ, жители иногда не могутъ добиться тепла выше 10° Цельсія; они поневолѣ бѣгутъ въ кофейную, въ клубъ, въ театръ, чтобы согрѣться въ толпѣ. У насъ въ Россіи такъ тепло у себя въ домѣ, такъ холодно на дворѣ, что надо себя немного подтолкнуть, чтобы выѣхать куда-нибудь. Оттого и карты въ частныхъ квартирахъ у насъ такъ упрочились. Это шутовское объясненіе имѣетъ свою долю правды. Климатъ дѣйствуетъ на все. При скверномъ климатѣ нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, полуторную труппу артистовъ, потому что всегда надо разсчитывать на внезапную болѣзнь того или другого. Да и нездоровье публики тоже очень губительно отражается на спектаклѣ. Когда въ гнилой зимній вечеръ театръ наполняется простуженными зрителями, которые безпрестанно покашливаютъ, нужны двойныя силы, авторскія и актерскія, чтобы увлечь такую толпу. Вообще публика свѣжая, здоровая, не усталая много помогаетъ успѣху дѣла, она и сама воспримчивѣе, и своимъ оживленіемъ поднимаетъ силы и творчество актера; потому надо дѣлать все, чтобы сохранить публику таковою, облегчить ея впечатлительность. Хорошая вентиляція въ театрѣ—важное условіе успѣха спектакля; лучше пренебрегать всякими украшеніями театра, отдѣлкой ложъ и креселъ, лишь бы въ залѣ дышалось хорошо. Электрическое освѣщеніе много этому помогаетъ; но оно нѣсколько дурно дѣйствуетъ на глаза актеровъ. Въ числѣ причинъ утомленія зрителя не малое значеніе имѣютъ длинные антракты. Публика отъ длинныхъ антрактовъ разсѣивается, скучаетъ, впечатлѣніе спектакля расхолаживается и даже является нѣкоторое раздраженіе, обрушивающееся на неповиннаго автора и актеровъ. Въ Парижѣ спектакли начинаются очень поздно (главная пьеса всегда въ 9 часовъ) и антракты мучительно длинны. Впрочемъ, тамъ это менѣе замѣтно, такъ какъ публика выходитъ на улицу курить и въ кофейныя или читаетъ газеты въ антрактахъ. Меня всегда удивлялъ этотъ нелѣпый обычай: какъ можетъ быть полно эстетическое наслажденіе спектаклемъ, когда отъ какой-нибудь потрясающей трагической сцены въ антрактѣ переходишь къ гривуозному фельетону или отъ веселаго поэтического діалога къ судебному разбирательству кроваваго убійства? Инстинктивно французы сами сознаютъ неудобства длинныхъ антрактовъ; въ этомъ лежитъ причина, почему въ послѣднее время авторы стараются писать свои пьесы въ трехъ актахъ, дѣлая акты длинными (иногда въ цѣлый часъ и болѣе), разбивая вечеръ на три большія части двумя антрактами, которые въ такомъ случаѣ уже не утомляютъ. Въ Лондонѣ, гдѣ вообще постановочная часть доведена до совершенства, большіе акты разбиваются такъ называемыми чистыми перемѣнами, сцена мгновенно дѣлается совершенно темною и быстро мѣняется вся декорація. Я видѣлъ однажды, какъ цѣлая комната съ полною обстановкой въѣхала въ темнотѣ взамѣнъ другой и тотчасъ опять былъ пущенъ

свѣтъ. Самая наилучшая система спектаклей существуетъ въ Германіи. У нѣмцевъ спектакль всегда начинается въ 7 часовъ и оканчивается около десяти. Въ Вѣнѣ обязательно за $\frac{1}{4}$ часа до десяти, потому что тамъ въ 10 часовъ запираются всѣ ворота домовъ и потомъ уже опаздывающій жилецъ или гость принужденъ платить по 10 крейцеровъ (около 9 коп.) всякій разъ, какъ ему отпираютъ; оттого всѣ стараются въ 10 часовъ уже быть дома. Быстрота спектакля достигается тѣмъ, что большихъ антрактовъ въ 10 или 12 минутъ устраивается только одинъ или два въ вечеръ. Другіе антракты очень коротки, въ три-четыре минуты, и служатъ только для перемѣны декорацій. Объ этомъ публика прямо извѣщается въ афишахъ и не расходится изъ залы въ малыхъ антрактахъ.

Такъ безконечно разнообразны причины, по которымъ является большій или меньшій успѣхъ въ тотъ или другой день въ томъ или другомъ мѣстѣ. Творчество актера можетъ зависѣть отъ того, что сапогъ жметъ, что актеру передъ выходомъ сказали непріятность и проч., и проч., отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ причинъ, и чѣмъ болѣе ихъ, тѣмъ болѣе расшатано бываетъ общее дѣло. Оттого строгій порядокъ на сценѣ—первая вещь и отъ дерекціи требуется большая выдержка, чтобы упрочивать каждый спектакль не однимъ первымъ представленіемъ, по которому, къ несчастію, публика привыкла судить, а цѣлымъ рядомъ ихъ, упорствуя и совершенствуя, и тутъ критика можетъ быть всегда честною и благородною помощницей театру въ его добрыхъ стремленіяхъ, встрѣчающихъ неожиданныя препятствія.

Я кончаю мою статью съ сожалѣніемъ: я не высказалъ и половины того, что могъ и хотѣлъ бы сказать, я долженъ былъ выпустить массу фактическихъ доказательствъ, поясненій, подтвержденій. Я боялся, что большія подробности своею длиннотою нѣсколько отпугнуть читателя и изъ-за нихъ пропадетъ и то, что мнѣ особенно дорого было заявить. Нельзя не видѣть, что, въ ряду другихъ государственныхъ учреждений, театръ, хотя, можетъ быть, и младшее дитя семьи, все-таки, не есть явленіе случайное, развлеченіе праздныхъ людей, не стоящее глубокаго вниманія и теплыхъ заботъ. Театръ есть органическая потребность общества, которая можетъ быть направлена и къ добру, и ко злу. Очень тонко вліяніе литеатуры на публику, указать его грубыми яркими примѣрами трудно, и всякій примѣръ вызоветъ споры; но это вліяніе, все-таки, громадно, оно ложится часто неуслѣдимою окраской на общую жизнь. Общество, какъ и отдѣльнаго человѣка, можно ко многому пріучить и отъ многого отучить. Во время моихъ путешествій одинъ французскій офицеръ, рассказывая объ ужасахъ коммуны, передавалъ мнѣ такой случай: однажды разстрѣливали какого-то коммунара; флажковый brave солдатъ, которому въ числѣ другихъ пришлось цѣлиться въ связаннаго осужденнаго, едва началъ поднимать ружье, какъ вдругъ грохнулся на полъ и лишился чувствъ. И этотъ же солдатъ, впоследствии, когда попривыкъ къ человѣческой крови, разстрѣливалъ

другихъ коммунаровъ, какъ тетеревей. Во дни нашего крѣпостного права, среди страшныхъ жестокостей крѣпостного гнета, встрѣчалось не мало и добрыхъ помѣщиковъ. Но если теперь мы воскресимъ въ памяти жизнь и распоряженія этихъ добрыхъ людей, мы увидимъ, что, при всей ихъ дѣйствительной добротѣ, и они позволяли себѣ многое, отъ чего современный человѣкъ отвернется съ омерзѣніемъ. Общая привычка къ безправію и насилію заражала и лучшихъ людей, ихъ зрѣніе притуплялось отъ кровавой яркости общаго зла, они не чуяли своихъ преступленій рядомъ съ преступленіямъ неизмѣримо большими. Вотъ эту чуткость и наклонность къ хорошему и дурному и можетъ будить или усыплять литература, зарабатывая себѣ благословеніе или проклятіе въ тѣхъ радостяхъ или печаляхъ человѣчества, которыя являются слѣдствіемъ ея вліянія. Театръ въ этомъ отношеніи одинъ изъ самыхъ сильныхъ дѣятелей, потому что это литература живая, соединяющая въ себѣ и мысль, и рѣчь, и выраженіе ея музыкой голоса, и картинную иллюстрацію факта. Съ этой точки зрѣнія театръ есть такое же, достойное общаго вниманія, государственное дѣло, какъ многія другія. Да не сочтется парадоксомъ, если я скажу, что въ вырожденіи французской націи, о чемъ въ послѣднее время такъ много говорено, значительную вину должно приписать разнузданности театра и литературы, твердящимъ безпрестанно на всѣ лады о наслажденіяхъ сластолюбія, украшающимъ красотой и изяществомъ всякій развратъ, пріучающимъ ежеминутно публику смотрѣть на развратъ, какъ на нѣчто очень милое и добродушное. Не мало можно привести подобныхъ крупныхъ примѣровъ, какъ, по привычкамъ общежитія, притупляется чуткость къ добру и злу; но примѣры мелкіе, повседневные еще многочисленнѣе, ихъ даже выслѣдить не всегда возможно.

Люди, которымъ дорога культура ихъ отечества, не могутъ равнодушно и небрежно относиться къ такому живому и громадному дѣлу, какъ театръ. Если они хозяева театра и распорядители, они не остаются простыми начальниками, а дѣлаются главными работниками и съ упорствомъ преслѣдуютъ добрыя цѣли общаго труда, по обдуманной и опытомъ provato системѣ. Если они актеры, они ревниво заботятся объ общемъ процвѣтаніи дѣла и подавляютъ въ себѣ, насколько могутъ, хотя и очень естественное, но и печальное чувство ложнаго самолюбія. Если они авторы, они не продаютъ ни за какія деньги святыни творчества дурнымъ и вреднымъ наклонностямъ публики. Если они писатели-критики, они умѣютъ отрѣшиться отъ личныхъ симпатій и антипатій, умѣютъ искать всего хорошаго и полезнаго, указать на него публикѣ, не разбиваютъ дѣло и помогаютъ его созиданію каждый по мѣрѣ силъ. Нельзя требовать ни отъ кого больше таланта, чѣмъ у него есть, и каждому свое мѣсто—по силѣ дарованія. Но чего требовать можно и должно, такъ это добросовѣстнаго отношенія къ своему дарованію, жажды наслаждаться приносимой пользой, а не личными, всегда болѣе или менѣе призрачными, выгодами. Наконецъ, публика въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей—людей науки,

искусства, литературы, въ силу одного желанія блага себѣ и ближнему, не должна бы спокойно отворачиваться отъ театра, даже при видѣ его несовершенствъ и неудачнаго веденія дѣла. Именно эти-то люди и обязаны своимъ участіемъ отмѣчать хотя бы небольшія проблески хорошаго, а не огуломъ отталкивать отъ себя все. Толпа часто не можетъ отличить серьезнаго театральнаго труда отъ лубочной рыночной сценической работы, а если, къ тому же, и люди болѣе тонкаго вкуса одинаково равнодушно отворачиваются и отъ того, и отъ другого,—серьезный трудъ дѣлается невозможнымъ; онъ гаснетъ подъ наплывомъ грубыхъ [потачекъ толпы],—и все это на совѣсти у лучшей публики, у людей наиболѣе развитыхъ. Поддерживайте хорошія стремленія и они будутъ появляться чаще и чаще, и театръ будетъ совершенствоваться на радость и пользу всѣмъ. Большихъ и прекрасныхъ результатовъ могли бы добиться взаимныя и честныя усилія распорядителей, актеровъ, авторовъ, критики и публики. Гдѣ та страна, въ которой личныя страсти, привычки и слабости приносятся на жертву оошему дѣлу? Пускай нигдѣ ея нѣтъ; но говорить объ этомъ никогда не лишнее.

Викторъ Крыловъ.

Гёте и Шарлотта фонъ-Штейнъ.

Георга Брандеса.

I.

Исторія учитъ насъ, что для выдающагося человѣка нѣтъ ничего опаснѣе близкаго знакомства съ женщиной-писательницей. Если онъ не любитъ ея, это плохо: въ такомъ случаѣ она нерѣдко пользуется перомъ, чтобы отомстить равнодушному. Если онъ разлюбилъ ее, это еще хуже. Тогда отвергнутая женщина обыкновенно еще съ большею жестокостью мститъ ему посредствомъ своего пера. Подчасъ даже и то обстоятельство, что первоначально онъ выбралъ себѣ подругу изъ числа не прикосновенныхъ къ литературѣ женщинъ, не можетъ спасти его. Ибо досада на то, что она безсильна приковать его къ себѣ навѣки, побуждаетъ ее порой взяться за перо и слишкомъ часто нелитературную даму дѣлаетъ литературной; она можетъ написать хоть одну книгу, книгу о вѣроломномъ другѣ.

Такимъ образомъ, негодованіе на Байрона сдѣлало писательницей лэди Каролину Лэмъ (Lamb). Въ романѣ *Гленарвонъ* она изобразила его демономъ лицемѣрія и злобы.

Тѣ, которыя уже раньше выступали на литературномъ поприщѣ, конечно, еще охотнѣе прибѣгаютъ къ перу. Несчастный геній, по той или другой причинѣ разлюбившій такую женщину, долженъ сплошь и рядомъ разсчитывать, что она не преминетъ выставить предъ современниками и потомками его портретъ, далеко для него не лестный. Не подлежитъ сомнѣнію, что мужчины-писатели слишкомъ часто выказываютъ недостатокъ рыцарскихъ чувствъ по отношенію къ женщинамъ, которыя ихъ отвергли; но, съ одной стороны, они рѣдко имѣютъ счастье или несчастье встрѣчаться съ знаменитыми, высокодаровитыми женщинами, съ другой—послѣ разрыва съ женщиной, нѣкогда плѣнившей ихъ сердце или властвовавшей надъ ними, они рѣдко отказываютъ ей во всякихъ способностяхъ и добрыхъ свойствахъ. Женщинамъ-писательницамъ, наоборотъ, по большей части доставляетъ удовольствіе отрицать въ нѣкогда любимомъ, а затѣмъ ненавистномъ человѣкѣ какъ честность характера, такъ и талантъ, не говоря уже о геніи.

Когда умеръ Мюссе, Жоржъ Зандъ дала ужасное, отталкивающее своею живостью изображеніе его личности и его отношеній къ ней. Когда умиралъ Шопенъ, она представила его слабымъ и до безумія пелѣнымъ и капризнымъ ребенкомъ. Какихъ только портретовъ своихъ ни встрѣчалъ въ беллетристикѣ Францъ Листъ, самый опасный мужчина для женщинъ того времени! Его старинная пріятельница, графиня д'Агу, написала въ *Немидъ* карикатуру на него, возбуждающую отвращеніе къ самому автору. Она дошла здѣсь до того, что рѣшилась отказать ему даже въ творческомъ дарованіи. А много лѣтъ спустя анонимная сочинительница разсказа *Histoire d'un cosaque* выходила изъ себя по поводу безсердечія прославленнаго художника, — безсердечія, заключавшагося въ томъ, что, несмотря на многократныя поощренія, его поклонница не могла добиться отъ него ни малѣйшей взаимности.

Въ новѣйшее время Гюставъ Флоберъ далъ намъ яркій образецъ того, какъ карается любовь къ музѣ, или, лучше будетъ, пожалуй, сказать, какъ можетъ поплатиться великій поэтъ за то, что во-время не отвергъ страсти, питаемой къ нему музой. Письма Флобера къ госпожѣ Колѣ, несмотря на искреннюю преданность, о которой они свидѣлствуютъ, обнаруживаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что во время многолѣтняго знакомства она занимала наступательную позицію, а онъ — оборонительную. Она оскорбляется его рѣдкими посѣщеніями, положительно ревнуетъ его къ упорной и, какъ ей кажется, безплодной работѣ, которая удерживаетъ его вдали отъ нея. И когда ихъ отношенія порвались, она съ полною энергіей приступаетъ къ мести. Сперва въ *Histoire d'un soldat*, потомъ въ своей книгѣ *Lui*, она изображаетъ Флобера безсердечнымъ, алчнымъ, себялюбивымъ человекомъ, и, кромѣ того, совершенно лишеннымъ поэтическаго чувства и бездарнымъ писателемъ; больше того, она посылаетъ ему на домъ письма, гдѣ упрекаетъ его, никогда не приходившаго въ соприкосновеніе съ Тюильрійскимъ дворцомъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ пресмыкательствѣ передъ «тираномъ».

II.

И даже величайшая личность новѣйшей литературы, личность Гёте, не избѣгла этой общей участи. Его примѣръ поучителенъ, онъ даетъ матеріалъ для размысленія, а сколько я знаю, надъ нимъ пока еще не много философствовали.

Изъ женщинъ, получившихъ извѣстность благодаря ихъ близости къ Гёте, ни одна не имѣла для него такого громаднаго значенія, какъ Шарлотта фонъ-Штейнъ. Четырнадцать лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ самой задушевной дружбѣ съ ней, и изъ нихъ первыя десять (1776—1786 г.) положительно находился подъ ея вліяніемъ. Мы видимъ, какъ въ эти десять лѣтъ, простирающіяся отъ его пріѣзда въ Веймаръ до его путешествія въ Италію, онъ, въ качествѣ ея поклонника, ученика, друга, воз-

любленнаго и пѣвца, пріобрѣтаетъ утонченность и силу при всей этой утонченности, величіе и увѣренность, которыми, по его мнѣнію, онъ былъ обязанъ ей, но которыми она сама рѣшительно не обладала.

Если онъ былъ ей чѣмъ-нибудь обязанъ, такъ именно этимъ убѣжденіемъ. Она внушила его буржуазному юношѣ-патрицію, потому что за ней были преимущества родовитости, высшаго знанія свѣта и аристократической осанки и тона, которымъ нельзя научить. Въ это десятилѣтіе Гёте почти не развивался какъ поэтъ. Какъ ни мелки были государственныя дѣла Веймара, онъ такъ серьезно смотрѣлъ на нихъ, что приносилъ имъ въ жертву большую часть своего времени, и такъ близко принималъ къ сердцу свои обязанности къ маленькому двору, что ради его забавы тратилъ свои силы на праздничныя представленія и стихотворныя шутки. Въ этотъ періодъ его жизни его поэзія — это письма къ госпожѣ фонъ-Штейнъ. А, между тѣмъ, онъ тихо и незамѣтно, какъ это было въ его натурѣ, зрѣлъ умомъ для того идеальнаго образованія, какого міръ не видалъ еще до той поры.

Онъ завершаетъ это образованіе путешествіемъ въ Италію. Онъ упивается южнымъ солнцемъ, углубляется въ природу, памятники античнаго міра и эпохи Возрожденія, во все пластическое язычество, съ которымъ онъ чувствовалъ себя въ такомъ близкомъ духовномъ родствѣ, и возвращается въ отчизну инымъ и болѣе великимъ человѣкомъ.

Съ жгучею болью оторвался онъ въ моментъ разлуки съ Италіей отъ ея почвы. Онъ искалъ утѣшенія въ мысли о дружескихъ связяхъ, ожидавшихъ его въ Веймарѣ, но чувствовалъ, въ то же время, что приносить своимъ друзьямъ на родинѣ великую жертву. Однако, по возвращеніи, имъ овладѣло безконечное уныніе. Онъ не могъ стряхнуть съ себя угнетавшей его меланхоліи. Онъ смотрѣлъ на жителей Веймара другими глазами, видѣлъ только полуаристократическую, полумѣщанскую ограниченность. Самый климатъ сѣверной Германіи внушалъ ему ужасъ. Нѣмецкое небо было ему противно, ненастная погода дѣлала его несчастнымъ. «Когда барометръ стоитъ низко, а ландшафтъ лишень красокъ,—какъ можно жить тогда?»—пишетъ онъ Гердеру. А съ впечатлѣніемъ о непривѣтливости климата и безцвѣтности природы слилось и впечатлѣніе, произведенное плохимъ пріемомъ. «Изъ богатой образами Италіи судьба перебросила меня назадъ въ скудную ими Германію, и я долженъ былъ промѣнять свѣтлое небо на хмурое. Въмѣсто того, чтобы утѣшить меня и снова привлечь меня къ себѣ, друзья привели меня въ отчаяніе. Мое восхищеніе самыми отдаленными предметами, мои муки, моя скорбь о томъ, что я покинулъ и утратилъ, казалось, оскорбляли ихъ; я не видалъ ни проблеска участія. Никто не понималъ моего языка».

Всюду онъ наталкивался на непониманіе. Полное собраніе его сочиненій, которое задумалъ выпустить въ свѣтъ его издатель, не встрѣтило никакого сочувствія; публика перенесла на другихъ писателей свои измѣнчивыя симпатіи. Герцогъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Гёте въ Ита-

лю, порицалъ его *Эмонта*. Очевидно, что, при его пристрастїи къ французской трагедїи, его шокировала здѣсь прозаическая форма. Гердеръ, въ свое время восторгавшійся *Гёцомъ*, начиналъ теперь негодовать на свободное отношеніе Гёте къ условной морали. Римскія элегіи возбуждали въ немъ отвращеніе. Его позднѣйшіе отзывы о балладахъ *Богъ и баядерка* и *Коринѣская нѣвѣста* ужасають своею ограниченностью.

А другъ, сестра души, Шарлотта фонъ-Штейнъ, одиннадцать слишкомъ лѣтъ любимая имъ, обожаемая, прославляемая и боготворимая, какъ это рѣдко выпадаетъ на долю женщины? Нашелъ ли Гёте хоть у нея истинное пониманіе?

Онъ нашелъ лишь угрюмое настроеніе и упреки, глубокое чувство обиды на его полутороговое отсутствіе, о которомъ онъ не предупредилъ ея. Инстинктъ подсказывалъ ей, что за время, проведенное имъ въ путешествіяхъ, въ немъ произошла перемѣна, что его уже не влечетъ такъ сильно къ ней, а потому она сухо отстранилась отъ него. Она тоже не замедлила проявить себя по отношенію къ нему моралисткой. *Эмонтъ* не нравится и ей. Она не можетъ примириться съ тѣмъ, что дѣвка (*Digne*) Клэрхенъ возносится на пьедесталъ пророчицы, возвѣщающей грядущую свободу.

III.

Мы заранѣе готовы составить себѣ самое лучшее, самое высокое представленіе о Шарлоттѣ фонъ-Штейнъ; мы видимъ, чѣмъ она была для Гёте въ теченіе долгихъ лѣтъ среди умственной изолированности, въ какой онъ находился,—его мечтой, его задушевнымъ другомъ, его идеаломъ, его утѣшеніемъ. Мы знаемъ, что онъ дня не могъ прожить безъ нея. Онъ чувствовалъ потребность отдавать ей ежедневно отчетъ во всѣхъ своихъ мысляхъ и занятіяхъ. Онъ давалъ ей для прочтенія всѣ интересныя письма, какія имъ получались, безпрестанно посылалъ ей всевозможные мелкіе подарки: книги, перекики, спаржу, дичь и т. д. Объ ея сынѣ Фрицѣ онъ заботился, какъ о собственномъ ребенкѣ, и въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ совершенно замѣнялъ ему отца.

Первое время она еще не является для Гёте единою возлюбленной, а она съ своей стороны любитъ его безъ эгоизма и безъ ревности. 6 марта 1776 года онъ пишетъ: «О ты, единственная женщина, которую я люблю *въ этомъ краю*, и единственная, которая пожелала бы мнѣ счастья, еслибъ я могъ полюбить другую больше тебя! Какъ счастливъ долженъ бы я быть тогда, или какъ несчастливъ!»

Но уже вскорѣ онъ начинаетъ горько страдать отъ неполноты этихъ отношеній. Въ первые годы знакомства Шарлотта не разъ отвергала его любовь. Въ сентябрѣ 1776 г. онъ пишетъ: «Зачѣмъ мнѣ мучить тебя, безцѣнное созданіе? Зачѣмъ мнѣ обманывать себя и мучить тебя, и такъ далѣе безъ конца? Мы ничѣмъ не можемъ быть другъ для друга, а, между тѣмъ, слишкомъ много другъ для друга значимъ... Все, что я могъ бы

сказать, все это глупо,—я вижу тебя въ будущемъ такъ, какъ видятъ звѣзды».

Только въ 1781 г. онъ чувствуетъ себя вполне счастливымъ въ своей любви къ ней. Въ это время ихъ отношенія достигаютъ своей высшей гармоніи. Онъ пишетъ, что никогда еще она не была ему такъ дорога, и что только теперь онъ начинаетъ считать себя сколько-нибудь достойнымъ ея любви. Она изгнала изъ его сердца, какъ изъ разбойничьяго замка, все, что въ немъ было нечистаго. Она учитъ это сердце, завязшее въ долгахъ, быть бережливымъ, и, въ то же время, вознаграждаетъ его съ такимъ избыткомъ, какого онъ раньше не имѣлъ. 12 марта онъ пишетъ: «Моя душа срослась съ твоею; я не буду расплываться въ словахъ, но ты знаешь, что я неразлученъ съ тобою и что ничто на небѣ и на землѣ не властно оторвать меня отъ тебя. Я желалъ бы, чтобы существовала какая-нибудь клятва или какое-нибудь таинство, которое видимымъ и законнымъ образомъ засвидѣтельствовало бы, что я принадлежу тебѣ; какъ драгоценно было бы оно для меня! Въдѣ мой искусъ длился такъ долго, что я имѣлъ бы время одуматься» *).

Ея умъ «помогаетъ ему творить». Ея сердечная теплота «создаетъ вокругъ него чудный климатъ». Въ апрѣлѣ онъ такъ счастливъ, что ему хотѣлось бы «бросить свой перстень въ воду, какъ это сдѣлалъ Поликрать». Въ августѣ, въ 32-ю годовщину своего рожденія, онъ пишетъ: «Я всегда твой и у тебя; нельзя представить себѣ болѣе закрѣпощеннаго человѣка».

Его обожаніе льстило ей и до извѣстной степени завоевало ему ея благосклонность, но едва ли оно глубоко затронуло ея сердце и, во всякомъ случаѣ, не пробудило въ ней чувства, хоть сколько-нибудь похожаго на его привязанность къ ней. Женщины, которыхъ обожаютъ, не имѣютъ обыкновенія платить особенно горячею взаимностью. Онѣ принимаютъ, какъ должную дань, такъ смиренно предлагаемую имъ любовь и не бываютъ слишкомъ щедры на проявленія нѣжности, считая ихъ съ нѣкоторымъ правомъ излишними. Чтобы сдѣлаться предметомъ такого беззавѣтнаго поклоненія, Шарлоттѣ фонъ-Штейнъ не было надобности понимать Гёте. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что она никогда и не понимала его.

Дать ему свѣтскій лоскъ, изящество въ манерахъ и привычкахъ—вотъ что стояло у нея на первомъ планѣ. Онъ долженъ былъ выучиться выражаться по-французски какъ настоящій придворный. Одно время онъ долженъ былъ, по ея желанію, писать ей на французскомъ языкѣ.

Какова она была по отношенію къ нему въ повседневной жизни, этого

*) Выраженіе „искусъ“ (Noviciat) весьма знаменательно. Когда Германъ Гриммъ въ своемъ сочиненіи *Goethe*, настаивая на сверхчувственномъ характерѣ этихъ отношеній, объявляетъ, что иначе приходится предположить ложь, самообманъ, даже наглость въ Шарлоттѣ, холодность, грубость и опять-таки наглость въ Гёте, то-есть, въ той Шарлоттѣ и въ томъ Гёте, какихъ онъ рисуетъ,—то этимъ онъ обнаруживаетъ лишь свойства своего пониманія и своей психологіи.

мы не знаемъ; вѣдь, она сожгла всѣ свои письма къ нему послѣ того, какъ ихъ вытребовала обратно.

Но за то чѣмъ она была для него съ самаго начала и еще долгое время спустя, этому мы имѣемъ достаточно свидѣтельствъ въ поэзіи Гёте. Самое раннее и многозначительное изъ нихъ—его *Ифигенія*.

IV.

Когда Гёте, въ ноябрѣ 1775 года, впервые встрѣтился съ Шарлоттой фонъ-Штейнъ, ему было 26 лѣтъ; ей, родившейся въ Рождество 1742 г., почти 33 года. Съ мая мѣсяца 1764 г. она была замужемъ за обершталмейстеромъ маленькаго веймарскаго двора и произвела на свѣтъ семерыхъ дѣтей, изъ которыхъ только трое остались въ живыхъ. Она обладала всѣми свойствами знатной дамы: естественностью и непринужденностью въ обращеніи, любознательностью, симпатіями безъ энтузіазма, откровенностью и тактомъ; въ ея фізіономіи, въ высшей степени привлекательной, не было настоящей красоты, но основною чертой ея являлась мягкая серьезность. Какъ свѣтской и придворной дамѣ, ей была присуща та грація, которая приобрѣтается безукоризненнымъ знаніемъ всѣхъ формъ. Само собою разумѣется, что юный геній, только что прибывшій изъ Франкфурта, много уступалъ ей во внѣшнемъ достоинствѣ и самообладаніи.

Какъ разъ въ то время, послѣ разрыва со своею франкфуртскою невѣстой *), Гёте чувствовалъ себя беспокойнымъ и измученнымъ. Здѣсь сокрушается Фридерика **), тамъ тоскуетъ Лили; всюду онъ приносить съ собой несчастье, всюду поселяетъ смуту въ сердцахъ. Онъ чувствуетъ себя какъ бы гонимымъ судьбою; онъ живетъ подъ тѣмъ настроеніемъ, которое излилъ позднѣе, заставивъ Фауста воскликнуть:

„Бѣглецъ я жалкій, мнѣ чужда отрада,
Пристанище мнѣ чуждо и покой“ ***).

У нея одной онъ находитъ миръ душѣ своей. Она все сглаживаетъ, все смягчаетъ, она—успокоительница, ангелъ и геній-покровитель его жизни, какъ бы неземная сестра. Онъ желаетъ своей сестрѣ найти брата, подобно тому, какъ онъ самъ имѣетъ сестру въ лицѣ Шарлотты. Она для него жрица душевнаго благородства, и онъ бросается къ ея ногамъ, какъ въ древности преслѣдуемый повергался ницъ предъ жертвенникомъ храма.

Такимъ образомъ она становится Ифигеніей въ Тавридѣ, жрицей. Онъ—Орестъ, преслѣдуемый фуріями братъ ея. Въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ стихотвореній Гёте къ Шарлоттѣ фонъ-Штейнъ встрѣчаются слѣдующія слова:

*) Анна-Елизавета Шёнеманъ, которую Гёте обезсмертилъ въ своихъ стихотвореніяхъ подъ именемъ „Лили“.

**) Фридерика Бріонъ, дочь сельскаго пастора въ Сессенгймѣ подъ Страсбургомъ. См. о ней статью Н. И. Стороженко *Юношеская любовь Гёте* въ сборникѣ *Помощь голодающимъ*, изд. *Русскихъ Вѣдомостей*. Прим. перев.

***) *Фаустъ* въ переводѣ Холодковского.

„Denn du warst in abgelebten Zeiten
Meine Schwester...“

(Ибо ты была въ угасшія времена моею сестрой...)

Ея благодатная близость, когда онъ встрѣчаетъ или вновь обрѣтаетъ ее,—ибо въ далекія времена она была его сестрою,—все успокоиваетъ и примиряетъ, примиряетъ его съ судьбой и съ самимъ собою.

Въ послѣдующіе годы онъ еще иначе воплотилъ себя въ этомъ сюжетѣ. Онъ самъ сталъ Ифигеніей. Всѣ обстоятельства, угнетавшія его въ Веймарѣ, потеря времени на рекрутскіе наборы и на опредѣленіе податей, мысль, что онъ измѣняетъ своему призванію, ничего не успѣваетъ написать, сознаніе, что Карлъ-Августъ неспособенъ понять со всею надлежащею тонкостью стремленія его природы, наконецъ, тоска по мягкому климату Италіи, куда онъ уже направлялся, когда его перехватилъ экипажъ, привезшій его въ Веймаръ,—все это сдѣлалось тѣмъ гнетомъ, который тяготѣетъ надъ жрицей Тавриды. Тоска Ифигеніи по Греціи, ея мечта бѣжать изъ Скисскаго царства, это—томленіе Гёте, рвущагося изъ холодной, суровой Германіи къ итальянскому солнцу. Царь, любящій Ифигенію, удивляющійся ей и связывающій ее, этотъ умный и необузданный царь, постоянно находящійся на рубежѣ жестокости, какъ истый царь варваровъ, но добрый въ основѣ своего существа и не чуждый деликатности чувствъ, это—Карлъ-Августъ по отношенію къ Гёте.

Такъ явился первый набросокъ драмы въ прозѣ. Но самъ Гёте вскорѣ оказался недоволенъ отсутствіемъ въ немъ формы и началъ снова и снова передѣлывать его. Въ своей четвертой переработкѣ это произведеніе достигаетъ неслыханной нѣжности чувства и тона. Оно носитъ печать самаго утонченнаго благородства человѣческой природы. Это, несомнѣнно, самое вдохновенное изъ всѣхъ крупныхъ твореній Гёте, живой памятникъ, древо грусти, посаженное надъ нѣкоторыми изъ нѣжнѣйшихъ чувствъ и сильнѣйшихъ, завѣтнѣйшихъ настроеній въ его жизни.

Первый набросокъ былъ написанъ въ Германіи, но Гёте взялъ рукопись съ собою въ Италію, и лишь тамъ сюжетъ отлился въ свою окончательную форму.

V.

Легко понять изумленіе и горе Шарлотты фонъ-Штейнъ, когда Гёте, въ 1786 г., не открывъ ей своего намѣренія, предпринялъ бѣгство въ Италію. Нѣсколько стихотвореній, написанныхъ ею въ сентябрѣ 1786 г., выражаютъ душевное состояніе, довольно близкое къ отчаянію. Въ одномъ изъ стихотвореній значится:

„O, wie bin ich nun allein,
Ewig werd'ich einsam sein.“

(О, до чего я теперь одинока, вѣчно я буду теперь одна).

Одна строфа гласитъ:

„Ach, ich möchte fort und fort
Eilen, und weiss keinen Ort,
Weiss mein Herz an nichts zu binden,
Weiss kein Gutes mehr zu finden.
Alles, Alles floh mit dir!
Ich allein verarmt in mir“.

(Ахъ, мнѣ хотѣлось бы прочь, прочь отсюда, но я не знаю, куда бѣжать. Ни къ чему не могу я привязать своего сердца, не нахожу больше никакихъ радостей. Все, все исчезло съ тобою. Осталась только я, обнищавшая въ самой себѣ).

Печаль принцессы въ *Торквато Тассо*, навѣрное, представляет не случайное сходство по чувству съ только что приведенными словами:

„Что намъ далось однажды въ обладанье,
Ужъ рвется прочь неистово отъ насъ,—
И сами же изъ рукъ мы выпускаемъ,
За что хватались съ жадностью такой“ *).

Одно время думали, что путешествіемъ въ Италію Гёте хотѣлъ порвать самыя отношенія свои къ госпожѣ фонъ-Штейнъ; воображали, что за десятилѣтній срокъ эти отношенія ему прискучили. Это совершенно ложное предположеніе. Изданныя въ 1886 г. письма Гёте къ Шарлоттѣ изъ Италіи доказываютъ самымъ очевиднымъ образомъ не только его не измѣнившуюся нѣжную привязанность, но и не измѣнившуюся потребность сообщать Шарлоттѣ всѣ свои мысли и впечатлѣнія.

Но онъ нашелъ возможнымъ обойтись безъ нея. Больше того, онъ, объявлявшій прежде, что Веймаръ — единственное мѣсто, гдѣ онъ можетъ жить,—онъ, увѣрявшій, что можетъ дышать только близъ Шарлотты, захотѣлъ обойтись безъ нея или, по крайней мѣрѣ, такъ сильно пожелалъ переменъ мѣста, что отсутствіе ея не мѣшало ему наслаждаться путешествіемъ. А теперь, когда онъ возвратился, наконецъ, въ родную страну, онъ мечталъ и говорилъ только о югѣ. Вполнѣ естественно было съ ея стороны принимать восхваленія этого юга за личное оскорбленіе, но она поступила неумно, выказавъ себя передъ Гёте рѣзкою и озлобленною. Это, между прочимъ, заставило его внезапно замѣтить, что та, которую онъ издали неизмѣнно боготворилъ, какъ воплощеніе граціи, была уже старая женщина. Ему самому было теперь 39 лѣтъ, она же близилась къ 46-ти. Въ Италиі онъ, подобно своимъ друзьямъ, жилъ свободною жизнью художника, въ обществѣ молодыхъ, цвѣтушихъ дѣвушекъ; когда Шарлотта фонъ-Штейнъ холодно отстранилась отъ него, тогда, повидимому, угасло то чувственное обаяніе, которое она прежде имѣла для него.

Спустя три недѣли по возвращеніи изъ Италіи, Гёте познакомился съ молоденькою, свѣженькою и простенькою дѣвушкой, Христіаной Вульпиусъ, которая передала ему прошеніе отъ имени своего брата. Она была милое дитя, чуждое притязаній и ревности, и сразу очаровала его. Въ половинѣ іюля

*) *Торквато Тассо* въ перев. Яхонтова.

1788 г. она сдѣлалась его любовницей, въ ноябрѣ 1789 г. переѣхала къ нему въ домъ, въ октябрѣ 1806 г. сдѣлалась его женой.

Въ послѣднихъ числахъ іюля госпожа фонъ-Штейнъ, глубоко недовольная поведеніемъ Гёте, но ничего еще не подозрѣвая объ его отношеніяхъ къ Христіанѣ, уѣхала въ свое помѣстье Гохбергъ. Она чувствовала, что узы, соединившія ихъ, какъ бы порвались, отзывалась о Гёте холодно и ѣдко. Но еще сильнѣе вознегодовала она, узнавъ, въ началѣ слѣдующаго года, о любовной связи Гёте съ дѣвицей Вульпіусъ. Съ этихъ поръ ея отношенія къ нему становятся для нея «какъ бы недугомъ». Пламенное раздраженіе противъ Гёте, безконечное презрѣніе къ Христіанѣ — вотъ тѣ чувства, которыя наполняютъ теперь ея душу. При своемъ отъѣздѣ въ Эмсъ, въ маѣ 1789 г., она оставляетъ ему страстное письмо, гдѣ ставитъ, повидимому, рѣшительнымъ условіемъ дружбы въ будущемъ его разрывъ съ Христіаной.

Его отвѣтъ отъ перваго іюня спокоенъ, доброжелателенъ, но звучитъ отказомъ. Онъ начинаетъ съ замѣчанія, что трудно быть искреннимъ и, въ то же время, не оскорбить. Онъ упрекаетъ ее въ плохомъ приѣмѣ, который встрѣтилъ у нея при своемъ возвращеніи изъ Италіи, въ жесткихъ словахъ, съ которыми она не разъ обращалась къ нему: «что онъ могъ бы и оставаться тамъ, что онъ, вѣдь, относится безучастно къ людямъ» и т. д. «И все это еще раньше, чѣмъ могла быть рѣчь объ отношеніяхъ, которыя, повидимому, такъ глубоко оскорбляютъ тебя... И что это за отношенія? Кто терпитъ отъ нихъ ущербъ? Кому нужны тѣ чувства, которыя я дарю бѣдному созданію, или тѣ часы, которые я провожу съ нею?» Онъ говоритъ Шарлоттѣ безъ гнѣва и запальчивости, но рѣшительнымъ тономъ, что не можетъ свыкнуться съ ея извительнымъ, враждебнымъ обращеніемъ, и кончаетъ слѣдующими словами, которыя, безъ сомнѣнія, имѣли совершенно буквальный смыслъ, но, конечно, должны были еще больше раздражить разгнѣванную женщину:

«Къ несчастью, ты давно уже пренебрегаешь моимъ совѣтомъ относительно кофе и слѣдуешь режиму, крайне вредному для твоего здоровья. Не довольствуясь тѣмъ, что и такъ уже трудно бываетъ преодолевать въ чисто-духовномъ смыслѣ инныя впечатлѣнія, ты еще усиливаешь ипохондрически-мучительную власть печальныхъ представленій физическимъ средствомъ, вредъ котораго ты одно время сознавала и отъ котораго изъ любви ко мнѣ воздерживалась одно время, съ очевидною пользою для себя».

Она не отвѣчала ни на это, ни на другое, болѣе примирительное, письмо. Съ этихъ поръ и въ теченіе всего слѣдующаго десятилѣтія нѣтъ ни одного колкаго слова, котораго Шарлотта фонъ-Штейнъ не позволила бы себѣ относительно Гёте въ письмахъ и частныхъ разговорахъ. Въ эти годы ея имя совсѣмъ не встрѣчается въ его письмахъ, но тѣмъ чаще упоминаетъ она его имя въ своихъ и всегда съ самыми унижительными замѣчаніями. Она говоритъ о немъ, какъ о глубоко павшемъ человѣкѣ, о полукомической фигурѣ. Онъ для нея теперь ничто иное, какъ толстый тайный совѣтникъ

съ двойнымъ подбородкомъ, взявшій въ метрессы свою горничную. Въ этомъ она совершенно сходится съ высимъ обществомъ Веймара, для котораго онъ былъ теперь потухшимъ вулканомъ, погасшею звѣздой. Но ея насмѣшки несутъ болѣе страстный характеръ. Снова и снова ужасается она тому, какъ онъ толстѣетъ, какъ чувственна дѣлается его наружность, какъ низко стоятъ съ точки зрѣнія нравственности его произведенія. Она даже сочувствуетъ нападкамъ на Гёте его врага Коцебу. А когда они встрѣчались въ обществѣ, она нисколько не стѣснялась говорить ему прямо въ лицо самыя оскорбительныя вещи.

Равнодушіе къ Гёте, презрѣніе, состраданіе — вотъ тѣ чувства, которыя она выставляетъ на-показъ предъ свѣтомъ. Сыну она пишетъ: «Напиши Гёте, вѣдь, есть не мало писемъ отъ живыхъ къ мертвецамъ», или: «О нашемъ прежнемъ другѣ до меня опять дошли нелестныя для него слухи; еслибъ только я могла окончательно вычеркнуть его изъ своихъ воспоминаній!» Она безпрестанно говоритъ о себѣ такъ, какъ будто она была «обманута другомъ». Когда Христіана, въ концѣ ноября 1793 г., родила ему дочь (которая, впрочемъ, вскорѣ же умерла), Шарлотта пишетъ: «Онъ страшно радуется этому; онъ лннетъ ко всѣмъ, какъ двухвостка, и сочиняетъ французскіе каламбуры». Объ его римскихъ элегіяхъ она отзывается такъ: «Что дѣлать, я не понимаю такого рода поэзій!» Объ идилліи *Германъ и Доротея*: «Очень мило, жаль только, что мамзель (Jungfer) Вульпиусъ постоянно нарушаетъ иллюзію жены, стряпающей у чистенькой печки». Когда *Вильгельмъ Мейстеръ* появился весь въ печати, она пишетъ сыну объ этомъ произведеніи: «Порой въ немъ встрѣчаются прекрасныя мысли, въ особенности по поводу политическихъ вопросовъ, и начало книги проникнуто такимъ чувствомъ, какого я давно уже перестала ожидать отъ Гёте, этого истого дѣтища земли. Но оно, вѣроятно, уцѣлѣло отъ прежнихъ временъ. За всѣмъ тѣмъ, всѣ женщины въ этой книгѣ ведутъ себя неприлично, и если кое-гдѣ у него и проглядываютъ благородныя чувства чело-вѣческой природы, то онъ торопится забрызгать ихъ грязью, лишь бы не признать за чело-вѣческою природой какихъ-нибудь божественныхъ свойствъ. Вамъ все время кажется, будто діаволъ учитъ васъ не заблуждаться насчетъ его чувствъ и не считать ихъ сколько-нибудь лучшими сравнительно съ тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ».

VI.

Все это очень гадко и грубо. Однакожь, это не выходитъ изъ предѣловъ того, чего можно было бы ожидать во всякомъ подобномъ случаѣ отъ женщины, не представлявшей, въ сущности, ничего выдающагося и смертельно уязвленной въ своемъ самолюбіи.

Но прямо-таки ужасной для того, кто сохранилъ хоть каплю вѣры въ чело-вѣка и способенъ еще поражаться какою-нибудь глупостью или низостью въ женщинѣ, рѣшившей отомстить за то, что ее больше не любятъ,—

прямо-таки ужасной должна показаться попытка, которую дѣлаетъ теперь Шарлотта, выставить личность Гёте въ поэтическомъ произведеніи. Она пишетъ свою трагедію *Дидона*, гдѣ изображаетъ себя въ лицѣ Элисы, Гёте въ лицѣ поэта Огона, и какихъ только пороковъ и подлостей ни приписываетъ она этому жалкому грѣшнику, въ уста котораго вложены обороты рѣчи, свойственные Гёте, и нѣкоторыя изъ его подлинныхъ репликъ къ Шарлоттѣ!

Во-первыхъ, онъ глупѣйшій хвастунъ. Природа, говоритъ онъ, могла воплотить свой идеалъ лишь въ нѣкоторыхъ существахъ; къ этимъ существамъ принадлежитъ онъ и ему подобные. «Остальные — это черви, которыхъ мы незамѣтно топчемъ ногами».

Затѣмъ, онъ самый грубый циникъ. Онъ признается, что раньше стремился не на шутку къ добродѣтели и чистотѣ; онъ хотѣлъ принадлежать къ числу избранниковъ. Но это не пошло ему на пользу. И, прибѣгая къ своей излюбленной насмѣшкѣ надъ нѣскольکو, правда, полною, но ничуть не массивною фигурой Гёте, авторъ заставляетъ его продолжать: «Я такъ нехудаль отъ этого. Но посмотри-ка теперь на мою нижнюю челюсть, мое круглое брюшко, мои икры. Я смѣло открою тебѣ одну тайну: возвышенныя чувства происходятъ отъ дурнаго пищеваренія».

Онъ тщеславенъ до смѣшнаго: «Я признаюсь, что люблю слышать похвалы себѣ, все равно, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ — добродушіе, любовь къ лести или глупость; я не люблю заглядывать за кулисы».

Онъ вѣроломнъ по принципу: «Клятвы мы сами даемъ себѣ, а потому можемъ и сами освобождать себя отъ нихъ».

Онъ лицемеръ. Онъ вмѣняетъ себѣ въ добродѣтель то, что представляется ему наиболѣе удобнымъ.

Элиса, благоговѣющая предъ поэзіей и поэтами и воздвигнувшая нѣкогда алтарь Огону, постигла теперь разницу между талантомъ и человѣкомъ. Она говоритъ ему: «Нѣкогда я ошибалась въ тебѣ, но теперь, несмотря на твою красивую прическу и изящные башмаки, я слишкомъ хорошо вижу у тебя козлиные рога, копытца и прочіе атрибуты сатира, а для такихъ существъ никакая клятва не священна».

Онъ отвѣчаетъ словами Гёте изъ письма отъ 1 іюня 1789 г.: «Эти ложныя идеи происходятъ отъ извѣстнаго нездороваго напитка, который я всегда запрещалъ тебѣ. Попробуй-ка пить настоящий спиртуозный сокъ земли и ты скоро помирись съ прекраснымъ представленіемъ, какое составила себѣ обо мнѣ».

Она отражаетъ его слѣдующими словами: «Я не желаю ввѣрять твоимъ рукамъ свою безопасность, такъ какъ твоя мораль находится въ зависимости отъ твоей кухни».

Онъ снова опровергаетъ ее выраженіемъ, заимствованнымъ изъ того же давнишняго письма: «трудно говорить правду, не оскорбляя», и извиняется словами, такъ часто употреблявшимися Гёте, — что человѣкъ долженъ отъ времени до времени мѣнять чешую.

Оставшись одинъ, онъ произноситъ монологъ, въ которомъ снимаетъ съ себя маску и обнаруживаетъ всю безправственность своей актерской натуры. «Актерскія ужимки, которыя я обыкновенно пускалъ въ ходъ передъ женщинами, всегда производили самый сильный эффектъ, когда я въ живописной позѣ бросался къ ихъ ногамъ и привлекалъ на себя ихъ вниманіе выраженіемъ безмолвной страсти; тогда я ужъ непременно достигалъ своей цѣли».

Главный итогъ его характера заключается въ томъ, что онъ самый безбожный предатель. Онъ покидаетъ свою благодѣтельницу, царицу (герцогиню Луизу), которую тщетно пытался соблазнить,—это особенно гнусная черта,—чтобъ перейти на сторону ея неуклюжаго врага и вздыхателя Ярбаса, какъ только этотъ послѣдній является съ вооруженною силой.

Хотя мнѣнія расходятся насчетъ того, кого авторъ вывелъ въ тѣхъ или другихъ персонажахъ пьесы, но что подъ поэтомъ Огономъ слѣдуетъ разумѣть Гёте, въ этомъ никто не сомнѣвался ни въ то время, ни впослѣдствіи. Это-то обстоятельство постоянно и удерживало въ послѣднюю минуту Шарлотту фонъ-Штейнъ отъ принятія предложеній касательно напечатанія пьесы и постановки ея на нѣмецкихъ театрахъ. Пьеса, какъ цѣлое, сущая дребедень; она такъ плоха, до того лишена остроумія и таланта, и, въ особенности, стиля, что, конечно, ничего общаго не имѣетъ съ литературой.

Въ 1796 г. произошло первое, почти невольное, сближеніе между госпожей фонъ-Штейнъ и Гёте, благодаря тому, что маленький сынъ Шиллера, Карлъ, привелъ однажды къ Шарлоттѣ маленькаго сына Гёте, шестилѣтняго Августа, къ которому она быстро привязалась. Въ результатъ этого Гёте сдѣлалъ вскорѣ шагъ къ примиренію. И въ то самое время, когда происходили эти первыя примирительныя попытки, госпожа фонъ-Штейнъ занималась окончательною отдѣлкой *Дидоны* и посылала свою работу Шиллеру.

Въ непосредственно слѣдовавшіе за этимъ годы бывшіе влюбленные встрѣчались лишь отъ времени до времени. Въ октябрѣ 1798 г. Шарлотта пишетъ: «Гёте я вижу рѣдко, а если это когда и случается, то я всякій разъ прихожу въ ужасъ отъ его все увеличивающейся толщины». Тяжкая болѣзнь Гёте въ январѣ 1801 г. немного смягчила чувства госпожи фонъ-Штейнъ; однако, 25 апрѣля она пишетъ своему сыну: «Третьяго дня я сидѣла съ госпожей фонъ-Требра въ старой розовой бесѣдкѣ; Гёте прошелъ мимо насъ съ своею горничной. Я устыдилась за него до глубины души и закрыла лицо зонтикомъ, чтобы сдѣлать видъ, будто не замѣтила его».

Тѣмъ не менѣе, Гёте, не хотѣвшій совсѣмъ забросить свою старѣющую пріятельницу, терпѣливо и настойчиво искалъ примиренія. Въ 1804 г., когда ему было 55 лѣтъ, а ей 61 годъ, онъ пожелалъ однажды ее навѣстить. Его визитъ вышелъ несовсѣмъ удачнымъ. Госпожа фонъ-Штейнъ подписывалась въ то время на газету *Der Freimüthige* (*Прямодушный*), которую издавалъ Копебу совмѣстно съ Меркелемъ и главная цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы подорвать уваженіе къ Гёте. Это было злобное въ своей враждѣ къ поэту и скудоумное изданіе, выступившее проповѣдникомъ морали и отрицателемъ искусства, и уже то обстоятельство, что госпожа фонъ-

Штейнъ читала его, служить достаточнымъ доказательствомъ высоты ея развитія и силы ея ненависти.

Гёте просидѣлъ у нея два часа и какъ разъ во время его визита былъ принесенъ нумеръ газеты. Шарлотта пишетъ объ этомъ сыну: «Я чувствую, что ему не по себѣ у меня, а наши взгляды до такой степени разошлись, что я, сама того не желая, ежеминутно заставляю его страдать. На бѣду мнѣ принесли нумеръ *Прямодушнаго*. Онъ заговорилъ о глупости публики, читающей подобную газету. Тутъ и мнѣ досталось. Онъ не хотѣлъ и видѣть ея, и я должна была прикрыть ее чѣмъ-нибудь».

Женщина, внушившая нѣкогда *Ифигенію*, кончила свою интеллектуальную жизнь авторомъ *Дидоны* и подписчицей на газету Коцебу.

В. С.

Рабочіе союзы въ Англіи и восьмичасовой рабочий день.

Во времена, не особенно давнія, на нашей почти памяти, каких-нибудь 30—40 лѣтъ тому назадъ, рабочіе союзы (trades-unions) подвергались нападеніямъ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, политическіе люди Англіи и предприниматели считали ихъ союзами беспокойныхъ людей, не только нарушающихъ общественный порядокъ, но и вредящихъ интересамъ націи, разрушающихъ ея промышленность, задерживающихъ ея развитіе; съ другой стороны, болѣе радикальная часть рабочихъ смотрѣла на нихъ какъ на средство дифференцірованія всего рабочаго класса и образованія новой рабочей аристократіи, внѣ которой оставалось новое пятое сословіе обездоленныхъ, не вошедшихъ въ организацію рабочихъ не-унионистовъ. Несомнѣнно, что жизненные факты подтверждали иногда и тотъ, и другой взглядъ на рабочіе союзы. Съ одной стороны, бывали примѣры безумныхъ стачекъ, вызванныхъ рабочими союзами и повлекшихъ за собой страданія какъ самихъ рабочихъ, такъ и предпринимателей, и временно повредившихъ той или другой отрасли промышленности (хотя слѣдуетъ замѣтить, что подобныя стачки были не правиломъ, а довольно рѣдкимъ исключеніемъ); съ другой стороны, и до сихъ поръ унионисты, т.-е. члены рабочихъ союзовъ, составляютъ меньшинство всего рабочаго класса въ Англіи. Изъ 9 милліоновъ взрослыхъ рабочихъ только 1½ милліона унионистовъ; «искусныхъ» рабочихъ въ Англіи 3 милліона и только треть ихъ — члены рабочихъ союзовъ. Такимъ образомъ, масса рабочаго населенія страны находится внѣ организаціи и члены trades-unions, дѣйствительно, составляютъ своего рода аристократію, хотя слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднее время организація рабочаго населенія, въ силу вліянія все болѣе и болѣе распространяющихся среди него здоровыхъ экономическихъ понятій, прогрессируетъ замѣчательно быстро. Отчасти подъ вліяніемъ именно того обстоятельства, что trades-unions составляетъ только меньшинство рабочаго класса Англіи и, какъ всякое меньшинство, могло явиться и иногда являлось тормазомъ для осуществленія стремленій всего класса, а отчасти и въ силу распространенія новыхъ экономическихъ взглядовъ и примѣра германской соціаль-демократической партіи, лозунгомъ рабочаго движенія въ Англіи сдѣлалось стремленіе осуществить желаніе всего

класса — въ данномъ случаѣ восьмичасовой рабочій день — законодательнымъ путемъ. Движеніе это, какъ извѣстно, было такъ сильно, что не только повліяло на распредѣленіе политическихъ силъ націи, но увлекло за собой и самые рабочіе союзы. Ихъ конгрессъ 1891 г. въ Ньюкастлѣ рѣшилъ, чтобы его парламентскій комитетъ внесъ 8-ми часовой билль. Такія же рѣшенія были приняты и на послѣдующихъ конгрессахъ. Тутъ повторилось то обычное историческое явленіе, что во время сильнаго общественнаго движенія идеи, интересы и чувства массы всегда увлекаютъ за собою меньшинство, лишшающееся тогда силы сопротивленія. На этомъ конгрессѣ не было, однако, недостатка въ возраженіяхъ противъ метода достиженія цѣли, — въ самой цѣли, въ стремленіи добиться восьмичасоваго рабочаго дня, никакихъ разногласій не было, но относительно методовъ достиженія были довольно оживленные споры. Одинъ делегатъ отъ дургамскихъ рудокоповъ говорилъ, наприм., что «они вполне сочувствуютъ всѣмъ рабочимъ союзамъ, стремящимся къ уменьшенію рабочихъ часовъ, но не хотятъ вмѣшательства законодательства, потому что довѣряютъ самопомощи и мужественной независимости. Они не хотятъ, чтобы рабочіе союзы просили парламентъ или кого-либо иного сдѣлать для нихъ то, что они могутъ сдѣлать сами». Эти слова были покрыты аплодисментами делегатовъ дургамскихъ и нортумберландскихъ рудокоповъ, причемъ любопытно то обстоятельство, что эти рудокопы путемъ соглашеній съ хозяевами копей добились болѣе короткаго, чѣмъ восьмичасовой, рабочаго дня. Понятно, какой поводъ могутъ дать подобныя заявленія для обвиненій въ эгоистичности и буржуазномъ самодовольствѣ, но понятно также и то, что они могутъ вызвать и нѣкоторыя другія соображенія. Объ этихъ соображеніяхъ мы и хотимъ сообщить читателямъ. А пока отмѣтимъ то весьма многозначительное обстоятельство, что на конгрессѣ въ Глазго почти единодушно была принята резолюція о порученіи парламентскому комитету внести 8-ми часовой билль, но съ тою оговоркой, чтобы организованные рабочіе всякой отрасли промышленности пользовались правомъ тайною баллотировкой не примѣнять къ своей промышленности опредѣлений парламентскаго акта. Мы увидимъ сейчасъ, какое значеніе имѣетъ подобная оговорка.

Широкое общественное теченіе всегда дѣйствуетъ въ различныхъ направленіяхъ и заставляетъ примыкать къ себѣ людей, бывшихъ раньше, часто незадолго до появленія его, его врагами. Исторія Англіи полна такими примѣрами и потому-то именно она такъ поучительна для всякаго мыслящаго человѣка. Не далеко отъ насъ то время, когда политики Англіи считали рабочіе союзы врагомъ порядка, съ которымъ слѣдуетъ бороться на жизнь и смерть; теперь они готовы войти съ ними во всяческіе компромиссы, урегулировать, опираясь на нихъ, движеніе, даже ускорить его, лишь бы не потерять окончательно своего вліянія, какъ общественно-политической силы. Опытъ жизни, неопровержимые факты дѣйствительности сдѣлали свое дѣло и заставили признать тѣ заслуги, которыя рабочіе союзы оказали не только рабочимъ классамъ, но и самой промышленности Англіи.

Въ этомъ отношеніи весьма поучительна статья члена парламента, еще въ 91 году вотировавшаго противъ 8-ми часового билля, крупнаго фабриканта Mather'a, напечатанная въ ноябрьскомъ № *Contemporary Review*. Авторъ, прежде всего, категорически заявляетъ, что онъ не только не врагъ движенія въ пользу 8-ми часового рабочаго дня, что онъ вполне признаетъ право рабочихъ на осуществленіе ихъ требованій; онъ признаетъ, что достиженіе этой цѣли желательно въ интересахъ не только рабочихъ, но и предпринимателей и всей націи. Онъ не отвергаетъ и законодательнаго вмѣшательства въ дѣла промышленности. «Мы не сомнѣваемся,—говоритъ онъ,—что если бы политическое вліяніе не перешло въ руки рабочихъ, они старались бы по своему старому методу добиться того, что они считаютъ справедливымъ и что должно быть справедливо признано за ними. Мы, какъ нація самоуправляющаяся, должны радоваться тому обстоятельству, что подача голосовъ распространяется на всю массу населенія. Намъ нечего бояться опасныхъ послѣдствій обсужденія предложеній о законодательномъ вмѣшательствѣ въ дѣла промышленности. Послѣ передвиженія центра тяжести политической власти отъ классовъ богатыхъ къ классамъ болѣе другихъ чувствительныхъ ко всякой несправедливости и болѣе другихъ страдающихъ отъ неравнобѣрнаго распредѣленія жизненныхъ благъ мы должны ожидать, что къ парламенту будутъ обращаться съ петиціями объ уничтоженіи всяческихъ золь». Политическій дѣятель и крупный фабрикантъ не одобряетъ только способа рѣшенія вопроса, такъ какъ находитъ его слишкомъ единообразнымъ, слишкомъ отличнымъ отъ обычнаго англійскаго или, вѣрнѣе сказать, англо-саксонскаго приема рѣшенія всѣхъ общественныхъ вопросовъ,—приема, который для обитателя континента можетъ представиться довольно сложнымъ и медленно дѣйствующимъ, но который удивительнымъ образомъ сочетаетъ принципиальность и практичность и соединяетъ въ единое и довольно стройное цѣлое верховныя права центральной власти и права самоуправляющихся мѣстныхъ органовъ или права представительства общественныхъ классовъ. Однимъ словомъ, для Mather'a простой законодательный актъ парламента, единообразно примѣняемый ко всѣмъ отраслямъ промышленности, кажется черезъ-чуръ «континентальнымъ», кажется приемомъ, свойственнымъ государственной жизни странъ, населеніе которыхъ привыкло къ системамъ управленія болѣе или менѣе централистическимъ и не вполне соответствующимъ условіямъ жизни англо-саксонской расы, этой великой носительницы идей федерализма и самоуправления.

Такимъ образомъ, вы видите, что частный, хотя и очень важный, вопросъ экономической жизни Англій ставится Mather'омъ на общую принципиальную точку зрѣнія и приводится въ извѣстное соотношеніе съ самыми основаніями государственнаго права Англій. Несомнѣнно, что сами рабочіе до значительной степени сознаютъ всю важность такого вопроса, и потому-то резолюція конгресса рабочихъ союзовъ и вносятъ въ предлагаемый ею билль ту оговорку, на которую мы указывали выше. Рабочіе союзы сохраняютъ, благодаря такой оговоркѣ, свое право самостоятельнаго рѣ-

шенія подробностей примѣненія общегосударственной мѣры и ихъ конгрессы дѣлается *de facto*, а не на словахъ только, «рабочимъ парламентомъ» страны, какъ обыкновенно называютъ въ Англіи такіе конгрессы. Казалось бы, что парламентскій актъ, въ который будетъ включена оговорка, предложенная Глазговскимъ конгрессомъ, оставляетъ неприкосновеннымъ принципъ самоуправленія и устраняетъ то централистическое единообразіе, которое такъ глубоко противорѣчитъ основамъ англійской государственной жизни и можетъ гарантировать не только независимость рабочаго класса, но и все его интересы. Mather, однако, полагаетъ, что такая оговорка недостаточна. Въ самомъ дѣлѣ, именно въ виду того, что рабочіе союзы организуютъ только шестую часть всего класса, оговорка является недостаточной. Предположите, что рабочій союзъ какой-либо отрасли промышленности рѣшаетъ не примѣнять по какимъ-либо соображеніямъ опредѣлений парламентарнаго акта; его рѣшеніе будетъ обязательнымъ только для членовъ этой отдѣльной группы рабочихъ, а для всехъ фабрикъ, гдѣ работаютъ не-уніонисты, парламентскій актъ объ единообразномъ 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ будетъ обязательнымъ. Отсюда произойдетъ то, что именно эти фабрики будутъ находиться въ наиболѣе невыгодномъ положеніи сравнительно съ другими, на которыхъ работаютъ уніонисты, и, конечно, предприниматели постараются или закрыть невыгодное для нихъ производство (предполагается, конечно, что рѣшенія рабочихъ союзовъ имѣютъ всѣякія экономическія основанія), или переманять къ себѣ рабочихъ уніонистовъ. Слишкомъ понятно, къ какимъ потрясеніямъ въ мірѣ промышленности можетъ повести подобное положеніе дѣлъ, какую массу страданій можетъ принести это единообразное законодательство самимъ рабочимъ. Подобные случаи могутъ, по мнѣнію Mather'a, представляться довольно часто. Въ громадномъ количествѣ отраслей промышленности существуетъ еще и теперь 10-тичасовой или даже 11-тичасовой рабочій день, и для такихъ отраслей *внезапный* переходъ къ 8-мичасовому дню былъ бы рѣшительно убійственнымъ. И именно въ этихъ отрасляхъ организація всего слабѣе, именно въ нихъ всего труднѣе примѣненіе ограничительной статьи. Mather въ своемъ предложеніи руководится и другимъ мотивомъ; онъ полагаетъ, что при современномъ распредѣленіи политическихъ силъ въ Англіи единообразный 8-мичасовой билль не имѣетъ въ теченіе нѣкотораго времени особенныхъ шансовъ на успѣхъ. Дѣйствительно, этому соображенію нельзя отказать въ основательности; не только самъ «великій старецъ», но и болѣе молодые изъ его сподвижниковъ не особенно склонны поддерживать предложеніе рабочихъ; самый выдающійся изъ нихъ, Морлей, даже принципиально (и именно на основаніи соображеній, основанныхъ на духѣ государственнаго права Англіи) враждебенъ ему; а, между тѣмъ, для интересовъ промышленности, для интересовъ самихъ предпринимателей и для интересовъ всей націи желательно скорѣйшее рѣшеніе вопроса о 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ. Mather полагаетъ, что предложенное имъ рѣшеніе имѣетъ все шансы быть принятымъ, такъ какъ противъ него было

бы трудно сдѣлать возраженія, которыя дѣлаются противъ парламентскаго акта, примѣняемаго ко всѣмъ отраслямъ промышленности, и на немъ могутъ сойтись всѣ, кромѣ слѣпыхъ противниковъ всего рабочаго движенія, какихъ теперь не особенно много среди политическихъ дѣятелей Англіи. Онь думаетъ, что билль могъ бы быть измѣненъ приблизительно такимъ образомъ:

Всякій рабочій союзъ извѣстнаго округа, удостовѣрившись въ желаніи большинства его членовъ уменьшить число рабочихъ часовъ въ ихъ отрасли промышленности, сообщаетъ объ этомъ желаніи предпринимателямъ и сходитъ съ ними для обсужденія предложенія.

Послѣ такого совѣщанія съ предпринимателями, рабочій союзъ имѣетъ право большинствомъ голосовъ принять рѣшеніе объ уменьшеніи рабочихъ часовъ въ округѣ и, послѣ принятія предложенія, собираетъ голоса всѣхъ взрослыхъ рабочихъ своей отрасли промышленности, какъ уніонистовъ, такъ и не-уніонистовъ.

Эти рѣшенія могутъ составляться только въ предѣлахъ минимальнаго рабочаго дня, т.-е. сорока восьми часовъ въ недѣлю (самъ Mather готовъ отказаться отъ такого ограниченія и предоставить рабочимъ союзамъ уменьшеніе рабочихъ часовъ безусловно).

Если большинство взрослыхъ рабочихъ округа подадутъ голоса за введеніе въ исполненіе рѣшенія рабочаго союза, этотъ послѣдній въ теченіе года не имѣетъ права дѣлать предложеній о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочихъ часовъ.

Послѣ принятія всѣхъ этихъ мѣръ, рабочій союзъ сообщаетъ свое рѣшеніе мѣстнымъ властямъ или властямъ округа, а эти послѣднія сообщаютъ всѣмъ предпринимателямъ этой отрасли промышленности въ округѣ, что такъ какъ рѣшеніе союза состоялось сообразно опредѣленіямъ парламентскаго акта, то оно приводится въ исполненіе черезъ три мѣсяца послѣ сообщенія, и что всякій предприниматель и рабочій, нарушающіе его, подвергаются опредѣленнымъ актомъ наказаніямъ и будутъ преслѣдуемы мѣстными властями.

Когда будутъ введены въ округѣ изложенныя правила, они будутъ имѣть силу закона до тѣхъ поръ, пока мѣстныя власти не получаютъ отъ рабочаго союза новаго сообщенія, что большинство рабочихъ округа желаетъ измѣненія правилъ и что это желаніе опредѣлено по способу, предписываемому парламентскимъ актомъ, причемъ это новое извѣщеніе не можетъ быть принято мѣстными властями до истеченія года со времени принятія правилъ.

Mather предлагаетъ далѣе, чтобы сами рабочіе союзы рѣшали вопросъ о распредѣленіи округовъ, такъ какъ рабочіе союзы и теперь имѣютъ окружныя секціи, которыя могутъ составить извѣстныя группы. Каждый рабочій союзъ будетъ рѣшать вопросъ о современности измѣненія числа рабочихъ часовъ, а вся національная организація промысла (т.-е. конгрессъ рабочихъ союзовъ этого промысла) будетъ имѣть право рѣшить, нужно ли

сдѣлать такое измѣненіе одновременно во всей странѣ или же это рѣшеніе должно быть предоставлено отдѣльнымъ округамъ. Право распредѣленія округовъ и опредѣленіе, должны ли округа дѣйствовать одновременно или каждый изъ нихъ долженъ дѣйствовать самостоятельно, предоставляются національнымъ рабочимъ союзамъ (такимъ правомъ они пользуются на практикѣ и въ настоящее время); парламентскій актъ не вмѣшивается въ свободу дѣйствій союзовъ въ этомъ отношеніи.

Предложеніе, подобное предложенію Mather'a, можетъ быть сдѣлано только при полномъ довѣріи къ правоспособности рабочихъ союзовъ и ихъ способности исполнить въ интересахъ всего рабочаго класса возложенную на нихъ трудную задачу. За предложеніемъ стоитъ сознаніе, что предприниматели обязаны за улучшенія въ методахъ производства твердости и независимости рабочихъ организаций. Только энергія и упорство рабочихъ союзовъ заставили провести законодательные акты, результатомъ которыхъ было развитіе промышленности, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что это развитіе произошло при постоянно увеличивающейся конкуренціи другихъ народовъ. Процвѣтаніе промышленности, о которой не могли мечтать наши предки,—говоритъ Mather,—было слѣдствіемъ измѣненія промышленныхъ порядковъ и обычаевъ, а это измѣненіе, главнымъ образомъ, было произведено рабочими союзами. Благодаря ихъ вліянію, въ теченіе 50 лѣтъ было проведено около 40 парламентскихъ актовъ о безопасности и здоровья рабочихъ разныхъ отраслей промышленности, о покровительствѣ женщинъ и дѣтей, объ улучшеніи способовъ производства и т. д., и т. д. «Всякій разумный предприниматель долженъ признать, что его фабрика, въ которой теперь введены всѣ удобства и улучшенія, предписываемыя парламентомъ для блага и здоровья рабочихъ, сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ болѣе цѣнною собственностью, и что его доходы увеличились благодаря улучшенію условій, въ которыя поставлены рабочіе». Наиболѣе важное значеніе рабочіе союзы имѣютъ въ томъ отношеніи, что они организуютъ людей, цѣлью которыхъ становится развитіе ихъ отраслей производства, какъ постоянныхъ и прогрессирующихъ занятій. Не было примѣра, чтобы союзъ стремился къ своимъ непосредственнымъ цѣлямъ (сокращенію рабочихъ часовъ и возвышенію заработной платы), не принимая въ соображеніе того, можетъ ли выдержать такія измѣненія эта отрасль промышленности. Правда, въ этомъ отношеніи бывали ошибки, но ошибки вполнѣ добросовѣстныя, а съ другой стороны, неустанная и упорная агитація рабочихъ приводила, по большей части, къ существеннымъ уступкамъ предпринимателей безъ всякаго вреда для промышленности. Главнымъ мѣриломъ для разумности дѣйствій какъ рабочихъ, такъ и предпринимателей должна служить не величина барыша предпринимателя, а постоянное развитіе промышленности. Всѣ уступки рабочимъ, не уменьшающія рессурсовъ поддержанія промышленности и развитія ея, и разумны, и справедливы. Постоянство, предполагающее и развитіе, а не сумма денегъ, остающихся въ рукахъ предпринимателя, даетъ отрасли промышленности

и цѣнность. По мѣрѣ того, какъ развивается дѣятельность рабочихъ союзовъ, по мѣрѣ того, какъ растетъ число ихъ членовъ, они все больше и больше знакомятся съ законами, обуславливающими прочность и развитіе промышленности, и все больше и больше дѣлаются заинтересованными въ постоянствѣ и охраненіи своего промысла. Стремленіе къ такому постоянству вполне согласимо со стремленіемъ добиться высшей платы и болѣе короткаго рабочаго времени; это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что рабочіе союзы, въ виду тяжелаго состоянія промышленности, часто соглашались на уменьшеніе заработной платы и на другія пожертвованія. Это показываетъ, что организованный трудъ, въ противоположность труду неорганизованному, умѣетъ оцѣнивать законы, управляющіе развитіемъ и падкомъ промышленности. Рабочіе союзы добивались всегда выгодъ не для однихъ своихъ членовъ, а для всей рабочей массы, занятой извѣстною отраслью промышленности; не-уніонисты принимаютъ, обыкновенно, всѣ правила, выработанныя рабочими союзами; если не-уніонисты и не участвуютъ иногда въ борьбѣ за уступки, которыхъ добивались рабочіе союзы отъ предпринимателей, они пользовались всѣми побѣдами союзовъ. Правила и предѣленія союзовъ постепенно вошли въ обычай въ промышленномъ мірѣ Англій и приобрѣли почти силу закона. Предпримчивость, энергія, капиталъ предпринимателей были бы бесполезны, если бы во всѣхъ отрасляхъ промышленности трудъ не былъ организованъ; и только благодаря такой организаціи труда, ни одна страна въ мірѣ не испытала столь незначительнаго (если принять во вниманіе обширные размѣры промышленности, количество занятаго въ ней капитала, численность рабочаго класса и ростъ богатства) нарушенія промышленнаго порядка, какъ Англія. Рабочіе союзы принесли громадную пользу всему государству своею искреннею преданностью принципу свободной торговли, такъ какъ они успокаивали рабочію массу и учили ихъ въ тяжелыя годы полагаться на великіе принципы, не на временныя эксперименты, приносящіе временное облегченіе, но часто ничтожающіе промышленныя ресурсы страны.

Вообще говоря, по мнѣнію Mather'a, не только сами рабочіе, но и предприниматели, и вся нація имѣютъ основаніе довѣрить рабочимъ союзамъ трудное дѣло регулированія правилъ о заработной платѣ и рабочемъ днѣ. Рабочіе союзы могутъ, конечно, заблуждаться, но не въ большей степени, чѣмъ заблуждаются какъ индивидуумы, такъ и всѣ политическіе или общественные агрегаты.

Мы не будемъ останавливать вниманія читателей на подробностяхъ предложенія Mather'a, на детальномъ развитіи его мотивовъ, такъ какъ это можетъ быть не интересно для русскаго читателя. Нашею задачей было указать на тѣ особенности предложенія, которыя имѣютъ характеръ не чисто-англійскій, [а, такъ сказать, общечеловѣческій, на тѣ соображенія, которыя могутъ быть примѣнены къ условіямъ экономическаго строя всѣхъ странъ. Какова бы ни была судьба предложенія автора статьи *Contemporary Review*, въ немъ любопытно именно то соединеніе принциповъ вер-

ховенства центрального представительного органа власти съ правами самоопредѣленія мѣстныхъ органовъ управленія и представительствомъ органовъ экономически дифференцированныхъ классовъ населенія, то соединеніе принципа централизаціи съ принципами федералистическими, которое всегда составляло основу государственнаго права англо-саксонской расы, и которое эта раса, вѣроятно, примѣнитъ и къ рѣшенію экономическихъ и социальныхъ вопросовъ. Предложеніе Mather'a просто частный случай того движенія, которое еще только намѣчается въ Англіи въ разныхъ сферахъ ея экономической жизни, въ попыткахъ рѣшить отдѣльныя стороны социального вопроса мѣстными муниципальными или провинціальными властями, однимъ словомъ, въ такъ называемомъ «муниципальномъ социализмѣ». Это движеніе пока далеко не яркое, по ему, вѣроятно, предстоитъ блестящая будущность. Нѣтъ основанія полагать, чтобы принципъ соединенія централизаціи и федерализма, породившій такія великія слѣдствія въ сферѣ политической жизни Англіи и сдѣлавшій эту страну «матерью свободы» и учительницей другихъ націй, не могъ быть примѣненъ и къ явленіямъ экономической жизни страны.

П. Н.

Леонъ Гамбетта.

I.

19 декабря стараго стиля 1882 года скончался одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей Франціи, едва ли не самый вліятельный изъ основателей третьей республики,—Гамбетта. Нашъ очеркъ имѣетъ въ виду напомнить важнѣйшіе моменты въ дѣятельности этого народнаго трибуна. Леонъ-Мишель Гамбетта родился въ маленькомъ городкѣ Кагорѣ 2 апрѣля 1838 г. Его отецъ, родомъ изъ Генуи, былъ мелкимъ лавочникомъ въ Кагорѣ. Окончивъ блистательно курсъ наукъ въ семинаріи въ Монтобанѣ и кагорскій лицей, Гамбетта отправился въ Парижъ для изученія права. Въ 1860 г. онъ былъ внесенъ въ списки французскихъ адвокатовъ и выступалъ нѣсколько разъ въ судѣ. Первый успѣхъ не опьянилъ его; онъ прекрасно видѣлъ всѣ пробѣлы своего образованія и старался пополнить ихъ самымъ разностороннимъ чтеніемъ. Гамбетта не принадлежалъ къ цеху ученыхъ, но онъ обладалъ такимъ запасомъ знаній, какому могли бы позавидовать многіе изъ патентованныхъ ученыхъ. Очень часто распространялись о воспитательномъ значеніи кафе Прокопа, о горячихъ диспутахъ на банкетахъ и въ средѣ друзей, но рѣдко упоминали о той страстной, упорной работѣ, которая кипѣла въ скромной квартиркѣ молодого, почти неизвѣстнаго адвоката. Нельзя, конечно, отрицать вліянія знаменитаго кафе Прокопа на умственный складъ Гамбетты. Этотъ памятникъ XVIII ст., кафе энциклопедистовъ и Вольтера, хранилъ преданія великой эпохи просвѣщенія и являлся центромъ умственной жизни во Франціи; но это была только часть, и, притомъ, незначительная, той великой школы, которую прошелъ Гамбетта. Гуда онъ пришелъ съ готовыми взглядами, со сложившимися убѣжденіями, тамъ онъ находилъ просторъ для выраженія мыслей, волновавшихъ его безпокойную голову, тамъ онъ встрѣчалъ привѣтъ и одобреніе, и рѣчь его лилась такъ плавно и горячо, что хотѣлось ее слушать, слушать безъ конца. Голосъ былъ его главною чарующею силой. Когда онъ молчалъ, онъ производилъ впечатлѣніе плохо одѣтаго и довольно незначительнаго человѣка, принадлежавшаго къ тому общественному слою, который извѣстенъ подъ именемъ «богема». Но стоило ему заговорить, и толпа его друзей въ вос-

торгѣ рукоплескала ему. Онъ говорилъ о событіяхъ дня, о борьбѣ Пикара и Жюля Фавра съ клеветами Руэра въ законодательномъ корпусѣ, о томъ, какъ бы онъ сказалъ и поступилъ, еслибъ ему представился случай. И друзья не смѣялись надъ нимъ: они чувствовали его мощь, они вѣрили въ его призваніе. Случай представился—и имя Гамбетты облетѣло всю Францію. Въ 1868 г. въ судѣ исправительной полиціи разбиралось дѣло, извѣстное подъ именемъ «боденовскаго»: преслѣдовались газеты, открывшія подлиску на сооруженіе памятника Бодену, одной изъ жертвъ декабрьскаго переворота. Но защитникъ Делеклюза, Гамбетта, возвысилъ это дѣло до уровня государственнаго процесса и произнесъ безпощадный приговоръ имперіи. Въ яркихъ краскахъ рисовалъ онъ преступленіе 2 декабря,—кровавую драму насилія. Во имя мнимаго спасенія націи былъ поправъ законъ, нарушена конституція и на обломкахъ республики восторжествовала грубая сила. А лучшій цвѣтъ Франціи, защитники права и свободы, гибли на баррикадахъ, томились въ тюрьмахъ, изнывали въ Каеннѣ. Парижъ обманули провинціей, провинцію обманули Парижемъ. По всѣмъ департаментамъ распустили слухъ, что Парижъ сдался... Сдался! Онъ былъ побѣжденъ, разстрѣлянъ, сосланъ... Полузабытая картина преступленія вставала передъ оторопѣвшими слушателями... «Его судили вчера, будутъ судить завтра, вѣчно,—воскликнулъ Гамбетта,—до тѣхъ поръ, пока справедливость не получитъ своего высшаго удовлетворенія! Процессъ 2 декабря переживетъ вѣка въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Берлинѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ цѣломъ мірѣ, и цѣлый міръ произнесетъ надъ нимъ такой же приговоръ... Слушайте, семнадцать лѣтъ вы были полновластными, безответственными владыками Франціи; мы не требуемъ у васъ отчета въ томъ, какъ вы распорядились ея кровью, богатствомъ, честью, славой... Васъ судятъ ваши же дѣянія, вы не осмѣлились сказать намъ: будемъ праздновать 2 декабря, какъ годовщину одного изъ національныхъ празднествъ Франціи!... Вы отъ него отказались,—верните его намъ. Мы будемъ его праздновать, какъ годовщину его жертвъ, до тѣхъ поръ, пока восторжествовавшая страна не потребуетъ у васъ великаго искупленія во имя свободы, равенства и братства»... Эта рѣчь произвела потрясающее впечатлѣніе на всю Францію. Какъ громовый раскатъ пронеслась она въ душевнѣйшей атмосферѣ личнаго режима и дала друзьямъ свободы новыя силы для избирательной борьбы, предпоследней борьбы имперіализма. «Наканунѣ процесса, — писалъ Бриссонъ въ *Revue Politique*, — говорили о Садовой, о Мексикѣ, о папѣ. На слѣдующій день говорили только о второмъ декабрѣ, и развѣнчанная, уличенная въ преступленіи имперія была осуждена». Леонъ Гамбетта однимъ ударомъ завоевалъ себѣ блестящее положеніе въ лагерѣ республиканцевъ. Эта партія нуждалась въ сильномъ и талантливомъ защитникѣ—и онъ явился какъ разъ во-время, наканунѣ выборовъ 1868 года. Избиратели Марселя предложили ему, послѣ смерти своего представителя въ законодательномъ корпусѣ, Беррье, выступить кандидатомъ въ ихъ округъ. Правительство второй имперіи переполошилось. Частные выборы, назначенные въ ноябрѣ

1868 г., были отерочены до общихъ выборовъ 1869 года. Но Гамбетта пересталъ уже быть неизвѣстнымъ представителемъ богемы, и, несмотря на такихъ конкурентовъ, какъ Тьеръ, Фердинандъ Лессепсъ и Карно, былъ избранъ депутатомъ въ Парижъ и Марсель. «Руководящимъ принципомъ моихъ убѣжденій и моей политической дѣятельности,—говорилъ онъ въ своемъ *profession de foi* избирателямъ Белльвиля,—является верховенство націй, организованное самымъ тщательнымъ образомъ. Все должно быть сведено къ нему и согласовано съ нимъ: учрежденія, законы, интересы, даже нравы. Только этотъ, разумно примѣненный на практикѣ, принципъ въ состояніи довершить дѣло французской революціи и создать дѣйствительный порядокъ, полную справедливость, широкую свободу и истинное равенство». Избирательная борьба оживила Францію. Подавленная въ теченіе столькихъ лѣтъ личнымъ режимомъ Наполеона, она просыпалась къ новой жизни и революціонный духъ ея отцовъ воскресалъ въ дѣтяхъ. Парижъ волновался; кафе и бульвары были переполнены народомъ. Телеграммы летѣли одна за другой и изъ устъ въ уста переходили вѣсти объ исходѣ выборовъ. Имя Гамбетты раздавалось во всѣхъ концахъ Парижа. Онъ приходилъ въ желанный часъ, въ тотъ часъ, когда Наполеонъ рѣшился «увѣнчать зданіе» и обратиться въ конституціоннаго монарха, уступая требованіямъ оппозиціонной партіи, которая росла и крѣпла чуть ли не съ каждымъ днемъ. Составъ новаго министерства былъ порученъ Оливье, одному изъ членовъ прежней оппозиціи. Гамбетта выступилъ на политическую арену именно въ тотъ моментъ, когда либеральное министерство 2 января выдвинуло вопросъ о реформѣ. Его первое появленіе въ палатѣ произвело сильную сенсацію. Молодой и талантливый, онъ вскорѣ завоевалъ всѣ симпатіи республиканской партіи и выступилъ въ законодательномъ корпусѣ какъ вождь «непримиримыхъ». Это слово избобрѣтено самимъ Гамбеттой и въ свое время имѣло большое значеніе. Очень многіе готовы были примириться съ имперіей, если имперія даруетъ имъ извѣстныя права. Но Гамбетта объявилъ борьбу не на жизнь, а на смерть имперіи и возвыщалъ во всѣхъ концахъ Франціи, что безсовѣстно поддерживать клятвопреступнаго узурпатора, похитившаго власть у народа. «Мы принимаемъ васъ и вашъ конституціонализмъ,—кричалъ онъ въ законодательномъ корпусѣ по адресу Оливье и компаніи,—только какъ мость, ведущій къ республикѣ, и мы перешагнемъ». Но даже и въ моментъ самой страстной оппозиціи онъ умѣлъ сохранять дисциплину въ средѣ своей партіи и неуклонно вести ее къ намѣченной цѣли. Враги Гамбетты старались заклеить его именемъ «демагога», но, можетъ быть, никто, какъ онъ, такъ страстно не желалъ водворенія мира и правды на землѣ. Въ его глазахъ побѣда демократіи отождествлялась съ идеей свободы и справедливости. И, формулируя свою программу, онъ повторялъ не разъ, что всѣ его стремленія направлены къ тому, чтобы дать преобладаніе политикѣ, опредѣляемой всеобщимъ избирательнымъ правомъ, и проповѣдывать республику, какъ необходимое условіе для спасенія Франціи. Съ этими взглядами онъ выступилъ на политическое поприще и не отступился отъ нихъ ни на шагъ въ теченіе всей своей

жизни. Между тѣмъ, либеральное министерство Оливье горячо принялось за дѣло. Оно выдвинуло вопросъ объ избирательной реформѣ, объ уничтоженіи официальныхъ кандидатуръ, не спросивши согласія императора. Приверженцы Наполеона, Руэръ и Персины, подняли тревогу. Но какъ придратися къ популярному кабинету 2 января? Они придумали слѣдующую уловку: они готовы пойти на уступки, готовы согласиться на выработку проекта новой конституціи, но съ тѣмъ условіемъ, что она будетъ подвергнута плебисциту. Члены кабинета изъявили свое согласіе; но каково же было ихъ изумленіе, когда въ проектѣ новой конституціи появилась статья, которая отмѣняла всѣ уступки, сдѣланныя Наполеономъ! Эта статья давала право императору прибѣгать къ плебисциту. Либеральная партія требовала исключенія этихъ пунктовъ, но императоръ рѣшительно воспротивился.

Обсужденіе проекта новой конституціи въ законодательномъ корпусѣ вызвало горячія пренія. Блестящая рѣчь Гамбетты была страстнымъ протестомъ противъ компромисса между принципами наслѣдственной монархіи и принципомъ народовластія. Указывая на полную несовмѣстимость наслѣдственнаго режима съ плебисцитарнымъ, ораторъ требовалъ установленія республики. «Истинное верховенство націи, — говорилъ онъ, — мыслимо только при извѣстномъ политическомъ учрежденіи. Оно существуетъ только тамъ, гдѣ послѣднее слово въ дѣлахъ политики принадлежитъ парламенту, состоящему изъ представителей націи. Но если какая-нибудь другая власть въ состояніи парализовать дѣйствія парламента, тогда нарушенъ принципъ народовластія. И ни одна монархія, допускающая всеобщее избирательное право, не можетъ быть искренна: она принуждена хитрить съ нимъ, эксплуатировать его въ свою пользу. Но когда народныя массы поймутъ, наконецъ, связь, существующую между правомъ голоса и ихъ интересами, — о, тогда придется преклониться передъ неумолимою логикой всеобщаго избирательнаго права! Оно докажетъ вамъ, что оно то и есть верховная власть и что се не уступаютъ. Ваша миссія, ваша обязанность, — продолжалъ ораторъ, — состоитъ въ томъ, чтобы дать намъ политику, согласующуюся со всеобщимъ избирательнымъ правомъ».

Но онъ не находилъ въ проектѣ новой конституціи отвѣта на свои требованія и съ негодованіемъ отвергалъ его. Этотъ проектъ пойдетъ на утвержденіе народа, — говорилъ онъ, — а для того, чтобы плебисцитъ былъ настоящимъ *plebis scitum*, слѣдовало поставить вопросы въ такой формѣ: согласны ли вы отказаться отъ того или другого права? «Нѣтъ, подобный вопросъ не можетъ быть поставленъ, — народъ не вправѣ дать на него отвѣта, какъ никто не вправѣ лишить себя жизни!» И, обращаясь къ членамъ палаты, Гамбетта просилъ ихъ подвергнуть тщательному изученію проектъ новой конституціи и заставить уважать права народа. «Исторія скажетъ, — заключилъ онъ, — что вы были господами положенія, и исторія осудитъ васъ, если вы не счумѣте воспользоваться своимъ положеніемъ». Но предупрежденія Гамбетты пропали даромъ для законодательнаго корпуса. Онъ вотировалъ довѣріе кабинету Оливье и 8 мая сенатусъ-консультъ

былъ утвержденъ 7.359,142 «oui» противъ 1.538,825 «non». Воззвание къ націи наканунѣ плебисцита было составлено Гамбеттой. «Конституція, которую предлагаютъ вамъ, — гласила прокламація, — это ваше отреченіе». И народъ подписалъ отреченіе, повѣривъ въ послѣдній разъ, что имперія—это миръ. Хотя правительство и восторжествовало въ палатѣ, тѣмъ не менѣе, оно было дискредитировано въ глазахъ общества. Черезъ нѣсколько дней Гамбетта былъ приглашенъ на банкетъ, устроенный студенческою молодежью, и произнесъ тамъ рѣчь, которая явилась дополненіемъ къ рѣчи въ законодательномъ корпусѣ. «Геронческія времена республиканской партіи, — говорилъ онъ, — прошли. Сила противъ силы — это послѣднее средство можетъ быть употребляемо лишь какъ верховное возмездіе угрожаемаго права. До тѣхъ поръ, пока открыто поле для разсужденій, споровъ, прозелитизма, пропаганды, пока человѣкъ можетъ сходить съ человѣкомъ, гражданинъ съ гражданиномъ, пока сердца и умы въ состояніи понимать другъ друга и приходить къ какимъ-нибудь соглашеніямъ, пока полицейская рука не зажимаетъ рты свободныхъ гражданъ, до тѣхъ поръ слѣдуетъ громко провозглашать, что мы гнушаемся силою въ нашихъ рукахъ точно такъ же, какъ и въ рукахъ узурпаторовъ». И, поставивъ девизомъ трудъ, Гамбетта приглашалъ молодое поколѣніе довершить дѣло французской революціи. «Только просвѣщенная, выросшая изъ-подъ опеки нація, — говорилъ онъ, — можетъ дать намъ истинное правительство, которое внушало бы уваженіе каждому. Нужно дѣйствовать, господа. Нужно объединиться въ виду одной цѣли: распространенія знаній и пропаганды. Общій трудъ—вотъ мой девизъ. Laboremus!»

II.

Между тѣмъ, надъ Франціей собиралась гроза. Новое зданіе не было прочно. Многіе изъ представителей законодательнаго корпуса хотя и были преданы имперіи, но требовали отъ нея славы и блеска, которыми она себя окружала въ свои лучшіе дни. Они горѣли желаніемъ отомстить за Садовую, не дававшую покоя ихъ національному тщеславію. Такимъ образомъ, правительство очутилось между двухъ огней: между непримиримою оппозиціей радикаловъ и требованіями правительственной партіи поддержать первенство Франціи на материкѣ. Такъ какъ министерство Оливье старалось, главнымъ образомъ, укрѣпиться въ мнѣніи этой послѣдней партіи, оно съ горячностью ухватилося за первый попавшійся предлогъ для доказательства, что ему дороги преданія французской славы. Такимъ предлогомъ явилась кандидатура принца Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ, и, такъ какъ въ ней постарались увидѣть униженіе Франціи передъ Пруссіей, она послужила поводомъ къ войнѣ, въ которую такъ безразсудно кинулась Франція. Ходъ и результаты ея хорошо извѣстны. Копованный герой 2 декабря сдался на капитуляцію и былъ взятъ въ плѣнъ 2 сентября 1870 г. Седанская катастрофа произвела сильный пере-

полохъ во Франціи; она послужила сигналомъ къ низложенію Наполеона. Жюль Фавръ внесъ въ палату слѣдующее заявленіе: «Людвикъ Наполеонъ Бонапартъ и вся императорская фамилія отрѣшены отъ власти, предоставленной имъ конституціей». Въ отвѣтъ послѣдовало глубокое молчаніе, ни одинъ голосъ не поднялся въ защиту императора. А на улицѣ толпился народъ въ страшномъ волненіи.

Гамбетта боялся взрыва; желая дѣйствовать легальнымъ путемъ, онъ пастаивалъ, чтобы законодательный корпусъ вотировалъ предложеніе Фавра и организовалъ правительство національной обороны, помимо всякихъ партійныхъ соображеній. Но законодательный корпусъ медлилъ. Тогда, несмотря на все усилія Гамбетты, пародныя массы ворвались въ зданіе парламента и заняли залу, въ которой происходило засѣданіе. Не добившись никакого отвѣта отъ членовъ палаты, Гамбетта взмошелъ на трибуну: «Граждане,—говорилъ онъ,—такъ какъ отечество въ опасности, такъ какъ представителямъ націи было дано достаточно времени для того, чтобы произнести низложеніе съ трона, такъ какъ мы представляемъ истинную власть, полномочія которой созданы свободнымъ всеобщимъ голосованіемъ, мы объявляемъ, что царствованіе Людовика-Наполеона Бонапарта и его династіи прекратилось во Франціи навсегда!»—«А республика?»—восклицали въ толпѣ.—«Республика?»—возразилъ Гамбетта,—пойдемъ провозглашать ее въ ратушу». Охваченная энтузіазмомъ, толпа двинулась за нимъ по направленію къ ратушѣ. Тамъ среди глубокаго торжественнаго молчанія была провозглашена республика и организовано правительство національной обороны изъ десяти членовъ съ президентомъ Трошию во главѣ (4 сентября 1870 г.). Гамбетта, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, возвѣстилъ съ балкона эту вѣсть толпѣ, которая привѣтствовала ее восторженными криками «Vive la République!»

Новое правительство рѣшило во что бы то ни стало продолжать войну: необходимо было вывести Францію изъ того унижительнаго положенія, въ которое ее поставила имперія. «Пусть каждый французъ возьметъ ружье и слѣдуетъ предписаніямъ власти», таково было распоряженіе Гамбетты. Его роль во время національной обороны не укладывается въ рамки этого краткаго біографическаго очерка: это—исторія самой Франціи, той Франціи, которую онъ вдохновилъ энтузіазмомъ своихъ рѣчей, наэлектризовалъ своимъ собственнымъ героизмомъ и поднялъ на ноги въ моментъ угрожавшей ей гибели. Въ періодъ своей кратковременной дѣятельности въ Парижѣ Гамбетта смѣнилъ весь административный персоналъ, возобновилъ муниципальные совѣты и отсрочилъ выборы въ законодательное собраніе.

7 октября онъ былъ назначенъ однимъ изъ делегатовъ временнаго правительства въ Турѣ, а затѣмъ въ Бордо, и сдѣлался полновластнымъ, безответственнымъ диктаторомъ Франціи. Вылетѣвъ изъ осажденнаго Парижа въ воздушномъ шарѣ, Гамбетта направилъ все свои усилія на организацію сопротивленія въ департаментахъ. Препятствія только разжигали энергію молодого диктатора и заставляли его прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣ-

рамъ. Онъ подавилъ возстаніе люисской коммуны и южной лиги, остановилъ монархическіе заговоры и сумѣлъ впуштить уваженіе къ власти временнаго правительства. Франція погибала въ тотъ моментъ, когда онъ спустился на землю, а черезъ мѣсяцъ, благодаря его генію, она могла сражаться съ могущественнымъ врагомъ. Нужно удивляться той энергіи, той изобрѣтательности, которую онъ проявилъ въ этотъ періодъ своей дѣятельности. Проповѣдуя войну до послѣдней крайности, онъ набиралъ войска, какимъ-то чудомъ находилъ деньги для уплаты имъ жалованья, доставалъ оружіе, открывалъ на ряду съ Федербомъ и Ореллемъ другихъ выдающихся полководцевъ. «Нѣтъ,—восклиналъ онъ,—невозможно, чтобы геній Франціи померкъ навсегда, чтобы великая нація утратила свое положеніе въ мірѣ изъ-за вторженія 500,000 человѣкъ! Подымемся все и лучше умремъ, чѣмъ потеримъ позоръ расчлененія!» И онъ создавалъ одну армію за другой, прибѣгалъ къ содѣйствію Гарибальди, Шаретта и др., набрасывалъ планы сраженія. Его страстная, доходившая до фанатизма любовь къ отечеству давала ему новыя силы для борьбы и возбуждала страхъ въ душѣ враговъ. Въ самые критическіе моменты, когда, казалось, все потеряно, когда Мецъ сдался на капитуляцію, онъ все еще не терялъ надежды и обращался съ горячимъ воззваніемъ къ французскому народу поддерживать честь великой націи. Ни какія неудачи не могли убить его вѣры въ геній Франціи. Войска, дѣйствительно, замѣтно крѣпли; кампанія Федерба на сѣверѣ, сраженія при Дижонѣ, Нюи и Виллерсекелѣ давали право рассчитывать на лучший исходъ войны. Но измученный голодомъ Парижъ отказывался выдерживать дальнѣйшую осаду; въ Версалѣ было заключено перемиріе. Пользуясь благоприятнымъ моментомъ, парижское правительство назначило день выборовъ въ національное собраніе на 8 февраля. Представителямъ націи было предписано собраться въ Бордо для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ. Гамбетта продолжалъ настаивать на войнѣ. Въ виду этой цѣли, онъ счелъ необходимымъ заручиться подходящимъ составомъ палаты и издалъ свой знаменитый декретъ 2 февраля, которымъ установилъ неизбираемость всѣхъ, кто находился у власти во времена имперіи, занимая постъ министровъ, сенаторовъ, государственныхъ совѣтниковъ и т. п. Этотъ декретъ вызвалъ протестъ со стороны Бисмарка. Германскій канцлеръ заявилъ, что при такихъ условіяхъ собраніе не будетъ выражать дѣйствительной воли страны, и требовалъ, во имя свободы выборовъ, уничтоженія декрета, подписаннаго членами делегаціи въ Бордо. Онъ говорилъ какъ власть имѣющій, и, несмотря на негодованіе Гамбетты по поводу вмѣшательства иностранца въ дѣла Франціи, члены парижскаго правительства подчинились предписаніямъ канцлера. Гамбетта былъ взбѣшенъ; онъ могъ совершенно безнаказанно произвести государственный переворотъ, но его, по всей вѣроятности, остановила мысль о гражданской войнѣ, и онъ предпочелъ скорѣе отказаться отъ власти, чѣмъ подвергать свою родину новымъ опасностямъ. Когда делегаты изъ Парижа привезли ему извѣстіе объ отмініи декрета 2 февраля, онъ тотчасъ же подалъ въ отставку и извѣстилъ пре-

фектовъ о прибытіи членовъ парижскаго правительства, прося своихъ бывшихъ подчиненныхъ оказать высшую услугу республикѣ и приступить къ подготовкѣ выборовъ 8 февраля.

Вскорѣ затѣмъ онъ удалился съ своими друзьями, Ранкомъ и Спюллеромъ, въ маленькій загородный домикъ и съ грустью слѣдилъ оттуда за событіями дня.

Новое собраніе было, какъ извѣстно, созвано въ годину бѣдствій. Утомленная страпа жаждала мира — и проповѣдь мира дала реакціонное большинство въ палату. Тѣмъ не менѣе, Гамбетта былъ избранъ депутатомъ въ девяти департаментахъ; онъ присутствовалъ на засѣданіи 1 марта, гдѣ обсуждался проектъ мирнаго договора съ Пруссіей, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ «бордоескаго соглашенія», и горячо возставаъ противъ отдѣленія Эльзаса и Лотарингіи. Но, несмотря на всѣ его доводы, проектъ былъ утвержденъ большинствомъ голосовъ. Тогда онъ оставилъ собраніе, поклявшись отъ имени Франціи преслѣдовать только одну цѣль — цѣль освобожденія. Вскорѣ затѣмъ Гамбетта удалился въ Сень-Себастіанъ для восстановления своего расшатаннаго здоровья; но онъ не нашелъ тамъ желаннаго покоя: гражданская война, вызванная коммунистическимъ движеніемъ, повергла его въ тяжелое раздумье надъ судьбами Франціи.

III.

Спустя четыре мѣсяца Гамбетта появился опять на политической сценѣ. Въ немъ произошла крупная перемѣна. Прежній вождь «непримиримыхъ», *l'ou-furieux* (бѣшенный безумецъ, по выраженію Тьера) національной обороны, обратился въ парламентскаго дѣятеля, предводителя французскихъ виговъ, если можно такъ выразиться о партіяхъ во Франціи. Республика была провозглашена. Тьеръ взялъ въ свои руки бразды правленія съ твердымъ намѣреніемъ служить дѣлу республиканской партіи, и Гамбетта примкнулъ къ нему. «Нужно поддерживать, — говорилъ онъ въ Бордо наканунѣ дополнительныхъ выборовъ 3 іюля 1871 года, — и подкрѣплять наше правительство, республику, правительство фактическое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основанное на правѣ... Кто вздумаетъ угрожать ему, тотъ мятежникъ». Власть, — продолжаетъ ораторъ, — должна находиться въ рукахъ мудрыхъ, самыхъ достойныхъ. Это догматъ республиканцевъ. Наша оппозиція при имперіи была непримирима и революціонна, потому что нравственность не могла допустить сдѣлки съ правительствомъ, которое было основано на преступленіи и поддерживалось развратомъ. «Теперь, при республиканскомъ режимѣ, оппозиція измѣняетъ свой характеръ: она должна побуждать, контролировать, но не разрушать... Да! — восклицаетъ Гамбетта, — мы будемъ уважать вашу власть, вашу законность, вашъ выборъ, но мы не откажемся отъ права критики и реформы... Такое пониманіе роли оппозиціи при республикѣ зависитъ отъ различія эпохъ; эпоха, — я сказалъ бы: героическая, рыцарская, — нашей партіи прошла съ тѣхъ поръ, какъ отчасти осуществлены

ея надежды... Наша оппозиція,—объявляетъ ораторъ,—будетъ правительственной оппозиціей».

Рѣчь Гамбетты предназначалась для іюльскихъ выборовъ, съ которыми связывалась въ общественномъ мнѣніи вся судьба Франціи: быть или не быть республикѣ. Всѣ партіи открыли кампанію и борьба общалась быть упорною. Гамбетта не примкнулъ ни къ одной изъ партій, онъ создалъ себѣ среди нихъ новую партію новымъ во Франціи словомъ: правительственная оппозиція. Результаты выборовъ нанесли тяжелый ударъ реакціонному большинству палаты. Гамбетта былъ избранъ въ трехъ департаментахъ, несмотря на противодѣйствіе роялистовъ и недовѣріе той части республиканцевъ, которые отрицали значеніе національной обороны. Въ собраніи Гамбетта преслѣдовалъ двѣ цѣли: возрожденіе Франціи и организацію своей партіи въ духѣ правительственной оппозиціи. Позоръ, пережитый Франціей, не давалъ ему покоя, и такъ какъ ее погубило «нравственное и физическое несовершенство» націи, онъ, какъ страстный патріотъ, направилъ всѣ свои усилія на подъемъ интеллектуальнаго развитія и боевыхъ силъ страны. Его лозунгомъ сдѣлалось всеобщее образованіе, необходимое для подготовки истинныхъ гражданъ. Организуя свою партію, Гамбетта старался распространить въ ея средѣ, вмѣстѣ съ идеями свободы и принципами демократіи, идеи и принципы парламентской борьбы.

Когда собраніе объявило себя учредительною властью, онъ сдерживалъ порывы крайней лѣвой и убѣждалъ ее дѣйствовать легальнымъ путемъ. Хотя онъ и сознавалъ, что миссія собранія, созваннаго для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ, давно уже кончена, что ему пора разойтись, но онъ не желалъ брать на себя инициативу подобнаго предложенія и продолжалъ работать въ средѣ этого собранія, приглашая республиканцевъ внести свою лепту въ общее дѣло національнаго возрожденія. Глубокое знакомство Гамбетты съ практическими подробностями государственныхъ вопросовъ,—политическихъ и финансовыхъ,—обратило всеобщее вниманіе. Народный трибунъ сдѣлался однимъ изъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей, истиннымъ leader'омъ республиканской партіи, и внушилъ довѣріе даже предубѣжденному противъ него Тьеру. Кто зналъ Гамбетту до войны, тотъ удивлялся его крайней несдержанности. Онъ громко смѣялся, прерывалъ ораторовъ громкими замѣчаніями, награждалъ своихъ враговъ вовсе не парламентскими эпитетами. Когда дебаты становились особенно оживленными, народный вождь не зналъ границъ и очень часто друзья придерживали его за фалды сюртука, а буржуа въ ужасѣ шептали: «О, у него нѣтъ никакой выдержки, это не серьезный человѣкъ!» Но Гамбетта 1871 г. совершенно другой человѣкъ. Онъ испыталъ власть, видѣлъ кровь, перенесъ клевету. Онъ и теперь вскакиваетъ, какъ разъяренный левъ, и восклицаетъ: «это ложь!» когда кто-нибудь изъ членовъ правой оскорбляетъ его достоинство, но въ общемъ онъ такъ серьезенъ и сдержанъ, что даже самые требовательные лавочники могли бы быть имъ довольны. Грязныя клеветы его враговъ, набросившія тѣнь на честность Гамбетты, должны были смолк-

путь передъ показаніями комиссіи, которая разслѣдовала акты правительства національной обороны. Виѣпарламентская дѣятельность Гамбетты также, какъ и дѣятельность въ собраніи, была направлена на организацію республиканской партіи и на возрожденіе отечества. Въ виду этой цѣли онъ предпринялъ изданіе газеты *République Française* (5 ноября 1871 г.) и началъ пропаганду демократическихъ идей по всей Франціи. Появленіе *République Française* было важнымъ политическимъ событіемъ. Оно обмануло всѣ ожиданія противной партіи, которая рассчитывала увидѣть въ органѣ Гамбетты революціонный листокъ, дискредитирующій издателя въ глазахъ общественнаго мнѣнія. И каково же было ея изумленіе, когда она увидѣла своего рода *Journal des Débats* демократіи, гдѣ развивалась во всей полнотѣ теоретическая и практическая часть доктрины. Но главное воспитательное значеніе для французской демократіи имѣли рѣчи Гамбетты. Онъ не походилъ на тѣхъ народныхъ трибуновъ, которые ограничивались проповѣдью своихъ принциповъ въ средѣ избирателей того или другого округа. Онъ искалъ сближенія со всею французскою демократіей. Объединеніе всѣхъ классовъ общества въ виду этой цѣли было мечтой всей его жизни. Онъ распространялъ по всей Франціи идеи свободы и справедливости, проповѣдуя принципы 89 года, которые легли въ основу его политики, и приглашалъ демократію довершить дѣло великой революціи путемъ постепеннаго прогресса, терпѣливаго труда и просвѣщенія. «Не будемъ увлекаться утопіями несправимыхъ фантазёровъ и невѣждъ, — говорилъ онъ въ Гаврѣ, — которые ищутъ формулы мірового счастья. Такой формулы, повѣрьте, нѣтъ, какъ нѣтъ общаго соціальнаго вопроса. Есть цѣлая серія экономическихъ проблемъ, различныхъ по условіямъ мѣста, климата, правовъ, задачъ, не одинаковыхъ даже въ предѣлахъ одной и той же страны, — и эти-то задачи нужно рѣшать не общою какою-либо формулой, а послѣдовательно, одну за другой. Трудъ, просвѣщеніе, единеніе, постоянное содѣйствіе проинимутаго честными намѣреніями правительства — вотъ что ведетъ народъ къ эмансипаціи. Панацея же, повторяю, нѣтъ, прогрессъ опредѣляется условіями времени, а не общими законченными, всенсчерпывающими формулами». Во всѣхъ концахъ Франціи раздавался голосъ Гамбетты, призывая къ терпѣнію, мужеству и патриотизму.

Онъ страстно любилъ народъ, онъ самъ былъ сынъ народа и отдалъ всю свою жизнь на служеніе ему; но онъ не рисовался передъ нимъ, не льстилъ ему; онъ повторялъ не разъ, что Францію нужно передѣлать всю до мозга костей, что ей недостаетъ образованія. Подъ вліяніемъ Гамбетты воспиталось новое поколѣніе демократіи. Онъ возвѣстилъ его пришествіе въ своей знаменитой гренобльской рѣчи 26 сентября 1872 г.: «Я предчувствую и привѣтствую появленіе новаго общественнаго слоя на политической аренѣ», — говорилъ онъ, указывая на нарождавшееся поколѣніе демократіи, юное, сдержанное, развитое, приспособленное къ дѣлу, жаждущее справедливости и свободы, которое выступило подъ эгидой всеобщаго избирательнаго права и приняло участіе въ политическихъ дѣлахъ; ему несомнѣнно принадлежало

будущее. Гамбетта былъ воспитателемъ и руководителемъ этого поколѣнія, и тотъ моментъ, когда онъ могъ привѣтствовать его появленіе на политической сценѣ, былъ лучшимъ моментомъ его жизни, лучшею наградой за его труды.

Между тѣмъ, коалиція правыхъ шла своимъ чередомъ. Когда Тьеру, поддержанному лѣвой, удалось выплатить контрибуцію, ускорить освобожденіе территоріи отъ прусскихъ войскъ и возстановить національное правительство, онъ былъ удаленъ отъ власти соединенными усиліями правой «великимъ вотумомъ неблагодарности» (24 мая 1873 г.). Новымъ президентомъ республики былъ избранъ Макъ-Магонъ; вслѣдъ за нимъ выпозли на свѣтъ всѣ представители клерикальной реакціи и началась пропаганда монархической реставраціи. Положеніе было критическое. Гамбетта старался успокоить умы и обратился къ націи съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Граждане! положеніе, въ которомъ находится Франція, благодаря совершившемуся политическому кризису, требуетъ, прежде всего, сохраненія порядка. Мы заклинаемъ васъ избѣгать всего, что могло бы увеличить общественное волненіе. Никогда спокойствіе и мужество не были такъ необходимы. Сохраните же спокойствіе! Дѣло идетъ о спасеніи Франціи и республики». Послѣдовавъ мудрымъ совѣтамъ Гамбетты, республиканская партія предоставила ему дѣйствовать въ палатѣ; она знала, что отдастъ свое дѣло въ хорошія руки, и терпѣливо ждала исхода борьбы. А борьба была страстная, упорная. Монархизмъ подымалъ свою голову и съ торжествомъ привѣтствовалъ побѣду. Заговорщики 24 мая остановились на мысли поддержать временное правительство диктатурой и тѣмъ сохранить власть на неопредѣленное время. Республикѣ грозила окончательная гибель. Но въ этотъ критическій моментъ развернулся во всемъ своемъ блескѣ политическій геній Гамбетты. Онъ указывалъ лѣвой на два выхода: или распустить собраніе, или заставить его утвердить республику на законной почвѣ. Если нужно выбирать между гибелью собранія и гибелью отечества, я буду вотировать за гибель собранія,—повторялъ онъ не разъ,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, допускалъ возможность компромисса и установленіе республики этимъ собраніемъ. Онъ вступилъ въ переговоры съ лѣвымъ центромъ, заручился его поддержкой и одержалъ побѣду. 30 января 1875 г. собраніе вотировало проектъ Воллана: «Президентъ избирается на семь лѣтъ національнымъ собраніемъ, которое состоитъ изъ сената и палаты депутатовъ. Онъ можетъ быть избранъ вновь». Большинство голосовъ оказалось на сторонѣ проекта и республика получила законное обоснованіе. Но обнародованіе ея было отложено до тѣхъ поръ, пока не будетъ вотированъ законъ объ организаціи сената. Этотъ политическій маневръ Брольи былъ, однако, не послѣднимъ тормазомъ къ провозглашенію республики. Когда собраніе въ февралѣ приступило къ чтенію проекта и прошелъ его первый пунктъ, касающійся избранія сената тѣмъ же составомъ избирателей, какимъ избиралась и палата, роялисты и бонапартисты, при содѣйствіи Макъ-Магона, возобновили свои интриги. Горячій призывъ Гамбетты къ патриотизму собранія спасъ республику. «До сихъ поръ мы вамъ дѣлали уступки,—обращался онъ къ

колеблющимся членамъ правой,—насъ, можетъ быть, осудятъ впослѣдствіи, но осудятъ менѣе строго, несмотря на всѣ наши ошибки, чѣмъ вы сами себя осудите. Впослѣдствіи скажутъ, что вы упустили этотъ, быть можетъ, единственный случай и не создали прочной, законной и умѣренной республики». Эта рѣчь произвела потрясающее впечатлѣніе на членовъ собранія; между партіями начались новые переговоры и результатомъ ихъ соглашенія явилась конституція 25 февраля 1875 г. Вся республиканская партія приветствовала съ восторгомъ провозглашеніе республики. Гамбетта задался цѣлью разъяснить демократіи значеніе новой конституціи. Онъ особенно подробно останавливался на организациі сената, такъ какъ консервативный характеръ этого учрежденія внушалъ нѣкоторыя опасенія болѣе прогрессивной части демократіи. «Тѣ, у кого впервые родилась идея создать сенатъ,—разъяснялъ онъ призрачность подобныхъ опасеній,—имѣли въ виду создать цитадель реакціи, нѣчто вродѣ убѣжища для отверженныхъ всеобщимъ голосованіемъ. Но посмотримъ, осуществили ли они эту идею; не дали ли они намъ, вмѣсто палаты сопротивленія, цитадели реакціи, учрежденіе истинно-демократическое по своему происхожденію, по тенденціи, по будущности? Милостивые государи, я въ этомъ убѣжденъ и постараюсь доказать вамъ... Что дадутъ намъ избирательныя урны? Сенатъ? Нѣтъ, граждане, великій совѣтъ французскихъ коммунъ. Скажите, гдѣ, въ какомъ государствѣ старой Европы было дано въ руки демократіи болѣе удобное орудіе? Стоить хорошо понять и примѣнить этотъ институтъ сената—и демократія станетъ верховнымъ владыкой Франціи». И если демократія примирилась съ учрежденіемъ второй палаты, то этимъ Франція обязана Гамбеттѣ: онъ, а не другой кто, убѣдилъ ее въ необходимости контролирующаго законодательную дѣятельность собранія.

31 декабря разошлось національное собраніе. Республиканскій leader, пользуясь каникулярнымъ временемъ, направилъ всѣ свои усилія на подготовку выборовъ въ сенатъ и палату. Объѣзжая Францію по всѣмъ направленіямъ, Гамбетта давалъ тонъ выборной агитаціи. «Когда я говорю вамъ,—поучалъ онъ лильскихъ избирателей,—что ваши кандидаты должны быть демократами, я имѣю въ виду людей, проникнутыхъ идеей умственного и нравственного прогресса общества, которые содѣйствуютъ путемъ административныхъ мѣръ просвѣщенію народной массы и будятъ ея умственные силы; эта масса всегда была въ загонѣ, а, между тѣмъ, она, быть можетъ, какъ нетронутый рудникъ, явить міру цѣлыя сокровища ума и таланта, затертыя нищетою и невѣжествомъ, подавленные обскурантизмомъ въ ущербъ интересамъ отечества. Я называю демократами тѣхъ людей, которые сознаютъ, что верховная власть должна принадлежать народу, а не какой-нибудь обособленной группѣ, кастѣ или роду, которые понимаютъ, что администрація, бюджетъ и сила государства должны являться источниками всеобщаго развитія, а не идти только для избранныхъ. Это люди, стремящіеся, главнымъ образомъ, къ болѣе правильному распредѣленію финансовыхъ, промышленныхъ и экономическихъ силъ страны,—люди, которые медленно,

систематично прогрессируютъ отъ настоящаго къ будущему, оставаясь въ предѣлахъ возможнаго и сознавая, что даже въ лучшемъ изъ міровъ всегда найдется работа. Демократомъ, наконецъ, можетъ быть названъ тотъ, кто не только признаетъ равныхъ,—ихъ признаютъ все общества,—но это не истинная демократія. Истинная демократія не только признаетъ равныхъ, а и создаетъ ихъ». «Намъ дали конституцію, — развивалъ онъ тѣ же идеи въ Бордо 13 февраля,—и избавили насъ отъ диктатуры, прикрытой громкимъ именемъ септената. Остается поддержать и увѣичать республиканское зданіе, представляющее гарантію порядка и прогрессивнаго развитія человѣческихъ правъ. Вотъ результатъ 25 февраля 1875 г.,—результатъ патріотизма, и, когда говорятъ, что это продуктъ соглашенія, воздаютъ ему лучшую хвалу. Страна дождалась, наконецъ, желаннаго сближенія; случись оно шестьдесятъ, сорокъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, оно могло бы завершить циклъ французской революціи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему стремились наши предшественники, авторы деклараціи правъ? Въ свѣтлую пору своей дѣятельности они мечтали создать демократію и отвести ей лучшимъ представителямъ мѣсто руководителей, наставниковъ и защитниковъ тѣхъ, кто, стоя на низшей ступени общественной лѣстницы, не могъ пользоваться благами цивилизаціи и фортуны, но кто имѣлъ на нихъ такія же несомнѣнныя права, какъ и другіе. Конституція 25 февраля явилась именно такимъ союзомъ, такимъ единеніемъ, такимъ мирнымъ договоромъ между буржуазіей и народомъ,—и въ этомъ залогъ будущаго; она будетъ жить, вопреки всемъ нападамъ, которыя возможны и понятны со стороны доктринѣровъ. Но я не доктринѣръ, я—человѣкъ практики, преданный защитѣ демократическихъ идей; у меня только одна страсть—постепенный прогрессъ въ законахъ и учрежденіяхъ моей страны».

Голосованіе 30 января дало въ сенатѣ республиканское меньшинство; но вотъ 20 февраля воскресило все надежды республиканцевъ. Избранный въ четырехъ департаментахъ, Гамбетта сдѣлался вождемъ республиканской партіи въ новой палатѣ. Онъ стремился объединить все фракціи лѣвой и повторялъ имъ не разъ: «Необходимо, чтобы каждый изъ насъ могъ говорить отъ имени всего большинства, такъ какъ большинство палаты есть, въ то же время, большинство націи». Но разумный совѣтъ Гамбетты не былъ уваженъ; лѣвая раздѣлилась. Разрывъ партіи повелъ къ политической слабости, неустойчивости министерствъ, нерѣшительности правительства и парламента. Подобное положеніе не могло длиться долго,—развязка послѣдовала 16 мая; но объ этомъ еще впереди. Вернемся къ дѣятельности Гамбетты въ собраніи. Все его вниманіе въ данный моментъ было сосредоточено на финансахъ страны и на пропскахъ духовенства. Выбранный предсѣдателемъ бюджетной комиссіи, онъ горячо принялся за дѣло. Считая необходимымъ предпринять рядъ глубокихъ реформъ въ области финансовъ, Гамбетта предлагалъ введеніе подоходнаго налога, но потерпѣлъ неудачу. Между тѣмъ, клерикальная партія заявляла все настойчивѣе и смѣлѣе о своемъ существованіи. Гамбетта указывалъ на крайнюю необходимость

подавить законными мѣрами агитацію духовенства. «Дѣло идетъ не о защитѣ религій, — говорилъ онъ по поводу кассированія выборовъ Мена, — на нее никто не нападаетъ. Когда мы говоримъ о клерикальной партіи, мы не имѣемъ въ виду ни религій, ни искреннихъ католиковъ, ни національнаго духовенства. Мы хотимъ вернуть духовенство въ церковь, хотимъ напомнить ему, что церковная кафедра — не политическая трибуна, хотимъ обезпечить свободу выборовъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ церковными вопросами». Главная рѣчь Гамбетты была произнесена 4 мая 1877 г. Указавъ на зависимость клерикальной партіи отъ Рима, на ея возростающее вліяніе среди французской буржуазіи, онъ говорилъ: «Результатомъ собора 1870 г. явилось стремленіе поколебать конкордатъ, подвергнуть вопросу самое существованіе этого трактата, этого взаимно-обязующаго договора, который регулируетъ отношенія между духовною и свѣтскою властью, между церковью и государствомъ; помимо него, есть только два выхода: выключеніе или отдѣленіе. Но такъ какъ мы предпочитаемъ всякое рѣшеніе этимъ двумъ выходамъ, мы требуемъ отъ васъ уваженія къ конкордату и сопровождающимъ его статьямъ, требуемъ точнаго исполненія нашихъ законовъ, представляющихъ гарантію нашихъ правъ и нашей церковной независимости. Вы должны выбирать одно изъ двухъ: или перестать быть французами, или подчиниться законамъ. Мнѣніе палаты, — продолжалъ онъ, — составлено, но я долженъ предупредить васъ: какъ бы ни былъ ясенъ смыслъ ея приговора, онъ не въ состояніи удовлетворить національнаго чувства, негодующаго противъ систематической агитаціи людей, которые во власти иностранца. Вы чувствуете, вы знаете, что наравнѣ со старымъ режимомъ есть нѣчто, внушающее не меньшее отвращеніе странѣ и французскимъ крестьянамъ: это — господство клерикализма. Да, вы правы, и я перевожу только тайную мысль народа, когда восклицаю вслѣдъ за своимъ другомъ Пейра: «Клерикализмъ — вотъ врагъ!»

Сонъ d'état 16 мая былъ отвѣтомъ курии на рѣчь Гамбетты. Маршалъ Макъ-Магонъ далъ отставку Жюлю Симону и уполномочилъ герцога Брольи распускать палату. Отставка кабинета 13 декабря явилась возмездіемъ за припятия имъ мѣры противъ поползновеній духовенства, вызовомъ, брошеннымъ демократіи, торжествомъ клерикализма. Страшное негодованіе охватило республиканскую партію. Врагъ былъ опасенъ; онъ угрожалъ не только Франціи, но и всей Европѣ. Его минутная побѣда вызвала въ Италіи сильное волненіе. Нужно было сражаться, не теряя ни минуты; нужно было доказать Макъ-Магону, что Франція, которую онъ зоветъ на борьбу съ парламентомъ, будетъ за парламентъ противъ личнаго режима и ультрамонтанскаго правительства. Моментъ опасности объединилъ всю республиканскую партію; Гамбетта опять былъ признанъ ея вождемъ. Необходимо выйти изъ этого положенія, — говорилъ онъ членамъ палаты, приглашая ихъ допросить правительство, съ конституціей въ рукахъ, что намѣрено оно предпринять: пойдетъ ли оно объ руку съ республиканскою партіей или продиктуетъ распускеніе палаты? «Берегитесь, какъ бы страна не увидѣла за актомъ

распущенія какихъ нибудь другихъ расчетовъ и не сказала бы: это предлогъ къ войнѣ! Преступень тотъ, кто преслѣдуетъ такую цѣль!» Распущеніе палаты было отложено на одинъ мѣсяць (18 мая *). Между тѣмъ, клерикальная коалиція не теряла ни минуты. Такъ какъ успѣхъ былъ возможенъ только при условіи официальныхъ кандидатуръ, кабинетъ 17 мая успѣшилъ замѣтить многія административныя и судебныя мѣста своими клеветами, прибѣгая къ самымъ возмутительнымъ мѣрамъ. Но республиканская партія рѣшила дѣйствовать только легальнымъ путемъ пропаганды противъ всѣхъ насилій правительства. Гамбетта, увидѣвъ, что распущеніе палаты неизбѣжно, привлекъ на свою сторону парижскихъ издателей большихъ политическихъ газетъ и организовалъ вмѣстѣ съ ними главный комитетъ сопротивленія и пропаганды. Отсюда подъ руководствомъ особаго комитета совершалась дѣятельная разсылка брошюръ и газетъ въ провинціи. Сверхъ того, въ каждомъ центральномъ пунктѣ кантоновъ были основаны республиканскіе комитеты, и въ каждомъ одинъ изъ 363 разъяснялъ избирателямъ смыслъ настоящаго положенія. Редакція *République Française* сдѣлалась главнымъ штабомъ республиканской арміи. Борьба была страстная; всѣ принимали въ ней участіе, даже отживающіе борцы вышли на арену съ новыми силами и восьмидесятилѣтній Тьеръ упрекалъ Гамбетту въ *умиренности*. Гамбетта вѣрилъ въ успѣхъ, вѣрилъ, что побѣда будетъ на сторонѣ права и высказывалъ это во всеуслышаніе. «Я не сомнѣваюсь въ отвѣтѣ Франціи»,—говорилъ онъ, бодро глядя впередъ.

Парламентская сессія открылась 16 іюня. Въ палатѣ депутатовъ шло обсужденіе запроса лѣвой по поводу образованія кабинета; Гамбетта вмѣстѣ съ Луи Бланомъ, Жюлемъ Ферри и др. поддерживалъ запросъ лѣвой. Правая не давала ему говорить, постоянно прерывая замѣчаніями. «Нужно, наконецъ, объясниться»,—говорилъ онъ.—Франція должна узнать, что было результатомъ того достопамятнаго дня, 4 мая, когда Жюль Симонъ, говоря объ узничествѣ св. отца, заявилъ съ трибуны, что это выдумка, и окрестилъ ее подходящимъ эпитетомъ: наглая выдумка. Черезъ два дня, милостивые государи, слова республиканскаго министра были подхвачены въ иѣдрахъ Ватикана и оттуда, какъ извѣстно, послѣдовалъ ударъ, опрокинувшій министерство. Крикъ огласилъ всю Францію, крикъ, который и вы услышите, который повторится еще и будетъ крикомъ освобожденія, возмездіемъ, то будетъ крикъ: это—царство патеровъ! Министерство поповъ, какъ зовутъ его крестьяне. Мы находимся наканунѣ выборовъ и, смѣю увѣрить васъ, какъ недавно насъ отправилось 221, а вернулось 270, такъ и теперь, въ 1877 г., насъ идетъ 363, а вернется 400».

Палата, вотировавшая недовѣріе кабинету Бролы, была распущена 25 іюня и страна подверглась четырехмѣсячной диктатурѣ. Всѣ успія республиканскаго вождя были направлены на борьбу съ реакціей. Объединивъ

*) Въ этотъ же день лѣвая издала, въ формѣ воззванія къ націи, протестъ противъ поведенія правительства 16 мая, который былъ подписанъ 363 республиканцами.

всѣ фракціи лѣвой, онъ старался поддерживать ея мужество, внушить ей ту же вѣру, которая согрѣвала его. Итъ, страна пойдетъ объ руку съ республиканскою партіей и докажетъ правительству, что нельзя безнаказанно нарушать законъ. «Когда раздастся царственный голосъ Франціи, тогда придется подчиниться или уйти» (*Se soumettre ou se démettre*).

Эта слова сдѣлались лазунгомъ избирателей, побѣднымъ крикомъ демократіи. Бролли въ безсильной злобѣ подвергъ Гамбетту судебному преслѣдованію. Но еще болѣе тяжелыя испытанія ждали республиканскую партію: 3 сентября, наканунѣ общихъ выборовъ, умеръ Тьеръ. Смерть чловѣка, горячо преданнаго республикѣ, чловѣка, имѣвшаго огромное вліяніе на извѣстную часть консерваторовъ, не предвѣщала ничего хорошаго. А чтѣ, если люди, которыхъ Тьеръ склонилъ на сторону республики, пойдутъ теперь противъ нея? Эта мысль не давала покоя республиканской партіи. Но ободряющій голосъ Гамбетты вывелъ ее изъ нерѣшительности, воскресилъ ея надежды и далъ ей новыя силы для борьбы противъ общаго врага 16 мая. Реакція старалась воспользоваться смертью Тьера для своихъ цѣлей: она свела вопросъ борьбы на соперничество Гамбетты съ Макъ-Магономъ. Разумѣется, признанный вождь республиканцевъ смѣло могъ разсчитывать, послѣ смерти Тьера, на роль президента республики; но онъ любилъ отечество больше славы и предпочелъ ступеняться передъ Жюлемъ Греви. «Я не ищу власти,—говорилъ онъ своимъ избирателямъ,—я хочу быть только представителемъ націи. Я республиканецъ, республиканецъ по рожденію, вѣрный слуга демократіи и не претендую на большее». Онъ говорилъ правду: онъ добивался побѣды не во имя личныхъ интересовъ, а во имя великихъ принциповъ 89 г., которымъ отдалъ всю свою жизнь. Онъ первый указалъ на Жюля Греви, какъ на будущаго кандидата въ президенты республики. «Греви!—воскликала органъ Бролли *Français*,—его не знаютъ въ Европѣ, не знаютъ у насъ!» Но горячій защитникъ Греви отстоялъ право будущаго кандидата, и голосъ Гамбетты покрылъ голосъ Бролли.

Выборы 14 октября, несмотря на правительственное давленіе, дали республиканское большинство въ палату. Необходимо было дѣйствовать не медля, необходимо было сразить врага какъ можно скорѣе. Лѣвая организовала комитетъ изъ восемнадцати членовъ съ цѣлью предпринять рѣшительныя мѣры въ моментъ опасности; Гамбетта былъ его душой. Избравъ все прежнее бюро, новая палата дала почувствовать правительству, что она является продолженіемъ палаты 1876 г. и что борьба съ кабинетомъ 17 мая далеко не кончена. Греви внесъ въ палату отъ имени комитета проектъ о назначеніи комиссіи для изслѣдованія дѣйствій правительства. Гамбетта явился горячимъ защитникомъ проекта и страстнымъ обвинителемъ клерикально-монархической политики. Друзья Бролли намекали, что сенатъ вотируетъ вторичное распушеніе палаты. «Если сенатъ,—возразилъ Гамбетта,—я далекъ отъ мысли обвинять его въ превышеніи власти,—если сенатъ осмѣлится ревизовать выборы, нарушать права палаты послѣ то-

го, какъ страна высказала свое мнѣніе, сенатъ обратится въ конвентъ. Но я помню, при какихъ условіяхъ былъ созданъ сенатъ и вѣрю въ него... Прочь уловки!—воскликнулъ онъ съ негодованіемъ.—Вы цѣпляетесь за власть, — вотъ гдѣ истина; вы стремитесь удержать за собою хоть нѣсколько часовъ господства. И въ васъ говоритъ даже не честолюбіе, а грубые аппетиты!» (15 ноября). Проектъ былъ принятъ большинствомъ голосовъ; герцогъ Брольи подалъ въ отставку. Но Макъ-Магонъ не хотѣлъ такъ скоро сдаться; онъ сдѣлалъ еще одну попытку и образовалъ новый кабинетъ въ духѣ стараго. Гамбетта не растерялся. По его инициативѣ, комитетъ восемнадцати отправилъ депутацію къ маршалу съ заявленіемъ, что палата не желаетъ вступать ни въ какія сношенія съ новымъ кабинетомъ. Но, несмотря на всѣ доводы и просьбы, Макъ-Магонъ упорствовалъ. Подъ вліяніемъ окружавшей его клики, онъ помышлялъ о государственномъ переворотѣ. Заговорщики составили даже планъ переворота, оставалось привести его въ исполненіе. Республиканскій комитетъ былъ на сторожѣ; подъ руководствомъ Гамбетты онъ объединилъ всѣхъ членовъ лѣвой и далъ рѣшительный отпоръ сторонникамъ личнаго режима. Палата отказалась вотировать бюджетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ составленъ республиканскій кабинетъ.

«Мы принесемъ наше золото, наши повинности, наши пожертвованія, плодъ нашей вѣрности, лишь тогда, когда преклонятся передъ волей націи, выраженной 14 октября», — говорилъ Гамбетта, и палата подтвердила его слова. Положеніе, принятое лѣвой, одобряющая рѣчь Гамбетты въ IX округѣ Парижа, восторженные привѣтствія толпы, — все это нѣсколько смутило маршала и повергло его въ раздумье. Армія была на сторонѣ закона. Европа негодовала на дѣйствія французскаго правительства.

Маршалъ, наконецъ, сдался и поручилъ образованіе новаго кабинета Дюфору.

16 мая стало достояніемъ прошлаго: вѣра Гамбетты спасла республику.

Съ этого момента начинается новый періодъ въ жизни Гамбетты. Оппозиціонная борьба его партіи увѣнчалась успѣхомъ, власть перешла въ руки демократіи, оставалось упрочить ея торжество. Гамбетта направилъ всѣ свои усилія въ эту сторону. «Я оптимистъ во время борьбы, въ дни опасности, — говорилъ онъ въ Марсели въ началѣ 1878 г., — но послѣ побѣды, въ часъ перемирія мною овладѣваетъ духъ сомнѣній и безпокойства. Я боюсь опьяненія успѣхомъ, ошибки со стороны нашей партіи, чьего-либо безразсуднаго шага, предательской измѣны интригановъ. Дорогие друзья, побольше такта и терпѣнія! Разъ побѣда за нами, нѣтъ нужды гнаться за врагомъ, не оборачиваясь назадъ; тѣ, кого мы оставляемъ позади, могутъ легко воспользоваться нашими примѣрами и напасть на насъ именно въ тотъ моментъ, когда мы этого всего менѣе ожидаемъ. Я требую, чтобы наша партія сдѣлала привалъ; ей нужно утвердиться во взятой позиціи, укрѣпить ее, баррикадировать, сдѣлать ее неприступной».

Гамбетта никогда не былъ сторонникомъ оппозиціи во что бы то ни стало, онъ стремился всегда приблизить демократію къ кормилу власти, такъ какъ въ его глазахъ «годъ власти былъ плодотворнѣе десяти лѣтъ самой геройской оппозиціи»; и теперь, когда этотъ желанный моментъ наступилъ, Гамбетта обратился изъ вождя оппозиціи въ государственнаго человѣка. Ни одинъ проектъ, ни одна реформа не ускользали отъ его вниманія. Власть, которою онъ пользовался въ качествѣ председателя бюджетной комиссіи, росла все больше и больше, благодаря его личнымъ заслугамъ. Онъ вносилъ столько энергіи и страсти въ свое дѣло, преслѣдовалъ такъ настойчиво осуществленіе демократическихъ реформъ, что республиканская партія охотно подчинялась ему. Министерство Дюфора возникло подъ вліяніемъ Гамбетты. Члены кабинета относились съ глубокимъ уваженіемъ къ республиканскому вождю и прибѣгали къ его совѣтамъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ.

Гамбетта являлся лучшимъ выразителемъ стремленій и идей, одушевлявшихъ республиканское большинство, и его безотвѣтственная роль оказалась болѣе плодотворною и полезною, чѣмъ можно было бы ожидать при такихъ условіяхъ. Приверженцы Гамбетты прекрасно видѣли чистоту его намѣреній и вполне довѣряли ему. Но враги подняли тревогу; они обвиняли его въ жаждѣ власти, въ закулисномъ вліяніи на министерство, въ стремленіи занять первое мѣсто въ государствѣ. Реакція, побужденная на выборахъ, встрѣтила поддержку въ извѣстной части республиканской партіи, и борьба сразу приняла страстный характеръ.

Враги дѣйствовали подъ благовиднымъ предлогомъ; казалось, ими руководила не слѣпая злоба, не зависть, а серьезные опасенія, честныя цѣли: желаніе разоблачить интригу, вывести на свѣжую воду министровъ, явившихся жалкимъ орудіемъ честолюбца, который стремится воспользоваться всѣми преимуществами власти, не неся никакой отвѣтственности. Они подали даже Макъ - Магону мысль вручить Гамбеттѣ власть при первомъ удобномъ случаѣ: пусть дѣйствуетъ открыто, а не прячется за спиною министерства. Неизвѣстно почему этотъ проектъ не осуществился. Гамбетта, презирая личные счеты, оставался вполне равнодушнымъ къ обвиненіямъ и нападкамъ враговъ. Жизнь выдвигала болѣе важные вопросы. Въ палату былъ внесенъ реакціонный проектъ объ измѣненіи порядка кассации депутатскихъ выборовъ. И такъ какъ скрытымъ мотивомъ этого проекта являлось желаніе поддержать официальные кандидатуры, Гамбетта обрушился на него всею силой своего краснорѣчія. «Я питаю отвращеніе, — говорилъ онъ въ палатѣ, — ко всякаго рода репрессалиямъ... Нами долженъ руководить духъ просвѣщенія, а не духъ репрессалий. Пусть узнаютъ въ каждой деревушкѣ Франціи, какъ преступно посягали до сихъ поръ на верховную власть народа. Пусть узнаетъ народъ, на ряду съ полномочіями, данными ему всеобщимъ избирательнымъ правомъ, и размѣръ тѣхъ издѣвательствъ, какимъ подвергалось оно. Въ этомъ и состоитъ политическое воспитаніе народа... У насъ, гдѣ вся жизнь, весь строй, всякая сила и устойчивость держатся исключительно всеобщимъ из-

бирательнымъ правомъ, внести въ это право духъ просвѣщенія и благородства—значить просвѣтить и облагородить самую націю, укрѣпить настоящее, обезпечить будущее».

Проповѣдую эти взгляды, Гамбетта стремился упрочить республику на незыблемомъ фундаментѣ и сохранить власть за демократіей. Цѣлый рядъ реформъ былъ намѣченъ вождемъ республиканской партіи въ виду этой цѣли. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ во время парламентскихъ каникулъ въ Греноблѣ и въ другихъ городахъ и на банкетѣ *commis-voyageurs* въ Парижѣ, онъ подробно развивалъ руководящія идеи этихъ реформъ. Считая коренное измѣненіе конституціи 25 февраля преждевременнымъ, Гамбетта совѣтовалъ демократіи на предстоящихъ выборахъ въ сенатъ оставаться на почвѣ дѣйствующаго права и ограничить избирательную программу проектами улучшения административнаго персонала, организаціи арміи, измѣненія порядка назначенія магистратуры въ видахъ большаго обезпеченія интересовъ государства, гражданъ, правосудія и регулированія отношеній между церковью и государствомъ. Не касаясь въ подробности указанныхъ рѣчей, мы отмѣтимъ лишь въ нихъ наиболѣе интересный вопросъ—вопросъ объ отношеніяхъ церкви и государства.

Гамбетта требовалъ строгаго соблюденія конкордата, но, въ то же время, считалъ необходимымъ при каждомъ удобномъ случаѣ разъяснить избирателямъ истинный смыслъ клерикальных поползновеній. «Въ чемъ только ни упрекали насъ? — говорилъ онъ. — Старались проникнуть въ тайники нашей совѣсти и объяснить нашу политику, какъ отблескъ нашей философіи. Я отвергаю эти обвиненія, какъ отвергаю право пользоваться религіозными вѣрованіями противника для опроверженія его политическихъ взглядовъ. Но я считаю себя вправѣ указать на опасность, грозящую французскому обществу отъ развитія клерикальнаго и даже не клерикальнаго, а прямо поповскаго, семинарскаго, іезуитскаго духа, духа конгрегацій, который не боится держать умы во власти грубыхъ суевѣрій и жаждетъ господства надъ ними. Мы не можемъ отказаться,—продолжалъ онъ,—отъ стремленій разрѣшить, или, по крайней мѣрѣ, подготовить разрѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ между церковью,—для большей точности я долженъ былъ бы сказать: между церквами и государствомъ; и если я не говорю о церквахъ, то только потому, что я всегда, какъ вамъ извѣстно, преслѣдую самое необходимое. Нужно отдать справедливость другимъ церквамъ,—ни протестанты, ни евреи не играютъ никакой роли въ клерикальномъ вопросѣ; вражду раздуваютъ агенты ультрамонтанства. Я вправѣ указать на этихъ клерикаловъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи 400,000 монаховъ, помимо бѣлаго духовенства, на этихъ мастеровъ въ искусствѣ парододурачиванія, которые кричатъ о гибели общества,—вправѣ указать на нихъ и сказать: вотъ гдѣ общественная язва. Знаете ли вы,—спрашиваетъ Гамбетта,—на какое размышленіе наводитъ меня этотъ вѣчный антагонизмъ? Противъ государства ведется правильная, систематическая атака; ежедневно въ стѣнахъ государственнаго зданія пробиваются брешь.

Все средства хороши для этой цѣли, все пускалось въ ходъ. Всюду, куда только можетъ проникнуть іезуитскій духъ, впутываются клерикалы, добиваясь господства. Когда гремитъ буря, они съеживаются; когда же отечество приходитъ въ упадокъ, іезуитизмъ гордо подымаетъ голову,—это характерная черта его исторіи. И знаете ли, господа, что говорятъ защитники ультрамонтанства? Они говорятъ, что мы враги всякой религіи, всякой нравственной зависимости, что мы гонители, что мы жаждемъ жертвъ. Мнѣ стыдно разоблачать подобныя нелѣпости, и если я рѣшаюсь протестовать, то меня къ этому вынуждаетъ низость противниковъ... Нѣтъ, мы не враги религіи, ни одной изъ религій,—мы, напротивъ, сторонники свободы совѣсти, уважающіе всякія религіозныя и философскія мнѣнія. Я отвергаю только право ставить отъ имени государства одинъ культъ выше другого, отдавать предпочтеніе одному взгляду на начало и конецъ бытія передъ другимъ, навязывать мнѣ свою философію или свои вѣрованія; какъ одно, такъ и другое—продуктъ моей мысли и моей совѣсти. За мной всегда останется право пользоваться своимъ разумомъ, право зажечь этотъ свѣточъ и выйти изъ вѣковъ невѣжества, или же отдаться во власть наивныхъ вѣрованій древности». Январскіе выборы 1879 г. дали республиканское большинство въ сенатъ, и вскорѣ затѣмъ Макъ-Магонъ вышелъ въ отставку. Друзья Гамбетты хотѣли выставить его кандидатуру, но онъ рѣшительно отказался въ пользу Гриви.

Все ожидали, что новый президентъ призоветъ Гамбетту къ власти; но Гриви поручилъ составленіе кабинета Ваддингтону, а вождю республиканской партіи подаль мысль выступить кандидатомъ въ президенты палаты. Послѣдній воспользовался совѣтомъ Гриви и былъ избранъ большинствомъ голосовъ. Трехлѣтняя дѣятельность Гамбетты въ качествѣ президента палаты была такъ же плодотворна, какъ и его дѣятельность въ бюджетной коммисіи (съ 1876—1879 г.). Онъ занималъ слишкомъ видное мѣсто среди демократіи, съ его взглядами приходилось считаться; министры это знали и дѣйствовали, въ большинствѣ случаевъ, подъ руководствомъ президента палаты. Его патріотизмъ, забота о благѣ республики были хорошо извѣстны странѣ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ важныхъ вопросахъ, волновавшихъ общественное мнѣніе во Франціи.

Нужно ли было провести проектъ о даровомъ, обязательномъ и свѣтскомъ образованіи, поддержать планъ общественныхъ работъ, склонить кабинетъ подъ предсѣдательствомъ Фрейсине и парламентъ въ пользу амнистіи,—во всемъ Гамбетта принималъ самое горячее участіе. Его совѣтами дорожили и прибѣгали къ нимъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Объединеніе республиканской партіи и республика, открытая для всѣхъ классовъ общества, — вотъ основная идея Гамбетты. Та же идея руководила имъ, когда онъ выступилъ горячимъ защитникомъ амнистіи для осужденныхъ инсургентовъ 1870—1871 г. Республика собиралась праздновать 14 іюля 1880 года свой національный праздникъ. Въ этотъ день президентъ Гриви долженъ былъ раздать арміи новыя знамена. Развѣ это не удобный, не един-

ственный случай,—думалъ Гамбетта,—успокоить умы, смирить страсти, побѣдить злобу и освободить страну отъ всякихъ остатковъ гражданской войны? Онъ счумѣлъ склонить на свою сторону кабинетъ и парламентъ и 19 іюня былъ внесенъ въ палату проектъ полной амнистіи. При обсужденіи этого проекта, которое происходило 21 іюня, большинство депутатовъ было взволновано. Поведеніе парижскихъ избирателей квартала Père Lachaise (XX округа) не предвѣщало успѣха проекту. Несмотря на всѣ усилія Гамбетты, они избрали, вмѣсто кандидата господствующей партіи Леролля, Тренко, бывшаго члена коммуны. Эта побѣда «непримиримыхъ» поколебала рѣшимость собранія. Но блестящая рѣчь Гамбетты измѣнила настроеніе палаты. «Вопросъ не только назрѣлъ,—говорилъ ораторъ,—онъ перерѣлъ, онъ разжигаетъ пламя раздора, страна ищетъ освободиться отъ него, самый фактъ преступленія давно пересталъ пугать Европу». И, обращаясь къ лучшимъ чувствамъ депутатовъ, онъ предлагалъ покончить съ этимъ вопросомъ. «Я справлялся съ мнѣніемъ страны,—говорилъ онъ,—я знаю ея отвѣтъ: нѣтъ, Франція не жаждетъ амнистіи; она не вноситъ ни горячности, ни энтузіазма въ это дѣло. Она знаетъ цѣну свершившихся преступленій, знаетъ, какая расплата послѣдовала за этимъ безуміемъ. Но, милостивые государи, хотя Франція и не жаждетъ амнистіи, она испытываетъ чувство усталости, и политическіе дѣятели должны съ нимъ считаться. Она утомлена, раздражена этими вѣчными дебатами объ амнистіи, которые возникаютъ при каждомъ удобномъ случаѣ, при каждомъ выборѣ, при каждой избирательной борьбѣ; она утомлена и обращается къ вамъ, къ своимъ представителямъ, съ вопросомъ: когда же вы избавите меня отъ этихъ остатковъ гражданской войны? Говорили не разъ,—продолжалъ ораторъ,—и говорили вполнѣ основательно, что 14 іюля—національный праздникъ, rendez-vous всѣхъ партій, на которомъ армія станетъ впервые лицомъ къ лицу съ властью и получить обратно свои знамена, которыя—увы!—были такъ глупо преданы... О, да!—воскликаетъ Гамбетта,—въ этотъ день передъ лицомъ отечества, передъ лицомъ власти, передъ лицомъ націи въ образѣ ея вѣрныхъ представителей, передъ лицомъ этой арміи, этой верховной мысли, какъ говорилъ поэтъ, защищавшій въ другомъ собраніи дѣло побѣжденныхъ, въ этотъ день вы должны закрыть книгу исторіи за послѣднее десятилѣтіе, поставить крестъ надъ преступленіями коммуны и сказать всѣмъ безъ разбора: есть только одна единая Франція, одна единая республика». Палата и сенатъ вотировали амнистію. Этотъ моментъ былъ апогеемъ славы Гамбетты. Демократія исполнилась чувствомъ глубокой благодарности къ своему вождю, армія привѣтствовала его восторженными оваціями на праздникъ 14 іюля, патріоты гордились имъ, указывали на него, какъ на лучшую надежду страны.

Прошло немного времени, и начались опять подпольныя интриги; поводомъ къ нимъ послужила шербургская рѣчь Гамбетты. «Право можетъ стать источникомъ великаго возрожденія,—говорилъ онъ въ Шербургѣ.—Мы или наши дѣти вправѣ расчитывать на него,—пути будущаго никому не зака-

запы... Все наши стремления направлены къ тому, чтобы вернуть Францію подобающее ей мѣсто въ мірѣ; насъ вовсе не увлекаетъ погоня за кровавымъ призракомъ, мы хотимъ сохранить только въ цѣлости все, что намъ осталось отъ прежней Франціи, хотимъ положиться на будущее и вѣрить, что на землѣ существуетъ справедливость, что часъ ея возмездія наступитъ. Вотъ при какихъ условіяхъ, господа, можно возродиться, можно завоевать истинныя лавры исторіи»... Непримиримыя и роялисты воспользовались этою рѣчью и истолковали ее въ смыслѣ угрозы европейскому міру; страхъ помутилъ общественное сознаніе. Съ этихъ поръ каждое слово Гамбетты, каждое его дѣйствіе старались истолковать въ эту сторону. Даже то, въ чемъ онъ не принималъ никакого участія, какъ, наприм., миссія Томассена въ Аѳинахъ и морская демонстрація соединенныхъ флотовъ европейскихъ державъ въ Дульчино,—все это приписывали ему. Непримиримыя присоединились къ реакціонерамъ и дѣйствовали съ ними за одно. «Это цезарь, жаждущій тираніи, жаждущій войны!»—кричали они по адресу республиканскаго вождя. Отвѣчая вначалѣ однимъ лишь презрѣніемъ, Гамбетта, когда обвиненія достигли своего апогея, счелъ нужнымъ подняться съ своего президентскаго кресла и разоблачить агитаціонныя цѣли этого похода. «Я считаю нужнымъ предупредить васъ,—говорилъ онъ въ палатѣ,—меня заставляютъ говорить открыто,—что составленъ цѣлый заговоръ, собраны средства и не далѣе какъ въ субботу были выпущены въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ брошюры, озаглавленные: «Гамбетта—это война». Онѣ представляютъ пеструю коллекцію всевозможныхъ статей, нѣмецкихъ, испанскихъ, итальянскихъ и французскихъ, которыя предназначены для выборной агитаціи. Ихъ печатаютъ и распространяютъ въ большомъ количествѣ,—должно быть, это неотразимое средство! И дѣйствительно, десять лѣтъ тому назадъ имъ удалось обмануть страну, удалось вырвать у нея приговоръ, ставя вопросъ о войнѣ или мирѣ, такъ какъ Франція сгибалась тогда подъ тяжестью иностраннаго вторженія; и теперь думаютъ возобновить ту же игру. Но нація осмѣетъ этотъ расчетъ, господа; она счумѣетъ отличить тѣхъ, кто хочетъ ее обмануть, отъ тѣхъ, кто ее любитъ больше жизни». Рѣчь Гамбетты была встрѣчена бурнымъ одобреніемъ палаты, но злоба не дремала. Когда Барду, вѣрный традиціямъ республиканской партіи, внесъ въ палату проектъ выборовъ по списку и Гамбетта явился его горячимъ защитникомъ, враги снова вполношились. Тотчасъ составила коалиція противъ новаго проекта. Президентъ республики заявилъ, что онъ сдѣлался сторонникомъ выборовъ по округамъ. Вся враждебная пресса метала громы и молніи. *Scrutin de liste*—это диктатура Гамбетты, это война! Онъ заставитъ избрать себя во всѣхъ 66 департаментахъ и тогда прощай свобода, прощай честь и слава страны! О, намъ хорошо извѣстно ненасытное честолюбіе защитника Делеклюза, организатора національной обороны, побѣдителя 16 мая!—кричали они. Между тѣмъ, общественное мнѣніе склонялось въ сторону избирательной реформы и 22 мая, послѣ блистательной рѣчи Гамбетты, палата утвердила большинствомъ голосовъ проектъ Барду. Гамбетта превзошелъ себя въ этой борьбѣ. Иллю-

стрируя политику, определяемую всеобщимъ избирательнымъ правомъ, онъ указывалъ на *scrutin d'arrondissement*, какъ на разъединеніе партій, какъ на поддержку анти-конституціоннаго меньшинства въ палатѣ, какъ на гибель государственныхъ идей, какъ на извращеніе пониманія общихъ интересовъ государства. Это—демократія безъ путеводной звѣзды, попятный шагъ республики въ странѣ и Франціи въ мірѣ. Палата склонилась на сторону Гамбетты, но сенатъ не поддался убѣжденіямъ великаго трибуна. Партія Елисейскаго дворца открыла кампанію противъ избирательной реформы, и она была отвергнута сенатомъ 9 іюня. «Если бы Гамбетта умеръ сегодня утромъ,—говорилъ одинъ изъ сенаторовъ лѣваго центра,—я вотировалъ бы за проектъ Барду». Вотъ въ чемъ была суть. Никто не возражалъ противъ самаго проекта, всѣ вотировали противъ Гамбетты, такъ какъ онъ явился горячимъ защитникомъ реформы.

Этимъ путемъ старались поколебать престижъ республиканскаго вождя, подорвать его силу и достигли своей цѣли. Палата стала относиться къ нему съ недовѣріемъ. Голосъ Гамбетты потерялъ свой прежній авторитетъ.

Законодательная дѣятельность собранія кончилась 17 іюля 1881 г., а выѣстъ съ нею и роль Гамбетты, какъ президента палаты. Въ теченіе трехъ лѣтъ великій ораторъ былъ замѣчательнымъ президентомъ. Онъ умѣлъ руководить дебатами, сдерживать рѣзкіе порывы депутатовъ и вносить порядокъ въ засѣданія. Внимательный, безпристрастный, онъ поощрялъ въ особенности молодыхъ ораторовъ и давалъ возможность развернуться ихъ таланту во всей своей силѣ.

Избирательный періодъ ознаменовался двумя рѣчами-программами Гамбетты. Въ Турѣ онъ высказался за частичный пересмотръ конституціи въ виду неуспѣшной попытки провести *scrutin de liste*. Великій трибунъ встрѣтилъ живое сочувствіе своимъ планамъ въ средѣ демократіи; она была настроена въ пользу реформы верхней палаты, имѣвшей цѣлью расширить основы сената и дать коммунамъ пропорціональное представительство въ верхней палатѣ. Гамбетта рассчитывалъ, сверхъ того, воспользоваться моментомъ и ввести въ конституцію принципъ *scrutin de liste*. Пересмотръ явился логическимъ слѣдствіемъ неудачи избирательной реформы. Когда Гамбетта встрѣтилъ отпоръ съ одной стороны, онъ бросился въ другую и нашелъ тамъ гораздо больше сочувствія, чѣмъ ожидалъ. Изложивъ въ Турѣ свой взглядъ на необходимость пересмотра, Гамбетта развилъ остальные пункты своей программы передъ избирателями XX округа Парижа, гдѣ была выставлена его кандидатура. Онъ коснулся сперва обвиненій въ жаждѣ власти, въ диктатурѣ, и съ негодованіемъ отвергъ ихъ. «И кому же былъ сдѣланъ подобный упрек?—воскликнулъ Гамбетта.—Мнѣ, мнѣ, сыну народа, преданному до послѣдней капли крови!... Но каковы бы ни были обвиненія враговъ, я служу народу, служу ему по-своему и, послѣ двадцатилѣтнихъ трудовъ и усилий, я вынесъ глубокое убѣжденіе, что въ моихъ рукахъ его дѣло—въ хорошихъ рукахъ. Но откуда взялись подобныя обвиненія?—продолжалъ ораторъ.—Я постараюсь объяснить вамъ, въ чемъ дѣло. Можно

нападать на личность,—личность может представлять предметъ споровъ... Но не личность играетъ тутъ роль,—многіе находятъ ее даже не лишнюю привлекательности,—на первомъ планѣ тутъ политика, способъ защиты и то живое участіе, какое я принимаю въ дѣлѣ демократіи... Эту политику окрестили неблагозвучнымъ эпитетомъ, сущимъ барбаризмомъ: ее называли «оппортунизмомъ». Если этотъ терминъ обозначаетъ политику здравого смысла, которая пользуется для своей цѣли всякимъ удобнымъ моментомъ, всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и не отдаетъ ничего въ жертву случаю, духу произвола и абсолютизма, я готовъ примириться съ этимъ неблагозвучнымъ, непонятнымъ терминомъ. Я не понимаю другой политики, кромѣ этой,—политики разума, политики успѣха». Затѣмъ Гамбетта приступилъ къ изложенію своей программы. Онъ намѣчалъ реформу судопроизводства и судоустройства, административную децентрализацию Франціи, сокращеніе срока военной службы, введеніе подоходнаго налога и т. п. «Vive République! Vive Gambetta!»—было отвѣтомъ на эту рѣчь. Выборы 21 августа дали республиканское большинство въ палату. По составу она напоминала палату 1876—1877 г., но по духу глубоко разнилась отъ нея, явилась всецѣло продуктомъ scrutin d'arrondissement и не выражала дѣйствительной воли республиканской Франціи. Между тѣмъ, положеніе, въ которомъ находилась страна въ данный моментъ, благодаря недоразумѣніямъ въ Тунисѣ и кампаніи митинговъ «негодованія», ставило палатѣ очень серьезныя и трудныя задачи. Чувствовалась необходимость въ прочнемъ и сильномъ правительствѣ, которое могло бы руководить страной. Всѣ взоры обратились на Гамбетту. Одни возлагали на него большія надежды, другіе готовили ему ловушку.

Гамбетта прекрасно видѣлъ козни враговъ; но онъ откликнулся на призывъ своей партіи, не считая себя вправе отказаться отъ власти, каковы бы ни были условія. И когда Жюль Ферри, окончательно запутавшись въ тунисскомъ вопросѣ, вышелъ въ отставку, Гамбеттѣ было поручено образованіе новаго министерства. Греви далъ ему *carte blanche*.

Новый кабинетъ былъ принятъ довольно сухо общественнымъ мнѣніемъ, несмотря на блестящее имя Гамбетты. Публика ждала чего-то необычайнаго; носилась молва, что новое министерство, «le grand ministère», будетъ составлено изъ всѣхъ выдающихся дѣятелей: Ферри, Леона Сэ, Бриссона, Фрейсине и т. п. Эти слухи дошли и до Гамбетты; боясь обмануть всеобщее ожиданіе, онъ попытался образовать «le grand ministère». Но Сэ разошелся съ нимъ во взглядахъ по экономическимъ вопросамъ; Фрейсине отказался и Гамбеттѣ оставалось обратиться къ молодымъ силамъ республики. Министерство Гамбетты, заявивъ, что его политика будетъ «политикой самой Франціи», выдвинуло вопросъ о частичномъ пересмотрѣ конституціи, который имѣлъ цѣлью измѣнить систему сенатскихъ выборовъ и уничтожить прерогативы верхней палаты въ дѣлѣ финансовъ. Коалиція правой и крайней лѣвой требовала пересмотра всей конституціи, поставивъ лозунгомъ: «все или ничего». Когда же Гамбетта, руководясь

желаніемъ избавить палату отъ давленія вліянія мѣстныхъ комитетовъ, предложилъ внести въ конституцію *scrutin de liste*, въ собраніи поднялась буря.

Въ своей рѣчи Гамбетта старался выяснитъ истинную сущность конституціи, указывалъ на необходимость пересмотра и выборовъ по списку, предлагалъ цѣлый рядъ реформъ и законопроектвъ, способныхъ удовлетворить требованіямъ демократіи. Онъ закончилъ свою рѣчь горячимъ протестомъ противъ обвиненій въ диктатурѣ: «Я искренно, глубоко убѣжденъ,—обращался онъ къ членамъ палаты,—и смѣю увѣрить васъ, что, борясь съ вами, протестуя противъ васъ, я подчиняюсь необходимости въ интересахъ государства. Въ отвѣтъ на ваше недовѣріе я могу сослаться на свою честность, на искренность своихъ словъ, на проекты, заготовленные нами, на свое прошлое... Миѣ остается только обратиться къ вашей совѣсти. Во всякомъ случаѣ, я безъ горечи, безъ чувства личнаго оскорбленія подчинюсь вашему приговору. Я ставлю выше самолюбія, какъ бы законно оно ни было, довѣріе республиканцевъ, безъ котораго я не въ силахъ осуществить свою задачу; я вправѣ говорить такъ,—моя задача: возрожденіе отечества».

Краснорѣчіе Гамбетты оказалось, однако, безсильнымъ побороть антипатію палаты къ проекту, и соединенными усиліями правой, крайней лѣвой и партіи Елисейскаго дворца министерство Гамбетты было низвергнуто. Враги великаго трибуна не успокоились и, поощренные министерскою неудачей Гамбетты, продолжали съ удвоенною энергіей и смѣлостью свои нападки. Оставаясь равнодушнымъ зрителемъ поднявшейся противъ него бури, Гамбетта вернулся къ своимъ старымъ занятіямъ. Онъ снова принялся за редактированіе *République française*, снова обратился къ своимъ старымъ проектамъ реформъ. Но смерть внезапно остановила его на полпути. Онъ умеръ 19/31 декабря 1882 г.

Мрачныя опасенія за будущее, которыя вызвала во Франціи смерть Гамбетты, сожалѣнія, которыми страна проводила въ могилу преданнѣйшаго изъ своихъ сыновъ, ясно указывали, какое мѣсто отводила она этому человеку въ лѣтописяхъ третьей республики.

Итоги своей политической дѣятельности формулировалъ лучше всего самъ Гамбетта: «Съ 1870 г.,—говорилъ онъ,—насъ всегда спасало всеобщее голосованіе и оно же спасетъ насъ еще не однажды, если это только понадобится. Тьеру и миѣ удалось пробудить въ народѣ сознаніе своихъ силъ и теперь онъ безъ насъ уже сумѣетъ сохраниться и спастись отъ вліяній слабодушныхъ интригановъ или безумцевъ».

И. К.

Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ *).

Земля есть ничтожно-малая сферондальная частица вещества, которая летитъ, вращаясь, въ пространствѣ вселенной со скоростью 28 верстъ въ секунду. Такою представляется она для астронома, привыкшаго къ крайнимъ отвлеченіямъ механики, привыкшаго думать о мірѣ, какъ о «системѣ матеріальныхъ точекъ, брошенныхъ въ пространство». Но если мы, не сравнивая земли съ безконечно-громадными размѣрами вселенной, отнесемъ къ ней какъ къ нашему жилищу, съ которымъ мы неразрывно, органически связаны, если мы задумаемся въ тѣ измѣненія, которыя непрерывно на ней происходятъ, и попытаемся представить себѣ эти измѣненія въ ихъ взаимодействіи, то тогда земля уже не будетъ для насъ простою частицею инертнаго вещества; она покажется намъ могучимъ, вѣчно юнымъ, вѣчно прекраснымъ организмомъ, въ которомъ полно и сильно бьется пульсъ жизни.

Всѣ знаютъ, что живой организмъ,—возьмемъ для примѣра растеніе,—служить предметомъ изслѣдованія для двухъ отраслей знанія, весьма близкихъ и тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ: фізіологіи и исторіи развитія. Показать, какъ устроены и какъ дѣйствуютъ всѣ органы въ живомъ организмѣ, какое значеніе имѣютъ его корни, стебли, листья и цвѣты, какъ движутся его соки, какъ происходитъ обмѣнъ вещества,—все это задача фізіологіи. Показать, какъ постепенно развился организмъ, какимъ превращеніямъ онъ подвергался и какъ сталъ тѣмъ, что есть,—задача исторіи развитія. Точно такъ же и земной шаръ, этотъ огромный живой организмъ, служитъ предметомъ изслѣдованія для двухъ наукъ: географіи и геологіи. Я думаю, что первая изъ нихъ есть фізіологія, а вторая—исторія развитія земли.

Всякій, кто вдумывался въ общую совокупность физическихъ явленій, совершающихся на землѣ, кто знакомъ съ результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій въ области географіи, столь полно и прекрасно изложенныхъ во многихъ всѣмъ доступныхъ книгахъ, тотъ, вѣроятно, вполне

*) Читано въ засѣданіи географическаго отдѣла общества любителей естествознанія въ Москвѣ.

раздѣлить взглядъ мой. Я попребую лишь вкратцѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ, развить этотъ взглядъ на научную географію.

Хотя многіе до сихъ поръ еще не могутъ разстаться съ вѣрой въ огненно-жидкое ядро земли,—вѣрой, единственнымъ основаніемъ которой служить идея о «геснѣ огненной», тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что извѣстную намъ часть земного шара составляетъ только его поверхность, внутренность же, вѣроятно, долго еще останется предметомъ однихъ догадокъ и предположеній. Поверхность земли состоитъ изъ воздуха, воды и суши—атмосферы, гидросферы и литосферы, какъ часто называютъ эти три оболочки нашего шара.

Но развѣ воздухъ не находится въ вѣчномъ, непрерывномъ движеніи? Пассаты и антипассаты, которые съ необыкновенною правильностью дуютъ въ странахъ, близкихъ къ экватору, являютъ собою круговое движеніе, весьма обильное слѣдствіями и весьма похожее на то, какое нерѣдко наблюдается въ содержимомъ живыхъ растительныхъ клѣтокъ. Мало того: ежедневно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ атмосферы образуется разрѣженіе воздуха, такъ называемый барометрическій минимумъ, который начинается то очень тихо, то быстро двигаться надъ землею, проходя иногда огромныя разстоянія. Вокругъ этого движущагося разрѣженія, какъ вокругъ центра, воздухъ находится во вращательномъ движеніи; получается такъ называемый «циклонъ», и каждый вѣтеръ, дующій у насъ, есть часть проходящаго черезъ нашу страну циклона. Развѣ все это не признаки жизни атмосферы и развѣ не зависитъ наше счастье отъ познанія законовъ этой жизни?

Второй элементъ земли—вода—развѣ не находится въ вѣчномъ круговоротѣ, подобно тому, какъ кровь въ живомъ организмѣ животнаго? Импульсъ къ обновляющему, оживляющему процессу кровообращенія дается сердцемъ. Импульсъ для столь же обновляющаго, оживляющаго круговорота воды дается солнцемъ. Океанъ постоянно зыблется и волнуется; кромѣ того, вся масса воды охвачена медленнымъ и правильнымъ движеніемъ, причины котораго неизвѣстны и которое называется океаническими теченіями; наконецъ, его поверхность вѣчно превращается въ паръ, въ тучи, которыя падаютъ дождемъ на сушу, чтобы милліонами гремящихъ ручьевъ возвратиться снова въ океанъ, совершивъ по дорогѣ бездну измѣненій на поверхности земли. Принимая на себя множество самыхъ различныхъ образовъ, вода во время своего ни на секунду не прекращающагося движенія убираетъ зелень и цвѣтами минеральныя покровы земли и этимъ придаетъ имъ необходимую привлекательность.

А эти минеральныя покровы, пласты гранитовъ, гнейсовъ, известняковъ и пр., развѣ правда, будто они мертвы и недвижимы? Развѣ не потрясаются они страшными ударами землетрясеній и развѣ не безконечно важно для человѣка открыть законы, управляющіе этими ударами? Въ 1868 году могучій подземный ударъ потрясъ городъ Арика (въ Перу), словно гигантскій молотъ, ударившій въ землю снизу; земля всколыхну-

лась и, начиная отсюда, волнообразное движеніе ея стало расходиться по дну Великаго океана; через три дня оно достигло береговъ Новой Зеландіи, Австраліи и Японіи. Такова была сила удара. И не нужно думать, что землетрясенія представляютъ собою что-нибудь необычное, исключительное; нѣтъ, они весьма часты и весьма обыкновенны на нашей планетѣ; среднимъ числомъ каждый день происходитъ два землетрясенія, и смѣло можно сказать, что поверхность земли находится въ постоянной вибраціи, производимой различными, но всегда неизвѣстными причинами.

Но и помимо землетрясеній жизнь суши выражается еще поднятіемъ, ростомъ горъ. По современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, образованіе горъ объясняется всего естественнѣе слѣдующимъ образомъ. Если мы возьмемъ каучуковую пластинку, растянемъ ее и покроемъ слоемъ глины, то этотъ слой начнетъ подниматься складками и морщинами, лишь только мы оставимъ пластинку медленно сжиматься. Точно такъ же медленное сжатіе нижнихъ каменныхъ пластовъ суши заставляетъ подниматься складками и морщинами верхніе ея пласты, и эти-то складки и морщины мы называемъ горами. Но поднятіе горъ не есть что-либо такое, что было и прошло; нѣтъ, оно происходитъ и въ наше время, составляя одинъ изъ признаковъ жизни суши, подобно тому, какъ оно происходило въ отдаленные періоды существованія земли. Такъ, самыя высокія горныя цѣпи: Гималаи, Тянь-Шань, Кордильеры, Кавказъ и Альпы — все молодыя горы и многія изъ нихъ продолжаютъ подниматься и донинѣ.

Наконецъ, научныя изслѣдованія заставляютъ думать, что земля во многихъ, если не во всѣхъ, мѣстахъ своей поверхности находится въ безпрерывномъ, хотя и крайне медленномъ, колебаніи. Она словно дышетъ — медленно и спокойно, поднимаясь въ однихъ мѣстахъ, опускаясь въ другихъ. Такъ, юго-западный берегъ Финляндіи поднимается среднимъ числомъ на 12 вершковъ въ столѣтіе. Эти «вѣковые колебанія» суши, при всей ихъ необъяснимости, всегда были на землѣ и продолжаютъ понынѣ, составляютъ одно изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни нашей планеты.

И такъ, три оболочки земного шара: воздухъ, вода и суша находятся въ постоянномъ движеніи. Процессы созиданія и разрушенія происходятъ въ нихъ непрерывно. И эти процессы постоянного, непрерывнаго созиданія и разрушенія происходили совершенно такъ же, какъ происходятъ нынѣ, отъ самаго начала жизни земли, отъ самаго ея сотворенія. Земной шаръ есть огромное живое тѣло, и мнѣ думается даже, что все то, что есть въ человѣкѣ смертнаго, матеріальнаго, конечнаго, все это живетъ одною жизнью съ землей, подобно тому, какъ каждый волосъ на головѣ нашей живетъ общою жизнью со всѣмъ нашимъ тѣломъ.

Если это положеніе справедливо, если земля есть дѣйствительно живой организмъ, то въ такомъ случаѣ географія, которая имѣетъ цѣлью познаніе нашей планеты какъ цѣлаго, есть дѣйствительно физиологія земли.

Но земной шаръ возникъ не вчера; онъ имѣетъ прошлое, громадное по своей продолжительности. Въ теченіе долгаго времени своего бытія онъ

неоднократно подвергался различнымъ переменамъ. Наука открываетъ, напримеръ, что тамъ, гдѣ теперь суша, прежде было море и наоборотъ. Такъ, подъ толщей суглинка, составляющаго почву Московской губерніи, вездѣ лежатъ мощные пласты известняка, содержащаго въ себѣ морскія раковины, иглы морскихъ ежей, известковыя частицы морскихъ лилій и кости морскихъ рыбъ, давно исчезнувшихъ съ лица земли. Очевидно, что эти пласты отложились на днѣ моря, покрывавшаго нѣкогда обширныя пространства нынѣшней Россіи. Очертапія материковъ, морей и океановъ, расположеніе и высота горъ, даже климаты земли многократно измѣнялись, причемъ мѣнялись также растенія и животныя, ее населявшія. Если бы мы могли какимъ-нибудь чудомъ перенестись въ далекое прошлое земли, хотя бы, напримеръ, въ такъ называемую «юрскую» эпоху, одну изъ не самыхъ еще давнихъ, мы не узнали бы нашей планеты и сочли бы себя перенесенными въ какой-то другой міръ,—такъ земля была тогда непохожа на то, что мы видимъ на ней въ настоящее время. Тогда все было не такъ, какъ теперь. Въ глубинѣ морей тогда прикрѣплялись къ скаламъ морскія животныя—лиліи, нынѣ не существующія, сидѣвшія на стебеляхъ футовъ въ 20 или 30 длиною; красивые аммопиты, раковины которыхъ отливали золотомъ, плавали въ морѣ; исполинскіе рыбо-ящеры, достигавшіе пяти сажень въ длину, въ изобиліи населяли воды, питаясь рыбами и моллюсками, а въ воздухѣ летали птице-ящеры; эти послѣдніе были то съ нашу обыкновенную летучую мышъ, то съ голубя, а нѣкоторые достигали болѣе 2 сажень въ размахѣ крыльевъ; видъ ихъ былъ отвратителенъ: голая, морщинистая кожа, длинный хвостъ, длинная морда, усаженная зубами, крылья вродѣ тѣхъ, какія мы видимъ у летучихъ мышей,—таковы были созданія, носившіяся по воздуху въ эту отдаленную эпоху, вмѣсто нашихъ стрижей и ласточекъ.

Въ исторіи земли одна эпоха смѣняла другую и каждая изъ нихъ отличалась свойственными ей живыми существами. Прослѣдить всю послѣдовательность этихъ эпохъ, показать всю исторію развитія земли, начиная съ перваго дня ея существованія,—это задача геологіи.

Географія и геологія весьма близки другъ къ другу; геологу нужно знать настоящее, чтобы понять прошедшее, а географу нужно знать прошедшее, чтобы понимать настоящее; но очевидно, что въ естественномъ ходѣ умственнаго прогресса человѣка географія должна предшествовать геологіи: нужно очень хорошо знать географію, чтобы интересоваться и понимать геологію,—обстоятельство, о которомъ иногда совсѣмъ забываютъ.

Великій основатель геологіи сэръ Чарльзъ Ляйель посвящаетъ нѣсколько главъ въ своихъ *Principles of Geology* опроверженію мнѣнія, будто бы въ отдаленныя эпохи исторіи земли принимали участіе не тѣ силы и явленія, которыя дѣйствуютъ въ настоящее время. По его словамъ, прежніе геологи, по недостаточному знакомству съ явленіями, вокругъ нихъ происходящими, старались просто угадывать, что могло быть въ прежнія времена, и при этомъ они вполне отдавались на произволъ своего воображенія; имъ

казалось легче разсуждать и фантазировать о различных возможностях прошедшаго, чѣмъ заняться изученіемъ настоящаго. А, между тѣмъ, къ истинѣ ведетъ обратный путь: внимательно наблюдая настоящее, мы получаемъ возможность судить о прошломъ, ибо жизненный пульсъ земли бился съ самаго ея начала совершенно такъ же, какъ онъ бьется теперь. Эта мысль была нова и оригинальна во время Ляйеля и потому знаменитый ученый вынужденъ былъ говорить въ своей книгѣ такъ много и такъ странно о современныхъ измѣненіяхъ, происходящихъ на земномъ шарѣ. Пыльшіе же авторы геологическихъ руководствъ считаютъ уже своею непремѣнною задачей описывать эти современные намъ измѣненія, совершенно забывая, что такимъ образомъ они врываются совсѣмъ въ другую область знанія—въ географію. Если полвѣка назадъ была необходима и желательна борьба съ научными предразсудками, то въ настоящее время борьба съ попунктирнымъ знаніемъ уже не имѣетъ основанія.

Географія раздѣляется на общую и частную. Но, описывая весь земной шаръ или одну какую-нибудь часть его: океанъ, материкъ, островъ, государство, пустыню, горную цѣпь,—все равно, мы тогда только будемъ описывать ее географически, если изобразимъ ее во всей возможной полнотѣ ея жизни. Только тогда наука о землѣ сдѣлается живою наукой, только тогда она получитъ безконечную привлекательность, подобную той, какую для всѣхъ людей имѣетъ живая природа.

Чтобы сдѣлать мысль мою болѣе понятной, я приведу частный примѣръ географическаго описанія страны, конечно, только въ видѣ проекта или плана, и то весьма краткаго. Вполнѣ естественно, если я возьму для этого примѣра ту страну, о которой чаще всего думаю, т.-е. Европейскую Россію. Если бы другія дѣла и заботы не отвлекали меня, я слѣдующимъ образомъ описалъ бы мое отечество.

Я показалъ бы, по возможности наглядно и ярко, однообразіе великой русской равнины и только слегка коснулся бы ея рельефа. По-моему, существеннѣйшею чертой рельефа Россіи служить ея равнинность, ея однообразіе на громадныхъ протяженіяхъ, а не то, проходятъ ли по ней гряды холмовъ съ востока на западъ, какъ насъ учили встарину, или съ сѣвера на югъ, какъ учатъ теперь. Мысленно съ моими читателями я спустился бы въ подземную глубину Россіи, чтобы узнать, какіе каменные пласты лежатъ тамъ и каково ихъ происхожденіе. Я попытался бы рѣшить, неподвижно ли лежатъ эти пласты, или же они охвачены медленнымъ, трудно осязательнымъ движеніемъ. Я показалъ бы, чѣмъ покрыты сверху эти пласты и при этомъ различилъ бы три сорта земли, покрывающей Россію: суглинокъ съ безчисленными каменными обломками, черноземъ и солончаки южной окраины равнины. Мнѣ пришлось бы критически коснуться вопроса о томъ, загромождалъ ли великій ледъ сравнительно недавно сѣверозападную Россію и онъ ли покрылъ ее мощнымъ слоемъ суглинка, перемѣшаннаго съ камнями. Мнѣ пришлось бы также коснуться того времени, когда Каспійское и Черное моря, соединенныя въ одинъ большой водный резервуаръ, покрывали

весь югъ равнины. Я остановилъ бы вниманіе читателя на промежуточной полосѣ между льдомъ и моремъ,—полосѣ, покрытой въ настоящее время черпоземомъ. Я постарался бы заинтересовать читателя таинственнымъ вопросомъ о происхожденіи чернозема. Послѣ такой бесѣды о поверхности Россіи, я характеризовалъ бы климатъ этой равнины и показалъ обычные пути проходящихъ черезъ нее циклоновъ. Я вывелъ бы, какъ слѣдствіе климата и поверхности, свойства русскихъ рѣкъ и указалъ бы на ихъ индивидуальныя особенности. Я показалъ бы потомъ, какъ, подъ вліяніемъ рельефа, почвы, климата, получались различныя физіономіи русской равнины, и какъ дивно, какъ совершенно приспособлены растенія и животныя къ условіямъ, среди которыхъ имъ суждено жить. Наконецъ, когда былъ бы созданъ этотъ логически-связный и цѣльный образъ Европейской Россіи, мнѣ осталось бы доказать, что и живущіе здѣсь люди несутъ на себѣ неизгладимую печать вліянія физическихъ условій, что на характерѣ челоѣка, на его вѣрованіяхъ, міросозерцаніи, образѣ жизни, на его общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ,—на всемъ отразилось ярко и безспорно то гармоническое цѣлое, которое мы называемъ природой.

Я хорошо понимаю, какъ трудно осуществить сейчасъ изложенный планъ, но даже приближеніе къ нему было бы чрезвычайно полезно, потому что всякая правдивая мысль находитъ своихъ послѣдователей, встрѣчаетъ молодое сочувствіе и даже импульсъ къ дальнѣйшей плодотворной работѣ. Подобная географическая обработка Россіи сейчасъ же отозвалась бы и на учебной литературѣ, на преподаваніи отечественной географіи. Въмѣсто мертвенно-сухого и бесполезнаго перечня собственныхъ именъ, какими, къ сожалѣнію, являются въ настоящее время учебники русской географіи, получилась бы возможность дать жизненно-правдивое, въ высшей степени интересное и поучительное ея описаніе.

Подобнымъ же образомъ, съ большею или меньшею полнотой, могутъ быть описаны многія мѣстности земного шара. Я позволю себѣ даже сказать, что задача профессора географіи заключается именно въ томъ, чтобы обработать рядъ типическихъ мѣстностей въ указанномъ направленіи и прояснить о нихъ слушателямъ, сопровождая чтенія картами и рисунками, прожигнуемыми на экранѣ. Я глубоко убѣжденъ, что только этимъ путемъ университетъ приготавлилъ бы свѣдущихъ и любознательныхъ учителей географіи, въ которыхъ такъ нуждается Россія. А, между тѣмъ, къ моему удивленію, такого пути, сколько мнѣ извѣстно, не держится ни одинъ изъ профессоровъ географіи въ Россіи, предпочитая читать или этнографію, или *общее землевѣдѣніе*, *Allgemeine Erdkunde*, какъ называли его нѣмцы, т. е. то, что наименѣе понадобится будущему учителю и съ чѣмъ онъ всегда и самъ справился бы, обладая солидными знаніями по частной географіи. Здѣсь, отъ частнаго переходить къ общему, а не наоборотъ.

Благодаря чрезвычайной трудности получить свѣдѣнія по частной географіи,—трудности, о которой я знаю по собственному опыту, а также благодаря отсутствію хорошихъ методическихъ указаній, постановка географіи

въ нашей школѣ поражаетъ своею неудовлетворительностью. А это очень жаль, потому что живая наука о живой землѣ не можетъ не имѣть большого педагогическаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ: основать въ душѣ чловѣка храмъ на подобіе міра, столь же разумный, логически стройный и столь же прекрасный — это одна изъ благороднѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ умственнаго воспитанія. И, между тѣмъ, всѣ знаютъ, что есть еще не мало учителей, которые превращаютъ занятія географіей въ простое выспрашиваніе урока, заданнаго по учебнику. Но я глубоко вѣрую и страстно надѣюсь, что ряды такихъ педагоговъ будутъ быстро рѣдѣть и что на ихъ смѣну станутъ люди, серьезно и вдумчиво относящіеся къ своей задачѣ, люди понимающіе, что прекрасный Божій міръ не можетъ быть замѣненъ никакимъ учебникомъ.

Если я рѣшился высказать публично нѣсколько мыслей о преподаваніи географіи, то меня побуждали къ этому весьма серьезныя причины. Мнѣ думается, что я *долженъ* сказать свое слово по поводу столь важнаго вопроса, какъ вопросъ о преподаваніи, мнѣ думается, что продолжительная практика, продолжительныя усилія мысли обязываютъ меня сдѣлать общимъ достояніемъ хотя бы то небольшое, что добыто послѣ столькихъ лѣтъ труда. Пусть же русское общество возьметъ отъ меня мою ленту и пусть другіе продолжать начатое мною.

Я думаю, что поднять вопросъ о задачахъ преподаванія географіи вполне уместно здѣсь, въ географическомъ обществѣ. Кто же больше этого общества заинтересованъ правильною и разумною постановкой географіи въ нашей школѣ? И кто больше компетентенъ въ этомъ вопросѣ, какъ не это общество, въ составъ котораго входятъ какъ люди, преданные научной географіи, такъ и люди, посвятившіе себя ея преподаванію?

И такъ, увѣренный въ уместности моей рѣчи и въ сочувствіи къ ней здѣсь присутствующихъ, я смѣло ставлю основной вопросъ: зачѣмъ преподается географія въ нашей школѣ и чего мы вправѣ ждать отъ нея?

Преподаваніе географіи имѣетъ двѣ главныя цѣли: во-первыхъ, географическія свѣдѣнія полезны чловѣку; они нужны ему, какъ нужна грамота, какъ нужны элементарныя свѣдѣнія изъ математики, какъ нужны хоть небольшія знанія изъ области природы. Эта сторона задачи проста и ясна: я не буду поэтому долго останавливаться на ней и скажу вкратцѣ лишь о томъ, какія географическія свѣдѣнія слѣдуетъ, по моему мнѣнію, сообщать дѣтямъ.

Преподаватель географіи не долженъ гнаться за обиліемъ знаній; онъ долженъ заботиться, прежде всего, о выборѣ ихъ, да еще о томъ, служили ли ихъ приобрѣтеніе здоровому развитію дѣтскаго ума. Если свѣдѣнія выбраны такъ, что они дали ученику основныя, вполне ясныя представленія о *типичныхъ* мѣстахъ земли, если при ихъ усвоеніи душевныя силы упражнялись равномерно и стройно, значитъ, задача преподаванія была достигнута; если же свѣдѣнія были выбраны такъ неудачно, что они только обременяли память ученика, напрасно отнимая у него время и силы, не дава-

ему полезныхъ знаній, не содѣйствуя его умственному развитію, значить, преподаваніе лучше бы и не начинать вовсе.

Я часто слышалъ, что самое важное въ дѣлѣ обученія географіи составляетъ карта. Какъ много гибельнаго въ этомъ утвержденіи! Карта есть только бумага, на которой нанесены различные условные знаки, и ничего больше. Вѣдь, какъ ни изучай эти знаки, ничего не выйдетъ изъ этого труда, пока человѣкъ не сочтаетъ съ этими знаками опредѣленныхъ и ясныхъ представленій, пока каждая мѣстность: пустыня, море, горная цѣпь, рѣка, городъ, условно означенные на картѣ, не начнутъ вызывать въ умѣ живыхъ образовъ по закону психическихъ ассоціацій. Эта мысль очень проста, но ее забываютъ, къ несчастію, очень часто. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ преподаваніе получаетъ мертвящій характеръ именно отъ того, что, вмѣсто живого міра, ставятъ дѣтямъ мертвые символы—карты. Нѣтъ, хотя карта и необходима, но не въ ней лежитъ центръ тяжести преподаванія географіи. Центръ тяжести лежитъ въ экскурсіяхъ, въ картинахъ, искусно составленныхъ и подобранныхъ, въ живыхъ разсказахъ и въ чтеніи. Думать, что, повѣсивъ карту на стѣну классной комнаты, мы достигаемъ нагляднаго обученія, это—печальная и горькая ошибка. Къ этому нужно еще прибавить, что наши учебные карты и атласы крайне неудовлетворительны. Какъ слово учителя, какъ правдивая мысль, карта должна быть проста и ясна. Она должна быть схематична. На ней должно быть выдѣлено выпукло и ярко только самое существенное и отброшены всѣ подробности. Разъ человѣкъ основательно узнаетъ это существенное, опъ самъ найдетъ въ мелочахъ и настольнымъ его атласомъ будетъ уже не учебный атласъ.

Не могу не сдѣлать по этому поводу еще одного замѣчанія. Многіе, весьма почтенные преподаватели большую часть времени, отданнаго на географію, посвящаютъ черченію картъ. Они хотятъ добиться, чтобы ученики умѣли начертить любую страну по сѣткѣ или безъ сѣтки, но непременно на память, не имѣя оригинала передъ глазами, причемъ времени и труда расходуется на это такъ много, что ужъ ничего другого нельзя сдѣлать. Въ прежіе годы, когда я былъ легковѣренъ и молодъ, я тоже требовалъ черченія на память и себя самого довелъ до того, что могъ чуть ли не зажмурившись начертить многія страны. Но теперь, когда у меня накопилось побольше свѣдѣній, которыми можно подѣлиться съ учениками, я измѣнилъ свой взглядъ на черченіе. Чего мы хотимъ достигнуть, тратя такъ много драгоценнаго времени? Чтобы ученикъ могъ, въ лучшемъ случаѣ, нарисовать на память извилины берега, извилины рѣкъ, направленіе горныхъ цѣпей и пр. Зачѣмъ же это? Что это за безцѣнные черты, которыя слѣдуетъ носить запечатлѣнными въ душѣ своей? Почему это каждый человѣкъ долженъ всегда носить въ себѣ контуры Балканскаго полуострова или Африки, или Индостана, словно какую-то святыню? Я не понимаю этого. Безъ сомнѣнія, будетъ хорошо, если учитель, располагающій достаточнымъ количествомъ времени, нарисуетъ на доскѣ карту *какой-нибудь особенно поучительной*

мѣстности, парисуетъ лучше, понятнѣе для учениковъ, чѣмъ та, которая виситъ у нихъ на стѣнѣ или находится въ ихъ атласахъ; хорошо также, если въ это же время ученики будутъ срисовывать ее въ свои тетради; только тратить на это много времени едва ли цѣлесообразно.

Но если карта не составляетъ центра тяжести въ преподаваніи географіи, то ужь, конечно, этотъ центръ тяжести никакъ не лежитъ въ нomenclатурѣ, въ томъ непомѣрномъ количествѣ собственныхъ именъ, одно другого мудренѣе, какими такъ щедро пересыпаны наши учебники. Что это обиліе названій достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ, я думаю, мнѣ не зачѣмъ доказывать: всѣ хорошо это знаютъ. Еще недавно одна образованная и умная женщина, мать 12-ти лѣтняго мальчика, очень милаго, но перваго и не обладающаго большою памятью на имена, жаловалась мнѣ на непомѣрную трудность задаваемыхъ по учебнику уроковъ географіи. «Мнѣ и самой не выучить этихъ названій»,—добавила она и показала мнѣ учебникъ. Урокъ былъ о Центральной Америкѣ и Мексикѣ. Онъ почти весь состоялъ изъ однихъ только собственныхъ именъ да изъ названій невиданныхъ предметовъ. Такъ, въ одномъ только описаніи Мексики, занимающемъ около страницы, я прочелъ: Оризаба, Попокарпетль, Мехико (Мексика тожъ), Вера-Крусъ, Тампико, Мотаморось (на Ріо дель Норте), Мазатланъ, Аканулько, Мазанилло, Пуэбла, Оахака—главный складъ кошенили и какао, Гвадалахора, Гуано-хуато, Закатекаса, С. Луи Потози, Сомбререте, Дуранго... Добро-совѣстный учитель взялъ наилучшій, новѣйшій изъ существующихъ учебниковъ, о которомъ онъ читалъ лестные отзывы въ печати, и, не чувствуя себя компетентнымъ, не рѣшился выпустить ни одного слова.

И такъ, не въ картѣ, не въ собственныхъ именахъ заключается поучительная и развивающая сторона географіи. Она лежитъ въ возможности, опираясь отчасти на карту, а гораздо болѣе на картины и живой рассказъ, создать въ умѣ ученика отчетливыя представленія о типичныхъ, поучительныхъ мѣстностяхъ земли. Волшебный фонарь, стереоскопъ, классныя картины, экскурсіи, дѣтская географическая литература, богатая и разнообразная,—вотъ средства къ достиженію этой цѣли. Я предполагаю, конечно, что учитель настолько знакомъ съ предметомъ, что хорошо понимаетъ, на какихъ странахъ онъ долженъ остановиться и что взять изъ каждой страны. Такъ, напримѣръ, въ географіи Италіи существенно различіе въ пластикѣ и природѣ двухъ типичныхъ мѣстностей: Ломбардіи и горнаго полуострова; въ географіи Англіи существенно различіе въ природѣ собственно Англіи, Шотландіи и Ирландіи и вліяніе этого различія на населеніе. Въ каждой странѣ есть свое типичное, поучительное, и его-то и слѣдуетъ брать. Если же какая-либо мѣстность такъ мало извѣстна или такъ мало обработана въ педагогическомъ смыслѣ, что не представляетъ ничего типичнаго, не имѣетъ опредѣленной и рѣзко выраженной фizioноміи, то лучше совсѣмъ на ней не останавливаться. При этомъ я стараюсь никогда не забывать основного принципа преподаванія: сообщать дѣтямъ какъ можно меньше свѣдѣній, заботясь, прежде всего, объ ихъ ясности,

наглядности и полной доступности, причемъ все существенное ученики усваиваютъ непременно при мнѣ, въ классѣ.

Однакожь, какъ бы нагляденъ ни былъ урокъ, какъ бы искусно ни было выдвинуто въ немъ впередъ все наиболѣе типичное и важное, все-таки, учитель ни на минуту не можетъ позабыть, что его задача заключается не въ простомъ сообщеніи свѣдѣній, а еще въ *развитіи дѣтскаго ума* путемъ ознакомленія съ живымъ организмомъ земли.

Тутъ мнѣ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе. Дѣло въ томъ, что фраза «развитіе ума» и другія подобныя имъ произносятся весьма часто, по смыслъ ихъ вообще довольно туманенъ. Прежде чѣмъ идти дальше, я долженъ постараться хоть отчасти разсѣять этотъ туманъ, чтобы все могли понять, о чемъ я говорю и чего хочу.

Что значить развитіе ума? Не значить ли это усиленіе, путемъ цѣлесообразныхъ упражненій, всѣхъ естественныхъ функций ума? Я думаю, все согласится со мною въ этомъ. А въ такомъ случаѣ учитель обязанъ рѣшить для себя, въ чемъ состоитъ дѣятельность ума, ибо странно и даже опасно браться развивать и укрѣплять тѣ способности, о которыхъ мы ничего не знаемъ.

Спросимъ же себя спокойно и просто, безъ метафизическихъ затѣй, изъ чего состоятъ наши мысли? Вдумаемся въ ихъ содержаніе и посмотримъ, нельзя ли привести ихъ къ нѣсколькимъ основнымъ дѣятельностямъ.

Первое, что мы замѣчаемъ, это—память. Она даетъ намъ возможность удерживать безконечно-огромное число всевозможныхъ фактовъ. Память есть та основная плазма, въ которой возникаютъ и дифференцируются различные процессы нашего мышленія. И память, при нормальномъ состояніи человѣка, дѣйствуетъ неустанно, какъ движеніе крови, какъ бѣненіе сердца. Если мы не дѣлаемъ усилія надъ собою и не стараемся держать свои мысли на чемъ-нибудь одномъ, мы сейчасъ же замѣтимъ, что въ нашемъ сознаніи плывутъ, словно облака на лѣтнемъ небѣ, различныя воспоминанія прихотливыми и странными вереницами. Часто эти вереницы даже мѣшаютъ намъ внимательно отнестись къ книгѣ, къ словамъ лектора и т. п. Мы невольно перестаемъ читать или слушать, отдавшись прихотливому теченію проходящихъ въ сознаніи образовъ.

И такъ, всякій фактъ, всякое понятіе, всякая идея, даже самая отвлеченная, прежде чѣмъ сдѣлаться предметомъ нашихъ мыслей, должны быть внесены въ то таинственное начало, которое мы называемъ памятью. У нормальнаго человѣка главный путь, ведущій въ это начало, есть зрѣніе. Огромное большинство того, что лежитъ въ нашей памяти, попало туда черезъ посредство глазъ,—это твердо долженъ помнить каждый учитель. Уже много лѣтъ назадъ французскіе психологи высказали правдивую мысль, что большая часть нашихъ представленій суть *образы, les images, слѣды* зрительныхъ ощущеній, сохраняющіеся въ памяти, что слѣды эти живутъ въ насъ съ поразительною яркостью и свѣжестью, и что только яркость реальныхъ ощущеній ослабляетъ ихъ.

Въ этомъ-то основномъ психическомъ началѣ происходитъ процессъ нашего мышленія. Онъ является въ двухъ формахъ: въ формѣ воображенія и въ формѣ сужденія. Та и другая дѣятельности одинаково пуждаются въ правильномъ и здоровомъ развитіи.

Въ чемъ же состоитъ дѣятельность воображенія? Она состоитъ въ томъ, что мы соединяемъ факты, существующіе въ памяти, и создаемъ изъ нихъ такія сочетанія, какихъ никогда не видали въ дѣйствительности. Такъ, одинъ создаетъ въ своемъ воображеніи какой-либо новый приборъ, снарядъ или опытъ; другой фантазируетъ о томъ, какъ поселится онъ въ деревнѣ и весь отдастся нуждамъ окрестнаго крестьянскаго населенія; третій читаетъ романъ и повторяетъ въ своемъ воображеніи тѣ сочетанія, которыя создались въ творческой фантазіи поэта. Хорошо воспитанное и развитое воображеніе создаетъ поэзію и живопись; воображеніе дѣлаетъ открытія и изобрѣтенія; воображеніе создаетъ намъ образы странъ и людей, недоступныхъ нашему наблюденію, и переноситъ насъ въ историческія эпохи, давно и невозвратно миновавшія; наконецъ, воображеніе же создаетъ намъ тотъ микрокосмъ, который мы называемъ нашимъ понятіемъ о мірѣ, о вселенной, причемъ мы глубоко вѣримъ, что этотъ нашъ микрокосмъ есть точное подобіе дѣйствительнаго, внѣ насъ существующаго міра.

Въ обыденной жизни, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, мы ограничиваемся дѣятельностью памяти и воображенія. Но человѣкъ способенъ на другую, еще болѣе высокую и полезную умственную дѣятельность, которую необходимо воспитывать путемъ школы, такъ какъ обыденная жизнь мало затрагиваетъ ее. Эта способность называется наведеніемъ или индукціей.

Если мы, наблюдая рядъ болѣе или менѣе сложныхъ фактовъ, замѣчаемъ сходство между ними, замѣчаемъ черту, общую имъ всѣмъ, и формулируемъ это наше наблюденіе, то мы дѣлаемъ индукцію. Не всегда легко бываетъ замѣтить и доказать это сходство и часто для этого требуется большая ясность мысли, большія дарованія, но тѣмъ важнѣе бываетъ заслуга наведенія. Собственно говоря, человѣкъ дѣлаетъ первые опыты наведенія уже въ очень раннемъ возрастѣ, именно когда учится говорить и когда одно и то же слово ему приходится примѣнять ко многимъ вещамъ, имѣющимъ отдаленное сходство между собою. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы назвать однимъ именемъ, напримѣръ, словомъ *лошадь* цѣлый рядъ весьма несходныхъ по величинѣ и цвѣту животныхъ, а также еще болѣе длинный рядъ изображеній, статуэтокъ, рисунковъ и проч., чтобы замѣтить, наконецъ, черты лошади въ грубомъ подобіи ея, начерченномъ углемъ или мѣломъ,—на все это требуется отъ ребенка много душевныхъ силъ, на которыя способенъ, какъ мнѣ кажется, только взрослый человѣкъ. Но разъ онъ выучился говорить, эта способность къ индукціи находитъ себѣ мало примѣненія. А, между тѣмъ, эта самая способность помогаетъ людямъ дѣлать величайшія открытія. Все, что мы узнали о мірѣ, мы узнали черезъ наведеніе. Чтобы не отвлекаться въ сторону, я буду брать примѣры, посвящая

шіе мою мысль, изъ области географіи. Основное географическое положеніе, что земля есть шаръ,—что это, какъ не простая индукція? Люди открыли, что есть сходство между землею и цѣлымъ рядомъ предметовъ, называемыхъ шарами. Сдѣлать это сходство понятнымъ и очевиднымъ—вотъ что значить доказать шаровидность земли. Точно также путемъ наведенія мы открываемъ, что земля—планета, этимъ же путемъ открываемъ, что таинственное и прелестное видѣніе, называемое въ общежитіи радугою, есть игра солнечныхъ лучей въ дождевыхъ капляхъ и что трепетный свѣтъ полярныхъ сіяній есть медленный электрическій разрядъ, происходящій между двумя источниками электричества, совершенно аналогичный тому, какой происходитъ въ Гейслеровой трубкѣ.

Способность наведенія—одна изъ драгоценнѣйшихъ способностей человѣка. Главное, что отличаетъ племена богато-одаренныя отъ племенъ ограниченныхъ, умъ ясный и проникающій, способный сдѣлать все, чего онъ коснется, отъ умовъ, скорѣе запутывающихъ, чѣмъ разъясняющихъ, сводится, въ сущности, къ этой способности схватывать самыя тонкія аналогіи, замѣчать самыя деликатныя сходства. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что разъ мы хотимъ содѣйствовать умственному развитію человѣка, мы обязаны дать здоровую, правильную и посильную работу для этой драгоценной способности?

И такъ, географія, помимо сообщенія полезныхъ и необходимыхъ знаній, еще должна содѣйствовать правильному росту двухъ способностей ума: воображенія и индукціи. И мнѣ думается, что географія, въ искусныхъ рукахъ, въ высокой степени способна выполнить это свое назначеніе, какъ учебнаго предмета.

Чтобы показать наглядно, въ какой мѣрѣ это осуществимо на практикѣ, я могъ бы привести послѣдовательный рядъ уроковъ географіи, начиная съ самыхъ первыхъ, начальныхъ занятій съ дѣтьми. Но не здѣсь, конечно, читать такой курсъ методики географіи. Я ограничусь планомъ только одного урока, одного изъ тѣхъ, какіе приходится придумывать десятками.

Положимъ, что мнѣ надлежитъ устроить съ дѣтьми лѣтъ 11—12 бесѣду о Египтѣ. Какъ я стану дѣлать это?

Уже давно я бросилъ всѣ учебники, и ворохъ ихъ лежитъ у меня на полкѣ, покрытый слоемъ пыли. Приходя въ классъ, я требую, чтобы у учениковъ были только небольшія записныя тетрадки.

Гдѣ находится Египетъ?—вотъ первый вопросъ, на который должны отвѣтить мои ученики. На это слышатся разные отвѣты: въ Африкѣ, на берегу Средиземнаго моря, на Нилѣ. Но всѣ эти отвѣты не точно опредѣляютъ положеніе. Наприм., Египетъ лежитъ на Нилѣ; но Нилъ великъ: мы уже раньше узнали, что онъ имѣетъ 7,080 вер. отъ его выхода изъ озера Викторіи-Ніанца до впаденія въ Средиземное море, что онъ вдвое длиннѣе нашей Волги. По какой же части Нила лежитъ Египетъ?

Здѣсь начинается наведеніе. Сравнивая между собою знакомыя боль-

шія рѣки: Волгу, Днѣпръ, Рейнъ, мы открываемъ, что у нихъ есть такъ называемое нижнее теченіе, т.-е. тотъ ихъ участокъ, который близокъ къ ихъ устью, что въ этой части они текутъ всегда тихо, плавно, въ низкихъ берегахъ, имѣютъ стремленіе дѣлиться на рукава и иногда образуютъ дельту. Замѣчу, что во время этой небольшой умственной работы ученики въ первый разъ замѣчаютъ, что у однихъ рѣкъ есть дельта, у другихъ—ея нѣтъ.

И такъ, Египетъ лежитъ по нижнему теченію Нила. Мы можемъ уже заранѣе сказать, какова тамъ рѣка и какіе у нея берега. Теперь посмотримъ вотъ на эту картину, составленную Кирхгофомъ и Супаномъ, свѣтилами географической науки въ Германіи. Она изображаетъ долину Нила въ Египтѣ.

Наша догадка подтверждается: Нилъ въ Египтѣ течетъ плавно, спокойно, въ низкихъ берегахъ. Но какое отличное поле для дѣятельности воображенія представляетъ эта картина! Цѣлый рядъ вопросовъ со стороны учениковъ покажетъ вамъ, что она привела въ колебаніе всѣ струны ихъ души, что отъ ихъ вниманія не ускользаетъ никакая подробность, что глаза ихъ съ жадностью ловятъ впечатлѣнія, чтобы дать пищу работающему воображенію. И въ результатъ получается представленіе, мысленный образъ о цѣлой странѣ, со всѣми ея типичными чертами, и еще о какой странѣ! О странѣ, которую придется представлять себѣ тысячи разъ и при урокахъ географіи, и при урокахъ всеобщей исторіи, и при урокахъ священной исторіи. И теперь дѣти будутъ представлять себѣ ее уже не какъ черточку на картѣ Африки. Развѣ есть возможность чѣмъ-нибудь замѣнить всю обаятельную полезность, всю насущную необходимость такихъ картинъ? Чѣмъ замѣнить ихъ? Какой рассказъ, какое описаніе не покажутся мертвою буквой передъ подобнымъ изображеніемъ? Я думаю, будь у насъ побольше такихъ картинъ, мы сдѣлали бы преподаваніе географіи однимъ изъ плодотворнѣйшихъ умственныхъ упражненій для дѣтей. А кто мѣшаетъ сдѣлать цѣлый рядъ такихъ картинъ? Эта картина сдѣлана нѣмцами—это правда; но развѣ мы, русскіе, не сумѣли бы составить другія, можетъ быть, лучше этой? Мнѣ скажутъ: да, но кто станетъ покупать ихъ? Дѣйствительно, пока имъ еще трудно будетъ найти сбытъ въ Россіи, но развѣ мы не можемъ отправлять ихъ на европейскіе рынки, на рынки Франціи, Австріи, Германіи, подобно тому, какъ иностранцы посылаютъ къ намъ свои издѣлія?

Египетъ есть узкій и длинный оазъ въ пустынѣ, узкая полоса плодородной земли по обоимъ берегамъ Нила,—вотъ та мысль, которая складывается въ умахъ учениковъ моихъ послѣ внимательнаго разсматриванія этой картины. Отчего же образуется эта полоса и почему она не шире? Отвѣтъ на этотъ вопросъ должна дать другая картина, показывающая Египетъ во время разлитія Нила. Мнѣ кажется, что такая картина столь же необходима, какъ и первая. Весьма немногіе изъ дѣтей видали большую рѣку, видали, какъ разливается она въ водополье; большинство же

присутствующихъ въ классѣ не видали этого даже на картинахъ. Поэтому для нихъ разсказъ о наводненіи Нила останется мертвою буквой, ибо въ ихъ воображеніи нѣтъ элементовъ, чтобы построить мысль о немъ. Можетъ быть, они повторяютъ слова учителя, будутъ разсказывать о наводненіи, по все это будутъ одни слова, повторяемыя полусознательно, и настоящаго, живого отношенія къ уроку не будетъ. Другое дѣло, если показать картину наводненія, съ деревьями, превращенными въ островки, съ полузаливными группами финиковыхъ пальмъ и проч. Тогда великая тайна Египта сдѣлается для дѣтей и понятной, и высокоинтересной.

Теперь естественно спросить, отчего же Ниль такъ правильно, всегда въ одно время, выходитъ изъ береговъ и заливаєтъ страну? Чтобъ отвѣтить на это, нужно сдѣлать еще разъ индукцію. Нужно взять нѣсколько знакомыхъ рѣкъ и подумать, отчего онѣ разливаются? Не трудно придти къ мысли, что таяніе снѣга и проливные дожди составляютъ единственные причины естественнаго разлитія всѣхъ рѣкъ. Исключенія изъ этого правила (какъ, наприм., Невы) очень рѣдки.

Ниль долженъ разливаться отъ одной изъ этихъ причинъ: отъ таянія снѣга или проливныхъ дождей. Но въ Египтѣ не бываетъ снѣга, не бываетъ и дождя. Тамъ можно дожидаться до сѣдыхъ волосъ, не выдавши во всю жизнь ни одного порядочнаго ливня. Гдѣ же искать причину разлитія Нила?

По этому поводу есть прекрасный разсказъ Эдмунда Брема въ его *Путешествіи по сѣверно-восточной Африкѣ*. Разсказъ изображаетъ тропическую грозу и ливень въ Хартумѣ—городѣ, стоящемъ при слияніи Нила и Голубой рѣки. Тамъ, гдѣ родится Ниль, тамъ каждый годъ, въ извѣстный срокъ, начинаютъ лить ежедневные дожди, сопровождаемые страшными грозами.

Послѣ этого становятся понятны причины разлитія Нила въ Египтѣ. Широкая индукція, указавшая на таяніе снѣга и на дожди, какъ на причину половодья каждой рѣки, получаетъ новое подтвержденіе, успокоивающее пытливость дѣтскаго ума.

Если бы даже пришлось ограничиться одними сейчасъ изложенными свѣдѣніями и не сообщать никакихъ другихъ, то и тогда въ умахъ учениковъ съ достаточною силой, яркостью и свѣжестью было бы запечатлѣно все то о Египтѣ, что составляетъ ключъ къ пониманію страны. Кто помялъ сейчасъ изложенное, для того уроки географіи Египта не прошли даромъ. Онъ приобрѣлъ знаніе существенной стороны дѣла. Многія подробности можете сообщить ученикамъ монмъ,—послѣ того, что они знаютъ, эти подробности имъ будутъ и интересны, и понятны. И рядомъ съ усвоеніемъ весьма цѣнныхъ географическихъ свѣдѣній шла оживленная умственная работа, которая не можетъ не отразиться благотворно на умственномъ развитіи. Прибавлю еще: во все время урока поддерживалась и усиливалась естественная любознательность, столь дорогое свойство дѣтской души.

Мнѣ могутъ сказать: хорошо, можно сдѣлать два-три полезныхъ урока о Египтѣ, по развѣ есть какая-нибудь возможность столь же основательно и наглядно познакомить дѣтей со всею Африкой, когда въ теченіе учебнаго года, при двухъ урокахъ въ недѣлю, учитель обязанъ познакомить учениковъ съ Африкой, Азіей, Америкой и Австраліей? Конечно, этого сдѣлать нельзя, да, право, этого и не нужно. Мы и безъ того слишкомъ много учимъ нашихъ дѣтей, совсѣмъ забывая, что имъ больше всего необходимы игры и простой физическій трудъ на вольномъ воздухѣ.

Мѣстностей столь поучительныхъ въ педагогическомъ отношеніи, столь хорошо извѣстныхъ, какъ Египетъ, не много на землѣ. По-моему, слѣдуетъ останавливаться только на этихъ немногихъ. Что до меня, то я давно уже изъ всей Африки беру для бесѣды съ учениками только бассейнъ Нила да Великую пустыню. Что касается всего остального, то я добиваюсь лишь того, чтобы ученики легко и безъ запинки показали мнѣ Суданъ, бассейнъ Конго, бассейнъ Замбези и Капскую землю. Нѣсколько картинъ изъ жизни африканской природы и изъ жизни людей завершаютъ наше знакомство съ Африкой. Подобнымъ же образомъ я поступаю и съ другими частями свѣта, выбирая въ нихъ только то, что типично и поучительно. Кто старался дѣйствительно добиться, чтобы *весь классъ* выносилъ съ урока толковыя и точныя познанія, тотъ никогда не скажетъ, что я оставляю слишкомъ мало изъ обычнаго курса географіи.

Наши учебники составлены совсѣмъ на противоположныхъ основаніяхъ. Они стремятся сообщить понемногу обо всемъ, они словно боятся пропустить даже ничтожные факты, нисколько не заботясь о необходимой перспективѣ и рельефности изложенія. Что получается въ результатѣ—это испытать каждый, кому приходилось заниматься по любому изъ руководствъ: черезъ недѣлю дѣти совершенно забываютъ весь этотъ ни на что ненужный балластъ, который имъ преподносятъ подъ именемъ краткихъ характеристикъ Судана, Капской земли и проч.

Останавливаясь только на самомъ существенномъ, обрабатывая это существенное до степени полной доступности и наглядности, избѣгая всячески обилія собственныхъ именъ и сокращая до простого показыванія на картѣ все мало пригодное въ педагогическомъ отношеніи, учитель легко пройдетъ съ учениками 11—12 лѣтъ всѣ четыре части свѣта при двухъ урокахъ въ недѣлю, и пройдетъ такъ, что оставить въ умѣ дѣтей ясныя географическія представленія, привычку мыслить образами, нѣкоторый навыкъ въ наведеніи и большой интересъ къ знанію. Чего же желать еще? Живымъ и чистымъ родникомъ будетъ дѣятельность учителя, и струйки каждаго такого родника, можетъ быть, незамѣтнаго и незнаемаго, сливаясь одна съ другою, составятъ, наконецъ, одинъ широкій и мощный потокъ, который поведетъ русское общество, а вслѣдъ за нимъ и русскій народъ къ просвѣщенію, къ счастію, къ прогрессу.

Сергій Мечъ.

Взгляды Шеффле на общество.

(«Bau und Leben des socialen Körpers» von Dr. A. E. F. Schäffle.
Tübingen, 1881).

Еще въ 1885 г. въ статьѣ *Отношенія личности къ государству*, помещенной въ ноябрьскомъ номерѣ *Сѣвернаго Вѣстника*, авторомъ статьи г. Яроцкимъ высказано было сожалѣніе, что сочиненіе Шеффле объ обществѣ, пользующееся полнымъ и заслуженнымъ успѣхомъ у заграничной публики, не имѣетъ такого же успѣха у русскихъ читателей, совершенно незнакомыхъ съ этимъ сочиненіемъ, непереведеннымъ на русскій языкъ.

Съ той поры прошло шесть лѣтъ, а сочиненіе Шеффле объ обществѣ, *Bau und Leben des socialen Körpers* (*Строеніе и жизнь социальнаго тѣла*), попрежнему, остается непереведеннымъ и, кажется намъ, попрежнему, малоизвѣстнымъ даже той части русской публики, которая могла бы прочесть его въ оригиналѣ.

«Кто имѣлъ бы мужество и сѣмѣлъ бы перевести, какъ слѣдуетъ, книгу Шеффле, несомнѣнно оказалъ бы услугу социологіи въ своей странѣ», — сказалъ о книгѣ Шеффле Эспинасъ въ своей *Социальной жизни животныхъ*.

Да, дѣйствительно, значительную долю мужества нужно имѣть, чтобы перевести эти четыре увѣсистыхъ тома, написанныхъ во многихъ частяхъ отвлеченнымъ и трудно поддающимся переводу языкомъ. Но если и не мужество, то нѣкоторая рѣшимость нужна и для того, чтобы даже не перевести, а прочесть эти томы, и рѣшимость эта должна поддерживаться увѣренностью, что трудъ, затраченный на прочтеніе, вознаградится, что чтеніе книги ознакомитъ читателя съ цѣлымъ рядомъ здоровыхъ и плодотворныхъ мыслей. Безъ этой увѣренности читателю изъ большой публики, а не спеціалисту, трудно рѣшиться взяться за слишкомъ толстую и не легко написанную книгу.

А, между тѣмъ, въ русской ученой литературѣ о книгѣ Шеффле высказано было мнѣніе, притомъ, высказано человѣкомъ авторитетнымъ въ вопросахъ социологіи и философіи исторіи, именно г. Карѣвымъ, — мнѣніе, которое въ конецъ можетъ подорвать рѣшимость ознакомиться

съ указаннымъ сочиненіемъ, такъ какъ авторъ его у г. Карѣва выставленъ, по своимъ взглядамъ на общество, крайнимъ органистомъ, чуть ли не впадающимъ, притомъ, въ метафизику.

Указывая на сочиненіе Шеффле, г. Карѣвъ говоритъ: «Тутъ уже проводится параллелизмъ между біологіей и соціологіей до того, что какъ въ первой, такъ и во второй есть своя анатомія, своя фізіологія, своя психологія: эта послѣдняя занимается народнымъ духомъ (Volksgeist), коллективнымъ сознаниемъ (Collectbewusstsein), которыя понимаются буквально, какъ предметы дѣйствительно существующіе, а не фигуральныя названія, и соціологія, такимъ образомъ, ударяется въ чистѣйшую метафизику... Въмѣсто того, чтобы изъ психическаго взаимодействія индивидуумовъ объяснять возникновеніе соціальной организаціи и отъ психологіи переходить къ соціологіи, здѣсь изъ структуры общества, какъ организма, выводятся проблематическіе «духъ народа» и «коллективное сознание» *). На стр. 76 ч. II *Основ. вопр. фил. ист.* г. Карѣвъ говоритъ: «Отожествленіе общества съ организмомъ Шеффле доводитъ до того, что открываетъ у общества душу: мы столь же, по Шеффле, вправѣ говорить о духѣ народа, сколько вправѣ связывать отдѣльныя психическія сознанія организма въ индивидуально-психологическое представленіе души или духа».

По своимъ взглядамъ на развитіе общества Шеффле представляется, очевидно, г. Карѣву приверженцемъ чуть ли не исключительно генетически-причиннаго объясненія цивилизаціи, приверженцемъ мнѣнія объ «органическомъ» развитіи ея, такъ что неожиданнымъ и противорѣчащимъ общему міровоззрѣнію Шеффле является для г. Карѣва то обстоятельство, что «онъ, имѣя дѣло съ частностями, дѣлая предметомъ своего изслѣдованія цивилизацію, «какъ величайшую ступень развитія въ мірѣ явленій», вдругъ увидѣлъ всѣ различія между біологическимъ и соціальнымъ развитіемъ» **). При такомъ отношеніи къ Шеффле, г. Карѣвъ находитъ возможнымъ привѣтствовать (очевидно, какъ одно изъ наиболѣе свѣтлыхъ положеній Шеффле) даже такое отрицательное опредѣленіе цивилизаціи, сдѣланное имъ: «Исторія цивилизаціи онтогенетически не есть рожденіе, ростъ, созрѣваніе, дряхлѣніе и умираніе всего соціального тѣла» ***).

Намъ кажется, что мнѣніе г. Карѣва о Шеффле основано на недоразумѣніи. Аналогіи, которыя Шеффле, по собственному указанію его, употребляются лишь для наглядности, имѣвшіяся въ 1-мъ изданіи *B. und L.* дѣленія сочиненія на соціальную анатомію, гистологію, фізіологію и т. д., выраженія, которыя, по собственному признанію Шеффле, шокировали многихъ и заставляли подозрительно относиться къ его труду, оттолкнули, думается намъ, г. Карѣва отъ книги Шеффле, почему онъ и не познакомился со вторымъ изданіемъ ея ****), гдѣ во введеніи къ 1-му тому многіа

*) *Основные вопросы философіи исторіи*, ч. II, изд. 2-е, 1887 г., стр. 48—49.

**) Ibidem, стр. 89.

***) Ibidem, стр. 90.

****) Изъ ссылокъ цитированной книги г. Карѣва ясно, что у него подъ рукою

основныя положенія автора высказаны рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ въ 1-мъ изданіи его сочиненія, и вообще отнесся къ труду Шеффле далеко не съ тою внимательностью, какой онъ заслуживаетъ. Выяснить это недоразумѣніе, выяснить истинныя взгляды Шеффле на общество и его развитіе, показать, что многія основныя воззрѣнія Шеффле далеко не противорѣчатъ, а, наоборотъ, весьма близки къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя защищаетъ въ своихъ сочиненіяхъ и г. Карѣевъ и которыя дороги также и намъ, привлечь вниманіе читающей публики къ книгѣ Шеффле—вотъ задача нашего очерка.

Уже на первой страницѣ своего *Введенія* Шеффле задается вопросомъ, что такое человѣческое общество, и отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить *все его сочиненіе вообще и введеніе къ нему* *) въ частности. Общество, по мнѣнію Шеффле, является живымъ тѣломъ, но, притомъ, тѣломъ совершенно иного рода, чѣмъ всѣ другія тѣла на нашей землѣ, хотя оно и создано изъ тѣхъ же элементовъ матеріи, какъ и другія тѣла, хотя оно и движется силами органической и неорганической природы, а не какими-либо сверхъестественными. Имѣя сходныя черты съ обществомъ животныхъ, *человѣческое общество* является, въ то же время, явленіемъ гораздо высшаго порядка и *можетъ быть опредѣлено какъ недѣлимое общежитіе органическихъ индивидовъ, возникшее и существующее на почвѣ чисто-психическихъ актовъ, вѣнчимъ проявленіемъ которыхъ служатъ символы, выражающіе идеи, и техническія дѣйствія*, создающія полезности и овеществляющія во внѣшнихъ объектахъ продукты человѣческой мысли. Знаки, служащіе для выраженія идей, и техническія дѣйствія устанавливаютъ взаимодействіе между высшими актами интеллекта, чувства и воли индивида, каковыя акты и являются тою основною связью, которая соединяетъ воедино человѣческіе индивиды. Хотя входящіе въ составъ общества индивиды и ихъ богатства и являются органическими и неорганическими тѣлами, и каждое изъ такихъ тѣлъ существуетъ, какъ цѣлое, вслѣдствіе того, что его части связаны воедино органическою или неорганическою связью, и только ею, однако, все, что есть соціальнаго въ обществѣ, это—ни физико-химическая, ни біологическая, а «идеальная», иначе—психическая связь индивидовъ, выражающаяся въ ихъ символическихъ и техническихъ дѣйствіяхъ, и эта «идеальная» связь является своеобразнымъ признакомъ *соціальной тѣла*.

Но, будучи живымъ тѣломъ совершенно своеобразнымъ, общество остается, все-таки, живою индивидуальностью, отличающеюся всѣми свойствами, какія присущи живому тѣлу.

1) Всякое тѣло, живое или неживое, обладаетъ опредѣленными формами

было лишь 1-е изданіе *Bau und Leben des socialen Körpers* 1875 г. и незнакомо изданіе 1881 г.

*) Стр. 1—86 1-го тома.

соединения своих частей. Разматриваемое с этой точки зрения, *морфологически*, общество оказывается имѣющимъ извѣстныя относительно постоянныя формы соединенія своихъ частей, существующихъ одновременно въ данный моментъ; оно является чѣмъ-то типическимъ, имѣющимъ правильныя формы проявленія, но эти формы носятъ своеобразный, искусственный, а потому и измѣнчивый характеръ. У общества нѣтъ линейно - математической правильности и постоянства формъ. Такая правильность и постоянство противорѣчили бы духовному характеру связи между частями общества и природѣ этихъ частей. Однако, и при такой измѣнчивости формъ, въ немъ не вполне отсутствуютъ типическія проявленія, постоянныя формы соединенія сосуществующихъ частей.

Въ структурѣ какъ частно, такъ и государственно-правовой организации, въ конфигураціи поселеній и путей сообщенія, во всей организациі учреждений, имѣющихъ цѣлю оборону общества, обмѣнъ вещества въ немъ, учреждений государственныхъ, образовательныхъ, церковныхъ, а равно въ физиономіи народа, въ характерѣ его богатствъ, въ строѣ его языка замѣчаются своеобразныя, хотя и не закаменѣлыя характерныя формы.

2) Разматриваемое с точки зрения соединенія своихъ составныхъ частей, *анатомически*, общество является также обладающимъ свойствами тѣла, но при этомъ тѣла, конечно, своеобразнаго. Оно представляетъ единое цѣлое, состоящее изъ все болѣе усложняющихся комплексовъ основныхъ частей. Двумя относительно простыми, элементарными составными частями, входящими въ соединенія все болѣе и болѣе сложныя, являются, съ одной стороны, личности (человѣческіе индивиды), съ другой—ихъ богатства (Güter). Активные и пассивные элементы (все равно, твердо осѣвшіе или мѣняющіе постоянно мѣсто, одиночные или соединенные въ группы) образуютъ путемъ «идеальнаго» соединенія социальныя «ткани». Такими тканями являются общія массовыя соединенія народонаселенія, каковы дѣленія на сословія, классы, національности, религіозныя группы и т. п., спеціальныя же основныя соединенія личной рабочей силы съ различнаго рода «богатствами» для простыхъ, общихъ или спеціальныхъ основныхъ отраслей мы находимъ въ характерныхъ организаціяхъ поселеній, транспорта, организаціяхъ, созданныхъ для защиты и безопасности общества, для обмѣна вещества и т. п. Эти простыя, повсюду распространенныя основныя учрежденія сочетаются въ болѣе сложныя учрежденія специфической социальной жизнедѣятельности, «органы» (организациі), послѣдніе въ системы органовъ. Такимъ образомъ, государственное хозяйство есть система органовъ, которая охватываетъ не только специфическое соединеніе хозяйственныхъ рабочихъ силъ съ объектами обработки, торговли и потребления, но также учрежденія поселеній, транспорта, защиты и охраненія безопасности, безчисленное количество техническихъ учреждений, подготовку личностей къ работѣ и т. д.; государство, какъ обширная система органовъ центрального расчлененія силы и господства, имѣетъ также свои основныя учрежденія и подчиненные органы. Общая организациа социаль-

наго тѣла является, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе усложняющеюся постройкой изъ двухъ элементовъ личностей и ихъ имущества, населенія и его состоянія (Vermögen). Соціальное тѣло не является біологическимъ соединеніемъ этихъ элементарныхъ составныхъ частей, но, какъ громадное духовное живое соединеніе органическихъ индивидовъ, оно является, тѣмъ не менѣе, *связнымъ цѣлымъ* функционально - раздѣльныхъ основныхъ составныхъ частей и ихъ сплетеній.

3) Какъ всякое живое тѣло, соціальное тѣло обладаетъ жизнедѣятельностью, обладаетъ цѣлымъ рядомъ внутреннихъ движеній и способностью сохранять связность и цѣлостность своихъ частей и движеній противъ всякихъ внѣшнихъ нарушеній. Но эта жизнь общества совершенно своеобразна, совершенно несравнима съ жизнью всѣхъ другихъ живыхъ индивидуальностей, существующихъ въ нашемъ мірѣ. Соціальное тѣло является, такимъ образомъ, не только «морфологически» и «анатомически», но и *физиологически* живою индивидуальностью высшаго порядка. Оно дѣйствуетъ только при посредствѣ своихъ активныхъ составныхъ частей (индивидовъ и группъ населенія) и только для нихъ, но, въ то же время, оно больше, чѣмъ простая сумма разрозненныхъ индивидовъ, оно является единымъ цѣлымъ, обладающимъ непрерывно дѣйствующимъ коллективнымъ сознаниемъ, — цѣлымъ, подчиняющимъ себѣ единичныхъ личностей своею традиціей матеріальныхъ и духовныхъ приобрѣтеній, накапливающимъ всѣ завоеванія, достигнутыя въ области практическихъ искусствъ предъидущими поколѣніями, для надѣленія ими поколѣній грядущихъ.

Соціальное тѣло живетъ и дѣйствуетъ, конечно, лишь при посредствѣ силъ органической и неорганической природы, но управляетъ этими силами при помощи духовныхъ силъ, пользуется ими «технически».

Единство частныхъ движеній, ихъ порядокъ и гармонія, равно какъ пользованіе органическими и неорганическими силами природы, осуществляется, при посредствѣ духовнаго взаимодействія, сознательными дѣйствіями, частью состоящими въ символизмѣ, т.-е. въ выраженіи и сообщеніи идей, частью въ практической работѣ, т.-е. промышленной и двигательной техники, частью въ общемъ дѣйствіи, частью въ изданіи и проведеніи извѣстныхъ нормъ. Безконечное разнообразіе частныхъ движеній соціальной жизни соединяется въ одно цѣлое, въ систему какъ гармоническихъ, такъ и антагонистическихъ движеній, непремѣнно *идеально-техническимъ* способомъ (т.-е. рядомъ дѣйствій, въ основѣ которыхъ лежатъ извѣстные психическіе акты, — дѣйствій, опирающихся при достиженіи сознательно поставленной цѣли на всѣ тѣ техническія приспособленія и оперирующихъ всѣми тѣми способами, какіе въ данное время считаются наиболѣе цѣлесообразными для воздѣйствія на внѣшнюю природу и для устройства внутреннихъ человѣческихъ отношеній. Такой способъ дѣйствія является, конечно, прямою противоположностью органическому или біологическому воздѣйствію частей организма другъ на друга).

4) Въ соціальномъ тѣлѣ замѣчается также совершенно *своеобразное*,

однако же, правильное *развитіе*. Начиная съ примитивныхъ стадій пранародовъ, развитіе различныхъ народовъ и слоевъ народа идетъ правильнымъ ходомъ и для каждой эпохи развитія мы замѣчаемъ нѣчто своеобразное въ проявленіяхъ, какъ въ идеальнѣйшихъ областяхъ религіи, науки и искусства, такъ и въ организаціи государства со всѣми его учрежденіями. Создавался дѣйствіемъ постоянныхъ, для даннаго историческаго момента, мотивовъ и потребностей и данныхъ природныхъ условій, социальное развитіе, въ то же время, въ противоположность эволюціи органическаго тѣла, является въ значительной степени продуктомъ сознательныхъ стремленій и мотивовъ, живущихъ въ каждомъ поколѣніи народа и видоизмѣняющихся подъ вліяніемъ руководящихъ умовъ и ихъ идей. Развитіе человѣческаго общества совершается при посредствѣ переживанія болѣе могучихъ силъ, явившихся слѣдствіемъ приспособленія и унаслѣдованія и одержавшихъ побѣду въ борьбѣ за существованіе и за привилегированное положеніе, въ непрерывно возгорающейся борьбѣ съ природой, съ враждебными народами, съ врагами-единомышленниками. Но человѣческія общества уже съ самаго начала борются, какъ духовно-соединенныя коллективныя силы, а не изолированныя единицы. «Отбирающая» борьба за существованіе не является животною борьбой за существованіе, которую, какъ изолированныя особи, ведутъ другъ съ другомъ звѣри, не всегда даже простымъ военнымъ состояніемъ пранародовъ и варваровъ,—все болѣе и болѣе она дѣлается борьбой интересовъ и идей и постепенно получаетъ (хотя и теперь лишь едва въ достаточной степени) мирный исходъ. Человѣческая борьба за существованіе, ведущаяся какъ со внѣшними силами, такъ и внутри общества, все болѣе теряетъ свой животный оттѣнокъ и становится не борьбой, оканчивающейся вытѣсненіемъ и уничтоженіемъ побѣжденныхъ, а борьбой, завершающейся контрактомъ, становится публично-правовымъ споромъ, завершающимся измѣненіемъ распредѣленія элементовъ господства и подчиненія, ведущимъ къ приспособленію и усовершенствованію иначе сгруппировавшагося населенія.

Противъ того, что общество является индивидуальностью, а не суммой раздѣльныхъ индивидовъ, выставляется часто *возраженіе*, опирающееся на *неправильность формъ* соединенія частей социальнаго тѣла и *пространственную раздѣльность ихъ* (т.-е. отсутствіе непосредственно-матеріальнаго соединенія частей). Но оба эти факта вовсе не являются признаками того, что въ данномъ случаѣ не имѣется недѣлимаго общегитія; они только служатъ выраженіемъ своеобразнаго духовнаго, а не чисто-біологическаго способа сложенія человѣческаго общества. Уже раньше говорилось по поводу отсутствія математически-правильныхъ формъ соединенія частей социальнаго тѣла, что же касается «чистой идеальности связи», «отсутствія сцѣпленія и непрерывности», на что часто указывается, то, прежде всего, нельзя утверждать, что социально-психическая связь отличается чистою, непримѣною идеальностью, достаточно вспомнить о могучихъ явленіяхъ языка, письма, литературы, способовъ сообщенія, транспорта и т. п. явленіяхъ,

гдѣ рядомъ съ «идеальнымъ» существуетъ и матеріальный элементъ. Не нужно забывать также, что непосредственное сцѣпленіе съ промежуточнымъ веществомъ полужидкаго состава, какое существуетъ въ біологическихъ организмахъ, не представляетъ собой *conditio sine qua non* цѣлостности тѣла, разъ есть возможность воздѣйствія частей этого тѣла на разстояніе черезъ воздушную и эфирную среду. Съ этимъ вполне совпадаетъ мысль Эппинаса: «Истинная непрерывность заключается въ непрерывной передачѣ силы. Если сила, проникая въ среду, дѣлается чувствуемой во всемъ своемъ объемѣ, то среда является конкретной, какъ бы велико ни было промежуточное разстояніе, раздѣляющее лежащія въ ней тѣла». А языкъ, различные роды почтового и телеграфнаго сообщенія, транспортъ и т. п., проникая въ среду, вполне достигаютъ цѣли—передачи силы психическаго воздѣйствія индивидовъ другъ на друга и, такимъ образомъ, связываютъ въ одно цѣлое матеріально не связанныя части. Что же касается *непризнанія* за социальнымъ тѣломъ *реальной индивидуальности* на основаніи того, что оно въ свою очередь *слагается изъ индивидовъ*, то съ такой точки зрѣнія придется отрицать и реальность органическаго индивида, такъ какъ послѣдній представляетъ собою цѣлое, состоящее изъ относительно-самостоятельныхъ недѣлимыхъ клѣточекъ, тѣ же въ свою очередь слагаются изъ атомовъ, но и существованіе послѣднихъ разсматривается не въ смыслѣ реальности абсолютной недѣлимости ихъ, а является лишь естественно-научнымъ допущеніемъ для объясненія міровыхъ явленій. Съ этой точки зрѣнія приходится, такимъ образомъ, или признать социальное тѣло за дѣйствительный индивидъ высшаго порядка, или отказаться отъ признанія за чѣмъ бы то ни было реальной индивидуальности. Но, будучи живою индивидуальностью, не является ли социальное тѣло организмомъ въ біологическомъ смыслѣ? Ни въ какомъ случаѣ. Біологическому организму недостаетъ той исключительно психической связи между органическими индивидами, осуществляемой при посредствѣ символовъ и практическаго искусства, которая составляетъ существо социальнаго тѣла, которая придаетъ своеобразный характеръ человѣческому и даже уже животному обществу. «Организмомъ» можно назвать социальное тѣло, лишь искусственно расширяя понятіе организма, сдѣлавши его родовымъ понятіемъ, которое охватитъ и социальныя тѣла, какъ «духовные» организмы, и органическія, какъ организмы біологическіе.

Физиологическая (біологическая, органическая) связь между частями общества имѣетъ мѣсто лишь въ половыхъ союзахъ, въ семействѣ, но брачныя союзы представляютъ собою лишь физиологическое явленіе въ обществѣ, а не охватывающую связь. Но даже и эти союзы съ развитіемъ общества пріобрѣтаютъ все болѣе духовный характеръ.

Такимъ образомъ, съ оговоркой для половыхъ союзовъ, по скольку они остаются связью чисто-физиологическою, социальнымъ тѣломъ, въ противоположность органическому, мы называемъ общежитіе органическихъ индивидовъ, поддерживаемое на почвѣ психическихъ импульсовъ при посредствѣ

символовъ и техники и опирающееся на овеществленные продукты человѣческой дѣятельности.

Дѣятельность человѣческой психики, которая образуетъ и поддержива-етъ социальное общество, есть, конечно, сила органическаго тѣла, сила жизнедѣятельности населенія; но общность и взаимодействие человѣческихъ дѣлъ, находящихся въ отдѣльныхъ человѣческихъ тѣлахъ, есть нѣчто уже совершенно новое по сравненію съ психикой изолированной особи. Коллективное сознание человѣческихъ индивидовъ, проходящее даже черезъ цѣлый рядъ поколѣній, не присуще органическому сообществу частей біологическаго индивида; ни языкъ, ни письмо, ни право, ни мораль, ни религія не являются біологическими явленіями,—они социально-психическіе продукты. Да, социально-психическіе продукты, потому что индивидуальная психика общественнаго животнаго, не говоря уже о человѣкѣ, даже его мозгъ, уже не есть продукты чисто-индивидуальнаго развитія. То, что отличаетъ человѣческую психику, человѣческую нервную и мускульную организацію, въ значительной мѣрѣ появилось и развилось лишь на почвѣ общественнаго соединенія индивидовъ.

Противъ своеобразности социальнаго общежитія, противъ рѣзкой его противоположности біологическому организму ни мало не говоритъ то обстоятельство, что психическіе акты жезнедѣятельности человѣческихъ индивидовъ, сохраняющіе общественное тѣло въ цѣломъ и спланивающіе его части, болѣе или менѣе постоянны и приспособлены другъ къ другу, дѣйствуютъ привычно, прочно координированы и согласны. Однообразіе, постоянство и согласованіе индивидуальныхъ дѣйствій на почвѣ социальныхъ привычекъ, обычаевъ и навыковъ ни въ какомъ случаѣ не создаются тѣмъ же способомъ, какъ реагированіе и прочная координація различныхъ частей человѣческихъ органовъ и тканей. Совершенно вѣрно, что чѣмъ болѣе цивилизованъ человѣкъ, тѣмъ закономѣрнѣе дѣйствуетъ онъ, тѣмъ болѣе дѣйствія его могутъ быть предвидѣны заранее; индивидуальному произволу сильное ограниченіе ставили привычка и обычай. Но и обычай не есть чисто-біологическій продуктъ; по своему происхожденію, онъ продуктъ умственной дѣятельности. И сознательная измѣняемость, сила новыхъ идей, вліяніе индивидуальной воли вовсе не такъ незамѣтно малы, какъ утверждаетъ Спенсеръ. *Соціальное тѣло*, въ постоянномъ взаимодействіи своихъ составныхъ частей, въ значительной степени есть продуктъ искусства и сознательнаго приспособленія.

Такимъ образомъ, все говоритъ за то, что *соціальное тѣло* — живое тѣло высшаго порядка, но не органическое тѣло. Но можно ли его, несмотря на это, сравнивать съ послѣднимъ? Шеффле полагаетъ, что можно, и самъ неоднократно прибѣгаетъ къ органическимъ аналогіямъ, но при этомъ очень рѣзко и опредѣленно указываетъ (т. I, стр. 49 — 51) на то, что онъ пользуется такими аналогіями исключительно для болѣе нагляднаго выясненія социологическихъ понятій, для болѣе образнаго представленія ихъ, по примѣру естествоиспытателей, очень часто пользующихся для

наглядного выясненія анатоміи или фізіологіи организма аналогіями, заимствованными изъ другихъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія. Но, какъ естествоиспытатель называетъ нѣкоторыя части животнаго организма «тканями», хорошо помня, что животныя-ткани не сотканы на жакаровомъ станкѣ, такъ и соціологъ долженъ помнить, что соціологія не есть тождество, долженъ помнить какъ основную разницу между идеально-техническимъ и органически-біологическимъ образованіемъ общежитія органическихъ недѣлимыхъ личностей въ одномъ случаѣ, клѣточекъ—въ другомъ, такъ и находящееся въ связи съ особымъ характеромъ сложенія соціальнаго тѣла появленіе новыхъ и своеобразныхъ фактовъ соціальнаго міра.

На ряду съ человѣческимъ обществомъ стоитъ и соціальныи міръ животныхъ. Общества человѣческія представляютъ лишь высшее развитіе обществъ животныхъ. Характеристику послѣднихъ Шеффле даетъ на основаніи книги А. Эспинаса *Соціальная жизнь животныхъ*. Отсылая читателя за подробностями къ этой книгѣ, имѣющей и въ русскомъ переводѣ, мы остановимся лишь на общей характеристикѣ развитія животныхъ обществъ, которую Шеффле заимствуетъ у Эспинаса, и на тѣхъ добавленіяхъ, которыя онъ вноситъ въ эту характеристику.

Приведенный Эспинасомъ рядъ животныхъ обществъ представляетъ постепенный переходъ къ типу все болѣе высокому, который у птицъ и млекопитающихъ является уже недѣлимымъ общежитіемъ органическихъ индивидовъ, въ которомъ внутреннимъ цементомъ являются психическіе мотивы, внѣшнимъ проявленіемъ котораго служатъ выраженіе ощущеній и дѣйствія техническія, направленные на созданіе жизненныхъ удобствъ.

«По мѣрѣ того,—говоритъ Эспинасъ,—какъ наблюдатель удаляется отъ первыхъ фазъ жизни, онъ замѣчаетъ все чаще и чаще, что группированіе живыхъ существъ совершается уже не подъ импульсомъ физико-химическихъ силъ и фізіологическихъ побужденій, но подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе чувствуемыхъ склонностей и влеченій. Предъ его глазами происходитъ незамѣтный переходъ отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ болѣе или менѣе сложной игры движеній (развѣ жизнь есть что-нибудь иное?) къ соотвѣтственному появленію представленій и хотѣній, къ сознанію. При переходѣ отъ одного порядка къ другому, органическая стройность дѣлается солидарностью, органическое единство, проявляющееся въ пространствѣ, становится невидимымъ сознаніемъ, непрерывность замѣняется традиціей, самопроизвольность движеній переходитъ въ инициативу, специализація функций превращается въ раздѣленіе труда, координація элементовъ—въ симпатію, подчиненіе—въ почтеніе и преданность, самоопредѣленіе явленій—въ рѣшеніе и свободный выборъ. Такимъ образомъ, все принимаетъ новый обликъ: изъ нѣдръ организма возникаетъ своеобразный міръ, управляемый тѣми же самыми законами, какъ и другой, но совершенно отличный отъ него, такъ какъ въ немъ идеи или представленія замѣняютъ очертанія и желанія играютъ роль движеній. Міръ этотъ есть общество: взаимная жизнь

сообщаетъ ему известную фізіономію; вездѣ, гдѣ можетъ происходить обмѣнъ впечатлѣній, есть мѣсто и для общества, и обратно, гдѣ возникло общество, тамъ всегда долженъ быть и обмѣнъ представленій. Такимъ образомъ, общество есть живое существо, по отличающееся тѣмъ, что оно, прежде всего, создано сознаниемъ. Общество — живое сознание, организмъ идей *)).

Къ сказанному Эспинасомъ Шеффле находитъ нужнымъ еще прибавить, что по мѣрѣ общественнаго развитія индивидуальное сознание пріобрѣтаетъ большую ясность и опредѣленность, и кругъ идей индивида все болѣе и болѣе расширяется. *Общество*—это тотъ факторъ, который *пробуждаетъ высшія чувства*, общество заставляетъ индивидуальное «я» болѣе сознательно относиться къ другимъ, пробуждаетъ въ этомъ индивидѣ симпатическія чувства. Общество вызываетъ сліяніе сознания себя, какъ индивида, съ сознаниемъ себя, какъ части группы, *сліяніе «я» съ «мы»* — явленіе, даже осторожнымъ Агассицемъ названное «моралью животныхъ». Не нужно, конечно, впадать въ крайность, не нужно, конечно, душѣ животныхъ приписывать свойствъ человѣческаго цивилизованнаго духа. Но не нужно также забывать того, что какъ психика животнаго создается общежитіемъ, такъ и индивидуальная душа человѣка, въ своемъ несравненномъ развитіи, является продуктомъ человѣческаго *общежитія*, что наука о душѣ человѣческаго индивида за разъясненіемъ должна обращаться къ общественной психологін. Въ остальномъ, по отчетливости и по широтѣ сознания и по другимъ явленіямъ своей жизни, цивилизованный человѣкъ стоитъ далеко выше всей духовно-соціальной жизни животныхъ. До «морали» въ смыслѣ преднамѣренныхъ и отвѣтственныхъ дѣйствій не поднималось ни одно общественное животное. И если у отдѣльныхъ соціальныхъ животныхъ преданность цѣлому можетъ доходить до «добровольной» смерти въ коллективной борьбѣ за существованіе, причемъ «я» и «мы» сливаются въ одно цѣлое, то, все-таки, животному недостаетъ яснаго сознанія, недостаетъ поднятія «я» или «мы» на степень конечной цѣли всей дѣятельности, недостаетъ общаго основнаго положенія, абстрактнаго сознанія долга, недостаетъ субъективнаго моральнаго принципа, не говоря уже объ опредѣленныхъ моральныхъ и правовыхъ общественныхъ нормахъ.

Опредѣливши объектъ соціологін, какъ живое тѣло высшаго порядка, Шеффле переходитъ къ рѣшенію вопроса, какой принципъ долженъ быть примѣненъ къ изслѣдованію этого объекта. Принципъ причинности не можетъ имѣть въ соціологін такого всеобъемлющаго значенія, какъ въ физикѣ, химіи, даже біологін. Явленія существованія и развитія соціальнаго міра хотя и не представляются исключительно продуктами преднамѣренной дѣятельности, но въ значительной степени опредѣляются известнымъ представленіемъ цѣли. Поэтому въ соціологін на ряду съ кавзальнымъ (при-

*) *Соціальная жизнь животныхъ* А. Эспинаса, стр. 441—443 русскаго перевода.

чиннымъ) принципомъ изслѣдованія весьма важное значеніе приобрѣтаетъ принципъ телеологическій (цѣлевой). Кавзальный и телеологическій принципы изслѣдованія не исключаютъ другъ друга, но одинъ (кавзальный) исходитъ отъ обуславливающаго къ обуславливаемому, другой (телеологическій) отъ обусловленнаго къ обуславливающему, которое должно быть найдено, чтобъ объяснить или совершить обусловленное.

По характеру объекта данной науки, можетъ быть болѣе умѣстенъ тотъ или другой принципъ. По отношенію къ социальнымъ явленіямъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ умѣстности примѣненія къ ихъ изученію телеологическаго принципа изслѣдованія. Въ социальномъ мірѣ во всякое время имѣется безконечное множество субъективныхъ представленій о цѣли, цѣльность которыхъ необходимо опредѣлить, найти средства для исполненія поставленной цѣли, сравнить окончательный исходъ дѣятельности съ содержаніемъ практической идеи; все это необходимо и имѣетъ смыслъ потому, что социальные факты если не исключительно, то въ весьма значительной степени являются продуктами осуществленія поставленныхъ цѣлей, а не продуктами «слѣпо» дѣйствующихъ физико-химическихъ силъ. И чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ больше значенія приобрѣтаютъ въ жизни обществъ дѣйствія произвольныя и мотивы такихъ дѣйствій.

И не только то, что еще должно быть совершено, не только практическое осуществленіе, при помощи извѣстныхъ средствъ, данной конечной цѣли, пока существующей въ видѣ представленій о цѣли, но даже и то, что сдѣлано, очень часто нуждается въ объясненіи при помощи прежнихъ цѣлевыхъ представленій, уже произведшихъ извѣстное дѣйствіе. Такъ что и въ историческомъ изслѣдованіи, а не только въ технику и политику, долженъ примѣняться телеологическій принципъ. Для объясненія и оцѣнки достигнутыхъ уже цѣлей необходимо бываетъ опредѣлить, найти и оцѣнить мотивы, поведшіе къ извѣстнымъ дѣйствіямъ; причинное объясненіе исторической зависимости покоится (хотя и не исключительно) на телеологическомъ объясненіи положительныхъ историческихъ фактовъ.

Такимъ образомъ, для *соціологін* большое значеніе имѣетъ *телеологія*, и, притомъ, телеологія *двоякая*: съ одной стороны, *теоретическая* телеологія свѣденія исторически данныхъ фактовъ къ ихъ неизвѣстнымъ, но дѣйствительно имѣвшимъ мѣсто мотивамъ; съ другой стороны, *практическая* телеологія, состоящая въ нахожденіи внѣшнихъ средствъ и духовныхъ социальныхъ импульсовъ для выполненія извѣстныхъ цѣлей. При обоихъ путяхъ изслѣдованія, какъ теоретической, такъ и практической телеологін, даннымъ является, въ одномъ случаѣ—слѣдствіе, въ другомъ—подлежащая выполненію задача, въ одномъ—имѣвшая уже мѣсто причина, мотивъ, поведшій къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, въ другой—средство, пригодное для достиженія задачи; изслѣдованіе идетъ отъ слѣдствія (или задачи) къ причинамъ, мотивамъ (или къ механическимъ и духовнымъ средствамъ). Изслѣдованіе остается и въ томъ, и въ другомъ случаѣ телеологическимъ, но, въ случаѣ

ислѣдованія теоретическаго, объектъ изслѣдованія лежитъ въ прошедшемъ, въ случаѣ же практическаго изслѣдованія—въ будущемъ.

Телеологическій процессъ мысли, разъ найдены всѣ неизвѣстныя, можетъ быть, конечно, представленъ въ видѣ причиннаго ряда. Но не только такая причинность, т.-е. причинность, какъ обратная телеологія, имѣетъ мѣсто въ социальномъ изслѣдованіи: въ социальномъ процессѣ, на ряду съ преднамѣренными, цѣлесообразными дѣйствіями чловѣка значительную роль играютъ также и причины, постоянныя и временныя, не подлежащія дѣйствию чловѣческой воли. А разъ только исчезаетъ вліяніе чловѣческой воли, выступаетъ кавзальный принципъ изслѣдованія. Дѣйствительно, социальный процессъ является въ той или другой степени продуктомъ внѣшнихъ естественныхъ условій (климатъ, раса и т. д.), стоящихъ внѣ сферы произвольныхъ дѣйствій членовъ общества и въ извѣстной степени обуславливающихъ эти дѣйствія. Здѣсь въ область социологіи проникаютъ естественно-научные методы изслѣдованія. Социальный процессъ есть, далѣе, слѣдствіе психическихъ антецедентовъ, возникшихъ не безъ причины; на самыя представленія о цѣли, осуществленію которой учатъ социальныя искусства: политика, экономика, педагогика, нельзя смотрѣть какъ на произвольныя,—ихъ возникновеніе должно быть объяснено причинно-психологически; такимъ образомъ, социальныя науки должны давать широкія индивидуально и социально-психологическія причинныя объясненія, но, къ сожалѣнію, они въ весьма несовершенной степени удавались даже точнымъ историкамъ.

Такимъ образомъ, телеологическій принципъ изслѣдованія въ социологіи долженъ примѣняться очень широко, хотя и не безраздѣльно господствовать въ ней.

За этими общими замѣчаніями о телеологическомъ изслѣдованіи социальныхъ явленій у Шеффле идетъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ замѣчаній относительно значенія научной политики для разрѣшенія задачъ настоящаго и ближайшаго будущаго. Мы не будемъ останавливаться на этихъ замѣчаніяхъ, укажемъ только на заключительныя слова Шеффле по этому поводу:

«При моихъ взглядахъ на задачи научной политики,—говоритъ онъ,—безъ сомнѣнія, я не могу раздѣлять воззрѣнія, будто историческое развитіе представляетъ собою органическій ростъ. Вмѣстѣ съ Лотце (ниже приведено воззрѣніе Лотце, на которое ссылается здѣсь Шеффле) я рѣшительно отвергаю этотъ историческій мистицизмъ. Соціальное развитіе частью создается дѣйствіемъ естественныхъ причинъ, частью—и все въ усиливающейся степени—оно есть продуктъ цѣлевыхъ представленій, идей, за которыя социальныя тѣла побѣдоносно вступаютъ въ борьбу. Конечно, я не только соглашаюсь, я подчеркиваю тотъ фактъ, что исторія не создается капризомъ чьего бы то ни было произвола, что она является результатомъ необыкновенно сложныхъ взаимодействій и поэтому продукты ея созрѣваютъ очень медленно. Но называть такой ходъ историческаго развитія

«органическимъ ростомъ» совершенно неправильно. *Соціальное тѣло не есть тѣло органическое, слѣдовательно, и ростъ его не есть ростъ органическій*» (стр. 84).

На основаніи изложенныхъ до сихъ поръ воззрѣній Шеффле, думается намъ, не приходится назвать его ни крайнимъ органистомъ, ни метафизикомъ. Посмотримъ, нѣтъ ли метафизики въ его разсужденіяхъ о томъ, что онъ называетъ «духомъ народа».

«Мы столь же, по Шеффле, вправѣ говорить о духѣ народа, сколько вправѣ связывать отдѣльныя психическія состоянія организма въ индивидуально-психологическое представленіе души или духа» (*Карневъ*, цитированное выше мѣсто).

Но Шеффле не ограничивается, конечно, только этимъ заявленіемъ, а переходитъ *) къ разъясненію того, что онъ считаетъ духомъ народа и въ чемъ онъ замѣчаетъ проявленіе этого духа.

Указавъ на существованіе болѣе или менѣе опредѣленной фізіономіи у каждого народа, на тотъ опредѣленный отпечатокъ, которымъ отличается религіозная, государственная, научная и эстетическая жизнь каждого народа, Шеффле замѣчаетъ, что нельзя отрицать извѣстныхъ общихъ (хотя лишь постепенно развивающихся) особенностей представленія, чувства и воли у каждого человѣческаго общества, разсматриваемаго въ цѣломъ. Этотъ общій душевный складъ, этотъ «духъ народа» не можетъ дѣйствовать помимо индивидовъ, принадлежащихъ къ обществу, однако, во всѣхъ членахъ общества онъ является однородною силой, стоящею выше единичныхъ взглядовъ, единичныхъ чувствъ и единичныхъ стремленій. Догмы, школы, научныя системы, принципы, доктрины какъ своими ошибками, такъ и истинами не остаются безъ вліянія на мысль и волю каждого. Общественные вкусы и понятія о чести, шаблоны для одобренія или порицанія дѣйствуютъ опредѣляющимъ образомъ на оцѣнку, производимую отдѣльными личностями. Однимъ словомъ, по отношенію къ волѣ и дѣйствіямъ, къ взглядамъ на то, что можно, должно, обязательно и позволительно, мы замѣчаемъ громадное вліяніе на отдѣльныхъ личностей дѣйствующаго права, общественной морали, сословныхъ и классовыхъ традицій.

Зависимость отдѣльныхъ лицъ отъ главнаго направленія народнаго духа проявляется какъ въ здоровыхъ, такъ и болѣзненныхъ душевныхъ состояніяхъ. Въ послѣднее время часто обращали вниманіе на то, что искаженія чувства и воли, какъ чума, охватываютъ весь народъ, такъ что съ полнымъ правомъ говорили о моральныхъ эпидеміяхъ и указывали на необходимость психіатріи народнаго духа. Ошибки знанія, какъ бы повязкой въ продолженіе столѣтій закрывающія духовныя очи народа, имѣютъ мѣсто во всякую эпоху.

И исполнѣ реально, при помощи символическаго сообщенія идей, обра-

*) Т. 1-й, стр. 415—424.

зуется эта общественная однородность мыслей, взглядовъ, чувствъ и склонностей, поддерживается этотъ живой «духъ народа». Безъ такой однородности общество, въ каждую данную минуту, распалось бы на всѣ свои слои и индивидуальныя атомы. Исторія должна была бы отказаться отъ малѣйшей степени правильности и учета, если бы не существовало соединенія душевныхъ дѣятельностей индивидовъ въ одну общую коллективную душу. Безъ допущенія этой однородности не существовало бы политики, какъ искусства управленія социальнымъ развитіемъ. Во всякомъ случаѣ, конечно, общій духъ не является сложившимся съ самаго же начала. Въ своемъ поступательномъ ростѣ онъ подвигается медленно, за то непрерывно идетъ впередъ. Образованіе каждаго общаго духовнаго достоянія требуетъ времени, въ теченіе котораго путемъ взаимныхъ соглашеній, уступокъ и приспособленій сольются въ одно цѣлое тѣ взносы, которые несутъ въ общую сокровищницу отдѣльныя лица.

Какъ же слѣдуетъ представлять себѣ процессъ образованія традиціонныхъ взглядовъ, вкусовъ, желаній? Безъ сомнѣнія, какъ процессъ отвердѣнія, путемъ повторенія, примѣра и передачи, *субъективныхъ* взглядовъ, оцѣнокъ, хотѣній—въ опытъ, вкусъ и привычки народа.

Послѣ того, какъ потеряла кредитъ рacionalesтическая привычка строить всякое связанное цѣлое развитія человѣческой культуры изъ извѣстнаго числа ничтожныхъ случаевъ и изобрѣтеній, — способъ, въ высшей степени механическій, — сдѣлалось обычнымъ видѣть въ формахъ общества, образованіи обычаевъ, строеніи языка, совокупности религіозныхъ воззрѣній и т. д. — органическое развитіе. Два пункта, — говоритъ Лотце, — выступаютъ здѣсь на видъ, если мы обращаемся къ смыслу, который можетъ имѣть здѣсь этотъ терминъ. Во-первыхъ, то, что возникаетъ органически, должно быть лишеннымъ сознательнаго изобрѣтенія и той свободы рѣшенія, которая вообще существуетъ у насъ, т.-е. должно развиваться уже въ силу одной необходимости изъ нашего духовнаго существа. Съ другой стороны, то, что у различныхъ личностей представляетъ общее культурное достояніе, должно вытекать не изъ *ихъ* сознательнаго и доступнаго наблюденію взаимодействія, а являться непосредственнымъ произведеніемъ одного общаго имъ всѣмъ духа. Существованіе въ насъ безсознательной необходимости не нуждается въ доказательствахъ. Ее доказываетъ каждое ощущеніе, такъ какъ не подлежитъ нашему выбору, какимъ ощущеніемъ отвѣчать на виѣшнее раздраженіе; всякое чувство гармоніи и диссонанса является произвольнымъ выраженіемъ чего-то, что непонятнымъ образомъ и безъ нашего воздѣйствія происходитъ внутри насъ; оставшійся отъ прошлаго рядъ побужденій побуждаетъ наши стремленія и съ произвольно явившеюся силой даетъ имъ опредѣленное направленіе. Быть можетъ, научному изслѣдованію удастся когда-нибудь бросить свѣтъ на эти темныя процессы; но какихъ бы успѣховъ ни достигла наука въ этомъ отношеніи, трудности объясненія возникновенія культуры не устранятся этими успѣхами. Трудности лежатъ не въ томъ, что въ единичной душѣ развивается одно связанное цѣлое душевной

жизни, по что такое развитіе, происходящее въ различныхъ душахъ, сливается въ образованіе единого общаго интеллектуальнаго достоянія. И здѣсь-то ошибаются самымъ очевиднымъ образомъ, если ищутъ объясненія въ картинѣ органическаго развитія. Возникновеніе каждаго общаго духовнаго достоянія предполагаетъ періодъ времени, въ теченіе котораго, путемъ взаимнаго соглашенія и приспособленія, взносы всѣхъ и каждаго, явившіеся въ силу необходимости, по свойствамъ ихъ натуры, сольются въ одно связанное цѣлое. *Только отдѣльныя живыя души являются дѣятельными пунктами въ продолженіе исторіи*; все общее, что должно еще осуществиться и пріобрѣсти силу, сперва должно въ нихъ получить опредѣленность индивидуальной жизненности и тогда путемъ взаимодѣйствія получить широкое распространеніе между ними. «Какъ очевидно просто,—заключаетъ свою рѣчь Лотце,—это положеніе! А, однако же, мы, благодаря неразумному примѣненію сравненія съ *органическимъ развитіемъ*, зашли почти такъ далеко, что представляли себѣ, напримѣръ, будто въ началѣ образованія языка отдѣльныя слова въ готовомъ видѣ падали на головы людей, какъ сѣбяные хлопья изъ атмосферы общаго сознанія, или будто бы произведенія искусства, народныя поэтическія созданія образуются, словно облака въ небѣ, и сами собой увеличиваются на счетъ безформеннаго тумана».

Изъ указаннаго способа возникновенія общаго духа легко объясняется тотъ фактъ, что степень проникновенія данной сферы общества извѣстными мыслями, чувствами и хотѣніями въ высшей степени зависитъ отъ состава этой сферы. Въ союзахъ небольшихъ, замкнутыхъ, постоянныхъ, живыхъ и непрерывныхъ живѣе взаимодѣйствіе отдѣльныхъ личностей, и потому проникновеніе извѣстными идеями и чувствами здѣсь больше, сильнѣе и наступаетъ ранѣе, чѣмъ въ союзахъ противоположнаго характера.

Но, слагаясь изъ тѣхъ вкладовъ, которые вносятъ отдѣльныя личности, духъ народа больше, чѣмъ сумма единично-душевныхъ фактовъ. Послѣднихъ даже и не существуетъ въ чистомъ видѣ, потому что каждый индивидъ въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и хотѣніяхъ является духомъ отъ духа *) общества—человѣчества, расы, народа, корпораціи, союза, семейства. Расчлененная коллективная сила духа народа не является суммой равныхъ атомныхъ силъ, но единымъ сложнымъ цѣлымъ другъ друга ограничивающихъ отдѣльныхъ умовъ, которые при помощи одного и того же языка обладаютъ одною и тою же психофизическою техникой мысли, чувства и воли и являются, такимъ образомъ, родственными и способными къ совмѣстному дѣйствію. Какъ бы мы ни называли ту коллективную силу, о которой говоримъ,—общимъ духомъ, «объективнымъ» духомъ или какъ-нибудь иначе,—ее, во всякомъ случаѣ, нельзя понимать въ смыслѣ чего-то существующаго внѣ реальнаго взаимодѣйствія между единичными личностями, существующаго *надъ* всѣми въ видѣ единой и простой субстанціи, чего-то другого,

*) Какъ говорятъ „плоть отъ плоти“, „кость отъ кости“, такъ Шеффе говоритъ „духъ отъ духа“.

кроме системы индивидуальных психических силъ. За это не говорить ни одинъ фактъ, наблюдаемый въ дѣйствительности. Даже если бы изслѣдованіями надъ психикой отдѣльныхъ личностей съ несомнѣнною достовѣрностью было доказано, что индивидуальная душа есть «простое» «недѣлимое цѣлое», то и тогда духъ народа не могъ бы быть признавъ «простымъ» въ этомъ смыслѣ. Хотя и по отношенію къ индивидуальной душѣ мы должны сказать, что опытному знанію она извѣстна лишь въ видѣ цѣлаго, состоящаго изъ взаимодействующихъ и сосуществующихъ представлений, чувствъ и хотѣній и недоступна въ своей «простотѣ» и «недѣлимости».

И духъ народа является въ видѣ связнаго цѣлаго кинетическихъ и потенціальныхъ энергій мысли, чувства и воли. Это цѣлое, знакомое намъ по его проявленіямъ, мы можемъ назвать «духомъ», помня то, что духъ народа или какая-нибудь форма общаго духа есть ни болѣе, ни менѣе, какъ духовная коллективная сила, потенціально и кинетически имѣющаяся среди общественнаго персонала и накопленная путемъ традиціи и обмѣна идей.

Какъ коллективная сила *такого рода*, общій духъ не является индивидуальнымъ продуктомъ, ибо онъ составляетъ капиталъ, накопленный трудомъ всѣхъ, жившихъ прежде и живущихъ теперь; каждый индивидъ въ духовномъ отношеніи есть произведеніе или продолженіе реальнаго общаго духа своего семейства, рода, племени, народа, наконецъ, продуктъ имѣющихся вліяній духовнаго общенія человѣчества. Каждый индивидъ, дѣйствующій, *повидимому*, согласно своей духовной своеобразности, опредѣляется мыслями, чувствами и склонностями, которыя одинаково сродны всѣмъ, принадлежащимъ къ семейству, роду, націи, расѣ. Психическая дѣятельность индивида является общимъ духомъ, проявившимся въ отдѣльной личности, но созданнымъ всею совокупностью прежней исторіи. Но также и чѣмъ-то бѣльшимъ. Что путемъ воспитанія вошло изъ народной сокровищницы религіозныхъ, нравственныхъ, правовыхъ и всякихъ другихъ воззрѣній въ душевный складъ данной личности, можетъ быть ею и зарыто въ землю, и приумножено личными заслугами, получить дальнѣйшее своеобразное развитіе. Но никогда оно не будетъ чистымъ, безпримѣснымъ продуктомъ индивида. Съ другой стороны, индивидуальная лепта въ общее дѣло явится исходнымъ пунктомъ дальнѣйшей духовной общности и единенія.

Не только прежнее содержаніе духа народа передается, путемъ традиціи и воспитанія, отдѣльнымъ личностямъ. Онѣ находятся въ единеніи и связи съ общимъ духомъ, также еще благодаря продолжающемуся обмѣну идей современниковъ, благодаря взаимной передачѣ духовныхъ пріобрѣтеній своего времени. Мы не знаемъ, какъ въ данный моментъ развивается та безконечно разносторонняя цѣльность дѣйствій всѣхъ частей животнаго организма, которую мы приписываемъ его душѣ. Для соціальнаго же тѣла духовное сліяніе всѣхъ частей является въ высшей степени реальнымъ процессомъ всесторонняго сообщенія идей путемъ языка, слова, письма и печати, пѣнія, поэзіи, произведеній искусства,—однимъ словомъ, при помощи различныхъ знаковъ. Всѣ эти разнообразныя символы идей и чувствъ со-

бираются, сохраняются и дѣлаются объектомъ общаго пользованія путемъ воспитанія, школъ, образовательныхъ учреждений, парламента, актовъ, протоколовъ, корреспонденцій, книгъ, благодаря чему происходитъ передача и сообщеніе общихъ идей, чувствъ и наклонностей. Эти символическія блага въ аудиторіяхъ, концертныхъ залахъ, мѣстахъ сборищъ, бібліотекахъ, музеяхъ и т. п., въ почтахъ, телеграфахъ, книжной торговлѣ, прессѣ и т. д. находятъ внѣшніе пути для перехода во всѣ члены соціальнаго тѣла.

Путемъ традиціи прежняго духовнаго достоянія и обмѣна современныхъ идей, путемъ процесса, вполне доступнаго опытному знанію, наполняются однимъ и тѣмъ же духовнымъ содержаніемъ большія и малыя общества, государства, союзы, классы, народы, племена, семейства. Ежедневно такимъ путемъ въ громадномъ масштабѣ происходитъ своеобразное духовное взаимодействие между частями соціальнаго тѣла. И не только по сравненію съ внутренними отношеніями сдерживаемыхъ взаимнымъ тяготѣніемъ тѣлъ вселенной, не только по сравненію съ разнообразными физическими и химическими взаимодействиями неорганическихъ соединений, не только по сравненію съ взаимодействіемъ всѣхъ частей растительнаго тѣла, даже по сравненію съ разностороннею душевною и духовною цѣлостію животнаго и человѣческаго тѣла, обусловленною дѣятельностію нервовъ, реальное проявленіе общаго духа, объединяющаго единичныя души, является работою въ высшей степени *сознательной*.

Считая дѣломъ метафизики и мистики, но не положительнаго знанія, задачу разрѣшенія того, въ чемъ состоитъ *абсолютная* сущность духа народа, и отказываясь поэтому отъ разсмотрѣнія такого вопроса, Шеффле, въ то же время, полагаетъ, что поставилъ себя, вслѣдствіе *относительнаго* признанія существованія духа народа, внѣ возможности подвергнуться упрекамъ во внесеніи чего-то непознаваемаго. «Мы знаемъ,—говоритъ онъ,—что при такомъ внесеніи всегда существуетъ опасность замѣнить X—У-омъ или У—X-омъ, объяснить неизвѣстное еще болѣе неизвѣстнымъ. Однако, думается намъ, изъ всѣхъ фактовъ, составляющихъ духъ народа, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ то, что индивидуальная психика въ высшей степени опредѣляется общимъ содержаніемъ всѣхъ прежде существовавшихъ и нынѣ существующихъ въ обществѣ единичныхъ душъ, что невозможно просто игнорировать или отрицать этотъ фактъ, и что вліяніе общества на личность не есть изолированное дѣйствіе отдѣльныхъ личностей, а дѣйствіе одной общей сложной духовной потенціальной силы, хотя и живущей въ отдѣльныхъ личностяхъ, но настолько великой и могучей, что ее никогда не могли бы создать индивиды, существующіе изолированно, а лишь личности, духовно соединенныя въ одно цѣлое. Лишь переходя въ въ область фантазіи, а не оставаясь на почвѣ точнаго знанія, мы можемъ представить себѣ *единую* соціальную душу, *единый* «общій духъ», ибо внѣ индивидовъ, безъ матеріальнаго субстрата, мы не знаемъ духа, дѣйствующаго или парящаго надъ личностями. Мы не можемъ лишь отрицать духовной коллективной силы, дѣйствующей какъ въ болѣе сложныхъ, такъ

и болѣ простыхъ сообществахъ, хотя и расчлененной психофизически, но, благодаря обмѣну знаками, могущей явиться совмѣстно-дѣйствующею силой, сохраняющеюся, несмотря на смерть отдѣльныхъ единицъ.

Для ученія объ обществѣ этотъ фактъ—фактъ величайшей важности. Онъ указываетъ на высшую степень духовной силы въ социальномъ тѣлѣ. Онъ заставляетъ склониться личную гордость, такъ какъ даже величайшій гений является духомъ отъ духа народа и народной исторіи. Онъ возлагаетъ наибольшія обязанности на болѣе одаренныхъ и заставляетъ каждаго относиться гуманно и любовно къ духовно и морально слабымъ, къ нравственно павшимъ членамъ.

Вотъ основные взгляды Шеффле на общество, его развитіе и его «духъ», и эти взгляды широко и всесторонне развиваются во всемъ его сочиненіи, въ которомъ, съ одной стороны, представленъ анализъ болѣе элементарныхъ, но, въ то же время, и общихъ основныхъ явленій, повторяющихся во всѣхъ социальныхъ сферахъ, съ другой—дана синтетическая картина всей совокупности жизни социального міра. Не имѣя возможности въ краткомъ очеркѣ познакомить читателя со всѣмъ богатымъ содержаніемъ обширнаго сочиненія Шеффле, мы ограничиваемся лишь изложеніемъ общихъ руководящихъ взглядовъ, которые легли въ основаніе всего сочиненія, и позволяемъ себѣ, въ заключеніе, дать краткое резюме воззрѣній Шеффле какъ на «духъ народа», такъ и на сущность общества и его развитіе и высказать нѣсколько замѣчаній по поводу обвиненія его въ метафизикѣ за его взгляды на «духъ народа», а также нѣсколько соображеній по поводу его общихъ воззрѣній.

Сущность взглядовъ Шеффле на духъ народа сводится къ слѣдующему:

Психика каждой отдѣльной личности находится подъ громаднымъ вліяніемъ однородныхъ и общихъ мыслей, чувствъ и стремленій, существующихъ въ обществѣ. Этотъ однородный и общій духовный капиталъ, изъ котораго черпаютъ отдѣльныя личности, слагается постепенно и именно такимъ образомъ, что взгляды, оцѣнки, хотѣнія отдѣльныхъ личностей, которыя одни только и являются дѣйствующимъ элементомъ въ продолженіи исторіи, путемъ сложнаго процесса взаимнаго соглашенія и приспособленія, сливаются въ одно общее и однородное духовное достояніе. Но вклады, которые дѣлаетъ личность въ общую сокровищницу, она не черпаетъ исключительно изъ себя: многое изъ того, что она вноситъ, она получила изъ общаго духовнаго достоянія, и никогда ея вклады не были бы такъ велики, если бы ей приходилось дорабатываться до всего своими изолированными силами. Общее духовное достояніе, общій духъ не существуетъ въ видѣ единой простой субстанціи *надъ* личностями и *внѣ* ихъ, а является духовною коллективною силой, распредѣленною *въ личности*, изъ которыхъ слагается общество. Но эта коллективная сила не представляетъ собой простой суммы тѣхъ духовныхъ завоеваній, которыхъ могли бы достигнуть всѣ личности порознь, дѣйствуя изолированно: она несрав-

ненно больше этой суммы и является общею сложною духовною силою, созданною всѣми завоеваніями прошедшаго и коллективнымъ трудомъ настоящаго,—силой, способною къ совмѣстному дѣйствію и сохраняющеюся, несмотря на смерть отдѣльныхъ единицъ. Личности являются не пассивными посетителями общаго духовнаго достоянія, а въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ своими собственными силами способствовать его дальнѣйшему развитію. Традиція прошлаго и обмѣнъ современныхъ идей происходятъ путемъ въ высшей степени реальнымъ и доступнымъ наблюденію,—путемъ въ весьма значительной степени сознательнымъ.

При такомъ опредѣленіи общаго или народнаго духа, какое дѣлаетъ Шеффле, менѣе всего, кажется намъ, можно его обвинять въ томъ, что онъ понимаетъ народный духъ «буквально, какъ предметъ дѣйствительно существующій» *), «какъ нѣчто самобытное» **), что онъ «изъ структуры общества, какъ организма, выводитъ проблематическій духъ народа» ***), что, «въ pendant къ социальному тѣлу, онъ придумываетъ и особую социальную душу» ****).

Мы уже говорили, что, на нашъ взглядъ, приведенныя только что мнѣнія не больше, какъ недоразумѣніе, и кто другой, а меньше всѣхъ г. Карѣвъ можетъ нападать на Шеффле за его взгляды на «духъ народа», такъ какъ онъ самъ съ особенною настойчивостью проводитъ въ своихъ трудахъ, правда, подъ другимъ именемъ, тѣ же воззрѣнія, называя «надъорганическою средой» то, что Шеффле зоветъ «духомъ народа» или «объективнымъ духомъ» *****). Но вѣдь, дѣло не въ имени, а въ сущности. А сущность, думается намъ, та же. Характеризуя «надъорганическую среду», г. Карѣвъ говоритъ:

«Въ области идей отдѣльнымъ актамъ мышленія мы противопоставляемъ нѣкоторыя общія, постоянно въ данномъ обществѣ повторяющіяся мысли, какъ нѣчто объективно существующее, хотя и помнимъ, что онѣ продукты мышленія и существуютъ лишь какъ содержаніе отдѣльныхъ его актовъ. Господствующія въ обществѣ идеи суть поэтому созданныя коллективнымъ мышленіемъ, постоянно повторяющіяся состоянія сознанія, извѣстнаго рода умственный капиталъ, виѣ актовъ мышленія не существующій, но, въ то же время, опредѣляющій содержаніе мысли отдѣльныхъ единицъ и, какъ нѣкоторая система постоянно повторяющихся фактовъ, переживающая цѣлыя поколѣнія общества... Соціальный строй можетъ быть разсматриваемъ, какъ созданныя коллективнымъ поведеніемъ многихъ поколѣній общества формы

*) Н. Карѣвъ: „Основные вопросы философіи исторіи“, ч. II, стр. 48.

**) Ibidem, III, 435.

***) Ibidem, II, 42.

****) Ibidem, III, 435.

*****) Устанавливаемое г. Карѣвымъ понятіе „надъорганическая среда“ нѣсколько шире того, что охватывается понятіемъ „духъ народа“, но, въ то же время, все то, что Шеффле называетъ „духомъ народа“, цѣликомъ входитъ въ „надъорганическую среду“.

соціальныхъ отношеній, въ указанныхъ отношеніяхъ не существующія и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляющія поведеніе отдѣльной личности въ качествѣ нѣкотораго по отношенію къ ней вѣдущаго условія, равно какъ переживающія цѣлыя поколѣнія въ качествѣ особой системы постоянно повторяющихся фактовъ. Независимое, объективное существованіе этой среды и ея развитіе есть одинъ изъ основныхъ фактовъ соціологіи» *).

«Простая смѣна поколѣній (т.-е. чисто-біологическое явленіе) не измѣняетъ надъорганической среды, потому что каждое поколѣніе необходимо ей подчиняется, перенимаетъ языкъ своихъ отцовъ, воспитывается въ ихъ взглядахъ, пріучается жить въ тѣхъ отношеніяхъ» **). Переходя къ разсмотрѣнію воздѣйствія личности на надъорганическую среду, г. Карѣвъ говоритъ:

«Роль личности въ культурной эволюціи заключается не въ простомъ пассивномъ воспріятіи культурныхъ вліяній для столь же пассивной передачи ихъ другимъ людямъ, способнымъ опять-таки лишь къ пассивному воспріятію этихъ явленій: переработка послѣднихъ въ новые факты самими людьми, главнымъ образомъ, и опредѣляетъ ихъ активную роль въ процессѣ» ***).

«Безъ личной инициативы, безъ переработки культуры личностями, невозможна была бы измѣняемость культуры» ****).

Какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ изъ сочиненія г. Карѣва, сущность его воззрѣній по разбираемому вопросу настолько совпадаетъ со взглядами Шеффле, что по вопросу о «надъорганической средѣ», на существованіи которой г. Карѣвъ особенно настаиваетъ, онъ могъ бы найти сильное подкрѣпленіе въ сочиненіи Шеффле, и именно въ томъ мѣстѣ его, которое подало поводъ для обвиненія Шеффле въ метафизикѣ.

Считая достаточно разъясненнымъ вопросъ о «духѣ народа», мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію изложенныхъ нами общихъ воззрѣній Шеффле на общество и его развитіе.

Сущность этихъ воззрѣній можетъ быть сведена къ слѣдующему: общество дѣйствуетъ только при посредствѣ *слагающихъ* его индивидовъ и для нихъ, но, въ то же время, оно больше, чѣмъ простая сумма разрозненныхъ индивидовъ, оно является единымъ связнымъ цѣлымъ, обладающимъ опредѣленными, но своеобразными формами, строеніемъ, жизненными проявленіями,—однимъ словомъ, оно является живымъ существомъ, живою индивидуальностью, но, притомъ, индивидуальностью высшаго порядка, а не біологическимъ организмомъ. Эта своеобразность общества обуславливается тѣмъ, что связь между слагающими его частями совершенно особаго порядка по сравненію со связью, имѣющеюся между частями всѣхъ другихъ индивидуальностей на земномъ шарѣ. А именно—это связь психическая

*) Н. Карѣвъ: „Основные вопросы философіи исторіи“, т. III, стр. 478 и 479.

**) Ibidem, III, 479.

***) Ibidem, III, 527.

****) Ibidem, III, 501.

или «идеальная», подъ почвой которой является психическая жизнедѣтельность особей, проявляющаяся во внѣ рядомъ движеній, съ одной стороны, служащихъ для сообщенія другъ другу своихъ мыслей и чувствъ, съ другой—направленныхъ на совмѣстное воздѣйствіе на внѣшнюю природу въ видахъ извлеченія изъ нея всего необходимаго для жизни и на совмѣстное устройство своихъ внутреннихъ отношеній.

Хотя психическая жизнедѣтельность индивида, служащая основой общественной связи, и есть ничто иное, какъ проявленіе жизни организма, и, съ этой точки зрѣнія, она органическая сила, но, въ то же время, не только психическія силы, даже нервная система индивидовъ не есть созданіе органической работы изолированнаго біологическаго индивида; она развивается лишь на почвѣ общественнаго соединенія индивидовъ, и потому психическая жизнедѣтельность членовъ общества имѣетъ полное основаніе считаться силой особаго рода, какой не знаетъ органическая природа. При всемъ однообразіи и постоянствѣ психическихъ актовъ, цементирующихъ общество въ одно цѣлое, ихъ нельзя сравнивать съ однообразными и постоянными силами органической и неорганической природы, такъ какъ даже обычные психическіе акты, прежде чѣмъ сдѣлаться таковыми, были продуктомъ оригинальной и сознательной работы. Эта послѣдняя играетъ въ обществѣ большую роль, такъ какъ соціальные факты въ весьма значительной степени являются продуктами осуществленія поставленныхъ цѣлей, а не «слѣпо» дѣйствующихъ физико-химическихъ силъ.

Соціальное развитіе общества всего менѣе можетъ быть разсматриваемо какъ органическій ростъ его. Это развитіе создается частью дѣйствіемъ естественныхъ причинъ, помимо воли человѣка, частью,—и чѣмъ дальше по пути развитія общества, тѣмъ больше,—оно есть продуктъ искусства, продуктъ преднамѣренной, цѣлесообразной дѣятельности человѣка.

Въ виду значительной роли въ жизни общества сознательнаго элемента, для соціологіи большое значеніе пріобрѣтаетъ телеологія, и, притомъ, телеологія двоякая: 1) теоретическая—при изученіи прошедшаго и настоящаго и 2) практическая—при сознательной работѣ надъ общественными задачами, осуществленіе которыхъ еще въ будущемъ.

Что касается утвержденія Шеффле, что развитіе общества не есть органическій ростъ, что въ этомъ развитіи, на ряду съ причинами, стоящими внѣ сферы вліянія человѣческой воли, весьма большую роль играетъ также и сознательный элементъ, и что чѣмъ дальше, тѣмъ роль этого элемента становится все болѣе и болѣе значительной, то справедливость такихъ взглядовъ съ большою полнотой и эрудиціей обоснована г. Карѣвымъ въ 3-мъ томѣ его *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи* (иначе: «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи»), такъ что намъ остается только отослать читателя къ этой книгѣ. Мы хотѣли только констатировать по отношенію къ Шеффле, что онъ является именно сторонникомъ, а не противникомъ того свѣтлаго и здороваго взгляда, что человѣкъ въ значительной степени есть и долженъ быть творцомъ того

общественнаго строя, среди котораго онъ живетъ, а не слѣпымъ игралищемъ стихійныхъ силъ.

Въ соціологической литературѣ слишкомъ часты случаи приписыванія обществу органическаго роста, даже при признаніи общества не просто организмомъ, а организмомъ *sui generis*. Невольно является вопросъ, не противорѣчить ли тотъ взглядъ на развитіе общества, каковаго держится Шеффле, его основному воззрѣнію на общество, какъ на живое тѣло, но тѣло высшаго порядка? Мы полагаемъ, что не только не противорѣчить, а является логическимъ выводомъ изъ него. Шеффле никогда не забываетъ того признака соціальнаго тѣла, который составляетъ его своеобразную черту—психическаго характера связи между индивидами, не забываетъ, что основой этой связи является самостоятельная духовная работа личностей, входящихъ въ составъ общества.

И такъ какъ, съ одной стороны, отъ того или другаго характера этой психической связи, которая цементируетъ общество, зависитъ состояніе структуры общества, а съ другой—подпочва этой связи лежитъ въ сознательной работѣ личности, то каждое определенное и значительное измѣненіе этой подпочвы измѣнить и характеръ общественной связи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю общественную жизнь. И чѣмъ сознательнѣе и активнѣе будетъ работа членовъ на общую пользу, тѣмъ нормальнѣе и здоровѣе будетъ общественная жизнь.

Такимъ образомъ, взглядъ на общество, какъ на живое тѣло съ психическою связью между частями этого тѣла, вполне гармонируетъ съ признаніемъ всей важности и необходимости сознательнаго элемента въ дѣлѣ развитія общества. Этотъ взглядъ не обрекаетъ личность на роль пассивной и безсознательной клѣточки общественнаго организма, напротивъ того, онъ требуетъ отъ нея сознательной и самостоятельной дѣятельности, но дѣятельности определеннаго рода. Онъ говоритъ личности, что чѣмъ выше она во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ сознательнѣе, активнѣе и разумнѣе она, тѣмъ лучше, но, въ то же время, она не должна забывать, что она не больше, какъ часть цѣлаго, что все, даже ея нервы, ея мозгъ созданы на почвѣ жизни этого цѣлаго, и мало дѣлаетъ ей чести, если «она доходитъ до сознанія, что общество существуетъ для личности, а не личность для общества». Она все получила отъ общества и должна ему отдать, и отдать ему именно какъ цѣлому, а не отдѣльнымъ частямъ его. Счастіе и благополучіе общества не существуетъ внѣ счастья и благополучія его членовъ, но чтобы благоденствовали всѣ члены, а не только нѣкоторые, нужна работа для всего цѣлаго, а не для частей его.

Л. Д. С.

Беллетристъ-публицистъ *).

(Романы и повѣсти г. Боборыкина).

III.

Приступая къ анализу *беллетристической публицистики* г. Боборыкина, то-есть, проще говоря, къ его общественнымъ тенденціямъ, прежде всего, поражаешься слѣдующимъ любопытнымъ обстоятельствомъ: такъ называемая эпоха шестидесятыхъ годовъ не оставила на умственной и нравственной фізіономіи г. Боборыкина никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ, не отразилась ничѣмъ въ его литературной дѣятельности. Г. Боборыкинъ началъ писать въ самый разгаръ нашего достопамятнаго общественнаго движенія, но въ главномъ его произведеніи того времени—въ романѣ *Въ путь-дорогу*, имѣющемъ, если не ошибаемся, автобіографическое значеніе, господствующія въ то время тенденціи не отразились ни положительно, ни отрицательно. Герой этого романа—студентъ Телепневъ, специалистъ, главнымъ образомъ, по части «науки страсти нѣжной» и эта онѣгинско-печоринская черта, усиленно подчеркнутая и разработанная въ романѣ, разумѣется, не имѣла и не могла имѣть какого бы то ни было отношенія къ эпохѣ. Въ общемъ смыслѣ то же самое должно сказать и о драмахъ г. Боборыкина *Ребенокъ* и *Одюдворецъ*, относящихся къ тому же времени, точно такъ же, какъ и о неоконченномъ романѣ подъ многообѣщавшимъ заглавіемъ *Земскія силы*.

Какимъ образомъ могло произойти, что молодой писатель и, притомъ, такой, въ талантѣ котораго *отзывчивость* къ жизни является главнымъ элементомъ, писатель-эпохъ остался внѣ вліянія одного изъ самыхъ широкихъ и замѣчательныхъ историческихъ теченій нашихъ? Въ своемъ письмѣ, уже цитированномъ нами, г. Боборыкинъ прямо указываетъ, что онъ, такъ сказать, антисипировалъ движеніе шестидесятыхъ годовъ: «припадки нашего нигилизма я продѣлалъ еще студентомъ въ Дерптѣ, когда всѣ «лиловыя» и другія книжки воспринялъ въ оригиналъ и шестью годами раньше ихъ рас-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

пространенія въ Петербургѣ». Шесть лѣтъ и вообще не мало времени, а для г. Боборыкина, съ его необычайною воспримчивостью въ особенности, такъ что, когда Петербургъ только еще сталъ просвѣщаться «лиловыми книжками», г. Боборыкинъ уже переросъ нѣмецкій матеріализмъ и видѣлъ, «что онъ и перепимъ, и узокъ, и несостоятеленъ, что онъ даже совсѣмъ не міровоззрѣніе». И такъ, дѣло ясно: общественное движеніе, которое г. Боборыкинъ опередилъ на нѣлыхъ шесть лѣтъ, конечно, не могло увлечь его съ собою. Передовымъ людямъ этого движенія надо было поспѣвать изъ всѣхъ силъ, чтобы только догнать г. Боборыкина или, по крайней мѣрѣ, не дать ему опередить себя еще на новыя шесть лѣтъ, что окончательно покрывало бы ихъ голову несмыаемымъ позоромъ...

Едва ли, однако, дѣло происходило именно такъ, какъ рассказываетъ г. Боборыкинъ. Начать хоть съ того, что пресловутыя «лиловыя книжки» вовсе не играли въ нашемъ умственномъ движеніи особенно большой роли. Правда, Аркадій Кирсановъ просвѣщалъ своего родителя брошюрой Бюхнера *Kraft und Stoff* и Базаровъ одобрилъ выборъ этой «лиловой книжки», потому что она, по его словамъ, «популярно написана», но какъ личность Базарова характеризовалась отнюдь не этимъ маленькимъ фактомъ, а всею совокупностью его воззрѣній, такъ и смыслъ нашего общественнаго движенія шестидесятихъ годовъ выражался совсѣмъ не въ случайномъ увлеченіи отдѣльныхъ кружковъ тѣми или другими теоріями космоса. Нужно ли доказывать это? Вспомните литературу того времени: въ ней были статьи, навѣянные не *миловыми* только книжками; литература эта была совсѣмъ не бѣдна содержаніемъ и, притомъ, такимъ, очень опередить и перерости которое было бы мудрено даже и г. Боборыкину. Но коренная сущность дѣла даже и не въ этомъ заключалась, не въ самомъ содержаніи возникшихъ ученій и теорій, а въ томъ духѣ страстной убѣжденности, съ какимъ они проповѣдывались, въ томъ вѣяніи умственной независимости, которое было новизною для всѣхъ, а въ томъ числѣ, смѣемъ думать, и для г. Боборыкина, не съ эѳирныхъ же высотъ упавшаго къ намъ и даже не изъ Парижа, Лондона къ намъ пріѣхавшаго, а родившагося и воспитавшагося въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нами, — въ Нижегородской губерніи. Можно было опередить всѣхъ русскихъ людей знакомствомъ съ «лиловыми книжками», но никому нельзя было отрѣшиться сразу и вдругъ отъ предрасудковъ среды, отъ ложныхъ понятій, привитыхъ общимъ фальшивымъ воспитаніемъ, отъ дурныхъ привычекъ мысли и дѣйствія, обусловленныхъ общимъ низкимъ культурнымъ уровнемъ. Борьба съ этими историческими недостатками нашими, выражавшаяся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, именно и была содержаніемъ едва пробудившейся мысли нашего общества и вотъ слѣдовъ этой-то борьбы мы и не находимъ въ дѣятельности г. Боборыкина.

Мы, съ своей стороны, можемъ предложить другое объясненіе, менѣе лестное для г. Боборыкина, но, кажется, болѣе правдоподобное. Въ романѣ *На ущербѣ* одинъ изъ симпатичныхъ героев г. Боборыкина сдѣлалъ мимоходомъ такое замѣчаніе: «Прямолинейность—вещь хорошая, только не всѣмъ

она дается». Хорошая или дурная вещь прямолинейность, но не подлежит сомнѣнію, что она не далась г. Боборыкину. Какъ мы видѣли, г. Боборыкинъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, «искалъ и жаждалъ широкаго и, главное, научнаго, объективнаго, твердаго обобщенія». Такое стремленіе не имѣть ничего общаго съ прямолинейностью и даже прямо противоположно ей. Прямолинейность есть именно результатъ крайняго субъективизма, горячаго личнаго чувства, причемъ цѣнность ея находится въ прямой зависимости отъ достоинства и чистоты субъективнаго чувства, ее вызвавшего. Есть прямолинейность влюбленнаго, который не хочетъ знать никакихъ препятствій къ соединенію съ любимымъ существомъ и твердитъ одно: хоть день, да мой. Есть прямолинейность карьериста, который подчиняетъ своему чувству честолюбія или самолюбія все нравственные мотивы и соображенія. Есть прямолинейность общественнаго дѣятеля, который свою личную, сердечную жажду справедливости возводитъ въ своемъ сознаніи на степень общественнаго идеала, во имя котораго отвергаетъ всевозможныя *объективныя* обобщенія и построенія, не удовлетворяющія его основнымъ нравственнымъ требованіямъ. Ясно, что прямолинейность, какъ система дѣйствій, въ нравственномъ смыслѣ можетъ имѣть и положительный, и отрицательный, и безразличный характеръ: все зависитъ отъ достоинства цѣли, къ которой по прямой линіи стремится человѣкъ. Прямолинейность — это удѣлъ всехъ вообще цѣлостныхъ натуръ и характеровъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ, *временно или постоянно*, но безусловно и рѣшительно господствуетъ какой-нибудь одинъ внутренній импульсъ. Мы подчеркнули слова «временно или постоянно» потому, что даже въ отдѣльныхъ, личныхъ случаяхъ (какъ въ нашемъ примѣрѣ влюбленнаго человѣка) прямолинейность можетъ быть результатомъ только временнаго настроенія, а въ массовыхъ общественныхъ или народныхъ движеніяхъ, какъ само собою очевидно, этотъ признакъ совершенно неизбеженъ.

Эпоха шестидесятыхъ годовъ была эпохою полнаго, хотя и непродолжительнаго, торжества прямолинейности. Умы и сердца были настроены по одному камертону, идеалы казались не только осуществимыми, но и близкими къ осуществленію, стыдъ за прошлое, только что разоблаченное тяжелымъ урокомъ исторіи, вишетъ съ надеждою на скорое возрожденіе одушевлялъ всехъ и cadaго. Тогда, по ненужно-проницескому выраженію Льва Толстого, «все россияне, какъ одинъ человѣкъ, находились въ неописанномъ восторгѣ». Именно въ восторгѣ: не въ какихъ-нибудь, повторяю, идеяхъ и теоріяхъ заключался смыслъ той эпохи и причина этого восторга, а въ общемъ подъемѣ духа, въ пробужденіи человѣческаго и гражданскаго чувства. Но у г. Боборыкина уже и тогда было «тысяча-тысяча думушекъ». Онъ отнесся къ общему движенію совершенно такъ же, какъ, по его словамъ, отнесся къ матеріалистическимъ ученіямъ: не какъ другъ, участникъ, адептъ и не какъ врагъ, а именно *сбоку*, какъ посторонній человѣкъ. Въ полномъ распоряженіи г. Боборыкина оказался въ то время журналъ (*Библиотека для Чтенія*),—средство незамѣнимое въ рукахъ убѣжденнаго чело-

вѣка, но ничего безвѣтнѣе и, такъ сказать, пейтральнѣе этого журнала, даже въ наше время, мудро было бы найти. Чего же недоставало г. Боборыкину? Ума, литературной опытности, знаній, издательской сноровки, редакторскаго чутья? Но г. Боборыкинъ былъ богатъ этимъ тогда, какъ богатъ этимъ и теперь. Но какъ теперь, такъ и тогда онъ былъ скудепъ вѣрою, которую онъ напрасно падѣлся обрѣсти не въ глубинѣ совѣсти, не въ святая святыхъ своей души, а въ какомъ-то *объективномъ обобщеніи*, въ сферахъ чистой науки и отвлеченной мысли. Эти поиски за всеобъемлющею истиной, эта перѣшнѣтельность г. Боборыкина, эта неспособность его къ прямолинейности предохранили его отъ несчастья написать что-нибудь вродѣ *Взбаломученнаго моря* или *Марева*, но не допустили его высказаться и въ противоположномъ смыслѣ, хотя бы съ тургеневскою умѣренностью. Г. Боборыкинъ остался, какъ говорится, «ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ». Быстро являющейся, но и быстро проходящей *отзывчивости* было слишкомъ мало для того требовательнаго времени: ему нужно было отдаться цѣликомъ, совсѣмъ, на борьбу съ его тенденціями или на защиту ихъ. Не найдя въ себѣ достаточно рѣшимости для этого, г. Боборыкинъ отправился разрѣшать вопросы русской жизни при свѣтѣ западно-европейскаго просвѣщенія... Посмотримъ, съ чѣмъ онъ вернулся оттуда.

IV.

«Святѣя чуда Запада», какъ выражались у насъ въ сороковыхъ годахъ, разрастающіеся все шире и шире, все разнообразнѣе и удивительнѣе, способны не только поразить, но и подавить мало-мальски впечатлительное воображеніе. Эти безчисленные, шумные города, въ которыхъ радостная и дѣятельная жизнь бьетъ бойкимъ ключомъ; эти обширныя гавани, въ которыхъ тѣсно массѣ паровыхъ и парусныхъ судовъ, приплывающихъ и отплывающихъ во все концы свѣта; эти горы товаровъ, надъ производствомъ которыхъ трудились милліоны сильныхъ и искусныхъ рукъ; эти длинные ряды блестящихъ магазиновъ, въ которыхъ каждая вещь представляетъ собою чуть не художественное произведеніе; эти библіотеки, съ милліонами томовъ, въ которыхъ на вѣки вѣчные упрочено все, что гдѣ-либо и когда-либо произвела человѣческая мысль; эти галереи искусствъ, передъ шедеврами которыхъ тысячи людей проводили цѣлыя часы въ благоговѣйномъ созерцаніи; эти парламенты, въ которыхъ сотни избранныхъ людей творятъ волю пославшаго ихъ сюда народа; эти, какъ вѣтеръ свободныя, газеты, отъ зоркаго глаза и чуткаго уха которыхъ ничто не укроется и отъ контроля которыхъ никто не спасется; эти площади, на которыхъ каждый квадратный метръ ознаменованъ какимъ-нибудь міровымъ событіемъ, эти улицы, каждый шагъ по которымъ будитъ историческія воспоминанія, эти бульвары, которые видѣли и подвиги героизма, и циническій развратъ, облиты благороднѣйшею кровью и безстыднѣйшею грязью... Какія ослѣпительныя картины, какіе поразительные контрасты,

какія головокружительныя перспективы! Помните ли, какъ у Достоевскаго Макаръ Алексѣичъ Дѣвушкинъ описываетъ свои чувства при созерцаніи пробуждающагося отъ сна Петербурга? «Случается мнѣ рано утромъ, на службу спѣша, заглядываться на городъ, какъ онъ тамъ пробуждается, встаетъ, дымится, кипитъ, гремитъ,—тутъ иногда предъ такимъ зрѣлищемъ такъ умалишься, что какъ будто бы щелчокъ какой получилъ отъ кого-нибудь по любопытному посу, да и поплетешься, тише воды, ниже травы, своею дорогой и рукою махнешь». Положимъ, мы съ вами не Дѣвушкины, но, вѣдь, и Петербургъ—не Европа, а всего только окно въ Европу. Пропорція, такимъ образомъ, остается приблизительно вѣрной, и что же намъ съ вами остается передъ «святыми чудесами», какъ не умалиться, махнуть рукою, да и поплестись, тише воды, ниже травы, своею дорогой?

Кѣмъ созданы, кѣмъ поддерживаются и кѣмъ увеличиваются эти чудеса? А вотъ толпами этихъ отлично одѣтыхъ людей, которые съ озабоченными лицами, спѣшною дѣловою походкой направляются въ Сити или ѣдутъ въ палату, или толпятся на биржѣ. Это они собрали эту поразившую васъ массу всевозможныхъ товаровъ; это имъ принадлежатъ ослѣпительныя васъ магазины; это по ихъ приказанію и на ихъ деньги гиганты-пароходы во всѣхъ направленіяхъ бороздятъ океанъ; это они поддерживаютъ музеи и библіотеки, они хозяйничаютъ въ городахъ, они предписываютъ законы. Не думайте, что въ ихъ распоряженіи только денежная сила: на ихъ сторонѣ и превосходство ума, знанія, образованія, таланта. Великія научныя и техническія открытія нашего времени сдѣланы людьми, принадлежащими къ ихъ средѣ. Газеты, поразившія васъ своимъ всевѣдѣніемъ, издаются ими. Литература и искусство процвѣтаютъ, благодаря ихъ трудамъ и талантамъ. Промышленная жизнь, торговая, фабричная и заводская дѣятельность бѣлымъ ключомъ кипитъ вслѣдствіе ихъ энергическихъ усилій. «Культура—это мы», вотъ что могутъ сказать эти люди, видонизмѣняя по-своему знаменитую фразу Людовика XIV.

Кто эти удивительные люди? Это, отвѣтять вамъ, буржуа, бюргеры, въ буквальномъ переводѣ на русскій языкъ всего только *мѣщане*. Мѣщане!... Но мы хорошо знаемъ своихъ мѣщанъ, этихъ заморенныхъ и робкихъ существъ въ чуйкахъ, съ которыми Глѣбъ Успенскій велъ, наприм., такого рода разговоръ:

«— Какъ же вы живете-то?

— Да Богъ ее знаетъ какъ!

— Да какъ же именно?

— Да такъ вотъ именно, что кое-какъ...

— Толчешься будто вокругъ пустого мѣста,—объяснялъ болѣе обстоятельно понимавшій дѣло житель,—ну, ан-но будто и пропитываемся, вроде какъ пропитаніе!...

— Покуда Богъ грѣхамъ терпитъ, то и живы!—объяснилъ другой, болѣе скромно глядѣвшій на дѣло обыватель» (*Неизлечимый*).

Контрастъ съ тѣмъ, что мы только что видѣли, не дуренъ. Расширимъ

понятіе нашего «мѣщанства», включивъ въ него всѣхъ героевъ Островскаго, всѣхъ этихъ Большовыхъ, Подхалюзиныхъ, Торцовыхъ, Русаковыхъ, Коршуновыхъ и проч. и проч., которые живутъ не кое-какъ и имѣютъ настоящее пропитаніе, а не «вродѣ какъ пропитаніе». Слово «bourgeois» значить не только мѣщанинъ, но и *гражданинъ*, а у насъ не мало личныхъ и потомственныхъ почетныхъ *гражданъ*, совокупность которыхъ, до коммерціи совѣтниковъ включительно, пусть и представляетъ собою то, что называется на Западѣ буржуазіей или третьимъ сословіемъ. Все-таки, можетъ ли наше мѣщанство, наше третье сословіе, сказать о себѣ, подобно своему западному собрату: «культура страны—это я»? «*Можетъ*»,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Боборыкинъ.

Г. Боборыкинъ не сразу и даже не скоро пришелъ къ этому утѣшительному отвѣту. Идея просвѣщенной, дѣятельной и энергичной буржуазіи одна изъ основныхъ и любимѣйшихъ тенденцій г. Боборыкина. Не трудно понять тотъ процессъ мысли, которымъ г. Боборыкинъ пришелъ къ своему выводу, точнѣе говоря—ту психологическую, субъективную основу, которая послужила почвой для этого вывода. Впечатлительный, отзывчивый, увлекающійся г. Боборыкинъ слишкомъ долго жилъ среди «святыхъ чудесъ», чтобы не поддаться вліянію ихъ импонирующей внѣшности. Выше мы говорили объ этихъ чудесахъ именно съ точки зрѣнія того впечатлѣнія, которое должны производить казовые концы и стороны европейской культуры на тѣхъ въ особенности людей, которые не всегда помнятъ, что не все то золото, что блеститъ. Я говорю *не всегда* потому, что *иногда* г. Боборыкинъ вспоминаетъ и объ обратной сторонѣ медали, и, въ интересахъ критической добросовѣстности, мы представимъ читателю самое сильное и яркое мѣсто въ этомъ смыслѣ изъ всей массы написаннаго г. Боборыкинымъ. Вотъ что находимъ мы въ романѣ *Солидные добродѣтели*:

„Крупицынъ, повозившись три-четыре мѣсяца на выставкѣ, впервые распозналъ практически, за какіе низменные инстинкты держится рычагъ всемірной индустріи. Куда онъ ни заглядывалъ, къ французамъ ли, къ англичанамъ ли, къ нѣмцамъ ли, вездѣ наталкивался на хозяйскую погоню за рекламой. Трудъ рабочаго хоронился за блестящими витринами и крикливыми драпировками. Публика глазѣла на продуктъ, а чего онъ стоилъ рабочей массѣ, до этого никому не было дѣла. Самые любознательные туристы довольствовались идилліей публичнаго тканья и тачанія ботиночекъ умытыми и шикарно причесанными увіерками. Все блистало, кокетничало формами и красками, кидалось въ глаза казовымъ концомъ и успокоивало простодушныхъ звѣвакъ, повторявшихъ на разные лады: „какъ это мило устроено и какъ хорошо, что мы живемъ въ такое время, когда все можно достать за деньги, кромѣ птичьего молока!“ И глядѣли эти звѣваки на карточный домикъ, созданный досужимъ воображеніемъ императора, заигрывающаго съ социализмомъ... „Что за прелесть этотъ домикъ! Въ немъ не то, что семействамъ рабочихъ, а хоть бы статскимъ совѣтникамъ съ супружницами и чадами проводить лѣтній сезонъ гдѣ-нибудь въ Лѣсномъ или Стрѣльнѣ. Просто игрушка! И спальня, и кухня, и столовая, и каминъ... и чего-чего только нѣтъ въ каждомъ помѣщеніи. Какого же рожна еще этимъ ненасытнымъ пролетаріямъ, когда самъ императоръ строить имъ такіе домики? Значить, они съ жиру бѣсятся, затѣвая стачки и коалиціи... Фи!... Можно ли имъ сочувствовать послѣ этого?“ Вотъ что думали лавочники Сити, буржуа улицы St.-Denis, саратов-

еіе и тамбовскіе землевладѣльцы, притащившіеся въ столицу вселенной—себя показывать и на людей посмортѣть. Крутицынъ видѣлъ и чувствовалъ это каждый день, и съ каждымъ днемъ охлаждалась въ немъ охота искать благодѣтелей рабочаго класса. Мало того, весь міръ индустріи, подавляющій массу своими гигантскими размѣрами, богатствомъ и разнообразіемъ производительности и умственного почина, сдѣлался для него почти ненавистнымъ. Онъ не видалъ никакого исхода изъ этой алчной горячки успѣха, барыша, бездушной конкуренціи... Инстинкты захвата, жадности, безумной роскоши, утонченной чувственности, сословнаго высокомерія,—все нашли себѣ безчисленныхъ промышленниковъ, кидających милліоны на производство всякаго непужнаго хлама и мишуры. Выкиньте изъ пріемника всемірной индустріи эти вклады праздности и эксплуатаціи, и увидите, что останется кое-какое дрянцо, на которое и даромъ не заманишь скучающую публику пяти частей свѣта. Только одна идея правъ труда на благоденствіе заброшена въ каталогъ подъ видомъ пресловутой „Х группы“, но и она облеклась въ мизерныя формы, въ фальшь правительственныхъ ласкъ, во что-то дѣланное, подрумяненное, умышенное...”

Вотъ какую прекрасную страницу нашли мы у г. Боборыкина. Но на одну такую страницу въ сочиненіяхъ г. Боборыкина имѣется тысяча страницъ противоположнаго смысла и духа, и если дѣлать заключенія объ общемъ направленіи писателя, то необходимо, конечно, основываться не на случайныхъ почти обмолвкахъ его. Судьбы буржуазіи вообще и русскаго «мѣщанства» въ особенности давно и сильно занимаютъ г. Боборыкина. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ г. Боборыкинъ написалъ на эту тему три большихъ романа (*Дѣлцы*, *Китай-городъ* и *Василій Теркинъ*), которые являются самыми значительными произведеніями изъ всего написаннаго нашимъ романистомъ. Остался ли г. Боборыкинъ въ этихъ романахъ вѣренъ самому себѣ? Послѣдовательно ли развита имъ основная тенденція этихъ романовъ? *Беллетристическая публицистика* г. Боборыкина въ одну ли точку бьетъ, не впадаетъ ли въ рѣзкія противорѣчія, которыя обезсиливаютъ ее до того, что положиться на ея выводы было бы очень рискованно? Обратимся къ романамъ. Анализъ ихъ, — въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для нашей главной цѣли,—лучше всего отвѣтитъ на поставленные вопросы.

Романъ *Дѣлцы* появился лѣтъ двадцать назадъ и его тема исчерпывается его заглавіемъ. Тема была выбрана удачно. То было время «экономическаго оживленія», когда, съ одной стороны, моральные и общественные идеалы шестидесятыхъ годовъ утратили свою сдерживающую, облагораживающую силу и въ литературѣ была произнесена фраза: «наше время—не время широкихъ задачъ», а, съ другой стороны, внѣшнія условія, начиная съ крестьянской реформы и кончая усиленною постройкой желѣзныхъ дорогъ, вызвали на свѣтъ Божій и капиталы, и охотниковъ до капиталовъ. Г. Боборыкинъ характеризуетъ это время съ точки зрѣнія одного изъ своихъ героев, Петра Николаевича Прядильникова, челоѣка честнаго и дѣльнаго, но не дѣловитаго, не дѣльца. «Акціонерная горячка находилась тогда въ самомъ разгарѣ. Челоѣку знающему можно было приладиться къ какому-нибудь выгодному дѣлу; но Петръ Николаевичъ не чувствовалъ расположенія къ чисто-технической части. Онъ и не думалъ

искать мѣста, чтобы можно было «объинженеривать». Онъ слѣдилъ за промышленною горячкой, и съ каждымъ днемъ желчь все накипала въ немъ. Его глубоко-честная натура, на подкладкѣ первичной тревоги и прирожденнаго пессимизма, возмущалась зрѣлищемъ безцеремонной эксплуатаціи отечественнаго легковѣрія. Въ особенности началъ онъ негодовать на заграничныхъ выходцевъ, куаферовъ и другихъ проходимцевъ, которые облѣпили все дѣло своимъ чужезднымъ роємъ. Выйдя въ отставку, Придильниковъ кинулся въ инженерную публицистику и попалъ въ кружокъ людей, которымъ именно надо было наложить руку на подобную личность. Его дѣятельность казалась ему обширною и плодотворною». Какъ видите, въ этой характеристикѣ есть и пропія, и негодованіе, и этимъ съ первыхъ же страницъ романа опредѣляется отношеніе автора къ изображаемой имъ жизни. Дѣльцы конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ были глубоко антипатичны г. Боборыкину. На первомъ планѣ между ними поставленъ нѣкто Саламатовъ, специалистъ по части «писанія всевозможныхъ уставовъ». Личность этого героя дѣловитости всего лучше характеризуется то-стомъ, провозглашеннымъ имъ передъ своими сотрудниками, въ тѣсномъ кружкѣ своихъ людей: «Господа! поднимаю стаканъ за единство нашихъ начинаній!... Къ чему упреки и недоразумѣнія между бойцами одной рати? Все намъ принадлежить въ сей болотной столицѣ, а, стало, и въ остальномъ любезномъ отечествѣ,—все, вплоть до іерусалимскихъ дворянъ. И они въ нашихъ рукахъ!...» Это не простой тостъ, не обыкновенная застольная похвальба, это—торжествующій крикъ безпощаднаго побѣдителя: горе побѣжденнымъ! А побѣжденною стороною является здѣсь «любезное отечество», которое должно вскорѣ почувствовать всю сладость «экономическаго оживленія». Другимъ представителемъ петербургскаго міра дѣльцовъ является у г. Боборыкина адвокат Воротилинъ, котораго мало назвать *прелюбодѣемъ мысли*, а слѣдуетъ назвать циникомъ мысли. Вотъ разговоръ, который онъ ведетъ съ едва знакомымъ ему человѣкомъ:

— Не знаю, какъ другіе, а я смотрю на свое дѣло совершенно просто. Я не раздѣляю тонкихъ соображеній нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей по ремеслу. Надо браться за всякое дѣло.

— Даже и за скверное?—спросилъ Карповъ.

— Скверныхъ дѣлъ нѣтъ. Есть дѣла болѣе или менѣе выгодныя. А чтобы не давать повода разнымъ краснобаямъ кричать, что вы такой-ся-бой, я занимаюсь исключительно гражданскими дѣлами. Я—цивилистъ.

— Но, вѣдь, и въ гражданскихъ дѣлахъ,—началъ Карповъ,—бываютъ разныя обстоятельства...

— Вы хотите сказать — щекотливаго свойства? Конечно, бываютъ; но формальная сторона дѣла всегда на первомъ планѣ. Возьмите вы хоть вотъ такой случай. Вы узнаете, что какое-нибудь большое имѣніе ищетъ наследниковъ. Этихъ наследниковъ двѣ категоріи. Предположите, что съ одной стороны—вдова и сирота, какъ выражаются на чувствительномъ языкѣ, а съ другой—богатый человѣкъ или нѣсколько богатыхъ людей. Если я знаю,

что и съ той, и съ другой стороны будетъ очень много возни, для меня важно одно: опредѣлить процентъ моего вознагражденія. Дастъ мнѣ его несчастная вдова — я сдѣлаюсь ея защитникомъ; не дастъ — не сдѣлаюсь». Программа дѣйствій недурна, но самыя дѣйствія Воротилина идутъ еще гораздо дальше программы. Воротилинъ, какъ его изображаетъ г. Боборыкинъ, это не только, говоря народнымъ выраженіемъ, «нанятая совѣсть» въ своей адвокатской дѣятельности, но и въ полномъ смыслѣ слова негодий въ своей личной жизни. Третій экземпляръ «дѣльца» представленъ въ видѣ газетнаго дѣловаго публициста Малявскаго, котораго г. Боборыкинъ характеризуетъ такимъ образомъ: «Въ Малявскомъ жила сатаинская гордость самомнѣнія, гордость настоящего выскочки, которая заставляла его безпрестанно поднимать тонъ и голову тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы держать ихъ пониже. Онъ постоянно старался держаться съ Саламатовымъ на равной ногѣ. И каждый разъ, какъ онъ только попадалъ въ кабинетъ Бориса Павловича, онъ съ затаеннымъ злорадствомъ подмѣчалъ все, что могло дать ему точку опоры, когда настанетъ благопріятная минута. Малявскій былъ совершенною противоположностью Прядильникову. Полнѣйшее отсутствіе наивности и искренности составляло главный фондъ его личности. За каждый шагъ, за каждое печатное слово, за каждую справку и дѣловой разговоръ онъ требовалъ, прямо или косвенно, соотвѣтственнаго гонорарія и уже начиналъ находить, что ему недостаточно платять, считалъ очень часто свои заработки нищенскими и съ особымъ сладострастіемъ выжидалъ того момента, когда ему удастся схватить кушъ «по-саламатовски». Подобно Саламатову и Воротилину, Малявскій представляетъ собою продуктъ нашего прогресса, развитія нашей печати и увеличенія ея вліянія: «Я помню,—говоритъ о Малевскомъ одинъ изъ персонажей романа,—лѣтъ десять тому назадъ объ этакихъ мусьякахъ и слуху не было. Онъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Посмотрите-ка: всѣ тузы къ нему обращаются, чуть что-нибудь надо публикѣ представить въ приличномъ мундирѣ. И каждая статейка ему сторницею отдается». Четвертымъ и послѣднимъ представителемъ дѣловыхъ сферъ Петербурга является у г. Боборыкина нѣкто Кучинъ, дѣятель по филантропической части, характеристика котораго не сложна: «Ваше царство, — говоритъ Кучину одна изъ героинь романа, — держитесь только пустотой и фразой свѣтскихъ барынекъ. Ими вы будете еще долго править деспотически, и всякій живой человѣкъ не сегодня, такъ завтра разгадаетъ васъ». Какъ бы для полноты впечатлѣнія читателя, всѣ эти «дѣльцы» относятся къ единственному честному человѣку между ними—Прядильникову—съ презрительною проніей, а Малявскій даже прямо называетъ его заочно «идіотомъ», хотя и льститъ ему въ глаза. «Идіотъ» Прядильниковъ потому, что не умѣетъ брать кушей, не знаетъ, гдѣ зимуютъ раки.

Коллекція подобрана старательно и составляющіе ее экземпляры «дѣльцовъ» обрисованы г. Боборыкинымъ очень хорошо. Романъ, какъ романъ, довольно безсвязенъ и написанъ крайне торопливо, съ предоставленіемъ

самого широкаго простора *случаю*, но сатирическая или полемическая сторона романа, повторяю, обработана авторомъ очень удачно. Но что же собственно возмутило г. Боборыкина въ дѣльцахъ? Вѣдь, съ извѣстной точки зрѣнія, они служатъ именно излюбленной г. Боборыкинымъ «культуру». Странѣ необходимы желѣзныя дороги и банки, а Саламатовъ необходимъ желѣзнымъ дорогамъ и банкамъ. Странѣ нуженъ судъ скорый, правый и милостивый, и Воротилинъ—одинъ изъ дѣятелей этого суда. Странѣ нужна вѣская и вліятельная печать, и Маляевскій—одинъ изъ столповъ нашей дѣловой журналистики. Въ благоустроенной странѣ, наконецъ, филантропія, помощь ближнему, не должна быть дѣломъ случайнымъ, а должна превратиться въ постоянную общественную функцію: Ручинъ является организаторомъ филантропіи. Почему же эти дѣльцы—не общественные дѣятели? Потому что они не безкорыстны? Но, вѣдь, г. Боборыкинъ, навѣрное, получаетъ же гонораръ за свои романы и повѣсти. Или потому, что они работаютъ не ради идеи, а ради собственныхъ интересовъ? Но если интересы идеи совпадаютъ съ личными интересами дѣятеля, этому нужно только радоваться, потому что въ этомъ совпаденіи лучшая гарантія энергіи и настойчивости дѣятелей. Что-то недоговоренное чувствуется во всемъ этомъ, какое-то глухое противорѣчіе скрывается въ этомъ восхваленіи *дѣла* съ одновременнымъ и параллельнымъ осужденіемъ *дѣятелей*. Намъ кажется, г. Боборыкину слѣдовало *или* совсѣмъ утвердиться на точкѣ зрѣнія его героя Крутицына—и *тогда* онъ получилъ бы и логическое, и нравственное право громить «дѣльцовъ» сколько ему угодно, *или* совсѣмъ покинуть эту точку и установиться на той, съ которой основными вопросами всякой культуры являются вопросы простаго накопленія національных богатствъ, безъ всякаго почти осложненія этихъ вопросовъ задачами распределенія. И въ такомъ случаѣ г. Боборыкину пришлось бы побавить тону передъ лицомъ его дѣловитыхъ героев: пусть они всѣми правдами и неправдами набиваютъ свои карманы, но развѣ они не способствуютъ «оживленію промышленности», «поднятію производительныхъ силъ страны» и т. д.?

Но г. Боборыкинъ не любитъ прямолинейной логики. Противорѣчіе, указываемое нами, очевидно, чувствовалъ и г. Боборыкинъ въ глубинѣ своей души, но онъ не захотѣлъ устранить его, а вздумалъ обойти его. Черезъ десять лѣтъ послѣ романа *Дѣльцы* явился романъ *Китай-городъ*, написанный на ту же самую тему, но уже съ значительно видоизмѣненными тенденціями. Никакого крутого переворота не произошло, но уклоненіе въ сторону, и очень значительное, доказать не трудно. Начнемъ съ того, что отмѣтимъ маленькую, крошечную, но характерную черточку, которая можетъ намекнуть на общій тонъ романа. Въ *Китай - городъ* есть такая фраза: «отъ него (отъ фабриканта Взломцева) кормилось цѣлое населеніе въ тридцать тысячъ прядильщиковъ, ткачей и прочаго фабричнаго люда». Фраза зауридная, безпрестанно повторяющаяся. Но это языкъ Саламатова, а Крутицинъ такъ не сказалъ бы, безхитростный же и прямо-

линейный Прядильниковъ, пожалуй, прямо бы брякнулъ: «его (Взломцева) кормить цѣлое населеніе въ тридцать тысячъ прядильщиковъ, ткачей и прочаго фабричнаго люда». То же бы слово, да не такъ бы молвить г. Боборыкину...

Обратимся къ содержанію романа. Его героями являются опять-таки «дѣльцы», но уже значительно приумытые и прихорошенные авторомъ. Если, десять лѣтъ назадъ, въ *Дѣльцахъ*, Гаргантюа-Саламатовъ грозился проглотить сначала «болотную столицу», а затѣмъ и «остальное любезное отечество», проглотить просто въ силу своего необъятнаго аппетита, то герой *Китай-города*, нѣкто Палтусовъ, уже гораздо сдержаннѣе, тоньше и, что всего важнѣе, *идейнѣе*. Онъ не просто хочетъ «жрать», какъ Саламатовъ, онъ стремится къ нѣкоторому общественному идеалу, гешефтвахерствуетъ ради принципа. Онъ вотъ какъ разсуждаетъ: «Кто хозяйничаетъ въ городѣ? Кто распоряжается бюджетомъ цѣлаго нѣмецкаго герцогства? Купцы... Они занимаютъ первыя мѣста въ городскомъ представительствѣ. Время прежнихъ Титовъ Титычей кануло. Милліонныя фирмы передаются изъ рода въ родъ. Какое громадное вліяніе въ скоромъ будущемъ! Судьба населенія въ пять, десять, тридцать тысячъ рабочихъ зависитъ отъ одного человѣка. И человѣкъ этотъ—не помѣщикъ, не титулованный баринъ, а коммерціи совѣтникъ или просто купецъ первый гильдіи, крестить лобъ двумя перстами. А дѣти его проживаютъ въ Ниццѣ, въ Парижѣ, въ Тривиллѣ, кутятъ съ наслѣдными принцами, прикармливаютъ разныхъ упраздненныхъ князьковъ. Жены ихъ не иначе все выписываютъ, какъ отъ Ворта. А дома, обстановка, картины, цѣлые музеи, виллы... Шопенъ и Шуманъ, Чайковский и Рубинштейнъ,—все это ихъ обыкновенное меню. Тягаться съ ними нѣтъ возможности. Стоить побывать хоть на одномъ большомъ купеческомъ балѣ. Дошло до того, что они не только выписываютъ изъ Петербурга хоры музыкантовъ на одинъ вечеръ, но они выписываютъ блестящихъ офицеровъ, гвардейцевъ, кавалеристовъ, чуть не цѣлыми эскадрами, на мазурку и котильонъ. И тѣ ѣдутъ и плящутъ, и пьютъ шампанское, льющееся въ буфетахъ съ десяти до шести часовъ утра».

Все это, кажется, фактически вѣрно, но что же изъ этого слѣдуетъ? «Время прежнихъ Титъ Титычей кануло», но Палтусовъ не сказалъ почти ничего такого о новѣйшихъ нашихъ негоціантахъ, чего нельзя было бы примѣнить и къ старозавѣтнымъ Титъ Титычамъ. Правда, Титъ Титычъ помѣщался въ «горницѣ», спалъ на изразцовой лежанкѣ, помадилъ постнымъ масломъ или квасомъ, а у «нынѣшнихъ» — «обстановка, картины, цѣлые музеи»; жена Титъ Титыча ходила въ платкахъ и «головкѣ», а супруги негоціантовъ «все выписываютъ не иначе, какъ отъ Ворта»; дѣти Титъ Титыча спавали городничихъ и становыхъ, а дѣти негоціантовъ «кутятъ съ наслѣдными принцами, прикармливаютъ разныхъ упраздненныхъ князьковъ». И такъ далѣе. Измѣненіе въ *культурномъ*, въ формальномъ смыслѣ огромное, но велика ли разница по существу? Палтусовъ (и не онъ одинъ!) придаетъ преувеличенное значеніе внѣшней культурности. Задачи прогресса

упростились бы до крайности, если бы измѣненіе вкусовъ вело къ измѣненію нравовъ, улучшеніе обстановки вело къ улучшенію понятій. Но мы отъ самого же г. Боборыкина знаемъ, что хотя тайный совѣтникъ и камергеръ Саламатовъ жилъ въ палатахъ, упитывался отборнѣйшими кушаньями и винами и изъяснялся на различныхъ языкахъ, все-таки, въ общественномъ смыслѣ онъ былъ не болѣе, какъ паразитъ, и отъ его уточеннаго гурманства никому, кромѣ модныхъ ресторановъ, барыша не было. Еще Добролюбовъ истощался въ доказательствахъ, что сущность Титъ Титычей состоитъ не въ особенностяхъ ихъ костюма, не въ длиннополыхъ сюртукахъ и не въ сапогахъ «бутылкою», а въ ихъ *самодурствѣ*, и вотъ, если мы доживемъ до того времени, когда «населеніе въ пять, десять, тридцать тысячъ рабочихъ», о которомъ вскользь упоминаетъ Палтусовъ, осязательно почувствуетъ улучшеніе въ своей «судьбѣ», тогда, но не ранѣе, мы соглаеимся съ Палтусовымъ, что «время прежнихъ Титъ Титычей кануло».

Въ чемъ же собственно состоитъ «идея» Палтусова? Онъ именно говорить объ *идеѣ*, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ: «Я идею провожу... не улыбайтесь—идею... Все дѣло въ томъ, замараюсь или не замараюсь. Если не замараюсь—ладно! И заставлю купецкую утробу признать сметку, какая у меня значится». Въ другомъ мѣстѣ великая идея формулируется Палтусовымъ еще отчетливѣе: «явится онъ, Палтусовъ, а за нимъ и другой, и третій—люди тонкіе, культурные, все понимающіе и почнутъ прибирать къ рукамъ этотъ купецкій «городъ», доберутся до его кубышекъ, складовъ и амбаровъ, настроятъ дворцовъ и скупятъ у обанкрутившихся купцовъ ихъ дома, фабрики, лавки, конторы». Вотъ и вся идея. Любопытно было было бы знать—авторъ не даетъ никакихъ поясненій—чѣмъ эти «тонкіе, культурные, все понимающіе» люди отличаются отъ некультурнаго Кузьмы Рощина или Ваньки Каина, цѣль жизни которыхъ то же, вѣдь, состояла въ томъ, чтобы «добратъся до кубышекъ, складовъ и амбаровъ»? Только, кажется, тѣмъ, что, «добравшись», культурные люди настроили бы дворцовъ, а Кузьма Рощинъ и Ванька Каинъ поспѣшили бы удалиться въ муромскіе лѣса. *Обанкрутившіеся купцы*... но, вѣдь, ради прекрасныхъ глазъ Палтусова и ради его культурныхъ аппетитовъ купцы банкротиться не согласятся, ихъ нужно *обанкрутить* такъ или иначе—и развѣ это не разбойничья цѣль? Вѣдь, кромѣ «дворца» для собственного жительства, Палтусовъ послѣ своей побѣды надъ купцами ничего въ перспективѣ не видитъ. Правда, онъ запасася оправданіемъ: «Если,—говоритъ Палтусовъ,—у насъ есть воспитаніе, умъ, раса, наконецъ, надо все это дисконтировать... а не дожидаться, сложа руки, чтобы господа коммерсанты съѣли насъ—и съ хвостикомъ». Послѣ этого остается только спросить: въ странѣ какихъ людоедовъ живемъ мы? Неужели «дисконтировать» свой умъ, свое воспитаніе, свои способности можно лишь путемъ стремленія къ чужимъ кубышкамъ? Неужели передъ нами только такая альтернатива: или «дожидаться, сложа руки», чтобы тебя «съѣли», или посматривай получше гдѣ ле-

жить плохо? Пока еще ни одно общество не дошло до такого ужаснаго состоянія и въ жизни все еще остается возможность честнаго труда, не отнято ни у кого право ѣсть не украденный, а заработанный хлѣбъ, жить, не опасаясь другихъ и не заставляя опасаться себя. Не мечтайте о дворцахъ, не зарѣйтесь на чужія кубышки и, главное, *будьте нужны* на своемъ мѣстѣ, при своемъ дѣлѣ,—вотъ здоровая, трудовая программа жизни, вотъ путь, которымъ дѣйствительно можно *дисконтировать*, т.-е. утилизировать данныя вамъ Богомъ способности. Несмотря на свою мнимую идейность, на которую Саламатовъ совсѣмъ не претендовалъ, Палтусовъ хуже, ниже Саламатова, потому что лицемернѣе и лживѣе его.

Я изъ всѣхъ силъ стараюсь быть безпристрастнымъ и больше всего опасаясь *навязать* г. Боборыкину что-нибудь такое, чего онъ не хотѣлъ или не думалъ сказать. Я спѣшу поэтому указать на прекрасный *démenti*, который онъ дѣлаетъ людямъ, мечтающимъ—обыкновенная уловка всѣхъ слабодумныхъ—сначала всѣми правдами и неправдами нажиться, а потомъ на прибрѣтенныя средства хорошія дѣла дѣлать. Вотъ что на смертномъ одрѣ говоритъ одинъ дѣлецъ - удачникъ, бросившій ученую карьеру ради наживы: «Молодой человекъ, вотъ вы тоже начали съ этимъ народомъ возжаться... Не продавайтесь! Бога для—не продавайтесь... Хотя бы и такъ, какъ я... Я не плутовалъ!... Свезутъ меня завтра на погостъ, будутъ вамъ говорить: Лещовъ наворовалъ себѣ состояніе, Лещовъ былъ угодникъ первыхъ плутовъ, фальшивыхъ монетчиковъ, не вѣрьте... Ничего я не укралъ, ничего! Но я пошелъ на сдѣлку... Да. Хоть и тыкалъ ихъ въ носъ, показывалъ имъ ежесекундно свое превосходство, а, все-таки, ими питался... И ополѣлѣлъ, каюсь Господу моему и Спасителю! Опустился... Все думалъ такъ: вотъ буду въ стахъ тысячахъ, а потомъ въ двухстахъ, трехстахъ, и тогда все по боку и заживу съ другими людьми, спастись стану... Мыслить опять начну... Чувствованія свои очищу... Анъ тутъ болѣзнь подползла. И никакіе доктора меня не подымутъ на ноги—вижу я это. Не хуже ихъ ставлю себѣ діагнозу... Вотъ она трагедія-то! Слушай меня, франтъ-адвокатъ, слушай... коли въ тебѣ душа, а не паръ, гляди на меня, и гляди въ оба и страшись расплаты съ самимъ собою». Все это прекрасно. И, все-таки, утверждаю я, г. Боборыкинъ относится къ Палтусову совсѣмъ иначе, нежели къ Саламатову съ компаніей,—безъ ироніи, безъ негодованія и если не съ прямымъ одобреніемъ, то съ какимъ-то участливымъ вниманіемъ, почти въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ къ человеку идеи. Правда, въ концѣ-концовъ, г. Боборыкинъ заставляетъ Палтусова провороваться и попасть подъ судъ, но опять какъ-то такъ, что воровство оказывается больше *самопомощью*, чѣмъ воровствомъ, и Палтусовъ какъ ни въ чемъ не бывало катается по Москвѣ въ коляскахъ съ богатыми и красивыми купеческими женами. Отъ своей идеи онъ и не думаетъ отказываться, а такъ какъ тутъ и конецъ роману, то остается неизвѣстнымъ, въ какія окончательныя формы отлилась дѣятельность Палтусова, добрался ли онъ до купеческихъ кубышекъ, и если добрался, то что изъ этого вышло.

Написавши два романа на одну и ту же тему, г. Боборыкинъ, все-таки, не исчерпалъ ее, будущія судьбы нарождающейся русской буржуазіи продолжали занимать его и черезъ новый десятокъ лѣтъ онъ явился съ романомъ *Василій Теркинъ*, причемъ въ тенденціяхъ автора обнаружился опять новый поворотъ. Въ романѣ *Дьяволы* г. Боборыкинъ имѣлъ дѣло съ безсословными хищниками, свободными отъ всякихъ принциповъ; въ романѣ *Китай-городъ* г. Боборыкинъ выставилъ впередъ *дворянина*, съ культурною миссіей стереть съ лица земли «купца» и стать на его мѣсто; въ романѣ *Василій Теркинъ* просвѣтительная миссія отводится уже мужику, получившему, правда, нѣкоторое образованіе: онъ долженъ согнуть въ дугу и хищника-купца, и расточителя-дворянина, и тѣмъ облагодѣтельствовать отечество.

Прежде чѣмъ говорить о Теркинѣ, какъ о піонерѣ здоровой дѣловитости и культурности, посмотримъ на его человѣческую личность. Авторъ не скупится на похвалы своему герою, а самъ Теркинъ не устаетъ хвастаться, причемъ оба играютъ на одной и той же струнѣ: Теркинъ — золотое русское сердце, что называется *душа-человѣкъ*, у котораго что на умѣ, то и на языкѣ. Такъ рекомендуетъ своего героя авторъ и такъ постоянно рекомендуетъ себя самъ герой. На первыхъ же страницахъ романа, въ разговорѣ съ писателемъ-народникомъ, Теркину «страстно захотѣлось излиться». Черезъ пять страницъ Теркину опять «хотѣлось поисповѣдоваться, раскрыть душу, показать себя въ настоящемъ свѣтѣ». Черезъ двѣ страницы Теркинъ жалѣетъ, что «не повинился въ своихъ окаянствахъ». Разговаривая съ капитаномъ парохода, нашъ герой не безъ торжественности заявляетъ: «Знайте, Андрей Ѳомичъ, что Василій Теркинъ—сдается мнѣ—никогда не промѣняетъ вотъ этого мѣста,—и онъ приложился пальцемъ къ лѣвой сторонѣ груди,—на мѣдный пятакъ». Бесѣдуетъ Теркинъ съ любимой женщиной и читаетъ ей такую нотацію: «Сима!—сказалъ Теркинъ строго,—совѣсти своей я тебѣ не продавалъ... Мой долгъ—не только самому очиститься отъ всякаго облыжнаго поступка, но и тебя довести до сознанія, что такъ не гѣже». Разрывая съ этою самою женщиной, Теркинъ изливается передъ ея сестрой: «Вы говорите: она безъ меня погибнетъ! А я бы съ ней погибъ... Во мнѣ двѣ силы борются—одна хищная, другая душевная. Вамъ я какъ на духу покаюсь. Погибъ бы я съ ней! У Серафимы въ душѣ—Бога нѣтъ! Я и самъ въ праведники не гожусь... Но во мнѣ, благодаря Создателю, нѣтъ закоренѣлости». Вскорѣ затѣмъ Теркинъ пожелалъ «очиститься духомъ, познать свое ничтожество, просто, по-мужицки, замолить всѣ вольные и невольные грѣхи», для чего онъ отправляется въ Сергіевскую лавру, но тутъ,—свидѣтельствуетъ авторъ,—«его засосало стыдливое чувство: потрясенъ ли онъ такъ могуче, чтобы воскресить въ немъ хранившуюся въ изгибахъ души жажду въ порывѣ къ Тому, что стоитъ надъ нами, въ недостигаемой высотѣ мірозданія и судебъ вселенной?» Не успѣвши воскресить жажду, хранившуюся въ изгибахъ души, Теркинъ размышляетъ: «Что-жъ дѣлать? Не заставишь себя вѣрить ни по-мужицки, ни по-барски. Онъ ищетъ примиренія съ совѣстью, а не тупого отрѣшенія отъ жизни, съ ея радостями и жаждой

дѣятельнаго добра». Вслѣдъ затѣмъ Теркинъ исповѣдуется народнику, — не писателю, а другому, практическому дѣятелю: «Онъ не могъ уйти отъ Аршаулова безъ исповѣди. Безъ всякихъ оговорокъ и смятенія, порывисто, со слезами въ голосѣ, раскрылъ ему свою душу», объявивши въ заключеніе исповѣди, что хочетъ *служить правдѣ*: «Взыскую этого, всѣмъ моимъ нутромъ взыскую!» Далѣе, Теркинъ находитъ уже, что «совѣсть его чиста; онъ не для кубышки работаетъ, а для общенароднаго дѣла». Немножко спустя, въ разговорѣ съ бывшимъ товарищемъ по гимназіи, Теркинъ объявляетъ: «Однако, братъ, съ совѣстью я хочу въ ладахъ быть. Изволь, я тебѣ кое въ чемъ повинюсь». *Повинная*, какъ всегда у Теркина, кончается хвастовствомъ: «Я еще никогда лежачаго не билъ. И ни передъ кѣмъ не кичился своею честностью». Познакомившись послѣ того съ одною молодою барышней, Теркинъ держится съ нею обычной своей политики: «Съ вами, вы видите, я сразу на распахку», — говоритъ онъ. А въ слѣдующее свиданіе опять увѣряетъ ее: «Я по душѣ съ вами... вы видите. Прошу васъ вѣрить, что я не паукъ, развѣсившій паутину надъ всѣми вашими угодами». Далѣе, Теркинъ любитъ на самого себя: «Не собственною мощною онъ силенъ, не ею онъ величается, а добился всего головой и волей, надзоромъ за собственною совѣстью». Далѣе, встрѣтившись опять съ своею прежнею любовницею, Теркинъ великодушно говоритъ ей: «Я передъ тобой виноватъ», и авторъ съ своей стороны поясняетъ: «За три минуты онъ не ожидалъ ничего похожаго на такой приговоръ себѣ. Это вылилось у него прямо, изъ какой-то глубокой складки его совѣсти, и складка эта лежала внѣ его обычныхъ душевныхъ движеній... И ему стало очень легко, почти радостно». Отставная любовница (типа «обреченныхъ») предлагаетъ ему возобновить прежнія отношенія, но Теркинъ отказывается: «Съ тобой я опять завяжу сначала одинъ ноготокъ въ тину, а потомъ и всю лапу. Я долженъ за собою слѣдить... чтобы деньга всей души не выѣла...»

«Охъ, ужъ и плутъ же, должно быть, этотъ Теркинъ!» — подумаетъ всякій житейски-опытный читатель. Кажется, что такъ. Черточки, терпѣливо собранныя нами въ одинъ пышный букетъ, будучи развѣяны на всемъ протяженіи большого романа, остаются не замѣченными и не производятъ надлежащаго впечатлѣнія. Въ формѣ *букета* ихъ крѣпкое благоуханіе поражаетъ обоняніе. Я по душѣ... я по совѣсти... на распахку... нутро... подоплека... правдаматюшка... Все это, можно сказать, сакраментальныя слова. Ихъ употребляютъ чаще всего или очень наивные и дѣйствительно чистосердечные люди, въ силу того, что у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, или прожженные пройдохи, съ волчьимъ ртомъ и лисьимъ хвостомъ. Къ которой изъ этихъ двухъ категорій принадлежитъ герой г. Боборыкина? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно оцѣнить достоинство той *идеи*, которой Теркинъ тоже запасае, нисколько не хуже Палтусова. Идею эту мы формулируемъ собственными словами Теркина, употребивши тотъ же пріемъ, т. е. соберемъ изъ всего романа въ одну цитату всѣ признанія и изліянія Теркина, сдѣланныя имъ при разныхъ обстоятельствахъ, равно какъ и его тайныя

мечты, рассказанныя самимъ авторомъ. «Не объ одномъ личномъ ходѣ въ гору мечталъ Теркинъ. Мысль его шла дальше: вотъ онъ дѣлается однимъ изъ главныхъ воротилъ Поволжья, и тогда начнеть онъ борьбу съ обмѣлѣніемъ, добьется того, что это дѣло станетъ общенароднымъ и миллионы будутъ всажены въ рѣку за тѣмъ, чтобы на вѣки очистить ее отъ перекатовъ. А берега, на сотни и тысячи десятинъ внутрь, покроются запово- лѣсами. — Но вотъ чего онъ не будетъ заводить. Хотя бы у него денегъ куры не клевали. Фабричное дѣло! Мастеровщина! Заводская голытьба, пьяная, ярыжная, франтоватая, развратная, оторванная отъ сохи и топора. Крестьянству надо сначала копѣйку сколотить, а потомъ уже о спасеніи души думать. Но развѣ мужикъ скопить ее фабричною лямкой? — Устья и верховья Волги будутъ служить его неизмѣнной идеѣ — бороться съ гибелью великой русской рѣки. — Не жалѣлъ онъ дворянъ за ихъ теперешнюю оску- дѣлость, а жалѣлъ о прежнемъ привольи и порядкѣ барскихъ хозяйствъ. Къ *купчишкамъ*, хищникамъ, разоряющимъ всѣ эти старыя родовыя гнѣзда, онъ еще менѣе благоволилъ. Даже и тѣхъ, кто умно и честно обращался съ землей и лѣсомъ, онъ не считалъ законными обладателями большихъ угодій. — Народъ — темная, слѣпая сила и надо ею править, а не стано- виться передъ ней на колѣни. — Развѣ онъ — Теркинъ — не благое дѣло дѣлаетъ, что выхватываетъ изъ такихъ (дворянскихъ) рукъ общенародное достояніе? Безъ воды да безъ лѣса Поволжье на сотни и тысячи верстъ, въ длину и ширину, обнищаетъ въ какихъ-нибудь десять-двадцать лѣтъ. Это не кулачество, не спекуляція, а *миссія*. — Въ немъ вскипѣло годами накопившееся презрѣніе къ безпутству всѣхъ этихъ господъ (дворянъ), къ ихъ наслѣдственной неумѣлости, къ хапанью всего, чтò плохо лежитъ, и все это только затѣмъ, чтобы просаживать ворованыя деньги чортъ знаетъ на что. — Безъ идей нельзя. Безъ идей только закоренѣлость одна да ку- лачество».

Вотъ символъ вѣры Теркина. Что-жь? Очень и даже очень недурно — на первый взглядъ, по крайней мѣрѣ. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ из- вѣстными героями Островскаго и Успенскаго фигура культурнаго мужика г. Боборыкина производитъ выгодное впечатлѣніе. А, все-таки, почему-то возникаетъ желаніе собрать въ одну кучу всѣхъ дѣловитыхъ героевъ г. Бо- борыкина, съ идеями, съ миссіями и безъ миссій, и въ предостереженіе про- хожимъ и пробѣжимъ, надписать надъ ними:

Не стая вороновъ слеталась
На груду тлѣющихъ костей:
Удалыхъ шайка собиралась!

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, это было бы смѣшно, если бы не было грустно: столько хорошихъ словъ — душа, совѣсть, общенародное дѣло, миссія и пр., а въ результатѣ, на практикѣ, только стремленіе *добратъ до ку- бышекъ*, какъ у Палтусова, или *выхватить изъ дворянскихъ рукъ* имѣнія, какъ у Теркина. Неужели г. Боборыкинъ серьезно вѣрить, что Теркинъ можетъ облѣсить Поволжье и тѣмъ спасти Волгу? Точно нарочно, въ тотъ

день, когда мы пишемъ эти строки (30 ноября), въ *Новомъ Времени* появилось слѣдующее извѣстіе: «Безпорядочное веденіе лѣсного хозяйства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поволжскихъ сѣверныхъ губерній грозитъ еще большимъ обмелѣніемъ Волги. Несмотря на то, что казна, удѣлы и нѣкоторые частные владѣльцы тратятъ большія суммы на лѣсоразведеніе, рядомъ, межа съ межей съ лѣскокультурными участками, идетъ безпощадное истребленіе того же лѣса. Въ виду всего этого многія земства поволжскихъ губерній возбуждаютъ ходатайство передъ высшимъ правительствомъ о введеніи усиленнаго лѣсоохраненія въ районѣ бассейна Волги». Въ числѣ *нѣкоторыхъ частныхъ владѣльцевъ*, упомянутыхъ въ газетѣ, весьма вѣроятно, находится и герой г. Боборыкина и мы хотѣли бы знать, каково онъ себя чувствуетъ? Продолжаетъ ли онъ лелѣять надежду — допуская ея искренность — спасти Волгу и Поволжье путемъ *выхватыванія* изъ неумѣльных, небрежныхъ рукъ прилежащихъ къ Волгѣ земель или усумнился, наконецъ, въ цѣлесообразности своихъ единичныхъ усилій? Нельзя культивировать мѣстность, страну, помимо населяющихъ ее людей. Не можетъ существовать такого культурнаго Эльдорадо, которое черезъ нѣсколько лѣтъ не превратилось бы въ пустыню, если его населить полудикими людьми. Теркинъ этого не понимаетъ. Доморощенный яacobинецъ, онъ полагаетъ, что «народъ — темная, слѣпая сила и надо ею править, а не ставовиться передъ нею на колѣни». На колѣни ставовиться нѣтъ надобности, но программа дѣйствій, исчерпывающаяся словомъ «правлять», приличествуетъ не людямъ, а лошадямъ. Пока народъ останется *темною*, слѣпою силой, до тѣхъ поръ невозможны никакія общенародныя культурныя задачи, а возможны лишь нѣкоторые культурные оазисы, которые нужно оберегать чуть не военною силой. Теркину лучше чѣмъ кому бы то ни было слѣдовало понять это, потому что сама жизнь дала ему въ этомъ смыслѣ тяжелый урокъ. Въ его лѣсной дачѣ произошелъ пожаръ, для тушенія котораго были, разумѣется, призваны окрестные крестьяне, и вотъ какъ Теркинъ разсуждалъ на другой день послѣ пожара: «Ну, скажите, развѣ они не скоты? Какъ они вчера повели себя? Только на деньги и позарились! А чтобы у нихъ самихъ на душѣ защемило, чтобы жалость ихъ взяла — какъ бы не такъ! Гори, паря! По цѣлковому-рублю получимъ — и похаживаетъ себѣ вдоль опушки, да лапкой помахиваетъ, точно отъ мухъ... А чуть мы отвернемся, такъ спину чешетъ. Одинъ подлецъ даже курить началъ. Я его чуть самого въ огонь не бросилъ. Скоты! Скоты! Непробудные!» Негодованіе Теркина совершенно безразсудно. Нѣтъ смысла уличать въ непробудности людей, которыхъ никто и не пробовалъ будить, которые выросли безъ всякаго призора, какъ береза въ лѣсу. Теркинъ побывалъ въ гимназій, онъ можетъ вести не только «душевные», но и идейные разговоры съ писателями, онъ читалъ и читаетъ разныя умныя книжки, а, вѣдь, его земляки и односельцы ни о какихъ государственныхъ задачахъ не слыхивали, имѣютъ самое смутное представленіе обо всемъ, что выходитъ за предѣлы ихъ околицы, и требовать отъ нихъ самоотверженія во имя отвлеченнаго принципа просто стран-

но. Третировать мужиковъ, какъ «скотовъ», какъ лошадей, и взыскивать съ нихъ, какъ съ полноправныхъ людей,—въ этомъ нѣтъ ни тѣни справедливости, ни искры разсудительности. «Чтобы на душѣ защемило, чтобы жалость ихъ взяла» — какія милыя претензіи! Щемило, надо полагать, у мужиковъ на душѣ и разбирала ихъ жалость, когда этотъ лѣсъ въ свое время отходилъ «по положенію» изъ ихъ пользованія затѣмъ, чтобы попасть въ руки ихъ выскочки-односельца. Надѣяться, что они проникнутся теперь сердечными злосчастіями къ имущественнымъ интересамъ своего земляка—это черезъ чуръ ужъ наивно... Къ *непробуднымъ скотамъ* предъявляются такіа нравственныя требованія, которыя оказываются часто не по плечу очень и очень многимъ такъ называемымъ образованнымъ людямъ.

Ясно, во всякомъ случаѣ, что сколько бы ловкачъ - Теркинъ ни *захватилъ* лѣсныхъ дачъ по Поволжью, дѣло культуры края не подвинется отъ того ни на волосъ: «рядомъ, межа съ межей съ лѣскокультурными участками, идти безпощадное истребленіе того же лѣса», какъ говоритъ газетное сообщеніе. *Идея* Теркина—абсурдъ, его *миссія*—миссія Сизифа. Сопоставляя это обстоятельство съ тѣмъ, что Теркинъ, какъ мы видѣли, безпрестанно толкуетъ о своей совѣсти и о своей честности, можно, кажется, окончательно установить тотъ выводъ, что Теркинъ принадлежитъ къ давно извѣстному типу людей, желающихъ и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти. Какъ смотреть на него самъ авторъ? Это очень трудно сказать. Общій тонъ романа вполне серьезенъ; рассказываетъ г. Боборыкинъ о затѣяхъ Теркина, такъ же какъ и о его неопытныхъ изліяніяхъ «по душѣ» и «на распахку», безъ малѣйшей улыбки. За всѣмъ тѣмъ, въ романѣ коегдѣ инкрустированы замѣчанія или сцены, смыслъ которыхъ очень подрываетъ кредитъ Теркина, какъ героя современности. Приведемъ одну изъ такихъ сценъ. Теркинъ разговариваетъ съ своимъ крестнымъ отцомъ по дѣловой карьерѣ, нѣкимъ Усатинымъ.

«— Позвольте,—сказалъ Теркинъ,—будто нельзя посмотрѣть на свою дѣлецкую карьеру, какъ на средство послужить родинѣ?

— Родинѣ!

Усатинъ пренебрежительно тряхнулъ головой.

— Однако, позвольте,—Теркинъ понизилъ голосъ,—вы изволили же въ былые годы служить нѣкоторымъ идеямъ. И я первый обязанъ вамъ тѣмъ, что вы меня поддерживали... не какъ любостыжательный хозяинъ, а какъ человѣкъ съ направленіемъ.

— Направленіе!—остановилъ его Усатинъ.—Оно у меня вотъ гдѣ сидитъ,—онъ рѣзнулъ себя по затылку,—и когда эту родину изучишь хорошенько, приходишь къ тому выводу, что только забывая про всякія гражданскія затѣи и можно двигать ея. И вамъ, Теркинъ, тотъ же совѣтъ даю. Не садитесь между двухъ стульевъ, не обманывайте самого себя, не мечтайте о томъ, чтобы подражать дѣльцамъ, какъ во Франціи изъ школы сенсимонистовъ. Они мнили, что перестроить все общество, во имя гуманности и братства, а кончили тѣмъ, что стали банковскими воротилами. Все

это — или пустая блажь, или бессознательная, а то такъ и умышенная фальшь».

Теркину слѣдовало бы подумать надъ этими словами своего бывшего принципала. Не мѣшало бы обратить на нихъ вниманіе и г. Боборыкину, хотя бы уже потому, что они даютъ фигурѣ Теркина другое освѣщеніе: что ужъ это за герой, въ которомъ можно заподозрить *умышленную фальшь*, и сидѣть *между двухъ стульевъ* — позиція совѣзмъ не геройская. Однако, какъ этотъ разговоръ, такъ и другіе уроки того же рода проходятъ для Теркина безслѣдно, и вставлены они въ романъ какъ будто за тѣмъ только, чтобы показать, что автору небезызвѣстны и возраженія, которыя могутъ быть представлены противъ плановъ его героя. Въ послѣднемъ мы не сомнѣваемся, но зачѣмъ же г. Боборыкинъ, поставивши возраженіе, не устраняетъ, а преспокойно обходитъ его?

Повторяемъ, писательская личность г. Боборыкина чужда для насъ и, притомъ, не по нашей, а по авторской винѣ. Контуры литературной физіономіи г. Боборыкина неопредѣленны, ея черты недостаточно выразительны. Вотъ мы разсмотрѣли три главныхъ произведенія г. Боборыкина, связанные между собою, если не единствомъ идеи, то единствомъ намѣренія, — какой общій выводъ мы въ правѣ сдѣлать? Выводъ очень тощій: авторъ не овладѣлъ предметомъ, не составилъ себѣ прочнаго убѣжденія относительно изображаемыхъ имъ явленій жизни. Г. Боборыкинъ то осудитъ нашу буржуазію *en herbe* въ лицѣ бесословныхъ «дѣльцовъ», то предоставитъ культурному дворянину задачу прогнать «купца», сѣсть на его мѣсто и, такимъ образомъ, оплодотворить буржуазное начало культурнымъ элементомъ, то, наконецъ, различницу безъ роду, безъ племеніи отдастъ въ жертву и въ выучку и дворянина, и купца, и мужика. Все это очень произвольно и рѣшать вопросы этого рода на почвѣ сословности очень рискованно. Наше будущее зависитъ совѣзмъ не отъ судебъ того или другого сословія, а отъ судебъ нашей интеллигенціи, въ составъ которой съ одинаковымъ правомъ могутъ войти и дворянинъ, и мужикъ, и священникъ, и купецъ, и мѣщанинъ, и различинецъ. Всѣ задачи нашей культуры сводятся къ вопросу просвѣщенія массъ и никто, кромѣ интеллигенціи, этой задачи рѣшить не въ силахъ. По мѣрѣ разрѣшенія *этой* общей задачи будутъ упорядочиваться и всѣ практическія стороны нашей жизни: лѣса не будутъ истребляться, почва не будетъ истощаться, рѣки не будутъ мелѣть, населеніе не будетъ бѣднѣть и хронически голодать. Не съ конца, а съ начала дѣла дѣлаются: цивилизуйте людей, и культура территоріи явится сама собою, самодѣятельностью этихъ самыхъ людей.

V.

Въ талантѣ г. Боборыкина есть одно свойство, за которое онъ долженъ всего горячѣе благодарить судьбу: это ничѣмъ не смущающаяся бодрость духа, *радость жизни*, активная энергія человѣка и дѣятеля. Г. Боборы-

кинъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ земли, неустанный работникъ, которому трудъ нуженъ какъ стихія. Пессимистически нить, кукуться, капризничать г. Боборыкинъ не хочетъ и не можетъ, и хотя онъ очень далекъ отъ кандиловскаго оптимизма, по вкусу къ жизни не утрачивается и никогда не выражалъ желанія «сложить на пустой груди непухныя руки». Повѣсть *Передъ чѣмъ-то*, за которую мы выразили опасеніе въ началѣ этой статьи, потому что подмѣтили было въ ней пѣчто вроде приглашенія посыпать главу пепломъ и возсѣсть на рѣкахъ Вавилонскихъ,—эта повѣсть, теперь оконченная, служить лучшимъ доказательствомъ счастливой неспособности г. Боборыкина ко всякаго рода *кладбищенству*, какъ говаривалъ Помяловскій: *Передъ чѣмъ-то* кончилась ровно ничѣмъ. Г. Боборыкину указываемое нами свойство его таланта должно быть тѣмъ дороже, что оно совершенно непосредственно; опирается не на идеѣ, а выходитъ изъ инстинкта, изъ глубины натуры. Міросозерцаніе г. Боборыкина совсѣмъ не блещетъ такою логическою стройностью, которая бы могла предохранить человѣка отъ паденія, отъ отступничества: г. Боборыкинъ застрахованъ отъ такого печальнаго конца именно своею юношескою чуткостью и отзывчивостью на все, въ чемъ есть сила, достоинство, правда. Благодаря этому своему свойству, г. Боборыкинъ въ наше время всяческихъ сдѣлокъ и позорнѣйшихъ измѣнъ успѣлъ сохранить въ себѣ *душу живу* и даже болѣе того: онъ смогъ явиться обличителемъ, и обличителемъ не какихъ-либо отдѣльных личностей, а цѣлой полосы нашей жизни. Къ категоріи такихъ *идейно-обличительныхъ* произведеній относятся большой романъ *На ущербѣ* и повѣсть *Поумнѣлъ* *). Нужно сказать правду, г. Боборыкинъ мягкій и снисходительный обличитель, почти до слабости. Онъ не караетъ, не наказываетъ, а вѣжливо указываетъ: не угодно ли полюбоваться? Равнымъ образомъ онъ и не призываетъ къ борьбѣ,—прямая борьба вообще не по его части, — а ограничивается преподаваніемъ нѣкоторыхъ благожелательныхъ и удобоисполнимыхъ совѣтовъ. Главный герой романа *На ущербѣ*—Ермиловъ—выражаетъ отъ своего лица, кажется намъ, затаенную мысль самого автора, когда говоритъ слѣдующее: «Вамъ всѣмъ, господа, пора бы убѣдиться вотъ въ чемъ: слѣдуетъ въ наши лѣта людямъ знанія и таланта глядѣть на то, что у насъ дѣлается, какъ Ливингстонъ или Стэнли смотрѣли на бытъ африканцевъ: ѣзди, наблюдай, пиши книги, обогащай науку, по души своей не отдавай на съѣденіе». Въ переводѣ на вульгарный языкъ этотъ совѣтъ значитъ вотъ что: моя хата съ краю, ничего не знаю. Для людей науки и вообще отвлеченной мысли этотъ совѣтъ можетъ быть не-

*) Возможно, что у г. Боборыкина имѣются и другія произведенія на ту же тему, но я ихъ не знаю и долженъ вообще сдѣлать слѣдующее признаніе: подготовляясь къ этой статьѣ, я прочиталъ, конечно, большую часть произведеній г. Боборыкина, но далеко не всю. Оправданіемъ мнѣ служить, во-первыхъ, то, что Вольфовское изданіе сочиненій г. Боборыкина очень неполно; во-вторыхъ, то, что повѣйшій историкъ нашей литературы, г. Скабичевскій, отказался даже *перечислить* работы г. Боборыкина,—до такой степени онъ многочисленны.

дурень, но мы бы хотѣли, чтобы г. Боборыкинъ примѣнилъ его къ самому себѣ. Казалось бы, защитнику протокольнаго, объективнаго французскаго натурализма сдѣлать это было бы не трудно и, однако, г. Боборыкинъ волнуется, печалится, негодуешь въ виду «ущерба» общественной мысли. Но вотъ что гораздо серьезнѣе: непостижимымъ образомъ г. Боборыкинъ связываетъ фактъ «ущерба» съ... какъ бы вы думали, съ чѣмъ? Даже сказать страшно: съ пагубнымъ вліяніемъ женщинъ и съ необыкновенною страстностью російскихъ мужчинъ. Мы не клеветимъ и не шутимъ. Вотъ разговоръ между Ермиловымъ и «непримиримымъ» Кустаревымъ, отставнымъ профессоромъ-либераломъ:

— Кто можетъ за себя поручиться?... Бабые, по нынѣшнему времени, взяли великую силу. Одна умная переводчица, въ Москвѣ, мнѣ не такъ давно сказала: «Никто, говоритъ, Евменій Филипповичъ, изъ васъ не застрахованъ отъ революціи своего сорокъ восьмого года!»

— Какъ, какъ? — крикнулъ Ермиловъ и пріостановилъ Кустарева на ходу.

— Революція сорокъ восьмого года... это вотъ въ нашъ съ вами возрастъ или около того. Одинъ мнитъ себя легкимъ эпикурейцемъ, другой — суровымъ ригористомъ, а глядь... врагъ-то и одолбеть. Баба возьметъ верхъ и нравъ передѣлаетъ, и правила, и мозгъ, и темпераментъ. Эстетикъ очутится въ притонѣ и тамъ въ послѣднюю потаскушку будетъ класть весь остатокъ своихъ душевныхъ силъ... Такъ-то-съ!...

Не знаемъ, право, что ужъ и сказать тутъ. Это не обмолвка, потому что далѣе тотъ же Ермиловъ, бесѣдуя съ другимъ интеллигентомъ, говоритъ опять тоже: «Одинъ считалъ себя хранителемъ долга и добродѣтели, другой — эпикурейцемъ, во вкусѣ прошлаго вѣка, а оба оказались предназначенными на служеніе силѣ прекраснаго, которая исходитъ отъ женщины въ какихъ-то линіяхъ и звукахъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ повсемѣстной тираніи женщины доказательство того, что конецъ вѣка изжилъ свои задачи или не въ силахъ справиться съ ними?» Трудно повѣрить, чтобы это говорилось серьезно и, однако, г. Боборыкинъ настойчиво проводить этотъ взглядъ на причины современнаго «ущерба». Подъ вліяніемъ женщинъ или даже «бабъ» передѣлываются «и нравъ, и правила, и мозгъ, и темпераментъ» мужчинъ, которые и погибаютъ жертвою «прекраснаго, исходящаго отъ женщины въ какихъ-то линіяхъ и звукахъ...» Очень просто! Но мы хотѣли бы спросить г. Боборыкина, почему же героиня повѣсти *Шоумпль*, Антонина Сергѣевна Гаярина, ровно ничего не могла подблать съ своимъ ренегатомъ-мужемъ, хотя и старалась объ этомъ, какъ могла? Неужели, по мнѣнію г. Боборыкина, женщины всемогущи на зло и безсильны на добро? Неужели, далѣе, «умная переводчица» была права и мужчинѣ, подошедшему къ пятидесятилѣтнему возрасту, грозитъ серьезная опасность «уложить въ послѣднюю потаскушку весь остатокъ своихъ душевныхъ силъ»?

Мы долго не кончили бы своихъ недоумѣвающихъ вопросовъ, если бы

вздумали серьезно оспаривать объясненіе нашего «ущерба», предложенное г. Боборыкинымъ. Но такъ какъ превращеніе общественныхъ дѣятелей въ мышиныхъ жеребчиковъ не есть законъ природы и никакой эпохи характеризовать собою не можетъ, то мы можемъ и ограничиться этимъ. Между тѣмъ, романъ въ эстетическомъ и психологическомъ смыслѣ написанъ очень хорошо. Фигуры чиновника—Пилата Капцова, его сына—студента новой формации, Сохина—изъ лагеря *поумнѣвшихъ* и др., обрисованы рельефно. Изобразительная способность г. Боборыкина сильнѣе его критической способности. Тонкій и разносторонній наблюдатель, онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи массу живыхъ фактовъ, которыхъ, однако, ему нечѣмъ мѣрять, не къ чему соотносить, за отсутствіемъ какого-нибудь общаго принципа. Этимъ же объясняется и тотъ, на первый взглядъ странный, фактъ, что г. Боборыкинъ можетъ чувствовать себя одинаково удобно въ очень далеко отстоящихъ другъ отъ друга органахъ печати, отъ *Отечественныхъ Записокъ* до *Нови*. *Прямолинейности* мы отъ г. Боборыкина не ждемъ и не требуемъ, но большей опредѣленности и устойчивости во взглядахъ нельзя не пожелать.

М. Протопоповъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Объ органахъ современныхъ международныхъ уній *).

Въ явленіямъ, наиболѣе, быть можетъ, любопытнымъ въ области современной международной жизни, хотя и весьма скромнымъ и мало замѣтнымъ для большой публики, принадлежать устанавливаемые государствами *союзы* или *уній* по различнымъ специальнымъ вопросамъ управленія, науки и филантропіи. Движеніе это, столь противорѣчащее существующему между народами *политическому* и подчасъ даже *экономическому антагонизму*, — очень недавняго происхожденія; возникнувъ лишь за послѣднее тридцатилѣтіе, но, идя все разростаясь, оно призвано имѣть, повидимому, блестящую будущность и заслуживаетъ поэтому вниманія каждаго образованнаго чловѣка.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, нельзя не привѣтствовать появленія о международныхъ уніяхъ книги извѣстнаго писателя и филантропа Женевы *Moynier*: «*Les Bureaux internationaux des Unions universelles 1892*». Хотя и небольшая по объему, но блестяще написанная, книга эта изучаетъ уній со стороны наименѣе доселѣ извѣстной, именно со стороны ихъ *организации*, и это лишь удваиваетъ ея интересъ. Хотя большинство этихъ уній донынѣ ограничивается нѣкоторыми странами даже только Европы, но по своимъ предметамъ и цѣлямъ авторъ справедливо полагаетъ, что онѣ призваны сдѣлаться *универсальными*, а въ ихъ органахъ или *бюро* видятъ первыя звенья той обширной цѣпи, которая современемъ должна связать въ одно стройное цѣлое всю эту разрозненную пока сѣть соглашеній.

Авторъ изучаетъ органы *деяти* слѣдующихъ соединеній между государствами въ ихъ хронологическомъ порядкѣ: телеграфнаго, почтоваго, мѣръ и вѣсовъ, промышленнаго, литературнаго, геодезическаго, по вопросу о пресѣченіи торговли неграми, по обнародованію таможенныхъ тарифовъ и по международной перевозкѣ грузовъ желѣзными дорогами (1865—90).

Какъ видно, всѣ эти союзы совершенно чужды вопросамъ *политики*,

*) Читано въ засѣданіи юридическаго общества 23 марта.

по относится къ той области парождающагося международнаго права, которая удобнѣе всего можетъ быть названа *соціальною*. Въ числѣ перечисленныхъ нами соглашеній между государствами, договоръ ихъ о борьбѣ съ работорговлею не привелъ собственно къ установленію особаго союза, но правительства, все-таки, создали, для большей успѣшности этой борьбы, органы, вполне похожіе на учрежденія другихъ униій, а поэтому является умѣстнымъ коснуться и ихъ здѣсь.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы сперва бросимъ взглядъ на каждый изъ перечисленныхъ союзовъ, а потомъ сдѣлаемъ общіе выводы и замѣчанія, на которые наводятъ устройство и дѣятельность этихъ новыхъ соединеній между государствами.

I.

1) Раньше всѣхъ, какъ извѣстно, возникла *униія телеграфная* (Union télégraphique internationale). Основаніе ея было положено, благодаря почину Франціи, на парижской конференціи 1865 г., на которой участвовали делегаты 20 европейскихъ государствъ. Имѣлось въ виду не сліяніе телеграфныхъ ихъ вѣдомствъ, но, путемъ соглашенія, облегчить и ускорить взаимныя между ними сношенія. Главнымъ тутъ препятствіемъ являлось многообразіе и даже противорѣчія въ законахъ и распоряженіяхъ отдѣльныхъ странъ. Каждая, дѣйствуя въ этой области по собственнымъ лишь потребностямъ и усмотрѣнію, не заботилась о другихъ странахъ, но польза, связанная съ электрическими сообщеніями, требуетъ, въ интересахъ всѣхъ, чтобы они стали какъ можно болѣе быстры, вѣрны и дешевы. Особенно выигрывали отъ предположенной мѣры депеши международныя или такія, которымъ приходилось направляться чрезъ территорію нѣсколькихъ государствъ.

Къ первоначальнымъ членамъ униіи скоро присоединились другіе, такъ что въ настоящее время въ составъ ея входятъ 42 телеграфныхъ вѣдомства, къ которымъ нужно еще прибавить 24 компаніи, владѣющія подводными кабелями, и которыя, не имѣя права быть собственно членами униіи, на практикѣ, однако, приравниваются къ таковымъ *).

Послѣ первоначальной парижской конференціи цѣлый рядъ другихъ подобныхъ собраній занимался международнымъ телеграфнымъ дѣломъ. Собранія эти происходили въ Вѣнѣ (1868), Римѣ (1871), Петербургѣ (1875), Лондонѣ (1879), Берлинѣ (1885) и Парижѣ (1890). Ближайшую конференцію въ будущемъ предполагаютъ созвать въ Буда-Пештѣ (1895). Сначала эти собранія были чисто-дипломатическія, но съ 1875 г. имъ придали ха-

*) Въ составъ телеграфной униіи входятъ: вся Европа; въ Азіи: Японія, Персія, Сіамъ, Индія, Кокхинхина и владѣнія: русскія, испанскія, голландскія и турецкія; въ Африкѣ: мысъ Доброй Надежды, Наталь, Сенегаль, Тунисъ и владѣнія: испанскія и турецкія; въ Америкѣ: Аргентина, Бразилія и испанскія колоніи и въ Австраліи: колоніи той же державы и Англіи.

рактёр исключительно техническій. На нихъ посылають своихъ представителей отдѣльныя телеграфныя вѣдомства и общества и они, смотря по указаніямъ опыта, дѣлають тѣ или иныя улучшенія въ *регламентъ*, который имѣеть въ виду способы примѣненія на практикѣ *конвенцій*, высказывающей общія начала устройства самой уніи. Последняя послѣ троекратнаго пересмотра въ началѣ остается за послѣднія шестнадцать лѣтъ безъ измѣненій.

Указанная конвенція требуетъ: достаточнаго числа въ каждой странѣ телеграфныхъ проволокъ, предназначенныхъ для прямыхъ международныхъ сообщеній; она признаетъ за каждымъ право ими пользоваться и обезпечиваетъ тайну этихъ сношеній; она устанавливаетъ между депешами извѣстный порядокъ въ передачѣ, смотря по ихъ характеру, вводитъ единство таксы для всѣхъ депешъ, идущихъ по одному пути между двумя бюро различныхъ договорившихся государствъ уніи, признаетъ франкъ монетною единицей телеграфнаго тарифа и допускаетъ, для международныхъ депешъ, всѣ усовершенствованныя формы и приемы сношеній (депешы съ оплаченными отвѣтами, заказныя и проч. *).

При самомъ учрежденіи этого союза не было создано для него спеціального, центрального органа, и такъ прошло три года, но скоро польза дѣла потребовала такого органа и онъ былъ установленъ, по мысли Швейцаріи, на вѣнской конференціи 1868 г. Мѣстопробываніемъ этого перваго международнаго бюро избранъ Бернъ, сдѣлавшійся, такимъ образомъ, телеграфною метрополіей Европы. Оно открыло свои дѣйствія съ 1 января 1869 г. Работы его сводятся къ двумъ группамъ: одна постоянныя, другія носятъ характеръ временный. Первые состоятъ въ собираніи, систематизаціи и обнародованіи всѣхъ свѣдѣній, относящихся къ международному телеграфному дѣлу. Въ виду этого бюро собираетъ и публикуетъ сообщенія о тарифахъ, объ открытіи новыхъ линій или объ измѣненіи старыхъ, ведетъ правильную и аккуратную статистику телеграфной корреспонденціи, къ которой теперь присоединилась и статистика телефонныхъ сношеній, издаетъ на французскомъ языкѣ спеціальныя *Journal Télégraphique*, географическія карты съ указаніемъ всѣхъ международныхъ линій и печатаетъ даже ученые сочиненія о телеграфѣ, представляющія болѣе или менѣе общій и широкій интересъ.

Временныя же работы бюро имѣють, главнымъ образомъ, въ виду пересмотръ и измѣненія въ регламентѣ относительно платы за депешы или иныя измѣненія въ телеграфной службѣ. Это дѣлается либо на конференціяхъ, либо по заявленію того или иного члена союза. Въ обоихъ случаяхъ бюро дѣлаетъ всѣ подготовительныя къ тому работы или выступаетъ посредникомъ между правительствами.

Конечно, послѣднія могутъ, если пожелаютъ, и прямо сноситься другъ

*) Такъ назыв. еще: „les dépêches à faire suivre, celles à destination multiple, les messages sémaphoriques“.

съ другомъ, но они предпочитаютъ обращаться съ своими запросами къ бюро, которое и быстро либо дастъ на нихъ отвѣты, либо циркулярно доводитъ ихъ до свѣдѣнія остальныхъ участниковъ. Этимъ устанавливается между ними всеми правильный и скорый обмѣнъ мыслей. Къ концу года бюро составляетъ отчетъ о всехъ своихъ занятіяхъ, который оно препровождаетъ въ союзный совѣтъ. Последний, провѣривъ его, разсылаетъ всеми членамъ уніи. Изъ этого видно, какъ сложны и практически-полезны занятія бюро. Оно вообще должно совершать изысканія и работы, которыя только потребуются въ интересахъ международного телеграфнаго дѣла. Само собою разумѣется, что правительства, въ свою очередь, обязаны сообщить ему по этой части все самыя точныя свѣдѣнія и безъ замедленія. Въ настоящее время бюро занято выработкою громаднаго обще-употребительнаго *Словаря* (*Vocabulaire du langage convenu*), который будетъ заключать въ себѣ не менѣе 200,000 словъ изъ всехъ главныхъ языковъ Западной Европы и призванъ какъ бы облегчить телеграфную рѣчь между ея разноплеменными народами.

Сложности этихъ работъ совершенно не соотвѣтствуетъ простота въ *организации* бюро. Оно поставлено подъ контроль швейцарскаго правительства и управляется особымъ директоромъ, который имѣетъ свою канцелярію. Вначалѣ, когда обсуждалось его введеніе, делегатъ Франціи выразилъ опасеніе, чтобы подобное бюро «не оказалось вскорѣ несомвѣстимымъ съ достоинствомъ и свободой телеграфныхъ управленій отдѣльныхъ государствъ». Но на это вполне вѣрно отвѣчалъ бельгійскій представитель, что «предполагаемое бюро не будетъ имѣть возможности навязывать свое мнѣніе и не будетъ постановлять никакихъ рѣшеній, а поэтому и свобода телеграфныхъ вѣдомствъ ни въ чемъ не будетъ затронута. Оно призвано оказывать вліяніе лишь чисто-правственное, но за то тѣмъ большее, благодаря авторитету, опытности и таланту лицъ, которымъ оно будетъ доверено. Для этого только нужно дать ему независимое положеніе и поручить его человѣку, отличающемуся своимъ личнымъ характеромъ и положеніемъ». Весьма невелики и назначенныя на бюро *расходы*. Они, по счѣтѣ, не должны превышать 100,000 фр. въ годъ, но обыкновенно не выходятъ за 80,000. Въ нихъ участвуютъ все члены союза, которые, въ этомъ отношеніи, дѣлятся на шесть группъ. Каждое государство само, по собственному желанію, пристаетъ къ одной изъ нихъ. Высшій взносъ состоитъ въ 3,000 фр., а низшій—лишь въ 350.

Муанье въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ значеніе этого перваго, по времени, органа занимающихъ насъ уній: «Уже теперь можно сказать, что онъ навсегда отвоевалъ себѣ самостоятельное мѣсто въ ряду надіональныхъ телеграфныхъ вѣдомствъ, на законныя прерогативы которыхъ онъ вовсе и не посягаетъ. Многочисленнымъ его обязанностямъ не соотвѣтствуетъ никакое право; онъ даже не имѣетъ прямого, собственнаго интереса въ дѣлѣ, которымъ завѣдуетъ. Съ другой стороны, привыкли уже получать отъ него массу услугъ, безъ которыхъ нельзя обойтись и за коте-

рыми, при его отсутствіи, не знали бы къ кому обратиться. Вотъ почему члены уніи неоднократно выражали ему свое удовольствіе. Они ему обязаны, быть можетъ, сами того не сознавая, тѣмъ соревнованіемъ, которое по своей части онъ вноситъ между ними и которое содѣйствуетъ успѣхамъ международнаго телеграфнаго дѣла. Постоянныя сношенія, поддерживаемыя ими съ бюро, дѣйствуютъ на нихъ возбуждающимъ образомъ и ни одному изъ нихъ не позволяютъ предаться апатіи или рутинѣ».

2) Въ тѣсномъ сродствѣ съ телеграфомъ, по самой своей природѣ, стоитъ *почта*. Подобно ему, она также призвана передавать человѣческую мысль изъ одного пункта въ другой, причемъ ей часто приходится не знать территориальныхъ границъ. Но для успѣшнаго достиженія этой цѣли необходимо, чтобы различные государства однообразно регулировали ея дѣятельность. Лишь девять лѣтъ спустя послѣ учрежденія телеграфной уніи приступили они къ установленію другого подобнаго же союза—*почтового*. По почину на этотъ разъ Германіи состоялась въ 1874 г. конференція въ Бернѣ изъ представителей 21 государства. Она положила начало союзу, который изъ *Union générale des postes* скоро переименовался въ *Union postale universelle* и дѣйствительно обнялъ почти всю землю: въ настоящее время въ составъ его входятъ 58 почтовыхъ управленій, занимающихъ почти 88 милл. кв. километровъ съ населеніемъ въ 942 милл. чел. *). По идеѣ, всѣ эти страны, принадлежащія даже къ различнымъ материкамъ, составляютъ «одну почтовую территорію по отношенію къ взаимному между ними обмѣну корреспонденцій». Но въ дѣйствительности это не препятствуетъ существованію, на этой обширной территоріи, различныхъ законовъ даже по части международныхъ почтовыхъ сношеній. Большее приближеніе ихъ, однако, къ одному общему типу намѣчается какъ конечная, идеальная цѣль.

Кромѣ обширности, эта унія имѣетъ еще другую особенность: въ предѣлахъ ея существуютъ между ея членами еще частныя соглашенія, какъ бы *спеціальныя уніи* по тѣмъ или инымъ вопросамъ. Такихъ соглашеній всего шесть и они носятъ техническое названіе *arrangements* **).

На бернской конференціи Германія предложила, главнымъ образомъ, двоякую реформу почтоваго дѣла: установленіе однообразной таксы и допущеніе дароваго транзита писемъ. Большое разнообразіе по государствамъ въ платѣ за письма очень тормазило на практикѣ развитіе сношеній торговыхъ, промышленныхъ и частныхъ. На это давно уже жаловались и были сдѣланы съ разныхъ сторонъ попытки къ пониженію указанной платы. Бернскій договоръ создалъ единообразіе таксы для писемъ, отправляемыхъ за границу. Это былъ уже громадный шагъ впередъ.

Но свобода транзита не была допущена. Тутъ была назначена извѣст-

*) Этотъ союзъ простирается вполнѣ на Европу, Америку и Австралію, а внѣ его остаются лишь Китай и нѣкоторыя области Африки. Кромѣ Китая, и земли Азіи включены въ него.

**) Они касаются: обмѣна писемъ съ объявленной цѣнностью, обмѣна посылокъ безъ объявленія ихъ цѣны, переводовъ денегъ по почтѣ, подписки на журналы и т. д.

ная, неизмѣнная плата, но, все-таки, настолько умѣренная, что она не ложилась бременемъ на публику. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ реформъ, бернскій договоръ устранилъ еще нѣкоторыя другія препятствія въ дѣлѣ почтовыхъ сообщений и вообще облегчилъ сношенія между почтовыми вѣдомствами.

Какъ и телеграфный союзъ, почтовый управляется двоякаго рода актами: *конвенціею* и *регламентомъ*. Первая высказываетъ общія, основныя начала устройства почтоваго дѣла; второй заботится о проведеніи ихъ на практикѣ. Но, между тѣмъ какъ телеграфная конвенція, разъ окончательно выработанная, не подвергается переменамъ, почтовая, напротивъ, можетъ быть, какъ и регламентъ, измѣняема, смотря по желанію ея участниковъ и съ согласія большинства изъ нихъ. Кромѣ того, дѣло это оставлено, какъ было сначала, въ рукахъ дипломатовъ и не отдано въ исключительное завѣдываніе практиковъ.

Для просмотра и измѣненія бернской конвенціи созывалось нѣсколько конференцій: въ Парижѣ (1878 г.), Лиссабонѣ (85 г.) и Вѣнѣ (91 г.) *).

Не можетъ не показаться страннымъ, что Германія на бернской конференціи забыла предложить учрежденіе особаго органа, бюро, для задуманной ею униі. Пробѣлъ этотъ былъ восполненъ делегатомъ Бельгін (Vincent), который еще въ Парижѣ отстаивалъ идею такого органа для телеграфовъ. Предложеніе его нашло себѣ сочувствіе и въ Бернѣ, но съ оговоркою, чтобы предполагаемое бюро не было облечено «властью», а носило бы лишь «вспомогательный» характеръ для всѣхъ участниковъ.

Затѣмъ зашла рѣчь о мѣстѣ его пребыванія. Сначала въ этомъ отношеніи голоса делегатовъ раздѣлялись по-ровну между Бельгіею и Швейцаріею, но при второмъ голосованіи предпочтеніе было дано послѣдней, и въ Бернѣ, съ 15 сентября 1875 г., открыло свои дѣйствія *второе* международное бюро. Оно состоитъ изъ директора и шести чиновниковъ. Государства, смотря по величинѣ платимыхъ ими взносовъ на его содержаніе, раздѣляются на семь группъ. Высшій взносъ не превышаетъ 3,875 фр., меньшій достигаетъ 155 фр. Вообще же обыкновенныя его затраты доходятъ до 80,000 фр. въ годъ, но ему даютъ кредитъ на 125 тыс. фр.

Работы почтоваго бюро во многомъ напоминаютъ занятія телеграфнаго, но и представляютъ нѣкоторыя отличія. Оно служитъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ общихъ и правильныхъ сообщений правительствъ по ихъ взаимнымъ почтовымъ сношеніямъ. Но собственно ихъ внутреннія дѣла изъемяются изъ этой категоріи. Затѣмъ телеграфныя управленія различныхъ странъ, несмотря на существованіе бюро, продолжаютъ сноситься между собою нерѣдко прямо, въ отличіе отъ телеграфныхъ вѣдомствъ, которыя, не будучи по конвенціи къ этому обязаны, предпочитаютъ обращаться въ

*) О работахъ этой послѣдней см. обстоятельную статью Юнга (Jung): „Der Wiener Weltausstellungskongress“ въ *Schmoller's Jahrb. für Gesetzg. Verw. und Volksw. im Deutsch. Reich.*, 1892. II. I, S. 127—185. Авторъ указываетъ на послѣдовательное развитіе почтоваго союза и на литературу предмета.

этихъ случаяхъ къ услугамъ своего бюро. При помощи членовъ уніи бюро ведетъ правильную статистику почтового дѣла, издаетъ на трехъ языкахъ (нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ) ежемѣсячный спеціальный журналъ (*L'Union postale*) и съ послѣдней вѣнской конференціи заняты составленіемъ обширнаго словаря о почтовыхъ бюро всего міра (*Dictionnaire des Bureaux de Poste*). Но въ отличіе отъ своего собрата по телеграфу ему не поручено изданіе географическихъ картъ и общихъ тарифовъ. По желанію, почтовые вѣдомства могутъ къ нему обращаться съ просьбою производить между ними расчеты.

Таковы его обыкновенныя, постоянныя занятія. Кромѣ того, бюро должно дѣлать всѣ подготовительныя работы къ новымъ конференціямъ, которыя думаютъ созывать каждыя пять лѣтъ. На него возлагаютъ оказаніе разныхъ услугъ, которыя Муанье сводитъ къ тремъ группамъ: сообщеніе свѣдѣній, высказываніе юридически-мотивированныхъ мнѣній въ пререканіяхъ между сторонами и предварительное собраніе ихъ голосовъ по извѣстному данному вопросу.

Для насъ особенно интересна посредническая роль бюро. Первоначально Бельгія предлагала, чтобы спорящія стороны, до обращенія къ третейскому суду, обязательно выслушивали мнѣніе бюро, которое такимъ образомъ дѣлало бы серьезную попытку къ улаженію ихъ несогласія. Но подобное вмѣшательство въ ихъ споры органа, въ этомъ отношеніи безответственнаго, было найдено несовмѣстимымъ съ суверенитетомъ и достоинствомъ государствъ и поэтому замѣнено добровольнымъ для сторонъ обращеніемъ къ бюро. Тѣмъ не менѣе, къ нему стали прибѣгать охотно: доверяютъ его просвѣщенному безпристрастію и поэтому его мнѣнія обыкновенно кончаютъ споры сторонъ, которымъ, вслѣдствіе этого, не приходится обращаться къ третейскому суду, предусмотрѣнному въ качествѣ второй инстанціи почтовою конвенціей.

Не требуютъ ли экономическія соображенія сліянія обоихъ бюро, телеграфнаго и почтового? Такого рода предложенія доселѣ не имѣли успѣха. Да и нельзя не согласиться съ Муанье, что различная область ихъ дѣятельности требуетъ признанія ихъ обоюдной самостоятельности подъ надзоромъ телеграфнаго и почтового департамента Швейцаріи. «По отношенію къ почтовому дѣлу, — говоритъ нашъ талантливый публицистъ, — мы видимъ, хотя въ самой скромной сферѣ, осуществленіе идеи международнаго парламента, о которомъ мечтаютъ иногда писатели. Не задаваясь никакими претензіями, этотъ парламентъ въ литературѣ не остается въ бездѣйствіи: благодаря полученной имъ организаціи, онъ издаетъ постоянно новыя законодательныя нормы, не лишаящія, однако, значенія конференціи, которыя отъ времени до времени дополняютъ и сводятъ въ одно цѣлое его дѣла. Онъ является на практикѣ полезнымъ орудіемъ для проведенія реформъ, признанныхъ благовременными. Стоитъ надъ этимъ поразмыслить! Можетъ быть, внимательный наблюдатель найдетъ въ немъ зародыши организаціи, способной, при благопріятныхъ условіяхъ, къ широкому и плодотворному

развитію въ будущемъ. Удовольствуемся въ настоящее время указаніемъ на фактъ, что человѣчество этимъ дѣлаетъ первый шагъ на пути, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣетъ предъ собою великое будущее.

3) Третье, въ порядкѣ времени, соглашеніе между государствами, въ видахъ установленія уніи, состоялось относительно введенія общихъ *мѣръ и вѣсовъ*. Болѣе всего на необходимость этой мѣры указали всемірныя выставки. Благодаря имъ, свозилась на извѣстные рынки товары чуть ли не со всей земли, а, между тѣмъ, громадное разнообразіе въ оцѣнкахъ ихъ размѣровъ и вѣса дѣлало очень затруднительными всякіе сравненія и расчеты. Рѣшительно надо было въ основаніе ихъ положить какіе-либо опредѣленные и неизмѣнные единицы и типы. Послѣ долгихъ споровъ предпочтеніе было дано французской десятичной системѣ метра и килограмма. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія (1790—98) группа ученыхъ изъ различныхъ государствъ выработала прототипы этихъ единицъ, которые и были сданы на храненіе въ архивъ Франціи. Но каждый изъ иностранныхъ членовъ засѣдавшей тогда по этому дѣлу комиссіи увезъ для своего отечества точныя снимки съ прототиповъ. Въ 1855 г., при закрытіи международнаго статистическаго конгресса въ Парижѣ, зашла рѣчь объ учрежденіи спеціальнаго общества (ассоціаціи), которое стало бы вести пропаганду въ пользу принятія десятичной системы мѣръ, вѣсовъ и денегъ. За ту же идею высказалась въ 1867 г. геодезическая конференція въ Берлинѣ. Она спеціально рекомендовала метръ, какъ международную единицу, на томъ основаніи, что, изъ всѣхъ другихъ системъ, французская представляется наиболѣе удобопріемлемою съ научной и съ практической стороны. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, она нашла нужнымъ ходатайствовать предъ правительствами о порученіи международной комиссіи производства новыхъ образцовъ метра. Это, говорили, не должно быть какою-то монополіей лишь Франціи, но дѣломъ всѣхъ государствъ, принявшихъ метрическую систему. Съ своей стороны, Франція присоединилась къ этому воззрѣнію и созвала въ Парижѣ (въ авг. 1870 г.) метрическую комиссію. Но тогдашнія политическія событія прервали ея работы въ самомъ началѣ. Она возобновила ихъ лишь въ 1872 г. Двадцать девять правительствъ имѣли въ ней 47 представителей. Спеціальный, ею назначенный, комитетъ выработалъ подробный планъ предстоявшихъ ей занятій какъ научныхъ, такъ и административныхъ. Французское же отдѣленіе комиссіи сдѣлало образцы международныхъ прототиповъ съ помощью постояннаго комитета изъ 12 иностранныхъ членовъ.

Но это были только работы подготовительныя. Для того, чтобы правительства могли воспользоваться ихъ результатами, нужна была конференція изъ ихъ делегатовъ. Таковая и состоялась въ Парижѣ въ 1875 г. Она выработала метрическую конвенцію, которая и положила начало новой между государствами уніи *). Она располагаетъ, въ отличіе отъ другихъ подобныхъ

*) Въ составъ ея входятъ: вся Европа, въ Америкѣ: С. Штаты, Мексика, Перу, Венецуэла; въ Азіи: владѣнія Россіи и Турціи, Японія и въ Африкѣ: турецкія земли.

ей союзовъ, троякаго рода органами: двумя постоянными международными *бюро и комитетомъ мѣръ и вѣсовъ* и періодически созываемыми *конференціями*.

Международное бюро приступило къ своей дѣятельности съ 1876 г. Самый характеръ его занятій требовалъ особаго и удобнаго для него помѣщенія, которое и было предоставлено ему французскимъ правительствомъ въ Севрѣ, въ паркѣ Сен-Клу. Составленное изъ директора, двухъ помощниковъ и, смотря по надобности, изъ нѣсколькихъ чиновниковъ, оно призвано хранить международные прототипы метра и килограмма, производить сравненія и повѣрки съ ними національныхъ ихъ типовъ и исполнять порученія правительствъ и частныхъ лицъ по повѣркѣ масштабовъ и образцовъ, служащихъ для опредѣленія точности всякаго рода измѣреній.

Бюро это поставлено подъ надзоръ *международнаго же комитета мѣръ и вѣсовъ*, состоящаго изъ 16 делегатовъ различныхъ государствъ. Онъ собирается ежегодно въ Парижѣ въ сентябрѣ и сносится съ правительствами чрезъ посредство ихъ дипломатическихъ агентовъ, пребывающихъ въ этомъ городѣ. Онъ доставляетъ имъ ежегодные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ и о работахъ бюро. Смотра по средствамъ, бюро издаетъ свои ученые записки.

Наколенъ, по идѣѣ, должна собираться каждыя шесть лѣтъ *конференція* изъ представителей государствъ, принявшихъ это соглашеніе, но пока, влѣдствіе несогласій, таковая была созвана разъ въ 1889 г. Изъ 22 участниковъ 18 государствъ имѣли на ней своихъ делегатовъ.

Расходы на все это дѣло распределяются между государствами въ различной пропорціи, смотря по тому, введена ли въ нихъ метрическая система, или нѣтъ. Такъ, наприм., страны, не принявшія ее, какъ Россія и Данія, участвуютъ, однако, въ расходахъ на содержаніе бюро. Взносы колеблются между 13,751 и 202 фр. Неаккуратность въ ихъ уплатѣ препятствовала бюро производить всѣ нужныя затраты, особенно въ первый періодъ его устройства и когда оно было занято выработкой международныхъ образцовъ. Нынѣ дѣло это улучшилось: на него ассигнуется до 100,000 фр. въ годъ и оно состоитъ изъ восьми служащихъ.

Учрежденіе это показываетъ, что сами государства признали французскую метрическую систему наиболѣе цѣлесообразною, а заключенная ими въ 1875 г. конвенція облегчаетъ ея распространеніе въ страны, которыя доселѣ не приняли еще этой системы.

4) *Промышленный союзъ*, какъ и телеграфный, возникъ по почину Франціи. Въ виду успѣховъ промышленности въ наши дни и быстрого успѣшенія гражданскаго оборота вообще, заговорили о пользѣ такого союза еще въ семидесятыхъ годахъ. Но, какъ и въ другихъ областяхъ, попытки частныхъ лицъ и обществъ предшествовали усиліямъ правительствъ. На частномъ собраніи въ Вѣнѣ (1873 г.) промышленники признали въ соглашеніи правительствъ наиболѣе дѣйствительное средство для охраны ихъ интересовъ, которые до этого получали отъ мѣстныхъ національныхъ законовъ защиту, лишь ограниченную территоріей даннаго государства. То

же желаніе повторили они въ 1878 г. на сѣздѣ въ Парижѣ. При этомъ не безъ основанія было указано на только что возникнувшій тогда почтовый союзъ и на почтовую конвенцію, имъ управляющую, какъ на образецъ, удобный для подражанія. Созванная Франціей въ 1880 г., конференція въ Парижѣ выработала предварительный проектъ устройства занимающей насъ уніи. Она получила окончательное признаніе на второй парижской конференціи 1883 г. со стороны представителей 11 государствъ. Теперь въ составъ этого союза (*Union pour la protection de la propriété industrielle*) входятъ 16 государствъ *). Дальнѣйшія измѣненія въ регулирующихъ его нормахъ были произведены на конференціяхъ въ Римѣ (1886 г.) и Мадридѣ (1890 и 1891 гг.).

Промышленный союзъ ставитъ себѣ, прежде всего, такъ сказать, оборонительную цѣль: онъ стремится дать промышленнымъ предпріятіямъ и за отечественными ихъ границами взаимную охрану противъ всякаго рода посягательствъ. Для этого онъ признаетъ на всей территоріи союза одинаковую законную защиту за фабричными и торговыми марками и клеймами, различными моделями, патентами на изобрѣтеніе и т. д., независимо отъ того, принадлежать ли они подданнымъ конкретнаго государства, или же иностранцамъ. Это уже составило шагъ впередъ: конвенція 1883 г. не посягнула на законодательную автономію членовъ, вступившихъ въ предложенный ею союзъ, но выше этого она поставила принципъ взаимности между ними въ дѣлѣ охраны мѣстными судами промышленной собственности независимо отъ принадлежности ея тѣмъ или инымъ лицамъ. Но конвенція эта пошла и далѣе: она высказала, по отношенію ко всѣмъ контрагентамъ, нѣкоторыя общія, обязательныя для нихъ нормы и чрезъ это намѣтила болѣе объединеніе между самими законами государствъ въ этой области. Можно думать, что учрежденіе уніи усилитъ современемъ движеніе и въ эту сторону. Съ самаго начала, при ея обсужденіи, заговорили о необходимости для нея центрального, объединяющаго органа, безъ котораго она представлялась многимъ какъ бы тѣломъ безъ головы. По предложенію Франціи, органъ этотъ или новое бюро было учреждено также въ Бернѣ. Первоначально денежныя затрудненія тормазили его дѣятельность. Болѣе правильною стала она съ 1885 г., когда для завѣдыванія имъ назначили особое должностное лицо съ помощникомъ. На расходы его ассигнуется скромная сумма въ 60,000 фр. въ годъ. Нынѣ его соединили съ такимъ же органомъ литературнаго союза. Оба бюро занимаютъ одно и то же помѣщеніе въ Бернѣ и управляются тѣми же лицами сообща. Во главѣ ихъ не стоитъ даже особый директоръ, а лишь главный секретарь.

*) Въ Европѣ: Франція со всѣми своими колоніями, Англія безъ нихъ, но въ Австраліи къ нему присоединились: Новый Южный Валлисъ и Новая Зеландія, Италія, Испанія со своими владѣніями въ Азіи и Америкѣ, Нидерланды съ колоніями, Бельгія, Португалія безъ колоній, Швейцарія, Швеція и Норвегія, Румынія и Сербія. Въ Америкѣ: С. Штаты, Бразилія, Доминиканская республика и Гватемала. Такимъ образомъ, внѣ этого союза доселѣ стоятъ: Германія, Австрія, Россія и Турція.

Занятія промышленнаго бюро въ цѣломъ напоминаютъ дѣятельность другихъ, уже извѣстныхъ намъ, бюро: они состоятъ, главнымъ образомъ, въ изданіи на французскомъ языкѣ ежемѣсячнаго журнала *La Propriété industrielle*, въ сообщенія заинтересованнымъ лицамъ свѣдѣній, за которыми они къ нему обращаются, и въ веденіи правильныхъ списковъ (*enregistrement international*) всѣмъ вновь даваемымъ фабричнымъ знакамъ, а равно перемѣнамъ, которымъ подвергаются въ этомъ отношеніи торговые дома и промышленныя издѣлія. Это послѣднее обстоятельство значительно возвысило роль бюро, превративъ его изъ справочной инстанціи въ настоящее административное учрежденіе.

5) Вскорѣ за промышленнымъ союзомъ послѣдовало установленіе *литературнаго*: его вызвали къ жизни тѣ же потребности. Подобно промышленникамъ, труженики въ области мысли—авторы и художники—давно страдали отъ грубаго непризнанія за ними правъ на охрану ихъ произведеній. Были, правда, съ этою цѣлью въ нашемъ столѣтіи заключены нѣкоторые договоры, но они давали защиту далеко не полную и отрывочную и не устраняли пробѣлы и противорѣчія, существующіе, на этотъ счетъ, въ положительныхъ законодательствахъ.

Новый оборотъ къ лучшему получило все дѣло съ учрежденія въ Парижѣ (1878 года) *международной литературной ассоціаціи*, поставившей себѣ цѣлью: «отстаивать и распространять во всѣхъ странахъ принципы умственной собственности и для этого изучать существующія международныя конвенціи и работать надъ ихъ улучшеніемъ». Въ 1883 г. члены ея, собравшись въ Бернѣ, составили проектъ общей между государствами литературной конвенціи, который, однако, лишь отчасти выразилъ всѣ ихъ желанія и стремленія по этой части. Благоразумно не мечтали о проведеніи всей реформы заразъ и оставляли многое на долю будущаго.

Послѣ этого первоначальнаго фазиса слѣдовало сдѣлать второй шагъ и обратиться къ содѣйствію правительствъ. По просьбѣ названнаго общества, это сдѣлала Швейцарія, созвавшая первую, но приготовительную дипломатическую конференцію въ Бернѣ (1884 г.). Выработанный послѣднею проектъ конвенціи тщательно подвергся еще просмотру на бернской же конференціи слѣдующаго года и принятъ окончательно лишь въ 1886 г. на третьемъ съѣздѣ дипломатовъ въ томъ же городѣ. Возникшій, такимъ образомъ, союзъ (*Union internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques*) отличается болѣе скромными размѣрами, сравнительно съ своими предшественниками: онъ соединяетъ пока 11 государствъ съ населеніемъ въ 500 милл. жителей *). Въ предѣлахъ его устанавливается полное равенство между природными подданными извѣстнаго государства и иностранцами, подвластными членамъ уніи. Собственностью литературною въ конвенціи признаются: «книги, брошюры и всякія иныя изданія; произве-

*) Его приняли: Германія, Англія, Франція и Испанія съ ихъ колоніями, Італія, Бельгія, Швейцарія, Люксембургъ, Монако, Гаити и Либерія.

денія драматическія, музыкальныя со словами или безъ нихъ; рисунки, картины, изваянія; литографіи, иллюстраціи, географическія карты; различные планы и пластическія работы, относящіяся къ географіи, топографіи, архитектурѣ и къ наукамъ вообще,—словомъ, всё произведенія изъ области литературы, наукъ и искусствъ, независимо отъ способа ихъ созданія и изданія въ свѣтъ».

Талантливый представитель Швейцаріи, Нюма Дрозъ, послѣдовательно предсѣдательствовавшій на трехъ бернскихъ конференціяхъ, такъ резюмируетъ дѣло, ими достигнутое: «Послѣ факта созданія самой уніи, онѣ устранили безчисленныя формальности, которымъ подвергался авторъ, желавшій повсюду охранить свое произведеніе; отмишили трехлѣтній срокъ, обязательный для переводовъ, чтобы пользоваться законною защитой; онѣ, да-лѣе, объединили постановленія, касающіяся права извлеченія и перепечатаванія статей изъ журналовъ и газетъ; даровали формальную охрану произведеніямъ драматическимъ и драматико-музыкальнымъ; подвели подъ общее понятіе контрафакціи всё тѣ различные бездарныя передѣлки чужихъ произведеній, которыя, хотя косвенно, но вѣроломно, лишаютъ авторовъ послѣднихъ слѣдуемыхъ имъ вознагражденій; онѣ создали ясныя и точныя условія для начатія противъ виновныхъ судебныхъ преслѣдованій; признали формально возможность между государствами болѣе тѣсныхъ, ограниченныхъ союзовъ и установили для общаго ихъ союза особый, объединяющій ихъ органъ въ *международномъ бюро*.

Бюро это, опять по предложенію Франціи, учреждено въ Бернѣ (съ 1 января 1888 г.) и, какъ замѣчено выше, слито съ промышленнымъ бюро. Оба поставлены подъ надзоръ швейцарскаго департамента иностранныхъ дѣлъ и состоятъ изъ главнаго секретаря и трехъ его помощниковъ. Специально литературное бюро тратитъ въ годъ не болѣе 20 тыс. франковъ, хотя и располагаетъ кредитомъ въ 60 тыс. Наивысшій взносъ государствъ въ пользу его 3,650 фр., наименьшій — 375. Бюро издаетъ ежемѣсячный журналъ *Le Droit d'auteur*, въ которомъ печатаются какъ обозрѣнія движенія законодательства, такъ и чисто-научныя работы. Оно призвано болѣе всего заботиться объ улучшеніи и распространеніи нормъ, положенныхъ въ основу уніи, а равно стремиться къ объединенію законодательствъ въ вопросѣ объ охранѣ авторскаго права. Для этого оно слѣдитъ за проявленіями общественнаго мнѣнія и собираетъ судебныя рѣшенія, бросающія свѣтъ на примѣненіе литературной конвенціи и указывающія заинтересованнымъ на тѣ опасности, которыхъ имъ должно избѣгать.

6) Въ годъ установленія литературнаго союза (1886) припала окончательную форму и *международная ассоціація по геодезии*. Цѣль этого соединенія—чисто-научная: на товарищескихъ началахъ производить измѣренія нашей планеты. Но тутъ интересно прослѣдить, какъ съ перенесеніемъ на болѣе широкую почву—международную—самыя изслѣдованія росли по своимъ цѣлямъ и объему. Первый толчокъ къ возникновенію занимающаго насъ теперь общества далъ извѣстный прусскій математикъ Байеръ: въ

циркулярномъ обращеніи къ нѣкоторымъ правительствамъ онъ предлагалъ имъ учредить общество, которое цѣлью своею имѣло бы не совершать обща работы по изученію формы и размѣровъ земли, а установить для нихъ общій, опредѣленный планъ и затѣмъ сравнивать и соединять въ одно цѣлое результаты, добытые усиліями каждаго. Подъ его предсѣдательствомъ засѣдала, въ 1864 г., конференція въ Берлинѣ изъ делегатовъ 14 государствъ. Было рѣшено удовольствоваться на первыхъ порахъ измѣреніями лишь центральной Европы. Тогда же новой ассоціаціи были приданы: «постоянная коммиссія», которая должна была руководить всеѣмъ дѣломъ съ научной стороны, и «центральное бюро», въ качествѣ ея органа. Независимо отъ этихъ установленій была предусмтрѣна еще общая конференція изъ всеѣхъ участниковъ, имѣвшая собираться каждыя три года. На сѣздѣ 1867 г. ассоціація не только приняла въ свою среду нѣсколько новыхъ членовъ, но и рѣшила распространить свои занятія на всю Европу. Сѣздъ же этотъ высказался за повсемѣстное введеніе метрической системы и за учрежденіе международнаго бюро мѣръ и вѣсовъ.

На конференціи въ Берлинѣ же 1886 г. ассоціація получила, какъ сказано, окончательную свою организацію. Она рѣшила уже теперь распространить свои работы на поверхность всей земли, и хотя согласилась на присоединеніе своего бюро къ прусскому геодезическому институту, но заняла болѣе независимое мѣсто по отношенію къ странѣ ея первоначальнаго возникновенія. Это было достигнуто болѣе всего дарованіемъ ей самостоятельныхъ финансовыхъ средствъ. Постоянная коммиссія, увеличенная въ составѣ, сносится съ правительствами чрезъ ихъ уполномоченныхъ въ Берлинѣ. Бюро же, въ силу даннаго ему регламента, обязано: завѣдывать архивомъ, библіотекой и коллекціями ассоціаціи, собирать работы отдѣльных ея членовъ и помогать въ составленіи ежегодныхъ о нихъ отчетовъ; въ случаѣ нужды, представлять систематическіе обзоры занятіямъ ассоціаціи; вести переговоры между ея членами, чтобы придать этимъ работамъ по геодезіи и астрономіи научное единство; наконецъ, слѣдить за успѣхами науки по своей спеціальности для того, чтобы отвѣчать на все запросы, которые могутъ быть ему сдѣланы въ этомъ отношеніи со стороны ли коммиссіи, или конференціи.

Такимъ образомъ, бюро сдѣлано главнымъ исполнительнымъ ядромъ ассоціаціи. Директоромъ его назначенъ директоръ вышеназваннаго прусскаго института, но въ помощники ему данъ главный секретарь съ довольно независимымъ положеніемъ. На содержаніе бюро ассигновано по 20,000 фр. въ годъ.

Отмѣтимъ еще особенность настоящей ассоціаціи *): по существу своему она временнаго характера; предполагаютъ, что повѣренныя ей работы будутъ окончены въ 1896 г. и тогда она прекратится.

7) Совершенно инымъ, чисто-практическимъ характеромъ отличается слѣ-

*) Нынѣ къ ней приступило 27 государствъ.

дующая *унія по обнародованію таможенныхъ тарифовъ* (Union internationale pour la publication des tarifs douaniers), установленная на брюссельской конференціи 1890 г. Еще до нея нѣкоторые правительства, въ интересахъ торговли, стали печатать официальные свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ во всѣхъ странахъ. Это уже былъ большой шагъ впередъ сравнительно съ прежними, *частными*, по этимъ вопросамъ изданіями, но бельгійское правительство вполне вѣрно указало на недостаточность и сборниковъ, печатаемыхъ отдѣльными правительствами врознь: они часто страдали неполнотою, противорѣчіями, запаздывали своимъ появленіемъ и т. п. Одинъ и тотъ же таможенный тарифъ, опубликованный въ различныхъ странахъ и переводахъ, представлялъ далеко не всегда согласные между собою списки; далѣе, заинтересованныя въ этомъ лица не получали въ-время свѣдѣній о сдѣланныхъ въ этихъ тарифахъ измѣненіяхъ. Все это вносило въ торговые операціи путаницу и неувѣренность, отъ которыхъ промышленный классъ непременно хотѣлъ избавиться.

Указанныя явленія навели бельгійское правительство на мысль создать, съ помощью всѣхъ заинтересованныхъ правительствъ, международное бюро въ Брюсселѣ, которое переводило бы и издавало на главныхъ языкахъ, по мѣрѣ ихъ появленія, всѣ таможенные тарифы міра, со всѣми относящимися къ нимъ потомъ измѣненіями. Для этого, по его мнѣнію, было бы достаточно придать только международный характеръ подобному, уже введенному въ Брюсселѣ, учрежденію по переводу иностранныхъ тарифовъ и которое оказалось для торговыхъ людей весьма полезнымъ. Выработавъ для предполагаемаго бюро проекты конвенціи и регламента, бельгійское правительство созвало для ихъ разсмотрѣнія первую конференцію въ Брюсселѣ въ мартѣ 1888 г. На приглашеніе его откликнулись 25 государствъ и колоній, что свидѣтельствовало о соотвѣтствіи его потребностямъ времени. Но эта сравнительная малочисленность собранія (ибо бельгійскій проектъ получилъ тогда же въ принципѣ одобреніе со стороны 72 государствъ и автономныхъ колоній) была причиною того, что оно удовольствовалось лишь предварительною работою, которую сначала думали возобновить чрезъ полгода. Въмѣсто того, протекли два года, когда въ томъ же городѣ состоялось второе собраніе, которое и привело къ желанной цѣли. Предсѣдательствовавшій на этой конференціи баронъ Ламбермонъ, самъ сторонникъ свободной торговли, не скрывалъ тогда своего мнѣнія, что несравненно болѣе желательнымъ представляется совершенное упраздненіе таможенъ; но такъ какъ подобной реформы придется ждать еще долго, то и надо довольствоваться мѣрами достижимыми и позаботиться о доставленіи лицамъ, ведущимъ международную торговлю, всѣхъ необходимыхъ имъ свѣдѣній о таможенныхъ законахъ разныхъ странъ.

Такъ возникла занимающая насъ теперь унія. Органомъ ей было дано бюро, которое, подъ наблюденіемъ бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, открыло свои дѣйствія со 2 апрѣля 1891 года. Его не помѣстили, какъ его собратій, въ Швейцаріи по прямому заявленію Бельгій. «Страпа

наша,—сказалъ ея представитель,—ни въ комъ не можетъ вызвать недо-
вѣрія. Она также по преимуществу очагъ мира. Въ политическомъ отношеніи
ее болѣе всего характеризуетъ нейтралитетъ и она всегда пребывала вѣрна
этому принципу. Это не значитъ, чтобъ она относилась безучастно къ мир-
ной борьбѣ народовъ въ области мысли, но, среди нихъ всѣхъ, она стоитъ
въ первомъ ряду между тѣми, которые процвѣтаютъ промышленностью и
торговлей. Вотъ почему ей хотѣлось бы предложить у себя гостепріимство
учрежденію, призванному оказать такую пользу всемірной торговлѣ».

Конференція съ полною охотой согласилась на это желаніе. Главное
занятіе бюро—изданіе своего бюллетеня (*Bulletin international des dou-
anes*) на пяти языкахъ: французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ
и испанскомъ. Современемъ, если его средства дозволятъ, къ этимъ язы-
камъ могутъ быть присоединены и другіе. По финансовымъ соображеніямъ
ограничено право дѣлать переводы или извлеченія изъ этого изданія, а так-
же пользованіе имъ обусловлено предварительнымъ вступленіемъ въ унию.
Это условіе само по себѣ лишаетъ послѣднюю всей той пользы, которую
она сама по себѣ могла бы принести для всѣхъ на практикѣ. Но, вѣроят-
но, всѣ цивилизованныя страны не замедлятъ вступить въ нее и уже те-
перь изъ нихъ присоединилось 51.

Для работъ бюро каждая изъ нихъ обязана представлять ему въ двухъ
экземплярахъ изданные ею таможенные законы и тарифы, различныя рас-
поряженія и инструкціи чиновникамъ въ дѣлѣ ихъ примѣненія и толкова-
нія, наконецъ, заключенные ею торговые договоры. Всѣ эти документы
должны быть сообщаемы безотлагательно и по послѣдней редакціи.

На содержаніе этого бюро ассигновано 125 тыс. фр. въ годъ. Предсѣ-
дателемъ его назначенъ директоръ департамента торговли и консульствъ,
который и сносится съ правительствами. Ему въ помощники даны секретарь
и десять переводчиковъ, изъ которыхъ пять присланы иностранными пра-
вительствами. Брюссельская конвенція 1890 г. заключаема, въ видѣ опыта,
на семь лѣтъ. Затѣмъ она можетъ быть молчаливымъ согласіемъ продол-
жена снова на такой же срокъ. Впрочемъ, улучшенія въ ней допустимы
всегда, но съ общаго лишь согласія.

Само собою разумѣется, что дѣло, ею начатое, въ интересахъ торговаго
сословія, можетъ быть продолжено и расширено въ различныхъ еще на-
правленіяхъ: такъ, раздаются голоса о помѣщеніи въ вышеназванномъ бюл-
летенѣ свѣдѣній: о желѣзно-дорожныхъ тарифахъ, о судовыхъ и портовыхъ
сборахъ, статистическія данныя о вывозѣ и ввозѣ во всѣхъ странахъ и
проч. Все это, значительно расширивъ программу названнаго изданія, по-
требовало бы, конечно, новыхъ немаловажныхъ затратъ, но можно надѣ-
яться, что современемъ силою вещей дѣятельность бюро разнообразится
и усилится въ указанныхъ направленіяхъ, ради блага міроваго торговаго
оборота *).

*) Въ обѣ послѣднія униі вступила также и Россія.

8) Въ томъ же году (1890 г.) возникъ еще *союзъ*, также предназначенный служить цѣлямъ торговли: *железно-дорожный по перевозкѣ товаровъ*. Состоялся онъ благодаря усиліямъ Швейцаріи, но послѣ долгихъ предварительныхъ переговоровъ и споровъ. Конвенціи 1890 г., его установившей, предшествовало не менѣе трехъ предварительныхъ конференцій въ Бернѣ (1878, 1881 и 1886 гг.). «Когда мы взялись за это дѣло,—пишетъ одинъ изъ его швейцарскихъ иниціаторовъ Сеньё,—мы не приняли въ расчетъ рутину, всегда столь трудно устранимую, противодѣйствія со стороны железнодорожныхъ обществъ и разнообразныя затрудненія, вытекающія изъ вторженія политики въ область торговыхъ вопросовъ». Но надъ всѣми этими препятствіями правое дѣло и настойчивость одержали подъ конецъ верхъ.

Состоявшееся въ 1890 г. соглашеніе между *девятью* правительствами *) цѣлью своею ставитъ: положить конецъ безчисленнымъ столкновеніямъ, которыя возникали между товаро-отправителями и правленіями желѣзныхъ дорогъ различныхъ странъ влѣдствіе разнообразія ихъ законовъ. Отсюда происходило на практикѣ множество неудобствъ: часто не знали, какой даже законъ примѣнить къ данному случаю, кто долженъ былъ отвѣчать за порчу товаровъ или за промедленіе ихъ доставки, особенно если они проходили чрезъ нѣсколько территорій. Такою же неустойчивостью страдала и судебная практика. Стороны же каждая по-своему толковали свои права и обязательства и отъ всей этой путаницы не мало страдали интересы торговыхъ людей.

Бернская конвенція кладетъ всему этому конецъ: она создаетъ для сторонъ *одинъ общій законъ*, а въ случаѣ несогласій между ними указываетъ имъ на опредѣленный *судъ* **). Затѣмъ она устанавливаетъ *центральное* агентство или *бюро* въ Бернѣ для завѣдыванія международною перевозкой товаровъ (*Office central des transports internationaux*). Оно еще не открывало своихъ дѣйствій, но на него разсчитана сумма въ 100 тыс. фр. въ годъ, имѣющая быть разложена между государствами, сообразно съ числомъ километровъ тѣхъ желѣзно-дорожныхъ путей, которыя они предоставляютъ на своей территоріи для международного транзита.

Троякаго рода дѣла возлагаются на это бюро: оно собираетъ всѣ свѣ-

*) Германіи, Австріи, Россіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Бельгіи и Люксембурга. Въ этого союза, такимъ образомъ, остаются страны европейскихъ полуострововъ, но, вѣроятно, и онѣ, въ собственныхъ интересахъ, не замедлятъ къ нему примкнуть.

**) Въ частности ею устанавливаются: однообразное провозное свидѣтельство даже въ случаѣ транзита товаровъ чрезъ нѣсколько территорій; общія правила по вопросу объ ихъ принадлежности во время пути; объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ и возмѣщеніи убытковъ въ случаѣ ихъ порчи, утраты и т. д.

Обстоятельное по всему этому вопросу сочиненіе: *Schwab: „Das internationale Uebersinkommen über den Eisenbahn-Frachtverkehr“* 1891. Въ первой части: историческій очеркъ бернскихъ переговоровъ; третья посвящена международному бюро. Ср. еще статью *Poinsard: „Des transports internationaux par chemins de fer“* (*ib. Journ. du Dr. intern. privé* 1892, p. 33—55).

дѣнія, важныя для международныхъ транспортовъ и которыя ему будутъ доставлены отъ правительствъ или отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ *); оно разсматриваетъ и рѣшаетъ споры, могущіе возникнуть между правленіями желѣзныхъ дорогъ по поводу отправки и перевозки товаровъ, частью облегчая денежные между ними расчеты, частью дѣйствуя въ качествѣ третейскаго судьи, по желанію сторонъ; наконецъ, оно беретъ на себя подготовительныя работы къ новымъ конференціямъ, которыя должны созываться каждые три года (или чаще, по требованію четвертой части членовъ уніи).

9) Намъ остается теперь разсмотрѣть послѣднюю группу въ ряду занимающихъ насъ международныхъ органовъ, именно тѣ бюро, которыя предусмотрены *брюссельскимъ актомъ* 2 іюня 1890 г. Какъ извѣстно, этотъ актъ явился результатомъ продолжительныхъ переговоровъ, которые вели между собою на брюссельской конференціи представители 17 государствъ, съ цѣлью установить наиболѣе дѣйствительныя средства для прекращенія въ Африкѣ торговаго неграми. Государства не пожелали, въ этихъ видахъ, заключить между собою настоящий союзъ, — о чемъ нельзя не пожалѣть, — но они составили обширный *актъ*, объединяющій ихъ усилія въ борьбѣ съ указаннымъ зломъ, и создали, для болѣе успешности этой борьбы, нѣкоторыя *органы*, весьма схожіе съ тѣми, которые мы разсматривали доселѣ. Особенность ихъ Муанье видитъ въ томъ, что они преслѣдуютъ интересы не матеріальныя, какъ остальные бюро, а чисто-гуманныя, нравственныя. Это придаетъ имъ, въ его глазахъ, первенствующее мѣсто среди всѣхъ коллективныхъ учрежденій цивилизованныхъ народовъ.

Брюссельскій актъ устанавливаетъ двоякаго рода органы: *морское международное бюро*, имѣющее пребывать въ Занзибарѣ, для того, чтобы быть ближе къ театру борьбы съ работорговлею. Каждое изъ договорившихся государствъ можетъ назначить въ него своего делегата и оно считается установившимся, когда три правительства это сдѣлаютъ. Выработанный имъ регламентъ о его дѣлопроизводствѣ подлежитъ утвержденію правительствъ, которыя поровну участвуютъ въ издержкахъ на его содержаніе. Бюро цѣлью своею имѣетъ: сосредоточивать въ своихъ рукахъ всѣ документы и свѣдѣнія, способствующіе скорѣйшему подавленію торговли чернокожими въ Африкѣ, въ Индійскомъ океанѣ, въ Персіи и Аравіи. Для этого правительства обязываются препровождать ему извѣстные документы, для которыхъ вводится одна опредѣленная форма. Бюро открываетъ свой архивъ и сообщаетъ всѣ нужныя свѣдѣнія командующимъ военными кораблями или инымъ тамошнимъ властямъ государствъ-участниковъ.

Нечего и говорить о пользѣ такого учрежденія: оно чрезвычайно облегчаетъ и ускоряетъ всякія сношенія по дѣлу, для котораго оно создается. Бюро составляетъ ежегодные отчеты о своей дѣятельности. Если пред-

*) Нынѣ бернская конвенція примѣнима къ 83 желѣзно-дорожнымъ линіямъ длиною въ 155 тыс. километровъ.

ставится въ томъ нужда, открываются другія такія бюро, *вспомогательныя*, вдоль побережій Краснаго моря. Кромѣ этого бюро, державы рѣшили учредить еще другое, *спеціальное*, въ Брюсселѣ, которое, поставленное въ зависимость отъ министерства иностранныхъ дѣлъ Бельгіи, должно служить для державъ мѣстомъ обмѣна слѣдующихъ документовъ: всѣхъ законовъ и распоряженій, изданныхъ ими въ исполненіе брюссельскаго акта, а равно статистическихъ данныхъ о числѣ задержанныхъ и освобожденныхъ невольниковъ, о торговлѣ огнестрѣльнымъ оружіемъ и спиртными напитками въ ихъ африканскихъ владѣніяхъ. Въ это же бюро посылаются отчеты бюро занзибарскаго. Желательно, чтобы всѣ указанные документы стали доступны не только государствамъ, подписавшимъ брюссельскій актъ, но и тѣмъ многочисленнымъ обществамъ ученыхъ и миссіонеровъ, которыя ведутъ въ наши дни столь энергичную борьбу за освобожденіе и просвѣщеніе несчастной черной расы.

Англійское правительство хотѣло придать бюро въ Брюсселѣ болѣе активный и международный характеръ: поставить во главѣ его административный совѣтъ, составленный изъ представителей въ Бельгіи тѣхъ государствъ, которыя, подписавъ брюссельскій актъ, пожелали бы въ немъ участвовать. Онъ назначалъ бы остальныхъ членовъ брюссельскаго бюро и, собираясь не менѣе двухъ разъ въ годъ, завѣдывалъ бы административнымъ и финансовымъ контролемъ надъ бюро занзибарскимъ и подвѣдомственными ему учрежденіями. Конференціи брюссельской этотъ проектъ пришелся не по вкусу: она выразила опасеніе, чтобы указываемый совѣтъ не присвоилъ себѣ права вмѣшательства въ дѣйствія правительствъ и тѣмъ не вызвалъ разныя между ними недоразумѣнія. Но въ принципѣ она одобрила мысль такого учрежденія, высказавшись, въ протоколѣ, за его введеніе современемъ, «когда державы съ общаго согласія, по обстоятельствамъ, признаютъ это благовременнымъ».

Бюро, учреждаемая брюссельскимъ актомъ, не могли еще приступить къ своей дѣятельности потому, что, сверхъ ожиданія, затянулась сама ратификація, со стороны правительствъ, этого акта. Французская палата, отсрочивъ ея утвержденіе послѣ бурныхъ преній въ іюнѣ прошлаго года, дала его, наконецъ, 22 декабря, но подъ условіемъ опущенія въ немъ нѣкоторыхъ важныхъ статей.

II.

Къ какимъ же *общимъ выводамъ* приводитъ насъ изученіе современныхъ международныхъ уній и ихъ органовъ? Прежде всего, должно отмѣтить тотъ фактъ, что они возникли какъ бы сами собою подъ напоромъ жизненныхъ потребностей, а не въ угоду какой-либо предвзятой теоріи. Составленные не по плану, напередъ начертанному, и безъ всякой пока между собою связи, они представляютъ собою, однако, говорить Муанье, указанія на приготавливающуюся въ будущемъ важную реформу обществен-

наго строя. Исторія показываетъ намъ, какъ человѣчество, въ своемъ группированіи, послѣдовательно переходило отъ семьи къ роду и далѣе—къ народу. Нынѣ, какъ будто, достигнувъ сознанія самого себя, оно проявляетъ склонность продолжать это восхожденіе, и вотъ начинаетъ понемногу принимать внѣшнія формы идея, что *все люди связаны между собою нѣкоторою солидарностью и призваны содѣйствовать общему всѣхъ благу*. Условія современной жизни энергично толкаютъ ихъ на этотъ путь, чему не мало содѣйствуютъ также блестящіе результаты, которыхъ достигаютъ соединенія частныхъ лицъ, направленные къ утилизованію живыхъ силъ нашей планеты. Государства захотѣли имъ въ этомъ подражать и также соединились для болѣе успѣшнаго достиженія нѣкоторыхъ собственныхъ цѣлей. За это ихъ нельзя порицать, лишь бы постепенно совершался этотъ ихъ переходъ отъ изолированности къ общенію.

Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи бояться, кажется, нечего: государства, заключая перечисленные нами уніи, всегда ревниво оберегали свои верховныя права и привилегіи; созданные ими органы этихъ уній суть, главнымъ образомъ, справочныя бюро, которыя лишь извѣстною, точно опредѣленною стороною объединяютъ въ своихъ рукахъ повѣренное имъ дѣло. Но и въ этой узкой пока сферѣ они успѣли оказать пользу, и по многимъ указаніямъ можно предположить, что ихъ дѣятельность и компетенція призваны расширяться.

Но уже теперь, каждый по своей части, они работаютъ не на одно какое-либо государство, а на всѣхъ участниковъ въ данной уніи. Служащіе въ этихъ бюро не состоятъ поэтому на жалованьи одного извѣстнаго правительства, а являются *международными должностными лицами*, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Правительства доселѣ боялись предоставить имъ какое бы то ни было подобіе власти. Съ этимъ еще можно согласиться въ виду новизны и трудности дѣла, но гораздо менѣе слѣдуетъ одобрить ихъ опасеніе дать имъ нѣкоторую, въ области ихъ специальности, юрисдикцію. Особенно для роли добровольныхъ третейскихъ судей они должны быть признаны подходящими, и, какъ мы видѣли выше, кое-что въ этомъ отношеніи уже допущено. Но этого далеко недостаточно: международныя бюро стануть вполне понятны какъ завязи будущей не только *международной организациі*, но и *юстиціи*. Муанье, повидимому, не прочь отъ мысли, что современемъ имъ удастся пробить стѣну, за которою все еще укрывается, по судебнымъ дѣламъ, абсолютное верховенство государствъ, и проложить дорогу тому высшему международному суду, который вѣдалъ бы ихъ споры и несогласія.

Но, даже не забѣгая въ будущее, можно безъ преувеличенія допустить, что бюро эти, съ одной стороны, какъ сказано, распространяютъ свою дѣятельность на инныя, смежныя области; съ другой—будутъ поставлены въ извѣстныя между собою соотношенія и связь и чрезъ это, быть можетъ, окажутся немаловажнымъ средствомъ противодѣйствія международной анархіи. Такъ, наприм., желѣзно-дорожное бюро могло бы заняться и перевозкою

лицъ, а не только товаровъ; дѣятельность бюро телеграфнаго и почтоваго была бы послѣдующими конвенціями расширена и т. д.

Хотя изучаемыя нами уніи, какъ замѣчено, въ дѣйствительности ограничены извѣстнымъ числомъ государствъ, но по своимъ цѣлямъ онѣ *универсальны*, къ нимъ постоянно присоединяются новые члены и собственно внутреннему ихъ росту не представляется, съ точки зрѣнія самого дѣла, никакихъ предѣловъ. Уже теперь телеграфный союзъ универсаленъ и за нимъ, вѣроятно, скоро послѣдуютъ другіе по тому же пути.

Не по всѣмъ соглашеніямъ государства дозволили себѣ роскошь учрежденія особыхъ для нихъ органовъ, но примѣры успѣшныхъ дѣйствій существующихъ побуждаютъ ихъ скорѣе къ умноженію ихъ числа: такъ, еще на конференціи въ Лозаннѣ (1877 г.) было заявлено о необходимости такого бюро для совмѣстной борьбы противъ филексеры; существующій въ Женевѣ комитетъ «Краснаго Креста» долженъ бы превратиться изъ частнаго и мѣстнаго учрежденія въ официальное и международное.

Съ другой стороны, государства учредили по нѣкоторымъ вопросамъ и особые органы для совмѣстной дѣятельности, которую они согласились регулировать особымъ актомъ, безъ вступленія, однако, для этого въ унію: примѣръ тому мы видимъ на брюссельской конвенціи 1890 г. относительно борьбы съ работоторговлею.

Наконецъ, уже теперь намѣчено нѣсколько предметовъ, для которыхъ учрежденіе *новыхъ уній* найдено желательнымъ. Еще въ 1874 г. международная санитарная коммиссія въ Вѣнѣ высказалась за постоянную подобную коммиссію, которая изучала бы эпидеміи и специально холеру и располагала бы особымъ бюро. Мысль эта получила дальнѣйшее практическое движеніе лишь на-дняхъ, на международной санитарной конференціи въ Венеціи, созванной по почину Италіи. Институтъ международного права на послѣдней своей сессіи въ Гамбургѣ (осенью 1891 г.) указалъ на необходимость для государствъ заключить унію съ цѣлью планомѣрнаго и своевременнаго обнаруженія ихъ договоровъ и конвенцій, такъ какъ существующіе сборники ихъ трактатовъ страдаютъ многими существенными недостатками. Унія эта тоже имѣла бы свое издательское бюро, которое Швейцарія напередъ уже согласилась пріютить у себя въ Бернѣ. Было, кромѣ того, указано на желательность центральныхъ агентствъ для выработки, общими усилиями правительствъ и частныхъ лицъ, возможно полной *международной библіографіи* по извѣстному, единому плану, для собиранія и печатанія всѣхъ документовъ, касающихся *выдачи преступниковъ*, для улучшенія *быта рабочихъ* и проч.

Достойно еще вниманія, что бюро съ умѣньемъ и тактомъ несутъ возложенныя на нихъ обязанности. Хотя роль ихъ въ цѣломъ скромна, но и она почтенна и полезна. Какъ посетителямъ новыхъ потребностей и идей, имъ приходится не безъ труда прокладывать себѣ новый неторный путь. Какъ удивились бы наши отцы, замѣчаетъ Муанье, если бы кто-нибудь заговорилъ съ ними объ органахъ международного управленія! Они просто не

поняли бы этого, ибо, по ихъ воззрѣніямъ, *коллективная дѣятельность правительствъ* проявлялась лишь временно, въ виду мимоходящихъ интересовъ, но не могла быть *постоянною и организованною* въ тѣ эпохи, когда народы замыкались въ своемъ индивидуализмѣ и слѣпо вѣрили въ ученіе о предполагаемомъ антагонизмѣ ихъ взаимныхъ интересовъ.

Не безъ основанія родина автора признана излюбленнымъ мѣстопребываніемъ этихъ бюро: изъ девяти *пять* помѣщаются въ Бернѣ. Этому содѣйствуютъ не только ея нейтрализованное, замиренное положеніе, но и уваженіе, питаемое къ прочности ея политическихъ учреждений, и самое расположеніе ея на рубежѣ германскаго и романскаго міра народовъ. Въ ея привольныхъ долинахъ не безъ основанія весело праздновали недавно шестисотлѣтіе существованія этой небольшой, но столь интересной страны, болѣе всего гордящейся тѣмъ, что она — пріютъ свободы и мира. Въ свою очередь эти бюро придаютъ ей новую цѣну и устойчивость: къ соображеніямъ политическимъ и военнымъ въ пользу ея нейтралитета они присоединяютъ новые экономическіе и нравственные, которые отнынѣ также, во имя блага Европы, будутъ требовать неприкосновенности ея территоріи. Послѣ Швейцаріи Бельгія является вторымъ, естественнымъ также центромъ для международныхъ учреждений и собраній всякаго рода. Какъ извѣстно, въ ней пребываніе имѣютъ *два* изъ разобранныхъ пяти бюро.

«Общее значеніе уній, которыя еще такъ недавно вступили въ жизнь и, вѣроятно, имѣютъ предъ собою блестящее будущее, лежитъ въ томъ благотворномъ вліяніи, которое онѣ не преминутъ оказать на укрѣпленіе мира вообще. Исходною ихъ точкой служить мысль о томъ, что всѣ цивилизованные народы должны быть между собою связаны, какъ члены одной семьи, но и кромѣ того онѣ приучаютъ ихъ къ *общей работѣ для достиженія лучшихъ, положительныхъ результатовъ*. Уніи стремятся къ облегченію сношеній между подданными различныхъ государствъ, ихъ членовъ, а чрезъ это онѣ устраняютъ между ними не мало поводовъ къ столкновеніямъ и даже затрудняютъ обращеніе къ войнѣ. Конференціи, на которыхъ онѣ обсуждаются и составляются, являются хорошою школой международной вѣжливости и уступчивости. Всѣ отправляются на нихъ съ желаніемъ до чего-нибудь договориться, и это обыкновенно удается, ибо на нихъ сильнѣйшій не предписываетъ свою волю слабѣйшему, а, напротивъ, господствуетъ равенство между большими и малыми, и поэтому взаимныя уступки, поскольку онѣ разумны, дѣлаются легко. Отголоски такихъ братскихъ сношеній разносятся далеко и въ значительной степени содѣйствуютъ разсѣянію предразсудковъ, поддерживающихъ недовѣріе между нѣкоторыми народами. Но не лишены также значенія и органы занимающихъ насъ союзовъ. Между тѣмъ какъ договоры, ихъ создавшіе, говорятъ болѣе уму, бюро сами по себѣ болѣе способны произвести впечатлѣніе на населеніе: не имѣя авторитета уній, они за то лучше свидѣтельствуютъ на практикѣ своею дѣятельностью о единствѣ взглядовъ правительствъ, вступившихъ въ союзъ. Такимъ образомъ, они на самомъ дѣлѣ содѣйствуютъ распространенію идей,

которымъ они служатъ. Надо только, чтобы публика имѣла о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія, что и побудило автора издать въ свѣтъ свою работу».

Нельзя не согласиться вполне съ этими мнѣніями автора и не поблагодарить его за то, что онъ посвятилъ свое блестящее перо изложенію предмета, который такъ важенъ не столько пока со стороны его практическаго осуществленія, сколько по своей идеѣ и вѣроятнымъ послѣдствіямъ для будущаго *).

Гр. Л. Камаровскій.

*) Желаящіе подробнѣе ознакомиться съ договорами, предшествовавшими этимъ уніямъ, а равно съ ними самими и съ литературою, къ нимъ относящеюся, найдутъ богатый матеріалъ у *Голмцендорфа*: „Handb. des Völkerr.“. Т. III: статьи Мейли и Дамбаха, а равно у *Мартенса*: „Соврем. междунар. пр.“. Изд. 2-е. Т. II, стр. 138—161 и 254—273.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О благотворномъ вліяніи интеллигенціи на народъ.— Какими мѣрами можетъ воспитываться въ народѣ уваженіе къ общественному порядку.—Необходимость министерства земледѣлія. — При какихъ условіяхъ оно можетъ сдѣлать много полезнаго для русскаго сельскаго хозяйства.—О трудностяхъ, съ которыми связано развитіе у насъ мелкихъ промышленныхъ предпріятій.— Полезность прямой передачи казенныхъ заказовъ ремесленникамъ и кустарямъ и организація дѣла. — Движеніе въ финансовомъ законодательствѣ. — Фетъ (А. Шеншинъ) и А. Д. Галаховъ †.

Прошлый и нынѣшній годы навсегда останутся достопамятными не только потому, что Россію постигъ тяжелый неурожай и сильная холерная эпидемія, не только потому, что были нанесены тяжкіе удары народному благосостоянію и изъ строя, сверхъ обычной смѣты, выбыло нѣсколько сотъ тысячъ жизней, но и по тому одушевленію, которое охватило лучшихъ русскихъ людей, заставило ихъ забыть о будничной работѣ, вывало ихъ изъ круга обыденныхъ хлопотъ и заботъ и двинуло на помощь страждущимъ. Русское правительство смѣло посмотрѣло обоимъ надвигавшимся врагамъ прямо въ лицо. Какъ скоро были собраны свѣдѣнія о неурожаѣ, поразившемъ обширную площадь, правительство признало голодъ существующимъ фактомъ. Едва обнаружили въ предѣлахъ нашего отечества первые случаи заболѣванія холерой, правительство вступило въ борьбу съ этимъ вторымъ могучимъ врагомъ. Всѣ знаютъ, что было предпринято. Всѣ знаютъ, какъ много было сдѣлано для ослабленія бѣдствій голода и задержанія холеры въ ея наступательномъ движеніи. Всѣ знаютъ, что предпринятые мѣры имѣютъ первостепенное значеніе; снова говорить о нихъ значило бы повторять то, что давно стало извѣстно каждому грамотному человеку.

Но въ отношеніи правительства къ бѣдствіямъ, которыя насъ постигли, мы хотимъ отмѣтить одну черту — возбужденіе общественныхъ силъ для дружной борьбы съ народною бѣдой. Лица, уполномоченныя правительствомъ для изслѣдованія губерній, пораженныхъ неурожаемъ и холерой, какъ направляемые изъ центра, такъ и принадлежащія къ мѣстной администраціи, повсюду отыскивали мѣстныхъ и пришлыхъ людей для общаго труда на пользу родины. Лица чиновныя и высокопоставленныя, крупные

и богатые землевладельцы, миллионеры и миллионерки, священники и врачи, студенты и фельдшера, народные учителя и курсистки, — все это работало дружно безъ всякихъ мѣстническихъ счетовъ въ сознаніи великой пользы солидарнаго труда. Возбуждая эту работу, относясь къ ней съ полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ, правительство оказало очень большія услуги дѣлу объединенія отдѣльныхъ группъ, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ русскаго народа. Въ столовыхъ, которыхъ было основана не одна тысяча, въ холерныхъ больницахъ и баракахъ незамѣтно совершалось то проникновеніе людей болѣе образованнаго класса въ народную жизнь, то изученіе простолюдина съ его достоинствами и недостатками, которое благотворно дѣйствуетъ на людей привилегированныхъ сословій, удерживаетъ ихъ отъ прискорбной и даже опасной для всего государственнаго развитія исключительности, зарождаеть и укрѣпляетъ любовь къ многочисленнымъ и бѣднымъ массамъ, вдохновляетъ работать на пользу общую.

Это соприкосновеніе съ народомъ людей болѣе высокаго умственнаго развитія и имущественной обезпеченности обнаружило тотъ знаменательный фактъ, что вездѣ, гдѣ на встрѣчу народной массѣ шли съ расположеніемъ, съ довѣріемъ, вездѣ и въ ней находили полную готовность послѣдовать авторитетному совѣту, усвоить образъ дѣйствій, который былъ наиболѣе цѣлесообразнымъ въ данномъ случаѣ, принять мѣры, которыя предписывались положеніемъ дѣла. И факты показываютъ, что такое довѣріе, расположение и подчиненіе авторитету обнаруживалось одинаково, кто бы ни обращался къ народу съ искреннею добротой. Сановники, командированные особымъ комитетомъ въ губерніи, пострадавшія отъ неурожая, докладывали правительству о добромъ настроеніи, которое они повсюду замѣчали среди голодающихъ. Совершенно тождественные факты наблюдались частными лицами болѣе скромнаго общественнаго положенія, лишь бы только они прямо и благожелательно шли на встрѣчу народу.

Много характерныхъ указаній на такое именно довѣрчивое и почтительное отношеніе народа находимъ въ *Отчетъ* Л. Н. Толстаго объ употребленіи пожертвованныхъ денегъ съ 12 апрѣля по 20 іюля 1892 года. Въ *Отчетъ* представляютъ живѣйшій интересъ формы, которыя приняла благотворительность. Но, быть можетъ, еще болѣе поучительно ровное, спокойное отношеніе народа, его терпѣніе, полное воздержаніе отъ какой-либо назойливости къ благотворителямъ. *Отчетъ* производитъ тѣмъ болѣе впечатлѣніе, что графъ Толстой, въ отличіе отъ составителей многихъ отчетовъ по дѣламъ благотворенія, воздерживается отъ всякой сантиментальности, отъ всякихъ жалостныхъ словъ, которыми часто пользуются, чтобы вызвать въ читателяхъ сочувствіе. Нѣтъ, онъ признается, что съ досадой смотрѣлъ на приходившихъ къ нему крестьянъ, которыхъ только подозрѣвалъ въ томъ, что они «профессіональные нищіе». Онъ прямо говорить, что жалобы: «Два дня не ѣли, последнюю овцу проѣли, что дѣлать будемъ? Последній копецъ пришелъ. Помирать, значить?» и т. д., здѣсь, какъ

ни стыдно въ этомъ признаться, это ужъ такъ наскучило, что какъ на враговъ своихъ смотришь на нихъ». Дальше онъ говоритъ: «Но и кромѣ того, я не могъ бы отвѣтить на вопросъ о томъ, каково положеніе народа: тяжело, очень тяжело, или ничего?—потому что мы всѣ, близко жившіе съ народомъ, слишкомъ приглядѣлись къ его понемножку все ухудшавшемуся и ухудшавшемуся состоянію. Если бы кто-нибудь изъ городскихъ жителей пришелъ въ сильные морозы зимой въ избу, топлennую слегка только накануне, и увидалъ бы обитателей избы, вылѣзающихъ не съ печки, а изъ печки, въ которой они, чередуясь, проводятъ дни, такъ какъ это — единственное средство согрѣться, или то, что люди сжигаютъ крыши дворовъ и сѣни на топливо, питаются однимъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ равныхъ частей муки и послѣдняго сорта отрубей, и что взрослые люди спорятъ и ссорятся о томъ, что отрѣзанный кусокъ хлѣба не доходитъ до опредѣленнаго вѣса на осьмушку фунта, или то, что люди не выходятъ изъ избы, потому что имъ не во что одѣться и обуться, то они были бы поражены видѣннымъ. Мы же смотримъ на такія явленія какъ на самыя обыкновенныя. И потому на вопросъ о томъ, въ какомъ положеніи народъ нашей мѣстности, отвѣтитъ скорѣе тотъ, кто пріѣдетъ въ наши мѣста въ первый разъ, а не мы. Мы притерпѣлись и уже ничего не видимъ». Непарушимый порядокъ, полное довѣріе и расположеніе между народомъ и благотворителями царствовали здѣсь на обширной площади, охватывавшей 246 столовыхъ и до 13,000 душъ, которыя получали въ нихъ обѣдъ.

Пожалуй, на это возразятъ, что здѣсь — явленіе особое, исключительное, что Левъ Толстой издавна сжился, слился съ народомъ, что онъ давно служить авторитетомъ для окрестнаго населенія, а потому и властвуетъ надъ умами и сердцами. Однако, мы находимъ однородные факты и тамъ, гдѣ общественные дѣятели изъ образованнаго класса далеко не имѣютъ благопріятныхъ условій, которыя даютъ Л. Толстому такой авторитетъ въ окрестномъ населеніи. Профессоръ Н. Я. Гротъ провелъ лѣто въ холерной мѣстности и участвовалъ въ организаціи противуэпидемическихъ мѣръ. Вотъ что сообщаетъ г. Гротъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*: «Съ крестьянами у насъ не было ни одного столкновенія, и они быстро и толково исполняли всѣ наши предложенія и заданныя имъ работы. Расторопный староста К. Кутеновъ подавалъ всѣмъ примѣръ въ усердіи, съ какимъ исполняли наши указанія. И единственнымъ и простымъ секретомъ нашего успѣха было слѣдующее: 1) обращеніе наше съ крестьянами было неизмѣнно вѣжливое и любезное, въ тонѣ просьбы и убѣжденія, а не грубаго приказа; 2) за всѣ работы, отвлекавшія крестьянъ отъ ихъ собственнаго дѣла, мы платили; 3) мы сами подавали примѣръ тѣмъ, что дѣлали сначала у себя то, что потомъ предлагали дѣлать крестьянамъ, а также принимали живое участіе въ ихъ работахъ; 4) согласно обычаю, мы начали свою дѣятельность съ того, что устроили по всему селу крестный ходъ съ мѣстною чудотворною иконой, а больницу и базаръ также освятили и окропили св. водой. И при этомъ надо замѣтить, что среди самихъ дачниковъ было

нѣсколько семействъ, которыя упорно чинили намъ оппозицію и распространяли среди крестьянъ нелѣпыя басни и сплетни, и что мы имѣли сильнаго противника всѣмъ нашимъ начинаніямъ въ мѣстномъ священникѣ, который доказывалъ, что въ Англіи не бываетъ холеры только потому, что англичане соблюдаютъ воскресенья, и даже громилъ антихолерныя мѣры въ проповѣдяхъ, за что, наконецъ, и получилъ внушеніе отъ высшаго начальства. Еще сопротивленіе оказывали лавочники, которыхъ земскому начальнику пришлось штрафовать. И, все-таки, намъ крестьяне вѣрили больше, чѣмъ оппозиціи, такъ какъ видѣли сами, что правда и нравственная сила были на нашей сторонѣ».

А вотъ и другой рядъ интересныхъ фактовъ, сообщаемыхъ докторомъ Мартыновымъ въ брошюрѣ *Изъ холерной деревни*. Авторъ пережилъ послѣднюю холеру въ селѣ Егоровкѣ, Воронежскаго уѣзда. Эпидемія развивалась тамъ настолько быстро, что въ короткое время заболѣло холерой 105 человекъ, изъ которыхъ умерло 70. Почти въ каждомъ домѣ были больные и умирающіе, а потому всѣмъ населеніемъ овладѣлъ страхъ и было всеобщее замѣшательство. Каждый, знакомый съ состояніемъ русской деревни, пойметъ, что была всеобщая безпомощность: не было постелей, куда можно было бы класть больныхъ, ни чистаго бѣлья, ни самоваровъ, ни посуды, ни даже горячей воды въ чугунахъ. Нечего и говорить, что былъ полный недостатокъ въ медикаментахъ. Однако, страхъ и смятеніе, охватившіе крестьянъ, побудившіе ихъ даже пріостановить всѣ полевые работы, не мѣшали полному ихъ довѣрію относительно врачебнаго персонала. Авторъ брошюры нигдѣ не встрѣчалъ не только предубѣжденія, но даже неделикатности. Крестьяне легко освоились съ выписанными дезинфекціонными средствами и охотно пользовались ими. Повсюду соблюдался образцовый порядокъ. Могильщики умирали, но никто изъ крестьянъ, посылаемыхъ по наряду сельскаго старосты хоронить умершихъ, не отказывался отбывать эту печальную повинность. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что крестьяне, по совѣту д-ра Мартынова, воздерживались отъ участія въ погребальной церемоніи, хоронили покойниковъ въ тотъ же день, не входили въ избу, гдѣ лежалъ умершій, пока она не была подвергнута дезинфекціи, и безъ сожалѣнія сжигали послѣ покойниковъ платье и бѣлье.

Къ этимъ фактамъ, свидѣтельствующимъ о благотворномъ вліяніи врачебнаго авторитета на населеніе, мы приобщимъ еще рассказъ о томъ, какъ источникомъ такого добраго вліянія послужилъ простой человекъ, крестьянинъ. Дѣло происходило въ огромномъ селеніи Астраханской губерніи Капустинъ-Яръ. Черноработіе, бѣжавшіе изъ Астрахани, принесли въ это селеніе холеру, а также басни о врачахъ, которые клали больныхъ заживо въ гроба. Тысячный сходъ заволновался и постановилъ: не выпускать врачей и не принимать мѣръ, предписанныхъ властями. Увѣщанія священниковъ, станового, фельдшера были встрѣчены крайне враждебно. Готовился бунтъ, но среди крестьянъ нашелся нѣкто Гавердовскій, человекъ *мирской*. Разумный и дѣятельный, онъ рѣшился противустать своимъ односельчанамъ,

ослѣпленнымъ отъ страха. Гдѣ была толпа—въ волостномъ правленіи, на базарѣ, въ кабацѣ, туда являлся и Гавердовскій, уличалъ своихъ земляковъ въ невѣжество и зывалъ къ ихъ благоразумію. Эпидемія развилась съ такою силой, что въ селѣ умирало по 80 человѣкъ въ день, и крестьяне, обезумѣвшіе отъ страха, стали все громче говорить, что доктора пускаютъ ядъ въ колодцы, рѣшили избить врачей, убить Гавердовскаго, который стоялъ на ихъ сторонѣ, и уже назначили день бунта. Гавердовскій не испугался угрозъ и бѣгалъ изъ одной хаты въ другую, ободрялъ больныхъ, внушалъ вѣру въ карболовую кислоту, кипяченую воду, воздержаніе. Вычитавъ изъ газетъ о вліяніи на холеру медицинскихъ и санитарныхъ мѣропріятій, Гавердовскій всюду горорилъ о дѣйствительности этихъ мѣръ и за одну недѣлю пріобрѣлъ уже болѣе сотни горячихъ сторонниковъ. Партія Гавердовскаго быстро росла, и народъ, собиравшійся *разнести* аптеку, сталъ усердно посѣщать ее и примѣнять разныя санитарныя мѣры. Когда, для поддержанія порядка, въ Капустинъ-Ярѣ былъ присланъ отрядъ козаковъ, то ему нечего было дѣлать: у населенія вовсе не было намѣренія бунтовать.

Мы привели, такимъ образомъ, случаи воздѣйствія на толпу какъ людей высокаго научнаго образованія, такъ и простолюдина, которому здравый смыслъ подсказалъ, что правы не его односельчане, упорно твердящіе, будто врачи отравляютъ колодцы и распространяютъ заразу, а тѣ, кто работаетъ отъ лица науки и на почвѣ научнаго знанія.

Какъ же со всѣми этими отрадными явленіями примирить только что оцѣненные судомъ безпорядки въ Астрахани, Саратовѣ, Царицынѣ, Хвалынскѣ, Вольскѣ, Макаровкѣ и другихъ мѣстахъ,—безпорядки, въ которыхъ общее число участниковъ опредѣляется не одною тысячей? Какъ объяснить, на ряду съ полнымъ, безграничнымъ довѣріемъ народа къ людямъ образованнымъ, къ знанію въ однихъ мѣстахъ со слѣпою вѣрой въ самые нелѣпые слухи въ другихъ? Чему приписать, что въ однѣхъ мѣстностяхъ, пораженныхъ холерою, поддерживался образцовый порядокъ, а въ другихъ развертывается картина звѣрскихъ насилій надъ врачами и фельдшерами, разгромъ больницъ, аптекъ и другихъ преступныхъ дѣяній?

Мы полагаемъ, что эти факты должны получить такое объясненіе. Главными очагами безпорядковъ послужили большіе города Астрахань и Саратовъ. Зачинщиками и первыми распространителями ложныхъ слуховъ были разныя лица, и мѣстные, и пришлыя. Но горючимъ матеріаломъ послужило въ особенности бродячее населеніе—крючники, нагрузчики, судорабочіе, которыми лѣтомъ переполнены большіе волжскіе города. Нечего удивляться, что этотъ людъ, если даже не изъ его среды исходятъ первыя попытки нарушить порядокъ, представляетъ очень благодарную почву, на которой созрѣваютъ всѣ нелѣпые вымыслы, всѣ ложные слухи. Многотысячная масса, проводящая большую часть года въ отхожихъ промыслахъ, живетъ и въ физическомъ, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ, которыя были неоднократно и краснорѣ-

чиво описаны изслѣдователями нашей народной жизни. На промыслахъ (вспомнимъ, наприм., астраханскія «ватаги») рабочіе живутъ въ крайней грязи и скученности, которыя, какъ показываетъ послѣдняя холера, создаютъ очень благодарную почву для развитія эпидеміи. Тяжелая, грубая, черная работа, наполняющая долгій лѣтній день, отрѣзанность отъ семьи и отъ всѣхъ элементовъ, которые, въ видѣ священника, учителя или земскаго врача, поддерживаютъ умственные интересы въ осѣдломъ населеніи деревни, дѣлаетъ этихъ бездомныхъ людей усердными завсегдатаями кабаковъ. Этотъ пришлый народъ всегда представляетъ такія условія; по матеріалъ становится особенно горючимъ тогда, когда наплыхъ рабочихъ превышаетъ запросъ, когда многіе изъ пришедшихъ не находятъ занятія. Послѣднее лѣто представляло именно такія условія: подъ вліяніемъ неурожая прошлаго года отхожіе промыслы привлекали много и такихъ крестьянъ, которые до того времени оставались дома; понятно, что многіе не находили заработка. Все это создаетъ такія условія, что каждый ложный слухъ, кѣмъ бы онъ ни былъ распространенъ, находитъ здѣсь воспримчивую среду. Люди работаютъ до изнуренія, дурно питаются, охотно пропиваютъ заработанные деньги, — немудрено, если эпидемія уноситъ изъ ихъ рядовъ много жертвъ. Усиленная смертность развиваетъ панику, невѣжество усугубляетъ легковѣріе и доводитъ его до поразительныхъ размѣровъ. А такъ какъ это — пришлый людъ, вовсе не связанный съ мѣстностью, въ которой работаетъ, то вокругъ него и нѣтъ людей, которые могли бы служить для него авторитетомъ. Все это до крайности облегчаетъ народные взрывы, нарушеніе порядка. А разъ совершился взрывъ, то въ немъ, на ряду съ бездомнымъ, бродячимъ людомъ, принимаетъ участіе и осѣдлое населеніе. Свѣдѣнія, сообщенныя о Капустномъ - Яру, подтверждаютъ, что именно таковъ процессъ развитія безпорядковъ. И въ то селеніе, гдѣ порядокъ былъ сохраненъ, благодаря уму и энергіи одного обывателя, ложные слухи были принесены крючниками, бѣжавшими изъ Астрахани отъ холеры. Извѣстно, что «примѣръ заразителенъ». Стоило нарушить порядокъ въ Астрахани и Саратовѣ, этихъ главныхъ центрахъ волжской городской жизни, чтобы произошли такія же прискорбныя явленія и въ менѣе значительныхъ городахъ или даже деревняхъ.

Все пережитое позволяетъ прямо и безошибочно указать на мѣры, которыя сдѣлаютъ въ будущемъ менѣе возможными такое грубое отношеніе къ санитарнымъ и медицинскимъ средствамъ противъ эпидемій и такое отрицаніе общественнаго порядка: 1) Мы считаемъ очень важнымъ мѣропріятіемъ все то, что ослабляетъ въ многочисленныхъ массахъ склонность перекочевывать по странѣ за тысячи верстъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба, все то, что дѣлаетъ населеніе болѣе осѣдлымъ, прикрѣпляетъ его къ домашнему очагу, открываетъ ему на мѣстѣ достаточный просторъ для приложения силъ, избавляетъ отъ необходимости хвататься за отхожіе промыслы, какъ за послѣднюю соломенку. Большее земельное обезпеченіе крестьянина разрѣдитъ толпы этого безпріютнаго люда, грубаго и отталкиваю-

щаго при беспорядкахъ, подобныхъ астраханскимъ или саратовскимъ, по существу заслуживающаго только самаго глубокаго сожалѣнія. Очень важною мѣрой является также санитарно-полицейскій надзоръ надъ жилищами, гдѣ скучивается этотъ людъ, и настойчивое требованіе къ хозяевамъ (рыбопромышленникамъ, судовладѣльцамъ и другимъ), чтобы жилища, которыя они даютъ рабочимъ, соответствовали предписаніямъ гігіены. Тамъ же, гдѣ пришлый людъ размѣщается на частныхъ квартирахъ, послѣднія должны быть отъ времени до времени посѣщаемы врачами въ цѣляхъ санитарнаго осмотра. Встрѣчая врачебно-санитарный надзоръ и извѣстныя гігіеническія мѣры и въ обычное время, каждый привыкнетъ считать ихъ необходимою принадлежностью правильно устроенной гражданской жизни.

2) Могущественною предупредительною мѣрой служить дальнѣйшее развитіе народнаго образованія. Ссылка на невѣжество, какъ на основное условіе, дѣлающее возможными такіе прискорбные факты, какъ холерныя беспорядки, вызываетъ иногда возраженіе, что въ уличныхъ разгромахъ участвуютъ и грамотные люди, что дѣло не въ невѣжествѣ, а въ подстрекательствѣ. Здѣсь простое недоразумѣніе, которое не трудно устранить. Исторія всѣхъ когда-либо бывшихъ уличныхъ беспорядковъ и волненій показываетъ, что есть подстрекатели, кто бы ни участвовалъ въ мятежѣ,— одни ли безграмотные, или же вмѣстѣ съ ними грамотные и даже образованные. Но подстрекатель находитъ для себя не одинаково благодарную почву: при полномъ народномъ невѣжествѣ, когда самый грубо-нелѣпный вымыселъ пользуется довѣріемъ, въ качествѣ подстрекателя можетъ оказывать вліяніе каждый, кто имѣетъ громкій голосъ и достаточную наглость. Но тамъ, гдѣ народное образованіе уже уничтожило самыя грубыя предразсудки, подстрекатель встрѣчаетъ, при своихъ попыткахъ вызвать уличные беспорядки, гораздо большія препятствія: не довольно зычнымъ голосомъ прокричать какую-нибудь нелѣпость, чтобы возбудить толпу, нужно вызвать ея негодованіе какими-нибудь истинными или вѣроятными фактами, которые убѣждаютъ умъ, а не вызываютъ только безотчетное ослѣпленіе. И, конечно, правы тѣ, которые считаютъ одну грамотность недостаточною, дабы развитіе въ людяхъ уваженіе къ разумнымъ мѣропріятіямъ общественной власти: кто пробылъ въ школѣ до 12 лѣтъ и только научился грамотѣ, тотъ приобрѣлъ лишь первое необходимое условіе для развитія своего ума, но еще не успѣлъ развитъ его. Нужно дать народу доступъ къ книгѣ, къ литературѣ; посредствомъ повсемѣстнаго распространенія въ странѣ воскресныхъ и вечернихъ классовъ, передвижныхъ библіотекъ нужно провести въ народъ главные выводы естественныхъ и общественныхъ наукъ. Только тогда грамотность не останется одною формою; только тогда она послужитъ подготовительною ступенью для развитія въ народѣ уваженія къ требованіямъ власти, опирающимся на повелѣнія науки.

3) Укажемъ, наконецъ, и на третью необходимую мѣру. Приведенные факты свидѣтельствуютъ, что сближеніе интеллигенціи съ народомъ всегда благопріятно сохраненію общественнаго порядка и поддержанію чувства законности, если интеллигенція

имѣть время произвести вліяніе и относится къ народу искренно и доброжелательно. А если такъ, то нужно поощрять всѣ формы дѣятельности, въ которыхъ интеллигенція хочетъ работать совмѣстно съ народомъ. Принимаетъ ли эта работа такую форму, что люди образованнаго класса идутъ въ народъ, чтобы подѣлиться съ нимъ запасомъ своихъ знаній и способствовать развитію его ума въ качествѣ учителей, техникувъ, агрономовъ, садятся ли они на землю среди крестьянъ для занятія сельско-хозяйственнымъ трудомъ, служатъ ли они тѣми добровольцами, которые, пренебрегая выгодами врачебной практики въ городѣ и лаврами, выпадающими на долю искусныхъ врачей, приносятъ бѣдной и невѣжественной деревнѣ свои медицинскія знанія, опытность и любовь къ страждущему человѣчеству, — дѣятельность интеллигенціи, посвященная облегченію матеріальной и духовной нужды народа, заслуживаетъ самаго горячаго сочувствія и поддержки. Крупныя перемѣны въ общественной жизни не совершаются съ одного удара: только мечтатель, совсѣмъ оторвавшійся отъ дѣйствительности, можетъ надѣяться, что въ немного лѣтъ способны измѣниться нравы, разлиться образованіе въ народной массѣ или подняться до неузнаваемости матеріальное благосостояніе.

Всѣ эти перемѣны составляютъ результатъ долгой и тяжелой работы общественныхъ силъ. Чѣмъ болѣе настойчиво совершается эта работа, чѣмъ дружнѣе участвуютъ въ ней представители всѣхъ общественныхъ слоевъ, тѣмъ скорѣе можно пожинать плоды. Авторъ статьи *Служеніе интеллигенціи* (*Русская Жизнь*, № 296), отмѣтивъ услуги, которыя наша интеллигенція оказала народу во время неурожая и холеры, говоритъ: «Крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, относились не только не враждебно къ нимъ (дѣятелямъ изъ интеллигенціи, трудившимся въ неурожай и холеру среди народа), но, освоившись съ ними, понявъ пользу и благодѣяніе, которое имъ было оказано, съ теплою признательностью и сожалѣніемъ провожали ихъ. Они благословляли ихъ за то, что представители образованныхъ классовъ спустились къ нимъ въ тяжелую минуту бѣдствія. При разставаніи съ ними, у этихъ людей, остающихся снова среди своего горькаго существованія, вырывался вопросъ: «на кого вы насъ покидаете?» Это живое непосредственное проявленіе чувствъ народа, надѣмся, даетъ намъ право сдѣлать указанный выше выводъ, что среди мрачной картины бѣдствія попадаются и свѣтлыя страницы. Ибо чѣмъ инымъ признать умѣнье народа цѣнить тѣхъ, кто приходитъ къ нему съ чистымъ сердцемъ, съ благородными порывами души, съ высокими гражданскими стремленіями, способность сознавать необходимость общественной помощи и организаціи въ минуту бѣдствія? Съ другой стороны, откликъ лучшихъ сердечныхъ людей изъ нашихъ образованныхъ классовъ и интеллигенціи не укрѣпляетъ ли ту связь среди русскаго народа, которая служить лучшимъ выраженіемъ единства, сплоченности, живучести его историческаго существованія? Эта связь въ трудную минуту показываетъ, что между нашею лучшею интеллигенціей и народомъ не можетъ быть розни на почвѣ исторической жизни и почвѣ общихъ нуждъ

и потребностей, и что лучшею чертой этой интеллигенціи будетъ всегда стремленіе приходить на помощь народнымъ страданіямъ; ея пламеннымъ желаніемъ, ея завѣтною мечтой должно остаться всегда служеніе русскому народу. Оно свидѣтельствуешь, что въ русскомъ обществѣ и среди русскаго народа зрѣютъ и таятся живыя силы, есть люди, которые способны живо отозваться общественному дѣлу, народному горю и бѣдствію, сохраняя въ душѣ глубокую связь съ судьбою этого народа. Эти силы и представители лучшихъ слоевъ русскаго народа могутъ всегда явиться дѣятельными и potentными силами и помощниками въ ту минуту, когда общественная помощь и содѣйствіе будутъ признаны необходимыми». Правительство оцѣнило это участіе въ пережитыя тяжкія годы. Оно признало это участіе полезнымъ для успѣшнѣйшаго исполненія администраціей ея обязанностей. А потому мы твердо вѣримъ, что и впредь правительство будетъ относиться съ одобреніемъ ко всѣмъ формамъ, въ которыя облакается трудъ интеллигенціи на пользу русскаго народа.

Недавно отпечатанъ докладъ сенатора В. К. фонъ-Плеве о результатахъ работъ высочайше утвержденной комиссіи по поводу цѣнъ на произведенія сельскаго хозяйства. Комиссія, предлагая разнообразныя мѣры для улучшенія нашего сельскаго хозяйства, высказывается за безотлагательное учрежденіе министерства земледѣлія. Характеризуя современное воздѣйствіе правительства на сельское хозяйство, докладъ говоритъ о томъ, что хотя департаментъ земледѣлія и сельской промышленности удѣляетъ въ своемъ управленіи мѣсто техника разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, но онъ не можетъ равномерно заботиться о всѣхъ сторонахъ земледѣльческаго промысла уже потому, что нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ другихъ вѣдомствахъ. Въ Западной Европѣ еще съ половины текущаго столѣтія явилось сознаніе необходимости собрать отдѣльныя части управленія сельскимъ хозяйствомъ въ одно цѣлое и сдѣлать ихъ предметомъ вѣдѣнія особаго министерства. Такое учрежденіе создано въ 1889 году даже въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Перечисливъ мѣры восполненія, посредствомъ которыхъ предполагено придти на помощь русскому сельскому хозяйству, докладъ комиссіи отмѣчаетъ, что нѣкоторыя изъ мѣръ требуютъ совмѣстной дѣятельности многихъ министерствъ (такъ, наприм., устройство сѣти элеваторовъ затрогиваетъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ и иностранныхъ дѣлъ). Широкій планъ, разбившись на много отдѣльныхъ частей, потеряетъ цѣльность и значительную долю своего значенія. А потому и необходимо министерство земледѣлія, которое связало бы въ одинъ узелъ всѣ разрозненныя нити.

Наша печать, уже неоднократно обсуждавшая этотъ вопросъ, отнеслась къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. Полезность такого учрежденія можетъ быть доказана простою ссылкой на полезность системы въ каждой сферѣ частной или общественной жизни, и въ обыденныхъ мелочахъ, и въ дѣлахъ большой важности. Въмѣсто того, чтобы приурочивать переселеніе къ мини-

стерству внутреннихъ дѣлъ, заботу объ улучшеніи скотоводства въ одномъ изъ департаментовъ министерства государственныхъ имуществъ, а крестьянскій земельный банкъ—къ министерству финансовъ, слѣдуетъ соединить всѣ эти и другія отрасли попеченія о сельскомъ хозяйствѣ въ одно цѣлое. А такъ какъ это цѣлое, земледѣліе, представляетъ очень широкую область и самый крупный отдѣлъ русскаго народнаго хозяйства, то необходимо объединеніе всѣхъ этихъ отраслей въ самостоятельномъ центральномъ учрежденіи.

Вполнѣ соглашаясь, что образованіе министерства земледѣлія будетъ съ вѣншией стороны шагомъ впередъ, мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременными заявленія тѣхъ газетъ (а такихъ заявленій не мало), которыя говорятъ «о началѣ новой эры». Неужели для огромной страны, населенной 120 милліонами людей, можетъ наступить новая эра только вслѣдствіе того, что будетъ учреждено одно новое министерство, хотя и удовлетворяющее очень важныя запросы нашей хозяйственной жизни? Мы полагаемъ, что для начала новой эры нужно нѣчто большее, нежели образованіе одного министерства. Вовсе не мечтая «о новой эрѣ», мы полагаемъ, что одинъ фактъ учрежденія министерства земледѣлія не служить залогомъ даже того, что будетъ данъ сильный толчокъ развитію нашего сельскаго хозяйства. Не достаточно только перечислить безъ какого-либо существеннаго пропуска всѣ задачи, которыя относятся къ вѣдѣнію министерства земледѣлія; не достаточно создать соотвѣтствующіе департаменты для осушенія, орошенія, облѣсенія, разныхъ видовъ кредита, расселенія и переселенія и проч.,—нужно дать себѣ отчетъ въ размѣрахъ, которые должны быть даны каждой изъ задачъ, и средствахъ, которыя необходимы для успѣшнаго ихъ рѣшенія. Если на каждую задачу будетъ ассигновано по два двугривенныхъ, то вся работа не пойдетъ дальше единичныхъ, иногда, быть можетъ, интересныхъ опытовъ, и не будетъ имѣть большого вліянія на нашъ экономическій бытъ. Не слѣдуетъ забывать, что съ каждымъ годомъ русское сельское хозяйство предъявляетъ общественной власти все болѣе настоятельныя запросы. Наша зависимость отъ международнаго хлѣбнаго рынка ведетъ къ тому, что всѣ культурные успѣхи малонаселенныхъ и плодородныхъ внѣ-европейскихъ странъ создаютъ намъ новыхъ и опасныхъ соперниковъ, а условія всего нашего земледѣльческаго быта таковы, что истощеніе естественныхъ богатствъ замѣтно прогрессируетъ изъ года въ годъ. О всемъ этомъ было говорено и писано такъ много, что можно довольствоваться общими положеніями. А разъ это такъ, то, скажемъ мы, 20 лѣтъ назадъ одному департаменту съ немногими сотнями тысячъ въ годъ было относительно легче отвѣтить на запросы нашего сельскаго хозяйства, нежели теперь цѣлому министерству съ бюджетомъ въ 2—3 раза большимъ, нежели тѣ суммы, которыя затрачиваютъ въ совокупности всѣ вѣдомства, касающіяся какой-либо стороны нашего земледѣлія. Напрасно думать, что дѣло можетъ развиваться постепенно, что министерство земледѣлія, возникнувъ съ двухмилліоннымъ бюджетомъ, можетъ съ каждымъ годомъ ставить себѣ отдѣльныя задачи все въ большихъ размѣрахъ. Нѣтъ, мы не вѣримъ этому. Последнее десятилѣтіе

научило насъ, что нужды русскаго сельскаго хозяйства прогрессируютъ такъ быстро, что будутъ не только абсолютно, но и относительно многократно обгонять возрастающій бюджетъ этого министерства.

Мы убѣждены, что министерство земледѣлія только въ томъ случаѣ будетъ имѣть важное значеніе для страны, если теперь же, при самомъ его основаніи, будутъ взвѣшены всѣ обязанности, которыя должны лежать на немъ, если теперь же будетъ признано неотложнымъ не только воспособленіе русскому земледѣлію, но и воспособленіе ему въ *большихъ размѣрахъ*, если его дѣятельность по орошенію, развитію народнаго кредита, организованію переселеній теперь же распространится на цѣлую страну и на миллионы слабѣйшихъ членовъ земледѣльческаго класса. Неудовлетворительное состояніе нашихъ государственныхъ финансовъ вовсе не можетъ служить оправданіемъ очень скромнаго бюджета министерства земледѣлія. Задачи, входящія въ его вѣдѣніе, при разумной ихъ постановкѣ, прямо направлены на повышение производительности народнаго труда, а потому можно вполне одобрить и крупный государственный заемъ, который снабдилъ бы новое министерство достаточными матеріальными средствами. Пусть же это сознаніе послужить отправною точкой. Только она и поставитъ новый органъ управленія на основаніе, которое соотвѣтствуетъ широтѣ его задачъ. А если, созданное по маленькому масштабу, министерство проведетъ 5—6 лѣтъ въ полумѣрахъ и опытахъ, то весь персоналъ его такъ втянется въ эту мелкую работу, такъ застынетъ въ ней, что будетъ затрудненъ его переходъ къ новой и болѣе широкой программѣ.

Необходимо помнить также и о другомъ условіи, способномъ обезпечить новому министерству благотворное вліяніе на нашъ земледѣльческій бытъ: возможно полное представительство всѣхъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Центромъ тяжести этого представительства должны служить какъ мѣстные органы, которые будутъ созданы министерствомъ въ провинціи, такъ и постоянная связь министерства съ существующими мѣстными силами—земствами, сельско-хозяйственными обществами и отдѣльными хозяевами. Различіе между отдѣльными полосами Россіи въ отношеніи климата, почвы, густоты населенія, способовъ веденія хозяйства дѣлаютъ необходимымъ наибольшее развитіе именно мѣстнаго представительства, способнаго давать наибольшее практическое значеніе каждому мѣропріятію, которое будетъ исходить отъ министерства.

Въ половинѣ октября, подъ предѣтельствомъ т. с. Тура, была образована особая коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о томъ, какъ устранить нѣкоторыя стѣсненія, препятствующія возникновенію и развитію у насъ промышленныхъ предпріятій. Поводомъ къ образованію этой коммиссіи послужило соображеніе о томъ, что туземное производство, огражденное отъ иностраннаго соперничества, не можетъ развиваться успѣшно до тѣхъ поръ, пока образованіе cadaго промышленнаго предпріятія связано съ многочисленными и сложными формальностями. И правда, въ этой области много

такого, надъ чѣмъ стоить поработать. Для ремесленныхъ предпріятій у насъ еще существуетъ дѣленіе на цехи, совершенно бесполезное, а во многомъ и стѣснительное. Поэтому, предполагается повсемѣстное упраздненіе цехового устройства съ передачею цехового имущества въ собственность мѣстныхъ городскихъ обществъ. Такъ какъ мелкія предпріятія часто не представляютъ принципиальныхъ отличій отъ крупныхъ, то предполагается постепенно распространять на нихъ надзоръ, который установленъ для фабричныхъ заведеній. Коммиссія обращаетъ вниманіе на фискальное обложеніе предпріятій и предполагаетъ образовать изъ среднихъ особую группу: къ таковой разсчитываютъ отнести всѣ тѣ, которыя имѣютъ отъ 16 до 100 работниковъ съ правомъ для хозяевъ брать свидѣтельства 2-ой гильдіи, тогда какъ свидѣтельства 1-ой гильдіи должны быть обязательны только для тѣхъ, кто занимаетъ болѣе 100 рабочихъ. Коммиссія отмѣчаетъ также неудовлетворительность порядка разрѣшенія промышленныхъ предпріятій. Предпочтительно ограничиться требованіемъ, чтобы учредитель предпріятія, при самомъ открытіи, заявилъ о томъ мѣстному начальству, отъ котораго и должно зависѣть воспрещеніе предпріятія, если учредитель не исполнилъ всѣхъ условій, которыхъ требуетъ законъ. Если это осуществится, то отпадутъ многочисленныя и вовсе ненужныя стѣсненія. Учрежденіе промышленныхъ предпріятій затрудняется, между прочимъ, отсутствіемъ въ нашемъ законодательствѣ нѣкоторыхъ формъ ассоціаціи и сложностью процедуры по образованію акціонерныхъ обществъ. Коммиссія находитъ, что ассоціаціи съ ограниченою отвѣтственностью необходимы не только для крупныхъ предпріятій,—когда онѣ принимаютъ форму акціонерныхъ обществъ,—но и для мелкихъ. Для послѣднихъ было бы наиболѣе пригодно полное товарищество съ ограниченою отвѣтственностью, по образцу тѣхъ, какія введены новымъ германскимъ закономъ. Что касается акціонерныхъ обществъ, то признается необходимымъ, не отступая отъ существующей системы предварительнаго разрѣшенія, по возможности, упростить самый порядокъ разрѣшенія учреждать акціонерныя общества. Предполагается, сообразуясь съ уставами промышленныхъ обществъ, выработать для нихъ нормальное положеніе, въ которомъ должны быть опредѣлены низшій размѣръ основного капитала, нормальныя цѣны акцій и облигацій, а также отношеніе между акціонерными облигаціонными капиталами. Всѣ акціонерныя общества, уставы которыхъ будутъ согласованы съ нормальнымъ положеніемъ, будутъ утверждаемы министромъ финансовъ.

Осуществленіе всѣхъ этихъ намѣреній можетъ принести пользу нашей промышленности, но не слѣдуетъ забывать, что крупныя предпріятія, собственно говоря, очень мало страдаютъ отъ всѣхъ этихъ стѣсненій. Учредители большого торговаго предпріятія располагаютъ большими денежными средствами, которыя облегчаютъ имъ выполненіе самыхъ утомительныхъ формальностей и сокращаютъ хлопоты по проведенію дѣла. Съ тѣмъ вмѣстѣ, на крупныхъ предпріятіяхъ лежатъ очень незначительныя податныя тягости: даже бѣглый просмотръ биржевыхъ бюллетеней, свидѣтельствуя о

томъ, что биржевыя цѣны акцій нашихъ крупныхъ земельныхъ и коммерческихъ банковъ въ 2—3 раза превышаютъ нарицательную цѣну, краснорѣчиво говорятъ, что эти предпріятія несутъ на себѣ мало ощутительное бремя финансовыхъ платежей.

Совсѣмъ иначе поставленъ нашъ мелкій промышленный людъ, наши ремесленники и, особенно, кустари. Послѣдніе страдаютъ вслѣдствіе неясности и неполноты законовъ, которые до нихъ относятся. Возьмемъ, напримѣръ, *Положеніе о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ*: оно вызываетъ цѣлый рядъ недоразумѣній, тягостныхъ для маленькаго промышленника. Къ статьямъ 4, 5 и 40 приложены росписи товаровъ, которые можно продавать безъ свидѣтельствъ въ разность, на столахъ, ларяхъ, лоткахъ, по улицамъ, базарамъ и проч. Эти росписи далеко не охватываютъ всѣхъ товаровъ кустарнаго производства. Сплошь и рядомъ кустари, появляясь на базарахъ со своими издѣліями, которыя буквально не указаны въ росписяхъ, навлекаютъ на себя преслѣдованіе волостного начальства и чиновниковъ казенныхъ палатъ. Росписи товаровъ, которыми можно торговать, были пополнены, но такъ, что явилась полная безсистемность: такъ, напримѣръ, разрѣшено торговать чугунными горшками и вьюшками только въ Вологодской губерніи, шагреновою обувью—въ Тверской губерніи, но подъ условіемъ продажи ея съ другими товарами, краснымъ медомъ—въ Костромской губерніи. Не выяснено, почему лишены этого права сосѣднія губерніи. Какъ на примѣръ неясности закона, можно сослаться на требованія, которыя поставлены иконописцамъ. Ст. 103 т. XIV Св. Зак. повелѣваетъ «вообще наблюдать, чтобы ни въ церквахъ, ни въ продажѣ, и нигдѣ не было иконъ, не искусно писанныхъ... Гдѣ иконы таковыя усмотрѣны будутъ, духовныя лица, при содѣйствіи мѣстной полиціи, немедленно оныя отбираютъ». Конечно, желательно, чтобы иконописцы вносили въ свое ремесло достаточную художественность. Но какъ достигнуть этого, если у насъ сдѣланы едва первыя робкія попытки для основанія ремесленныхъ школъ въ средоточіяхъ кустарной промышленности, и, наконецъ, гдѣ мѣрило, позволяющее отличить икону, искусно написанную, отъ неудовлетворительныхъ издѣлій этого рода?

Воздерживаясь отъ указанія на другіе подобные же примѣры, мы отмѣтимъ наши законы *о привилегіяхъ*, какъ въ высшей степени устарѣлые и обидные для мелкихъ производителей. Въ половинѣ ноября М. В. Григоровъ посвятилъ этому вопросу очень обстоятельный докладъ въ петербургскомъ отдѣленіи по кустарной промышленности. Было указано на неудовлетворительность нашихъ законовъ о привилегіяхъ вообще и въ особенности на то, что ремесленники и кустари, часто дѣлающіе небольшія изобрѣтенія, не могутъ оградить себя привилегіями, какъ потому, что взятіе послѣднихъ требуетъ большихъ расходовъ, непосильныхъ для мелкаго производителя, такъ и потому, что ст. 175 *Устава о промышленности* запрещаетъ выдавать привилегіи «на незначительныя открытія, изобрѣте-

нія и усовершенствованія, показывающія остроту или изобрѣтательность ума». Замѣкъ съ новымъ секретомъ, новая механическая игрушка, щетки изъ травы, вмѣсто волоса, и разныя другія изобрѣтенія, сдѣланныя кустарями, конечно, больше свидѣтельствуютъ объ остротѣ ума, нежели знаменуютъ серьезный успѣхъ промышленности. Но было бы справедливо защищать привилегіями эти мелкія изобрѣтенія, такъ какъ они могутъ доставить изобрѣтателю скромный и вполне заслуженный имъ доходъ. Можно, относясь къ этому вопросу съ другой точки зрѣнія, высказаться за вознагражденіе всѣхъ подобныхъ изобрѣтателей денежными преміями. Преміи, выражая, въ отличіе отъ привилегіи, общественное начало, начало солидарности, гораздо болѣе соотвѣтствуютъ идеалу. Но, независимо отъ существенныхъ трудностей, съ которыми связано опредѣленіе размѣра премій и оцѣнка полезности различныхъ изобрѣтеній, преміи въ отношеніи именно мелкихъ изобрѣтателей—ремесленниковъ и кустарей—представляются въ настоящее время несправедливыми потому, что законъ строго охраняетъ всѣ виды права частной собственности среди нихъ и права тѣхъ болѣе крупныхъ изобрѣтателей, которые могутъ заплатить за привилегію. Поэтому, при пересмотрѣ законовъ о привилегіяхъ, которымъ государственный совѣтъ займется въ ближайшемъ будущемъ, необходимо имѣть въ виду особенности мелкихъ изобрѣтеній и особыя условія, въ которыхъ стоятъ мелкіе изобрѣтатели, удешевить для нихъ плату за привилегіи и сдѣлать губернскую земскую или городскую управу инстанціями, содѣйствующими мелкимъ изобрѣтателямъ въ полученіи привилегіи.

Кромѣ недостатковъ законодательства, затрудняющихъ развитіе мелкихъ предпріятій, ремесленники и кустари испытываютъ много неудобствъ отъ сложныхъ формальностей, съ которыми связано основаніе каждаго новаго дѣла. На развалинахъ мальцевскаго заводскаго района, въ Калужской и Орловской губерніяхъ, возникло нѣсколько артелей для производства чугунно-литейныхъ издѣлій. Имъ потребовалось, по меньшей мѣрѣ, два года для проведенія устава. *Недѣля* въ одномъ изъ послѣднихъ №№ сообщаетъ, что харьковскіе портные задумали устроить артель. Проектъ устава былъ посланъ въ Петербургъ и прошло около пяти лѣтъ до его утвержденія. Еще болѣе разительнымъ примѣромъ того, какъ трудно создать предпріятіе, предназначенное служить мелкимъ производителямъ, служить исторія пермскаго кустарно-промышленнаго банка. Уставъ банка, посвященнаго памяти Императора Александра II, былъ выработанъ еще въ 1882 году; пермское губернское земство отчислило на это учрежденіе 60,000 рублей. Банкъ имѣетъ цѣлью поддержать кустарную промышленность губерніи выдачею кустарямъ ссудъ подъ ихъ издѣлія. Тогда же пермская губернская управа стала ходатайствовать о проведеніи устава. И вотъ начались странствія злополучнаго устава изъ Перми въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Пермь. Находили, что нѣкоторыя статьи устава неудобны, такъ какъ не имѣютъ прецедентовъ въ уставахъ другихъ кредитныхъ учреждений. Земская управа внимательно прочитывала всѣ замѣ-

чапія на проектъ устава, измѣняла статьи и снова посылала въ Петербургъ. Губернская администрація также относилась къ цѣли банка съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Капиталъ, выросшій процентами, превышаетъ 100,000 рублей, пермскій кустарь изнемогаетъ подъ тяжестью экономическаго застоя и жаждетъ дешеваго кредита, какъ небесной манны, а уставъ банка переходитъ изъ инстанціи въ инстанцію и 10-тый годъ тщетно ждетъ утвержденія. Всѣ эти проволочки губительно дѣйствуютъ на инициативу въ каждомъ новомъ неизвѣстномъ дѣлѣ и, особенно, тамъ, гдѣ новое предпріятіе создается только трудовымъ напряженіемъ участниковъ. Крупное акціонерное предпріятіе, уже не говоря о многочисленныхъ способахъ, которыми оно можетъ устранить трудности, встрѣченныя на пути, и потому умѣренно страдаетъ отъ разныхъ формальностей, что образованіе капитала долевыми взносами акціонеровъ совершается механически, безъ напряженія и траты душевныхъ силъ,—формальности надоѣдаютъ, но не ослабляютъ учредителей,—совсѣмъ иное въ тѣхъ случаяхъ, когда маленькіе, безденежные люди хлопчатъ объ утвержденіи артельного устава. Мы знаемъ изъ исторіи русскихъ и западно-европейскихъ артелей, какъ много нужно душевныхъ силъ для того, чтобы начертать планъ артели, найти единомышленниковъ, заручиться ихъ готовностью вынести всѣ трудности, съ которыми связано учрежденіе артели. Томительное ожиданіе въ теченіе мѣсяцевъ, а тѣмъ болѣе лѣтъ, способно охладить большинство людей, заставить ихъ отказаться отъ самаго полезнаго дѣла.

Мы полагаемъ, поэтому, что коммиссія т. с. Тура окажетъ русскому народному хозяйству значительныя услуги, если внимательно остановится на разнообразныхъ интересахъ мелкихъ промышленниковъ и облегчитъ тернистый путь, который лежитъ теперь передъ каждымъ начинаніемъ, исходящимъ изъ этой среды.

Основаніе промышленныхъ и торговыхъ предпріятій связано у насъ съ многочисленными формальностями; однако, крупная промышленность благополучно устраиваетъ свои дѣла и наживаетъ огромные барыши. Всѣмъ давно извѣстно, что таможенный тарифъ служить интересамъ именно крупной промышленности. Не всѣмъ, однако, извѣстны тѣ ухищренія, посредствомъ которыхъ фабриканты и заводчики наживаютъ чрезвычайные барыши отъ казенныхъ подрядовъ. Очень поучительный для этого матеріалъ даетъ приказъ по военному министерству отъ 25 минувшаго октября.

Въ настоящемъ году было назначено заготовить съ торговъ 1,000 фугасныхъ 9-ти дюймовыхъ бомбъ. Къ торгамъ были приглашены 7 заводовъ. Въ назначенный день представители заводовъ подали закрытыя объявленія, но когда ихъ пригласили въ торговое присутствіе, чтобы быть при вскрытіи пакетовъ, то представитель брянскаго завода обратился къ председателю присутствія съ просьбою возвратитъ ему поданный пакетъ и, взаменъ того, принять новый. Первый пакетъ не былъ возвращенъ, но второй былъ принятъ, такъ какъ время еще не было просрочено. Затѣмъ,

на вопросъ председателя, не желаетъ ли еще кто-нибудь подать заявленіе, представители путиловскаго и александровскаго заводовъ также подали новые пакеты. По вскрытіи пакетовъ, оказалось, что заводы назначали слѣдующія цѣны. Въ первыхъ пакетахъ цѣна 1 пуда стали была назначена 27 $\frac{3}{4}$ —29 руб., кромѣ завода Рудницкаго, который назначилъ около 17 руб.; во вторыхъ же пакетахъ объявили: александровскій заводъ 19 р. 85 к., путиловскій—17 р. 20 к. и брянскій—14 р. 55 к. Торговое присутствіе въ своемъ постановленіи *не упомянуло* о подачѣ заявленій въ двухъ экземплярахъ; этого не сдѣлало также окружное артиллерійское управленіе, вслѣдствіе чего петербургскій окружной совѣтъ вошелъ съ представленіемъ въ военный совѣтъ объ утвержденіи торговъ за брянскимъ заводомъ. Между тѣмъ, Рудницкій подалъ прошеніе объ утвержденіи поставки бомбъ за нимъ на томъ основаніи, что по первымъ пакетамъ, своевременно поданнымъ, онъ заявилъ низшую цѣну, на 60,000 р. за весь подрядъ дешевле противъ цѣнъ, объявленныхъ другими заводами. Къ этому Рудницкій присовокупилъ, что въ 1889 г. имъ были понижены цѣны по заказу 24,000 стальныхъ 42-хъ линейныхъ снарядовъ на 100,000 р. противъ другихъ заводовъ и что въ настоящее время, не участвуя въ соглашеніяхъ съ другими заводами, онъ вызвалъ ихъ противодѣйствіе, которое выразилось во вторичной незаконной подачѣ пониженныхъ цѣнъ тремя заводами, съ цѣлью лишить его заказа и, убивъ производство его завода, явиться монополистами этого дѣла. Тогда, оставшіеся монополистами, заводы будутъ назначать произвольно высокія цѣны. Товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера высказался за предоставленіе заказа Рудницкому, такъ какъ вторые пакеты были поданы тремя заводами только для того, чтобы отстранить Рудницкаго. Военный совѣтъ, по сличеніи первыхъ и вторыхъ пакетовъ и по истолкованіи закона объ участіи въ торгахъ, рѣшилъ, что брянскій, путиловскій и александровскій заводы дѣйствовали неправильно, къ явному ущербу казны, и что весь заказъ долженъ быть предоставленъ Рудницкому. Съ тѣмъ вмѣстѣ, военный совѣтъ опредѣлилъ «поставить на видъ торговому присутствію пріемъ вторыхъ пакетовъ, безъ обсужденія вопроса о пріемѣ ихъ, и *не включеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ эту подачу, въ журналъ присутствія*; петербургскому же окружному артиллерійскому управленію поставить на видъ, что въ представленіи въ окружной совѣтъ *имъ даже вовсе не упомянуто*, что три завода заявили каждый по двѣ цѣны».

Такое рѣшеніе военнаго совѣта заслуживаетъ полнаго сочувствія. Раскрыта махинація, посредствомъ которой подрядчики хотѣли, убивъ конкуренцію, современемъ спокойно грабить казну, заказъ сдать тому заводу, издѣлія котораго обходились военному вѣдомству всего дешевле, и сдѣлано двумъ инстанціямъ: торговому присутствію и петербургскому окружному артиллерійскому управленію, замѣчаніе о незаконности ихъ образа дѣйствій. Относительно этого частнаго случая сдѣлано все, что должно было сдѣлать. Но этотъ частный случай наводитъ и на нѣсколько общихъ соображеній.

Прежде всего, вопросъ о барышахъ нашихъ крупныхъ производителей. Заводъ Рудницкаго объявилъ на торгахъ цѣну за 1 пудъ стали около 17 р. Такъ какъ три года тому назадъ Рудницкій исполнилъ большой заказъ военного вѣдомства, давшій послѣднему сбереженіе въ 100,000 р., то цѣна на послѣднихъ торгахъ не можетъ быть признана фиктивною, назначенною хотя бы въ убытокъ себѣ, лишь бы подорвать конкурентовъ; цѣна эта несомнѣнно выгодна для подрядчика. Если допустить, что въ 17 руб. только 10% составляютъ чистый барышъ (обыкновенно русскіе промышленники получаютъ гораздо большую прибыль), то барышъ завода Лильпопъ и Рау, которые изъ всѣхъ остальныхъ объявили низшую цѣну — 27 р. 11 к., опредѣлится около 79%, для остальныхъ же заводовъ — въ 85—90%. Несомнѣнно, всѣ остальные заводы, объявляя цѣны, мало отличающіяся одна отъ другой, дѣйствуютъ по соглашенію и въ барышѣ покрываются и отступныя, которыя выпадаютъ на долю заводовъ, не получившихъ подряда. Какъ бы то ни было, такой громадный барышъ, даже у насъ, привыкшихъ къ высокой прибыли фабрикъ и заводовъ, долженъ быть признанъ грабительскимъ, тѣмъ болѣе, что эти заводы развились, окрѣпли, получили возможность сбывать свои издѣлія даже безъ лихорадочной погони за всѣми техническими улучшеніями только потому, что правительство поддерживаетъ ихъ своими заказами и высокими таможенными налогами обезпечиваетъ имъ внутренній рынокъ. Фугасныя бомбы покупаются только правительствомъ и не поступаютъ въ торговый оборотъ. Но онѣ подходятъ подъ 159 ст. таможеннаго тарифа, куда отнесены «всякія къ огнестрѣльному оружію принадлежности, гильзы, патроны и пистоны, какъ снаряженные, такъ и не снаряженные». Эти издѣлія облагаются огромною таможенною пошлиною по 24 рубля золота съ пуда (по тарифу 1868 г. 18 руб. кредитн.). Пусть бы хозяева всѣхъ этихъ заводовъ хотя на минуту задумались, по какой цѣнѣ они должны были бы продавать свои товары и какимъ барышомъ должны были бы довольствоваться, если бы были сняты эти пошлины. Конечно, имъ до всего этого нѣтъ дѣла. Убить конкурента, мало-мальски добросовѣстнаго, всякими окольными путями удержать за собою позицію и грабить казну, сколько влѣзетъ, — такова ихъ немудреная и неизмѣнная политика.

Можно было бы помириться съ рѣшеніемъ военного совѣта и считать отстраненные заводы достаточно наказанными, если бы было хотя малѣйшее основаніе думать, что этимъ и немногими другими подрядами исчерпываются всѣ случаи ограбленія казны. Но было бы наивно утѣшать себя этимъ: на одно злоупотребленіе, обнаруженное и отчасти наказанное, приходится сотни оставшихся въ тайнѣ. Припомнимъ разнообразныя и милліонныя поставки, которыя дѣлаютъ нашему военному министерству, и мы скажемъ, что экономія, которая могла бы быть достигнута, опредѣляется многими милліонами.

Гдѣ рѣчь идетъ о фугасныхъ бомбахъ или иныхъ издѣліяхъ крупной промышленности, тамъ казнѣ нѣтъ другого исхода, какъ производить ихъ

на собственных заводахъ или же заказывать крупнымъ предпринимателямъ. Иначе стоитъ дѣло относительно тѣхъ предметовъ, которые производятся ручными орудіями и относятся къ области ремесла или кустарныхъ промысловъ. Разнообразныя деревянныя и кожевенныя издѣлія, частью металлическія, приобретаемыя для войскъ, изготовляются нашими ремесленниками и кустарями. Обычный способъ поставки ихъ военному вѣдомству сводится къ тому, что подрядъ берутъ крупные скупщики, которые и распредѣляютъ заказы между сотнями и тысячами кустарей. Подрядчикъ имѣетъ большой барышъ, а ремесленники и кустари принуждены довольствоваться скудными крохами, которыя остаются на ихъ долю и понижаются соперничествомъ между производителями до послѣднихъ предѣловъ. Но военное министерство и особенно морское примѣняютъ въ небольшихъ размѣрахъ и другой способъ—передаютъ подряды непосредственно кустарямъ. Въ теченіе уже 5 лѣтъ заказами отъ морского министерства пользуется тульская артель кустарей; небольшіе подряды для того же министерства были исполнены кустарями Московской губерніи при посредничествѣ московской губернской земской управы. Большею частью пользованіе этимъ способомъ наталкивается на то препятствіе, что нѣтъ центра, который могъ бы служить посредникомъ между кустарями и вѣдомствомъ, дающимъ имъ заказъ. Артелей, способныхъ служить такими средоточіями, очень немного; земскія управы уклоняются отъ этого, ссылаясь на сложность земскаго дѣла, которое не оставляетъ силъ для исполненія еще новой обязанности. Съ отдѣльными же кустарями ни одно вѣдомство сноситься не можетъ. Мы полагаемъ, что дѣло можетъ быть облегчено такою организаціей, при которой военное и морское министерства содержали бы прикомандированныхъ къ губернскимъ земскимъ управамъ техникувъ по главнымъ промысламъ въ губерніяхъ наибольшаго распространенія кустарныхъ промысловъ: Московской, Нижегородской, Пермской, Вятской, Ярославской, оплачивали бы этихъ техникувъ и возлагали на нихъ надзоръ за исполненіемъ заказовъ для военного и морского вѣдомствъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи техникувъ, назначенныхъ самими заказчиками, земства гораздо охотнѣе взяли бы на себя посредничество между кустарями и правительственными вѣдомствами: у нихъ было бы достаточное ручательство, что заказы будутъ тщательно исполнены и не повлекутъ за собой какихъ-либо недоразумѣній. А военное и морское министерства извлекли бы изъ такой организаціи заготовокъ очень большія выгоды: затрачивая на содержаніе техникувъ десятки тысячъ рублей въ годъ, они сберегли бы милліоны. вмѣстѣ съ тѣмъ, получился бы и тотъ крупный выигрышъ, что значительная доля народнаго дохода распредѣлялась бы между членами трудящагося люда, а не наполняла бы мощныя посредниковъ, часто вовсе не нужныхъ, лежащихъ тяжелымъ бременемъ на мелкихъ промышленникахъ.

Уменьшившееся поступленіе государственныхъ доходовъ побудило министерство финансовъ изыскать новые источники для пополненія государ-

ственной казны. Министерство признало несвоевременнымъ обращеніе къ займу, такъ какъ послѣ потерь, понесенныхъ страною вслѣдствіе неурожая, заемъ не могъ бы быть заключенъ на выгодныхъ условіяхъ. Отдавая предпочтеніе косвеннымъ налогамъ предъ прямыми, министерство финансовъ мотивируетъ свой выборъ тѣмъ, что всегда лучше обратиться къ испытаннымъ уже источникамъ дохода, такъ какъ они, въ силу установившейся привычки населенія, всегда являются наиболѣе упругими. Но, предпочитая возвышеніе косвенныхъ налоговъ, министерство руководствовалось и другимъ соображеніемъ. «Они,—говоритъ *Вѣстникъ Финансовъ*,—въ наибольшей степени оплачиваются тою частью населенія, которая обладаетъ наибольшею покупною способностью, и это обстоятельство имѣетъ нынѣ свое значеніе. Всякій неурожай, охватывая не всю страну, а опредѣленный, хотя бы и значительный районъ, при ослабленіи покупательной способности населенія въ пострадавшихъ мѣстностяхъ, въ то же время, вслѣдствіе повышенія цѣнъ, увеличиваетъ средства населенія въ благополучныхъ мѣстностяхъ». Руководствуясь такими соображеніями, министерство провело повышеніе налога на пиво до 30 копѣекъ съ ведра, что можетъ доставить казнѣ 2—3 милліона рублей въ годъ, и повышеніе акциза на зажигательныя спички до $\frac{1}{4}$ коп. съ каждаго помѣщенія не болѣе 75 шт. шведскихъ спичекъ, а со всѣхъ прочихъ сортовъ вдвое противъ этого оклада. Въ ближайшемъ будущемъ къ этому присоединится и повышеніе нѣкоторыхъ другихъ косвенныхъ налоговъ.

Сюда же по предмету относится предположенный ко введенію квартирный налогъ (по способамъ взиманія его слѣдуетъ относить къ прямымъ податямъ). Въ проектѣ этого налога, какъ передаютъ газеты, города раздѣляются на 5 группъ: въ первую отнесены только Петербургъ, Москва и Варшава, а въ 5-ю самыя мелкія городскія поселенія. Въ первыхъ группахъ подлежатъ налогу квартиры съ годовою платой въ 240 руб. и выше, и въ 5-й отъ 48 рублей. Налогъ строится на прогрессивномъ основаніи. Такъ, въ городахъ первой группы онъ начинается съ 5 рублей (при годовой платѣ въ 240—360 руб.), т.-е. не болѣе 2% расхода, поднимается до 4% для квартиръ, стоящихъ 2—2 $\frac{1}{2}$ тысячи въ годъ и достигаетъ своего maximum'a въ 10% для квартиръ, наемная плата за которыя превышаетъ 6,000 рублей.

Изъ прямыхъ налоговъ, предположенныхъ къ повышенію, первое мѣсто занимаютъ дополнительные сборы съ торговли и промышленности.

Оцѣнку этихъ налоговъ мы сдѣлали въ одномъ изъ послѣднихъ *внутреннихъ обозрѣній* (1882 г., октябрь), гдѣ, разсматривая финансовую политику И. А. Вышнеградскаго, высказали мнѣнія о введенныхъ за послѣдніе годы косвенныхъ налогахъ. Конечно, если бы повышеніе косвенныхъ налоговъ распространялось только на губерніи, имѣвшія въ прошломъ году удовлетворительный урожай и получившія выигрыши отъ продажи сельскохозяйственныхъ продуктовъ по высокой цѣнѣ, то можно было бы согласиться, что увеличеніе оклада податей на обычныя предметы потребленія

не причинить народу существенной тягости. Но такъ какъ онъ обнимаетъ всю страну, то въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, гдѣ матеріальная обеспеченность замѣтно понизилась, увеличеніе оклада налоговъ составитъ очень чувствительное бремя. Относительно же предстоящаго квартирнаго налога мы не можемъ раздѣлить мнѣнія, высказаннаго многими газетами, будто эта подать ляжетъ на плательщиковъ болѣе или менѣе соразмѣрно съ ихъ платежными силами, такъ какъ квартира въ достаточной степени выражаетъ степень благосостоянія отдѣльныхъ семей. Нельзя согласиться съ этимъ: бѣднѣйшія и многодѣтныя семьи расходуютъ въ большихъ городахъ на квартиру не менѣе 25% дохода (при доходахъ до 1,500 руб.), тогда какъ семьи богатыхъ классовъ съ доходами въ десятки тысячъ тратятъ на квартиру 10, 8, 6%, и прогрессивное возвышеніе оклада съ переходомъ къ болѣе дорогимъ квартирамъ далеко не можетъ уравнивать эту несоразмѣрность. Мы полагаемъ, что нѣтъ основанія останавливать теченіе прогрессіи при квартирной платѣ въ 6,000 рублей, тѣмъ болѣе, что очень дорогія квартиры (наприм., выше 3,000 въ большихъ городахъ) могутъ быть относимы къ предметамъ роскоши. А если разныя цѣнныя бездѣлушки, служащія предметами роскоши, оплачиваются при ввозѣ изъ-за границы очень высокимъ налогомъ, то и очень дорогая квартира, удовлетворяющая потребность не только комфорта, но и роскоши, можетъ быть облажена окладомъ гораздо выше 10%. Повышеніе же дополнительныхъ сборовъ съ торговли и промышленности должно быть признано однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ къ увеличенію средствъ государственнаго казначейства. Акціонерныя предпріятія и товарищества платятъ только 3% чистой прибыли и легко могутъ вынести налогъ въ 5%. Единоличныя предпріятія пользуются теперь свободой отъ дополнительнаго сбора, а, между тѣмъ, есть основаніе привлечь и ихъ къ дополнительному налогу, такъ какъ, по размѣрамъ прибыли, они обыкновенно не отстаютъ отъ многочисленныхъ предпріятій. То же скажемъ мы о производствахъ, обложенныхъ акцизомъ.

Отмѣтимъ среди мѣропріятій послѣдняго времени попытку министерства финансовъ обуздать сахарозаводчиковъ и пріостановить повышеніе цѣнъ на сахаръ. Министерству финансовъ разрѣшено ввозить изъ-за границы сахарный песокъ, какъ скоро его цѣна достигнетъ 5 р. 10 к. на станціяхъ юго-западныхъ дорогъ. Въ принципѣ, ввозъ сахарнаго песку изъ-за границы, конечно, можетъ помѣшать дальнѣйшему вздорожанію въ Россіи сахара туземнаго производства. Но самая цѣна 5 р. 10 к. установлена слишкомъ высоко. Въ 1890 году сахарозаводчики, при заключеніи договора о нормировкѣ, признали для себя выгодною цѣну въ 4 р. 50 к., т.-е. гораздо ниже той, на которой можетъ стоять сахарный песокъ и при вѣшательствѣ министерства финансовъ. И это доказывается повышеніемъ цѣны на сахаръ, которое объявили наши сахарозаводчики уже послѣ того, какъ министерство финансовъ получило разрѣшеніе на ввозъ сахару изъ-за границы.

Укажемъ на важный въ экономическомъ отношеніи высочайшій указъ

о выкупѣ въ казну московско-курской желѣзной дороги. Выкупъ и принятіе этой дороги въ казну должно быть произведено съ 1 января 1893 года.

Упомянемъ объ очень отрадномъ фактѣ—открытіи общества вспоможенія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Петербургской губерніи. Теперь въ немъ только около 70 членовъ и денегъ нѣсколько сотъ рублей; но общество, будучи первымъ въ своемъ родѣ, имѣетъ большое значеніе уже потому, что устанавливаетъ еще новую связь между тружениками по народному образованію, гдѣ такъ важны солидарность и взаимопомощь всѣхъ участниковъ.

Въ ноябрѣ скончался одинъ изъ лучшихъ нашихъ лирическихъ поэтовъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ, давно извѣстный подъ именемъ Фета. Когда праздновался, три года тому назадъ, юбилей Фета, мы высказали наше мнѣніе объ исключительныхъ достоинствахъ этого поэта *) и повторять нашей оцѣнки не будемъ. Имя покойнаго А. Д. Галахова хорошо извѣстно учащимъ и учащейся молодежи. И Фетъ, и Галаховъ скончались въ преклонномъ возрастѣ, оба долго послужили русской литературѣ и займутъ въ ея исторіи почетныя страницы. Публицистическіе грѣхи Фета забудутся, лучшія же его стихотворенія останутся однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ украшеній нашей родной поэзіи.

*) *Русская Мысль* 1889 г., кн. I: *Литература и жизнь*.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театр: *Гусь лапчатый*, драма въ 5 дѣйствіяхъ И. А. Салова.—*Безъ предразсудковъ*, комедія въ 4 дѣйствіяхъ В. А. Крылова, передѣланная изъ комедіи А. Дюма-сына *Les idées de madame Aubray*).

Илья Александровичъ Саловъ давно уже пользуется заслуженною извѣстностью, какъ авторъ многихъ повѣстей, романовъ и мелкихъ разсказовъ. Въ этой отрасли литературы выдающійся талантъ его всеми признанъ и никогда, кажется, возраженій противъ такого признанія сдѣлано не было. Для сцены г. Саловъ сталъ писать недавно, и началъ съ передѣлки своего романа *Молодой Ольшанскій баринъ* въ драму подъ заглавіемъ *Степь-матушка*, игранную въ театрѣ Корша. Съ тѣмъ же сюжетомъ, но въ другой передѣлкѣ (г. Салова въ сотрудничествѣ съ г. Ге) и подъ другимъ названіемъ дана была пьеса на казенныхъ сценахъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Потомъ мы видѣли его же комедію *Золотая рыбка*, игранную труппой г-жи Абрамовой въ театрѣ Шелапутина. Если не ошибаемся, г. Саловымъ была написана еще одна пьеса, не попавшая ни на одну изъ московскихъ сценъ и игранная, кажется, только въ провинціи. Мы, однако, не можемъ этого утверждать и самаго названія пьесы не припомнимъ. Такимъ образомъ, *Гусь лапчатый* является третьимъ, а, можетъ быть, и четвертымъ, драматическимъ произведеніемъ г. Салова. Изъ этой справки ясно, что г. Саловъ не профессиональный драматургъ и взялся за писаніе для театра очень поздно, а потому и неудивительно, что въ драматическихъ произведеніяхъ онъ не выказалъ того особеннаго мастерства, которое дается не многимъ избраннымъ ихъ геніальностью (Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій), нѣкоторымъ дается привычкою и знаніемъ сцены, обезпечивающими успѣхъ ихъ пьесамъ, а большинству и совсѣмъ никогда не дается, ибо ни съ какою виртуозностью безъ таланта, все-таки, ничего путнаго не сдѣлаешь. Вотъ такимъ-то сценическимъ мастерствомъ, чисто-техническаго свойства, г. Саловъ, при всемъ своемъ беллетристическомъ талантѣ, овладѣть не могъ, главнымъ образомъ, потому, что для театра началъ писать слишкомъ поздно и началъ съ передѣлки повѣстей въ драмы. Мы думаемъ, что у профессиональнаго драматурга и даже у ремес-

ленного, вслѣдъ за выдумкою сюжета, должны складываться въ головѣ отдѣльныя сцены, болѣе или менѣе сообразно съ готовыми, обычными шаблонами и съ пріурочиваніемъ ихъ къ извѣстнымъ эффектамъ, причемъ эффекты могутъ быть притянуты за волосы, разсудку вопреки. Въ головѣ романиста должна, по нашему мнѣнію, сначала сложиться повѣсть на придуманную тему, а потомъ эту повѣсть авторъ перестраиваетъ въ театральную пьесу, что сдѣлать хорошо удастся мастерамъ драматургамъ довольно рѣдко, а романистамъ не удастся почти никогда. Вмѣсто комедіи или драмы, у нихъ такъ и остается повѣсть въ лицахъ. Такъ ли это происходитъ на самомъ дѣлѣ, мы утверждать не будемъ, но на такую мысль наводитъ то впечатлѣніе, которое произвела на насъ драма г. Салова *Гусь лапчатый*. Та же исторія, изложенная въ повѣствовательной формѣ, могла и должна было выйти изъ-подъ пера уважаемаго автора въ видѣ очень хорошаго беллетристическаго произведенія. На сценѣ же она успѣха не имѣла, несмотря на несомнѣнные достоинства этого романа, изъ котораго авторъ сдѣлалъ драму.

Исторія же заключается въ нижеслѣдующемъ: всякими правдами и неправдами,—и преимущественно неправдами, разумѣется,—кабатчикъ Облапошевъ (г. Рыбаковъ) разбогатѣлъ, купилъ имѣніе промотавшагося аристократа, сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ и капиталистомъ, уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, попечителемъ мѣстной школы, большимъ воротилой въ своей округѣ. Есть у него жена, Манева Петровна (г-жа Садовская), простая, добрая женщина, изнывающая подъ гнетомъ своеобразнаго барства, которое напускаетъ на себя Егоръ Ѳедотычъ, превратившійся въ «гуся лапчатого». Дѣтей у нихъ двое: дочка, любимица отца, Агнія (г-жа Уманецъ-Райская), и сынъ Петруша (г. Ильинскій), любимецъ матери. Отецъ воспитываетъ и обучаетъ Агнію «по-господескому», сначала беретъ въ домъ гувернантокъ и учительницъ, потомъ отдаетъ ее въ пансіонъ. Съ сыномъ у Облапошева полный разладъ, кончившійся тѣмъ, что молодой человѣкъ уѣхалъ изъ дома и гдѣ-то на Уралѣ добился упорнымъ трудомъ мѣста помощника управляющаго заводомъ. Супругу свою «гуся лапчатый» загналъ на житье въ подвальный этажъ, чтобы не портила его барской обстановки и не мѣшала бы его любовнымъ похождениямъ. Въ помѣсть Облапошева пріѣзжаетъ новая учительница сельской школы, Елена Петровна (г-жа Яблочкина 2-я), внучка разорившейся аристократки, Софьи Гавриловны Шашковой (г-жа Медвѣдева). Старый кабатчикъ плѣнился молодою дѣвушкой и возмечталъ увѣнчать все свое величіе женитьбою на барышнѣ изъ аристократической семьи, которой принадлежало когда-то запавшее имъ помѣстье. Но для этого необходимо, первымъ дѣломъ, развестись съ женою, старою Маневою. Помогать ему въ томъ, за приличное вознагражденіе, берется адвокатъ Мишанскій (г. Левицкій), разсчитывающій жениться на богатой невѣстѣ Агніи. Пріѣздъ сына и его заступничество за несчастную мать ничуть не измѣняютъ положенія. Доведенная до полнаго отчаянія старуха соглашается на все, чего требуютъ отъ нея

Облапошевъ и его адвокатъ, т.-е. на разводъ, при опозоривающихъ ее обстоятельствахъ, и уходитъ съ сыномъ на квартиру въ томъ же селѣ. Молодой технику не задумался бы уѣхать съ матерью къ себѣ на Уралъ, но и Петра захватила любовь къ учительницѣ, любовь безнадежная и, все-таки, удерживающая его вблизи любимой дѣвушки. Тѣмъ временемъ разводъ совершился, и «гусь лапчатый» дѣлаетъ предложеніе Еленѣ, пытается оболыстить ее своимъ богатствомъ. Старая, больная, едва живая бабушка, услыхавши рѣчи бывшаго кабатчика, выгоняетъ его вонъ, обзываетъ «хамомъ» и «грабителемъ». Въ отместку за отказъ и за обиду, Облапошевъ дѣлаетъ такое представленіе училищному совѣту, что молодой учительницѣ отказываютъ отъ мѣста. Тутъ выясняется, что Петруша любитъ Елену, а Елена любитъ Петрушу. Старая бабушка умираетъ на сценѣ и передъ смертью благословляетъ внуку на бракъ съ сыномъ Облапошева. Адвокатъ Мишанскій женится на Агнии, и вдвоемъ они выманиваютъ у старика дарственную записку на его имѣніе. Въ видѣ финала, Петръ и Елена, уже повѣнчанные, и Манеа приходятъ проститься съ Облапошевымъ передъ отъѣздомъ на Уралъ. Облапошевъ радъ бы былъ оставить ихъ при себѣ, но жена ему уже не жена: она разведена и опозорена, сынъ отцу все простилъ, но жить съ нимъ не можетъ, и остается «гусь лапчатый» на старости лѣтъ одинъ-одинешенекъ.

Въ повѣсти все это вышло бы стройно и гладко, такъ какъ авторъ имѣлъ бы достаточный просторъ объяснить многое такое, чтò въ драмѣ,—по французскому выраженію,—«сваливается зрителю на голову, какъ черепица съ крыши», а именно: слишкомъ быстрое согласіе Манеи на разводъ, непостижимую любовь хорошо образованной барышни къ доброму, но грубоватому технику изъ рабочихъ, неожиданное согласіе умирающей бабушки на бракъ внуки съ сыномъ кабатчика, такимъ же для старой аристократки «хамомъ», какъ его папенька, внезапное смиреніе «гуся лапчатого» и его готовность отдать все имѣніе, вмѣстѣ съ дочерью, проходимцу адвокату. Благодаря таланту автора, все это—живыя лица, ярко и мастерски очерченные съ перваго ихъ появленія передъ зрителемъ. Въ развитіи же дѣйствія, въ изображеніи тѣхъ взаимныхъ между ними отношеній, которыми долженъ обуславливаться интересъ драмы, нѣтъ опредѣленности и силы, захватывающихъ зрителя. Передъ нами проходитъ повѣствованіе о драмѣ въ болѣе или менѣе живыхъ разсказахъ страдающихъ отъ нея лицъ, самая же драма разыгрывается за кулисами и въ антрактахъ. Мы видимъ драматическія положенія и результаты, являющіеся послѣдствіями внутренней борьбы, въ которой и заключается вся сущность драмы. Пояснимъ примѣрами: аристократка-барышня полюбила молодого человѣка другого круга, иного воспитанія, такого человѣка, котораго всѣ близкіе, свои этой барышни искони вѣковъ привыкли и не перестали еще считать «хамомъ». Какъ, за что, почему она полюбила, какъ дошла до рѣшенія выйти за него замужъ,—въ повѣсти г. Саловъ выяснилъ бы намъ все это до тонкости и съ полною убѣдительностью. Въ драмѣ онъ даетъ совершив-

щійся фактъ, представляющійся весьма невѣроятнымъ. Родовитая аристократка-бабушка выгоняетъ богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго человѣка въ округѣ, осмѣлившагося свататься за ея внучку,—выгоняетъ потому, что онъ «хамъ», и потомъ сама безъ чьихъ-либо просьбъ и настояній, по собственному побужденію, отдаетъ эту внучку въ жены сыну только что выгнаннаго ею «хама». Какъ это сдѣлалось, въ силу какого психическаго процесса, послѣ какой внутренней борьбы,—это остается неизвѣстнымъ. Происходитъ это какъ-то вдругъ, за минуту до смерти, точно въ этотъ моментъ только осѣнило бабушку. Мы говоримъ: этого быть не можетъ, бабушка знала или догадывалась о взаимной любви молодыхъ людей; она пережила тяжелую борьбу, прежде чѣмъ согласиться на такой неравный бракъ, и борьба была настолько тяжела, что рѣшительное слово вырвалось у старухи лишь съ послѣднимъ вздохомъ, *in extremis*, когда уже нельзя больше откладывать. Этой борьбы нѣтъ, она намъ не показана, о ней мы можемъ только догадываться. За то передъ нами детально воспроизведена совершенно ненужная въ пьесѣ сцена смерти бабушки, поразительно исполненная г-жею Медвѣдовой. Высокоталантливую артистку всеѣмъ театромъ и много разъ вызывали. Но мы не сомнѣваемся въ томъ, что вызовы были бы такъ же единодушны и шумны, — болѣе дружныхъ не бываетъ, — если бы г-жѣ Медвѣдовой дана была авторомъ возможность изобразить то ужасное состояніе, которое должна пережить старая аристократка, вынужденная отдать единственную внучку, послѣдній отпрыскъ знатнаго рода, за «хамово отродье», за сына кабатчика Облапошева. Какимъ бы ни былъ «гусемъ лапчатымъ» самъ Облапошевъ, не могъ онъ безъ борьбы съ самимъ собой рѣшиться опозорить старую жену мерзкимъ разводомъ, и всего менѣе могъ онъ безъ борьбы съ дочерью и будущимъ зятемъ отдать имъ то состояніе, благодаря которому онъ и сталъ «гусемъ лапчатымъ». И такая борьба, несомнѣнно, происходила; мы не видали ее, къ сожалѣнію, но знаемъ, что она была и такъ подѣйствовала на Облапошева, что, въ концѣ-концовъ, сломила его, превратила изъ «гуся лапчатого» въ мокрую курицу. Г. Рыбаковъ превосходно изобразилъ этого типическаго представителя современной провинціи. Это уже не Колупаевъ и не Деруновъ, рвущіе куски и лохмотья отъ доставшейся имъ добычи. Это видъ особливый, настоящій Облапошевъ, который «облапошиваетъ» до-чиста и цѣликомъ. Онъ не изъ той мелкой и хищной породы, что въ мутной водѣ рыбешку ловить, и старая аристократка весьма ошибается, называя его «хамомъ». Не «хамъ» онъ, а образцовый экземпляръ того вида, до котораго дошелъ путемъ эволюціи всеѣмъ извѣстный когда-то «чумазый», превратившійся въ лицѣ Облапошева въ «гуся лапчатого», въ провинціальнаго воротилу, принимающаго у себя губернаторовъ и всякую мѣстную власть, уже забывшую, какъ этотъ «гусь» выльзъ изъ-за кабацкой стойки и «облапошилъ» промотавшагося графа. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить, что этотъ «гусь» отнюдь не самодуръ, вродѣ старыхъ Китъ Китычей, увѣковѣченныхъ Островскимъ. То были люди грузные и крѣпкіе своимъ невѣжествомъ, сильные

въ своемъ «темномъ царствѣ», гдѣ закономъ было: «нраву моему не пріятствуй». Облапошевъ всякую «образованность» почитаетъ, дочку обучилъ по-господски, сыномъ былъ бы доволенъ, если бы тотъ принялъ барскую внѣшность, самъ заучиваетъ иностранныя словечки, учился даже танцовать, жену гонить потому, что она «баба-мужичка», по стрункѣ ходилъ передъ какою-то гувернанткой, которая завела въ домѣ «барскіе» порядки. И сила его не отъ окружающаго «темнаго царства», — она проявляется во всемъ своемъ дикомъ великолѣпіи на самомъ свѣтломъ просторѣ передъ современнымъ образованнымъ и высшимъ обществомъ провинціи потому, что самъ онъ не старозавѣтный самодуръ и не Кить Китьчъ, а настоящій «гусь лапчатый», «буржуй» новой формаціи, носящій въ себѣ всѣ зачатки, весь матеріалъ, изъ которыхъ развивается такъ называемая «денежная аристократія», алчущая концессій, запретительныхъ тарифовъ и густо расшитыхъ мундировъ. Въ провинціи этотъ бывшій кабатчикъ пока только — «гусь лапчатый», доберется онъ до крупнаго центра и станетъ павлиномъ, широко распуститъ свой пестрый хвостъ и заоретъ во всю «буржуйско-павлинью» глотку заученныя иностранныя слова: экономическая политика, конкуренція, протекціонизмъ... «Гусь лапчатый» — типъ, и воспроизведенъ онъ г. Рыбаковымъ какъ нельзя лучше. Намъ въ первый разъ приходится говорить о г. Ильинскомъ со времени перехода его изъ театра Корша на казенную сцену. Такая перемѣна обстановки отразилась не совсѣмъ выгодно на игрѣ, несомнѣнно, даровитаго артиста. Мы видѣли г. Ильинскаго въ театрѣ Корша; тамъ онъ шелъ въ тонъ со всею труппой и выдѣлялся изъ нея, возвышаясь надъ многими артистами. На сценѣ Малаго театра тонъ иной, традиціонный, увѣренный и спокойный, обычный всѣмъ артистамъ отъ мала до велика. И этотъ тонъ, издавна настроенный по одному высокому камертону, держится крѣпко, ровно и стройно, чѣмъ и обусловливается необычайно дружное исполненіе, тотъ удивительный ансамбль, который часто прикрываетъ собой недостатки и даже негодность нѣкоторыхъ пьесъ, слабость нѣкоторыхъ исполнителей. Въ этотъ, такъ сказать, художественно-аристократическій тонъ г. Ильинскій, повидимому, еще не успѣлъ попасть и ему необходимо много поработать для того, чтобы ни голосъ его, отъ природы очень гибкій и пріятный, ни манеры, немного порывистыя, не вносили диссонанса въ «концертное» исполненіе, какъ очень мѣтко сказалъ кто-то про игру артистовъ Малаго театра. Главный недостатокъ молодого артиста заключается въ томъ, что онъ нѣсколько излишне суетится, торопится и возвышаетъ голосъ, точно боится, что его не услышатъ. Однимъ словомъ, въ его игрѣ нѣтъ спокойствія. Г-жа Уманецъ-Райская очень хорошо провела весьма неблагоприятную роль дочери Облапошева, а г-жа Полянская замѣчательно типично воспроизвела вводное лицо «всеобщей приживалки», фигуры, отлично знакомой всѣмъ, жившимъ въ провинціи.

Въ послѣднихъ числахъ ноября поставлена старая пьеса А. Дюма-сына *Les idées de madame Aubray*, передѣланная В. А. Крыловымъ подъ названіемъ *Безъ предразсудковъ*. Передѣлка, насколько мы припоминаемъ читан-

ную нами когда-то въ оригиналъ комедію, состоитъ въ перемѣнѣ французскихъ именъ на русскія, въ перенесеніи мѣста дѣйствія изъ Франціи въ окрестности Петербурга и въ нѣкоторыхъ сокращеніяхъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ. Разъ сдѣланы измѣненія въ именахъ, нельзя, разумѣется, сказать, что это переводъ. Но мы думаемъ, что уважаемый драматургъ поступилъ бы лучше, если бы далъ намъ простой переводъ съ сохраненіемъ именъ подлинника и съ тѣми сокращеніями, которыя послужили къ украшенію комедіи. Въ томъ видѣ, въ какомъ пьеса идетъ на нашей сценѣ, русскія имена дѣйствующихъ лицъ звучатъ диссонансомъ, ибо настоящіе русскіе люди такъ не говорятъ, такъ не думаютъ, такъ не чувствуютъ. И думать, и чувствовать они могутъ то же самое, что французы при извѣстныхъ, тождественныхъ обстоятельствахъ, только у русскихъ все это произойдетъ по-своему и выразится иначе. Если бы въ комедіи *Безъ предразсудковъ* были оставлены французы, мы бы такъ и смотрѣли на нихъ, такъ и знали бы, что все это у французозъ бываетъ и быть иначе не можетъ. Когда же мы слышимъ, какъ разговариваютъ между собою старикъ Чегуринъ и молодой человѣкъ Загоровъ, или г-жа Агарина съ ними обоими и съ своимъ сыномъ, мы не можемъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что такъ у насъ никогда не бываетъ. Тѣмъ не менѣе, фабула пьесы такова, что изображенное въ комедіи событіе одинаково возможно въ окрестностяхъ любого европейскаго города и кто бы ни были дѣйствующія лица, французы, нѣмцы, англичане или русскіе. Дѣло въ томъ, что мадамъ Обри (по-русски неудобно говорить м-мъ Обрей), въ переводѣ богатая вдова Агарина (г-жа Ѳедотова), держится своихъ идей, идущихъ во многомъ наперекоръ общественнымъ предразсудкамъ. Она женщина умная, добрая, всегда готовая помочь ближнему, не разбирая, хорошъ онъ или дурень, и не однѣми деньгами, а словомъ и дѣломъ, совѣтомъ и нравственною поддержкой. Она — идеалистка и стремится осуществить свои идеалы на практикѣ и единственнаго своего сына Павла (г. Багровъ) сѣумѣла воспитать сообразно со своими идеями. Въ воспитаніи этого молодого человѣка и въ дѣлахъ благотворительности ей служить вѣрнымъ помощникомъ старинный ея другъ Чегуринъ (г. Ленскій), пятнадцати-лѣтняя дочь котораго, Варя (г-жа Кузина), съ дѣтства назначена въ жены Агарину, какъ это часто бываетъ у французозъ и, кажется, совсѣмъ не бываетъ у русскихъ. Въ числѣ знакомыхъ у Агариной бываетъ очень богатый молодой человѣкъ Загоровъ (г. Южинъ), холостой, не знающій, куда дѣвать избытокъ денегъ и досуга. Про себя онъ говоритъ, что избралъ своею спеціальностью влюбляться въ хорошенькихъ женщинъ, преимущественно блондинокъ. Онъ и теперь влюбленъ въ восхитительную блондинку, слѣдомъ за которою пріѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ живутъ Агарины и Чегурины. Появляется блондинка, Батунина (г-жа Лешковская), съ маленькимъ сыномъ Борей (экст. Домашева 2). Всѣ принимаютъ ее за вдову, Агарина знакомится съ нею, зоветъ къ себѣ на вечеръ. Для зрителя выясняется, что она не вдова и никогда замужемъ не была,

и что отецъ ея сына богатый баринъ Дуличъ (г. Левицкій). Не желая своимъ знакомствомъ поставить въ неловкое положеніе Агарину, Батунина откровенно рассказываетъ ей все свое прошлое. Родители ея, бѣдные ремесленники, перебивались кое-какъ, пока былъ живъ отецъ. Умеръ онъ, наступила гнетущая нужда, чуть не нищенство. Помогъ Дуличъ. Какъ сдѣлалось, что Батунина стала его любовницей, она сама не умѣетъ объяснить: она не любила его, а молодость, бѣдность, неопытность, невозможность найти заработокъ... Дуличъ богатъ, добръ и щедръ, онъ и теперь помогаетъ ей, несмотря на то, что уже два года женатъ и съ нею не видится. На его деньги она живетъ и надѣется воспитать сына. Агарина разясняетъ молодой матери, насколько нехорошо ея прошлое и настоящее, убѣждаетъ навсегда отказаться отъ помощи Дулича, общается найти работу и помочь воспитать сына. Изъ разговора съ Батуниной, Агарина, знающая уже, что въ нее влюбленъ Загоровъ, выводитъ заключеніе, что и она любить Загорова. Въ головѣ идеалистки, всю жизнь прожившей «безъ предразсудковъ», складывается блестящій планъ женить Загорова на Батуниной, и она тотчасъ же приступаетъ къ осуществленію своей идеи. Агарина передаетъ Загорову все, что знаетъ про Батунину, и настойчиво доказываетъ ему, что онъ долженъ жениться, что не могутъ въ томъ помѣшать ему нелѣпые предразсудки. Прижатый къ стѣнѣ Загоровъ пускаетъ въ ходъ послѣднее возраженіе: «А если бы на моемъ мѣстѣ былъ вашъ сынъ, что бы вы ему сказали?»—«То же, что и вамъ, сказала бы—женись!»—храбро заявляетъ Агарина. И вдругъ оказывается, что ея ненаглядный Павелъ уже давно любить эту дѣвушку-мать и она любить его. Павелъ проситъ позволенія жениться на ней. Агарина въ ужасѣ; передъ такимъ неожиданнымъ казусомъ разлетѣлись въ прахъ всѣ ея «идеи», она категорически отказывается сыну въ своемъ согласіи на такой бракъ. «Вотъ тебѣ и безъ предразсудковъ!»—сентенціозно замѣчаетъ Чегуринъ. Приходитъ Батунина, и ей доказываетъ Агарина, что совершенно невозможна женитьба на ней Павла, убѣждаетъ дѣвушку отказаться отъ этого замужства. Батунина зоветъ Павла и при всѣхъ взводитъ на себя небылицу, будто у нея былъ не одинъ любовникъ, будто она вела такую же позорную жизнь, какъ и многія несчастныя дѣвушки въ ея положеніи. «Неправда, не вѣрьте ей!»—вырывается крикъ Агариной; потомъ, обращаясь къ сыну, она говоритъ:—«Женись на ней!» Общее благополучіе, предразсудокъ побѣжденъ, только старикъ Чегуринъ резонируетъ, что примѣру Агариной, къ сожалѣнію, никто не послѣдуетъ. Пьеса сдѣлана очень ловко и сценично, пересыпана блестками остроумія и чисто-французскими сентенціями, переведена прекрасно, разыграна превосходно и успѣха, все-таки, не имѣла: публикѣ она не понравилась. Исполнителей вызывали, тѣмъ не менѣе, очень шумно, и было за что. Г-жа Федотова была безподобна необычайною задушевною правдивостью, которая звучала въ каждой фразѣ, чувствовалась въ каждомъ движеніи. Г-жа Лешковская положительно восхищала весь театръ искренностью тона наивной

простой дѣвушки, чувствующей въ своей жизни что-то неладное, но не сознающей, почему это неладно, и не знающей, какъ выйти изъ тяжелаго положенія. Сцена клеветы на себя была исполнена безукоризненно и трогательно. Г. Южинъ былъ великолѣпецъ въ роли жуира, беззаботно пользующагося своею свободой и вдругъ попавшаго въ такое положеніе, что — хоть въ окно выпрыгивай, не то вотъ-вотъ сейчасъ женятъ на очаровательной блондинкѣ съ незаконнымъ ребенкомъ на рукахъ. Вся пьеса прошла съ отличнѣйшимъ ансамблемъ, съ такимъ, именно, о какомъ мы выше говорили: разыграна, какъ блестящій концертъ.

Ан.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Давно уже никакое событіе не волновало такъ общественное мнѣніе Франціи, какъ печальное дѣло компаніи для прорытія Панамскаго канала. Въ этомъ дѣлѣ замѣшаны и знаменитые люди, съ творцомъ Суэцкаго канала, Лессепсомъ, во главѣ, и крупныя финансовыя дѣльцы, и нѣсколько депутатовъ и сенаторовъ. На предпріятіе тратились громадныя деньги, его воротили и биржевые игроки наживали необычайныя барыши, а работы на мѣстѣ шли плохо. *Русская Мысль* напечатала нѣсколько лѣтъ тому назадъ статью г. Венюкова, въ которой приведены въ этомъ отношеніи весьма поучительныя данныя *). Значительныя суммы тратились компаніей на подкупъ нѣкоторыхъ представителей административной власти, сенаторовъ, депутатовъ и газетъ. Подкупъ былъ направленъ къ тому, чтобы парламентъ и правительство не раскрыли злоупотребленій и, можетъ быть, явнаго мошенничества въ веденіи дѣла. Но въ палатѣ депутатовъ, наконецъ, раздались голоса, которые потребовали полнаго свѣта въ панамскомъ дѣлѣ. Подробностей мы приводить не станемъ: читателямъ они извѣстны изъ газетъ, переполненныхъ за послѣднее время извѣстіями и толками объ этомъ громкомъ и характерномъ дѣлѣ. Но общій смыслъ взволновавшихъ Францію разоблаченій и образъ дѣйствія въ данномъ случаѣ какъ парламента, такъ и правительства Французской республики заслуживаютъ большаго вниманія.

Подкупы, темныя сдѣлки и пронырливая нажива не составляютъ, конечно, особенности панамскаго дѣла. Современная биржевая игра и предпринимательскія затѣи почти всегда сопровождаются такими печальными явленіями вездѣ въ Европѣ и въ Америкѣ. Достаточно указать на разоблаченія одного изъ честнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ парламентскихъ дѣятелей Германіи, еврея Эдуарда Ласкера, направленные противъ «грюндерства», въ которомъ были замѣшаны и высокопоставленные въ прусской администраціи люди. Важно и утѣшительно, что всегда находятся народныя представители, которые мужественно выступаютъ противъ биржевыхъ и предпринимательскихъ надувательствъ. Разумѣется, печально, что нѣкоторыхъ выдающихся даже правительственныхъ и парламентскихъ дѣятелей оказывается

*) М. И. Венюковъ: „Панамскій каналъ“ (*Русская Мысль* 1888 г., кн. I).

возможнымъ подкупить за большія деньги. Но отрадно, что большинство этихъ дѣятелей нельзя подкупить никакими деньгами, нельзя заставить ихъ молчать никакими соблазнами или страхами. И парламенты во всѣхъ странахъ, когда имъ раскрывали глаза на позорныя продѣлки отдѣльныхъ депутатовъ или правительственныхъ лицъ, всегда исполняли до конца свой долгъ, карая преступленія и безправственное злоупотребленіе общественнымъ довѣріемъ. Такъ было въ Германіи въ упомянутомъ нами случаѣ, такъ было во Франціи, когда въ неблаговидныхъ дѣяніяхъ былъ замѣшанъ зять тогдашняго президента республики, Жюль Гриви. Своевременно мы отмѣчали это неоцѣнимое достоинство современныхъ учреждений, при которыхъ истину спрятать нельзя, при которыхъ правда не можетъ, въ концѣ-концовъ, не получить полного торжества.

Новымъ подтвержденіемъ этому служить и прискорбная панамская исторія. Лессепсъ принадлежитъ къ числу людей, которыми особенно и справедливо гордилась Франція. Въ дѣло замѣшаны знаменитый инженеръ Эйфель и многіе извѣстные люди. Враги республики во Франціи стараются конечно, воспользоваться всѣмъ этимъ дѣломъ въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, съ общественнымъ благомъ и правосудіемъ не имѣющихъ никакихъ точекъ соприкосновенія. И, тѣмъ не менѣе, палата депутатовъ потребовала свѣта, полного свѣта, не щадя никого. Когда кабинетъ Лубе въ лицѣ министра юстиціи Рикара поколебался удовлетворить эти требованія парламента, кабинетъ долженъ былъ выйти въ отставку. Правда, новое министерство составилось почти изъ тѣхъ же членовъ, какъ и прежнее, но министромъ-президентомъ является Рибо, Рикаръ потерялъ свой портфель и министромъ юстиціи выбранъ Леонъ Буржуа, неподкупность, твердость и энергія котораго находятся внѣ всякаго сомнѣнія. Въ засѣданіи палаты 26 ноября новый министръ юстиціи, отвѣчая на запросъ Гюббара, заявилъ, что, въ соотвѣтствіи съ ясно выраженною волей республиканскаго большинства, онъ дастъ парламентской комиссіи полную возможность ознакомиться со всѣми документами дѣла. Буржуа полагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, учреждая эту комиссію, палата не имѣла въ виду создавать особую юрисдикцію внѣ и выше существующихъ. Палата хотѣла учредить на этотъ разъ судъ чести, разслѣдовать, кто именно сталъ недостойнымъ участія въ народномъ представительствѣ вслѣдствіе прямого или косвеннаго участія въ темныхъ финансовыхъ операціяхъ. Министръ прибавилъ, что враги республики, раздувая дѣло и выступая съ лицемѣрными заявленіями во имя правосудія, ведутъ политическую кампанію, готовятъ себѣ удобныя и выгодныя избирательныя программы. Правая протестовала противъ этихъ словъ министра, но они заключаютъ въ себѣ несомнѣнную истину. «Обязанность республиканской партіи,—сказалъ Буржуа, подтвердивъ свое предположеніе,—быстро идти къ свѣту не только для того, чтобы поразить виновныхъ, но также и для того, чтобы уничтожить сѣть клеветническихъ навѣтовъ» *).

*) *Русскія Вѣдомости*, № 333.

Буланжистская и монархическая клевета пытается набросить тѣнь на выдающихся вождей республиканской партіи, т.-е. на самую республику. Такъ, были высказаны подозрѣнія относительно Флоке. Дѣлались намеки на то, что онъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, получилъ съ панамской компаніи нѣсколько сотъ тысячъ франковъ на выборную агитацію. Президентъ палаты депутатовъ отвергъ эти обвиненія въ такихъ возвышенныхъ и точныхъ выраженіяхъ, что вызвалъ единодушныя рукоплесканія всей палаты. Даже монархисты и буланжисты поддались обаянію этого благороднаго, полного достоинства заявленія. Открывая 20 ноября засѣданіе палаты, ея президентъ попросилъ вниманія депутатовъ къ его личному дѣлу. «Я буду кратокъ, — сказалъ Флоке. — Я утверждаю передъ палатою, что въ обстоятельствахъ, на которыя дѣлались намеки, я не только не оказывалъ ни на кого никакого давленія, не только ничего не требовалъ, но ничего не просилъ, не получалъ, не раздавалъ. Правительство, во главѣ котораго я имѣлъ честь находиться, было закономѣрно и честно. Управление, специально мое, — министерство внутреннихъ дѣлъ и общей безопасности, — имѣетъ ясную совѣсть и чистыя руки. Я никогда не осмѣлился бы принять и сохранять честь быть президентомъ этого собранія, если бы на моемъ министерскомъ прошломъ могло лежать воспоминаніе даже не о преступномъ дѣйствіи, но о дѣйствіи только двусмысленномъ» *).

Нескончаемый взрывъ рукоплесканій, говоритъ *Paris*, былъ отвѣтомъ парламента на это горделивое и энергическое заявленіе.

Въ дѣлѣ раскрытія злоупотребленій панамской компаніи на ряду съ палатой депутатовъ заслуга принадлежитъ и печати, которая неустанно будила общественное мнѣніе. Парламентъ понимаетъ великую роль гласности, и попытка стѣснить свободу печати встрѣтила съ его стороны рѣшительный отпоръ. Лубе, напуганный покушеніями динамитчиковъ, предложилъ, какъ одно изъ средствъ борьбы съ этими варварскими преступленіями, ввести нѣсколько карательныхъ постановленій противъ пропаганды такихъ злодѣйствъ путемъ печатнаго слова. Бывшему президенту совѣта показалось мало существующихъ уголовныхъ законовъ, наказующихъ за подстрекательство къ преступленію. Онъ имѣлъ въ виду ввести въ законъ допущеніе предварительнаго ареста того выпуска. повременнаго изданія, противъ котораго должно было возбуждаться судебное преслѣдованіе. Но радикальная группа республиканской партіи энергично выступила противъ всякихъ попытокъ ограничить свободу печати и была поддержана республиканцами умѣренными, которые дорожатъ этою свободой не менѣе радикаловъ. Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчей, произнесенныхъ при обсужденіи въ палатѣ правительственнаго законопроекта, была рѣчь Пешона. Онъ искусно воспользовался словами Лубе, энергично защищавшаго политику республиканцевъ, давшую французскому народу свободу, поднимавшую его самосознаніе и экономическое благосостояніе. Если таковы были

*) *Paris*, 21 novembre.

результаты этой политики, то зачѣмъ же измѣнять ее по отношенію къ печати, которая такъ могущественно содѣйствовала достиженію этихъ результатовъ? Вводя предварительный арестъ автора статьи, которая будетъ поводомъ къ судебному преслѣдованію, законопроектъ открываетъ дверь самому пагубному административному произволу. По замѣчанію Армана Дебре, при такомъ законѣ Гамбетта могъ бы просидѣть въ тюрьмѣ весь избирательный періодъ.

Интересна статья въ защиту свободы печати, написанная Анри Фукье въ газетѣ, главнымъ руководителемъ которой является извѣстный Артуръ Мейеръ, довѣренное лицо одного изъ претендентовъ на французскій престолъ, графа Парижскаго **). Фукье говоритъ, что въ современной Франціи и рѣчи быть не можетъ о предварительной цензурѣ, денежныхъ залогахъ и тому подобныхъ мѣрахъ, какими была столь богата наполеоновская Франція. Правительство Наполеона III не достигло, однако, своихъ цѣлей. Публицисты выработали свой языкъ такимъ образомъ, что ихъ подлинная мысль окутывалась неопредѣленными выраженіями, а читатели привыкли ловить каждый намекъ и даже истолковывать въ неблагопріятномъ для правительства смыслѣ каждый сообщенный фактъ, каждую фразу, хотя зачастую такое истолкованіе совсѣмъ не предвидѣлось журналистомъ.

Можно предполагать, что панамское дѣло, гдѣ главными виновниками являются бонапартисты, какъ Лессепсъ, несмотря на печальную прикосновенность къ нему нѣкоторыхъ республиканскихъ дѣятелей, окончится справедливыми и строгими приговорами, какъ со стороны парламента, такъ и со стороны суда. Республика пустила въ странѣ уже глубокіе корни, и соединеннымъ усиліямъ клерикаловъ, буланжистовъ и монархистовъ не удастся ее поколебать. Для Россіи чрезвычайно важно, чтобы внутренняя борьба партій во Франціи не принимала опаснаго характера, чтобы во главѣ великаго народа стояло миролюбивое и прочное правительство, пользующееся полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ общественнаго мнѣнія. Десять послѣднихъ лѣтъ республики, протекшихъ со смерти Гамбетты, были ознаменованы большими и планомерными усиліями, направленными къ нравственному возрожденію Франціи. Для народнаго образованія республика сдѣлала такъ много, какъ ни одна изъ предшествовавшихъ монархій. Менѣе успѣховъ оказалось въ области экономическаго законодательства. Тѣ элементы республиканской партіи, которые составились изъ прежнихъ орлеанистовъ, являются тормазомъ въ дѣлѣ развитія законодательства на пользу рабочихъ классовъ. Биржа, банки и акціонерныя компаніи пользуются еще во Франціи, какъ и въ другихъ государствахъ Европы, совсѣмъ неподобающимъ имъ вліяніемъ на ходъ государственной жизни. Панамское дѣло отрезвить въ этомъ отношеніи многихъ.

Тѣ десять лѣтъ, которыя прошли со смерти Гамбетты, научили цѣнить

*) *La Justice*, 19 novembre.

**) *Le Gaulois*, 16 novembre.

государственный умъ великаго демократа. Мы напоминаемъ въ очеркѣ, напечатанномъ въ этой книжкѣ *Русской Мысли*, важнѣйшія событія изъ этой полной славы, терзаній и неустаннаго труда, такъ преждевременно оборвавшейся жизни одного изъ основателей третьей республики. Люди, принадлежащіе къ другому, чѣмъ Гамбетта, лагерю, признають теперь его великія заслуги. Такъ, Мельхиоръ де-Вогюе, разбирая въ *Revue des Deux Mondes* послѣдній романъ Золя (*La débacle*), говоритъ, что въ борьбѣ съ нашествіемъ нѣмцевъ Гамбетта воплощалъ душу Франціи, что онъ—истинный и главный основатель современнаго могущества этой страны.

Мы упомянули, что для нашего отечества важно существованіе во Франціи миролюбиваго правительства: если бы тамъ возобладалъ личный режимъ, то Франція могла бы быть втянута въ войну съ Германіей (и съ тройственнымъ союзомъ, разумѣется), а Россія не можетъ допустить новаго разгрома государства, являющагося военнымъ противовѣсомъ Гогенцоллернской имперіи. А покуда Европа истощается въ вооруженіяхъ. *National-Zeitung* приводитъ изъ *Militär-Wochenblatt* слѣдующія цифры состава армій въ мирное время:

Италія	346	батальоновъ,	144	эскадрона,	207	баттарей.
Австро-Венгрія	458	»	264	»	241	»
Германія	538	»	372	»	434	»
Франція	584	»	364	»	480	»
Россія	963	»	608	»	388	»

Всего соединенныя силы тройственнаго союза представляютъ 1,342 батальона, 780 эскадроновъ и 882 баттарей, а Россія и Франція—1,547 батальоновъ, 942 эскадрона и 868 баттарей *). Военная газета приводитъ эти свѣдѣнія для того, чтобы требовать новаго усиленія германской арміи. И можно только подивиться близорукости правительства, разоряющаго собственный народъ для обезпеченія ему военнаго первенства, не подумавши о томъ, до какихъ же поръ народъ въ состояніи будетъ переносить эту страшную тяжесть? Сколько людей повторяють горькое сожалѣніе о томъ, что безумныя деньги, идущія на армію и флотъ, не отданы распространенію народнаго просвѣщенія и подъему народнаго благосостоянія! Не подлежитъ сомнѣнію, что такое назначеніе нынѣшняго военнаго бюджета въ продолженіе немногихъ десятковъ лѣтъ вполнѣ погасило бы національную ненависть между государствами и въ предѣлахъ многоплеменныхъ государствахъ. А теперь приходится отмѣчать новые факты этой ненависти, въ особенности между Германіей и Франціей, и въ Австро-Венгріи. Въ Габсбургской монархіи вражда между чехами и нѣмцами нисколько не смягчается. Съ другой стороны, тамъ развиваются и крѣпнущіе идеи равноправности и солидарности всѣхъ славянскихъ народовъ. На съѣздѣ въ Грацѣ славянскихъ студентовъ извѣстный депутатъ цислейтанскаго рейхсрата, профессоръ Пражскаго универси-

*) *National-Zeitung*, 3 november.

тета Масарикъ, произнесъ рѣчь, одушевленную именно этими идеями: «Вы счастливы насъ,—говорилъ Масарикъ студентамъ,—вы имѣете возможность познакомиться какъ между собою, такъ и со всѣми славянскими племенами на почвѣ практической жизни. Передъ вами весь славянскій міръ, со всѣми его стремленіями и интересами. Вамъ предстоитъ войти въ ближайшее общеніе со всѣми славянскими племенами и въ нихъ узнать и свой народъ. Вы можете нагляднѣе уразумѣть силу и цѣну каждаго славянскаго племени и проникнуться довѣріемъ къ славянской силѣ, представляемой совокупностью этихъ племенъ, что дастъ вамъ полную возможность легче и успѣшнѣе работать въ пользу вашего народа. Славянская солидарность не должна ослаблять энергіи отдѣльныхъ членовъ славянской семьи. Каждое славянское племя, хотя бы самое малочисленное, должно, прежде всего, полагаться на Божію помощь и на свои собственные силы». «Мы, австрійскіе славяне,—продолжалъ профессоръ Масарикъ,—не должны забывать, что не всѣ еще единокровные намъ народы пробили себѣ путь къ самостоятельному росту. Намъ слѣдуетъ изучать славянскіе вопросы, и въ этомъ отношеніи здѣшній университетъ дастъ вамъ всѣ къ тому средства, такъ какъ въ немъ вы можете близко сойтись съ чехами, сербами и представителями прочихъ славянскихъ народностей. Мы должны стараться жить въ согласіи даже и съ нѣмцами для того, чтобы славянская солидарность не представлялась въ ихъ воображеніи чѣмъ-то угрожающимъ. Мы должны показывать собою честный примѣръ служенія славянской идеѣ и стараться во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ быть прямыми. Въ основу нашихъ стремленій должно лечь чувство человеколюбія. Таково наше общее призваніе» *).

Къ сожалѣнію, желанная солидарность, признаніе полной равноправности за каждымъ племенемъ, большимъ или малымъ въ численномъ отношеніи, еще не достигла торжества въ славянскомъ мірѣ. Въ послѣдніе годы это въ особенности слѣдуетъ сказать о Россіи и Болгаріи. Дѣла въ княжествѣ идутъ не хорошо. Мы много разъ говорили о томъ, что большинство русскаго образованнаго общества относилось и относится весьма несочувственно къ стремленію поглотить освобожденный русскимъ народомъ болгарскій народъ,—стремленію, которое обнаруживали нѣкоторые наши воинственные публицисты. Но внутренняя политика государства должна находиться въ соотвѣтствіи съ его иностранною политикой, защита независимости вѣншней должна идти рука объ руку съ охраненіемъ и развитіемъ свободы внутренней, независимаго и безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія. Къ сожалѣнію, правительство Стамбулова дѣйствуетъ въ иномъ направленіи и возбуждаетъ справедливое негодованіе и въ самой Болгаріи, и вѣн ея предѣловъ. Казни и тюрьмы, стѣсненія печатнаго слова, затѣи измѣнить конституцію,—все это такія средства, которыя добра принести не могутъ и вносятъ глубокую вражду въ болгарскій народъ. Что толку въ независимости по отношенію къ другимъ государствамъ, если въ самой

*) *Правительственный Вѣстникъ*, 1 декабря.

Болгаріи политическіе противники нынѣшнихъ министровъ подвергаются гоненіямъ, если они лишены законнаго права защищать свои политическія убѣжденія? Какъ можно защищать правительство, которое производитъ административное давленіе при выборахъ въ народное собраніе и приносить, подъ вліяніемъ австро-венгерскаго правительства, экономическіе интересы болгарскаго народа въ жертву вѣнскому лендербанку? Стамбуловъ, въ угоду Австро-Венгріи, хотеть произвести такое измѣненіе конституціи, которое давало бы болгарскому князю и его непосредственному преемнику право исповѣдовать неправославную религію. Конечно, религіозная совѣсть должна быть свободна, но опасно и странно видѣть во главѣ народа, исповѣдующаго православіе, принца - католика. Римско-католическая церковь не дремлетъ и для ея интригъ, если пройдетъ такое измѣненіе конституціи, откроется широкое поле. Къ политическимъ раздорамъ, которыя теперь терзаютъ молодое государство, присоединится тогда религіозный раздоръ, не менѣе пагубный, и о спокойномъ развитіи духовныхъ и экономическихъ силъ Болгаріи нельзя будетъ и помышлять. Мы всегда относились къ этой странѣ съ самымъ живымъ сочувствіемъ и съ грустью должны указать на ошибки ея нынѣшняго правительства, на тѣ диктаторскія и тараническія замашки, которыя оно себѣ усвоило. Именно такая политика и ведетъ за собою потерю національно-государственной независимости, потому что число противниковъ Стамбулова должно возрастать и ему придется ради торжества своей партіи и своихъ стремленій отдаться подъ протекторатъ Австро-Венгріи.

Консервативный кабинетъ Кановаса долженъ былъ, наконецъ, уступить мѣсто либераламъ съ Сагастою во главѣ. Консервативная партія въ Испаніи стояла довольно долго у власти, но внутри ея давно уже возникли разногласія. Ромеро Робledo, министръ колоній, представлялъ консерваторовъ-реформистовъ, сближавшихся по многимъ вопросамъ съ либералами. Правовѣрные консерваторы не шли ни на какія серьезныя уступки, и союзъ съ группою реформистовъ распался. Прочнаго большинства въ палатѣ не имѣетъ, однако, и Сагаста. Испанія до сихъ поръ является страшною значительныхъ политическихъ неожиданностей. Въ ней, какъ и въ Португаліи, много лѣтъ ведется пропаганда республиканскихъ идей. Отъ времени до времени вспыхиваютъ даже движенія, направленные къ ниспроверженію монархіи. Въ послѣдніе годы дѣятельность республиканской партіи въ Испаніи почти незамѣтна, но сомнительно, чтобы Зориля и его сторонники отказались отъ борьбы и отъ надежды снова дождаться провозглашенія республики.

Консервативный кабинетъ въ Португаліи наканунѣ общихъ выборовъ въ палату депутатовъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ, которая вызываетъ сильное неудовольствіе: 36 статья конституціи постановляла, что депутаты на время своихъ полномочій получаютъ вознагражденіе. Закономъ 1886 года предѣльная сумма такого вознагражденія установлена была въ 79.700,080 рей-

совъ и 6.000,000 рейсовъ для депутатовъ изъ колоній *). Кабинетъ отмѣнилъ законъ, выставляя на видъ финансовое истощеніе страны. Было бы цѣлесообразнѣе, конечно, сократить военныя издержки, которыя разоряютъ страну болѣе, чѣмъ скромное вознагражденіе, которое получали народные представители. Повсюду въ Европѣ мы замѣчаемъ противоположное стремленіе ввести депутатамъ вознагражденіе, какъ правило. И такое стремленіе понятно и справедливо: народный представитель долженъ посвятить все свое время изученію законодательныхъ вопросовъ, онъ долженъ на это время быть свободнымъ отъ заработка для существованія. При всеобщей подачѣ голосовъ въ парламентъ посылаются люди бѣдные, для которыхъ политическая дѣятельность безъ вознагражденія является непосильною тяжестью. Движеніе въ этомъ направленіи замѣчается даже въ Англіи.

За португальскими депутатами, впрочемъ, оставлено право бесплатнаго проѣзда по государственнымъ желѣзнымъ дорогамъ и на военныхъ корабляхъ. Имъ, кромѣ того, могутъ быть выдаваемы муниципалитетомъ избирательныхъ округовъ субсидіи, размѣры которыхъ центральнымъ правительствомъ не опредѣляются.

Въ то время, какъ Европа истощается отъ вооруженій, поучительно приводить данныя объ экономическихъ успѣхахъ великаго народа, свободнаго отъ милитаризма. Такъ, стоимость ткацкаго производства въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 1880 году равнялась 500 милліонамъ долларовъ, въ 1890 году она поднялась до 693 милліоновъ. Число рабочихъ, занятыхъ на этихъ фабрикахъ, возвысилось съ 366,436 до 488,921, а сумма заработной платы съ 98 съ половиною милліоновъ долларовъ до 162.365,598 **). Она подымается, слѣдовательно, съ значительною скоростью. Но Америка дѣлаетъ чудеса и въ дѣлѣ умственнаго развитія. Въ Чикаго на общественныя школы тратится ежегодно (считая на нѣмецкія деньги,—мы заимствуемъ эти данныя изъ *Frankfurter Zeitung*) 24 милліона марокъ, т.-е. на два милліона болѣе, чѣмъ на всѣ государственныя и церковныя школы Баварскаго королевства. Въ Чикаго существуютъ, кромѣ того, 800 частныхъ школъ. Учениковъ въ 1891 году было 220,000, учителей и учительницъ—15,000. Великолѣпная, всѣмъ доступная городская библіотека, которую пришлось вновь создавать послѣ опустошившаго Чикаго пожара, имѣетъ уже болѣе 200,000 томовъ. На книжный рынокъ Чикаго поступаетъ ежегодно не менѣе девяти милліоновъ томовъ. Число учено-литературныхъ обществъ и клубовъ равнялось въ прошломъ году 725, газетъ ежедневныхъ печаталось въ Чикаго 30, еженедѣльныхъ—305, изданій, выходящихъ въ мѣсячныя и болѣе рѣдкіе сроки,—611, на всѣхъ языкахъ міра.

Естественно, что громадныя расходы на армію просвѣщенія даютъ американскому народу несокрушимую государственную мощь.

В. Г.

*) Рубль—713 рейсовъ.

**) *Frankfurter Zeitung*, 3 november.

Археологическая замѣтка по вопросу о катакомбахъ въ Керчи.

Въ августовской книжкѣ журнала *Русская Мысль* за текущій годъ помѣщена была статья г. Ремезова подъ заглавіемъ: *По своимъ краямъ*. Авторъ подѣлился въ ней впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ посѣщенія нѣкоторыхъ мѣстностей восточнаго побережья Чернаго моря, и съ наибольшею подробностью остановился на Керчи. Будучи, повидимому, далеко отъ спеціальнаго интереса къ археологіи, г. Ремезовъ постарался, однако, ознакомиться съ тѣми древностями, какія хранятся въ Керчи, посѣтилъ двухъ тамошнихъ коллекціонеровъ и въ бесѣдахъ съ разными лицами собралъ не мало свѣдѣній относительно тѣхъ затрудненій, которыя издавна тормазятъ научное изслѣдованіе богатой въ археологическомъ отношеніи и доселѣ, послѣ почти семидесятилѣтнихъ раскопокъ, почвы древняго Пантикапея. Онъ сѣтуетъ на широко распространенное расхищеніе древностей, на промыселъ такъ называемыхъ «счастливицъ», на открытую торговлю древностями, которую ведутъ въ Керчи нѣсколько спекулянтовъ, сообщаетъ о мѣрахъ, принимаемыхъ съ недавняго времени въ защиту древностей нынѣшнимъ директоромъ керченскаго музея, г. Думбергомъ *). Вполнѣ сочувствуя этому послѣднему въ его добрыхъ начинаніяхъ, онъ плохо вѣритъ, однако, въ успѣхъ его мѣропріятій и высказываетъ, между прочимъ, осужденіе г. Думбергу за одинъ изъ способовъ охраны древностей, о которомъ тотъ сообщилъ ему самъ въ личной бесѣдѣ.

Какъ лицо, близко и непосредственно заинтересованное въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія керченскихъ древностей, я позволю себѣ высказать здѣсь искреннюю благодарность г. Ремезову за то, что онъ своею замѣткой, помѣщенною, притомъ, въ столь широко распространенномъ журналѣ, призвалъ вниманіе образованной публики къ вопросу, наболѣвшему для многихъ и многихъ. Замѣчу, что самъ я отношусь съ гораздо большимъ довѣріемъ къ успѣшности начинаній новаго директора керченскаго музея, не-

*) Г. Думбергъ состоитъ директоромъ керченскаго музея съ лѣта 1891 года, замѣнивъ въ этомъ званіи О. И. Гросса.

жели г. Ремезовъ, хотя и самъ я извѣдалъ на опытѣ тѣ затрудненія, съ которыми теперь приходится бороться г. Думбергу. Но, во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что нужно много труда, энергіи и настойчивости, а также и не одинъ годъ времени, чтобы хоть отчасти поправить то многое дурное, что завелось въ Керчи уже издавна. Не имѣя никакого желанія, ни даже права говорить въ защиту г. Думберга противъ высказаннаго г. Ремезовымъ осужденія одного изъ примѣняемыхъ г. Думбергомъ способовъ охраны памятниковъ,—ибо г. Думбергъ можетъ сдѣлать это самъ, если сочтетъ умѣстнымъ и нужнымъ,—я позволю себѣ, однако, остановиться на этомъ пунктѣ, такъ какъ онъ связанъ съ однимъ моимъ собственнымъ начинаніемъ, которое, увы, не увѣнчалось успѣхомъ. Сообщить теперь объ этомъ въ печати я считаю умѣстнымъ, своевременнымъ и, быть можетъ, — хотѣлось бы надѣяться,—полезнымъ.

Для большей ясности я долженъ привести здѣсь изъ статьи г. Ремезова слѣдующее: во время своего посѣщенія керческаго музея онъ видѣлъ тамъ снимки фресокъ изъ одной катакомбы. Когда же онъ пожелалъ видѣть подлинники, то узналъ, къ великому своему удивленію, что катакомба зарыта. Директоръ музея объяснилъ ему, что это единственный пока способъ охранить этотъ памятникъ отъ полного уничтоженія. По этому поводу г. Ремезовъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Между тѣмъ, охраненіе антиковъ зарываніемъ ихъ, очень можетъ статься, ничего не охранить, такъ какъ «боссяки», точно кроты, роются всюду и г. Думбергъ, купно съ нашими «археологическими заправилами», можетъ оказаться крайне удивленнымъ, не найдя въ зарытыхъ катакомбахъ ни признака какихъ-либо фресокъ. Меня же ни капельки не удивитъ, если отковыренные по частямъ эти фрески окажутся въ коллекціи какого-нибудь русскаго или иностраннаго любителя».

Мнѣ лично привелось въ прошломъ году открыть въ Керчи одну катакомбу съ фресками, которую, послѣ срисовки фресокъ, также зарыли, какъ и ту, о которой сѣтуетъ г. Ремезовъ, и я могу съ полною увѣренностью утверждать, что опасности, о которой говоритъ г. Ремезовъ, вовсе не существуетъ. Катакомбы или, правильнѣе, погребальныя пещеры *), сооруженія подземныя, устраивавшіяся, притомъ, въ сыромъ глинистомъ грунтѣ; фрески рисованы въ нихъ наскоро на тонкомъ слоѣ штукатурки;

*) Терминъ „катакомба“ для этого типа погребальныхъ сооружений избранъ неправильно. Онъ вошелъ въ оборотъ еще со времени Дюбрюкса, т.-е. 20-хъ годовъ нашего столѣтія, и утвержденъ затѣмъ авторитетомъ такихъ изданій, какъ *Протилеи* Леонтьева и *Отчеты археологической комиссіи*. Терминъ „катакомба“ вызываетъ представленіе о подземныхъ галлерейхъ, тогда какъ въ Керчи каждая такъ называемая катакомба есть сооруженіе самостоятельное, имѣетъ свой особый ходъ. Если въ настоящее время весьма часто можно изъ одной катакомбы проникнуть въ другую или даже въ нѣсколько сосѣднихъ, то это потому, что древніе и новые грабители пробивали толщу глины, отдѣляющую одну катакомбу отъ другой. Такъ какъ катакомбы часто находятся на одной и той же глубинѣ, то этотъ способъ проникать изъ одной, открытой сверху, катакомбы въ другія оказывался удобнымъ, и трудъ расхищенія тѣмъ облегчался.

такимъ образомъ, извлечь ихъ оттуда, какъ то дѣлается въ Помпеяхъ, дѣло не только очень трудное, но, въ большинствѣ случаевъ, и вовсе невозможное. Въ 1873 году это было дознано на опытѣ г. Стасовымъ, когда онъ находился въ Керчи по порученію Императорской археологической комиссіи и занять былъ предварительными работами по изданію богатыхъ фресокъ катакомбы, открытой въ 1872 году. Г. Стасовъ подробно разсказалъ о своемъ опытѣ и его неудачѣ *). И такъ, опасность не въ томъ, что фрески будутъ «отковырены» и окажутся въ какой-нибудь частной коллекціи. Но онѣ могутъ быть уничтожены самымъ варварскимъ образомъ: ихъ могутъ безъ всякой жалости соскоблить и сбить со стѣнъ пещеры, если по сосѣдству выстроить себѣ домъ какой-нибудь керченской обыватель и вздумаетъ приспособить пещеру въ качествѣ погреба. Опасность эта не грозитъ той катакомбѣ, о которой говоритъ г. Ремезовъ, такъ какъ она расположена въ мѣстности, сравнительно далеко отстоящей отъ заселяемой нынѣ части склона горы Митридата. Но такая судьба постигла, наприм., катакомбу съ фресками, открытую въ 1877 году **). Во время моего двукратнаго пребыванія въ Керчи, лѣтомъ 1890 и 1891 годовъ, я имѣлъ возможность вскрыть не мало катакомбъ, причемъ я разыскивалъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ съ цѣлью опредѣлить районъ распространенія этого типа погребенія. Съ разрѣшенія владѣльцевъ нѣкоторыхъ усадебъ, я посѣщалъ и осматривалъ погреба, устроенные въ катакомбахъ, и погребъ мѣщанина Ермакова оказался въ катакомбѣ, стѣны которой хранятъ нынѣ лишь слѣды красокъ и ни одного цѣлаго рисунка, а также лишь часть надписи, гласившей объ имени ея древняго владѣльца ***). Всѣ открытыя или посѣщенныя мною катакомбы нанесены на планъ горы Митридата, находящейся нынѣ въ рукахъ директора керченскаго музея, который, быть можетъ, успѣлъ пополнить его новыми данными. Но въ прежнее время, когда раскопки въ Керчи велись непрерывно директорами музея, предшественниками г. Думберга, на планъ не наносилось ничего, археологической карты не составляли. Нельзя, конечно, не пожалѣть объ этомъ, но это упущеніе въ настоящее время уже исправлено. Само собою разумѣется, что было бы гораздо лучше, если бы можно было не только сохранить свѣдѣніе о мѣстонахожденіи той или иной катакомбы, но сдѣлать доступными для посѣщенія тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ особый интересъ въ какомъ-либо отношеніи. Лицамъ, бывавшимъ въ Италіи, извѣстно, что типъ погребальныхъ сооружений, очень близкій къ тому, который въ Керчи носитъ названіе катакомбъ, существуетъ повсемѣстно въ Этруріи; извѣстно также и то, что въ городѣ *Corneto*, древнихъ Таркви-

*) *Отчетъ Императорской археологической комиссіи за 1872 годъ*, стр. 242 и слѣд.

**) *Отчетъ Императорской археолог. комиссіи за 1877—1878 годы*, стр. 5—10. Атласъ, табл. I. — Гр. Толстой и Кондаковъ: *Русскія Древности*, выпускъ второй, стр. 62, рис. 45.

***) *Латышевъ*: „*Inscriptiones Regni Bosporani*“, n. 123.

ніяхъ, всё доселѣ открытыя погребальныя пещеры, стѣны которыхъ украшены фресками, снабжены особыми входами и во всякое время, за извѣстную плату, открыты для посѣщенія и осмотра желающихъ. Мнѣ казалось весьма желательнымъ и вполне возможнымъ, чтобы въ Керчи было устроено нѣчто подобное. Съ разрѣшенія археологической комиссіи, по порученію которой я производилъ раскопки въ Керчи, я поднялъ этотъ вопросъ по отношенію къ катакомбѣ, заслуживающей не меньшаго вниманія, нежели катакомбы съ фресками,—памятника, единственнаго въ своемъ родѣ, а именно: христіанской катакомбы 491 года, которую посчастливилось мнѣ открыть въ первое мое пребываніе въ Керчи, лѣтомъ 1890 года *). Такъ какъ эта катакомба лежитъ одною своею половиною подъ усадьбой керченскаго обывателя г. Коробки, а другою—подъ Госпитальною улицей, еще не спланированную въ этомъ мѣстѣ, то я и подалъ г. городскому головѣ мотивированное предложеніе объ устройствѣ входа въ эту катакомбу съ улицы и охранѣ этого памятника городомъ, который бы могъ взимать въ свою пользу опредѣленный сборъ съ посѣтителей.

Всѣ тѣ керченскіе обыватели, съ которыми мнѣ пришлось по этому поводу говорить, отзывались съ сочувствіемъ и высказывали увѣренность, что городъ не откажется взять на себя это дѣло; въ такомъ же тонѣ говорилъ со мною, какъ мнѣ тогда казалось, и г. городской голова, когда я совѣтовался съ нимъ о самой формѣ, въ которой должно быть сдѣлано ему мое предложеніе. По справкамъ, которыя я тогда навелъ на мѣстѣ, оказалось, что усадьба г. Коробки еще не выкуплена и городъ имѣетъ полную возможность отобрать въ городское владѣніе ту небольшую часть его двора, которая приходится надъ катакомбой. Подавъ свое заявленіе г. городскому головѣ въ августѣ 1891 года, послѣ продолжительныхъ переговоровъ и многочисленныхъ разъясненій, я уѣхалъ изъ Керчи, предоставивъ г. Думбергу, прибывшему въ то лѣто въ Керчь для завѣдыванія керченскимъ музеемъ, дальнѣйшую заботу по этому вопросу. Вполнѣ сочувствуя моей мысли, г. Думбергъ старался съ своей стороны расположить въ ея пользу разныхъ лицъ, съ которыми ему пришлось познакомиться, когда онъ прибылъ въ Керчь на постоянное жительство. Мы оба съ нимъ надѣялись, что керченская управа и дума поймутъ, что охрана древняго памятника такой важности и такого интереса составляетъ обязанность города, что онѣ не остановятся предъ небольшою затратой, какой потребуетъ устройство и охраненіе входа въ катакомбу, и это тѣмъ болѣе, что расходы эти могутъ окупиться сборомъ съ посѣтителей. Г. Думбергъ обратился за справками въ римскій археологическій институтъ насчетъ технической стороны устройства подобныхъ ходовъ въ этрусскія погребальныя пещеры. Мы оба были въ полной увѣренности, что намъ удастся на христіанской катакомбѣ сдѣлать починъ, а затѣмъ не трудно будетъ уже продолжать такой же способъ отношенія и къ катакомбамъ съ фресками. Но, увы,

*) Исслѣдованіе объ этой находкѣ издано Императ. археологич. комиссіей какъ 6-й выпускъ *Матеріаловъ по археологич. Россіи*. Спб., 1891 г.

городъ рѣшилъ дѣло иначе. По мнѣнію керченскихъ обывателей и ихъ представителей, охрана памятниковъ ихъ не касается: мое предложеніе было отвергнуто, о чемъ и сообщилъ мнѣ г. Думбергъ.

Пока керченскіе обитатели будутъ сами того мнѣнія, что древности ихъ территоріи имѣютъ для нихъ одинъ только интересъ, а именно: служить предметомъ расхищенія, до тѣхъ поръ врядъ ли возможно будетъ исправить многіе недочеты современнаго положенія археологическаго дѣла въ Керчи. Представители города, въ рукахъ которыхъ находится право какъ владѣнія землей, на которой дѣлаются находки, такъ и распоряженія судьбой такихъ памятниковъ, какова, наприм., христіанская катакомба 491 года, *древній-иій датированный памятникъ христіанства въ Крыму*, не имѣютъ ни малѣйшаго желанія пойти на встрѣчу предложеній, которыя дѣлаются имъ официально изъ лагеря людей, интересующихся керченскими древностями не съ точки зрѣнія возможности сбыть ихъ какому-нибудь спекулянту. Какой же остается способъ охранять катакомбы, какъ не засыпать ихъ опять, нанеся, конечно, на планъ ихъ мѣстонахожденіе, чтобы возможно было сохранять о немъ память и также имѣть общее наблюденіе за нимъ до того времени, пока какой-нибудь керченской обыватель не пріобрѣтетъ въ собственность отъ города этого участка и не устроитъ въ катакомбѣ своего погреба? Прибавлю, что многія катакомбы защищены отъ этой судьбы тѣмъ, что онѣ лежатъ на довольно значительной глубинѣ, 2 и даже 3 сажени ниже уровня почвы. Но тогда имъ грозитъ другая опасность, а именно: быть засыпанными. Въ такомъ положеніи находится и христіанская катакомба 491 года. Въ пору моихъ переговоровъ съ г. городскимъ головой насчетъ ея дальнѣйшей судьбы, г. Коробка, подъ усадьбой котораго расположена часть ея, обращался ко мнѣ съ предложеніемъ засыпать катакомбу на казенный счетъ, поясняя, что онъ на томъ мѣстѣ долженъ выстроить каменный заборъ и предполагаетъ возвести сарай въ этомъ углу своего двора. Въ виду опасенія за прочность этихъ сооруженій, для него необходимыхъ, если катакомба не будетъ засыпана, и соображая, что эта работа должна стоить денегъ, онъ считалъ себя вправѣ сдѣлать мнѣ предложеніе помочь ему на казенныя деньги устранить и самую память о древнемъ памятникѣ такой важности. Въ надеждѣ на успѣхъ моего собственнаго предложенія городу касательно этого памятника, я могъ, конечно, урезонить тогда г. Коробку. Но кто же можетъ поручиться за то, что онъ самъ не приведетъ въ исполненіе своего разрушительнаго намѣренія, вызваннаго, притомъ, вполне для него понятными практическими соображеніями?...

Такова печальная дѣйствительность въ вопросѣ объ охранѣ катакомбъ. Исправить дѣло можетъ только самъ городъ, но онъ этого не хочетъ, своихъ обязанностей по отношенію къ древнимъ памятникамъ онъ не понимаетъ и не желаетъ ихъ понимать.

Юліанъ Кулаковскій.

По поводу замѣтки проф. Кулаковскаго.

Я прочелъ въ рукописи статью г. Кулаковскаго о керченскихъ катакомбахъ, вызванную моими письмами изъ Крыма, напечатанными въ августовской книжкѣ *Русской Мысли*. Дабы устранить всякія недоразумѣнія, всегда нежелательныя, я считаю полезнымъ дать теперь же нѣкоторые объясненія. Говоря въ моихъ письмахъ о расхищеніи керченскихъ древностей и о показавшемся мнѣ страннымъ способѣ охраненія катакомбъ зарываніемъ ихъ, я отнюдь не имѣлъ въ виду охуждать дѣятельность директора керченскаго музея, г. Думберга, какъ о томъ можно было бы заключить изъ *Замѣтки* г. Кулаковскаго. Я очень радъ въ настоящую минуту представившемуся мнѣ случаю засвидѣтельствовать, что въ лицѣ уважаемаго директора музея я встрѣтилъ человѣка, искренно преданнаго своему дѣлу, относящагося къ своей задачѣ съ большимъ вниманіемъ и съ рѣдкою энергіей. И, конечно, не г. Думберга слѣдуетъ винить въ томъ, что древности Керчи расхищаются, гибнуть, и что охранять ихъ приходится зарываніемъ катакомбъ и драгоценнѣйшихъ памятниковъ христіанской старины. Г. Думбергъ, по мѣрѣ своихъ силъ, дѣлаетъ все, что отъ него зависитъ. Но бѣда-то вся въ томъ, что ему не даютъ средствъ и возможности дѣлать то, что нужно, и что онъ желалъ бы сдѣлать, какъ то съ полною для меня очевидностію выяснилось при моихъ бесѣдахъ съ г. Думбергомъ и съ нѣкоторыми другими лицами, съ которыми мнѣ довелось говорить о керченскихъ древностяхъ. То же самое подтверждаетъ и г. Кулаковскій въ своей *Замѣткѣ*. Въ Керчи гибнуть и погибли не одни только погребальныя покои, но и кое-что много покрупнѣе, какъ, наприкладъ, огромное сооруженіе большой древности у такъ называемаго «Золотого кургана», почти цѣликомъ растащенное на выжиганіе извести. Въ зарытыхъ катакомбахъ я, разумѣется, не былъ и высказалъ только мое соображеніе о возможности исчезновенія найденныхъ тамъ фресковъ. Г. Кулаковскій утверждаетъ, что отковырять ихъ и унести нельзя. Я вѣрю г. Кулаковскому. Но отъ того никому не легче, что фрески могутъ погибнуть инымъ образомъ, могутъ быть стерты, когда какому-нибудь обывателю понадобится превратить катакомбу въ подвалъ или выстроить надъ

погребальнымъ покосмъ сарай, конюшню, заборъ или что иное. Г. Кулаковский, такъ же, какъ г. Думбергъ, такъ же, какъ и я, скорбитъ о будущей участи древнихъ подземныхъ сооружений,—объ участи неизбежной, если отдана она будетъ на полный произволъ керченскаго муниципалитета, который, по словамъ автора *Замѣтки*, «не понимаетъ» значенія попавшихъ въ его руки древностей и «не желаетъ понимать»,—я съ своей стороны добавлю,—и не можетъ понять, ибо для большинства обывателей готовый подвалъ неизмѣримо дороже самой важной, въ археологическомъ смыслѣ, катакомбы. Я слышалъ, напримѣръ, тамъ же, въ Керчи, отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, что при постройкѣ одного учебнаго заведенія въ городѣ погибли навсегда, разумѣется, какія-то подземныя сооруженія, не обследованныя даже, если не ошибаюсь. Изъ всего сказаннаго явствуетъ съ достаточною, кажется, убѣдительною, что нельзя оставлять во власти городского управленія остатки старины, раскопки древнихъ городовъ, всякіе историческіе памятники, составляющіе достояніе государства и подлежащіе охраненію болѣе компетентныхъ установленій, чѣмъ дума уѣзднаго городишки. Въ зарываніи катакомбъ я виню не г. Думберга, а тѣхъ «археологическихъ заправиль», которымъ надлежитъ заботиться объ охранѣ древностей и объ изысканіи средствъ къ тому, чтобы катакомбы не закапывались, сооруженія «Золотого кургана» не пережигались на извѣсть, чтобы найденныя древности поступали въ музей, а не въ мелочныя лавочки, и чтобы въ музеи эти вещи поступали не такъ, какъ это дѣлается теперь. Мнѣ рассказывали и я повѣрилъ, что золотая оправа отъ одного найденнаго при раскопкахъ меча отправлена въ Петербургъ, въ Императорскій Эрмитажъ, а клинокъ этого меча препровожденъ въ Москву, въ Историческій музей. Такимъ образомъ, древній мечъ разрозненъ, стало быть, пересталъ существовать, ибо нѣтъ этого меча ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ. Кѣмъ уничтоженъ мечъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имѣлъ цѣнность, какъ уцѣлѣвшій антикъ? За достовѣрность этого свѣдѣнія я не могу поручиться, и если свѣдѣніе не вѣрно, пусть его и опровергнуть тѣ, кого это должно интересовать; если же опровергнуто оно не будетъ, мы такъ и знать будемъ, что древности, пощаженныя временемъ и ускользнувшія отъ расхищенія на мѣстѣ, не застрахованы отъ уничтоженія разрозниваніемъ ихъ. Объ уничтоженіи древнихъ сооружений у «Золотого кургана» я говорю тоже съ чужихъ словъ, а вотъ что я видѣлъ самъ и за достовѣрность этого я ручаюсь: въ Кутаисѣ, гдѣ я былъ въ 1890 г., на Епископской горѣ имѣются развалины древняго христіанскаго храма. Изъ этихъ развалинъ многое уже расхищено; цѣлы были въ то время обломки нѣкоторыхъ капителей, камень, замыкавшій сводъ, и еще нѣсколько камней съ древнѣйшими барельефами, на мой взглядъ, въ высшей степени любопытными. Еще любопытнѣе грузинская надпись на стѣнѣ храма, гласящая, что постройка въ немъ окончена въ 1003 году, причемъ годъ обозначенъ арабскими цифрами. Грузинскіе археологи придаютъ этому факту очень большое значеніе. Не берусь судить, насколько въ этомъ отношеніи

правы грузинскіе археологи, но совѣмъ не правы наши археологи въ томъ, что не умѣютъ защитить этого священнаго памятника глубокой старины отъ расхищенія и самаго ужаснаго оскверненія, какое я когда-либо видѣлъ въ моей жизни. Да и вообще, мнѣ не совѣмъ понятна дѣятельность нашихъ археологовъ и археологическихъ учреждений. Г. Кулаковскій совершенно правъ, когда говоритъ, что я (Ремезовъ) «далекъ отъ спеціальнаго интереса къ археологіи». Я никогда и не лѣзь въ знатоки этого дѣла, я просто люблю старину, дорожу остатками древнихъ временъ и видѣть не могу равнодушно, какъ ихъ уничтожаютъ, растаскиваютъ, разрушаютъ на глазахъ у тѣхъ, кто очень близокъ къ спеціальному интересу къ археологіи. Мнѣ, «далекому», странно, удивительно было узнать, что никакихъ правильныхъ раскопокъ въ Керчи не производится, что сюда наѣзжаютъ отъ времени до времени люди «близкіе» къ археологіи, вскапываютъ что и гдѣ взглянется, выхватываютъ что попадется и отъѣзжаютъ въ торжествѣ, увозя добытые такимъ способомъ трофеи. Ничего хорошаго я не вижу въ такомъ проявленіи спеціальнаго интереса къ археологіи, когда дѣло касается такихъ остатковъ старины, какъ Керчь или Херсонесъ. Тутъ нужны не наскоки, хотя бы и знатоковъ, а правильная и осмотрительная разработка подъ наблюденіемъ свѣдущихъ людей, любящихъ это дѣло. Наскоки же, хотя бы и очень важныхъ специалистовъ, приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы, не по моему только мнѣнію, но и по убѣжденію тѣхъ близкихъ къ археологіи лицъ, которые сообщали мнѣ о выхватываніи случайныхъ «трофеевъ». Мнѣ весьма пріятно, что г. Кулаковскій обратилъ вниманіе на мое письмо о керченскихъ древностяхъ, и я очень благодаренъ ему за то, что своею *Замѣткой* онъ исправилъ нѣкоторыя неточности, оказавшіяся въ моемъ письмѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ далъ мнѣ поводъ сдѣлать вышеизложенныя дополненія къ моимъ очеркамъ *По своимъ краямъ*.

М. Ремезовъ.

Отвѣтъ г. Чудинову.

Въ предисловіи къ 9-му выпуску *Русской классной библіотеки* (М., 1892 г., стр. II—VI) г. Чудиновъ обрушивается на напечатанную нами въ *Русской Мысли* (1892 г., кн. II) *) критическую замѣтку о первомъ выпускѣ этого изданія, посвященномъ *Слову о полку Игоревѣ*. Какъ и самое изданіе г. Чудинова, эта полемическая выходка возбуждаетъ много недоумѣній. Оставляя въ сторонѣ всѣ личные счеты и намеки, мы остановимся только на фактахъ, точное возстановленіе которыхъ далеко не безъинтересно для дѣла школьнаго изданія *Слова*.

Прежде всего, относительно коньектуръ. По мнѣнію г. Чудинова, «чуть ли не единственное лицо, предложившее неудачную (это еще нужно доказать) коньектуру: мысль — бѣлка, вм. мысль, былъ г. Барсовъ». Эта поправка была предложена Карелкинымъ, принята В. Θ. Миллеромъ и Майковымъ и только болѣе обоснована г. Барсовымъ. «Вторая коньектура: полозы — змѣи, принадлежитъ В. Θ. Миллеру, и хотя нашъ критикъ находитъ ее прекрасною, но, къ сожалѣнію, это его единичное мнѣніе: она не принята ни г. Буслаевымъ, ни г. Тихонравовымъ, а покойный Потебня прямо признаетъ ее сомнительною» (стр. IV). Книга В. Θ. Миллера вышла въ 1877 г.; изданія Н. С. Тихонравова вышли въ 1866 и 1868 гг.; христоматія Θ. И. Буслаева уже много лѣтъ перепечатывается «безъ исправленія», что значитъ и на обложкѣ ея. Такимъ образомъ, г. Чудиновъ представляетъ по меньшей мѣрѣ неисполнимое требованіе: гг. Буслаевъ и Тихонравовъ должны были считаться съ новою коньектурой **) за нѣсколько лѣтъ до ея появленія. Что же касается мнѣнія Потебни, то лучше всего обратиться къ его книгѣ: «В. Миллеръ предлагаетъ чтеніе «полозие ползоща», т.-е. или полозы, змѣи, или полозы въ смыслѣ птицы ползика. Не говоря уже о змѣяхъ, сомнительна въ авторѣ *Слова о полку Игоревѣ* мелочность изображеній. Пестрый дятель еще можетъ броситься въ глаза, но маленькаго ползуна, какихъ дѣйствительно много въ лѣсахъ надъ Донцомъ, даже присматриваясь, трудно замѣтить, а стукъ его легко можетъ быть приписанъ пестрому дятлу» (*Потебня*, 146). Легко убѣдиться изъ сличенія, насколько вѣрно передаетъ чужое мнѣніе г. Чудиновъ; страпность аргументаціи Потебни и г. Барсова, данныя, подтверждающія коньектуру: полозы—змѣи, были ужъ указаны на страницахъ *Этнографическаго Обзорнія* (IV, 261), къ которому мы и отсылаемъ читателей. По словамъ

*) См. также *Русскія Вѣдомости* 1891 г., № 359.

**) Относительно ея см. *Этногр. Обзорніе* 1890 г., IV, 261.

г. Чудинова, мы ошибочно считаемъ г. Барсова «изобрѣтателемъ конъектуры»: каялину — канину, ибо онъ только *принялъ* старую поправку. Такъ передаетъ онъ слѣдующія наши слова: «приняты (г. Чудиновымъ) сомнительныя и даже фантастическія конъектуры, благодаря, главнымъ образомъ, излишнему, мало умѣстному довѣрію къ изданію г. Барсова (напримѣръ, каялину, вм. канину)». Вѣроятно, г. Чудиновъ не станетъ отрицать того, что онъ широко пользовался въ своемъ изданіи книгой г. Барсова и находящимся въ ней матеріаломъ: на это есть и прямые, и косвенные указанія въ текстѣ. Принятіе конъектуры г. Чудиновымъ, несомнѣнно, находится въ связи съ общимъ разсужденіемъ г. Барсова о р. Каялъ, хотя самъ г. Барсовъ «изобрѣлъ» еще болѣе странную *новую* конъектуру: кааллину взамѣнъ старой конъектуры: каялину. Во всякомъ случаѣ изъ нашихъ словъ, *представляющихъ общее положеніе, основанное на многихъ фактахъ*, нельзя было сдѣлать такого вывода, какой сдѣлалъ г. Чудиновъ.

«Переводъ на современный русскій языкъ, приведенный въ нашемъ изданіи, рецензентъ, разумѣется (?), находитъ *неудачнымъ во многихъ отношеніяхъ*», не разглядѣвъ, что онъ принадлежитъ Максимовичу, комментаріи котораго далѣе предупредительно рекомендуются мнѣ имъ же» (стр. V). Эти слова г. Чудинова относятся къ слѣдующему мѣсту нашей замѣтки: «переводъ на современный русскій языкъ неудаченъ во многихъ мѣстахъ (приведено нѣсколько примѣровъ); смага (у г. Чудинова) погребальный пепель (повторена ошибка г. Барсова), хотя Максимовичъ давно объяснилъ значеніе этого слова» (стр. 84). Не говоря уже о томъ, что мы не рекомендовали г. Чудинову комментаріевъ Максимовича (въ особенности предупредительно), а сослались только на одно его толкованіе, мы удивляемся, откуда г. Чудиновъ могъ взять, что мы не разсмотрѣли, кому принадлежитъ русскій переводъ. Мы хорошо помнимъ слова г. Чудинова въ предисловіи къ 1-ому выпуску: «рядомъ съ подлиннымъ текстомъ слова мы напечатали прозаическій его переводъ на современный русскій языкъ, сдѣланный проф. Максимовичемъ, *позволивъ себѣ измѣнить его, въ нѣсколькихъ мѣстахъ*, согласно исправленіямъ и толкованіямъ позднѣйшихъ комментаторовъ» (стр. VI). Напрасно г. Чудиновъ не принялъ во вниманіе, приступая къ своему изданію, что перепечатка того или иного перевода, въ особенности съ исправленіями, всецѣло падаетъ на отвѣтственность издателя: для школы безразлично, кому принадлежитъ переводъ, но онъ долженъ быть толковымъ, точнымъ и хорошимъ.

Расходимся мы также съ г. Чудиновымъ и въ оцѣнкѣ собранныхъ имъ примѣчаній къ тексту. По его мнѣнію, объясненія упоминанія Трояна въ Словѣ «яснаго и опредѣленнаго нѣтъ ни у одного изъ комментаторовъ, да и быть не можетъ» (стр. V). Рѣшительность этого сужденія, вѣроятно, зависитъ отъ того, что г. Чудиновъ забылъ или не знаетъ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго, В. Ө. Миллера и др. Относительно Сурожа г. Чудиновъ «въ свое оправданіе ссылается на такое же объясненіе этого слова Тихопраровымъ и Буслевымъ». Послѣ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго

(Былины, II, 69 и слѣд.) и проф. Васильевского можно было бы и не повторять промаха даже такихъ почтенныхъ ученыхъ, какъ акад. Тихонравовъ и Буслаевъ.

«Объясненія, данное Максимовичемъ слову «смага», я не могъ принять, такъ какъ оно обусловливается совершенно произвольнымъ толкованіемъ словъ: Карна и Жля—Кончакъ и Гза» (стр. VI). Вся эта фраза г. Чудинова построена на крупномъ недоразумѣніи: объясненіе Максимовича (сочиненія, III, 560: смага—жарь) основано на разговорномъ употребленіи этого слова у малороссовъ (встрѣчается оно и въ старыхъ южно-русскихъ памятникахъ) и не имѣетъ *никакого* отношенія къ указанной выше замѣтѣ. Не знаемъ, почему г. Чудиновъ счелъ себя вправѣ принять *ни на чемъ пока не основанное* толкованіе г. Барсова и отвергнуть обоснованное утвержденіе Максимовича.

Оправдываясь отъ обвиненія въ небрежномъ составленіи словаря, г. Чудиновъ кое-что обходитъ молчаніемъ (напримѣръ: выѣдѣ, свядоми, шереширы) и ссылается на свои источники, указаніемъ которыхъ «въ достаточной степени снимается упрекъ въ небрежности» съ г. Чудинова. Ошибки, введенныя въ школьное изданіе изъ другихъ книгъ, кажется намъ, ничѣмъ не могутъ быть оправданы. Не трудно убѣдиться изъ сопоставленій, что г. Чудиновъ прибавилъ достаточно и своихъ ошибокъ. У г. Чудинова: текоть—крикъ дятла (79), у Ѳ. И. Буслаева (христ., 475): тектъ (и тектъ?); у г. Чудинова: междю—промежутокъ (78), у Н. С. Тихонравова (34): междю—межда (?), промежутокъ, разстояніе *); у г. Чудинова (79): пониче—поникли, у г. Буслаева (93): ничеть... отъ ницати, ничу, то же, что никнуть; у г. Чудинова (ib): порось—рось, у Н. С. Тихонравова (38): въ Псков. и Твер. губ. порось употребляется теперь въ значеніи мелкихъ капель осѣвшей на растенія росы (въ текстѣ Слова: пороси поля прикрываютъ—несомнѣнно отъ прахъ, порошокъ). Принимать на вѣру соображенія Малашева относительно словъ: всерожати и истягну и вводить ихъ въ школьное руководство мы считаемъ по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ. Такимъ образомъ, обвиненіе въ небрежности остается, все-таки, въ полной силѣ: г. Чудиновъ беретъ сомнительныя данныя, измѣняетъ чужія указанія, дѣлаетъ по пути непростительныя промахи.

Оправданія г. Чудинова нисколько не перемѣнили нашего мнѣнія объ его изданіи: мы попрежнему считаемъ его неудобнымъ для школы вслѣдствіе массы непростительныхъ промаховъ и ошибокъ, изъ которыхъ далеко не всѣ отмѣчены были нами въ рецензіи (можно прибавить: *быль* — *боляринъ*, *воинъ*; *бъ* — *будетъ*; *бытъ* — *будетъ*; *горностай* — *масочка*; *каяти* — *оплакивать*, и многое другое).

В. Каллашъ.

*) Вопросительный знакъ въ подлинникѣ. Не нужно, конечно, указывать на то, какая разница въ постановкѣ вопроса у обоихъ авторовъ и какое значеніе для школы можетъ имѣть рѣшительный тонъ г. Чудинова, смѣшавшаго предлогъ съ существительнымъ (и прошедшее время съ будущимъ, какъ указано ниже).

Текущая жизнь.

(Размышленія, наблюденія и замѣтки).

Недавно въ газетѣ *Русскія Вѣдомости* Л. Н. Толстой напечаталъ свой отчетъ «объ употребленіи пожертвованныхъ въ его распоряженіе денегъ». Конечно, читатель еще не забылъ о томъ, что Л. Н. Толстой и его семья устраивали столовые и оказывали помощь голодавшему населенію. Но, не правда ли, какъ это было давно? Можетъ быть, ни одинъ изъ читающихъ эти строки жертвовалъ, собиралъ, помогалъ... Но и это тоже было давно, не правда ли? Все это было и прошло... «Голодающіе, столовые! Столовые, голодающіе!—пишетъ Левъ Николаевичъ въ своемъ отчетѣ.—Вѣдь, это ужь старо и такъ страшно надоѣло...»

Надоѣло!—да, это настоящее слово. «Надоѣло вамъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, а здѣсь,—продолжаетъ гр. Толстой, — когда они съ утра до вечера стоятъ подъ окнами или въ дверяхъ и нельзя по улицѣ пройти, чтобы не слышать все одиѣхъ и тѣхъ же фразъ: «Два дня не ѣли! Последнюю овцу проѣли! Что дѣлать будемъ? Последній конецъ приходитъ... Помирать, значить?» и т. д., и т. д.,—здѣсь,—какъ ни стыдно въ этомъ признаться,—это уже такъ наскучило, что *какъ на враговъ своихъ смотришь на нихъ...*» (курсивъ нашъ).

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, въ этомъ признаніи великаго писателя, относящемся лично къ нему, мы видимъ полную характеристику общественнаго настроенія данной минуты. Мы пережили острый періодъ бѣдствія, насъ утомилъ бурный приливъ сочувствія къ народу... И мы устали. Что дѣлать? Сочувствіе истощается, какъ и физическія силы. И въ то время, какъ Левъ Толстой усталъ подъ бременемъ работы, мы чувствуемъ усталость отъ напряженія вниманія все въ одномъ направленіи, отъ «сочувствія» и сожалѣнія... Однако, картина будетъ не полна, если мы не приведемъ конца этого замѣчательнаго отчета, въ которомъ великій художникъ какъ будто мимоходомъ рисуетъ глубоко-трогательными чертами и другую сторону медали:

«Встаю очень рано; ясное морозное утро съ краснымъ восходомъ; снѣгъ скрипитъ на ступеняхъ; выхожу на дворъ, надѣясь, что никого еще нѣтъ, что я успѣю пройтись. Но нѣтъ; только отворилъ дверь, уже двое стоятъ: одинъ—высокій, широкій мужикъ въ короткомъ, оборванномъ полушубкѣ, въ

разбитыхъ лаптяхъ, съ истощеннымъ лицомъ, съ сумой черезъ плечо (все они съ истощенными лицами, такъ что эти лица стали специально мужицкія лица). Съ нимъ мальчикъ лѣтъ 14-ти, безъ шубы, въ оборванномъ зипунишкѣ, тоже въ лаптяхъ и тоже съ сумой и палкой. Хочу пройти мимо, начинаются поклоны и обычные рѣчи. Нечего дѣлать, возвращаюсь въ сѣни. Они всходятъ за мной. «Что ты? — Къ вашей милости. — Что? — Къ вашей милости. — Что нужно? — Насчетъ пособія. — Какого пособія? — Да насчетъ своей жизни. — Да что нужно? — Съ голоду умираемъ. Помогите сколько-нибудь. — Откуда? — Изъ Затворнаго». Знаю, это скопинская пищенская деревня, въ которой еще мы не успѣли открыть столовой. Оттуда десятками ходятъ нищіе и я тотчасъ же въ своемъ представленіи причисляю этого человѣка къ нищимъ профессиональнымъ и мнѣ досадно на него и досадно, что и дѣтей они водятъ съ собой и развращаютъ. «Что же ты просишь? — Да какъ-нибудь обдумай насъ. — Да какъ же я обдумую? Мы здѣсь не можемъ ничего сдѣлать. Вотъ мы пріѣдемъ». Но онъ не слушаетъ меня. И начинаются опять сотни разъ слышанныя однѣ и тѣ же кажущіяся мнѣ притворными рѣчи: «Ничего не родилось, семья 8 душъ, работникъ я одинъ, старуха померла, лѣтось корову проѣли, на Рождество послѣдняя лошадь околѣла; ужъ я, куда ни шло, — ребята ѣсть просятъ, отойти некуда, три дня не ѣли!» Все это обычное одно и то же. Жду, скоро ли кончить. Но онъ все говоритъ: «Думаль, какъ-нибудь пробьюсь. Да выбился изъ силъ. Вѣкъ не побирался, да вотъ Богъ привелъ!» — Ну хорошо, хорошо, мы пріѣдемъ, тогда увидимъ, — говорю я и хочу пройти и взглядываю нечаянно на мальчика. Мальчикъ смотритъ на меня жалостными, полными слезъ и надежды прелестными карими глазами, и одна свѣтлая капля слезы уже виситъ на носу и въ это самое мгновеніе отрывается и падаетъ на натоптанный снѣгомъ досчатый полъ. И милое, измученное лицо мальчика съ его вьющимися вѣнчикомъ кругомъ головы русыми волосами дергается все отъ сдерживаемыхъ рыданій. Для меня слова отца — старая, избитая канитель. А ему — это повтореніе той ужасной години, которую онъ переживалъ вмѣстѣ съ отцомъ, и повтореніе всего этого въ торжественную минуту, когда они, наконецъ, добрались до меня, до помощи, умиляютъ его, потрясаютъ его разслабленные отъ голода нервы. А мнѣ все это надоѣло, надоѣло; я думаю только, какъ бы поскорѣе пройти погулять.

«Мнѣ старо, а ему это ужасно ново.

«Да, намъ надоѣло. А имъ все такъ же хочется ѣсть, такъ же хочется жить, такъ же хочется счастья, хочется любви, какъ я видѣлъ по его прелестнымъ, устремленнымъ на меня, полнымъ слезъ глазамъ, — хочется этому измученному нуждой и полному наивной жалости къ себѣ доброму, жалкому мальчику».

Въ этомъ наброскѣ — уже вся картина, оба полюса настоящаго нашего положенія... Для народа все это «ужасно ново», все трепещетъ самымъ роковымъ интересомъ жизни и смерти, — для насъ это старо, надоѣдаетъ, наскучило...

Иллюстрацій сколько угодно... Газеты приносятъ то и дѣло разбросанныя черты того же душевнаго момента. Но нужны ли тутъ иллюстраціи? Загляните въ себя, сравните свое недавнее еще настроеніе съ настроеніемъ настоящей минуты, и вы должны будете признать, что картина, набросанная съ такою искренностью Л. Н. Толстымъ, даетъ изображеніе душевнаго настроенія средняго русскаго человѣка, мыслящаго, читающаго, «отзывающагося» и «сочувствующаго».

Мы, читающее русское общество, въ недавніе еще годы переживали цѣлый рядъ довольно разнообразныхъ «настроений». Однако, оглядываясь на недавнее еще, сравнительно, прошлое, вы легко согласитесь со мною, что эти смѣны, какъ бы порой глубоки ни были, происходили на одной общей почвѣ, которую оставляли неприкосновенной. Почва эта была особенное вниманіе, доходившее до нѣкотораго преклоненія передъ «народомъ», общее порой самымъ противоположнымъ партіямъ. Народъ, его положеніе, съ одной стороны, его мнѣнія, вѣрованія, сознанія или выработанныя вѣками полусознательныя убѣжденія являлись нѣкоторою высшею инстанціей, къ которой апеллировали одинаково и радикаль, и славянофиль, и крайній консерваторъ. Отзывы «простого русскаго человѣка» являлись не у одного Аксакова изреченіями оракула, и если, для иллюстраціи той или другой мысли, удавалось заручиться такимъ компетентнымъ изреченіемъ, то оно ставилось во главу аргументаціи. Повторяемъ, это было если не общимъ, то чрезвычайно распространеннымъ явленіемъ въ литературѣ, и такъ называемое «народничество» въ свое время являлось, быть можетъ, наиболѣе послѣдовательнымъ направленіемъ, такъ какъ оно дѣлало только конечные выводы изъ общепринятыхъ посылокъ... Во всякомъ случаѣ, можно сказать одно, что о «мужиконенавистничествѣ» тогда еще не было и помина.

Это плодъ послѣднихъ годовъ, созрѣвшій удивительно быстро. Вообще, еще одна разница съ недавнимъ прошлымъ состоитъ, какъ кажется, въ томъ, что тогда общественныя группы и соотвѣтствующія имъ настроенія были устойчивѣе, захватывали болѣе или менѣе долгіе промежутки и смѣны ихъ происходили безъ рѣзкихъ толчковъ и колебаній. Теперь, во-первыхъ, общая почва, объединявшая крайнія, даже противоположныя фракціи, какъ бы дрогнула и распалась. Для однихъ престижъ «народа» упалъ, консервативныя фракціи выдѣлили даже своеобразное мужиконенавистничество, которое, какъ ни странно, взяло значительную силу, въ то самое время, какъ теорія опрощенія, въ ея толстовской окраскѣ, повела во многихъ мѣстахъ къ практическимъ попыткамъ осуществленія. И въ это-то время разражается бѣдствіе голода и за нимъ холера...

Какъ могли, какъ должны были отразиться эти явленія на настроеніи общества? Маленькій, но характерный фактъ. Просмотрите статьи и письма о голодѣ Л. Н. Толстаго, и вы увидите, какъ на разстояніи одного года, подъ давленіемъ жизненныхъ фактовъ, дрогнули и совсѣмъ отступили нѣкоторыя очень существенныя черты его теорій, которыхъ не могла поколебать никакая, порой самая убійственная и основательная, критика. Я ду-

маю, что будущему біографу Л. Н. Толстаго анализъ однихъ этихъ страницъ дастъ богатый и поучительный матеріалъ. Вначалѣ нашъ великій писатель и моралистъ приступаетъ къ огромному жизненному явленію съ своею предвзятою теоріей. Вспомните его письмо къ петербургскому литератору по вопросу о томъ, что «деньги—зло и дающій деньги даетъ зло». Вопросъ состоитъ въ томъ, что вотъ теперь, въ виду голода, многимъ предстоитъ или помогать деньгами, или не помогать вовсе. Вначалѣ отвѣты Толстаго нерѣшительны и исполнены колеблющихся попытокъ удержаться на высотѣ теоріи... Но событія идутъ далѣе,—и вотъ теперь мы видимъ нашего моралиста въ достойной его роли, во главѣ общественно-филантропическаго движенія, распределяющаго плывущія отовсюду *денежныя* пожертвованія

Повторяю, это отдѣльный фактъ, заслуживающій вниманія главнымъ образомъ потому, что приурочивается къ интереснѣйшей, быть можетъ, и крупнѣйшей фигурѣ нашей современности... Но такія же колебанія, такіе же быстрые повороты и рѣзкія смѣны наблюдательному человѣку кидаются въ глаза на всякомъ шагу. У насъ нѣтъ барометровъ, которые могли бы улавливать подъемы и паденія въ психической области, а газеты недостаточно чутки къ этимъ тонкостямъ... Но, опять-таки, мнѣ кажется, достаточно констатировать фактъ, и всякій признаетъ его наличность. А фактъ состоитъ въ томъ, что среди крайностей вродѣ «опрощенія», доводящаго преклоненіе передъ «народною правдой» до подражанія внѣшнимъ формамъ народной жизни, съ одной стороны, и среди мужиконенавистничества, сыплющаго огульными обвиненіями во всю народную массу, съ другой,—что среди этихъ крайностей разразившееся бѣдствіе произвело небывалую массу разнородныхъ психическихъ движеній... Во-первыхъ, теоретическія прежде симпатіи къ народу быстро достигаютъ величайшаго напряженія: мы видимъ въ первый еще разъ въ нашей исторіи такую широкую правительственную помощь. Въ первый (уже безусловно) разъ видимъ мы также благородное зрѣлище совершенно частной филантропической организаціи, создавшейся около имени писателя—Толстаго... Все это—явленіе напряженной и дѣятельной симпатіи къ стаждущему народу... Но вотъ теперь приходится констатировать явленіе другого порядка. Мы *устами*, намъ *надотьло*, тѣ же люди кажутся намъ «чуть не личными врагами». У Л. Н. Толстаго это—естественная реакція изнемогающаго подъ непосильнымъ бременемъ переутомленнаго человѣка. Онъ имѣетъ на это право. Для насъ же, для средняго русскаго человѣка, изъ такъ называемаго «общества», можно ли сомнѣваться, что для насъ это просто реакція, недостаточно объясняемая излишествомъ нашихъ трудовъ на пользу ближняго и скорѣе указывающая на неустойчивость и колебательное состояніе общественной психики? Да, наши настроенія въ послѣдніе годы поднимаются и падаютъ быстро, и стрѣлка психическаго барометра, если бы таковой былъ изобрѣтенъ, стояла бы теперь на «перемѣнно», колеблясь и подымаясь среди этихъ колебаній къ району нѣкотораго психическаго *смятенія*, своего рода «психической грозы...»

Немудрено, въ этотъ годъ надъ Россіей пронеслось столько и такихъ событій, которыхъ хватило бы на десять лѣтъ самаго напряженного вниманія. И главное, это то, что вопросы о народѣ потеряли свою (всегда, впрочемъ, только кажущуюся) отвлеченность, и самъ «народъ» выступилъ на арену отчасти въ пассивной, частью же и активной роли. И всѣ мы, болѣе или менѣе, въ слабой или очень острой степени, пережили приступъ разочарованія: «Такъ вотъ онъ каковъ—меньшій братъ... Мы его кормить мы его лѣчить, а онъ вотъ какъ съ нами!...» И ряды мужиконенавистниковъ комплектуются совершенно неожиданно изъ недавнихъ еще горячихъ поклонниковъ народа.

Жизнь, настоящая жизнь въ своихъ даже крупныхъ проявленіяхъ очень рѣдко совпадаетъ съ тѣмъ, что мы о ней представляемъ себѣ а priori, а огульные массовыя опредѣленія никогда не выдерживаютъ жизненной пробы... Рѣшайте сколько угодно, что народъ—только рабочая скотина и что рабство есть его естественное состояніе, но ударилъ великій часъ—и освобожденный народъ явилъ въ своей средѣ и людей, и гражданъ. Мы были свидѣтелями этого знаменательнаго момента и прошлое царствованіе останется навѣки отмѣченнымъ въ исторіи именно этою чертой, смѣлымъ и великимъ актомъ довѣрія къ человѣческому праву и человѣческому достоинству закрѣпощенной массы... Съ другой стороны, въ то время, когда одни ждуть отъ народа проявленія величайшей кротости и смиренія, въ которыхъ видятъ его историческую миссію, а другіе съ такою же вѣрой ожидаютъ проявленія какого-то особеннаго внутренняго смысла, скрытаго въ романтическихъ глубинахъ народной массы, способнаго дать руководящую нить и намъ, «бѣдной интеллигенціи», въ это самое время раздражаются холерные безпорядки и мы присутствуемъ при озадачивающихъ, ошеломляющихъ на первый взглядъ сценахъ избіенія врачей, фельдшеровъ и санитаровъ.

Мы не намѣрены, по многимъ и весьма основательнымъ мотивамъ, останавливаться здѣсь на причинахъ и значеніи такъ называемыхъ холерныхъ безпорядковъ. Подождемъ окончанія продолжающихся въ разныхъ мѣстахъ процессовъ, которые, надѣемся, выяснятъ и коренныя условія, и причины, и смягчающія обстоятельства, сопровождавшія эти прискорбныя во всѣхъ отношеніяхъ явленія. Задача наша въ настоящемъ очеркѣ—лишь отмѣтить то смятеніе во взглядахъ, то колебаніе и ту неустойчивость, которыя въ мыслящей части общества замѣчаются въ настоящую минуту. Теперь въ народной массѣ, которую прежде всего и непосредственно постигли небывалыя бѣдствія нынѣшняго года, происходятъ явленія, требующія самаго трезваго, самаго неослабнаго вниманія... Не жаль разсѣявшихся иллюзій, откуда бы онѣ ни исходили... Доктринерскія теоріи о «миссіи смиренія», какъ и романтическія мечтанія о какомъ-то вѣщемъ словѣ, которое кроется гдѣ-то въ глубинѣ народной мудрости, — все это такія именно иллюзіи, которыхъ судьба — разлетѣться при первомъ рѣзкомъ дуновеніи всегда нѣсколько суровой и жестокой дѣйствительности. Но печально то, что среди колебанія и смятенія, когда пере-

мѣщаются самыя точки зрѣнія, очень трудно оріентироваться, составить ясное понятіе о происходящемъ и о путяхъ къ выходу... Печально то, что среди этого смятенія встають призраки отжитаго и давно схороненнаго прошлаго и заявляютъ свои права не только на мѣсто въ общемъ хорѣ общественныхъ настроеній, но и на вліяніе живой жизни, среди которой они лишь усиливають уныніе и смятеніе. Теперь болѣе чѣмъ когда бы то ни было мы нуждаемся въ устойчивыхъ взглядахъ, въ трезвой мысли, въ такихъ интеллектуальныхъ якоряхъ, которые дали бы возможность среди перемѣщающихся и колеблющихся теоретическихъ точекъ зрѣнія удержать какое-нибудь твердое положеніе, нащупать твердую почву. Вѣдь, не даромъ же мы считаемъ уже тысячелѣтіемъ не только свое государственное существованіе, но и свое христіанство. Попробуйте только примѣнить начала братской любви хотя бы къ тому же новоявленному мужиконенавистничеству, съ его проповѣдью рабства и «скорпіоновъ», и вы увидите, какъ ирраціональный призракъ блѣднѣетъ передъ этимъ истинно-консервативнымъ (потому что оно вѣчно) началомъ. Въ области умственной необходимо твердое знаніе, анализъ того, что есть, и осторожное наведеніе къ тому, что должно быть. Опять-таки истина, какова бы она ни была, одна только даетъ опору, потому что она одна не случайна. Наконецъ, въ общественныхъ отношеніяхъ такую опору даетъ чувство законности, обезпечивающее отъ случайныхъ колебаній въ вѣчныхъ измѣнчивыхъ и измѣняющихся, часто сталкивающихся и противурѣчивыхъ точкахъ зрѣнія, которыхъ теперь такъ много въ нашемъ обществѣ и которыя именно теперь такъ измѣнчивы и случайны...

Однако, если вѣрно то, что нами сказано выше о характерѣ данной общественной минуты, то несомнѣнно также вліяніе, которое прямо или косвенно оказываетъ на него положеніе народа. Если наши теоретическіе взгляды и вытекающіе изъ нихъ умонастроенія пришли въ особенно замѣтное движеніе и испытываютъ особенныя колебанія уже въ послѣдніе годы, то послѣдніе мѣсяцы только усилили это колебаніе и смятеніе. И если есть утѣшительная сторона во всемъ этомъ, то это именно близкая связь, крѣпкая зависимость всего этого процесса отъ реальныхъ явленій народной жизни. Мы слишкомъ долго воображали, что наша жизнь и жизнь нашего народа въ его массѣ — только два параллельныя, почти косвенныя теченія. Теперь мы ясно и рѣзко почувствовали невидимыя нити, которыя протянулись изъ глубины этихъ массъ къ верхушкамъ общественнаго цѣлаго, ощутили на себѣ самихъ, какъ отъ глухихъ перемѣнъ въ положеніи нашего народа рѣзко мѣняются наши чувства, убѣжденія и взгляды...

Въ виду всего этого, читателю будетъ понятно, почему, предпославъ эти нѣсколько общихъ замѣчаній, которыми мы открываемъ рядъ настоящихъ очерковъ на страницахъ *Русской Мысли*, мы, въ силу логической необходимости, обращаемся къ центральному вопросу нынѣшняго нашего дня, — къ вопросу объ урожаѣ нынѣшняго года и связаннымъ съ нимъ продовольственнымъ вопросамъ. Это скучно, старо, это надоѣло и утомило, но это, все-таки, опять и опять стучится въ двери, требуетъ бодрaго вниманія и обсужденія...

II.

Свѣдѣнія объ урожаяхъ собираются у насъ тремя министерствами: во-первыхъ, министерствомъ государственныхъ имуществъ (по департаменту земледѣлія), черезъ корреспондентовъ изъ мѣстныхъ жителей; во-вторыхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ получаетъ ихъ чрезъ губернскую администрацію, а также непосредственно—путемъ разсылки бланковъ по волостнымъ правленіямъ отъ центрального статистическаго комитета и, въ-третьихъ, наконецъ, податные инспектора сообщаютъ свѣдѣнія въ министерство финансовъ. Въ настоящее время опубликованы еще только предварительныя свѣдѣнія, далеко не полныя и не совсѣмъ точныя, кое въ чемъ даже не совпадающія. Однако, они въ общихъ чертахъ уже даютъ картину нынѣшняго урожая,—картину, которая подлежитъ, быть можетъ, отдѣлкѣ и дополненіямъ въ деталяхъ, но въ главномъ, все-таки, вѣрную и совершенно достаточную для нашихъ цѣлей *).

Картина эта представляется въ слѣдующемъ видѣ.

По приблизительнымъ вычисленіямъ департамента земледѣлія, сборъ *всѣхъ хлббовъ* по отношенію къ средней цифрѣ этого сбора, вычисленной за пятилѣтіе 1883—1887 г., составляетъ 96,8%. Для нѣкоторыхъ хлббовъ отклоненіе болѣе значительно (озимая пшеница дала только 79% среднего сбора, овесъ—90,4%), для другихъ менѣе (урожай ржи составилъ 99,1%; для черноземной полосы, правда, только 89%, за то для нечерноземной 116,3%), въ общемъ же нужно сказать, что урожай нынѣшняго года къ среднему очень близокъ.

Если сопоставить сборъ нынѣшняго года со сборами предшествующихъ 12-ти лѣтъ, то по отношенію къ ржи онъ занимаетъ *третье мѣсто*, уступая лишь двумъ исключительно счастливымъ годамъ 1887—1888. По урожаю пшеницы (озимой и яровой вмѣстѣ,—первая родилась плохо, вторая—выше средняго) онъ долженъ занять *четвертое мѣсто*, и только по урожаю овса онъ станетъ сравнительно очень низко (на 9-мъ мѣстѣ), значительно превышая, однако, сборы рѣзко неурожайныхъ 1885 и 1891 годовъ. По общему сбору всѣхъ хлббовъ нынѣшнему году опять принадлежитъ 4-е мѣсто (онъ уступаетъ тремъ урожайнымъ 1881, 1887 и 1888 годамъ). Ближе всего онъ подходитъ, однако, къ 1890, 1886, 1884 и 1882, т.-е. годамъ со среднимъ урожаемъ.

И такъ, обзорѣніе среднихъ общихъ цифръ, доставленныхъ намъ нынѣш-

*) Мы имѣемъ: 1) предварительный сводъ свѣдѣній объ урожаяхъ отъ департамента земледѣлія мин. госуд. им. (1892 годъ въ сельско-хозяйств. отношеніи по итогамъ, полученнымъ отъ хозяйствъ, вып. II). Это наиболѣе систематическій, относительно, матеріалъ, которымъ мы, главнымъ образомъ, пользуемся для настоящаго очерка. 2) Краткія свѣдѣнія о результатахъ урожая, почерпнутыя, главнымъ образомъ, изъ официальныхъ источниковъ и напечатанныя въ газетахъ. 3) Извѣстія о представленныхъ нѣкоторыми земствами ходатайствахъ о ссудахъ, причемъ сообщались и данныя о результатахъ урожая. Всѣ эти источники и послужили намъ матеріаломъ для настоящаго очерка.

ними годомъ, сравненіе его съ рядомъ предшествующихъ лѣтъ, относительно благополучныхъ, приводитъ къ благопріятному заключенію: *нынешній годъ занимаетъ по количеству доставленнаго хлѣба довольно высокое мѣсто и урожай долженъ считаться близкимъ къ среднему.*

Разумѣется, средняя цифра—это всегда нѣкоторая отвлеченность, не дающая еще точнаго представленія о реальной картинѣ, и послѣ этого благопріятнаго заключенія мы должны обратиться къ разсмотрѣнію урожая со стороны его географическаго распредѣленія, такъ какъ само собою разумѣется, что въ разныхъ мѣстахъ сборъ распредѣлился различно, и каждому отклоненію отъ средней цифры кверху соотвѣтствуетъ недоборъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. И дѣйствительно, на этомъ успокоительномъ фонѣ мы видимъ рѣзкія отклоненія и темныя пятна настоящаго недорода. Пятна эти, къ сожалѣнію, занимаютъ довольно значительныя пространства съ плохимъ урожаемъ озимыхъ, или яровыхъ, или, наконецъ, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ...

На этотъ разъ отъ неурожая пострадалъ, главнымъ образомъ, югъ Россіи, частью средняя земледѣльческая область и Поволжье, испытавшія уже неурожай прошлаго года. Географическая карта неурожая представится въ слѣдующемъ видѣ.

Если на картѣ вы затушуете карандашомъ мѣстности съ неурожаемъ озимыхъ хлѣбовъ, то увидите, что эта тѣнь, оставивъ свободными Крымъ и Кавказъ, ляжетъ широкою полосой выше ихъ, отъ нашей западной границы по Пруту, въ ширину Бессарабской области и Подольской губерніи, затѣмъ протянется черезъ новороссійскія степи на востокъ; подымаясь, въ то же время, къ сѣверо-востоку, она перерѣжетъ Малороссію, захватитъ среднія земледѣльческія губерніи. На высотѣ Воронежа и Курска она, съ одной стороны, посылаетъ узкій отростокъ къ сѣверу до Тулы и Рязани, съ другой—широкою полосой затѣняетъ на юго-востокъ теченія Донца и Дона, низовья Волги до Астрахани и Каспійскаго моря. Эта сплошная тѣнь прорѣжется только свѣтлою полосой на пространствѣ между Днѣпромъ и Дономъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской губерніи и Донской области *).

Затѣмъ эта темная туча разрывается и, отдѣлившись отъ нея, тѣнь падаетъ клочками еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ: небольшое пятнышко ляжетъ на нѣсколько уѣздовъ Пензенской губерніи, другое захватываетъ Поволжье и Прикамье **) (урожай нѣсколько, все-таки, лучше, чѣмъ на

*) Подробнѣе неурожай озимыхъ опредѣляется губерніями: Бессарабской, Херсонской, Полтавской, Воронежской, Астраханской, больше: частью Области Войска Донскаго и губ. Екатеринославской и Курской. Къ этому району примыкаютъ южныя части губерній Подольской и Кіевской, сѣверо-восточные уѣзды Таврической, часть Харьковской, а также Царицынскій и часть Балаховскаго уѣзда, Саратовской губерніи.—Затѣмъ отъ этого болѣе или менѣе сплошнаго района къ сѣверу поражены нѣкоторыя мѣстности Орловской, большая часть Тульской и часть Рязанской губерній.

**) Уѣзды губерній: Казанской, Уфимской, Самарской и Саратовской.

югѣ), и, наконецъ, въ сѣверо-западномъ углу окажутся затѣненными Курляндія, значительная часть Ковенской и части Лифляндіи, Витебской и Псковской губерній.

Разумѣется, картина эта дана въ широкомъ масштабѣ, не захватывающемъ всей пестроты урожая въ мѣстахъ, гдѣ онъ считается по губерніямъ среднимъ и гдѣ, однако, попадаются мѣста съ очень низкими сборами (особенно въ губ. Самарской и Пензенской).

Теперь представьте далѣе, что вы сдѣлаете то же и на той же картѣ для низкаго урожая хлѣбовъ яровыхъ. Новая тѣнь, гораздо больше по пространству, но нѣсколько пестрѣе, начинается опять отъ Прута, потянется къ сѣверо-востоку и опять отъ Воронежа отогнется на юго-востокъ къ Астрахани и Каспію. Только свѣтлая полоса, очень узкая для озимей, между Днѣпромъ и Дономъ, теперь расширится, оставляя значительныя урожайныя пространства, охватывающія низовья Днѣпра почти до самаго Донца, а на сѣверъ—Курскую губернію. За то главная масса тѣни широко лежитъ въ самомъ центрѣ Россіи, покрывая Малороссію съ Полтавой и Черниговомъ, захватываетъ Калугу и Тамбовъ, тянется къ сѣверо-востоку, перекидывается на Волгу до р. Вятки, охватываетъ низовья Камы и частью Самару. Вообще въ эту огромную область входятъ вполнѣ или частью 29 губерній Европейской Россіи *), въ различной степени пораженныхъ неурожаемъ яровыхъ хлѣбовъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обѣ тѣни совпадаютъ, ложатся одна на другую, сгущаются. Это—мѣстности, пораженные неурожаемъ какъ яровыхъ, такъ и озимыхъ хлѣбовъ. Если принять средоточіемъ несчастный Воронежскій край, то отъ него эти сгущенныя тѣни протянутся на юго-западъ—до Прута, на юго-востокъ—до Астрахани и на сѣверъ—до Рязани.

Сводя вмѣстѣ «относительное значеніе отдѣльныхъ воздѣлываемыхъ хлѣбовъ, недородъ ихъ въ нынѣшнемъ году, а отчасти и вліяніе недорода прошлаго года», департаментъ земледѣлія приходитъ къ заключенію, что наиболѣе пострадавшими въ нынѣшнемъ году можно признать губерніи: «Херсонскую, Полтавскую, Воронежскую и большую часть Донской области, кромѣ того—южную половину Бессарабской губ., нѣкоторые уѣзды Кіевской, Подольской, Харьковской, Курской, Орловской, Тульской и Рязанской». Къ этому департаментъ земледѣлія прибавляетъ, что «на востокѣ Россіи, постигнутомъ неурожаемъ 1891 года, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ посредственный лишь урожай текущаго года, можетъ быть, окажется недостаточнымъ для покрытія нуждъ населенія кое-гдѣ въ губ. Казанской, Пензенской, Саратовской, Самарской и въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губ.».

*) Именно: Бессарабская (почти вся), части Херсонской, Подольской, Волынской, Кіевской, Полтавской, Черниговской, Могилевской, Харьковской, Курской, вся Орловская, Тульская, Калужская, Воронежская, большая часть Донской области, Астраханская. Затѣмъ большая часть губ. Тамбовской, Рязанской, часть Московской, Владимирской, Костромской, Казанская, Нижегородская, Пензенская, часть Саратовской, Самарской, Вятской и Уфимской.

Какъ видить читатель, детальное разсмотрѣніе картины, представляемой неурожаемъ нынѣшняго года, приводитъ къ результатамъ менѣе уже утѣшительнымъ, чѣмъ общіе итоги для всей территоріи Европейской Россіи. Въ картинѣ этой мы встрѣчаемъ уже значительныя пятна, а въ цѣломъ ряду мѣстностей сборъ не обезпечить потребностей населенія.

Разумѣется, съ тяжелымъ годомъ, который мы пережили наканунѣ, нынѣшній никоимъ образомъ не идетъ въ сравненіе. 1891 годъ будетъ отмѣченъ какъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ, какъ по интенсивности, такъ и по огромному пространству, охваченному неурожаемъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи къ нему приближается лишь тяжелый, памятный старикамъ, 1833 г., когда полнымъ неурожаемъ былъ охваченъ весь нашъ югъ до 52° сѣверной широты, съ населеніемъ въ 14½ миллионовъ душъ обоюго пола, да отчасти еще 1839—40 г., тоже выдающийся и по степени, и по обширности неурожайнаго района.

Наоборотъ, нынѣшній годъ не представляетъ въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ ничего исключительнаго. Такіе недороды встрѣчались и ранѣе, и если брать въ расчетъ одну только распространенность и степень неурожая, то нынѣшнему году слѣдовало бы отдать предпочтеніе передъ неурожайными годами ближайшаго къ намъ періода (1880, 1885 и 1889), которые не считались выдающимися изъ ряда, не обращали на себя особеннаго вниманія и потребовали особеннаго напряженія и исключительныхъ жертвъ.

Но теперь мы имѣемъ дѣло съ обстоятельствами, вносящими огромныя усложненія. Дѣло въ томъ, что частичный неурожай нынѣшняго года идетъ вслѣдъ за исключительно тяжелымъ 1891. Шестнадцать губерній Европейской Россіи лежали въ полосѣ этого неурожая: *Саратовская, Казанская, Самарская, Тамбовская, Пензенская, Рязанская, Симбирская, Оренбургская, Нижегородская, Вятская, Пермская, Воронежская, Тульская, Курская, Уфимская, Орловская*. Затѣмъ неудовлетворительный и посредственный урожай былъ въ губерніяхъ: *Архангельской, Херсонской, Таврической, Донской области, Харьковской, Ровенской и Олонеккой*.

Въ этомъ спискѣ, составленномъ въ убывающемъ порядкѣ по размѣрамъ выданныхъ ссудъ, читатель увидитъ названія губерній (мы ихъ отмѣтили курсивомъ), въ которыхъ, по заключенію статистическаго органа министерства государственныхъ имуществъ, и въ нынѣшнемъ году продовольствіе населенія не обезпечено. Свѣдѣнія, послужившія матеріаломъ для этихъ заключеній, какъ уже было сказано, только предварительныя, и есть большія основанія опасаться, что нашъ курсивъ, придется распространить и на остальные губерніи приведеннаго выше списка (за исключеніемъ развѣ Оренбургской губ.).

Вотъ это-то обстоятельство, эта мрачная тѣнь исключительно тяжелаго пережитаго наканунѣ бѣдствія, усложняетъ въ значительной степени положеніе нынѣшняго, сравнительно благополучнаго, года съ урожаемъ въ общихъ итогахъ среднимъ. Дѣло именно въ томъ, что, кромѣ настоящаго,

намъ приходится также считаться съ недавнимъ прошлымъ и что по этой причинѣ нужда является далеко не пропорціональною недороду...

Обращаясь къ другому источнику, къ сообщеніямъ мѣстныхъ корреспондентовъ, доставляемымъ намъ періодическою прессой, мы должны сказать, что на нихъ отчасти отразилось настроеніе, отмѣченное нами въ первой главѣ. Газета живетъ минутой и къ настроенію данной минуты очень чутка. Утомленіе картинами нужды и исключительнымъ вниманіемъ къ продовольственнымъ вопросамъ, замѣтное въ публикѣ, не могло не повліять на газету. Къ этому, быть можетъ, слѣдуетъ присоединить и другія условія, особенно сильно сказывающіяся на прессѣ провинціальной. Какъ бы то ни было, но только отъ мѣстныхъ людей, не утратившихъ интересъ къ даннымъ вопросамъ, приходится слышать, что нынче труднѣе пробиться на столбцы ежедневныхъ газетъ съ извѣстіями этого рода. И, однако, передъ нами цѣлый ворохъ газетныхъ вырѣзокъ, рисующихъ положеніе населенія, и я останавливаюсь съ истиннымъ замѣпательствомъ передъ обиліемъ этого перадостнаго матеріала.

Буду кратокъ. Нѣтъ надобности развертывать на этихъ страницахъ безотрадные картины, и мы ограничимся лишь нѣсколькими указаніями, иллюстрирующими приведенныя выше официальные цифры и заключенія.

Мы видѣли, что надъ несчастнымъ краемъ въ верховьяхъ Дона нависли всѣ тѣни: едва выйдя изъ прошлогодняго бѣдствія при очень значительной правительственной помощи, Воронежская губернія постигнута нынѣ неурожаемъ и ярового, и озимаго хлѣбовъ. Положеніе, созданное этими обстоятельствами, чрезвычайно серьезно. Передъ нами отчетъ о засѣданіи воронежскаго благотворительнаго комитета, происходившемъ 14 августа. Въ засѣданіи этомъ доложены поступившія изъ разныхъ мѣстъ губерніи заявленія о необходимости начать снова дѣло помощи населенію, страдающему отъ недостатка продовольствія и корма для скота. Такъ, предводитель дворянства Богучарскаго уѣзда, въ докладѣ 6 августа 1892 г., опредѣляетъ число всѣхъ нуждающихся въ уѣздѣ въ 241,500, а число лицъ, которымъ земское пособіе не можетъ быть выдано или оно будетъ недостаточно, въ 30,000 человекъ. Цынга и холера, по словамъ доклада, унесли отцовъ семействъ и работниковъ и тѣмъ значительно увеличили число безпомощныхъ. Въ четырехъ волостяхъ уѣзда на поляхъ отъ посѣва не собрано почти ничего. Еще въ худшемъ положеніи находится уѣздъ относительно прокормленія скота». Предводитель дворянства другого уѣзда (Павловскаго) рисуетъ положеніе своей мѣстности еще болѣе мрачными красками. «Что будетъ,—пишетъ онъ въ докладѣ отъ 28 іюля 1892 года, — если закрыть пекарни и дешевую продажу хлѣба, я не рѣшаюсь даже сказать! *Положеніе уѣзда, даже богатыхъ волостей его, въ настоящемъ году отчаянное.* Отъ урожая нынѣшняго года не только зерна, но и соломы не получили, такъ что въ настоящее время хлѣба почти ни у кого нѣтъ». Такія же заявленія поступили изъ другихъ мѣстъ губерніи и они «подтверждаются данными, собранными

земскимъ статистическимъ бюро о видахъ на урожай, и позднѣйшими официальными свѣдѣніями, доставленными чинами полиціи и податною инспекціей. Четыре уѣзда (Богучарскій, Павловскій, Острогжскій и отчасти Бирючинскій), на основаніи этихъ данныхъ, должны быть отнесены къ неурожайнымъ. Въ остальныхъ уѣздахъ, кромѣ Землянского, урожай ниже средняго, и эти семь уѣздовъ не внушали бы опасеній, если бы сбору хлѣбовъ этого года не предшествовалъ неурожайный годъ, поглотившій всѣ запасы и даже образовавшій значительныя задолжанія».

Таковы свѣдѣнія, доставленные официальнымъ учрежденіемъ и послужившія поводомъ къ ходатайству комитета о продолженіи помощи населенію. Г. Чертковъ въ *Недѣль*, корреспонденты *Русскихъ Вѣдомостей* и мѣстнаго *Дона*, а также профессоръ Линдеманъ, ѣздившій въ Воронежскую губ. по вызову губернской управы (*С.-Петербургскія Вѣдомости*), дорисовываютъ очень грустными чертами печальную картину, данную въ цитированномъ отчетѣ. «Приходилось мнѣ видѣть множество полей въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ разные годы, — пишетъ проф. Линдеманъ, — но такого неурожая, какой теперь я видѣлъ всюду въ уѣздѣ Богучарскомъ и во многихъ селеніяхъ уѣздовъ Новохоперскаго и Павловскаго, я не только *еще никогда не видывалъ, но и не считалъ возможнымъ*. Въ большинствѣ селеній рожь не убирали вовсе. Яровые хлѣба отчасти пропали отъ засухи, отчасти съѣдены саранчою».

Мы не станемъ слѣдить за картинами бѣдствія въ отдѣльныхъ селахъ, постигнутыхъ профессоромъ, скажемъ только, что всѣ онѣ сводятся къ одному: новый неурожай и старое разореніе. Вопросъ о потерѣ скота иллюстрируется краснорѣчивымъ фактомъ: «Одинъ помѣщикъ въ Павловскомъ уѣздѣ продалъ весною 8,300 (sic) пудовъ сухихъ шкуръ отъ овецъ, павшихъ за зиму съ голоду. Наступающая зима будетъ еще хуже. Въ прошломъ году, — говорятъ мѣстные жители, — было гораздо лучше, у многихъ были прежніе запасы. Нынѣ запасы всѣ уничтожены. Страшно и думать о зимѣ».

Къ этому нужно добавить болѣзни, развивающіяся на почвѣ истощенія, цынгу, которая зародилась въ прошломъ году и теперь опять возрождается къ осени (сообщеніе г. Черткова въ *Недѣль*), и страшную задолженность населенія *), присоединяющую къ бѣдствіямъ отъ неурожая — язву ростовщическаго кредита...

*) Кромѣ недоимокъ казенныхъ, продовольственныхъ и земскихъ, пишетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣд.* изъ Боброва, на крестьянскомъ хозяйствѣ накопились громадныя частныя долги, сдѣланные для приобрѣтенія хлѣба и прокормленія скота въ прошломъ году. Лица, ссудившія крестьянъ деньгами, хлѣбомъ, соломой, чтобы вполнѣ обезпечить возвратъ своего долга, не давали денегъ безъ надлежащаго залога. Залогъ этотъ заключался въ оставшемся скотѣ, а за неимѣніемъ его принимались во вниманіе постройки — хаты и амбары. Всѣ означенные займы заключались формально: писались расписки, гдѣ и отмѣчались соответствующія „неустойки“, залогъ и проценты. Поэтому не удивительно, что зачастую встрѣчаются селенія, гдѣ изъ каждыхъ 100 дворовъ находятся 15—10, а иногда и меньше хозяйствъ безъ частныхъ долговъ.

«Бессарабія,—сообщает корреспондентъ *Южнаго Края*,—изъ году въ годъ терпитъ бѣдствіе, но такое, какъ въ нынѣшнемъ году, врядъ ли запомнятъ бессарабцы»...

«Хотинскій уѣздъ имѣетъ, и то мѣстами, средній урожай, Сорокскій и въ особенности придиѣпровская его часть, отъ весенней засухи пострадалъ окончательно. Спускайтесь изъ Хотинскаго уѣзда ниже въ Бѣлецкій, чрезъ Идинцы, Фалешты, Скуляны и Пырлицу, направляйтесь отсюда чрезъ Гертепскую, Кріулянскую, Телицкую волости смежныхъ уѣздовъ къ Дубассарахъ и м. Резинѣ, гдѣ мѣстами (Кріулянская волость) отъ голодухи уже теперь околѣбываетъ скотъ; переходите затѣмъ въ *Измаильскій уѣздъ*—и предъ вами предстанетъ во всей своей наготѣ горькая дѣйствительность, которую нельзя иначе назвать, какъ тяжеловѣснымъ, удручающимъ именемъ—голодухи и безкормицы».

Въ *Донской Рѣчѣ* (№ 17) какой-то хуторянинъ рисуетъ положеніе стаицы Казанской и прилегающихъ мѣстъ: «Хлѣба нѣтъ, денегъ нѣтъ и скотъ лишній проѣли. Вотъ и приходится наталкиваться на такія печальныя картины: молотятъ траву-брицу. Конечно, въ первый разъ по незнанію недоумѣваешь, что это значить, и съ удивленіемъ спрашиваешь, для чего это траву портятъ.

— Что же дѣлать, хлѣбъ молотимъ,—говорятъ.

— Да какой же это хлѣбъ, когда и лошади-то съ неохотой ѣдятъ эту траву?

— А вотъ посмотрите...

И дѣйствительно, въ мѣшкахъ стоитъ зерно, мелкое, зеленое, почти пустое, темнаго похожее на просо величиной.

— И такой хлѣбъ можно ѣсть?

— Да, ѣдимъ, коли добраго нѣтъ. Если есть хлѣбное зерно, подмѣшаешь, а нѣтъ—и безъ него хорошо.

Мука получается зеленая, а хлѣбъ черный, какъ земля.

Вѣдятъ не хлѣбъ съ суррогатами, а суррогаты съ хлѣбомъ. Хорошо, если бы было молоко, сало, мясо, но этого ничего нѣтъ; даже у нѣкоторыхъ арбузовъ, огурцовъ, въ чемъ обыкновенно не бывало недостатка, и того не имѣется. Чего же можно ждать при такой пищѣ? Если прошлый годъ являлась мѣстами цынга, то теперь и вовсе надо ждать ее».

Прошлую зиму половина скота погибла. Въ нынѣшнюю надежда на ту же траву-брицу и еще на колючку, которую даже не косили, а сбивали мотыгами. Будетъ ли скотъ ѣсть ее, неизвѣстно,—падѣются, что будетъ *)...

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* напечатанъ циркуляръ орловскаго губернатора къ земскимъ начальникамъ: «Неурожай нынѣшняго года,—гово-

* Эту грустную картину корреспондентъ заканчиваетъ трогательными словами: „Сильно дѣйствовали на шумиленискихъ прихожанъ воззванія о голодѣ, особенно слова, что и ихъ можетъ постигнуть такая же участь, а потому каждый вносилъ свою посильную лепту на голодающихъ, въ надеждѣ, что и имъ помогутъ, если ихъ постигнетъ тяжелая година“. Будемъ надѣяться!

рится въ этомъ циркулярѣ,—вызвалъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Орловской губ.) почти общую нужду, въ другихъ—нужду частичную»... «Повторившійся и въ этомъ году неурожай,—говоритъ корреспондентъ той же газеты,—легъ, конечно, несравненно болѣе тяжкимъ бременемъ на пострадавшее населеніе, чѣмъ это ощущалось въ прошломъ году. Здѣшніе крестьяне, по ихъ выраженію, стали «скучать о хлѣбѣ». Правительственная ссуда на продовольствіе бѣдствующаго населенія и обѣщаніе полей снова является необходимою насущною потребностью».

«Нужда населенія,—пишутъ *Орловскому Вѣстнику* (№ 256) изъ Мценскаго уѣзда,—съ каждымъ днемъ становится ощутительнѣе и тяжелѣе. При поверхностномъ наблюденіи, правда, замѣтить что-нибудь особенное трудно. Деревня предается отправленію обычныхъ осеннихъ работъ, жизнь, повидимому, звучитъ обычною, благодушною трудовою гармоніей. Но достаточно сдѣлать одинъ шагъ за предѣлы этого кажущагося благополучія, какъ передъ вашими взорами открывается масса безысходнаго горя и нищеты, выступаютъ удручающіе душу факты. Загляните, напримѣръ, въ первую, стоящую съ краю с. Золотарева, избу Ивана Трифонова. Иванъ Трифоновъ, оказывается, имѣетъ жену и шестерыхъ, малъ-мала-меньше, дѣтей. Съ своего надѣла онъ собралъ $1\frac{1}{2}$ копны, изъ которыхъ намолотилъ 2—3 мѣры. Земли своей подъ озимое онъ не обѣсѣлывалъ и ушелъ въ шерстобиты. Жена и ребятишки остались дома и, закрывая глаза на будущее, доѣдаютъ обмолоченныя 2—3 мѣры. Еще хуже у его сосѣда Филиппа Панфилова» и т. д. Такія же свѣдѣнія встрѣчаемъ мы и въ № 265 той же газеты, только здѣсь они распространяются уже и на Орловскій уѣздъ: «Положеніе крестьянъ плачевное. Отъ прошлаго года запасовъ нѣтъ, остались лишь долги. Въ нынѣшнемъ году проѣдать скоть и одежду, что дѣлали въ прошломъ году, уже не придется: все это сдѣлано многими еще весной. Уже въ настоящее время можно встрѣтить крестьянъ, хлѣбъ у которыхъ приходитъ къ концу; крестьянъ же съ запасомъ на круглый годъ можно встрѣтить очень мало. Озимыя поля представляютъ печальную картину...»

Въ Ливенскомъ уѣздѣ за послѣднее время вообще «хорошіе урожаи стали рѣдкостью... И владѣльцы, и крестьяне разорились, и это разореніе бросается съ перваго же взгляда: на гумнѣ ни снопа и въ закромахъ ни зерна» (*Смоленскій Вѣстникъ*, № 120).

Въ Орлѣ на дверяхъ зданія окружнаго суда (гдѣ помѣщается канцелярія общественныхъ работъ) вывѣшено объявленіе о прекращеніи найма рабочихъ для постройки Черноморскаго берегового шоссе. Объявленіе это вызвано громаднымъ наплывомъ крестьянъ, буквально осаждавшихъ канцелярію, наперерывъ спѣша записаться, чтобы ѣхать въ Новороссійскъ. Корреспондентъ (*Русскія Вѣдомости*, № 284) далѣе рисуетъ причины этого «громаднаго наплыва». Послѣ сказаннаго намъ уже понятны эти причины, и потому мы возьмемъ изъ корреспонденціи лишь одну черту: «На-дняхъ (6 октября) врачъ Лучшевъ прислалъ въ орловскую уѣздную земскую управу хлѣбъ, которымъ теперь питаются жители Очкинской волости, а по

словамъ одного члена названной управы, 40%, всего населенія Орловскаго уѣзда. Лица, пробовавшіе этотъ «хлѣбъ», утверждаютъ, что въ немъ есть и навозъ, и песокъ, и лебеда, и немножко ржи».

Мы положительно останавливаемся въ затрудненіи передъ громадною массою скорбнаго матеріала, поставленнаго *Самарскою губерніей*. «Хотя, — писалъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* (29 августа), — весенняя погода въ текущемъ году была болѣе благопріятна для хлѣбовъ и травъ, нежели прошлогодняя, но бѣда въ томъ, что посѣвная площадь значительно сократилась. Часть полей совсѣмъ не могла быть засѣяна по недостатку сѣмянъ и скота; кромѣ того, часть земли по тѣмъ же причинамъ была сдана въ аренду крестьянамъ богатѣямъ и купцамъ». Дальше мы не будемъ слѣдить за развитіемъ этихъ положеній, хотя должны сказать, что эта сторона дѣла, обстоятельно выясненная также въ статьѣ г. Водовозова (*Русская Жизнь*), составленной на основаніи статистическихъ данныхъ, заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія. Здѣсь мы видимъ самый тщательный анализъ и типическое изображеніе послѣдствій неурожая, съ распродажей скота, увеличеніемъ задолженности и, что всего печальнѣе, сокращеніемъ площади посѣвовъ и сдачей надѣловъ за безцѣнокъ. Все это мѣняетъ ощутительнымъ образомъ самую структуру деревни, отлагая замѣтные пласты новообразующагося пролетаріата. Однако, подробное изложеніе вскрытаго въ Самарской губерніи, такъ сказать, *in anima vili* процесса не входитъ въ задачи настоящаго очерка, и мы ограничимся тѣмъ, что, по газетнымъ извѣстіямъ, «въ большемъ числѣ селеній Самарской губерніи урожай хлѣбовъ оказался ниже средняго. *Къ 57 волостямъ съ совершенно плохимъ урожаемъ хлѣбовъ въ 4 сѣверныхъ уѣздахъ* (Ставропольскомъ, Самарскомъ, Бугульминскомъ и Бугурусланскомъ) *слѣдуетъ присоединить еще 13 волостей Бузулукскаго уѣзда, въ которыхъ яровые хлѣба почти совершенно уничтожены насякомыми*. Въ общей сложности мѣстности, пострадавшія отъ засухи и насякомыхъ и потому получившія плохой урожай, составляютъ 22,9%, мѣстности съ урожаемъ ниже средняго — 44,1% и только 32,7% всѣхъ мѣстностей пользуются среднимъ урожаемъ, а мѣстами даже выше средняго» *).

Накопецъ, въ докладѣ губернской управы земскому собранію говорится: «не боясь ошибиться, можно предсказать, что не пройдетъ и года (если только не будутъ приняты достаточныя мѣры), какъ скотъ останется по всей губерніи только у немногихъ богатѣевъ, вся же масса крестьянства окажется безъ коровъ, безъ овецъ, безъ лошадей».

Относительно *Казанской губерніи* — извѣстія тѣ же, и здѣсь болѣзнь принимаетъ уже характеръ затяжной, хроническій. Еще въ докладѣ губернской земской управы за 1890 годъ было сказано: «Въ нынѣшнемъ году нанесенъ такой ударъ скотоводству, что послѣдующіе неурожай и холо-

*) *Русскія Вѣдомости*, №№ 286, 294, 313. *Саратовскій Дневникъ*, №№ 185, 198. *Одесскій Вѣстникъ*, № 234.

довки будутъ вполне естественны и неизбежны. Голодъ ведетъ къ истребленію скотоводства и обратно,—слабое развитіе послѣдняго служитъ одною изъ причинъ, вызывающихъ голодъ. Это заколдованный кругъ, выйти изъ котораго, особенно послѣ такого года, какимъ представляется нынѣшній, не придется долго ни крестьянину, ни землевладѣльцу». Между тѣмъ, «послѣ 1890 года населенію Казанской губерніи пришлось пережить еще болѣе тяжкую годину. Вслѣдствіе неурожая травъ въ 1890 году скотъ почти исключительно держался на соломѣ. Въ 1890—1891 году кормовъ хватило лишь до Рождества, а къ марту истощеніе кормовъ было уже повсемѣстное». Понятно, что къ веснѣ 1891 года скотъ былъ тощъ и слабъ, еле таскалъ ноги. Дальнѣйшее извѣстно: 1891 годъ не поправилъ, а ухудшилъ дѣло и «неурожай со всѣми его послѣдствіями довелъ до того, что всѣ рынки были переполнены скотомъ: сводилась корова, лошадь, и продавалась лишь за шкуру». Понятно также, что при этихъ условіяхъ «незасѣянныхъ яровыхъ полей оказалось довольно много, да и обработка, вообще, колей на изголодавшемся скотѣ не могла быть хорошей». Вотъ, наконецъ, краснорѣчивый рядъ цифръ, показывающій паденіе цѣнъ на скотъ. Начиная съ 1885 года и въ послѣдующіе затѣмъ годы цѣны на лошадей опредѣляются слѣдующимъ быстро убывающимъ рядомъ цифръ: 31, 28, 26, 24, 18 рублей. Послѣдняя цифра относится къ 1890 году. За нимъ пришелъ роковой 1891 годъ, который довелъ цѣны до стоимости одной шкуры, и уже за этимъ годомъ слѣдуетъ нынѣшній съ недородомъ яровыхъ. Что же принесетъ онъ за собою? Паденіе арендныхъ цѣнъ, сокращеніе потребления спирта, разстройство промысловъ, наконецъ, фантастическія цѣны на рабочія руки (*Волжскій Вѣстникъ* сообщаетъ случай наемки рабочихъ за 5 коп. въ день),—всѣ эти указанія, приводимыя газетами, только отдѣльныя штрихи той же картины.

Таковы газетныя свѣдѣнія относительно тѣхъ губерній и уѣздовъ, которые, какъ мы видѣли выше, поименованы въ официальномъ спискѣ, какъ нуждающіеся въ сторонней помощи для прокормленія своего населенія и въ нынѣшнемъ году. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что свѣдѣнія, доставляемые прессой, нѣсколько расширяютъ этотъ районъ, дополняя его нѣкоторыми мѣстностями, еще не вошедшими въ списокъ. Таковы, напримѣръ, извѣстія изъ Шадринскаго и Челябинскаго уѣздовъ, не считающихся нынѣ достигнутыми неурожаемъ. Между тѣмъ, корреспондентъ *Екатеринбургской Недѣли* (№ 38) пишетъ, что, напри., въ станицѣ Долгодеревенской ѣдятъ уже хлѣбъ съ огромною примѣсью суррогатовъ. «Если даже лишь немногіе ѣдятъ этотъ хлѣбъ, — заключаетъ корреспондентъ, — теперь, сейчасъ послѣ уборки хлѣбовъ съ полей, то, очевидно, дѣло обстоитъ и у насъ не столь благополучно, какъ можно было судить по общимъ свѣдѣніямъ объ урожаѣ». Въ Шадринскомъ уѣздѣ «нынѣшнюю весною посѣвы еще кое-какъ были произведены съ помощью правительства и земства, отчасти даже съ помощью частныхъ лицъ, но будущая весна будетъ очень трудною ведемъ этимъ безлошаднымъ. 1,500 домохозяевъ получаютъ по жребію лошадей отъ

Особаго Комитета, осталая масса крестьянъ будетъ предоставлена буквально на произволъ судьбы. Между тѣмъ, общая сумма одного только продовольственнаго долга за 2 послѣдніе года равна 6.470,649 руб., что составляетъ на дворъ болѣе 140 рублей»... И это тѣ самыя два уѣзда, которые еще недавно считались житницей Зауралья!...

Какъ видите, всѣ эти свѣдѣнія дополняютъ, иллюстрируютъ и подтверждаютъ данныя правительственныхъ органовъ въ такой степени, что мы ощущаемъ положительную необходимость послѣ этихъ удручающихъ страницъ вернуться къ началу настоящей главы и напомнить, что все это относится далеко не къ такому обширному району, какъ это было въ прошломъ году, что во многихъ другихъ мѣстахъ жизнь идетъ обычнымъ трудовымъ порядкомъ и на вопросъ о хлѣбѣ вамъ отвѣчаютъ «слава Богу», что, въ общемъ, по лицу всей остальной Россіи урожай выразился средними цифрами и, значить, нынѣ не возникаетъ и вопроса, стоявшаго такою грозною и проблематическою тѣнью за всѣми тревогами 1891 года — хватить ли Россіи ея наличнаго хлѣба? Теперь наличнаго хлѣба, навѣрное, достаточно, запрещать вывоза не придется и вопросъ состоитъ только въ способахъ его распредѣленія между разными мѣстностями нашего отечества.

Я доканчивалъ написанныя выше строки, когда газеты принесли намъ новое правительственное сообщеніе по вопросу о размѣрахъ предполагаемой помощи. До сихъ поръ, конечно, мы не имѣемъ еще возможности опредѣлять съ точностью окончательныя цифровыя итоги продовольственной нужды нынѣшняго года. Экстренныя земскія собранія происходили въ такое время, когда можно было дать лишь болѣе или менѣе гадательныя сифты. Очередныхъ еще не было, наконецъ, не всѣ еще мѣстные итоги, уже готовые, намъ извѣстны. Однако, и изъ того, что извѣстно, слѣдуетъ вывести заключеніе, что всѣ предположенія, составляемыя на основаніи извѣстій объ урожаѣ, обладаютъ несомнѣнною тенденціей къ повышенію. Такъ, новое правительственное сообщеніе, опубликованное 29 ноября, даетъ списокъ губерній, требующихъ помощи. Сравнивая этотъ списокъ съ перечнемъ губерній, *постигнутыхъ неурожаемъ*, по свѣдѣніямъ департамента земледѣлія, мы видимъ, что онъ значительно шире: въ немъ упоминаются уже 20 губерній (прибавлены: Таврическая, Олонецкая, Симбирская, Тобольская, но за то не упоминается Уфимская). Изъ того же сообщенія мы узнаемъ далѣе, что по 1 октября уже выдано продовольственныхъ ссудъ 6.426,000 руб. и предполагается еще обратить на пособія пострадавшимъ губерніямъ остатки отъ прошлогоднихъ ассигнованій, а также хлѣбъ, имѣющій поступить въ уплату за прошлогоднія ссуды, всего до 6.000,000 пуд. Наконецъ, почти одновременно, мы узнаемъ изъ газетъ, что на подкрѣпленіе общеперскаго продовольственнаго капитала, въ виду поступающихъ новыхъ требованій, передано заимообразно изъ государственнаго казначейства 15 милл. руб. Такимъ образомъ, по однимъ этимъ даннымъ, размѣры

средствъ, необходимыхъ для пособія населенію нуждающихся губерній, опредѣляются въ 27 милліоновъ приблизительно.

Можно ли остановиться на этой цифрѣ? Едва ли. По крайней мѣрѣ, она не покрываетъ заявленныхъ уже ходатайствъ, поступившихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ отъ земскихъ собраний, и тенденція къ возрастанію, очевидно, должна быть принята во вниманіе также и въ примѣненіи къ этимъ итогамъ. Такъ, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 329) сдѣланъ, далеко не полный, впрочемъ, но, видимо, основанный на официальныхъ источникахъ, сводъ земскимъ ходатайствамъ по 12 только губерніямъ, и цифра, получаемая въ суммѣ, равняется уже 30,400 тыс. рублей. Изъ этой цифры 700 т. предположено покрыть мѣстными средствами, 2,600 т. остатками отъ ассигновокъ прошлаго года. Но и затѣмъ остающаяся цифра для 12 губерній весьма значительна (нужно замѣтить, что она составлена съ полною умѣренностью и съ расчетомъ лишь на обѣщаніе и на прокормленіе населенія). Наконецъ, здѣсь рѣчь идетъ о 12 губерніяхъ, тогда какъ въ позднѣйшемъ правительственномъ сообщеніи нуждающимися уже признаны 20. Очевидно, послѣдній расчетъ уже переросъ предварительныя соображенія, послужившія основаніемъ для расчета *Русскихъ Вѣдомостей*. Вообще не будетъ согласно съ самою щепетильною осторожностью, если окончательную цифру правительственной помощи для нынѣшняго года мы опредѣлимъ въ 30 милліоновъ.

Мы видѣли, что по размѣрамъ урожая нынѣшній годъ занимаетъ 4-е мѣсто и въ послѣднія 12 лѣтъ только 3 года стоятъ выше его, а за то цѣлыхъ семь лѣтъ должны считаться худшими. Обращаясь къ исторіи прежнихъ неурожаевъ, мы имѣемъ слѣдующія цифры: въ 1833 году, памятномъ по неурожаю, выходящему изъ ряда обыкновенныхъ,—прямые денежныя пособія казны достигали до 30 милліоновъ рублей *ассигнаціями*. Неурожай 1839—40 годовъ потребовалъ до 22½ милл. ассигнаціями же. За послѣднее 20-ти-лѣтіе наиболѣе значительный неурожай былъ въ 1880 году, когда цифра правительственной помощи достигла 9 милл. рублей. Ближайшій къ намъ по времени неурожай 1889 года, превышающій значительно нынѣшній, вызвалъ расходъ изъ общеимперскаго капитала всего 1.766 тыс. рублей. И наконецъ, въ 1890 году, урожай котораго приближается къ нормальному и недалеко отъ нынѣшняго, общая сумма расходовъ составила уже только 1.123 тыс. рублей *).

Такимъ образомъ, нынѣшній годъ, со среднимъ приблизительно урожаемъ, занимающій въ ряду послѣднихъ 12-ти лѣтъ 4-е мѣсто, уступающій по общему сбору лишь тремъ вполнѣ благопріятнымъ годамъ и оставляющій за собою 7 остальныхъ,—по цифрѣ требующихся правительственныхъ пособій долженъ быть поставленъ непосредственно послѣ рокового 1891 г.

*) Свѣдѣнія эти мы беремъ изъ *Сборника департамента земледѣлія*: „1891 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“. Вып. III. „Общій обзоръ года“, и за 1889 и 1890 годы—изъ приложеній къ отчетамъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи.

и далеко превысилъ всѣ остальные годы, гораздо менѣе благопріятные въ смыслѣ урожая. Онъ занимаетъ въ этомъ отношеніи *второе* мѣсто не только въ нынѣшнемъ столѣтіи, но и во всей нашей исторіи. Что это значить?

Обращаясь къ объясненію этого, страннаго на первый взглядъ, явленія, мы должны принять въ соображеніе нѣсколько одновременно дѣйствующихъ причинъ. Во-первыхъ, наша исторія, конечно, и не представляетъ примѣровъ такой широкой помощи, какая была оказана населенію, напри- мѣръ, въ прошломъ году. Этотъ годъ, при всей мрачности сопровождавшихъ его невзгодъ, будетъ, все-таки, отмѣченъ какъ значительный и от- радный переломъ въ нашей продовольственной политикѣ, и первую причи- ной интересующаго насъ явленія мы должны поставить усилившуюся чут- кость общественныхъ и правительственныхъ органовъ къ народной нуждѣ. Формула «все благополучно», обычная, традиціонно-бюрократическая шир- ма, закрывавшая на протяжении очень длиннаго періода времени всякую хотя бы и стихійную невзгоду всякаго «вѣреннаго края», въ первый еще разъ была отодвинута такъ рѣшительно и, смѣемъ надѣяться, такъ безповоротно. Еще въ началѣ 1891 года, какъ это было отмѣчено Д. Сама- ринимъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, рутинная формула заявляла свои права, но дальнѣйшія событія упразднили ее до такой степени, что даже на страницахъ *Гражданина* мы читали—съ нѣкоторымъ, правда, удивле- ніемъ—новыя рѣчи: неблагонамѣренными и опасными, по мнѣнію князя Мещерскаго, слѣдуетъ нынѣ считать уже не тѣхъ начальниковъ, которые даютъ откровенныя свѣдѣнія о неблагополучіяхъ, а тѣхъ, кто успокоива- етъ благополучными рапортами, скрывая истину. Правда, вскорѣ эта га- зета открыла цѣлый походъ противъ одного изъ губернаторовъ, дѣйстви- вавшаго именно въ духѣ этого разумнаго рецепта, и затѣмъ на ея страни- цахъ обнаружилась совершенно явственно реакція въ старомъ направленіи, отмѣтившая собой такую же реакцію въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего обще- ства. Однако, кажется, свойство всякой реакціи состоитъ въ томъ, что она никогда не можетъ достигнуть прежняго предѣла, къ которому только стре- мится. А во-вторыхъ, нельзя же, все-таки, отождествлять слишкомъ частые повороты *Гражданина* съ поворотами въ самой жизни. Переломъ, отмѣчен- ный 1891 годомъ съ особенною рѣзкостью, остается жизненнымъ фактомъ, а старой формулѣ суждено, надѣемся, отойти въ область преданія. Тѣ ча- сти нашей административной машины, которыя служатъ передаточными звеньями между землей и центральными органами правительства, испыта- ли уже разъ опытъ такой полной и правдивой передачи, и теперь, есте- ственно, сопротивленіе передаточнаго механизма ослабѣло; извѣстія съ мѣ- ста и даются съ большою смѣлостью, и менѣе утрачиваются въ пути къ центру... Въ этомъ, повторяемъ, отрадная сторона мрачнаго года.

Однако, безъ сомнѣнія, это факторъ не единственный и даже не глав- ный. Теперь *легче узнать* истинное положеніе народа въ той или другой мѣстности, но, все-таки, вопросъ состоитъ въ томъ, почему же *узнавать*—

то приходится такія какъ будто неожиданныя вещи; почему оказывается, что для прокормленія только населенія и для обѣмненія его полей, т.-е. для удовлетворенія самыхъ только неизбѣжныхъ потребностей, приходится приносить такія огромныя жертвы?

Уже внимательное чтеніе приведенныхъ выше корреспонденцій значительно раскрываетъ сущность дѣла. Что постигшіе насъ неурожаи являются результатомъ далеко не однихъ стихійныхъ условій, это стало уже общепризнанною истиной, трюизмомъ нынѣшняго дня... Неурожаемъ и голодомъ — не одно и то же. Губерніи Подольская и Кіевская постигнуты неурожаемъ, но мы не видимъ ихъ въ спискѣ просящихъ пособія, потому что они могутъ еще обойтись своими запасами и голода не испытаютъ. Если же въ другихъ губерніяхъ, «съ урожаемъ посредственнымъ» или съ такимъ неурожаемъ, который ранѣе населеніе одолѣвало своими средствами, не тревожа правительственной казны, нынѣ признана необходимою правительственная помощь, то это указываетъ на сильно-возросшую въ послѣдніе годы чувствительность крестьянскаго хозяйства къ неурожаямъ. Тѣ же, или даже меньшіе толчки вызываютъ большія колебанія. Отъ отдѣльныхъ хозяйствъ это восходитъ выше, распространяется на цѣлые районы и отражается на общемъ хозяйствѣ страны: бюджетъ при сносномъ общемъ урожаѣ испытываетъ напряженіе значительно большее, чѣмъ прежде, при стихійныхъ условіяхъ гораздо худшихъ.

Вспомнимъ цитированный выше докладъ казанской губернской управы. Еще въ 1890 году управа эта отмѣчала, что «голодь ведетъ къ уничтоженію скотоводства, и обратно: слабое развитіе послѣдняго служитъ одною изъ причинъ, вызывающихъ голодъ». И вотъ почему еще въ 1890 году казанскому земскому органу уже рисовалась перспектива послѣдующихъ неурожаевъ и голодовокъ, которыя являются, по его мнѣнію, «естественными и неизбѣжными». Тутъ все связано живою, чуткою общою связью: выпаханная, истощенная земля въ свою очередь дѣлается невыносливой и нестойкой въ засухѣ: малый дождь даетъ урожай на хорошо разрыхленной и пухлой нивѣ, большой — стекаетъ и испаряется на слежавшейся, плохо вспаханной и лишенной навоза... Наконецъ, сокращеніе посѣвовъ и т. п. слѣдствія неурожаевъ окончательно довершаютъ заколдованный кругъ.

Небольшая иллюстрація. Если заглянемъ въ вѣдомость о недоимкахъ, числившихся къ 1891 году на крестьянскомъ населеніи разныхъ губерній, то увидимъ, что большей недоимкѣ, накопившейся въ прежніе годы, соответствуетъ съ значительною правильностью и большая степень бѣдствія отъ неурожая. Въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля за 1890 годъ (стр. 20—21) вы найдете списокъ 9-ти губерній, недоимочность которыхъ обращала на себя особенное вниманіе. Запомните ихъ названія и посмотрите перечень губерній, голодавшихъ въ слѣдующемъ году: всѣ онѣ попали въ него, и указаніе государственнаго контролера явилось до извѣстной степени, хотя и косвеннымъ, пророчествомъ.

На эту-то неустойчивость, явившуюся результатомъ прежнихъ лѣтъ, на

эту все возрастающую чувствительность къ невзгодамъ нашего крестьянскаго хозяйства и указываетъ, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что нынѣ мы должны затратить свыше 30 милліоновъ, при условіяхъ, которыя прежде вызывали гораздо меньшія жертвы.

30 милліоновъ при нашемъ огромномъ бюджетѣ цифра еще не особенно значительная. Мы можемъ затратить ее безъ особенно - чувствительнаго ущерба и въ этомъ, и, если потребуется, въ будущемъ году, и далѣе. И, конечно, серьезное значеніе факта, внутренній смыслъ его—совсѣмъ не въ этой цифрѣ. Главное — въ томъ, что приходится, что необходимо и неизбежно кормить значительную часть населенія на государственныя средства при посредственномъ, вообще, урожаѣ, что явленіе это грозитъ припять прогрессивный характеръ, что меньшія причины вызываютъ теперь большія послѣдствія.

Можетъ быть, государство позволяетъ себѣ излишнюю филантропическую роскошь? Вернитесь за нѣскольکو страницъ и просмотрите хотя бы сообщенія воронежскихъ предводителей. Въ той же замѣткѣ *Русскихъ Вѣдомостей*, гдѣ даны, повидимому, весьма компетентные расчеты необходимыхъ ссудъ по губерніямъ, указаны также и условія, которыми имѣть быть обставлена помощь: 30 фунтовъ на флота (съ исключеніемъ рабочихъ?), сроки всюду назначаются не ранѣе ноября, въ общемъ правилъ выдачи не должны продолжаться далѣе мая будущаго года. Ходатайства нѣкоторыхъ земствъ о помощи для поддержки хозяйства (главнымъ образомъ, для прокормленія скота) въ расчетъ не введены. Гдѣ же тутъ какое-нибудь излишество, какая тутъ роскошь?... Наоборотъ, есть полное основаніе думать, что самыя настоятельныя требованія жизни раздвинуть еще эту весьма осторожно составленную рамку, какъ это было и въ прошломъ году.

У насъ, въ нашемъ обществѣ, при далеко не достаточныхъ средствахъ точнаго изслѣдованія хозяйственно-экономическихъ условій, долго жило какое-то странное, метафизическое, что ли, представленіе, какая-то вѣра въ безконечную упругость мужицкаго хозяйства, которую покойный нашъ сатирикъ выразилъ коротенькою шутливою фразой: «ѣнъ достанить»... И онъ доставалъ очень долго... Въ одномъ изъ очерковъ, рисующихъ положеніе дѣлъ въ Нижегородскомъ краѣ и напечатанныхъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, рассказанъ эпизодъ, очень характерный въ этомъ смыслѣ. Въ одномъ изъ губернскихъ земскихъ собраній предѣдатель васьильской уѣздной управы А. А. Демидовъ возражалъ противъ всякой помощи съ тою самоувѣренностью, которая вообще присуща «резвеной» части нашего дѣловаго міра: «Господа! мы давно уже слышимъ это нытье и печалованіе о нуждѣ и грозящемъ голодѣ. Мы слышали это уже и прошлую весной въ нашемъ уѣздѣ. Знаете ли, какъ мы распорядились? (съ удареніемъ и разстановкой): не дали ни зерна, никто не умеръ и поля оказались затѣянными». И что же: прошло нѣсколько мѣсяцевъ—и тотъ же А. А. Демидовъ въ той же залѣ билъ набатъ: «Бѣдствіе грозитъ ужасное, необх»-

димы самыя широкія и быстрыя мѣры»... «И теперь, — говоритъ авторъ, — всѣ уже вѣрятъ, что бѣдствіе идетъ ужасное (рѣчь идетъ о 1891 годѣ), тѣмъ болѣе, что *не всѣ поля оказались засѣянными* и въ прошломъ году». Такъ печальная дѣйствительность разбиваетъ странныя иллюзіи, и формула «ёнъ достанить» тоже была единодушно и безповоротно сдана въ архивъ. Упругость, долго выручавшая (не хозяйство, конечно, а гг. Демиловыхъ), наконецъ, исчерпана и теперь едва ли уже кто будетъ отрицать необходимость кормить и давать сѣмена населенію тѣхъ мѣстностей, откуда поступаютъ такія заявленія, какія мы цитировали выше.

И, однако, среди той реакціи противъ напряженныхъ небывалымъ образомъ симпатій къ народу, о которой мы говорили въ I главѣ настоящихъ очерковъ, теперь въ ретроградной части нашей прессы то и дѣло пробивается нѣчто вродѣ косвеннаго протеста, въ видѣ настойчиво повторяемыхъ указаній на деморализующее значеніе правительственныхъ ссудъ. «Народъ привыкаетъ къ лѣни, теряетъ предусмотрительность, въ расчетѣ на помощь со стороны»... Въ этихъ указаніяхъ есть одна частица истины, хотя фальши въ нихъ гораздо больше. Безъ сомнѣнія, наиболѣе нравственнымъ, если можно такъ выразиться, состояніемъ чловѣка слѣдуетъ, вообще, считать такое его положеніе, когда онъ не только помогаетъ себѣ самъ, но можетъ еще дать другому. Когда работникъ уже не можетъ поддерживать себя и семью, когда ему *приходится* рассчитывать на стороннюю помощь, то, конечно, говоря вообще, въ этомъ есть почва для будущей деморализаціи и для пониженія нѣкоторыхъ нравственныхъ чловѣческихъ свойствъ. Однако, еще гораздо хуже этого, когда положеніе именно таково, а надѣяться не на что. Изъ всѣхъ золъ это зло самое худшее, и здѣсь уже нѣтъ никакого предѣла самымъ прискорбнымъ, самымъ безнравственнымъ «возможностямъ». Не даромъ слово «отчаянный», въ его народномъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ понятіе о самомъ безнравственномъ чловѣкѣ... Между тѣмъ, господа, вооружающіеся противъ помощи народу въ его настоящемъ положеніи (къ счастью, такихъ немного), забываютъ, что изъ этихъ двухъ золъ они предлагаютъ именно послѣднее...

И такъ, помощь, конечно, необходима, но и положеніе, ею отмѣчаемое, очень серьезно. Тридцать, даже, вѣроятно, 40—50 милліоновъ не разорятъ нашего бюджета, но гдѣ же предѣлъ? Рассчитывать на урожаи выше средняго неблагоприятно, тѣмъ болѣе, что и самыя свойства земли втягиваются, какъ мы видѣли, въ заколдованный кругъ, и неурожай, ведущій къ сокращенію скотоводства, смыкается затѣмъ въ новый неурожай и т. д. Выходъ необходимъ. Оставаясь въ томъ же положеніи, мы будемъ вынуждены продолжать помощь въ прогрессирующихъ размѣрахъ. Выходъ назадъ, въ смыслѣ прямого прекращенія заботъ о народѣ, просто невозможно. Очевидно, остается идти этимъ путемъ впередъ, сдѣлать затраты еще большія, усилить и вниманіе, и напряженіе общественныхъ силъ въ сторону рѣшительной борьбы съ самымъ источникомъ зла, въ сторону коренного улучшенія условій нашего народнаго хозяйства, придавая ему само-

стойтельности и устойчивости... Задача, конечно, громадная, однако, мы увѣрены, подъ силу живому государству и обществу и, главное, съ роковою неизбѣжностью выставленная самою жизнью.

На протяженіи дальнѣйшихъ очерковъ, если имъ суждено будетъ продолжаться, мы будемъ самымъ внимательнымъ образомъ слѣдить за всякою мѣрой, за всякимъ проектомъ,—за всѣмъ, въ чемъ будетъ пробиваться живая попытка ея живого разрѣшенія...

III.

Теперь нѣсколько словъ о другомъ предметѣ.

Изъ *Внутренняго обозрѣнія* въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли* читателю извѣстно, что *Гражданинъ* заговорилъ о «паденіи чувства законности въ народѣ». Положимъ, иллюстраціи, приводимыя *Гражданиномъ*, далеко не исчерпываютъ даже главнѣйшихъ сторонъ вопроса; положимъ также, что и средства, имъ рекомендуемыя, чисто-внѣшнія. Когда слабо самое чувство законности, то ужъ, конечно, усиленіе тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ статей въ тѣхъ или другихъ главахъ многотомныхъ уложеній поможетъ весьма мало. Однако, самый фактъ, что *Гражданинъ* заговорилъ объ этомъ предметѣ, кажется намъ довольно интереснымъ. Да, чувство законности у насъ вообще, а не въ одномъ только народѣ, къ сожалѣнію, очень еще слабо...

Если бы поставить прямо вопросъ: нужно ли соблюдать законы, то напелся ли бы смѣлый человѣкъ, газета, учрежденіе, которые прямо отвѣтили бы на этотъ вопросъ: «нѣтъ, законовъ соблюдать не слѣдуетъ». Безъ сомнѣнія, такого отвѣта вы ни отъ кого не услышите. Можно, конечно, сказать, что у насъ есть законы устарѣлые, подлежащіе измѣненіямъ согласно указаніямъ жизни. Но отрицать огульно необходимость строгаго подчиненія отдѣльныхъ, случайныхъ личныхъ взглядовъ, стремленій, похотѣній и страстей, извѣстной законной нормы, общепризнаваемой и чтимой, конечно же, никто не станетъ... Да, законы должны быть соблюдаемы, — это несомнѣнно.

Однако, несомнѣнно и то, что извѣстная часть прессы, считающая за собой монополію всякой благонамѣренности, упорно и съ постоянствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, доказываетъ противное. Какъ это выходитъ? Очень просто: въ общемъ видѣ приведенная выше максима почтительно признается, но ей предоставляютъ оставаться спокойно на зеркалѣ. И лишь только дѣло доходитъ до ея живого примѣненія, какъ тотчасъ же выступаетъ на сцену самое безцеремонное отрицаніе.

Если бы кто-либо задался цѣлью собрать за послѣдніе годы литературу по этому предмету, то коллекція вышла бы чрезвычайно любопытная. Но еще любопытнѣе то обстоятельство, что въ этомъ столкновеніи столь, повидимому, единодушныхъ мнѣній, въ этой борьбѣ по вопросу, стоящему внѣ всякаго спора,—та сторона, которая въ существѣ дѣла отрицаетъ обстоя-

тельность закона и разрѣшаетъ закононарушеніе, говорить тономъ торжествующей благонамѣренности и присваиваетъ именно себѣ исключительную монополію «лояльности»...

Попробуйте, напримѣръ, обратиться къ столбцамъ реакціонной печати для отысканія отвѣта на вопросъ: обязательны для земскихъ начальниковъ законы, спеціально для нихъ изданные и опредѣляющіе ихъ положеніе, или они «написаны все», лишь затѣмъ, чтобы было что нарушать? И, копецъ, вы даже не удивитесь уже, встрѣчая самыя страстныя отрицанія. «Нѣтъ,—говорятъ на всякомъ шагу князь Мещерскій, напримѣръ, и его единомышленники,—эти законы вовсе не обязательны. Земскій начальникъ долженъ быть живымъ проводникомъ верховной воли и, значитъ, отнюдь не связанъ закономъ»...

Но позвольте, однако, господа! Развѣ законъ не есть тоже выраженіе именно этой верховной воли, только опубликованное ко всеобщему свѣдѣнію? Развѣ всякое отклоненіе отъ ясныхъ и точныхъ постановленій закона не есть отклоненіе отъ верховной законодательной воли въ сторону «личныхъ усмотрѣній» и рискованныхъ догадокъ, которыхъ столько же, сколько и умовъ, которыя вносятъ лишь дробную борьбу, спорность и новое смятеніе въ жизнь, такъ сильно нуждающуюся въ какихъ-нибудь точныхъ устояхъ?...

Недавно въ газетахъ напечатаны отчеты о засѣданіи харьковской судебной палаты «по обвиненію земскаго начальника 2 участка Харьковскаго уѣзда В. А. Протопопова въ преступленіяхъ по должности». Г. Протопоповъ обвинялся и признавъ виновнымъ въ томъ, что, тотчасъ по вступленіи въ должность, первые же шаги свои ознаменовалъ кулачною расправой, т.-е. прямымъ беззаконіемъ. Въ качествѣ проводника нѣкоторыхъ новыхъ и спеціальныхъ законовъ, проводимыхъ въ жизнь новою реформой, г. Протопоповъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ дебютировать нарушеніемъ законовъ старыхъ и общихъ. Мы не станемъ приводить здѣсь всѣхъ «преступленій», въ которыхъ обвинялся г. Протопоповъ, а укажемъ лишь на нѣкоторые, особенно характерныя. «22 сентября, по окончаніи выборовъ въ селѣ Одноровкѣ,—говорится въ обвинительномъ актѣ,—Протопоповъ отправился въ домъ мѣстнаго священника. Тамъ въ это время былъ сосѣдній землевладѣлецъ, дворянинъ Бѣльченко, заявившій жалобу на волостного писаря Ивана Скрипку за то, что послѣдній написалъ ему отъ имени волостного правленія, *по его мнѣнію*, невѣжливую, въ формѣ предписанія, бумагу, въ которой требовалъ отъ него представленія въ волость свѣдѣній объ урожаѣ; Протопоповъ вызвалъ къ себѣ волостного писаря Скрипку, и, какъ только онъ явился въ комнату, Протопоповъ со словами: «Какъ смѣешь ты писать дворянамъ предписанія?»—ударилъ Скрипку кулакомъ въ ухо, а затѣмъ, выругавши его бранными словами и ударивъ вторично рукою по лицу, выгналъ вонъ изъ комнаты».

Этотъ основной мотивъ: «кулакомъ въ ухо», «рукой по лицу», «палкой по рукѣ»—повторяется на протяженіи всего обвинительнаго акта. Од-

нако, кажется, самым уже характерным эпизодом дѣятельности г. Протопопова слѣдуетъ считать разъясненіе его отношеній къ подаваемымъ ему, какъ непосредственному органу власти, жалобамъ. На первомъ же сельскомъ сходѣ въ Золочевѣ, — говорится въ напечатанномъ судебномъ отчетѣ, — гдѣ собралось до 700 человекъ, «Протопоповъ, разъясняя сходу временныя права и обязанности земскаго начальника, предупреждалъ, чтобы они не смѣли подавать ему много жалобъ, а то жалоба будетъ на мордѣ, а прошеніе на задней части тѣла».

Эта своеобразная теорія, сопряженная съ такою практикой, привела къ тому, что сходъ, собравшійся съ самыми «законными» намѣреніями для выслушанія «законнаго» заявленія и для исполненія извѣстныхъ законныхъ же обязанностей, закончился непредвидѣннымъ смятеніемъ, потребовавшимъ усмирения и вмѣшательства военной силы. Интересно, что защитникъ Протопопова, профессоръ Владиміровъ, въ своей рѣчи указывалъ на прямое вліяніе извѣстныхъ теорій, распространяемыхъ въ нѣкоторой части прессы, какъ на одинъ изъ мотивовъ даннаго преступленія. Мы, конечно, этого не знаемъ, читалъ ли г. Протопоповъ *Гражданина*, или онъ является самостоятельнымъ представителемъ теоріи, отрицающей обязательность закона для гг. земскихъ начальниковъ, находящей въ князѣ Мещерскомъ систематическаго проводника и защитника, — это все равно. Фактъ, однако, и фактъ до осязательности очевидный, что въ Золочевѣ эта теорія на практикѣ повела далеко не къ «укрѣпленію чувства законности въ народѣ». Не лишено также интереса объясненіе самого г. Протопопова. Очувшившись въ новой должности, онъ не зналъ, что дѣлать, съ чего начинать и т. д., — заглянуть попристальнѣе въ законы, очевидно, не пришло въ голову, — и вотъ г. Протопоповъ приступилъ къ приему, который, вѣроятно, казался ему единственно безошибочнымъ...

Г. Протопопову пришлось предстать передъ лицомъ оскорбленной Оемиды. Но есть много случаевъ, не столь рѣзкихъ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, но гораздо болѣе проникнутыхъ тѣмъ же смысломъ.

«Юхновское земство (Смоленской губ.), — читаемъ въ *Недѣлѣ*, — учредило въ 1891 году уѣздный сельско-хозяйственный совѣтъ для улучшенія экономическаго положенія уѣзда. Совѣтъ принялся за дѣло: устроилъ два склада улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, сталъ распространять улучшенныя сѣмена, выписывать и продавать искусственныя удобрения и т. д. Словомъ, юхновскій сельско-хозяйственный совѣтъ сразу заявилъ себя съ самой симпатичной стороны. Первые шаги его дѣятельности имѣли большой успѣхъ; не только весь пріобрѣтенный совѣтомъ запасъ сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ и фосфоритной муки былъ раскупленъ населеніемъ, но послѣднее сдѣлало заказы, превышавшіе въ нѣсколько разъ запасъ совѣта. И вдругъ совершенно неожиданно явилось препятствіе. При обсужденіи въ совѣтѣ ходатайства крестьянъ дер. Сидоровской о выпискѣ для нихъ 100 пудовъ улучшенныхъ сѣмянъ ржи и 100 пудовъ фосфоритовъ, мѣстный земскій начальникъ г. Титовъ заявилъ совѣту слѣдующее:

«Не признавая целесообразности предложенія крестьянамъ примѣненія фосфоритовъ, разныхъ улучшенныхъ сортовъ ржи и тому подобныхъ затѣй (!?), я, какъ земскій начальникъ, обязанный охранять интересъ населенія, *воспреищу* крестьянамъ ввѣреннаго мнѣ участка производство подобнаго рода непроизводительныхъ затратъ».

Газета видитъ въ этомъ эпизодѣ новое проявленіе нашей сельско-хозяйственной косности, мѣшающей всякимъ улучшениямъ въ области земледѣльческой культуры. Это, конечно, печально, но въ данномъ случаѣ это—еще только полбѣды. Цѣлая же бѣда—это странное положеніе въ участкѣ г. Титова всего населенія, съ его «чувствомъ законности»; бѣда въ этомъ недоразумѣніи, позволяющемъ смѣшивать «личное усмотрѣніе» со служебными обязанностями... Представьте себѣ только положеніе десятковъ тысячъ людей въ двухъ смежныхъ участкахъ, изъ которыхъ въ одномъ земскій начальникъ не одобряетъ улучшенныхъ сѣмянъ, другой же почитаетъ ихъ въ высшей степени полезными. И оба одинаково смотрятъ на свои обязанности, безъ отношенія къ точной формулировкѣ ихъ въ законѣ... Г. Титовъ «запрещаетъ» крестьянамъ выписывать сѣмена и, значитъ, будетъ наказывать за нарушеніе «воспреищенія». Другой—предпишетъ выписку сѣмянъ и сочтетъ, конечно, себя вправѣ взыскивать за неисполненіе предписанія. И, значитъ, рядомъ, за какимъ-нибудь ручейкомъ, обывателя будутъ строго наказывать за то, что строго предписывается въ другомъ мѣстѣ... Теперь далѣе: представьте, что,—какъ это случается на всякомъ шагу,—для пользы службы гг. земскіе начальники помѣняются участками. Въ какомъ положеніи тогда окажутся обыватели? Теперь уже ихъ неизбежно будутъ наказывать въ обоихъ участкахъ: въ одномъ—за исполненіе того, что раньше предписывалось, въ другомъ—за неисполненіе того, что было запрещено...

Что же въ такихъ случаяхъ станеть съ «чувствомъ законности въ народѣ» и въ какой мѣрѣ оно укрѣпляется такимъ положеніемъ дѣла?... И гдѣ изъ этого выходъ, какъ не въ точной, непріятной, связывающей буквѣ все того же закона?... Игра умовъ, личныхъ чувствъ, стремленій, взглядовъ и убѣжденій—прекрасное дѣло... Очень можетъ быть, что среди такихъ личныхъ взглядовъ гг. земскихъ начальниковъ могутъ встрѣтиться въ высшей степени основательные, даже гениальные. Но жизнь, бѣдная, смятенная жизнь требуетъ, все-таки, какихъ-нибудь устойчивыхъ опредѣленій, независимыхъ отъ этихъ личныхъ усмотрѣній, измѣнчивыхъ и непостоянныхъ... А гдѣ же искать ихъ, какъ не въ законахъ, составляющихъ кристаллизованный опытъ цѣлыхъ тысячелѣтій? Непогрѣшимости въ личныхъ взглядахъ нельзя требовать даже отъ генія... Ну, а соблюденіе законовъ—доступно всякому, даже и посредственному чиновнику.

Будемъ лучше довольствоваться малымъ.

Провинціальный наблюдатель.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь.

1892 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія.—Путешествія.—Юридическія книги.—Статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Календари и справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», ноябрь.—«Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь.—«Міръ Божій» ноябрь.—«Русскій Архивъ», июль—октябрь. III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1892 годъ. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 ноября по 15 декабря 1892 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Дуэль“. А. Чехова.—„Наши солдаты“. Н. Бутовскаго.—„Русская поэзія“. А. Сосницкаго.—„Сочиненія“ Чарльза Диккенса.—„Гоголія“. Ж. Расина.

Дуэль. Повѣсть Антона Чехова. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. Повѣсть написана просто и занимательно, съ обыкновенною талантливостію, благодаря которой г. Чеховъ занялъ видное мѣсто въ нашей литературѣ. Дѣйствующія лица живы и характерны, въ каждомъ изъ нихъ ярко отмѣчены тѣ особенности, которыя прививаются людямъ воспитаніемъ, обществомъ, профессіей, образомъ жизни; въ каждомъ съ большею или меньшею силой отмѣчены типическія черты, свойственныя той или иной категоріи современныхъ россійскихъ интеллигентовъ. Нѣкоторыя лица только мелькаютъ на самомъ фонѣ картины, въ которой они не были бы нужны совсѣмъ, если бы извѣстная типическая черточка не оправдывала ихъ короткаго появленія и не дѣлала необходимыми для полноты картины и ясности перспективы. Таковъ „нелюдิมый, тощій докторъ Устимовичъ“, а также молодой дьяконъ, временно командированный въ приморскій городокъ Кавказа, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Герой повѣсти, петербуржецъ Лаевскій, заѣхалъ въ это захолустье съ дамою сердца Надеждой Оедоровной, покинувшей ради него законнаго мужа. Влюбленные возмечтали найти „рай въ шалашѣ“, жить, трудиться, любить и наслаждаться на лонѣ природы. Вся бѣда оказалась въ томъ, что они не умѣютъ ни шалаша себѣ устроить, ни работать, ни даже любить, а потому и естественно, что не могутъ они не только наслаждаться, но и просто жить сколько-нибудь сносною жизнью. Обоимъ прескверно, и ни онъ, ни она не рѣшаются высказать это другъ другу прямо и откровенно, а норовятъ каждый улизнуть какъ-нибудь потихоньку, прикрываясь фразами, и лгутъ другъ передъ другомъ, лгутъ ежеминутно и безъ конца. При этомъ весьма жизненнымъ и правдоподобнымъ конфликтъ присутствуютъ и видятъ все добродушнѣйшій военный врачъ Самойленко и экскурсіоннирующій въ тѣхъ

странахъ зоологъ фонъ-Корень. Врачъ провозглашаетъ всякаго маломальски не глупаго знакомаго „прекраснѣйшимъ, величайшаго ума человѣкомъ“, и дѣлаетъ это вполне искренно, не по недостатку ума, а въ симпатичной простотѣ своего добраго сердца. Зоологъ смотритъ на людей съ своей „зоологической“ точки зрѣнія, установившейся на убѣжденіи въ законности и необходимости борьбы за существованіе и подбора, а потому и людей онъ дѣлитъ на сильныхъ и слабыхъ, на пригодныхъ для хорошаго подбора и никуда негодныхъ и, слѣдовательно, вредныхъ. Первымъ онъ предоставляетъ вѣдаться съ жизнью, какъ имъ угодно, по мѣрѣ ихъ силъ; относительно же вторыхъ держится того мнѣнія, что хорошо было бы для блага человѣчества ихъ истреблять, дабы, размножаясь, они не перегадили всего человѣчества, дабы не привели его къ полному вырожденію. Къ этой категоріи „вредныхъ“ и даже „наиболѣе вредныхъ“ онъ причисляетъ Лаевского и его сожительницу. Не одобряя рекомендуемыхъ зоологомъ мѣропріятій противъ Лаевского и подобныхъ ему, читатель вынужденъ, однако, согласиться, что такіе „продукты“ нашей современной культуры на самомъ дѣлѣ никуда не годны, вредны и совсѣмъ нежелательны. Когда же фонъ-Корену представляется случай подстрѣлить Лаевского на дуэли, у зоолога дрогнула рука,—отчасти, впрочемъ, помѣшалъ ему дьяконъ, подкравшійся подсмотреть, что за штука такая дуэль. Какъ бы то ни было, Лаевскій ушелъ живой и невредимый. Теперь нѣсколько словъ о его сожительницѣ. Кто хуже, онъ или она, рѣшить не беремся, и такой задачи авторъ не задаетъ. Изъ повѣсти ясно, что онъ могъ быть лучше, если бы сошелся съ другою женщиной, и что она могла бы быть иною, если бы жила съ другимъ человѣкомъ. Гадать они обоюдно другъ друга взаимнымъ воздѣйствіемъ дурныхъ сторонъ каждаго изъ нихъ. Дама эта отъ тоски и бездѣлья увлекается дуракомъ и негодяемъ офицеромъ и дѣлается его любовницей, потомъ бросаетъ офицера и дѣлается любовницей лавочника-армянина, чтобы этимъ способомъ расквитаться съ долгомъ, сдѣланнымъ ею тайкомъ отъ Лаевского. Армянинъ подкарауливаетъ ее на свиданіи съ офицеромъ и подводитъ Лаевского, который, такимъ образомъ, узнаетъ про двойную измѣну своей сожительницы. До сихъ поръ все въ повѣсти ясно, логично, правдиво. Тутъ же, въ самомъ концѣ, происходитъ неожиданное превращеніе: съ Лаевского соскакиваетъ вдругъ вся его дрянь, онъ дѣлается прекраснымъ человѣкомъ и счастливымъ мужемъ. Надежды Оедоровны, она сразу стряхиваетъ съ себя всякую негодность и становится милою, доброю женой Лаевского. Это вынужденъ признать самъ зоологъ, относившійся къ нимъ съ большимъ презрѣніемъ и съ ненавистью, чуть не доведшею его до человѣкоубійства. Мы не станемъ спорить противъ того, что въ дѣйствительной жизни и это возможно,—мало ли что случается. Но не совсѣмъ для насъ ясно, для чего понадобилась автору такая именно развязка, а не иная, болѣе обыкновенная и потому болѣе вѣроятная. Такъ это выходитъ оригинальнѣе, разумнѣе. Но, придумавши такой конецъ, авторъ сдѣлалъ бы лучше, по нашему мнѣнію, если бы опредѣлениѣ выяснилъ тотъ внутренній процессъ, по милости котораго произошла такая перемѣна въ его героѣ и въ героинѣ повѣсти. Въ томъ же короткомъ видѣ, въ какомъ это изложено, превращеніе не служитъ ни къ поднятію, ни къ вѣщему униженію дѣйствующихъ лицъ въ глазахъ читателя, ибо, съ одной стороны, не даетъ убѣжденія въ томъ, что они въ дѣйствительности и надолго вышли обновленными изъ постигшей ихъ передраги, и, съ другой стороны, оставляя въ нѣкоторомъ туманѣ ихъ дальнѣйшія взаимныя отно-

шенія, порождаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, изъ коихъ первыми являются такіе: хорошо ли поступилъ Лаевскій? Чему учить или, по крайней мѣрѣ, на что указываетъ намъ примѣръ Лаевского? Можно ли и должно ли примириться съ тѣмъ, съ чѣмъ онъ примирился? Мы думаемъ, что съ инымъ окончаніемъ или съ болѣе точною и ясною его мотивировкой, повѣсть оставила бы болѣе цѣльное и болѣе сильное впечатлѣніе, послѣдовательно нарастающее вплоть до послѣдней страницы предпослѣдней главы. Прочитывается она съ большимъ интересомъ.

Наши солдаты. Типы мирнаго и военнаго времени. Ник. Бутовскаго. (Съ рисунками). Спб., 1893 г. Цѣна 1 рубль. Въ военныхъ кругахъ имя автора этой книги пользуется весьма почетною и заслуженною извѣстностью, какъ писателя и составителя нѣсколькихъ практическихъ руководствъ для обученія солдатъ. Въ очеркахъ *Наши солдаты* читатель найдетъ не мало интереснаго и поучительнаго. Это живо и правдиво написанные рассказы, въ которыхъ авторъ съ большою любовью къ солдатамъ передаетъ горе и радости, выпадающія на долю людей, призванныхъ нести тяжелую службу въ мирное время, переносить всѣ трудности походовъ и переживать страшныя испытанія среди ужасовъ войны. Какъ человѣкъ военный и старый служака, закаленный въ бояхъ, г. Бутовской говоритъ о сраженіяхъ съ большимъ воодушевленіемъ, отъ котораго, — признаемся, — намъ, мирнымъ обывателямъ, иногда становится жутко. Отдавая должную честь выносливости солдатъ, доблести офицеровъ, героизму тѣхъ и другихъ, при чтеніи рассказовъ г. Бутовскаго мы не можемъ отдѣлаться отъ мысли, какъ бы хорошо было, если бы войнѣ совсѣмъ не было... Весьма вѣроятно, что не такое впечатлѣніе хотѣлъ произвести авторъ своею книгой; очень можетъ быть, что въ военныхъ людяхъ она возбуждаетъ совсѣмъ иныя чувства и думы. Мы же почти каждый рассказъ почтеннаго автора дочитывали съ глубокою печалью о безвременно погибшихъ нашихъ братьяхъ, такъ какъ большинство очерковъ кончается смертью на полѣ битвы или въ госпиталѣ честныхъ, незлобивыхъ людей, которыхъ авторъ только что изобразилъ намъ въ мирной, тихой и скромной обстановкѣ благодушно-довольными и смиренно-покорными судьбѣ. Но, пока война все еще остается неизбѣжнымъ зломъ и несчастьемъ, книга г. Бутовскаго вызываетъ въ каждомъ читателѣ, кто бы онъ ни былъ, чувства глубокой любви къ нашимъ солдатамъ и уваженія къ тѣмъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, которыя въ минуты самыхъ тяжкихъ испытаній проявляются въ каждомъ изъ нихъ, начиная съ „малыша“ рядового и кончая высшими изъ ихъ командировъ.

Русская поэзія. Избранныя стихотворенія русскихъ поэтовъ, съ біографическими и пояснительными примѣчаніями. Составилъ Аркадій Сосеницкій. Цѣна 2 р. 50 коп. Всѣ сборники стихотвореній составляютъ на одинъ ладъ, и всѣмъ имъ общи одни и тѣ же достоинства и недостатки, болѣе или менѣе неизбѣжные въ такихъ книгахъ. Главнѣйшіе недостатки — неполнота и произволъ въ выборѣ стихотвореній. Относительно выбора спорить мудрено; въ сборникъ каждый составитель включаетъ то, что ему нравится. Что же касается неполноты, то достаточно отмѣтить, что въ книгу г. Сосеницкаго вошли избранныя стихотворенія всего 38 поэтовъ, начиная съ Жуковского и кончая извѣстнымъ современнымъ поэтомъ, подписывающимъ свои произведенія буквами К. Р. Составитель говоритъ въ предисловіи, что его сборникъ „содержитъ лучшія стихотворенія нашей поэзіи, обнима

собою почти столѣтній ея періодъ“. Неужели за столѣтній періодъ на русской землѣ народилось только 38 поэтовъ? Въ книгѣ г. Сосницкаго мы видимъ имена Розенгейма, Красова, Ключникова, Жадовской, и не находимъ въ ней К. С. Аксакова, Б. Н. Алмазова, А. Н. Яхонтова, П. И. Вейнберга, В. С. Курочкина, Н. С. Курочкина, Минаева, Минскаго, Сурикова, Фруга, Мережковского, Фофанова, Пальмина, Огарева, Добролюбова, Хвошинской, Павловой, Величко... Если бы мы сгали выписывать имена всѣхъ извѣстныхъ поэтовъ, не удостоившихся попасть въ *Русскую поэзію* г. Сосницкаго, то могли бы насчитать еще 38 именъ и болѣе даже, и, все-таки, едва ли назвали бы всѣхъ, чьи стихотворенія ничѣмъ не уступаютъ произведеніямъ Розенгейма, Красова и нѣкоторыхъ другихъ, избранныхъ г. Сосницкимъ. Кромѣ того, мы не понимаемъ порядка, въ которомъ составитель размѣстилъ своихъ 38 избранниковъ. Это порядокъ не алфавитный, не хронологическій и совсѣмъ никакой, а такой же произвольный, какъ выборъ самихъ писателей. За симъ остается неизвѣстнымъ, для кого и для чего можетъ быть нуженъ сборникъ стихотвореній, понравившихся г. Сосницкому и перепечатанныхъ имъ изъ собранія сочиненій 38 излюбленныхъ имъ писателей.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Томъ третій. Холодный домъ. Переводъ подъ редакціей М. А. Шишмаревой. Повѣсть о двухъ городахъ. Переводъ подъ редакціей А. В. Каменскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к. Мы считаемъ совершенно излишнимъ говорить о значеніи сочиненій знаменитаго англійскаго писателя (род. въ 1812 г., сконч. въ 1870 г.). Оно настолько всѣмъ извѣстно и оцѣнено по достоинству, что сочиненія его переведены на всѣ европейскіе языки. Его произведеніями зачитывались наши отцы, мы зачитывались и будемъ зачитываться наши дѣти и внуки. Первые произведенія, доставившія автору громкую, всемірную извѣстность, *Записки Пиквикскаго клуба* и *Оливеръ Твистъ*, вышли въ свѣтъ въ 1837—1838 гг.; вошедшія въ третій томъ изданія г. Павленкова написаны: *Холодный домъ*—въ 1850 г., *Повѣсть о двухъ городахъ*—въ 1859 г. Большинство сочиненій Диккенса было уже переведено, и не разъ, кажется, на русскій языкъ. Въ полномъ же собраніи и за такую дешевую цѣну (1 р. 50 коп. за томъ въ 30 слишкомъ листовъ очень большого формата, убористой печати въ двѣ колонки) они появляются теперь впервые. Переводы сдѣланы весьма удовлетворительно. За такое изданіе русское общество не можетъ не поблагодарить почтеннаго издателя.

Гоеолія (Athalie), трагедія Ж. Расина, въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ. Переводъ съ французскаго, размѣромъ подлинника, Льва Поливанова. М., 1892 г. Ц. 2 р. Трудно писать разборъ литературнаго произведенія, когда хвалебный приговоръ надъ нимъ уже произнесенъ, изложенъ во всей формѣ, скрѣпленъ академическою печатью, подтвержденъ отзывомъ специалиста. Критика получаетъ уже въ этомъ случаѣ значеніе апелляціи къ здравому смыслу и эстетическому чувству читателей, становится своего рода provocatio ad populum. Въ такомъ положеніи находимся мы, приступая къ разбору перевода г. Поливанова, удостоивавшагося, какъ извѣстно, академической (Пушкинской) преміи. Какъ видно изъ предисловія, г. Поливановъ имѣетъ цѣлью ознакомить учащихся рядомъ изданій съ тѣмъ пренебрегаемымъ теперь строемъ и направленіемъ драмы, которое извѣстно изъ учебниковъ только подъ названіемъ „ложно-классическаго“. Съ этою цѣлью пере-

воду предпосылаются *Очеркъ жизни Расина* и *Разборъ Аталіи* Эмилиа Фаге (стр. VII—XLIX, *Судьба Аталіи на французской сценѣ по Полю Менапу* (XLIX—LXVII) и отзывы Сентъ-Бёва, Дешанеля и Лотейзена объ *Аталіи*, къ которымъ присоединены образцы старинныхъ русскихъ переводовъ *Говелли* и мнѣніе Сумарокова объ этой трагедіи. Статьи Э. Фаге хороши сами по себѣ, но нельзя не признать, что изъ всего приведеннаго матеріала учащіеся составятъ себѣ только очень одно-стороннее представленіе о ложно-классической трагедіи вообще и о *Говелли* въ частности. Необходимо было бы привести и мнѣнія критиковъ ложно-классическаго направленія. Нѣкоторый интересъ представляетъ изслѣдованіе самого г. Поливанова „о русскомъ александрійскомъ стихѣ“, хотя оно и мало имѣетъ отношенія къ самому переводу *Говелли*. Но обратимся къ офѣнкѣ самаго перевода, такъ какъ онъ-то и представляетъ во всякомъ случаѣ главный интересъ. Не лишены справедливости замѣчанія г. Поливанова, что трагедію Расина можно переводить только рифмованными стихами и, притомъ, александрійскими, т. е. шестистопнымъ ямбомъ съ цезурой. Но при этомъ нельзя упускать изъ вида и достоинство самаго стиха. Глубоко вѣрно замѣчаніе Вольтера, что главное достоинство *Аталіи* или *Говелли* заключается „въ крайней простотѣ и благородномъ изяществѣ стиля“; совершенно справедливо замѣчаетъ также д'Аламберъ, что „у Расина нужно учиться скорѣе искусству версификаціи, нежели драматическому, что *Аталіа* представляетъ собою „совершеннѣйшій образецъ версификаціи“. Прекрасно характеризуетъ значеніе *Аталіи* и нѣмецъ Лотейзенъ: „Французскій языкъ,—говоритъ онъ,—достигъ въ *Аталіи* высочайшаго совершенства. Расинъ владѣетъ имъ въ совершенствѣ. Какъ изъ музыкальнаго инструмента, извлекаетъ онъ изъ него всевозможные тоны, выражая тончайшія движенія души, величіе библейскихъ выраженій, и *тибое слово* его всегда дружно съ мыслью“. О Расинѣ, какъ стилистѣ вообще, приводимый г. Поливановымъ Э. Фаге говоритъ: „Расинъ пишетъ языкомъ очень чистымъ, очень правильнымъ, *очень яснымъ* и всегда изящнымъ, всегда музыкальнымъ, мелодическая фраза котораго немного коротка и *простому складу* которой нѣсколько недостаетъ полноты“.

Прибавимъ къ этому еще отъ себя, что Расинъ почти всегда отличается замѣчательною краткостью. О немъ зачастую можно сказать почти такъ же, какъ говорилъ Гоголь о Пушкинѣ, что „онъ скупъ на слово“. Въ этомъ одно изъ существеннѣйшихъ его достоинствъ. Переводить Расина—дѣло безспорно трудное. Первые русскіе его переводчики должны были бесплодно бороться съ невыработавшеюся еще техникой стиха. При совершенствѣ современной техники, переводъ, разумѣется, труднѣе, хотя и возможенъ, какъ оказались возможными переводы Байрона, Шиллера и другихъ представителей лиро-эпическаго творчества, въ которыхъ стихъ играетъ такую важную роль.

Разсмотримъ же, насколько передаетъ переводъ г. Поливанова указанные выше особенности стиля и стиха Расиновскаго, т. е. насколько сохраняетъ онъ главные достоинства подлинника.

Начнемъ съ рѣимы. Правда, г. Поливановъ замѣчаетъ, что рѣимы у Расина не всегда полныя, наприм., *furie* и *saisie, frappée* и *tombée*, но, во-первыхъ, такія неполныя рѣимы крайне рѣдки, а, во-вторыхъ, онѣ относительно правильны, несмотря на неполноту свою. А у г. Поливанова встрѣчаются довольно часто и слѣдующія псевдорѣимы: можетъ—уничтожить, разразится — покуситься, побудятъ — будетъ, поруганье—негодованья, правый — славы, Господни — сегодня, дышишь — услы-

пишь, слезнымъ—желѣзнымъ, жизни—отчизны, потоки—жестоки, отда-
леньѣ(?)—вождемъ, охраной—новоизбранный, охраной—бранной и т. п.

Вторымъ частымъ недостаткомъ стиха г. Поливанова является копле-
ніе гласныхъ или такъ называемый *hiatus*. Этого недостатка у Расина
нѣтъ совсѣмъ. *S'hiatus n'est point admis dans notre poesie*,—говоритъ сло-
варь академіи. У г. Поливанова же часто встрѣчаются слѣдующія любопыт-
ныя сочетанія: „Какъ кровію ея псы насыщались жадно“ (4 гласныхъ
подъ рядъ)—іюея.—*Я о* его пощадѣ.—Ею о насъ всегда.—Такъ... Ну, а
это все здѣсь въ храмѣ населенье“ и т. п.

Неправильность размѣра преимущественно въ видѣ двухъ долгихъ
или спондея, вмѣсто ямба, встрѣчается весьма часто; это уже само по
себѣ порождаетъ какофонію, которая и безъ того въ стихахъ г. По-
ливанова составляетъ явленіе частое. Напримѣръ, въ заключительномъ
даже стихѣ: *Грѣхъ слабости* моей во мнѣ одной казни! или: И Господа
всѣхъ силъ въ моленьяхъ призывайте! (двѣ долгихъ передъ цезурой).—
Всякъ взоры обратилъ...—*Самъ дома* моего гонитель безпощадный.—
Вдрузь мать Іезавель.—*Какъ съ* высоты дворца *псамъ* мать мою броса-
ють.—Рабой постыднаго *стать* только сожалѣнья.—*Когдабъ* *чувствъ*
матери въ себѣ не заглушила (три долгихъ подрядъ и, притомъ, за-
мѣчательное скопленіе согласныхъ, совершенно напоминающее знаме-
нитое *Музъ читателя Хвостова*,—пять согласныхъ разомъ *естем.*).—
Лжи врагъ непримиримый.—*Законъ вновь* *читать* заставить (три дол-
гихъ). Такихъ примѣровъ наберется еще много.

Отъ стиха перейдемъ къ стилю и языку вообще. Вмѣсто яснаго,
краткаго и простаго по языку періода, составляющаго одно изъ основ-
ныхъ достоинствъ расиновскаго стиля, у г. Поливанова является нѣчто,
обладающее совершенно противоположными качествами. Зачастую для по-
ниманія перевода слѣдуетъ даже прибѣгать къ подлиннику. Наприм.:

До наступленія дня
Съ Іодаемъ Авениръ сходилъ я.
Любовь его тебѣ известна къ царской крови;
Быть можетъ, Іодай здѣсь держитъ наготовѣ,
Чтобъ подмѣнить ее, наследника того,
И сына, можетъ быть, роднаго своего.

Темно, очень темно... А у Расина все совершенно *просто* и совер-
шенно *ясно*.

Pour le sang de ses rois vous savez son amour.
Et qui sait si Ioad ne veut point en leur places
Substituer l'enfant dont le ciel vous menace.
Soit son fils, soit quelque autre

(т.-е. вы знаете его любовь къ крови его царей. Кто знаетъ, не хо-
четъ ли Іодай поставить на мѣстѣ ихъ того ребенка, которымъ небо
вамъ угрожаетъ, — будь то его сынъ или кто другой). „Вы открыва-
ете мнѣ глаза“,—говоритъ Гооолія, услыхавъ эту рѣчь своего напере-
ника.—„Ты сбиваешь меня съ толку!“—должна была бы сказать она,
если бы слышала слова эти въ переводѣ г. Поливанова. А такихъ спут-
анныхъ, тяжеловѣсныхъ и трудно-понимаемыхъ періодовъ мы могли
бы привести изъ перевода г. Поливанова цѣлыя десятки. Ограничимся
однимъ только еще примѣромъ:

Нѣтъ! Нынѣ-жъ юный царь, который пребываетъ
Здѣсь восемь съ нами лѣтъ, избавленный тобой,
Воспитанный въ тиши подъ сѣною святой,
Крылами Господа во храмѣ осѣненный
Да вѣится толпѣ народа изумленной.

А у Расина все опять *просто, кратко и ясно*:

Montrons ce jeune roi que vos mains ont sauvé
Sous l'aile du Seigneur dans le temple élevé.

И только.

Нѣтъ недостатка и въ случаяхъ непониманія подлинника. Такъ, напримѣръ, г. Поливанова ввело въ соблазнъ слово *suspendre*, которое одновременно значить и приостановить или прекратить, отложить, отсрочить, подвѣсить или свѣсить.

Онъ (Богъ) праведно казнилъ
И даже ихъ семью во внука поразилъ:
Десницу мщенія порою опуская,
На этотъ гнусный родъ простеръ не уставая.

Мы совершенно не понимаемъ, какъ можно совершить, *не уставая*, какое-нибудь однократное дѣйствіе (простеръ). Простирать и опускать нельзя одновременно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположнаго въ этихъ дѣйствіяхъ ничего не имѣется. Разгадка заключается въ томъ, что, по Расину, Богъ на время (*pour un temps*, а вовсе не порою), приостановивъ свою мстящую руку, держать ее всегда (а не не уставая) простертою на этотъ гнусный родъ.

Совершенно понятно, что топорный, дубовый стихъ г. Поливанова не только лишаетъ, наприм., характерности рѣчь невиннаго младенца Іоаса, каковою характерностью такъ гордился Расинъ, но и уничтожаетъ или искажаетъ характерность всѣхъ рѣчей вообще, а потому искажаетъ или обезличиваетъ и характеры самихъ разговаривающихъ лицъ. Подчиненность или соподчиненность періодовъ въ длинныхъ рѣчахъ совершенно уничтожается, а потому и смыслъ рѣчи улетучивается или, по крайней мѣрѣ, дѣлается крайне туманнымъ. Иногда отъ этой же дубиноватости стиха отвѣтъ оказывается совершенно несоответствующимъ вопросу, а потому нарушается и нить мыслей. Такъ, напримѣръ, во 2-й сценѣ перваго акта Іосавеевъ спрашиваетъ тревожно мужа (тревога въ переводѣ г. Поливанова совершенно испарилась):

Узналъ ли жребій онъ великій свой и имя,
т.-е. собственно: Какъ? Онъ (т.-е. Іоасъ) узналъ уже и свое имя, и свое высокое званіе? Іоадъ, по г. Поливанову, отвѣчаетъ ничего незначащими словами:

Доселѣ узнавалъ себя онъ въ Эльакимѣ,
Младенцемъ брошеннымъ себя онъ почиталъ,
Котораго къ себѣ изъ жалости я взялъ.

По это жена и безъ того знаетъ. А, между тѣмъ, по Расину, Іоадъ ничего въ данномъ случаѣ отъ жены не скрываетъ и говоритъ прямо и опредѣленно, что Іоасъ до сихъ поръ почитаетъ еще себя Эльакимомъ, брошеннымъ ребенкомъ, и т. п.

Нельзя предполагать, чтобы разговоры между участвующими лицами могли быть особенно оживленными, если, наприм., благодарность выражается въ слѣдующихъ словахъ:

Но я дѣлю твое услужливое рвеніе
Опасность моего измѣрить положенья...

Впрочемъ, мы не можемъ перечислять всѣхъ курьезовъ перевода г. Поливанова. Правда, онъ лучше по языку (и то далеко не всегда) перевода Тучкова, изданнаго въ 1816 году, но онъ, во всякомъ случаѣ, одѣланъ такъ, какъ будто бы не было ни Пушкина, ни Жуковскаго на Руси и техника стиха не двинулась впередъ и не сдѣлала успѣховъ, по крайней мѣрѣ, со времени Озерова.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Отзывы изъ практической среды“.

Отзывы изъ практической среды. Современный сельскій бытъ и его нужды. Спб., 1893 г. Авторъ *Отзывовъ* принадлежитъ къ типу Ивановыхъ, обрисованныхъ Щедринымъ во второмъ письмѣ къ тетенькѣ. Щедринскій Ивановъ не философствуетъ или, лучше, его философія до крайности проста: согнуть въ бараній рогъ. Отличіе современнаго Иванова отъ Щедринскаго — это стремленіе обосновать, показать, почему именно нужно согнуть. Авторъ трактуетъ о сельской статистикѣ, современныхъ условіяхъ земледѣлія, современномъ крестьянскомъ бытѣ, народномъ продовольствіи и современныхъ условіяхъ дворянскаго землевладѣнія. „Крестьянская бѣдность, — по отзывамъ изъ практической среды, — происходитъ отъ упадка крестьянскаго хозяйства“ (стр. 110). Упадокъ же хозяйства обусловливается четырьмя причинами. „Первою причиной упадка крестьянскаго хозяйства, признаваемо безусловно самими крестьянами, оказываются крестьянскіе раздѣлы“ (стр. 111). „Второю причиной упадка крестьянскаго хозяйства слѣдуетъ признать разорительность для хозяйства мірскаго произвола въ противномъ духу и буквѣ законовъ фактическомъ упраздненіи подворнаго потомственнаго владѣнія усадьбами черезъ безправные передѣлы усадебной земли“ (тамъ же). „Третьею причиной упадка крестьянскаго хозяйства оказывается совокупность крупныхъ убытковъ этого хозяйства отъ падежей и распродажъ скота, также отъ конокрадства съ разорительными убытками отъ пожаровъ и поджоговъ“ (стр. 111—112). „Четвертая причина упадка хозяйства, именно — эгоизмъ заработка и его послѣдствіе — рознь между хозяйствомъ и заработкомъ“ (стр. 122). Такому крѣпостническому пониманію положенія крестьянства соотвѣтствуютъ не менѣе крѣпостническія средства, о чемъ въ авторъ ни говорилъ, и сущность которыхъ резюмируется: согнуть въ бараній рогъ. Въ самомъ дѣлѣ, только и слышится: *обязать* сельскія общества, *потребовать* отъ сельскихъ обществъ (стр. 75), *изъятъ* изъ вѣдѣнія общества (стр. 98), *даровать* сельскому обществу, *разяснять* крестьянскимъ обществамъ (стр. 110), съ изданіемъ сельскихъ уставовъ *упразднить* всѣ распоряженія крестьянскаго общества и сословнаго суда, *установить* обязательность выбора всѣхъ должностныхъ лицъ изъ крестьянъ грамотныхъ (стр. 123)... Довольно, кажется. Съ крестьянствомъ предлагаютъ поступать какъ съ лѣсомъ, назначеннымъ къ порубкѣ. Надо полагать, во имя той гражданской равноправности съ прочими свободными сословіями, о которой упоминается на стр. 113. Въ послѣдней главѣ говорится объ экономическомъ значеніи дворянскаго землевладѣнія, социального же значенія „въ государствѣ дворянскаго сословія, владѣющаго такою крупною земельною собственностью“, отзывы автора „не будутъ касаться“ (стр. 159). Напрасно. Во имя гражданской равноправности съ прочими свободными сословіями, къ дворянскому землевладѣнію слѣдовало бы примѣнить ту же систему, какая рекомендуется по отношенію къ крестьянскому, а, между тѣмъ, авторъ ничего подобнаго не рекомендуетъ. Въ предисловіи авторъ надѣется и ожидаетъ, что „изъ среды практическихъ людей послѣдуютъ къ его отзывамъ дополненія и поправки“, „къ вопросу о причинахъ пониженія благосостоянія деревни“ и „къ вопросу о способахъ подъема благосостоянія деревни“. Эти вопросы — вопросы именно для такихъ „практическихъ“ людей. Въ литературѣ эти вопросы давно уже и вполне опредѣленно поставлены.

И С Т О Р И Я.

„Сочиненія“ Т. Н. Грановскаго.— „Опыт русской исторіографіи“. В. С. Иконникова.— „Паденіе язычества“. Гастона Буассе.— „Открытіе Америки“. Д. Фиске.— „Исторія англійскаго народа“. Д. Р. Грина.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго съ портретомъ автора. Двѣ части. 3-е дополненное изданіе. М., 1892 г. Грановскаго нѣтъ надобности рекомендовать русской публикѣ. То обстоятельство, что первыя два изданія его сочиненій давно разошлись и что понадобилось третье, само по себѣ показываетъ, что Грановскій продолжаетъ быть не только однимъ изъ свѣтлыхъ воспоминаній Московскаго университета, но и однимъ изъ наиболѣе любимыхъ авторовъ русской читающей публики. Конечно, при быстромъ ростѣ европейской исторической науки многія страницы сочиненій Грановскаго не могутъ не оказаться устарѣлыми въ наше время, но никогда не устарѣетъ проникающее ихъ гуманистическое міровоззрѣніе покойнаго историка и свойственное ему изящество литературнаго выраженія. Такія вещи, какъ *Характеристики*, навсегда останутся лучшимъ украшеніемъ нашей исторической литературы.

Въ составъ *Сочиненій* въ третьемъ изданіи вошли, кромѣ статей, входившихъ въ предыдущія изданія, статья о *Крестовыхъ походахъ* и остатки работъ Грановскаго надъ учебникомъ всеобщей исторіи, именно программа, объяснительная записка и начало текста, заключающее въ себѣ исторію Востока. Вся эта работа была предпринята въ виду желанія министерства народнаго просвѣщенія имѣть „хорошее руководство къ изученію всеобщей исторіи, написанной (?) въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія“. Чтобы понять смыслъ этихъ словъ, надо прибавить, что желаніе это было выражено въ 1850 году, т.-е. послѣ февральской революціи. Надо прочесть *Записку* Грановскаго, чтобы видѣть, съ какимъ достоинствомъ вышелъ онъ изъ этого труднаго положенія. „Умышленная утайка или обманъ, внесенный въ учебную книгу,—говоритъ онъ здѣсь,—не можетъ не открыться любознательному и опытному ученику. Послѣдствія такого открытія опредѣлить не трудно: оно неминуемо разовьетъ въ юношахъ гибельный духъ недовѣрія къ преподавателямъ и заставитъ ихъ искать истины внѣ школы, въ мутныхъ и лживыхъ источникахъ, вліяніе которыхъ можетъ быть устранено только честнымъ и вѣрнымъ изложеніемъ науки“. „Событія революціоннаго періода должны быть разсказаны кратко, но отчетливо, такъ, чтобъ ученикъ могъ видѣть внутреннюю связь явленій“. Для объясненія монархическаго начала въ русской исторіи „нѣтъ надобности прибѣгать къ утайкамъ и лжи“ и „искушать юные умы безусловными похвалами тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ видно только искаженіе этой идеи“.

Просматривая текстъ, приготовлявшійся Грановскимъ сорокъ лѣтъ назадъ для гимназическаго учебника, нельзя не почувствовать, какъ сгузилась съ тѣхъ поръ постановка историческаго преподаванія въ нашей средней школѣ. Отодвинутый въ разрядъ второстепенныхъ предметовъ, втиснутый въ ничтожное количество недѣльныхъ уроковъ, историческій курсъ нашей средней школы не можетъ не заставлять нашу молодежь „искать истины внѣ школы“.

Опытъ русской исторіографіи. В. С. Иконникова, профессора университета св. Владиміра. Томъ первый. Книга первая. Кіевъ, 1891 г. Книга вторая. Кіевъ, 1892 г. Лежащія передъ нами двѣ ча-

сти огромнаго перваго тома изслѣдованія проф. Иконникова, объемомъ болѣе 2200 страницъ, представляютъ результатъ продолжительнаго и упорнаго труда, съ какимъ не часто приходится встрѣчаться въ нашей ученой литературѣ. Исходною точкой работы проф. Иконникова послужили его университетскія чтенія по исторіографіи вообще и по ея спеціальнымъ отдѣламъ. Какъ давно задумалъ авторъ обработать эти лекціи для печати, видно изъ того, что еще въ 1873 г., на обложкѣ его извѣстной монографіи о графѣ Мордвиновѣ, объявлено было о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ *Науки и литературы русской исторіи* (лекцій по исторіографіи, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра). Параллельно съ занятіями по исторіографіи авторъ, выражаясь его словами, „съ интересомъ библіографа слѣдилъ за текущею литературой своего предмета“, и въ результатъ этихъ наблюденій съ 1875 года стали появляться въ *Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ* его погодные обзоры литературы русской исторіи, къ которымъ присоединялась масса рецензій въ различныхъ спеціальныхъ журналахъ. Съ 1884 г. профессоръ Иконниковъ приступилъ къ печатанію настоящаго труда, не переставая, въ то же время, слѣдить за вновь выходящими изслѣдованіями; такъ какъ печатаніе затянулось на цѣлыхъ 7 лѣтъ, то, конечно, къ напечатанному уже текету пришлось дѣлать многочисленныя дополненія, составляющія 372 страницы и доводящія свѣдѣнія, даваемые книгой, можно сказать, до вчерашняго дня.

Вышедшій, наконецъ, въ свѣтъ первый томъ *Опыта русской исторіографіи* заключаетъ въ себѣ, по плану автора, „какъ обзоръ основнаго матеріала, рукописнаго и печатнаго, такъ и трудовъ тѣхъ изслѣдователей и тружениковъ, которые содѣйствовали собиранію и обнародованію этого матеріала, являясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣдко и главными двигателями въ его обработкѣ“. Второй томъ будетъ посвященъ „систематическому обзору источниковъ русской исторіи и исторіи развитія ея науки“. Приступить къ печатанію этого продолженія, — по словамъ автора, — онъ въ состояніи будетъ только послѣ нѣкотораго и, быть можетъ, продолжительнаго отдыха“. Отдѣльныя главы этого будущаго тома *Опыта* печатались, впрочемъ, авторомъ уже съ давнихъ поръ, преимущественно въ *Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ*.

Первыя три главы перваго тома посвящены общимъ вопросамъ исторіи и ея вспомогательныхъ наукъ. Въ вопросахъ философско-историческихъ авторъ имѣетъ свое опредѣленное мнѣніе, но не навязываетъ его читателю, ограничиваясь, главнымъ образомъ, сопоставленіемъ различныхъ взглядовъ по каждому отдѣльному вопросу. Слишкомъ большая дробность этихъ сопоставленій, слишкомъ различная степень компетентности въ данныхъ вопросахъ различныхъ писателей, сопоставляемыхъ авторомъ, и, наконецъ, указанная уже сдержанность автора въ выраженіи собственныхъ мнѣній сообщаютъ этой части труда проф. Иконникова характеръ нѣкоторой мозаичности и пестроты, не вполне соответствующій ея содержанію.

Затѣмъ, послѣ очень полнаго перечисленія предъидущихъ трудовъ по русской исторіографіи, авторъ переходитъ къ исторіи книжнаго дѣла, собиранія и описанія книгъ и рукописей и къ исторіи издательской дѣятельности въ Россіи (главы IV—VI). Особенно обстоятельно изложена здѣсь дѣятельность гр. Румянцева и его кружка, служившая и ранѣе предметомъ спеціальной статьи проф. Иконникова и въ *Опытѣ* занимающая цѣлую главу (V). Далѣе, обозрѣвши дѣятельность археологическихъ и другихъ комиссій для изданія актовъ, а также труды

статистическихъ комитетовъ, авторъ посвящаетъ особую (VII) главу ученымъ обществамъ въ Россіи и за границей, по скольку ихъ дѣятельность касается русской исторіи, періодическимъ изданіямъ и, наконецъ, библиографическимъ трудамъ. Этимъ и кончается первый отдѣлъ книги, составляющій до 600 страницъ текста и дополненій. Второй, наиболѣе обширный и особенно цѣнный для спеціалиста отдѣлъ посвященъ описанію архивныхъ хранилищъ. Если нѣкоторые изъ русскихъ архивовъ, преимущественно столичные, и извѣстны изслѣдователямъ по изданнымъ ихъ администраціей болѣе или менѣе подробнымъ описаніямъ документовъ, то относительно огромнаго количества ихъ *Опытъ русской исторіографіи* проф. Иконникова является наиболѣе доступнымъ, а иногда и единственнымъ въ настоящее время источникомъ свѣдѣній. Чтобы оцѣнить значеніе вклада, сдѣланнаго авторомъ въ русскую историческую науку этою частью его работы, достаточно сказать, что до его книги единственными общими обзорами русскихъ архивовъ оставались небольшія статьи въ *Энциклопедическомъ словарѣ русскихъ ученыхъ и литераторовъ* (1862 г.) и проф. Андреевскаго. Въ *Опытѣ* проф. Иконникова мы имѣемъ специальную монографію объ архивахъ, имѣющихъ значеніе для русской исторіи, объемомъ до 1500 страницъ. Относительно каждаго архива авторъ самымъ тщательнымъ образомъ собираетъ свѣдѣнія, касающіеся его исторіи и состава его документовъ, и чрезвычайно обстоятельно отмѣчаетъ, какіе изъ этихъ документовъ были когда-либо напечатаны или эксплуатированы кѣмъ-либо изъ ученыхъ изслѣдователей. По этому плану описаны въ главѣ I второго отдѣла архивы правительственные и центральные; въ главѣ II — архивы губернскіе, областные, городскіе, войсковые и сословные; въ главѣ III — архивы и библіотеки епархіальные, монастырскіе и церковные, раскольническіе, католическіе и протестантскіе; въ главѣ IV — библіотеки духовнаго вѣдомства и духовно-учебныхъ заведеній; въ главѣ V — правительственные и общественныя библіотеки; въ главѣ VI — библіотеки высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ; въ главѣ VII — частные и фамиліные архивы и библіотеки и, наконецъ, въ главѣ IX — русскіе историческіе матеріалы, находящіеся въ иностранныхъ архивахъ, библіотекахъ и музеяхъ. Глава VIII разсматриваетъ правительственные, общественные, сословные и частные музеи, какъ хранилища вещественныхъ памятниковъ археологій и искусства. Нѣтъ возможности пересказать въ этой рецензіи подробно содержаніе всѣхъ перечисленныхъ главъ, но уже одно это перечисленіе показываетъ, до какой степени необходима книга проф. Иконникова для всякаго, занимающагося русскою исторіей.

Паденіе язычества. Гастона Буасье. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1892 г. Ц. 4 р. *Русская Мысль* давала своевременно отзывъ объ этомъ выдающемся трудѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ французскихъ историковъ. Русскій переводъ изслѣдованія Буасье, изданный подъ редакціей М. С. Корелина, является крупнымъ вкладомъ въ нашу ученую литературу. Благодаря блестящему изложенію, книга Буасье найдетъ обширный кругъ читателей. Редакторъ русскаго перевода написалъ предисловіе, весьма полезное для читателей. Онъ отмѣчаетъ и хорошія, и слабыя стороны труда знаменитаго академика. Вполнѣ умѣстны и особенно цѣнны два возраженія Буасье, которыя дѣлаетъ г. Корелинъ въ концѣ своего предисловія: въ первомъ изъ нихъ русскій ученый опровергаетъ утвержденіе, будто сила всегда торжествуетъ надъ идеями; во второмъ г. Корелинъ указываетъ на недосмотръ Буасье,

вслѣдствіе котораго послѣдній говоритъ, что „не нужно слишкомъ до-
вѣрять демократическому предразсудку, будто образованіе есть универ-
сальное средство, распространивъ которое, можно излечить всѣ болѣзни
государства, — это ясно изъ того, что никакія усилія не могли оторо-
чить паденіе имперіи и торжество варварства“. Это не только не ясно,
но и прямо неправильно: „*демократическій предразсудокъ*“, — справедливо
замѣчаетъ г. Корелинъ, — требуетъ образованія для народа, а въ Рим-
ской имперіи было образованное общество и невѣжественная масса,
значительную часть которой составляли рабы“.

Открытіе Америки. Д. Фиске. Т. I. Изд. К. Т. Солдатенкова.
Москва, 1892 г. Ц. 2 р. Первый томъ извѣстнаго труда Фиске, пере-
веденный съ англійскаго г. Николаевымъ, подоспѣлъ къ четырехсот-
лѣтнему юбилею открытія Америки, т.-е. какъ нельзя болѣе кстати.
Краткій очеркъ древне-американской культуры и хода испанскаго за-
воеванія дополняютъ содержаніе изслѣдованія Фиске, которое является
результатомъ многолѣтней и весьма тщательной работы. Общество древ-
ней Америки ко времени великаго открытія Колумба далеко отставало
въ своемъ развитіи отъ обществъ Стараго Свѣта эпохи Гомера и Ведъ.
Понятно поэтому, какое значеніе имѣетъ знакомство съ цивилизаціями
Мексики и Перу: оно позволяетъ намъ заглянуть въ глубокую истори-
ческую даль.

Первый томъ сочиненія Фиске оканчивается смертью Колумба. Эта
смерть (въ Вальядолидѣ 20 мая 1506 года) не обратила на себя вни-
манія современниковъ великаго путешественника. Истинное значеніе
его открытій не было тогда понято ни однимъ путешественникомъ и
ни однимъ писателемъ: всѣ были убѣждены, что Колумбъ открылъ нѣ-
сколько новыхъ острововъ и новую дорогу въ Индію. Поучительна
борьба великаго человека съ религіозными предразсудками и придвор-
ными интригами, отъ которыхъ такъ много и тяжело пострадалъ Ко-
лумбъ. Поучительны и ошибки самого Колумба, не подозревавшего, что
онъ открылъ новый міръ, а не новую дорогу къ берегамъ Индіи и Китая.

Исторія англійскаго народа. Д. Р. Грина, Т. IV. Изд. К. Т. Сол-
датенкова. Москва, 1892 г. Цѣна 2 р. 50 к. Четвертый томъ *Исто-
ріи англійскаго народа* обнимаетъ періодъ времени съ 1683 по 1815 г.
О достоинствахъ и недостаткахъ обширнаго труда англійскаго исто-
рика въ *Русской Мысли* было уже достаточно сказано. У насъ такъ
мало переводныхъ, а тѣмъ болѣе оригинальныхъ сочиненій по новой
исторіи Европы, что *Исторію англійскаго народа*, — ея четвертый томъ, —
нельзя не привѣтствовать съ особеннымъ удовольствіемъ. Передъ чи-
тателемъ встаетъ поучительная картина борьбы за политическую сво-
боду великаго англійскаго народа, ошибки и жестокости узкой націо-
нальной политики, борьба Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Шта-
товъ за свою независимость, отношеніе Англіи къ французской ре-
волюціи и къ Наполеону I. Разсказъ Грина кончается описаніемъ Ва-
терлооской битвы.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„По Индіи и Цейлону“. Кн. О. Л. Щербатовой.

По Индіи и Цейлону. Мои путевыя замѣтки 1890—1891 гг., съ
двумя дополнительными главами о религіи и архитектурѣ Индіи.
Княгини О. Л. Щербатовой. Краткій обзоръ исторіи и современ-

наго положенія Индіи. Князя А. Г. Щербатова. Съ 23 фототипіями, 211 цинкографіями и картой. Москва, 1892 г. Ц. 12 р. Индіи и Цейлонъ до сихъ поръ представляются русскому читателю какими-то волшебными, почти сказочными странами, лежащими „за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ“. На самомъ же дѣлѣ совсѣмъ уже это не такъ далеко, какъ кажется: княгиня Щербатова доѣхала изъ Бриндизи до Бомбея въ 15 дней. Отплывши изъ Италіи 16 декабря 1890 г., она объѣхала всю Британскую Индію вдоль и поперекъ, побывала въ Дели и въ Лагорѣ, въ Дарджилингѣ и въ Гималаяхъ, въ Мадрасѣ, Калькутѣ, на Цейлонѣ и 21 апрѣля была уже опять въ Бриндизи. Слѣдовательно, на все путешествіе потребовалось нѣсколькими днями больше четырехъ мѣсяцевъ, причѣмъ неутомимая путешественница успѣла осмотрѣть все, наиболѣе достопримѣчательное и доступное женщинѣ. За исключеніемъ экскурсіи къ Гималаю, весь путь былъ сдѣланъ въ вагонѣ, по желѣзнымъ дорогамъ, давно изрѣзаннымъ азіатскія владѣнія Англіи. Описаніе этого путешествія издано роскошно, но мы не можемъ сказать, чтобы оно представляло собою особенно большой интересъ. Въ немъ слишкомъ много мѣста занимаютъ воспоминанія, чисто-личныя, и много выписокъ изъ давно извѣстныхъ англійскихъ сочиненій объ Индіи. Въ общемъ, прочитавши эту большую книгу (571 стр.), никто ума своего не обогатитъ новыми свѣдѣніями, никто не увлечется живостью описанія далекихъ странъ, обычаевъ и образа жизни разнотемнаго населенія, насчитывающаго до 200 милліоновъ жителей. Княгиня Щербатова усердно занималась фотографіей; нѣкоторые изъ сдѣланныхъ ею снимковъ хорошо воспроизведены фототипіей. Но есть между ними не мало и совсѣмъ неудачныхъ, на которыхъ ничего нельзя разобрать. Большинство рисунковъ отведено на долю видовъ и слишкомъ мало на изображеніе типовъ и бытовыхъ сценъ. Въ нашихъ понятіяхъ Индія представляется страной чудесъ, волшебства и фокусовъ. Въ „путевыхъ замѣткахъ“ княгини Щербатовой ни о чемъ подобномъ не упоминается потому, вѣроятно, что этою особенностью Индіи путешественница не интересовалась, или же не имѣла случая ознакомиться съ нею. Если судить объ Индіи по извѣстному сочиненію Радда-Бай (г-жи Блавацкой), то можно вообразить, что тамъ шага не сдѣлаешь, не наткнувшись на чудо. По замѣткамъ же княгини Щербатовой легко впасть въ другую крайность и подумать, что въ этомъ отношеніи Индіи ничуть не интереснѣе Кузнецкаго Моста и Пассажа. Про факировъ, браминовъ и байадерокъ нѣтъ и помина, такъ что невольно приходится въ голову мысль: да существуютъ ли они въ дѣйствительности, или же все писанное про нихъ не болѣе какъ басни, сочиненныя Радда-Бай, Жакколио и имъ подобными, ничѣмъ нестѣсняющимися фантазерами? Однако, не одни же вралі писали про Индію, и есть же тамъ кое-что, могущее удивить и поразить европейца, помимо растительности, грязи въ отеляхъ и неудобствъ табльд'отовъ, которымъ въ лежащей передъ нами книгѣ дано мѣста болѣе, чѣмъ они того заслуживаютъ въ глазахъ публики, мало интересующейся помѣщеніями въ гостиницахъ и пищей въ столовыхъ Индостана.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Русское государственное право“. Н. Коркунова.— „Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ“. М. И. Мыша.

Русское государственное право. Пособіе къ лекціямъ. Н. Коркунова. Томъ I. Введеніе и общая часть. Спб., 1892 г. Передъ нами первый томъ *Русскаго государственнаго права* проф. Коркунова. Трудно, конечно, судить о томъ, чѣмъ явится этотъ курсъ лекцій, когда будетъ окончено все его изданіе, но уже и вышедшій первый томъ представляетъ не малый научный интересъ какъ по своему *содержанію*, такъ и по оригинальной (для русской литературы, впрочемъ) *системѣ* курса. Что касается послѣдней, то авторъ признаетъ, по многимъ соображеніямъ (стр. 127 и сл.), неудобными *всю систему* изложенія предмета, принятая въ нашихъ учебникахъ права: „изложеніе въ порядкѣ отдѣльныхъ томовъ Свода Законовъ, дѣленіе всего изложенія на ученіе о власти и ученіе объ обществѣ, и раздѣленіе государственнаго права на право устройства и право управленія“; поэтому онъ предлагаетъ свою систему, созданную, впрочемъ, не безъ вліянія нѣмецкихъ ученыхъ публицистовъ. Авторъ, исходя изъ того положенія, что „государство есть юридическое отношеніе властвованія“, находитъ, что и „наука государственнаго права не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ ученіемъ объ этомъ отношеніи и его элементахъ“ (стр. 130). Взявъ, на нашъ взглядъ, такую узкую и чисто-юридическую основу для опредѣленія понятія государства и какъ бы забывъ, что не одною „юридическою конструкціей государства“ надо опредѣлять функціи и характеръ его дѣятельности, проф. Коркуновъ раздѣляетъ всю систему государственнаго права на 4 основныхъ отдѣла: 1) общая характеристика государственнаго строя; 2) ученіе о субъектахъ государственнаго отношенія—монарха и подданныхъ; 3) ученіе объ объектѣ — о власти, ея функціяхъ и органахъ и 4) ученіе о содержаніи государственнаго отношенія—о правахъ и обязанностяхъ монарха и подданныхъ“. Авторъ находитъ, что въ эти 4 отдѣла можно уложить все содержаніе государственнаго права, но „ради болѣеи цѣльности, сосредоточенности и, слѣдовательно, ясности изложенія удобнѣе въ этихъ 4 отдѣлахъ изложить лишь общія основныя начала государственнаго права, составивъ изъ нихъ *общую часть* курса; отдѣльныя же частныя проявленія государственной власти, органы, черезъ которые они совершаются, права и обязанности, по поводу ихъ возникающія, удобнѣе разсмотрѣть по отдѣльнымъ группамъ, составивъ изъ нихъ вторую *особую часть* курса“. На это мы должны возразить слѣдующее. Не говоря уже объ излишней сложности этой системы (что особенно неудобно въ университетскомъ курсѣ) и нѣкоторой ея схоластичности (можетъ быть, впрочемъ, чистовѣйшей, такъ какъ въ систему эту возможно вложить и *живое* содержаніе), предлагаемое раздѣленіе курса на *общую* и *особенную* часть очень неясно, да и непрактично. Въ общей части, наприм., авторъ въ 1 отдѣлѣ (*Государственный строй Россіи*) кратко говоритъ „о государственномъ единствѣ“ и „государственномъ устройствѣ“, опредѣляя въ послѣднемъ отдѣлѣ, что говорятъ наши основныя законы о „самодержавіи и законности“; вся же „сфера верховнаго управленія и функцій законодательства“ отнесены имъ къ отдѣлу особой части (стр. 130, 133 сл., 151 сл.),—иначе говоря, раздѣлены принципы государственнаго устройства отъ осуществленія *de facto*, что едва ли практично. Другое

дѣло, конечно, если бы само *содержаніе* въ книгѣ проф. Коркунова такъ называемой *общей* и *особой* части государственнаго права было различно, т.-е. если бы въ первой излагались общія теоретическія положенія государственнаго права, а во второй—догма нашего или иного права (какъ обыкновенно это дѣлается). Но въ курсѣ проф. Коркунова, въ общемъ, та же наша догма, съ нѣкоторыми дополненіями изъ иноземной, должна служить содержаніемъ и *общей*, и *особенной* части, а поэтому разноситъ ее не только по ничѣмъ не связаннымъ между собою рубрикамъ, но даже по отдѣльнымъ томамъ — значить либо часто повторяться, либо слишкомъ дѣлать впечатлѣніе, полученное отъ изученія догматическаго матеріала въ цѣломъ. Впрочемъ, оговариваемся, что судить вполне опредѣленно о системѣ курса проф. Коркунова можно будетъ лишь по окончаніи такъ называемой *особой* части; мы высказались лишь о томъ, что представляется уже довольно яснымъ и теперь.

Обращаемся къ содержанію вышедшаго тома. Онъ раздѣляется на введеніе и общую часть. Въ первомъ устанавливается вполне ясно и научно, хотя и нѣсколько сухо, безцвѣтно, понятіе государства и его задачъ, обозначаются различныя формы государствъ и ихъ соединеній; кратко характеризуется литература предмета и система курса. Въ общей части трактуется о государственномъ строѣ Россіи, о субъектѣ государственнаго права и прочихъ вопросахъ, указанныхъ нами выше, при обзорѣ системы курса. Свѣдѣнія, даваемые нѣкоторыми отдѣлами (наприм., отдѣломъ о Финляндіи, инородцахъ, отдѣломъ *О границахъ государственной власти* и т. д.), достаточно новы и интересны, хотя, въ общемъ, не идутъ далѣе догматическаго изложенія законодательнаго матеріала. Въ цѣломъ, книга проф. Коркунова представляетъ немалый интересъ для всѣхъ занимающихся русскимъ государственнымъ правомъ, тѣмъ болѣе, что въ ней много сообщается данныхъ и по общевропейскому праву и литературѣ.

Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Составилъ М. И. Мышъ. Спб., 1892 г. Юридическое положеніе евреевъ регулируется многочисленными, но, въ то же время, неясными, сбивчивыми и противорѣчащими другъ другу узаконеніями; эта противорѣчивость и сбивчивость узаконеній о евреяхъ открываетъ просторъ самымъ произвольнымъ толкованіемъ, клонящимся обыкновенно во вредъ евреямъ; вотъ почему является весьма полезнымъ составленіе сборника, въ которомъ въ ясномъ и систематическомъ порядкѣ были бы собраны всѣ разношерстные узаконенія о евреяхъ. Сборниковъ дѣйствующихъ законовъ о евреяхъ въ нашей литературѣ есть нѣсколько—Колоколова, Леванды, Левина и нѣкоторыхъ др.; но всѣ они частью устарѣли, частью имѣютъ исключительно-историческій характеръ. Сборникъ г. Мыша, сохраняя историческій характеръ, содержитъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, все *дѣйствующее* законодательство: въ него включены всѣ узаконенія о евреяхъ согласно официальному тексту, а равно рѣшенія правительствующаго сената и разъясненія и приказы по с.-петербургскому градоначальству. Изъ сопоставленія ст. 1, 2 и 835 т. IX изд. 1876 года видно, что, въ отношеніи своихъ правъ, евреи поставлены русскимъ законодательствомъ наравнѣ съ полудикими народностями, на ряду съ киргизами, самоѣдами, калмыками, ордынцами и проч. Но въ то время, какъ осѣдлые инородцы не-евреи сравниваются съ русскими въ правахъ и обязанностяхъ по сословіямъ, въ которыя они вступаютъ (т. IX, ст. 836), *евреи подлежатъ общимъ законамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда*

не постановлено о нихъ особыхъ правилъ. Мы не будемъ останавливаться на разборъ тѣхъ причинъ, которыя создали такое аномальное положеніе евреевъ; это завело бы насъ очень далеко и отвлекло бы отъ книги г. Мыша, къ которой мы и отсылаемъ читателя. Въ ней разобраны все эти причины, все тѣ *мотивы*, которые привели къ такому положенію. Даже и тѣ немногія права, которыя предоставлены евреямъ, еще значительно сѣужены различными спеціальными узаконеніями, циркулярами, временными правилами и т. п.

Къ сожалѣнію, надо сознаться, что все наше законодательство о евреяхъ совершенно противорѣчитъ извѣстному афоризму Локка: „Создавайте не много законовъ, но наблюдайте, чтобы они, будучи разъ созданы, хорошо исполнялись“.

Въ концѣ своей книги г. Мышъ приложилъ подробные постатейный, хронологическій и алфавитный указатели, весьма облегчающіе пользованіе громаднымъ матеріаламъ, собраннымъ въ его книгѣ.

СТАТИСТИКА.

„Отчетъ тамбовской губернской управы по продовольственной операціи 1891—1892 годовъ“.—„Памятная книжка Курской губ. на 1892 г.“. — „Очеркъ развитія народнаго образованія въ Ирбитскомъ уѣздѣ, Пермской губ.“. С. Л. Удичева.

Отчетъ тамбовской губернской управы по продовольственной операціи 1891—1892 гг. Вып. II. Тамбовъ, 1892 г. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилась первая часть этого отчета, обнимающая собою, главнымъ образомъ, заготовки хлѣба, произведенныя самою губернской управой; лежащая же въ настоящее время передъ нами вторая часть того же отчета сообщаетъ свѣдѣнія о закупкахъ уѣздныхъ земскихъ управъ и о выданныхъ населенію ссудахъ хлѣба по всемъ уѣздамъ Тамбовской губ. Правда, еще и изъ этого выпуска отчета не видно, какъ распредѣлялись ссуды внутри уѣздовъ и насколько своевременно онѣ поспѣвали въ ту или другую мѣстность; тѣмъ не менѣе, изъ 16 подробныхъ вѣдомостей отчета видны все расходы по продовольственной операціи каждаго уѣзда, количество закупаемыхъ хлѣбовъ того или иного сорта, стоимость заготовки каждаго изъ нихъ и т. п.

Уже въ первой части отчета было выяснено *), что общая сумма, ассигнованная на продовольственную операцію въ Тамбовской губерніи, равнялась 10.300,000 руб.; изъ этой суммы около 3 милліоновъ израсходовано губернской земскою управой, а 7.283,500 руб. было передано для надлежащихъ закупокъ хлѣба уѣзднымъ управамъ. Изъ рассматриваемаго отчета видно, что израсходовано изъ этой суммы только 7.044,389 руб., а всего на обсеменение полей и продовольствіе тамбовскихъ крестьянъ—не свыше 9.300,000 руб., милліонъ же остался въ видѣ денежныхъ и хлѣбныхъ сбереженій въ губернской и уѣздныхъ земскихъ управахъ.

Наибольшія суммы затрачены, разумѣется, на закупку ржи: для обсеменения полей ей куплено болѣе чѣмъ на 1.800,000 р. да на продовольствіе слишкомъ на 3.800,000 р., причемъ сѣменная рожь обошлась, въ среднемъ, по 1 р. 23 к. пудъ, а для продовольствія ее уже пришлось закупить по 1 р. 33 к. Затѣмъ по размѣру затратъ слѣду-

*) См. „Библиографическій отдѣлъ“ октябрьской книжки *Русской Мысли* 1892 г.

ють ячмень, пшеница и овесъ; каждаго изъ этихъ хлѣбовъ закуплено болѣе чѣмъ на 900,000 руб., а вмѣстѣ съ рожью почти на 8½ милл. рублей. Пудъ пшеницы земской покупки обошелся въ 1 руб. 38 коп., ячменя—въ 1 р. 1 к., а овса—по 81 коп. На остальные средства были закуплены сурожъ, мука разныхъ сортовъ, кукуруза и прочіе хлѣба.

Уже и изъ этихъ немногихъ, приведенныхъ здѣсь, свѣдѣній можно составить нѣкоторое представленіе о полнотѣ и ясности разсматриваемаго отчета по продовольственной операціи тамбовской губернской земской управы. Оба выпуска этого отчета представляютъ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, широко задуманную, вполне своевременно и прекрасно выполненную статистическую работу; она получить еще большую цѣну, если статистическое бюро тамбовскаго земства опубликуетъ детальныя данныя о распредѣленіи хлѣбныхъ ссудъ внутри уѣздовъ и общинъ, а также о степени своевременности доставленія ссудъ въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи.

Памятная книжка Курской губерніи на 1892 г. Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета. Эта довольно изящно изданная „книжка“ представляетъ собою обычный типъ изданій нашихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ: даже и для мѣстныхъ жителей она имѣетъ весьма незначительный, чисто-справочный интересъ, а на обще-русское значеніе она ни однимъ изъ своихъ отдѣловъ претендовать не можетъ. Большая часть *Книжки* занята обычными календарными свѣдѣніями, святцами и т. п. (I-й отдѣлъ) и адресъ-календаремъ начальствующихъ и служащихъ лицъ Курской губ. (отдѣлъ V); даже алфавитный указатель населенныхъ мѣстъ губерніи (IV отдѣлъ) носитъ исключительно полицейско-справочный характеръ. Такъ, можно найти по каждому поселенію номера: становъ, участковъ земскаго начальника, урядника, судебного слѣдователя и т. п., но о жизни и физиономіи селеній приходится судить лишь по числу жителей въ немъ.

Остаются II и III отдѣлы. Но второй мало соотвѣтствуетъ своему заглавію: „краткій очеркъ Курской губерніи“, давалъ лишь самое бѣглое описаніе днѣпровской и донской рѣчныхъ системъ внутри губернской территоріи да историческія справки о каждомъ изъ городовъ губерніи въ отдѣльности. Третій отдѣлъ *Памятной книжки* долженъ быть названъ статистическимъ, такъ какъ онъ состоитъ изъ ряда таблицъ о посѣвахъ и урожаяхъ, о фабрикахъ и заводахъ, о движеніи населенія и т. д., и все это еще за 1890 годъ. Въ этомъ отдѣлѣ мы находимъ беззѣвательныя таблички, изъ которыхъ можно заключить, что по всей губерніи насчитано 21,587 кустарей, зарабатывающихъ 943,483 р., а также 93,251 лицо, зарабатывающее отхожими работами 2.397,510 р. Но кто и какъ произвелъ этотъ точный учетъ и въ какой мѣрѣ онъ заслуживаетъ довѣрія, на это нѣтъ никакихъ указаній. Но и въ концѣ этого, все же наиболѣе содержательнаго отдѣла мы опять наталкиваемся на цѣлый списокъ квартиръ земскихъ начальниковъ, полицейскихъ урядниковъ и т. п., отнимающій у этого отдѣла около печатнаго листа.

Очеркъ развитія народнаго образованія въ Ирбитскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи (съ картой и діаграммами). Составилъ С. Л. Удинцевъ. 1892 г. Въ послѣднее время, въ виду не рѣдко раздающихся несправедливыхъ и ожесточенныхъ нападокъ на земское дѣло вообще и земское школьное дѣло въ частности, появленіе въ печати трудовъ, проливающихъ на эту дѣятельность свѣтъ, является особенно своевременнымъ и получаетъ особенное значеніе. Въ настоящемъ *Очеркѣ* пред-

ставленъ обзоръ дѣятельности ирбитскаго земства въ области народнаго образованія за періодъ времени отъ 1870 до 1890 гг. Авторъ, прежде чѣмъ подѣлиться съ нами результатомъ дѣятельности земства въ этомъ направленіи, предпосылаетъ картину положенія школьнаго дѣла въ до-земскій періодъ, когда всѣхъ школъ въ уѣздѣ числилось всего 21 (7 приходскихъ, 7 школъ грамотности, 5 частныхъ и 2 начальныхъ), число учащихся въ 1871 г. было 706, расходы опредѣлялись 2,144 р. Что касается учительскаго персонала, то, въ большинствѣ случаевъ, онъ пополнялся мѣстными священниками, не получавшими никакой специальной педагогической подготовки, поручавшими нерѣдко, за недостаткомъ времени, веденіе народнаго образованія дьячкамъ и отставнымъ солдатамъ. Не въ лучшемъ положеніи было поставлено дѣло относительно учебныхъ пособій и помѣщеній для школъ. Естественнымъ результатомъ такого ненормальнаго положенія дѣла было недовѣріе и недружелюбное отношеніе крестьянъ къ образованію. На первомъ же собраніи въ 1870 г. земство, вступивши въ роль новаго хозяина въ уѣздѣ, увеличило бюджетъ по народному образованію и съ этихъ поръ послѣдній постоянно возрасталъ, достигши въ 1890 г. солидной цифры—40 тыс. р., т.-е. 20% всѣхъ назначенныхъ по смѣтѣ земскихъ расходовъ. Результатомъ увеличенія средствъ явилось количественное и качественное улучшеніе школъ. Для поднятія образовательнаго уровня среди преподавательскаго персонала устроены учительскія семинаріи и учительскіе сѣзды; избранъ училищный совѣтъ, которымъ была выработана общая для всѣхъ школъ программа. Имѣя возможность учредить очень ограниченное количество самостоятельныхъ школъ, земство устроило въ болѣе отдаленныхъ отъ школъ пунктахъ параллельныя отдѣленія и школки грамотности. Съ 1886 года въ уѣздѣ стали открываться церковно-приходскія школы, которыя пользовались субсидіею со стороны того же земства. Къ 1890 году всѣхъ школъ числилось уже 69 съ 3,431 учащимися; школьные помѣщенія хотя еще очень далеки отъ дѣйствительнаго типа зданія въ гигиеническомъ отношеніи, но, тѣмъ не менѣе, сдѣлали громаднй шагъ впередъ. Особенное вниманіе земства было обращено на учительскій персоналъ: жалованье учителямъ было увеличено, болѣе старательнымъ выдавались денежные награды, а нѣкоторымъ отпускались суммы на посѣщеніе педагогическихъ музеевъ и выставокъ; количество школьныхъ пособій также значительно возросло; заведены были бібліотеки для учителей и учениковъ. При многихъ школахъ были заведены общежитія, позволявшія дѣтямъ имѣть очень дешевую пищу и не пропускать, за дальностью разстоянія, уроковъ; наконецъ, были устроены вечернія занятія и повторительные курсы съ окончившими школу. Въ Ирбитѣ было устроено ремесленное 4-хъ классное училище. Даже и этого бѣглаго очерка дѣятельности ирбитскаго земства достаточно, чтобы сказать, какъ много оно сдѣлало въ дѣлѣ народнаго образованія. Противъ цифръ спорить нельзя, а цифры эти ясно говорятъ, что 20-ти лѣтняя работа земства въ школьномъ дѣлѣ дала очень солидные и благопріятные результаты. Будемъ надѣяться, что начатое съ такою энергіей дѣло съ неменьшею энергіей будетъ продолжаться. Дѣльно и литературно написанной *Очеркъ* г. Удинцева читается съ большимъ интересомъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Рѣпа и турнепсъ“.—Я. Бороховича.—„Садоводство и огородничество“. М. П. Давыдова. — „Объ устройствѣ школьныхъ хозяйствъ при сельскихъ начальныхъ училищахъ“. К. В. Бѣлевича.

Рѣпа или турнепсъ. Я. Бороховича. Витебскъ, 1893 г. Ц. 20 к
 Это одно изъ многочисленныхъ произведеній благотворительной литературы послѣдняго времени: тысяча экземпляровъ изданія назначена въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Рѣпа (пожнивная, садовая и полевая) разсматривается, какъ „спасительное средство во время неурожая хлѣбовъ и голода“. Значеніе рѣпы и пожнивныхъ растений вообще, очевидно, преувеличено авторомъ, но напоминаніе объ этихъ растеніяхъ теперь, во всякомъ случаѣ, является кстати, и поживныя растенія могутъ оказаться нѣкоторымъ подспорьемъ преимущественно въ борьбѣ съ безкормицею. Техническая литература, которою пользуется авторъ, довольно устарѣла. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ брошюры основательно поддерживается мысль о настоятельной необходимости большаго разнообразія полевыхъ культуръ въ Россіи.

Садоводство и огородничество. М. П. Давыдова. Изданіе 2-е. Казань, 1893 г. Ц. 25 коп. Руководство, составленное г. Давыдовымъ для духовенства и для начальныхъ училищъ, не можетъ конкурировать съ прекраснымъ учебникомъ Клаусена, но заслуживаетъ вниманія, какъ книжка, написанная народнымъ учителемъ, имѣвшимъ уже практику по преподаванію садоводства. Изложеніе простое, въ общемъ довольно удовлетворительное; свѣдѣнія, сообщенныя о почвахъ, черезъчуръ кратки. Виѣшность изданія изящна, но цѣна, если принять во вниманіе назначеніе книжки, не можетъ быть названа дешевою.

Объ устройствѣ школьныхъ хозяйствъ при сельскихъ начальныхъ училищахъ. К. В. Бѣлевича. Спб., 1892 г. Цѣна 30 коп. Эта бойко написанная брошюра (въ одинъ печатный листъ) содержитъ много вѣрныхъ мыслей, относящихся къ значенію и устройству школьныхъ хозяйствъ; значеніе этихъ хозяйствъ здѣсь не преувеличивается; главными элементами хозяйствъ признаются огороды и лѣсные питомники. Приведена кое-какая литература послѣдняго времени. Цѣна брошюры немнѣжно высокая.

М Е Д И Ц И Н А.

„Le choléra“, par Henri Monod.

Le choléra (histoire d'une épidémie.—Finistère 1885—1886), par Henri Monod. Paris, 1892. Недавно появившееся изслѣдованіе французскаго гигиениста и бывшаго префекта въ департаментѣ Финистеръ по вопросу о борьбѣ съ холерой представляетъ объемистый фоліантъ (646 стр.), прекрасно изданный на толстой японской бумагѣ съ 27 раскрашенными картограммами и массою таблицъ, чѣмъ и объясняются какъ объемъ книги, такъ и высокая ея цѣна (15 р.). Излагая множество фактовъ и мелочныхъ подробностей изъ исторіи холерныхъ эпидемій въ департаментѣ Финистеръ въ періодъ 1832—1886 гг., авторъ выражаетъ надежду, что ему удастся подвинуть изслѣдованія по этиологіи и профилактикѣ холеры въ Европѣ, продолжающейся въ теченіе уже 60 лѣтъ.

Монографія распадается на двѣ части: первая, по преимуществу

историческая, раздѣляется на два отдѣла, изъ коихъ въ первомъ излагаются общія статистическія данныя о санитарныхъ условіяхъ названнаго департамента и наблюдавшихся въ немъ холерныхъ эпидеміяхъ, а въ другомъ отдѣлѣ сообщаются болѣе подробныя свѣдѣнія по каждой изъ 39 общинъ, въ которыхъ наблюдались холерныя заболѣванія. Вторая часть монографіи представляетъ болѣе общій интересъ, заключая въ себѣ указанія на необходимыя предохранительныя мѣры, которыя должны быть приняты для прегражденія доступа холеры изъ Индіи въ Европу и для международной защиты Средиземнаго моря.

Работа Моно могла бы оказать немаловажныя услуги при монографическихъ изслѣдованіяхъ другихъ холерныхъ районовъ различныхъ странъ, если бы только пользованіе этимъ трудомъ французскаго ученаго (по цѣнѣ) было бы болѣе доступно, наприм., для русскихъ врачей. Описанія холерныхъ эпидемій въ Финистерѣ состоитъ изъ 4 главъ: 1) эпидемія холеры съ 1832 г. до 1886 г. (общія статистическія свѣдѣнія о санитарныхъ, демографическихъ и друг. условіяхъ жизни въ департаментѣ), а равно обзоръ отдѣльныхъ эпидемій (1832—33, 1834—35, 1849—50, 1854—55, 1865—66, 1885—86 гг.) съ общою таблицей умершихъ въ теченіе 6 холерныхъ взрывовъ; 2) возникновеніе и распространеніе холеры въ 1885—86 гг. (прибытіе судовъ въ Брестъ изъ Тулона и дальняго Востока, условія почвы, водоснабженія и проч., распространеніе эпидеміи въ сѣверныхъ и южныхъ частяхъ департамента); 3) мѣропріятія противъ распространенія холеры съ февраля до апрѣля 1886 г. (командировка д-ра Chagrin'a по распоряженію президента республики, общія мѣры предосторожности и оздоровленія и пр.); 4) распредѣленіе статистическихъ данныхъ о заболѣвшихъ холерой и умершихъ по возрастамъ, полу, гражданскому состоянію, профессиональнымъ занятіямъ, продолжительности и теченію болѣзни въ связи съ метеорологическими явленіями. Второй отдѣлъ первой части посвященъ описанію 39 отдѣльныхъ общинъ Финистерскаго департамента).

Вторая часть монографіи (о необходимыхъ реформахъ) распадается на двѣ части: 1) мѣры, которыя должны быть приняты въ Франціи (защита противъ холеры путемъ оздоровленія британской Индіи, защита противъ холеры путемъ установленія надзора за судами, перевозящими пилигриммовъ, защита противъ холеры на Черномъ морѣ); 2) предохранительныя мѣры по отношенію къ самой Франціи установленіемъ пограничныхъ мѣропріятій (законъ 3 марта 1822 г., распоряженіе отъ 31 декабря 1876 г.) и оздоровленіемъ всей страны (дѣйствующее санитарное законодательство и законопроекты). Въ описаніи эпидемій холеры мы встрѣчаемъ давно извѣстныя грустныя картины врачебно-санитарной безпомощности, экономической и нравственной ограниченности мѣстнаго населенія въ различныхъ общинахъ Финистера: полное отсутствіе врачебной помощи во многихъ изъ нихъ, недовѣріе къ административнымъ распоряженіямъ, „непобѣдимое“ отвращеніе къ сообщенію о первыхъ случаяхъ заболѣваній холерой изъ опасенія быть признанными отвѣтственными за общественное несчастіе, равнодушіе къ мѣрамъ предосторожности и т. д.

Несмотря на природныя богатства, департаментъ Финистера находится въ самыхъ жалкихъ условіяхъ: это одинъ изъ трехъ департаментовъ Франціи съ наибольшою смертностью и наименьшею рождаемостью; нигдѣ нищета не достигаетъ большихъ размѣровъ и нигдѣ она не переносится съ болѣею беззаботностью и даже безсознательностью; медицинская помощь очень мало распространена и населеніе не испы-

тывается потребности въ ней, такъ что значительное число жителей рождаются, живутъ, умираютъ и погребаются безъ участія врача; общественная или частная гигиѣна тамъ въ полномъ забвеніи; пьянство распространено даже между женщинами. Въ холерныя эпидеміи, посѣщавшія Францію, постоянно поражали Финистерскій департаментъ, причемъ всегда наблюдались общія черты: всегда поражался Брестъ, эпидемія сильнѣе развивалась въ приморскихъ мѣстностяхъ и постоянно зимовала, переходя на слѣдующій годъ.

Было бы чрезвычайно поучительно прослѣдить болѣе подробно казуистику отдѣльных холерныхъ эпидемій, описываемыхъ въ монографіи, но это завело бы насъ слишкомъ далеко, а потому приходится ограничиться указаніемъ лишь важнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ приходитъ Моно (стр. 531—646). Въ сущности, выводы эти сводятся, съ одной стороны, къ необходимости дезинфекціи для ограниченія распространенія холерныхъ заболѣваній, а съ другой стороны, къ общимъ оздоровительнымъ мѣропріятіямъ, на которыхъ, по замѣчанію Дизраэли, „основываются счастье народовъ и могущество государствъ“.

Исходнымъ пунктомъ разсужденій автора является извѣстное изреченіе Burdon Sanderson'a, что всякая холерная эпидемія, поражающая Европу, имѣетъ начало въ одной изъ хижинъ Индостана, на берегахъ Ганга. Въ виду этого предлагается, путемъ международнаго вмѣшательства, понудить Англію уничтожить гнѣздо индійской холеры, не допускать посадки холерныхъ больныхъ или зараженныхъ предметовъ въ индійскихъ портахъ и строго надзирать за судами, которыя, заходя въ подозрительныя пункты, идутъ изъ Бабъ-эль-Мандеба въ Портъ-Саидъ. Принятія международныхъ охранительныхъ мѣръ авторъ требуетъ и по отношенію къ Египту, но и здѣсь мы не встрѣчаемъ какихъ-либо новыхъ указаній. Вообще казуистическая часть монографіи представляетъ несравненно болѣе практическій интересъ, нежели обобщенія Моно. Необходимо изучать, — настойчиво указываетъ авторъ, — размышлять и обсуждать, что должно быть предпринято для оздоровленія Франціи въ цѣляхъ предупрежденія холерныхъ эпидемій, принявъ за образецъ Англію, для которой каждая холерная эпидемія являлась лучшею воспитательницей и содѣйствовала расширенію области санитарнаго законодательства и оздоровительныхъ работъ.

Въ этомъ отношеніи Франція, а еще болѣе Россія, сильно отстала и потому, — слѣдуетъ заранѣе въ этомъ сознаться, — безсильна бороться съ холерой. Послѣдняя требуетъ, чтобы каждый обыватель самъ для себя былъ санитарнымъ попечителемъ и чтобы каждая община имѣла возможность сама ограждать себя отъ послѣдствій нарушенія требованій общественной гигиены. Слѣдуетъ безусловно согласиться съ основными выводами монографіи Моно, что съ холерой мы *можемъ* и должны бороться, но надо добавить, что для этого необходимы сознательныя жертвы и большія затраты и, главное, отсутствіе показной, полицейской санитаріи.

КАЛЕНДАРИ И СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Терскій сборникъ“. — „Крестный календарь на 1893 г.“. А. Гатиука. — „Современный календарь на 1893 г.“. А. Д. Ступина.

Терскій сборникъ. Выпускъ второй. Книга вторая. Владикавказъ, 1892 г. Содержаніе этого выпуска преимущественно этнографическое. Въ первомъ отдѣлѣ даны очерки хозяйственнаго быта трехъ

народностей: осетиновъ, ингушей и кабардинцевъ. Во второмъ отдѣлѣ краткѣ изложены основы шаріата, затѣмъ описаны народныя обычаи кумыковъ, приведены нѣкоторыя сказки и повѣрья и помѣщена еще небольшая замѣтка о горячеводскихъ минеральныхъ водахъ. Выпускъ заканчивается библиографическимъ спискомъ по Терской области; за время до 1874 года составитель списка (г. Грентъ), вѣроятно, пользовался обстоятельною работою Міансарова; за послѣдующіе годы списокъ очень не полный. Сборникъ, издаваемый терскимъ статистическимъ комитетомъ, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія, какъ представитель нашей небогатой областной литературы.

Крестный календарь А. Гатцука на 1893 годъ. Москва. Ц. 15 к. До 1865 г. право на изданіе календарей принадлежало исключительно Академіи Наукъ; въ означенномъ году такая привилегія отмѣнена, и изданіе календарей разрѣшено всеѣмъ. Первый воспользовался этимъ правомъ бывший профессоръ Новороссійскаго университета Алексѣй Алексѣвичъ Гатцукъ, скончавшійся 23 октября 1891 г. Выпущенный имъ тогда *Крестный календарь* сразу приобрѣлъ самую обширную извѣстность и вскорѣ достигъ такого успѣха, что расходился въ миллионѣ экземпляровъ, по цѣнѣ 10, потомъ 15 к. Съ тѣхъ поръ прошло 28 лѣтъ, и съ прошлаго года изданіе перешло въ руки наслѣдниковъ Гатцука. Успѣхъ *Крестнаго календаря* взманилъ другихъ издателей и вызвалъ большую конкуренцію, главнымъ образомъ, со стороны книжныхъ спекуляторовъ, задумавшихъ заманивать публику пестротой обертокъ „лубочнаго“ издѣлія; но это нисколько не повредило распространенію *Крестнаго календаря*, — напротивъ, выказало только все его достоинства, по сравненію съ издѣліями гостинодворцевъ. Имѣя передъ собою новый выпускъ *Крестнаго календаря*, мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что въ рукахъ наслѣдниковъ покойнаго издателя старѣйшій въ Россіи частный календарь не утратилъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыми онъ приобрѣлъ симпатіи русской публики. Въ календарѣ на 1893 г., кромѣ обычныхъ свѣдѣній, помѣщенъ *Календарь для военныхъ* (стр. 31), съ обозначеніемъ обще-военныхъ, полковыхъ, батарейныхъ и баталіонныхъ праздниковъ, церковныхъ парадовъ, постановленій относительно парадной формы, освобожденія отъ занятій и др. частностей военного быта. Въ *Календарѣ* помѣщены: *Біографія А. А. Гатцука, Временныя событія* (съ 1 іюля 1891 г. по 1 іюля 1892 г.), *Новые законы*, статья, посвященная *Пятидесятилѣтію кончины св. преподобнаго Сергія Радонежскаго*, указаніе *юбилеевъ* на 1891 и 1892 гг., съ портретами, *некрологи* за то же время и тоже съ портретами въ числѣ 38.

Современный календарь на 1893 годъ А. Д. Ступина. Москва. Ц. 15 коп. Календарь г. Ступина выходитъ четвертый годъ, и мы имѣли уже случай говорить, насколько полно и цѣлесообразно онъ составляется. Весьма существенное его отличіе отъ другихъ календарей и важное достоинство его въ томъ, что все необходимыя свѣдѣнія расположены въ немъ въ стройномъ порядкѣ, чѣмъ облегчается пользование заключающимися въ календарѣ указаніями. Въ особенности это даетъ себя чувствовать въ росписаніи желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ ихъ названія расположены въ алфавитномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ вѣтвей, примыкающихъ къ главнымъ линіямъ. При всякой иной системѣ расположенія желѣзно-дорожныхъ линій приходится просматривать весь списокъ для того, чтобы найти тотъ путь, относительно котораго требуются справки. Въ *Современномъ* календарѣ при каждомъ мѣсяцѣ имѣются „Историко-литургическія и агиографическія замѣтки“,

разъясняющія происхожденіе праздниковъ, особенности богослуженія во время ихъ чествованія, время ихъ установленія и поводы къ тому; въ этихъ же замѣткахъ находятся короткія свѣдѣнія о жизни нѣкоторыхъ святыхъ, чтимыхъ церковью. Кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній, въ выпускѣ нынѣшняго года продолжается списокъ извѣстныхъ русскихъ писателей, съ приложеніемъ хорошо сдѣланныхъ портретовъ въ числѣ 72 на двухъ листахъ. Далѣе слѣдуютъ статьи: *Успѣхи техники и вліяніе ихъ на жизнь общества*, *Біографія И. П. Кулибина*, *Обзоръ событій* (съ іюля 1891 г. по іюль 1892 г.), *Христофоръ Колумбъ* (по поводу 400-лѣтія открытія Америки), *Некрологи*. Въ этихъ отдѣлахъ воспроизведены нѣкоторыя картины и портреты умершихъ лицъ. Къ календарю приложены: карты Россіи и Сибири съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ и стѣнной календарь.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, ноябрь. — „Сѣверный Вѣстникъ“, ноябрь. — „Міръ Божій“, ноябрь. — „Русскій Архивъ“, июль—октябрь.

Вѣстникъ Европы, ноябрь. Переживаемое нашимъ народомъ трудное экономическое положеніе естественно выдвигаетъ на первый планъ вопросы хозяйственные. Въ ноябрьской книжкѣ *Вѣстникъ Европы* помѣщены двѣ экономическія статьи: *Наша колонизація въ Средней Азіи* Н. А. Дингельштедта и *Мнимыя и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія* В. С. Соловьева. Кромѣ того, о разстройствѣ народнаго хозяйства идетъ рѣчь и въ *Общественной хроникѣ*. Начнемъ обзоръ наиболѣе существенныхъ мѣстъ содержанія журнала со статьи г. Дингельштедта.

Въ голодный 1891 годъ, — говоритъ авторъ, — несмотря на всѣ запреты и преграды, переселенческая волна направилась въ наши средне-азиатскія владѣнія, и число русскихъ переселенцевъ въ Туркестанѣ, въ теченіе только этого года, увеличилось болѣе чѣмъ вдвое. До конца 1888 г. въ краѣ было поселено всего 1,006 семействъ, но къ осени 1891 г. прибыло разомъ еще 1,297 семействъ.

Такой внезапный и неожиданный приливъ русскихъ переселенцевъ, мужественно преодолевшихъ степь въ двѣ тысячи верстъ и подошедшихъ прямо къ Ташкенту, поставилъ мѣстную администрацію въ величайшее затрудненіе. Съ тѣхъ поръ, какъ началась колонизація края русскими выходцами, еще ни разу не прибывало въ теченіе года болѣе 300—400 семействъ и уже вошло въ обычный порядокъ болѣе большого наплыва переселенцевъ не ждать и ежегодно готовить земли именно на такое число новоселовъ. И вдругъ прибываетъ разомъ масса, превышающая вчетверо обыкновенную пропорцію, а земель приготовленныхъ нѣтъ. Благодаря, однако, энергіи и доброжелательному отношенію мѣстной администраціи къ переселенческому дѣлу, успѣли справиться съ затрудненіями.

До 1891 года заселеніе Туркестана шло весьма медленно, можетъ быть, даже гораздо медленнѣе, чѣмъ это было желательнo во многихъ и многихъ отношеніяхъ. Правительствомъ никакой инициативы въ этомъ дѣлѣ на себя не брало, самого переселенія не поощряло, а только, такъ сказать, терпѣло. Между тѣмъ, переселенцы все шли да шли, и хоть и жиденькая, но, все-таки, цѣлая цѣпь русскихъ поселковъ образовалась отъ Ташкента къ границамъ Семирѣчья, расширяясь кольцомъ къ Ферганѣ и Самарканду.

Хорошо ли вообще живется въ Туркестанѣ русскимъ переселенцамъ, объ этомъ краснорѣчивѣе всего говорить ихъ возрастающая зажиточность и благосостояніе. Да и можетъ ли крестьянину житься плохо тамъ, гдѣ онъ всегда ѣстъ пшеничный хлѣбъ, гдѣ пудъ пшеницы стоить 20—25 коп., а въ Семирѣчьи доходить и до 12 копѣекъ; гдѣ посѣвъ клевера даетъ безъ труда подюжины укосовъ, гдѣ вовсе не рѣдкость двойные посѣвы и гдѣ вообще такъ много тепла и свѣта. Конечно, переселенцевъ ожидаютъ на новыхъ мѣстахъ не одни только радости и щедрые дары природы. Имъ приходится приспособляться къ климату, томиться отъ лѣтнихъ жаровъ, получать воду для поливовъ порціями (вода отпирается и запирается) и очень терпѣть отъ конокрадства, этого истиннаго бича вездѣ, не исключая и Средней Азии, гдѣ на этомъ поприщѣ совершенными виртуозами являются киргизы. Но современемъ поселенцы ко всему прилаживаются, все усваиваютъ, все приспособливаютъ, а хорошая ѣда и всякая благодѣянія мирятъ ихъ скоро со всѣми новшествами.

Тотъ небольшой опытъ добровольной колонизаціи, который сдѣланъ въ послѣднія 15—20 лѣтъ, можетъ служить рѣшительнымъ поощреніемъ къ опытамъ колонизаціи въ возможно большихъ размѣрахъ. Между тѣмъ, до сихъ поръ еще не признана даже необходимость этой колонизаціи, не выработано никакой для этого системы и все дѣло предоставлено случайности и доброй волѣ охотниковъ ѣхать въ далекій Туркестанъ и тамъ искать счастья. А дѣло само напрашивается на то, чтобъ его взяло въ свои руки правительство. И разъ будетъ выработана для колонизаціи система, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ отпущены средства не только на водвореніе переселенцевъ, но, главное, на искусственное орошеніе предназначаемыхъ для поселенія земель, то дѣло станетъ прочно и твердо. Въ этомъ собственно и заключается весь успѣхъ будущей колонизаціи, а затѣмъ и земли, и воды, и всякихъ удобій найдется въ краѣ не на тысячи и не на сотни тысячъ, а на миллионы русскихъ поселенцевъ. Безъ особаго напряженія воображенія легко себѣ тогда представить въ недалекомъ будущемъ цѣпи русскихъ поселковъ, благодѣствующихъ въ богатомъ климатѣ.

И такъ, уже въ то время, когда государство ничего еще не сдѣлало для организаціи переселеній, наши средне-азіатскія владѣнія, представлявшія собою тоскливую пустыню, начинаютъ проявлять всѣ признаки возрождающейся жизни. Пустыни понемногу заселяются пришлыми изъ Европейской Россіи элементами, преимущественно, конечно, крестьянскими выходцами, которые обнаружили огромную способность приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ. Никогда ничего не выдавши у себя на родинѣ, кромѣ зерновыхъ хлѣбныхъ посѣвовъ, эти выходцы довольно освоились въ Средней Азии съ приемами хлопководства и не безъ успѣха начинаютъ заводить хлопчатники съ американскими сѣменами и по американскому способу. Повидимому, крестьянскіе переселенцы хорошо оцѣнили и плодородіе мѣстной почвы, значительно расширивъ посѣвы пшеницы, дающей здѣсь урожаи, неслыханные въ Европейской Россіи. И замѣчательно, какъ быстро въ темныхъ крестьянскихъ массахъ распространяются свѣдѣнія о свойствахъ почвы, какъ толково примѣняютъ переселенцы къ климату и другимъ условіямъ труда.

Свѣдѣнія о переселеніяхъ въ Туркестанъ, сообщаемыя г. Дингельштедомъ, еще лишній разъ выясняютъ, какія благодѣянія и для народа, и для государства могла бы оказать правильно и въ надлежащихъ размѣрахъ организованная колонизація.

Но какъ ни важно дѣло организациі переселенія, тѣмъ не менѣе, оно является лишь одною изъ мѣръ въ цѣломъ рядѣ назрѣвшихъ и неотложныхъ экономическихъ мѣропріятій, долженствующихъ внести порядокъ въ сильно разстроеное народное хозяйство. Малоземелье, тяжелыя условія аренды земли, недостаточность скота и прогрессирующій ростъ безлошадныхъ, ростъ обезземелившихся, недостаточность заработковъ и развитіе нищенства, отсутствіе организованнаго кредита и, какъ слѣдствіе этого, ростовщичество, необезпеченность при несчастіяхъ (неурожай, падежъ скота, пожаръ), тяжесть дѣйствующей податной системы, — таковы важнѣйшіе недуги современнаго крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Но, кромѣ экономическихъ причинъ, имѣются налицо и физическія причины, создающія большія затрудненія для веденія сельско-хозяйственнаго промысла. Произошли неблагоприятныя измѣненія въ природѣ, вслѣдствіе которыхъ *засухи* стали чаще, сильнѣе и распространились на обширное пространство.

Сообразно двоякому роду причинъ, разстраивающихъ народное хозяйство, рекомендуются и соотвѣтствующія имъ мѣропріятія, причемъ одни болѣе налагаютъ на борьбу съ природою, другіе — съ экономическими факторами. Но никто изъ писателей перваго направленія не перетягивалъ лукъ въ одну сторону такъ чрезмѣрно, какъ это сдѣлалъ Вл. С. Соловьевъ въ статьѣ *Мнимыя и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія*.

Указавъ на часто появляющіяся въ послѣднее время сообщенія изъ различныхъ мѣстъ Россіи о засухахъ, г. Соловьевъ видитъ въ нихъ „подтвержденіе заключенія ученыхъ о естественномъ процессѣ превращенія нашей черноземной полосы (и примыкающихъ къ ней частей средней Россіи) въ безводную и бесплодную пустыню“. По общему признацію, — продолжаетъ авторъ, — одно изъ главныхъ условій, способствующихъ губительному процессу обезводненія, есть истребленіе лѣсовъ, и правительство, прежде всего, озаботилось ихъ охраненіемъ. Къ несчастью, для той половины Россіи, которой бѣда грозитъ ближайшимъ образомъ, эти охранительныя мѣры не могутъ имѣть сколько-нибудь существеннаго значенія, такъ какъ тамъ уже охранять почти нечего. Разведеніе же новыхъ лѣсовъ въ обширныхъ размѣрахъ, помимо другихъ затрудненій, могло бы принести свою пользу лишь въ отдаленномъ будущемъ, а, между тѣмъ, послѣ 1890 г. намъ уже медлить не приходится.

Единственную прямою и радикальную мѣрою, по мнѣнію автора, было бы устроить во всей подверженной хроническимъ засухамъ полосѣ Россіи искусственное орошеніе полей (т.-е. систему резервуаровъ и каналовъ, сохраняющихъ и правильно распредѣляющихъ весеннюю влагу); но сдѣлать это въ короткій срокъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ десятинъ потребовало бы такихъ огромныхъ расходовъ, которые были бы не по силамъ государству и при наилучшемъ состояніи финансовъ, а теперь, когда свободная наличность государственнаго казначейства послѣ чрезвычайныхъ расходовъ прошлаго года равняется всего 38 милліонамъ, да еще предстоятъ новые расходы на продовольствіе нѣсколькихъ губерній, о такомъ грандіозномъ предпріятіи нечего и думать.

Роковой кругъ: государство должно помочь разоренному населенію противъ стихійнаго бѣдствія, а средства для этой *новой* помощи ему приходится, — вслѣдствіе преимущественно земледѣльческаго характера страны, — брать съ того же населенія, которое, однако, не только не

выхъ, но и никакихъ средствъ давать не въ состояніи; поднять же его платежную способность можно было бы только при огромныхъ новыхъ расходахъ на обезпеченіе земледѣлія.

По что же, спрашивается, предпринять въ виду этого рокового круга?

Многіе ревнители народнаго блага,—продолжаетъ авторъ,—сводятъ дѣло на почву экономическую. Вопросъ о судьбахъ земледѣлія въ Россіи ставится въ исключительную зависимость отъ вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи. Наше сельское хозяйство страдаетъ отъ того, что крестьяне бѣдны, а бѣдны они отъ того, что у нихъ мало земли. И такъ, вся задача въ томъ, чтобъ увеличить количество принадлежащей крестьянамъ земли; сдѣлаться это можетъ, съ одной стороны, чрезъ приобрѣтеніе крестьянами съ помощью крестьянскаго земельного банка (или какъ-нибудь иначе) новыхъ участковъ земли отъ помѣщиковъ или отъ казны, а съ другой стороны — посредствомъ переселенія изъ густозаселенныхъ и малоземельныхъ губерній въ болѣе просторныя. Параллельно съ мѣрами для расширенія крестьянскаго землевладѣнія предлагаются законодательныя мѣры для его охраненія и упроченія, чтобы крестьянскія земли не могли переходить во владѣніе лицъ другихъ сословій, а также сельскихъ „кулаковъ“.

Что, вслѣдствіе различныхъ случайностей,—говоритъ авторъ,—сопровождавшихъ надѣленіе крестьянъ землею при ихъ освобожденіи, въ иныхъ мѣстахъ надѣлы съ самаго начала оказались слишкомъ малы, чтобы обезпечивать крестьянское хозяйство даже помимо всякихъ стихійныхъ бѣдствій, и что затѣмъ эта недостаточность естественно возростала съ приростомъ населенія, это признается, кажется, всѣми, начиная съ правительства, учредившаго ради этого крестьянскій земельный банкъ, дѣятельность котораго можетъ, конечно, быть преобразована и расширена. Признавая всѣ заботы объ этомъ справедливыми и полезными въ извѣстной мѣрѣ, должно, однако, спросить: имѣетъ ли эта сторона дѣла общее и рѣшающее значеніе, первостепенную важность для нашей главной задачи; можетъ ли даже наилучшее *распределеніе* земельной собственности спасти сельско-хозяйственное *производство* отъ угрожающей ему гибели въ силу естественныхъ причинъ?

Для разъясненія этого вопроса авторъ дѣлаетъ гипотетическое предположеніе, что всѣ земли Европейской Россіи, помѣщичьи и казенныя, перешли въ неотчуждаемую собственность крестьянскихъ общинъ. Тогда крестьянское землевладѣніе увеличилось бы немного болѣе, чѣмъ въ 1½ раза. „И такого неважнаго и скоропроходящаго результата,—восклицаетъ г. Соловьевъ,—пришлось бы достигать такими невѣроятными героическими средствами, какъ полное упраздненіе частнаго землевладѣнія. Если же оставить въ сторонѣ героическія средства и для расширенія крестьянскаго землевладѣнія удовольствоваться переходомъ въ крестьянскія руки лишь нѣкоторой доли владѣльческихъ земель, то общій результатъ будетъ уже такъ ничтоженъ, что о немъ не стоить говорить“.

И такъ, если не выходить изъ предѣловъ Европейской Россіи, то расширеніе крестьянской земельной собственности въ смыслъ общаго и прочнаго способа улучшить состояніе земледѣлія и землевладѣльцевъ есть, по мнѣнію автора, мѣра совершенно *мнимая*. Остается отчаянное средство: переселеніе массами въ Туркестанъ и Сибирь. Въ Туркестанѣ свободныя и удобныя для земледѣлія мѣстности составляютъ пока только оазисы, требующіе предварительно большихъ затратъ на ихъ орошеніе; что же касается Сибири, то при рѣдкомъ населеніи она, конечно,

еще долго можетъ существовать экстензивнымъ или хищническимъ хозяйствомъ; но при массовомъ переселеніи изъ-за Урала и ея непочатые лѣса и огромныя рѣки неизбѣжно подвергнутся той же участи, которая постигла лѣса и рѣки Каспійскаго и Черноморскаго бассейновъ.

Все это разсужденіе г. Соловьевъ заканчиваетъ слѣдующею страницей:

„Если я скажу, что мы страдаемъ отъ безкультурности и что наше спасеніе только въ культурномъ прогрессѣ, то это будетъ лишь вѣрное теоретическое указаніе, но не практическое рѣшеніе задачи. Понятіе культуры слишкомъ сложно и въ цѣломъ неопредѣленно, а предаваться культурному прогрессу *по частямъ*, не зная взаимной связи и отношенія этихъ частей—дѣло въ лучшемъ случаѣ безплодное.

„Стихійныя бѣды, подрывающія наше земледѣліе, имѣютъ общее значеніе. Онѣ грозятъ благосостоянію не того или другого края, а всей Россіи, и противодѣйствовать имъ должна Россія, какъ цѣлое. Есть простыя и общія условія, одинаково обязательныя для исторической жизни народовъ, какъ и для личной жизни отдѣльныхъ людей, и не менѣе непреложныя, чѣмъ физическіе законы. Только при соблюденіи этихъ условій или жизненныхъ нормъ какая-нибудь мѣра или предпріятіе могутъ быть дѣйствительными и благотворными; безъ нихъ же *всякая* мѣра, повидимому, и самая практичная и цѣлесообразная, будетъ лишь *мнимой* мѣрой.

„Представимъ себѣ человѣка, отъ природы здороваго и сильнаго, умнаго, способнаго и не злого, а именно такимъ и считаютъ всѣ, и весьма справедливо, нашъ русскій народъ. Мы узнаемъ, что этотъ человѣкъ, или народъ, находится въ крайне печальномъ состояніи: онъ болѣнъ, разоренъ, деморализованъ. Если мы хотимъ ему помочь, то, конечно, прежде всего, постараемся узнать, въ чемъ дѣло, отчего онъ попалъ въ такое жалкое положеніе. И вотъ мы узнаемъ, что онъ, въ лицѣ значительной части своей интеллигенціи, хотя и не можетъ формально считаться умалишеннымъ, однако, одержимъ ложными идеями, граничащими съ маніей величія и маніей вражды къ нему всѣхъ и cadaго. Равнодушный къ своей дѣйствительной пользѣ и дѣйствительному вреду, онъ воображаетъ несуществующія опасности и основываетъ на нихъ самыя нелѣпыя предположенія. Ему кажется, что всѣ сосѣди его обижаютъ, недостаточно преклоняются передъ его величіемъ и всячески противъ него злоумышляютъ. Всякаго и изъ своихъ домашнихъ онъ обвиняетъ въ стремленіи ему повредить, отдѣлиться отъ него и перейти къ врагамъ, а врагами своими онъ считаетъ всѣхъ сосѣдей. И вотъ, вмѣсто того, чтобы жить своимъ честнымъ трудомъ на пользу себѣ и ближнимъ, онъ готовъ тратить все свое время и состояніе на борьбу противъ мнимыхъ козней. Воображая, что сосѣди хотятъ подкопать его домъ и даже напасть на него вооруженною рукой, онъ предполагаетъ тратить огромныя деньги на покупку пистолетовъ и ружей, на желѣзные заборы и затворы. Остающееся отъ этихъ заботъ время онъ считаетъ своимъ долгомъ снова употреблять на борьбу съ своими домашними.

„Узнавъ все это и желая спасти несчастнаго, мы не станемъ, конечно, ни снабжать его деньгами, ни лечить отъ лихорадки или чего-нибудь другого. Мы постараемся убѣдить его, что мысли его ложны и несправедливы. Если онъ не убѣдится и останется при своей маніи, то ни деньги, ни лѣкарства не помогутъ. Если же убѣдится и образумится, откажется отъ нелѣпыхъ идей и обидныхъ дѣйствій, то, бу-

лучи человѣкомъ умнымъ, способнымъ и крѣпкимъ, легко найдеть въ самомъ себѣ средства возстановить свое здоровье и поправить свои дѣла.

„Всѣмъ этимъ я хотѣлъ пока только сказать по адресу нѣкоторой части нашей печати, что и цѣлые народы, погибающіе отъ ложныхъ мыслей и неправильной жизни, одною агрономіей и экономіей безъ внутренней *правды* спасены быть не могутъ“.

Да, *правда*—великое дѣло. Одною агрономіей и экономіей безъ внутренней правды народы спасены быть не могутъ. Но вотъ, что мы спросимъ Вл. С. Соловьева: въ чемъ полагаетъ онъ дѣйствительнѣйшіе пути къ увеличенію правды въ населеніи страны? Не являются ли однимъ изъ наилучшихъ для этого средствомъ усовершенствованія въ экономической организаціи,—такія усовершенствованія, которыя одновременно поднимаютъ и производительность труда, и народное благосостояніе? Мы именно такъ думаемъ и, къ счастью, не раздѣляемъ безнадѣжнаго взгляда г. Соловьева, будто, при современныхъ русскихъ условіяхъ, въ области экономической, даже при наличности добраго желанія, ничего нельзя сдѣлать.

Единственною радикальною мѣрой, могущею спасти сельско-хозяйственное производство отъ угрожающей ему гибели, авторъ считаетъ устройство во всей подверженной хронической засухѣ полосѣ Россіи искусственное орошеніе полей; но, по его мнѣнію, сдѣлать это не по силамъ государству. А потому нашей черноземной полосѣ и примыкающимъ къ ней частямъ средней Россіи предстоитъ превратиться въ безводную и бесплодную пустыню. Всякія другія мѣры для борьбы съ народною бѣдой мы представляются столь ничтожными по своимъ результатамъ, что о нихъ не стоить и говорить.

По поводу этихъ, столь рѣшительно высказанныхъ положеній, прежде всего замѣтимъ, что хотя засухи и распространились на огромное пространство, тѣмъ не менѣе, остается еще большая половина Европейской Россіи, не подвергающаяся хронически такому бѣдствію. Слѣдовательно, крестьянское хозяйство этой части нашей страны нуждается не въ искусственномъ орошеніи, а въ другихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ. Далѣе, согласимся на минуту съ безнадѣжнымъ взглядомъ автора на судьбу черноземной полосы; не очевидно ли, что при этомъ условіи переселеніе является не только *однимъ изъ средствъ* помочь народной бѣдѣ, каковымъ считаемъ его мы, оно является тогда *единственнымъ* средствомъ для населенія черноземной полосы. Ибо не можетъ же это населеніе оставаться жить въ безводной и бесплодной пустынѣ. На это Вл. С. Соловьевъ отвѣтитъ, что спасенію въ Сибирь тоже настанетъ конецъ, такъ какъ при „массовомъ переселеніи изъ-за Урала, ея непочатые лѣса и огромныя рѣки неизбѣжно подвергнутся той же участи, которая постигла лѣса и рѣки Каспійскаго и Черноморскаго бассейновъ“... Ну, это уже такой пессимизмъ, за которымъ мы слѣдовать не можемъ. Вѣдь, обезлѣсеніе и обезводненіе Сибири потребовали бы многихъ сотенъ лѣтъ. Можно ли думать, что горькій опытъ хозяйства Европейской Россіи пропадетъ совершенно даромъ? Вѣдь, самъ же авторъ указываетъ, „что правительство уже создало громадный вредъ истребленія лѣсовъ и озабочилось ихъ охраненіемъ“. Но, какъ бы то ни было, не гадая о будущемъ, для настоящаго времени переселеніе, и съ точки зрѣнія г. Соловьева, должно явиться однимъ изъ могучихъ средствъ, какимъ государство можетъ придти на помощь народу. Дѣйствительно, надлежащимъ образомъ и въ обширныхъ размѣрахъ организованная государствомъ колонизаціонная система представляетъ собою

дѣло огромной важности и должна занять первое мѣсто въ ряду другихъ мѣръ экономической политики. Но, далѣе, рядомъ съ этимъ могущественнымъ средствомъ жизнь выдвинула, наука, журналистика, ежедневная пресса разработали еще цѣлый рядъ неотложныхъ мѣръ, могущихъ поднять распатанное матеріальное положеніе народа и тѣмъ самымъ способствовать преуспѣянію и прочихъ сторонъ общественной жизни. Такими мѣрами являются: организація народнаго кредита; облегченіе податной тяготы путемъ приведенія фискальнаго бремени въ соотвѣтствіе съ имуществомъ и доходами населенія страны; распространеніе сельско-хозяйственныхъ школъ; организація учебныхъ фермъ для крестьянскаго хозяйства; организація деревенскихъ агрономовъ; урегулированіе отхожихъ промысловъ; общественныя работы; развитіе и упороченіе кустарной промышленности; измѣненіе нынѣ дѣйствующей продовольственной системы въ смыслѣ установленія обязательнаго общественнаго страхованія урожаявъ; организація страхованія отъ падежа скота, градобитія; организація и другихъ видовъ страховаго дѣла, имѣющая цѣлью возможно ослабить существующую необезпеченность отъ хозяйственныхъ несчастій.

По мнѣнію г. Соловьева, всѣ эти мѣры—сущіе пустяки. Мы же думаемъ, что если бы указанныя мѣропріятія были введены въ жизнь не отрывочно, а во всей ихъ полнотѣ и возможно безотлагательно, то мы скоро забыли бы о переживаемомъ нынѣ экономическомъ кризисѣ.

Въ ожиданіи энергической экономической политики правительства, надо спѣшить съ заботой доставленія средствъ существованія населенію тѣхъ губерній, которыя снова поражены неурожаемъ. На это важное дѣло обращено вниманіе въ *Общественной хроникѣ* журнала. Хотя урожай нынѣшняго года, говорится здѣсь, гораздо благопріятнѣе предъидущаго, но есть губерніи, и къ ихъ числу принадлежатъ нѣкоторыя изъ наиболѣе пострадавшихъ въ 1891 г., гдѣ озимые или яровые хлѣба, а иногда и тѣ, и другіе, уродились крайне плохо. Изъ этихъ мѣстностей слышатся голоса и получаютъ сообщенія, напоминающія о недавнемъ прошломъ и не дающія успокоиваться насчетъ ближайшаго будущаго.

Приведя изъ нѣсколькихъ сообщеній образчики бѣдственнаго положенія крестьянъ, авторъ хроники справедливо полагаетъ, что вездѣ, гдѣ существуетъ массовая нужда, слѣдовало бы возобновить прошлогоднюю организацію, пополнить ея пробѣлы, позаботясь о томъ, чтобы ни одна деревня не была предоставлена однѣмъ собственнымъ силамъ. Однажды сформировавшись, мѣстныя попечительства привлекли бы къ себѣ, какъ это было въ прошломъ году, и личныя, и матеріальныя силы, достаточныя для достиженія, хотя бы ближайшей, наиболѣе скромной цѣли—для предупрежденія заболѣванія отъ скудной или дурной пищи. Исторія прошлогодней борьбы съ голодомъ выяснена еще не вполне; много крупныхъ фактовъ остается еще въ полной безвѣстности или въ тѣни, но и по отрывочнымъ даннымъ, проникшимъ въ печать, можно составить себѣ понятіе о размѣрахъ, которыхъ достигла, кое-гдѣ, хорошо устроенная и хорошо руководимая помощь. Разумѣется,—прибавляетъ авторъ,—*главною формою помощи* должна быть продовольственная ссуда, испрашиваемая земствомъ и разрѣшаемая правительствомъ, но рядомъ съ нею еще слишкомъ много остается мѣста для общественной и частной инициативы.

Далѣе авторъ хроники говоритъ о темнотѣ народной массы, ярко обнаружившейся въ прискорбныхъ холерныхъ безпорядкахъ.

Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе несомнѣнное и ясное,— читаемъ въ хроникѣ, — чѣмъ тѣсная причинная связь между невѣжествомъ и легковѣріемъ, между темнотою, въ которую погружена у насъ до сихъ поръ народная масса, и беззащитностью ея противъ самыхъ нелѣпыхъ слуховъ? Отрицаетъ эту связь, однако, не одинъ *Гражданинъ*: ея не хотятъ видѣть и московскіе его единомышленники. Если крестьяне деревень Абакумовки и Михайловки пошли на штурмъ земской больницы, чтобы уничтожить смертоносные багры и крюща, если они вѣрили въ „шмару“, пускаемую „господами“ изъ подозрительной трубы, то виновны въ этомъ тѣ, которые „распатали власть и вѣру въ народѣ“. „При чемъ тутъ школа?—восклицаютъ *Московскія Вѣдомости*.— Если можно во время паники настроить народъ противъ правительства, то это не потому, что онъ недостаточно знакомъ съ слуховымъ методомъ, не знаетъ еще извлеченія корней, теоріи Фурье и организаціи рабочихъ союзовъ въ Англіи (это все преподается или должно преподаваться въ народной школѣ?!), а потому, что онъ *хорошими словами* подготовленъ къ неуваженію властей и къ вѣрѣ во всякія нелѣпости, направленные въ ущербъ правительственному престижу. Къ счастью, мы теперь взылись за умъ, и работа возстановленія престижа власти началась“.

И такъ, до эпохи распространенія *хорошихъ словъ* у насъ были немислимы событія вродѣ абакумовскихъ и михайловскихъ, саратовскихъ и юзовскихъ?—спрашиваетъ авторъ хроники. А возстаніе въ военныхъ поселеніяхъ, а „картофельные бунты“ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и другіе безчисленные безпорядки той же эпохи? Или, можетъ быть, уже въ то время власть была „распатаана“, „престижъ“ ея не былъ достаточно великъ? Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ искать кульминаціонный пунктъ этого престижа?... На самомъ же дѣлѣ холерные безпорядки 1892 года были точною копіей съ такихъ же безпорядковъ 1830—1831 гг., когда, конечно, не было еще и рѣчи о *хорошихъ словахъ*, когда въ „престижъ власти“ никто даже и не сомнѣвался. Съ несостоятельностью взгляда, проводимаго *Московскими Вѣдомостями*, можетъ сравниться только его опасность.

Въ самомъ дѣлѣ, если печальныя событія на востокѣ и югѣ Россіи зависѣли преимущественно отъ народнаго невѣжества и народной подозрительности, то на всемъ русскомъ обществѣ лежитъ серьезная и трудная обязанность просвѣтить народъ, уничтожить рознь между такъ называемыми высшими и низшими сословіями. Наоборотъ, стѣдуетъ только признать, что все сводится къ поднятію „престижа власти“ и къ безслѣдному уничтоженію *хорошихъ словъ*—и задача до крайности упрощается, получая исключительно полицейскую окраску. Чрезвычайно характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, тонъ замѣтки, посвященной *Московскими Вѣдомостями* вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ, какъ о средствѣ административной расправы. „Просто *всыплютъ горячихъ*, сколько требуется“,—вотъ формула усмиренія, рекомендуемая московскою газетою. Такъ выражались, въ эпоху крѣпостного права, приверженцы экзекуцій на помѣщичьихъ конюшняхъ.

До сихъ поръ рѣчь шла о важнѣйшихъ недугахъ нашей жизни: о народной бѣдности и народномъ невѣжествѣ. Теперь остановимъ вниманіе читателя на предметахъ хотя не столь универсальнаго характера, но, тѣмъ не менѣе, имѣющихъ немаловажное общественное значеніе; мы остановимся на новомъ городовомъ положеніи и на оцѣнкѣ, сдѣланной въ фельетонѣ *Новостей* одной весьма распространенной и пользующейся заслуженнымъ уваженіемъ газеты.

Одинъ изъ недостатковъ новаго городского положенія, о которомъ печатъ говорила и до, и послѣ его изданія, успѣлъ уже обнаружиться на практикѣ. Петербургская городская дума, призванная, на основаніи закона, высказаться по вопросу о способѣ производства выборовъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ отдала предпочтеніе выборамъ въ одномъ общемъ избирательномъ собраніи передъ выборами по территориальнымъ участкамъ. Между тѣмъ, неудобства перваго порядка, особенно въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Какъ ни сокращено число избирателей, ихъ, все-таки, остается въ Петербургѣ до шести, семи тысячъ. Если изъ нихъ явится на выборы хотя бы половина, это вызоветъ цѣлый рядъ трудно устранимыхъ замѣшательствъ. Еще болѣе затрудненій представитъ избраніе заразъ 160 гласныхъ, т.-е. необходимость для каждаго избирателя сдѣлать выборъ между нѣсколькими сотнями, если не тысячами кандидатовъ (число баллотированныхъ всегда во много разъ превышаетъ число вакансій). Если дума, — говоритъ авторъ *Внутренняго обозрѣнія*, — несмотря на столь крупныя неудобства, предпочла выборы въ одномъ собраніи, то это объясняется преимущественно тѣмъ, что при избраніи по участкамъ, за силою ст. 43 новаго закона, нельзя выходить изъ предѣловъ мѣстнаго избирательнаго списка, т.-е. нельзя подавать голосъ за избирателей, приписанныхъ къ другому участку, такъ какъ на участки раздѣлены не только избиратели, — что понятно, — но также и избираемые. Одинъ изъ гласныхъ, говорившихъ въ думѣ (П. А. Потѣхнинъ), прямо указалъ на это соображеніе; его вліяніе чувствовалось и въ рѣчахъ другихъ противниковъ избранія по участкамъ. Такимъ образомъ, какой способъ выборовъ ни избрать, выборы будутъ происходить одинаково при условіяхъ ненормальныхъ. Соединенные въ одно собраніе, избиратели будутъ въ значительной степени дѣйствовать наугадъ; раздѣленные же по участкамъ, они силою и рядомъ будутъ лишены возможности выразить настоящую свою волю, выбрать людей дѣйствительно ими „излюбленныхъ“, а обязаны выбирать непременно людей одного же участка съ ними. Единственный правильный выходъ изъ этой дилеммы — отмена стѣснительнаго правила, установленнаго новымъ городовымъ положеніемъ относительно выборовъ по участкамъ въ его ст. 43, по которой раздѣлены на участки не только избиратели, но и избираемые. Дума, надо полагать, склонившись въ пользу одного общаго собранія, выбрала, такимъ образомъ, изъ двухъ золъ меньшее: при одномъ общемъ избирательномъ собраніи, по крайней мѣрѣ, избираемые не будутъ раздѣлены по участкамъ, и потому избранные явятся представителями города, а не его частей, которыя вовсе и не имѣютъ такого партикулярнаго характера, чтобы нуждаться въ какихъ-нибудь особыхъ представителяхъ для себя.

Переходимъ къ фельетону газеты *Новости*. „Понинъ, — говоритъ авторъ фельетона, г. Михневичъ, — благополучно существуетъ въ рядахъ столичной прессы одна почтенная, не молодая даже газета (въѣку ей слишкомъ 25 лѣтъ), изъ разряда большихъ. Она никогда не выдвигалась, не была запѣвалой и не играла заглавныхъ ролей; да и вообще трудно представить себѣ газету болѣе смиренномудрую и безцвѣтную, болѣе рутинную и скучную, даже болѣе скучную содержаніемъ, сравнительно съ тѣмъ, что даютъ нынѣ другія большія газеты. Это признаютъ съ сочувственнымъ сожалѣніемъ даже ея друзья, признаютъ ближайшіе ея сотрудники, съ такою лишь ужимкой, что иначе, молъ, нельзя, что необходимо пока сжаться и стушеваться, что удрученная,

съ виду, блѣдною немочью, газета на самомъ дѣлѣ хранить въ своемъ нутрѣ неизреченныя силы мощныя души... Ужимка эта угадывается и предчувствуется впечатлительными читателями на блѣдной, вялой физиономіи самой почтенной газеты и придаетъ ей въ ихъ глазахъ особое обаяніе, хотя, быть можетъ, никакой такой иносказательной мимики тутъ нѣтъ и въ поминѣ... Допуская даже несложное присутствіе новыхъ словъ, остается, все-таки, признать этотъ драгоцѣнный, но изыятый изъ обращенія капиталъ мертвымъ, слѣдовательно, бесполезнымъ и никакого дивиденда не приносящимъ. Есть ли онъ, нѣтъ ли его—безразлично; что же касается намскающей на него аллегорической ужимки, то для этого нужна только нѣкоторая мимическая способность, а производить ее можно, и не имѣя ни гроша за душою. Такъ бы это казалось по логикѣ вещей; но въ томъ-то и курьезъ, что логику эту совершенно ниспровергаетъ блестящій опытъ почтенной газеты. Тщательно тая про себя и про запасъ силы мощныя души, такъ что исчезаетъ малѣйшее подозрѣніе ихъ наличности, точно ихъ нѣтъ и никогда не было, не проговариваясь ни одною смѣлою мыслью, ни однимъ оригинальнымъ взглядомъ, ни въ чемъ, словомъ, не возвышаясь надъ уровнемъ самой обыденной ординарности, всегда сухая, холодная, безцвѣтная и малосодержательная газета, тѣмъ не менѣе, имѣетъ весьма значительный, солидный успѣхъ, пользуется широкою распространенностью и уваженіемъ въ интеллигентныхъ кружкахъ. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе удивительный, что обозрѣваемая газета, помимо своей литературно-публицистической скудости и ординарности, философически пренебрегаетъ и чисто-фактической полнотой, и своевременностью извѣстій... Она превосходнаго поведенія, безусловно прилична, серьезна и благонаправна, очень тверда въ прогрессивномъ направленіи и никогда не согрѣшала въ этомъ отношеніи; она, правда, мало говоритъ и рѣдко говоритъ что-либо значительное, но за то съ необыкновеннымъ тактомъ и талантомъ умѣетъ молчать“.

Читая эти слова,—отвѣчаетъ на такую оцѣнку *Вѣстникъ Европы*,—мы испытали очень тяжелое чувство, тѣмъ болѣе тяжелое, что назвать газету, о которой идетъ рѣчь, мы не считаемъ себя вправѣ; она, къ счастью, не отошла еще въ прошедшее. Не называя ея, мы не можемъ привести и доказательствъ противъ мнѣнія, которое мы считаемъ до крайности пристрастнымъ и несправедливымъ; для этого необходимо было бы указать имена сотрудниковъ, заглавія статей, т.-е. поднять занавѣсъ, котораго мы, несмотря на всю его прозрачность, не хотимъ трогать. Нападеніе, впрочемъ, ведено такъ, что въ немъ самомъ можно найти основанія для защиты. Оно отличается, прежде всего, желчнымъ, раздражительнымъ тономъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что *принципальной* вражды между обѣими газетами нѣтъ и не было. „Ты сердисься, слѣдовательно, ты не правъ“,—къ данному случаю это изреченіе вполне примѣнимо. Признается, далѣе, „твердость“ газеты „въ прогрессивномъ направленіи“, признается ея умѣнье „съ тактомъ молчать“, а это, по нынѣшнимъ временамъ, очень и очень много. Чаше, чѣмъ когда-либо, приходятъ теперь на память слова поэта о „честномъ молчаніи“, потому что чаще, чѣмъ когда-либо, нарушается выражаемый въ нихъ завѣтъ, подчеркнутая въ нихъ традиція лучшихъ временъ русской печати... Само собою разумѣется, что одними отрицательными качествами нельзя достигнуть прочнаго успѣха. Мнимо „безцвѣтная“ газета, конечно, имѣетъ опредѣленный цвѣтъ, имѣетъ опредѣленные мнѣнія; они-то и снискали ей „уваженіе въ интеллигентныхъ

кружкахъ“ и доставили ей „широкую распространенность“. Она не гордится ни за сенсационными вѣстями, ни за количествомъ свѣдѣній; она не старается стать въ ряды *presse à renseignements*, на манеръ бульварно-парижской, но именно отсюда и слѣдуетъ заключить, что есть же у нея что-то иное, привлекающее къ ней читателей. Положеніе, занятое ею между другими ежедневными изданіями, принадлежитъ, въ нашихъ глазахъ, къ числу тѣхъ немногихъ утѣшительныхъ явленій, которыми хоть отчасти уравнивается успѣхъ различныхъ „модныхъ“ предпріятій...

Мы, съ своей стороны, вполне присоединяемся къ отвѣту *Вѣстника Европы* г. Михневичу и *Новостямъ*. Замѣтимъ только, что хотя между *Новостями* и газетой, о которой идетъ рѣчь, не было „принципальной вражды“, въ смыслѣ полемики, тѣмъ не менѣе, между ними существуетъ *принципиальное* различіе въ воззрѣніяхъ по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ нашей общественной жизни, и это различіе, по нашему мнѣнію, далеко не въ пользу *Новостей*.

Сѣверный Вѣстникъ, ноябрь.—**Міръ Божій, ноябрь.** Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала мы указывали на интересную статью, помѣщенную въ „Областномъ отдѣлѣ“ *Сѣвернаго Вѣстника* объ инициативѣ провинціальной интеллигенціи въ дѣлѣ умственнаго подъема массы населенія. Теперь въ томъ же отдѣлѣ ноябрьской книжки журнала разсматриваются усилія провинціи въ дѣлѣ самообразованія, насколько это движеніе проявилось въ учрежденіи общественныхъ „библіотекъ“.

Что касается значительныхъ общественныхъ библіотекъ, основанныхъ за послѣдніе годы,—говоритъ авторъ провинціальной хроники,—то громадное большинство ихъ обязано своимъ происхожденіемъ частной инициативѣ, и только въ послѣдствіи они начинаютъ получать субсидіи отъ городовъ и земствъ. Любопытно отмѣтить, что въ дѣлѣ основанія библіотекъ особенно много инициаторовъ нашлось въ различныхъ городахъ Сибири. Послѣ минусинской библіотеки, основанной уже 14 лѣтъ тому назадъ, черезъ годъ послѣ основанія столь же замѣчательнаго минусинскаго музея, и заключающей около 3,500 названій, библіотеки возникали въ одномъ городѣ Сибири за другимъ. Въ настоящее время въ Сибири, кромѣ библіотекъ Минусинска, Томска, Красноярска, Тары, Каинска и Троицкосавска, имѣются еще общественныя библіотеки въ слѣдующихъ городахъ: въ Барнаулѣ, Усть-Каменогорскѣ, Ачинскѣ, Баргузинѣ, Ишимѣ, Курганѣ, Нерчинскѣ, Енисейскѣ и Якутскѣ. Изъ этого перечня видно, что общественныя библіотеки основываются за послѣдніе годы въ самыхъ глухихъ мѣстечкахъ Сибири. Далѣе, авторъ отмѣчаетъ то отрадное явленіе, что въ самое послѣднее время инициатива въ устройствѣ библіотекъ стала проявляться также со стороны сельскихъ и городскихъ учителей. Такъ, въ г. Вязьмѣ организовалась библіотека для народныхъ учителей уѣзда, въ пользованіе которыхъ одинъ изъ сельскихъ учителей отдалъ всю свою обширную личную библіотеку. Учительская же библіотека была основана недавно при юхновской земской управѣ (Смоленской губ.). Наконецъ, въ 1891 г. была основана библіотека въ городѣ Богородицкѣ (Тульской губ.), имѣющемъ около 3,000 жителей, которымъ приходится довольствоваться четырьмя низшими училищами. Инициаторами были городской учитель и завѣдующій земскими школами. По уставу библіотеки, она содержится на ежемѣсячные взносы учредителей и тѣхъ, кто пожелаетъ къ нимъ присоединиться.

Мы только что указали на значительный ростъ въ Сибири обще-

ственныхъ библіотекъ. То же самое замѣчается и по отношенію къ музеемъ. Въ настоящее время, читаемъ въ журналѣ *Миръ Божій*, музеи устроены въ десяти большихъ городахъ Сибири: Владивостокѣ, Иркутскѣ, Якутскѣ, Нерчинѣ, Красноярскѣ, Минусинскѣ, Енисейскѣ, Томскѣ, Тобольскѣ, Омскѣ. Каждый изъ нихъ представляетъ сокровищницу научнаго матеріала и имѣетъ свой специальный научный интересъ. Въ отдаленномъ Якутскѣ музей освященъ и открытъ въ 1890 году; онъ занимаетъ очень небольшое помѣщеніе, и главный интересъ его пока заключается въ отдѣлахъ палеонтологическомъ и этнографическомъ. Послѣ старѣйшаго минусинскаго музея первое мѣсто занимаетъ музей иркутскій при восточномъ сибирскомъ отдѣлѣ Императорскаго русскаго географическаго общества. Къ 1 января 1890 г. музей имѣлъ 9,098 нумеровъ, а бібліотека состояла изъ 10,082 томовъ. Новое зданіе музея выстроено въ мавританскомъ стилѣ. Въ иркутскомъ музеѣ можно видѣть: роскошные альбомы инородческихъ типовъ и видовъ мѣстностей Восточной Сибири, богатую и рѣдкую коллекцію буддійскихъ идоловъ, костюмы инородцевъ, коллекціи археологическія, зоологическія, геологическія и палеонтологическія. Иркутскій музей дѣйствительно сокровищница, дающая полное и яркое представленіе о богатствахъ Восточной Сибири. Красноярскій музей не имѣетъ еще собственнаго зданія и занимаетъ верхъ небольшого каменнаго дома, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщается публичная бібліотека. Такъ какъ этотъ музей открытъ, сравнительно, недавно, то большая часть собраннаго матеріала еще не систематизирована, и коллекціи не богаты. Тобольскій музей представляетъ большой интересъ своими археологическими и зоологическими коллекціями.

Русскій Архивъ, июль—октябрь. Исторія 1812 года далеко еще не изучена въ подробностяхъ; многое еще остается неяснымъ, сомнительнымъ, неизвѣстнымъ, такъ что не разъ приходится пожалѣть объ отрывочности оставшагося неоконченнымъ труда А. Н. Попова о двѣнадцатомъ годѣ, новую выдержку изъ котораго читаемъ въ августовской книжкѣ *Русск. Арх.* Въ этой выдержкѣ фигурируютъ три далеко не похожихъ другъ на друга личности: графъ Ѳ. В. Растопчинъ, графъ М. М. Сперанскій и адмиралъ А. С. Шишковъ. Въ двѣнадцатомъ году судьба этихъ трехъ лицъ перемѣнилась такъ круто и рѣшительно, какъ того не могли ожидать ни современники ихъ, ни сами эти лица: Растопчинъ изъ опальныхъ превратился въ московскаго главнокомандующаго, нищущаго преоригинальнаго донесенія императору Александру, Сперанскій—правая рука Александра, великій реформаторъ, очутился ссылкой въ Пермь, какъ личный врагъ императора и измѣнникъ отечеству, которое облагодѣтельствовалъ, а ненавистный Шишковъ занялъ его мѣсто государственнаго секретаря. Появленіе Растопчина на отвѣтственномъ посту московскаго главнокомандующаго молва приписывала вліянію великой княгини Екатерины Павловны, необдуманное сверженіе Сперанскаго—Растопчину, а назначеніе Шишкова—вліятельному въ тотъ моментъ министру полиціи Балашову. Императоръ Александръ видимо торжесъ; окруженный ловкими людьми, онъ прислушивался къ голосу общественнаго мнѣнія, не всегда доходившаго до него въ надлежащей окраскѣ, такъ какъ оно не имѣло ни правильныхъ органовъ для своего выраженія, ни вѣрныхъ средствъ для сознательной и соотвѣтствующей дѣйствительнымъ фактамъ минуты формулировки. Въ обществѣ распространились самыя „нелѣпыя слухи“, ибо оно было лишено „всякой гласности, великихъ свѣдѣній о ходѣ государственныхъ дѣлъ“ (VIII, стр.

406). Карамзинъ и Шишковъ, вообразивши себя противниками, спорили о словахъ, но, конечно, не въ словахъ было дѣло; сущность его, по справедливому замѣчанію А. Попова (стр. 413), лежала гораздо глубже; она касалась всего просвѣщенія, всего склада русскаго образованнаго общества. „Почему же, — говорить А. Поповъ, — придрались только къ словамъ и оборотамъ рѣчи и въ разгарѣ споровъ доходили до такихъ крайностей, что, съ одной стороны, уничтожали русскій языкъ въ пользу славянскаго, а съ другой — глумились надъ преданіемъ и стариной? Въ этомъ-то и состоитъ особенное историческое значеніе этого спора, опредѣляющее свойства самаго времени. Народное сознаніе еще мало и почти вовсе не было развито, общественная мысль запугана, литература могла свободно, и то не всегда, разсуждать лишь о слогѣ. Лучшие умы не могли, конечно, удовлетвориться такою литературой и обращались къ иностранной, не могли замкнуться въ этомъ тѣсномъ кругѣ мысли; они выражали свои взгляды и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ запискахъ, и въ разсужденіяхъ, которые, однако же, сами считали невозможными для печати и о которыхъ общество ничего не знало“. Это мнѣніе А. Попова не подлежитъ спору по существу. Враждебное отношеніе Растопчина къ Сперанскому у А. Попова не только подчеркнуто: авторъ привелъ даже характерныя выдержки изъ писемъ Растопчина къ Александру, носящія вполне характеръ доноса (см. стр. 407 и 428, 408 и 435, 525). Растопчинъ называлъ Сперанскаго *негоднымъ, презрѣннымъ и скаредомъ*, очевидно, не понимая его, что не говорить ни о расточительности, ни о широкомъ государственномъ смыслѣ Растопчина. Богатый матеріалъ для сужденія о Растопчинѣ даютъ помѣщенные вслѣдъ за *Эпизодами изъ исторіи 1812 года* А. Н. Попова *Письма графа Ѳ. В. Растопчина къ императору Александру Павловичу*. П. И. Бартеневъ не имѣлъ въ рукахъ подлинниковъ писемъ, а напечаталъ ихъ съ копій, доставленныхъ ему графомъ Анд. Ѳ. Растопчинымъ, списанныхъ послѣднимъ собственноручно, повидимому, не безъ немногихъ пропусковъ, какъ то можно видѣть изъ письма отъ 10 августа 1812 года (стр. 445; Растопчинъ говоритъ здѣсь о мартинистахъ въ концѣ письма: *le temps vous fera voir, sire, que cette secte abominable a captivé votre bienveillance par le moyen des individus qui...* и далѣе точки).

Растопчинъ является представителемъ самой грубой, элементарной реакціи, преданнымъ своимъ убѣжденіямъ до фанатизма, который доводилъ его порой до паразитнаго ослѣпленія. Но характернѣе всего въ его письмахъ къ императору Александру тонъ и постоянное вмѣшательство въ дѣла, которыя лежали совершенно внѣ сферы наблюдений и вѣдѣнія московскаго главнокомандующаго. Сидя въ Москвѣ, Растопчинъ какими-то неизвѣстными намъ путями наблюдаетъ за Сперанскимъ, сосланнымъ въ Нижній-Новгородъ, и доноситъ на него императору до тѣхъ поръ, пока этотъ мнимый измѣнникъ не былъ сосланъ въ Пермь (стр. 428, 435, 525); до чего забывался Растопчинъ въ своемъ усердіи, видно изъ того, что въ письмѣ къ графу П. А. Толстому отъ 21 августа 1812 г. онъ поручалъ прислать Сперанскаго въ Москву, котораго безъ особаго высочайшаго повелѣнія нельзя было никуда высылать изъ Нижняго. О военномъ министрѣ Растопчинъ въ письмѣ отъ 26 іюля пишетъ, что онъ *n'a aucune idée ni des localités, ni des ressources des gouvernements* (стр. 438), въ письмѣ отъ 6 августа, — что армія и Москва доведены до отчаянія слабостью и бездѣйствіемъ военнаго министра, которымъ управляетъ Вольцогентъ, и что въ главной квартирѣ спятъ до 10 часовъ утра (стр. 444), въ письмахъ отъ

10 и 23 августа,—что смоленская битва есть послѣдствіе плохого согласія между главнокомандующими и нерѣшительности Барклая (стр. 445; срв. стр. 520, 523), и что безпорядокъ въ арміи доведенъ до высшей степени (стр. 525). Сообщенія Раstopчина о безпорядкахъ въ русской арміи достигаютъ своего апогея по взятіи Москвы: „солдаты,—пишетъ онъ (стр. 535),—уже не составляютъ арміи; это—орда разбойниковъ, и они грабятъ на глазахъ своего начальства; въ эту минуту на 50 верстъ отсюда (отъ 34-й версты отъ Москвы по тульской дорогѣ) страна разорена совершенно, и гвардейцы дѣйствуютъ за одно съ остальными. Разстрѣливать невозможно: нельзя же казнить смертью по нѣскольку тысячъ человѣкъ въ день? Всюду каверзы“. Кутузовъ, по мнѣнію Раstopчина, не оправдалъ ожиданій, на него возложенныхъ: онъ оказался *une vieille femme commère* (стр. 534) и *de demande pas mieux que de ne pas se buttre, de commander et de vous* (т.-е. императора Александра) *tromper* (стр. 555). Москва—настоящая столица (стр. 439), по мнѣнію Раstopчина, дворянство — *единственная* подпора престола, крѣпостничество — желательнѣйшій и превосходнѣйшій общественный строй, просвѣщеніе—язва, которой „неизбѣжныя слѣдствія есть гибель закона и царей“. Вотъ почему Раstopчинъ врагъ Московскаго университета, который состоитъ будто бы только изъ якобинцевъ (стр. 521). И такой-то идеалъ Раstopчинъ проповѣдуетъ съ необыкновенною вѣрой въ его правоту! Мартинисты были, очевидно, однимъ изъ больныхъ мѣстъ въ фантазіи Раstopчина: въ письмахъ онъ то и дѣло представляетъ ихъ необыкновенно вредными для спокойствія страны; за то возлагаетъ большія надежды на какой-то фантастическій воздухоплавательный снарядъ Лепиха (стр. 421, 428, 520, 528 и др.), стоившій многихъ хлопотъ, болѣе 150 тыс. руб. денегъ *) и, въ концѣ концовъ, не давшій никакихъ результатовъ. Г. Бартеневъ, снабдившій письма Раstopчина послѣсловіемъ, сильно увлекается, когда надѣляется его *многостороннимъ* умомъ и *сравнительною* трезвостью. Что Раstopчинъ былъ человѣкомъ выдающимся въ своемъ родѣ, объ этомъ не стоитъ спорить, но надѣлять *многостороннимъ* умомъ и *сравнительною* трезвостью особу, съ пѣной у рта ратующую противъ образованія и допускающую дикую, варварскую расправу надъ М. Н. Верещагинымъ, едва ли позволительно. Кстати о дѣлѣ М. Н. Верещагина (всеподданнѣйшій докладъ 6-го департамента сената по этому дѣлу напечатанъ Ниломъ Поповымъ въ *Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей* за 1888 годъ): Раstopчинъ три раза упоминаетъ о несчастномъ М. Н. Верещагинѣ въ своихъ письмахъ, одинъ разъ испрашивая наказанія ему безъ суда за преступленіе, которое не въ состояніи былъ формулировать (стр. 431), и два раза рассказывая о его гибели,—рассказывая, притомъ, не одинаково (стр. 534, 561).

Изложивъ это возмутительное дѣло, проф. Н. Поповъ основательно замѣчаетъ (стр. 16), что „не вмѣшайся *самовластно* въ судьбу Верещагина Раstopчинъ, она была бы рѣшена инымъ образомъ, *согласно съ дѣйствовавшими въ то время законами*“. Дѣло Верещагина—самое ужасное пятно на памяти Раstopчина; попытки оправдать его до сихъ поръ не удались. Быть можетъ, надо думать не объ оправданіи, а о невольномъ заблужденіи московскаго главнокомандующаго, сбитаго съ толку необычными событіями двѣнадцатаго года.

Небольшая выдержка изъ *Lettres intimes* Тендаля-Бейля (№ 10,

*) Тутъ же замѣчаніе по адресу министра финансовъ Гурьева (стр. 526).

стр. 234 — 236), приведенная въ русскомъ переводѣ и касающаяся двѣнадцатаго года, мало интересна. Авторъ замѣчаетъ, между прочимъ, что въ Москвѣ, „при неограниченномъ правленіи, богатымъ людямъ остается только удовольствіе *нѣмъ*...“

Статья графа Д. С. Шереметева *Борисовка* — малоинтересное для публики семейно-историческое воспоминаніе (№ 10, стр. 199). Авторъ какъ разъ *не* познакомилъ читателей съ тѣмъ, что, дѣйствительно, интересно, — съ борисовскимъ архивомъ, о которомъ только упоминаетъ (стр. 200). Коротенькій, но интересный очеркъ В. П. Горленка (№ 10) посвященъ біографіи извѣстнаго русскаго *портретиста Дмитрія Григорьевича Левицкаго* (род. 1735 г. въ Кіевѣ, † 1822 г. въ Спб.), соединявшаго въ себѣ, по словамъ автора (стр. 211), способность уловлять поразительное сходство, быстроту исполненія, не утомлявшаго позировавшихъ лицъ, терпѣніе и замѣчательное искусство, съ которымъ онъ выполнялъ всѣ подробности затѣйливаго тогдашняго костюма. Левицкій былъ портретистомъ по призванію; неизвѣстно ни одной его попытки выйти изъ сферы портрета; ему принадлежитъ, между прочимъ, портретъ Дидро, писанный въ 1773 г. и принадлежащій теперь музею города Женева.

Съ большимъ интересомъ читается статья *Объ украино-славянскомъ обществѣ*, извлеченная изъ бумагъ Д. П. Голохвастова. Давно уже принято думать, что исторія отставки извѣстнаго попечителя московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строганова связана съ враждой къ нему графа С. С. Уварова и переводомъ повѣствованія Джильса Флетчера о Россіи, напечатаннаго въ *Чтеніяхъ московскаго общества истории и древностей* въ 1848 г., но не выпущеннаго въ свѣтъ, благодаря доносу Уварова. Даже такой близкій къ графу Строганову человекъ, какъ академикъ Ѳ. И. Буслаевъ, рассказывая недавно (*Вѣстн. Европы*, 1891 г., № 11) въ XIII-й главѣ своихъ воспоминаній исторію отставки графа Строганова, связала послѣднюю съ запрещеніемъ перевода Флетчера и, такимъ образомъ, освятить своимъ авторитетомъ установившуюся традицію. Какъ видно изъ напечатанныхъ цѣнныхъ бумагъ собранія Д. П. Голохвастова, старшаго сына преемника графа Строганова въ должности попечителя московскаго учебнаго округа, сущность исторіи съ переводомъ Флетчера еще хуже: когда запретили переводъ Флетчера, графъ Строгановъ уже не былъ попечителемъ. Запрещеніе Флетчера не есть маневръ со стороны Уварова для того, чтобы сеадить графа Строганова, а лишь жалкая месть послѣднему (VII, стр. 357 прим.). Указъ объ отставкѣ графа Строганова подписанъ 20 ноября 1847 г., а переводъ Флетчера напечатанъ въ книжкѣ *Чтеній общества истории и древностей* въ засѣданіи 12 іюня 1848 г.

Въ мартѣ 1847 г., благодаря доносу студента Кіевскаго университета Алексѣя Петрова (за что онъ былъ пожалованъ въ чиновники III отдѣленія), открыто было *украино-славянское общество*, состоявшее, по докладу графа А. Ѳ. Орлова, изъ трехъ членовъ: Гулака, Бѣлозерскаго и Костомарова; помимо этихъ трехъ лицъ, къ дѣлу привлечены были Шевченко, Кулишъ и др. 28 мая 1847 г. докладъ Орлова былъ утвержденъ императоромъ Николаемъ. Докладъ признаетъ равно вредными и славянофиловъ, и украинофиловъ, предлагая арестованныхъ „подвергнуть наказанію *безъ суда*, но не сохраняя въ тайнѣ рѣшенія дѣла, дабы всѣмъ извѣстно было, какую участь приготовили себѣ тѣ, которые заманились славянствомъ въ духъ, противномъ нашему правительству, и дабы отвратить другихъ славянофиловъ отъ подобнаго направленія“

(VII, стр. 343). Этот любопытный докладъ, рисующій намъ удивительныя представленія той поры о правѣ и справедливости, былъ присланъ графу Строганову въ копию. Дѣло въ томъ, что 27 мая подписанъ былъ императоромъ этотъ докладъ Орлова и того же числа написанъ министерскій циркуляръ для отправленія попечителю московскаго учебнаго округа вмѣстѣ съ частнымъ письмомъ Уварова графу Строганову, уяснявшимъ значеніе посылаемаго циркуляра. Этотъ циркуляръ—поразительнѣйшая попытка взять подъ опеку человѣческую мысль. Циркуляръ излагалъ по-своему значеніе *народнаго начала* и предписывалъ взгляды этотъ приказать преподавателямъ Московскаго университета, цензорамъ и членамъ ученыхъ обществъ. Взглядъ этотъ—перефразированныя разсужденія на тему о *русской народности*, православіи и самодержавіи; его заканчивали угрозой, что правительство вынуждено будетъ обратиться къ *мѣрамъ другого рода*, если приказъ усвоить этотъ взглядъ не будетъ исполненъ, если бы „мѣры кротости и довѣрія не достигли бы благой его цѣли“ (VII, стр. 351). Подобный циркуляръ разосланъ былъ попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ; ото всѣхъ пришли извѣстія объ исполненіи, кромѣ московскаго. Вмѣсто безпрекословнаго исполненія, графъ Строгановъ писалъ Уварову, что онъ „усомнился придерживаться строгому смыслу этого предложенія и дѣйствовалъ по сдѣланнымъ указаніямъ или, лучше сказать, продолжалъ дѣйствовать такъ, какъ мнѣ казалось полезнымъ для блага вѣреннаго мнѣ университета“. Увѣдомляя, что при выработкѣ своихъ взглядовъ онъ станетъ руководствоваться настоящимъ предложеніемъ, графъ Строгановъ для лучшаго обоснованія своего взгляда просилъ доставить ему всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и замыслахъ людей, обратившихъ на себя вниманіе правительства въ дѣлѣ славянства. Официальное донесеніе Уварову отъ 11 іюля было, очевидно, въ подобномъ же тонѣ, а 28 іюля графъ Орловъ писалъ графу Строганову, по порученію императора, что послѣдній призналъ его донесеніе „въ высшей степени неприличнымъ и не соответствующимъ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ обязанъ находиться подчиненный къ своему начальству“. Графъ Строгановъ, послѣ нѣкотораго размышленія (ибо письмо Орлова получено 3 августа, а письмо графа Строганова подписано 3 ноября), заявляя въ письмѣ къ императору, что его понятія о службѣ не могутъ сблизиться съ понятіями о ней министра народнаго просвѣщенія, просилъ отставки, которая и была ему дана. И такъ, не переводъ Флетчера является виной отставки графа Строганова, а циркуляръ Уварова о славянофилахъ. Г. Бартенева, печатающій докладъ Орлова, со злою, но справедливою проницательностію спрашиваетъ: *къ чему гибель сія бытъ?* (VII, стр. 358). Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, погрѣшили Гулакъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій, если самъ Орловъ въ своемъ докладѣ написалъ, что украинно-славянское общество св. Кирилла и Меодія было не болѣе какъ ученый бредъ трехъ молодыхъ людей“ (стр. 343), и что эти лица сами увидѣли, что „теоретическія“ предположенія ихъ не сообразны съ практическимъ ходомъ дѣла, что „идеи ихъ были только ученныя мечты“ (стр. 338)?

Оставляя въ сторонѣ не лишеныя интереса *Письма во Францію въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны* (№№ 9 и 10), документы *Изъ мятлевскаго архива* (№ 9), отрывокъ *Изъ воспоминаній старшаго моряка барона Н. Г. Шиллинга* (№ 7), окончаніе *Воспоминаній барона А. П. Николаи* (крестьянская реформа въ Закавказскомъ краѣ,

№ 8), пѣвный *Докладъ графа Я. Е. Сиверса о состояніи Новгородской губерніи*, извлеченный изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи (№ 10) и продолженіе *Записокъ Ф. Ф. Вишеля*, печатаемыхъ въ приложеніи, остановимся на переводѣ *Изъ записокъ датскаго посланника при Петрѣ Великомъ Юста Юля* (№№ 7—10). Ю. Юль сообщаетъ довольно много подробностей, касающихся военнаго и морскаго дѣла, которое должно было его интересовать. Къ русскимъ пирамъ, религіознымъ обрядамъ и многимъ русскимъ порядкамъ онъ относится крайне несочувственно. Съ удивленіемъ отмѣчаетъ, что на пиру въ день рожденія царевича Алексѣя гости въ петербургскомъ кружальѣ, не стѣсняясь присутствіемъ Петра, „дудѣли, свистѣли, свирѣстѣли, пѣли, кричали, курили и дымили“. Несмотря на обычный въ такихъ случаяхъ шумъ, Юль считаетъ, что пиры и обѣды въ Россіи — самые удобные случаи для веденія переговоровъ (VII, стр. 326), хотя эти удобные случаи и дорого обходятся здоровью иностранныхъ представителей, такъ какъ ихъ заставляютъ пить далеко сверхъ мѣры. Избѣгать пооекъ, однако, не приходится; въ противномъ случаѣ не приведешь ни одного дѣла къ окончанію (VIII, стр. 495). На каждомъ шагу Юль, подобно Берхгольцу, сообщаетъ о самыхъ ужасныхъ попойкахъ (стр. 497, 499, 502, 504, 505 и др.). О Мусинѣ - Пушкинѣ Юль замѣтилъ, что это—единственный изъ русскихъ придворныхъ, получившій образованіе и умѣющій, хотя и не важно, говорить по - латыни (стр. 512; срв. IX, стр. 31). Наблюдая Петра, Юль отмѣчаетъ его необыкновенную подвижность: „Царь,—говоритъ онъ (стр. 508),—почти всегда **уѣзжаетъ** неожиданно... причину этого надо отчасти искать въ духѣ **крайняго недоверія**, составляющаго отличительную черту русскихъ“. При иностранныхъ представителяхъ Петръ, нисколько не стѣсняясь, въ шутиливомъ тонѣ рассказывалъ исторію постриженія своей первой супруги (IX, стр. 6). На пожаръ царь зачастую является первымъ и дѣйствуетъ со свойственною ему смѣлостью; вообще онъ принимаетъ „личное участіе во всякомъ трудѣ и, такъ какъ обладаетъ необыкновенными всесторонними способностями, то видитъ сразу, какъ надо взяться за дѣло“ (IX, стр. 14); Юль вообще подчеркиваетъ способность русскаго человѣка быстро выучиваться (IX, стр. 9). Петръ былъ не прочь отъ того, чтобы на попойкѣ происходили ссоры въ его присутствіи; изъ перебранки въ пьяномъ видѣ онъ легко могъ узнавать кое-какія подробности своихъ приближенныхъ. Юль приводитъ превосходный примѣръ подобной перебранки, возгорѣвшейся между княземъ Меншиковымъ и Зотовымъ (IX, стр. 21). Петръ будто бы возвелъ въ систему способъ вывѣдывать у кого что на умѣ, убѣдивъ гостя напиться до безчувствія, а самъ рѣдко напиваясь совершенно (срв. IX, стр. 37). Юль очень усердно отмѣчаетъ одну черту въ поведеніи Петра: его пристрастіе къ деньгамъ (срв. VIII, стр. 518, и IX, стр. 15). Въ этомъ отношеніи любопытна связь, которую проводитъ Юль между Меншиковымъ и Петромъ: въ матеріальныхъ захватахъ Петръ прямо прикрывался именемъ Меншикова, на котораго и обрушивалось все неудовольствіе за эти произвольные захваты денегъ, имѣнныя етс. „Порокъ этотъ (Юль, къ сожалѣнію, не знаетъ, что эти захваты были въ интересахъ государства, которое страдало отъ дефицитовъ) весьма затемняетъ добрую славу его величества“,—говоритъ Юль (X, стр. 135). За то „въ остальныхъ отношеніяхъ царь достоинъ безчисленныхъ похвалъ; можно про него сказать, что онъ храбръ, разсудителенъ, благочестивъ, поклонникъ на-

укъ, трудолюбивъ, прилеженъ и, поистинѣ, неутомимъ; но *когда выдается случай нажить деньги, онъ забываетъ все*“ (X, стр. 135). Всѣ эти замѣчанія Юля о Петрѣ любопытны и показываютъ въ немъ усерднаго наблюдателя русскаго царя. О духовенствѣ русскомъ и нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ Юль отзывается весьма жестоко (см. VIII, стр. 320, 332, 333; IX, стр. 16, 33; X, стр. 131); не разъ жалуется на неделикатное съ нимъ обращеніе русскихъ властей. Въ общемъ, Ю. Юль—весьма любопытный источникъ, подтверждающій многое изъ того, что намъ извѣстно изъ другихъ мемуаровъ; занимательный самъ по себѣ, онъ вполне доступенъ для чтенія большой публикѣ.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1892 годъ.

РЕЛИГИЯ. — ФИЛОСОФІЯ. — ПСИХОЛОГІЯ и ПЕДАГОГИКА.

- Анастасіевъ, А.** Народная школа. Кн. IV, стр. 156.
Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Кн. II, стр. 63.
Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Кн. VIII, стр. 351.
Коллинсъ, Г. Философія Герберта Спенсера въ сокращенномъ изложеніи. Кн. VII, стр. 304.
Лессевичъ, В. Что такое научная философія? Кн. I, стр. 6.
Петурно. Прогрессъ нравственности. Кн. VIII, стр. 353.
Ломброзо. Геніальность и помѣшательство. Кн. VI, стр. 260.
Льюисъ, Д. Исторія философіи. Кн. VI, стр. 259.
Мюллеръ. Наука о мысли. Кн. III, стр. 113.
Рибо, Ш. Психологія вниманія. Кн. VII, стр. 305.
Розенбахъ, П. Современный мистицизмъ. Кн. VI, стр. 260.
Спиноза, Б. Этика. Кн. II, стр. 63; кн. VI, стр. 260.
Чичеринъ, В. Положительная философія и единство науки. Кн. X, стр. 438.
Феоктистовъ, И. Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. Кн. X, стр. 440.

ВЕЛЛЕТРИСТИКА.

- Ардовъ, Е.** Руфина Каздоева. Кн. IX, стр. 397.
Арсеньевъ, А. Стария бывальщины. Кн. X, стр. 435.
Байронъ. Донъ - Жуанъ. Кн. II, стр. 63.
Безобразовъ, П. Историческія повѣсти. Кн. III, стр. 109.
Безродная, Ю. Офорты. Кн. III, стр. 111.

- Беранже.** Полное собраніе пѣсень. Кн. IX, стр. 400.
Боккачъ, Д. Декамеронъ. Кн. II, стр. 59.
Бурже, П. Очерки парижскихъ нравовъ. Кн. VIII, стр. 351.
Бутовскій, Н. Наши солдаты. Типы мирнаго и военнаго времени. Кн. XII, стр. 533.
Въжецкій, А. Медвѣжи угли. Кн. VIII, стр. 347.
Вѣлозерскій, Е. Правда и вымыселъ. Кн. VIII, стр. 348.
Веадо, кн. Первая любовь. Кн. I, стр. 5.
Голодныиъ на хлѣбъ. Изд. ред. журнала „Русская Жизнь“. Кн. V, стр. 206.
Горбуновъ - Посадовъ, И. Русскимъ матерямъ. Кн. X, стр. 436.
Граве, Л. Стихотворенія. Кн. V, стр. 208.
Диккенсъ, Ч. Полное собраніе сочиненій. Кн. XII, стр. 534.
Дѣдловъ. Сашенька. Кн. X, стр. 433.
Е. Ю. Болѣзнь вѣка. Кн. III, стр. 110.
Жемчужниковъ, А. Стихотворенія. Кн. V, стр. 205.
Зандъ, Ж. Сочиненія. Кн. VIII, стр. 349.
Ибсенъ, Г. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Кн. XI, стр. 489.
Ильинъ, Н. Дневникъ толстовца. Кн. IV, стр. 155.
Калениченко, В. Хутиръ. Кн. VI, стр. 255.
Кіевскій сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожаа. Кн. VI, стр. 253.
Ковалевская, С. и Лефлеръ, А. Борьба за счастье. Кн. V, стр. 209.
Кольцовъ, А. Стихотворенія. Кн. XI, стр. 488.
Крестовскій, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Кн. VII, стр. 297.
Лермонтовъ, М. Сочиненія. Кн. II, стр. 61.

- Либровичъ, С. Гроза гимназій. Кн. VII, стр. 302.
- Лизандеръ, Д. Передъ закатомъ. Кн. II, стр. 62.
- Лучицкій, Л. Торбына реготу. Сцены и рассказы изъ малоросс. народного быта. Кн. VI, стр. 255.
- Мантагацца. Больная любовь. Кн. X, стр. 437.
- Мережковский, Д. Символы. Пѣсни и поэты. Кн. VII, стр. 299.
- Микуличъ, В. Мимочка. Кн. VII, стр. 301.
- Морозовъ, Е. Стихотворенія. Кн. II, стр. 62.
- Немировичъ - Данченко, Вас. Въ потмахъ. Кн. XI, стр. 487.
- Снолохи. Кн. XI, стр. 487.
- Разошлись. Кн. XI, стр. 488.
- Оленины, П. и А. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. Кн. VIII, стр. 349.
- Полонскій, Я. Лепта въ пользу нуждающихся. Кн. VIII, стр. 349.
- Помощь голодающимъ. Изд. „Русскихъ Вѣдомостей“. Кн. I, стр. 2.
- Радичъ, В. Въ чадѣ кулисъ. Кн. VI, стр. 253.
- Расинъ, Ж. Гоэолия. (Athalie). Переводъ Льва Поливанова. Кн. XII, стр. 537.
- Рязанскій литературный сборникъ. Изд. Малашкина. Кн. X, стр. 437.
- Салиасъ, гр. Графъ Татьянъ - Балтійскій. Кн. V, стр. 207.
- Милліонъ. Кн. V, стр. 207.
- Соколовъ, П. Евгений Онегинъ. А. С. Пушкина. Кн. VII, стр. 303.
- Сосницкій, А. Русская поэзія. Избранная стихотв. русскихъ поэтовъ. Кн. XII, стр. 533.
- Сѣверовъ, П. Рассказы, очерки и наброски. Кн. VII, стр. 300.
- Толстой, А., гр. Князь Серебряный. Кн. I, стр. 1.
- Фламмаріонъ, К. Въ небесахъ. Кн. X, стр. 437.
- Чеховъ, А. Дуэль. Кн. XII, стр. 531.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

- Ватсонъ, Э. Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ. Кн. V, стр. 209.
- Головинъ, К. Соціализмъ, какъ положительное ученіе. Кн. VIII, стр. 356.
- Джаншіевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. Кн. IV, стр. 159.
- Максимовъ, С. Сибирь и каторга. Кн. IV, стр. 158.
- Михневичъ, В. Черные дни. Наблюденія и замѣтки. Кн. V, стр. 210.
- Монтеस्कье. Персидскія письма. Кн. VIII, стр. 357.

- Отзывы изъ практической среды. Современный сельскій бытъ и его нужды. Кн. XII, стр. 538.
- Паевская, А. Годъ въ Америкѣ. Изъ воспоминаній женщины-врача. Кн. VIII, стр. 355.
- Путешествіе миссъ Марсденъ въ Якутскую область и посѣщеніе ея проказенныхъ. Кн. VII, стр. 305.
- Утинъ, Е. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Кн. VIII, стр. 354.
- Чернышевскій, П. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Кн. VI, стр. 256.

Turner, Ch. The modern novelist of Russia. Кн. VI, стр. 256.

ИСТОРИЯ. — БІОГРАФІЯ. — МЕМУАРЫ. — АРХЕОЛОГІЯ. — ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Арнольдъ, Ю. Воспоминанія. Кн. VII, стр. 309.
- Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VIII, стр. 358; кн. XI, стр. 490.
- Брикнеръ, А. Потемкинъ. Кн. IV, стр. 161.
- Буасье, Г. Паденіе язычества. Кн. XII, стр. 541.
- Буличъ, Н. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета. Кн. I, стр. 11.
- Веберъ, Г. Всеобщая исторія. Кн. VII, стр. 308.
- Грановскій, Т. Сочиненія. Кн. XII, стр. 539.
- Гринъ, Дж. Исторія англійскаго народа. Кн. I, стр. 13; кн. XI, стр. 492; кн. XII, стр. 542.
- Гюббаръ, Г. Исторія современной литературы въ Испаніи. Кн. VIII, стр. 362.
- Джеббъ, Р. Исторія греческой литературы. Кн. X, стр. 446.
- Дуровъ. Краткій историческій очеркъ колонизаціи Сибири. Кн. VI, стр. 262.
- Ермиловъ, В. Великій артистъ - крестьянинъ М. С. Щепкинъ. Кн. IV, стр. 162.
- Журналы комитета министровъ. Кн. VII, стр. 308.
- Иконниковъ, В. Опытъ русской исторіографіи. Кн. XII, стр. 539.
- Кирпичниковъ, А. Всеобщая исторія литературы. Кн. III, стр. 118.
- Корелинъ, М. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Кн. X, стр. 440.
- Корсаковъ, Д. Изъ жизни русскихъ дѣателей XVIII в. Кн. I, стр. 9.
- Лепта Бѣлинскаго въ пользу голодающихъ. Кн. III, стр. 117.
- Межовъ, В. Сибирская библіографія. Кн. IX, стр. 402.

- Михайловскій, Н.** Литература и жизнь. Кн. III, стр. 116.
- Орѣшниковъ, А.** Описание древне-греческихъ монетъ, принадлежащихъ Императ. Моск. университету. Кн. IV, стр. 178.
- Павленковъ, Ф.** (изд.). Жизнь замѣчательныхъ людей. Кн. I, стр. 12; кн. II, стр. 66; кн. IV, стр. 162; кн. VI, стр. 261; кн. VII, стр. 307; кн. VIII, стр. 362.
- Пирлингъ, П.** Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софья Палеологъ. Кн. X, стр. 444.
- Политикозъ.** Европейскіе монархи и ихъ дворы. Кн. X, стр. 445.
- Пыляевъ, М.** Старая Москва. Кн. II, стр. 71.
- Романовичъ.** Русская старина въ родной поэзіи. Кн. IX, стр. 402.
- Русская исторична библіотека.** Кн. IX, стр. 403.
- Сборникъ Императорскаго историческаго общества.** Кн. VII, стр. 309.
- Середонинъ, С.** Сочиненія Дж. Флетчера „Of the russe common wealth“. Кн. II, стр. 64.
- Скабичевскій, А.** Очерки исторіи русской цензуры. Кн. VII, стр. 306.
- Сорель, А.** Европа и французская революція. Кн. VIII, стр. 361.
- Фиске, Д.** Открытіе Америки. Кн. XII, стр. 542.
- Фриманъ, Э.** Историческая географія Европы. Кн. X, стр. 445.
- Шварцъ, А.** Athenaeion politeia Xenophontos. Кн. IX, стр. 405.
- Шенрокъ, В.** Матеріалы для біографіи Гоголя. Кн. III, стр. 117.
- Шумигорскій, Е.** Императрица Марія Феодоровна. Кн. VI, стр. 261.
- Эварницкій, Д.** Исторія Запорожскихъ козаковъ. Кн. IX, стр. 401.
- Debidour, A.** Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du congrès de Vienne jusqu'à la cloture du congrès de Berlin. Кн. II, стр. 68.
- Delaume, A.** Les manieurs d'argent à Rome jusqu'à l'empire. Кн. XI, стр. 495.
- Sarolea, Ch. Henrik Ybsen.** Etude sur sa vie et son oeuvre. Кн. III, стр. 119.
- Gardthausen, V.** Augustus und seine Zeit. Кн. XI, стр. 492.
- Müllenhoff, K.** Deutsche Alterthums-kunde. Кн. IX, стр. 405.
- ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕ-ШЕСТВІЯ.**
- Гаршинъ, Е.** На Донцѣ. Кн. IX, стр. 407.
- Живая старина.** Кн. V, стр. 212.
- Коровицкій, А.** Дневникъ паломника. Кн. VI, стр. 263.
- Лендеръ, Н.** (Путникъ). Босфоръ и Константинополь. Кн. VI, стр. 262.
- Лопаревъ.** Слово о погибеліи Русской земли. Кн. XI, стр. 498.
- Пыпинъ, А.** Исторія русской этнографіи. Кн. XI, стр. 497.
- Романовъ, Е.** Бѣлорусскій сборникъ. Кн. VII, стр. 311.
- Сидоровъ, В.** За Пиренеями. Кн. IX, стр. 408.
- Сумцовъ.** Культурныя переживанія. Кн. IV, стр. 175.
- Толстой, И. гр. и Кондаковъ, Н.** Русскія древности въ памятникахъ искусства. Кн. VI, стр. 263.
- Шепелевичъ, А.** Этюды о Данте. Кн. VI, стр. 265.
- Щербатова, О. кн.** По Индіи и Цейлону. Путевыя замѣтки. Кн. XII, стр. 542.
- Ядринцевъ, Н.** Сибирскіе вояродны, ихъ бытъ и современное положеніе. Кн. III, стр. 121.
- Dingelstedt.** Le regime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz d'après l'étude entreprise sous les auspices du gouvernement russe par le général Grodekoff. Кн. I, стр. 29.
- Dan.** Die Lipowaner in der Bukowina. Кн. V, стр. 211.
- Kaindl und Manastyrski.** Die Rutenen in der Bukowina. Кн. V, стр. 211.
- Nansen, F.** Auf Schneeschuhen durch Grönland. Кн. VII, стр. 312.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

- Библіотека греческихъ и римскихъ классиковъ.** Сочиненіе Лукіана. Переводъ В. Алексѣева. Кн. IV, стр. 180.
- Сазоновичъ, И.** Пѣсни и сказанія о женихѣ-мертвецѣ. Кн. I, стр. 27.
- Соболевскій, А.** Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Кн. IV, стр. 179.
- Лекціи по исторіи русскаго языка. Кн. IV, стр. 179.
- Олсуфьевъ, гр.** Марціалъ. Кн. XI, стр. 500.
- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. — ФИНАНСЫ.—СТАТИСТИКА.**
- В. В. Крестыанская община.** Кн. VII, стр. 316.
- Гольденвейзеръ, С.** Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи. Кн. I, стр. 18.

- Залшунинъ.** Очеркъ теоріи государственнаго кредита. Кн. VI, стр. 266.
- Исаевъ, И.** Неурожай и голодъ. Кн. III, стр. 123.
- Карышевъ, Н.** Крестьянскія виѣздѣльныя аренды. Кн. VIII, стр. 363.
- Краткое сельско-хозяйственное описаніе 6-ти уѣздовъ Вятской губ.** Кн. X, стр. 454.
- Кубанскій сборникъ.** Кн. VI, стр. 273.
- Ланге, Ф.** Рабочій вопросъ. Кн. V, стр. 215.
- Материалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній.** Кн. V, стр. 217.
- Материалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ западной Сибири.** Кн. V, стр. 218.
- Материалы для статистики г. Одессы.** Кн. VI, стр. 270.
- Материалы по разработкѣ тарифовъ (російскихъ желѣзныхъ дорогъ).** Кн. X, стр. 446.
- Народное образованіе въ Одессѣ.** Кн. I, стр. 22.
- Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности московскаго земства.** Кн. X, стр. 447.
- Обзоръ бакинскій нефтяной промышленности за 1891 годъ.** Кн. X, стр. 452.
- Осадчій, Г.** Щербановская волость, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи. Кн. IX, стр. 413.
- Отчетъ тамбовской губернской управы по продовольственной операціи 1891—92 года.** Кн. X, стр. 448; кн. XII, стр. 546.
- Памятная книжка Воронежской губерніи на 1892 годъ.** Кн. VI, стр. 272.
- Памятная книжка Курской губ. на 1892 г.** Кн. XII, стр. 547.
- Пановъ, А.** Банкъ сиропитательнаго дома Елизаветы Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. Кн. IX, стр. 412.
- Петровъ, В.** Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности 1865—1890 годахъ московскаго земства. Кн. VIII, стр. 367.
- Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ.** Кн. III, стр. 124.
- Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ Петербургѣ.** Кн. IV, стр. 165.
- Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.** Кн. IV, стр. 167.
- Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области.** Кн. VI, стр. 172.
- Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ.** Кн. X, стр. 452.
- Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Самарской губ.** Кн. X, стр. 450.
- Сементковскій.** Нашъ вексельный курсъ. Кн. VI, стр. 266.
- С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1890 года.** Кн. VI, стр. 271; кн. VIII, стр. 366.
- Статистика Россійской имперіи.** Кн. VII, стр. 319.
- Труды варшавскаго статистическаго комитета.** Кн. VI, стр. 267.
- Удинцевъ, С.** Очеркъ развитія народнаго образованія въ Ирбитскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Кн. XII, стр. 547.
- Фортуновъ, А.** Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. (Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства). Кн. VII, стр. 314.
- Щербина, Ф.** Воронежское земство. Кн. II, стр. 74.
- Say, L.** Economie sociale. Кн. VI, стр. 266.
- Eisenhart.** Geschichte der Nationalökonomik. Кн. I, стр. 18.
- Herkner.** Die sociale Reform als Gebot des wirthschaftlichen Fortschrittes. Кн. I, стр. 16.
- Neese.** Social-politische Excursion mit besond. Berücksichtigung des Heimstättenwesens. Кн. I, стр. 15.
- Die Heimstattengründung. Кн. I, стр. 15.
- Osten.** Die Fachvereine und die sociale Bewegung in Frankreich. Кн. IV, стр. 164.
- Scherzer.** Der Wirthschaftliche Verkehr der Gegenwart. Кн. II, стр. 73.
- Aveling.** The working-class movement in America. Кн. IV, стр. 163.
- Ely.** An Introduction to political economy. Кн. V, стр. 215.
- Holyoake.** The cooperative movement to day. Кн. IX, стр. 409.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

- Анастасьевъ, А.** Руководство по административнымъ и судебнымъ дѣламъ для земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ сѣздовъ, волостныхъ судовъ, сельскихъ и волостныхъ сходовъ. Кн. I, стр. 26.
- Галхушьянъ, Г.** Идеалы французской адвокатуры. Кн. III, стр. 128.
- Горемыкинъ, И.** Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. Кн. II, стр. 77.
- Дайси, А.** Основы государственнаго права Англіи. Кн. IV, стр. 173.
- Дружининъ, И.** Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Кн. IV, стр. 175.
- Загоскинъ.** Очерки исторіи смертной казни въ Россіи. Кн. I, стр. 23.
- Коркуновъ, Н.** Русское государственное право. Кн. XII, стр. 544.

Малышевъ, К. Общее уложение и дополнительные къ нему узаконенія Финляндіи. Кн. X, стр. 456.

Мартенсъ, Ф. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Кн. VIII, стр. 368.

Мышь, М. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Кн. XII, стр. 545.

Нефедьевъ, Е. Къ ученію о сущности гражданского процесса. Кн. VI, стр. 273.

Оршанскій, И. Исслѣдованія по русскому праву. Кн. IX, стр. 416.

Отчетъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при с.-петербургской судебной палатѣ за двадцать шестой годъ. Кн. VI, стр. 275.

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1890 г. Кн. XI, стр. 501.

Побѣдоносцевъ, К. Курсъ гражданскаго права. Кн. IX, стр. 414.

Проектъ устава объ опекахъ и попечительствахъ. Кн. V, стр. 220.

Пусторослевъ, П. Понятіе о преступленіи. Кн. III, стр. 127.

Сборникъ узаконеній о крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, преобразованныхъ по закону 12 іюля 1889 года. Кн. II, стр. 78.

Суворовъ, Н. Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву. Кн. VII, стр. 321.

Табашниковъ, И. Прошлое вѣкसे-
ля. Кн. I, стр. 25.

Тимановскій, А. Сборникъ толкованій русскихъ юристовъ въ „судебнымъ“
устанамъ Императора Александра II“. Кн. IV, стр. 172; кн. X, стр. 455.

Уголовное уложеніе. Кн. X, стр. 459.

Федеровичъ, О. Сборникъ рѣшеній варшавской судебной палаты по гражданскимъ дѣламъ. Кн. III, стр. 128.

Харламовъ, В. Предварительное слѣдствіе по установъ Императора Александра II. Кн. IV, стр. 174.

Чичинадзе, П. Судебные уставы Императора Александра II. Кн. II, стр. 77.

Шейминъ. Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Кн. IV, стр. 174; кн. X, стр. 454.

Шершеневичъ, Г. Авторское право на литературныя произведенія. Кн. V, стр. 222.

— Ученіе о несостоятельности. Кн. X, стр. 459.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Визнеръ, Ю. Біологія растений съ приложеніемъ историческаго очерка ботаники. Кн. V, стр. 225.

Воейковъ, А. Метеорологія. Кн. II, стр. 81.

Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Публичныя лекціи, читанныя въ Импер. Москов. университетѣ въ пользу гельмгольскаго фонда. Кн. XI, стр. 504.

Дементьевъ, П. Фотографическій ежегодникъ. Кн. IX, стр. 419.

Жуберъ, Ж. Основы ученія объ электричествѣ. Кн. IX, стр. 418.

Кирпотенко, А. Иллюстрированная естественно-научная бібліотека. Кн. XI, стр. 505.

Кислаковский, Е. Систематическій ходъ химическаго анализа при помощи паяльной трубки. Кн. V, стр. 223.

Ковалевскій, Н. Публичныя лекціи и рѣчи. Кн. VI, стр. 279.

Маевскій, П. Флора средней Россіи. Кн. V, стр. 224.

Полежаевъ, Н. и Шимкевичъ, В. Курсъ зоологіи позвоночныхъ. Кн. IV, стр. 180.

Постниковъ, А. Основанія электротехники. Кн. IX, стр. 419.

Эрлихъ, П. Потребность организма въ кислородѣ. Кн. XI, стр. 506.

Fürst Albert I von Monaco. Zur Erforschung der Meere und ihrer Bewohner. Кн. II, стр. 81.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Берже, А. Цвѣтная фотографія. Кн. VII, стр. 325.

Вагнеръ, Р. Химическая технологія. Кн. III, стр. 132; кн. XI, стр. 510.

Гофферъ. Приемы шаблонной формовки. Кн. IX, стр. 421.

Евневичъ, И. Курсъ гидравлики. Кн. III, стр. 131.

Кёлеръ, И. Карболовая кислота и карболовые препараты. Кн. VII, стр. 322.

Коренблитъ, А. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Кн. VI, стр. 277.

Микулинъ. Приборы, приспособленія и правила для огражденія опасныхъ частей машинъ на фабрикахъ. Кн. VI, стр. 276.

Никитинскій, С. Французская выставка въ Москвѣ. Кн. XI, стр. 511.

Отчетъ по дѣльному управленію министерства государственныхъ имуществъ за 1890 г. Кн. I, стр. 32.

Рейнеръ, К. Кессонъ, его изготовленіе, спускъ и погруженіе. Кн. IX, стр. 20.

Brunner, H. Deutsche Rechtsgeschichte. Кн. XI, стр. 503.

Brusa. Das Staatsrecht des Königreichs Italien. Кн. XI, стр. 504.

Серебровский, С. Дороги и дорожные сооружения. Кн. VII, стр. 324.

Труды съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. Кн. I, стр. 30.

МЕДИЦИНА.

Викторовъ, П. Броунъ - секаровский способ подкожных впрыскиваний и его значение в лечении нервных больных, старческого ослабления и чахотки. Кн. II, стр. 82.

Вирховъ, Р. О питательных и вкусовых веществах. Кн. I, стр. 34.

Гофманъ, Э. Учебник судебной медицины. Кн. I, стр. 33.

Евтихievъ, Е. Десятилетие закона 3 июня 1879 года в Европейской России. Кн. I, стр. 35.

Ламанъ, В. Пять лет врачебной практики с электрическими аккумуляторами. Кн. X, стр. 464.

Моно, Г. Холера в Финистеръ 1885—1886 гг. Кн. XII, стр. 549.

Отчет медицинского департамента министерства внутренних дел за 1889 г. Кн. IV, стр. 182.

Пируский, В. Краткий санитарный обзор томской санитарной станции. Кн. VIII, стр. 369.

Подвысоцкий, В. Основы общей патологии. Кн. I, стр. 32.

Розенбахъ, П. О значении мозговых явлений для психологии. Кн. XI, стр. 508.

Святловский, В. Фабричная гигиена. Кн. V, стр. 229.

Соколовъ, К. Хирургия для фельдшеров. Кн. XI, стр. 507.

Тезяковъ, Н. Обзор состояния земской медицинской помощи и болезненности населения в Елизаветградском уезде за 1890 г. Кн. I, стр. 34.

Федоровъ, П. Экстракция зубов. Кн. XI, стр. 507.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Александровъ, В. Краткое руководство к устройству и ведению школьных садов при сельских училищах. Кн. VII, стр. 328.

Аргуновъ, П. Очерки сельского хозяйства Минусинского края. Кн. VI, стр. 283.

Арнольдъ, О. Русский лес. Кн. III, стр. 130.

Барановский, А. Главные черты климата черноземных областей России. Кн. II, стр. 80.

Бертенсонъ, В. Путевые замѣтки агронома. Кн. VIII, стр. 373.

Вильдерлингъ, П. Удобрение в теории и на практикѣ. Кн. III, стр. 129.

Бороховичъ, Я. Рѣпа или турнепс. Кн. XII, стр. 549.

Бѣжаевъ, В. Очерки крестьянского сельского хозяйства и сельско-хозяйственных земских мѣроприятий в Московской губ. Кн. XI, стр. 509.

Бѣлевичъ, К. Объ устройствѣ школьных хозяйств при сельских начальных училищах. Кн. XII, стр. 549.

Вагнеръ, П. Основы разумнаго удобрения сельско-хозяйственных растений. Кн. II, стр. 79.

Веберъ, К. Сооружения подъездных путей. Кн. II, стр. 80.

Вастникъ винодѣлія. Кн. IV, стр. 181.

Горбатовский, О. Руководство къ воздѣлыванію озимого и ярового рапса. Кн. VII, стр. 328.

Грассъ, Л. Страхование сельско-хозяйственных посѣвовъ отъ неурожая. Кн. V, стр. 227.

Давыдовъ, М. Садоводство и огородничество. Кн. XII, стр. 549.

Докучаевъ, В. Наши степи прежде и теперь. Кн. VI, стр. 280.

Юэльсонъ, М. Объясненіе и задержание горъ. Кн. VIII, стр. 373.

Кайгородовъ, Д. Вѣсѣлы о русскомъ лесѣ. Кн. VI, стр. 282.

Кернъ, О. Браги, ихъ закрѣпленіе, объясненіе и запруживаніе. Кн. V, стр. 226.

Кизенковъ, С. Объ орошеніи полей сыѣтвой водой. Кн. XI, стр. 509.

Клаусенъ, Э. Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плододоводства. Кн. VII, стр. 327.

Костычевъ, П. Обработка и удобрение чернозема. Кн. X, стр. 463.

Краузе, А. Народно - хозяйственное значеніе дѣателей лесного производства. Кн. IV, стр. 182.

Кренке, В. О сельскомъ хозяйствѣ. Кн. VII, стр. 327.

Кулешовъ, П. Коневодство. Кн. IV, стр. 182.

— Крупный рогатый скотъ. Кн. XI, стр. 503.

Лингстротъ, Л. Пчела и улей. Кн. VII, стр. 329.

Мещерскій, И. Куры для народныхъ учителей по сельскому хозяйству в 1891 году. Кн. XI, стр. 510.

Перельсъ, Х. Руководство къ выбору и употребленію сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Кн. II, стр. 80.

Потѣхинъ, Л. Новый улей Дубини. Кн. VII, стр. 329.

Рева, Н. Кіевское сельско - хозяйственное общество, его дѣатели и его дѣтельность. Кн. VI, стр. 281.

Савельевъ, М. О мѣрахъ противъ засухъ, безводія и неурожая въ России. Кн. VII, стр. 326.

Симиренко, Л. Опыт изслѣдованія

- крымского промышленнаго плодоводства и плодоторговли. Кн. VII, стр. 326.
- Совѣтовъ, А. и Докучаевъ, В.** Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Кн. VI, стр. 283; кн. VII, стр. 326.
- Соловьевъ, П.** Торфо-моховая подстилка. Кн. VII, стр. 328.
- Таргонскій, В.** Страхование отъ градобитія. Кн. III, стр. 130.
- Труды императорскаго общества сельскаго хозяйства. Кн. XI, стр. 510.
- Турскій, М.** Лѣсоводство. Кн. III, стр. 130.
- Какъ выучиться разводить деревья. Кн. VIII, стр. 372.
- Шредеръ, Р.** Живныя изгороди и лѣсныя опушки. Кн. VII, стр. 328.
- Энгельгардтъ, А.** Фосфориты и сидерация. Кн. VI, стр. 283.

ИСКУССТВО.

- Русскія картины. Изд. „Посредника“. Кн. V, стр. 230.
- Соколовъ, П.** Записки охотника Тургенева. Кн. V, стр. 232.
- Шмельковъ, М.** Рисунки и эскизы. Кн. V, стр. 231.

УЧЕБНИКИ.—ДѢТСКІЯ КНИГИ.—КНИГИ ДЛѢ НАРОДА.

- Аболенскій, А.** Изложеніе и объясненіе свѣдѣній изъ математической и физической географіи. Кн. IX, стр. 422.
- Акатовъ, И.** Какъ учить писать. Кн. IV, стр. 184.
- Анастасіевъ, П.** Русско-славянская азбука для начальныхъ училищъ и домашняго обученія. Кн. VI, стр. 285.
- Ардашевъ, П.** Переписка Цидерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. Кн. VI, стр. 284.
- Балталонъ, Ц.** Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Кн. I, стр. 35.
- Бернтсенъ, А.** Краткій учебникъ органической химіи. Кн. IX, стр. 423.
- Бикъ, А.** Курсъ низшей геодезіи. Кн. VI, стр. 286; кн. VI, стр. 331.
- Воголѣповъ, П.** Сборникъ устныхъ и письменныхъ ариметическихъ задачъ. Кн. VII, стр. 332.
- Богословскій, Е.** Интересъ изученія древней русской литературы. Кн. I, стр. 36.
- Бураковскій, С.** „Горе отъ ума“ Грибоедова. Кн. I, стр. 38.
- М. Ю. Лермонтовъ. Кн. I, стр. 38.
- Гартвингъ, А.** Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кн. I, стр. 37.
- Голубевъ, Г.** Ариметика. Кн. IV, стр. 185.
- Гусевъ, А.** Знаки препинанія въ связи

- съ краткимъ ученіемъ о предложеніяхъ и другіе знаки въ русскомъ письменномъ языкѣ. Кн. VII, стр. 329.
- Ечинацъ, А.** Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Кн. X, стр. 468.
- Златовратскій, И.** Деревенскій король. Кн. X, стр. 470.
- Горе стараго кабана. Кн. X, стр. 470.
- Иващенко, М.** Краткіе очерки изъ отечественной исторіи. Кн. VIII, стр. 330.
- Руководство по средней исторіи. Кн. X, стр. 467.
- Игнатовичъ, В.** Ключъ къ русскимъ упражненіямъ первой части II изданія, второй части III послѣднихъ издавій и третьей части VII изданія концентрическаго учебника французскаго языка. Кн. X, стр. 469.
- Износковъ, И.** Краткій курсъ естественной исторіи. Кн. III, стр. 133.
- Колоски.** Сборникъ сказокъ и оповѣданій. Кн. II, стр. 84.
- Короленко, В.** Дѣти подземелья. Кн. X, стр. 470.
- Кричагинъ, Н.** Учебникъ минералогіи и физической геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Кн. V, стр. 234.
- Кролюницкій, А.** Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Кн. X, стр. 465.
- Меморскій, А.** Ариметика въ вопросахъ и отвѣтахъ. Кн. VII, стр. 332.
- Мечъ, С.** Первые уроки географіи. Кн. VIII, стр. 374.
- Мизиновъ, П.** Гончаровъ въ его главныхъ произведеніяхъ. Кн. I, стр. 38.
- Мунтъ-Валуева, А.** Нашему юношеству. Кн. X, стр. 470.
- Никульцевъ, П.** Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Кн. VI, стр. 289.
- Повторительный курсъ краткой русской грамматики, составленной по программѣ школъ с.-петербургскаго женскаго патристическаго общества. Кн. X, стр. 469.
- Радецкій, С. и Соколовъ, В.** Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ. Кн. III, стр. 134.
- Робло.** Основныя начала анатоміи и зоологіи. Кн. I, стр. 40.
- Савинъ-Савчугъ, Товстицкій, Т. и Лицовецкій, І.** Три учебныхъ предмета: русскій языкъ, географія и исторія Россіи. Кн. V, стр. 232.
- Тихоміровъ, Е.** Учебникъ ариметики. Кн. VII, стр. 332.
- Чайченко, В.** Средеь Крыжанаго моря. Кн. II, стр. 85.
- Чеховъ, А.** Каштанка. Кн. III, стр. 134.
- Чудиновъ (Изд.).** Русская классная бібліотека. Кн. II, стр. 83; кн. VIII, стр. 373.

Штепенко, М. Учебникъ начальной геометріи. Кн. VI, стр. 287.

Ясенскій, П. Учебникъ зоологін. Кн. I, стр. 39.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.—КАЛЕНДАРИ.

Аврепъ и Воронихинъ. Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1892 г. Кн. I, стр. 42.

Архимандритъ Никифоръ. Иллюстрированная полная популярная библійская энциклопедія. Кн. X, стр. 471.

Воскресенскій, В. Педагогическій календарь на 1892—93 г. Кн. X, стр. 472.

Баталинъ, О. Справочная книга русскаго сельскаго хозяина. Кн. VII, стр. 333.

Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь. Кн. VIII, стр. 375; кн. II, стр. 85.

Гарбель, товарищество. Настольный энциклопедическій словарь. Кн. X, стр. 471; кн. VII, стр. 333.

Гатцукъ, А. Крестный календарь на 1892 г. Кн. I, стр. 41.

Гатцукъ, А. Крестный календарь на 1893 г. Кн. XII, стр. 552.

Гиппиусъ, Э. Царь-Колоколъ. Кн. II, стр. 88.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Кн. IV, стр. 186.

Календари и записная книга русскаго сельскаго хозяина на 1892 годъ. Кн. VII, стр. 333.

Новороссійскій календарь на 1892 годъ. Кн. III, стр. 135.

Риккеръ, К. Записная книжка на 1892 г. Кн. I, стр. 41.

— Записная книга на 1893 годъ. Кн. XI, стр. 512.

Суворинъ, А. Русскій календарь на 1892 г. Кн. I, стр. 42.

Ступинъ, А. Современный календарь на 1893 г. Кн. XII, стр. 552.

Терскій календарь на 1892 годъ. Кн. III, стр. 136.

Терскій сборникъ. Кн. XII, стр. 551.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журна- ла «Русская Мысль» съ 15 ноября по 15 декабря 1892 г.

**Сборникъ Императорскаго русскаго исто-
рическаго общества.** Томъ 35. XXII+
870+111; томъ 71. 807+234; томъ 82.
X+499+VI; in 8. Спб., 1892 г. Цѣна
каждаго 3 р.

**C. L. La comtesse de Chambrun ses po-
ésies.** Paris 1893 г. Callmann Lévy, édi-
teur. 293 in 8.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій
техническій словарь. Изд. К. К. Банза.
Выпускъ VIII. Москва, 1892 г. Ц. 40 к.
447—510 in 8.

Ледерле, М. М. Стасина библіотечка,
разказы, стихотворенія, пословицы. Ри-
сунки барона М. П. Кюдта. Выпускъ
первый. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Спб.,
1892 г. 56 in 4.

Коропчевскій, Д. А. Пещерные люди.
Съ 14 рисунками въ текстѣ. Изд. М. М.
Ледерле и К^о. Спб. 1892 г. Ц. 40 к. 32 in 8.

Случевскій, В. Уголовно-процессу-
альная казуистика. Пособіе для лекцій
и экзаменовъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 руб.
158 in 8.

Эйнгорнъ, Виталій. Иванъ Андре-
евичъ Шматковскій, протополъ глухов-
скій, и его сношенія съ московскимъ пра-
вительствомъ (1653—1673 гг.). (Стра-
ничка изъ исторіи малорусскаго духо-
венства). Кіевъ, 1892 г. 19 in 8.

**Докладъ предсѣдателя высочайше учре-
жденной въ 1888 году комиссіи по поводу
паденія цѣнъ на сельско-хозяйствен-
ныя произведенія въ пятилѣтіе (1883—
1887 гг.).** Спб., 1892 г. 140 in 8.

Московский библіографическій кружокъ.
Очеркъ дѣятельности за время съ 4 ок-
тября 1890 г. по 1 декабря 1891 года.
Москва, 1891 г. 95 in 8.

Ленау, Николай. Фаустъ. Поэма.
Переводъ въ стихахъ, съ біографіей и
предисловіемъ Н. А.—йскаго. Изд. ре-

дакціи журнала *Пантеонъ Литературы*.
Спб., 1892 г. Ц. 1 руб. 118 in 8.

Ступинъ, А. Д. Современный кален-
дарь на 1893 г. Приложенія: стѣнной
календарь и карта Россіи и Сибирской
жел. дор. Москва, 1892 г. Ц. 15 коп.
72 in 4.

Любимовъ, Н. М. Чахотка, ея при-
чины и предосторожности противъ нея.
Изд. А. А. Дубровина. Казань, 1893 г.
Ц. 30 коп. 83 in 16.

**Способы распространенія заразныхъ бо-
лѣзней.** Изд. А. А. Дубровина. Казань,
1893 г. Ц. 30 коп. 102 in 16.

Кириловъ, Н. В. Современное зна-
ченіе тибетской медицины, какъ части
ламайской доктрины. Спб., 1892 г. 47
in 8.

Гвоздевъ, И. М. Систематическій
перечень судебно-медицинскихъ данныхъ
въ практическомъ, преимущественно, при-
мѣненіи ихъ къ общественнымъ потреб-
ностямъ. Казань, 1892 г. Ц. 50 к. 84 in 8.

Nadein, von. Neuessanitärökonomisches
Cavalisations-System. St.-Petersburg,
1892. Preis 50 Pfg.

Донъ-Кихоть. Сокращенный переводъ для
юношества, съ 43 рисунками. Изд. Пав-
ленкова. Спб., 1893 г. Ц. 50 к. II+160
in 8.

Ярошъ, К. Н. Современныя задачи
нравственнаго воспитанія. Харьковъ,
1893 г. 163 in 8.

Трубецкой, Евгений, князь. Рели-
гиозно-общественный идеалъ западнаго
христіанства въ V вѣкѣ. Часть I. Міро-
созерцаніе блаженнаго Августина. Моск-
ва, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. 270 in 8.

Соловьевъ, Евгений. Въ раздумьи.
Очерки и разказы изъ жизни русской
интеллигенціи. Спб., 1893 г. Ц. 75 коп.
XX+155 in 8.

Епифановъ, Ив. Изъ прошлаго земли русской. I. Александръ Невскій (Ледовое побоище). Разсказъ. Спб., 1892 года, 59 in 16.

Коровяковъ, Д. Искусство выразительнаго чтенія. Спб., 1892 г. Ц. 1 руб. 160 in 8.

Газенвинкель, К. В. Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII в. Казань, 1892 г. 77 in 8.

Труды восьмого очереднаго съѣзда нефтеромышленниковъ въ г. Баку. Съ 15 по 26 октября 1892 г. Баку, 1892 г. V+106+92 in 8.

Забѣло, Я. П. Опытъ изслѣдованія украинскихъ крестьянскихъ ярмарокъ. Описаніе Лубенской-Покровской ярмарки, 28 сентября—2 октября 1891 года. Изд. Н. К. Кулябо-Корецкаго. Полтава, 1892 г. Ц. 25 к. 34 in 8.

Вальтеръ-Скоттъ. Монастырь. Романъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 40 коп. 104 in 16.

Пресвитеріане. Романъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. 108 in 16.

Пертская красавица. Романъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. 110 in 16.

Карль Смѣлый. Романъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. 103 in 16.

Певериль Пикъ. Романъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. 111 in 16.

Щербатова, О. А., княгиня. По Индіи и Цейлону. Мои путевныя замѣтки 1890—91 гг., съ двумя дополнительными главами о религіи и архитектурѣ Индіи. Москва, 1892 г. Ц. 7 р. 571 in 8.

Кремлевъ, П. Темы по предмету русскаго языка для старшихъ классовъ гимназій и военно-учебныхъ заведеній и для низшихъ классовъ духовныхъ семинарій. Первый выпускъ. Ярославль, 1892 года. Ц. 1 руб. 127 in 8.

Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Вятской губерніи за 1891 годъ. Вятка, 1892 г. 85 in 8.

Терешкевичъ, А. А. Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ арифметическихъ задачъ по типамъ. Москва, 1893 г. Ц. 30 к. 100+II in 8.

Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708 г.) по декабрь 1889 г. Спб., 1892 г. Ц. 3 руб. VII+568 in 8.

Латкинъ, Н. В. Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее. Очеркъ. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. III+466 in 8.

Станюковичъ, К. М. Пассажиръ. Разсказъ изъ морской жизни. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 187 in 8.

VIII Съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ отъ 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г., т. II и дополнительный. Спб., 1892 года. Ц. 2 р. in 8.

Казанскій, А. К. Вблизи Памировъ (путевныя впечатлѣнія), съ картою. Ташкентъ, 1892 г., 151 in 8.

Бѣлоусовъ, И. А. Малыши. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Изд. М. В. Клюкина. Спб., 1893 г. Ц. 25 коп. 48 in 8.

Прайсъ, Г. М. Русскіе евреи въ Америкѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 121+41 in 8.

Зальтесскій, Ап. Изъ эпохи открытій. По поводу 400-лѣтія открытія Америки. Холмъ, 1892 г. Ц. 35 коп. 26 in 8.

Боргманъ, И. И. Магнитный потокъ и его дѣйствія. Т. II. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к. 108 in 8.

Ефодоровъ, А. Ф. О промышленномъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промысловаго обученія въ особенности. Одесса, 1892 г. Ц. 4 р. 495 in 8.

Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи. Выпускъ VII. Изд. с.-петербургскаго земства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. IX+176 in 8.

Гринъ, Джонъ-Ричардъ. Исторія англійскаго народа. Т. IV, пер. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к. 308+CXIII in 8.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ. Выпуски XI и XII. Тифлисъ, 1892 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

Брокгаузъ, Ф. А., и Ефронъ, И. А. Энциклопедическій словарь. Томъ VII. Спб., 1892 г. 481—952 in 8.

Плотниковъ, С. Н. Систематическая азбука. Руководство къ обученію первоначальной грамотѣ дома и въ школѣ. Часть I. Тамбовъ, 1892 г. Ц. 30 к. 34 in 8.

Всеобщая исторія литературы. Выпуски XXVII и XXVIII. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1892 г. 715—1081 in 8.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Херсонской губерніи за 1891 годъ. Изд. херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1892 г. 224+47 in 8.

Осадцій, Т. И. Виноградники Херсонской губерніи (статистико-экономическое описаніе). Изд. херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1892 г. 97 in 8.

Синицынъ, А. П. О зубо-врачебной помощи въ школахъ. Спб., 1892 г. 12 in 8.

Свидерскій, В. Трудъ и капиталъ. (Первоначальная свѣдѣнія по политической экономіи). Пер. съ польскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 20 коп. 75 in 16.

Гарбель, А. Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 53, 54, 55 и 56. Москва, 1892 г. Ц. 40 к. in 8.

Эрисманъ, О. О. Первый годовоіи отчетъ московскаго городского санитарной станціи, устроенной при гигиеническомъ

институтъ. (Мартъ, 1891 г.—май 1892 г.). Москва, 1892 г. II+210 in 8.

Гатцукъ, А. Крестный календарь на 1893 г. Москва, 1892 г. Ц. 15 к. in 4.

Дмитріева, В. І. Деревенскіе рассказы. Томъ І. Изд. А. Д. Мартынова. Москва, 1892 г. 184 in 8.

Вагнеръ, Рудольфъ. Химическая технологія. Пер. В. Тизенгольтъ. Вып. 7 и 8. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1892 г. Ц. каждаго выпуска 1 р. 769—896; VIII—897—1106 in 8.

Гаринъ, Н. Очерки и рассказы. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. 331 in 8.

Календарь и настольная книжка для

матерей и хозяекъ на 1893 г. Одесса, 1892 г. Ц. 20 к. 96+XVI+16 in 8.

Къ юбилею Казанской духовной академіи. Спб., 1892 г. Ц. 25 к. 31 in 8.

Любимовъ, Н. М. О борьбѣ съ заразными болѣзнями. Изд. А. А. Дубровина. Казань, 1893 г. Ц. 30 к. 80 in 16.

Ахшарумовъ, С. Д. Исторія Бастиліи (историческая монографія), съ приложеніемъ вида и плана Бастиліи. Изд. Н. Г. Мартынова. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к. 378 in 16.

Суриковъ, И. З. Избранныя стихотворенія (1841—1880). Изд. И. О. Жиркова. Ц. 5 к. Москва, 1893 г. 32 in 16.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: „Дуэль“. <i>А. Чехова</i> .—„Наши солдаты“. <i>Н. Бутовскаго</i> .—	
„Русская поэзія“. <i>А. Сосникова</i> .—„Сочиненія“ <i>Чарльза Диккенса</i> .—„Говелія“.	
<i>Ж. Расина</i>	531
Публицистика: „Отзывы изъ практической среды“	538
Исторія: „Сочиненія“ <i>Т. Н. Грановскаго</i> .—„Опытъ русской исторіографіи“.	
<i>В. С. Иконникова</i> .—„Паденіе язычества“. <i>Гастона Буассе</i> .—„Открытіе Амери-	
ки“. <i>Д. Фиске</i> .—„Исторія англійскаго народа“. <i>Д. Р. Грина</i>	539
Путешествія: „По Индіи и Цейлону“. <i>Кн. О. Л. Шерботовой</i>	542
Юридическія науки: „Русское государственное право“. <i>Н. Коркунова</i> .—	
„Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ“. <i>М. И. Мина</i>	544
Статистика: „Отчетъ тамбовской губернской управы по продовольственной	
операциі 1891 — 1892 гг.“.—„Памятная книжка Курской губ. на 1892 годъ“.—	
„Очеркъ развитія народнаго образованія въ Ирбитскомъ уѣздѣ, Пермской губ.“.	
<i>С. Л. Удинцева</i>	546
Сельское хозяйство: „Рѣпа и турнепсъ“. <i>Я. Бороховича</i> .—„Садоводство	
и огородничество“. <i>М. П. Давыдова</i> . — „Объ устройствѣ школьныхъ хозяйствъ	
при сельскихъ начальныхъ училищахъ“. <i>К. В. Бялевича</i>	549
Медицина: „Le choléra“, <i>par Henri Monod</i>	—
Календари и справочныя книги: „Терскій сборникъ“. — „Крестный ка-	
лендарь на 1893 г.“. <i>Изд. А. Гатиука</i> .—„Современный календарь на 1893 г.“.	
<i>Изд. А. Д. Ступина</i>	551

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, ноябрь.—„Сѣверный Вѣстникъ“, ноябрь.—„Мірѣ Божій“,	
ноябрь.—„Русскій Архивъ“, июль—октябрь	553

III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала «Русская Мысль» за 1892 годъ.

IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 ноября по 15 декабря 1892 г.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя изданія редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

I.

ВОПРОСЫ ДНЯ И ЖИЗНИ.

В. А. Гольцева.

Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Подписчики на *Русскую Мысль* за пересылку не платятъ.

II.

„НАШИХЪ ПОЛЕЙ ЯГОДЫ“.

Романъ М. Анятина (М. Н. Ремезова).

Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Подписчики на *Русскую Мысль* за пересылку не платятъ.

III.

„СИЗИФЪ“.

КАРТИНКИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ КЛЕМЕНСА ЮНГШИ.

Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова.

Цѣна 50 коп., съ пересылкою 65 коп. Подписчики на *Русскую Мысль* за пересылку не платятъ.

Складъ изданій въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій, 21).

Вниманію христіанина, любящаго ближняго.

Большинство московской публики, вѣроятно, не забыло еще тотъ страшный пожаръ, который не только истребилъ до тла все зданіе и имущество благотворительнаго общества при Старо-Екатерининской больницѣ, но и унесъ съ собой 6 человѣческихъ жертвъ. Съ Божіею помощью и благодаря добрымъ людямъ, сочувственно отнесшимся къ потрясающему бѣдствію, постигнутому вышеозначенное Общество, вскорѣ послѣ пожара было приступлено къ закладкѣ новаго каменнаго дома, постройки котораго въ настоящее время окончена. Домъ большой, рассчитанъ на призвіе въ немъ 50 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Величина его соответствуетъ Старо-Екатерининской больницѣ, вмѣщающей до 900 больныхъ,—слѣдовательно, выпускающей ежедневно не мало бѣдняковъ, старыхъ и малыхъ, холодныхъ и голодныхъ, слабыхъ и искалѣченныхъ.

Въ Москвѣ много различныхъ благотворительныхъ обществъ, и, нисколько не умаляя полезной дѣятельности каждаго изъ нихъ, нельзя, однако, не сознаться, что если всѣ эти общества, изъ которыхъ одно призываетъ только старыхъ, другое—только, наприм., слѣпыхъ и другихъ неизлѣчимыхъ, третье—только заботится о малолѣтнихъ и т. д.,—если, говоримъ, каждое изъ этихъ обществъ достойно уваженія и вниманія добрыхъ людей, то насколько сильнѣе сочувствіе и содѣйствіе должно вызвать къ себѣ то Общество, которое въ своей дѣятельности соединяетъ задачи всѣхъ другихъ обществъ и, не разбирая ни пола, ни возраста, ни званія нуждающагося, ни вида нужды его, принимаетъ подъ свой кровъ каждаго страждущаго. Оно принимаетъ къ себѣ и ослабѣвшаго отъ тяжелой болѣзни рабочаго, неспособнаго еще приняться за дѣло, и одряхлѣвшаго старика или старуху, не имѣющихъ ни пристанища, ни родныхъ; заботится о слѣпыхъ, одѣваетъ нагихъ; кормитъ голодныхъ; возвращаетъ на родину неспособныхъ здѣсь работать; наконецъ, это Общество принимаетъ на свое попеченіе малютокъ, которыя за болѣзнь своихъ родителей остаются безъ всякаго присмотра, и тѣхъ жалкихъ сиротъ, которыя, по смерти своихъ родителей, не знаютъ ни рода, ни племени и остаются совершенно уже на произволъ судьбы. Однимъ словомъ, благотворительное общество при Старо-Екатерининской больницѣ говоритъ каждому несчастному: „ты страдаешь, иди къ намъ, мы облегчимъ твои страданія, мы поможемъ тебѣ по мѣрѣ силъ своихъ“. И дѣйствительно, въ пріютѣ этого Общества можно найти всякаго рода бѣдняка, всѣхъ возрастовъ, начиная отъ грудного ребенка до дряхлаго старика. Это единственное Общество не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи, которое имѣетъ такую широкую и разностороннюю благотворительную дѣятельность. Находясь въ его пріютѣ, невольно вспоминаешь о Христѣ, окруженномъ слѣпыми, хромыми, убогими, разслабленными, взрослыми и дѣтми.

Кто имѣлъ возможность ближе познакомиться съ положеніемъ несчастныхъ, пребывающихъ въ больницахъ, особенно чернорабочаго люда, какова Старо-Екатерининская, тотъ хорошо знаетъ, что внутренняя жизнь этихъ физическихъ и нравственныхъ страдалцевъ, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ изъ себя бездну, переполненную всякаго рода бѣдствіями и горемъ. А если это такъ, то нельзя не удивляться, а вмѣстѣ съ тѣмъ не сожалѣть о томъ, что Старо-Екатерининское общество, которое такъ дѣятельно работаетъ для уменьшенія всѣхъ этихъ скорбей, которое за время своего существованія успѣло оказать помощь болѣ чѣмъ полутора тысячамъ бѣдняковъ, что такое Общество остается безызвѣстнымъ большинству московскихъ жителей. Многие богатые люди, которые, по своей отзывчивости къ добрымъ дѣламъ, могли бы такъ незамѣтно для нихъ оказать существенную поддержку такому истинно-благому дѣлу, до сихъ поръ даже не знаютъ о существованіи благотворительнаго общества при Старо-Екатерининской больницѣ и его пріютѣ для выздоравливающихъ и дѣтей. А между тѣмъ это Общество, юное еще въ средѣ своихъ собратій, другихъ благотворительныхъ обществъ, очень и очень нуждается въ поддержкѣ добрыхъ людей.

Всѣ истинные христіане, всѣ русскія сердца! откликнитесь на доброе дѣло, поддержите Общество, примите посильное участіе въ его благой, но трудной дѣятельности; помогите ему раскрыть двери своего новаго дома для бѣдныхъ, тѣлесно и душевно измученныхъ нашихъ собратій. Дѣло несомнѣнно великое, святое; не дадимъ ему погибнуть и общими силами поднимемъ его знамя какъ можно выше!

Пожертвованія принимаются, какъ деньгами, такъ и вещами: 1) у казначея Общества С. В. Алексѣева (у Красныхъ воротъ, соб. домъ, или Ильинка, Рыбный пер., контора товарищества В. Алексѣева); 2) у заведующей пріютомъ для выздоравливающихъ, М. А. Богдановой (Малая Никитская, д. графа Бобринскаго, или зданіе Старо-Екатерининской больницы), и 3) въ помѣщеніи пріюта (3-я Мѣщанская, Больничный пер., соб. домъ).

Поступилъ въ продажу

„СБОРНИКЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ“.

Издание редакціи журнала „Русская Мысль“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Голодь. Стихотвореніе. *Василія Величко*.—Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской экономической мысли. *А. Исаева*.—Сила человѣка. Стихотвореніе. *Д. Мережковского*.—Скупой рыцарь. Разсказъ. *И. Салова*.—Стихотвореніе *Н. Минскаго*.—Право и политическая экономія. *Виктора Голнцева*.—Сахемъ. Разсказъ Генрика Сенкевича, переводъ *Вукла Лаврова*.—Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. *М. Протопопова*.—Въ голодовку. *Григорія Мачтета*.—Стихотвореніе. *А. Монастырскаго*.—Русская колонія въ Латинскомъ кварталѣ. *М. Ремезова*.—Гражданское правосудіе въ духѣ Судебн. Уставовъ. *Гр. Джанишѣва*.—Черкесъ. Очеркъ. *В. Короленка*.—Лѣсъ. Стихотвореніе. *Ал. Ленчевича*.—Метеорологическія условія неурожая 1891 г. *В. Соколова*.—Денегъ нѣтъ. Разсказъ. *Л. Лукьянова*.

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Сборникъ напечатанъ въ количествѣ 3,000 экзempl. Весь валовой сборъ поступаетъ въ пользу голодающихъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій, 21).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

XIII ГОДЪ.
ОСКОЛКИ
ГОДЪ XIII.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 номера въ годъ), иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ съ каррикатурами, вступалъ въ **ТРИНАДЦАТЫЙ** годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1893 г. подъ тою же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1892 г.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматъ большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ страницахъ въ теченіе года до **1,000** юмористическихъ и каррикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до **1,300** юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легкихъ фельетонныхъ набросковъ изъ текущей жизни, рассказовъ, сценъ, шаржей, пародій, очерковъ, анекдотовъ, шутокъ, изреченій, каламбуровъ, шарадъ, загадокъ и пр.

Время отъ времени редакция предлагаетъ ребусы, шарады и загадки *на премію*.

Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получаютъ въ концѣ 1893 г.

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

РАЗГОВОРЫ БЕЗСЛОВЕСНЫХЪ.

ИЗЯЩНЫЙ АЛЬБОМЪ-КНИГУ.

(Оригинальный текстъ съ художественными рисунками и винь-
етками).

Цѣна за журналъ:

Съ доставкой и пересылкой:		Безъ доставки и пересылки:	
На годъ съ бесплатной преміей . . .	9 р.	На годъ съ бесплатной преміей . . .	8 р. — к.
„ полгода безъ преміи	5 „	„ полгода безъ преміи	4 „ 50 „
„ три мѣсяца безъ преміи	3 „	„ три мѣсяца безъ преміи	2 „ 50 „
За границу на годъ	10 „		

За пересылку преміи платы не полагается.

Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ главной конторой журнала „Осколки“. Подписавшіеся съ разсрочкой получаютъ премію лишь по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала „Осколки“—въ С.-Петербур-
гѣ (Троицкая улица, д. № 18).

Редакторы-издатели **Н. Лейкинъ** и **Р. Голике**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ.

4-й годъ изданія.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“ въ 1893 году вступаетъ въ четвертый годъ своего существованія. Въ теченіе трехъ лѣтъ редакція „РУССКАГО ЛИСТКА“ твердо шла по намѣченному ею пути служенія православію, престолу и отечеству. Трудъ ея былъ вознагражденъ общимъ сочувствіемъ русскаго общества. Оно отнеслось къ изданію съ серьезнымъ вниманіемъ и теперь редакція „РУССКАГО ЛИСТКА“, вступая въ четвертый годъ своего существованія, еще болѣе увѣрена въ тѣхъ симпатіяхъ, какія проявляла къ ней публика со дня возмаложенія газеты. Большой успѣхъ „РУССКАГО ЛИСТКА“, приобрѣтшаго себѣ въ теченіе трехъ лѣтъ до 20,000 подписчиковъ, служитъ прочнымъ залогомъ его дальнейшей дѣятельности. Успѣхъ небывалый и слишкомъ лестный. Въ наступающемъ году редакція „РУССКАГО ЛИСТКА“, при прежнемъ составѣ своихъ сотрудниковъ, будетъ продолжать свою дѣятельность, руководствуясь тѣми же принципами искреннаго служенія православной вѣрѣ и отечеству.

Въ „Русскомъ Листкѣ“ существуютъ отдѣлы:

Правительственнымъ распоряженія. — Административныя новости. — Свѣдѣнія изъ общественной жизни. — Московскій дневникъ. — Театральная хроника. — Спортъ. — Биржевая и торговая хроника. — Мануфактурные, хлѣбные и другіе торговые рынки. — Корреспонденціи. — Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. — Фельетонъ: романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія. — Смѣсь: шутки, каламбуры и проч.

ВЪ ИЗДАНИИ УЧАСТВУЮТЪ:

С. О. Рыскинъ, Н. А. Хлоповъ, А. М. Пазухинъ, Д. С. Дмитріевъ, Н. Осиповъ, В. А. Риваль, И. К. Кондратьевъ, М. С. Сковронская, Р. А. Менделевичъ, В. Д. Васильевъ, Л. И. Ретюнская, С. Г. Дудышкинъ, В. С. Карцовъ, Л. А. Фейгинъ, М. А. Козыревъ, Я. Д. Земскій
Н. Кельшъ и мног. друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

одинъ годъ **5** руб., полгода **3** руб., одинъ мѣс. **60** коп.

Адресъ редакціи: МОСКВА.

1893 г. **НУВЕЛЛИСТЪ** 54-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

и

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1 января 1893 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ 54-й годъ своего существованія.

Въ 1893 году „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадами отъ 30—35 страницъ музыки большаго нотнаго формата. Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ въ 400 стр. и дастъ подписчикамъ до 100 фортепіаннхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ.

Каждая тетрадь „НУВЕЛЛИСТА“ будетъ содержать въ себѣ: 1) *Четыре или пять салонныхъ пьесъ въ два и четыре руки*, 2) *Одинъ или два танца*, 3) *Русскій романсъ*.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“ будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра.

— П Р Е М І Я —

Каждый подписчикъ на «НУВЕЛЛИСТЪ» получитъ бесплатную премію—**ПОЛНУЮ ОПЕРУ** или другое музыкальное сочиненіе по его выбору изъ 80-ти номеровъ и **ДВА ПОРТРЕТА** выдающихся музыкальных дѣятелей.

Кромѣ того, редакція дастъ своимъ подписчикамъ весьма цѣнную премію, а именно:

— ДВА КАБИНЕТНЫХЪ РОЯЛЯ —

ИЗВѢСТНОЙ ФОРТЕПІАННОЙ ФАБРИКИ

Я. БЕККЕРЪ.

Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

Рояли эти будутъ разыграны между всѣми подписчиками.

Подписная цѣна въ годъ 5 руб., съ перес.—6 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА». Большая Морская, № 26, уголъ Гороховой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Правительственные распоряженія.—II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни.—III. Обзорѣе газетъ и журналовъ.—IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“.—V. Последнія извѣстія.—VI. Городская и земская хроника.—VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“.—VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ).—IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта.—X. Наука и искусство.—XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка.—XII. Судебная хроника.—XIII. Критика и библіографія.—XIV. Смѣсь.—XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ.—XVI. Календарь.—XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты.—XVIII. Стороннія сообщенія.—XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою. . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты «ЮЖНЫЙ КРАЙ», на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

Открыта подписка на 1893 г.

(Двѣнадцатый годъ изданія).

Кіевская Старина,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I. *Оригинальныя статьи*.—II. *Документы, извѣстія и замѣтки*.—III. *Критика и библиографія*. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки**, исполненные фототипіей, и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ дѣйствующихъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	На годъ.
Съ пересылкой и доставкой	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 " 50 "
За границу.	12 " — "

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882, по 8 руб. въ годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

На годъ	5 р.
" 8 мѣс.	4 "
" 6 "	3 "

ДЕНЬ

На 4 мѣс.	2 р.
" 2 "	1 "
" 1 "	50 к.

За границу
на годъ—10 руб.

Объявленія по 10 коп.
за строку.

Выходитъ ежедневно.

12 кн. романовъ, рассказовъ и очерковъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 20.

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка: 1-й взносъ 1 или 2 руб., послѣдующіе по 1 руб.

Редакторъ *И. В. Сковорода*.
Издатель *А. А. Гриве*.

ЖУРНАЛЪ БУДИЛЬНИКЪ— БЕЗОПАСНЫЙ ДРУГЪ ДОМА.

Его преимущества передъ другими „друзьями дома“ неисчислимы:

- 1) „Будильнику“ 29 лѣтъ. Онъ опытенъ, но не легкомысленъ. Веселъ, остроуменъ и всегда приличенъ.
- 2) Онъ не надоедаетъ: является точно и аккуратно—разъ въ недѣлю, въ назначенный день и часть.
- 3) „Будильникъ“, какъ другъ дома, всегда съ запасомъ самыхъ свѣжихъ новостей: показываетъ массу интересныхъ каррикатуръ и рисунковъ. Смотрите, мотайте на усъ и смѣйтесь.
- 4) За симъ заводитъ умную бесѣду: о политикѣ, погодѣ, общественныхъ дѣлахъ и соевенныхъ огурцахъ. Вашъ другъ дома шутить, острить, каламбурить, направляя свои стрѣлы по адресу выдающихся событій политической, столичной и провинціальной жизни.
- 5) Дружески пожуривъ „кого слѣдуетъ“ за границей и въ столицахъ, онъ переходитъ въ нашу провинцію. Это одна изъ самыхъ любимыхъ его областей. Онъ цѣлую недѣлю рыщетъ по провинціи и во время визита преподноситъ вамъ итоги курьезовъ.
- 6) У него есть еще *приложенія* къ каждому номеру: вотъ вамъ *библіографическая рѣдкость* 1793 г., а вотъ и новинка—*полный текстъ лучшихъ „веселыхъ пьесъ“*, только что появившихся на сценѣ. И этого мало.
- 7) Въ теченіе 1893 года одинъ № „Будильника“ будетъ уступленъ самой публикѣ, отъ которой ожидаются *мнѣнія о нашихъ артистахъ, литераторахъ и художникахъ*. „Обрисовать“ художниковъ, „описать“ литераторовъ и „разграницировать“ артистовъ—такова также задача вашего друга дома.
- 8) Бывая у васъ еженедѣльно, вашъ другъ дома, кромѣ того, дастъ вамъ на Пасху *роскошную премію*:

БАСНИ КРЫЛОВА ВЪ ЛИЦАХЪ.

(2-й выпускъ: 10 картинъ, исполненныхъ фототипіей, и текстъ басенъ).

Первый выпускъ въ 1892 году имѣлъ очень большой успѣхъ. На этотъ разъ „Будильникъ“ выбралъ наиболѣе типичныя басни и поручилъ иллюстраціи къ нимъ лучшимъ художникамъ: гг. *Савицкому, Трутовскому, Богатову* и др.

9) „Будильникъ“, какъ другъ дома, имѣетъ еще преимущества: не опасно оставлять его наединѣ съ женой и онъ не разоряетъ займами мужа.

Если вы желаете имѣть его другомъ дома, вотъ что ожидаетъ вашъ карманъ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ, съ пересылкой во все города, съ преміей—10 руб., безъ преміи—9 руб., на полгода (безъ права на премію)—5 руб.

10) Какъ другъ дома, „Будильникъ“ допускаетъ также разсрочку: при подпискѣ *пять* рублей, остальные *пять* рублей въ маѣ 1893 года.

11) Наконецъ, *адресъ* этого единственнаго друга дома, по которому слѣдуетъ пересылать подписныя деньги:

Москва, Тверская, д. Гинцбурга, редакція „Будильника“.

НЕДѢЛЯ.

«НЕДѢЛЯ» состоитъ изъ двухъ изданій: еженедѣльной общественно-политической газеты «НЕДѢЛЯ» и ежемѣсячнаго литературнаго журнала «КНИЖКИ НЕДѢЛИ».

«НЕДѢЛЯ» выходитъ еженедѣльно, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ.

«КНИЖКИ НЕДѢЛИ» выходятъ ежемѣсячно, въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ.

Въ 1892 году въ «НЕДѢЛѢ» и въ «КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ» принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, В. П. Авенариусъ, В. Л. Величко, проф. А. Н. Веселовскій, П. И. Вейнбергъ, М. И. Венюковъ, В. В. Водовозовъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, В. А. и В. П. Гайдебуровы, Н. Л. Гладкій, В. Л. Дьдловъ, А. Я. Ефименко, И. Н. Захарьинъ, А. Г. Каррикъ, А. Ф. Кони, проф. П. И. Ковалевскій, проф. А. Н. и П. Н. Красновы, М. В. Крестовская, Ц. А. Кюи, К. В. Лаврскій, В. П. Лебедевъ, Н. С. Льсковъ, М. Н. Мазаевъ, А. Н. Майковъ, Евг. Л. Марковъ, М. О. Меньшиковъ, проф. Ѳ. Г. Миценко, П. О. Морозовъ, П. Е. Накрохинъ, Н. Н. Нечаевъ, Л. Е. Оболенскій, Я. П. Полонскій, В. О. Португаловъ, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, Е. И. Раппапортъ, проф. Н. Д. Сергѣевскій, К. К. Случевскій, С. Н. Сыромятниковъ, В. А. Тимирязевъ, А. А. Тихоновъ (Луговой), графъ Л. Н. Толстой, Н. Н. Фирсовъ, К. М. Фодановъ, Ант. П. Чеховъ, Н. В. Яковлева, проф. И. И. Янжулъ и друг.

Подписка на 1893 г. открыта.

Цѣна газеты «НЕДѢЛЯ» и журнала «КНИЖКИ НЕДѢЛИ» — девять рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», Ивановская, 4.

Редакторъ-издатель П. А. Гайдебуровъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную

политическую, общественную и литературную

ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1893 году

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

за годъ—7 р., 11 м.—6 р. 50 к., 10 м.—6 р., 9 м.—5 р. 50 к., 8 м.—5 р., 7 м.—4 р. 50 к., 6 м.—4 р., 5 м.—3 р. 50 к., 4 м.—3 р., 3 м.—2 р. 40 к., 2 м.—1 р. 70 к., 1 м.—90 к., $\frac{1}{2}$ м.—50 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и

—● СЪ РАЗСРОЧКОЙ ●—

ПОМѢСЯЧНО — по 1 рублю и на другихъ, удобныхъ для подписчиковъ и конторы условіяхъ.

Для ознакомленія газета высылается бесплатно.

Подписка также принимается на всѣ сроки и съ *каждаго числа текущаго мѣсяца*, но тогда къ подписной цѣнѣ срока прилагивается, только иногородными, за первый мѣсяцъ 15 коп. почтовыхъ. За перемѣну адреса иногородные уплачиваютъ 15 коп., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высланы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ одинъ столбецъ или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 20 коп. и 5 коп. со строки въ слѣдующіе разы. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемые отъ 10 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10 до 40 процентовъ. За годовныя объявленія, не менѣе 100—150 разъ—уступка 50 проц.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются бесплатно въ справочномъ отдѣлѣ газеты въ сокращенномъ видѣ.

За адреса въ 5 строкъ на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ за 150 разъ; 6 р. за 75 разъ; 4 р.—за 38 разъ и 2 р. за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ проч. 15 р. съ 1000 экз. или по 50 к. со 100 экз.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ и ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНИИ.

Въ Орлѣ: въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ и публичной библиотекѣ „ОРЛОВСКАГО ВѢСТНИКА“, Болховская, д. № 17. Въ книжномъ магазинѣ Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ конторѣ редакціи и типографіи газеты, на Зиньевской, домъ № 2, близъ корпуса. **Въ Ельмѣ:** исключ. въ книжномъ магазинѣ Степанова

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ

НА ТРИ ИЗДАНИЯ:

НОВОСТИ ДНЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

8 р.

8 р.

Вступая въ *XI* годъ изданія, газета эта и въ 1893 году будетъ выходить по программѣ прошлыхъ лѣтъ и попрежнему будетъ давать читателямъ богатый матеріалъ по всѣмъ интересующимъ ихъ областямъ; кромѣ того, ежедневно будутъ помѣщаемы интересные фельетоны и еженедѣльно—портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Новости иностранной литературы

журналъ, выходящій *ежемесячными* книжками въ 10 и больше печатныхъ листовъ и дающій въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

2 р.

СЕМЬЯ

2 р.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ иллюстрированный журналъ, который будетъ издаться по слѣдующей программѣ:

1. *Изысканная литература*: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія — оригинальныя и переводныя.
2. *Научныя обзорныя и критика*—литературная, театральная, художественная и музыкальная.
3. *Историческіе очерки и путешествія*.
4. *Біографіи*.
5. *Спортъ во всѣхъ видахъ*.
6. *Изобрѣтенія, хозяйственныя свидѣнія, моды и смѣсь*.
7. *Задачи, шарады, ребусы, игры и ноты*.
8. *Почтовый ящикъ*.
9. *Иллюстраціи по всѣмъ отдѣламъ*, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, виньетки и *преміи*.
10. *Объявленія и рекламы*.

Подписчики „Семья“, кромѣ 52 № *еженедѣльныхъ* иллюстрированныхъ журналовъ, получаютъ **БЕЗПЛАТНО** нѣсколько приложений: новости моды и два номера съ маскарадными костюмами, двѣнадцать музыкальныхъ пьесъ для фортепіано и для пѣнія и нѣсколько отдѣльныхъ повѣстей для дѣтскаго чтенія.

Годовая подписная цѣна тремъ из пересылкой *тринадцать руб.*; для иностранной литературы въ пе

12 р.

даваемъ въ Москвѣ **12 р.**, а съ получающихъ журналъ „Новости реплетъ — *четырнадцать рублей*.

Полугодовая цѣна на всѣ изданія съ доставкой—**7 р. 50 к.**, на три мѣсяца—**4 р.**, на одинъ мѣсяцъ—**1 р. 50 к.**

Каждое изданіе можетъ быть выписываемо и отдѣльно по слѣдующей цѣнѣ:

„Новости Дня“, ежедн. газета . . . въ годъ—	8 р.	— к.	съ пересылкой—	9 р.	— к.
„Новости иностран. литературы“ . . . „ —	3 „	— „	въ переплетѣ —	4 „	— „
„ — — — — — „ —	на 1/2 г. —	2 „	— „ —	—	50 „
„Семья“ въ годъ—	2 „	— „	съ пересылкой—	3 „	— „
„ — — — — — „ —	на 1/2 г. —	1 „	50 „	— „	— „
			—	2 „	— „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Мясницкая, д. Ананова, контора газеты „Новости Дня“ и журналовъ „Новости иностранной литературы“ и „Семья“, у издателя **А. ЛИПСКЕРОВА**.

На 1898 годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ОКРАИНА

Единственный частный органъ въ Туркестанск. краѣ и Занкаспійск. области.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

выходить три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ

Редакція и контора—г. Самаркандъ.

Вступая въ 4-й годъ изданія, мы имѣли пламенное желаніе расширить программу, развить отдѣлы и увеличить размѣръ газеты, но... по независящимъ отъ насъ причинамъ должны смириться и довольствоваться тѣмъ, что уже имѣемъ.

Цѣль наша попрежнему—желаніе добра и свѣта.

Значитъ—по мѣрѣ силъ быть проводникомъ назрѣвающихъ вопросовъ, работать и стремиться къ выясненію нуждъ края, служить къ освѣщенію насущныхъ вопросовъ мѣстной жизни, не упуская при этомъ случая, по возможности, отмѣчать и выдающіяся явленія изъ жизни всего цивилизованнаго міра, что можетъ интересовать читателя.

Мы были далеки отъ всякихъ рекламъ, много общающихся, мало дающихъ, въ чемъ, кажется, насъ и не могутъ ни обвинить, ни упрекнуть, а потому съ твердою вѣрой въ будущее, въ преуспѣяніе нашей далекой окраины, также твердо и упорно будемъ продолжать изданіе нашей газеты „Окраина“ съ помощью тѣхъ же просвѣщенныхъ сотрудниковъ, желающихъ вмѣстѣ съ нами положить свою душу и голову на пользу нашего обитовавшаго уголка дорогого отечества, на который взоры устремлены въ настоящее время чуть не со всего міра.

Финды, торговая хроника, тиражи, базарныя цѣны Самарканда и др. город. Туркестанскаго края, мѣстные извѣстія, корреспонденція изъ городовъ Туркестана, Занкаспія, Семирѣчья, Сибири, Россіи, некрологи, театральныя замѣтки, музыкальныя рецензіи, среди газетъ, анекдоты, стихи, замѣтки, Письма въ редакцію, дневникъ происшествій, приказы по Туркестанскому округу, Самаркандской области и пр. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и спеціальныя. Росписанія почтъ, поѣздовъ и пароходовъ и т. д.

ПОДПИСКА: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—2 руб., на 1 мѣс.—1 руб. За границу—8 руб. Отдѣльный №—6 коп.

Оставшіеся экземпляры газ. „Окраина“ за 1891 г. можно получать по 3 р. 50 к., а за 1892 г.—по 4 руб. съ пересылкой.

Цѣна за объявленія: на 1 страницѣ по 40 к., на послѣдней—по 15 к. за строку пети́та; мѣсячныя объявленія—съ большою уступкой, для ищущихъ мѣстъ и занятій по 5 коп. за строку.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи въ г. Самаркандѣ. Въ Москвѣ—въ конторахъ объявленій бывш. Метцль, Мясницкая ул., д. Спиридонова, и у Л. Шабертъ, бывш. Мейеръ, Покровка, д. бр. Салаевыхъ. Въ Петербургѣ—въ центральномъ агентствѣ объявленій Матисена, Конюшенная, № 29. Въ Вярномъ—у П. М. Зенкова.

Редакторъ-издатель Н. В. Полторановъ.

О подпискѣ на полученіе газеты «Волгарь» въ 1893 г.

Большая ежедневная
ПОЛИТИКО - ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И БИРЖЕВАЯ
газета

ВОЛГАРЬ

издается въ Нижнемъ-Новгородѣ, подъ редакціей С. И. ЖУКОВА.

Воскресные №№ ВОЛГАРЯ (во время Нижегородской ярмарки, въ июль и августъ мѣсяцѣхъ) выходятъ съ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ПРОГРАММА „ВОЛГАРЯ“:

- 1) *Передовыя статьи* по вопросамъ внутреннимъ и политическимъ.
- 2) *Правительственныя извѣстія*. Правительственныя распоряженія общія и относящіяся къ Поволжью; распоряженія судоходнаго начальства, фабричной инспекціи и проч.; назначенія по службѣ, переводы и награды по административному и общественному управленію въ губерніяхъ: Нижегородской, Ярославской, Тверской, Владимирской, Казанской, Костромской, Симбирской, Самарской, Саратовской и др.
- 3) *Послѣдняя почта*. Послѣднія телеграфныя извѣстія заграничныхъ газетъ и выдержки изъ специальныхъ корреспонденцій русскихъ газетъ.
- 4) *Телеграммы* внутреннія и заграничныя, отъ специальныхъ корреспондентовъ и отъ „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“.
- 5) *Мѣстная хроника*. Извѣстія изъ общественной и административной жизни Нижняго-Новгорода и Нижегородской губерніи, новости городскія, земскія, мѣстныя происшествія и проч.
- 6) *Обо всемъ*. Статьи легкаго содержанія изъ городской жизни Нижняго-Новгорода.
- 7) *Литературный отдѣлъ*. Повѣсти, разсказы и стихотворенія, оригинальныя и переводныя. Ежедневный обзоръ новинокъ русской литературы.
- 8) *Поволжскія вѣсти*. Корреспонденціи изъ городовъ Поволжья и изъ соѣдиненъ губерній о выдающихся явленіяхъ и происшествіяхъ.
- 9) *По роднымъ палестинамъ*. Фельетонныя статьи изъ жизни городовъ Поволжья.
- 10) *Внутреннія извѣстія*. Административныя новости изъ Петербурга, имѣющія общегосударственный интересъ, а также сообщенія о выдающихся событіяхъ Петербурга, Москвы и другихъ городовъ Россіи.
- 11) *Наблюденія и замѣтки*. Фельетонныя статьи и замѣтки обо всемъ.
- 12) *Театръ и музыка*. Рецензіи и замѣтки о концертахъ и спектакляхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, извѣстія объ артистическихъ поѣздкахъ по Волгѣ столичныхъ и провинціальныхъ труппъ и вообще изъ жизни поволжскихъ театровъ.
- 13) *Бытъ и сначки*. Замѣтки о дѣятельности общества конскаго бѣга, о состязаніяхъ на бѣговыхъ ипподромахъ въ городахъ Поволжья и проч.
- 14) *Наука и искусство*. Отчеты и замѣтки о публичныхъ засѣданіяхъ нижегородскихъ и иногороднихъ ученыхъ обществъ, о трудахъ научныхъ изслѣдователей, объ усовершенствованіяхъ въ пароходствѣ и волжскомъ судостроеніи, о разнаго рода изобрѣтеніяхъ.
- 15) *Изъ прошлаго*. Статьи и сообщенія, относящіяся къ историческому прошлому Поволжскаго края и т. п.
- 16) *Судебная хроника*. Отчеты о выдающихся процессахъ мѣстныхъ и иногороднихъ, уголовныхъ и гражданскихъ, новости изъ судебного міра и проч.
- 17) *Смѣсь*. Мелочи, курьезы, анекдоты и т. п.
- 18) *Заграничныя извѣстія*. Разнаго рода иностранныя извѣстія, отзывы иностранныхъ газетъ о Россіи, политическія статьи иностранной прессы о выдающихся заграничныхъ происшествіяхъ и проч.
- 19) *Письма въ редакцію*. Полезныя сообщенія частныхъ лицъ, имѣющія общественный интересъ, полемическія статьи и проч.

20) *Биржевой отдѣлъ*. Ежедневные отчеты о хлѣбныхъ, поставочныхъ и всякихъ товарныхъ сдѣлкахъ на нижегородской биржѣ; торговныя корреспонденціи съ пристаней: Волги, Камы, Оки, Суры, Вятки, Бѣлой и ихъ притоковъ; телеграфныя извѣстія о состояніи уровня воды на перекатахъ; свѣдѣнія о количествѣ заготовки хлѣба на пристаняхъ, о положеніи волжскаго судоходства и т. п. Телеграфныя извѣстія два раза въ недѣлю съ с.-петербургской биржи, о цѣнахъ на процентныя бумаги, о цѣнахъ на хлѣбъ и прочіе биржевыя товары.

21) *Справочный отдѣлъ*. О движеніи почтъ въ Поволжскомъ краѣ въ лѣтнее и зимнее время, о желѣзно-дорожныхъ сообщеніяхъ, о поволжскихъ лечебныхъ курортахъ, о мѣстныхъ выставкахъ, конкурсахъ и т. п.

22) *Объявленія*.

Въ *литературномъ отдѣлѣ* „Волгара“ принимаетъ участіе кружокъ мѣстныхъ и иногороднихъ писателей. Кромѣ того, въ газетѣ помѣщаются переводныя произведенія иностранной литературы.

Въ *биржевомъ отдѣлѣ* печатаются многочисленныя торговныя корреспонденціи съ хлѣбныхъ пристаней. Но, имѣя въ виду развитіе этого отдѣла, редакція пригласила на 1893 г. еще до 15-ти новыхъ корреспондентовъ съ главныхъ хлѣбныхъ пристаней Волги, Камы, Бѣлой, Вятки, Суры и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ «ВОЛГАРЬ» НА 1893 г.

12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Нижн.-Новг..	7 р.	6—50	6 р.	5—50	5 р.	4—50	4 р.	3—50	3 р.	2—50	1—75
Иногороднимъ..	8 „	7—50	7 „	6—50	6 „	5—50	5 „	4—50	4 „	3—50	2—75

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Нижнемъ-Новгородѣ*: 1) въ конторѣ редакціи „Волгара“, на Мал. Покровск. ул.
2) „ Рождественскомъ газетномъ кіоскѣ, на Нижн. базарѣ.

Кромѣ того, подписка принимается: въ *Петербургѣ*—въ магазинѣ „Новаго Времени“; въ *Москвѣ*—въ конторѣ Пенковской; въ *Твери*—въ конторѣ редакціи „Листка объявленій“; въ *Рыбинскѣ*—въ биржевой библіотекѣ; въ *Ярославѣ*—вокальный и музыкальный магазинъ А. Т. Наумова; въ *Костромѣ*—книжный магазинъ А. И. Бекенева; въ *Владимиръ-губернскомъ*—книжный магазинъ И. П. Иванова; въ *Муромѣ*—газетная торговля Н. П. Мошенцова; въ *Ивановѣ-Вознесенскѣ*—у А. И. Татарнинова; въ *Арзамасѣ*—у Ф. А. Колесова; въ *Казани*—въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Башмакова, Воскресенская ул.; въ *Самарѣ*—книжный магазинъ Н. М. Оедорова; въ *Саратовѣ*—книжный магазинъ Воронкова; въ *Астрахани*—у Григорія Петровича Смирнова, въ биржѣ или набережная, д. Смирнова.

Редакторъ-издатель „Волгара“ *Сергій Жуковъ*.

Русская Мысль, кн. XII.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

журналъ еженедѣльный, издаваемый обществомъ счетоводовъ.

съ ПРИЛОЖЕНИЯМИ: УЧЕБНИКОВЪ, РУКОВОДСТВЪ, ПОСОВІЙ
и СОЧИНЕНІЙ ПО СЧЕТОВОДСТВУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: полгода—3 руб., годъ—6 руб., съ прило-
женіями—9 руб.

*Все оостойное подражанія, примѣненія, введенія въ жизнь
будетъ предметомъ обсужденія въ нашемъ журналѣ.*

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій Пр., № 66.
Москва, Тверская, д. Хомяковыхъ.

IX годъ
изданиѣ. НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕ-
СТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ IX годъ
изданиѣ.

ВОКРУГЪ

СВѢТА

50 №№

12 иллюстрир.
ежемѣсячн.
книгъ.

Въ истекшемъ 1892 г. редакція „ВОКРУГЪ СВѢТА“ успѣла сдѣлать во внѣшности журнала значительныя улучшения и привлечь къ сотрудничеству многихъ изъ выдающихся отечественныхъ писателей. Въ 1893 г. редакція и издатель не пощадаютъ трудовъ и затратъ для того, чтобы журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ въ полной мѣрѣ оправдалъ многолѣтнее неизмѣнное сочувствіе публики.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ двухъ печатныхъ листовъ, со множествомъ отдѣльных рисунковъ и иллюстрацій.

При журналѣ подписчики получаютъ двѣнадцать ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ отдѣльныхъ книгъ. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ оригинальный романъ *Н. Н. Шелонскаго* — „Братья св. Креста“.

Въ портфелѣ журнала имѣется множество прекрасныхъ статей и романовъ самаго интереснаго и разнообразнаго содержанія, принадлежащихъ перу нашихъ лучшихъ писателей, какъ-то: *Н. Н. Каразина*, *Д. Мамина-Сибиряка*, *А. Н. Чермнаго* и др. Въ числѣ романовъ будутъ помѣщены: новѣйшій романъ *Жюль Верна*, романъ молодого итальянскаго писателя *Эмилио Саллари*, съ рисунками *Колантони*, романы: *Оттевенсоча*, *Хатарда*, *Брауна*, *А. Лори* и *Буссенара*.

По примѣру прошлаго года, гг. годовымъ подписчикамъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ въ 1893 г. редакція имѣетъ возможность предложить, при доплатѣ одного рубля на пересылку и другіе расходы,

роскошную небывалую премію,

двѣ большія художественныя картины:

1. Передъ бурей, художника *Штебфена*, и
2. Надъ горнымъ озеромъ въ лунную ночь, художника *Мальмана*.

Эти художественныя картины исполнены въ олеографическомъ заведеніи *Мюллера и Лозе* въ Дрезденѣ.

Размѣромъ каждая картина 13×21 вершковъ.

Стоимость картинъ въ отдѣльной продажѣ шесть рублей.

Подписная цѣна на журналъ **ВОКРУГЪ СВѢТА** съ доставкой и пересылкой во всѣ города съ ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями: на годъ—4 руб., на полгода—2 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка подписной цѣны: при подпискѣ—2 руб., 1 апрѣля и 1 іюля—по одному рублю.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ редакціи журнала—Москва, Валовая ул., д. Ситина, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и друг. город. Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1893 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ

ПРИРОДА И ОХОТА

И

ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА.

(Двадцатый годъ изданія).

Подписчики получаютъ въ теченіе года 12 книгъ „Природы и Охоты“ съ картинами (выходъ ежемѣсячно) и 50 №№ „Охотничьей Газеты“ съ рисунками и чертежами (выходъ еженедѣльно). Въ журналахъ печатаются статьи о природѣ, бытѣ и охотѣ русскихъ народностей; статьи зоологическаго содержанія; повѣсти, очерки и рассказы изъ охотничьей жизни; способы охоты спортивной и промысловой на звѣря и птицу (охоты псовыя, съ борзыми и гончими, охоты ружейныя, съ легавыми, гончими и лайками); корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи; правительственныя распоряженія касательно охоты и промысла; судебный отдѣлъ и примѣненія новыхъ правилъ объ охотѣ; дѣятельность охотничьихъ обществъ и кружковъ; отчеты о выставкахъ, садкахъ, полевыхъ испытаніяхъ; фельетонъ, дающій обзоръ текущей охотничьей жизни и новостей; обзоръ иностранной охотничьей жизни и новостей; стрѣльба на призы; ружья и охотничьи принадлежности (система, выборъ, пристрѣлка, теорія и практика); собаки (породы, выборъ, воспитаніе, дрессировка, натаска); рыболовство любительское и промысловое; удочки и принадлежности ужения (теорія и практика); вопросы охотниковъ и ответы редакціи и охотниковъ; отдѣлъ объявленій и справокъ.

ПРЕМИЕЙ ПОСЛУЖИТЬ

«Записная и справочная книга охотника».

Въ этой книгѣ охотникъ найдетъ, кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній, всѣ необходимыя ему знанія и справки, а также программу и таблицы записей, которая послужитъ руководствомъ для веденія охотничьяго дневника, при затратѣ ничтожнаго количества времени на проставку цифръ и знаковъ въ соответствующія рубрики и дастъ возможность охотнику вести исторію своихъ охотъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой и доставкой безъ преміи на годъ — 15 рублей, съ преміей—16 рублей.

Подписчики, желающіе приобрести журналы „Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“ за истекающій 1892 годъ, одновременно съ подпиской на 1893 г., могутъ получить изданіе за оба года съ пересылкой: за 25 р.—безъ преміи и за 27 р.—съ преміями. Журналы „Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“ за прежніе годы, отъ 1873 до 1891 г., распроданы и въ редакціи не имѣется ни одного экземпляра.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Дмитровка, д. Денисовой.

Редакторы-издатели: { Л. П. Сабанъевъ.
Н. В. Туркинъ.

Изданія годъ второй.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 г. НА

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ежемесячный иллюстрированный журналъ.

Изданіе антикварной книжной торговли П. Шибанова въ Москвѣ.

По своей обширной программѣ „Библиографическія Записки“ служатъ дѣлу правильной разработки отечественной библіографіи и представляютъ собою пособіе при изученіи русской и заграничной литературы и книжнаго дѣла. Въ нихъ помѣщаются статьи и изслѣдованія, посвященные изученію жизни и дѣятельности писателей и лицъ, потрудившихся на пользу просвѣщенія, ихъ переписка, историческіе документы, касающіеся преимущественно печатнаго и книжнаго дѣла, обзоры и историческіе очерки извѣстныхъ книгохранилищъ, отзывы о новыхъ книгахъ, статьи о книжной торговлѣ русской и заграничной. Указатель новыхъ книгъ ведется въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ не появлялся ни въ одномъ журналѣ; дается подробный указатель журнальныхъ статей, съ перечисленіемъ всѣхъ рецензій о выходящихъ вновь книгахъ.

Въ каждомъ номерѣ помѣщаются портреты, большею частью на особыхъ листахъ, снимки съ рукописей, копии съ рѣдкихъ гравюръ и автографическія воспроизведенія.

Вслѣдствіе этого, „Библиографическія Записки“ являются журналомъ необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка.

Сотрудники журнала со времени его основанія:

Проф. Д. Н. Анучинъ, Е. В. Барсовъ, Я. О. Березинъ-Ширяевъ, Н. О. Бокачевъ, О. И. Булгаковъ, С. А. Бѣлокуровъ, академикъ К. С. Веселовскій, И. П. Виноградовъ, О. А. Витбергъ, проф. Г. А. Воскресенскій, В. К. Вульфъ, А. С. Гацинскій, Н. Н. Глубоковскій, Я. И. Горожанскій, А. А. Голомбѣвскій, проф. Е. Е. Голубинскій, В. В. Голубовъ, Н. В. Губерти, А. Г. Гусакъ, А. М. Гусевъ, А. А. Дмитриевскій, И. В. Дмитровскій, Н. В. Дмитровскій, М. А. Добровскій, С. О. Долговъ, И. Е. Забѣлинъ, А. А. Ивановскій, проф. В. С. Иконниковъ, В. В. Калашъ, проф. Н. О. Каптеревъ, В. М. Каченовскій († 1892), А. А. Кизеветтеръ, проф. А. И. Кирпичниковъ, проф. В. О. Ключевскій, Г. А. Кожевниковъ, проф. И. Н. Корольковъ, проф. И. Н. Корсунскій, Г. И. Куликовскій, А. А. Кудрявцевъ, проф. Н. О. Куплевасскій, А. Н. Лебедевъ, академикъ Л. Н. Майковъ, И. В. Майновъ, С. Н. Мамѣевъ, проф. А. И. Маркевичъ, В. И. Межовъ, П. Н. Милуковъ, Н. Мировичъ, проф. Г. А. Мурко, М. Д. Муретовъ, С. Д. Муретовъ, Н. К. Никольскій, А. П. Новицкій, И. М. Остроглазовъ († 1892), А. И. Остроглазовъ, М. П. Петровскій, В. И. Покровский, П. Н. Полевой, А. С. Родосскій, Н. П. Розановъ, Л. М. Савеловъ, Д. Я. Самохвасовъ, А. В. Селивановъ, И. О. Сергютинъ, В. И. Сизовъ, П. К. Симонъ, А. В. Смирновъ, П. П. Соколовъ, М. Н. Сперанскій, А. И. Станкевичъ, В. Н. Сторожевъ, М. В. Суриновъ, А. А. Титовъ, В. О. Фиргуфъ, А. С. Хахановъ, В. И. Холмогоровъ, В. И. Шенрокъ, В. Н. Щепкинъ, И. И. Щукинъ, Д. Д. Зыковъ.

Подписная цѣна: за годъ съ доставкой и пересылкой—6 р. За границу—7 р. На другіе сроки подписка не принимается. Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ—75 к., съ доставкой и пересылкой—1 р. Кромѣ того, для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ доставкой и пересылкой—12 руб.

Плата за объявленія: полная страница—20 р., половина страницы или одинъ полный столбецъ—12 р., четверть страницы или половина одного столбца—7 р., $\frac{1}{8}$ страницы или $\frac{1}{4}$ столбца—4 р.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровскія линіи, Антикварная книжная торговля П. Шибанова) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ Москву—въ главную контору редакціи.

Подробная программа журнала, вмѣстѣ съ оглавленіемъ статей, помѣщенныхъ въ 1892 году, высылаются безплатно.

Редакторъ Н. А. Соловьевъ.

Издатель П. П. Шибановъ.

Еженедѣльная медицинская газета

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1893 году подъ тою же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора *Вячеслава Алексантьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ—9 р., за полгода—4 р. 50 к., за 3 мѣсяца—2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя—*Карла Леопольдовича Риккера* (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонора, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№ и т. д.).

XV-й годъ изданія.

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

съ бесплатными литературными приложеніями 2 раза въ неделю

при участіи извѣстныхъ русскихъ беллетристовъ: *М. Н. Албова, К. С. Баранцевича, А. А. Крулова, Г. Г. Ясинскаго, К. В. Назаревой* и пр., а также лучшихъ западно-славянскихъ и вообще заграничныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—15 р., на 6 мѣс.—9 р., на 3 мѣс.—5 р., на 1 мѣс.—1 р. 75 к. Подписка на годъ съ каждаго числа.

Главная контора—С.-Петербургъ, Невскій Пр., 28.

«Биржевыя Вѣдомости»—единственное въ Россіи ежедневное изданіе, состоящее изъ финансовой, торговой и биржевой газеты, ВМВСТВ съ большою общественною, политическою и литературною.

Главная задача газеты: богатство, своевременность и достовѣрность оригинальныхъ сообщеній, получаемыхъ изъ надежныхъ источниковъ.

Взгляды редакціи въ ся ежедневныхъ руководящихъ статьяхъ отличаются серьезностью постановки возбуждаемыхъ вопросовъ.

Полное и надежное руководство для биржевыхъ и торговыхъ дѣлъ.

Новымъ годовымъ подписчикамъ конецъ года—бесплатно.

Открыта подписка на 1893-й годъ

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ СТАВРОПОЛЬ-КАВКАЗСКОМЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

IX Г. ИЗД. СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ, IX Г. ИЗД.

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носить газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
	Р. К.		Р. К.
На годъ	4 50	На годъ	5 50
„ полгода	2 50	„ полгода	3 —
„ 3 мѣсяца	1 50	„ 3 мѣсяца	1 75

(Суммы менѣ рубля можно высылать почтовыми марками).

Допускается разсрочка платежа по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь - Кавказскій, редакція „Сѣвернаго Кавказа“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 г. (четвертый годъ изданія)

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

научно-популярный журналъ, предназначаемый для родителей и воспитателей,

имѣющій цѣлю—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библиографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты).—4) Хроника.—5) Приложенія: (литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д.).—6) Объявленія.

Въ „ПРИЛОЖЕНІЯХЪ“ имѣется въ виду, между прочимъ, напечатать сочиненіе французскаго автора Влѣха: „МАТЕРИ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ“.

КЪ ЖУРНАЛУ БУДУТЪ ПРИЛАГАТЬСЯ РИСУНКИ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходитъ не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р.; съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.; кромѣ того, допускается разсрочка уплаты въ два срока.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кварт. главнаго доктора) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. нигородныхъ просить обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-издатель д-ръ Е. А. Покровский.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ на

ВОЛЫНЬ,

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Годъ пятнадцатый. Съ будущаго 1893 г. „Волынь“ будетъ выходить, попрежнему, ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и послѣдипраздничныхъ дней, по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ Западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи.—2) Телеграммы.—3) Городская хроника.—4) Хроника Волыни и Западнаго края; текущія событія и статьи научнаго содержанія.—5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ по остальной Россіи.—6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ.—7) Новыя открытія и изобрѣтенія.—8) Библиографическій отдѣлъ.—9) Разныя извѣстія.—10) Биржевыя свѣдѣнія.—11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи.—12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учреждений, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ—въ конторѣ редакціи, Бол. Бердичевск. ул., д. духовнаго училища.

Подписная цѣна: на 12 м.—5 р., 11 м.—4 р. 75 к., 10 м.—4 р. 40 к., 9 м.—4 р., 8 м.—3 р. 50 к., 7 м.—3 р., 6 м.—2 р. 60 к., 5 м.—2 р. 10 к., 4 м.—1 р. 80 к., 3 м.—1 р. 50 к., 2 м.—1 р., 1 м.—75 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Иногородніе подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

За издателя *Е. В. Коровицкая.*

Редакторъ *К. И. Коровицкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

Хирургическій Вѣстникъ

будетъ выходить въ будущемъ 1893 г. въ томъ же увеличенномъ объемѣ, какъ и въ 1892 г., т.-е. не менѣе 6-ти листовъ въ мѣсяцъ.

(Въ 1892 г. „Хирургическій Вѣстникъ“ составляетъ томъ въ 100 листовъ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: I. Оригинальныя статьи по всѣмъ вопросамъ хирургіи (включая вопросы и по родственнымъ хирургіи специальностямъ).—II. Корреспонденціи и отчеты о засѣданіяхъ медицинскихъ обществъ по вопросамъ хирургіи.—III. Критика и библиографія.—IV. Рефераты и мелкія извѣстія.—V. Объявленія.

Статьи просятъ адресовать на имя редактора *Николая Александровича Вельяминова* (С.-Петербургъ, Николаевская, 77).

Гонораръ за оригинальныя статьи—по соглашенію съ редакціей; за рефераты—по 30 руб. съ печатнаго листа.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Николаевская, 77), ежедневно отъ 1 до 2 час., и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ (Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи).

Плата за объявленія—по соглашенію.

Цѣна съ перес. за годъ 7 р. за полгода—3 р. 50 к.

Редакторъ-издатель *Н. А. ВЕЛЬЯМИНОВЪ.*

Вышелъ № 24 (ноябрь 1892 г.) журнала

АРТИСТЪ

Содержаніе: *Вильгельм Телль*, актъ IV. *Слово и дѣло*, романъ И. Н. Потапенна. *Исторія женщины на сценѣ*, ст. И. И. Иванова. *За чайкомъ*, рис. В. Е. Мановскаго. *Картины парижск. салоновъ*, ст. А. Ки—лева (съ сним. съ карт.). *Зам. о народномъ театрѣ*, И. Л. Щеглова. *Съ дипломомъ!* пов. Вл. И. Немировича-Данченко. *Изъ исторіи армянской сцены*, ст. Ю. А. Веселовскаго. *Гогартъ*, ст. В. Чешихина (съ снимк. съ гравюръ). *Мѣсто музыки среди искусствъ*, ст. З. Не говорите мнѣ: онъ умеръ, романъ Ц. А. Ньюи. *Маленькая балетъ изъ оперы „Боабдиль“* (для фортеп. въ 4 руки). А. П. Ленскій въ роли *Пришелеца*. *Туръ вальса*, разск. Л. Галеви. П. М. Свободинъ. Н. Л. Окадовскій (съ снимк. съ карт.). *Современ. обзоръ*. *Графъ де-Ризооръ*, др. Сарду. *Въ царствѣ поэтовъ*, к.-ф. В. Корнеліевой. *Осенью*, карт. Коппай (геліогравюра). *Новенькая*, карт. Э. Я. Шансъ (фотот.). *Большой художникъ*, карт. А. М. Корина (фотот.). Е. К. Мравина, гравюра В. В. Матъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 г.—10 р., съ дост.—12 р. Отдѣльные №№ по 2 р.
Подписки на 1892 годъ продолжается.

Вышелъ № 19 (ноябрь) журнала „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“. Содержаніе: *Бываетъ*, ком. въ 4 д. Н. В. Казанцева. *Загадка. Шато-Иксель. Устройство*. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. Подписка (за годъ—3 р., съ перес.—4 р.) принимается ТОЛЬКО отъ подписчиковъ на журналъ „Артистъ“. Отдѣльные №№ по 1 руб. Редакція (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ

на ежедневную газету

ДОНСКАЯ ПЧЕЛА

(ГОДЪ XVIII).

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Приазовья, Донской области и Сѣвернаго Кавказа; разработка вопросовъ, касающихся экономической жизни этихъ районовъ, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текуція явленія и мѣстные новости.

Жизнь окружающихъ городовъ и другихъ сосѣднихъ мѣстностей въ „Донской Пчелѣ“ имѣетъ всегда обширное мѣсто.

Торговый отдѣлъ „Донской Пчелы“ доведенъ до самыхъ широкихъ размѣровъ; коммерческія свѣдѣнія, цѣны ростовскаго, таганрогскаго, новороссійскаго и другихъ торговыхъ рынковъ. Этотъ отдѣлъ особенно важенъ для всего торговаго міра Кубанской, Донской, Терской областей, Екатеринославской, Воронежской и Ставропольской губерній, гдѣ „Донская Пчела“ уже успѣла получить достаточную извѣстность, какъ необходимое подспорье для торговыхъ сдѣлокъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 к., на 1 мѣсяць—1 р.

За перемѣну адреса взимается 30 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи „Донской Пчелы“, въ Ростовъ на-Дону.

Контора покорнѣйше проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, написавъ свои полные адреса четко и разборчиво.

ПРЕМИА. Всѣмъ годовымъ подписчикамъ, приславшимъ до 20 декабря сего 1892 г. подписныя деньги за 1893 годъ, будетъ разосланъ бесплатно Донско-Азовскій русско-армянскій КАЛЕНДАРЬ на 1893 г.

Редакторъ-издатель И. А. ТЕРЬ-АБРАМАНЪ.

Въ 1898 году

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

ГАЗЕТА

политическая, литературная и экономическая

будетъ выходить

Е Ж Е Д Н Е В Н О

въ такомъ же большомъ форматѣ, какъ и въ предъидущіе годы.

Открывая подписку на „ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“ на будущій годъ, мы считаемъ излишнимъ давать какія-либо заманчивыя и, въ большинствѣ случаевъ, неисполнимыя обещанія. Дѣло наше, полагаемъ, само за себя говоритъ. Постоянные читатели „Одесскаго Листка“, на глазахъ которыхъ происходилъ его постепенный ростъ, согласятся, что мы не щадили до сихъ поръ никакихъ средствъ и трудовъ, чтобы сдѣлать нашу газету отзывчивой, интересной, живой и разнообразной по содержанию. Мы, какъ и раньше, въ теченіе 19-ти-лѣтняго существованія „Одесскаго Листка“ подъ нашею редакціей, будемъ неуклонно идти по пути улучшеній изданія, держась строго прежняго направленія, которое хорошо знакомо читающей публикѣ.

В Н И М А Н І Е .

Желая предоставить нашимъ подписчикамъ возможность **БЕЗПЛАТНО** знакомиться съ русской и иностранною прессой, мы, не останавливаясь предъ громадными затратами, открыли при редакціи **КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ**, въ которомъ въ 1898 году будетъ получаться до 500 названій русскихъ, славянскихъ, польскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, англійскихъ, испанскихъ, греческихъ и другихъ газетъ и журналовъ, спеціальныя научныя изданія, а равно новыя романы, повѣсти, рассказы, какъ русскіе, такъ и иностранные.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА газеты съ правомъ бесплатнаго чтенія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, получаемыхъ въ кабинетъ для чтенія, въ городѣ съ доставкой на домъ—10 руб. въ годъ, 6 руб.—полгода, 3 руб. 50 коп.—три мѣсяца, 1 руб. 20 коп.—мѣсяцъ. На города съ ежедневною высылкой по почтѣ: 12 руб.—въ годъ, 7 руб.—полгода, 3 руб. 80 к.—три мѣсяца, 1 руб. 30 коп.—мѣсяцъ.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ: въ Одессѣ, по Ланжероновской улицѣ, въ домѣ редактора-издателя В. В. Навроцкаго, рядомъ съ Городскимъ театромъ.

Редакторъ-издатель В. В. НАВРОЦКІЙ.

Въ пользу голодающихъ и пострадавшихъ отъ холеры поступило въ продажу въ книжн. магаз. «Новаго Времени», Карбасникова, Стасюлевича, Анисимова и друг. только-что вышедшее въ свѣтъ

ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ НОВОЙ КНИГИ ИЗЪ ЭПОХИ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ.

Историческія справки Гр. Джаншиева.

Стр. XXXIX+383.

СОДЕРЖАНИЕ: Великій князь Константинъ Николевичъ † 13 января 1892 г.—I. Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе.—II. Роль тверского дворянства въ крестьянской реформѣ.—III. Отмѣна тѣлеснаго наказанія.—V. Цевзурная реформа 6 апрѣля 1865 г.—VI. Первые шаги безцензурной печати.—VII. Судебныя Уставы Александра II.—VIII. Предтечи гласнаго суда.—IX—X. Открытіе „новаго суда“ въ столицахъ и въ провинціи.—XI. Учрежденіе мирового суда.—XII. Возникновеніе московскаго юридическаго общества.—XIII. 25-ти-лѣтіе „Вѣстника Европы“.—XIV. Юбилейныя справки: а) В. Д. Спасовичъ, б) В. А. Арцимовичъ, в) Н. И. Стояновскій д) А. М. Унковскій.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Складъ изданія въ конторѣ „Русскихъ Вѣдомостей“.

ОТКРЫТА ПОДПСКА на 1893 годъ

(XII годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

РОДНИКЪ

и педагогическій листокъ

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ

(подъ редакціей *Е. Сысоевой и Александра Альмедингена*).

„Родникъ“ въ 1893 г. будетъ издаваться подъ тою же редакціей, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 11 лѣтъ.

„Родникъ“ выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Содержаніе „Родника“ составляютъ: I. Стихотворенія, повѣсти, рассказы и сказки.—II. Біографія замѣчательныхъ людей.—III. Историческіе очерки.—IV. Статьи научнаго содержанія по различнымъ областямъ знанія.—V. Очерки изъ современной жизни.—VI. Смѣсь (мелкія статьи).—VII. Игры, занятія, загадки и проч.

„РОДНИКЪ“ рекомендованъ и одобренъ ученымъ и учебнымъ комитетами минис. народн. просв., Святѣйшаго синода, собственной *Е. И. В.* канцеляріи по учрежденіямъ императрицы *Маріи и главн. управл. военно-учебныхъ заведеній*. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ общества трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 г. Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе“.

Условія подписки на 1893 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой:	На годъ.	На 6 м.	На 3 м.
На одинъ „Родникъ“	5 руб.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На „Родникъ“ и педагог. лист. „Воспит. и Обученіе“	6 „	3 „ — „	1 „ 50 „
За границу.	8 „	4 „ — „	2 „ — „
Отдѣльно на педагог. лист. „Воспит. и Обученіе“	2 „	1 „ — „	— „ 50 „

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская, 27. Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невск. Пр., 106, при „Русскомъ книжномъ магазинѣ“ Н. Н. Морева.

6-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 г.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

ВѢСТНИКЪ

русскаго сельскаго хозяйства.

Съ 1 января 1893 г., согласно разрѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ, „Вѣстникъ“ будетъ выходить еженедѣльно (52 номера въ годъ).

Сотрудники журнала: *русскіе сельскіе хозяева-практики, профессора и специалисты по всемъ отраслямъ сельскаго хозяйства.*

Въ „Вѣстникѣ“ помѣщаются статьи: руководящія по текущимъ вопросамъ хозяйства, сельско-хозяйственная экономія, полеводство и луговоеводство, молочное хозяйство и скотоводство (главный сотрудникъ Николай Васильевичъ Верещагинъ), сельско-хозяйственные машины и орудія, техническія производства, садоводство, огородничество, коневодство, овцеводство, птицеводство, пчеловодство и статьи по мног. друг. отраслямъ хозяйства.

Редакція въ теченіе года даетъ бесплатныя приложенія (сѣмена) и помѣщаетъ въ журналъ бесплатно отвѣты на вопросы хозяевъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Статьи по всемъ отраслямъ сельскаго хозяйства.—Корреспонденція.—Хроника.—Библиографія.—Вопросы и отвѣты.—Торговыя извѣстія.—Объявленія.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ перес. Безъ перес.

На годъ, съ 1-го января.	6 р.	5 р.
» полгода.	4 »	3 »

На годъ съ пересылкою за границу—7 руб.

Отдѣльный номеръ—20 к., а съ заказною пересылкою—30 к.

Цѣна полнаго экземпляра „Вѣстника“ за 1892, 1891, 1890 и 1889 годы по 5 руб. за каждый годъ съ пересылкой.

Подписка и объявленія принимаются въ редакціи журнала: Москва, Леонтьевскій пер., д. Аржаневскихъ, № 2, а также и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

За напечатаніе объявленій платится за строку мелкаго шрифта по 10 к. за каждый разъ. Длина строки $2\frac{1}{4}$ верш.

За пересылку при журналѣ преисъ-курантовъ, каталоговъ, объявленій взимается по 70 к. отъ каждой сотни экземпляровъ, вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ; за каждый добавочный лотъ—по 30 к. съ сотни экземпляровъ.

За перемѣну адреса городского на иногородній или обратно платится 1 р., если перемѣна сдѣлана въ первой половинѣ года, и 60 к.—во второй половинѣ; за перемѣну городск. и иногород. на иногород.—20 к.

Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ журналъ, могутъ быть сокращаемы. Статьи, доставленныя безъ всякихъ условій относительно вознагражденія за нихъ, считаются бесплатными.

О новыхъ книгахъ по сельскому хозяйству, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Редакторъ-издатель И. П. ПЕТРОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА

общественную, литературную и политическую газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящую въ Казани ежедневно, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ.

Одиннадцатый годъ изданія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ вопросамъ.

Обзоръ текущей прессы и журналистики.

Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Камскаго и Приволжскаго края. Казанская хроника: земство, городъ, заведенія ученыхъ обществъ, увеселенія проществія и проч.

Судебная хроника.

Библиографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концерты, музыкальные вечера и проч.

Ежедневное обозрѣніе текущей международной жизни.

Наука, литература и искусство.

Сельское хозяйство и промышленность.

Народное образованіе и педагогика.

Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы.

Фельетоны и беллетристика. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, по, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и общедоступныя статьи научнаго содержанія, составленныя специалистами.

Справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

ВЪ «ВОЛЖСКОМЪ ВѢСТНИКѢ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Барановъ, Н. Н. Блиновъ, проф. А. В. Васильевъ, Н. Г. Гаринъ, А. О. Гацискій, В. А. Голышевъ, И. М. Гвоздевъ, проф. О. Г. Дормидонтовъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Залоскинъ, П. В. Засодимскій, проф. В. В. Ивановскій, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, Н. Я. Капустина, проф. Д. А. Корсаковъ, Г. И. Котеловъ, проф. К. М. Леонтьевъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, проф. О. Г. Мищенко, А. Д. Мысовская, проф. Е. А. Невфедьевъ, В. Н. Назарьевъ, Е. П. Назарьева, проф. В. Л. Орловъ, М. А. Плутниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, М. И. Поповъ (Анд. Любый), Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Смутиновъ, проф. И. Н. Смирновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, Е. Н. Чириковъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Н. О. Юшковъ, Н. Н. Фирсовъ и друи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для иногороднихъ съ пересылкой: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на три мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р. Допускается слѣдующая разсрочка платы: при подпискѣ вносятся 5 р., въ 1-му мая—4 р. Для священниковъ, народныхъ учителей и учащихся—льготныя условія подписки.

Гл. иногородніе подписчики требованіе на газету и высылку денегъ благоволятъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань—редакція „Волжскаго Вѣстника“.

Редакторъ-издатель Н. Рейнгардтъ.

Открыта подписка

на ежедневную

ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„К Р Ы М Ъ“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ОДИННАДЦАТЫЙ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И

(Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи):

На 1 годъ	6 р. — 2
„ 1/2 года	4 „ — „
„ 4 мѣсяца	2 „ 75 „
„ 2 „	1 „ 50 „
„ 1 „	— „ 80 „

За перемѣну адреса высылается 40 коп. почтовыми марками.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ г. СИМФЕРОПОЛЬ.

Разсрочка допускается лишь по соглашенію съ редакцій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

на общественно-литературную газету

ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВЫХОДИТЪ въ г. КРАСНОЯРСКЪ, Енис. губ., ЕЖЕНЕДѢЛЬНО:

I. Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ: статьи по городскому и земскому хозяйствамъ, по сельскому хозяйству, экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности.—II. Дѣйствія и распоряженія правительства.—III. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“.—IV. Недѣльная хроника.—V. Судебная хроника.—VI. Торговый отдѣлъ.—VII. Справочныя свѣдѣнія.—VIII. Смѣсь. Ответы редакціи.—IX. Фельетонъ. Романы, повѣсти, рассказы, очерки, сцены и стихотворенія.—X. Объявленія частныя и казенныя.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на четверть года—2 р., на одинъ мѣсяць—1 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Енисейскаго Листка“, собственный домъ, Воскресенская ул., въ Омскѣ—въ книжномъ магазинѣ Александра и въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная без предварительной цензуры.

„Русская Жизнь“ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя приемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ, попрежнему, слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать аужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „Русская Жизнь“ была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: на годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣс.—3 р., одинъ мѣс.—1 р.; для городскихъ—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; за границу: на годъ—17 р., полгода—9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менее 1 рубля ежемесячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ газета высылается бесплатно со дня получения въ главной конторѣ подписныхъ денегъ по 1 января 1893 года: годовымъ—въ теченіе ноября и декабря, полугодовымъ—въ теченіе декабря.

Иногороднимъ, желающимъ ознакомиться съ „РУССКОЮ ЖИЗНЬЮ“, газета высылается въ теченіе одного мѣсяца (ноября или декабря) за восемь семикопѣчныхъ марокъ.

Главная контора—С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.

Редакторъ-издатель А. ПОРХОВЩИКОВЪ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА

Виленскій Вѣстникъ.

„Виленскій Вѣстникъ“—газета политическая и литературная, выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣдпраздничныхъ.

Эта единственная газета сѣверо-западнаго края, имѣя свою задачей слѣдить, главнымъ образомъ, за явленіями этой окраины нашего отечества, даетъ разнообразныя свѣдѣнія политической и гражданской жизни народовъ, для чего редакция имѣетъ достаточное количество специальныхъ корреспондентовъ и телеграфное агентство.

Для мѣстныхъ жителей 9-ти губерній западнаго края „Виленскій Вѣстникъ“ имѣетъ особый интересъ, такъ какъ въ немъ помѣщаются всѣ свѣдѣнія по правительственнымъ распоряженіямъ, назначеніямъ, наградамъ и т. п. и что особенно важно

для гг. подрядчиковъ и поставщиковъ

въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ печатаются обязательно всѣ безъ исключенія объявленія всѣхъ военныхъ и гражданскихъ правительственныхъ мѣстъ и учреждений о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ по девяти губерніямъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Волынской.

Кромѣ того, будетъ обращено вниманіе на беллетристическій отдѣлъ: будутъ помѣщаться оригинальныя и переводныя повѣсти.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой въ Вильнѣ: на 1 годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 м.—1 р. 50 к., на 1 м.—60 к. *Съ пересылкой въ другіе города:* на годъ—8 р., на 11 м.—7 р. 50 к., на 10 м.—7 р., на 9 м.—6 р., на 8 м.—5 р. 50 к., на 7 м.—5 р., на 6 м.—4 р., на 5 м.—3 р. 50 к., на 4 м.—3 р., на 3 м.—2 р., на 2 м.—1 р. 30 к., на 1 м.—1 р.

Подписка принимается съ перваго числа каждаго мѣсяца въ редакціи „Виленскаго Вѣстника“, д. Пречистенскаго собора.

Редакторъ-издатель П. БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

ВЫШЛА НОЯБРЬСКАЯ КНИГА ЖУРНАЛА

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ

СОДЕРЖАНИЕ: „Цѣль человѣческой жизни“. В. Розанова.—„Къ вопросу о сознаніи“. Ф. Харитоновъ.—„Позитивизмъ Конта“. А. Козлова.—„Основаніе нравственнаго долга“. Н. Грота.—„Фридрихъ Ницше“. „Критика морали альтруизма“. В. Преображенскаго.—„Смыслъ любви“. Вл. Соловьева.—„Основатель системы трансцендентальнаго монизма“. А. Вегденскаго.—„Второй международный конгрессъ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ“. В. Чижа.—„Вопросы зоопсихологіи“. В. Валлера.—„Законъ перцепціи“. Н. Ламе.—Критика и библиографія.—Психологическое общество.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала (Москва, Покровка, Мал. Успенскій пер., д. Абрикосовой № 8) и у всѣхъ книгопродавцевъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1892 г. по 1-е января 1894 года) безъ доставки—7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой—8 р., за границу—9 р. 50 к., при этомъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб. и не позже 1 марта 1893 г.—остальные.

На годъ (съ 1-го января 1893 г. по 1-е января 1894 г.): безъ доставки—6 р., съ доставкой и пересылкой—6 р. 50 к., за границу—7 р. 50 к.

Подписка по 1-е ноября 1893 г. НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Члены психологическаго общества, учащіеся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Редакторъ проф. Н. Я. Гротъ.

Издатель А. А. Абрикосовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА

Астраханскій Листокъ

съ приложеніемъ для годовыхъ подписчиковъ

РЫБНАГО ДѢЛА.

Годъ изданія двадцать восьмой.

Выходитъ ежедневно полнымъ листомъ, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для иногороднихъ:

На годъ	7 р. 50 к.
„ полгода	5 „ — „
„ 3 мѣсяца	3 „ 25 „
„ 1 мѣсяць	1 „ 25 „

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Астраханскаго Листка“, Эспланадная улица, д. Красновой (противъ Государственнаго банка), и въ Прикаспійскомъ магазинѣ, уголъ Ахматовской и Табачнаго ряда, д. Агамжанова.

Редакторъ-издатель Н. Л. РОСЛЯКОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ
ПРИАЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ГОДЪ XII).

Въ 1893 году газета будетъ выходить въ форматѣ большого печатнаго листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по слѣдующей программѣ.

1. Мѣстный отдѣлъ: Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстные извѣстія. 2. Внутренній отдѣлъ: Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, корреспонденція и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Приазовскаго края, Донской области и другихъ мѣстъ. 3. Иностранный отдѣлъ: Свѣдѣнія о наиболее выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4. Судебная хроника. 5. Смѣсь. 6. Фельетоны: Статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. 7. Исторія края. 8. Справочный Отдѣлъ. 8. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12м.	11м.	10м.	9м.	8м.	7м.	6м.	5м.	4м.	3м.	2м.	1м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки	6—	5 50	5 25	4 75	4 50	4—	3 50	3—	2 75	2 25	1 50	—75
Съ дост. и пересылк.	7—	6 50	6—	5 50	5—	4 50	4—	3 50	3—	2 50	1 70	—85

Подписка принимается въ Таганрогѣ исключительно въ конторѣ редакціи, Николаевская улица, № 5-й.

Редакторъ М. Красновъ.
Издатель А. Мироновъ.

ВЪ «РУССКОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ»

Н. Н. МОРЕВА

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 106) и во всѣхъ другихъ главныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ находится въ продажѣ

ПОМОЧЬ,

вологодскій литературный сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Содержаніе книги: I. Беллетристика: „Набросокъ“ М. Н. Альбова, „Живое золото“ К. С. Баранцевича, „Позолотинъ“ П. И. Добротворскаго, „Какъ родные братья“ Н. Н. Златовратскаго, „Прерванный разговоръ“ Д. Л. Мордовцева, „Молодца!“ Н. А. Соловьева-Несмѣлова, „Камень“ Н. М. Ядринцева и друг.—II. Стихотворенія: Натана Гаскеля Доля (американскаго поэта, въ переводѣ съ рукописи—Д. Л. Михаловскаго, К. М. Фофанова и А. А. Коринескаго), О. Д. Дрожжина, А. В. Крулова, Аполлона Коринескаго, Вл. П. Лебедева, Л. М. Медведова, Д. С. Мережковскаго, А. К. Михайлова-Шеллера, Дм. Никол. Садовникова (†), Владимира С. Соловьева, К. М. Фофанова, А. М. Федорова и друг.—III. Статьи: „Великій человѣкъ нашего времени“ Я. В. Абрамова, „Теорія прогресса“ В. Балмашева, „Общественное движеніе“ Эдуарда Беллами (автора книги „Черезъ сто лѣтъ“, переводъ съ рукописи, присланной для сборника), „Равныя права и общія права“ Генри Джорджа (перев. Льва Никол. Толстого, по рукописи, присланной для сборника), „Арена быстрой жизни“ (Письмо изъ Америки) В. Н. Макъ-Гэханъ, „Пророкъ мертваго дома“ М. К. Николаевой (псевдон.), „Естественно-разумное питаніе“, д-ра В. О. Португалова, „Процессъ творчества“ К. К. Саратанова, „Взаимное отношеніе между принципами гармоніи и нравственной свободы“ К. Вентцеля, „Страница изъ исторіи земли“ А. А. Святкова, „Черты современнаго быта“ А. А. Тарутина и друг.

ЦѢна 1 руб. 50 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ГРОСМАНЪ и КНЕВЕЛЬ

(МОСКВА, Петровскія линіи, № 13)

предлагаетъ слѣдующія богато иллюстрированныя, совершенно новыя изданія по значительно удешевленнымъ цѣнамъ:

Album moderner Meister in Heliogravure (Альбомъ современныхъ художниковъ въ фотогравюрахъ). Это снимки съ картинъ современныхъ художниковъ: Маккарта, Каудбаха, Семирадскаго, Дефреггера, Грюннера, Края, Брандта, Пиллоти и т. д. Цѣна этому альбому (24 хелиогравюры въ папкѣ) *вмѣсто 30—только 15 р.*

Figaro Salon (снимки съ картинъ парижскихъ выставокъ) за 1883, 1889, 1890, 1891 и 1892 года; за всю коллекцію *вмѣсто 30—только 15 р.*, за одинъ годъ *вмѣсто 6—только 3 р.* и за отдѣльный выпускъ *вмѣсто рубля—только 50 к.*

St.-Pierre, Paul et Virginie съ иллюстраціями Maurice Leloir.

André Theuriet, Nos oiseaux съ рисунками Giascomelli. Эти два тома, въ роскошныхъ переплетахъ, предлагаемъ *вмѣсто 15—только 8 р. за томъ*; безъ переплета—*6 руб.*

André Theuriet, Le secret de Gertrude въ роскошномъ переплетѣ, съ иллюстраціями Emile Adan. *Вмѣсто 21—только 10 руб.*

D'après François Boucher, прекрасный альбомъ, содержащій 20 рис. съ текстомъ Louis Enault, *вмѣсто 15—только 8 р.*

Goncourt, L'art du XVIII siècle 2 тома, брошюрованные съ 70 рисунками, *вмѣсто 80—только 40 р.*

Titien, par Georges Lafenestre, *вмѣсто 50—только 32 р.*

Pougin, Dictionnaire historique et pittoresque du théâtre содержитъ 100 гравюръ и 8 хромолитографій, *вмѣсто 20—только 10 р.*

Adolphe, Jullien. La comédie à la cour, *вмѣсто 12 р. 50 к.—только 6 рублей.*

Cesare Vecellio, Costumes anciens et modernes, съ французскимъ и итальянскимъ текстомъ, 4 тома, брошюрованные, *вмѣсто 15—только 10 р.*

Victor Hugo. Le livre d'or, *вмѣсто 50—только 28 р.*

Moritz Thausing, Albert Dürer, sa vie & ses oeuvres, *вмѣсто 20—только 10 р.*

Le magazine illustré de la famille Тутъ помѣщены романы, повѣсти, сказки, рассказы и т. д., *вмѣсто 7 р. 20 к.—только 2 р. 50 к.*

Histoire de Napoléon par M. de Norvins, *вмѣсто 5—только 3 р. 50 к.*

Французскіе романы *вмѣсто 1 р. 60 к.—только 75 к.*

Дѣтскія книги на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—по баснословно дешевой цѣнѣ (*отъ 5 к. до 4 р.*).

Нѣмецкія роскошныя изданія и французскіе классики—по очень дешевымъ цѣнамъ.

Альбомы: **Götterdekameron, Das goldene Zeitalter** и **Aphrodite und ihr Gefolge**, *à 3.60.*

Полный каталогъ книгъ по удешевленнымъ цѣнамъ высылаемъ бесплатно.

На-дняхъ выйдетъ въ свѣтъ *нашъ богато иллюстрированный рождественскій каталогъ*, который мы разошлемъ нашимъ покупателямъ, живущимъ въ Москвѣ, *бесплатно*; живущихъ въ провинціи покорѣннѣе просимъ выслать на почтовые расходы *40 к.* (марками).

ГРОСМАНЪ и КНЕВЕЛЬ въ Москвѣ.

Петровскія Линіи, № 13.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ

на издающуюся въ Ростовъ-на-Дону ЕЖЕДНЕВНУЮ политическую, экономическую, литературную и коммерческую газету

Приазовскій Край.

Газета выходитъ ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ, большимъ форматомъ, по программѣ большихъ столичныхъ политическихъ и литературныхъ газетъ.

Условія подписки въ Россіи: безъ доставки на 12 мѣс.—8 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на мѣс.—80 к.; съ доставкой и перес.: на 12 мѣс.—9 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р.

За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 50 коп. въ мѣсяцъ.

Разсрочка платежа годовой подписной цѣны допускается по соглашенію съ конторой. Вносы по разсрочкѣ производятся: при подпискѣ—3 руб., 1 мая—3 руб. и 1 августа—3 руб.

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца текущаго года.

Деньги и письма адресуются: въ Ростовъ-на-Дону, въ контору газеты «ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

(пятнадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ политическую и литературную газету

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.

(50 №№ въ годъ).

Выходитъ по воскресеньямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб. 50 коп.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, именно: за годъ—4 руб., за полгода—2 руб. 50 коп.

Газета въ 1893 г. будетъ вестись по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ и въ прошломъ году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій Пр., д. № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ.
Редакторъ П. Н. Галинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ

26-й годъ.

ДОНЪ

XXVI годъ.

(ВЪ ВОРОНЕЖЪ)

на 1893 годъ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Съ 1893 года газета „Донъ“ начинаетъ второе 25-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 25-тъ лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1893 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обещаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты, то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полг.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставк. въ Воронежъ	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— р. 75 к.
Съ пересылк. въ другіе города . . .	7 руб.	4 „ — „	2 „ 50 „	1 „ — „

Открыта подписка на 1893 годъ

Н А

ТЕРСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Съ 1892 года газета «Терскія Вѣдомости» выходитъ

ТРИ раза въ недѣлю,

по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, и заключаетъ въ себѣ попрежнему два отдѣла: офиціальный и неофиціальный. Въ офиціальномъ отдѣлѣ газеты печатаются текущія распоряженія правительства и мѣстной администраціи, а также казенныя объявленія.

Неофиціальная часть значительно расширена и дополнена.

ОНА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ СЛѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛЫ:

1) Руководяція статьи; 2) Хронику: а) общую, заключающую въ себѣ извѣстія, касающіяся интересовъ всего края, б) городскія извѣстія, происшествія и судебную хронику, в) извѣстія изъ области; 3) Свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ въ Ростовѣ, Новороссійскѣ и на важнѣйшихъ рынкахъ Терской области; 4) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣст области; 5) Матеріалы по вестороннему изслѣдованію области; 6) Научный фельетонъ. (историческій, статистико-экономическій, сельско-хозяйственный, этнографическій и т. п.), фельетонъ путешествій и обыденной жизни; 7) Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ мѣстнымъ вопросамъ; 8) Практически-полезныя свѣдѣнія; 9) Телеграммы Сѣвернаго Агентства; 10) Справочныя свѣдѣнія и частныя объявленія.

Газета будетъ выходить въ объемѣ 1 печатн. листа, а послѣ праздничныхъ дней въ полулистовомъ объемѣ.

Условія подписки остаются безъ измѣненія:

годовая плата для обязательныхъ и необязательныхъ подписчиковъ, съ пересылкою и доставкою на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. и на одинъ мѣсяць 85 к. Подписка принимается какъ отъ городскихъ, такъ и отъ иногороднихъ подписчиковъ въ областномъ правленіи и въ редакціи.

Редакторъ неофиціального отдѣла **Е. Д. Максимовъ.**

1893.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политико-общественную, литературную и торгово-промышленную газету

Астраханскій Вѣстникъ,

издаваемую въ форматѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ газетъ и по ихъ программѣ, а именно:

ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ, посвященныя обсужденію различныхъ вопросовъ края.

II. СТАТЬИ и СООБЩЕНІЯ, посвященныя изученію и разработкѣ вопросовъ торгово-промышленныхъ, городскихъ и сельско-хозяйственныхъ.

III. МНѢНІЯ ПЕЧАТИ по вопросамъ, касающимся края, а также нефтяного, рыбнаго и соляного промысловъ, судоходства и проч., съ критическою оценкой ихъ.

IV. МѢСТНАЯ ХРОНИКА: дѣйствія и распоряженія правительства, касающіяся края, мѣстныя административныя распоряженія, перемены по службѣ, происшествія; отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, ученыхъ обществъ и проч.

V. ТОРГОВЫЙ ОТДѢЛЪ: свѣдѣнія и сообщенія о торгово-промышленныхъ оборотахъ, цѣнахъ на разные товары; фрахты; ярмарочныя свѣдѣнія.

VI. СУДЕБНЫЙ ОТДѢЛЪ: отчеты о засѣданіяхъ.

VII. ТЕЛЕГРАММЫ Сѣвернаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ.

VIII. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ изъ разныхъ мѣстъ губерніи, приволжскихъ и прикаспійскихъ городовъ.

IX. ТЕКУЩАЯ ЖИЗНЬ: извлеченія изъ газетъ разныхъ выдающихся явлений общественной жизни.

X. ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

XI. ТЕАТРАЛЬНАЯ и МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

XII. ФЕЛЬЕТОНЪ: повѣсти и рассказы, какъ оригинальные, такъ и переводные; обзорные журналовъ и критическій разборъ статей, въ нихъ помѣщаемыхъ.

XIII. СМѢСЬ: факты изъ сферы изслѣдованій, изобрѣтеній, открытій; историческіе и другіе анекдоты и проч.

XIV. СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ: календарн. свѣд., почтово-телеграфныя, афиши и проч.

XV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Стремясь доставить подписчикамъ занимательное и постоянное чтеніе, редакція приготовила для ежедневнаго печатанія въ „Астраханскомъ Вѣстникѣ“ въ теченіе 1893 г. *серію оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, рассказовъ и очерковъ* (въ томъ числѣ и для дѣтскаго чтенія).

По отдѣламъ общей и мѣстной хроники, кромѣ разнообразнѣйшихъ извѣстій, репортерскихъ отчетовъ, замѣтокъ и т. д., будетъ данъ рядъ передовыхъ статей, касающихся главнѣйшихъ текущихъ вопросовъ общерусской жизни и жизни нашего края, причемъ особенное вниманіе „Астраханскій Вѣстникъ“ посвятитъ дѣламъ городского самоуправленія, попрежнему стараясь быть на сторонѣ общественныхъ интересовъ и всесторонне выяснять хозяйственное положеніе какъ города Астрахани, такъ и другихъ городовъ губерніи.

Отдѣлъ корреспонденцій, растущій прогрессивно, будетъ расширяться и въ наступающемъ году.

Торгово-промышленному отдѣлу будутъ посвящены особыя заботы редакціи. Въ этотъ отдѣлъ, кромѣ оригинальныхъ статей, войдетъ и все главное, что появится въ спеціальной печати по части рыбныхъ, соляныхъ, нефтяныхъ и друг. промысловъ, скотоводства, винодѣлія и друг. родовъ сельско-хозяйственной дѣятельности, причемъ всѣ статьи будутъ изложены общедоступнымъ языкомъ, болѣе понятнымъ, чѣмъ принятый въ спеціальныхъ журналахъ и газетахъ. Оптовые и розничныя цѣны на главнѣйшіе товары, обращающіеся на астраханскомъ и друг. рынкахъ, а также ежедневныя телеграфическія свѣдѣнія о курсахъ и фондахъ петербургской биржи найдутъ себѣ мѣсто въ отдѣлѣ рынковъ и биржи.

Фельетоны, какъ и отдѣлъ „Мѣстныхъ отголосковъ“, попрежнему будутъ посвящены преимущественно мѣстной жизни.

Въ альбомѣ напечатана будетъ, какъ и прежде, масса оригинальныхъ и заимствованныхъ мелкихъ беллетристическихъ и историческихъ разсказовъ, этюдовъ, сценъ и т. п.

Судебная хроника, ведущаяся въ „Астраханскомъ Вѣстникѣ“ лицами специально свѣдущими въ юриспруденціи, сохранить свой характеръ возможной полноты, точности въ изложеніи фактовъ и правильности юридическаго языка.

Телеграммы „Сѣверн. Тел. Аг.“ и отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Разныя разности: новости наукъ и искусствъ; мелкіе разсказы, анекдоты, казусы, домашняя рецептура и проч.

Справочный отдѣлъ подъ названіемъ „Мѣстный справочный листокъ“ расширяется настолько, чтобы оправдать свое названіе: календари—церковный (русскій и армянскій) и историческій, анонсы о зрѣлищахъ, метеорологич. свѣдѣнія и мн. др.

Объявленія печатаются въ „Астрах. Вѣстникѣ“ по льготному тарифу, что въ связи съ большою распространенностью газеты среди астраханской читающей публики представляетъ публикующимъ значительныя выгоды.

Подписка принимается въ конторахъ редакціи въ Астрахани, при паровой новой Русской типографіи (Пароходная ул., соб. домъ) и въ домѣ Рѣпина, уголъ Табачнаго ряда и Эспланады. улицы.

Подписная цѣна съ доставкой въ Астрахани: за годъ—7 р., за полгода—4 р., за три мѣсяца—2 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города: за годъ—7 р. 50 к., за полгода—5 р. и за три мѣсяца—3 р. 50 к.

Допускается РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1 июля—2 р. и къ 1 сентября остальныя, а также по соглашенію съ конторой: при подпискѣ—2 руб. и по 1 рублю къ 1 числу каждаго мѣсяца до мая включительно.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ *новые годовые* подписчики, внесшіе полную годовую плату, будутъ получать газету *со дня подписки* до конца года

—● Б Е З П Л А Т Н О . ●—

Русская Мысль, кн. XII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ

(7-й годъ изданія).

Донская Рѣчь.

Газета Донского края.

Выходитъ три раза въ недѣлю и четыре въ исключительныхъ случаяхъ.

Программа: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донского края и соседнихъ губерній, фельетоны, очерки, разсказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ теченіе шести лѣтъ изданія редакціи постоянно стремилась ко всестороннему улучшенію газеты, чему будетъ слѣдовать и теперь. Какъ и въ минувшіе годы, въ газетѣ „Донская Рѣчь“ читатели найдутъ свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція въ настоящее время имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ каждомъ болѣе населенномъ пунктѣ области. Свѣдѣнія изъ С.-Петербурга сообщаются специальнымъ корреспондентомъ. Держась вышеприведенной программы, редакція въ настоящемъ году помѣститъ, между прочимъ, рядъ статей, касающихся военнаго быта козаковъ, экономическаго положенія края, рядъ очерковъ, разсказовъ и набросковъ изъ современной и прошлой жизни области и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 3 мѣс.—2 руб. на 1 мѣс.—1 руб.

Адресъ: Губочеркаскъ, въ редакцію „Донской Рѣчи“.

Редакторъ-издатель *Ив. Поповъ*.

ОТКРЫТА на 1893 г. ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО

(С.-Петербургъ, Литейный Пр., № 24).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ дост. и перес.—9 р., безъ дост.—8 р.; за границу—10 р.; на полгода съ дост. и перес.—5 р., безъ дост.—4 р.

Въ журналъ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Анпенскій, С. Ак-скій, Ю. Антоновскій, Д. Анучинъ (проф.), Н. Астыревъ, К. Баранцевичъ, А. Барыкова, Ю. Безродная, И. Болдаковъ, В. Быстрешинъ, В. В., Н. Гаринъ, Б. Глинскій, Г. Джаншиевъ, А. Н. Деревницкій (проф.), П. Добровольскій, П. Засодимскій, Н. Златовратскій, И. И. Ивановъ (проф.), А. Каменскій, Н. И. Карѣвъ (проф.), Е. Карповъ, Н. Карышевъ, М. М. Ковалевскій, Е. Ковалевскій, В. Кротковъ, В. Короленко, В. О. Ключевскій (проф.), С. Кривенко, П. Ф. Лесгафтъ (проф.), В. Лесевичъ, А. Луговой, Д. Маминъ-Сибирякъ, В. Ладыженскій, М. Луницкая, Г. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Н. Михайловскій, Д. Михаловскій, П. Мокиевскій, Н. Наумовъ, Е. Некрасова, Л. Нелидова, Л. Оболенскій, А. Ольхинъ, О. Н. У., П. Отоцкій, П. Перцевъ, А. Погожевъ, Г. Потанинъ, П. Потапенко, А. Пругавинъ, Эли Реклю, Н. Рубакинъ, А. Селивановъ, В. И. Семевскій, А. Скабичевскій, А. Слѣпцовъ, Е. Соловьевъ, К. Станюковичъ, Н. И. Стороженко (проф.), В. Тимирязевъ, А. Шабельская, Гл. Успенскій, Н. Хохловъ, А. Эртель, С. Южиковъ, Н. Ядринцевъ, В. Г. Яроцкій (проф.) и друг.

Въ вышедшихъ №№ «Русскаго Богатства, между прочимъ, помѣщено: Н. Гарина—«Дѣтство Темы», «Ицка и Давыдка», «Подъ вечеръ»; В. Дмитриевой—«Прогулка»; Н. Златовратскаго—«Бѣлый старичокъ»; В. Короленка—«Атъ-Даванъ» (изъ сибирской жизни); Д. Мамина-Сибиряка—«Ученое горе»; И. Потапенка—«Задача»; Е. Карпова—«Чариковъ»; Скромнаго писателя—«Безшабашный»; Н. Хохлова—«Забытые», «Богъ забылъ»; Гл. Успенскаго—«Правила самарскаго земства»; Н. П. Карѣва—«Источники историческихъ перемѣнъ»; В. В.—«Попытки обоснованія народничества»; В. Г. Яроцкаго—«Обезпеченіе народнаго продовольствія»; В. Лесевича—«Психологія тиеславія»; О. Н. У.—«Голодовки во Франціи при Людовикѣ XIV»; С. Ан-скаго—«Очерки народной литературы», «Очеркъ каменноугольной промышленности»; Н. Максимова—«Съ береговъ Финмаркена»; П. Мокиевскаго—«Эволюціонная патологія»; А. Погожева—«Апатія голоданія»; Гр. Джаншиева—«Гоненіе на науку»; А. Слѣпцова—«Что такое общее образованіе», «Литература 1891 т.»; П. Отоцкаго—«Полиморфизмъ»; Э. Реклю—«Этнологія»; Г. Спенсера—«Факторы органической эволюціи»; Е. Дюринга—«Цѣнность жизни»; П. Бергера—«Профилактика душевныхъ болѣзней»; Рише—«Черезъ сто лѣтъ». Романы и повѣсти: А. Додэ, П. Бурже, Дюп-де-Мопасана, Ришпена, Киплинга, Уйда, Гумфри, Уордъ, Бьёрнстеръ-Бьёрсона.

Постоянные отдѣлы: «Хроника внутренней жизни»—С. К., «Хроника заграничной жизни»—В. Т., «Новыя книги», «Смѣсь» и проч.

Издательница **Н. В. Михайловская.**

Редакторы: **П. В. Быковъ.**
С. И. Поповъ.

Объ изданіи въ 1893 году
журнала
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ.

Цѣна за годовое изданіе:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки—8 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ перес. въ другіе города—9 р.; за границей—12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 руб.

Листы рѣшеній кассационныхъ департаментовъ сената разсылаются немедленно по выходѣ изъ сенатской типографіи, за время съ 1 января по 31 декабря подписного года.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 4 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб., съ кассационн. рѣшен. 8 руб. и въ июнѣ остальная до подписной цѣны сумма. **Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества** пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т.-е. 4 р. 50 к., а съ кассационн. рѣшен. 8 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», въ С.-Петербургѣ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторахъ журнала — при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: *Анисимова*, рядомъ съ Публичною бібліотекой, *Мартынова*—Б. Морская, 28; въ Москвѣ: *Анисимова*, на Никольской улицѣ, и въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія Линіи, а равно въ конторѣ редакціи.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: за 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1889, 1890 и 1891 гг. по 9 р. за каждый годъ съ пересылкой и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенныя годы—по 2 р. съ пересылкой.

Редакторъ **В. М. ВОЛОДИМІРОВЪ.**

Харьковскія Губернскія Вѣдомости.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія.

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики.—2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ.—3. Мѣстные извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ).—4. Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.).—5. Телеграммы.—6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной).—7. Корреспонденціи.—8. Новости науки, литературы и искусства.—9. Внутреннія извѣстія.—10. Внѣшнія извѣстія.—11. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.).—12. Библиографическія замѣтки.—13. Смѣсь.—14. Справочный отдѣлъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

	12 мѣс.	11 мѣс.	10 мѣс.	9 мѣс.	8 мѣс.	7 мѣс.
Съ пересылкой.	10 р. — к.	9 р. 50 к.	9 р. — к.	8 р. — к.	7 р. — к.	6 р. 20 к.
„ доставкѣ въ Харьковѣ	9 „ 25 „	8 „ 50 „	8 „ — „	7 „ — „	6 „ 50 „	5 „ 50 „
Безъ доставки	8 „ 25 „	8 „ — „	7 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	5 „ 25 „
	6 мѣс.	5 мѣс.	4 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Съ пересылкой	5 р. 75 к.	5 р. — к.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. 10 к.	1 р. 20 к.
„ доставкѣ въ Харьковѣ	5 „ — „	4 „ — „	3 „ 50 „	2 „ 50 „	2 „ — „	1 „ — „
Безъ доставки	4 „ 50 „	3 „ 75 „	3 „ — „	2 „ 25 „	1 „ 50 „	— „ 80 „

ГОДЪ IX. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ IX.

НА

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ ВЪ 1893 ГОДУ.

Въ 1893 году „Сибирскій Вѣстникъ“ выходитъ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ. Въ остальные дни выходитъ, въ предѣлахъ редакціонной возможности, преимущественно по вторникамъ и субботамъ, ПРИБАВЛЕНІЯ—за исключеніемъ дней послѣдпраздничныхъ и времени осенняго и весенняго перерыва почтъ, когда будутъ выпускаться только телеграммы „Сѣвернаго Агентства“ для городскихъ подписчиковъ.

Въ прибавленіяхъ періодически помѣщаются свѣдѣнія о золотопромышленности, заключающія въ себѣ всѣ распоряженія правительства, касающіяся золотого промысла; свѣдѣнія о прискахъ, отошедшихъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и подлежащихъ заявкѣ, и всѣ объявленія горнаго начальства Восточной и Западной Сибири. Кромѣ того, тутъ же помѣщаются торговые свѣдѣнія и курсъ на ассигновки на золото.

Подписная цѣна:

Годъ—9 р., $\frac{1}{2}$ г.—5 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. 25 к.

Подписка принимается: въ Томскѣ—въ конторѣ редакціи „Сибирскаго Вѣстника“, Спасская улица, д. Картамышевой, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Красноярскѣ—библіотека Комарова; въ Иркутскѣ—въ книжномъ магазинѣ Кадесъ и К^о; въ Омскѣ—въ книжномъ магазинѣ Александра и въ Тобольскѣ—у Николая Алексѣевича Большакова.

Изъ городовъ подписчики адресуются исключительно въ Томскъ, въ контору редакціи „Сибирскаго Вѣстника“.

Редакторъ-издатель В. П. КАРТАМЫШЕВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

НИВА 1893 г.

со многими бесплатными приложениями и преміями.

Гг. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1893 года:

52 №№ художественно - литературнаго журнала „Нива“, въ каждомъ № отъ 6—10 рисунковъ и въ теченіе года около 1,500 столбцовъ текста.

12 книгъ ежемѣсячнаго бесплатнаго литературнаго приложения, подъ заглавіемъ „СБОРНИКЪ НИВЫ“, содержащихъ въ себѣ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и проч. лучшихъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, изъ коихъ три книги (за *апрѣль, августъ и декабрь*) будутъ заключать въ себѣ **собранія сочиненій**

М. В. Ломоносова,
Императрицы Екатерины II и
Д. И. Фонъ-Визина.

Каждое собраніе сочиненій будетъ издано въ отдѣльномъ томѣ, подъ редакціей А. И. ВВЕДЕНСКАГО, съ портретами авторовъ, гравированными на стали.

ГЛАВНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ.

Художественный альбомъ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ

10 КАРТИНЪ исполненныхъ fac-simile по оригиналамъ извѣстѣйшихъ художниковъ, а именно: 1) „РУССКАЯ МОЛОДИЦА“, академика С. Ѳ. Александровскаго; 2) „ВЕЧЕРЪ НА НЕВѢ“, А. К. Бенцова; 3) „ЗАПОРОЖЕЦЪ“, С. И. Васильковскаго; 4) „НАХОДНА“, Н. Н. Каразина; 5) „ЦАРЕВНА СОФІЯ ПОЛУЧАЕТЪ У ТРОИЦЫ ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ГОЛИЦЫНА“, К. В. Лебедева; 6) „ЮДИВЪ“, проф. Ганса Макарта; 7) „У ОКОЛИЦЪ“, проф. К. Е. Маковского; 8) „ГЕТМАНЪ“, И. Е. Рупина; 9) „ОХОТА НА ВОЛКА“, проф. Н. Е. Сверчкова; 10) „НА БАШТАНѢ“, акад. К. А. Трутовскаго. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 8 вершк. ширины. Картины разосланы въ изящной папѣ, украшенной аэварелью художника Н. Н. Каразина.

12 №№ бесплатнаго ежемѣсячнаго приложения „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ бесплатнаго ежемѣсячнаго приложения рукодѣльныхъ и вышивальныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

«СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ» на 1893 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всеми вышепоименованными приложениями и преміями:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ—5 руб., съ доставкой—6 руб. 50 коп.
Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Печковской)—6 руб. Съ пересылкой во все города и мѣстности Россіи—7 руб. За границу—10 руб.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ—въ главную контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКСУ), Невскій Пр., № 6.

Находятся въ продажѣ новыя книги:

- Портъ-Тарасконъ.** (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Альфонса Додэ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Сизифъ.** Картинки деревенской жизни Клеменса Юнѳши. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 65 коп.
- Наше сердце.** Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.
- Объ искусствѣ.** Критическія замѣтки В. А. Гольцева. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Гарденины,** ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ А. И. Эртеля. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.
- Щедринъ.** (Критическій опытъ). Н. К. Михайловскаго. Цѣна 1 руб.
- Очерки и рассказы.** Владиміра Короленко. (Пятое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- Слѣпой музыкантъ** (Этюдъ). Владиміра Короленко. (Третье изданіе) Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
- Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго.** Цѣна за два тома 3 р., съ пересылкою 3 р. 80 к.
- О пьянствѣ.** Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстаго: Для чего люди одурманиваются? Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Нашихъ полей ягоды.** Романъ. М. Анютина (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды.** Составилъ докторъ медицины В. С. Богословскій, профессоръ Московскаго университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Вопросы дня и жизни.** В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала
«РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьев-
скій пер., 21).

6724/3

2. K.

Made in Italy

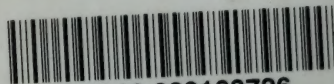
02-576570

8 002919 031109

www.colibrisystem.com

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.705 RUS C001 1892:12
Russkaja mysl.

3 0112 089163726